

Любовь

всегда обещает несбыточное

и заставляет верить

в невозможное

В тебе
МОЯ ЖИЗНЬ...

Марина Ольховская увидела князя Загорского впервые в саду Смольного института, куда молодой офицер проник для тайной встречи с одной из воспитанниц. Юная смолянка после мечтала о нем долгие годы, надеясь, что настанет тот день, когда они соединят свои руки и сердца. Но любовь не всегда бывает взаимной, и Марине придется выучить этот горький урок самостоятельно, едва не потеряв репутацию в свете. Она покидает Петербург по воле обстоятельств на несколько лет, которые она проведет в надежде обрести сердечный покой вдали от света и князя Загорского. Но наступает срок вернуться в столицу и, выполняя свой долг перед семьей, пойти под венец с тем, кого укажут родители. Скрипя сердце, Марина возвращается в город, где когда-то разбились ее мечты, даже не подозревая, какой крутой поворот предстоит вскоре в ее судьбе, и какая роль в этом будет отведена именно тому, кто когда-то украл ее сердце.

Марина Струк

В ТЕБЕ МОЯ ЖИЗНЬ...

Тот августовский вечер был дивно хорош. Так хорош, что хотелось выйти из душного дома в полный вечерней прохлады сад, пройтись сквозь густые сплетения ветвей яблонь и вдохнуть дивный аромат цветника, так сладко дурманивший голову. А если прислушаться, то можно было услышать тихие и слегка грустные напевы крестьянских девушек, прогуливавшихся стайками у речки после дня жатвы в поле.

— Ой, гулены-гулены, — укоризненно качая головой, вздыхала, всякий раз услышав их голоса, Агнешка. — Абы ни нагуляли бы сябе чаго.

— Прикуси язык, Агнешка, — следовал всякий раз за репликой старой няни строгий выговор от Анны Степановны, а молоденькие барышни при этом тихонько хихикали над своим рукоделием и переглядывались, потому уже знали, что речь идет о «жутко непристойном». Лишь Марина не поднимала головы от рукоделия, никак не реагируя на происходящее. Ведь повторялось это из вечера в вечер уже почти три месяца, и она просто-напросто привыкла к этому ежевечернему ритуалу.

Марина сделала последний стежок на вышивке и отложила ее в сторону.

— Маменька, позвольте мне удалиться, работа закончена.

Анна Степановна подняла голову от книги и внимательно посмотрела на старшую дочь. Та не отвела глаз, глядя матери в лицо. Они обе знали, что Марине до смерти надоело сидеть здесь и рукодельничать, что она с большим удовольствием убежала бы в дышащий вечерней прохладой в сад. Тем паче, недавно с почтовой станции привезли письмо для Марины от ее близкой подруги, Жюли Арсеньевой, вот и торопилась Марина скрыться от лишних глаз.

На какое-то мгновение девушке показалось, что мать не позволит ей удалиться, придумав какое-нибудь новое задание, но вот он — короткий, прямо царственный кивок, и она свободна. Быстро опустившись перед маменькой в книксене (Анна Степановна настаивала даже в узком семейном кругу придерживаться манер), Марина прошла в столовую, где на подносе лежало столь желанное письмо Юленьки. Схватив заветную бумагу, девушка уже не стала сдерживать себя и короткими шажками, насколько позволял кринолин, побежала через сад в свое любимое местечко — на качели у старой березы. Она обожала это тихое местечко в саду, где она была скрыта от глаз маменьки и дворни густо разросшимися кустами жасмина и сирени. Только здесь, на этих качелях, она могла остаться наедине со своими мыслями, где она либо просто читала, либо всю предавалась мечтам.

Мечты... Это все, что осталось на удел Марины, старшей дочери мелкопоместного дворянина, имевшего имение столь далеко от столичной жизни и не обладающего ни малейшими средствами, чтобы исправить сие положение. Правда, Марину это обстоятельство скорее устраивало, чем нет. Ей не особо полюбился высший столичный свет, где, по ее мнению, всю процветали жеманность, раболепие перед чинами, титулами и количеством душ, лицемерие, обман...

Зато ее маменьку, в дни ее молодости всю блиставшей на балах Петербурга, невозможность ныне снова стать частью той, другой, такой блестящей жизни, очень расстраивала.

Анна Степановна, мать Марины, была дочерью генерала Гольшева, человека, имеющего высокий чин и небольшое, но достаточное для безбедной жизни состояние. Благодаря своей привлекательной внешности и приданому, она могла претендовать на хорошую партию. Но

на свою беду на одном из балов, она познакомилась с молодым офицером Ольховским. Любовь вскружила ей голову и толкнула на безумства: офицер Ольховский, хоть и происходил из старинного шляхетского рода Белой Руси, но был беден. Все, что у него было, — небольшое имение Ольховка в Минской губернии, не приносявшее особого дохода после войны 1812 года, когда было разграблено французами. Безумством со стороны Анны Степановны было презреть волю батюшки, запретившего ей даже на шаг приближаться к молодому Ольховскому, и бежать с ним из дома. Тайное венчание довершило картину ее падения. Генерал проклял непутевую дочь и поклялся, что никогда она более не переступит порог его дома и не получит ни копейки от него. К несчастью, молодых влюбленных Голышев обещание свое сдержал, и даже рождение детей, его внушек, не смягчило его сердца. Он скончался, так и не простив своей дочери неповиновения, даже не позволив ей проститься с ним перед смертью. Дом и его состояние отошло его бездетной сестре.

Анна Степановна была в отчаянье. Жалование и другие доходы ее мужа были довольно малы: их едва хватало на съём квартиры, содержание небольшого штата прислуги и обеспечение скромного семейного быта. О балах и других развлечениях пришлось забыть: пока был жив генерал Голышев, Анну не приглашали в стремлении угодить ее отцу, а далее — просто забыли о ее существовании, словно ее и не было никогда в их кругу. Это, а также невозможность иметь те блага, что Анна имела до брака, не могли не сыграть свою отрицательную роль в семейной атмосфере дома Ольховских. Молодые все чаще и чаще ссорились, и Ольховский вскоре стал проводить все больше и больше времени вне дома на офицерских вечеринках и кутежах, где и пристрастился к картам. Сначала он играл ради интереса, азарта. Затем он начал ставить на кон более крупные суммы в стремлении поправить свое пошатнувшееся материальное положение, зачастую проигрывая и будучи вынужден оставлять долговые расписки.

Всему, как известно, приходит конец. Наступил и тот страшный день, когда в квартиру, которые снимали Ольховские, постучались многочисленные кредиторы. Анна пришла в ужас — сумма долгов была настолько огромна при их скромных доходах, что, даже продав единственную их собственность, усадьбу Ольховку, они не смогли бы их покрыть. В отчаянии она решилась на последнее, что планировала когда-либо сделать, — обратиться с мольбой о помощи к своей тетке, Софье Александровне, отношения с которой у нее всегда были довольно прохладными, а после того, как Голышев оставил состояние сестре, Анна и вовсе возненавидела родственницу. Но иного пути не было, и Анна отправилась на поклон к тетке, прихватив с собой своих погодок-дочерей Марину и Лизу, чтобы хоть как-то разжалобить старуху.

Скрепя сердце, переступила Анна порог дома, некогда бывшего ей родным и любимым. Дома, который мог быть ее, сложись ее жизнь по-иному. Такая несправедливость судьбы только укрепила ее в ее негативных чувствах к Софье Александровне, которая хоть и прохладно, но любезно приняла ее. Поэтому свою просьбу Анна невольно изложила в таком тоне, словно это она снисходила до тети, а не наоборот.

Недовольная раздраженным видом своей племянницы и ее обвиняющим, резким голосом, Софья Александровна вначале даже было решила отказать («пусть выпутывается, как знает, эта своенравная гордячка», думалось ей), но тут ее взгляд упал на детей, играющих с куклой сидя на ковре гостиной, сердце женщины сжалось.

Обе девочки были столь невинно хороши детской красотой, что захватывало дух. Но старшая своими белокурыми волосами и большими серо-зелеными глазами в отличие от

второй девочки явно пошла в их породу, Голышевых. Она так была похожа на дочь Софьи Александровны, которую та потеряла десять лет назад, что у женщины перехватывало дыхание от невольно накатившей тоски по утерянному счастью. Ей, видно, не суждено было с самого начала стать матерью — муж ее был намного старше ее и скончался через несколько лет после венчания, а их единственный ребенок умер от крупа спустя два года после отца. Софья Александровна очень переживала потерю ребенка и даже было хотела удалиться из мира, но в последний момент поняла, что ей не хватит духа и осталась в миру, пусть даже приживалкой в доме брата, что так явно не нравилось его дочери Анне, которая не раз доводила ее до слез.

Как все переменялось, подумалось без злости и сарказма Софье Александровне. Раньше я была на милости брата и его семьи, а теперь Анна пришла ко мне на поклон.

— Я буду честна с вами, Анна, — начала свою речь Софья Александровна. — У меня нет ни малейшего желания помочь вам. Да, мы с вами связаны родственными узами, и мой долг протянуть вам руку помощи. Но в то же время, я прекрасно помню, как вы легко презрели это родство, как презрели дочерний долг и переступили через волю отца. Все ваши беды от этого, а также от вашего дурного характера. Я всегда говорила вашему отцу, что он слишком балует вас, что слишком многое позволяет вам, и вот каков результат. Но довольно об этом, вы не за нравоучениями сюда пришли, они вам уже ни к чему. Между нами никогда не было сердечной привязанности, но, тем не менее, я помогу вам. Нет, нет, не стоит благодарить меня, — женщина покачала головой, видя, что Анна готова рассыпаться в благодарностях. — Мне не нужна она, как вам не нужны мои нравоучения. Я помогу вам и оплачу все долги вашего супруга. Но у меня есть определенные условия. Во-первых, вы покинете Петербург. Вы прекрасно понимаете, что уже не сможете вести здесь тот образ жизни, который вели ранее. К тому же ваш супруг опять может отдаться здесь своему пагубному увлечению и наделать долгов, которые я уже не имею ни малейшего желания брать на себя. К чему тогда оставаться здесь? У вашего супруга есть собственное имение. Отправляйтесь туда. Да и детям будет намного полезнее расти на деревенском воздухе вдали от столицы. К тому же, поверьте мне, в провинции тоже есть свое общество, в котором вы сможете блистать не менее ярко, чем блистали когда-то здесь.

— Вы сказали свое первое условие, — голос Анны был хриплым и каким-то чужим от нервного напряжения. Подумать только — уехать из Петербурга в какую-то глухомань! Ей, когда-то одной из первых красавиц Петербурга!

— Я не собираюсь с вами разыгрывать из себя добрую родственницу. Но это не касается ваших детей. В конце концов, это мои внучатые племянницы. Поэтому я выделяю вам ежемесячное содержание на детей. Помимо этого, на собственные деньги я приставлю к вашим детям учителей, которые дадут им необходимое образование. Когда они достигнут возраста, я выведу их в свет и выделю им небольшое приданое. Как видите, я более чем великодушна, — Тем временем Софья Александровна нечаянно поймала взгляд старшей девочки и улыбнулась ей. Та растянула свои губы в ответной задорной улыбке, и женщина почувствовала неожиданный прилив нежности к этой малышке. Она перевела взгляд на притихшую племянницу и продолжила:

— Итак, мое второе условие таково: вы привезете сюда в этот дом свою дочь Марину, когда ей исполнится семь лет от роду. Я отдам ее в Смольный, как когда-то отдали на обучение вас. В институте ее научат всему, что должна знать девушка ее происхождения. К тому же там она заведет весьма полезные знакомства, которые, как я думаю, пригодятся ей в

будущем. Пусть хоть одна из рода Гольшевых займет место в свете по праву своей фамилии.

Отдать Марину? Анна посмотрела на дочь, возившуюся с куклой у ее ног. Это означало, что она сможет увидеть своего ребенка только в редкие дни посещений в Смольном и только в стенах института на несколько часов. А восемьсот верст — большое расстояние... Никаких каникул, никаких поездок домой. Ребенок будет расти так далеко от семьи...

Но потом, думала Анна, у меня еще есть Лизонька, а в марте появится еще один ребенок. Марина к тому же была очень активным и шумным ребенком, в отличие от спокойной Лизоньки, и очень часто доводила мать до нервных колик. Единственный, кто хоть как-то справлялся с ней, была няня, пожилая полька Агнешка, в прошлом няня Ольховского, супруга Анны.

— Да, — услышала свой голос Анна. — Я согласна. Мы выполним все ваши условия.

Таким образом, сложилось так, что почти всю свою жизнь Анна Степановна прожила в фамильном имении Ольховских столь далеко от столицы. Она вела довольно бурную светскую жизнь в рамках губернии и слыла местной законодательницей мод. Но все это было ничто по сравнению с блестящей жизнью Петербурга, и это обстоятельство весьма удручало Анну Степановну. Именно поэтому все свои нереализованные мечты она переносила на дочерей. На них у нее возлагалась надежда на возвращение в Петербург, пусть уже не первой красавицы столицы, но *матери* первой красавицы и первой дамы столичного света. По ее мнению, дочери вполне могли рассчитывать на удачную партию: конечно, они не могли принести богатого приданого, но их внешность — тоже была своего рода состоянием и немалым, признаться.

Особенно отличалась Марина. Остальные дочери хоть и не особо блистали красотой, но имели довольно миловидную внешность, на которую было приятно глазу смотреть. Но Марина же...

С самого первого бала после своего выпуска из института она вызывала неизменное восхищение. Стройная, с дивной фигурой, с красивым лицом, на котором сияли большие зеленые глаза, с великолепными белокурыми волосами.

— Нет, не красавица, — злобно шептались, обмахиваясь веерами, многие завистницы. — Но нельзя не признать, удивительно миловидна.

Какие надежды возлагала Анна Степановна на Марину в то время. Как надеялась, что в первый же ее сезон, она станет замужней дамой, мало того — сделает блестящую партию. Сколько достойных кавалеров так и вились вокруг нее, провинциальной почти бесприданницы. Казалось, дай хоть одному из них надежду, и все, предложение не за горами... Так нет же, словно злой рок висит над ее судьбой, — не сбылись ее чаяния и мечты, всех Марина отвадила, никто не по нраву не пришелся. Словно, королева какая...

«А все из-за этой глупой влюбленности...!» — Анна Степановна от злости сильно ткнула иголкой в полотно и невольно злобно шикнула, уколов палец. «Ничего, старая карга сменила гнев на милость, и в сентябре мы вернемся в Петербург. А как приедем, я заставлю дерзкую девчонку подчиниться и наконец-таки выполнить свой долг!»

А Марина же в это время тоже невольно мысленно вернулась в прошлое, держа в руке письмо от подруги, но так и не решаясь его вскрыть. Она боялась того, о чем может прочитать в нем, хотя осознавала, что ее страхи беспочвенны. Предстоящий сезон в Петербурге пугал и радовал ее одновременно. Как она сможет вернуться, зная, что в любой момент может столкнуться с Ним? Как сможет поощрять ухаживания другого, до боли желая, чтобы на месте очередного ухажера был Он?

«Пора, душенька, пора...» — невесело подбодрила себя девушка.— «Уже не первой молодости невеста, так и в девках остаться недолго». Не то, чтобы ее пугала подобная перспектива... Просто она прекрасно была осведомлена о планах маменьки на ее счет, знала, что именно ее удачное замужество откроет сестрам возможности составить свое счастье. А раз так, значит, она обязана принести себя на этот «жертвенный» алтарь.

С такими мыслями Марина вскрыла письмо Юленьки, своей лучшей и, признаться, единственной подруги со времен Смольного института.

«Ma chère [\[1\]](#) Мари,

Сколько времени прошло с момента, когда я получила твое последнее письмо, а я все никак не могу прийти в себя от радости! Неужели вы наконец возвращаетесь в Петербург? Какая благая весть для меня! Я по тебе соскучилась, Мари, просто не передать словами! Иногда мне даже приходит мысль, что лучше бы мы так и остались в том институтском времени, а значит, никогда бы не расставались. Но в то же время я понимаю, что в таком случае никогда бы не стала женой своему обожаемому Paul'ю, и эта мысль уже не кажется мне такой удачной...

Жаль, что ты так и не приняла наше с Paul'ем приглашение и пропустила прошлый сезон. Многие твои кавалеры не раз спрашивали у меня о тебе....»

Марину вовсе не интересовали прежние ее обожатели, поэтому она, мысленно попросив прощения у подруги, смело пропустила этот абзац письма, зная неумемную страсть Жюли на подробное пересказывание подчас обыденных событий, и перешла к описанию подругой ее недавнего путешествия в Европу. Оно так захватило Марину, никогда не бывавшую нигде, кроме Петербурга, небольшого уездного города местной губернии да родного имения, что она едва не пропустила именно то, что так надеялась найти в письме Жюли.

«...Этот несносный шалопай, Серж Загорский даже за границей умудрился вызвать огромный скандал в обществе. Как я уже писала тебе, ma chère, он был вынужден уехать с нами в путешествие из-за скандала, вызванного его la passion folle [\[2\]](#) к этой женщине, графине Ланской, чтобы прекратить все толки, связавшие ее и его имена. Старый князь счел это единственным выходом из сложившегося положения и выпросил у Его Императорского Величества отпуск для непутевого внука. Но, видимо, он не учел одного — что графиня, презрев всякий стыд, тоже отправится в Европу с мужем, якобы для оздоровления супруга на водах Карлсбада, где мы и встретили графскую чету. Серж опять потерял голову и стал искать общества графини. Толки об их связи донеслись до Петербурга, и забытый скандал вспыхнул с новой силой. Масла в огонь подлил тот факт, что Серж не ответил на приказ старого князя вернуться в Россию немедленно и сейчас сопровождает Ланских в их вояже во Флоренцию. Видимо, они не планируют возвращаться в Россию, так что сезон пройдет без этого знаменитого повесы. Старый князь в бешенстве, боюсь, в этот раз Серж зашел слишком далеко...»

Маринино сердце сжалось от прочитанного. «... Сезон пройдет без этого знаменитого повесы...» Значит, вот как сложилась судьба — даже мельком она не увидит Его на каком-нибудь балу или приеме.

Она вспомнила графиню Ланскую, красивую холодной статной красотой женщину. Еще до выхода в свет Марина знала, что Сергей Загорский был без памяти с юношества влюблен в девочку из соседнего имения, Наталью Ронину, потому как сама стала свидетельницей их свидания.

Трагично сложилась судьба их любви — старый князь отверг просьбу внука жениться на

соседке («Недостаточно богата и родовита для фамилии Загорских»), и девушка вышла замуж за пожилого, но богатого графа Ланского. Тем не менее, как поговаривали в обществе, молодой князь по-прежнему поддерживает связь с первой любовью, несмотря на длинный список его увлечений. Это вызывало страшную злость старого князя Загорского, а также его немалые опасения за судьбу внука, ведь государь слыл известным семьянином и не одобрял внебрачные связи. Пока, однако, Загорскому все сходило с рук, но, как писала Жюли: «все имеет свой конец, и если Сергей Павлович и в этот раз проигнорирует наказ деда вернуться незамедлительно в Петербург и найти себе достойную спутницу жизни в этом сезоне, то он сильно рискует, ведь исключительно заслуги фамилии Загорских перед царской семьей и государством российским заставляют государя закрывать глаза на подобное непристойное поведение молодого князя. Старый князь до того негодует, что сам готов просить Его Императорское Величество наказать внука согласно его рангу».

Что ж, вздохнула Марина, может, это к лучшему, что Загорский будет отсутствовать во время этого сезона. Видеть его было бы такой мукой. Тем более теперь, когда она твердо решила выйти замуж. Она никогда не могла сдерживать своих чувств и мыслей, и именно это ее качество значительно осложняло ее жизнь. Марина боялась, что снова может неосторожно дать повод для сплетен, как тогда, два года назад. Тогда во многих гостиних обсуждали «L'amour naïf^[3] этой провинциалки Ольховской в этого polisson^[4] Загорского», а Павел Григорьевич Арсеньев, тогда еще жених Юленьки, посоветовал ей некоторое время не пересекаться на приемах и балах с Загорским. Он также смущенно сообщил ей, что в Английском Клубе принимают ставки на то, как быстро она перейдет в ранг дам полусвета.

— Поймите, что я действую в ваших же интересах, Марина Александровна. Жюли опасается, что вся история негативно отразится на вашей репутации, и я готов приложить все силы, чтобы этого не произошло, как и ваша тетушка, и даже сам Серж, — говорил ей тогда граф Арсеньев. — Свет, не задумываясь, заклеямит вас и отвернется от вас, сделай вы еще один неосторожный шаг. Вы понимаете, что ваше положение...

Он замялся тогда, но Марина его прекрасно поняла. «Провинциалка, приживалка, бесприданница», — так клеймили ее матери достойных семейств, где были дочери на выданье. Им было только на руку падение «этой parvenu^[5] Ольховской». Ведь появление Марины на «рынке невест Петербурга», как цинично выражалась Марина, сильно подорвало шансы их деток на удачную партию — несмотря на маленькое приданое, Марина сразу же стала весьма популярна среди завидных холостяков света. Наивная, она тогда даже не догадывалась, что не с каждым позволительно свободно общаться молодой девушке, не повредив своей репутации...

Два сезона, два длинных года не была Марина в Петербурге. Интересно, вспомнят ли в столице при ее возвращении ту маленькую сплетню, столь развлекавшую скучающую петербургскую публику? Юленька писала, что сплетни сразу же уменьшились при демонстративном пренебрежении Марины молодого Загорского, а потом с ее отъездом в Ольховку и вовсе затихли. Но девушка все равно опасалась снова стать мишенью злословий петербургского света. Так ли это будет при ее приезде в столицу?

— Бог покажет, — сказала вслух Марина и поднялась со скамьи беседки. Она никогда не ничего не боялась, негоже ей трусить и здесь.

День отъезда выдался довольно суматошным. Суежилась дворня, суежилась, покрикивая на слуг, Анна Степановна. Трое из сестер поссорились из-за шляпки, и ни одна из них не хотела уступать. Дело дошло до небольшой потасовки, что вызвало приступ мигрени Анны Степановны. В итоге злополучная шляпка была привязана к одной из колясок в шляпной коробке, что заставило сестер умолкнуть в раздражении друг на друга. Затем они опять переругались, потому что никто не хотел ехать с противником по борьбе за шляпку в одной коляске, а колясок всего было две, что поставило Анну Степановну на мгновение в тупик по поводу рассаживания на время поездки. В итоге она быстро пришла в себя и, от души отшлепав негодниц сложенным зонтиком прямо на виду любопытной дворни, усадила их в одну коляску с собой, чтобы иметь возможность и в дороге выпустить пар, отводя душу за столь неудачные сборы.

Марину такой расклад как нельзя устраивал. Она попала в одну коляску с папенькой и самой младшей из сестер Ольховских, что давало ей прекрасную возможность совершить путешествие в полном молчании в свое удовольствие: папенька всегда старался дремать на протяжении всего пути, а восьмилетняя Оленька также обожала читать, как и сама Марина, и старалась любое свободное время посвятить чтению. Вот и сейчас они задорно переглянулись, когда Агнешка положила на одно из сидений целую стопку книг.

— Смотрите, испортите себе такие прекрасные глазоньки, — добродушно проворчал Александр Васильевич Ольховский, поудобнее устраиваясь на сидении напротив дочерей. — Уж лучше бы подремали всласть, особенно ты, Мариша. В Петербурге тебе такой возможности не представится: Анна Степановна не пропустит ни один бал сезона.

— Ах, папенька, думаю, время для сна я в столице найду, а вот для чтения..., — улыбнулась отцу Марина.

— Как знаешь, душа моя, — с этими словами Ольховский закрыл глаза, чтобы открыть их только на время стоянки на ближайшей станции.

Прозвучал окрик Гришки, их старшего конюха, и коляски с подводами тронулись в путь. Путешествие предстояло нескорым, потому как ехали на «долгих» ^[6] — Анна Степановна хотела показать своей старой родственнице, что хоть Ольховские и живут скромно, но лошадей породистых имеют в своих конюшнях. Марину это тоже, как неудивительно, устраивало. Будь ее воля, она максимально долго отсрочила свой приезд в Петербург, ведь он означал конец ее прежней жизни.

С самого начала решения поехать в столицу все пошло наперекосяк: сборы, само путешествие. Анну Степановну жутко раздражали местные постоянные дворы, и она срывалась на первом же, кто попадался ей под руку. Кроме этого, у одной из колясок сломалась рессора, и это обстоятельство задержало их в дороге еще на два дня. Марине чудился во всем происходящем некий тайный смысл, словно сама судьба препятствует их приезду в Петербург, словно что-то нехорошее ждет ее там.

«Верно, Загорский все же вернется в столицу, будто назло мне», — думала она. Ее мысли все время крутились вокруг князя, да и как же иначе, ведь среди множества книг, положенной заботливой няней ей в путешествие неожиданно нашелся ее старый альбом, который, как она прекрасно помнила, Марина хранила в сундуке под ворохом нижних юбок и кринолинов. Анна Степановна поклялась тогда дочери, что непременно уничтожит его,

вот девушка и скрывала его от всех. Изредка бывало, когда на Марину накатывала какая-то странная тоска, она запиралась в комнате и доставала из своего тайника это свое драгоценное сокровище — девичий альбом, открывала ту самую заветную страницу и долго смотрела на нее.

Вот и сейчас, в пути, альбом постоянно манил Марину заглянуть внутрь него. Он лежал сразу под английским романом на сидении между ней и сестрой, и его яркая обложка так и приковывала взгляд. Неожиданно, поддавшись порыву, Марина покорно открыла его и посмотрела на ту самую страницу, где некая рука когда-то начертала строчки Байрона и нарисовала тонким черным грифелем собственный профиль. Как часто она любовалась им на балах воочию! Как часто с волнением ловила звук его голоса или тихий смех!

«Ты из смертных, и ты не лукава,

Ты из женщин, но им не чета...»

Эти строки Марина уже знала наизусть. Раньше она все время искала в них некий скрытый смысл. Теперь, спустя два года, — перестала. Теперь она понимала, что эти строки — просто приятный комплимент от самого завязатого циника и повесы Петербурга, но, тем не менее, они грели ее душу, ведь она знала, они шли от его сердца.

Марина снова посмотрела на рисунок. Когда они встретились впервые, Сергей Загорский выглядел иначе: гораздо моложе, черты лица были не так заострены, а линия рта мягче. Волосы были длиннее и свободно падали на воротник.

Ему двадцать один год, ей — тринадцать, совсем девочка. Она тогда училась в Смольном, благодаря связям и деньгам Софьи Александровны, где в это время заканчивала обучение и будущая графиня Ланская. Правда, в то время Марина не знала, как пересекутся их судьбы в будущем, поэтому имя старшей воспитанницы, так называемой ей тогда не было знакомо.

Марина торопилась в сад Смольного, чтобы забрать случайно забытую на скамье книгу. Собирался дождь, к тому же приближалось время обеда, и у Марины было всего несколько минут для того, чтобы взять книгу, подняться в спальни, а потом спуститься в столовую и оставить при этом свое отсутствие незамеченным классными дамами. Жюли обещала в случае необходимости что-нибудь придумать, но девушка не особо полагалась на фантазию подруги. Именно там, в саду у ограды она и столкнулась с Сергеем, который спрыгнул с высоты забора прямо перед ней, перепугав ее от неожиданности чуть ли не потери памяти и, как выяснилось, речи.

— Тише-тише, я ничего вам не сделаю, — протянув руки ладонями вверх в знак миролюбивых намерений, быстро прошептал молодой офицер, и когда она легко кивнула, попросил. — Помогите мне, пожалуйста, буду весьма признателен.

— Серж, ты там как? Все в порядке? — донесся голос из-за ограды. — Ответь друзьям, а то мы придем к тебе на помощь. Тем более, Анатолий так и рвется в этот сад юных и непорочных дев.

Сергей слегка порозовел и быстро ответил невидимому собеседнику:

— Придержите свои порывы, а также языки, господа, одна из юных дев стоит сейчас передо мной, — и, обращаясь уже к Марине, — Прошу вас, помогите мне. Мне нужно встретиться здесь с одной воспитанницей. Ее зовут Наталья Ронина. Она из выпускниц.

Марина неожиданно вспомнила, что через какие-то мгновения начнется обед, а значит, все воспитанницы, за исключением больных, должны будут собратся в столовой, и затрясла в ужасе головой. Не дай Бог, ее застанут здесь с этим молодым офицером наедине! Беды не

оберешься! Да и как позвать-то эту незнакомую ей девушку из столовой под внимательными взглядами классных дам? Это просто невозможно!

— Умоляю вас, — видя ее отрицательные движения, снова взмолился Сергей. — Вся моя судьба зависит сейчас от вас.

Что-то такое было в его голосе, что сердце девушки дрогнуло. Марина подняла взгляд, встретила глазами с офицером и вдруг осознала, что пропала, раз и навсегда, что готова сделать все, о чем он попросит, лишь бы вот так дальше стоять здесь, смотреть в его глаза и слушать его голос.

Неожиданно из-за спины Марины в объятия молодого офицера метнулось белое облако кружев, что заставило девушку прийти в себя, а тихий шепот пришедшей «Милый, милый...» погнал прочь из сада сначала мелкими шажками, потом бегом. Ей не хотелось видеть ни мгновения из этой встречи влюбленных, не хотелось быть случайным свидетелем их нежности. Она не помнила, как оказалась перед дверями столовой. Еле-еле успокоив неровное дыхание, она, как ни в чем ни бывало, опустилась на стул рядом с Юлей под недоуменными взглядами соседок по столу.

— Господи, что случилось? — повернувшись к ней, встревожилась Жюли.

— Ровным счетом ничего, — Марина старалась казаться непринужденно веселой. — А почему ты спрашиваешь?

— Мари, ты плачешь...

Плачет? Марина поднесла ладони к щекам. Они действительно были мокрыми.

— Просто поднялся ветер, а я так торопилась. Вот глаза и заслезились.

Юленька внимательно посмотрела на подругу, но ничего не сказала. На какой-то миг Марине показалось, что Жюли может легко прочесть все, что творилось в ее душе, что Марина может почувствовать зависть к той, что сейчас стояла в саду, и страстное желание оказаться на ее месте, в объятиях красивого офицера.

Марина ничего не рассказала Юленьке о том тайном свидании в саду ни во время занятий, ни после, во время свободного времени перед сном. Лишь когда в спальне девушек их курса установилась тишина, нарушаемая только ровным дыханием, она пробралась к подруге под одеяло пошептаться, как иногда они делали, и открылась ей.

— Скорее всего, это Загорский, — выслушав ее рассказ, сказала Юля. Она посвятила подругу в подробности истории любви двух молодых влюбленных и закончила рассказ словами: — Им не быть вместе никогда. Князь никогда не даст своего благословения на этот брак.

— Каким образом ты так хорошо осведомлена о делах семьи Загорских? — поинтересовалась Марина.

— Все просто. Светский мир тесен. К тому же, я почти сговорена с близким другом Загорского, графом Павлом Арсеньевым.

— Сговорена? Уже?

— Ничего удивительного, — пожала плечами Юленька. — Наши имения находятся рядом, а семьи дружат уже несколько десятков лет.

— И ты выйдешь за него вот так, совсем не зная его? — не унималась Марина. — А как же любовь? Вы ведь будете жить вместе до конца своих дней.

— Помилуй, никто же меня не тащит сразу под венец, — рассмеялась подруга. — Для начала я выйду в свет, и мы присмотримся друг к другу, а уж потом решим следовать ли нам планам своих родителей.

Подруги еще немного пошептались, потом Марина перебралась к себе в постель. Прикоснувшись щекой к подушке, девушка вдруг вспомнила серые глаза Загорского и его тихий умоляющий голос.

— А я выйду только по любви и никак иначе... — мечтательно прошептала она.

— Дай-то Бог, — откликнулась с соседней кровати Юля.

Через несколько дней Юля под большим секретом поведала Марине о продолжении того randevu в саду, свидетелем которого невольно та стала. Загорский уговорил тогда Натали бежать той же ночью. Она сначала согласилась, а потом неожиданно открылась одной из наставниц. Был жуткий скандал.

— А я бы убежала... с ним... — задумчиво сказала Марина и осеклась под внимательным взглядом подруги. Она ни тогда, ни потом так и не призналась Юле, что серые глаза Загорского так запали ей в душу. Стоило кому-нибудь произнести имя «Сергей», и ее сердце начинало колотиться в груди, словно птица в клетке. Он стал часто приходить к ней в ее снах, заставляя ее потом каяться перед иконой за грешные мысли и мечты. Все поля ее тетради были часто исписаны его именем, ей нравилось выводить его и рядом иногда писать «Марина Александровна Загорская». Конечно, увлечение молодым офицером не прошло незамечным для классных дам Смольного, но увлекаться кем-либо для воспитанниц не считалось чем-либо из ряда вон выходящим. Почти все девочки в Смольном были в кого-либо влюблены, обычно это были их учителя или даже наставницы. Такого рода увлечения были почти единственным развлечением для них, так рано оторванных от родительского дома и лишенных материнской любви.

С огромным облегчением Марина встретила весть о замужестве Натали Рониной спустя полгода после того памятного свидания. Ей казалось, что теперь все препятствия между ней и предметом ее нежного поклонения устранены, и только годы до ее выхода в свет, а значит, до возможности часто видеть его, разделяют их. Ведь, судя по ее успехам в учебе, она непременно получит шифр и станет фрейлиной при дворе. А фрейлина двора вполне может быть неплохой кандидатурой в невесты князя Загорского. С этого момента Марина уже с большим нетерпением считала недели и месяцы, в нетерпении торопя день своего совершеннолетия и окончания Смольного. Скоро, совсем скоро она выйдет из этих стен во взрослую жизнь. Скоро сбудутся все ее мечты.

Марина прекрасно помнила тот день, когда она во второй раз увидела князя Загорского. Тогда она была в танцевальном классе одна и медленно кружилась по зеркальной комнате под воображаемые звуки вальса. Близился выпускной бал, а, следовательно, день, когда она сможет танцевать с Сергеем воочию. Принимать во внимание тот факт, что что-то может пойти не так, как Марина себе представляла все эти годы, она упорно не желала. Он в нее влюбится сразу же, как увидит, иначе и быть не могло, ведь, по ее мнению, они созданы друг для друга.

Юленька просто влетела в класс, заставив Марину сбиться с ритма от неожиданности. Она была до крайности возбуждена, щеки ее пылали.

— Он здесь, душенька, здесь! — с этими словами она закружила Марину по комнате, звонко и задорно хохоча.

— Кто? Кто здесь? — пытаюсь остановить этот непонятный танец, спросила Марина.

— Он, Paul. Он здесь, прямо под нашими окнами. Он мне обещал нынче прийти и пришел, — Юленька резко остановилась, едва не сбив подругу с ног. — Смотри, он передал мне письмо.

Она показала Марине листок, крепко зажатый в руке, потом вдруг подхватила подругу под руку и потащила к окну.

— Смотри, вон он, прямо под окнами! Ну, смотри же, — суежилась Юленька нетерпеливо. — Ну, куда ты смотришь, тетеря? Вон видишь, два офицера там, под кленом за забором?

— А! Вот эти низкорослые? — решила поддразнить подругу Марина и получила легкий тычок в бок. Но вовсе не он заставил ее замолкнуть. Просто в этот момент офицер, стоявший рядом со своим товарищем спиной к окнам Смольного, повернулся к ним лицом, и у Марины на миг замерло сердце, а потом бешено пустилось вскачь. Это был предмет ее девичьих грез, князь Сергей Загорский собственной персоной. Он стоял со скупающим видом рядом с графом Арсеньевым и легко постукивал перчатками по рукаву мундира.

Девушка стиснула со всей силой оконную раму. Он здесь! Как часто он приходил к ней в ее снах, но прошло так много времени со дня их последней встречи, что она успела забыть, как он красив. Внезапно ей захотелось, чтобы он увидел ее, захотелось увидеть его глаза. «Посмотри на меня, посмотри», — безмолвно кричало ее сердце.

Вдруг Загорский, словно услышав немой призыв девушки, поднял голову и встретился глазами с Мариной, а заметив ее взгляд, улыбнулся уголками губ и поклонился ей. Марина, забыв от волнения про приличия, слегка взмахнула рукой в приветственном жесте. Их зрительный контакт длился какие-то секунды: появившийся из угла дворник заметил молодых господ под окнами Смольного и тотчас попросил их удалиться. Они не стали спорить и ушли, напоследок кинув прощальный взгляд на окно, в которое выглядывали девушки.

— Загорский? — спросила проницательная Жюли, едва молодые люди скрылись. Марина невольно покраснела и поспешила отойти от окна.

— Я не понимаю тебя.

— Прекрасно понимаешь! — Юля догнала подругу и схватила ту за локоть. — Ты одного не разумеешь: Загорский далеко не тот, кто тебе нужен.

— А кто мне нужен, по-твоему? — Марина высвободила руку и с вызовом посмотрела на Жюли.

— Кто угодно, но только не он! — отрезала подруга. — Ты его совсем не знаешь. Видела всего раз и придумала себе принца. Поверь, он совсем не такой. Он опасен для тебя, как и для любой другой невинной девушки. Весь свет только и говорит о том, как испорчен князь, и о том, как страдает при этом его дед.

— Прости, но не ты ли недавно говорила, что самые лучшие мужья получаются из бывших повес? — парировала Марина.

— Да, но при этом у повесы должно быть огромное желание стать хорошим супругом. Сомневаюсь, что у князя оно когда-либо возникнет. И потом: его сердце (если оно способно на это, а в этом я сомневаюсь!) до сих пор принадлежит Наталье, несмотря на то, что она замужем. Забудь его, мой тебе совет. Так будет лучше.

— А ты могла бы сейчас отказаться от своего жениха? Ты ведь совсем недавно говорила мне, что любишь его сильнее кого угодно на свете, а ты тоже видела графа всего пару раз.

— Это другое, Мари, мы с Павлом Андреевичем сговорены. Ты же... Боже, милая, он погубит тебя, опомнись...

Марина промолчала, упрямо поджав губы. По выражению ее лица Юленька поняла, что не сможет переубедить подругу никакими доводами. «Пусть попробует», решила она, «я

всегда буду настороже, и потребую у Paul'я, чтобы Загорский сам отказался от Марины, если все пойдет так, как она предсказала».

Спустя несколько дней состоялся выпускной экзамен, а затем и бал воспитанниц Смольного. К большому огорчению Марины, ей, окончившей институт среди первых в своем выпуске, шифр не выдали.

— Это несправедливо, — вытирая платком слезы подруги, тихонько шептала Юля. — Я прекрасно знаю, кому ушел твой шифр, и, поверь, совсем незаслуженно.

— Нет, все справедливо. Кто я такая? Никто... — рыдала Марина. — Я совсем забыла что недостаточно знатна для подобного положения.

Но дело было не только в знатности фамилии и положении в обществе. Николай Павлович жутко ненавидел поляков, и все были прекрасно об этом осведомлены. Марина не была чистокровной полячкой, но в роду ее были представители этой народности. Да и имение ее отца находилось в опасной близости к ненавистной царем стране, а фамилия ее была «слишком польская», как решили попечители. Вот и вычеркнули они недрогнувшей рукой Марину из заветного списка, в одно мгновение разрушив ее заветные мечты.

— Я попрошу папеньку, хочешь? Он поговорит с попечителями и попросит их изменить решение, — утешала подругу Юленька.

— Не надо, — Марина решительно вытерла слезы. — Уже не хочу. Да и потом — жизнь фрейлины будет тяжела для меня. Ты же знаешь, мой характер не сахар далеко. Значит, так тому и быть. Что Бог не делает... Лучше давай к балу готовиться, а то я вон какая зареванная. Как бы не осталась бы эта припухлость на лице к вечеру.

На первый бал юных прелестниц, только-только делающих начальные шаги в светскую жизнь, съехался весь бомонд Петербурга. Сама императорская чета почтила своим присутствием в тот день, что несказанно взволновало девушек. Но больше их, конечно, волновало присутствие на балу молодых людей, холостяков высшего общества. Отбор приглашений проводила лично сама директриса и попечительский совет. Все они должны были иметь безупречную репутацию, в противном случае быть либо родственниками девушек, либо их нареченными. Именно поэтому граф Арсеньев на бал попал, а его шалопаи-друзья — нет, что немного разочаровало Марину.

— А что ты хотела? — слегка злорадствуя, сказала по этому поводу Юля. — Лис не пускают в курятник к молодым цыплятам. Лучше приглядишься, к кому-либо другому сегодня. Я специально поспрашивала татап, и теперь знаю про каждого холостого мужчину в Петербурге. Глядишь, кто-нибудь и приглянется тебе.

Но Марина только покачала головой. Она уже заранее знала, что не встретит сегодня того, кто мог бы стереть из ее памяти образ Загорского, поэтому ничуть не расстроилась, что так и произошло. Да, она прекрасно провела время на балу, но не более того. Правда, ее задело, что некоторые молодые люди, узнав, что она не из знатной и богатой семьи, не приглашали ее во второй раз на танец и вообще старались затеряться в толпе. Но она считала, что это делается только к лучшему — сразу расставлялись все точки на i.

Мать Марины не смогла присутствовать на первом балу дочери. Она не успела прибыть в Петербург вовремя из-за ливней, которые вызвали бездорожье, и задерживалась на некоторое время с приездом. Именно поэтому Марину взялись опекать в свете Софья Александровна и княгиня Львова, мать Юленьки. Как и обещала Юля, княгиня принялась вовсю заниматься «пристраиванием» Марины, то и дело расхваливая того или иного молодого человека. Марина вежливо слушала и кивала в ответ, пропуская каждое второе

слово мимо ушей и скрывая это за милой улыбкой. Вся эта вереница молодых дворян только забавляла ее и не более того. Ее голова была занята мечтой о встрече с тем единственным, которого, признаться, она, возвращенная на романах Джейн Остин, придумала сама. Ей казалось, что все непременно должно случиться, как в книгах — безумная и страстная любовь и обязательный счастливый конец. Наивная, она не понимала, что жизнь разительно отличается от романтических сюжетов, и чуть было не поплатилась за это своей репутацией и положением в обществе.

После окончания Смольного, как водится, девушки покинули пансион. Марина поселилась у внучатой тетки, а Юленька в фамильном особняке на Мойке. Тем не менее, бурная светская жизнь, в которую дебютантки окунулись с головой, не позволяла им разлучаться надолго. Правда, она несколько разочаровала Марину: она уже была на шести балах, а так и не встретила Загорского. Граф Арсеньев сопровождал Юленьку, как свою будущую нареченную, повсюду, но его друзья словно канули в воду.

— Все очень просто, — пожимала плечами Юленька, обмахиваясь веером, чтобы чуть охладить разгоряченное кадилью лицо. — И князь Загорский, и граф Воронин — завидные женихи, но завязтые холостяки. Именно поэтому и избегают этих балов, где на каждом шагу можно натолкнуться на очередную дебютантку и ее маменьку, ищущих подходящую партию. Никто добровольно не положит голову на плаху.

— Боже, что за речи! — притворно возмутилась Марина, легонько толкая подругу в бок. — Не слова ли это некоего молодого графа, что удалился за оранжадом? И если он ведет с тобой такие фамильярные речи, то я так полагаю, скоро зазвонят свадебные колокола?

— Прекрати смущать меня, я и так вся алая уже, — чуть жеманно хихикнула Юля, чего за ней до этого момента не водилось, и это открытие заставило Марину пристально посмотреть на девушку.

— О Боже, так это правда! Ты влюбилась!

— Тише-тише, кто-нибудь услышит, — Юленька прикрыла веером пылающее румянцем лицо. — Давай улизнем на балкон, подышим свежим воздухом. Там я тебе все расскажу.

Юля взяла Марину за руку и повела за собой к распахнутым французским окнам. Девушки выскользнули в тихую прохладу вечера, отодвинув в сторону тяжелую портьеру, и впервые остались действительно наедине, вдали от шума бала, многочисленных кавалеров и сопровождающих их дам.

Сначала Юля помолчала, а потом собралась с духом и повернулась к подруге.

— Ты права, я люблю его. Люблю и безумно счастлива, потому что он тоже любит. Не далее как вчера, он сделал мне предложение, и я приняла его. Думаю, в июне мы обвенчаемся. А быть может, даже ранее, на Красную горку, кто знает?

— Юленька, это просто прекрасно, — повинувшись порыву, Марина обняла подругу и закружила на месте. — Это чудесно!

Когда девушки разомкнули объятия, Юля, глядя Марине в глаза, быстро прошептала:

— Мне так страшно иногда бывает. Боязно, что я так счастлива. Я боюсь сглазить мое будущее, мою любовь...

— Ну, что ты, что ты... Все будет хорошо, — Марина в успокаивающем жесте сжала ладонь подруги. — Вы были сговорены с детства. Ваши семьи будут только рады вашему союзу. Все будет хорошо, вот увидишь...

— Он уже целовал меня, — слегка восторженно прошептала Юля. — В губы. Прямо как в романах. Ах, Мари, это было так восхитительно... словно на небесах... Ах, душенька, как

бы я хотела, чтобы ты тоже была так счастлива, как я! Представь только, вдруг тебе тоже сделают предложение в этом сезоне. Мы сможем устроить двойное венчание!

Марина отвернулась от подруги, пытаясь скрыть глаза, затуманившиеся поволокой грусти при этих словах. Она уже потеряла надежду повстречать князя, а приезд маменьки приближался с каждым днем, и это немного огорчало девушку. Она знала, что с момента приезда Анны Степановны вся ее жизнь изменится бесповоротно, ведь маменька не разрешит даже словом перемолвиться с неподходящим по ее мнению молодым человеком. А что Загорский будет отнесен ее матерью к таковым, она даже не сомневалась — памятуя о своей судьбе, Анна Степановна поставила своей целью замужество дочери «только с человеком домашним и любящим уют и порядок в делах». Насколько была наслышана Марина, молодого князя к таковым отнести было нельзя, и даже титул, состояние и положение в обществе не смогли бы примирить Анну Степановну с подобным кандидатом на сердце дочери.

— О нет, — прошептала Юля. — Ты так и не выкинула его из головы...

— А ты, — Марина в ярости повернулась к подруге, — ты бы выкинула из головы Павла Григорьевича, если бы тебе запретили даже думать о нем? Вот и я не могу! Не могу и все тут! Не упоминай более об этом, иначе разругаемся, право слово! Дай мне жить своей жизнью, а себе оставь свои нравоучения!

— Твоя взяла, дурочка, — горько бросила Юля и, шурша юбками, быстро пошла к дверям. У выхода она обернулась. — Хочешь погибнуть — дерзай! Что ж, беги скорее в залу, может статься, встретишь своего принца, если он соизволит выйти из игровой, где уже час кряду играет в фараон! Только потом не плачься, что я не предупреждала тебя о последствиях, к которым приведет тебя твое шальное безрассудство.

Юленька вышла, и Марина осталась одна на балконе. При словах подруги она словно впала в транс, даже не заметив ее ухода. Только сердце отбивало у нее в ушах определенный мотив: «Здесь! Он Здесь!» Она увидит его и, может, даже заговорит, если он подойдет к графу Арсеньеву, а не подойти он не может, решила она.

Перво-наперво следовало успокоиться. Марина приложила холодные ладони к разгоряченным щекам. Сейчас, когда до того момента, о котором она грезилась во сне и наяву последние несколько лет, даже банальный светский разговор вызывал у нее панику. Ей неожиданно пришли на ум слова Юленьки, и она впервые за последнее время усомнилась в вероятности придуманного ею конца.

— Нет, — прошептала она, — я понравлюсь ему. Обязательно понравлюсь.

В волнении Марина принялась тереть мочку уха, как поступала всегда, когда нервничала. Именно по этому признаку наблюдательная Агнешка, понимала, когда ее воспитанница пытается обмануть в невинной шалости. Внезапно что-то прошелестело по шелку ее платья и, ударившись звонко о плиты балкона, упало в темноту.

— Боже милосердный, только не это, — прошептала девушка и пощупала мочку уха. Так и есть, сережка из правого уха, та, что со сломанной застежкой, не удержалась-таки и упала куда-то в темноту. Марина похолодела в приступе отчаянной паники. Этот жемчужный гарнитур ей дала Софья Александровна три дня назад.

— Вот, — достала она из сейфа бархатный футляр. — Даю тебе, как представительнице семьи Голышевых. Из фамильных драгоценностей. Я тоже надевала этот гарнитур на свой первый бал. Ах, как давно это было! Носи с удовольствием.

А ведь сегодня, вдевая серьгу в мочку уха, Марина заметила, что застежка расшаталась,

но понадеялась на авось и не удержалась идти без такой красоты на бал. И вот расплата за безрассудность — сережка потеряна. А ведь стоит она немалых денег!

Марина в тревоге оглядела темный балкон. Звать ли в помощь лакея? Или все-таки есть ли шанс найти драгоценность самой и сохранить сей инцидент в тайне? Марина прислушалась. Поблизости не раздавалось ни единого звука, лишь в отдалении из бальной залы доносились звуки вальса и гул голосов. Значит, в ближайшее время на балкон никто не войдет.

Девушке очень не хотелось предстать перед тетушкой и хозяйкой дома такой растеряхой, поэтому Марина, ни секунды не раздумывая, опустилась на колени и стала осматриваться в темноте, шаря по полу балкона руками в надежде не испачкать платье и не испачкаться самой. Тусклый луч света из полураскрытых балконных дверей не облегчал девушке задачу, а луна как назло скрылась на это время за облаками.

Внезапно Марине послышался какой-то звук, и она замерла в испуге, что ее кто-то сейчас застанет здесь в темноте да еще в такой нелепой позе. Она прислушалась, напрягая слух, но звук не повторился, и она постепенно успокоилась. «Все, хватит. Надо позвать прислугу в помощь. Позора бы не обралась, если бы кто-то вошел» — с этими мыслями Марина собралась было встать с коленей, но в тот же миг почувствовала, что что-то ей мешает это сделать, удерживая подол платья. Она в раздражении повернулась в намерении убрать досадную помеху и замерла в ужасе.

Досадной помехой оказалась пара блестящих кожаных мужских сапог, стоявших прямо на подоле ее бального платья.

Господи Боже! Только она могла попасть в такую ситуацию!

Марина старалась даже не дышать, опасаясь, что незнакомец сейчас взглянет вниз и заметит ее прямо у своих ног. Да и поза еще настолько двусмысленна, что Марине оставалось только стонать в отчаянии мысленно. Что же делать? Подол не вытащить из-под сапог, не потревожив их владельца, даже если под сапогами лишь маленький кусочек шелковой материи. Это означало быть замеченной. Оставалось надеяться только на то, что этот любитель свежего воздуха быстро уйдет, так и не заметив девушку у его ног.

Марина так и решила. Она замерла словно маленький зверек, боясь пошевелиться и молясь, чтобы никто более не вошел на балкон. Незнакомец, однако, никуда не собрался уходить. Напротив он принялся слегка посвистывать и поигрывать перчатками. А если у него здесь свидание с кем-нибудь? Что, если сюда придет кто-то еще? Такие мысли приводили Марину в отчаяние. Быть обнаруженной на балконе с этим человеком наедине да еще в темноте означало конец ее репутации и позор ее семье. Надо было все-таки решиться и раскрыться. Останется только уповать на благородное молчание этого человека об этом инциденте. Потому что в противном случае...

Марина тихонько вздохнула. Все равно другого выхода нет из этого щекотливого положения. Кроме того, от стояния в неудобной и напряженной позе у нее затекли ноги, и заболела поясница. Итак, вперед!

— Покорнейше прошу прощения, — начала девушка свою речь, тяня одновременно подол платья на себя. Ее голос дрожал лебезящими нотками страха, и это неожиданно разозлило ее. В приступе бессильной ярости она вдруг, сама того не ожидая, резко и с силой дернула ткань платья. От этого, а может, в невольном испуге от неожиданности ее появления, незнакомец пошатнулся и чуть не потерял равновесие, в последнее мгновение ухватившись за створку балконной двери. Тем не менее, с подола он сошел, и Марина, радуясь столь долгожданной свободе, быстро вскочила на ноги в намерении бежать прочь от этого места позора, пока молодой человек не пришел в себя и не узнал ее.

Но повернувшись к выходу, она наконец-таки рассмотрела своего невольного визави, на лицо которого падал теперь свет из открытых дверей, и застыла на месте, словно парализованная. Она стояла не в силах двинуться с места, чувствуя, как яркая краска стыда и смущения заливает ее лицо, шею, декольте и даже уши. Ее визави был предмет ее грез последних лет — князь Сергей Загорский собственной персоной.

— Да уж, милочка, подобным образом меня еще не атаковали, — расплылся тот в улыбке, в открытую потешаясь над сложившейся ситуацией. — Скажу даже так — к моим ногам так открыто еще никто падал в прямом смысле этих слов. Я потрясен. Быть может, даже ваша тактика и принесет вам плоды.

Марина попыталась быстро проскользнуть мимо князя в раскрытые двери, но рука, перегородившая проход, помешала ей сделать:

— *Pas si vite* [\[7\]](#), Лизетт, вы поразили меня своей выдумкой, и, думаю, заслужили награду за ваши труды, ведь это последнее, что вам оставалось сегодня сделать, чтобы обратить мое внимание, — только упасть к моим ногам.

Лизетт? Он назвал ее Лизетт? Марина немного успокоилась после того, как резкий останавливающий жест князя едва не довел ее до истерики. И пусть сердце ее колотилось,

словно загнанный в ловушку зверек, она нашла в себе силы ответить князю:

— Вынуждена вас разочаровать, ваша светлость, но вы обознались. Я не некая Лизетт, которую вы так ожидали здесь увидеть. И потом я вовсе не отношу себя к вашим преследовательницам, и оказалась у ваших ног исключительно по принуждению.

— Прошу покорнейше простить меня за мою нелепую ошибку, сударыня, если я заблуждался.

В его голосе не послышалось ни капли раскаяния, и девушка мгновенно почувствовала, что лучше всего для нее сейчас будет спастись бегством. Да, за минуту до этого она молила Бога о встрече с Загорским, но в данный миг, наедине с ним она моментально поняла, насколько опасно его притяжение, и насколько она беззащитна перед ним.

— С вашего позволения, ваша светлость, я оставлю вас, — Марина всем своим существом желала покинуть столь опасное для ее репутации место, но рука князя по-прежнему сжимала ее руку, не давая уйти.

— Уделите мне всего одно мгновение, сударыня, прошу вас. Для меня внове, что дама у моих ног по принуждению. Удовлетворите мое невольное любопытство: что за нужда привела вас к моим ногам? Быть может, я окажусь вашим невольным спасителем?

Марина услышала в его голосе издевку и разозлилась. Он играл с ней сейчас, как кошка играет с мышкой, прежде чем съесть ее.

— Поверьте мне, я не лгу. Я была здесь с моей подругой, случайно обронила на пол сережку. Застежка расшаталась. Надо позвать прислугу и тщательно обыскать балкон.

Да, очень убедительно прозвучало, подумалось ей. Это объяснение ей самой показалось нелепым и неправдоподобным, поэтому она ничуть не удивилась, когда князь не отпустил ее и не принялся рассыпаться в извинениях за свое недостойное поведение.

— Помилуйте, зачем же нам прислуга? Разве я не смогу вам помочь? Ради ваших прекрасных глаз я готов даже сразить дракона, тем паче пуститься на поиски серьги.

Марина почувствовала, как сильная мужская рука придвигает ее ближе к князю, и в панике похолодела.

— Прошу вас, князь, кликните лакея. Нам нужен свет для поисков, — девушка выставила вперед руку и уперлась ладонью в грудь князя, препятствуя дальнейшему их сближению. Потом в отчаянье прошептала с надрывом. — Прошу вас, Сергей Кириллович, позвольте мне уйти. Будьте милосердны.

Князь в одно мгновение схватил девушку за руку и развернул лицом к свету. Черты его разгладились, когда он увидел перед собой Марину, уголок рта приподнялся в усмешке.

— Я вас узнаю, — он внимательно всмотрелся в лицо девушки. — Вы та юная смолянка...

Внезапно он помрачнел и отпустил руку Марины.

— Превосходно придумано, милая. Не думал, что невинность способна на подобное в надежде на удачную партию. Кто сейчас появится на сцене? Разгневанный отец? Вы ведь почти скомпрометированы, я так понимаю.

— Прошу вас, позвольте мне уйти, пока не поздно, — взмолилась Марина, потому что князь по-прежнему загораживал своей фигурой выход. — Никто и не узнает об этом, если вы будете хранить молчание. Со своей стороны клянусь, ни одна живая душа не узнает о нашей невольной встрече здесь.

— Как мило. Только вот верится с трудом в подобное. Отказаться добровольно вышибить скамейку из-под моих ног, когда моя голова уже почти в петле, ну что же вы, —

из-за холодности тона Загорского слова звучали довольно зло и грубо, и больно хлестнули Марину.

— Не правда ли, неприятно оказаться загнанной ланью, а не охотником, как мгновение назад? — не успев обдумать свои слова, выпалила разозленная девушка и испугалась, увидев, как поменялось выражение лица князя. Недолго он смотрел на нее удивленно и зло, а потом запрокинул голову и оглушительно расхохотался. Марине показалось, что он засмеялся так громко, что его услышали даже в зале, несмотря на громкие звуки кадрили.

— Потише, прошу вас, сударь. Не то сюда сбегутся все присутствующие на балу, — прошипела она ему, но князь и не думал униматься. Марина, видя это, предприняла очередную попытку убежать от него, но Загорский опять помешал ей, удержав за локоть. Отсмеявшись от души, он вытер слезы с глаз и широко улыбнулся девушке.

— Откуда вы взялись, прекрасная Диана [\[8\]](#)? Клянусь, я впервые вижу такую девушку, как вы. Не смотрите на меня так возмущенно, это комплимент от чистого сердца. Вы очаровательны, юное создание, — с этими словами он поднес руку девушки к губам, в последний момент перевернул ее и нежным и легким поцелуем коснулся ладони. Это касание губ заставило тело девушки затрястись нервной дрожью, а сердце гулко забиться в ушах.

Пропала! Она пропала. Марина поняла это сразу, когда он поднял голову и посмотрел ей в глаза, не отрывая губ от ее руки. Она забыла о том, как опасно для нее находиться здесь с ним, забыла о том, что ее могут уже хватиться и прийти сюда, а там не оберешься бед. Для нее словно время остановилось, и были только он и она, а музыка, доносящаяся из залы, только добавляла особого очарования в это мгновение.

— Марина, ты не представляешь ... — раздался вдруг над ухом Марины голос подруги и сразу же смолк. Девушка повернула голову и увидела Юленьку в дверях балкона. Она выглядела пораженной, хотя спустя какой-то миг ее глаза прищурились, выражая ее недовольство увиденным. За спиной девушки Марина разглядела графа Арсеньева, взирающего на застывшую от неожиданности парочку с нескрываемым любопытством.

— Марина? — теперь в голосе Юленьки прозвучала сталь.

— Ах, Жюли, не поверишь, — залепетала Марина, быстро выдергивая ладонь из пальцев мужчины, — я обронила серьгу, такая растяпа, а князь согласился помочь мне ее отыскать. Вот... — она замолкла в растерянности.

— Отыскалась ли ваша потеря? — насмешливо улыбаясь, спросил ее из-за плеча невесты граф Арсеньев, глядя почему-то на своего друга.

— Мы только приступили к поискам, — ответил тот. — Будем благодарны за вашу помощь.

— Надеемся на ваш успех, господа, в поисках пропажи, — сказала Юленька, беря Марину за руку. — Прошу нас с Мариной Александровной извинить. Ее спрашивала тетюшка.

Перед тем, как удалиться, Марина в последний раз посмотрела из-под опущенных ресниц на Загорского. К ее разочарованию, он ничуть не провожал ее взглядом, как она надеялась, а что-то говорил вполголоса подошедшему к нему Арсеньеву.

— Ты что? Разума лишилась? Наедине с Загорским... — негодовала Юленька по пути к креслам, где сидели Софья Александровна и ее маменька. — Да если бы открылось, тебя бы...

— Так не открылось же, — прервала ее Марина слегка раздраженно, незаметно для

окружающих вынимая из уха единственную теперь сережку. Ей уже действовала на нервы такая чрезмерная забота подруги о ее репутации. — И потом — ничего не было.

— Разочарована? — зло бросила подруга. — И, слава Богу, что ничего не было, поверь мне.

— Да что ты так печешься обо мне? Доверься мне, я сама вполне способна о себе позаботиться, голова на плечах имеется.

— А вот и нет ее на плечах, твоей головы-то, — сказала Юленька с каким-то странным смешком. — Ты же потеряла ее несколько лет назад. А если не тогда, то сейчас, на балконе. Так что, кто теперь за тебя подумает, если не я.

Девушки за разговором дошли до своих опекунш, так что Марина ничего не успела ответить подруге. Но это ее только обрадовало, иначе не ровен час разругались бы они с Жюли в пух и прах как всегда, когда речь заходила о Загорском. Она быстро успокоила тетюшку по поводу своего отсутствия, уверив, что была в дамской комнате. Затем ее почти сразу же пригласили на танец, и она закружилась по залу, невольно разыскивая глазами князя. Он воротился уже с балкона в залу и теперь стоял в кружке молодых дам и офицеров и что-то рассказывал, то и дело прерываемый очередным взрывом смеха своих слушателей.

Марина похолодела. Она искренне надеялась, что рассказ князя никоим образом с ней не связан, но вдруг он решил, что происшедшее всего лишь забавное приключение, и он может смело о нем распространяться. Да, князь дворянин, но она уже убедилась недавно на личном опыте, что светские приличия и моральные нормы для него пустой звук. Если так, то она пропала. После сегодняшнего вечера никто из присутствующих на балу даже не взглянет в ее сторону, ведь лишь пары минут наедине с Загорским вполне достаточно для того, чтобы ее сочли скомпрометированной.

Оказалось, что опасалась Марина зря. На следующий день никто из молодых людей не отменил ни одного визита, а Жюли прибыла в сопровождении своей компаньонки, старой и полуглухой тетки, сразу же после полудня, чего бы ей никогда не позволили родители, будь хоть малейший намек на скандал.

— Доброе утро, дорогая, — она чмокнула Марину в щеку и совсем не грациозно плюхнулась на диван. — Как у тебя сегодня настроение? Расположена на разговор?

— Если снова будешь читать нотации, *cherie*, то уволь. Я уже наслушалась их за последние годы достаточно, — девушка разлила чай по чашкам и предложила одну из них тетке Юленьки. — К тому же ты была права — князь ведет себя отнюдь не как дворянин. Торжественно обещаю тебе, что отныне буду всячески избегать его, дабы не попасть в ситуацию, аналогичную вчерашней. Лишь чудо спасло меня от позора. Поверь, я сделала выводы.

В это время раздался стук в дверь, и в комнату вошел Игнатий, старший лакей дома Софьи Александровны.

— Покорнейше прошу, что прерываю, барышня. Букет доставили. Прикажете принять?

— Букет? — переспросила удивленная Марина и в растерянности посмотрела на Юлю. Заинтригованная, та сразу же кивнула. — Неси.

Спустя несколько минут, в течение которых девушки гадали, кто даритель цветов, один из лакеев внес роскошный букет разноцветных красочных цветов, распространяющих дивный аромат. Как только его поставили на столик, Марина подскочила к нему и достала карточку. Прочитав имя отправителя, она в изумлении замерла.

— Кто это? — Юля не удержалась, подбежала к подруге и заглянула в визитку. — О

Боже! О Боже мой!

От ее вскрика вздрогнула тетушка, до этого мирно попивающая чай со сдобными булочками, и Юля поспешила успокоить ее:

— Все хорошо, тетушка. Извини, что напугала тебя, — Затем она полушепотом обратилась к Марине. — Никогда не думала, что он способен на такое. Что бы это значило?

Марина в очередной раз перечитала написанное на карточке:

«Милостивейшая сударыня, прошу принять нижайшие извинения за мое поведение нынче вечером на балу. Поверьте, я не имел намерения обидеть вас, и если сделал это, то по досадному недоразумению. Теперь я понимаю, как глубоко заблуждался, принимая вас за ту, кем вы не являетесь на самом деле. Надеюсь, эти цветы, а также то, что вы найдете внутри букета, сгладят то неприятное впечатление обо мне, что у вас сложилось. С искренними пожеланиями, князь Сергей Кириллович Загорский».

— Что там может быть еще? — Юля опустила руку вглубь букета и достала маленькую коробочку. — Боже, что это? Он тебе уже дарит подарки?

— Не говори глупостей, он прекрасно понимает, что мы сразу же отошлем его подарок обратно, — Марина говорила эти слова, а сердце ее замирало в предвкушении.

— Открывай же, не томи, — Юленька потрясла подругу за руку. — Я скорее умру от любопытства, видимо, прежде чем ты решишься.

Марина не стала дольше оттягивать и одним быстрым движением открыла коробочку.

— Сережка? Почему одна? — застыла в недоумении Юленька, а Марина только радостно рассмеялась, извлекая из коробочки украшение. Потом она наклонилась к букету и вдохнула аромат цветов. Голова ее кружилась, но вовсе не от запахов, исходящих от букета. Ее принц оказался настоящим!

Этим своим извинением Сергей, сам того не желая, окончательно влюбил в себя Марину. Теперь объект ее грез воплотился в реальности. Слепая в своем чувстве, она сознательно не хотела видеть в князе плохое. Для нее он был тем самым принцем на белом коне, о котором мечтает любая девушка.

Словно сама судьба решила вмешаться в ход событий и часто сталкивала их на приемах и балах. Всякий раз при этом Марина старалась держаться поближе к князю Загорскому, лишь бы лучше видеть его и слышать его голос. Это было довольно трудно — он редко оставался в зале, предпочитая проводить вечера в игровой комнате, где, по слухам, ставил огромные суммы на кон. Фортуна благоволила ему — он чаще выигрывал, чем проигрывал.

— Это ненадолго, что он так часто выходит в свет, — говорила Юля подружке. — Просто из шалопаев сейчас в городе только Загорский да Paul. Вот ему ничего и не остается, как посещать те места, что и граф. Вот скоро вернется в страну граф Воронин. Вот тогда князь и носа не покажет на все эти балы и вечера, так нелюбимые шалопаями «рассадники невест».

— О Боже, что за выражения, Жюли, — притворно ужаснулась Марина и улыбнулась, прикрывая губы веером. — Что за шалопаи? Какое-то общество?

— Да, общество бездельников и бузотеров, — усмехнулась Юля. — Никакое это не общество, просто компания друзей-собутыльников, дружных со времен Лицея. Ох, и шибко они шалят, когда вместе собираются, судя по слухам...

После того, как наступил Великий пост, и по обыкновению шумная светская жизнь замерла на несколько недель, Марина стала видаться с князем в доме у Юленьки, куда

Загорский приезжал с визитом вместе с графом Арсеньевым. Они пили чай и беседовали, часто музицировали или играли в шутливые карточные игры под неусыпным надзором матери Юлии или ее престарелой тетушки. Эти моменты были особо дороги Марине, ведь в эти минуты Сергей принадлежал только ей.

— Мы вас, ангелы земные, так склоним к пороку, — усмехался Сергей, а Павел Арсеньев, шутя, грозил ему пальцем.

Одним днем, когда Сергей сидел за роялем и наигрывал легкую мелодию, а Павел обсуждал с матерью Юлии приготовления к венчанию, которое должно было состояться этой весной, подруги сидели у окна и разбирали нитки для вышивания. Внезапно Юлия тихо проговорила:

— Не смотри на него так.

Марина вздрогнула от неожиданности и перевела взгляд на подругу.

— Как?

— Так, словно ты умираешь от жажды, а он — драгоценный поток воды, — Юленька вздохнула и положила ладонь на руку Марины. — И я сильно опасаюсь, что не только я заметила это. Ты ведь знаешь, пойдут сплетни — не оберешься беды. Я понимаю тебя, душенька, но это... это все так безнадежно. Ты отвадила от себя почти всех своих поклонников. Что ты будешь делать дальше?

Марина помолчала мгновение, а потом вновь вернулась к работе.

— Я не знаю, Жюли. Не дави на меня, пожалуйста, довольно с меня маменьки с ее наставлениями. Если бы не Софья Александровна, давно бы перессорились с ней, правд слово. Я...

— Барышни, позвольте прервать вашу столь милую беседу, — окликнул их от рояля Загорский. — Дело в том, что я тут обнаружил премиленькую вещицу, принадлежащую одной из вас.

Он поднял руку, и девушки увидели, что он держит в руке альбом, до этого момента лежащий на рояле.

— Ах, Марина Александровна, я читаю вас, как открытую книгу. Судя по вашему румянцу, это ваш. Вы позволите? — получив легкий смущенный кивок, Загорский открыл первую страницу. — Боже мой, какие рифмы! Какие стансы! А вы коварная покорительница сердец юных представителей бомонда, Марина Александровна. Сколько же тут излияний разбитых сердец! — князь шутливо погрозил ей пальцем, и Марина покраснела пуще прежнего. Весь ее альбом был исписан признаниями и комплиментами ее поклонников, возомнивших себя непризнанными поэтами. Там было довольно много стихов с такими наипростейшими рифмами или вовсе без оных, что не могло не позабавить такого человека, как Загорский. Марина поняла это по тону его голоса, и ей стало неловко за свой альбом.

— Пожалуй, и я оставлю свой след здесь вам на память, — Сергей переместился за бюро с альбомом в руках. — Надеюсь, вы не против?

— Отнюдь, — Марина несмело улыбнулась ему. — Я буду польщена.

Так в альбоме появились те самые надписи и рисунки, страницы с которыми Марина впоследствии не раз открывала и просматривала. Тогда ей показалось, что все это было сделано не просто так, что это — скрытый намек на тайные чувства. Ее большое воображение и влюбленное сердце не позволили рассудку робко возразить, и вскоре Марина решила, что на то, на что никогда бы не пошла, не будь она так слепа в своей любви.

В первые же дни после поста был дан большой бал у князя М***. Обещалась быть

великокняжеская чета, поэтому в тот вечер в дом М*** съехался весь свет. Маринино сердечко билось при входе в залу в невольном предвкушении — он будет здесь, он обещался нынче днем заехать, и ей казалось, что сегодня что-то должно обязательно произойти. Какое-то чувство неясной тревоги и волнение терзали ее.

Спустя несколько минут после их прибытия на бал князь Загорский действительно подошел к их небольшой компании (Марина, Жюли, Арсеньев и пара поклонников Марины), завязался светский разговор и банальный обмен любезностями. Марина не принимала в нем участия. Девушке так не хотелось прерывать столь скорый миг их встречи, что она пропустила уже три танца, сославшись на легкое головокружение. Она то и дело поглядывала на Загорского из-под ресниц, и сердце ее трепетало, словно птичка в клетке. Он был так красив, так ослепительно улыбался своим собеседникам, что она совсем забылась в любовании им и очнулась лишь, когда заиграли вальс, и Павел Арсеньев провел мимо улыбающуюся Юленьку.

Краем глаза Марина увидела, что один из ее поклонников, танец с которым согласно ее бальной книжке должен был быть этот вальс, направился к ней, и быстро, ни секунды не раздумывая, положила сложенный веер на рукав мундира Сергея, уже собравшегося было откланяться.

— Пожалуйста, пригласите меня... — тихо прошептал ее голос, но он услышал ее, судя по тому, как напряглось его лицо.

— Марина Александровна... — начал Сергей, но Марина подняла голову и посмотрела прямо в его глаза. Нет, молили они, не отказывай мне.

— Марина Александровна, — князь склонил голову в быстром поклоне и слегка прищелкнул каблуками. Девушка присела в реверансе и приняла предложенную ей руку, даже не взглянув на мать для одобрения, как того требовало ее воспитание. Она спиной чувствовала ее гневный взгляд и понимала, что ее ждет дома за подобную выходку.

Тем временем они уже вышли на танцевальную площадку, где их появление было встречено откровенно любопытными взглядами и перешептываниями. Марина испуганно задрожала, только сейчас осознав, что натворила.

— Тише, — князь крепче стиснул ее руку, и развернул к себе лицом. — Обещаю, я не отопчу вам ноги.

С этими словами они завальсировали по зале.

Князь не обманул ее. Танцевал он превосходно. Тепло его рук, его близость кружили Марине голову, и постепенно она расслабилась. Все было так, как во многих ее снах: он, она, прекрасная музыка, их танец... Марина то и дело смотрела в глаза князя, встречаясь с его взглядом, слегка удивленным, но в то же время безмятежно спокойным.

— Право, вы — удивительное создание, — тихо сказал ей Загорский в конце вальса после вежливого поклона и, едва держа кончики ее пальцев на склоне руки, повел к ее родственницам, одна из которых просто испепеляла его взглядом. Он поздоровался с обеими дамами, но Анна Степановна, презрев условности, демонстративно руки ему не подала, и Сергей поспешил откланяться.

— Что ты творишь, глупая девчонка? — прошипела Марине мать, но Софья Александровна остановила начинающуюся ссору:

— Помилуйте, Анна, потерпите с упреками. На нас сейчас все смотрят.

— Но дома я тебе устрою... — смирилась мать.

Марина покорно приняла неизбежное и, сделав неглубокий реверанс матери и тетке,

вновь влилась в ряды танцующих с подошедшим за время их диалога поклонником. Ей совсем не хотелось сейчас обсуждать произошедшее с кем-либо, поэтому она упорно хранила молчание все время до тех пор, пока они не покинули бал после ужина. Ее поклонники, удивившись ее неожиданной молчаливости и грусти, недолго пребывали в недоумении — один из них, будучи оскорбленным ее пренебрежением во время того самого вальса, умышленно намекнул в кружке завязтых сплетниц о румянце Марины на балу и о возможной его причине. К концу вечера намеки превратились неведомым образом в лживую осведомленность, и сплетня была запущена в гостиные и бальные залы Петербурга.

Вернувшись с бала тем временем, Анна Степановна сослалась на жуткую мигрень, причиной которой являлась «эта невоспитанная нахалка, совсем потерявшая разум», и, отложив расправу с дочерью «назавтра», гордо удалилась к себе.

Благодарная судьбе за передышку, Марина до первой зари не смогла сомкнуть глаз. Ее переполняли чувства, они распирали ее грудь, затрудняя дыхание, и рвались наружу. Она в который раз вспоминала последние слова Загорского, и надежда на ответное чувство пышным цветком распускалась в ее душе. Каждую минуту она вновь и вновь воскресала в памяти памятные ей мгновения последних недель, и, воспитанная на романических книгах, она уже предопределила мысленно дальнейший ход событий. Как истинная смолянка, Марина и не думала о том, что предмет ее обожания имеет на этот счет свое собственное мнение, за что и поплатилась в дальнейшем.

При первых лучах солнца неожиданно к Марине пришло желание вырваться на свободу из тесных стен дома, на свежий воздух. Она быстро и как можно бесшумно, чтобы не разбудить спавшую в гардеробной Агнешку, натянула платье для верховой езды и теплый жакет и спустилась в конюшню. Заспанный Федор, конюх и по совместительству кучер, оседлал кобылку Марины, недовольно бурча, что «будят ни свет, ни заря; честные люди в это время спят сладким сном...».

В Марине же в это время разрасталась волна слепящего восторга, и даже это бурчание Федора не смогло испортить ей настроения на хорошую прогулку верхом. Именно этот восторг и подстегнул ее умчаться прочь от дома на улицы Петербурга, не дожидаясь пока обычно сопровождающий ее Федор, с трудом сбросив с себя остатки сна, займет место в седле. Она знала, что ее ждет дома, скорее всего, хорошая порка за этот проступок и за непослушание на балу, но в данный момент ее бурлящая кровь заставляла ее пустить лошадь галопом в парк.

В этот рассветный час улицы столицы были пусты, лишь дворники мели метлами перед особняками да зазевавшиеся гуляки возвращались по домам с пирушек. В одном месте по пути в парк Марина встретила несколько пеших офицеров, изрядно пьяных и еле державшихся на ногах. Они пытались преградить ей путь, но Марина стегнула кобылу и быстро умчалась от них прочь, подстегиваемая их непристойными выкриками. Эта встреча заставила ее осознать безрассудность ее поступка, и она направила лошадь обратно к дому. Уже приблизившись к особняку, она вдруг в испуге резко натянула поводья, заставив кобылу заржать от боли — в негустой дымке тумана она заметила фигуру мужчины у самого их дома. Услышав громкий звук в тишине весеннего утра, он повернулся к Марине, и она с удивлением узнала Сергея Загорского. Девушка подстегнула лошадь и направила ее быстрым шагом к мужчине, не давая ему и малейшего шанса удалиться прочь.

— Боже, Марина Александровна! — Сергей удивленно моргнул, глядя на девушку снизу вверх. — Что вы делаете здесь в это время?

Марина же слушала бешеный стук сердца в ушах и замешкалась с ответом, смущенная неожиданной встречей практически у нее под окнами. Обрадованная, она начала было искать романтическую подоплеку их невольного randevu, но тут она заметила его слегка затуманенный взгляд и расстегнутый на верхние пуговицы мундир, видневшийся сквозь распахнутые полы шинели, ощутила слабый запах алкоголя и чего-то еще, что неприятно будоражило ее обоняние.

— А вы, Сергей Кириллович? — резко ответила Марина ему вопросом на вопрос, стараясь удержать на месте лошадь, беспокойно переминающуюся с ноги на ногу, почувствовав родную конюшню. — Вы, смею спросить, так рано поднялись или еще не ложились?

Сергей прищурил глаза и сквозь прищур смотрел ей прямо в глаза, не проронив ни слова. Марина вздохнула и внезапно поняла, что за запах бьет ей в нос, — дешевые французские духи.

— Стало быть, не ложились. Что ж, Сергей Кириллович, не смею вас долее задерживать, — зло проронила она и попыталась объехать мужчину.

Внезапно Сергей схватил лошадь за поводья и остановил ее, до полусмерти напугав Марину. Он было открыл рот, намереваясь ей ответить, но тут стук колес привлек его внимание, и он взглянул куда-то вдаль, мимо лошади. Лицо его помрачнело, и он резко отпустил повод. Марина быстро повернулась, но увидела только удаляющуюся коляску.

— Кто это был? — дрожащим голосом спросила она.

— Раньше надо было об этом думать, — резко бросил Сергей. — Ступайте домой, Марина Александровна. Бог даст, все обойдется.

Не обошлось.

К обеду из гостиной в гостиную передавалась весть о том, что беззаветно влюбленная Ольховская не только открыто преследует князя Загорского, но и, говорят, встречалась с ним тайно ночью. Путешествуя из дома в дом с визитами, сплетня обрастала новыми и новыми домыслами, грозя разрастись до немыслимого.

Марине обо всем поведал граф Арсеньев, единственный прибывший с визитом в тот день в дом Гольшевых. Оглушенная этой новостью, она даже не сразу поняла, чем это грозит ей, и только мрачные лица тетки и матери вернули ее на грешную землю.

— Что теперь делать? Что делать? — заламывала руки Анна Степановна. — Я говорила тебе, дуреха, что не доведет тебя до добра твое поведение!

Марина лишь смотрела на графа рассеянно:

— Значит, и Жюли теперь не может со мной общаться...

— Марина Александровна, — Павел взял ее руку и отвел подальше от ее причитающей матери. — Я уверен, при благоприятном расположении звезд мы сможем все исправить. Теперь вам следует вести себя благоразумно и осмотрительно.

«А, следовательно, не так как ранее» — мысленно продолжила его фразу Марина. Боже, что она натворила! Слепо увлеклась тем человеком, от кого благоразумные юные барышни должны бежать, как черт от лаdana, если только он не заявляет о своих серьезных намерениях, коих у Загорского и в помине не было. И потом — она сама....

— Сложившее положение можно исправить только одним способом, — громко заявила Анна Степановна, обмахиваясь платком. — Князь обязан сделать предложение Марине, если у него есть честь и совесть. Как бы мне не нравилось это, но иного выхода нет.

Марина, было, с надеждой посмотрела на Павла, но, увидев, как он помрачнел и отвел

взгляд от ее лица, словно окаменела.

— Вы прекрасно знаете, уважаемая Анна Степановна, что у Сергея Кирилловича есть и совесть, и честь. Но он, как представитель одной из уважаемых и благородных фамилий, обязан вступить в брак только с разрешения его сиятельства Александра Матвеевича. Думаю, что его сиятельство...

— Ах, полноте, голову нам дурить, граф! — внезапно подала голос Софья Александровна, до этого момента не проронившая ни слова. — Сам молодой князь не имеет ни малейшего желания даже представить подобный исход дела. Да, Марина сама бросалась ему на шею (не возражай мне, милочка, но это так!), но он-то чист в этой ситуации. Еще один слушок не повредит его мужской репутации. А Марине...

Она замолчала, но ее высказанное опасение повисло в воздухе, создавая еще более мрачную атмосферу. Марина на миг закрыла глаза. С самого детства она лелеяла свою заветную и сказочную мечту, совсем не подозревая, что со временем она способна погубить ее.

— Послушайте меня, прошу вас, уважаемые дамы, — Павел в волнении прошелся по комнате, затем, встав у камина, повернулся лицом к своим собеседницам. — Мы долго думали и, кажется, нашли решение, как спасти репутацию Марины Александровны.

— Мы — это кто конкретно? — резко спросила тетюшка Марины.

— Мы — это я, Жюли, ее матушка и... Сергей Кириллович.

— Подумать только, какое благородство! — неподобающе своим летам, фыркнула Софья Александровна. — Сначала ломаем, потом делаем!

— Мы решили, что лучше всего будет не делать вид, словно, ничего не было, и не отрицать очевидное, а просто придать ситуации несколько иной вид, — продолжил Арсеньев, не обращая внимания на реплику женщины. — А именно: изложим все так, будто, это сам князь преследовал Марину Александровну.

— В это никто не поверит! — воскликнула мать Марины.

— Поверят, если решат, что князь имел довольно серьезные намерения и слепо преследовал Марину Александровну везде в надежде поставить в неловкое положение и вынудить старого князя принять его решение о женитьбе, просто поставив того перед свершившимся фактом. Марина Александровна же в свою очередь поощряла его ухаживания, но вчерашняя его выходка чуть не погубила ее репутацию и поставила крест на их возможном браке. С этого момента Марина Александровна откажет ему в общении, раз и навсегда отвергнув его притязания.

— Превосходно придумано, — одобрила Софья Александровна, а Анна Степановна лишь кивнула, соглашаясь.

— Нет! — воскликнула Марина. — Не превосходно. Глупо. Глупо и смешно. Я не буду принимать участия в этом спектакле. Есть же другие способы...

— Других способов нет, дрянная девчонка! — взвилась Анна Степановна. — Ты согласишься на это, иначе, клянусь, я прикажу дать тебе плетей, как какой-нибудь крепостной. Это мигом сделает тебя шелковой!

— Прошу вас, Анна Степановна, — вмешался Арсеньев. — Позвольте мне поговорить с Мариной Александровной с глазу на глаз у окна. Вот увидите, я уговорю ее.

Мать Марины резким кивком дала свое согласие, и Павел, подхватив Марину за локоть, отвел подальше от родственниц к окну, создав, таким образом, более доверительную обстановку.

— Поверьте мне, другого выхода нет и не будет. Поймите, что я действую в ваших же интересах, Марина Александровна. Жюли опасается, что вся история негативно отразится на вашей репутации, и я готов приложить все силы, чтобы этого не произошло, как и ваша тетушка, и даже сам Серж, — говорил ей граф Арсеньев. — Свет, не задумываясь, заклеит вас и отвернется от вас, сделайте вы еще один неосторожный шаг. Даже самый ничтожно малый проступок. Вы понимаете, что ваше положение... — он замялся, а потом продолжил. — И потом уже поздно что-либо менять — Серж уже запустил слухи в клубе и офицерском кружке о своих чувствах к вам и о том, что вы его отвергли сегодня утром, когда он вас подкараулил на прогулке. Отрицая это, вы выставите его дураком и навсегда перечеркнете свое будущее. Сам Серж просит вас сделать это, вот, возьмите, — Павел незаметно от пристально наблюдавшей за ними с дивана матери передал ей в ладонь записку. Удивленная Марина так же незаметно спрятала ее в рукав платья. — Вы должны согласиться, заклинаю вас. Ради вас самой, ради вашей семьи, ради всего святого...

Сколько раз в будущем Марине повторят эти слова, словно заклинание, заставляя ее менять свои решения и свою судьбу... Как и в последующие дни ее жизни, она и в этот день дала свое согласие...

Уже в своей комнате, куда ее милостиво отпустила мать подготовиться морально к сегодняшнему вечеру, наедине с самой собой, Марина поспешно развернула полученную записку.

«Милая Марина Александровна (позвольте мне к вам так обратиться в первый и, скорее всего, последний раз),

Я искренне прошу прощения за то, что по пьяному недоумению так жестоко поломал вашу судьбу, ваше возможное будущее. Я не имел права и не должен был быть под вашими окнами в это злополучное утро. Кто-либо другой, но не я, беспечный прожигатель жизни. Я надеюсь, что вы позволите исправить содеянное мной и согласитесь претворить в жизнь разработанную стратегию. Вы мне нравитесь (тут сердце Марины готово было выскочить из груди), и я на все готов, чтобы вы смогли найти в свете того единственного, кто по достоинству оценит вашу красоту и ваш ум, чтобы вы нашли свое счастье. Поверьте мне, вы действительно достойны этого.

Я искренне желаю вам благополучия. Будьте счастливы»

Марина перевела взгляд в конец записки и увидела еле заметный постскрипtum, написанный более мелким почерком.

«Душою предан низменным соблазнам,
Но чужд равно и чести, и стыду,
Он в мире возлюбил многообразном,
Увы! Лишь кратких связей череду
Да собутыльников веселую орду...»

Это был конец. Конец ее влюбленности. Конец ее мечте...

Как больно, когда умирает мечта. Разбивается, разлетается на куски. Вдребезги.

Марина молча, словно окаменев, опустилась на кровать. Она еще раз перечитала записку, и каждое слово дикой болью отдавалось в ее душе. Он не любит ее и никогда не полюбит. Никогда!

«Того единственного»! «Будьте счастливы»!

Эти слова привели Марину в бешенство. Она подскочила на ноги и быстро, чтобы не передумать, порвала записку на мелкие кусочки, истерически хохотнув. Он хочет спасти ее. И что за ирония судьбы — от самого себя!

Сколько раз ей твердили, что у Загорского нет и не может быть чувств к ней! Сколько раз повторяли, что совесть и честь не в почете у князя, что он бессовестный распутник! Боль железной рукой сдавила ей сердце. Как она верила в свою придуманную мечту! Как обманулась! Боже, как же, наверно, забавляла Загорского ее наивная влюбленность, ее слепое обожание...

Марина стиснула кулаки. Она сделает то, что от нее хотят. Но сделает не ради себя, ей было в эту минуту совершенно все равно, что от нее может отвернуться в Петербурге вся эта светская публика. Она заботилась только о своих сестрах, чье будущее в Петербурге она может осложнить своим настоящим поведением, о Юленьке, дружбой с которой она так дорожила. Только ради этого Марина поступит должным образом, а потом — прочь, прочь из этого лживого города, прочь от обманных глаз и пустых слов. Ей будет гораздо лучше в Ольховке, которую она хоть и смутно, но помнила, как помнила и тепло няниных объятий. Только это поможет ей излечиться от этой боли, терзавшей ее душу.

«Уеду, — решила Марина. — Сразу после Юленькиного венчания и уеду». Она поднялась с кровати и позвонила горничной. Та явилась незамедлительно:

— Что угодно барышне?

— Прибери здесь, а потом одеваться будем. Нынче вечером выезжаю.

Спустя некоторое время Марина сидела перед зеркалом и придирчиво вглядывалась в свое отражение. Ей казалось, что после сегодняшнего потрясения должна была измениться не только ее душа, но и внешность. Но нет: она выглядит так же, как и ранее, вот только глаза уже не горят тем огнем доверчивой юношеской влюбленности.

— Барышня не довольна, как ее причесали? — откуда-то из-за спины донесся голос горничной.

— Довольна, милая, очень красиво, — Марина повернула голову, словно рассматривая свое отражение. Пожалуй, она как никогда хороша в этот вечер. «Актриса готова к выходу на сцену», — усмехнулась девушка.

Как и предполагалось заранее, по прибытии на бал Марину с матерью и теткой встретили довольно холодно. Хозяйка дома не могла любезно не поприветствовать их, как того требовали приличия, но гости почти сразу же стали игнорировать их маленький кружок. Чуть позднее прибыл граф Арсеньев с двумя своими сослуживцами, и, как было условлено, поздоровавшись со своей невестой и ее родителями, неожиданно для собравшихся подошел к Марине и ее родственницам и представил им прибывших с ним офицеров. С ними она должна была станцевать пару танцев, пока на бал не прибудет другое главное действующее лицо — князь Загорский.

Понимая, что на нее сейчас направлены десятки любопытных глаз, Марина из всех сил старалась удержать на лице безмятежную улыбку, направленную к своим собеседникам, моля Бога, чтобы этот спектакль побыстрее закончился.

Почти одновременно с ними прибыл князь. Он приехал почти к началу бала, еще до первого танца, что было исключительным событием для него, и этот факт упрочил версию влюбленности Загорского. Марина поняла это по шепотку, прошелестевшему по залу, по участившимся взглядам, то и дело бросаемых в их сторону. Сергей вошел в залу, настолько привлекательный каким-то своим мужским обаянием, что у Марины (да и не только у нее одной) перехватило на миг дыхание. Он прошелся по залу, то и дело раскланиваясь с гостями, ослепительно им улыбаясь и бросая мимолетные взгляды в сторону Марины, которые сразу же были замечены присутствующими. Гости, заранее подготовленные слухами об их ночном randevu, о безумной страсти Загорского к девушке, явно предвкушали невиданное зрелище, которое они смогут долгое время до начала следующего сезона смаковать, пересказывая друг другу во всех подробностях.

Хозяйка подала знак, и заиграл полонез, с которого по обычаю начинался бал. Пары встали в танец. Марину повел в полонезе один из товарищей Арсеньева. Загорский не стал танцевать, а встал в одной из ниш, якобы в намерении скрыться от любопытных глаз, и стал наблюдать за танцующими, изредка перебрасываясь фразами с подошедшими к нему знакомыми.

Марина нервничала под взглядом Сергея, что доводило ее просто до бешенства. Она пыталась улыбаться своему партнеру по танцу, но это плохо получалось. Ее глаза, словно самостоятельно, возвращались к высокой фигуре Загорского, и она никак не могла заставить себя прекратить это.

Наконец полонез закончился. Марина вздохнула с облегчением и позволила своему кавалеру проводить себя к тетушке и матери. От второго танца она отказалась, несмотря на возражения матери («Ты должна делать вид, что тебе абсолютно безразлично присутствие князя!») и попросила принести одного из ее собеседников оранжад.

Загорский второй танец тоже пропустил, послав ей «незаметно» для окружающих несмелую приветственную улыбку. Марина ее проигнорировала и повернулась к нему спиной. Она понимала, что поступает в разрез правилам приличия, но ничего не могла с собой поделать.

Третьим танцем был вальс, и сердце Марины сначала замерло, потом пустилось в бешеном ритме — с вальса и начиналась кульминация их пьесы. По напряженному лицу матери она поняла, что к ним направляется князь.

— Будь благоразумна, — шепотом взмолилась Анна Степановна. — Помни о своем положении...

Но Марина словно не слышала ее. Она повернулась к подошедшему князю и смотрела в его красивое лицо. «Почему? Почему ты отверг меня?» — кричала ее душа. — «Я ведь так любила тебя, ты был для меня всем...»

— Марина Александровна, — склонив голову в неглубоком поклоне, улыбнулся Загорский и протянул ей руку. — Позвольте ангажировать вас.

Марина чувствовала, как ее неумолимое сердце рвется навстречу ему, но мгновенно всплывшие в памяти холодные и вежливые слова его письма заморозили ее порыв. Она посмотрела ему в глаза и покачала головой, краем глаза отмечая ту волну перемолвок, что тотчас пронеслась по залу. Множество глаз наблюдало за их встречей, множество ушей

пытались уловить хотя бы слово из их разговора, чтобы после обсудить произошедшее во всех мельчайших подробностях, смакуя каждую деталь. Для всех окружающих вся эта история с ее влюбленностью лишь интересная сплетня, для нее же — ужаснейшая возможность навсегда разрушить ее репутацию, ее жизнь, будущее ее и ее семьи...

— Сожалею, ваше сиятельство, но вынуждена вам отказать, — Марина усилием воли раздвинула губы в подобии улыбки, стараясь, чтобы ее голос звучал как можно более холоднее и презрительнее. — В последний наш с вами танец сильно пострадали мои ноги, а я желаю впредь оставаться в добром здравии. Кроме того, этот вальс уже ангажирован. Да и вся моя бальная карточка уже полна. Весьма сожалею, ваше сиятельство.

Загорский молча, словно смирившись с поражением, склонил голову в прощальном поклоне и отошел в сторону. Тут же к Марине подошел один из сопровождавших их маленькую компанию офицеров и пригласил ее на уже звучавший вальс. Кружась по залу, Марина уловила уход Загорского из залы, сопровождаемый тихими смешками и перешептываниями. «Вот и все. Конец истории», — девушка прикрыла глаза, стараясь сдерживать невольно прилившие слезы. Но когда она вернулась к матери и тетушке, слез словно и не бывало, на лице ее сверкала улыбка, она задорно смеялась шуткам своего партнера по танцу.

Постепенно к их маленькой компании стали подходить все те, кто до этого танца их игнорировал, и скоро вокруг Марины опять образовался круг ее постоянных поклонников. Она шутила с ними, танцевала, снова и снова рассылала им ослепительные улыбки, принимая их комплименты. Только раз на ее лицо набежала тень, когда в разговоре всплыло имя Загорского.

— Нет, я не понимаю, как этот Загорский посмел подумать, что таким образом он может поступать с дамой! — вдруг начал горячиться один из ее поклонников. — Где его манеры, где элементарная воспитанность? Его поведение недостойно благородного человека! Дуэ...

— Нет-нет, — поспешила Марина прервать его прежде, чем неосторожное слово сорвется с его губ. — Прошу вас не стоит так горячиться, Алексей Алексеевич. Я думаю князь уже понял свою ошибку.

— Все дело просто в том, что он неожиданно для себя слишком влюблен в вас, и это чувство затмило его разум. И, поверьте, мне я не удивлен, — вы кому угодно способны свести с ума вашей несравненной красотой, — с этими словами ее собеседник поднес ее руку к губам. Марина поспешила прикрыть лицо веером, словно в смущении от подобной вольности, на самом деле пытаясь скрыть от окружающих то, как задела ее эти слова. «Ах, если бы это действительно было так, мой друг... Ах, если бы так...»

Тем же вечером возвращаясь домой, Марина со слезами на глазах обратилась к матери с просьбой уехать из Петербурга в Ольховское.

— Я так долго не была там, очень соскучилась по имению. Прошу вас, маменька, поедemте домой.

— Ты с ума сошла, душенька?! Если мы сейчас уедем, то дадим очередную пищу для сплетен. Тебе не хватило этих? Я лично сыта по горло ими и твоим поведением. Нет, довольно трепать имя Ольховских! Никуда не поедем, — отрезала мать.

Марина отвернулась, пытаясь сдерживать слезы, но они все равно пролились из глаз и горячими ручейками побежали по щекам. Ее тетушка, хранившая до этого молчание, протянула руку и смахнула со щек девушки одну из слезинок.

— Милая, Анна права. Негоже сейчас бежать из столицы. Да и все эти вечера и твои поклонники, от которых ты бежишь, быстрее помогут твоему бедному сердечку забыть. И ты совсем забыла про свадьбу своей подруги... Думаю, ей будет весьма приятно видеть тебя на службе в этот день.

И Марина осталась, как и намеревалась ранее, в Петербурге до дня венчания Юленьки с графом Арсеньевым. Она неустанно благодарила Бога за то, что ей более не пришлось встречаться с Загорским в Петербурге до отъезда. Он умело свел на нет свои посещения светских мероприятий, где они могли случайно столкнуться, и Марина почти отвыкла от его глаз, от его смеха, от его улыбки... Но ее глупое сердце по-прежнему судорожно сжималось, стоило ей заметить в толпе гвардейский мундир и венчавшую его светловолосую голову.

Юля и Арсеньев собирались венчаться до Вознесения, намереваясь после обряда уехать на остаток весны и на все лето в деревню, в имение графа, где Юленьке предстояло принять на себя новую роль графини и хозяйки дома. Марина с каким-то затаенным страхом и в то же время с нетерпением ждала этого момента. Они никогда не расставались с подругой долее, чем на день, со времен института, а тут предстояла такая долгая разлука, тем более Марина предполагала никогда не возвращаться в Петербург. Ей казалось, что самым лучшим для нее будет стать супругой какого-нибудь местного дворянина из губернии, где была распложена Ольховка, и навсегда поселиться так далеко от соблазнов большого города, которые так вскружили ей голову и чуть не погубили ее. Она представляла себе небольшое имение, несколько детишек и мужа-домоседа с трубкой в зубах у камина в гостиной. Они будут редко выезжать — ни к чему вся эта мишура, зато будут с удовольствием проводить время в охоте и деревенских хлопотах. Разумеется, она ни словом не проговорила об своих планах маменьке, ведь для той отъезд на лето в Ольховку уже казался трагедией, из-за чего она непрестанно переругивалась с Софьей Александровной.

День венчания был солнечным и безветренным, чему не переставали радоваться женская часть приглашенных, ведь в стремлении выглядеть модно и красиво она была выражена в платьях с голыми плечами и не очень плотные накидки. Марина весь обряд не отрывала своего взгляда от счастливой пары. Они не отрывали своего взгляда от батюшки, но их глаза горели таким огнем, что Марине стало грустно до слез. Она немного завидовала Юленьке, которая отныне принадлежала человеку, которого любила и который отвечал ей тем же.

Молодожены пошли вслед за батюшкой вокруг анаоя. Марина поймала взгляд подруги и улыбнулась ей, но встретившись глазами с серыми глазами дружки Арсеньева, несшего над тем венец, мгновенно окаменела. Загорский так же, как и она, быстро отвел глаза, но она успела заметить, как в них что-то мелькнуло. Что-то похожее на сожаление. «Сожаление? У того, у кого нет сердца и совести, не бывает приступов сожаления», — невесело подумала Марина и попыталась сосредоточиться на службе.

После окончания церемонии и поздравления батюшки с таинством венчания гости и молодожены должны были ехать на свадебный обед, но Марина внезапно поняла, что не в силах вынести еще несколько часов в том напряжении, в какое вогнал ее один лишь взгляд. Что же тогда будет на обеде? Поэтому она решила поздравить молодоженов и, извинившись, тихо уехать по возможности незаметно для остальных.

Но она не учла, что ее намерения легко можно предугадать, и поэтому очень испугалась, когда, стоя на крыльце церкви в толпе приглашенных, кидающих в молодоженов зерно и лепестки роз на счастье, почувствовала мужскую руку на своем локте. Марина

быстро повернула голову и неожиданно для себя самой встретила глазами с Загорским. Сердце ее моментально подпрыгнуло в груди и пустилось вскачь. Девушка почувствовала, что ее щеки заливают предательский румянец, и разозлилась на себя за такую реакцию.

— Что вам угодно, сударь? — Марина старалась как можно тише обратиться к нему, ведь если их сейчас заметят, опять не оберешься разговоров. Но она могла разговаривать в полный голос — никто бы этого и не заметил, все внимание было приковано к молодоженам.

— Марина Александровна... — начал было князь, но увидев, как негодуя вспыхнули ее глаза, поспешил исправить обращение на более холодно-официальное. — Сударыня, я прошу уделить вас мне всего минуту.

Марина отвернулась от него и смотрела теперь на улыбающихся молодоженов, спускающихся по ступеням крыльца.

— Позвольте полюбопытствовать, чего ради? — сквозь стиснутые зубы проговорила она.

— Я бы хотел еще раз извиниться перед вами. Я виноват, и мне нет оправдания...

— Не стоит, сударь, — перебила его Марина. — Не стоит пустых слов и сожалений. К чему они теперь?

— Вы злитесь на меня, я вижу. И поделом. Я был недопустимо безрассуден.

— Я повторяю вам, не стоит тратить попусту слова. Вам не за что извиняться. Это я позволила себе недопустимое безрассудство, не вы. Вашей вины здесь нет в помине. И, прошу прощения, я не понимаю, к чему вам извиняться, если в вас так отчаянно и нелепо влюбилась очередная дурочка. Ведь это, я полагаю, произошло не в первый раз и в далеко не последний. К чему тогда так сожалеть? На всех не хватит ваших душевных сил и терзаний. А теперь прошу прощения, позвольте мне вас покинуть, все уже готовы к отъезду, а мне еще предстоит переговорить с Жюли.

С этими словами Марина собиралась удалиться прочь, но Загорский неожиданно схватил ее ладонь, и она остановилась. Ее бедное сердечко бешено колотилось от страха и волнения, а также от предвкушения и надежды — вдруг князь после разлуки осознал, что он потерял и теперь... Но последующие слова Загорского заставили ее похолодеть.

— Я смиренно прошу у вас прощения за то, что, быть может, невольно дал вам надежду на нечто большее, чем дружеское расположение с моей стороны, и...

— Молчите! — прошипела ему сквозь зубы, полуобернувшись, Марина. — Ради всего святого, молчите!

Девушка вырвала свою руку из ладоней князя и спешно пошла к экипажам, стоявшим возле церкви. Невыплаканные слезы, которые она не имела права пролить в этот момент, душили ее и раздирали ей грудь острой болью. Так обмануться! Так жестоко обмануться! Нет, князь не виноват, что она, наивная и доверчивая, так слепо принимала все его вежливые знаки внимания за намеки на некое скрытое чувство. Сама себе придумала историю, сама и будет выпытываться из этой истории.

Марина обернулась к церкви и посмотрела на ярко блестящие сусальным золотом купола церкви.

— Господи, — взмолилась она безмолвно. — Дай мне сил пережить это. Дай сил забыть его. Ибо без твоей помощи я слаба, раба твоя...

С того самого дня Марина не видела более Загорского. После венчания и необходимых вежливых визитов к родственникам молодые почти сразу же уехали из Петербурга в имение

семьи графа Арсеньева, чтобы там, в сельской тиши провести первые месяцы своего супружества до начала сезона, и девушка со спокойным сердцем принялась к приготовлениям к предстоящему путешествию в Минскую губернию, где располагалась Ольховка. Она искренне и от всего сердца надеялась, что там, в ее родном имении она сможет восстановить свой душевный покой и склеить остатки своего разбитого сердца. Кроме того, там, в Ольховке, была ее любимая Гнеша, ее няня, вынянчившая ее с рождения, и Марина полагала, что добрые ласковые нянины руки вылечат ее от тоски, раздирающей душу, как исцеляли ее детские раны и порезы.

Все почти так и случилось. Вдали от петербургских знакомых и мест Марина постепенно вычеркивала из памяти случившееся. Она с головой окунулась в сельскую жизнь: помогала матери по хозяйству, навещала больных и немощных в деревне, часто прогуливалась по лесу и выезжала верхом. Она принялась с азартом обучать своих младших сестер всему тому, что получила от учителей в Смольном, и чему их недоучила их гувернантка, но отклик нашла только у младшей, Оленьки, которая с молодых лет тянулась к знаниям. Старшие же сестры увлекались лишь всем поверхностно, они были истинными дочерьми своей матери и думали только о балах, хоть и сельских, но сносных, вечеринках, гаданиях и пасьянсах, моде. Им казалось дикостью и нелепицей, что Марина наотрез отказалась поехать в Петербург на сезон, когда ее спустя полгода позвала Софья Александровна. Предпочесть светский Петербург этой глуши?! Но, как ни упрашивала Анна Степановна свою непутевую дочь, как ни грозилась ее выпороть, не смогла она ее уговорить покинуть Ольховку. Пыталась даже привлечь к уговорам свою тетку в письмах, но та приняла сторону Марины («Пусть отдохнет душой, успеется еще пощеголять»... «Может статься, и ни к чему ей столичные пустозвоны. И в Минской губернии может найтись сердечная половина Марины»), и Анна Степановна в сердцах написала той не очень вежливое и степенное ответное письмо, что заморозило их сношения аж на два года, несмотря на все покаянные письма первой.

Так и шло время, день за днем, месяц за месяцем.

Несмотря на кажущееся спокойствие ее души, Марина иногда вспоминала серые глаза под русой прядью волос, и сердце ее замирало. Ей казалось, что отравы любви навсегда проникла в ее кровь и ни многочисленные губернские кавалеры, ни время не сможет ее оттуда изгнать. Иногда по ночам девушка доставала тщательно скрываемый от Анны Степановны альбом и смотрела на любимый профиль, а слезы все катились и катились по ее лицу.

Однажды девушку за этим занятием застала Агнешка, ее нянька.

— Пошто свечи жжешь ночью? Опять читаешь? — и, заметив в руках воспитанницы альбом и слезы на ее щеках, женщина со вздохом присела на край кровати. — Пошто мучаешь себя, милая? Сердце-то оно болеть не перестанет, коли сама не отпустишь боль.

— Да откуда ты знаешь? — всхлипнула Марина. — Эта боль никогда не уйдет. Уже год прошел...

— Да уж поболее твоего знаю, касатка, — нянечка взяла холодные руки девушки в свои и принялась их растирать, пытаясь согреть нежные пальчики. Она помолчала с мгновение, а потом глухо продолжила:

— Думаешь, старая нянька не любила никогда? Думаешь, ей неизведанна боль сердечная? Все ей ведомо, няньке твоей. В пятнадцать годков яго встретила, моего Янусика. В семнадцать потеряла. Любила яго так, что сердце, казалось, выпрыгнет из груди, что свет

не мил будет без няго. Родители почти сговорили нас, да нелегкая управляющего в имении сменила. Ух, и лют он был! Ух, и гонял нас, горемычных, на полевых! Барину, деду твоему покойному, услужить все старался. Полюбилась я ему, окаянному! Два года он пытался склонить меня к греху, два года я его пазбягала, как могла. Два года он гробил меня и мою семью в поле да оброком немерянным обкладывал. Все по его бумагам выходило, что недодаем мы. А через два года узнал он о сговоре нашем с Яном, нашел яму вину достойную такого наказания и забрил яго в солдаты прямо перед венчанием. Барин с барыней были в Минске, и мне молить было некого, кроме как идти на поклон к окаянному. Я готова была на все, чтобы Ян остался. Но управляющий обманул меня, и Яна увезли. Каюсь, утопиться я хотела после такого позора и горя, к речке ходила. Но вытащили меня, спасли мою душу от адовых мук. Барыня, упокой Господь ее благуя душу, узнала сразу же по приезду обо всем, настояла на выгоне управляющего, а меня в дом взяла за батюшкой твоим ходить.

Нянюшка замолчала, пытаясь удержать слезы в глазах, Марина же слушала, затаив дыхание.

— Что же с ним стало, с Яном? — наконец решилась спросить она. — Ведь срок службы уже вышел, почти сорок лет прошло.

— Да кто яго знает, сердэнько мое. Сгинул, верно, где, ведь сколько войн с той поры-то было.

— А ты его забыла? — робко и неуверенно спросила Марина.

— Забыла? Бог милостив, вот и память моя уже не та, что раньше. А по первости, конечно, больно было. Ни на кого из мужиков смотреть не могла. Хотя сватались ко мне многие, я ведь недурна была да и работающая, кто такую жену не захочет? Да и барыня покойная давала приданое за мной хорошее: курей да корову да тканей несколько аршинов и другого добра. Да не полюбился никто сердечку моему, вот и осталась в доме при детках: сначала покойных братьях батюшки вашего, упокой Господь их душеньки, а потом и при вас малолетних.

Нянька замолчала. Молчала и Марина. Она по молодости своей и подумать не могла, что подобные страсти могут испытывать окружающие ее да еще и в таком возрасте, как нянин... Позволит ли ей Бог забыть то, что занозой сидело в ее сердце? Позволит ли он ей встретить того, кто будет способен затмить воспоминание о Загорском в ее памяти? Того, кто сотрет из памяти тот поцелуй в ладонь на балконе, который, словно печатью, заклеил ее этой горькой любовью?

До сих пор многочисленные молодые соседи по имению да кавалеры на уездных балах не могли привлечь ее внимание надолго. Они казались ей какими-то пустыми и неинтересными, да и маменька зорко следила за их ухаживаниями — не дай Бог кто Марину склонит к себе. Анна Степановна была согласна только на столичного зятя, ну, на худой конец московского. А местные шляхтичи... Не та птица будет! Вот втайне от Марины и получали отказ некоторые осмелившиеся руки ее дочери просить. Ничего, ей только девятнадцать. До срока «кандидатки» [\[9\]](#)еще шесть лет...

Так и проходили месяцы день за днем, похожие друг на друга, как братья близнецы. Только изредка письма от любимой подруги заставляли Марину на пару часов вернуться в ту ее прежнюю жизнь, в которой она была столь наивна и, как ей казалось, до крайности глупа. Она не строила ни каких иллюзий по поводу своей дальнейшей судьбы, прекрасно зная, что ее дочерний долг выйти замуж за того, кого укажут папенька и маменька и стать хорошей супругой своему будущему суженому. Но иногда где-то внутри нее что-то восставало против

этого, что-то тревожно ныло. «Как же так? Что же насчет любви? Как можно будет обещаться на всю жизнь чужому человеку? Ведь есть же она, любовь... Вон в романах...»

Но жизнь далеко не роман. Это ей было доказано тем самым человеком, который должен был стать ее романическим героем, но, увы и ах, предпочел роль отрицательного персонажа. Теперь остается только смириться и следовать по течению судьбы...

— Боже милосердный, дай мне сил сделать то, что я должна, — взмолилась Марина, когда их скромный транспорт миновал последнюю заставу и въехал в столицу. — Укрепи меня перед испытаниями, которые ждут меня впереди...

Загорский возвращался в Петербург в довольно мрачном настроении. Он уже предполагал, как встретит его дед и какими упреками наградит прямо на пороге дома, как будет недоволен командир его полка. Сергей заранее знал, что, скорее всего, получит выговор за поведение, «порочащее честь гвардейского мундира», и, дай Бог, чтобы он был только от генерала Журова, ведь, насколько он был осведомлен, его делом заинтересовался сам государь, т.к. куролесил он за границей, а Его Величество зорко следил за своими подданными за пределами государства.

Сергей вздохнул. Да, он свалил дурака, опять сойдясь с Натали. Да, ему не следовало оставаться во Флоренции у ее ног, но он предполагал, что старая любовь способна заставить его мысли измениться, а сердце — забыть. Забыть и никогда больше не вспоминать, как он потерял то, что могло быть совсем другим, лучшим, чем он мог даже думать. Забыть, как он испугался за свою холостяцкую свободу, за свою будущую карьеру в армии, за свое положение в обществе, за будущее благосостояние.

— Полячка, без роду-племени, без гроша в кармане и, быть может, католичка! — слова старого князя больно и едко хлестали в лицо. — Неужели ты забыл, сколько горя принесло польское отродье семье Загорских? Неужели не понимаешь, к чему может привести подобный мезальянс? Полячке не дали шифр, это тебе о чем-нибудь говорит?

В тот вечер, после бала старый князь долго беседовал с внуком наедине у себя в кабинете. Он тоже видел тот единственный вальс, только в отличие от остальных он мог увидеть, что где-то внутри Сергея зарождается невольный интерес к этой инженеру. «Прокляну и лишу наследства и титула!» — этот вердикт заставил Загорского содрогнуться — без денег, без титула, без эполет... Тогда он решил, что ничто не может быть этому ценой. Разум взял вверх над эмоциями, и он отступился.

Все осталось по-прежнему: его безудержные гулянки и попойки, его безумный успех у противоположного пола и, как следствие, его волокитство. Все да не все. Иногда, по ночам, когда он был незащищен перед воспоминаниями, что он так настойчиво гнал от себя днем и заглушал, чем мог, настигали его. Эти серо-зеленые глаза... Они выворачивали ему душу наизнанку. Иногда он видел их задорно сверкающими. Иногда сияющими влюбленными. Иногда заволакившие невыплаканными слезами обиды и разочарования.

Он убеждал себя, что это просто очередное увлечение, какое не раз вовлекало его в свои сети быстротечно и без особых последствий, но тот факт, что спустя два года он помнит оттенок ее глаз, говорил об обратном и, честно говоря, пугал его до полусмерти. Он, никогда не признававший долгих привязанностей и обязательств, похоже был пойман наивной инженеру.

Сергей тряхнул головой: «Глупости! Каким сентиментальным я становлюсь в преддверии тридцатилетия...»

Приближающийся возраст не пугал его, просто доставлял лишние хлопоты. Дед неустанно твердил ему в письмах, что в эти годы его отец уже был женат и имел даже двух наследников, и призывал его исполнить свой долг перед титулом и положением. Но Загорскому не особо хотелось связывать себя с кем-либо узами брака, ведь это означало, что он будет навеки прикован к одной женщине, с которой ему придется проводить определенную часть своего времени. Да к тому же все женщины, которых он знал, были

либо красивы, но глупы, либо наоборот — умны и способны поддержать беседу, но не особо привлекательны. А будущая княгиня Загорская должна быть исключительной особой женского пола, чтобы привести его под венец...

Мысли Сергея опять невольно вернулись к молоденькой девушке с серо-зелеными глазами и чуть лукавой улыбкой. Почему он вспоминает ее? Почему чувствует себя виноватым за то, что произошло два года назад? Нелепая влюбленность чуть не привела к роковой ошибке, и его вины в том нет. Но почему он никак не может забыть этот случай? Почему первые несколько месяцев после отъезда Ольховских из Петербурга порывался написать Марине, но неизменно сжигал неотправленные письма? Почему ему так важно, чтобы она думала о нем без злости или обиды? Раньше его ничуть не беспокоило, проклинают ли его бывшие пассии или вспоминают с теплотой, что же изменилось теперь?

Неужели это действительно его судьба? Неужели ему давался шанс стать в глазах этой девочки именно тем героем, которым он всегда хотел стать? Рыцарем без страха и упрека? Неужели его любили просто такого, какой он есть, а не за его титул, богатство или славу греховодника?

Неожиданно Загорский почувствовал себя усталым и недовольным собой. Может, дед прав, и пришла пора стать примерным супругом и отцом? Он попытался представить себе, что идет по холлу в столовую, где сидит его супруга и ждет его к ужину. Он откроет дверь и пройдет в комнату. Улыбнется детям, лица которых Загорский представил довольно размыто, сосредоточившись на облике супруги. Она сидит к нему вполоборота, что-то говоря одному из детей, сидевшему рядом с ней. Вот она услышала, как открывается дверь, и под аккомпанемент восторженных приветственных возгласов детей поворачивает к нему лицо, подставляя губы для поцелуя, ее серо-зеленые глаза радостно сверкают...

О нет! Похоже, его совсем доконало это долгое и скучное путешествие домой. Только дураки пускаются в путь поздней осенью, когда дороги совсем развезло. Хорошо хоть в России легкий морозец уже прихватил землю, и путешествие пошло быстрее по замерзшей грязи.

Чем иначе объяснить этот сентиментальный настрой? Эта слякотная и хмурая осень! Так и меланхолию недолго удариться...

Загорский решил отвлечься от своих мыслей и вернуться к чтению, которое было прервано на предыдущей заставе. Открыв книгу на первой же попавшейся странице, он бросил взгляд на строчки и невольно замер.

«...Я тебя полюбил неожиданно, сразу, нечаянно, Я тебя увидал — как слепой вдруг расширит глаза И, прозрев, поразится, что в мире изваянность спаяна, Что избыточно вниз, в изумруд, излилась бирюза...»

— А чтоб тебя! — Загорский со злостью отшвырнул книгу в другой угол кареты. Решено, сегодня же он встретится с Ворониным и Арсеньевым (если того отпустит, правда, молодая супруга) и ударится во все тяжкие перед вызовом к генералу. Уж если получать на орехи, то за все сразу! Может, хороший вечер и поможет ему отвлечься от его непонятных мыслей...

Сказано — сделано. В тот же вечер, едва успев смыть с себя дорожную пыль и сменить мундир, Сергей был в ресторации Talon'a, где его с плохо скрываемым любопытством встречали знакомые лица высшего тона Петербурга. Пока его встречали немного настороженно — наслышав о его приключениях и пока оставаясь в неведении, какая реакция

на это последует императора, все любезно, но с легкой прохладцей раскланивались с ним, но не более. «Ничего, гроза пройдет — опять любезничать начнете», — усмехался про себя Сергей.

Зато его друзьям было абсолютно все равно — Арсеньев уже вышел в отставку, а Воронину с его высочайшими благодетелями в императорской семье любой скандал был безопасен для карьеры. Именно поэтому они с радостью и с распростертыми объятиями встретили блудного друга.

— Что ж ты не предупредил о приезде? Может, пообедали бы у меня, — пенял Сергею Павел Арсеньев. — Жюли нашла удивительную стряпуху.

— То-то, я гляжу, ты пополнел, друг любезный, — обнял Загорский друга. — Вон еле поместился в руках...

Обед пролетел незаметно за дружеской непринужденной беседой. Друзья не виделись почти год, и им было, что рассказать друг другу. Вспоминали прошлое, обсуждали настоящее.

— Что, думаешь, тебя ждет на приеме шефа? — спросил Сергея Воронин. — Скажу честно — твоя история наделала много шуму в Петербурге, что вызвало большое недовольство Его Императорского Величества. Уверен, вызовут тебя скоро и к нему.

Загорский помолчал, потом достал из кармана сигару и прикурил, что вызвало недоуменные и слегка недовольные взгляды друзей.

— Понимаю, все понимаю, — усмехнулся Загорский, — но ничего не могу с собой поделать — пристрастился за границей и никак не могу отвыкнуть. Что касается наказания за мой эскапад, то я готов. Вы же знаете, не в первый раз, — он коснулся своего «Георгия», напоминая друзьям свою ссылку на Кавказ за дуэль с одним молодчиком, вызов коего принял по молодости и от хмельной головы. Тогда всех друзей наказали соответственно рангу — неделя на гауптвахте и ссылками из Петербурга. Только Воронин и Арсеньев отделались удалением в деревню, а вот Загорский, не сумев удержаться от язвительных комментариев по поводу необоснованных по его мнению обвинений, попал на арену военных действий на полгода.

— Дурак ты, — беззлобно заметил Воронин, — что же ты делаешь со своей жизнью, Серж? Опять пороху понюхать захотелось?

— Нет, Анатоль, — возразил тому Павел Арсеньев, — жениться ему надо. Сразу вся дурь из головы вылетит. И за юбками волочиться так открыто перестанет, и за ум возьмется.

— Не суди по себе, — усмехнулся Загорский. — И потом — жениться, значит, уступить его сиятельству князю. А я пока не готов смириться и пойти на поклон...

— Что за вражда? Серж, не мне тебе говорить, что это так... так.. по-детски. Ребячество это, — Воронин залпом выпил вино, оставшееся в бокале. — Это твой дед, твоя кровь. Если бы у меня был хоть кто-то из старших, я бы... Вот, когда потеряешь близкого, тогда поймешь!

— Ты так говоришь, словно единственный потерял родителей! — Загорский злобно прищурил глаза. — Да, я своих потерял не в младенчестве, но это не означает, что я их не терял.

— Тихо, господа, тихо, — пытаюсь их успокоить, положил руки на рукава их мундиров Павел. — Ишь, распетушились... Ну, как дети, право слово. Выпьем лучше. Гарсон, еще шампанского!

— Думаю, будет лишним, Paul. Ведь нам пора, — Воронин поправил рукав мундира.

— Пора? Куда? — удивился Загорский. — Я думал, мы потом поедем к m-m [D élice](#). Ну, с Павлом-то все кончено отныне, а ты, Анатоль, ты-то...

Воронин задумался на мгновение, а потом медленно проговорил:

— Я, друг мой, нынче приглашен на бал к князю Вяземскому и намерен там быть.

— Ты? На бал? Вижу и вправду все переменялось за мое отсутствие, — рассмеялся Загорский. — Не ты ли называл балы и рауты — рассадником невест и их мамаш? Что за дивная перемена?

Воронин резко схватил со стола бокал и отпил вина.

— То было ранее. Я был молод и глуп. Бесшабашная и неразумная юность, что тут скажешь? А нынче...

— Нынче... — повторил за другом Сергей, подталкивая друга к откровенности, краем глаза ловя на себе странный взгляд Арсеньева. Ему с нетерпением хотелось докопаться до истины, заставить признать Воронина, что он дал слабину, и какая-то юная кокетка вскружила ему голову. Неловко было признать (да он никогда и признается в этом даже себе), но Сергею даже приятно было убедиться в слабости друга, который ни разу до сих пор не увлекался особой женского пола столь сильно, что готов был присутствовать на «светских сборищах».

— Нынче все изменилось, — кивнул головой Анатоль. — Да, ты прав — я еду туда ради женщины. Я влюблен, и я намерен пойти до самого конца. Да — да, готов расстаться со своей свободой и окольцевать себя. Поверь, мне ради нее стоит пойти и не на такие жертвы. Да, впрочем, кому, как не тебе об этом знать?

Загорский почувствовал, как внутри него все похолодело. Краем глаза он по-прежнему наблюдал за Арсеньевым, и ему не нравилось, как напряженно замер тот и следил за их разговором.

— Не понимаю, о чем ты, Анатоль, — Сергей глотнул вина и улыбнулся другу. — Ну, если только ты не решил приволокнуть за Натали Ланской, но та ведь в Европе. А больше особ женского пола, ради которых я готов был бы чем-то пожертвовать, нет.

— Полно, Серж, не думаю, что ты забыл ту историю. Ведь говорят, ты был влюблен, вс что, заметь, я не верю вовсе. Увлечен, может быть, но влюблен... — Анатоль улыбнулся, и Загорский понял, что тот весьма забавляется в этой ситуации. Они поменялись ролями. — Надеюсь, Натали развеяла тот легкий флер? Потому как мои намерения весьма серьезны в отношении этой дамы, весьма.

— Это звучит прямо как предупреждение. Разве ты уже сделал предложение, чтобы упреждать соперников? — усмехнулся Сергей. Он изо всех сил стремился оставаться спокойным, хотя в его мозгу, как в клетке птица, билась только одна мысль: «Неужели?». — Полно, Анатоль, нам вовсе нечего с тобой делить. Давай лучше выпьем напоследок. Клянусь, мне это сейчас необходимо — по возвращении в особняк я неизбежно столкнусь с моим вечным ходячим укором, его сиятельством старым князем. Мне повезло, что когда я прибыл, он был с визитом у Загряжской, так что я избежал упреков и скандала. Но думаю, в этот раз я не буду столь удачлив. Так что, выпьем за любовь, господа! — и, заметив, как у друзей появилось недоумение на лицах, Загорский продолжил. — За эту химеру, с которой удастся столкнуться немногим, и опять же немногим удастся понять, что это всего лишь химера.

Он залпом осушил бокал и криво улыбнулся собеседникам.

— Что же вы не пьете, господа?

Павел поднял свой бокал:

— Пью за начало тоста, но не за конец. За любовь! — и, пригубив вина, он с укором сказал. — Не пойму, что с тобой творится, Серж? Что за циник сейчас тут сидит с нами? Ты ведь таким не был. Что произошло во Флоренции?

— Ровным счетом ничего, — Загорский помолчал, затем встал и, отдернув мундир, щелкнул каблуками. — Прошу извинить, господа. Я толком не успел отдохнуть с дороги, да и перед великой битвой со старым князем надо набраться сил.

Воронин медленно поставил на стол бокал с вином, который он крутил до этого в руках, наблюдая за бликами света в вине, и задумчиво проговорил:

— Довела его Ланская до ручки, прости за выражение. Другого подобрать не могу. Я всегда знал, что эта кокотка доведет его до беды...

— Ты думаешь, это она — причина его уныния? Не уверен. Его любовь к ней начала умирать, когда она пошла под венец с графом. За прошедшие годы мало что осталось от нее.

— Что же толкнуло его вслед за ней во Флоренцию?

— Привычка, похоть, желание насолить деду... — Арсеньев достал трубку из кармана и стал набивать в нее табак. Раскурив, он продолжил беседу: — Ты ведь не был тогда, когда у них состоялась та ссора из-за Натали Ланской. Он кричал деду и отцу ужасные слова... А напоследок заявил, что раз она не годится продолжить род Загорских, то его не продолжит никто. Вот так-то... Теперь, когда Серж с дедом еще более отдалились друг от друга после того ужасного случая с его семьей, он и вовсе готов даже встать под пули, лишь насолить старому князю. Боюсь, когда-нибудь это и случится. Я, правда, надеялся года три назад, что он может измениться, но нет — увы и ах, этого не произошло. Юная дева не смогла совершить чудо.

— Ты о той истории? — нахмурился Воронин. Даже слышать от друга об этом давнем случае ему было неприятно.

— О ней. — Арсеньев некоторое время молчал, попыхивая трубкой, а потом продолжил. — Я ведь впервые видел, чтобы он о ком-то действительно беспокоился, кроме нас, что он кому-то помог, а уж тем более, деве.

— Ты думаешь, он был влюблен в нее?

— Влюблен? Нет, конечно. Просто она ему нравилась. Нравилась, как нравится миленький котенок или несмышленный щенок, не более. Вспомни, как его поведение во время этой истории с Ланской... как он страдал... А тут он отпустил ее без какого-либо сожаления, без каких-либо эмоций. Не забывай, я говорю, не с чьих-то слов, я видел все происходящее своими глазами.

Тем временем, Загорский ехал в коляске домой и размышлял. Что происходит с ним? Почему ему так неприятна мысль о том, что Ольховская может быть чьей-то невестой, а уж тем паче супругой? Может, потому, он привык, что только он является предметом ее грез? Простое чувство собственника? Или просто ему неприятно, что это именно Анатоль, дружеским соперником которого он всегда был везде и во всем — в стрельбе, успехе у женщин, в количестве выпитого...

Значит, она в Петербурге...

Загорский попытался вспомнить ее лицо, и его удивило, как легко оно всплыло из недр его памяти. Вся история из знакомства вдруг промелькнула перед его глазами.

«...— Как мило. Только вот верится с трудом в подобное. Отказаться добровольно вышибить скамейку из-под моих ног, когда моя голова уже почти в петле, ну что же вы...

— Не правда ли, неприятно оказаться загнанной ланью, а не охотником, как мгновение

назад?...»

«...— Пожалуйста, пригласите меня...»

«... — Боже, Марина Александровна! Что вы делаете здесь в это время?

— А вы, Сергей Кириллович? Вы, смею спросить, так рано поднялись или еще не ложились?...»

«...— Вы злитесь на меня, я вижу. И поделом. Я был недопустимо безрассуден.

— Я повторяю вам, не стоит тратить попусту слова. Вам не за что извиняться. Это я позволила себе недопустимое безрассудство, не вы. Вашей вины здесь нет в помине. И, прошу прощения, я не понимаю, к чему вам извиняться, если в вас так отчаянно и нелепо влюбилась очередная дуручка. Ведь это, я полагаю, произошло не в первый раз и в далеко не последний. К чему тогда так сожалеть? На всех не хватит ваших душевных сил и терзаний....»

Их последний разговор долго не давал ему покоя. Он то и дело перебирал в памяти все сказанное, пытаясь найти те слова, что обидели ее. Он ведь пытался извиниться перед нею за то, что свершилось. За то, что невольно, может, дал ей надежду, проводя столько времени рядом. В свете это ведь считалось уже почти ухаживанием. А ведь он такого желания даже не имел, просто сопровождал Арсеньева в его визитах...

Ах, кого он обманывает?! Ему было приятно находиться рядом с ней. Она так разительно отличалась от всех тех девушек, что он встречал ранее — такая непринужденная, такая дерзкая... И это несмотря на институтское воспитание... Немало палок она там получила, верно, за свой нрав.

Во всей этой истории виноват только он. Он и никто другой. Хорошо еще, что удалось все исправить. Неизвестно, к чему бы это привело в противном случае.

Загорский потер рукой лоб, словно стараясь стереть неприятные ему мысли из головы. Теперь, когда оба участника той драмы в Петербурге, снова всколыхнется на пару вечеров та старая история. Ее обсудят и забудут, главное — не давать повода для других сплетен на эту тему.

Задумавшись, Загорский, только столкнувшись в холле со старым князем, обнаружил, что уже дома. Князь надевал поданным лакеем плащ и хмуро взглянул на внука из-под седых бровей.

— Добрый вечер, ваше сиятельство, — поздоровался внук с дедом.

— Добрый вечер. Как путешествие? Как дороги? — они старательно вели светскую беседу, пока рядом суетились лакеи, помогая им.

— Дороги отвратительные, как, впрочем, всегда по осени, — Загорский стянул перчатки и передал их лакею, старательно избегая взгляда старого князя.

— А я всегда говорил, что только дураки пускаются в путь осенью, когда дороги плохие. Загорский поднял голову и внимательно посмотрел на деда. Тот стоял прямо и в упор смотрел на него.

— Вы бы желали, чтобы я остался во Флоренции на зиму? — с сарказмом спросил Сергей.

— Нет, — холодно отрезал князь. — Я желал бы, чтобы ты не ездил туда вовсе и не

позорил имя Загорских. Но что тебе до моих желаний?!

— Да уж действительно, я такой себялюбивый внук, — Сергей рывком сорвал с себя плащ и кинул лакею.

— Был бы другим, поинтересовался бы, как мое здоровье. Дождался бы меня дома, а не мотался бы по ресторациям, — старый князь махом руки отпустил слуг, чтобы продолжить разговор с внуком наедине.

— Ах, простите. Как ваше здоровье, ваше сиятельство? Не хвораете, часом?

Старый князь закрыл на мгновение глаза, стремясь обуздать все те эмоции, что рвали его душу. Успокоившись, он продолжил разговор:

— Я был сегодня у Его Императорского Величества, просил за тебя. В наказание за недостойное офицера гвардии и дворянина поведение тебя ждет лишь домашний арест сроком на два месяца. Начиная с сегодняшнего дня, тебе запрещено покидать этот дом на время ареста. Никаких визитов, никаких попок и шлюх, никаких игорных. Ты должен быть еще благодарен за то, что так легко отделался.

— Премного благодарен, — шутливо склонился в поклоне Загорский.

— Неблагодарный щенок! — взорвался старый князь. — Другой бы на твоём месте радовался, что не ссылка или тем паче, Кавказ, а ты! Одно радует, что хоть два месяца ты не дашь повода трепать наше имя! Все, нет больше желания продолжать эту беседу с тобой.

Князь повернулся к выходу и, словно из-под земли выросший в мгновение ока, лакей открыл перед ним входную дверь.

— Я еду к Вяземским. Буду поздно, — князь начал спускаться по ступенькам, но потом, словно вспомнив что-то, повернулся к Сергею, который наблюдал за ним через открытую дверь. — Да, и вот еще что. Ты, верно, не знаешь, в Петербурге нынче опять эта полячка. За те три месяца, что она здесь уже успела вскружить головы половине Петербурга, в том числе твоему закадычному другу, Анатолию Воронину. Люди говорят, он столь увлечен ею, что намерен делать ей предложение. А ты просидишь здесь до конца сезона и не увидишь самое интересное ... Какая жалость! — и князь со смешком продолжил путь к карете.

Лакей уже закрыл дверь, а Сергей продолжал ее буравить взглядом. Он был так зол, что готов был крушить все подряд. Ни капли сомнения — это дед упрямил императора посадить его под замок, пусть даже домашний.

Загорский направился в игорную комнату, где стоял барный шкаф. Налив себе бренди, он махом вылил его в рот. Только почувствовав, как тепло распространяется по всему его телу, от горла до желудка, он успокоился и начал думать.

Старый князь уверен, что обыграл его. Но нет, не на того напал. Он найдет способ насолить ему любой ценой, что бы ему этого не стоило! Старикан уверен, что он маленький мальчик, которым можно управлять по своему желанию. Сначала этот нелепый арест, а что потом? Насильная женитьба на какой-нибудь внучке-мышке одного из его друзей? Он же просто бредит продолжением рода...!

Загорский налил себе еще бренди.

— Вы хотите войны, ваше сиятельство? Вы ее получите! — он посмотрел на свое отражение в зеркале над камином и усмехнулся.

«...— Полячка, без роду-племени, без гроша в кармане и, быть может, католичка! Неужели ты забыл, сколько горя принесло польское отродье семье Загорских? Неужели не понимаешь, к чему может привести подобный мезальянс? Полячке не дали шифр, это тебе о чем-нибудь говорит?...»

«...— Ты, верно, не знаешь, в Петербурге нынче опять эта полячка. За те три месяца, что она здесь уже успела вскружить головы половине Петербурга, в том числе твоему закадычному другу, Анатолию Воронину. Люди говорят, он столь увлечен ею, что намерен делать ей предложение. А ты просидишь здесь до конца сезона и не увидишь самое интересное ...»

— Обещаю вам, ваше сиятельство, **вы**уж точно не пропустите самое интересное! — Сергей отсалютовал бокалом своему изображению в зеркале.

Марина в восторге прильнула к окну. Наконец-то! Наконец-то пошел снег. Пока еще маленькими пушистыми снежинками, но скоро, совсем скоро повалят настоящие хлопья, и вся земля на следующее утро будет покрыта белоснежным покровом. А это значит, что начнутся катания на санях и другие зимние забавы!

— Снег-то какой валит, — отметила Анна Степановна, покрепче затягивая шаль. — Завалит все к утру. Ну, и, слава Богу, что валит. Уже почти декабрь, а снега все нет и нет. Как бы ни померзли бы озимые...

— Да уж, говорят, эта зима будет очень снежная и лютая на морозы, — отметила Юленька, аккуратно отпивая из чашки горячий чай, чтобы не обжечь небо.

— Дай-то Бог, дай Бог. Много снега — много хлеба, так моя нянька говаривала, — Анна Степановна посмотрела на Марину. — Ты, чего к окну-то прилепилась? Али высматриваешь кого?

— Что вы, маменька, просто такие красивые снежинки... — Марина задумчиво улыбнулась. — Недавно Анатолий Михайлович говорил, что когда выпадет большой снег, достанет для меня приглашение на большое катание на Елагин остров.

— Неужто с самой императорской четой? — обрадовано воскликнула Анна Степановна. — Вот это честь! Ах, ну какой кавалер этот граф Воронин! И титул при нем, и не беден (несколько доходных имений и никаких закладных — не шутка ли), а должность! Адъютант Его Императорского Высочества! И лицом пригож, и фигурой. А ухаживает как! Не поверите, Юленька, цветы нам доставляют каждый Божий день. И где только столько зимой берет, ума не приложу. Уж сколько оранжерей видно пустыми оставил...

— Да, Анатолий Михайлович — достойный молодой человек, — согласилась Юленька. Она действительно так считала, и ей очень хотелось, чтобы Марина согласилась наконец принять его ухаживания, потому как видела, что граф влюблен безумно и готов приложить все усилия, чтобы сделать девушку счастливой.

— Когда цветы-то примем, душа моя? — обратилась к Марине мать. — Негоже такими кавалерами разбрасываться, ой, негоже. К тому же, мнится мне, он серьезные намерения имеет. Не того ли мы хотели, когда ехали сюда? Чем не партия для тебя?

— Маменька, не при гостях... — ответила ей дочь, но ту уже было не остановить.

— Ну, что тебе еще надобно, милая моя? Чего ждешь? Пока графу надоест твоя холодность? Может, пора и благосклонно к нему отнестись? Тем паче, я благословляю эту кандидатуру. Ох, Юленька, ну хоть вы вразумите ее... Я уже и надежду потеряла, что замуж ее отдам. Не поверите, сколько женихов в губернии перебрала, пока мы в имении жили... — тут Анна Степановна горестно вздохнула, а Марина с усмешкой переглянулась с подругой. Кто бы ей позволил выйти за губернского жениха?

В дверь постучали, и вошедший с позволения лакей внес корзину бледно-розовых роз, источающих головокружительный аромат.

— Букет от его сиятельства графа Анатолия Михайловича Воронина и записка для Марины Александровны, — провозгласил лакей. — Прикажете принять?

Анна Степановна подскочила к букету и схватила корзину из рук лакея, крутя ее во все стороны:

— Ах, какая красота! Какой аромат! Ну, Маринка, — повернулась она к дочери.

Та посмотрела на нее и на цветы в ее руках и улыбнулась.

— Если вам угодно, маменька, то с вашего позволения...

— Да! — радостно воскликнула Анна Степановна. — Ну, что стоишь, — обратилась она к лакею, сунув ему руки корзину. — Записку отдай барышне и ступай за мной. Цветы поставим в воду.

Марина долго вертела карточку в руках, не решаясь прочитать, пока Юля не подошла к ней и не проговорила:

— Не томи меня. Что там?

— «Прекраснейшей из женщин — прекраснейшие цветы», — прочитала Марина. — Довольно банально, не находишь?

— А что ты хотела? Чтобы он тебе поэму написал? Не понимаю, я тебя, право слово, Анна Степановна права, граф — достойная партия.

— Я уже приняла его цветы. Разве этим не все сказано? — Марина повернулась к подруге. — Ах, оставь это. Лучше скажи, вы получили разрешение на выезд?

К сожалению, в молодой семье Арсеньевых не все было так гладко, как хотелось бы: у молодых до сих пор не появились дети, что вызывало беспокойство свекрови Юленьки, которая после смерти супруга стала жить с ними, и нарушало мирную и спокойную атмосферу в доме. Именно поэтому Юленька так зачастила с визитами в дом тетушки Марины — ей совсем не хотелось оставаться наедине с «этой злобной выжившей из ума старухой» и выслушивать, какая никудышная она супруга для Павла, несмотря на прекрасное домашнее хозяйство. Раз не может подарить наследника, значит, плохая супруга, и этим все было сказано.

Арсеньевы надеялись, что сбудутся советы петербургских докторов, которые в один голос твердили, что молодую супругу надо вывезти за границу на воды. Тогда и появится долгожданный наследник.

— Мы планируем отправиться в путешествие летом, — кивнула Юленька. — Поедем в Баден-Баден, Карлсбад, потом, может, в Париж. Ты же знаешь, чем дальше я от свекрови, тем лучше мой душевный настрой. Это просто домашний тиран! Вся дворня стонет от нее. Где та женщина, которая когда-то стала мне второй матерью?

— Не забывай, она пережила большую потерю, — напомнила подруге Марина. — Будь великодушнее к ней.

— Не могу. Честно пыталась, но не могу. И знаешь...

Их разговор неожиданно прервал стук в дверь. Обе повернулись к открывшейся двери.

— Цветы для Марины Александровны, — произнес стоявший в дверях лакей с большой корзиной белых ароматных цветов в руках.

— Цветы? — спросила Марина слегка хрипловатым голосом. — От кого? Что карточка?

— А карточки того... нет-с, — лакей поднес корзину поближе. — Что прикажете, барышня? Отсылать-то некому. Да и посыльный-мальчишка сбежал, сорванец этакий...

— Как это интересно! — всплеснула Юленька руками. — Тайный поклонник!

Она подошла к цветам и вдохнула их аромат.

— И небедный, скажу тебе, душа моя, — чубушник ^[10] в ноябре. Не скрываешь ли ты от меня что-нибудь? Что за диво эти цветы, право слово... Принимаешь или нет? — она обернулась к подруге и удивленно замерла. Та стояла с побледневшим лицом, и лишь ее щеки горели каким-то ярким болезненным румянцем.

— Что с тобой, душа моя? — обеспокоилась Юленька. — Отослать цветы?

— Нет, пусть останутся. Николай, неси в мою спальню. Пусть Агнешка распорядится.

Марина отошла к окну, закусив губу, и задумчиво уставилась на мостовую. Юленька видела, какая борьба происходит внутри ее подруги, как силится открыться и в то же время не решается.

— Что, милая? — она подошла к Марине и положила ладони ей на плечи. — Не пугай меня, скажи... Кто это?

Марина помолчала минуту, а потом перевела взгляд на подругу и улыбнулась той:

— Подозреваю, что это наш общий знакомый. Сергей Кириллович Загорский собственной персоной.

— Как? — удивленно воскликнула Юленька. — Как же это? Он же сейчас под арестом... Как же вы свиделись?

— Да не встречались мы, — Марина отошла от подруги, словно ей было неловко стоять столь близко к ней, словно хотела скрыться от ее внимательных глаз. — Он писал мне. Несколько писем. Как он сожалеет о том, что произошло тогда. Что молит о прощении, ибо укоры совести не дают ему покоя. Что рад, что я снова блистаю в свете, что окружена сонмом поклонников. Разумеется, я не ответила ни на одно, — видя вопрошающий взгляд Юлии, поспешила сказать Марина. — А теперь вот цветы...

— Почему ты не открылась мне раньше? — обиделась та. — Неужто не могла довериться?

— Могла, конечно, могла. — Марина подбежала к подруге и порывисто обняла ее, прижалась щекой к щеке. — Просто не было подходящей минутки. И потом — я боялась, что ты воспримешь это чересчур серьезно.

— А ты? — Юленька внимательно посмотрела в глаза подруге. — Как воспринимаешь это ты?

— Как? Да просто князь заскучал под арестом, вот и все.

— Неужто? И ничего более?

— Ничего, — покачала головой Марина. — То, что было — ушло. Не совсем, не буду лгать. Но теперь я понимаю, что сердце ведет неверной дорогой, в отличие от головы. Теперь я знаю, лучше иметь и то, и то при себе и холодными...

Она-то знала, но вот верила ли? И следовала ли собственным словам? Ведь солгала подруге — не сжигала она писем, как сказала той впоследствии. Все сохранила, все до одного. Эти пять листков были надежно спрятаны под матрасом в ее спальне, и верная Агнешка зорко следила за их тайной, никому не доверяя перестилать постель, кроме себя.

Не рассказала, что Загорский пишет не только о своем сожалении, но и о том, как осознал, какие чувства питает к ней. Впервые прочитав о том, как возвращаясь в Петербург, он понял, что помнит ее глаза и улыбку спустя столько времени, Марина почувствовала, что земля качнулась под ее ногами. Неужто? Неужто действительно пишет правду или просто развлекается со скуки? Но нет, Марина убеждена, Сергей Кириллович не такой человек, чтобы так просто играть словами. Значит, действительно чувствует. Чувствует...

Вопрос только — надолго ли? Да и скольким женщинам он писал такие слова?

Марина провела рукой по маленьким ароматным цветам. Как же он запомнил, что ей не хватает в Петербурге именно их, этих дивных цветов? Что первые снежинки всегда напоминают ей, как осыпаются в их саду ветви чубушника, роняя на землю белоснежные лепестки, словно снежинки? Неужто можно так играть?

— Что, дзитятка, пригорюнилась? — спросила Агнешка, вошедшая бесшумно в комнату.

— Вочи вон как блестят, слезоньки собираются... О чем думу думаешь? О нем ли?

— О нем, няня, о нем. Как из головы его выбросить, ума не приложу! — Марина бросилась на кровать и зарылась горящим от стыда лицом в подушки. — Лгу из-за него всем: тетушке, маменьке, теперь вот Юленьке. Что со мной? Почему так?

— Ох, горемышная моя, сердцу-то не прикажешь, не слушает оно тебя... — няня присела рядом с Мариной и стала гладить ее по волосам, успокаивая. — Как тяжело вам, барышням — даже свидеться со своей заздобой нельзя. Бумажка-то солжет, недорого возьмет. Вочи же не солгут...

— Думаешь, обманывает меня Загорский? — спросила Марина.

— Я ж почем разумею? Я же не Господь, — Агнешка взглянула на иконы в уголке и быстро перекрестилась. Она помолчала, затем склонилась прямо к уху Марины и прошептала:

— Понимаю, касатка, почему он в твоей душеньке... Дюже прыгожы!

Марина резко повернула лицо к няньке:

— Ты видела его? Где? Он же под арестом!

— Да там и видела — за оградой дома ягоны. Свернула сегодня, когда к мадам твоей ходила за шляпкой с Анисьей... ты же знаешь, яка она рассеяна, дужа рассеяна — все перепутает. В прошлый раз говорю ей, платье почисти шафрановое, барышня его увечар наденет ...

— При чем тут Анисья? Агнеша, милая Агнеша, не томи... Что там с Загорским?

— Тю, я ж тебе говорю, свернула к ягоны дому, побачить, как живет он — богато або бедно. Справный дом, весьма справный... Значит, при деньгах, если конечно, не заложен дом-то. Дык вот, стоит он, значит, за оградой в саду и стреляет. Лакей ему пистоль только и подает... Стоит в одной рубахе, дурань, перед барышнями красуется. Ведь захворает, как Бог свят!

— Перед какими барышнями?

— Голуба, барышень там тьма! Прогуливаются перед домом туда-сюда, сюда-туда. Срамота! Куды только няньки с мамками смотрят. Тьфу! Али тут так принято? Слава Богу, снег закрапал, и он в дом ушел. Только зыркнул так недобро на них через ограду... Ох, касатка моя, не серчай на старуху-то, но я скажу тебе: змерзлая-то душа у него, змёрзлая... Если не хватит сил ее отогреть, сама змерзнешь. Может, и напавду, лучше граф, что бывает у нас. Тоже прыгожий и богатый да душа у него добрая и светлая. И любит он тебя...

— Это ты все по одному только взгляду определила? — холодно спросила Марина. — Или другие признаки знаешь? Да и как ты разглядела-то через ограду да с твоих-то глаз?

— Душой я смотрела, сердэнько, а она у меня позрячее будет, — возразила нянька. — Если любишь того, русого, люби. Воля тут только твоя. Только душу его тяжело отогреть, слишком уж змёрзлая... И запомни: змерзлую льдинку сломать легшее... Вот так-то.

Вечером Марина со своими родственницами принимали у себя гостей — ждали на ужин Арсеньевых и нескольких знакомых Софьи Александровны. Обещался также быть и Воронин и писал, что привезет с собой Вильегорских.

— Ах, какая это честь для нас! — восклицала Анна Степановна в разговоре с мужем. — Вильегорские нынче в фаворе у императора. Подумайте только, как нас возвысит этот брак. Мы будем вращаться в таких кругах... Ах, Боже мой, какая удача, что Марина запала в душу его сиятельству! Я и не представляла себе подобного!

— Ах, душенька, рановато еще говорить о браке, — возражал ей несмело муж. —

Надобно ведь согласие Марины да и Их Императорское разрешение на брак...

— Будет, — отрезала Анна Степановна. — Я уверена, что граф сумеет убедить Их Величества. А уж в Марине и не сомневаюсь. Благо, что этот polisson^[11] Загорский под арестом, иначе Марине было бы тяжелее признать все преимущества этого брака. Вы знаете, mon cher ami^[12], она ведь по-прежнему не выкинула его из головы.

— Как это может быть, ma cheri^[13]? Это было столь давно...

— Вы — мужчина, и не понимаете, как долго женщина может лелеять в себе любовь. И потом — я мать, я знаю, я чувствую...

— Ну, разумеется, ma cheri^[14], — Александр Васильевич Ольховский никогда не спорил с супругой, даже по самым важным вопросам уступая ей нелегкую долю принятия решения. Он давно уже смирился, что Анна Степановна взяла в свои руки бразды правления в их доме, что позволило ему более не занимать себя такими скучными вопросами, как ведение дел имения. Все, что его интересовало отныне, — охота и его любимейшие собаки (по которым он чертовски скучал сейчас) и игра в карты. Честно сказать, последнее довольно редко удавалось ему в губернии — Анна Степановна зорко следила за тем, что происходило в игорной комнате, даже если была в другом конце дома, и как только он входил в азарт, находила любые предлоги удалить его из-за стола. Но тут в Петербурге...

Прозвенел дверной колокольчик и отвлек Александра Васильевича от его мыслей, в которых он уже давно считал ставки. Еще мгновение — и гостиная наполнится голосами и смехом, войдут гости и шумно вбегут задержавшиеся дочери, которым сегодня позволили принять участие в ужине, подадут легкие напитки. Но пока в этой комнате только он да Марина, которая смущенно теребила нитку жемчуга у себя на шее.

— Ты грустна, ma cheri^[15]. Отчего? — вдруг решился спросить Александр Васильевич у дочери. Он редко позволял себе откровенные разговоры с дочерьми, особенно младшими, выросшими целиком и полностью у маменькиной юбки. Да и потом — о чем говорить с особой женского пола? О тряпках? Это вам не наследник, с которым можно обсудить последние политические новости или просто поговорить об охоте.

Хотя с Мариной он нашел общий язык, и именно на почве охоты, пристрастив ту к ней за те три года, что она провела в Ольховке. Она довольно споро загоняла зайцев и научилась метко бить в глаз белок, что вызывало невольное уважение у ее отца. А уж когда Марина сама завалила вепря одним точным выстрелом...

После этого случая Александр Васильевич стал нечасто, но допускать ее в свою святая святых — кабинет, что вызывало явное неудовольствие его супруги. Они играли в карты на палочки и обсуждали последние новости губернии. Только вот здесь, в Петербурге, они так и не смогли сохранить те доверительные отношения, что сложились у них в Ольховке. «Что позволительно в губернии, не всегда пристало в столице» — заявила Анна Степановна, да и своего кабинета у него в этом доме не было.

— Грустна? — откликнулась Марина. — Нет, папенька, я не грустна...

Повинуясь порыву, Александр Васильевич вдруг спросил:

— Скажи мне, как родителю, милая — тебе по сердцу его сиятельство, за которого так радеет твоя матушка?

Марина подняла глаза на отца и внимательно посмотрела на него, словно пытаясь понять, почему он задал этот вопрос. Затем она улыбнулась:

— Не беспокойтесь, папенька. Я уверена, его сиятельство вполне способен составить

мое счастье.

В это время открылись двери, и спешно вошли Анна Степановна с дочерьми и Софья Александровна, задержавшаяся в кухне за последними распоряжениями, как раз за мгновение до вступления в комнату гостей. Последовал неизбежный обмен приличными к месту любезностями, завязалась неспешная светская беседа в ожидании момента, когда позовут за стол — обсуждали недавний бал, премьеру в Александринском театре, полупшепотом — новое увлечение императора.

Позвали за стол, и вся компания переместилась в парадную столовую. Напрасно волновалась Софья Александровна — повариха ее не подвела, и гости с удовольствием отдавали дань кушаньям на столе да винам из погреба. Марина исподтишка наблюдала за Ворониным и пыталась определить, каково ей будет с ним провести жизнь бок о бок.

Он не был красив, но весьма обаятелен, особенно когда улыбался. Он был умен. Он умело поддерживал застольную беседу и к месту шутил, что, несомненно, являлось результатом его службы при дворе, где он занимал должность флигель-адъютанта Его Императорского Величества. Он имел неплохое состояние и титул, что было немаловажно. В целом, он был самой лучшей партией, что только могла быть у провинциальной бесприданницы.

Сможет ли она полюбить Воронина? Судя по тому, сколько у него друзей и какие люди дарят ему свое расположение (взять хоть тех же Вильегорских), можно смело сказать, что он весьма неплохой человек. Да и еще один заботится о судьбе своей младшей сестры с ее младенческих лет после смерти родителей двенадцать лет назад, а это свидетельствует о том, что он очень ответственный человек.

Он станет прекрасным мужем. Что ей еще надо? В конце концов, любовь — нечто эфемерное и недолговечное. Взять хотя бы маменьку с папенькой. Они так любили друг друга, что она решилась покинуть ради него отчий кров, а закончилось все так печально — Марина готова на что угодно биться, что ее родители более не питают теплых чувств друг к другу.

Да, брак и не требовал этого, лишь взаимное уважение супругов да привязанность, но ей так хотелось, чтобы было иначе. Ужели и у Арсеньевых, которые и спустя три года брака смотрят друг на друга с нежностью и какой-то теплотой, тоже все закончится лишь сухими приветствиями за трапезой да обмен репликами при сопровождении на какие-либо светские мероприятия? Ужели любовь есть только в романах Руссо и Ричардсона? Ужели счастливый конец бывает только в книгах Остин?

Человек сам делает свою судьбу, думалось Марине. Она сидела в одиночестве на своей любимой кушетке у окна в гостиной и размышляла о своем будущем, пока остальные слушали игру Вильегорского на фортепьяно. Может, и я смогу полюбить его сиятельство Анатоля Михайловича? Он любит меня, как я всегда мечтала, судя по мнению маменьки и Жюли. Может, он и есть моя судьба?

Словно прочитав ее мысли, Воронин повернул голову и посмотрел на нее. В его глазах она без труда прочитала невысказанный вопрос. Потом он медленно улыбнулся ей, и она почувствовала вдруг, как какая-то странная теплота разливается у нее в груди. Ей стало так хорошо, что она сама невольно улыбнулась графу, а он подмигнул ей в ответ.

Да, она определенно сумеет его полюбить.

Уже прощаясь, Воронин сказал:

— Полагаю, скоро будут катания на Елагин, если выпадет довольно снега. Если я

получу Их Императорское приглашение для вас, Марина Александровна, соблаговолите ли вы принять его?

Марина улыбнулась и ответила:

— Если маменька позволит, то я с радостью приму его.

— Разумеется, я позволю, — Анна Степановна просто лучилась от счастья. — Жюли и Павел Григорьевич будут твоими патронами, рас [\[16\]](#)? Прошу вас, сделайте одолжение, дорогая моя, — обратилась она к Юленьке.

— Ну, тогда до дня катания, — улыбнулся Анатолий и поднес руку Марины к губам, задержав ее дольше положенного. — Буду с нетерпением ждать этого момента, — тихо шепнул он только ей, заставив ее смущенно зарумяниться.

Позже вечером, когда Агнешка расчесывала Марине волосы перед сном, девушка призналась няне, что граф ей приятен.

— Он удивительный человек, я чувствую это. Такой вежливый, обходительный... В нем нет того самолюбья, что неизменно сопровождает Загорского. Как думаешь, он будет хорошим супругом?

— Ах, касатка моя, только Господь наш да Матка Боска ведают, как все обернется? Но он любит тебя, это видно. Будешь любить и почитать яго, и он будет тем же отвечать.

— Надо выкинуть из головы этого Загорского! — Марина улыбнулась насмешливо. — Пусть пишет письма да цветы присылает, пусть. Я сделаю то же, что и он когда-то — дам ему надежду, а потом растопчу ее! И тогда он поймет, как это больно. Как думаешь, Гнеша, получится у меня влюбить его? Буду холодна и неприступна — в романах всегда повесы влюбляются именно в таких барышень.

— Ах, дзитятко, не заигралась бы сама, — покачала головой нянька. — Сердцем не играют, милая.. Да и потом, как Господь наш указал — не желай зла...

Марина промолчала. Она все равно поступит по-своему, как бы ни возражала нянька. Только теперь она будет помнить об условностях света и ни за что не нарушит их. Ей нынче надо особо беречь репутацию — на будущей графине Арсеньевой не должно быть ни малейшего пятна.

Марина поправляла кружево перчатки, сбившееся во время последней мазурки. Она немного запыхалась и покраснелась, локоны слегка растрепались. Девушка, улыбаясь, что-то говорила своему кавалеру. Она даже себе не представляла, какой прекрасной и юной выглядела сейчас. Ему до боли хотелось быть на месте ее кавалера, которому было позволено касаться ее хотя бы на время танца, которому она так легко улыбалась...

Он наблюдал за ней издали во время последних трех танцев, не приближаясь близко, чтобы она не увидела его и не смогла ускользнуть раньше времени. Не в этот раз.

Загорский криво усмехнулся. Он не думал, что Марина решится на эту нелепую игру, что свойственна всем женщинам. «Я неприступна и холодна — попробуй, растопи этот лед». Жаль, конечно, что она заранее обречена в ней на проигрыш: итог ее будет один — он всегда побеждал. Вопрос лишь во времени, только в нем одном.

К его величайшему сожалению, времени как раз и оставалось в обрез. Марина ловко и непринужденно избегала его общества, а между тем сезон подходил к концу — скоро приближался Великий пост, стихнет светская жизнь, и у него более не будет возможности приблизиться к ней. Зато у Воронина это удачно получается — он всегда желанный гость в ее доме да и на балах так и вертится рядом с Ольховскими. Вьюном просто.

Словно прочитав его мысли, в этот момент Анатолий отвлекся от разговора с Анной Степановной и взглянул в его сторону. Загорский вежливо кивнул ему. В ответ тот слегка склонил голову в поклоне. Он явно был недоволен Сергеем.

— Ты его дразнишь, — раздался из-за спины голос Арсеньева. — Зачем?

— Дразню? — Сергей повернулся к другу. — Отнюдь.

— Тогда зачем ты так непрерывно смотришь на нее?

Загорский похолодел:

— Ты заметил? Кто еще?

Арсеньев помедлил с ответом и отпил вина из бокала. Затем слегка торжествующе улыбнулся, видя замешательство Сергея:

— Только я и Анатолий. Мы слишком хорошо знаем тебя и все твои приемы. Что за игра, Серж?

— Никакой игры, уверяю тебя.

— Нет игры? Тогда что? Если ты делаешь это, чтобы насолить Анатолию, как тогда с Зизи, то прошу тебя, оставь это. Как на духу говорю — Анатолий настроен весьма серьезно. Это не просто волокитство, а истинные чувства.

Загорский улыбнулся Павлу:

— А почему ты решил, что у меня иное? — и, услышав, как оркестр заиграл вальс, он произнес. — Прости, удаляюсь, я ангажировал этот вальс.

Оставив своего друга в явном недоумении, Загорский двинулся в сторону Ольховских. Он прекрасно понимал, что его поведение идет вразрез тем негласным правилам, что были установлены между друзьями, но в то же время он понимал, что у него нет другого пути для достижения того, чего он так желал.

Она была ему нужна. И нет его вины в том, что Воронин увлекся ею. «Мне очень жаль, мой друг, но это выше меня... Надеюсь, ты сможешь меня простить и понять во времени».

«Посмотри на меня», — безмолвно приказывал он улыбающейся Воронину Марине. —

«Посмотри на меня». Он хотел увидеть выражение ее глаз, когда она поймет, кого именно она ждет сейчас на этот вальс, обмахиваясь веером и улыбаясь шуткам Анатоля.

Словно подчиняясь его молчаливому приказу, Марина перевела взгляд на Загорского, приближающегося к их маленькой группке, и улыбка на мгновение сошла с ее губ. Затем она быстро взяла себя в руки и удивленно вскинула брови, словно недоумевая, что он здесь делает, зачем подошел. Выражение ее глаз задело князя — он рассчитывал увидеть в них совсем иное. Не радость, нет — на это он даже не рассчитывал. Но ледяное равнодушие в ее глазах неприятно кольнуло его сердце.

— Сударыни — щелкнув каблуками, Загорский поприветствовал тетку и мать Марины. Затем повернувшись к девушке, он поклонился и произнес: — Позвольте вас ангажировать, Марина Александровна, на вальс.

Марина слегка прищурила глаза и холодно улыбнулась Сергею:

— Мне жаль, но я вынуждена разочаровать вас, сударь. Этот вальс уже ангажирован.

— Да, ангажирован, — Загорский специально сделал небольшую паузу, позволив Марине насладиться ее маленьким удовольствием от отказа ему. — Мною.

В их маленьком кружке возникло небольшое замешательство при его заявлении: Анна Степановна удивленно воззрилась на дочь, Воронин нахмурился, Марина растерянно потянулась к бальной книжке. Лишь Софья Александровна с явным удовольствием наблюдала за складывающейся ситуацией.

— Милая, неужто ты запомнила? — с улыбкой обратилась она к девушке. Та уже открывала книжку.

Нет, быть того не может. Марина еще раз перечитала имя. Как он мог записать? Когда? Он ведь не приближался к ней сегодня вечером. Затем она вспомнила того незнакомого ей офицера, что подходил к ней до первой мазурки. Она так спешила танцевать, что просто протянула ему книжку и даже не взглянула на имя, которое он там оставил.

Как он посмел пойти на это? Как отчаянно он поставил на кон свою репутацию, свое имя в ее глазах... Как поступить теперь? Открыть его обман? Или смолчать? Мысли Марины метались в ее голове. Наконец она приняла решение.

— Да, все верно, — Марина холодно взглянула на князя. — Вальс за вами, ваше сиятельство.

Загорский предложил ей руку, и она приняла ее. Марина спиной ощущала на себе недовольные взгляды маменьки и Воронина, но упорно твердила сама себе, что у нее не оставалось другого выбора. Да и потом — она действительно хотела этого, что уж отрицать. Отвергая его раз за разом, она чувствовала, как медленно тает ее решимость отказать ему в этом малом — провести ее в туре вальса по зале. Почувствовать еще раз тепло его рук у себя на теле, взглянуть в его глаза...

Марина почувствовала, как у нее слегка закружилась голова от волнения. Не совершила ли она ошибки? Вальс совсем не тот танец, на который следовало бы соглашаться. Слишком интимный... Слишком будоражащий кровь и кружащий головы...

Но было поздно — словно почувствовав ее колебания, Загорский быстро закружил ее по зале. Она чувствовала его руку, сжимающую ее стан немного сильнее, чем того требовал танец, и это прикосновение заставило ее сердце забиться быстрее. Марина знала, что ей ни в коем разе не следует смотреть князю в глаза — она совсем не доверяла себе, поэтому она выбрала точку у него повыше правого уха и уставилась на нее.

— Простите меня великодушно за мой вид, — проговорил вдруг Загорский, что

заставило Марину сбиться с шага. Князь тут же исправил ее неаккуратный шаг.

— Что вы имеете в виду? — стараясь придерживаться холодного и безразличного тона, спросила девушка.

— Мой внешний вид. К сожалению, никто из моих сегодняшних визави на балу не сказал мне, что с ним что-то не в порядке. Поверьте, я никогда бы не решился ангажировать даму, зная, что неопрятен.

— Я не понимаю, о чем вы толкуете?

— Я имел в виду, мое ухо. С ним явно что-то не в порядке. Вы так неотрывно смотрите на него, что я начинаю переживать, на месте ли оно.

Марина еле сдержала улыбку, которая чуть было не скользнула по ее губам, и, забыв о своем намерении не смотреть Загорскому в глаза, взглянула на него. Его глаза искрились смехом и какой-то странной нежностью, от которой у Марины вдруг перехватило дыхание.

— Оба ваших уха на своих местах, ваше сиятельство, — ответила девушка.

— Тогда проверьте, пожалуйста, на месте ли мои глаза, — предложил Загорский, пытаясь поймать ее снова ускользнувший взгляд. Она не ответила, и он понял, что опять теряет ту нить, что чуть было не возникла между ними.

— Простите меня за обман, Марина Александровна. Не по своей воле пошел на него, а исключительно волею чувств.

Она по-прежнему молчала, но в ее молчании он явно почувствовал поощрение его дальнейшим словам, поэтому он продолжил начатую речь.

— Только чувства к вам толкнули меня на этот недостойный поступок. Сожалею ли я о нем? Отнюдь. Ведь это позволило мне хотя бы на короткие мгновения прикоснуться к вам, вдохнуть аромат ваших духов. Дивный ангел, не лишайте меня возможности хоть изредка быть рядом, ведь я сгину без этих прекрасных моментов.

Загорский все говорил и говорил о своих чувствах, а Марина слушала его, стараясь ни одним движением не выдать своего потрясения. Да, он не сказал ей ничего иного, кроме того, что писал ей в течение долгих трех месяцев, и пусть слова были несколько другими, смысл оставался прежним. Но одно дело — прочитать их на бумаге, и совсем другое — слышать сейчас из его уст.

Нежность, звучащая в его голосе, неожиданно для нее самой так растрогала Марину, что ей вдруг захотелось плакать. Только усилием воли ей удалось удержать слезы, которые комком застряли у нее в горле, мешая в дальнейшем ей свободно дышать. Видимо, видя ее настроение, Загорский замолчал, и лишь на мгновение сильнее сжал ее ладонь в своей руке, словно давая понять, что он не имел желания ее так расстроить.

От этой молчаливой поддержки Марине стало еще горше, она до боли желала, чтобы вальс наконец-то закончился. Сегодня вечером она поняла как никогда ясно, что как бы она ни обманывала саму себя, а заодно и окружающих, ее чувства к Загорскому никуда не ушли. Просто они затаились где-то в глубине ее сердца, и сейчас, словно увядшие цветы после дождя, стали вновь пробиваться из того укромного уголка, где она надеялась оставить их навечно.

«Бумажка-то солжет, недорого возьмет. Вочи же не солгут...» — всплыли в Марининой голове слова нянюшки, она взглянула прямо в его глаза. Казалось, время тотчас остановилось для нее. Рядом кружились в вальсе другие пары, но и они, и смех и разговоры в зале, подчас даже заглушающие музыку, отступили для Марины в сторону. Она смотрела в серые глаза Загорского и чувствовала, как колотится ее сердце, с каждым ударом отбивая в

ритме: «Он! Он! Только он!»).

Внезапно Загорский остановился, и только его сильная рука удержала Марину от конфуза упасть на паркет залы. Она осознала, что музыка смолкла, а она, витавшая в облаках, этого даже не заметила. Девушка быстро огляделась, есть ли очевидцы ее нечаянной оплошности. Похоже, нет, вздохнула она с облегчением. Есть только один свидетель ее слабости.

— Благодарю вас, — промолвила она, делая небольшой книксен в ответ на его поклон, как того требовали правила. — У меня голова пошла кругом...

Она запнулась, поняв, как двусмысленно звучат ее слова. По блеску его глаз она заметила, что он тоже это отметил.

— Недаром вальс считается опасным танцем для прекрасных девичьих головок, — улыбнулся Загорский и тут же пожалел о своих словах. Марина снова закрылась от него, глубоко внутри пряча ту симпатию, что он чувствовал меж ними во время танца. Он попытался завязать беседу, пока провожал ее до родных, она не отвечала, и он оставил эти бесплодные попытки. Она довольно холодно раскланялась с ним, и (почудилось ли ему это?) с явным облегчением подала руку Воронину.

Задетый этим Загорский решил немедленно удалиться в игорную, откуда вскоре покинул бал. Он чувствовал себя словно на качелях: его настроение скакало, как у иной барышни — то вверх, то вниз. Как можно зависеть от одной улыбки, от одного единственного взгляда? Просто ему не нравится, что у него никак не удастся приблизиться к Марине, вот и все — решил он по пути к m-m [D élice](#). Ему не нравится, что Воронину так легко расточаются улыбки и ласковые обнадеживающие взгляды, когда его не удостаивают ими даже мимоходом безо льда и равнодушия в глазах. Ему не нравится, что не действует его стратегия, так тщательно разработанная им за долгие дни взаперти в стенах особняка.

Да, именно все так и есть, решил Загорский. Только вот достойного объяснения тому, что у m-m [D élice](#) он выбрал русоволосую девушку, так похожую фигурой на Марину, он найти не смог, как не пытался.

Тем не менее, Загорский не оставил своих попыток — письма с завидной регулярностью приходили на Морскую улицу, в дом Софьи Александровны. Марина уже настолько привыкла получать их, что ждала их с нетерпением, в котором никогда бы не призналась сама себе. Его письма, его иногда пламенные, иногда нежные признания заставляли ее сердце и разум вступать в борьбу: разум приказывал не вскрывать очередное письмо, сердце же пело от радости, когда Агнешка приносила послание князя, перехватив мальчика-посланца на улице за углом дома, чтобы ни одна живая душа не догадалась о происходящем.

Марину долго томило, что она не может никому открыть то, что живет в ее сердце. Ей хотелось, чтобы хоть кто-то дал ей совет, как поступить, какой путь избрать — путь любви или путь долга.

Долг велел ей подчиниться воле маменьки и выйти замуж за Воронина. Он был прекрасной партией, и никаких препон для их брака не было — представление императорской чете прошло довольно приятно, и, как ей казалось, Их Императорские Величества весьма благосклонно отнеслись к ней, а значит, к возможному сватовству Воронина к ней. Поэтому Марина ожидала предложения от графа со дня на день, но в то же время боялась этого, как огня, — ведь ей придется дать ответ. Долее тянуть не будет ни

какой возможности.

Другой путь — Загорский. Принять его ухаживания, дать понять, что он ей небезразличен... Марина не могла поверить в серьезность его намерений, как ни старались убедить ее в этом его письма. Зная прошлое князя, помня ту историю, в которой она оказалась по его вине, — возможно ли поверить и довериться снова? А вдруг опять она принимает желаемое за действительное? Вдруг князь преследует ее из-за хандры, что охватила его по возвращении из-за границы? Об этом не судачил только ленивый в гостиных Петербурга, поэтому она была так хорошо осведомлена обо всех подробностях этой сплетни. Мол, покамест не вернулась чета Ланских из Флоренции, князь и пускается в приключения. Марина не хотела в это верить, но она прекрасно помнила, на какие безумства был способен князь ради этой женщины, и что именно из-за любви к ней он весь сезон провел под домашним арестом.

Великий Пост постепенно миновал. В Пасхальную службу Ольховские посетили церковь св. Троицы, но не полным составом — Софья Александровна простудилась, и врач не рекомендовал ей покидать дом. Граф тоже не смог сопровождать их, по долгу службы ему предстояло слушать службу в церкви Зимнего дворца вместе с императорской семьей и свитой двора. Зато Жюли с мужем составили им компанию. С ними приехал и Загорский. В соборе он встал недалеко от Марины, и она не могла сосредоточиться на службе должным образом, что не могло ее не раздосадовать. Она по-особому любила Пасхальные и Рождественские праздники — убранство церквей в эти дни, торжественность происходящего всегда наполняли ее душу своего рода восторгом.

В этот раз Марина то и дело отвлекалась на князя, не в силах пересилить себя и не смотреть в его сторону. Отблески свечей так красиво играли в его русых волосах... Грешные мысли, грешные... Марина перекрестилась.

Служба подошла к своему апогею — начался крестный ход. В толчее, которая образовалась при выходе из храма, Марина слегка растерялась и потеряла из виду семью и подругу. Ее на мгновение охватила паника, что она сейчас совсем потеряется в толпе, когда вдруг сильная мужская рука подхватила ее за локоть.

— Не бойтесь, Марина Александровна, это я, — раздался прямо у нее над ухом голос Загорского. — Следуйте к выходу, я помогу вам.

Вместе с потоком мундиров, фраков и пелерин Марина покинула храм, сопровождаемая князем, и присоединилась к ожидавшим ее родителям.

— Душа моя, я уж было испугалась! Как же можно было так отстать! — с укором прошептала ей мать. Марина уж было приготовилась к отповеди насчет присутствия рядом Загорского, но Анна Степановна промолчала. Удивленная Марина оглянулась, чтобы убедиться, что ей привиделось, и князь был рядом. Его не было.

— Пойдем, [ma chéri](#), что встала столбом? Арсеньевы вперед уже ушли, — поторопил Марину отец.

Несмотря на начало мая, было очень холодно. К тому же дул ледяной пронизывающий до костей ветер, что очень затрудняло нормальный ход крестного шествия. То и дело гасли свечи, и людям приходилось зажигать их от свечек соседей.

Марина еле шла, путаясь в юбках и спотыкаясь о неровности пути, сосредоточившись на том, чтобы сохранить от ветра огонь свечи. Суеверие, конечно, но она всегда загадывала желание, когда начинался крестный ход. Сумеет обойти храм с непогасшей свечой — желание исполнится. Вот и сейчас она загадала желание, оставив на волю провидения свою

судьбу. «Обойду — Загорский любит. Не обойду...». Но видно, не суждено ее тайному желанию исполниться — ветер так и рвался погасить свечку в руках девушки. Пламя сбивалось, но все равно восстанавливалось, и с каждым порывом ветра у Марины сжималось сердце — вот сейчас оно точно погаснет.

Внезапно мужская рука в перчатке прикрыла свечу Марины от очередной попытки ветра задуть ее. Она обернулась и увидела рядом князя. Он шел рядом с ней чуть позади, прикрывая девушку своей широкой спиной, от ледяного шквала. Марине вдруг стало так покойно на душе, что она сама удивилась. То и дело от свечи Марины зажигали собственные погасшие свечи соседи по шествию, бросая на них любопытствующие взгляды. В другой раз девушка озаботилась бы их любопытством, ведь этот случай будет всенепременно обговорен в гостиных, но сейчас ей было абсолютно безразлично. Так они и обошли храм, вместе и оберегая пламя этой маленькой свечки.

У самого входа их уже ждали: Анна Степановна с явным недовольством, остальные — с нескрываемым любопытством. Маменька Марины было открыла рот в намерении отчитать дочь, но тут раздался перезвон колоколов.

— Христос Воскресе, Анна Степановна, — Загорский шагнул к той и трижды похристосовался.

— Воистину воскресе, — пришлось ответить ей.

Марина христосовалась с родными и краем глаза следила за князем. По непреклонному обычаю даже юным девам в день Воскресения Христова должно было принять христосование, и даже себе самой Марина боялась признаться, как боится, что Загорский вдруг не подойдет к ней.

Но он подошел.

— Христос Воскресе, Марина Александровна, — так тихо проговорил он, что она скорее сердцем уловила его слова, чем услышала сквозь перезвон колоколов. Он склонился над ней и коснулся губами ее правой щеки. Сердце Марины резко ухнуло вниз, ноги задрожали. Легкое прикосновение губ, словно касание крылом бабочки, но щеку Марины, казалось, обожгло огнем. Он впервые был так близко, что она ощущала запах его кожи.

Затем Загорский коснулся губами левой щеки Марины и опять правой. Отступая от нее, он взглянул ей в глаза, словно пытаясь отыскать в них ее ответ на невысказанный им вопрос.

— Воистину Вокресе, Сергей Кириллович, — капитулируя, назвала она его по имени, и он понял и принял ее капитуляцию, нежно улыбнувшись ей в ответ.

Она любит его. Всем сердцем и навсегда.

Она готова пойти за ним на край света, принять любые испытания, лишь бы он всегда был рядом. Как бы она не пыталась обмануть себя, он всегда будет в ее сердце. Этого ничто не может изменить.

Неслышно подошедшая Анна Степановна чуть наклонилась из-за плеча дочери и резко дунула на свечку. Столь оберегаемое девушкой пламя свечи погасло.

Ближе к вечеру того дня Марина получила записку от Жюли. Всего одна фраза.

«Ma cheri ami, la comte Lanskoï et son épouse sont arrivés ce matin à Saint-Petersbourg» [\[17\]](#)

Натали не могла дожидаться того момента, когда ее старый муж наконец-то допьет свой кофе и, промокнув салфеткой губы, коротко кивнет ей и встанет из-за стола. Ее раздражало, как он размачивает в кофе печенье, чтобы размягчить его, — возраст давал о себе знать. Раздражала его привычка чуть слышно причмокивать губами после каждого глотка напитка. Да что скрывать? Натали до дрожи раздражал собственный муж. Все эти годы, что они провели вместе, только укрепляли ее чувство брезгливости, которое она испытала, впервые увидев его.

Родители считали графа Ланского удачной партией для дочери и не скрывали своей радости, когда он приехал с визитом в их небольшое имение, якобы для обсуждения дел мельницы, находившейся в собственности графа, но стоявшей на земле Ланских. Натали же прекрасно поняла, зачем на самом деле он прибыл, но она до последнего момента надеялась, что родители изменят свое решение.

Но они не изменили и спустя неделю с гордостью сообщили ей, что приняли от ее лица предложение графа Ланского.

— Нет и еще раз нет! — упорствовала девушка. Ей вовсе не хотелось предлагать свою молодость и красоту престарелому графу, когда она вскружила голову молодому наследнику князей Загорских.

Они познакомились на одном из благотворительных балов их губернского Собрания. Молодой и привлекательный мужчина сразу понравился Натали, а когда она узнала, что он принадлежит одной из самых богатых и знатных семей Петербурга, то обрадовалась вдвойне. Ей казалось, что сбылась ее давняя мечта — стать женой богатого да красивого супруга, чтобы все те ее сокурсницы, что кичились перед ней богатством и знатностью позавидовали партии, что она ухватила себе. А граф Ланской? Разве можно завидовать супруге этого старикана?

— Ты должна согласиться! — настаивали родители. — Граф богат, а нам необходимы деньги, ты же знаешь состояние дел. Да и гвардейское звание Митеньки, твоего брата, требует больших расходов. Граф согласен взять тебя без приданого да еще и оплатит все расходы по венчанию — такая удача для нас...

В отчаянье Натали писала письмо Загорскому. Только его, такого молодого, красивого и такого влюбленного в нее, она чаяла видеть своим мужем. Ответ разрушил все ее надежды — она не предполагала, что его семья будет столь яростно возражать против их брака, и в мечтах уже видела себя в фамильных драгоценностях Загорских.

А решение Сергея бежать тайно и бросить все и вовсе привело ее в смятение. Бежать означало пойти против воли семьи. Нет, гнева не своей семьей опасалась Натали. Гнева старого князя Загорского. Она прекрасно знала, что он пойдет на все, лишь бы приструнить внука, решившегося презреть его волю. Он мог лишить Сергея содержания и своего благоволения, а это означало, полное прозябание для Натали. Она слишком молода и красива, чтобы жить только на жалование гвардейского офицера. Да и потом — его едва хватает самим офицерам (если судить по тратам Митеньки), что уж говорить о содержании молодой жены.

Сопротивление Натали браку с графом Ланским окончательно сломил брат. Он приехал в институт (кстати, почти сразу же после ее свидания с Сергеем; она чуть не попала на

тайном свидании в саду Смольного из-за этого) и попросил ее о разговоре.

— Подумай, сестренка, граф богат и, между нами, стар. Детьми он так и не обзавелся, а значит, все его состояние достанется его вдове. Год-другой, и ты будешь свободна, как птица. Да и потом граф может позволить тебе делать все, что ты хочешь. Я не уверен, что Загорский с его нравом, будет так потакать тебе, даже, несмотря на то, что обожает тебя. Выходи за Ланского, а Загорского возьми в любовники... Не смотри на меня так шокировано, уж я-то знаю, что ты далеко не так невинна, как строишь вид. Загорский любит тебя. Он, разумеется, сперва будет оскорблен и обижен, но затем вернется к тебе. Вот тебе еще мысль для раздумий: любовницам тоже делают дорогие подарки. Их можно получать с двух сторон, дорогая... Это, конечно, будут не фамильные камни, но все же... Да и потом, кто будет мешать овдовевшей графине Ланской, что может принести в семью большие угодья и приличное состояние, в отличие от бедной соседской Натали, стать княгиней Загорской?

И Натали решилась. Тем же вечером она открылась воспитательнице о предполагаемом побеге, чтобы окончательно разрушить себе путь назад, а спустя три месяца стала супругой графа Ланского.

Но никто не предупреждал ее, что будет столь гадко ложиться в постель с престарелым мужем. В первый раз ее тошнило в уборной целый час. Не раз она потом вспоминала руки и губы Загорского и сожалела о принятом решении. Слава Господу, возраст графа брал свое, и он не часто посещал ее спальню.

Впоследствии, как и предполагал ее брат, состоялось примирение с Сергеем, и со временем он стал ее любовником. Жизнь постепенно наладилась, у Натали было все, о чем она могла только мечтать: красивые наряды и украшения, светские рауты и балы, где она была признана одной из первых красавиц Петербурга, молодой и красивый любовник и муж, слепо верящий каждому ее слову и позволяющий ей любые ее капризы.

Сначала Натали это нравилось. После, спустя несколько лет, она стала осознавать, что она в ловушке, — муж так и здравствовал, Сергей все чаще стал отдаляться от нее, а она сходила с ума от ревности и страха, что когда-нибудь он не вернется к ней. Все эти артисточки, балерины, модистки... Она ожесточенно рвала в ярости одежду и била духи, узнавая об очередном увлечении Загорского. Она кричала от ярости и боли, выла, билась в истерике. Перепуганные горничные только успевали приносить ей успокоительное и уверять графа, что это не болезнь, а просто приступ меланхолии.

Но потом Загорский возвращался, и Натали снова мчалась к швее, чтобы заказать новых нарядов, и выдумывала новую прическу — она всегда должна быть красива для него, ведь он должен любить только ее. И они снова вместе выезжали на прогулки и пикники, танцевали на балах, проводили вместе ночи.

Ах, эти ночи... Как она обожала их! Его тело, его нежные руки, его страстные губы... Она пробовала как-то отплатить ему сторицей и провела ночь с одним из офицеров после знаменитого маскарада Энгельгардта, но это вызвало у нее лишь чувство гадливости, словно она измазалась в грязи. С тех пор Натали поняла, что только Загорский может быть ее мужчиной. Только он и никто иной. Ради него она готова на все, даже принять все его измены и уходы. Возвращается-то он всегда только к ней. Только она — его возлюбленная.

Единственное, чего не хватало Натали, это ребенок. Ребенок с серыми глазами Загорского. Сергей принимал все усилия, чтобы предохранить ее от беременности, и это удручало ее. Однажды в одну из ночей, что они провели во Флоренции, Натали решилась и

перехватила его руку:

— Постой! Я хочу этого!

Загорский тотчас же отпрянул от нее. Он, молча, перекатился от Натали на другой конец кровати и встал, коротко бросив: «Нет».

— Но почему? — взмолилась Натали. — Мы так любим друг друга. Дитя нашей любви... Оно было бы столь прекрасно. Да и потом самое время для меня стать матерью... Мои года...

— У тебя есть для этого супруг, — отрезал зло Загорский. — Никогда, слышишь, никогда мой ребенок не будет носить чужую фамилию.

Натали еле успокоила его в ту ночь, так разозлили Загорского ее слова. После его ухода, едва забрезжил рассвет, она проплакала несколько часов кряду. Ей так хотелось иметь маленькую копию любимого, которая принадлежала бы только ей... Что ж, значит, не суждено. Можно было, конечно, получить желаемое обманным путем, как ей советовали преданные горничные, но это означало пойти на полный разрыв с Загорским, ведь в этот раз он не простил бы ей такого предательства. Натали и так чувствовала его отчуждение от нее, и она боялась одним неловким поступком или словом оттолкнуть его окончательно.

Натали слишком любила Сергея. Время, что они провели вместе, только углубило ее чувства. Поэтому она была готова на что, угодно, лишь бы быть с ним. Лишь бы он к ней возвращался. К ней одной...

Тихое покашливание графа вернуло Натали из ее мыслей обратно в столовую. Ее супруг уже закончил завтрак и складывал салфетку.

— Я буду нынче только около восьми, милочка, — обратился он к жене, поднимаясь с помощью лакея со стула. — Надобно нанести визиты Загряжской, Разиным и Кугелям. Обедать буду у Кугелей. Как предполагаю, ты не имеешь желания составить мне компанию?

— Вы правы, *mon éroux* ^[18], мне нынче нездоровится. Видимо, смена климата дает о себе знать. Почему бы вам не взять с собой Софи? Отличная возможность ввести ее в наш круг. Ведь она столь долго жила в Париже.

— Превосходная идея, *ma chéri*, — одобрил граф. — С вашего позволения.

Натали обрадовалась, что так удачно складывается день. Граф уедет с визитами и заберет с собой свою родственницу, увязавшуюся за ними в Париже, а значит, весь день она будет в доме одна.

Софи была не то троюродной, не то двоюродной кузина графа, вышедшая замуж за мелкого дворянина, состоявшего на службе при русском посольстве в Париже. Она свалилась им как снег на голову, когда они возвращались в Петербург, и слезно умоляла графа взять ее с собой в Россию. Недавно овдовевшая, без особого состояния, она могла рассчитывать только на помощь родственника.

И граф пошел ей навстречу. Он не оставил Софи в Париже, выделив ей содержание, как на том настаивала Натали. Он решил взять ее в свой дом на правах родственницы, коей она собственно и являлась, и никакие мольбы супруги не заставили его изменить свое решение. Граф даже выделил той небольшое месячное содержание и позволил ей открыть счет у столичной модистки Натали.

— Она еще молода, *ma chéri*, и довольна миловидна. Выделю ей небольшое приданое, приодену, выведу в свет. Глядишь, и мужа себе найдет скоро, — говорил Натали граф. — Вот увидишь, она недолго будет у нас.

Но Натали прекрасно видела натуру этой бедной родственницы. Да, Софи была

миловидна, у нее были шикарные рыжие волосы, которые сразу же обращали все внимание окружающих на их обладательницу. (Между нами говоря, Натали была уверена, что это не натуральны цвет волос). Но замуж, судя по всему, она вовсе не стремилась — Натали прекрасно видела, как нравится той внимание мужского пола, да горничные нашептали ей на ушко, что у рыжей бестии было немало любовников, как среди посольских, так и среди французских кавалеров. Нет, замуж она так скоро не пойдет, зато с наслаждением поплавает в Петербургском обществе.

Впрочем, это не ее, Натали, дело. Софи вольна была поступать, как ей того хочется. Она была свободна и не была юной девой, а значит, ей многое позволялось. И именно этой свободе так завидовала Натали, что испытывала сильную неприязнь к ее обладательнице. Сама же она чувствовала себя словно в тюрьме, в которой она обречена провести самые лучшие свои годы.

Натали резко встала из-за стола, едва расслышав, как экипаж выехал со двора. Она быстро прошла в свою половину. Там она присела к секретеру, набросала записку и, позвонив, вызвала к себе одну из личных горничных.

— Отнесешь ему, — приказала Натали. Девушка кивнула в ответ — ей не требовалось уточнять имя адресата.

— Прикажете ждать ответа? — спросила она у хозяйки.

— Нет, ответа не будет, — Натали не ждала письма. Она ждала своего любимого и только его.

Пока одна из ее девушек относил записку, другая в срочном порядке помогала своей барыне привести себя в порядок — долго расчесывала волосы хозяйки, чтобы они приобрели дивный блеск, поднесла новый кружевной капот, такой легкий и красивый, что сразу было видно — вещь не для повседневной носки. Натали купила его в Париже специально для этой первой ночи со дня их расставания во Флоренции. О, это будет особенная ночь, улыбнулась она.

Спустя некоторое время надеждам Натали было суждено растаять, как дым. Вернулась горничная, посланная к Загорскому, и сообщила, что его дома нет.

— А где он, не спросила, дуреха? — нервно вскрикнула Натали.

— Спросила, барыня. Уехал он у самого раннего утра в казармы.

— Записку-то оставила Степану? — Степан был в детстве «дядькой» Загорского, а когда тот уехал учиться, стал его денщиком. Он всегда и во всем горой стоял за своего «касатика», и именно через него с самого начала романа Натали и Сергея и осуществлялись и переписка влюбленных, и их тайные свидания.

— Как же не оставить-то? Оставила. Про ответ сказала.

— Что Степан сказал? Когда барица он ждет сегодня? — Натали увидела, как растерялась девушка, и поняла, что та не поинтересовалась насчет этого. — Ладно, ступай.

Горничная было направилась к двери, но на полпути замерла. Было видно по ее лицу, что она что-то знает, но не решается сказать Натали.

— В чем дело? Что стоишь столбом? — Натали едва не срывалась на крик. Все шло совсем не так, как она планировала. Да еще в голову опять ворвались мысли, что так мучили ее в последнее время. Она каким-то шестым чувством ощущала, что Сергей начинает удаляться от нее, и это страшило ее донельзя. Именно поэтому она до последнего оттянула возвращение в Петербург — она боялась по приезду услышать то, что вовсе не хотела знать.

— Барыня, — несмело начала девушка и замолчала. Ей не хотелось говорить хозяйке то,

что она слышала во дворе дома Загорских, но промолчать и утаить это она не могла — барыня должна была узнать.

— Ну же! Если есть что сказать, то говори. А нет — пошла вон! У меня, не дай Бог мигрень начнется сейчас.

— Барыня, нынче во дворе Загорских, когда записку относил, слышала я, как дворня о молодом хозяине шепчется.

— Какая дворня не перебивает косточки хозяину, — усмехнулась Натали. — Ну, продолжай, что там с ним? Кутеж опять? Или... или... очередная...

— Ох, барыня, — вдруг залилась слезами горничная. — Говорят, князь молодой влюбился до смерти. Все письма ей пишет да цветы шлет каждый день. Дворня шепчется, князь женится...

Натали подскочила к девушке и резко ударила ее по щеке:

— Не лги мне, дрянь! Быть того не может!

— Ах, барыня, — еще горше зарыдала девушка — не бейте меня. То, что слышала, то и говорю. Девушка-то приличная, молоденькая, из семьи хорошей. Князь каждый день выезжает...

— Замолчи! — Натали оттолкнула горничную к дверям. — Пошла вон, лгунья! В деревню отправлю! Скотницей!

— Ах, барыня... — девушка зарыдала во весь голос и выбежала из комнаты, оставив хозяйку в одиночестве. Та стала метаться по спальне из угла в угол, заламывая руки в отчаянье:

— Нет, — шептали ее губы. — Это ложь. Ложь! Не женится... никогда не женится... он обещал, клялся...

Натали была уже не такой мечтательницей, как раньше. Она прекрасно понимала, что рано или поздно Сергею придется исполнить свой долг перед семьей и фамилией и вступить в брак, несмотря на его столь наивную клятву в юности никогда не продолжить род. Она была готова принять этот брак, ведь мать его наследников не могла бы быть соперницей ей, которой принадлежали душа и сердце Загорского.

Но это только при условии, что князь вступал в брак, исключительно повинаясь долгу, а не зову сердца. Последнего Натали боялась, как огня. Она стала замечать в Сергее не так давно какую-то странную меланхолию, столь не свойственную ему, и ее сердце почувствовало близость перемен в их судьбе.

— Нет, не может быть, — прошептала Натали, наивно убеждая себя в нереальности происходящего. — Он любит только меня, уверена... Меня одну.

Она села перед зеркалом и в задумчивости принялась расчесывать волосы.

Даже если он опять влюблен, это равным счетом ничего не значит. Влюбленность столь быстротечна. Она вспыхивает быстро и горит ярко, как лучина, а потом так же стремительно сгорает дотла и гаснет. Сколько раз он увлекался и столько же возвращался к ней, Натали...

Натали позвонила, вызывая к себе девушку. Ей просто необходимо узнать, кем так увлечен Загорский. Предупрежден — значит, вооружен, а чтобы победить очередную соперницу, ей просто необходимо быть во всеоружии и хорошо подготовленной к войне за сердце любимого. В этот раз Натали чувствовала опасность, ведь та другая была из их круга, да еще девица на выданье. Но у Натали, тем не менее, есть огромное преимущество — ее страсть. То, на что никогда не пойдет наивная инженерю. То, что так необходимо такому мужчине, как Загорский.

— Я его не отдам. Никогда, — прошептали губы Натали собственному отражению в зеркале.

К вечеру она уже знала то, что хотела, и полученные вести успокоили ее. За девушкой ухаживал еще и Воронин, причем с серьезными намерениями. А это означало, что ее брак с Сергеем почти невозможен: слишком крепки узы дружбы между ним и Сергеем, и объявление о помолвке с Анатолем было равнозначно отступлению Загорского от нее. Нет, Натали слишком хорошо знала это их негласное правило: любовь одного — табу для другого.

Если только, конечно, девушка не предпочтет предложение Загорского, но и тут Натали была спокойна. Она сомневалась, что Загорский был столь увлечен, что готов решиться сделать этот шаг. Слишком серьезный для него поступок. К тому же, судя по всему, эта провинциалка отдавала свое предпочтение Воронину.

Нет, это совсем не тот случай, когда надо переживать о будущем. Тем более, когда можно приложить небольшие усилия, дабы поменять его. Где уж милой и наивной провинциалке тягаться с ней, одной из признанных королев света?

Поздно вечером к Натали постучались. После разрешения войти в комнату вступила Софи, эта бедная родственница.

— Что вам угодно? — раздраженно спросила ее Натали. — Разве вы не видите, я уже в постели и не совсем не расположена к ведению беседы.

— Уделите мне пару минут, Натали. Всего пару минут, — Софи улыбнулась, и эта улыбка вдруг показалась Натали улыбкой кота, загнавшего в угол мышь. Да еще обращение к ней по имени... До этого момента эта приживалка не позволяла себе подобного.

— У вас несколько минут, Софи, — ледяным тоном ответила Натали. — Я чувствую себя неважно, потому решила раньше лечь.

— О, сожалею о вашем нездоровье. Надеюсь, завтра вы будете в здравии. Жаль, что доктор не сможет вас сегодня навестить, так что не ждите его, — вкрадчивым тоном проговорила Софи, глядя собеседнице прямо в глаза, и от выражения ее глаз Натали стало не по себе.

— Не понимаю, о чем вы толкуете. Разве я вызывала доктора? Да и потом — какой доктор в такой поздний час.

— Вы прекрасно понимаете, Натали, о ком я говорю. Удивительный мужчина! — хищно улыбнулась Софи. — Теперь я прекрасно понимаю, почему вы были столь холодны к мужчинам в Париже. Имей я его в любовниках, я бы тоже забыла об остальных.

— Не смейте разговаривать со мной таким тоном! Вы забываетесь, где находитесь и на каких основаниях. Стоит мне сказать только слово...

— Стоит только мне слово сказать вашему супругу, моему дражайшему дядюшке-рогоносцу... Ах, ну что же вы замолчали? Вам не по вкусу мои слова? А я-то думала, вы просто фригидная льдышка, а у вас тут такой образец мужественности под боком... Он так же хорош в постели, как выглядит? Впрочем, не стоит затруднять себя с ответом. Я уже наслышана о его репутации, и знаете, что? Это так привлекает, так будоражит мою кровь, — Софи облизнула свои полные губы. — Я надеюсь, вы не будете держать на меня обиду, если я проверю, правдивы ли слухи о нем. Иначе, может статься, что вам лучше будет подальше от столичного шума и пыльных мостовых. Например, в деревне. Я думаю, что ваш муж пойдет мне навстречу по поводу беспокойства о вашем здоровье. Ведь лето в городе явно не идет ему на пользу.

Натали на мгновение потеряла дар речи, а Софи, пользуясь ее минутным

замешательством, победно улыбнулась той на прощание и, неслышно ступая, вышла из комнаты.

Кровь застучала в висках Натали, словно предвестница той жуткой болезни, что так мучила женщину в последние годы, — мигрени. Она быстро позвонила, чтобы пришла горничная и приготовила ее порошки.

Следовало ей послушать свой внутренний голос, который упрямо твердил, что Софи нельзя брать с собой, но Натали так стремилась вернуться в Петербург поскорее, что попросту отмахнулась от его увещаний и не стала разубеждать супруга в правильности принятого решения.

Какова змея! Разузнала все сплетни и споро вычислила, какую выгоду она может получить. Натали нутром чувствовала, что та готова на многое, лишь бы добиться своего.

Что ей делать? Софи поставила своей целью заполучить Загорского в свою постель. Она довольно привлекательна, и Натали прекрасно видела, как легко и непринужденно она, мастерица флирта, умеет очаровывать мужчин, поэтому опасалась, что он поддастся на ее уловки. Сергей сегодня не пришел и никого не прислал к ней, и это только подтверждало то, что Натали начала подозревать еще во Флоренции — он опять охладел к ней. Это означало, что снова наступил очередной виток в их отношениях, когда он разделит свою страсть не с ней, а с другой женщиной. Почему бы не с Софи, которая так явно скоро предложит себя ему?

Натали сжала виски руками — боль нарастала с каждым мгновением все сильнее и сильнее, а дворня запаздывала.

Почему? Почему, милый? За что ты опять отдалился от меня? Как мне удержать тебя от того, что снова разобьет мне сердце?

Пульсация в голове стала просто нестерпимой. Натали упала на колени и громко закричала не в силах терпеть более боль, терзающую не только ее тело, но и душу.

Не только Натали провела без сна эту ночь.

Не спалось Марине. Может, сказывалось отсутствие покрыва ночной темноты. Может, птички-свиристелки под окном. А может, беспокойство и какое-то смутное предчувствие, терзавшее ее весь прошедший день.

Она мучилась сомнениями, правильно ли поступила, дав надежду Загорскому на ее расположение. Каковы намерения князя в отношении нее? Права ли маменька, столь яростно возражавшая против того, чтобы Марина опять впускала князя в свой круг?

Сразу же после Пасхального завтрака Анна Степановна попросила дочь подняться в свою спальню для «доверительной беседы». Марина послушалась и, переступив порог комнаты, уж было готовилась выслушать поток нравоучений, но маменька удивила ее. Она некоторое время молча стояла у окна, словно с интересом разглядывая происходящее на улице, и лишь спустя некоторое время обратилась к дочери:

— Мы никогда не были близки, как мать и дочь. Свою роль здесь сыграло, что ты была удалена от дома в юном возрасте. Но немалая роль отводится и тому, что у нас слишком разные характеры. Да, ты не так похожа на меня ни лицом, ни нравом, как твои сестры, но иногда я смотрю на тебя и вижу себя в юном возрасте. Та же пылкость, та же мечтательность...

Анна Степановна улыбнулась своим мыслям, потом повернулась к дочери.

— Ты, наверное, удивляешься, как мы когда-то с папенькой могли полюбить друг друга, настолько мы разные натуры? Да, нам не суждено было соединиться ни по желанию моего отца, ни по правилам света. Саша, — Марина, впервые услышав из уст матери ласкательное имя отца, вздрогнула от неожиданности — столь это было необычно для Анны Степановны. — Саша был очень красив, и гусарский мундир так шел ему... Но он не имел ни титула, ни состояния. Лишь небольшое именьеце «на окраине империи», как сказал мой папенька. Знатный, но обедневший шляхетский род. А я — дочь генерала, героя войны, облащенного покойным государем. Наш род значительно старше рода твоего отца, про состояние и говорить не стоит. А значит, твой папенька по всему был мне не ровня.

Мы встретились на одном из балов, куда офицеров гусарского полка твоего папеньки позвали для того, чтобы уравновесить пары для танцев. Он не должен был быть там, он не был вхож в наш круг. Но судьба распорядилась так, а не иначе. Мы встретились и влюбились друг в друга с первого взгляда. Я пропускала мимо ушей увещевания своего отца и тетки. Для меня была первостепенной лишь любовь, что я испытывала к нему. Я представлялась самой себе несчастной, заключенной в высокую башню и против воли разлучаемую со своим возлюбленным. Поэтому я без колебаний венчалась тайно с твоим отцом, мне казалось, что романтичнее и быть не может конца нашей истории.

Как показало время, это был действительно конец. Конец нашей слепой влюбленности друг в друга. На смену романтическим свиданиям пришел быт и другие прелести супружества, а мы были абсолютно не готовы к ним и остальным трудностям, возникшим в нашей жизни. Твой папенька оказался мастаком говорить красивые речи и пускать пыль в глаза, но совершенно не приспособленным к жизненным реалиям. Насытив свою страсть, он быстро потерял ко мне интерес и отныне его увлечениями были лишь охота и карты. А наш вынужденный отъезд из Петербурга, после которого мы остались наедине друг с другом в

Ольховке, свел на нет остатки былых чувств и во мне. Мне казалось, что только твой отец и моя слепая влюбленность виновата в той судьбе, что сложилась у меня. Только они виноваты, что не сбылись мои девичьи мечты.

Анна Степановна замолчала и вытерла слезы с глаз, что накатились за время ее грустного рассказа. Она неловко улыбнулась дочери.

— Ты сама видишь, во что превратилась та любовь, что когда-то заставила нас с твоим отцом потерять головы. Мужа надо выбирать не сердцем, родная, а головой, — она постучала себя указательным пальцем по лбу. — Жалко, что папенька так и не вбил мне это в моем девичестве.

— Я смотрю на Сергея Кирилловича, — продолжила Анна Степановна после недолгого молчания. — И вижу твоего отца в молодости — такой же беспечный мотылек, порхающий по жизни. Только папенька твой порхал по картам, а князь... князь — большой ходок. Пусть это не так бьет по семейному бюджету, но это во сто крат хуже — это разобьет твоё сердце рано или поздно. Он желает тебя (да, именно так!), но не остынет ли он, получив желаемое? Не оставит ли он твою постель ради другой? Да и потом я не хотела бы своей дочери такого же существования, что было у меня. Да, я согласна, Загорский знатен и в будущем будет весьма богат, но пока он зависит от прихотей и желаний старого князя, а уж его сиятельство никогда не даст благословения на ваш брак. А это означает, полный отказ в содержании... Марина, мы живем сейчас исключительно милостями Софьи Александровны, Ольховка давно не приносит особого дохода. Все твои платья, шляпки, остальное... Что будет, если не дай Бог, Софья Александровна не включит нас в свое завещание? А ведь у нас помимо тебя еще четыре дочери, которых тоже надобно выдать замуж. Если ты не поможешь нам с папенькой, то это станет весьма сложной задачей для нас.

Пойми, только твоё удачное замужество убережет нашу семью от неминуемого краха. Пасынок Софьи Александровны только и ждет ее кончины, чтобы заполучить, пусть небольшое, но состояние семьи Голышевых. У него есть средства на тяжбу, у нас же — нет. Даже если мы будем указаны в завещании, пройдет немало времени прежде, чем оно вступит в силу в виду всех несогласий и тяжб. Я уже узнавала. Да, не смотри на меня с укором, я беспокоюсь о нашем будущем, как любая мать.

Анна Степановна вдруг подошла к дочери и взяла ее за руки. Проникновенно глядя той в глаза, она продолжила свою речь:

— Я прекрасно понимаю твои чувства к князю. Я-то помню, как бурлит кровь от одного только взгляда, от одного случайного прикосновения. Но это временные эмоции. Поверь, это страсть, а страсть быстротечна. Да и потом — уверена ли ты, что намерения князя столь серьезны, а не простое волокитство? Я — нет, буду с тобой откровенна. Мужчины часто хотят получить то, что им не принадлежит, как малые дети хотят игрушку другого дитя. Вспомни, когда вспыхнули его чувства к тебе, — сразу же после того, как его сиятельство Анатолий Михайлович стал ухаживать за тобой. Разве тебе это ни о чем не говорит? Дух соперничества так будоражит кровь... Но на кону не только твоя судьба, но и судьба твоей семьи. Ты должна послушать свой разум и забыть про то, что поет твоё сердце. Только так ты сделаешь правильный выбор.

Анна Степановна замолчала и, тихо вздохнув, поцеловала Марину в лоб. Потом, на мгновение прислонившись лбом к ее лбу и прошептав: «Ты же у меня разумница, милая...», покинула комнату, оставив Марину наедине с ее мыслями и сомнениями.

Вот Марина и мучилась ими весь день и сейчас ночью, не в силах сомкнуть глаз. Она

понимала беспокойство матери, понимала ее чувства. Очень больно, когда ты обманываешься в своих ожиданиях, уж ей-то это известно доподлинно.

Но неужели мать права? Разве можно так себя вести? В глазах света подобное поведение указывает на то, что молодой человек не только увлечен, но имеет намерение вступить в брак. Хотя когда мнение света имело значение для Загорского?

Марина решила открыться Жюли и получить ее совет по волнующему ее вопросу. Подруга, по мнению Марины, была немного объективнее, чем маменька. Поэтому Марина, не откладывая дело в долгий ящик, прямо после завтрака поехала к ней. Они уже давно условились, что могут наносить друг другу визиты без соблюдения принятых норм приличий, без предварительного уведомления. Правда, они редко так поступали, поэтому Жюли сразу же поняла, что случилось что-то из ряда вон выходящее. Обеспокоенная, она быстро спустилась в малую гостиную, где ее дожидалась Марина.

— Здравствуй, милая, — расцеловалась с подругой она. — Прости, что я так рано поутру. Надеюсь, я не оторвала тебя от дел?

— Нет. Paul уехал в Киреевку проверить дом. Скоро весь свет переедет на дачи в Царское. Большая удача, что у семьи моего мужа имение недалеко, пусть и маленькое. Надеюсь, ты погостишь у нас? Я обязательно поговорю с Анной Степановной об этом на днях.

— Я поеду непременно. Разумеется, если позволит маменька, — Марина помолчала, потом проговорила в волнении. — Ах, Жюли, помоги мне! Я совсем запуталась...

— Ты пугаешь меня, Мари! Что случилось? — встревожилась Жюли.

И Марина открылась ей. Полностью, ничего не скрывая. От самого первого письма Сергея до разговора с маменькой.

После того, как она закончила свой рассказ, она подняла глаза на подругу. Та смотрела столь пристально, что Марина смутилась.

— Ты забыла о самом главном, Мари, — тихо проговорила она. — Ты рассказала мне о том, что хотят твоя маменька, твоя семья, Загорский, Воронин. Но умолчала об основном — что хочешь ты сама? Что ты чувствуешь? Ты так же влюблена в Сергея Кирилловича, как ранее? И что ты чувствуешь по отношению к Воронину?

Марина отвела взгляд и уставилась на свои ладони, то сплетая пальцы вместе, то расплетая.

— Не спорю, мне приятен Анатолий Михайлович. Он средоточие всех тех качеств, что любая девушка хотела бы видеть в своем супруге. Но, когда он касается меня или целует мою руку, я не чувствую того бешеного биения сердца, как когда я вижу князя.

Она помолчала мгновение, потом стиснула ладонь Жюли в волнении:

— Мне очень нужен твой совет, *ma chérie*. Я совершенно запуталась, ничего не могу решить — кого приблизить, кого удалить от себя. Кто честен со мной, а кто просто играет...

— Ах, Мари, я не столь опытна, как твоя маменька, — начала было Жюли, но, заметив тень легкого разочарования на лице подруге, переменила речь. — То, что творится в голове у человека, знает только он, и никто другой. Я не убеждена, что люди могут меняться (хотя надеюсь, *mon éroux* забыл свои прежние привычки), но граф Воронин стал так галантен с тобой, так нежен и внимателен, так влюблен... А ведь тоже был волокита из волокит. Кто знает, какие мысли сейчас у князя Загорского?

Жюли поднялась с софы и в задумчивости прошла по комнате. Потом резко остановилась и улыбнулась подруге:

— Значит, мы должны узнать их! Можно, конечно, попробовать разузнать намерения князя у Paul'я, но я не уверена, что он мне откроет их. Есть еще один вариант: когда переедем в Киреевку, сможем ездить на променады в Павловский сад. Уверена, там будет и князь. Я могла бы слегка уйти вперед с супругом и дать вам возможность обсудить то, что тебя так волнует. Если, конечно, ты решишься, ведь это выходит за рамки приличий.

— Ах, милая, — грустно улыбнулась Марина. — Мне кажется, мое поведение уже давно за рамками по отношению к Сергею Кирилловичу.

— Но у меня есть одно условие, — Жюли снова присела на софу рядом с Мариной и взяла ее за руки. — Если князь будет снова ... э-э-э... поклонником графини Ланской, то я прошу тебя забыть о твоём намерении выяснить отношения. В этом случае и так будет все ясно, pas?

— Обещаю, Жюли, что даже не посмотрю в его сторону тогда, — запальчиво проговорила Марина, что вызвало улыбку подружки.

Было решено, что до переезда загород Жюли понаблюдает за поведением Загорского на светских раутах. Марина, к сожалению, не могла составить компанию подружке в этом — с недавних пор слегла и Анна Степановна с приступами легкой простуды, которая настигала ее каждую майскую пору. А Софья Александровна еще не оправилась от болезни, что мучила ее тело почти уже месяц, поэтому у Марины не было патрона для выездов.

— Жаль, что мне не двадцать пять, — шутила Марина. — Была бы сама себе хозяйка.

Поэтому Марине отводилась пока роль наблюдателя. Да еще не воочию, а только по сведениям Жюли, которые она присылала ежедневно.

«Il est fidèle [\[19\]](#)»

Эта единственная фраза следовала из записки в записку изо дня в день, но она грела Марине душу и питала ее надеждами на благоприятный конец истории ее любви. Всего несколько слов, но они поднимали ее настроение до невыносимых высот, и даже ворчание недомогающей маменьки не могло испортить его.

Она совсем по-другому теперь читала письма князя, которые по-прежнему приходили каждое утро с мальчишкой-посланцем, внимательно вчитываясь в строчки и представляя, как его губы шепчут каждое слово, каждое предложение.

«Минуло уже восемь дней, как я видел вас последний раз. Восемь дней — это чуть больше недели, но целая вечность для меня. Видеть ваше прекрасное лицо, слышать вас дивный голос — вот истинное счастье для меня.

Je vous aime. Я люблю вас страстно. Всем сердцем, всей грешной своей душой я отдаюсь в ваши руки. Доныне я ни одной из женщин не говорил этих слов, до конца осознавая их истинный смысл. Доныне ни одной из них я отдавал свое сердце. Вы — мое сердце, Марина Александровна. А раз не должно, невозможно человеку жить без сердца, вы — моя жизнь...»

День за днем миновала майская пора, и лето вступило в свои права. Петербург постепенно пустел: светские люди переезжали на дачи в Царское Село вслед за двором, поселившимся в Летнем дворце в конце мая на всю летнюю пору; гвардейские — уехали в Царскую Славянку, где полным ходом проходили марши и парады гвардии.

Ольховским снять дачу в Царском не удалось. Во-первых, Софья Александровна не могла выехать по причине слабого здоровья из Петербурга. Во-вторых, когда Анна Степановна вспомнила об этом, было уже довольно поздно, и все мало-мальски приличные дома были уже сняты. Поэтому ей оставалось только роптать да выезжать на те редкие

вечера, которые давались людьми их круга, тоже не сумевшими попасть в число дачников. Поэтому она с большим удовольствием приняла приглашение Арсеньевых для Марины погостить у них в Киреевке под присмотром матери графа.

— Я полностью доверяю вам, — дружески похлопала она ту по руке (подобная фамильярность покорила графиню до глубины души), когда они за чаем в диванной обсуждали возможность поездки Марины в Киреевку. — Вы известны, как персона самых строгих правил, Марина будет под надлежащим патронажем.

Анна Степановна шла на подобное отступление от приличий еще по той причине, что питала большие надежды на этот выезд Марины загород. Она знала, что Арсеньевы и ее дочь будут часто выезжать в Царское Село и в Павловск, где будут встречать царствующую семью, а значит, и Воронина. Она предполагала, что сложившаяся атмосфера подтолкнет того наконец-таки объясниться с ее дочерью. И так затянул с этим, по ее мнению.

Анна Степановна думала также пристроить в складывающуюся компанию еще и Лизоньку, свою вторую дочь, что начала выезжать в этом году, но слишком свободное поведение той на балах да странный блеск в глазах заставили ее переменить свое решение. Слишком вскружили голову той Петербург да золото эполет, пусть побудет под неусыпным оком маменьки. Так и до греха не далеко, не приведи Господь!

Итак, Марина уехала из Петербурга вместе с Арсеньевыми. Она с каким-то щемящим чувством необратимости судьбы уезжала из дома Софьи Александровны. Ей так же, как и ее маменьке, было предчувствие, что это лето бесповоротно изменит ее жизнь. Но они обе и предположить не могли насколько.

Сергей тоже в то утро покидал Петербург.

Он окончательно переезжал в Царскую Славянку на свою холостяцкую квартиру. Ранее он всегда с воодушевлением и восторгом ждал своего переезда на лето загород. Его квартира была не столь комфортна для зимнего проживания, потому зиму он предпочитал проводить в столичном особняке, и для него отъезд в Царскую Славянку в начале лета казался прыжком в прохладные пленительные воды полной свободы от неусыпного надзора старого князя.

Помилуй Бог, он уже не мальчик, а чувствует себя, словно в детской в их фамильном особняке на набережной Фонтанки. Зато в Славянке он царь и Бог для его гвардейских дружков, в Славянке он может вздохнуть полной грудью. Сколько бутылок было выпито тут! Сколько прекрасных вдовушек и дам полусвета побывали в его холостяцкой берлоге! Сколько пари разрешалось здесь! Свобода гвардейских казарм, одним словом — ни больше, ни меньше.

Но в это утро Загорский был мрачен. Даже прекрасное солнечное начало дня да записка от товарища по полку Кулагина, зазывавшая его на полковую пирушку и сулившая некий «божественный сюрприз», не радовала его. Он чувствовал себя прескверно, словно кошки скребли в его душе, еще со вчерашнего дня.

Совесь. Именно ее угрызения мучили Загорского с вечера и не дали сомкнуть глаз этой ночью. Он выкурил свой трехдневный запас сигар за эти ночные бессумрачные часы. И думал. Думал все время до раннего утра. Ему казалось, что в какой-то момент прошлого вечера он мог поступить по-иному, чуть мягче, может быть... Сергей воскрешал в памяти каждое его мгновение и не мог отделаться от ощущения, что он все-таки последний мерзавец. Он чувствовал себя именно так, и ничто не смогло бы сейчас разуверить его в этом.

Прошлым вечером Загорский нанес визит Натали. Первый раз за все время, что она вернулась в Петербург. Первый раз за месяц.

Он всегда стремился сразу же прояснить отношения, порвать былые отношения, прекратить приятную, но начавшую тяготить его связь. Различие было в том, что ранее это происходило с женщинами, которые были готовы к этому. Женщинами, которые с самого начала предполагали, что их связь будет когда-нибудь иметь свой конец.

Натали же была не такая. Она была особенная. Она была другая.

Он чувствовал некую ответственность за нее. Сергей помнил ее еще той девочкой, что так задорно смеялась, когда он раскачивал ее на качелях в саду имения ее родителей. Той девочкой, что краснела при виде его, а он, так по-девичьи, смущенно краснел в ответ.

Когда их первая нежная влюбленность превратилась в эту порочную связь? Когда она превратилась в те узы, которые душили его теперь?

Он не был трусом, и его тяготило осознание неприятности своего поступка, но Загорский избегал встречи с Натали, как только мог. Он даже признавал, что был доволен фактом нездоровья Натали — это не позволяло той часто выезжать в свет. А сам он стремился не бывать в тех салонах, где существовала возможность ее увидеть. Он так боялся причинить ей боль, что не осознавал, что своим уклонением от встречи с ней, своими равнодушными и короткими записками на ее письма причиняет ей большее расстройство.

Наконец Загорский решился и в ответ на ее очередное письмо написал, что навестит ее вечером. Она стала настойчива в своих записках к нему с просьбами навестить «une pauvre malade [\[20\]](#)», что он понял тянуть долее нельзя.

Прибыв к дому Ланских, он долго не мог решиться и спешиться. Он смотрел на темные окна особняка и чувствовал странную горечь во рту. Он уже заранее знал, что это расставание не будет схожим с предыдущими в его жизни. Он бы и сидел в седле дальше, наверное, если бы дверь входа со стороны двора не распахнулась бы и не показалась горничная Натали.

— Что же вы ждете, барин? — прошептала она. — Хозяина, конечно, дома нет, но вдруг увидит кто и донесет ему. Спешивайтесь скорее. Нешто забыли...

Загорского неприятно кольнула ее последняя фраза. Он действительно забыл. Забыл и не хотел вспоминать этот путь по темному особняку по коридору для слуг, эти свидания тайком, эту страсть украдкой. Теперь это казалось ему столь грязным, столь бесчестным, что он удивился этому неожиданному ощущению безгливости.

Натали ждала его, сидя в кресле перед туалетным столиком. Сквозь пламя единственной свечи она смотрела на свое отражение и не повернулась, когда он ступил в комнату. Она никак не показала, что заметила его присутствие, и он, даже радуясь в глубине души такому холодному приему, опустился в кресло и принял предложенный горничной бокал вина.

Они молчали с некоторое время, не обменявшись ни словом, ни взглядом. Былые любовники, проводшие столько жарких страстных ночей в объятиях друг друга и не решающиеся сейчас нарушить тишину, стоявшую между ними.

Наконец Загорский проговорил, не отводя напряженного взгляда от своего бокала:

— Рад видеть, что ваше путешествие закончилось благополучно, но огорчен, узнав, что твои головные боли мучают тебя. Как нынче твое здоровье?

Натали так резко повернулась к нему, что ее волосы взметнулись за спиной.

— Тебя интересует мое здоровье? Неужели? Было бы лучше, если бы ты потрудился

навестить меня раньше. Из чьей постели ты ко мне сейчас, милый? — проговорила она едко.

— Ах, прошу тебя, оставь этот тон кухарки, — устало ответил ей Загорский. — Я сотни раз повторял тебе, что он не к лицу тебе.

— А что мне к лицу? Слепая покорность? Готовность к всепрощению и принятию тебя обратно, натешившегося досыта у какой-нибудь шлюхи?

— Я никогда не просил принимать меня обратно, — резко сказал Загорский и поднялся. Он видел, что Натали раздражена до крайности и заранее же предвидел ее истерику. А значит, разговора не получится нынче, и ему следует уйти.

— Нет! — Натали метнулась к нему через всю комнату и взяла его за руку. — Прости меня, я не понимаю, что говорю. Я не буду злиться, обещаю.

Она поднесла его руку к своим губам прежде, чем он сумел остановить ее. Раздраженный своим настоящим положением, чувствуя себя последним подлецом, он отстранился от нее и, выпростав руку из ее ладони, схватился за бокал с вином, словно утопающий за бревно.

— Натали, нам надо поговорить, — начал он, но она быстро перебила его.

— О чем? Нам не о чем говорить. Милый, милый, я все готова простить и забыть. Что с того, что ты опять поволочился за какой-то юбкой? Мужскую натуру не изменить. В душе они всегда охотники, я всегда это понимала. И потом — какой же ты гвардейский офицер без волокитства? Даже подумать смешно. Гвардейцы, они ведь вечно влюблены в кого-то, n'est-ce-pas [\[21\]](#)? Просто обними меня, как прежде, и все забудется.

Загорский во время ее торопливой речи допил вино до последней капли, потом медленно поставил бокал на столик и повернулся к ней.

— Нет, Натали. В этот раз — нет.

— В этот раз?! — ее голос сорвался на визг. — Только не говори, что ты серьезно увлекся этой рыжей бестией!

— Что? О какой рыжей бестии речь?

— О Софи! Об этой змее! Приживалке в моем доме! Разве ты не встречался с ней? Нелги мне, я знаю прекрасно, что встречался. Она мне во всех подробностях описывала, как вы пересекаетесь то в театре, то на прогулках.

Загорский как мог напряг свою память и еле вспомнил хорошенькую молодую вдовушку, что была представлена ему в салоне у Вяземских. Но у нее светился в глазах такой нескрываемый интерес к его особе, что ему даже стало не по себе, и он поспешил откланяться. Другой встречи с ней, видит Бог, он не помнил, о чем честно и сообщил Натали.

— Тогда... тогда... — она перевела на него взгляд и пристально уставилась в его глаза. — Это та девчонка... Ольховская! О! Ты смутился! Значит, она. Она! Зачем она тебе? Что она может тебе дать? Разве ее губы слаще моих? Разве ее прелести сравнимы с моими? Разве может она доставить тебе такое удовольствие, какое доставляю тебе я? Или ты просто решил наставить рога перед свадьбой своему лучшему другу? Подарить ему своего un bâtard [\[22\]](#) в качестве подарка к венчанию?

Загорский резко шатнулся к ней, и Натали по выражению его глаз поняла, что зашла слишком далеко, испытывая его чувства. В последний миг он вдруг отошел к окну и стал дергать бахрому у гардин, словно срывая на них ту ярость, в которую привели его слова Натали.

— Ты готов был ударить меня, — тихо прошептала она. — Готов был ударить, —

повторила она, словно не веря своим словам.

— Ты действительно влюблен в нее, — сказала Натали с грустью после недолгого молчания. — Не знаю, надолго ли это, но ты увлечен ею столь сильно, что готов ударить меня за эти слова. Раньше ты бы отшутился, и мы посмеялись бы с тобой над нелепыми влюбленностями юных курочек, как ты их называл, а теперь...

— Нам надо расстаться, Натали, — глухо проговорил Загорский от окна, словно не слыша ее слов. — Мы больше не можем продолжать нашу связь. Я считаю, что это нечестно.

— Нечестно? По отношению к кому? К моему супругу? Ты знаешь, мне плевать на него! Загорский поморщился от ее грубых слов, но, тем не менее, продолжил:

— Нечестно по отношению к тем, какими мы были. Нечестно по отношению к тем нежным чувствам, что мы так опошили теперь.

— Мне все едино. Думай, что желаешь. Люби, кого желаешь. Но только не оставляй меня! — вновь попыталась вразумить его Натали.

— Так надо, милая, — мягко сказал Сергей, обернувшись к ней. — Это не может продолжаться, ты должна понимать это.

— Нет! — выкрикнула Натали. — Я не хочу ничего понимать! Почему ты не можешь остаться? Почему хочешь оставить меня? Разве кто-то сможет любить столь сильно, как я? Разве кто-то будет готов отдать за тебя жизнь? Принять тебя любого — сирого и убогого — сможет ли кто-то, кроме меня? Если хочешь любить кого-то, люби — я не встану у тебя на пути. Но только, заклинаю, не бросай меня, — Натали опустилась перед ним медленно на колени и обхватила его ноги, мешая ему двинуться с места. — Я перед тобой на коленях, Сереженька, я забыла гордость, потому что ты — моя гордость, совесть и честь. Я всегда любила только тебя. Ты — вся моя жизнь, я не смогу без тебя жить. Я пропаду без тебя. Можешь ездить еще к кому угодно, если пожелаешь, я ни слова не скажу. Я приму любое твоё решение, любое, кроме этого. Не оставляй меня, не оставляй меня, заклинаю тебя. Пусть разлюбил, пусть! Из жалости, из памяти бывшего — не оставляй меня!

Загорский с усилием поднял с колен сопротивляющуюся и безудержно рыдающую Натали и нежно обнял, словно ребенка, баюкая в своих руках.

— Ma bonne, ma bonne [\[23\]](#), — приговаривал он, глядя ее по спине. — Мне очень и очень трудно говорить тебе это. Но мы не можем продолжать долее. Так сложилось... Так надобно.

— Так надобно тебе, — вдруг отстранилась от него Натали. Она вытерла слезы рукавом капота, и этот жест выглядел столь по-детски, что у Сергея сжалось сердце при виде этого. — Что ж, если ты того желаешь, так тому и быть. Я слишком люблю тебя, чтобы противиться твоему страстному желанию покинуть меня. Если это составит твоё счастье, то воля твоя, я отпущу тебя. Только не оставь меня своим расположением. Я не хочу утратить его, как утратила твою любовь.

— Я готов в этом поклясться... — начал было Сергей, но она прервала его, положив палец на его губы.

— Ты уже клялся мне, mon bonn amie [\[24\]](#), и вот каков финал. Не надо клясть, я не хочу их. Побудь со мной еще пару часов, доставь мне наслаждение в последний раз побыть рядом с тобой. Я хочу запомнить эти минуты, ведь мне только их и предстоит вспоминать в той постылой жизни, что ждет меня без тебя.

— Прощу тебя, Натали, — поморщился недовольно Сергей.

— Все, не будем об этом, — она подошла к столику и наполнила их бокалы. Потом

подала один из них Загорскому. — Выпьем? Только вот за что? Давай выпьем за будущее, которое ожидает нас. По крайней мере, хотя бы ты ждешь его с нетерпением.

Натали отпила вина, потом поболтала его в бокале, словно размешивая, и отставила бокал в сторону. Она опустилась на кровать и, устроившись поудобнее в положении полусидя-полулежа на многочисленных подушках, посмотрела на Загорского, по-прежнему стоявшего у окна с бокалом в руке.

— Позволь мне говорить с тобой сейчас, как с другом (признайся, довольно пикантно для тебя — друг-женщина). Иногда мужчины не видят очевидных вещей, доступных только женскому взгляду. Дозволишь говорить с тобой откровенно?

— Говори, Натали. Только прошу — без оскорблений, я ведь заранее уже знаю, о чем пойдет твой разговор.

— D'accord [\[25\]](#). Признаться честно, я удивляюсь тебе. Ты всегда повторял мне, что не готов стать в ряды покупателей юных курочек на рынке невест, а теперь, сломя голову спешишь занять место в их рядах. А какова она! Хитрая донельзя! Так рассчитать все до последнего мгновения. Нет, нет, дослушай меня до конца! Я знаю эту девушку. Училась с ней в институте. Я смутно ее помню, но, знаешь ли, не было резона ее запоминать. Но ведаешь ли ты, что в институте девочки с самых младых лет ставят себе цели: получить шифр и (ну, или «или» — у кого как получится) найти хорошую партию. Годами разрабатываются стратегии почище наполеоновских или суворовских. Ведь от этого зависит не только дальнейшая жизнь этих девочек, но и жизни ее родных.

Знаешь ли ты, сколько дочерей в семье Ольховских, уже в поре или около? Пять вместе с предметом твоих грез! Пять, а средств на приданое — ноль. Живут они в доме тетки матери Ольховской приживалками, полностью, скорее всего, на обеспечение той. Да вот беда — тетка-то не вечна, да и в последнее время что-то хворать начала, не приведи Господь, упокоится скоро. А у тетки той есть пасынок от первого брака, в Москве проживает. Тоже на наследство претендовать желает, да и кто бы ни желал? Получается, что готов опротестовать завещание. А тяжба-то дело затратное... ой, затратное. Напомню, средств свободных у Ольховских нет. Зато есть у пасынка этого. Где же бедным приживалам деньги-то на тяжбу найти? Да и дочерей пристроить надо. Не решить ли разом все проблемы при помощи старшей дочери? Отхватить ей жениха титулованного да при средствах, вот и решатся беды-то. А кто у нас из холостых *un parti très brillant* [\[26\]](#)? Князь Загорский да граф Воронин. И именно в этой очередности, он же не так богат, как ваша семья, *n'est-ce-pas*? Вот и держит она его пока на расстоянии, пока с тобой не разрешилось дело. А как падешь к ее ногам, так граф-то отставку и получит. Не удивлюсь, что скоро она начнет намеки на ...

— Прекрати, — хрипло прервал ее Загорский. — Ты совсем ничего не понимаешь!

— Так объясни мне, чтобы я поняла тебя, — подскочила на постели Натали в раздражении. — Ты не любишь ее, я же вижу, чувствую это. Зачем тебе весь этот фарс? Зачем тебе эта комедия? Все считают тебя уже влюбленным дураком, делают ставки, когда ты заглотишь крючок. Разве ты не знаешь этого? Ты, которого так заботила своя репутация? Да и что тебя привлекло в ней? Ты видел много красивых женщин, и ни одной не предлагал свое сердце. Значит, не красота. Но тогда что? Ее невинность? Ее популярность в обществе? Ее положение? — внезапно Натали замолчала. Ее глаза расширились от удивления, словно мысль, что пришла ей в голову, изумила ее своей очевидностью. — Она! Именно она привлекла тебя! Прекрасное орудие мести, ничего не скажешь...

— Ты уже несешь невесть что! — Загорский направился было к двери, но Натали резко

спрыгнула с кровати и перехватила его в дверях.

— Нет, не уходи! Прости, я забылась, — она обхватила его руками, пытаясь удержать от шага прочь из комнаты. — Ты же знаешь меня — я взбалмошная, мстительная. Хотела тебя уколоть побольнее, вот и доигралась. Прости, прости...

Она снова ударилась в слезы, и Сергею пришлось успокаивать ее. Он отнес ее в постель и, уложив, сел рядом, гладя ее волосы.

— Если ты думаешь, что мне не больно, ты ошибаешься. Мне больно и горько, что так сложилось. Ты всегда останешься частью моей жизни.

— Я хочу остаться в ней в настоящем, а не в прошлом, — прошептала сквозь слезы Натали.

— Натали, милая Натали, я мы не можем себе этого позволить. Если любовь ушла, то ее лучше отпустить, чтобы не мучить друг друга.

— Я согласна даже мучиться, лишь бы быть с тобой, — неумолимо твердила она. — Я ничего не хочу сильнее, чем остаться с тобой. Мне нет жизни без тебя... нет жизни...

Уже проваливаясь в сон, Натали прошептала:

— Она принесет тебе лишь горе, я чувствую это... не в моих силах уберечь тебя.

Загорский еще долго сидел у ее постели, с нежностью глядя в лицо той, что когда-то любил. Сейчас, когда она провалилась в глубины сна, она стала так похожа на ту девочку, что когда-то украли его юное сердце, и ради которой он готов был оставить семью. Она знала его, как никто другой, и если бы все сложилось иначе, стала бы ему прекрасной супругой — всепрощающая и все понимающая. Да, со временем он охладел бы к ней, но ведь любовь и верность не входят в основы счастливого и долгого брака, n'est-ce-pas?

Ему было жаль, что он причинил ей столько горя и боли. Он знал, что она говорила правду, и быть может, ни одна женщина не будет любить его столь безрассудно, как она. Но именно ее любовь и тяготила его, мешала ему...

Да, Загорскому было о чем подумать той ночью.

А поутру, когда он хмурый одевался для поездки в Царскую Славянку, принесли то, что окончательно убедило его в своей ничтожности.

Маленький пакет с короткой запиской, но они заставили его почувствовать себя последним из существ, а совесть — приняться грызть его с удвоенной силой.

Пакет он оставил, уходя от Натали, на подушке рядом с ее головой. В нем находилась та бархотка с камеей. Одна из фамильных драгоценностей семьи. Одна из тех, что так нравились Натали. Он рассудил, что ей будет приятно иметь ее. Как видно, он ошибся.

«Mon bon prince [\[27\]](#),

я возвращаю тебе то, что ты имел неосторожность забыть у меня. Ты, верно, забыл, что я — та единственная, что любила тебя, как Сергея Загорского, а не как его светлость вельможного князя.

С вечной любовью к тебе, Natalie»

Анатолий с большим удовольствием сбросил форменный китель и с наслаждением почувствовал, как легкий ветерок из открытого окна похолодил его спину. Все-таки мундир не самая лучшая одежда в такую жару!

Он расправил плечи и потянулся. Ночь, проведенная в адъютантской на узкой оттоманке, все-таки давала о себе знать несильной болью в мышцах. Боже, ну когда же там поставят обещанную складную кровать! Пусть тоже не особо комфортно, но, по крайней мере, он на ней будет помещаться целиком, а не пытаться всю ночь втиснуть свое немаленькое тело на узкое ложе.

Анатолий прошел к столу и принялся просматривать утреннюю почту. Приглашение на раут, карточка с пометкой о визите, прошение, прошение, карточка, прошение... Он отбросил от себя бумаги, разметаив их в беспорядке по столу.

От нее ничего не было.

Нет, дело не в том, что он надеялся получить что-то... Черт возьми, неправда! Он все-таки надеялся. Раньше она писала ему коротенькие записочки с благодарностью за цветы, билеты в театр, на музыкальный вечер. Это придавало их отношениям некий оттенок интимности и позволяло ему надеяться на ответные чувства. А теперь — ни строчки...

Анатолий не видел ее уже несколько дней — ему пришлось уважить просьбу одного из флигель-адъютантов и заменить того на дежурствах, заодно отбыть, конечно, и собственные. Он на пять дней выпал из собственной жизни и чувствовал, что это не пройдет даром.

Он вспомнил свою последнюю встречу с Мариной. Она состоялась по их приезду в имение Арсеньевых. Анатолий самый первый из их знакомых прискакал с визитом, что вызвало насмешливую улыбку его друга.

— Не видел тебя просто вечность, — проговорил Арсеньев, усаживаясь в кресло. Он приказал лакею подать прохладительные напитки и пригласить в гостиную барыню и гостью.

— Переезд на лето занимал все наше время, — ответил ему Анатолий. — Ты даже не представляешь, как это хлопотно!

— Как здоровье Их Императорских Высочеств?

— Слава Всевышнему, здоровы. Только здоровье Александры Николаевны вызывает опасения. Все никак не пройдет кашель, мучающий ее с марта. Медики надеются, что лето на природе...

Анатолий прервался, его ухо уловило легкое шуршание юбок и тихий женский смех, постепенно приближающий к запахнутым двойным дверям гостиной. Он поднялся с кресла и поправил мундир, с удивлением заметив, что его пальцы слегка дрожат.

Он не видел ее почти месяц — весь май, полный приготовлений к переезду, и почувствовал, как не хватало ему все это время ее дивных светло-зеленых глаз, ее улыбки, ее смеха...

Женщины ступили в гостиную, и Анатолий даже задержал дыхание — настолько Марина была хороша в этом легком белом платье в меленький цветочек. Руки ее были почти полностью обнажены, как в бальных платьях, но дома она предпочла обойтись без перчаток. Ее волосы были просто заколоты вверх с боков, позволив остальным свободно спускаться вниз по спине. Он впервые видел ее с этой неформальной прической, и это великолепие

золота ее волос заставили его сердце пуститься вскачь. Он живо представил их полностью распущенными на подушке и свои пальцы, ласкающие их.

— Ах, Боже мой! Paul, несносный вы супруг! Почему вы не предупредили, что у нас гости? Мы же совсем по-домашнему с Мари, — шутливо возмутилась Жюли, подавая Анатолю руку для поцелуя, а затем расцеловав того в обе щеки. — Надеюсь, вы простите наш неподобающий вид, Анатолий Михайлович, мы сегодня никого не ждали.

— Я послал к вам, моя дражайшая супруга, Ваньку, — Арсеньев улыбнулся жене и пересел к ней, занявшей место на софе. — Я помню все ваши injunctions [\[28\]](#), ma chérie. Я даже распорядился насчет прохладительных...

— Видимо, мы с ним не столкнулись. Мы были в саду, там нынче так хорошо.

Анатолий не слышал ни слова из шутливой перебранки супругов. Он неотрывно смотрел на Марину, смущенно стоявшую у порога гостиной и передающей горничной цветы, которые они с Жюли сорвали в саду. Он прекрасно понимал, что это вне всяких приличий, но в гостиной были только близкие друг другу люди, и ему можно было слегка пренебречь правилами.

Дождавшись, пока горничная заберет цветы, он подошел к руке Марины.

— Марина Александровна, вы обворожительны, как всегда.

— Благодарю вас.

Показалось ли ему или она скорее обычного убрала свою руку из его ладони? Анатолий был слегка обескуражен и ее дальнейшим поведением: Марина была необычно молчалива и невнимательна к общему разговору, по ее рукам, то и дело теребивших ленту платья, он легко угадывал ее нервозность, по ее глазам он читал, что мыслями она не в гостиной. Что это было? Озабоченность тем, что ее застали одетой и убранной несогласно этикету? Или нечто другое?

Прощаясь, Анатолий проговорил, прикладываясь к руке Марины:

— Нынче в Павловске откроют гуляния. Вы будете там?

— Ах, право, я не знаю, — Марина отвела свой взгляд в сторону, на Жюли, словно ища у той поддержки.

— Разумеется, мы там будем, Анатолий Михайлович. Можете на нас рассчитывать, — улыбнулась та.

К сожалению, в тот вечер и последующие их встречи в парках на гуляниях Анатолю так и не удалось разделить с ними компанию. Все дни и вечера он провел на службе, с тоской думая о том, как вокруг его потенциальной невесты व्यуном व्यются поклонники. Но не их опасался Анатолий, вовсе нет. Загорский — вот кто вызывал его опасения.

Анатолий знал все подробности той давней истории и видел поведение князя сейчас. Любил ли он? Скорее всего, нет, но вот влюблен был определенно. Странно было видеть его, всегда рядом с девушкой на выданье, всегда готового той услужить, зная какие толки вызовет это в свете. Что же пирушки в казармах? Что же ночные гуляния? До ушей светского общества не доходило ни одной сплетни по поводу этого за прошедшие две недели пребывания того в Царской Славянке. Поведение человека, решившего порвать с холостяцким прошлым, не иначе. Но в отношении Загорского это как-то не вязалось, и весь свет, словно затаив дыхание, ждал неминуемой развязки этой интриги.

Анатоля даже злило это. Он вовсе не предполагал, что его соперником за расположение девушки станет его друг. Друг ли? Как говорится, в любви — как на войне, а à la guerre comme à la guerre [\[29\]](#). Только вот цели у них были совсем разные: у Анатоля — faire un

mariage d'amour [\[30\]](#), у Загорского — один Бог ведает.

Жениться... Само слово звучало как-то грубо для слуха графа. Он прежде никогда не задумывался о браке, и потому его желание видеть Марину своей супругой, владеть ею единолично до конца их дней, едва он только увидел ее в театре, удивило его самого.

Он вспомнил тот вечер, когда он впервые увидел ее. Он дико устал в тот день — в предыдущие дни Его Императорское Величество выезжал на двухдневную охоту, и у Анатоля не было ни единой минуты, чтобы просто прилечь и отдохнуть. Два дня в седле, два дня гона — это только опытный наездник способен выдержать, и хотя Анатоль причислял себя к таковым, чувствовал каждую мышцу своего уставшего тела. Он был готов упасть в постель и проспать до следующего вечера, но получил записку от своей *dame de ses pensées* [\[31\]](#) с просьбой посетить оперу, что давали в тот вечер. Его *dame de ses pensées* была тогда одна из певичек театра, совсем юной, только начинающей свой театральный путь, и эта небольшая роль с парочкой арий была просто даром небес для нее. Естественно, этот «дар небес» был получен ею после разговора Анатоля с директором театра, но это уже мелочи — таланту надо помогать открыться. Первая роль — начало карьеры.

Именно поэтому она так желала видеть Анатоля нынче на опере. И он не смог отказать ей, несмотря на усталость. Впрочем, он никогда не мог отказать ни одной женщине в ее просьбе, будь она дворянкой, либо простой женщиной. Особенно если она сопровождалась слезами. Над подобной его *douceur* [\[32\]](#) потешались его друзья — «Поплачь женщина, мозги твои размякают напрочь», беззлобно шутил Загорский. Иногда Анатоль даже завидовал ему: тот так безмятежно мог сказать прямо и без лишних сантиментов своей наскучившей любовнице, что их отношения кончены отныне, так спокойно переносил женские слезы. «Прямо кремень у тебя вместо сердца», — так же беззлобно отвечал ему Анатоль.

В итоге Анатоль решил посетить оперу, но только на два акта, в которых как раз пела его любовница, далее он рассчитывал с чистой совестью покинуть театр. Но все пошло совсем по-другому. Он запоздал к началу, замешкавшись в фойе за беседой с одним очень уж докучливым генералом — тому непременно хотелось, чтобы мемуары о войне 1812 года, почтил своим вниманием государь. Анатоль обещался устроить тому аудиенцию у Его Императорского Величества на неделе. Уже начало вечера привело его в раздражение — он еле стоит на ногах от усталости, а в антрактах, он уверен, будет непременно атакован непринужденными беседами о здоровье царствующей семьи, об охоте Его Императорского Величества. Как назло в тот вечер и великий князь Михаил Павлович не почтил своим присутствием оперу, а значит, эти вежливые разговоры будут вестись с приближенными ко двору: флигель-адъютантами и парой статс-дам, что Анатоль заметил, входя в зал.

Анатоль занял свое место в первом ряду партера (кстати, с этой позиции гораздо лучше, чем из императорской ложи, видны *personages* женского пола, особенно их прелестные ножки), коротко кивнул своей протеже на сцене и посмотрел на ложу Арсеньевых, чтобы убедиться, что они присутствуют в зале. Он надеялся скрыться в их ложе во время антракта и, по возможности, провести там же второй акт, коль не было настроения поддерживать светскую беседу.

В ложе Арсеньевых сразу в первом ряду рядом с Жюли, какой-то пожилой дамой и маменькой Павла сидела незнакомка. Но ни незнакомое лицо остановило на себе его взгляд, ни его красота. Анатоля привлек тот восторг, что светился на нем. Подобное проявление чувств было чуждым для светского Петербурга и потому смотрелось необычно. Все те эмоции, что вызывала в душе девушки опера, отражались на ее лице — вот на сцене

праздник, и оно сияет радостью, вот главная героиня заламывает руки, рыдая — и на него набегают тень, а в глазах блестят слезы.

Весь первый и второй акты (не удалось ему подойти к Арсеньевым, генерал не удовлетворился обещанием в фойе, либо страдал потерей памяти и снова атаковал его прямо в партере) Анатоль наблюдал не за происходящим на сцене, а за девушкой. Ее минутная радость и грусть, ее восторг от происходящего в свете рампы заставили его сердце забиться сильнее, а ее слезы — почувствовать комок в горле. Он понимал, что нарушает правила хорошего тона (дама, сидевшая по левую сторону от девушки, уже кидала на него возмущенные взгляды), но не мог себя заставить отвести взгляд.

После второго акта, когда объявили антракт, девушка перевела свой взор со сцены на Анатоля. Ее головка была горделиво поднята вверх, а уголки губ слегка подрагивали, словно она хотела улыбнуться или наоборот едва сдерживала негодование. «Вот она я, смотри», — словно говорил весь ее вид.

«Довольно дерзка», — сначала подумал Анатоль. Потом в голову пришла другая мысль: «Она будет моей».

За несколько месяцев сезона он успешно продвинулся в своем ухаживании за ней. Ее семья радушно привечала его в доме, как потенциального жениха. На возможность их брака с приязнью смотрела Их Императорская чета. Все шло к предложению руки и сердца и официальному оглашению их помолвки. Но сезон подошел к концу, а вместе с ним и арест Загорского.

. Что может быть хуже для одного из самых желанных женихов столицы, чем быть отвергнутым? Что может быть хуже, чем быть отвергнутым любимой? Испугавшись оказаться в дураках, протянул с предложением, и теперь Марина просто ускользала из его рук. Все стало совсем не так, как ранее, Анатоль каким-то внутренним чутьем чувствовал это, и это предчувствие выводило его из себя.

Он ненавидел сам себя, но все же вызвал недавно к себе своего камердинера Федора. Тот был смазлив и легко нравился женщинам. Именно это и было необходимо Анатолю.

— У Марины Александровны есть в горничных девка одна. Дуняша, кажется.

Более ничего не требовалось объяснять. Федор понимал с полуслова своего барина, недаром они были однолетками, а в юности партнерами в деревенских проказах.

Скоро, совсем скоро Анатоль поймет, каковы намерения и помыслы Марины. Тогда и разберется, как ему действовать. Не впервые ему быть соперником в любви, но впервые победа так желанна...

От мыслей Анатоля отвлек негромкий стук в дверь кабинета.

— Барин, дозвоьте доложить, — самый старший из его слуг, уже седой Прохор стоял на пороге. — К вам дама с визитом. Карточки не изволила дать.

— Дама? — Анатоль нахмурился. — Какая дама?

— Не ведаю, барин. Под вуалями она.

Таинственная дама под вуалью заинтриговала Анатоля на мгновение. Интересно, что привело эту загадочную просительницу к нему? Что это будет очередное прошение, Анатоль не сомневался — к нему могли прийти с визитами в эту утреннюю пору только просительницы — вдовы с просьбами походатайствовать о пенсиях, пособиях и других милостях.

— Проси.

Спустя минуту порог его кабинета перешагнула особа, лицо которой скрывала газовая

вуаль, спускавшаяся с модной шляпки. По ее дорогой одежде Воронин рассудил, что он ошибся. Посетительница прошла к одному из стульев и опустилась на него без приглашения. Подобное поведение покорило Анатоля, и он решил тоже не следовать правилам вежливости и опустил приветственные слова.

— Чему обязан вашему визиту, сударыня? — холодно осведомился он, усаживаясь по другую сторону стола.

— Исключительно судьбе, — дама откинула вуаль и в упор посмотрела на Воронина. — Потому что только вы, Анатолий Михайлович, можете помешать свершиться злу, которое грянет в скором будущем, не вмешайся вы в ход событий.

Первую минуту он потерял дар речи, увидев, кто почтил его своим визитом. Потом он обратился к своей визави.

— Не могли бы вы пояснить ваши слова? Признаться, я не имею ни малейшего понятия, коим образом я причастен к вашей судьбе, и какое зло должно свершиться вскоре по вашим же словам.

— Я объясню вам. За этим и пришла сюда, — она помолчала мгновение, потом проговорила. — Я знаю, вы имеете намерения в отношении девицы Ольховской. Не морщитесь, граф, весь Петербург ведает об этом, слепы мы к окружающим, когда любим. Значит, вам небезразлична ее судьба.

— Что вы имеете в виду? Говорите, если вам есть, что сказать. А нет, то не стоит попусту терять время и мое, и ваше.

— Вижу, вы испытываете ко мне неприязнь, Анатолий Михайлович. Чем я заслужила подобное?

— Ах, сударыня, я не испытываю к вам личной неприязни. Я просто не люблю прелюбодеяство и обман.

Натали сузила в ярости глаза.

— Ах, как же вы все глупы с вашими понятиями чести! Холодные, расчетливые, но честные. Честные до глупости. Я шла к вам, как друг, хотела предупредить вас. Но, видимо, вам не нужно это, — она поднялась со стула в намерении уйти.

— Подождите, — остановил ее Воронин. — Прошу простить меня, я не в настроении в последнее время. Да и служба... Не хотите ли чаю? Позвольте я позвоню.

Натали кивнула, принимая предложенное перемирие. Она знала, что друзья Загорского недолюбливают ее, и была благодарна, что Воронин согласился выслушать ее. Он был необходим ей в дальнейшем, поэтому как бы ее ни задела его слова, ей нужно было иметь его в союзниках.

— Вы, верно, гадаете, что я имею сообщить вам по поводу девицы Ольховской и ее будущего, — начала Натали, пригубив глоток отменного индийского чая. — Я пришла к вам потому, что ей действительно угрожает нечто, способное сломать ее жизнь. Однажды он чуть не сделал это. Теперь, уверена, ему это удастся.

— Вы говорите о Сергее? — спросил Воронин. — Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду [levage](#) ^[33], Анатолий Михайлович.

— С девицей из хорошей семьи? Серж? Исключено!

— Не торопитесь, граф, вы не знаете многих причин на подобный поступок. Первая, не скрою сама девица. Не удаль ли покорить ту, что желает каждый второй холостяк столицы? Покорить ту, что так долго отвергала тебя самого, выставив в идиотом в глазах общества? А вторая и, пожалуй, самая приятная для Сержа — изрядно попортить нервы деду. Вы же

помните, как он клялся, что никогда не даст продолжение роду Загорских. Но что лучше — не оставить ему наследников вовсе или смешать свою кровь с кровью ненавистного тому народа? Да-да, не смотрите на меня так удивленно, bâtard ^[34] с польской кровью в роду Загорских, что может быть пикантнее? Это добьет старика окончательно в их непримиримой войне. Серж одержит верх за все те обиды, что нанес ему дед, за нас с ним, за неудавшееся будущее.

— Это невозможно! — вскрикнул Анатоль. — Это бесчестно, бесчеловечно! Я не верю вам. Он не может так поступить. Серж не такой человек.

— О, вы просто давно с ним не общались тесно, как ранее. Я заметила еще во Флоренции перемены, произошедшие в нем. Вы думаете, я не замечала, что в последнее время наша liaison питалась не любовью, а исключительно привычкой и местью. Местью старому князю. Серж намеренно вызывает его ярость, его недовольство. Словно вся его жизнь свелась к тому, чтобы одержать верх в этой нелепой борьбе двух кровных родичей. «Я заскучал», — твердил он мне тогда. «Душа требует intrigue ^[35]...»

Натали замолчала и принялась вертеть в пальцах серебряную ложечку. Анатоль тоже молчал. Он размышлял над услышанным.

Нет, этого не может быть. Он вспомнил трех юношей в Кадетском корпусе, что на крови клялись блюсти принципы благородства и чести, и он не мог поверить, что один из них способен на низкий поступок, подлость в стремлении ударить побольнее близкого человека. Да еще при этом разрушить другие жизни.

— Откуда вам известно то, что вы мне поведали, сударыня? Признаюсь, я ни за что не поверю вам без весомых доказательств ваших слов. Я знаю совсем другого человека, не похожего на того, о ком вы ведете речь, и мне с трудом верится, что эти намерения могут быть приписаны ему.

— Доказательства? Я уже сказала вам, что знаю этого человека гораздо лучше вас — я более пяти лет делила с ним постель и его все его тайны. Вы думаете, что я могу ошибаться? Вам подобное даже не приходило в голову, а мне пришло, и он не отрицал, когда я спросила его об этом, — Натали взглянула на часики, приколотые к корсажу ее платья. — Уже минул полдень. Мне пора.

Пока они ждали вызванного Анатолем лакея проводить гостью до дверей, Натали опустила вуаль и расправила ее складки. Неожиданно она положила ладонь на руку Анатоля, привлекая его внимание к своим словам.

— Если вы не верите мне, ваше дело. Но прошу вас, найдите способ уберечь эту девушку. Скоро все случится, я знаю это.

— Опять голословие? — усмехнулся Анатоль. — Сударыня, я прошу вас...

— Серж оставил меня, — перебила Натали. — Ровно две недели назад и два дня. Он оставил меня, не иначе смог бы приблизиться к своей цели. Видимо, она не верила ему окончательно, и это должно было послужить доказательством его любви к ней. Как видите, что не мог сделать старый князь все эти годы, превосходно удалось польской крови. Вы все так долго ждали окончания нашей связи, и вот оно свершилось.

Анатоль промолчал. Он не знал, что сказать на это женщине, в голосе которой слышалась боль и неимоверная печаль, когда она говорила свою речь. Он, в отличие от Арсеньева, не верил, что Натали питает глубокие чувства к Загорскому, но сейчас видел, что ошибался.

— Помогите мне, граф, — взмолилась женщина. — Нам надо сделать все, чтобы стало

невозможным их дальнейшее сближение с Ольховской. Я знаю, что он к ней пишет и пишет часто. Прикажите вашему слуге, чтобы он подговорил свою девку перехватывать письма (да-да, граф, я осведомлена о вашем *espion* ^[36] в доме Ольховских, ведь неспроста ваш слуга закрутил любовь с тамошней дворней). Найдите время, чтобы приблизить ее к себе, разделить с ней все эти прогулки в Павловске, музыкальные вечера и дачные рауты. И еще — забудьте вашу нерешительность и смело делайте предложение. Чего вы медлите? Промедление тут подобно поражению, запомните это. Только помолвка заставит Сержа отступить. В ваших союзниках тамап девицы, я не понаслышке знаю об этом, а это много стоит в этом деле. Вы легко склоните девицу к браку с вами, вам только стоит развеять ее иллюзии по поводу Сержа. Только с вашей помощью я смогу удержать его от этого рокового шага, и, может быть, вернуть. Только вы можете спасти девицу Ольховскую от неминуемого позора.

— Зачем вы делаете это? — спросил он ее, когда она уже перешагивала порог кабинета. — Вы ведь предаете человека, которого любите?

Натали обернулась к нему.

— Вы ошибаетесь, я спасаю его. Спасаю от него самого. Он сломает себе жизнь и чужие жизни, чего не простит себе, когда придет осознание содеянного. А оно придет со временем, это определено — несмотря на то, что его сердце холодно сейчас, наступит день, когда этот лед растает. И видит Бог, я не хочу, чтобы он страдал тогда. И так слишком много пережил в этой жизни.

Гостья ушла, а Анатоль еще долго сидел, развернув кресло к окну и наблюдая за пичужками на ветке в саду. Он не хотел верить в то, что ему сообщила Натали, но не мог отрицать возможность этого. Он вспоминал, сколь неожиданно проснулся у Загорского интерес к Марине, как он настойчиво преследовал ее, словно загонял лань. Может ли его недовольство собственным положением по отношению к деду завести его так далеко? Можно ли в стремлении оскорбить человека сломать жизни других? Анатоль не знал ответа на эти вопросы. Для него вообще было дико, что дед и внук так открыто враждуют друг с другом, так холодны по отношению друг к другу. У Анатоля не было иной семьи, кроме сестры, юной девочки, оставшейся с младенчества без матери, умершей родами. Его отец умер от холеры, когда Анатолю было пятнадцать лет, а его сестре — всего год от рождения. Единственный близкий человек, и он готов был перегрызть глотку любому, кто обидит ее. Поэтому он, как ни силился, не мог понять поведения Загорского по отношению к деду. Тем более, тот был уже стар и в любой момент мог оставить этот мир.

Когда же сердце его друга зачерствело настолько? Анатоль попытался вспомнить, когда в последний раз слышал веселый смех Загорского, идущий от души, и не смог. Боже, неужели действительно за прошедшие годы тот изменился, а он, его лучший друг и товарищ, за всеми хлопотами и делами службы и собственного хозяйства даже не заметил этого?

Что теперь делать? Как поступить, зная то, что открыла ему нынче Натали?

Поговорить начистоту с Загорским? Но тот рассмеется ему в лицо, скажет, что верит «бабским историям». Открыть Арсеньеву? Не поверит, решит, что в свете последних событий Натали стремится очернить своего бывшего любовника. Пойти по предложенному Натали пути и сделать предложение Марине? А если откажет? Быть отвергнутым именно теперь, когда он решил, что рядом родственная душа, что он не будет больше одинок. Сейчас, когда надежды на семейное счастье будоражат его кровь, как никогда ранее... Он страшился отказа.

Анатолий вдруг вспомнил Марину, какой он видел ее в первый свой визит в Киреевку, — в легком платье, с голыми руками и распущенными локонами. Позволить другому касаться этих волос, этих рук? Нет, уж лучше попытаться и получить отказ, чем потом горько сожалеть об упущенных возможностях.

Вечером он поехал в Павловск в парк, где обычно играл оркестр, и прогуливался высший свет и не только его представители. Он проходил аллею за аллеей, но нигде не встречал ни Арсеньевых, ни Марины и начал уже жалеть, что вот так безрассудно, без каких-либо договоренностей помчался в парк, надеясь на удачу. Следовало послать им записку и спросить, будут ли они нынче на гулянии или нет.

Проходя в очередной раз по одной из аллей к оркестровой площадке, Анатолий неожиданно столкнулся с прогуливающимся тут же императором с императрицей, великим князем Михаилом Павловичем с супругой и их немногочисленной свитой.

— Прогуливаетесь? — улыбнулся император после положенного случаю приветствия. — Почему же вы один, без *vis-à-vis*? В такой романтический вечер просто недолжно гулять в одиночестве.

Анатолий в двух словах описал ситуацию и посетовал на свою недальновидность.

— Vous avez beau chercher [\[37\]](#). Мы видели по приезду. Она уехала с графом Арсеньевым и его супругой буквально несколько минут назад, — император помолчал, а потом вдруг улыбнулся и сказал:

— Вам следует поторопиться с *demande en mariage* [\[38\]](#). Тогда вы всегда будете точно знать, где находится ваша супруга, — император с улыбкой ласково поцеловал руку жене. После этой фразы последовал короткий кивок Анатолию, и император продолжил прогулку. Поэтому он не видел, что его адъютант повел себя довольно странно: на мгновение вскинул голову вверх и вдохнул в себя дивный аромат летнего вечера.

Анатолий чувствовал, что его голова идет кругом от того, что неожиданно всколыхнулось у него в душе при последних словах государя. Разве это было не знамение?

Он направился к Арсеньевым в Киреевку.

Агнешка в последний раз проверила кружево, прежде чем убрать его. Эта Дуняша совсем не умеет следить за платьем. Никакой от нее помощи — ни почистить, ни починить. Ну, какая из нее горничная? Ей бы все по кавалерам бегать. Срамота! Кабы Агнешка была помоложе, так и потребовала бы, чтобы Марина отказалась от нее. Но зрение уже стало не то, не для починки, да и уставала она чаще, чем ранее, куда уж ей в ее годы ждать Марину с бала до утра. Только и была до сих пор при Марине, как старшая над Дуняшей.

Вот куда ее опять, окаянную, унесло? Совсем лето голову закружило, да молодец чей-то рыжий...

Внезапно открылась дверь комнаты, и вошла Марина, перепугав няньку до полусмерти неожиданностью своего прихода.

— Ох, сердешная, ну и напугала ты меня! — воскликнула Агнешка и, с трудом наклонившись, подняла платье, что уронила.

— Где письма, Гнеша? — коротко спросила Марина. Ее губы подрагивали, и нянька поняла, что та еле сдерживается, чтобы не пуститься в слезы.

— Какие письма, сердэнько мое? — не поняла женщина. — Сегодня почту з Петеберха не получали.

— Его письма, няня. Те, что присылал мне князь, — Марина резко стягивала с рук митенки, не заботясь о том, что тонкое кружево рвется от ее усилий. Да, прибавится Дуняше работы.

— Сейчас принесу, сердэнько мое, — нянечка бросилась к сундуку с платьями. Там, в самом низу перевязанная газовым шарфом лежала стопка писем. С трудом поднявшись с колен, нянька захлопнула крышку и поспешила к Марине, которая расправившись с митенками, отошла к открытому окну и стояла у него, вдыхая прохладный вечерний воздух. Она из всех сил старалась сдержать слезы, которые так и норовили предательски сорваться с глаз.

— Вот, милочка, письма ягоны, — нянька протянула Марине пачку писем. Та взяла их в руки и на мгновение замерла, задумавшись. Ей совсем не хотелось расставаться с этими свидетельствами любви Загорского к ней. Они для Марины были словно нить, связующая ее с князем. Наконец она решилась.

— Возьми их, Гнеша, и сожги в печке нынче.

Агнешка подняла голову и посмотрела Марине в глаза.

— Сердешная моя, — ласково произнесла женщина и провела ладонью по волосам девушки. — Ничего, все наладится, милая. Жизнь, яна так переменчива... Ты поплачь, сердэнько мое, не держи в себе. От слезок легче станет...

Марина резко прижалась к няньке, обхватив ее в неуклюжем объятии.

— Какая я, няня? — спросила она. — Разве я грешная совсем? Разве плохая? Почему не могу быть просто счастливой, как Юленька? Я иногда смотрю на нее и завидую ей — она такая счастливая, ее так любит супруг.

— Да разве ж счастье только в этом? Вона Юлия Григорьевна тоже страдает, все глазоньки выплакивает по ночам. Дзитятко хочет, а Боженька не дает... Да и грешно завидовать, милая. Со стороны кажется, мед такой сладкий, а на вкус-то может и прокисшим оказаться.

— Ты права, милая Гнеша, права, как всегда. Завтра в церковь поедem, грех мой отмаливать буду. Видимо, за зависть эту и карает меня Господь, — Марина уже не таила своих слез, и они маленькими ручейками бежали по ее лицу. — За зависть, за грех непослушания родителям карает, за гордыню мою карает. Ой, как карает, няня! Болит мое сердце... грудь сжимает...

Тут Марина разрыдалась в голос, и няня прижала ее еще крепче к себе. Она чувствовала, что произошло нынче на прогулке что-то, что так сильно ранило ее касаточку, и от этого ее собственное сердце заныло в груди. Видимо, снова обманулась ее дзитятка, снова разбито ее бедное сердечко... Она ведь предупреждала милочку свою.

В дверь постучали. Марина резко замолчала и посмотрела на няню. Потом она отстранилась от женщины и вытерла слезы.

— Кто там? — спросила она, из всех сил, стремясь, чтобы ее голос звучал как обычно.

— Прошу прощения, барышня. Там приехали-с, — раздался из-за двери голос лакея. — Граф Воронин Анатолий Михайлович с визитом пожаловали. Барыня просит вас в диванную.

— Передай гостю мои извинения и скажи, что мне нездоровится, — потом обратилась к няне. — Помоги мне раздеться. Лечь хочу, устала. Хотя нет, подожди.

Марина резко подошла к столику и быстро что-то написала на листке бумаги.

— Вот, — она протянула сложенный вчетверо лист няне. — Передашь это Анатолию Михайловичу. Только лично, в руки.

Агнешка показала ей стопку писем, что держала в руке. Мол, что будем с этим делать.

— Дай мне их пока, — Марина забрала у нянечки письма. — Сначала записку отдай. Потом с этим решим. Ступай сейчас, а то боюсь, разминешься с графом.

Нянечка быстро ушла с запиской, а Марина опустилась в кресло у столика и бросила рядом на пол пачку писем, словно ей было неприятно держать их долее в руках. Затем она взяла со столика книгу. Это был роман в стихах «Евгений Онегин», написанный камер-юнкером Пушкиным. Марине доводилось встречаться с ним и его очаровательной супругой на балах, но близкого знакомства с Пушкиными она не водила — молва приписывала ему дурной нрав, и, судя по его суровому виду, весьма заслуженно, по мнению Марины. Она слышала, что он выпускает журнал, но в доме Софьи Александровны журналов не выписывали, а из книг были сплошь французские романы да календари, поэтому до этих пор Марине не случалось познакомиться с его поэзией.

Именно поэтому книга так заинтересовала ее, когда недавно была прислана Загорским вместо одного из писем. Марина прочитала роман за вечер, и он так затронул ее душу, что она проплакала всю ночь кряду. Ей виделся в Онегине Загорский, а в Татьяне она сама. А слова письма Онегина к Татьяне, выборочно подчеркнутые рукой князя...

Нет, решительно они должны обговорить то, что стоит между ними. Ведь невозможно так ухаживать, и не иметь серьезных намерений. Ведь не актерка же она какая, все-таки барышня.

Но не только книга толкнула Марину на объяснение с князем, которое она так старательно оттягивала с момента их переезда загород в страхе разрушить свои мечты и чаяния. Этому также способствовали две причины. Первая — отъезд Арсеньевых за границу на лечение Юленьки на водах. Уже были готовы и паспорта, и подорожные, почти упакованы чемоданы и сундуки, несмотря на то, что до начала путешествия было еще почти две недели. Вторая причина...

Марина открыла книгу и достала вложенное туда письмо, полученное вчера утром с

почтой. Записка без подписи, без обратного адреса, но витиеватый почерк и легкий флер духов, идущий от письма, выдавали в авторе даму и, судя по дорогой бумаге, даму состоятельную.

«Берегитесь, — гласила записка. — tout ce qui reluit n'est pas or ^[39], и не всяк влюблен тот, кто красиво говорит. Старый князь ненавидит польскую кровь, а молодой готов пойти на все, чтобы победить в нелепой вражде».

Марина смяла записку и бросила ее на пол рядом с письмами Загорского. Сжечь, сжечь все, дотла, чтобы и никаких следов не осталось от того, как она обманулась в очередной раз.

Вернулась няня и принесла с собой огня, от которого зажгла пару свечей в комнате.

— Пошто в темноте сидишь? — спросила она. — Горе свое баюкаешь?

— Отдала записку?

— Как не отдать? Отдала, конечно. Прочитал и сказал, что с утра будет во дворце, но к обеду постарается быть. Спрашивал, как твоё здоровье. Дюже беспокоится о тебе, голубка. Даже хотел за дохтуром послать, да Юлия Григорьевна отговорила, — Агнешка помолчала, а потом вдруг сказала. — Ну, что же за сердце у тебя такое глупое, милая? Вот полюбись тебе этот чернявый, жила бы в счастье, как мечтаешь. Дык нет, ентот на уме, а с ним маята одна!

— Забываешься, Агнеша! — резко поднялась Марина с кресла. — Ты смотри, я ж и наказать могу!

— Да уж, тебе бы только нынче и спустить на кого. На кого еще, как не на няньку твою старую, — пробурчала тихо женщина, и Марине стало стыдно. Подняла голос на старую свою нянечку, угрожает ей...

— Прости меня, — глухо сказала девушка. — Я просто расстроилась, душа болит, вот и злюсь на всех. Душно тут как, в сад пойду, прогуляюсь.

— Да куда ты, милая? Ночь-полночь на дворе уже. Темень... — забеспокоилась нянька, но видя решительно сжатые губы Марины, поняла, что спорить бесполезно. — Вот, тогда шалечку накинь. Как бы не простудилась, сыро-то ведь уже в саду да прохладно. Это не у нас в Ольховке, здесь ночи не такие теплые-то.

Агнешка накинула на плечи Марины шаль и, задержав на мгновение ту у двери, быстро перекрестила.

— Дай Божечка твоей душе спокойствию, милая. Устрадалась ты, сердэнько мое.

Забота и нежность старой нянюшки растрогали Марину, и едва устроившись на качелях в саду, она горько расплакалась, хотя запрещала сама себе даже одну слезинку уронить.

Она вспомнила встречу с Загорским нынче вечером в парке, как он улыбался ей.

— Вы так прекрасно выглядите сегодня, Марина Александровна. Я уже и забыть успел, какие лучезарные у вас глаза.

— Когда же вы успели забыть, Сергей Кириллович? Ведь давеча вечером виделись, — мило краснела она в ответ, а он только щурил глаза да хитро улыбался.

— Для меня день вдали от вас — целая вечность...

Арсеньевы шли впереди них на несколько шагов, давая им возможность побыть наедине в многолюдном парке, но, тем не менее, не упускали их из виду среди многочисленных пар прогуливающихся, то и дело, оглядываясь назад. Было невооруженным взглядом видно, что Павел не очень был доволен сложившимся положением — он опасался, что в этом соперничестве друзей он будет при любом раскладе виноватым, но как выйти из него, не рассорившись ни с одним из друзей, он не знал. С другой стороны, рассуждал он, в парке разрешено прогуливаться всем без исключения, и если бы Воронин захотел или мог, он сам

бы гулял здесь с Мариной, а не Загорский. Значит, так было предопределено.

— Я давно хотела спросить вас. Позволите?

— Спрашивайте.

— Не считите мой вопрос, пожалуйста, нескромным. Я хотела спросить вас о вашем дедушке, Матвее Сергеевиче. Я ни разу не видела его ни в Павловске, ни в Царском за прошедшие недели. Он не переехал на дачи? Или, не дай Бог, нездоров? — Показалось ли ей или черты его лица словно окаменели?

— Нет, мой дед не следует за двором. Видимо, он сейчас в Загорском. Он больше знаете ли, любитель сельской тишины, чем суеты сует — светского общества. И заверяю вас — в вопросе здоровья он легко даст фору любому в его возрасте. Да что там, любому даже на добрый десяток моложе.

Это было сказано с таким сарказмом, что неприятно резануло слух Марины. Да и еще и эта оговорка «видимо». Выходит, он и правда не знает, где сейчас его дед. Как это может быть?

— Загорское? Это ваше имение?

— Да, самое крупное. Самое начало из начал нашей семьи. Было подарено моему славному предку первым Романовым. Когда я был еще мальчиком, мне казалось, что его границ не объедешь и за сутки.

— Правда? — удивилась Марина.

— Ну, разумеется, нет, — рассмеялся Загорский, видя выражение ее лица. — Оно, конечно, большое, но не настолько же. Когда мы очень юны, нам все кажется большим.

— Вы знаете, а я, когда училась в Смольном, каждый вечер пыталась вспомнить Ольховку. Я прожила там совсем мало — лет до семи — и не очень хорошо помнила имение. Но наш яблоневый сад и заросли чубушника я запомнила хорошо. Особенно одну старую яблоню. Я любила прятаться от своей няни на ее ветках. Они росли так плотно друг к другу, что за ее листьями получалось отличное потайное место. Забавно было наблюдать, как нянечка и девки ищут меня, — Маринина озорная улыбка померкла. — В последний раз я там спряталась, когда меня отвозили в Петербург на учебу.

— Вы прятались на дереве? — удивился Сергей. — Не думал, что девочки лазают по деревьям. У меня тоже было потайное место на одном из деревьев в саду Загорского. Мне мой дядька смастерил там что-то наподобие домика. Там, наверное, до сих пор лежат мои солдатики и настоящая подозрительная труба. Мой дед подарил мне ее на шестой день рождения. Я обожал смотреть на нее с высоты моего домика и представлял себя Кутузовым, осматривающим диспозиции.

— Если она сохранилась до сих пор, вашему деду будет очень приятно, если труба перейдет к его правнукам, как некая семейная реликвия, — улыбнулась Марина, но тут же осеклась, увидев, как снова помрачнело лицо Загорского. Значит, это действительно так — между старым князем и Сергеем весьма прохладные отношения для близких родственников. Означало ли это, что и остальное написанное в анонимном письме — правда?

Она решительно повернулась к князю:

— За последние две недели вы бывали у нас почти каждый день. Так и слухов недалеко, вы же знаете, свет...

— Слухов? Каких слухов? — прищурил глаза Загорский. — Разве вы давали почву для них?

Марина оскорблено посмотрела на него, но заметив смех в его глазах, поняла, что он ее

просто дразнит.

— Нет, Сергей Кириллович, вы прекрасно знаете, что порядочная девушка не должна давать почву для слухов и толков. Это твердится им каждый Божий день с малолетства. Я имею в виду вас.

— Меня? — шутливо испугался Сергей. — Что же я такого сделал в последнее время? Я ведь сущий *ange* [40].

— *Mauvais ange*? [41] — Марина обожала их беседы, полные беззлобного юмора, которые они так свободно вели за прогулкой.

— *Touche* [42], Марина Александровна. Но справедливости ради должен отметить, что был им ранее. Не буду отрицать очевидного. Но все изменилось, когда я снова увидел вас. Но вы говорили про слухи. Что за *bruits* [43] вы имели в виду? Что на мой счет шепчут в дачных салонах?

Марина замедлила шаг, вынуждая его сделать то же самое, не решаясь продолжить, затем набрала воздуха, словно перед прыжком в воду, и, стараясь, чтобы ее голос звучал как можно беззаботнее, сказала:

— Вы ведь знаете сами, Сергей Кириллович, что за толки ходят, когда молодой человек начинает ездить часто с визитами в дом молодой девушки. А уж тем паче присылает ей цветы.

Загорский остановился, Марина была вынуждена сделать то же самое. Теперь они стояли и смотрели друг другу в глаза. Ей казалось, что ее пронзают насквозь, настолько острым был его взгляд.

— Вас это беспокоит, Марина Александровна? — в его голосе прозвучала какая-то незнакомая ей интонация, которая заставила ее слегка задрожать волнения.

— Нет, Сергей Кириллович, меня не беспокоит. Но я уверена, что они будут беспокоить мою маман, и я не знаю, что ей писать в следующем письме домой.

— Вашу маман, — повторил он за ней, криво улыбнувшись. — Вы хотите, чтобы я помог вам составить текст письма для вашей маман?

— Нет, Сергей Кириллович, текст я в состоянии составить сама. Я хочу знать ваши намерения, чтобы знать тему моего письма к ней.

— Мои намерения? — снова повторил он вслед за ней все с той же кривой улыбкой. Марине, глядя на то, как изменилось его лицо за последние минуты их разговора, казалось, что перед ней сейчас стоит другой, незнакомый ей человек, совсем не тот, что шутил и смеялся с ней всего пару мгновений назад. Ей стало страшно и больно, словно она заранее знала итог этой беседы. Она уже жалела, что начала ее, хотя понимала, что этот разговор был необходим ей. Необходим, чтобы ее бедное сердце прекратило метаться и уговаривать разум, что мечты могут сбываться.

— Да, ваши намерения. Обычно, когда молодой человек ездит с частыми визитами в дом девушки на выданье, клянется ей в своих чувствах, преследует ее на балах, пишет к ней и преподносит ей цветы и сладости, это означает только одно — этот человек преследует цель вступить в брак с этой девушкой.

Голова Загорского дернулась при слове «брак», словно оно ударило его. Марина задохнулась от того, как больно сжалось ее сердце при виде этого. Боже, он действительно не намеревался... Тогда что?

— Что вам нужно было от меня, князь, тогда? — голос Марины дрожал. Она изо всех

сил сдерживала слезы. — Неужели я для вас лишь средство насолить вашему деду?

Загорский, видимо, не ждал подобной реплики от нее, и на какое-то мгновение маска холодного безразличия спала с его лица. В его глазах мелькнула целая гамма чувств — от удивления до... раскаяния? Марина замерла в ужасе.

— Так это правда? Правда?!

Она быстро развернулась от него, чтобы уйти, но не смогла — что-то удерживало юбку ее платья. Она раздраженно глянула вниз.

— Это становится уже дурной привычкой! — прошипела она в лицо Загорскому как можно тише, стараясь не привлекать к ним лишнего внимания других прогуливающихся.

— У меня не было иного выхода. Удержи я вас сейчас по-иному, нынче же вечером в гостиных скажут, что мы вели себя неподобающим образом.

— Уберите ногу, вы порвете мне платье и, готова поспорить на что угодно, уже испачкали его. И я бы не назвала ваше поведение сейчас подобающим!

— Я просто не вижу иной возможности заставить вас выслушать меня. Вы ведь не остановились бы, если бы я попросил вас, *n'est-ce-pas* [44]? А бежать за вами по всему парку я не имею ни малейшего желания. Позвольте мне объясниться.

— Нет! Нет, не позволю! Я не имею ни малейшего желания слушать ваши объяснения! — Марине казалось, что еще минута *vis-à-vis* с Загорским, и ее нервы не выдержат. — Уберите сейчас же ногу с подола, иначе я закричу!

— Послушайте... — начал было Загорский, но Марина отвернулась от него и посмотрела вслед удаляющимся Арсеньевым, которые, не подозревая о происходящей за их спинами сцене, мило беседовали. Она поняла, что не может больше слушать князя, не может больше видеть его. Слезы разрывали комком ее горло, затрудняя дыхание, и она поняла, что заплачет прямо здесь и сейчас, перед ним, перед всеми в парке. Или ударит его зонтиком. Со всей силы и прямо по его непокрытой русоволосой голове. И неизвестно, что еще хуже для ее репутации — первое или второе.

— Жюли! — неожиданно для самой себя громко и слегка визгливо вскрикнула Марина, и Загорский, признавая свое поражение, убрал сапог с подола ее платья. Юленька и ее муж обернулись встревожено и наблюдали с удивлением, как Марина, подхватив юбки одной рукой и с трудом удерживая зонтик в другой, спешит к ним, стараясь делать это по возможности чинно, как и подобает воспитанной девушке. Загорский не отставал от нее ни на шаг, и к Арсеньевым она почти подбежала.

— Ах, Жюли, Павел Григорьевич, такая жара нынче. Мне неловко просить вас прервать прогулку, но я вынуждена это сделать — у меня вдруг начался приступ *migraine* [45]. Это просто ужасно ... *douleur atroce* [46]... Не могли бы мы вернуться?

— Разумеется, *ma chérie*, — обеспокоенная Жюли взяла подругу за руку. — Сейчас же поедем. Мигрень... А я как назло не взяла свои соли сегодня.

Арсеньев молча смотрел на Загорского. Он сразу же вычислил причину столь неожиданного приступа мигрени Марины, но терялся в догадках, что между ними произошло. Может, зря они с Жюли следили за их *protégée* [47] не так тщательно, как следовало бы. С другой стороны, он был уверен, что Загорский никогда не позволил бы себе оскорбить словом или действием невинную девушку.

Они направились маленькой группкой к выходу из парка, где их ждала коляска. Юленька заботливо вела под руку Марину, то и дело поглядывая на нее, словно опасаясь, что

та может неожиданно упасть наземь. Загорский держался чуть позади, но не отставал от них ни на шаг. Арсеньев, пользуясь случаем, поравнялся с ним.

— Что меж вами произошло? Если ты позволил...

— Прошу тебя, что я мог позволить себе на виду у всех! — отрезал Загорский резко.

— Тогда в чем дело? Марина Александровна до сего момента не страдала приступами мигрени.

Загорский раздраженно посмотрел на друга.

— С каких это пор ты стал таким любопытным? Прости, я не могу тебе сказать, это было бы низко с моей стороны, — он увидел, что их маленькая группка приблизилась к коляске Арсеньевых, и жестом подозвал человека со своей лошадью. — Позвольте, я провожу вас...

— Нет! — вскрикнула Марина и, осознав свою оплошность, понизила голос. — Нет. Я не вижу в этом необходимости, сударь.

— Это не необходимость, а только мое удовольствие, — возразил ей Загорский, предлагая ей свою руку для того, чтобы помочь сесть в коляску.

— Я не вижу в этом необходимости, — тихо, чтобы не услышали Арсеньевы, процедила сквозь зубы Марина. Ее рука дрожала в его руке то ли от негодования, то ли от волнения. — C'est tout ce que je vous dis [\[48\]](#), сударь.

— Зато я не все сказал вам, — Загорский помог ей сесть, а потом закрыл дверцу коляски и положил свою руку на нее. — Вы не дослушали меня, а, следовательно, не дали мне возможности оправдаться от выдвинутых вами обвинений.

— Я не хочу слышать ваших объяснений, — медленно проговорила Марина. Ее уже ничуть не волновало, что сидящие в коляске Арсеньевы слышат их диалог. — Я не понаслышке знаю, какой вы мастак придумывать оправдания.

Загорский слегка покраснел от ее слов.

— Марина Александровна, я попросил бы вас... — начал он, а Марина, слегка удовлетворенная тем, что задела его за живое своими словами, чувствуя, что не в силах более продолжать этот разговор, тихо обратилась в отчаянье к Павлу:

— Je serais très content si vous me débarrassez de ce homme [\[49\]](#)...

Павел слегка пожал ее руку в знак поддержки, наклонился к Загорскому и еле слышно прошептал ему в ухо:

— Дружище, сделай передышку. Сейчас ты ничего не добьешься, неужто сам не видишь? Les femmes [\[50\]](#)... Они так эмоциональны, им нужно время, чтобы успокоиться. Приезжай через два дня на охоту. Может, будет возможность обсудить все, да и она остынет к тому времени.

Загорский легко пожал его руку в знак согласия и отпустил дверцу коляски. Арсеньев кивнул кучеру, и они тронулись в путь.

Загорский напрасно пытался поймать взгляд Марины. Та смотрела в никуда прямо перед собой и не повернула головы, когда коляска отъезжала. Только Жюли неловко и виновато улыбнулась ему из-за Марины, да Арсеньев кивнул на прощание.

Это только добавило поленьев в огонь ярости, пожирающий Сергея изнутри. Он был так зол, что с удовольствием бы разбил что-нибудь сейчас. Он легко вскочил на свою лошадь и направился на свою холостяцкую квартиру.

Она не захотела с ним поговорить. Выдвинула свои требования и обвинения и не дала ни слова сказать в свою защиту. Да и как мастерски выбрано место — публичный парк для

прогулок, кругом люди, все на виду...

«Я не понаслышке знаю, какой вы мастак придумывать оправдания». Он с силой сжал поводья. Будь она мужчиной, он с удовольствием выбил ей мозги! Заявить такое ему! Неслыханно! И это после того, как открытым текстом заявила, что ждет от него предложения руки и сердца, не меньше!

Он снова вспомнил слова Натали, которые всплыли в его памяти, едва Марина завела речь о браке: «ведаешь ли ты, что в институте девочки с самых младых лет ставят себе цели: получить шифр и (ну, или «или» — у кого как получится) найти хорошую партию».

Неужели все женщины так стремятся замуж? Неужели все так циничны и продажны?! Ему было так легко с ней, так покойно. Марина не жеманничала в разговоре с ним, как остальные девушки ее возраста, а говорила с ним, как с равным, чем и подкупила его. Так обмануться! Он-то думал, что она любит его, а она тем временем подсчитывала выгоды от брака с ним.

«...— Загорское? Это ваше имение?

— Да, самое крупное. Самое начало из начал нашей семьи. Было подарено моему славному предку первым Романовым. Когда я был еще мальчиком, мне казалось, что его границ не объедешь и за сутки.

— Правда?...»

Ах, как должно быть забилося ее меркантильное сердечко при этих словах!

Шампанское. Ему определенно надо шампанское нынче вечером. Много шампанского! Его снова звали на пирушку в казармах, недоумевая, что это он вдруг заделался «чертовым святошей», как выразились его гвардейские дружки. Вот и прекрасно. Это именно то, что ему сейчас нужно, он усмехнулся, — забыться в вине. Забыться и забыть, что нужен не он сам, а имя, титул и состояние. Как всегда.

Ну и пусть, вдруг подумал Загорский. Он уже принял решение, и ничто не изменит его. Даже если она не любит его, а хочет этот проклятый титул и деньги, то прекрасно, пусть получит их. В конце концов, он тоже получает немало взамен. Это будет отличная сделка, усмехнулся он.

Слезая с лошади на месте, Загорский неожиданно столкнулся со своими дружками.

— О! Какие лица! — воскликнул корнет Облонев. — Загорский, вас ли я вижу? Мы шли наугад, не думали вас застать нынче дома, ведь вы у нас отныне любитель моциона.

— Не злите меня, Облонев, — резко сказал ему князь. — Я и так уже достаточно зол.

— Не злите князя, Облонев, — улыбнулся поручик Кулагин. — Нам нужен нынче князь. Без князя чертовски скучно отныне.

— Что, шельмы, заскучали? — улыбнулся Загорский.

— Чертовски! — шутливо простонали в четыре голоса гвардейцы.

— Так едем же гулять! — вскрикнул князь. — Вот только зайдем на пару минут ко мне, сменю мундир. Гулять в новом мундире — обречь себя на лишние траты.

Всей компанией они поднялись в квартиру Загорского. У двери их уже встречал верный Степан, который, услышав еще с улицы их возбужденные голоса, ждал своего хозяина на пороге.

— Барин, к вам дама, — сразу же предупредил он князя под дружный гул товарищей Загорского:

— Дама? Загорский, мы лишние? Кто сея Терпсихора, князь? Покажите даму товарищам!

Загорский скинул на руки слуги головной убор и расстегнул мундир.

— Кто там, Степан? Я ее знаю?

— Сомневаюсь, ваше сиятельство, — покачал головой тот. — Я ее вижу впервые. Довольно наглая бабенка — сказала, что имеет твердое намерение увидеть вас и потребовала, что дождется тут. Сколько раз говорил, не связывайтесь вы с этими профурсетками — ни стыда, ни совести, только деньги тянут и тянут...

Загорский, не мешкая, раздвинул бархатные портьеры на двери и вошел в комнату. На канаве, скинув туфли на пол, полулежала рыжеволосая женщина в ярко-розовом атласном платье. Ее шляпка лежала на столе, перчатки валялись на полу рядом с обувью. Женщина, приподняв ногу, поправляла чулок, демонстрируя князю молочно-белую кожу стройной ноги, и, заметив мужчину в комнате, с притворно возмущенным вскриком, одернула юбки и выпрямилась.

Подобный спектакль позабавил князя — она не могла не слышать голов в прихожей, чтобы задрать юбку без умысла. Он прошел к столу и налил себе воды из графина в бокал. Сделав глоток, он повернулся к визитерше и отсалютовал ей бокалом.

— Примите мои комплименты — у вас прекрасные ноги, но даже это не заставит меня забыть только один вопрос к вам — в чем цель вашего визита ко мне на квартиру? Вы ведь не дама полусвета, чтобы так легко раскидываться своей репутацией.

— Ах, князь, я должна была видеть вас, — с придыханием проговорила Софи, поправляя сбившиеся рыжие кудри.

— А я вот не имел такого желания, милейшая! — вдруг резко сказал ей Загорский, заставив от неожиданности вздрогнуть. — Обычно я сам решаю, кого принимаю у себя, а кого нет, и вы явно не входите в число желанных для присутствия здесь особ. Что вам угодно? Назовите причину или немедленно покиньте мой дом.

— Как вы грубы, Загорский! — вскипела униженная Софи, прищутив глаза. — Я ведь решилась на это только из любви к вам. А вы... Ваше поведение недостойно мужчины.

— Как недостойно женщины приходить в квартиру мужчины, навязываясь. Но вы ведь сделали это, а значит, лишили меня права вести с вами, как с женщиной. Ах, милейшая, ни демонстрация ваших прелестей (да-да, я заметил давеча и вашу грудь, так неосторожно выбирать столь низкий вырез), ни ваше явное желание попасть в мою постель не заставят меня изменить моему вкусу, — Загорский хищно улыбнулся ей и продолжил. — Я ненавижу рыжеволосых, милая.

С полувскриком-полувсхлипом Софи схватила свои пожитки и метнулась к двери. Раздвинув портьеры, она увидела нахально улыбающихся товарищей Загорского, которые слышали каждое слово из их разговора и явно наслаждались каждым действием разворачивающегося спектакля.

Униженная, она обернулась к князю:

— Вы забылись, ваше сиятельство, забылись, что сами не столь уязвимы. Вы до сей поры не знали, что у женщин есть когти, как у хищников? Так вот, знайте, они тоже могут ранить и ранить довольно глубоко. Я клянусь вам, вы пожалеете о сегодняшнем вечере!

Прошипев свои угрозы, Софи развернулась и, растолкав офицеров, вышла вон под их дружный смех и улюлюканье. Загорский лишь покачал головой, снимая мундир.

— За что вы ее так, Загорский? — спросил того Кулагин, входя в комнату. — Такая, словно кошка — не успокоится в своем бешенстве, пока не увидит кровь.

— Пустое, — отмахнулся князь. — Сегодня я понял одну истину, господа, — женщинам

веры быть не должно ни в чем. Пустые, презренные создания, везде ищущие свои выгоды.

— Ого, — притворно удивился Кулагин. — Видимо, сегодня нашего князя отвергли, господа, раз эти создания для удовольствия вызывают у него столь яростный выпад!

— Напротив, похоже, что отверг я, — усмехнулся Загорский. — Даже не ведая об этом и не имея на то намерения. Но что сделано — то сделано. Господа офицеры! Я готов к любым вашим предложениям на сегодняшний вечер! Ну, едем в трактир? Или в казармы играть? Решение за вами.

Дружный восторженный рев, вырвавшийся из нескольких глоток, служил ему подтверждением того, что нынче вечером он сможет забыться от тех невеселых мыслей, что терзали его голову. Он и не ведал, что и этот вечер, и его загул последующей ночью сослужат ему нехорошую службу, а месть униженной Софи только умножит его несчастья.

А Софи тем временем решительно ворвалась в дом, оттолкнув при этом лакея, открывшего дверь.

— Расплатись с извозчиком, — бросила она ему сквозь зубы. Потом полуобернувшись на пути к дверям, ведущим внутрь дома, и спросила его:

— Его сиятельство дома? Или нынче выехали?

— Дома-с, София Карловна. В кабинете—с, — поклонился тот.

— А графиня?

— Графиня нынче отбыли на музыкальный вечер.

Превосходно! Софи кивнула своим мыслям и продолжила свой путь в отведенную ей комнату. Там она сразу же бросилась к дорожному сундуку, что стоял под кроватью. Откинув крышку, она достала большую шкатулку, ключ к которой всегда был у нее при себе — на цепочке на шее. Тут, в этой шкатулке лежали стопки писем и записок. Софи была предусмотрительной особой и хранила все, что писали к ней или не к ней, но каким-либо способом попало ей в руки. Все пригодится, думала она, настань момент. Некоторые сослужили ей неплохую службу в Париже, другие же могут сделать это впоследствии. Для нескольких писем из ее хранилища такой момент настал сейчас.

Она достала из середины стопок, несколько писем, перевязанных белой атласной ленточкой. Вот они, те письма, за которыми она охотилась целых пять недель, словно предчувствуя, что они ей понадобятся. Письма Натали к любовнику и этого любовника к Натали.

Как это благородно, но в то же время — как неосмотрительно возвращать письма при расставании, усмехнулась Софи. Теперь вся их многолетняя связь налицо. Вот они, доказательства.

Она запихнула письма за корсаж платья, затем закрыла шкатулку на ключ, а ту — в сундук под кровать. Глупая королева Натали! Прятать такие компрометирующие вещи в шляпных коробках в гардеробной, где и следует искать женские секреты в первую очередь.

Софи поднялась с колен и, расправив юбки, вышла из комнаты, направившись к кабинету графа. Он первоочередная фигура в ее плане, и только от того, как она сумеет его раззадорить, и зависит весь исход задуманного. Уж она-то постарается на славу!

Она тихо постучала. Из-за двери донеслось тихое «Entrez [\[51\]](#)». Софи, быстро и не раздумывая особо, ткнула себе кончиком ногтя мизинца сначала в правый глаз, а затем в левый, чтобы из глаз потекли слезы. Затем, дождавшись результата, она приняла на себя расстроенный и оскорбленный вид и повернула ручку двери.

Представление началось.

Воронин в последний раз поправил воротник мундира и, натянув перчатки, вышел из дома. Все его мысли были посвящены предстоящей охоте у Арсеньевых. Но ни гон лис занимал его настолько, что он сегодня был даже слегка рассеян, что никогда не замечалось за ним ранее, ни его замечательные борзые, которых он всегда берет с собой на охоту.

«Будьте на охоте», — написала она, и его сердце трепетало каждый раз, когда он вспоминал ее записку. Значило ли ее желание увидеть его нечто большее? Или он сам себе придумывает, выдает желаемое за действительное?

Задумавшись, он чуть было не проехал мимо Загорского, спешившего куда-то ему навстречу. Тот, заметив графа еще издали, направил свою лошадь прямо на него, чтобы он не смог избежать встречи. Едва он подъехал ближе, как Анатолю бросились в глаза немного помятый и испачканный мундир, красные от недосыпа и выпивки глаза, растрепанные волосы.

— Доброе утро, Серж. Бурная ночь? — поинтересовался Анатолий у друга.

— Весьма. Давненько мы так не куролесили, как нынче ночью, — улыбнулся Сергей. — Моя голова трещит так, словно в ней сидят маленькие кузнецы и старательно что-то выковывают. Мы были нынче сначала в трактире этого пройдохи Шаркни, славное там жаркое, скажу я тебе. Наконец-то старый француз сменил повара.

Сергей вдруг прервался и, зажмурив глаза, подставил лицо ласковому, еще не жаркому утреннему солнышку. Он выглядел таким умиротворенным в этот момент, что Анатолий не преминул заметить это.

— Я умиротворен, потому что наконец-то примирился с собственной натурой. Мой разум победил гордыню.

— Не разум победил твою гордыню, а вино, — рассмеялся Анатолий. Короткая записка Марины привела его в некое состояние довольства всем и всеми, и его хорошее настроение казалось, ничто не могло повредить. — Твое счастье, что я встретил тебя, а не твой командир или тем паче, великий князь. Ты же знаешь, он любитель утренних прогулок верхом. Иногда мне даже кажется, что он специально выезжает так рано, чтобы подловить таких вот загулявших офицеров, как ты.

— В таком случае, позволь откланяться, — шутливо поклонился ему Загорский. — Поеду отосплюсь, благо не надо в полк ни сегодня, ни завтра. Тем более, завтра я должен быть свеж, как никогда. Обожаю гон, а с дурной головой там делать нечего.

— Ты тоже приглашен на охоту? — спросил, нахмурившись, Анатолий.

— Да, и ожидаю от нее крупной добычи, — хищно улыбнулся Загорский. Воронин, видя его улыбку, рассвирепел. Сотни раз он видел ее в те моменты, когда тот говорил о предстоящей победе, но несколько в ином виде охоты. Мысль о том, что князь рассматривает Марину в виде своего очередного трофея, уязвляла Воронина.

— Оставь ее, — вдруг вырвалось у него. С лица Загорского моментально сошла улыбка. — Оставь, разве ты не видишь, она другая.

— Она другая, не спорю, — согласился Сергей. — Именно поэтому она и нужна мне.

— Нужна тебе? В качестве кого? — с горечью бросил Анатолий. — Оставь ее, прошу тебя. Достаточно морочить ей голову, как предыдущим своим ... пассиям. Если ты поставил своей целью снова показать свое превосходство надо мной в искусстве обаять женщину, то

напрасно — я признаю его и так. Я люблю ее, Серж. Я люблю ее, как никогда и никого до этого момента не любил. Я намерен просить ее стать моей женой, ввести ее в свой дом, в свою жизнь. Потому прошу тебя, как друга, — отступись.

Загорский, молча, смотрел на Анатоля, потом перевел свой взгляд куда-то ему за плечо. — Нет, — коротко бросил он.

— Нет? — вскрикнул Анатоль в сердцах. — Вот так — нет?! Ты отказываешься от нашей дружбы ради своего минутного каприза. Ради того, чтобы доказать самому себе, что ты лучший всегда и во всем — в детских играх, в науках, в стрельбе, в искусстве соблазнения. Остановись, молю тебя. Когда-нибудь твое эго заведет тебя не туда, куда следовало бы.

— Мое эго? — Загорский зло прищурил глаза. — Я мог бы точно так же просить в этом случае тебя. «Отступись, Анатоль, оставь свои ухаживания за этой девушкой. Ради нашей дружбы забудь про свои чувства и удались со сцены». Но я более честен, я не буду этого делать. Я не буду просить тебя. Мы в равных условиях с тобой, мы оба вольны поступать согласно нашей воле. Все зависит от нее. От ее выбора. Ей выбирать — ты или я. И ни ты, ни я не в силах повлиять на ее решение.

— Значит, вот так. Что ж справедливо, — лошадь под Анатодем почувствовала его напряжение и стала волноваться. Ему пришлось приложить усилия, чтобы удержать ее на месте и успокоить. Он принялся гладить ее по шее, стремясь успокоить ее и самому взять свои чувства под контроль. Впервые он разговаривал с Сергеем, которого знал юных лет, а видел перед собой совсем чужого ему человека.

— Ты ее любишь? — после недолгого молчания спросил Анатоль, по-прежнему поглаживая лошадь и не смея поднять глаза на человека, которого он совсем недавно считал своим лучшим другом. — Ты любишь ее? Ты хочешь видеть ее своей супругой?

Если бы сейчас Загорский улыбнулся своей слегка хитрой улыбкой и сказал откровенно: «Да, я люблю ее», то Анатоль отступился бы, как не было бы ему тяжело. Ради него, человека, с которым они кровно побратались в юности, он был готов на это. И ради нее, которую явно влекло к Загорскому, словно мотылька к огню.

Отойти в тень и предоставить ему полную свободу ухаживать за Мариной и повести ее к алтарю, а самому занять скромную позицию друга семьи и только где-то в глубине души таить свою любовь к ней, которая, как он был уверен, не пройдет и через десяток лет.

Но Загорский лишь коротко бросил:

— Прости, но не имею желания выворачивать свою душу на пыльной дороге. Если тебя это так интересует, то мог бы спросить об этом и ранее, а не увиваться вокруг нее, забыв про всех и вся.

Анатоль почувствовал, как его сердце болезненно сжалось. Почему он так жесток, так груб? Что с ними произошло? Как случилось, что они перестали быть близки друг другу, как раньше? Может быть, Натали права, и Серж изменился за последние годы. Натали... Он неожиданно вспомнил ее недавний визит к нему и ее рассказ.

— Прости, мне надо ехать, — отвлек Анатоля от его мыслей голос Загорского. — Не дай Бог встретить кого в такой час, да еще и чувствую себя неважно.

— Так ты будешь на охоте, Анатоль? — вернулся прежний приветливо улыбающийся Сергей, словно и не было того тяжелого для них обоих разговора. — Я помню твоих божественных борзых. Они просто чудо! Как жаль, что ты не так и согласился их продать. Могу ли я надеяться хотя бы на приплод?

— Я буду там, — Анатолий задумался на мгновение, а затем сказал. — Марина Александровна просила быть, и, хотя я должен быть на службе завтра, я постараюсь взять отпуск на несколько дней и уважить ее просьбу.

Какое же это удовольствие видеть растерянность и злость в глазах соперника! Анатолий всегда считал злорадство недостойным чувством, но сейчас его просто распирало от желания показать, что его еще рано списывать со счетов, что он еще не отыграл своей роли.

— Неужели? — быстро справившись с эмоциями, осведомился Загорский, улыбаясь одним уголком рта. — Тогда твоя просьба сегодняшняя совсем напрасна, не находишь? До скорой встречи у Арсеньевых, mon ami.

Они разъехались каждый в сторону, раскланявшись согласно этикету. Не враги, но уже и не друзья. Каждый ощущал странную горечь во рту от их случайной беседы, что так явно выявила — когда дело доходит до любовных дел, не всякая дружба выдержит это испытание.

Воронин, впрочем, скоро забыл о происшедшем. Он совсем закрутился в ворохе повседневных служебных дел в приемной государя. Прощения, письма, указы, аудиенции...

В тот день было более многолюдно, чем обычно, — просителей и вызванных на прием по той или иной причине. От этого скопления в комнате стояла духота, многие пытались обмахиваться прощениями. Даже распахнутые настежь окна не давали маломальской прохлады, настолько жаркой и удушливой был день. Людям в возрасте Воронин приказал подать воды, видя, что тем довольно тяжело находиться тут. Какой-то даме стало дурно, и ее препроводили с солями на свежий воздух.

— Вот, скрепите печатью и отправьте в Москву, — Воронин подал младшему адъютанту за столом в приемной несколько писем. Он чувствовал, как по его спине под мундиром и рубахой течет пот. Боже, как он ненавидел летнюю пору в такие минуты! Анатолий достал платок из рукава мундира и вытер капли пота со лба.

— Боже, какая духота!

— Да уж, — откликнулся адъютант. — Вон его превосходительство генерал Обухов говорит, что видать скоро будет гроза, и немалая. Хорошо еще осталось только четыре человека к государю. Может, пораньше закончим с приемами нынче. Эх, сейчас бы в деревню да в пруд! Вот это настоящее блаженство в эту пору, скажу я вам, — он посмотрел за спину Воронину. — Анатолий Михайлович, к нам еще визитер. Не думаю, что ему было назначено.

Анатолий обернулся. В приемную с трудом входил пожилой мужчина, тяжело опираясь на трость. Было видно, что весь его путь сюда дался весьма нелегко.

— Как же он прошел сюда? — ни к кому конкретно не обращаясь, удивился Анатолий и поспешил в вошедшему. — Позвольте, я помогу вам присесть.

— Благодарю вас, — старик оперся на предложенную руку, и Воронин провел его до кресла.

— Может, приказать принести вам воды? — предложил Анатолий, когда старик разместился на предложенном месте.

— Благодарю вас, было бы не лишне, — посетитель с трудом пытался отдышаться. Он запрокинул голову вверх, и Анатолий с удивлением узнал в нем графа Ланского. Всегда подтянутый довольно крепкий пожилой мужчина сейчас выглядел столетним стариком. Было видно, что его просто потрясло что-то, но что именно?

«Что ему здесь угодно?» подумал Анатолий «Прощение? Но о чем?». Он кивнул лакею, стоявшему поодаль, и тот поспешил подать воды пришедшему.

Из кабинета императора раздался пронзительный звон, призывающий к себе адъютанта.

— Мне необходимо оставить вас, ваше сиятельство, — сказал Анатоль графу. — Вам лучше? Если почувствуете дурноту, то сообщите об этом капитану Шангину (тот привстал из-за своего стола и склонил голову). Нынче у нас тут очень душно. Я всенепременно сообщу о вашем визите Его Императорскому Величеству. Что у вас за прошение?

Ланской поднял на него влажные глаза. В них стояла такая тоска, что Анатоль без труда угадал его душевное состояние сейчас.

— Это сугубо личный вопрос, — едва слышно прошептал он. Анатоль кивнул и отступил.

Император был не в духе. Либо сказывалась погода, либо какая другая причина, но он то и дело ходил по кабинету из угла в угол, что выдавало в нем крайнюю степень раздражительности, и запросто мог сорваться на крик, если чем-то был весьма недоволен, что бывало очень редко.

Вот и сейчас император ходил по кабинету, заложив руки за спину.

— Принесли пакет из моего полка, — дойдя до стены, он резко развернулся и двинулся в путь в обратном направлении. — Сплошные жалобы на поведение моих офицеров. Одни только жалобы!

Он вдруг подошел к столу и схватил письмо.

— Вот, пожалуйста: «Нынче ночью за трактиром господина Шаркни состоялся тренировочный бой на саблях между поручиком Кулагиным и поручиком Загорским. В ходе него поручик Загорский был легко ранен в левое предплечье, а поручик Кулагин получил порез на лице». Тренировочный бой! Дуэль! Чистой воды дуэль! Они думают, мы не можем читать между строк. Или вот полюбуйтесь! Где это? А вот: «...в ходе беседы возникли разногласия, в связи с чем и произошла небольшая потасовка между шестерыми студентами Петербургского университета и четырьмя офицерами Преображенского полка...». Драку они еще затеяли. Офицеры! Драться на кулаках, как мужичье. А вот это самый пикантный момент из всего послания генерала: «...предложил зайти в пекарню, увидев, что там горит свет. Пекарь, вследствие их просьб позволить им ознакомиться с его нелегким трудом, разрешил самостоятельно испечь утренний хлеб, что офицеры и сделали, придав хлебу неприличную форму. Вся опара была изведена на данное непотребство, и пекарь не смог выставить на продажу утреннюю партию. В связи с этим он покорнейше просит возместить ему убытки...». Непотребство... Только это чинить и могут. Совсем голову потеряли. Думают, мы не узнаем об их бесчинствах. Мы, шеф полка!

Император замолчал на мгновение, потом повернулся к Анатолю.

— Кто там еще ожидает?

Воронин глянул в список и назвал четыре фамилии. Все с прошениями — кто о переводе, кто о пенсиях.

— Возьмите прошения и скажите им, что мы ознакомимся и примем решение, о чем уведомим их письмом, — махнул рукой император. Анатоль вспомнил о графе Ланском.

— Ваше Величество, к вам еще один проситель. Его сиятельство граф Ланской Алексей Алексеевич. По личному вопросу.

— По личному? — нахмурился император. — Он ведь не просил о визите?

— Нет, Ваше величество. Позвольте сказать, ваше величество, что он весьма плох. Видимо, у него очень серьезный вопрос, если он приехал без предварительной просьбы об аудиенции. Я... — Анатоль замялся, но затем вспомнил глаза старика. — Я прошу вас, Ваше

величество, принять его.

Император задумался на минуту, затем глянул на часы и коротко кивнул.

— Просите его. Только предупредите, чтобы побыстрее.

Анатолий склонил голову, щелкнув каблуками, и поспешно вышел. В приемной он направился сразу к Ланскому:

— Ступайте в кабинет, Его Императорское Величество примет вас. Капитан проводит вас. Только прошу вас, излагайте свое дело коротко и ясно, — затем он обернулся к остальным сидящим в приемной. — Господа, прошу вас отдать мне ваши прошения. Его Императорское Величество непременно рассмотрит их и уведомит о своем решении.

Спустя некоторое время Анатолия снова вызвали в кабинет. Император стоял у окна и смотрел на ясное небо, нахмурившись. Граф сидел в кресле напротив стола императора, сгорбившись. Казалось, он словно уменьшился в размерах за время, проведенное в кабинете.

— Пусть капитан проводит его сиятельство, — распорядился император, и младший адъютант, выскочив в мгновение ока из-за двери, помог графу подняться из кресла и проводил того к двери, плотно закрыв за собой.

— Вы ведь знакомы с князем Загорским, Анатолий Михайлович? — спросил император, не поворачиваясь от окна. — Я имею, в виду молодого князя, поручика Преображенского полка.

— Имею честь, Ваше величество, — открыто признался Анатолий. — Мы вместе обучались в Кадетском корпусе и весьма дружны с тех пор.

— А вы были в курсе l'amour Загорского и графини Ланской?

Анатолий потерял дар речи, на мгновение растерявшись. По голосу императора он понял, что его весьма интересует этот вопрос, и он с нетерпением ждет ответа на него.

— Многие в обществе были ознакомлены со сплетнями об этом, Ваше величество, — осторожно ответил Анатолий.

— Я не интересуюсь сплетнями, капитан. Я спрашиваю о фактах, — резко ответил император, поворачиваясь к Воронину. — Я спрашиваю коротко и ясно: вы были осведомлены о романе между Загорским и графиней?

— Да, Ваше величество, — вытянулся Анатолий.

— Да уж, крутить роман прямо под носом у супруга. Каково?! А этот Загорский... — император наклонился к столу и поднял одно из писем. — Ночные бесчинства, совращение замужней женщины, дуэль... Не многовато ли? Ну, хочешь гулять — гуляй, но аккуратно, хочешь крутить роман с замужней женщиной — изволь, но опять же — чтоб муж не знал об том. Граф просит соизволения удалиться за границу вместе с супругой на длительное проживание. Говорит, что эта история сильно подорвала его здоровье. А куда ему ехать, спрашивается?! Он и сам на ногах не стоит. Еще помрет в дороге ненароком, не приведи Господь. Стыдно должно быть поручику, старый и больной человек, который даже честь свою отстоять не может. Кому заступиться за него, как не нам? Заступничества просит его сиятельство у нас, заступничества.

Пока император говорил, мозг Анатолия напряженно работал в поиске решения выхода из этой ситуации. Как вывести Загорского сухим из воды и на этот раз? Как помочь ему и смягчить наказание? Ведь император нынче зол, и наказание может быть весьма крутым, даже старый князь не сможет умиловить его. Что это будет? Тюрьма? Разжалование в чине? Или того хуже — в солдаты?

Вдруг внутри у Анатолия заговорил некий голос, нашептывающий ему: «Вот твой шанс»

устранить Загорского со своей дороги. Не будет его рядом, и Марина не склонится к нему, а снова станет прежней, той, которая так благоволила к тебе. Удали его из Петербурга. Попроси ему ссылку в деревню на долгий срок. А там уж и решится все... Удали Загорского. Ссылка в деревню — все же лучше, чем разжалование в солдаты или тюрьма. И друга спасешь, и себе поспособствуешь».

— Дозвольте мне высказать, Ваше величество, — решился Анатолий. Император поднял на него глаза и коротко кивнул ему, разрешая продолжать. — Вы сказали, что его сиятельство не может покинуть Петербург. Но это может сделать поручик Загорский. Пусть отправится на несколько месяцев в деревню, подальше от столицы. Свежий воздух он способствует ясности мысли, как ничто иное.

Император прищурил глаза, ненадолго задумавшись над предложением Воронина.

— Вероятно, вы правы. Свежий воздух как никогда необходим князю Загорскому, — наконец сказал он. Потом император обратился к Анатолию, слегка смягчив голос. — Мы слышали, вы собираетесь завтра на охоту. Ступайте домой и отдохните. Удачного гона! Увидимся с вами на следующей неделе. Да, и позовите к нам капитана, надо подготовить приказы. Офицеры моего полка должны понять наконец-то, что, даже не находясь на службе, они должны представлять собой образец чести и благородства русского офицера.

— До следующей седмицы, Ваше величество, — Анатолий щелкнул каблуками и склонил голову в прощальном поклоне.

— Какова! А? Ну, какова! — император снова повернулся к окну. — «Я считаю, недостойным для себя быть нечестной по отношению к супругу...».

Анатолий похолодел, услышав эти слова. Неужели император когда-то хотел наделить своей благосклонностью Натали, а та отказала ему? Всем было известно, что его величество с пониманием относится к решениям дамы, но никогда не смиряется с предпочтением ему другого... О Боже, что будет в этом случае? Но ведь император согласился с ссылкой Загорского в деревню, *n'est-ce-pas* [\[52\]](#)?

— Пройдите с бумагой и перьями к Его императорскому величеству, — обратился он к младшему адъютанту в приемной. — Я уезжаю. Останетесь вы и майор Чернышов. Он сейчас в офицерской.

Капитан быстро взял письменные принадлежности и немедленно прошел в кабинет императора, а Воронин взял лист бумаги и перо и написал несколько строк.

«Вопрос решен. Князь Загорский будет выслан, так что вам нет нужды покидать столицу».

Он коротко расписался и запечатал записку, потом вызвал лакея и передал тому письмо.

— Пошлите графу Ланскому. Передать лично в руки.

Затем Анатолий в очередной раз проверил бумаги на столе, чтобы убедиться все в порядке. Как-никак он отвечал сегодня за порядок приема у государя, и ему хотелось, чтобы все было в должном виде. Хотя, если признаться, он попросту дожидался своего коллегу по сегодняшнему суматошному дню, чтобы удостовериться, что Загорскому определено не тяжелое наказание. Спустя какое-то время, капитан Шангин вернулся в приемную, держа в руке стопку указов.

— Все на сегодня, — улыбнулся он Анатолию. — Можно отправлять указы, и на сегодня я тоже свободен. Оставляют только дежурного офицера.

— Что там с офицерами Преображенского? — спросил Анатолий. — Один из них мой друг, я надеюсь, что он будет наказан не сурово.

— Да уж повеселились голубчики нынче. Так могут гулять только гвардейцы, — с легкой завистью сказал капитан. Он имел все основания для этого — очень многим приходилось флигель-адъютантам жертвовать в дни своей молодости, только бы не лишиться своих адъютантских аксельбантов.

Капитан открыл папку и пролистал указы.

— Паре офицеров — гауптвахта на две недели, некие корнеты Облонеv и Шумский. За творимые ими бесчинства и недостойное офицера российской армии поведение. Один разжалован в солдаты за дуэль, некий капитан Кулагин. Да уж, — протянул капитан. — Полетела карьера к черту. Дуэль все-таки. Другой дуэлянт — перевод из Преображенского полка в.... Черт, что у меня за почерк? В общем, ссылка. Подождите минуту, сейчас прочитаю полк и его фамилию.

— Не стоит утруждаться, я уже знаю, — прервал его уже от дверей Анатоль с улыбкой. Он очень спешил — завтра ему предстоял довольно тяжелый день. Он щелкнул каблуками и прощально кивнул.

— Счастлиvо оставаться, капитан.

Капитан захлопнул папку в недоумении. Чему так радовался граф? Тому, что его друга высылают? Хотя если посмотреть это все же лучше, чем разжалование в солдаты. Вот уж беда так беда для офицера. Можно, конечно, опять получить свой чин со временем, но все равно — встать в строй солдат...

Но с другой стороны, он снова перечитал указ, перевод в Нижегородский драгунский полк тоже нельзя назвать мягким наказанием. «Хочет саблей помахать, пусть помашет на благо империи», — вспомнились слова императора.

Кавказ. Хотя там и более-менее спокойно нынче по сравнению с предыдущими годами и даже сам государь намечает посетить этот край по осени, Кавказ все же не любая другая провинция империи.

— Да уж, голубчик, нелегка твоя доля, — прошептал капитан и принялся ставить печати на все указы, чтобы впоследствии передать их для дальнейшего выполнения. Внезапно он замер, найдя несоответствие в бумагах: в тех, что касались всех офицеров, кроме поручика Загорского, стояло «Немедля заключить под стражу для дальнейшего хода наказания», в той же, что была о переводе Загорского — нет. Шангин напряг память, пытаясь вспомнить, касалось ли распоряжение об аресте и князя, но как ни силился, так и не смог вспомнить, говорил ли об этом император или нет. Все-таки князь был представителем одной из знатнейших дворянских фамилий России, может, в этом послаблении и был какой-то смысл, а не упущение со стороны капитана, записывавшего указ.

Шангин вздохнул. Пусть погуляет пока на свободе, все равно уже спустя сутки будут готовы все бумаги о его переводе в полк, а значит, тому необходимо будет покинуть столицу в три дня.

Марина в последний раз глянула на свое отражение в зеркале. Ей не нравилась бледность ее лица и грустное выражение глаз. Она словно всем своим видом выражала глубокую печаль, которая овладела ее сердцем. Марина пощипала себя за щеки, чтобы вернуть на них румянец, и покусала губы. Подождав, когда кровь прильет к коже, и та потеряет благородную бледность, Марина взяла в руки хлыст и, сжав в другой ладони подол амазонки, вышла из комнаты. По пути ей никто не встретился, даже прислуга, что совсем ее не удивило — намечался гон, и все, взбудораженные этим событием, толпились во дворе — и господа, и дворяне. Сквозь открытые настежь окна слышались разговоры, ржание лошадей и визг собак.

День намечался солнечным, а старый егерь божился, что нынче подняли волка да нашли несколько лисьих нор, чьи обитатели наделали бед давеча в птичниках, значит, господа будут довольны сегодняшней охотой. Марина улыбнулась. Она уже предвкушала азарт гона и быструю скачку, что всегда заставляло ее кровь быстрее струиться по жилам.

Единственное, что омрачило ее настроение, это отсутствие Воронина да Загорский, прибывший с первыми приглашенными на охоту и выискивающий кого-то (а она была уверена, что знает кого) среди гостей, стоявших во дворе или уже сидевших в седле.

Он так уверенно держался сейчас в седле, так был хорош, то и дело обходя двор по периметру, чтобы не дать застояться лошади, что Марина невольно залюбовалась им.

Внезапно он побледнел и схватился одной рукой за левое предплечье, словно у князя возникла в нем резкая боль. Марина нахмурилась, сама того не желая встревожившись за него. Что там с ним?

— Дай ему шанс, *ma chérie*, — сказала из-за ее спины неслышно вышедшая на крыльцо Юленька и ласково обняла ее за талию. Давеча после ужина девушка пересказала подруге их разговор с Загорским, и та теперь настойчиво уговаривала ее дать князю выговориться, убежденная в том, что Марина была слишком нетерпелива. — Я не уверена, что ты права в своей суровости по отношению к нему.

— Ты ошибаешься, Жюли. Раньше ты была более прозорлива, что же теперь расположило тебя к нему?

— Его глаза, когда он смотрит на тебя, — в этот момент Загорский взглянул в их сторону, и действительно, его глаза словно потеплели. — Я никогда не слышала раньше, что князь способен так долго и нежно ухаживать за девушкой, и не поверила бы, если бы не видела это сейчас. А еще твои глаза, когда ты смотришь на него украдкой. Дай ему шанс выговориться, *ma bonne amie*, и, кто знает, каков будет тогда результат вашей беседы.

— Нет, ты много не знаешь, — покачала головой Марина. Она утаила от Юленьки и анонимное письмо, и собственные соображения на этот счет. — Я не имею ни малейшего желания говорить с ним, и будь этот дом моим, я бы приказала дворне никогда не пускать его сюда на порог.

— Я бы пошла навстречу твоему желанию, *ma chérie*, но этот дом также и дом моего супруга, а князь его друг. И потом в размолвке только вы оба, и, по моему сугубо личному мнению, исключительно по недоразумению.

В это время был дан сигнал выезжать, и Юленька, оставив Марину на крыльце, сбежала со ступенек прямо в руки своего супруга, который поспешил ей навстречу.

— Ах, mon cher, вы так любезны, — улыбнулась она ему, когда он помогал сесть на лошадь. Жюли обернулась к Загорскому и задорно улыбнулась. — Не окажите ли любезность помочь нашей гостье сесть в седло? Недавно мой супруг потянул спину, и я боюсь за его здоровье. Будьте так любезны, возьмите на себя эту обязанность хозяина, как его близкий друг.

Жюли обернулась к мужу и нежно улыбнулась, словно прося простить ей ее маленькую ложь, тот ничего не сказал в ответ, лишь коротко кивнул Загорскому и вскочил в седло. Марина, видя, какой поворот приняли события, поспешила сойти с крыльца к кобыле, что ожидала ее. Она не хотела даже на миг оказаться так близко к князю. Но не успела она пройти и несколько шагов, как была перехвачена сильной рукой.

— Не торопитесь, Марина Александровна, лошадь никуда не убежит.

Вся собравшаяся компания рассмеялась его словам, а Марина слегка покраснела, раздосадованная. Вечно он ставит ее в неловкое положение, выставляя перед всеми совсем уж глупышкой.

Тут ее мысли прервались, так как она почувствовала на своей талии ладони князя. Мой Бог, простое вежливое прикосновение, а в ее горле вдруг пересохло, и кровь бешено заструилась по венам. Нет, определенно, страшись своих желаний, вспомнила Марина цитату из книги.

Мгновение, и она словно взлетела в седло. Он поднял ее так легко, будто она не весила ни фунта. Лишь поморщился после, в который раз положив руку на предплечье.

— Что с вами? — невольно сорвалось с языка Марины. Она слегка скривила губы от неудовольствия, услышав собственный дрожащий голос.

— Ровным счетом, пустяки, не стоящие вашего внимания, Марина Александровна, — улыбнулся он одним уголком рта. — Так, пустячная царапина.

Он отошел к своей лошади, а она долго, не отрывая взгляда, смотрела ему вслед, пока не был дан сигнал выезжать.

Направляя лошадь вслед остальным, Марина напряженно размышляла о том, что происходит с ней. Увидев эту его кривую улыбку, ее сердце пустилось вскачь, и она до сих пор не могла успокоить его. В то же время ее кровь просто вскипала, когда она вспоминала их последний разговор и то, что происходило с ними двумя за последние годы. Ей до смерти захотелось причинить князю боль, какую она испытывала из-за него. Пусть даже не моральную, ибо она сомневалась, что способна пробить его броню к его душе. О, с каким удовольствием она бы его помучила физически, подумала она, удивляясь своей кровожадности.

Спустя какое-то время, очнувшись от придумывания способов мучительных казней князя в своих мыслях, Марина вдруг обнаружила, что она едет с предметом своих грез наедине, исключая приставленного ей берейтора и помощника егеря. Они подъезжали к редким кустарникам и березкам, стоявшим на краю у луга. Справа от Марины через несколько десятков метров виднелся небольшой лесок.

— Где мы? Куда подевались остальные? — резко остановив лошадь, спросила Марина. Загорский удивленно обернулся к ней.

— Мы едем сейчас к прилужью. По словам Фомы (он кивнул головой в сторону помощника егеря, а тот, сняв шапку, подтвердил его слова) там наивыгоднейшее место первыми встать в гон лис. Остальные будут гнать их прямо на нас из бора. Там луг, свободное пространство, и мы быстро сможем набрать скорость. Я спрашивал вашего

разрешения, Марина Александровна, вы кивнули, и я расценил это, как знак согласия.

— Мы на месте, барин, — проговорил Фома, и, спешившись, прислушался к звукам утра. — Даже не подняли еще лис-то доныне. Можно отдохнуть малость. Я скажу, когда.

Фома повел свою лошадь к ближайшим кустам, и, привязав ее поводья к ветвям, сел в тень, отбрасываемую редкими деревцами. Берейтор Марины, судя по всему, не знал, как ему поступить. Ему тоже хотелось спешиться и сесть в тень, так как солнышко уже начинало припекать ему голову, да и его зад уже заранее ныл, словно в предвкушении полудня в седле. Но он не смел сделать это и искоса посматривал в сторону девушки, к которой был приставлен, что там она решит.

Загорский прыгнул с лошади и подошел к Марине, чтобы помочь той.

— Нет уж, благодарю покорно, но спешиваться я не буду, — зло прошипела Марина. — Неизвестно, с какими целями вы меня сюда завезли!

— Ну уж точно не за тем, о чем мысли сейчас бродят в вашей прекрасной головке! — бросил ей в ответ насмешливо Загорский. — Если бы я решился на это, то точно не на глазах двух мужиков.

Марину разозлили эти слова донельзя. Он постоянно выставлял ее душой, даже наедине с собой.

— Прекратите немедленно! — взвизгнула она. — Как вы смеете!

Лицо князя посерьезнело вмиг. Он коротко кивнул, соглашаясь с ней, что перегнул палку.

— Прошу прощения, Марина Александровна, я забылся под действием чар ваших глаз.

— Не лгите мне! Уже не стоит даже малейшего усилия прилагать для того, чтобы снова запудрить мне голову. У вас это отныне не получится.

— О! Какие выражения! — Загорский улыбнулся одним уголком рта, глядя на нее снизу вверх. — Ладно уж, начистоту так начистоту. — Он коротко вздохнул и нерешительно продолжил, делая паузы, словно сказанное давалось ему с большим трудом. — Я не умею говорить красиво, чтобы вы там не говорили в мой адрес, Марина Александровна. Вы вымотали меня до самых кончиков моей души. Я не знаю каким образом, но вы надежно взяли в плен мое сердце, и я не уверен, что хочу получить его назад. Даже такая взбалмошная, вы мне по душе, даже такая сердитая...

Марина отвернулась от него в сторону. Эти выворачивающие ее душу серые глаза, этот нежный голос... Девушка чувствовала, как медленно тает ее желание презирать отныне Загорского, рассеивается ее намерение ненавидеть его всей своей душой.

Она должна сейчас же уехать от него, кликнув берейтора — тот сможет проводить ее к остальным. С самого начала так и следовало поступить. Остаться наедине с ним — большая ошибка. Марина сжала в отчаянье поводья, не в силах решиться и двинуться с места.

Внезапно, словно прочитав ее мысли, ладонь князя легла на щиколотку. Простое прикосновение, но даже сквозь юбки Марину оно обожгло будто огнем. Не в силах поверить в реальность его поступка, она повернула свое лицо к Загорскому.

— Подите вон от меня, — процедила она сквозь зубы, собрав последние душевные силы. — Я вас ненавижу.

— Я выворачиваю вам душу, а вы даже не достаиваете меня взглядом, словно презренного раба, — будто не слыша ее, продолжил князь. — Хотя, вы правы в этом — я раб. Раб, потому что не могу не следовать за вами в надежде на ваш мимолетный взгляд. Раб, потому что я сейчас у ваших ног...

— Тем легче, — презрительно бросила Марина с коротким смешком. — Будет легче вас растоптать, чтобы навсегда убрались из моей жизни.

Загорский прищурил глаза, и Марина поняла, что зацепила его. Ага, вот так тебе! Пусть тебе будет так же больно, как и мне, пусть так же неприятно.

Но он справился с собой и удержал грубые слова, что помимо его воли чуть не сорвались с его языка. Он отвернулся от нее и мгновение смотрел на луг. Затем снова перевел на Марину свои серебристые глаза и сильнее сжал ее щиколотку.

— Я открываю вам свою душу, а вы не преминете плюнуть в нее. Ну, что ж, позвольте тогда напомнить, что вы сами недавно предлагали мне себя. Целиком. Вместе с этими ногами, которыми хотите нынче растоптать меня. Что же... — но договорить Загорский не успел.

Кровь Марины при его словах вскипела моментально, а тело словно решило действовать само по себе. Не осознавая, что делает, она подняла свою руку с зажатым в ладони хлыстом и ударила его. Наотмашь. Со всей силы.

Она услышала в тот же миг, как дружно ахнули басом мужики от удивления, и этот звук заставил ее прийти в себя. Марина смотрела на князя и видела, как быстро бьется венка у него на виске, как кровь начинает медленно сочиться из его раны. Слава Богу, она не попала по лицу, а лишь рассекла ему кожу сбоку лба. Небольшая царапина до виска, но кровь из нее начала капать так, словно там глубокая рана. Хотя кто знает...

Марина вдруг осознала, что натворила, и пришла в ужас. Она почувствовала, что рука князя медленно сжимает ее ногу все сильнее и с ощутимым напором тянет на себя. Еще мгновение, и он стащит ее с лошади. Марина помнила, что когда он злился, Загорский слегка щурил глаза. Сейчас же его глаза были широко открыты, он, не отрывая взгляда от ее глаз, тащил ее на себя, и только бешено бьющаяся на виске венка выдавала его ярость.

Мозг настойчиво кричал «Беги! Беги!», предчувствуя опасность, и она подчинилась его приказу. Марина снова подняла хлыст. Ударила ли бы она Загорского снова, он не знал, но никак не стал закрываться от предполагаемого удара, ничем не заслонился, не отступил. И это только добавило страху в душу Марины.

Девушка схлестнула свою лошадь по крупу с силой, которую и не ожидала от себя. Та рванулась вперед с такой скоростью, что Марина едва удержалась в седле. Она снова и снова била лошадь, погоняя ее вперед, ибо, только ускакав подальше, и желательно к людям, надеялась найти свое спасение от Загорского.

Все произошло считанные секунды: этот нелепый вызванный эмоциями удар и ее бегство, но Марине казалось, прошла целая вечность. Она слышала, как что-то кричит ей вслед Фома своим громким густым басом, но со страху не разобрала ни слова. Потом она скорее почувствовала, чем разобрала слухом, погоню за своей спиной и, полуобернувшись, увидела, как князь скачет такой же бешеной скачкой за ней. Это заставило Марину еще сильнее хлестнуть бедную лошадь. Ветер свистел у нее в ушах, шпильки в волосах не выдержали столь быстрой скачки, и постепенно друг за другом часть из них выпала из ее волос, выпустив несколько кудрей на свободу. Затем с головы уже не удерживаемая ничем слетела маленькая шляпка-цилиндр. Длинные юбки развевались на ветру.

Но Марину ничуть не заботил внешний вид. Ее сейчас волновали две вещи: непредназначенное для такой скачки дамское седло, в котором она еле удерживалась, минуя очередную неровность на лугу, и Загорский, неумолимо настигающий ее и что-то кричащий вслед.

— ....аг! ... вай! ....вай! ....аг! — доносилось до нее сквозь шум ветра в ушах. Потом до нее донеслось очередное «...вай!», а затем ясное до последнего звука «Твою мать!». На нее еще никогда не ругались такими непотребными словами. Видимо, князь совсем вышел из себя.

Марина полуобернулась на князя, прилагая невероятные усилия, чтобы не выпасть из седла. Она желала убедиться, что Загорский по-прежнему достаточно далеко, ей совсем не хотелось, чтобы тот ее догнал раньше, чем она встретится с кем-либо из присутствующих на гоне.

Он был на приличном расстоянии от нее, но поведение князя заставило Марину нахмуриться. Он скакал во весь опор, держась лишь одной рукой за поводья. Второй он отчаянно махал, словно пытаясь что-то убрать с дороги.

Марина вдруг поняла, что Загорский пытается этим жестом показать ей, чтобы именно она убиралась с дороги. До ее сознания вдруг дошло значение слов, что он пытался докричать до нее.

Овраг. Поворачивай.

Она в ужасе всмотрелась в высокую траву и сделала это весьма своевременно. Впереди, буквально в нескольких метрах от нее пролегал овраг шириной около трех метров. Если бы она не обратила внимание сейчас на Загорского, то прямоком свалилась бы в него, переломав себе кости.

Мозг Марины за те секунды, что остались до того, как она достигнет оврага, лихорадочно прикидывал возможные способы сохранить и свои кости в целостности, и лошади, которая вовсе не виновата в приступе ярости Марины и ее отчаянном бегстве.

Если она сейчас резко остановит кобылу, ей ни за что не удержаться в седле, и она упадет в овраг. Лошадь цела, Марина — нет.

Если она резко повернет и направит животное в сторону, то тоже не факт, что сможет остаться в седле. Опять лошадь цела, она — нет. Но зато она упадет не в овраг, глубину которого она даже не могла прикинуть. Покалечится точно, но жизнь сохранит.

Марина вдруг вспомнила, как прыгала в Ольховке через ограды посевных, что всегда вызывало дикий ужас у матери и восторженный смех отца. Что, если попробовать перепрыгнуть? Но в Ольховке Марина прыгала исключительно в мужском седле (она всегда считала его более приспособленным для верховой езды, не то, что дамское) и ни разу не делала этого в дамском. Удержится ли она?

Времени к тому моменту, когда ей пришла в голову эта мысль, уже не было, и другого пути, кроме как подстегнуть еще раз кобылу, и, вцепившись изо всех сил в поводья и пригнувшись к шее животного, направить ее прямо к оврагу. Лишь бы лошадь не испугалась, мелькнула в голове Марины мысль, но было уже поздно что-то менять.

Лошадь оттолкнулась ногами от края оврага и вместе с всадницей взлетела в воздух. Позади нее раздался отчаянный вопль Загорского, и Марина едва подавила в себе порыв посмотреть на него, что наверняка привело бы ее к падению. Она лишь сильнее прижалась к шее кобылы и молча взмолилась к небесам о спасении.

— Господи, помоги, — прошептали ее губы. Она и не предполагала, что овраг так глубок и так широк.

В это мгновение лошадь достигла противоположного края расщелины. Ее передние ноги опустились на твердую почву, а вот задние — на мягкий песок с края обрыва, поэтому она слегка завалилась назад.

— Давай, милая, давай! — крикнула Марина изо всех сил, вцепившись в лошадь. Та напряглась и все-таки смогла выправиться. Мгновение, и лошадь стояла на твердой почве на краю оврага.

Опасность падения миновала, и напряжение, сковывавшее Марину, отпустило. Она отвела животное подальше от края и развернулась в сторону Загорского. Он в это время уже достиг оврага и, прищипорив коня, прыгнул через него.

У Марины свело дыхание, когда она увидела, как князь и его конь перелетели глубокую расщелину. Это было так красиво и в то же время так опасно, что у девушки сердце рухнуло куда-то вниз.

Но вот Загорский приземлился на этом краю оврага (в отличие от нее без каких-либо происшествий) и быстро направился к ней.

— Вы видели, как я прыгнула? — восторженно крикнула она ему, рассмеявшись. Дикая радость от собственной выходки переполняла ее грудь. Она смогла сделать то, что не любой мужчина способен выполнить!

Ни слова не говоря в ответ, Загорский спрыгнул почти на ходу с седла и, подскочив к ней, стащил ее с лошади. Он так сильно схватил ее за плечи своими длинными пальцами, что Марина невольно поморщилась от боли.

— Какая же ты дуреха! — закричал он ей прямо в лицо. — Безмозглая дуреха!

Губы его дрожали, руки ходили ходуном, словно от неимоверного напряжения, что не могла не заметить с удивлением Марина. Она, сама того не ожидая от себя, вдруг подняла руку и положила пальцы ему на губы, прерывая его яростные крики. Загорский замолчал недоуменно, а потом вдруг притянул девушку к себе и поцеловал.

Марину целовали ранее в губы. Всего пару раз. Эти интимные поцелуи срывал с ее губ Воронин. Первый раз — на катании в санях, словно случайно, второй раз — в зимнем саду на Рождественском балу в Михайловском дворце, улучив момент, когда маменька отвернулась от них и увлекая Марину за пальму в кадке. Но это были настолько мимолетные касания губ, что Марина даже не успевала их прочувствовать и даже слегка была разочарована, неужели это и есть те самые поцелуи, от которых у героинь романов захватывает дух?

Но этот поцелуй, соединивший их с Загорским, был совсем другим. Глубоким, длительным, требовательным. Поцелуй, который вытеснил из головы Марины, все мысли, и она стала совершенно пуста. Поцелуй, заставший ее сердце пуститься вскачь в бешеном ритме, а руки — взметнуться вверх и обнять его за шею, что привело к тому, что Загорский прижал ее к себе еще теснее.

Марине было хорошо в этот момент, как никогда ранее. Она перебирала пальцами короткие мягкие волосы на затылке Загорского, и их мягкость, запах мужского тела и сама близость князя пустили ее голову кругом. Он целовал и целовал ее, а ей хотелось, чтобы их поцелуй никогда не заканчивался.

Наконец Загорский отстранился от нее и, коснувшись лбом ее лба, глядя ей в глаза, прошептал еле слышно:

— Ты напугала меня до полусмерти. Я думал, мое сердце разорвется на куски от страха, когда увидел, что ты прыгаешь через этот овраг. Прости, что напугал тебя там, на поляне.

Марина отстранилась и посмотрела на его рану. Она все еще кровоточила.

— Прости ты меня, — она с удивлением обнаружила, как легко срывается с ее губ столь интимное «ты». Марина аккуратно коснулась пальцами его раны. — Я просто вышла из себя.

Я никогда в жизни не была другого человека, и сейчас чувствую себя из-за этого преотвратно. Надеюсь, шрама не останется?

— Пусть останется, — улыбнулся Загорский. — У меня еще ни разу не было шрама от руки женщины. Пусть будет, как знак того, что я принадлежу тебе.

Он опять склонился к ней, и Марина, угадав его мысли, сама в этот раз подставила губы. Вот оно, самое настоящее. Такое сладкое, такое приятное...

Внезапно девушка напряглась, и Загорский, почувствовав это, оторвался от ее губ, хотя и с трудом. Распухшие от его требовательных поцелуев, они так и манили его.

— В чем дело, милая? — князь каким-то шестым чувством угадал перемену ее настроения и предвидел, что ему сейчас предстоит опять выслушать.

— Так нельзя, — Марина попыталась вырваться из его объятий, но он удержал ее. — Так не должно.

— Не должно? Перед кем? Перед тобой? Или перед другими?

— В первую очередь, передо мной, — Марина прекратила свои попытки выйти из кольца его рук и покорно смирилась со своим положением, лишь отвела в сторону взгляд. Ей было неловко и стыдно смотреть ему в глаза. Стыдно за свое свободное поведение. — Кто я вам, князь?

Загорского неприятно кольнуло это «вы» спустя несколько минут их сближения.

— Ты — моя любимая, — он помолчал, а затем продолжил. — Ты — моя любовь, моя душа, мое сердце. Ты — мой воздух, которым я дышу. В тебе — моя жизнь, и только от тебя зависит, какой она будет.

Марина молчала не в силах что-либо сказать. Сердце ее ликовало и пело — она любима Загорским. Столько времени она ждала от князя этих слов, его нежных прикосновений, его ласки. Ее сердцу было вполне достаточно того, что происходило между ними сейчас.

Но разум... Разум не хотел смириться. Он требовал большего. Он настойчиво твердил, что не всегда подобные чувства приводят к алтарю, а не к позору. Разум напоминал о предполагаемых намерениях князя, описанных в анонимке, и требовал доказательств серьезности мыслей Загорского.

Князь словно почувствовал ее настроение, ту борьбу между сердцем и разумом, что сейчас шла внутри нее, и отступил от нее, опустив руки.

— Я думал, ты другая. Ты так отличалась от остальных девушек на выданье еще с первой нашей встречи на балконе. Такая дерзкая и своевольная. Такая... такая настоящая. Меня потянуло к тебе с первых же минут нашей беседы на балконе. Я не мог поверить, что кто-то из женского пола так свободно разговаривает со мной, так шутит. Но я испугался, признаю это. Испугался тех чувств, что ты пробудила во мне, тех эмоций. Я не держал карандаш в руках почти пять лет до этого, а тут снова появилось желание рисовать. Я не смеялся свободно и искренне долгие годы, а тут захотелось до боли стать невероятно счастливым и полным жизни, как ты. Я понял, что меняюсь, и не захотел принять этого. Мне было комфортно в моем панцире, я не хотел никаких перемен в моем положении. И я отступил тогда. Ну, почему ты не вышла замуж в своей глухомани? Я уверен, что у тебя там было достаточно ухажеров. Тогда я бы успокоился и с легкой душой продолжил бы свою жизнь. Пусть она такая, как есть, и многим не по душе, но зато мне так комфортно, так спокойно. Но тебе же нужен был столичный муж, и ты вернулась на этот огромный рынок юных курочек. Нет, не прерывай меня, — поднял протестующе ладонь Загорский, видя, что Марина хочет ему возразить. — Я не уверен, что потом смогу сказать то, что говорю сейчас.

Поэтому позволь мне продолжить. Ты вернулась в столицу, и я понял, что от судьбы убежать невозможно. Видно, моя доля снова и снова видеть тебя, чувствуя, как ростки моей любви к тебе снова пробиваются в моей душе. Я понял, что должен вернуть твое расположение, но в этот раз ты отвергла меня. Признаюсь, это не могло не подстегнуть меня добиться тебя. Тем более, этого же захотел и Анатоль. Ты колдунья, признайся? — он улыбнулся уголком рта. — Я думаю, да. Ведь сбить с пути истинного двух убежденных холостяков, как Анатоль и я, возможно только с помощью чар. Твои зеленые глаза... я еще не встречал таких у обычных людей, знаешь ли. Они заманили меня в твои сети и заставили потерять голову и сердце, как я не сопротивлялся. И вот я перед тобой. У твоих ног, в твоих сетях. Что ты желаешь от меня? Последнее, что у меня осталось, — мою свободу. Знаешь ли, я всегда знал, что ты не похожа на других, но так открыто требовать брачных уз...

Марина резко повернулась в намерении уйти, но Загорский схватил ее за руку чуть повыше локтя и рывком развернул к себе.

— Тебя оскорбляют мои слова? А меня оскорбляют твои. Я перестану чувствовать себя мужчиной, когда снова и снова ты выдвигаешь свои требования о браке. Милая, это мужчина должен делать предложение, а не женщина. Так уж заведено, — он посмотрел на ее губы, затем снова взглянул в ее глаза. — Заметив в них слезы, Загорский слегка ослабил хватку и уже более нежно привлек Марину к себе. — Прости, если я причинил тебе боль. Просто у меня с давних пор слово «брак» и все, что с ним связано, вызывает некие приступы агрессии, как ранее вызывало слово «любовь». Но видишь, я с ним свыкся. Понадобилось время, конечно, но это произошло.

Загорский обнял Марину, и, уткнувшись носом в ее растрепанные волосы, продолжил:

— Дай мне время, и, быть может, я смогу свыкнуться и с другим. Мне нужно время. И ты, мне нужна ты. Будь моей, будь рядом, и я уверен, когда-нибудь...

— «Когда-нибудь» это когда? — зло бросила Марина. — Год, два, пять? Что будет за это время? Я буду ходить в девках или вы все-таки соизволите назвать меня невестой перед светом? Мне двадцать один год. Я уже не столь юна. Единственное мое богатство — моя красота. Есть еще ум и душа, но на рынке юных курочек, как вы выразились, они не котируются, к сожалению. Так что только красота — мой товар, а этого мало. У меня еще четверо сестер, и только от меня зависит их будущее. К тому же, пока я не выйду замуж, эта дорога из дома тоже закрыта им. Значит, мой долг подумать и о них при выборе своего пути. Я не принадлежу себе, князь. У меня нет иного выбора, чем замужество. Именно поэтому я и просила вас ответить мне честно и откровенно, каковы ваши намерения, чтобы знать, как поступить далее. Ведь вашими ухаживаниями и вы, князь, и Анатоль Михайлович даете остальным моим поклонникам понять, что имеете виды. Из-за вас я не получила ни одного предложения, никто не желает конкурировать с вами в этом вопросе.

Марина высвободилась из объятий Загорского, и в этот раз он не стал ее удерживать. Она отошла от него к лошади и, еле сдерживая слезы, уткнулась той в шею.

— Что ты хочешь этим сказать? — медленно проговорил князь, глядя ей в спину.

— Я хочу попросить вас не приближаться ко мне более и прекратить ваше ухаживание за мной, раз вы не можете предложить то, что я хочу. Не стоит впустую терять ваше и мое время. Как ни горько мне это говорить сейчас.

Загорский рванулся было к ней, но остановился на полпути, запустив пальцы в волосы.

— Ты не можешь так поступить с нами, — сказал он.

— Я должна, — глухо ответила Марина. — У меня иного выбора нет.

— Значит, вот как, — вскрикнул зло князь. — Я предполагал, что все женщины продажны донельзя, но не думал, что и вы такая!

Марина повернулась к нему, и при виде горя, плескавшегося в ее глазах, у него самого перехватило горло.

— Я же женщина, князь, а потому такая же продажная, как остальные. Мы различаемся только ценой. Моя цена — честное имя и обручальное кольцо на пальце. Да еще благополучие моих близких.

Он открыл было рот, чтобы ответить ей, но внезапно услышал какой-то посторонний шум. Загорский повернул голову в его сторону и увидел кавалькаду всадников, приближающуюся к ним.

— К нам едут ваши спасители, Марина Александровна, — криво улыбнулся он. — Они спасут вас и от моего общества тоже.

Марина тоже посмотрела на всадников. Впереди скакала, сломя голову ее преданная подруга Жюли, удерживаемая от бешеной скачки только своим супругом, который старался держаться с ней вровень. Газовый шарф на ее шляпке, словно флаг, развевался на ветру. Слава Богу, среди всадников были только Арсеньевы, ее берейтор да Фома. Значит, она может не опасаться косых взглядов в ее сторону! Еще пара минут, и они будут здесь.

Марина повернулась к Загорскому, который стоял поодаль и, молча, жевал травинку.

— Я люблю вас, Сергей Кириллович. Но у меня, как и у вас, есть долг, и я никогда не смогу пойти наперекор ему.

С этими словами она схватила лошадь под уздцы, а другой рукой юбки амазонки и пошла навстречу всадникам, ведя свою кобылу следом на поводу. Князь остался один.

Загорский выплюнул травинку изо рта и довольно улыбнулся. Партия почти сыграна. Еще один последний ход, и он выиграет ее.

— Прости, mon ami, — прошептал он, легко запрыгивая в седло, прокручивая в памяти свой разговор с Анатолем. — Но тебе, похоже, шах.

Случившееся поутру вызвало в Марине такой спутанный клубок эмоций, что она сама не понимала, что она испытывает — злость, разочарование, возбуждение от того, что Загорский там открыто говорил о своих чувствах к ней, а может, даже досаду, что открылась ему сама. Все эти чувства подгоняли ее на охоте, заставляя скакать впереди, наравне с мужчинами, что не могло не вызвать косых взглядов. Чтобы хоть как-то поддержать подругу, Юленька пыталась не отставать от нее, но она была не столь опытной наездницей да и не любила особо верховую езду, что спустя какое-то время сдалась и ехала позади среди остальных дам. Затем дамы вообще остановились на окраине небольшого леса, где для них слуги постелили покрывало и доставали из коробов легкие закуски и прохладительные напитки. Марина же предпочла остаться, сославшись на то, что не устала.

— Вы прямо-таки сама Диана, — улыбнулся ей восторженно один из гостей, а Марина только улыбнулась тому в ответ, подстегнула лошадь и усккала прочь, вспомнив похожую реплику, произнесенную когда-то на балу.

«... — Откуда вы взялись, прекрасная Диана? Клянусь, я впервые вижу такую девушку, как вы. Не смотрите на меня так возмущенно, это комплимент от чистого сердца. Вы очаровательны, юное создание...».

И поцелуй, последовавший за ней.

Марина посмотрела исподтишка на Загорского, который легко скакал во главе их небольшой кавалькады. Помнит ли он их встречу так же ясно, как и она? Будет ли в его памяти она в дальнейшем, когда их пути разойдутся навеки?

Спустя время лисы стали заслуженной добычей охотников. Часть из них, правда, не досталась охотникам — доезжачий не подоспел вовремя, и гончие в пылу охотничьей ярости разорвали пару несчастных на куски. Эти две несчастные отчаянно уводили собак в сторону от своей норы, но и она впоследствии была обнаружена вместе с их маленьким потомством — шестью лисятами.

Марина в ужасе вскрикнула, когда первый лисенок был вытащен из норы мощными собачьими челюстями и в мгновение ока лишился жизни.

— Прошу вас, стойте, — вырвалось помимо ее воли. — Отзовите собак.

Охотники посмотрели на нее недоуменно, Арсеньев с любопытством, а Загорский вообще отвел взгляд в сторону, заметив ее подозрительно заблестевшие глаза, и поднял руку, подавая сигнал придержать собак.

— Марина Александровна, при всем моем уважении к вам, — начал было Арсеньев, но потом покачал головой.

— Что происходит, господа? — громко возмутился один из охотников. — Это те же лисы, только маленькие. Подрастут и будут также душить птиц в птичниках. Павел Григорьевич, давайте же сигнал!

— Вот когда подрастут, тогда мы опять соберемся в Киреевке всей нашей компанией на очередной гон, — задорно улыбнувшись, произнес Загорский. — А то перебьем всех лис, и на кого гон будем устраивать? Лисы такие проворные существа, что устраивают нам хорошую, скажу я вам, гонку.

Мужчины засмеялись и дружно загалдели. Доезжачий по знаку Арсеньева убрал взмыленных собак.

— А вы знаете, господа, в Англии вывели особую породу собак для охоты на лис, — смеясь, развернул лошадь Загорский. Остальные дружно последовали за ним на поляну, где предполагался завтрак для участвующих в гоне. — Они настолько малы, что могут пролезть в какую угодно нору и достать лису. Не выписать ли вам таких собачек, Павел Григорьевич? Это внесет определенное разнообразие в наш быт — вне гона она сможет быть тихим домашним любимцем. Подумайте, какая находчивость — собака и для дам, и для кавалеров.

Дружный хохот мужчин был ему ответом. Было видно, что все расслабились и забыли тот неприятный инцидент несколько минут назад. Только стареющий предводитель уездного дворянства Кочергин раздраженно пробормотал себе под нос:

— Не место бабе на охоте! Пушай дома сидит, горемычная.

Марина сделала вид, что не слышала его бормотания. Тронутая до глубины души, поступком князя, напрасно ловила она его взгляд, чтобы выразить улыбкой свою признательность ему. Он не смотрел на нее, даже не оглянулся, чтобы посмотреть едет ли она вообще в арьергарде их кавалькады. Лишь Арсеньев поехал рядом с ней.

— Как вам охота, Марина Александровна?

— Все было очень увлекательно, благодарю вас.

— Сей инцидент не испортил ваше впечатление?

— Отнюдь. Я хотела бы поблагодарить вас за проявленную милость к тем несчастным животным.

— О нет, благодарность вы адресуете не по адресу. Не я первый принял решение сохранить им жизнь, — Арсеньев взглянул на Загорского, ведущего оживленную беседу с окружающими его участниками гона.

Марина тоже взглянула на князя и слегка покраснела. Затем перевела взгляд на Арсеньева и улыбнулась тому.

— Но все же только ваше решение было окончательным, ведь вы хозяин гона. За это и благодарю вас.

Арсеньев коротко кивнул в ответ и улыбнулся, увидев впереди машущую рукой жену.

— Э-ге-гей, охотники! — кричала она.

— Э-ге-гей! — крикнул в ответ Арсеньев и с улыбкой повернулся к Марине. — По моему, моей супруге напекло голову — я еще не видел ее такой возбужденной и счастливой.

— Это все ваша предстоящая поездка, — сказала Марина. — Она так ждет ее, с такими надеждами считает дни.

— Поверьте, Марина Александровна, я тоже. В последнее время Жюли была так подавлена. Я ведь отнюдь не слепой и глухой, вижу, что ей несладко сейчас живется. Да и татап вносит свою лепту. Предстоящее путешествие словно вдохнуло в нее радость жизни, и я готов увезти ее куда угодно, даже если это принесет ожидаемого результата. Только бы Жюли улыбалась так, как сейчас. С вашего позволения, — он вежливо кивнул ей и, прищпорив коня, поскакал навстречу супруге, которая ждала его у края поляны.

Марина улыбнулась, видя, как Арсеньев одним махом соскочил с седла и, притянув к себе за талию Жюли, нежно прижался губами к ее руке. Они так влюблены друг в друга. Какое счастье, что сговор их родителей о браке принес им только счастье и любовь. Следует признать, что далеко не каждый союз похож на их. Может, Загорский прав, и не стоит пытаться объединить чувства и долг, брачные обязательства?

Девушка тихим шагом доехала до поляны и спешила с помощью берейтора.

— Как охота? Я слышала уже о malentendu insignifiant [53].

— Да, я позволила себе испытать жалость, что вызвало недопонимание мужчин, — Марина стянула с ладоней кожаные перчатки для езды и, бросив их на траву, с удовольствием подставила легкому ветерку слегка вспотевшие за время охоты ладони, пользуясь тем, что они с Жюли стояли несколько в сторонке от остальных. — Но твой супруг поступил благородно и пошел навстречу пожеланиям дамы.

— Мой супруг? А почему ты умалчиваешь о князе? — Жюли не отрывала взгляда от лица Марины и сразу же заметила перемену ее настроения при упоминании Загорского. — Он же первый принял решение, Paul только поддержал его.

Марина промолчала в ответ, сделав вид, что занята, и ей не до разговоров — она натягивала на руки кружевные митенки.

— Честь и хвала человеку, придумавшему митенки, — улыбнулась она. — Я бы просто умерла, если бы сейчас была вынуждена надеть перчатки.

— Что между вами произошло? — не унималась Жюли. — Там, у оврага. Вы выяснили?

— Выяснили, — зло бросила Марина. — Князь признался мне в любви. Я ответила ему тем же.

— Ты призналась? Хотя к чему были слова, все было видно и без них, — Юленька предпочла проигнорировать убийственный взгляд подруги. — Прости мне мое любопытство, но я просто схожу с ума при мысли, что самый холостяк и волокита Петербурга попался на крючок.

— Не радуйся ранее, чем следует. Ни какой крючок не способен удержать Загорского.

— Что ты имеешь в виду? — нахмурилась подруга. — Не хочешь ли ты сказать, что он осмелился...

— Разумеется, нет. Я же все-таки барышня, — горько рассмеялась Марина. — Он любит, но не желает сейчас говорить о браке. Просит время, чтобы все обдумать. Боится расставаться с привычной жизнью, страшится резких перемен.

— Помолвка? Он предложил длительную помолвку?

— Нет! — резче, чем следовало, ответила Марина. — О помолвке не было и речи. Просто время, в течение которого я не должна, видимо, принимать ухаживания других, а уж тем паче, предложения, в ожидании, когда он решится на этот шаг. Мы оба свободны в своих действиях и желаниях, но я — лишь формально. Подождать... Неужели он не понимает, что я не могу ждать?! Ситуация в моей семье осложнилась уже настолько...

— Если дело исключительно в денежном вопросе, ты же знаешь, — проговорила Юленька. Марина не дала той договорить, положив свою руку на ее ладонь.

— Знаю, ma chérie. Я очень благодарна тебе за помощь, но принять от вас с Павлом Григорьевичем в долг не могу, не смею... К тому же, как я могу быть уверена, что не пройдет время, и Сергей Кириллович не увлечется другой? Я не переживу этого опять. Не хочу обмануться. Уж лучше оставить все, как есть. Скажи мне лучше, приехал ли Анатолий Михайлович? Я писала ему, просила сегодня быть на гоне. Он передал через Агнешку, что непременно прибудет. Но уж полдень миновал, а его все нет. Уж не нездоров ли часом?

— Нет, не прибыл покамест. Но он вчера прислал записку, что будет у нас сегодня, так что мы его ждем. Ты знаешь, chérie, служба. Он же человек своего рода подневольный. Но, тем не менее, человек чести — раз обещался, значит, будет, — Жюли взяла подругу под руку, и они вместе направились медленным шагом к остальным гостям. — Зачем тебе вдруг понадобился Анатолий Михайлович? Заскучала по поклоннику?

— Просто вдруг подумала, что, погнавшись за журавлем, я упустила синицу, — улыбнулась Марина. — Маменька этого не переживет.

— А ты, *ma bonne*? Что думаешь ты?

Некоторое время подруги шли, молча, лишь почти подойдя к месту пикника, Марина остановилась и, взглянув в ясное голубое небо, улыбнулась.

— Я тоже буду переживать. За последние полгода я очень привязалась к нему. Анатолий — очень хороший человек, и я буду благодарна, если он сделает мне предложение.

— Благодарна, но не счастлива? — грустно спросила Юленька.

— Ах, Жюли, счастье — такая переменчивая вещь...

Отличное французское вино в жаркий солнечный день слегка разморило мужчин и развязало им языки. То и дело в рассказываемых ими историях об охоте или анекдотах они немного выходили за рамки приличий, что заставляло дам краснеть и жеманно хихикать в ответ на их извинения. Марину забавляло это. Она сидела на покрывале, подставив лицо ласковому солнышку, совсем не пряча его, как остальные женщины, под зонтиком или широкополой шляпой. Легкий загар был всегда ей к лицу, удачно оттеняя светлый цвет ее волос. Хотя взбучка от маменьки «за неподобающий барышне вид» девушке была обеспечена.

Марина повернула голову в сторону гостей, вдруг поймав себя на мысли, что давно не слышала голоса Загорского.

Его не было.

Она еще раз внимательно огляделась по сторонам, но наткнулась только на ожидающий взгляд обслуживающего их компанию лакея. Куда делся князь? Только она слышала его голос, рассказывающий анекдот, и вот его уже нет.

Марина наклонилась к уху Юленьки и прошептала:

— Я не вижу Загорского.

— Верно, он же получил записку из полка с требованием срочно прибыть, вот и уехал, — Юленька с улыбкой покачала головой. — Замечталась совсем. Он же прощался, а ты даже головы не повернула, словно не желаешь, даже видеть его. Все обратили на этот факт внимание и уже успели обсудить, перешептываясь, а ты все в облаках витаешь. Я-то думала, что так и было тобой задумано — холодная неприступность, знаешь ли, иногда творит чудеса.

— Только не в этом случае, — буркнула Марина, расстроившись. И тут же разозлилась на себя за подобный упадок духом — ей совсем не по душе, что ее настроение зависит от присутствия Загорского.

— Кстати, лакей еще одну записку принес, — проговорила Юленька. — От графа Воронина. Он извиняется за свое отсутствие и пишет, что будет нынче вечером.

— Господа, господа! — воскликнул один из гостей, возвращаясь от лакея с бокалом вина. — Недалече показался цыганский табор. Видимо, кочует в здешних местах. Предлагаю разнообразить наш вечер цыганским развлечением.

Мужчины ответили дружным согласием, женщины же только переглянулись слегка укоризненно — мужчины, что с них возьмешь? Разве им известно, что не стоит пускать цыган в дом? Они знают цыган только по ресторациям, а там совсем другие люди. Эти же, кочующие и славящиеся своими воровскими наклонностями, опасны для любого места.

— Ну, же Поль, соглашайтесь, — уговаривали сомневающегося хозяина гости. — Возьмем с барона слово, что за право остановиться в вашей деревне они обязуются быть

примерными гостями и вести себя подобающе. Подумайте, какая музыка, какие романсы...

Арсеньев повернулся к супруге, прищурив от солнечного света глаза.

— Что скажешь, милая?

— Решай сам, mon cher. Я же не против при условии, что в доме принимать их не будем, а слуги будут следить за нашими случайными гостями. Можно устроить в саду отличный вечер.

— Отличнейшая идея, Юлия Алексеевна, — откликнулся один из гостей на ее слова. — Нынче стоит преотличнейшая погода, поэтому что может быть лучше вечера на воздухе?

— Единственный минус всей нашей затеи, — возразил ему другой. — Только один — мошкара да мухи.

— Ах, вечно вы брюзжите, ваше сиятельство, — шутливо толкнул его в бок третий гость. Все дружно рассмеялись над этой репликой.

Послали человека в табор, а другого предупредить домашних слуг о намечавшемся вечере. Затем потихоньку стали собираться возвращаться в имение — в такой жаркий день просто необходим был дневной отдых в тиши дома.

По приезду Марина сменила платье для верховой езды на более легкое, батистовое. В отличие от большинства гостей она ничуть не устала от гона и жаркой погоды, поэтому отдыхать ей вовсе не хотелось. Она было думала пойти в диванную и поиграть на фортепьяно, но поняла, что нарушит тем самым покой остальных и загрустила. Читать ей не хотелось, а без какого-либо занятия в голову постоянно лезли разные мысли.

Может, она поступает неверно, отвергая Загорского? Может, это действительно ее единственный шанс на счастье с любимым человеком? Марина присела к окну диванной и стала в задумчивости наблюдать за мухой, пытавшейся попасть в дом сквозь легкие занавеси. Насекомое то и дело тыкалось в ткань, словно недоумевая, что за препятствие у нее на пути, затем меняла путь и снова натыкалась на преграду.

Вот так же и она, улыбнулась Марина. Какой бы путь не выбрала, конец всегда один — тупик, из которого она не ведает выхода. Ждать Загорского? Сколько? Год, два, десять? Этак и жизнь пройдет в девках, а ей этого ой как не хотелось. Она где-то в глубине своей души все же таила грех тщеславия — ей непременно хотелось (хоть чуть-чуть, но все-таки) выйти замуж за достойного, знатного, состоятельного. Чтобы все те, кто когда-то не дал ей возможность получить место фрейлины, поняли, что она может добиться удачной партии и без помощи шифра.

Раздался резкий стук в дверь, заставший Марину вздрогнуть от неожиданности.

— Entrez, — произнесла она, ожидая увидеть кого-то из дворни.

Дверь открылась, и в комнату ступил Воронин. Раскрасневшиеся от жары скулы, его сбившееся дыхание говорили о том, он выдержал хорошую скачку, и видимо, скачку от самого Петербурга.

— Анатолий Михайлович, — растерянно произнесла Марина. Она была удивлена его неожиданным появлением и непривычным для него, вечно застегнутого на все пуговицы, видом.

Он несмело шагнул в ее сторону, но резко остановился на полпути, сжимая в руках головной убор.

— Марина Александровна, простите меня великодушно за то, что обманул ваши надежды, и не был на гоне. Я... — он замялся, не зная, как продолжить разговор. — Я не нахожу себе оправдания. Вы просили меня, я обещался, и ... Мои причины неуважительны,

недостойны, чтобы упоминать их в разговоре с вами... О Боже!

Он окончательно сбился и в раздражении запустил пятерню в свои волосы, словно этим движением старался поправить мысли в головы.

— Я вас люблю, — вдруг сказал Анатоль, резко вскинув голову и посмотрев прямо Марине в глаза. — Я полюбил вас сразу же, как увидел, и так же без раздумий решил, что хочу видеть вас своей супругой. Хочу пройти с вами через все жизненные невзгоды и радости, разделить с вами счастье и беды. Хочу иметь детей с вашими глазами и улыбкой. Хочу встретить бок о бок старость, если судьба будет столь благосклонна к нам. Я прошу вас быть моей супругой, матерью моих детей, моих другом и моей возлюбленной до конца моих дней.

Он замолчал. Молчала и Марина. Ее так тронуло это маленькое, но в тоже время такое огромное признание мужчины, что она не находила слов для ответа ему. Она смотрела в его карие глаза, которые с такой надеждой глядели на нее, и чувствовала, как замирает ее сердце. Признание Анатоля столь отличалось от слов любви Загорского, было так нежно и трогательно. В нем ясно чувствовалось, как нужна ему Марина, здесь и сейчас, несмотря на обстоятельства и чужие мнения.

— Я согласна, — тихо произнесла Марина и протянула мужчине руки. Тот с каким-то странным полувскриком-полустоном выронил головной убор из рук и бросился перед ней на колени. Он обхватил ее ноги руками в цепком объятии и уткнулся головой в ее юбки. Марина легонько гладила его по волосам нежными движениями и с улыбкой думала о том, как трогателен этот большой мужчина, которого лишь одна короткая фраза способна поставить на колени.

Воронин поднял голову и посмотрел Марине в глаза.

— Я клянусь вам, вы никогда не пожалеете о своем решении. Отныне моя жизнь будет посвящена только вам. Вам и вашему счастью.

Марина промолчала. Она просто напросто не знала, что ей сказать. Она смотрела в глаза Воронина и повторяла про себя: «Mon érouх Анатоль Михайлович, mon érouх...», словно стараясь убедить себя в правильности принятого решения.

Анатоль быстро поднялся с колен и достал из извлеченного из-за обшлага мундира платка некий предмет. Затем взял в ладонь правую руку Марины и одел ей на безымянный палец кольцо.

— Это наше фамильное кольцо Ворониных, которое по традиции жених преподносит невесте в день заключения помолвки. Я бы хотел дать вам его в знак моей безграничной любви к вам и моей преданности.

Кольцо было довольно крупным, но очень красивым и явно старинным. Мерцающее серебро, ярко блестящие синие камни, выложенные в форме цветка с серебристыми лепестками.

Марина почувствовала тяжесть кольца на своем пальце и внезапно осознала, что теперь уже почти принадлежит этому человеку напротив нее, который со счастливой улыбкой на губах целовал ее руки. Ее сердце тревожно сжалось. Не натворила ли она беды, поддавшись эмоциям и согласившись на брак? Ведь она руководствовалась в этот момент лишь трогательностью момента, радостью осознания, что она столь любима Анатодем, злостью на Загорского.

Графиня Воронина Марина Александровна.

Душа ее похолодела от тревоги и какого-то неясного чувства беды.

Ради моей семьи... Я должна.

Первым делом о помолвке сообщили чете Арсеньевых. Жюли выглядела после оглашения этой новости слегка обескуражено, а ее супруг лишь задумчиво кивнул обрученным.

— Поздравляю вас, Марина Александровна, поздравляю, Анатоль, — обнял он друга и его невесту.

— Как это неожиданно! — воскликнула Юленька. — Конечно же, я тоже поздравляю вас обоих.

Она подбежала к подруге и расцеловала ее в обе щеки. Затем обратилась к Воронину:

— Вам, видимо, стоит немедля написать родителям Марины о свершившемся. Негоже им узнать после наших гостей. Вы ведь объявите нынче вечером или отложите оглашение?

— Родители Марины знали о моих намерениях и дали свое благословение, — ответил Анатоль. — Я был у них нынче утром и просил руки моей нареченной по всем правилам.

Марина горько улыбнулась. Как, видимо, счастлива маменька! Она ведь так ратовала за этот брак.

Своим поступком Воронин словно отрезал ей любой путь назад — маменька ни за что на свете не упустит возможности сделать свою дочь графиней.

— Когда вы планируете назначить дату венчания? — спросил Арсеньев.

— О, мы пока не задумывались об этом, — улыбнулся Воронин ему в ответ. — Сколько обычно длится помолвка по правилам? Год, полгода?

— О, какие правила! Мне кажется, их уже никто и не блюдет в этом вопросе, — рассмеялась Юленька. — Вы и только вы должны определиться с датой.

— Когда бы ты хотела назначить дату, *ma chérie*? — обратился Анатоль к своей растерянной невесте. Та, очнувшись от глубокого раздумья, в которое была погружена во время этого короткого разговора, неловко улыбнулась в ответ:

— Признаться честно, я еще не загадывала так далеко. У меня до сих пор голова идет кругом от произошедшего.

Ее признание вызвало дружеский смех у мужчин, и только Юленька не улыбнулась. Марина видела, что ее подруга недоумекает столь резкой перемене в ее предпочтениях, и не понимает спешности принятия этого неожиданного предложения руки и сердца. Хотя какое же оно неожиданное — весь свет следил за развязкой длительного ухаживания графа за ней.

Постепенно диванная наполнялась гостями, собирающимися к ужину, столы для которого уже вынесли в сад и расставили в тени деревьев. Слегка в отдалении поставили стол и несколько кресел для предполагавшегося среди прочих развлечений гадания по руке — как заявил цыганский барон, его старая мать прекрасно читает линии, начертанные при рождении на ладони самим Богом. Дамы были слегка взбудоражены возможностью узнать свою судьбу и взволнованно обсуждали известные им случаи гадания, сбывшиеся и несбывшиеся. Мужчины же шутили над их верой в «шарлатанство» и предвкушали весьма нескучный вечер под цыганские напевы.

Наконец пригласили всех к накрытому столу. Попарно гости выходили из диванной сквозь распахнутые французские окна в сад и рассаживались по местам. Марина вышла под руку с Ворониным и с ним же сидела рядом за ужином. Гости были осведомлены еще в диванной об их помолвке, и несколько раз за столом поднимались бокалы и звучали

здравицы в их честь и тосты за предстоящее торжество.

— Лучше всего венчаться в июне, — говорила одна гостя. — Так красиво доцветают деревья в эту пору. Да и на украшения залы для обеда можно сэкономить — оранжерейные цветы нынче так дороги.

— Ах, вы уже решили, Марина Александровна, где платье пошьете для торжества? — спрашивала другая через стол. — Непременно должна быть хорошая портниха, непременно. Ведь более сотни глаз будут смотреть на вас и только на вас.

— Сотня? — перехватило у Марины дыхание от представленного количества гостей. — Почему сотня?

— А как же иначе? — изумилась ее соседка по столу. — Ведь его сиятельство — адъютант Его Императорского Величества. Тот всенепременно посетит ваше венчание, а может быть и обед. Разумеется, многие захотят получить приглашение на это торжество.

Марина побледнела. Раньше ей казалось происходящее с ней каким-то сном, зато теперь она осознала, что все это происходит наяву. Внезапно на ее ладонь легла рука Анатоля.

— Не пугайтесь, — нежно прошептал он в ухо, склонившись, — Это не так страшно, как кажется. И потом — мы всегда можем устроить не такой большой прием, как вам расписали. Пусть нас не поймут в свете. Мне совсем не важно, как мы обвенчаемся, и какой обед будет после. Главное для меня — само таинство.

— И вы будете согласны устроить скромную свадьбу ради меня? — тихо спросила Марина, повернув к нему свое лицо.

— Поверьте, я готов и на большее ради вас, — произнес он, и по его глазам Марина прочитала, как сильно его чувство к ней.

У нее перехватило дыхание от внезапно кольнувшей ее сердце боли. Анатолий совсем не заслуживает такой невесты, как она — идущей под венец без любви, без сердечного трепета...

Внезапно раздались звуки музыки и веселых цыганских напевов. Медленно к Арсеньевым и их гостям приближались приглашенные на вечер цыгане. Женщины в ярких одеждах, позвякивая широкими ожерельями-монистами, закружились вокруг стола в каком-то быстром танце, постепенно убыстряя темп танца вслед музыке, которая словно стремилась обогнать танцующих. Быстрее, быстрее, быстрее... Вокруг сидящих за столом мелькали яркие цвета юбок и блузок, смуглая кожа глубоких вырезов, золото украшений, белые улыбки. Гости возбужденно загалдели и хлопали танцующим в такт музыке.

Лишь Марина и Анатолий не обратили внимания на происходящее рядом с ними. Они словно не могли оторвать друг от друга взгляды, по-прежнему сохраняя зрительный контакт.

— Я боюсь, что не смогу сделать вас столь счастливым, сколь вы того заслуживаете, — прошептала Марина, не надеясь, что он ее услышит сквозь эти безумные звуки гитар и скрипки.

Но он услышал.

Анатолий медленно улыбнулся и поднес ее ладонь к своим губам. Долго, слишком долго для вежливого поцелуя не отрывал он их от ее руки. Потом он нежно улыбнулся ей и произнес:

— Ты себе не представляешь, каким счастливым ты делаешь меня, просто находясь рядом. Будь со мной — это все, что нужно мне для счастья, только это.

Тут их разговор прервали — цыгане закончили свое вступление и, сопровождаемые

аплодисментами благодарных слушателей и зрителей, кланялись. Марине пришлось отнять свою руку у Воронина и тоже присоединиться к остальным в рукоплескании артистам.

Арсеньев дал знак, и гости медленно стали подниматься из-за стола, направляясь к небольшой площадке в саду, окруженной стульями для гостей. Именно там и предполагалось слушать романсы приглашенных цыган. Некоторые женщины сразу же отделились и направились к старой цыганке, занявшей предназначенное место за небольшим столиком.

— Вы желаете пойти туда? — кивнул в сторону гадалки Воронин. — Или послушаем цыган?

— Я бы хотела послушать. Признаться, я их никогда ранее так близко не видела, — смущенно улыбнулась Марина. — На улицах лакей всегда отгоняет их прочь. А папенька не разрешал никогда останавливаться на своей земле.

— По сути своей, он совершенно прав, — согласился Воронин. — Говорят, что цыгане не только воры и конокрады, но еще и слуги дьявола.

— Вы шутите? — взглянула на него испуганно Марина.

— Так действительно говорят, Марина Александровна, но я в это не верю. Они такие же люди, как и мы с вами. Только с кожей другого цвета, другим наречием и верованием.

За разговором они приблизились к стульям, и Воронин помог невесте присесть. Затем он встал рядом с ней, облокотившись плечом о яблоню, растущую рядом.

— Я уже сомневаюсь в благоразумии этой затеи, — тихо призналась Юленька подруге, занимая место рядом с ней. — Надо будет приказать слугам убрать столовое серебро в буфет и зорко следить за ним в оба глаза.

— Ты говоришь, как моя маменька, — рассмеялась Марина, и Жюли улыбнулась ей в ответ.

— Иногда она удивительно права. Как и в случае с выбором жениха. Что такое произошло в твоей голове, что ты, сломя голову, приняла предложение Воронина?

— Тсс, — шикнула Марина. — Они начинают. Я хочу послушать.

Сначала представление увлекло Марину. Быстрые танцы, веселая музыка разгорячили ее кровь. Ее ноги под длинными юбками сами пустились в пляс незаметно для окружающих, не в силах противиться зажигательным мелодиям. Как же ей хотелось сейчас встать со стула и влиться в этот вихрь танца! Как же она сейчас слегка завидовала свободным цыганкам!

Но затем настроение Марины резко пошло на спад. В центр площадки ступила молодая красивая и статная женщина и, сложив руки на груди, начала петь своим проникновенным голосом под плач скрипки и гитар романс.

х, зачем эта ночь...

Так была хороша!
Не болела бы грудь,
Не страдала б душа.

Полюбил я ее,
Полюбил горячо,
А она на любовь
Смотрит так холодно.

Не понравился ей

Моей жизни конец,
И с постылым назло
Мне пошла под венец.

От слов, звучавших в этой вечерней тиши, девушке стало так горько. Слезы навернулись на глаза, и она изо всех сил сдерживалась, чтобы не пролить их прямо здесь, у всех на глазах.

Ей казалось, что она уже отстрадала свое решение забыть обо всем, что могло связывать их с Загорским, но этот простой романс, слышанный ей не раз, снова заставил боль в груди развернуться во всю силу. Нет, нелегко вычеркнуть из памяти его слова, его клятвы и заверения в любви, невозможно заставить глупое сердце перестать тихо ныть при любом намеке на их возможный l'amour.

— Я бы хотела сходить к гадалке, — вдруг поднялась с места Юленька. Она повернулась к подруге и взяла ее за руку. — Пойдем со мной, Мари. Я немного опасаясь одна услышать то, что она скажет.

— С вашего позволения, господа, — поднялась Марина, едва взглянув на окружающих ее гостей. Она была весьма благодарна Юленьке за неожиданную поддержку.

— Боже, зачем ты это сделала? — воскликнула Жюли, едва они удалились подальше. — Раз уж решилась, милочка, на этот брак, то следует держать себя в руках. Видела бы ты лицо Анатоля, когда она заметил слезы на твоих глазах!

— Все заметили? — ужаснулась Марина.

— Нет, не все. Но он заметил. Ах, Мари, он так тебя любит! Но ежели у тебя нет таких чувств к нему, ежели не сможешь забыть князя, то не стоит даже пытаться заставить свое сердце принять этот брак. Ты сделаешь несчастными трех людей, и прежде всего, себя. Как ты сможешь видеть Загорского в свете и не выдать себя при этом?

— Я смогу, я должна, — ответила ей Марина.

— Может, тебе назначить венчание как можно дальше по времени, — предложила Юленька. — Скажем, через год-полтора. За это время, глядишь, и князь одумается. Вдруг он тоже решится на предложение?

— Ах, Жюли, твои слова да Богу в уши! — воскликнула Марина. — Все равно, что будет скандал, все равно, что будет презрение графа да непонимание света. Я бы тотчас... тотчас...

Не в силах сдерживаться более, Марина дала волю чувствам и разрыдалась. Подруга привлекла ее к себе и обняла.

— Ах, милая, милая, — прошептала она. — Я и не ведала, что ты так любишь его. И пусть я считаю, что он все же недостойн твоей любви, но против задуманного Богом разве пойдешь? Успокойся, ma chérie, за год может многое измениться. Кто знает, вдруг и ты переменишь свое решение. И князь...

Спустя некоторое время слезы высохли. Коротко вздохнув, Марина вытерла лицо платком и пощипала себя за щеки, стараясь вернуть румянец.

— Не слишком красные глаза? Не заметят ли, что я плакала? — спросила она у Юленьки.

— Отнюдь, ma chérie. Они у тебя сейчас так блестят, что все решат, в саду ты была не со мной и не плакала, а...

Марина подхватила подругу под руку, не давая договорить, и увлекла за собой в

направлении столика гадалки.

— Пойдем же уже...

Гадалка сидела за столиком одна. Основной поток дам, желающих узнать свое будущее, уже схлынул, поэтому она просто сидела и курила трубку.

Марине при виде этой старой женщины в ярком цветастом платье стало вдруг не по себе. Она не была суеверна, но в гадания верила. Обычно, как и все девушки, она принимала участие в рождественских ворожбах, но на картах или по руке она еще ни разу не гадала, поэтому вдруг оробела от серьезного взгляда старухи из-под густых бровей, направленного, казалось, в самую душу.

— Пришла-таки, — проговорила цыганка. Голос ее был хриплый и прокуренный. словно карканье вороны, подумалось Марине, и она невольно хихикнула. Старуха сразу же перевела взгляд на нее. — Потом тебе скажу то, что должна. Сначала она.

Цыганка откинулась на спинку кресла и жестом пригласила Юленьку присесть напротив. Та медленно подчинилась, не отрывая взгляда от пронзительных глаз гадалки.

— Много горя, много слез пролила, — даже не спрося ладонь Жюли, только глядя той в глаза, начала свою речь цыганка. — Страстно желаешь, но не можешь получить. Будет, милая, будет. Не плачь отныне.

Жюли тихонько всхлипнула при этих словах и прижала платок, который до этого теребила в руках, к губам. Цыганка протянула руку и взяла ладонь женщины в свою.

— Будет, милая, точно вижу. Трое детей у тебя — два мальчика и девочка. Получишь ты желаемое, не обделит тебя Господь, не ропщи. Жизнь твоя будет спокойная и благодатная. На зависть всем. Теперь иди. Устала я, а мне еще надо с ней потолковать, — кивнула старуха в сторону Марины.

Марина заняла место Юленьки, которая тотчас бросилась в сад. Ей, видимо, не терпелось поделиться с мужем сказанным гадалкой. Но Марине же, оставшись наедине, с цыганкой стало совсем не по себе, даже пальцы задрожали мелко — то ли от страха услышать что-то не то, то ли от волнения, сжимающего ее грудь.

— Дай свою руку, — бросила цыганка, и девушка подчинилась, протянув той свою ладонь. Старуха смотрела некоторое время на линии руки, затем взглянула Марине прямо в глаза. — Веришь в судьбу? Верь, дорогая. Предначертано тебе многое, скажу лишь часть.

Старуха глубоко затянулась трубкой и выпустила густую струю дыма в воздух, словно наслаждаясь нетерпением девушки узнать свою судьбу.

— Ты впустила в свое сердце любовь, и эта любовь поможет тебе пережить то тяжелое, что ждет тебя. Ты любима. Любима так, как многие мечтают, но принесет ли тебе радость эта любовь? Если сможешь открыть свое сердце, сможешь довериться, будешь счастлива. А нет... — старуха пожала плечами. — Будет у тебя два мужа, дорогая...

— Я буду вдовой? — ужаснулась Марина.

— Разве я так сказала? — раздраженно воскликнула цыганка. — Не перебивай меня! Твое дело слушать, а не говорить. Говорить здесь я должна.

Старуха помолчала, снова раскуривая трубку. Ее пальцы были все унижены кольцами, которые тускло блестели в свете садовых фонарей.

Цыганка снова обратила свой пронзительный взор на Марину.

— Два мужа, дорогая. Дети, которые придут к тебе через большие муки. Но радость материнства стоит того. Ты должна всегда желать их, дорогая, нежеланных детей не должно быть. Предательство ждет тебя. Предательство от близкого тебе человека, от которого и

ждать-то его не будешь. Оно изменит твою жизнь, изменит тебя. Много слез и горя принесет, ой, как много, дорогая.

Постепенно смеркалось, и черты лица цыганки растворялись в наступающей мгле все больше и больше, только ее глаза да драгоценности на ее шее и пальцах тускло сверкали, и трубка вспыхивала красным огоньком. От этого Марине стало совсем страшно, а от дальнейших слов старухи она и вовсе пришла в ужас.

— Давно тебя заметила, дорогая. Черное облако смерти витает над тобой. Но не твоя это смерть, не тебя Господь забрать хочет. Рано еще. До старости доживешь, правнуков увидишь.

Цыганка прислушалась к чему-то, потом улыбнулась и пробормотала себе под нос.

— Идет за тобой...

Марина в ужасе приподнялась, готовая бежать без оглядки от этой странной и столь пугающей ее женщины, как вдруг мужская ладонь легла ей на плечо, заставив ее вскрикнуть от испуга.

— Не пугайтесь, Марина Александровна, это я, — Анатолий обошел ее стул и присел на корточки рядом. Он взял ее руку в свои ладони. — Простите, что напугал вас. Вы столь долго отсутствовали, что я решил пойти провести вас тут. Юлия Алексеевна вернулась такая... такая взволнованная, что мне стало не по себе ваше присутствие здесь.

Он коротко взглянул на цыганку, которая, откинувшись на спинку кресла, молча попыхивала своей трубкой и внимательно наблюдала за ним. Затем он повернулся к Марине.

— Пойдемте, Марина Александровна. Становится прохладно.

Марина кивнула ему и поднялась. Анатолий тоже встал и предложил ей руку.

— Боже, ваши руки... они словно лед. Нельзя же так, Марина Александровна, так и заболеть недолго. Пойдемте в дом.

Внезапно цыганка приподнялась и схватила Воронина за рукав мундира, останавливая его.

— Постой, дорогой, не спеши. Пару слов хочу тебе сказать.

Анатолий повернулся к ней, посмотрел в глаза и проговорил медленно:

— Меня совсем не интересует ни прошлое, ни настоящее, ни будущее. Прошу вас отпустите мундир.

— Ой, не торопись, дорогой! Ты должен услышать то, что сказать хочу. Понравился ты мне. Я людей насквозь вижу, всю их сущность до нутра самого. Ты хороший человек. А хорошим людям не всегда везет. Помочь тебе хочу. От судьбы убереечь хочу, от предначертанного. Иногда так бывает. Господь позволяет изменить то, что задумал. Иногда, — цыганка, видя неверие в глазах Анатолия и желание уйти поскорее прочь от нее, вцепилась в ткань рукава еще сильнее. — Ты любишь ее. Любишь, хотя знаешь, что нет отклика в ее сердце.

Марина при этих словах глухо вскрикнула и стиснула руку Воронина, чувствуя, как слабеют ноги.

— Надежда питает тебя. Надежда, что когда-нибудь она откроет тебе свою душу. Верь, дорогой, в это, верь. Ведь, если веришь сильно, то желаемое свершится. Она — судьба твоя, дорогой. Будет с тобой рядом до конца твоих дней. Но прошу тебя — укроти свой гнев, прими прощение в душу. Забудь о правилах, по которым живешь. Жизнь пишет свои законы, отличные от принятых вами и вашим обществом. Укроти свой гнев, и жизнь свою сохранишь.

— Я не понимаю вас, — холодно произнес Воронин, глядя гадалке в глаза, и цыганка, словно признавая свое поражение, опустила руки.

— Ступай, раз не веришь. Одно скажу тебе — опасайся белого человека, когда снег будет падать в мае. Прости ему его поступки, прими его слова. Он будет искренен. Есть два пути в твоей жизни. Выберешь прощение — жизнь сохранишь. Выберешь гнев — погибнешь.

Марина ахнула при этих словах и растерянно взглянула на Анатоля. Его губы были плотно сжаты, а глаза словно буравили гадалку. Затем он встряхнул головой и, молча, потянул Марину прочь от этого места и этой женщины, придерживая ее за талию.

В голове девушки крутились слова гадалки. «...Черное облако смерти витает над тобой. Но не твоя это смерть, не тебя Господь забрать хочет...». «...Выберешь прощение — жизнь сохранишь. Выберешь гнев — погибнешь...» Означало ли это, что именно она принесет смерть Анатолю, ведь тому старая цыганка предсказала смерть? Нет, ей не хотелось об этом думать.

Уходя, девушка обернулась. Гадалка смотрела им вслед, не отрывая взгляд. Ее глаза странно блестели в летних сумерках. Были ли это слезы? Или Марине просто показалось в наступающей темноте и неверном свете фонарей?

Слова гадалки, сказанные и ей, и Воронину, еще долго не шли у Марины из головы. Они и пугали ее донельзя, и интриговали, словно головоломка, которые она обожала решать. Кто этот белый человек, что принесет смерть графу? Что произойдет, что только прощение или гнев способны дать путь разрешения этого дела? Да и сама она... Цыганка предсказала Воронину, что Марина станет его судьбой и пройдет с ним рука об руку до конца дней. Значит, ей с самого начала было суждено стать его супругой, иного и быть не могло. А Загорский... Загорский был прекрасным моментом в ее жизни, который показал ей, какой обжигающей может быть страсть, какой опасной и одновременно сладкой и приятной.

Марина поделилась услышанными предсказаниями с Юленькой, и та ее выслушала внимательно, в отличие от графа, что отмахнулся тем же вечером от нее:

— Не стоит верить в шарлатанство. Это все лишь тонкая игра, ничего более. Что стоило узнать, что у хозяйки имения нет детей в течение долгого времени после свадьбы? Естественно, ей стоит сказать, что в итоге она все-таки станет матерью. Что хотят услышать юные девушки? Разумеется, что будут любимы и счастливы всю их дальнейшую жизнь.

— Но как насчет предсказания скорой смерти в моем окружении? — возразила ему Марина.

— Покажите мне хоть одного человека, у которого нет пожилого родственника, — улыбнулся Воронин. — Дальний или близкий, все едино. Конечно, в скором времени он непременно предстанет перед Богом, вот вам и предсказанная смерть.

— А предсказания вам? — не унималась Марина.

— Мне? Помилуй Бог, Марина Александровна, не трудно догадаться, что вы помолвлены (у вас на пальце кольцо). Я пришел за вами, значит, имею права жениха. Следовательно, можно сообщить мне, что вы будете моей супругой.

— Хорошо, а как она узнала, что я... что пока... — Марина запнулась, так как не могла подобрать слова, чтобы правильно выразить свою мысль и при этом не обидеть жениха.

— Что вы не любите меня? — грустно усмехнулся Анатоль. — Поверьте, это не нонсенс, когда невеста идет замуж без любви, скорее наоборот. Вы — не исключение из правил, Марина Александровна. Но довольно обсуждать эту шарлатанку и ее нелепые догадки. Лучше скажите мне, вы уже писали вашим родителям, что приняли мое предложение?

Далее они обсуждали предстоящее торжество по случаю обручения и намечали приличествующие этикету визиты к знакомым и родственникам. Тем не менее, несмотря на всю логику слов Воронина, Марина не могла отделаться от мыслей о предсказаниях давеча вечером, которые все витали и витали в ее голове. Она была благодарна Юленьке, что та хотя бы без какого-либо скептицизма выслушала ее страхи и сомнения.

— Конечно, мужчинам не понять этого, — вздохнула подруга. — Но, согласись, Анатоль Михайлович, все так объяснил с точки зрения рассудка, что с этим трудно поспорить. Трудно, но все-таки можно, потому что я вижу очень много белых пятен в его объяснении. Если не ошибаюсь, смерть только в твоём предсказании да Воронину. У остальных были довольно легкие предсказания о любви, деньгах, браках. И сколько угодно готова спорить о достоверности слов гадалки, потому что сама в них хочу верить.

Юленька так запальчиво проговорила последние слова, что Марина подалась к ней и

взяла ее за руку в знак поддержки и согласия.

— Конечно, *ma chérie*, все будет так, как сказала цыганка, — улыбнулась она подруге. — Вы поедете на воды, ты поправишь здоровье, и, я уверена, после этого ты вернешься в столицу и обрадуешь нас своими новостями. А я буду непрестанно молиться за тебя, Жюли. Вот увидишь, Господь услышит наши с тобой молитвы.

— А я буду молиться и за тебя, *ma bonne*. За твое счастье. За то, чтобы наконец-то твое сердце успокоилось, и ты наконец-то обрела то, о чем мы так мечтали с тобой в Смольном, — обняла подругу Юленька. — Ты будешь непременно счастлива, я уверена в этом.

На второй день после гона гости разъехались из Киреевки, и в доме воцарилась непривычная уху тишина. Собирался в Петербург и Воронин. Во-первых, его ждала служба; во-вторых, он чувствовал себя обязанным посетить пансион *M-m Lesarge* в Москве, где проходила обучение его сестра.

— Я обязан сообщить ей лично новость о моей помолвке. Она единственная, кто остался у меня из ближайших родственников, посему я должен ехать в Москву.

— Почему она обучается в Москве, а не в Петербурге? — удивилась Марина. — Почему не Смольный?

— Я предпочел маленький пансион для сестры, потому что хотел, чтобы она смогла вырасти в почти семейной обстановке, чего была лишена с рождения. Там не такая строгая дисциплина, как в институте, и *madam* просто обожает своих воспитанниц, словно дочерей. И потом — в пансионе не так строго с посещениями, как в Смольном. Я думаю, это наилучший вариант для Катиш, — улыбнулся Воронин, упоминая имя сестры, и Марину поразила теплота, которая скользнула при этом в его голосе.

— Вижу, вы очень любите свою сестру.

— Очень, — честно признался Анатоль. — Я уже говорил, она — единственный мой ближайший родственник. К тому же по воле судьбы мне пришлось заменить ей родителей. Катиш — мой самый любимый человек на земле. Хотя нет — теперь уже две такие персоны в моей судьбе: Катиш и вы, Мари, — с этими словами он нежно привлек девушку к себе и легко коснулся губами ее губ.

Первой реакцией Марины было немедля сжать плотно губы. Но затем в ее голове промелькнула мысль, что Анатоль теперь имеет право на ее поцелуи, пусть и не сейчас, но впоследствии точно, поэтому ни к чему ей отталкивать его. Не разумнее ли уступить и начать постепенно привыкать к его близости?

Поцелуй мужчины был нежен и приятен. Его губы так легко касались ее губ, что Марина невольно стала сама отвечать ему, что удивило не только Воронина, но и ее саму. Осознав сей факт, она быстро отстранилась от него, краснея от лба до начала выреза ее платья.

— Боже мой! — воскликнула она взволнованно. — Я не знаю сама, что произошло со мной. Я...

— Не стоит, — Анатоль ласково прервал ее речь. — Я ничуть не осуждаю вас, поверьте. Я даже рад, что я вам так приятен. Это означает лишь одно — наш брак будет не так уж и безрадостен, как я полагал вначале.

Он поднес ее ладонь к губам и поцеловал ее тыльную сторону, что вызвало легкий трепет в душе Марины.

— Я вынужден удалиться, Марина Александровна. Поверьте, я с удовольствием остался бы тут, в этом дивном саду, с вами, но, к сожалению, мои дела требуют, чтобы я оставил вас,

— он поднялся со скамьи беседки, где они сидели вдвоем, и, глядя на Марину сверху вниз, добавил. — Обещаю, что поспешу разделаться со своими обязанностями как можно скорее, чтобы снова иметь удовольствие видеть вас. Я планирую вернуться в Петербург в конце следующей недели. Вы уже покинете Киреевку и будете у тетушки, я правильно полагаю?

— Да, вы правы. Арсеньевы скоро уезжают. Поэтому по возвращении вы найдете меня на Морской.

— С вашего позволения, Марина Александровна, — Воронин в последний раз приложился к ее руке и пошел прочь из беседки. Повинуясь порыву, Марина вдруг подскочила и окликнула его:

— Анатоль Михайлович!

Он обернулся к ней, и она быстро, чтобы не передумать, проговорила:

— Счастливого пути. Езжайте с Богом! Буду ждать вашего возвращения...

Анатоль задорно улыбнулся ей в ответ, взмахнул рукой в прощальном жесте и продолжил путь к дому, где согласно принятым правилам он должен попрощаться с хозяевами дома.

Марина же прислонилась к перилам беседки и задумчиво смотрела ему вслед. Что происходит с ней? Ужели она поцеловала графа? Ужели ее глупое сердце впустило в себя приязнь к другому мужчине?

Марина задумалась. Нельзя было отрицать, что ей весьма приятен Анатоль. Ей импонировало в нем многое: и его внешность, и его поведение, и его характер. Хотя признаться, она видела лишь одну сторону его натуры, ту, которая ей была показана, но, вспоминая слова старой цыганки об Анатоле, она не могла не согласиться с ней.

Тьфу ты, встряхнула головой девушка, словно сама себя убеждаю, что поступаю верно. Довольно отныне сомнений. Хватит думать о том, что могло бы быть да не сложилось.

Краем глаза Марина заметила движение и повернула голову. К беседке спешила одна из дворовых девок. В ее руке Марина увидела письмо и решила, что наконец-то маменька поспешила выразить ей, как счастлива она, получив известие о помолвке дочери с графом.

Девушка ошиблась в одном — горничная действительно несла ей почту, но писем было два. Одно от маменьки, второе (Марина, замирая сердце, перевернула его, чтобы посмотреть отправителя) ... от князя Загорского. Сердце ее бешено заколотилось, а руки, державшие письмо задрожали. Она вмиг забыла обо всем, что занимало ее в последнее время, лишь этот лист бумаги отныне занимал все ее думы.

Вскрыть или нет? Она уже почти замужняя дама, не пристало получать письма от чужих мужчин. Но любопытство тревожило ее сердце, любопытство подталкивало ее узнать, о чем мог написать ей Загорский. А вдруг он уже знает о ее решении стать женой Воронина? Вдруг это письмо связано именно с этим? Марина быстро, не раздумывая долее, развернула лист бумаги.

Первым делом ее взгляд упал на дату письма внизу листа. Оно было писано два дня назад, когда проходила охота, и она лишь после полудня встретилась с графом. Стало быть, Загорский писал к ней, не зная о том, что она отныне невеста другого.

«Милая Марина Александровна, мое сердце, моя душа...

Вы перевернули весь мой мир с ног на голову и никогда впредь ему не быть прежним. Кто знает, что могло бы случиться, не подоспей вовремя ваши спасители? Быть может, я совсем потерял бы голову и заставил вас потерять ее, что было бы только к лучшему, ведь иного выхода, чем брак, из сложившегося положения не существовало бы?

Но вы предпочли снова отвергнуть меня, снова удалились прочь, тем самым, упустив возможность поймать меня в сети Гименея, как вы того столь страстно желали когда-то. Вы позволили мне ускользнуть. Это снова поставило меня в тупик. Это снова заставило меня понять, насколько вы — другая, не такая, как остальные барышни.

Вы — моя жизнь, я не устану это повторять никогда, ибо только сейчас я понял, как это истинно. Мне не жить без вас, ваших дивных глаз и чарующей улыбки...

Не жить, но я должен. Должен, ибо жестокая рука провидения разлучает нас. Меня удаляют из Петербурга, душа моя. Запальчивая натура толкнула меня на путь грешника, и вот я жестоко наказан за мои грехи разлукой с вами, моим сердцем. Приказом императора я был давеча переведен из Преображенского полка в Нижегородский драгунский, а это означает, перевод из Петербурга. На долгие двенадцать месяцев я буду разлучен с вами, моя душа. Целая вечность!

Мы расстались так хладно, так жестоко, что предстоящая разлука с вами страшит меня не только невозможностью видеть вас и слышать ваш голос, но вашей странной решимостью удалить меня из вашей жизни и моей невозможностью помешать этому отныне.

Я умоляю вас не совершать спешных поступков за время моего невольного отсутствия рядом с вами, способных навсегда перечеркнуть наше совместное будущее, ибо я уверен, что разлука с вами лишь укрепит меня в своих чувствах к вам, и я приму то самое верное решение, что удовлетворит нас обоих.

Я люблю вас, Марина Александровна. Прошу вас помните об этом.

Навеки ваш преданный раб,

Сергей Загорский

Писано 2 июня 1836 года»

Марина прочитала письмо и опустилась на скамью беседки, потому что ноги более не держали ее. Выслан на год из Петербурга. Его не будет рядом так долго!

«...Жестокая рука провидения разлучает нас...». Марина грустно улыбнулась. Ах, если б знал он, как прав! В тот миг, когда Загорский писал это письмо, а его денщик паковал вещи для поездки, она принимала предложение руки и сердца Анатоля. Знать, судьба верно хочет развести их с князем. Знать, и вправду разные у них дороги в этой жизни, и им не суждено быть вместе, как бы страстно они оба не хотели этого. Ведь получи она это письмо до разговора с графом Ворониным, она бы согласилась ждать и отвергла бы Анатоля, несмотря на все требования и угрозы матери. Потому что, не стоит отрицать очевидного — слаба она в своей любви к Загорскому, и все решения ее относительно разрыва с князем недолговечны и нетверды. Знать, необходимо было, чтобы Воронин сделал предложение ранее, а это письмо запоздало с почтовыми.

— Судьба... — прошептала Марина и резкими движениями порвала письмо князя на мелкие кусочки. Ей не хотелось оставлять его у себя, как напоминание о том, что могло бы быть, но так и не сложилось. — Судьба моя такая...

Она бросила кусочки бумаги при выходе из беседки под куст сирени и быстрым шагом, не оглядываясь, пошла к дому. Письмо матери она решила прочитать позднее, после ужина. Ничего нового оно содержать не могло. Лишь радостные слова о грядущем браке да жалобы на жизнь и сестер, а лишнего напоминания о своей помолвке Марина видеть не хотела.

За ужином Марина была молчалива. Она слушала разговор четы Арсеньевых вполуха, не

особо вникая в их слова, что не могло не насторожить Юленьку. За десертом она вдруг повернулась к Марине и сказала:

— Paul получил письмо из Петербурга с вестями о нашем общем знакомом.

— Действительно? — переспросила подруга. — О котором? У нас множество общих знакомых.

— О Загорском. Бедняга переведен из Петербурга в какой-то уездный полк, — словно не замечая недовольного взгляда супруга, продолжила Юленька. Она смотрела за ответной реакцией Марины на ее слова. Та же даже бровью не повела — она уже знала о случившемся из письма, но сообщать об этом не желала даже подруге.

— Переведен, значит, было за что, — вставил реплику Арсеньев. — Не бывает наказания без вины.

— А за что его перевели, Павел Григорьевич? — вдруг встрепенулась Марина, словно очнувшись от полусна, в котором пребывала в течение всего ужина. — Что за вина?

Арсеньев насупился недовольный самим собой. Ну, кто тянул его за язык? Он глотнул вина, надеясь, что своим молчанием даст понять, что вопрос неуместен, но судя по выжидательным взглядам Марины и Юленьки, так и буравившим его, уйти от ответа ему не удастся никак. Павел смирился с поражением и отставил в сторону бокал.

— Подробностей я не знаю, да и не для дамских ушей они, — недовольно буркнул он. — Вечер вашей с ним размолвки, Марина Александровна, князь продолжил в питейном заведении и малость перебрал. А выпитое, оно всегда, знаете ли, тянет на приключения. А император наш не особо любит, когда гвардейцы его полка куролесят так, что после их забав жалобы сыпятся, как из рога изобилия. Вот и наказал согласно уставу.

Арсеньев замолчал, всем своим видом давая понять, что более ничего не скажет.

— Я заметила, что у князя что-то было не так с плечом давеча на гоне, — сказала Жюли. — Знать, не простой был загул, раз было повреждено оно.

— Жюли! — одернул ее Арсеньев. — Не пристало даме обсуждать такие вещи.

— Я уже не юная дева, мой друг, — ответила ему жена. — Я свободна наедине с вами и моей ближайшей подругой на любые действия и слова.

Арсеньев коротко пожал плечами, словно давая понять, что не намерен далее продолжать разговор в таком тоне. Он принялся молча доедать свой кусок вишневого пирога.

— Значит, была дуэль, — спустя минуту не то вопросительно, не то утвердительно произнесла Юленька в наступившей тишине. Арсеньев в раздражении бросил вилку. Она пронзительно звякнула о тарелку, и этот резкий звук заставил остальных сидящих за столом вздрогнуть от неожиданности.

— Помилуй Бог, как ты любопытна! Да уж то это твое дело, Жюли? — вспыхнул он. — Уверен, ты легко сможешь узнать это из столичных сплетен, которые всенепременно коснутся и нашей провинции.

Юленька обиженно поджала губы. Марина, заметив, что ее глаза подозрительно заблестели от навернувшихся слез, поспешила разрядить накалившуюся атмосферу:

— Ах, Павел Григорьевич, простите вашей супруге ее интерес к этому делу. Она всегда отличалась неумным любопытством ко всему, что происходило в ее ближайшем окружении. К тому же, мы все озабочены судьбой Сергея Кирилловича.

Арсеньев хмуро взглянул на нее, и Марина поняла, как сильно он недоволен сложившейся вокруг Загорского ситуации. В его глазах легко читалось беспокойство и

какая-то напряженность.

— Простите и вы меня за мою вспыльчивость, Марина Александровна, и ты, *ma chérie*. Я обеспокоен весьма тем, что произошло. Конечно, Загорский сам виноват в этом, но суть от этого не меняется — наказание уже вынесено, и князь обязан покинуть столицу. Он переведен в Нижегородский полк.

— Ну, это уж не так далеко, — с явным облегчением, сама того не желая, выдохнула Марина.

— Вы думаете, он переведен в Нижегородскую губернию? — невесело усмехнулся Арсеньев. — Вы ошибаетесь, Марина Александровна. Серж едет на Кавказ. Именно там квартирует сейчас его новый полк.

— Кавказ? — похолодела Марина. — Ведь там же... там же...

— Война? Да, вы правы, там мы ведем военную кампанию. Но, прошу вас, успокойтесь, — поспешил продолжить Павел. — Несмотря на то, что де юре там идет война, де факто там спокойно уже несколько лет после последнего похода против сил имама. Не зря сам Его Императорское Величество планирует посетить сей край по осени, как говорил давеча Анатолий.

Нет, заныло вдруг сердце Марины в груди, все, конечно, хорошо звучит, но откуда же к ней придет дурная весть, как не с места военных действий. Неужели цыганка не ошиблась? Неужели Загорского ждет гибель от руки какого-нибудь горца в том краю?

— Вам дурно? — проговорил Павел, заметив ее неестественную бледность, разливавшуюся по ее лицу.

— Нет, благодарю вас, — еле слышно произнесла Марина. — Просто на мгновение голова пошла кругом. Нынче был такой знойный день, в доме духота...

Юленька поднялась с места и, обойдя стол, подошла к подруге и предложила той руку.

— Пойдем в сад, *ma chérie*, там посвежее. Прости нас, Paul.

С этими словами он увлекла бледную Марину в сад, где усадила ту на ближайшую к дому скамью под сенью яблонь.

— Что с тобой, милая? Что ты так бледна?

— Ах, Жюли, как это может быть? Ссылка на Кавказ. Кавказ! Ты понимаешь, что это означает?!

— Я понимаю, что ты сейчас в панике, Мари, но подумай — разве Paul не объяснил тебе, что там нынче не так опасно? Что горцы признали поражение, и, может быть, скоро конец этой войне?

— Нет, — возразила ей Марина. — Ты не понимаешь! Разве не напророчили ли мне скорую смерть в моем окружении? Разве нет?

— О Боже, прекрати немедленно! Не гневи Господа своими словами! — разозлилась Жюли. — Разве не знаешь ты, как опасно говорить дурное? Оно, словно, так и норовит сбыться. Так что мой тебе наказ — не думай об этом. Гони от себя эти мысли из головы, гони прочь!

Марина тяжело вздохнула и опустила лицо в ладони.

— Мы с ним даже не попрощались перед его отъездом. А расстались и уж вовсе из рук вон плохо. Как же так? Как же так?

Весь следующий день Марина ходила, словно в воду опущенная. У нее не было аппетита, а тело стало таким тяжелым, что ей то и дело хотелось прилечь и не подниматься более. Она отказалась следующим утром ехать на службу в церковь, что вызвало недоумение

у подружки и няни — Марина хоть и не была очень набожной, как некоторые молодые девушки ее окружения, но службы посещала исправно. Арсеньевы уехали одни, а по возвращении Юленька тотчас прошла в спальню к девушке.

— Что с тобой, *ma chérie ami*? Ты не больна, часом? Может, на солнце перегрелась давеча?

— Нет, Жюли, я здорова. Просто слегка устала, — Марина лежала в постели одетая, словно собиралась выйти, да силы покинули ее прямо на пороге комнаты.

— Что тебя гложет, милая? Откройся мне, — Юленька присела на край постели рядом с подругой и легко погладила ту по волосам. — Что столь тяготит тебя? Возвращение в Петербург в качестве нареченной Воронина? Или отъезд Загорского?

— Ах, Юленька, и то, и другое, — со вздохом призналась Марина. — Хотя тяжелее на душе все-таки становится при мысли о Сергее Кирилловиче. Я ведь так разговаривала с ним в тот последний день, так оскорбляла его. Я наслаждалась моментом, что он смиренно просит меня о взаимности, а я раз за разом отвергаю его. Сколько времени я мечтала об этом миге, когда была в Ольховке! Сколько раз представляла его на коленях пред собой! И вот это свершилось. Сергей Кириллович признавался в своих чувствах, а я отвергла его. Но почему тогда нет удовлетворения в душе? Я думала, мне будет приятно, что он прочувствовал все то, что чувствовала я, получив тогда, несколько лет назад, его письмо... А мне тяжело... тяжело! — она присела на кровати. Слезы градом покатались по ее лицу. — А как подумаю... как представлю, что ему сообщат о том, что я... что мы с Анатолом Михайловичем помолвлены... Его друг и любимая! Как больно ему будет! Мне бы радоваться, я же хотела этого. А я плачу. Плачу!

Юленька привлекла к себе подругу и крепко обняла ее, позволяя выплакать ее горе на своем плече.

— Ах, милая, как ты закрутила все! — тихо проговорила она. — Как запуталась сама, и запутала остальных... Разве хорошо это? Как же помочь тебе разобраться?

Спустя некоторое время Марина прекратила плакать и, выпив предложенных Юленькой успокоительных капель, уснула. Женщина укрыла подругу легким шелковым покрывалом и направилась к двери. У выхода из комнаты она обернулась и посмотрела на спящую.

— И вправду, — прошептала она. — Нет мук более горьких, чем мы создаем себе сами.

Юленька нашла своего супруга сидящим на летней веранде и читающим письмо. Лоб его был нахмурен, посему женщина решила, что вести не особо приятные для читателя. Она присела на ручку кресла, в котором сидел супруг, и ласково провела ладонью по его щеке.

— Дурные вести, милый? — спросила она.

Арсеньев ничего не ответил. Лишь передал ей письмо, а сам поставил руки на стол перед собой и сплел пальцы, в задумчивости устремив взгляд в никуда.

Юленька быстро прочитала написанное и счастливо улыбнулась.

— Ах, Боже мой, *mon cher*! Неужто....?!

— Именно, — коротко бросил ее супруг. — Какой-то водевиль получается. Что мне теперь делать, душа моя? Отказать? Согласиться? Я словно меж двух огней — куда не пойдешь, везде обожжешься непременно. Помощь одному — предательство другого. Я не желаю делать такой выбор, но судьба... Куда убежать от судьбы?

Юленька опустилась перед супругом на колени и нашла глазами его взгляд. Он явно был расстроен тем, свидетелем чего ему приходится невольно стать. Она взяла лицо мужа в ладони и потерлась носом о его кончик его носа. Потом ласково прикоснулась губами к его

губам и прошептала, отстраняясь:

— Все решено за нас с тобой, милый, свыше и давно уже. Еще несколько лет назад. Мы не в силах противиться судьбе. Так давай поможем ей, сделаем то, что от нас требуется.

— Я потеряю друга, — возразил ей Арсеньев.

— Нет, не думаю. Он поймет, я уверена. Не сразу, разумеется, со временем, но поймет. А поймет, значит, простит. И потом — ты всегда можешь сослаться на то, что я тебя принудила, ведь я тоже далеко не последнее лицо в этой истории, — со смехом закончила она, подошла к столу и позвонила в колокольчик, призывая кого-нибудь из дворни. — Ты напишешь сейчас ответ, что согласен протянуть свою руку помощи, как преданный друг. И ни слова до поры Марине. Не стоит ей говорить раньше времени, она и так наломала уже порядочно дров. Я ее знаю — опять может учудить что-нибудь, побуждаемая исключительно добрыми намерениями, — Юленька взглянула еще раз на письмо и улыбнулась. — Ах, c'est si romantique, mon cher! Si romantique! [\[54\]](#)

Загорский снова прошелся от яблони к ограде, покусывая травинку во рту. Затем у самой ограды он в который раз развернулся, чтобы вернуться к этой дичке, выросшей тут без какого-либо ухода человеческих рук, и плоды которой сейчас с таким аппетитом грыз стоявший подле Кулагин.

— Который сейчас час? — спросил он у приятеля.

— Прибавь четверть часа к тому, что я называл тебе недавно, — вяло откликнулся тот. — Господи Боже, если бы я не знал тебя, решил, что ты сейчас почти в горячке.

Загорский резко повернулся к нему.

— Ах, прекрати есть это недоразумение! Это и яблоком-то назвать нельзя — лишь зачаток. Умучаешься животом потом.

— Главное, что не во время нашего дела, — деловито заметил второй полковой товарищ Загорского, поручик Донцев. — Иначе случится конфуз.

Загорский метнул на него сердитый взгляд. Донцев пожал плечами и замолчал. Кулагин, усмехаясь, продолжил опустошать дикую яблоню.

Конечно, они оба могут быть спокойны, ведь это не им предстоит сегодня пойти наперекор своим принципам, выработанным годами. Загорский снова развернулся и пустился в привычный уже путь к деревянной ограде.

Почему так долго? Они уже давно должны быть на месте. Неужели не сложилось? Неужели она опять выкинула коленце?

Нельзя было сказать, что князь встретил известие о собственной ссылке на Кавказ спокойно, несмотря на то, что ни один мускул не дрогнул на его лице, пока командир полка зачитывал указ государя. В его мозгу бешено носились мысли о том, что Марина может окончательно охладеть к нему за это время, что он проведет вне Петербурга. И лишь потом он подумал, как зол будет дед, узнав о произошедшем.

Он намеревался завернуть в Киреевку для последнего перед ссылкой объяснения с Мариной, хоть это и было не по пути, но словно прочитав его мысли, командир полка потребовал его слова чести направиться напрямиком к месту назначения.

— Государь и так гневается на вас, поручик. Не испытывайте судьбу более. Служите без нареканий, и я уверен, по прошествии полугода вы сможете подать прошение о пересмотре срока вашего пребывания в Нижегородском полку.

Год на Кавказе. Целый год вдали от нее. Этот срок сводил его с ума — многое могло случиться за двенадцать месяцев. Даже дети вынашиваются за это время.

К большому удивлению Сергея, дед не ждал его на квартире, как предполагал Загорский, и даже не прислал записки. Словно, ему уже было абсолютно все равно, что происходит в жизни его внука, как решил Загорский, и эта мысль разозлила его донельзя в довершении ко всему, что мучило его все это время.

Загорский быстро написал письма Марине, Арсеньеву и — после долгих размышлений — Воронину. Деду он не стал писать ни строчки принципиально, презрев все правила приличия и родственных отношений. Раз старый князь был слишком занят, чтобы хоть как-то отреагировать на этот неприятный случай с его внуком, Загорский не будет отвлекать его по столь ничтожному для старика поводу.

Но дед не забыл про него.

Загорский вспомнил, с каким тревожным сердцем разворачивал письмо, догнавшее его спустя почти два дня его пути к месту дислокации полка. Письмо было от деда, он сразу же узнал его почерк. Человек, привезший его, устал и почти загнал свою лошадь, значит, дед приказал ему доставить письмо как можно скорее.

Сердце билось, как бешеное, перегоняя кровь по венам. Старик не мог прислать хороших вестей. Значит, Сергею стоит готовить себя к худшему. Но таких новостей он явно не ожидал увидеть.

«Мой дражайший внук,

С превеликой моей радостью сообщаю тебе, что я вынужден изменить своим привычкам и нарушить свое уединение в эту прекрасную летнюю пору, дабы почтить присутствием торжество, устраиваемое по случаю обручения его сиятельства графа Воронина Анатоля Михайловича и некоей полячки, которая добилась-таки своего и получит графскую диадему на свою белокурую головку. Обещаю, что непременно принесу свои поздравления от всей нашей семьи, будь покоен на этот счет.

Весьма сожалею, что твой неумный темперамент снова завлек тебя туда, куда ты мог бы и не попасть, следуя разуму, данному тебе природой и моим любимым сыном, а не твоим многочисленным порокам. Завещаю тебе поступать отныне, как истинный Загорский, а не беспечно подчиняться порочным склонностям. Поступай по совести и сердцу.

Князь Матвей Сергеевич Загорский».

Сергей почувствовал, как кровь отхлынула от его лица, и задрожали руки.

Нет, это не может быть правдой! Не так скоро... так беспечно... Разумеется, Загорский предполагал, что те слова, сказанные тогда на поляне, были говорены от разума, но он даже не смел подумать, как быстро Марина решится на задуманное.

Он-то надеялся, что у него есть время, но она переиграла его. Черт! Он не может. Нет, не так. Он не должен быть побежденным в их игре. Он всегда выигрывал в своих партиях. Обязан выиграть и на этот раз.

— Шах, — прошептали его губы еле слышно. — Но не мат... Нет, еще не мат, дорогая.

Загорский смял бумагу в кулаке и с размаху ударил им о стену почтовой станции. Степан, проверявший в это время копыта коня хозяина, вздрогнул от неожиданности и поднял глаза на князя.

— Плохие вести, барин? — спросил денщик.

— Наихудшайшие, Степан, — процедил Загорский. Он разжал руку и бросил на землю письмо, словно оно жгло ему руку. — Такие худые, что даже не знаю, что и делать теперь.

— Его сиятельство сильно гневается? — Степан с малого детства ходил дядькой за Загорским, потому меж них не было тайн. Был он осведомлен и о натянутых отношениях между внуком и дедом, посему весьма был озабочен выражением лица своего хозяина. А что, если старый князь лишил внука содержания из-за того, что произошло давеча, из-за этой ссылки? Каково-то им придется с барином жить только на офицерский оклад. Степану-то ничего — он к лишениям-то привыкший, а вот барин-то...

— Нет, судя по всему, он даже доволен сложившимся положением, — холодно сказал Загорский. — С глаз долой, и голова не болит более...

Он прошел до своего коня и уткнулся лицом в его гриву, медленно поглаживая тому шею. Степан хорошо знал своего барина и понял, что тот сейчас собирается с мыслями, и лучше его не беспокоить. Поэтому он только вздохнул и прошел в станцию проверить, готова ли комната для ночлега его хозяина, и нет ли в ней клопов — Загорский люто ненавидел

насекомых, коими обычно кишели постели для постоя.

Эта на удивление оказалась чистой, что объяснялось домовитостью жены почтового смотрителя, что уже разогрела самовар и сейчас спешно накрывала на стол. Справная баба, решил Степан, усмехаясь в усы, наблюдая, как она суетится из кухни к столу. Сразу поняла, что гость не обычный офицер, и скупиться не станет.

— Степан, Быстрый очень устал? — вдруг отвлек Загорский своего денщика от мыслей, в которых тот уже с наслаждением хлебал горячие щи. — Можем ли мы двинуться в путь немедленно?

— Бог с вами, барин, куда на ночь глядя? — изумился Степан. — Да и Быстрому-то отдохнуть надо, и нам — дорога-то совсем измотала.

— Мне нужно возвращаться, — отрезал князь и сел на лавку рядом, задумчиво уставившись на кушанья на столе, словно не видя их.

— Куда? Скоро стемнеет, — отговаривал денщик хозяина, но по его упрямо сжатым губам уже понял, что это бесполезное занятие. — Как поедете-то? Коню отдых нужен. Я-то что, я на почтовой могу. А рысак-то ваш захромает, вот вам крест!

— Вот потому и поедешь завтра поутру за мной на Быстром, — решительно сказал Загорский. — Я же почтовую возьму и поеду немедленно. Воротаюсь обратно, в Киреевку еду.

— Да вы что, барин, нам ехать надо! Еще навлечете на себя опять гнев государев! Побойтесь...

— Не боюсь никого! — вдруг вскочил Загорский на ноги и засмеялся. Как-то жутко звучал этот смех, что у Степана даже мурашки побежали по спине. — Ворочусь, и никто меня не остановит. Слышишь, никто! Дело сделаю и поеду в полк. А не возвращаться в Киреевку мне сейчас нельзя. Никак нельзя! Смотритель! Лошадь есть? Седлай мне самук спору!

— Куда вы в ночь-то, барин? Да еще один? — взмолился Степан и схватил Загорского за руку. — Шею свернете по темноте-то. А вдруг и люди лихие...

— Брось, Степан, не позорь меня своим нытьем! — резко осадил его князь. — Я еду, и этим все сказано. Не переживай, поеду аккуратно. А что до людей лихих, то сабля да мои серебряные всегда со мной, — Загорский похлопал по сумке, где лежали его дуэльные пистолеты.

Он выехал тогда в ночь и скакал, как безумный, от станции к станции, где деньги да его имя позволяли быстро менять лошадей, не задерживаясь в пути. Это позволило ему за ночь и часть дня покрыть путь, что они проделали со Степаном до той станции, где нашло его дедово письмо. Он еле держался в седле к концу своего путешествия, но мысль, что сидела в голове князя, пришедшая к нему тогда на почтовой станции, давала дополнительные силы.

Загорский остановился в небольшом трактире в трех часах езды до уезда, к которому относилась Киреевка. Он снял комнату на два дня, за которые надеялся решить эту столь неожиданно возникшую проблему в его пользу.

Только в его пользу! Он не может быть проигравшим! Ни за что на свете!

В тот первый же день Загорский разослал несколько писем и с нетерпением ждал ответов на них. Именно от этих писем зависел исход его замысла. Он всей душой надеялся на положительные результаты. Только их он ждал.

На следующий день Загорский получил то, что так страстно желал — все участники, которым в его затее отводилась определенная роль, согласились принять участие в ней. К вечеру двое из них уже были у него в трактире. С остальными он надеялся встретиться на

месте, найти и договориться о котором у него ушел почти весь минувший день.

— Ба, Загорский! — басил в его комнате Кулагин. — Не ожидал от вас подобного шага. Уж от кого угодно, но не от вас.

— Я такой же человек, как остальные, — отвечал тому князь, салютуя бокалом. — Я так же подвержен человеческим страстям.

Они пили всю ночь до утра — князь и два его товарища, Кулагин и Донцев. При мысли о том, что произойдет завтра днем, Загорскому хотелось захмелеть да так, чтобы языка не вязать, но вино почему-то не пьянило его. Страх, глодавший его душу, да оголенные нервы забирали весь хмель на себя.

Почему он так страшится завтрашнего дня? Он, сердце которого никогда ранее не дрогло ни в каких-либо сентиментальных ситуациях. Он, который ни во что не ставил чувства между мужчиной и женщиной, а узы меж ними считал вечным и тяжелым ярмом.

— Что ж, жребий брошен, — прошептал он, когда первые лучи солнца проникли сквозь оконное стекло.

Назад пути нет. Как бы ни вопила его совесть, Загорский сделает то, что запланировал, не будь он Сергеем Загорским, главным шалопаем из всех гвардейских шалопаев.

— Для тебя, дед, — отсалютовал князь в сторону окна и с силой бросил бокал об пол, перепугав еще толком не проснувшихся товарищей. И глядя на многочисленные осколки стекла, привычно улыбнулся им уголком рта. — На счастье, господа!

И вот теперь, он стоит тут, у этой деревянной церквушки, а его руки дрожат так, как не дрожали во время того боя с горцами, за который он получил своего «Георгия».

— Барин, уж насилу вас нашел, — к Загорскому спешил со всех ног его верный Степан, ведя на поводу его славного вороного. — Был в трахтире, но там отправили сюда. Сказали, вы в церковь поехали...

Загорский молча смотрел, как его денщик спешивается и быстрым движением крестится, повернувшись лицом к куполам церквушки. Затем тот обернулся к князю:

— Пошто мы тут? Служба-то давно кончилась. Когда в путь-то двинемся, барин? Ведь накажут же.. ой, накажут...

— Не стони, Степан, — с улыбкой проговорил Кулагин, поедая очередное подобие яблока. — Лучше поздравь барина. Твой барин нынче венчается. Разумеется, при условии, что дама будет согласна.

Степан взглянул опасливо на Загорского:

— Как же это, барин? Без благословения под венец? Как же?

Загорский взглянул на него тем самым взглядом, что ранее сразу же остановил бы Степана и заставил его замолчать, но фигура в сутане, появившаяся на крыльце церкви, ошеломила его:

— Это как же... Это же... Барин, вы же... Так же нельзя. Не по-людски это...

— Цыц! — шикнул на него Загорский. Он вдруг замер и посмотрел на приближающуюся к ним по дороге коляску. — Умолкни, и чтобы я тебя не слышал более!

Из остановившейся в небольшом отдалении от церковной ограды вышли трое: мужчина и две женщины. Пристальное внимание Загорского было приковано лишь к одной из них — стройной блондинке в легком летнем платье, придерживающую одной рукой шляпку, оглядывающуюся вокруг.

— Барышня Ольховская... — каким-то странным тоном произнес Степан, заметив новоприбывших, то ли с горечью, то ли с недоумением в голосе.

Это действительно была Марина. Она приехала сюда вместе с Арсеньевыми и сейчас с удивлением оглядывалась, силясь понять, почему они приехали на прогулку именно в это место, к этой деревянной церквушке, стоявшей в небольшом отдалении от них в окружении диких яблонь и колючего кустарника боярышника.

Под действием успокоительных капель Марина проспала давеча целые сутки. Из-за этого наутро этого дня она поднялась довольно рано, едва успело взойти солнце.

— Ах, сердэнько мое, — суетилась вокруг нее нянечка, подавая ей в постель поднос с завтраком. — Как же долгонько ты почивала. Целый день. Я уж беспокоиться стала, здорова ли ты, нет ли жара.

— Все хорошо, Гнеша, — успокоила ее Марина. — Я просто устала за последние дни. К тому же в деревне у меня всегда крепкий и долгий сон.

— Ну, на то и деревня, — согласилась с ней нянюшка. — Не то, что Петербурх. Одна пылица да духота и вонь. Да, милочка моя, запомятовала совсем — Юлия Лексеевна просили сообщить, когда встанешь ты.

— Зачем? — удивилась Марина. Вроде бы не было запланировано у них на это воскресенье ни поездок, ни прогулок никаких. К чему это она понадобилась Юленьке да еще с самого утра?

— А я почем знаю? — удивилась Агнешка. — Мне велено сообщить, а уж зачем, то только она ведаёт да Боженька.

Вскоре Марина узнала причину, по которой ее хотела видеть поутру подруга. Та вошла в ее комнату сразу же, как ей передала одна из дворовых девок, что Марина уже проснулась и завтракает у себя.

— С добрым утром, соня, — улыбнулась Юленька подруге и опустилась на край кровати. — Так всю жизнь проспать можно.

— Да что уж тебе, — отмахнулась Марина, отпивая из чашки горячий ароматный чай, настоящий на ромашке (для спокойных нервов, как сказала Гнеша). — Скажешь тоже — всю жизнь.

— Ну, всю не всю, а главное событие точно можно пропустить, — загадочно улыбнулась подруга. Затем она взяла с тарелки Марины сдобу и с явным удовольствием укусила кусок. — Собирайся, *ma chérie*. Мой супруг запланировал для нас нынче прогулку, причем далеко — в соседний уезд.

— Зачем? — удивилась Марина. — Едем кому-то в гости?

— Можно сказать и так, — улыбнулась Жюли. — Собирайся, милая. Да поскорее.

Она поднялась и прошла к платьям Марины, висевшим на ширме. Немного подумав, она извлекла из этого вороха кисеи и батиста одно — белое с ворохом кружев по вороту.

— Надень нынче вот это, — Юленька передала платье Агнешке. — Оно всегда мне нравилось. Ты в нем такая юная, такая хорошенькая. Словно дева из наших налюбимейших романов.

Она снова улыбнулась своим мыслям, затем повернулась к подруге.

— У тебя час на сборы, *ma chérie*. Путь неблизкий. Хотелось бы тронуться до жары.

Почти весь путь до этой церквушки в коляске Арсеньевых сохранялось напряженное молчание. Марина явственно осязала неким шестым чувством, что происходит что-то, участницей чего она непосредственно является, но угадать, что именно так и не могла, как не ломала голову.

Арсеньев был явно не в духе. Он то и дело косился на Марину, потом словно собирался

ей сказать пару слов, но, натолкнувшись на взгляд Юленьки, отворачивался и смотрел на поля и луга, которые они проезжали. Его супруга напротив то и дело кривила губы, словно ей очень хотелось во весь рот улыбнуться, но она стеснялась окружающих и сдерживала себя. Марина не могла понять причину их столь странного поведения, как ни силилась ее угадать.

— Марина Александровна, — вдруг нарушил молчание Арсеньев, вырвав Марину из ее раздумий. — Я заранее прошу у вас прощения, что мы подстроили это... это действо. Жюли заверила меня, что мы просто обязаны сделать это, помочь вам, вашему счастью...

Павел внезапно подошел к недоумевающей девушке и взял в свои руки ее ладонь.

— Если вам не по душе будет то, что вы сейчас увидите... то, что вам предложат, вы тотчас подадите мне знак, и я увезу вас отсюда, невзирая ни что и ни на кого. Я даю вам слово. Один только знак, и мы покинем это место.

Растерянная Марина кивнула в ответ. Она перевела взгляд на Жюли, в надежде понять в ее глазах, что происходит здесь в данный момент, но та напряженно смотрела в сторону церкви, так сильно стиснув ручку кружевного ридикюля, что у нее побелели костяшки пальцев.

Марина тоже взглянула на церковь, словно именно там ей и следовало искать причину странного поведения Арсеньевых, и внезапно поняла, что так и есть, заметив фигуру мужчины, идущего к ним. Этого мужчину она никогда не перепутала бы ни с кем другим. Именно он так часто являлся к ней в снах, в ее грезах и бесконечных фантазиях о любви, что она отыскала бы его взглядом даже в толчее.

Загорский (а это был именно он) поприветствовал без лишних слов Арсеньевых, а затем повернулся к Марине, едва дышавшей от сильного волнения, сдавившего ей грудь.

— Марина Александровна, дозволейте поговорить с вами. Я бы очень хотел, чтобы вы выслушали меня, ибо мне на этот раз есть, что сказать вам.

Марина перевела взгляд на Жюли — та ей кивнула, несмело улыбаясь, затем взглянула на Арсеньева, стоявшего подле в явном напряжении.

— Если на это есть ваше желание, то я бы хотел, чтобы вы выслушали Сержа, — хмурясь, сказал тот и быстро добавил. — Помните, всего лишь один знак...

Марина, не в силах даже взглянуть на князя, чтобы он не смог прочитать в ее глазах того смутения, в котором пребывала сейчас ее душа, и той нелепой радости, что вспыхнула в ее сердце едва она увидела его, быстро кивнула в знак согласия и неспешным шагом двинулась прочь от Арсеньевых. Она прямо-таки спиной чувствовала на себе взгляд Загорского, прожигающий ее насквозь, и ей было неловко от собственной реакции на его появление.

Внезапно она развернулась, посчитав, что они достаточно удалились от посторонних ушей, но не скрылись с глаз ее попечителей, и едва не упала, совершив столь резкий маневр для ее юбок. Загорский, шедший следом, успел подхватить ее за локоть и удержать от позорного падения. Этот вполне невинный жест просто бросил Марину в жар.

Простое прикосновение. Ничего не более. Но ее сердце бьется так, словно она битый час играла в салки с деревенскими детьми.

Марина отпрянула от князя так далеко, как было возможно в этой ситуации. Она не должна чувствовать такого по отношению к мужчине. Это столь непозволительно для нее, давшей слово совсем другому человеку.

— Что вам угодно, сударь? — холодно начала она. — К чему эти тайные свидания да разговоры? Да еще, помнится, вы должны быть совсем в другом месте.

— Должен, — согласился с ней Загорский, слегка прищутив глаза, словно стремясь скрыть их выражение от своего визави. — Но как видите, я здесь, перед вами. Да и где мне прикажете быть, когда вы, сударыня, признавшись мне в своих чувствах, в тот же день принимаете предложение другого! Я не поверил своим глазам, когда прочитал о вашей спешной помолвке.

— И вовсе она неспешная! — слегка повысила голос Марина, мгновенно потеряв над собой контроль, услышав его обвинения в свой адрес.

— Неспешная? Я готов биться об заклад, что вы, сударыня, назначили бы венчание на месяц до моего возвращения из ссылки. Разве нет? Разве мысль об этом не приходила в вашу очаровательную головку? А! Вы краснеете, значит, все-таки приходила. Зачем вы приняли его предложение?

— Позвольте, по какому праву вы задаете мне подобные вопросы?! — возмутилась Марина.

— Отвечайте на вопрос. Вы не любите его, я знаю это. Тогда что? Деньги, титул? Разумеется, — с горечью в голосе проговорил Загорский. — Он довольно выгодная партия. Уверен, ваша маменька довольна вами и уже успела письменно заверить вас, как она счастлива, что у нее такая благоразумная дочь.

Он замолчал, словно не желая продолжать разговор. Молчала и Марина. Тон его голоса, эта горечь и боль, звучавшие в нем, пронзили ее душу. Она даже и предположить не могла, что князь будет так задет случившимся, что это так тронет его душу.

Внезапно Загорский взял девушку за руку и опустился на одно колено перед ней, что удивило ее донельзя.

— Ах, что вы делаете, Сергей Кириллович, — прошептала она растерянно.

— Как что? Опускаюсь перед вами на колени, милая Марина Александровна. Разве не так поступают герои в романах, что вы читали? — спросил он ее с улыбкой на губах.

— Зачем? Зачем вам это? Ах, не шутите со мной так!

— Милая Марина Александровна, — уже без улыбки продолжил Загорский, глядя на нее снизу вверх. — Я делаю это, потому что не поступи я так, вы станете женой другого, не успею я даже воротиться из моего невольного удаления от вас. Не сделай это, то другой займет место подле вас, предназначенное мне самой судьбой.

Я люблю вас, Марина Александровна. Впервые за последние годы эти слова так легко слетают с моих губ, ибо идут они от сердца. Я делаю это, чтобы удержать вас от этого неразумного поступка, который вы совершаете в первую очередь наперекор мне и своим чувствам. Разве не вы признались мне несколько дней назад, что свое счастье вы видите только во мне и ни в ком ином? Вы тогда еще сказали, что хотите видеть во мне не только своего возлюбленного, но и супруга, и только это дает мне надежду, что этот мой поступок найдет отклик в вашем сердце. Я на коленях у ваших ног, милая Марина Александровна, и смиренно жду вашего ответа на вопрос: вы станете моей женой?

Маринино сердце вдруг резко ухнуло в груди куда-то вниз.

— Что вы сказали? — прошептала она.

— Я прошу вас составить мое счастье и оказать мне честь стать моей супругой. Да, я вынужден признать, что Анатоль будет для вас гораздо лучшим супругом, чем я, ибо к чему скрывать — мой нрав далеко не сахар. Я не уверен в том, что мой дед признает наш брак, а это означает, что я не могу предложить вам такое благосостояние, что положил к вашим ногам Анатоль. Я могу рассчитывать только на офицерское жалование да на доходы от

небольшого имения, что раньше принадлежало моей матери, а теперь мое по праву наследства. Да и доходное ли оно? Я не проверял состояние дел в нем уже несколько лет, предоставив это управляющему моего деда. Я не могу да и не хочу сделать карьеру при дворе, я не столь честолюбив, может, это мой минус, посему не могу обещать вам того участия в светской жизни, что вы могли бы получить по праву супруги флигель-адъютанта. Как видите, все, что могу положить к вашим ногам, лишь мое сердце и моя рука. Примите ли вы их, милая Марина Александровна?

Загорский замолчал и смотрел на ее лицо в ожидании ответа. Молчала и Марина. Она была столь ошеломлена происходящим, что потеряла дар речи в этот миг. Потом она медленно опустилась на колени и взяла его лицо в свои ладони.

— Ты хочешь, чтобы я стала твоей женой? — прошептала она.

— Всем сердцем, — ответил ей князь.

— Я стану ею.

Эти тихие слова заставили его почувствовать себя, словно в эйфории. Он и не подозревал, насколько был напряжен все это время, что говорил ей о своих чувствах и намерениях.

Загорский нежно прикоснулся губами к губам девушки и прошептал прямо в них:

— Тогда пошли со мной, и стань ею сейчас.

— Сейчас? — удивленно отпрянула Марина и посмотрела в его глаза. Ей казалось, что он опять пошутил, но выражение его глаз свидетельствовало об обратном.

— Мы рядом с церковью. У меня есть два свидетеля и согласие служителя обвенчать нас немедленно при твоем согласии, — сказал он. — Я не уверен, что, даже получив твое согласие на брак со мной, ты снова не переменишь решение, едва сообщишь об этой вести своей семье. Решайся, милая. Слишком много препон будет меж нами, промедли мы сейчас с браком. Мой дед, твоя семья, твой долг...

— Но как же, вот так — без благословения? — прошептала Марина.

— Само провидение благословляет нас, милая. Разве тебе этого недостаточно? Да и потом — я не уверен, что твоя маменька благословит нас на брак. Анатолий для нее уж куда лучше партия для тебя, чем я. Что ты решишь, милая? Я весь твой сейчас. Только от тебя зависит, как мы поступим далее.

Марина на мгновение задумалась. Да, Сергей прав — ее мать никогда не даст благословения на этот брак. Да и его дед тоже, судя по тому, что ей известно о старом князе. К тому же совсем неизвестно, что случится за это время, что они проведут в разлуке, а она была так долга.

— Пойдем, — протянула ему свою руку Марина. — Я согласна.

Загорский подскочил на ноги и, подняв девушку с земли, крепко и страстно поцеловал, словно печатью закрепляя ее слова на устах.

Мат. Партия окончена.

Их обвенчали спустя пару часов после их кратких исповедей служителю этой небольшой деревенской церквушки.

Марина сразу расположилась к этому пожилому человеку, хотя ей было трудно менять исповедников при переездах — ей всегда было тяжело открыться душой и помыслами другому, совершенно незнакомому ей человеку. Тут же это произошло словно по маслу. Может, сказалось некая эйфория от предвкушения того момента, когда она станет женой любимого человека. Единственный момент, где она запнулась в своем откровении, был эпизод у беседки — этот странный поцелуй с Анатолем.

— Не думай об этом более, дочь моя, — успокоил ее священник. — Если в сердце у тебя тот, с кем собираешься под венец идти, то забудь об этом и не поддавайся этому искушению более. Иногда тело наше поступает вразрез с желаниями и помыслами души и сердца наших. Разум должен сдерживать эти порывы.

Посему Марина решила вычеркнуть из памяти этот момент и с легким сердцем вступить в ту новую жизнь, что ее ждала после таинства. Какая-то странная светлая радость переполняла ее душу в предвкушении обряда, и даже тот факт, что Арсеньевы не будут присутствовать на нем лишь на короткий миг смог омрачить ее настроение.

— Почему? — спросила она в недоумении. — Я всегда хотела, чтобы Жюли разделила со мной этот момент.

— Это невозможно, милая, — ответил ей Загорский. — Мы нарушаем многие правила и государеву волю, к тому же я должен быть совершенно в другом месте. Не уверен, что Его величество будет доволен фактом, что дворянин, которого он выслал из Петербурга, увел невесту почти из-под венца у его флигель-адъютанта. Посему не стоит впутывать сюда наших друзей. Чем меньше людей пострадают позднее, тем лучше.

— Мне очень отраднo это слышать от тебя, *ma chérie*, — добавила подруге Юленька. — Но так решили мужчины. Им виднее. Вот, возьми, — она протянула ей нечто белоснежное. — Я хочу, чтобы ты надела это на время таинства.

Марина развернула сверток и увидела, что именно Юленька предлагает ей — ее великолепные алансонские кружева, которые доставили той недавно из-за границы, предмет ее несказанной гордости светской модницы.

— О, это слишком дорогой подарок, Жюли! — попыталась возразить она, но та прервала ее:

— Нет, *ma chérie ami*, не отказывайся от него. Зря я, что ли весь вчерашний день кроила ее, — Жюли развернула сверток целиком, и Марина увидела белоснежную фату. — Я бы хотела, чтобы ты надела ее на венчание. У тебя нет фаты. Какое же венчание без фаты?

— Благодарю тебя, *ma bonne*, — обняла подругу растроганная ее подарком Марина со слезами на глазах. — Конечно, я надену ее. Поможешь закрепить?

Она сняла с волос шляпку и накинула на волосы мантилью. Жюли расправила складки и закрепила ее покрепче шпильками в волосах, чтобы не случилось никакого недоразумения во время обряда. Затем она отступила от Марины на шаг и внезапно ахнула:

— О Боже, Мари! Ты так красива! Настоящая невеста.

— Пойдем, милая, — позвал Марину Загорский, стоявший на ступенях церкви. — Пора.

— Иди, *ma chérie*, — подтолкнула подругу Жюли. — Иди и будь счастлива. Мы будем

ждать вас в имении, — она промокнула слезы платочком и быстрым движением перекрестила подругу. — Благослови тебя Господь, милая.

Венчание прошло для Марины как в волшебном сне. Вот они с Загорским вступают под руку в церковь, сопровождаемые друзьями. Вот священник благословляет сначала Сергея, а затем ее зажженными свечами и передает эти свечи им руки, как символ целомудрия и чистоты. Вот после молитвы священник берет с аналая кольца и надевает им на пальцы.

— ... Обручается раб Божий Сергей рабе Божией Марине...

— ....Обручается раба Божия Марина рабу Божиему Сергею...

Марина смотрела на лицо любимого в отблесках свечей, стараясь угадать в нем ту радость, то торжество, что сейчас переполняло ее. Отныне они обручены. Они стали единым целым, и ничто в этом мире не способно разъединить их.

Сергей поднял голову, когда одевал ей на палец кольцо, словно прочитав ее мысли, и улыбнулся ей той самой улыбкой, что так часто виделась ей во сне — полной любви и нежности.

— Я люблю тебя, — прошептал он ей одними губами, и она счастливо улыбнулась в ответ.

Священник положил их руки друг на друга, соединяя их навеки вместе — его руку на ее кисть. Сергей тотчас легко пожал ее ладонь, мол, я так же рад, как и ты, я рядом...

По своему рангу Загорский должен был венчаться далеко не в сельской церквушке, а псалмы и молебны при венчании должны были петь не только священник и дьячок, а великолепный хор певчих. Да венчаться они бы должны были в окружении большинства светского общества под их шепотки и улыбки, и не в запыленном мундире и простом батистовом платье, а в парадном мундире да в роскошном подвенечном наряде и ярко сверкающих драгоценностях.

Но пусть это венчание так отличалось от того, что их ждало бы. Они были рядом здесь и сейчас. Они соединялись перед Богом, и Марине было этого вполне достаточно. Она ни за какую пышность и яркость церемонии не променяла бы этот момент, когда она стояла под куполом этой небольшой церквушки, чувствуя на пальце тяжесть простого золотого ободка, а Загорский держал ее руку в своей ладони.

Марина чувствовала себя такой счастливой в эту минуту, когда священник осенил их крестом и поздравил с радостью благословения на супружество, что ей казалось, она светится, как свечка в полумраке церкви.

— Моя жена, — шепнул ей во время благодарственного молебна Загорский.

— Мой муж, — улыбнулась в ответ ему Марина.

Теперь они вместе и навсегда.

После венчания вся компания во главе с новоиспеченными молодоженами поехала в Киреевку, где их уже ждал накрытый стол в честь радостного события. На крыльце супругов встретили Арсеньевы и вся их немногочисленная дворня, толпившаяся во дворе в намерении увидеть молодых.

Жюли отступила в сторону и пропустила вперед себя Агнешку, которая держала в руках традиционный свадебный пирог. Заметно было, что та очень смущалась от отведенной ей роли, ведь по статусу ей не пристало стоять здесь и благословлять молодых. И зачем я поддалась на уговоры, ясно читалось в ее глазах.

— Я считаю, что твоя нянюшка должна заменить сейчас твою маменьку, ma chérie, и благословить тебя, — тихо сказала Жюли. — Несмотря ни на что.

— Разумеется, — вдруг улыбнулся Загорский, первым шагнул к растерянной женщине и, увлекая за собой Марину, опустился на колени перед ней на крыльце. Девушка последовала его примеру.

— Благослови вас Господь и Матка Боска, — просто сказала старушка и, осенив их крестом, передала им пирог. Загорский поднялся с колен и принял его из ее рук, словно хрупкую драгоценность, и, улыбнувшись, разломал пополам, протянув одну из половинок Марине, стоявшей рядом:

— В горести и радости.

— В болезни и здравии, — подтвердила она, принимая хлеб и кусая свою половинку.

Дворня, окружавшая их во дворе, вдруг дружно закричала-заголосила здравицы и принялась осыпать их хмелем, согласно незыблемой традиции деревенской свадьбы. Князь притянул к себе свою молодую жену и поцеловал ее под улюлюканье окружающих, смущая Марину донельзя — впервые она позволяла такое явное проявление чувств на глазах других. Спустя несколько мгновений она уже забыла обо всем на свете, ощущая только сладость его губ и жар в собственном теле.

— Жена моя, — шепнул ей тихо Сергей прямо в губы.

— Мой муж, — отозвалась Марина со счастливой улыбкой на устах.

Она на всю оставшуюся жизнь запомнила этот момент: улюлюканье и смех дворни, хмель, падающий им в волосы и лица, сладость поцелуя и эту странную нежность в его глазах.

За свадебным обедом Арсеньевы сообщили, что подготовили молодым флигель, стоявший немного вдали от основного дома, где они могут в тишине и спокойствии провести те три дня, что Загорский может выделить себе в качестве медового месяца.

— Только три дня? — заметно огорчилась Марина.

— Зато впереди нас ждет целая жизнь, — поднес ее руку к губам Сергей. — Ну, правда, с небольшим промежутком в год, что для меня равнозначен вечности. Милая, поверь мне, я бы остался с тобой навсегда, но не могу — долг офицера. Я и так уже презрел слово чести, данное моему командиру. Мне придется ехать после днем и ночью без остановок, чтобы успеть в полк к сроку.

— Возьми меня с собой, — вдруг попросила Марина.

— Мой Бог, я бы с радостью, но выдержишь ли ты такую скачку? Ага, вижу по глазам, хочешь сказать, что выдержишь. Но нет, милая, вынужден тебе отказать в этом. Давай придем к соглашению — сначала я пообвыкнусь на новом месте, затем мы найдем способ поставить в известность наши семьи о нашем браке и только тогда обдумаем возможность твоего приезда ко мне.

Марине пришлось смириться с его решением. Конечно, это было намного разумнее, чем ее мысль ехать с ним в неизвестность да еще в Кавказский край.

Кавказ... Маринино сердце сжалось, едва она вспомнила о назначении Сергея. Что его ждет там? Спокойно ли там, как заверяет ее Арсеньев, или нет? Что, если...? Нет, встряхнула головой Марина, она не будет думать об этом. Только не сейчас, в день ее венчания.

В конце свадебного обеда Жюли подала Марине знак, что им пора покинуть присутствующих, а ей самой пора готовиться к первой ночи с супругом. Сердце девушки испуганно сжалось — как-то за всеми перипетиями этого дня она совсем забыла, что ждет ее ночью, и сейчас ей стало не по себе.

— Ступай, — нежно прикоснулся губами к ее ладони муж. — Я скоро буду.

— Не перебери лишку тут без меня, — улыбнулась Марина, стараясь не показывать своего невольного страха перед неизвестностью.

— Какая строгая у меня жена, — рассмеялся Загорский, с явным сожалением отпуская Марину от себя. — Обещаю, я буду трезв, как никогда.

Деревянный флигель находился примерно в полсотни саженой от дома, не больше. Он был построен специально для размещения в нем подросткового отпрыска, самого старшего в семействе, который имел желание пожить отдельно от родителей. В нем было несколько комнат: небольшой салон, затем кабинет и спальня, маленькая комнатка для обслуги. В некоторых случаях там размещали гостей, которым не хватило спален в основном доме.

— Думаю, вам будет комфортно в нем, — щебетала Жюли, провожая подругу к месту их проживания с мужем на ближайшие несколько дней. — Мы его хорошенько проветрили вчера, убрали и переменили постель. Есть запас свечей. Мы еще приготовили вам вино и фрукты, увидишь, когда придем.

— Постой, — вдруг остановилась Марина и повернулась к подруге. — Вчера? Вы приготовили флигель вчера? Получается, ты знала обо всем еще вчера. Знала и не сказала мне.

— Не сердись на меня, *ma chérie ami*, — коснулась ее руки Юленька. — Я опасалась твоей реакции на все это, ты так непредсказуема. Твое сердце бы обрадовалось и запело, а разум да чувство долга приказали бы срочно мчаться прочь из Киреевки от своих желаний, *n'est-ce-pas* [55]? Разве ты не счастлива теперь, когда ты супруга того, о ком столь долго мечтала?

— Я счастлива, — на лицо Марины набежала тень. — Но что скажет маменька? А Анатолий Михайлович? Благо, что мы пока не сообщали о помолвке никому, кроме гостей тогда, на гоне.

— Не думай пока об этом, — Жюли взяла подругу под руку, и они продолжили путь к флигелю. — Вот увидишь, все образуется. Я уверена, что Сергей Кириллович расположит к себе своего деда, а уж потом и твоя маменька примет все, как должно. Ведь князь повыше графа будет.

— Будет тебе, — отмахнулась Марина, в глубине души признавая правоту подруги — ее маменька примет непременно этот брак, если он будет благословлен старым князем. — Лучше скажи мне, что за перемена в тебе по отношению к Сержу? Ты раньше его на дух не переносила, а теперь вон нынче как...

— Все потому, что ты любишь его, а он любит тебя, — сказала Юленька. — Я наблюдала сегодня за обедом, как вы смотрите друг на друга, как нежно касаетесь, когда думаете, что никто не видит вас. Ты так не светишься рядом с графом. Оттого я благодарна Сергею Кирилловичу нынче — за свет твоих глаз, они ведь столько плакали.

Растроганная ее словами Марина сжала ладонь Жюли. Во всем мире не было у нее людей ближе, чем ее подруга и старая няня. Теперь вот еще стал и супруг близким.

— Я люблю тебя, *ma chérie ami*, — прошептала Марина подруге.

— Я тоже люблю тебя, душенька, — улыбнулась Юленька. — А теперь иди и готовься встретить супруга. И самое главное — не бойся и доверься ему нынче ночью. Иди, дорогая.

Марину убирала к ночи ее старая нянечка. Агнешка ждала ее в спальне флигеля, прогнав присланную Юленькой девку: «Сама, все сама!».

— Вот и дождалась ты своего милого, сердэнько мое, — приговаривала нянечка,

помогая Марине снять платье. — Дождалась, моя милочка.

— Как думаешь, Гнеша, не поторопилась я? — обеспокоенно спросила ее Марина. Агнешка замерла с полупрозрачной сорочкой в руках и задумчиво посмотрела на девушку.

— Поторопилась, касатка? Ах, если б разумела я, что за судьбинушка ждет нас с Янеком, разве ж отказалась бы бежать с ним? — нянечка грустно покачала головой. — Ведь когда казали, что Янусика моего забрить управляющий хочет, разве послушалась я милого? Ведь просил ен меня, мол, убежим Гнеша с тобой на край земли, никто нас не отыщет. Испужалась я. Не пошла я за Яном моим. Думала, не посмеет падлюка окаянный из-под венца выдернуть. Посмел, гореть ему в аду огнем адским! Кто разумеет, что было бы, уйди я тогда с Янусиком моим? Пусть один только раз, одну только ночку, но с ним была бы... Не думай, касатка, раз Господь свел вас опять да еще соединил ваши руки, значит, так выше записано, не иначе. А маменька... Ну, покричит маменька, может, выпорет... Но князь-то он же князь! Все образуется, касатка моя, все образуется... Да и какой мужчина, милочка моя! Этот спать ночью не даст, ой не даст.

Сергей пришел в отведенную им спальню, когда Марина уже почти проваливалась в сон — усталость да ранний подъем все-таки взяли свое. Он снял мундир и прошел к ней в одной рубашке, поразив девушку размахом плеч. Он выглядел довольно внушительно, широкоплечий и узкобедрый. Так похожий на античных героев, запечатленных в скульптуре в Павловском парке.

— Ты такой... большой, — смущенно сказала она.

— Поверь, не только в плечах, — со смехом ответил Загорский, чем смутил ее еще больше. Он присел на кровать с ее стороны и нежно привлек ее к себе.

— Ты боишься? — спросил он, глядя Марине в глаза.

— Немного, — призналась она, водя пальчиком по рукаву его батистовой рубашки. Сквозь тонкую ткань она явственно ощущала, насколько твердыми были мускулы его руки.

— Не стоит. Не надо меня бояться. Не скрою, будет больно, как бы аккуратен и нежен я не был. Но зато потом... — он не договорил, склонился над ней и стал целовать ее шею.

— Что потом? — хрипло прошептала Марина. Ей казалось, что она начинает медленно таять от этих нежных прикосновений его губ к ее шее.

— Я покажу тебе рай, — прошептал он в ответ.

И он показал ей.

Правда, не сразу. Сначала, в самый первый раз она почти поняла, о чем он говорил ей, но после его поцелуев и ласк, которые заставили ее потеряться в пространстве и времени, пришедшая резкая и внезапная боль на смену им привела к тому, что Марина не могла сдержать слез.

— Прости меня, — гладил ее по волосам Сергей. — Это всегда бывает в первый раз. Ни одна женщина не минует этого. Эта боль забудется, обещаю.

Зато наутро Загорский действительно показал ей, как прекрасна и сладка бывает любовь между мужчиной и женщиной. Она смущалась после, пряча свое лицо у него на плече, а он смеялся и целовал ей руки:

— Милая моя, милая... Не стоит стыдиться того, что происходит тут, в спальне. Не стоит смущаться: твои стоны — лучшая награда для меня.

Они весь день провели в постели, покидая ее только для того, чтобы принести в спальню поднос с едой, оставленный им под дверью. Они любили друг друга и узнавали друг друга, рассказывая здесь и сейчас то многое, что никогда не открыли бы никому другому.

— Что это за шрамы? — спросила Марина мужа, глядя его по спине. Прямо под правой лопаткой у него были две небольшие полоски.

— Розги, — ответил он.

— Розги? Кто мог избить тебя так, что остались шрамы? — изумилась Марина.

— Мой дед, — Сергей помолчал, а затем, когда Марина решила, что он не будет рассказывать ей об этом, перевернулся на спину и привлек ее к себе. Она удобно расположилась у него на груди, а Сергей продолжил, глядя ее по волосам. — Мне было тогда восемь лет. Я всегда был неугомонным мальчишкой. Мне нужно было обследовать чуть ли не каждый уголок в имении. Степан тогда с ума сходил от моих выходок. В тот день я обнаружил старый заброшенный сеновал за большим лугом. Мне захотелось его обследовать. Я пошел туда не один. С сестрой.

— С сестрой? — Марина удивленно посмотрела на мужа. — Я не знала, что у тебя есть сестра.

— Сестра-близнец. Мы всегда были неразлучны с ней, несмотря на то, что мы разного пола. Как не пытались наши родители направить ее на «путь истинный», она всегда была верным моим товарищем по играм и проказам. В тот день мы полезли в этот старый сарай вдвоем — я и она. Ей захотелось залезть на самый верх. Мы даже предположить не могли, что наверху доски прогнили донельзя. Она провалилась и упала. Слава Богу, что все обошлось — она могла сломать себе шею, но получила лишь перелом ноги, — Сергей помолчал, а потом вдруг поднялся с постели, прошел к сигарному ящичку и закурил. Потом он повернулся к жене. — Надеюсь, ты не возражаешь против сигары? Дурная привычка, признаю, но ничего не могу с собой поделать.

Марина покачала головой в знак того, что не возражает. Она села в постели, подтянув к себе одеяло поближе — уж полдень миновал, и в комнате было довольно светло, а она до сих пор стеснялась собственной наготы. Да и не только собственной...

Сергей усмехнулся, видя ее алеющие щеки и то, как она отводит взгляд от его тела, и натянул исподнее. Затем прошел к столику, где стоял поднос с вином и фруктами, и налил себе и Марине по бокалу.

— Возьми, — протянул он ей вино, подойдя к кровати.

— Так полдень же, не пристало даме... — попыталась возразить Марина, но смолкла и взяла бокал из его рук.

— Я тебя припугиваю еще и к не к таким порокам, — усмехнулся Загорский, целуя ее в плечо, опустившись рядом с ней на постель. Он с явным удовольствием наблюдал, как опять на ее щеках вспыхнул яркий румянец и разлился по всему лицу и шее. — Мне нравится, как ты смущаешься. Такая невинная, такая неискушенная...

— Ты не досказал мне про шрамы, — поспешила напомнить ему жена, заметив блеснувший отблеск желания в его глазах. — Кто тебя так покалечил?

— Дед, — коротко бросил Сергей. — Видишь ли, сестра была его любимицей, в отличие от меня. Дед считал, что она хрупкий и нежный цветок, и ее надо беречь и лелеять. Она была схожа лицом с его супругой, моей бабушкой. Он потерял бабушку в родах, когда получил наследника — моего отца, и эта потеря была очень тяжела для него. Именно поэтому сестра для него была словно свет в оконце. Я же должен был расти в большей строгости, как будущий князь Загорский. Я понимал необходимость в этих различиях воспитания, но иногда эти грани уж слишком выделялись, иногда он явно перегибал палку. Мои родители были против подобной системы, поэтому старались свести к минимуму

подобные различия, но не всегда им это удавалось. Но никогда он не был так жесток ко мне, как в тот день, когда мы пошли в тот прогнивший сарай.

В тот день дед заперся в конюшне со мной и избил меня розгами так, что я едва не потерял сознание. В этом есть и моя вина, — усмехнулся Загорский. — Мне не следовало идти на поводу у собственного самолюбия — я тогда решил, что лучше умереть, чем выдавить хоть стон, поэтому он даже не понял в своей злости, насколько сильны его удары.

Марина в ужасе прижалась щекой к широкой груди мужа. Боже, как можно так! Она представила себе пожилого мужчину, яростно стегаящего маленького мальчика, который, стиснув зубы, старается ничем не выдать, как ему больно.

— Отец тогда выбил двери в конюшне. А то кто знает, чем бы закончилась эта порка? Мама устроила скандал деду, и в тот же день родители в спешке вместе с нами, детьми, выехали в собственное имение, доставшееся им через приданое матери. Несколько недель продолжался этот наш семейный раздор. Затем дед приехал к моим родителям и предложил мир. Просил прощения и у меня. Я простил его, но что-то, какое-то маленькое зернышко нелюбви к нему и сомнения в его родственной приязни ко мне, зародились тогда. Наша разлука, когда я уехал на учебу в Кадетский корпус, только обострила наши отношения. А уж история с моей первой любовью...

Марина напряглась, и Сергей сразу же замолк, понимая, что ей неприятно упоминание об этой странице его жизни. Он смотрел на огонек сигары и внезапно осознал, что сейчас наедине с этой женщиной он открылся настолько, насколько не был искренен никогда и ни с кем, даже на исповеди со своим духовником.

— Где она сейчас? Я говорю о твоей сестре, — вдруг вторгся в его раздумья голос Марины. — Я не слышала о ней ни разу с тех пор, как выехала в свет. И о твоих родителях. Что с ними?

— Их больше нет с нами, — хрипло сказал Сергей. — Они погибли шесть лет назад. И Элен... Элен тоже.

Некоторое время они молчали, не в силах нарушить ту тягостную тишину, что установилась после его зловещих слов. Затем Загорский, потушил сигару, повернул к себе лицо Марины и, глядя прямо ей в глаза, заговорил:

— Мне было меньше, чем тебе сейчас, когда я встретил Натали. Тогда мне казалось, что это то самое чувство, о которых пишут романы, которое воспевают в стихах. Теперь, когда я рядом с тобой, я понимаю, что ошибался, что родители и дед были правы, когда отговаривали меня от брака с Натали. Они видели мое состояние, мою слепую увлеченность Натали, и всеми силами пытались удержать меня от поспешного венчания с ней. К тому же я был слишком молод тогда, чтобы стать супругом. И слишком много страстей кипело в моей душе.

В тот вечер мы все сильно повздорили. Открылось, что я хотел бежать с Натали, забрав ту из стен Смольного. Родители были в ужасе от моего поступка. Маменька плакала, умоляла забыть о Натали, отречься от любви. Я же настаивал, что нам с ней просто необходимо пожениться сейчас, когда все открылось.

Загорский прикрыл глаза, и перед его мысленным взором снова встала большая диванная петербургского особняка их семьи. Растерянный отец, стоявший у камина и неотрывно глядевший в огонь. Мать, кусающая губы и теребящая в руках мокрый от слез платок. Элен, сидящая рядом с ней и утешающая ее. Арсеньев, сидящий в кресле у окна, вжавший голову в плечи, словно это сделало его невидимым при этом скандале. Дед,

стоявший прямо напротив него, широко расставив ноги и заложив руки за спину. Вся его поза выражала гнев и презрение к поступку внука, его неодобрение.

— Пойми, Серж, эта девушка не может стать твоей супругой по многим причинам, — говорил он. — Мало того — не только по ним, но и по своим душевным качествам, по своему нраву. Это далеко не самый лучший выбор, что ты мог сделать.

— Я мог сделать? Я? — Загорский зло расхохотался. — Да ты же сделаешь этот выбор за меня, когда решишь, что пришла пора! Ты и никто другой! Разве не так?

— Как ты разговариваешь со мной, щенок! — вскипел дед. — Со мной, твоим старшим родственником! Совсем потерял разум. Теперь я сделаю все, чтобы ты никогда даже не приблизился к ней, пока она не пошла под венец с тем, кого выбрали ей родители. Я никогда не позволю тебе назвать ее своей супругой! Никогда!

— Ты не сможешь заставить меня! Я не твой крепостной и не твой раб! — сорвался на крик Сергей. От его неожиданного вскрика вздрогнули все, находился в диванной. — Если Натали станет супругой другого, то я клянусь вам...! вы, вы все! Никогда я не приведу в этот дом супругу! Пусть ваш род зачахнет на мне, пусть никогда не продолжится прямая ветвь Загорских! Наследник тебе нужен правильных кровей! Вот тебе наследник, — Загорский показал деду неприличный жест и, схватив с кресла шпагу, кинулся к двери.

У порога его перехватил отец, внезапно бросившийся наперерез, и, поймав за отвороты мундира, притянул его к себе.

— Мерзавец! — выдохнул он, глядя сыну прямо в глаза. — Подобное неуважение к деду, к матери...!

Он размахнулся и ударил Сергея по лицу. Женщины дружно ахнули в глубине комнаты. От удара у Сергея лопнула губа, и кровь тонкой струйкой потекла из уголка рта. Он коснулся ее пальцами в недоумении, словно не веря, что отец способен поднять на него руку. Затем криво усмехнулся уголком рта.

— Благодарю вас, батюшка, за урок. Это все или есть еще что-то?

Его отец сузил в бешенстве глаза и снова поднял руку для удара. Тут же раздался дикий крик — это зашлась в плаче Элен:

— Папенька! Папенька, не надо! Оставьте его, умоляю вас!

Мужчина на мгновение ослабил свою хватку, и Сергей вывернулся из его рук. Он демонстративно поправил мундир, а затем склонился в шутливом поклоне:

— Au revoir, ma famille bien-aimée. [\[56\]](#)

С этими словами он покинул диванную. Вслед за ним спустя какое-то мгновение выбежала заплаканная сестра. Она схватила его за руки и развернула к себе.

— Умоляю тебя, Серж, остановись, — Элен вдруг прикинула к нему всем телом, в крепком объятии обхватив руками, чтобы помешать двигаться дальше. — Не ходи никуда нынче. Останься, а поутру, когда все успокоится, опять поговоришь с тере и pere [\[57\]](#). Они обязательно поймут и простят тебя.

Сергей помедлил немного, раздумывая, потом с силой оторвал от себя руки сестры.

— Нет, Элен.

Он быстро развернулся и направился к холлу через анфиладу комнат, а вслед ему неся голос сестры:

— Умоляю тебя, не ходи никуда нынче. У тебя горячий нрав, как и у деда. Горячий нрав приводит к большим бедам. Останься в казармах нынче ночью, а поутру приходи. Они простят, я уверена, они простят. Я уговорю их, вот увидишь... И родителей, и grand-pere [\[58\]](#).

Мы ведь любим тебя, мы одна famille [\[59\]](#)...

Загорский встряхнул головой, словно пытаясь прогнать из памяти заплаканное лицо сестры и ее нежный голос.

— Я видел их тогда в последний раз. Моих родителей и сестру, — хрипло проговорил он. — В ту ночь я напился вместе с Полем и Анатолем и остальными офицерами в казарме. Затеял ссору с одним из поручиков. Даже уже если честно не помню из-за чего. Мы с ним стрелялись. Он промахнулся, а я ранил его в плечо. Меня и моих друзей заключили под стражу, а затем выслали из Петербурга — их в деревню, меня — на Кавказ на полгода.

— Ты уже был на Кавказе? — спросила Марина.

— Да уж, не впервые туда еду. Там я получил своего «Георгия» и именную саблю. Так что не бойся за меня — я стреляный воробей, — усмехнулся Загорский. Он прижал ее к себе еще сильнее и зарылся лицом в ее волосы. — Я был зол. Ужасно зол на своих родных. Пока я был в крепости, никто не пришел ко мне. Никто из них. Лишь после суда мне сообщили, что отец хочет меня видеть, но я отказался от свидания с ним. А потом пришло письмо, где мне сообщили о замужестве Натали, и я возненавидел весь белый свет. Я винил только своих родных в том, что случилось, только их. Особенно деда. Как я тогда его ненавидел!

Из-за этого слепого чувства я отказался ехать на венчание сестры через несколько месяцев после моего пребывания на Кавказе, хотя по хлопотам деда и отца мне дали отпуск — неслыханное дело! Она вышла замуж, а я даже не приехал к ней на торжество. Написал только сухие поздравления и все. Сам, дурак, разрушил все, что нас связывало с детства, ту нежную привязанность друг к другу, что далеко не всегда возникает между братьями и сестрами. Мы были очень близки, а я сам разрушил эту близость по глупости. А потом... потом она уехала с супругом к его месту службы. Спустя время туда поехали и родители — Элен написала, что ждет ребенка, и мама настолько переживала, что захотела поехать к ней и в числе первых увидеть дитя, когда придет время. Отец всегда потворствовал ее желаниям, он сильно любил маменьку...

Я много думал тогда, на Кавказе. Там, знаешь ли, многое переосмысливаешь, очень многое... Я столько раз порывался написать моим родным покаянное письмо и столько раз рвал его. В итоге я решил, что лучше все сказать им лично, а не строчками на бумаге. Я думал, что у меня есть время на все: и на то, чтобы съездить к Элен и ее супругу по возвращении из ссылки, и на то, чтобы примириться с родителями и даже своим строгим дедом. Как выяснилось, у меня его не было.

Марина почувствовала, как внезапно напряглось его тело, и поняла, как больно ему сейчас ворошить прошлое. Она крепче обняла его, словно давая понять, что она рядом и всегда готова разделить с ним и его боль, и его страдание.

— Место службы мужа Элен было в гарнизоне Варшавы, — проговорил Сергей, и Марина, сопоставив сроки, осознала, что произошло тогда, шесть лет назад.

— О Боже! — прошептала она. — Значит, они были тогда там? В Варшаве?

— Были. Прямо там, в самом центре этого восстания. Мы до последнего надеялись, что им всем удалось спастись из этого ада, в который превратилась тогда Варшава. Но вышли последние русские силы из Польши, а мы по-прежнему не имели вестей от родных. Я тогда сразу же попросил о переводе в действующие на месте восстания войска, надеясь там, на месте разобраться, что произошло с ними или напасть на любой их след. Я даже предположить не мог, что найду в Польше только одни их могилы.

Муж Элен погиб в числе первых. Он сражался до последнего, еще не зная, что наутро великий князь прикажет отступить от Варшавы. Мой отец погиб, когда пытался сдержать повстанцев и не допустить их в дом, где были перепуганные женщины — его жена и дочь. Что он мог сделать один против толпы? Эти польские собаки, слуги дома, бросили их на произвол судьбы. Могил их нет — ни отца, ни моего зятя. Я даже не хочу думать, что стало с их телами. Одна из полячек, что жила в доме по соседству, показала, где похоронены моя мать и сестра. Дед тогда чуть с ума не сошел, когда узнал, что ждать уже некого. Потерять в одночасье почти всю семью...

Это несчастье словно обнажило ту обоюдную неприязнь и недовольство друг другом, что была меж нами с дедом. Мы с ним крепко поссорились тогда, в день, когда перезахоронили останки родных на семейном кладбище в Загорском. Он кричал, что я неспособен любить и сострадать, что я только разрушаю. Что внес раскол в нашу семью. В чем-то он, конечно, прав — я так и непрощен ими, и мне с этим жить всю оставшуюся жизнь. Я не оправдал надежд родителей — они ушли, уверенные, что их сын вырос совсем не таким, о каком они мечтали. Я не вернул расположение сестры, отвернувшись от нее в день той злополучной ссоры. Все рухнуло в один миг, вся моя прежняя жизнь из-за моей глупости и нелепой гордыни. Мне никогда об этом не забыть, ведь на моем мундире всегда будет вечное напоминание о происшедшем — *Virtúti Militári* ^[60], единственная награда, которая вызывает во мне душевные муки, а не гордость.

Моя душа... она словно застыла. Дед прав — я разучился любить. Я сошелся с Натали тогда, но скоро понял, что уже не чувствую к ней той любви, что хотел бы. Это страшило меня. Я перепробовал многое, пытаюсь уйти от себя, от своей совести — выпивка, бретерство, опиум... Ничто не приносило облегчения моим мукам. Мне часто снилось снова и снова, как Элен зовет меня вернуться, а я ухожу прочь... Я непрощен, я проклят...

— О, милый, — подняла голову Марина и посмотрела на мужа. Она взяла в ладони его лицо и легко и нежно коснулась своими губами его глаз, стирая с них невыплаканные слезы. — Мне очень жаль, что эта трагедия произошла с твоей семьей. Но я убеждена в одном — они простили тебя. Поверь мне, это так. Они простили тебя, если не сразу же, как ты шагнул прочь из дома, то спустя время, когда ты был уже на Кавказе. Родные близкие друг другу люди не могут держать злобу столь долго... Не казни себя. Впусти в свою душу их прощение. Тебе станет легче.

— Ты — мой ангел, — Сергей вдруг с силой привлек ее к себе и стиснул в крепком объятии. — Мой дивный ангел! Чем я заслужил твою любовь ко мне? Я чудовище, бездушное чудовище, а ты видишь во мне совсем другого человека.

— Вовсе нет, — прошептала Марина тихо. — Другого человека видишь ты. Я же вижу истинного Сергея Загорского...

— Ах, если бы ты знала, если бы знала! Я причинял с тех пор так много боли людям. Вполне осознанно. Я презирал их за слабости и пороки, мне никогда не ведомо было чувство жалости к ним. Я разорял за карточным столом просто так — от скуки. От скуки дразнил и оскорблял, проверяя людей насколько силен их страх перед моей славой стрелка и рубаки. От скуки соблазнял и покидал тоже от скуки. И тебя я стал добиваться тогда, три года назад, тоже от скуки. Все эти стихи в альбом, взгляды украдкой, визиты с Арсеньевым в дом, где был шанс увидеть тебя. Твоя любовь была бы достойным развлечением для меня тогда. Я склонил тебя к побегу почти из-под венца, к непослушанию родительской воли. Ты и сейчас скажешь мне, что не видишь во мне порока?

— Не вижу. Я никогда не видела его в тебе.

Сергей не знал, что ответить на это. Ее безграничная любовь к нему, такая слепая и безрассудная, поразила его до глубины души. Он никогда не верил, что можно любить вот так, без оглядки.

— Ты — совсем невинная девочка, несмотря на то, что уже переступила порог совершеннолетия, — грустно улыбнулся он. — Ты даже не представляешь, что тебя ждет впереди. Нам предстоит пройти через скандал, когда откроется наше тайное венчание, через *dédain* и *désapprobation* [\[61\]](#) петербургского общества, если мой дед не признает наш брак. С тех пор, как погибли мои близкие, он ненавидит поляков столь же сильно, как и наш государь. Я не уверен, что мы получим его одобрение. А это значит...

— Я знала, на что шла, — перебила его Марина. — Я пойду наперекор всему миру, лишь бы быть рядом с тобой. Лишь бы ты любил меня...

Сергей ничего не ответил, лишь приник к ее губам, опрокидывая ее на смятую постель. Она так наивна и чиста, что у него перехватывало дыхание.

Почему он чувствует себя, словно лев, под лапой которого лежит пойманная им беспомощная лань?

Марина перевернулась на спину и посмотрела в ясное голубое небо, по которому медленно проплывали белые облака, так похожие на большие мягкие подушки. Солнце ослепило ее на мгновение, и ей пришлось прикрыть глаза рукой.

— У меня онемела рука, — пожаловалась она Сергею.

— Такова участь моделей — недвижимость, а после нее — онемевшие члены, — улыбнулся он, дорисовывая углем последние штрихи. Сергей сидел четь поодаль от нее, скрестив по-турецки ноги, и рисовал очередной ее набросок.

В это утро он поднялся в преотличнейшем настроении, словно вчерашняя исповедь сняла тот груз с его души, что мешал ему полностью наслаждаться жизнью. Он решил, что им непременно надо выбраться куда-нибудь на свежий воздух. И вот они теперь тут, на небольшой полянке у луга, расположились в высокой траве среди белоснежных головок полевых ромашек на импровизированный пикник.

— Надо вернуть тебе румянец на щеки, — улыбнулся тогда Сергей. — А то у тебя какой-то изможденный вид, дорогая супруга.

— Не мудрено, при таком-то ненасытном супруге, — отшутилась Марина, и муж в одном стремительном движении поймал ее и снова повалил на постель, щекоча ее в чувствительных местах, что вызывало у нее приступы безудержного смеха.

На пикник они смогли выбраться после этого только после полудня, все никак не могли оторваться друг от друга. Сергей помог ей одеться, выполняя роль горничной, настаивая на том, что он не намерен ни одной минуты ее внимания делить за эти три дня с кем-либо.

— Это неверно и невежливо по отношению к хозяевам, — напомнила ему Марина.

— В свой медовый месяц я отказываюсь соблюдать любые правила приличий, — возразил ей Сергей. — Разве я не доказал это прошлым днем и ночью? Хорошо-хорошо, не смотри на меня таким взглядом, дорогая женушка. Мы поужинаем с ними завтра, в последний вечер перед моим отъездом.

Марина невольно сжалась при этих словах. Последний вечер. Как больно для нее прозвучали эти слова! Она снова вспомнила свои недавние страхи и крепче прижалась к мужу.

— Обещай мне, что с тобой ничего не случится, — попросила Марина шепотом.

Сергей взял ее за подбородок и поднял ее лицо вверх, заставляя взглянуть ему в глаза.

— Обещаю, что ничто не сможет разлучить тебя со мной. Я вернусь даже с того света, если будет нужно.

Перед уходом на их прогулку Сергей вдруг задержал ее в дверях:

— Подожди минутку, хочу кое-что показать тебе.

Он ушел в спальню, а затем вернулся, держа в руках несколько листов бумаги. Не говоря ни слова, он протянул их Марине. Та, движимая любопытством, быстро взяла их в руки и развернула, чтобы ознакомиться с их содержанием.

Это были не письма, как она первоначально предположила. Это были искусно выполненные рисунки грифелем и углем. На одном из них была изображена немолодая пара, нарисованная идущими под руку. С первого же взгляда Марина признала в ней родителей Сергея — у него были овал лица отца и разрез глаз матери.

— Красивая пара, — сказала она, взглянув на мужа.

— Да, — признался он. — Я до сих пор не встречал пары, любящей друг друга столь же сильно, как любили мои родители. Они пережили столько вместе: тяжелую болезнь матери после единственных родов, войны 1806 и 1812 годов, ранения отца, разорение их единственного имения. Мои эскапады...

Он подал ей следующий рисунок. На нем был изображен старый князь Загорский, но совсем не таким, как привыкла видеть его Марина при их случайных встречах в свете. На рисунке его черты были мягкими и расслабленными, губы его чуть тронуты легкой улыбкой. Он сидел на скамье, опершись руками о неизменную свою спутницу — трость с серебряным набалдашником, и смотрел куда-то вдаль с явно читающейся нежностью в глазах.

— Таким я видел его рядом с Элен, — проговорил Загорский. — Я ни разу не видел, чтобы он смотрел так на меня.

— Может, ты просто не замечал, — тихо сказала Марина, нежно дотронувшись до его щеки. — Иногда мы даже не видим того, что творится прямо у нас под носом, в своей мнимой слепоте.

Загорский лишь пожал плечами и протянул ей очередной набросок. На нем была изображена молодая девушка, раскачивающаяся на качелях и задорно хохочущая. Его сестра. Такая красивая и жизнерадостная, и какой страшный конец...

Марина заметила, с какой болью Сергей смотрит на рисунок, поспешила взяться за следующий и оторопела — на нем была она сама. С мягкими локонами у щек, с детской наивностью в глазах она сидела за фортепьяно и с заметным напряжением смотрела на клавиши, словно вспоминая мелодию. Марине она показалась на рисунке чуть ли не девочкой.

— Когда я был в дороге в Петербург, накидал пару твоих набросков по памяти, — признался слегка смущенно Загорский.

— Какая я... юная, — ответила ему Марина. — Я тут словно подросток, только вышедшая из детской.

— Ну, по сути, так и было, — сказал Сергей. — Сколько тогда тебе было? Семнадцать? Восемнадцать? Совсем ребенок.

Марина в ответ на эту реплику шутливо ткнула его под ребра, затем взяла следующий рисунок. Снова она, снова это наивное детское выражение на ее лице. Зато на следующем рисунке она уже выглядела заметно старше и мудрее, чем на первых. Она была изображена в бальном платье, с веером и бальной книжкой в руках. Гордо поднятая голова и расправленная спина. Холод в глазах. Весь ее облик говорил: «Не подходи ко мне».

— Это из последнего. Когда ты отчаянно сигнализировала мне «Не тронь меня, я больше не люблю тебя», — сказал Загорский. — Иногда эта твоя холодность приводила меня в отчаянье. Я думал, что ничего не смогу изменить.

Марина взялась за следующий рисунок. Она и Воронин в ложе оперы. Он сидит рядом с ней, слегка наклонившись вперед, к сцене, положив руку на спинку ее кресла. Видно было, что он наслаждается от души и происходящим на сцене, и ее близостью. Она же сидит, неестественно выпрямив спину и положив руки прямо перед собой на перила ложи. Вся ее поза — одна напряженность. Глаза полны какой-то тоски.

— Ты видишь, как смотришься? Тоже «Не тронь меня», но уже совсем по-другому показываешь и совсем другому человеку, — Загорский провел пальцем по рисунку. — У тебя такой вид, словно ты сейчас заплачешь.

— Может, это был очень грустный момент в опере, — слегка грубо, сама того не желая,

возразила ему Марина.

— Это был водевиль, милая.

Марина прикусила губу. Может быть, тогда в театре ей и было неловко и не по себе быть столь близко к Анатолю, но в беседке несколько дней назад она совсем не была против его близости к ней. Это до сих пор тревожило ее душу. Ей казалось, что она предала своего любимого, ответив на тот, чужой поцелуй. Но признаться в этом Загорскому у нее не было сил. К тому же, рассудила она, подобное никогда более не повторится, потому не стоит омрачать эти несколько дней, что отведены ей воспоминанием об этом неприятном инциденте.

Кроме того, разве поцелуй Анатоля смог воспламенить ее кровь, как Сергей мог сделать одним легким касанием губ? Она должна признать, что поцелуй Воронина был приятен ей, не более. От губ Загорского у нее подгибались колени, и время вокруг останавливалось в тот же миг.

— Мне не нравятся эти рисунки, — призналась она, возвращая листы бумаги Загорскому. — Вернее, нравятся, но я там просто... просто ужасна. То слишком уж по-девичьи выгляжу, то словно ледышка. Нарисуй меня по-другому.

— Как, милая? — улыбнулся Загорский.

— Нарисуй меня женщиной. Любящей и любимой. Такой, как видишь меня сейчас.

И вот он рисовал ее на этой милой полянке, словно маленьком кусочке рая. Рисовал уже пару часов, не отрываясь ни на минуту от бумаги. Уже почти десяток листов лежал рядом с ним на траве, а он все рисовал и рисовал, словно не в состоянии оторваться в порыве вдохновения.

— Как долго ты рисуешь, — Марина принялась растирать онемевшую руку, восстанавливая замедлившееся кровообращение в ней. — Вон сколько уже рисунков. И не даешь взглянуть ни на один!

— Потом, — Загорский протянул руку к бокалу и отхлебнул немного вина из него. — Ни один художник не даст посмотреть неоконченный рисунок.

— Но ты же их закончил, — возразила ему Марина.

— Имей терпение, — улыбнулся в ответ Загорский, не отрываясь от рисования.

— Имей терпение, — передразнила его Марина. — А как ты научился так хорошо рисовать? Лично у меня все акварели выходили сплошной мазней. Преподаватель рисования говорил, что мне совсем не дано это. «Лучше практикуйте пение, сударыня. Не стоит браться за краски». А ты? Тебе приглашали учителя?

— Нет, учитель по рисунку был у сестры. Дед считал, что мужчине не пристало заниматься бумагомаранием, как он выражался. Я помню, как пришел к нему (родители тогда были в отъезде) со своим первым рисунком, который похвалил месье Мажирон, учитель рисования. Хотел похвастаться своими успехами. А он накричал на меня, мол, дворянин никогда не должен даже браться за кисть, и в бешенстве порвал мой рисунок. С тех пор я рисовал тайком, никому и никогда не показывая то, что выходило из-под грифеля или угля. Ну, а в кадетском уже было не до этого совсем, — и после недолгого молчания Загорский добавил. — Ты знаешь, мне кажется, и я рисовать-то научился наперекор деду. Если бы он тогда не запретил, я бы в скорости забросил, скорее всего, это дело.

— Как хорошо иметь в семье собственного художника, — улыбнулась Марина. — Ты нарисуешь мой портрет, мы повесим его в гостиной над камином и будем всем интересующимся говорить, что это рука удивительно модного и дорогого мастера.

— Да, очень удобно, — согласился, улыбаясь, Сергей. — Я хочу еще один твой потрет в доме — в спальне и жутко непристойный. Никогда я бы не разрешил другому мужчине взглянуть даже на кусочек твоего обнаженного тела. А так могу сам нарисовать...

Марина рассмеялась в ответ на его слова. У нее на душе было так хорошо, так легко сейчас — лежать здесь в траве и смотреть на облака — что ей казалось, она сейчас вспорхнет и улетит. Она протянула Сергею руку, глазами показывая на место рядом с собой. Он отложил в сторону бумагу и грифель и прилег рядом с ней голова к голове. Марина протянула руку и переплела свои пальцы с его, испачканными грифелем.

— Я даже не помню, когда в последний раз я вот так чувствовал себя, — задумчиво проговорил Загорский. — Так отрадно, так покойно. Удивительно даже.

Они лежали и молчали. Смотрели в небо на проплывающие мимо облака и молчали. Загорский медленно поглаживал ее пальцы, и эта невинная ласка наполняла душу Марины таким восторгом, что ей хотелось запеть во весь голос, чтобы весь окружающий мир знал, как счастлива она быть сейчас тут, рядом с этим мужчиной.

Она повернула голову и посмотрела на профиль Загорского. Он лежал с закрытыми глазами и действительно выглядел расслабленным. Черты его лица смягчились, исчезли морщинки со лба и уголков глаз, исчез циничный прищур глаз. Он выглядел сейчас таким молодым, что у Марины перехватило дыхание. Она протянула руку и ласково коснулась пальцами его лица, проводя ими по лбу, носу, щекам, губам.

— Ты так красив, — прошептала она. — Я даже боюсь отпускать тебя от себя. Вдруг там, вдали от меня, ты меня забудешь.

Загорский открыл глаза и повернул к ней голову, встретившись с ней глазами. Он недолго смотрел на нее, потом поймал ее руку и приложил к своему сердцу.

— Чувствуешь, как оно бьется? Оно бьется только ради тебя. Ради тебя, милая.

Потом он резко повернулся и оказался на ней, опираясь на локти. Он нежными медленными движениями убрал волосы с ее лица, а затем быстрыми поцелуями покрыл ей глаза, лоб и щеки. Когда, в конце концов, соединились их губы, Марина уже потерялась в пространстве и времени, и совсем не думала, что они сейчас не в спальне, а на лугу, на виду у любого случайного крепостного. Высокая трава скрывала их тела полностью от случайных взглядов, а солнце ласково пригревало своими лучами, не давая замерзнуть под легким ветерком.

Вечером после ужина, когда Сергей курил сигару на крыльце, Марина вышла к нему из их небольшого домика и присела на ступени. Она остаток дня думала о том, как им следует поступить в дальнейшем с новостью об их браке, о чем и спросила сейчас у мужа.

Загорский слегка прищурил глаза, и Марина поняла, что ему не особо приятна эта тема для разговора. Но рано или поздно им необходимо было обсудить то, что их ждет в будущем.

— Что мы будем делать? — повторила она. — Я не писала маменьке уже три дня, это не свойственно мне. Предполагаю, она уже с ума сходит от волнения. Что ей написать?

— То, что ешь обычно, то и напиши, — ответил ей Загорский, стряхивая пепел с сигары. — Но ни слова о венчании. Никто не должен знать о нем. До поры до времени.

Он помолчал, затягиваясь сигарой, а потом выпустил дым вверх и продолжил:

— Никто не должен знать пока. Ни одна душа. Прежде я должен расположить к себе деда. Он ключевая фигура в том, как повернется наше будущее. Я постараюсь наладить с ним отношения в ближайшем времени. Черт, никогда не думал, что скажу это! Он должен узнать первым о нашем венчании. Затем сообщим остальным.

— Как долго мы будем хранить все в тайне?

— Я думаю, до Покрова, не больше. Да, это долго, понимаю, но мне необходимо время. Этих четырех месяцев мне хватит с лихвой. Не уверен, что путь к примирению будет легок, и в положительном результате у меня полно сомнений, но рискнуть стоит, — он снова глубоко затянулся сигарой. — Я старался быть аккуратным, но иногда все же терял голову. Если... если что-то пойдет не так, тотчас пиши мне.

— Что пойдет не так? — не поняла Марина, а потом, покраснев, кивнула, когда Загорский слегка качнул головой в сторону ее живота.

— Когда состоится торжество по случаю твоей помолвки с Ворониным? — спросил Загорский. Марина недоуменно на него посмотрела.

— Не понимаю, о чем ты. Мы еще не говорили даже об этом. Сначала необходимо переговорить с моими родителями.

— Так еще не было официального оглашения? И приглашения не разосланы? — удивленно переспросил Загорский, а потом, хлопнув себя по колену, расхохотался. — Обманул! Обманул, как мальчишку!

— Ты о чем? Кто тебя обманул?

— А как ты думаешь, откуда я узнал, что согласилась на предложение Воронина? Меня в пути догнало письмо от деда, что он-де приглашен на торжество по случаю вашей помолвки с Анатодем, — объяснил Загорский. — Оказывается, торжества никакого и нет. Откуда он тогда узнал про вас? Ну, да Бог с ним, после разберусь. Нам тогда необходимо решить, что делать с твоей помолвкой. Я правильно понимаю — оглашения и официального обручения пока не было? Это нам только на руку. Тяни, как можно дольше с ними. Придумай, что душе угодно, но подождите с этим несколько месяцев. А уж там и наше дело уладится.

— А если все-таки настоят на оглашении? Не уверена, что смогу откладывать его долго.

— Тогда уж ничего не поделать, *n'est-ce pas*? Назначишь дату венчания на следующий год или подальше. И живи себе невестой, пока я не вернусь.

Марина метнула на него яростный взгляд, явно не одобряя его насмешливый тон. Сергей докурил сигару и, выбросив окуроч, опустился рядом с ней на ступени. Он раскрыл объятия, и Марина прильнула к его широкой груди.

— Мне страшно, — прошептала она. — Столько лжи, столько обмана и уверток!

— Мне тоже претит ложь, но нам необходимо протянуть время, — уверял ее Сергей. — Я должен быть в полку, а на расстоянии такие дела так споро не решаются. Прошу тебя, постарайся ради нас, ради нашего будущего.

— Я постараюсь, — тихо сказала Марина.

Они недолго помолчали, каждый погруженный в свои собственные мысли. Потом Загорский, прервал тишину, спросив супругу:

— Тяжко на сердце от того, что родителей обмануть придется?

— Даже не знаю, от чего горше — от того, что обманывать их буду или от того, что маменька будет сильно разочарована, когда узнает, что я сделала. Знаешь, мы никогда не были с ней близки. С ранних лет меня отдали в Смольный. Приезжать навещать меня она не могла: средств не было да и времени — ты знаешь, у меня несколько сестер, почти все погодки. Я понимаю эти причины разумом, но сердцем понять не могу.

Мне всегда ее не хватало, всегда. Я до боли завидовала девочкам, которых навещали матери в институте, которые уезжали на каникулы домой. Я же либо уезжала к Софье

Александровне, либо оставалась в Смольном в эти дни, — Марина уткнулась лицом в рубашку мужа, чувствуя, как навернулись незванные слезы на глаза. — Я думала, что мы станем ближе друг к другу после выпуска. Все эти хлопоты о балах, нарядах ведь сближают мать и дочь. Но нет, мы словно чужие люди. У нас разные вкусы, разные мысли, разные стремления. Когда мы уехали в Ольховку после той истории, я надеялась, что все изменится там, просто у маменьки нет свободного времени в Петербурге. Но и в имении все осталось по-прежнему — как бы я не старалась стать для нее той дочерью, которую она хотела, я так и не стала ею, ведь для этого надо было измениться полностью. Она была ласкова с сестрами, мне же доставалась только отстраненность. Я видела, что она винит меня в том, что мы уехали из столицы, и это тяготило меня донельзя. Я была среди своей семьи, но я была одна, совсем одна. Если бы не Гнеша да письма Жюли, я бы сошла с ума там или сбежала бы с первым встречным! Хотя нет, не сбежала бы — ведь означало, что я ее разочарую, а я так хотела получить ее одобрение. По-прежнему хочу. Именно поэтому мне так горько сейчас — я не хочу видеть разочарование в ее глазах, когда она узнает, что все произошло совсем не так, как ей хотелось.

— Ах, милая, не плачь, — смахнул Загорский нежно слезы с ее щек. — Это все пустое. Я не нравился твоей маменьке, как твой поклонник, с моей-то репутацией. Как твой супруг, я буду желанным для нее. Немало ли — князь, потомок старинного дворянского рода. Правда, богат я буду лишь, если дед будет благосклонен к нам, но все-таки я и не беден, какмышь, и потянуть твою семью сумею, будь спокойна. По крайней мере, буду стараться сделать это. Я уверен, ты не разочаруешь ее. Да я стану для нее таким зятем, что она будет всем своим знакомым хвалиться мною!

Марина улыбнулась ему сквозь слезы. Она сама не понимала, что происходит с ней сейчас. Еще никому и никогда она выплескивала свою боль недолюбленной в детстве девочки. Если бы это был кто-то иной, то она бы была смущена донельзя таким невольным откровением. Но это был Сергей, а ему она доверяла безгранично, словно самой себе.

— Спасибо за то, что понял, — сказала она мужу.

— Всегда готов выслушать, — ласково улыбнулся он ей. — Да уж, как говорится, встретились два одиноких сердца...

Следующий день пролетел для Марины столь быстро, что она даже не успела оглянуться. Ей казалось, что впереди еще целый день вместе до отъезда Загорского в полк, но вот уже наступил последний вечер из отведенных трех суток.

За совместным ужином с Арсеньевыми она была необычно молчалива и рассеянна. Ей вовсе не хотелось, вопреки всем правилам вежливости, принимать участие в беседе за столом. Видя ее состояние, сразу же после десерта все поспешили пожелать друг другу спокойно ночи.

— Удачно вам съездить на воды, — пожелал, обнимая друга, Загорский. — Надеюсь, вы вернетесь втроем.

— Ох, лишь бы не сглазить, — улыбнулся Арсеньев.

— Давай прощаемся сейчас, — вдруг предложил ему друг. — Ты знаешь, я не люблю прощаний и не мастак говорить красивые слова. А завтра мне будет тяжело, как никогда, сам понимаешь.

Арсеньев посмотрел на женщин, сидящих в креслах поодаль и о чем-то тихо беседующих.

— Что ты намерен предпринять в отношении Анатоля? Я чувствую себя ужасно при

мысли...

— Не надо, — прервал его Загорский. — Это только мой грех. Мой и ничей иной. Потому и отвечать только мне. Ну, прощай, друг. Даже не знаю, когда теперь свидимся.

— Почитай, через год минимум. Надеюсь, у вас тут все уладится, — Арсеньев прихватил Загорского за шею и посмотрел тому прямо в глаза. — Береги себя, друг. Да, говорят, там пока спокойно, но ты же знаешь, даже палка иногда стреляет.

— Не беспокойся, я всегда осторожен, — улыбнулся Загорский. — Марина, прощайся, пойдем в наш маленький *le paradis terrestre* [\[62\]](#).

На крыльце друзья крепко обнялись на прощание.

— Смотри же, осторожничай, — напоследок опять напомнил другу Арсеньев, выпуская того из своих объятий. — Ты вечно хочешь быть впереди да в самом пекле.

— Буду, — пообещал в который раз Загорский и, поцеловав на прощание Жюли, легко сбежал по ступенькам к ожидавшей его Марине. Рука об руку они направились к флигелю.

— Что с тобой, Paul? — Жюли обняла мужа, напряженно смотревшего вслед их гостям. — Ты сегодня сам не свой. Тебя что-то беспокоит?

— Не знаю, — честно признался Арсеньев, целуя жену в макушку. — Что-то сердце щемит сегодня. Может, перед поездкой волнуюсь? Уже через два дня в дорогу. Что нас ждет?

— Все будет хорошо, вот увидишь, — пообещала Жюли.

Эти же слова, словно заклинание повторяла и Марина, облачаясь в ночную сорочку, а потом и расчесывая свои длинные белокурые волосы. Ее сердце тоже было растревожено сегодня. Предстоящая долгая разлука сводила ее с ума. Даже сейчас, когда он по-прежнему рядом, при одной мысли о ней Марине хотелось плакать. Что же будет, когда Сергей уедет?

— Дай-ка я помогу, — Сергей с размаху плюхнулся на постель рядом с ней и, взяв из ее рук щетку для волос, принялся расчесывать ее локоны. — М-м-м, словно шелк... Мне нравится.

— Гнеша будет рада, — ответила Марина. — Она столько сил прикладывает к тому, чтобы они были такими, столько отваров готовит для меня.

— Передай ей мою благодарность. Они действительно прекрасны.

Загорский вдруг отложил щетку в сторону и обхватил Марину руками в крепком объятии.

— Давай говори, — сказал он, уткнувшись носом в ее волосы. — Что там у тебя на уме весь день? Ты такая потерянная, что у меня самого сердце не на месте. Думаешь о завтрашнем?

— И об этом в том числе. Меня страшит предстоящая разлука, страшит твой предстоящий отъезд. Ты знаешь, в день гона в имение приходили цыгане. Была одна женщина. Гадалка.

— И что же она тебе нагадала? — спросил Сергей, прикасаясь губами к ее шее. — Мужа и шестеро детей?

— Я говорю с тобой серьезно, — вдруг вырвалась из его объятий Марина и поднялась с постели. — Она мне нагадала, что будет у меня два супруга. Что я — судьба Анатоля, и буду с ним до конца дней. Что смерть витает рядом со мной.

— Да все это пустое, — отмахнулся ее муж. — Просто обман наивных простаков. Иди лучше сюда, ко мне. Мне так одиноко тут.

Марина резко повернулась к нему. Ее начало злить, что Сергей никак не хочет понять,

как она обеспокоена, как болит ее сердце из-за предстоящего отъезда в этот дикий и опасный край.

— Я не понимаю твоего спокойствия, — бросила она ему сквозь зубы. — Смотрю, тебе не до моих переживаний.

Сергей коротко вздохнул и одним быстрым движением спрыгнул с кровати. Он подошел к Марине и, взяв ее за предплечья, развернул к себе против ее воли — она вовсе не хотела продолжать разговор в подобном тоне.

— Мне есть дело и до твоих переживаний, и до твоих слез, — мягко сказал он. — Но я не вижу смысла обсуждать это сейчас, когда у нас осталось так мало времени побыть вдвоем перед тем, как мы расстанемся на столь долгий срок. Если ты хочешь поговорить о предсказаниях и судьбах, если хочешь поплакать над тем, что еще не произошло и, еще не известно, произойдет ли, воля твоя. Я сяду рядом с тобой и буду слушать тебя, пока не выговоришься. Но я не вижу смысла тратить на это всю ночь. Я хочу уехать с легким сердцем отсюда и с множеством воспоминаний, которые будут греть меня вдали от тебя, милая. Так давай же забудем о том, кому и что суждено на этом свете, и проведем эти минуты вместе.

Он притянул ее к себе и крепко обнял.

— Если тебя это успокоит, то могу сказать, что когда-то давно, после выпуска из кадетского, на Масленичной неделе я тоже встретил одну цыганку, — Загорский предпочел умолчать, что цыганка была молода и довольно мила, и где-то с месяц согревала его постель, пока ее табор не двинулся дальше. — Она заговорила меня от пули и клинка. Как видишь, в скольких передрягах побывал с того времени, до сих пор целехонек.

— Это правда? — отстранилась Марина и посмотрела ему в глаза, стараясь определить, истину ли он ей говорит или просто старается успокоить.

— Побожиться? Или моего слова будет достаточно? — улыбнулся Загорский, целуя ее в ответ. Он словно знал, что стоит ему прикоснуться к ней, как все мысли вдруг исчезают из ее головы, и она забывается в пространстве и времени на те мгновения, что они проводят вместе.

После Марина лежала без сна и смотрела на спящего рядом супруга. Ей казалось, что если она сомкнет очи и заснет, то проспит его отъезд из Киреевки. Глупо, конечно, она сама это признавала, но вот убедить себя поспать хотя бы час так и не смогла. Так и лежала она, глядя на лицо Сергея до самого рассвета, пока утро не вступило в комнату сквозь распахнутые окна, и не защелкали ранние птички на деревья сада.

Она же встретила Степана, что пришел будить своего хозяина с первыми лучами солнца.

— Доброе утро, барыня, — смущенно поздоровался с ней денщик и поставил начищенные им сапоги барина у порога входной двери. — Как почивали? Барин уже встал-с?

— Нет пока, — плотнее запахнув капот, ответила Марина. Она зябко повела плечами — с утра было довольно прохладно из-за дождя, пролившегося нынче ночью. — Не хочу будить его, так сладко спит.

Степан принялся чистить мундир Загорского, мягкой тряпочкой бережно и аккуратно начищая блестящие пуговицы. Он старательно отводил взгляд от Марины, словно ему было неловко быть здесь с ней наедине.

— Пора бы, барыня, князя-то будить, пора. Нужно выехать как можно раньше, а то и так уже на гаутвахту попадем, как пить дать.

— Гауптвахту, — автоматически поправила его Марина, а потом нахмурилась. — Князь попадет в гауптвахту?

— А то как же! — воскликнул Степан. — Ведь опоздает он в полк-то, к гадалке не ходи.

— Это правда, что твой барин заговорен? — решила спросить она у денщика. — Верно, что пуля и клинок его не берут?

Степан задумался, а потом улыбнулся в усы:

— Заговорен? Уж простите, барыня, того не ведаю. Были, конечно, ранения у князя, но легкие. Тьфу, а не ранения. А ведь в каких только сечах не бывал! Ух, лютые были! Да и дуэли... Мож, и заговорен-то барин наш, раз так все случается.

Марина кивнула и вышла в спальню, с удивлением обнаружив там почти полностью одетого супруга.

— А! Доброе утро, ранняя пташка! — быстрым шагом он пересек комнату и крепко поцеловал жену. — Не смею спросить, сомкнула ли ты глаза нынче ночью или так и бдела надо мною до утра.

— Ты заметил? — смутилась Марина. — Ах, не смейся же надо мною!

— Не смею, — улыбнулся Загорский. — Что там Степан? Здесь уже?

— Да, ждет тебя в салоне, — Марина помолчала, а потом проговорила, зная, что тотчас встретит его отпор. — Я провожу тебя до выезда из имения.

— Мы это уже обсуждали, — бросил ей в ответ Загорский, принимая из рук вошедшего по его оклику Степана мундир. — Я тебе уже сказал, что не желаю этого. Простимся тут. Негоже замужней даме скакать так рано поутру даже с грумом, — он хитро улыбнулся ей и продолжил. — Как твой супруг, я запрещаю тебе делать это. Да и потом — нынче довольно свежо, я не хочу, чтобы простуда свалила тебя с ног.

Загорский надел мундир, потом прикрепил к поясу саблю и развернулся к ней. Степан быстро поспешил прочь из комнаты проверить лошадей, чье тихое ржание доносилось из полуоткрытых окон спальни, оставив их наедине для их прощания перед дорогой.

— Пора, — подошел Загорский к Марине и встал прямо перед ней, не касаясь ее. Она подняла на него глаза, ярко блестевшие от невыплаканных слез. — Ну же, милая, ты словно на войну меня провожаешь. Улыбнись, я не могу видеть слезы на твоем лице. Думаешь, мне легко сейчас? Если ты заплачешь, клянусь, разрыдаюсь и я. Что ты будешь делать тогда с рыдающим мужчиной? Да и перед Степаном будет стыдно — последний раз он видел меня плачущим в малолетстве. Решит еще, что барин разума лишился.

Марина невольно улыбнулась сквозь слезы, представив рыдающего Загорского. Довольно презабавная картина получилась.

— Ну вот, твоя улыбка нравится мне гораздо больше. Береги себя, милая. Будь стойкой и жди моего письма. Я уверен, что скоро наше дело решится в положительном ключе, только надо подождать немного, — он положил ей палец на губы, не давая возразить в ответ. — И никакого coquetterie ^[63] с Анатодем. Я очень-очень ревнив, предупреждаю. Могу и придушить в гневе, как Отелло.

— Никакого coquetterie, — тихо согласилась Марина.

Загорский быстро и крепко поцеловал ее в губы и почти выскочил из комнаты, словно не в силах долее находиться там. Через мгновение со двора донесся его властный голос, отдававший последние указания Степану перед дорогой.

Марина стояла прямо посреди спальни, слово оглушенная, не в силах двинуться с места. Вот и все, повторяла она про себя, он уехал. Она сжала кулаки еще сильнее, стараясь

успокоить свое глухо стучащее в груди сердце, и почувствовала, как что-то впилося в правую ладонь. Уехал...

Она вдруг сорвалась с места и бросилась вон из спальни. Пробежала через салон прямо в открытую входную дверь, прочь из флигеля. Сбежала по ступенькам крыльца мимо перепуганной ее спешкой Агнешкой, поднимающейся в дом. Она обогнула флигель, едва увидела только удаляющиеся спины Загорского и его денщика и пустилась бежать за ними следом. Босая, непричесанная, в распахнувшемся капоте, мешающем бегу, под недоуменные взгляды проходивших мимо садовников, спешащих приняться за работу.

— Сережа! — крикнула она без особой надежды, что он услышит ее — так велико было меж ними расстояние.

Но он слышал. Услышал и обернулся назад, а заметив ее, стоявшую там, растрепанную и запыхавшуюся, пустил коня обратно. Увидев это, Марина остановилась и стала ждать, когда он подъедет ближе.

— Какая же ты дурочка! — нежно бросил ей Загорский и спрыгнул с седла. Он подошел к ней и схватил ее за плечи. — Боже, ну куда ты выскочила? Да еще босая! Дурочка моя!

— Вот, — Марина протянула ему раскрытую ладонь. — Я забыла тебе отдать. Возьми, это обережет тебя от любых напастей. Это Сергей Радонежский. Он не оставит тебя и сохранит от бед.

На ее руке лежал небольшой серебряный образок на черном шнурке. Недорогой и простой подарок, но при виде его у Загорского защемило сердце.

— Милая моя, — прошептал он и склонил голову, чтобы она надела образок ему на шею. Потом нежно взял ее лицо в свои ладони и стал целовать ее глаза, щеки и губы, приговаривая при этом. — Ты моя милая... мое сердце... мое душа... моя жизнь.

Губы их соединились в последнем перед долгой разлукой поцелуе, и Марина почувствовала в нем все то, что стремился выразить без слов Загорский: его страсть к ней, его нежелание расставаться с ней, оторваться от ее губ.

— Тебе пора, — прервала их поцелуй Марина. — Я не хочу, чтобы ты опоздал в полк. Ты должен быть примерным офицером и заслужить право вернуться ко мне до срока. Ведь год — это целая вечность.

— Целая вечность, — повторил за ней Загорский шепотом. Затем вдруг улыбнулся и прошептал прямо ей в губы:

О, только б огонь этих глаз целовать
Я тысячи раз не устал бы желать.
Всегда погружать мои губы в их свет —
В одном поцелуе прошло бы сто лет.
Но разве душа утомится, любя.
Все льнул бы к тебе, целовал бы тебя,
Ничто б не могло губ от губ оторвать:
Мы все б целовались опять и опять;
И пусть поцелуям не будет числа,
Как зернам на ниве, где жатва спела.
И мысль о разлуке не стоит труда:
Могу ль изменить? Никогда, никогда.

— Обожаю Байрона, — прошептала Марина.

— А я обожаю тебя, — Загорский снова приник к ее губам, и лишь тихое покашливание Степана вернуло их на грешную землю.

— Мне надо ехать, — Сергей прикоснулся лбом к ее лбу. — О Боже! Где ты была раньше? Хотя бы лет на пять?! Ступай, милая, возвращайся в дом. Не стой тут босая.

С этими словами он быстро поцеловал ее в лоб, вскочил на коня и ускакал прочь, подстегивая животное, задав при этом такую скорость, что Степан еле поспевал на своей небольшой лошадке.

— Пошли, касатка, — обняла Марину за плечи неслышно подошедшая Агнешка. — Не стой голыми ногами на сырой земле, так и до горячки недалеко. Вернется он к тебе, куды ему деваться? Пойдем, нянюшка твоя тебе чайку заварит, да водички теплой принесет ноженьки твои погреть. Пойдем, дзитятко мое.

Во флигеле Марину уже ждали. Едва она переступила порог дома, как с кресла поднялась навстречу ей Жюли.

— О, Бог мой! В каком ты виде?! — ахнула она при виде подруги и поспешила к столику, где стоял поднос с горячим чаем. — Тяжело далось прощание?

— Тяжелее некуда, — вздохнула Марина и опустилась в кресло напротив. Агнешка тут же принесла таз с водой и принялась мыть ей ступни. — Брось, Гнеша, я сама, — попыталась Марина остановить старую нянечку, но та лишь отмахнулась от нее. Поэтому она откинулась на спинку кресла и договорила подруге. — Я не смогла заснуть всю ночь. Все лежала и смотрела на него. Думала, как же я смогу отпустить его от себя да еще так надолго. К тому же эта неизвестность... это молчание по поводу нашего брака убивает меня. Тяжко же будет мне тут без него. Ему легче — уехал и все, а мне здесь всем в глаза лгать придется да изворачиваться.

— Да уж, — вздохнула Юленька, протягивая Марине чашку с горячим чаем. — Даже не знаю, что и посоветовать тебе. Тяжело тебе придется. Да еще и мы уезжаем... Может, нам остаться? Ты знаешь, я всегда готова помочь тебе, *ma chérie*.

— Упаси Господь, — замахала руками Марина. — Уезжай и даже не думай про меня. Ты столько ждала этой поездки! Езжай, милая, справлюсь я сама. К тому же ждать совсем недолго — Серж пообещал, что вскорости уговорит своего деда сменить гнев на милость к нам. Да и при хорошей службе ссылку могут сократить. Так что не все так страшно и тревожно, как смотрится со стороны.

— Совсем запамятовала, — Юленька вдруг подскочила с кресла и снова подбежала к столику. Она взяла с подноса письмо и протянула его Марине. — Прислали нынче с почтовыми. От твоей маменьки.

Марина быстро развернула письмо и углубилась в чтение. По мере прочтения написанного на ее лицо все больше и больше набегала тень.

— Что там? Что случилось? — встревожилась Юленька, видя, как помрачнела подруга.

— Дурные вести. У тетушки был удар. Мне надо срочно возвращаться в Петербург.

В доме было неестественно тихо, и с некоторых пор эта тишина действовала Марине на нервы, раздражая до крайности. Не стало громких и яростных ссор сестер, не стало смеха и разговоров. Казалось, их шумное семейство лишилось языков. Еще никогда не было такой тишины в этом доме. Даже слуги предпочитали общаться знаками между собой, а не говорить. А больше всего раздражал Марину тот факт, что эта тишина установилась не как следствие нахождения в доме больного человека, а по требованию этого маленького человека, пасынка Софьи Александровны.

Он приехал из Москвы почти сразу же, как получил письмо о болезни своей мачехи. Как и предполагала Анна Степановна, он уже чувствовал себя полноправным хозяином в доме, словно Софья Александровна уже умерла. Его важный вид, его напыщенность, его притворная озабоченность ведением домашнего хозяйства тяготили семейство Ольховских. Он сделал все, чтобы они чувствовали себя приживалами и нахлебниками, чего никогда не позволяла себе тетушка Марины.

— Вы расходуете слишком много денег, — выговаривал этот маленький человек в потертом сюртуке ключнице и поварихе. — Необходимо сократить расходы вполовину. Например, к чему подавать за столом чистое вино? Разбавляйте его, милочки, водой. Чай, не перед кем тут показываться, свои все. Да и захмелеть за семейным столом тоже негоже совсем.

Марина, узнав об этом разговоре, от Прасковьи Ивановны, ключницы в доме тетушки, лишь покачала головой:

— Боже, какой скряга!

— И не говорите, барышня! На что угодно готова биться, что зимой у него дом не тоplen, как следует. Бедная дворня его! — запальчиво ответила ей ключница.

— Зря ты так, Прасковья Ивановна, может он не от хорошей жизни стал таким, — возразила ей Марина. — Может, он вынужден был считать каждую копейку.

— Я вас умоляю, барышня, нам-то хорошо известно, что у него вполне приличный годовой доход, при котором копейки можно и не считать. Хорош гусь! Еще и неизвестно, что там с барыней, вдруг поправится, а он уже делит тут все. Да если барыня и отдаст Богу душу (ой, не приведи Господь!), то еще никто не ведает, что и кому она оставит. А он тут уже ходит гоголем! Тьфу ты!

Марина сомневалась, что Софья Александровна полностью оправится когда-либо после удара, что настиг ее однажды утром. У нее парализовало всю левую сторону тела и частично правую. Она не могла ходить, не могла самостоятельно есть и справлять надобности. Даже разговаривала она с большим трудом.

Марине было невыносимо больно видеть свою обычно жизнерадостную и полную энергии тетушку в таком плачевном состоянии. Она постоянно находилась при ней — читала ей вслух или помогала девкам, что ходили за ней, по мере возможностей. И делала она это вовсе не потому, что хотела что-то «получить со старухи», как выразилась ее сестра Лиза, а просто потому, что ей хотелось хоть как-то отблагодарить тетушку за все, что та сделала для семьи Ольховских и для нее самой.

Кроме того, при этом она невольно соблюдала свое намерение, как можно меньше бывать с Анатолем, который приезжал с визитом чуть ли не каждый день и постоянно звал

ее куда-либо вечерами — на раут ли, музыкальный вечер или в театр. Дату торжества по случаю помолвки пришлось отодвинуть на несколько недель в виду последних обстоятельств, что невольно сыграло ей на руку. Теперь осталось только протянуть как можно дольше с оглашением.

Ее поведение вызывало сначала скрытое недовольство Анны Степановны, которое спустя три дня перешло в бурное негодование.

— Ты ведешь себя неразумно! — кричала она на дочь. — Дождешься, что граф откажется от тебя при твоём-то пренебрежении. И потом — мы должны принимать приглашения. Моя тетка вовсе не умерла, а мы не в трауре, чтобы не выезжать. Ты слышала, что сказал доктор? Софья Александровна может так пролежать годами! Мы что, будем сидеть здесь вечно? Да я с ума сойду с этим... этим... этим скрягой московским, запертая в четырех стенах!

— Маменька, прошу вас говорите потише, — только и произнесла в ответ на ее бурную речь дочь. — Андрей Афанасьевич может слышать. Сомневаюсь, что ему понравятся ваши эпитеты на его счет.

Анна Степановна внимательно посмотрела на дочь. Кажется ли ей или Марина действительно смеется над ней, ее матерью? Не ирония ли прозвучала сейчас в ее голосе?

— Подумай о сестрах. Они в самой поре. Их тоже надо вывозить.

— Выезжайте тогда с ними, маменька, — сказала Марина. — Что мне бывать на балах, я уже почти жена.

— Ты действительно говоришь сейчас, что думаешь? Или ты издеваешься надо мной, собственной матерью? Присутствие Анатоля Михайловича рядом с нами или выезд по его приглашению открывает многие двери в Петербурге. А как он может сопровождать нас или мы выезжать с ним, когда ты, его невеста, не будешь с нами? Иногда ты кажешься мне такой глупой, право слово! Принеси мне мои соли из спальни, у меня опять началась жуткая мигрень. Тебе совсем не жаль моего здоровья! Какая же ты дочь, если не хочешь сделать матери приятность?! Раньше ты слушалась меня беспрекословно, а теперь лишь стоишь, хлопаешь глазами своими хитрющими да делаешь все по-своему, наперекор мне, матери. Что случилось с тобой?

И Марина внезапно поняла, что своим поведением будет и дальше вызывать вопросы у матери, которая может свести эту внезапную перемену к ее поездке в Киреевку и начать выяснять причины. А уж что-что, а докапываться до истины Анна Степановна могла лучше любого заправского сыщика!

Да и у Анатоля Михайловича вскорости могли возникнуть вопросы по поводу внезапного охлаждения к нему собственной невесты, которое он тоже мог свести к их разлуке в несколько дней, что она провела в имении Арсеньевых. Жюли призналась, когда провожала Марину в Петербург, что разослала знакомым письма о том, что она не принимает никого по причине недомогания, чтобы избежать появления в имении лишних свидетелей. Такое же письмо получил и Анатолий, что и держало его помимо воли в отдалении от Киреевки и его невесты в те несколько дней. Неразумно было и далее держать его на расстоянии.

Посему Марина решила изменить свою тактику. В тот же день она решила принять Анатоля, о чем и сообщила довольной Анне Степановне. Кроме того, ею было принято решение принять приглашение на музыкальный вечер у княгини Львовой, матери Жюли.

— Умница моя, — мать поцеловала Марину в лоб, довольно улыбаясь. — Наконец-то

поняла, что такими женихами не разбрасываются.

Марина ждала своего жениха с малой гостиной, стискивая в напряжении руки до боли в костяшках пальцев. Она страшилась встречи с женихом. Ей казалось, что он прочитает в ее глазах, что она лгунья и притворщица. Это заметила ее сестра, выезжающая нынче вечером с ними, о чем не преминула сообщить во всеуслышание:

— Волнуешься перед встречей с женихом? Давненько ты его не принимала. Небось, уже забыла, как выглядит-то?

Марина открыла было рот, чтобы ответить ей, но в это время распахнулись двери, и в комнату вступил Воронин. Он подошел по обычаю сначала к ручке Анны Степановны, затем к Марине и ее сестре. Приветствуя невесту, он слегка сжал ее пальцы перед тем, как отпустить ее ладонь.

— Я не видел вас целую вечность, Марина Александровна, — сказал он при этом. — Въ удивительно похорошели за это время.

— Благодарю вас, Анатоль Михайлович, — пролепетала Марина в ответ. Анатоль, приметив легкую дрожь в ее голосе, удивленно вскинул брови, но промолчал. Он прошелся через гостиную и принял из рук лакея бокал с вином.

— Как здоровье Софьи Александровны? — осведомился он, присев в кресло напротив софы, на которой расположились Марина и ее сестра.

— Ах, Анатоль Михайлович, без изменений. Бедная тетушка! — Анна Степановна картинно прижала кружевной платок к глазам, будто промокая слезу, что чуть не заставило Марину фыркнуть от раздражения ее лицемерием. Она-то знала, что маменьку волнует здоровье тетки только по той простой причине, что Анна Степановна пока не имеет никаких преимуществ в битве с предполагаемым наследником. Поэтому ей было крайне выгодно, чтобы Софья Александровна осталась жива, а не отдала Богу душу.

— Как ваша поездка, Анатоль Михайлович? — спросила Анна Степановна. Разумеется, он писал Марине из Москвы и также по приезде в столицу, и она, как мать, была в курсе последних новостей, касающихся жениха дочери, но не могла не спросить, чтобы хоть как-то поддержать разговор, ибо явно ощущала некая неловкость меж всеми собравшимися в диванной. Особенно ее беспокоило поведение дочери сейчас. Та сидела с неестественно прямой спиной и словно приклеенной к губам улыбкой.

— Благодарю вас, Анна Степановна, хорошо.

— Как ваша сестрица?

— Здравствует, благодарю вас.

Внезапно двери в гостиную опять распахнулись, и в комнату буквально вкатился на своих коротких ножках пасынок Софьи Александровны.

— Ах, какая честь для этого дома видеть вас здесь, дорогой граф! — выдал он сходу, подскочив к Анатолю и протягивая ему руку для пожатия. Подобная фамильярность слегка покорила Воронина, но, тем не менее, он поднялся и протянул свою ладонь.

— Простите, не имею чести быть представленным вам, — проговорил он ледяным голосом.

— Заболотнев Андрей Афанасьевич, сын Софьи Александровны Заболотневой, — маленький человечек долго тряс руку Воронина, пока тот не отнял ее предельно аккуратно, стремясь ненароком не обидеть того.

— По мужу, — вставила недовольно Анна Степановна. — Андрей Афанасьевич сын супруга Софьи Александровны от первого брака.

— Очень приятно, — кивнул Воронин и вновь опустился в кресло после того, как Заболотнев втиснул свое пухлое тело на софу рядом с девушками, что отнюдь не обрадовало их.

— Ну, — слишком резко сказала Лиза. — Не пора ли нам выходить? Уж скоро семь пробьет.

— Лизонька, en voilà des manières! ^[64] — воскликнула шокированная Анна Степановна. Затем обратилась к Воронину. — Pardonnez ma fille, cher comte ^[65]. Она так нетерпелива во всем, что касается выхода в свет. К тому же, вы почти наша семья. А в семье можно простить небольшое отступление от правил политеса.

— Не беспокойтесь об этом, Анна Степановна. Какие могут быть правила между родственниками? — ответил ей с улыбкой Воронин. — К тому же она права — нам действительно пора выходить. Но прежде...

Он поднялся с кресла и дал знак лакею, стоявшему у двери. Тот кивнул и вышел, чтобы спустя некоторое время воротиться в комнату с коробкой в руках. Анатолий повернулся к Марине и проговорил:

— Примите, Марина Александровна, в знак нашего соглашения.

Марина тоже поднялась, когда лакей поставил коробку на столик перед софой. Ее сердце тревожно билось. Она не знала, как ей следует поступить сейчас, тем паче, что она уже догадалась, что за предмет лежит в коробке.

Лакей поднял крышку, и Анна Степановна с Лизой и Заболотневым, вытянув шеи (что выглядело очень комично, не могла не заметить Марина) заглянули в коробку.

— О Боже! — выдохнули женщины в унисон, а Лиза потрясенно добавила. — Какая красота!

— О! Это же тысячи три, не меньше! — воскликнул Заболотнев, что заставило Анатолия невольно скривить лицо в раздражении.

В коробке лежала белая турецкая шаль. Такая легкая, такая воздушная, что ее можно было продеть сквозь обручальное кольцо, как, согласно бытовавшему в обществе поверию, можно было определить ее подлинность.

Традиционный подарок жениха невесте во время помолвки.

Мысли Марины судорожно метались в голове в поисках наиболее оптимального выхода из этой ситуации, в которую она попала. Вероятнее всего, Анатолий настаит, чтобы она взяла шаль с собой на музыкальный вечер. А появиться там в его присутствии в белоснежной турецкой шали на плечах явно говорило окружающим, что они намерены скоро сделать оглашение помолвки, намного явственнее, чем кольцо на безымянном пальце. Такую вещь девушки не покупали самостоятельно, отдавая дань традициям помолвки.

— Благодарю вас, Анатолий Михайлович, — вежливо улыбнувшись, наконец проговорила она и протянула ему руку для поцелуя. Жених взял ее ладонь и прикоснулся к ней губами в быстром, но нежном поцелуе. Когда он поднял голову от ее руки, Марина прочитала в его глазах недоумение и растерянность, которые сменились в мгновение ока непроницаемой вежливостью. Показалось ли ей это или Анатолий действительно заметил ее замешательство?

— Ты ведь наденешь шаль сегодня к Львовым, n'est-ce-pas ^[66]? — скорее утвердительно произнесла Анна Степановна дочери, доставая воздушное чудо из коробки. — Примерь, дорогая, мы все хотим полюбоваться твоей красотой. Уважь своего жениха.

Вот оно. Началось!

Марина слегка нервно улыбнулась матери и, взяв протянутую шаль, накинула ее себе на

плечи. Она мельком взглянула на Анатоля и заметила, как он напряженно наблюдает за ней. Неужели она так открыта перед ним сейчас в своем нежелании признавать их помолвку перед светом? Неужели он видит, сколь не по себе ей становится при любом напоминании о ней? Ей нужно убедить его в обратном. Очередной скандал с маменькой по поводу ее холодности к жениху ей вовсе ни к чему.

Она прошлась по комнате с шалью на плечах так легко и грациозно, что присутствующие невольно залюбовались ею: Анатолий — с явной любовью в глазах, маменька — с гордостью перед гостями, что старшая дочь удалась на славу. Вся в нее, в свою мать!

— Ты просто обязана надеть ее, моя милая, — улыбнулась Анна Степановна дочери. — Такую красоту не следует скрывать в сундуке. Нынче же!

По тону ее голоса Марина поняла, что спорить не следует, но не могла не попробовать возразить ей:

— Не кажется ли вам, маменька, что нынче вечером будет не столь прохладно, чтобы брать турецкую шаль? Может, кружевная будет более к месту?

— Не спорь, дорогая, — уже более холодно сказала Анна Степановна. — Турецкую.

Марине ничего не оставалось, как склонить голову в знак согласия. Спорить далее означало показать себя невоспитанной и дерзкой. Прибегнуть к последнему аргументу — мол, это будет негласным знаком, что они помолвлены с Ворониным — ускоряло оглашение помолвки в свете, ведь Анна Степановна с готовностью ухватится за такую возможность. И не посмотрит на отговорки, что мол, сейчас совсем не время. Нездоровье тетушки не остановит Анну Степановну в деле, когда решается ее будущее.

— Моя дорогая, — встретила по приезде их маленькую группу княгиня Львова и сердечно расцеловала ее. — Я так долго не видела тебя. Дай-ка припомнить. Да, кажется, с тех самых пор, как мы вернулись с тобой из Киреевки после отъезда моей дочери. Почитай, уж две недели. Что так? Ты была нездорова?

— Нет, благодарю вас, — улыбнулась той Марина. — Слава Богу, и я, и моя семья здоровы. Только вот это несчастье с тетушкой...

— Да, милая, знаю-знаю. Но Бог даст — здоровье Софьи Александровны поправится, — княгиня погладила Марину по руке и только тут заметила шаль у нее на плечах. — Марина, что же ты молчишь? Так значит, это правда, о чем толкуют нынче? Вы с его сиятельством графом Ворониным помолвлены?

Марина почувствовала, как все замерли в ожидании ее ответа — мать явным ожиданием в глазах, Львовы с любопытством. Лишь по лицу графа не скользнуло ровным счетом ничего, ни одна черта лица не дрогнула, словно ему было безразлично происходящее сейчас.

— Да, Анатолий Михайлович сделал мне предложение, и я приняла его, — тихо сказала она. Княгиня рассмеялась и спешно проговорила:

— Поздравляю, милая. Мы так рады за тебя с супругом. Ты ведь выросла на наших глазах, и нас беспокоит твоя судьба, словно ты нам родная. Лучшего супруга и не сыскать для тебя, — добавила она уже шепотом только Марине. Потом повернулась к Воронину и обратилась к нему. — Вы еще не оглашали свою помолвку, раз о ней только перешептываются? Окажите любезность, огласите ее нынче за ужином. Негоже таить от друзей такое событие.

Воронин только улыбнулся ей в ответ:

— Княгиня, я бы с превеликой радостью объявил об этом на весь белый свет. Но

Марина решила держать наш сговор в тайне из-за болезни тетушки. Ей кажется, что оглашение сейчас весьма не к месту. Я уважаю ее родственные чувства, ее сомнения, поэтому моя просьба должна быть адресована именно моей нареченной.

Он имел полное право ответить на этот вопрос, ведь княгиня адресовала свой вопрос ему. Но он предоставил это право Марине — согласиться на оглашение или попросить княгиню и далее держать все в тайне. Но как ей можно было даже думать о последнем, когда он так выжидательно смотрел на нее, и что-то в его глазах подсказало ей, как важно для Анатоля это оглашение. Как можно было опять обмануть его ожидания? Она так чувствовала себя неловко, что не в состоянии в полной мере дать ему того, что он ждет от нее. А думать о том, как Анатолий воспримет тот факт, что она лгала ему все это время, что она супруга другого... Нет, она не хочет об этом даже думать.

К тому же помолвка — это еще не венчание, успокаивала себя Марина. Можно растянуть ее время на месяцы, и даже на годы.

— Мы сочтем за честь сообщить о нашей помолвке в вашем доме, княгиня, — кивнула головой Марина и почувствовала, как спало напряжение меж ними тремя — ею, Анной Степановной и Анатодем. Воронин улыбнулся ей и поднес ее руку к губам, а ее маменька радостно затараторила, обмахиваясь веером:

— Вот и я им говорила, княгиня — почто тянете с оглашением? Все ссылаются, что еще не время. Так и до венчания никогда не договориться. Как было раньше? Обручились и сразу же оглашали о помолвке, а не таились, словно сглаза боясь.

— Да уж времена нынче не те, — согласилась с ней княгиня. — Помнится, раньше помолвка была не менее трех лет, проверяли чувства молодые. А нынче что? Не успели обручиться, как бегут под венец. Разве ж это дело? Вы слышали, уважаемая Анна Степановна, что..., — и княгиня увлекла мать Марины в сторону, торопясь сообщить ей нечто, непредназначенное для ушей сестер Ольховских. Поэтому они немного замешкались с входом в салон и прошли к своим местам в числе последних гостей.

Их прибытие было встречено любопытными взглядами. Марина знала, что в последнее время из-за ухаживания за ней Воронина и открытого преследования Загорским стала одной из фигур пристального внимания столичного света, поэтому уже привыкла к ним и более не смущалась, перехватив такой пристальный взгляд на себе, а лишь вежливо улыбалась в ответ или кивала, в зависимости от глядевшего.

Но сегодня эти пристальные взгляды вызывали в ней раздражение и дискомфорт. Она видела, как начали перешептываться, прикрываясь веерами некоторые дамы, в то время как она с родственниками и Ворониным рассаживались в кресла перед импровизированной сценой, где должны были располагаться музыканты.

Марина знала, что гости, присутствовавшие на охоте в Киреевке, уже «*en grand secret*» [67] поведали своим знакомым и друзьям об их помолвке, и то, что официального оглашения так и не состоялось позднее, интриговало свет. Она кожей ощущала их неприкрытое любопытство «Помолвлены все же иль нет?», «Что меж ними?». Поэтому может и к лучшему, что нынче за ужином будет оглашено их соглашение. Зато не будет больше перешептываний за спиной и косых взглядов, что донельзя действовало на ей нервы. Особенно теперь.

У нее словно гора с плеч свалилась. Больше не надо никаких уверток и лжи, чтобы отговариваться от официального оглашения. Все решилось само собой, так она и напишет Загорскому, вернувшись домой. Он, конечно, будет недоволен, но с другой стороны, так

даже проще.

Марина повернулась к Воронину, сидевшему в кресле подле нее, и улыбнулась ему. Он, заметив, что ее настроение пошло вверх, улыбнулся ей в ответ. Но улыбнулся как-то странно. Одними губами. Глаза же внимательно смотрели на нее, словно стремясь проникнуть в самую глубь ее головы и прочитать мысли.

— Нам необходимо договориться сейчас о дате.

Марина испуганно взглянула на него. Ее сердце заколотилось, словно птица в клетке.

— Дате? Какой дате?

— Дате ужина по случаю помолвки. Я не думаю, что из-за болезни тетушки вы согласитесь дать бал в честь помолвки. Небольшой ужин. Персон на четыре-пять десятков, не более.

— Пять десятков? — удивилась Марина. — Так много гостей? Так ведь весь Петербург нынче на дачах. Соберутся ли? Может быть, стоит отложить до осени? Или хотя бы до Ильи?

— До Ильи еще больше месяца, — слегка раздраженно сказал Анатолий. — Почему бы тогда вообще не на Покров? Или не после Великого Поста? Вы меня удивляете, право слово. Так когда? Назначьте только дату. Необходимо решить сейчас, чтобы огласить за ужином. Я хотел бы назначить ее до середины июля.

— Поступайте, как знаете, — ответила ему резко Марина, сама того не желая. — А лучше спросите у маменьки. Она с удовольствием даст ответ этот вопрос.

— Видимо, я так и поступлю, — вспыхнул Воронин, стараясь говорить при этом как можно более спокойно — ведь вокруг них сидели люди. — У меня вообще создается ощущение, что ваша маменька рада...

Это мгновение музыканты на сцене начали концерт с одного из сочинений Моцарта, и музыка заглушила конец его реплики. Тем не менее, Марина могла легко догадаться об ее окончании: «...намного больше этой помолвке, чем вы!».

Марина скосила глаза на профиль жениха. Со стороны создавалось ощущение, что он внимательно слушает музыку, но вот только слишком плотно уж сжаты его губы, да слишком часто бьется маленькая тонкая венка на виске. Он был просто в бешенстве от ее поведения, и она не могла винить его за это.

Как же все запуталось! Она не в состоянии больше продолжать этот фарс. Она не может более лгать и изворачиваться. Ни минуты более. Первый же выход в свет с Анатолем, и все просто пошло не так, как ей хотелось. А что будет далее? Она не может более избегать его присутствия. Это будет по меньшей мере странно. А быть с ним рядом она не могла — слишком уж тяжело для нее обманывать и притворяться. Ей следовало с самого начала настоять на отъезде вместе с мужем к месту службы, и гори здесь все огнем!

Решено. Марина сегодня же напишет, что не может долее принимать участие в этой трагикомедии, и что она настаивает на соединении с Загорским. Пусть даже в горах, на Кавказе. Пусть в каком-нибудь горском селе, даже не в уездном городе. Ей уже абсолютно все равно, лишь бы прекратить все это.

Музыканты взяли верхние ноты, и Марина вздрогнула от неожиданности, возвращаясь из своих мыслей обратно на грешную землю. Она любила музыку и обычно полностью погружалась в нее на концертах, но сегодня этого не произошло из-за всего произошедшего нынче вечером. Она попыталась сосредоточиться на Моцарте, но тут ее ухо уловило тихое упоминание князя Загорского. Марина напрягла слух, чтобы разобрать чужой разговор шепотом.

— ...ужас, просто ужас!... шутка ли... — донеслось до нее откуда-то слева и сзади.

— Да-да, все так и есть! — заверила дама свою собеседницу. Она сидела ближе, и ее слова Марине были хоть и плохо, но слышны.

— ... супруга .... возмутительно...quel scandale [\[68\]](#)!...

— Ну, другого и я не ожидала. Давно было понятно, что она уйдет к нему рано или поздно. Представляю, какотреагирует князь!

— .... князь... или...

— Оба, милочка. Оба! — и дамы приглушенно рассмеялись.

Марина отпрянула в другую сторону от них. Она всегда знала, что подслушивающий никогда не услышит приятного для себя, но подобного вовсе не ожидала. Что там? Что там с Загорским и с какой-то женщиной? Видимо, женщиной из общества, ибо упоминалось слово «скандал».

А если... если открылось их венчание, и именно об этом шептались позади нее?

О Боже! Марина часто задышала в испуге. Ее голова пошла кругом, и ей пришлось приложить немалые усилия, чтобы не упасть в обморок прямо сейчас, в середине концерта. Она протянула руку к сестре и выхватила у той веер, принявшись резко и часто обмахиваться им.

— Вам нехорошо, Марина Александровна? — склонился к ней заботливо Воронин. — Нынче вроде не так душно, как обычно.

— Слегка закружилась голова, — неловко улыбнулась ему Марина. Она не могла сообразить, что нужно отвечать ему сейчас. Мысли ее судорожно метались в голове. — В последнее время из-за духоты я почти не отдыхаю толком.

— Почему вы не сказали, что утомлены? Я бы не стал тогда настаивать на выходе нынче вечером, — сказал Воронин. — Поверьте, не стоит угождать мне в ущерб себе.

Почему он так странно смотрит на нее? Опять это выражение глаз. Словно подозревает ее в чем-то. Ах, почему она не выезжала в последнее время! Сейчас бы не мучилась сомнениями.

— Вы так побледнели, — опять прошептал Воронин ей в ухо. — Может, вы хотите выйти на свежий воздух? Здесь немного душно.

Марина коротко кивнула, чувствуя, что задыхается здесь, и с благодарностью приняла его руку. Видя, что они поднялись с кресел, окружающие зашущукались, а музыканты сбились с ритма и смолкли. Воронин махнул им рукой, мол, продолжайте концерт.

— Ей стало дурно, — объяснил он подошедшей к ним княгине Львовой. — Нужно вывести ее на свежий воздух.

Княгиня махнула музыкантам, приказывая им продолжать, потом поманила за собой Воронина и опирающуюся на его руку Марину к распахнутым дверям на балкон в соседней комнате.

— Пусть она побудет тут. Принеси кресло и мои нюхательные соли, — приказала она спешащему к ним лакею. — Ничего страшного, милочка, — потрепала она Марину по руке. — С кем не бывает. Духота нынче летом и вправду удивительная. А тут еще и свечи...

Анатолий помог Марине опуститься в принесенное кресло и встал поодаль, наблюдая за тем, как она вдыхает в себя резкий запах солей, протягиваемых рукой княгини. На балкон, громко шурша шелком юбок, почти вбежала запыхавшаяся Анна Степановна.

— Боже, какой позор! — всхлипнула она, едва отдышавшись. — Это что за incartade [\[69\]](#)? Уйти прямо посреди концерта на виду у всех...

Марина откинулась на спинку кресла и закрыла лицо ладонями.

— Ну-ну, будет, — успокаивала ее княгиня. — С кем не бывает обморока на вечере? Даже я пару раз теряла сознание. Однажды прямо на балу посреди танца. И ничего, как видишь, живу и здравствую. Корсет, видно, перетянула? — она вдруг подняла глаза на Воронина и смутилась, вспомнив, что женщины не одни на балконе. — Мне надо возвращаться к гостям, милая. Анна Степановна, вы идете со мной или остаетесь? Марине станет скоро лучше, а вы оставили Лизетт одну. Я думаю, они вполне могут остаться вдвоем. Хуже уже не будет. Когда Марине Александровне станет лучше, граф проводит ее в салон или в большую столовую, если к тому времени мы сядем за стол.

— Что она имела в виду? — удивленно спросила Марина, едва княгиня и мать покинули балкон.

Воронин поморщился недовольно.

— Подозреваю, после вашего приступа дурноты гости начнут делать ставки, насколько быстро состоится наше венчание. Не стоит даже думать об этом. Что толку?

Он облокотился о перила балкона и, скрестив руки на груди, уставился без зазрения совести на нее в упор. Марина смущенно отвела взгляд. Что происходит? Это что за нарушение этикета? И кем? Анатодем, который всегда следовал ему от и до.

— Как вы чувствуете себя сейчас? Может, вам подать воды? Бокал вина? — получив в ответ кивок Марины, Воронин жестом показал стоявшему в отдалении лакею принести что-нибудь прохладительного.

Нервы Марины не выдерживали тишины, установившейся после этих слов. Она чувствовала себя виноватой перед Анатодем да еще к тому же эта неизвестность по поводу ее положения...

— Я сегодня опозорила себя хуже некуда. Будет о чем поболтать в гостиных в ближайшее время. Нужна ли вам такая невеста, Анатолий Михайлович? — полушутя закинула пробный шар Марина. Если он чем-то недоволен в ее поведении или в ней самой, то самое время сказать об этом.

— Меня, напротив, мучает непрерывно в последнее время почти аналогичный вопрос. Нужен ли вам такой жених?

Марина окаменела от резкости его тона. Она судорожно искала достойный ответ на этот вопрос и не находила. Ее спас лакей, ступивший на балкон и принесший на подносе бокал с водой и ломтиком лимона. Воронин жестом показал ему удалиться, Марина же за этот короткий промежуток времени успела собраться с мыслями.

— Вы нынче не в духе, Анатолий Михайлович? Иначе я не могу понять и объяснить причин подобной резкости со мной.

Воронин вдруг резко сорвался с места и опустился на одно колено перед ее креслом, положив ладони на ручки, заблокировав таким образом ее свободу действий.

— Простите меня, Марина Александровна. Просто я действительно не в духе последние несколько дней, но не имел никакого права показывать вам мое дурное настроение, — он взял из ее рук бокал и поставил рядом с креслом. Потом заключил ее руки в свои ладони, нежно касаясь то и дело каждого ее пальчика. — Служба в такую жару — сущее мучение. Уж лучше бы стояли холода крещенские, чем такая духота. Потом случившееся с вашей тетушкой. *C'est terrible* [\[70\]](#). И я так долго не видел вас... Да и положение дел одного из друзей вызывает мои опасения.

Марина моментально напряглась при этих словах, стараясь ничем не выдать своему

собеседнику своего волнения.

— А что случилось? Что-то серьезное? Не Арсеньевым, я надеюсь?

Воронин поднял голову и посмотрел ей в глаза.

— Нет, не с Арсеньевым. С князем Загорским Сергеем Кирилловичем.

— Он же был выслан на Кавказ, если не ошибаюсь, — сердце Марины колотилось, как бешеное. Сама же она старательно изображала из себя само хладнокровие. — Надеюсь, ничего дурного с ним не произошло?

— Пока нет. Но при таком раскладе дел я уверен, что мы еще услышим о нем не раз, — Анатолий по-прежнему не отрывал от нее взгляда, сжимая ее ладони в своих руках. — Дело в том, что (разве вы не слышали еще об этом?) графиня Ланская, узнав про ссылку Загорского, оставила своего супруга и выехала вслед за князем в Пятигорск. Видимо, они сейчас уже вместе, ведь она уехала сразу же вслед за ним. Странно, что вы не слыхали об этом. Эту новость не обсуждал разве что ленивый.

Марина даже не бровью не повела в ответ на это известие. Внутри же нее все оборвалось — Сергей и эта женщина! Почему она не оставит его в покое? Разве можно так унижаться перед мужчиной? Оставить супруга! Это было равносильно смерти для светского общества.

— Старый князь Загорский сначала закрылся в своем имении и никого не принимал. Но когда поползли слухи о том, что это Серж уговорил графиню оставить мужа и уехать с ним, поспешил в Петербург, чтобы лично опровергнуть эти слухи, — продолжал Анатолий. По нему было видно, что доволен тем, как она спокойно восприняла его слова. — Он утверждает, что Серж никогда не пошел бы на этот scandale [\[71\]](#), ведь это означало бы принизить фамилию Загорских. Ссылается на сумасбродство графини. Мол, это была и есть полностью ее идея, а его внуку даже неизвестно о происшедшем. А что ему еще остается делать в этой ситуации? Пока не придет письмо от Сержа, мы так и не узнаем, как было все на самом деле.

Я знаю, хотелось крикнуть Марине во весь голос. Это неправда, что они уехали вместе, ведь я его венчанная супруга. Он клялся мне у алтаря, что будет верен мне и только мне.

«... — Он желает тебя (да, именно так!), но не остынет ли он, получив желаемое? Не оставит ли он твою постель ради другой?»

Неужели слова ее маменьки оказались пророческими? Неужели он действительно мог договориться с графиней? Но даже если это не так, разве можно устоять перед красотой этой женщины?

Я не буду об этом думать. Не буду.

Марина вынула руки из ладоней Воронина и сжала виски пальцами.

— Что с вами? — встревожился Анатолий. — Вам снова дурно?

— Похоже, начинается приступ мигрени, — Марина улыбнулась ему дрожащими губами. — Это все духота... Не припоминаю такого жаркого лета в последние десять лет.

Она оперлась на его руку и поднялась на ноги. Потом взглянула на него и вдруг неожиданно для самой себя ласково провела пальцами по его щеке. Он был таким надежным, таким благородным...

— Нам нужно возвращаться. Мы слишком долго здесь сидим. Давайте вернемся к остальным, и, naturellement [\[72\]](#), объявим собравшимся о fiançailles [\[73\]](#). И дата ужина... Пусть будет в следующую пятницу. Думаю, мы с маменькой успеем все подготовить. Пять десятков гостей, n'est-ce pas?

Что она говорила дальше, Марина так и смогла вспомнить. Она словно раздвоилась. Одна Марина стояла рядом с Ворониным во время оглашения их помолвки, счастливо улыбалась, когда жених целовал ей руки, и принимала поздравления.

Другая же стонала и плакала где-то внутри той, счастливой. Криком кричала от неизвестности и сомнений, ярости и ревности, которые грызли ее душу.

Подобное раздвоение потребовало от Марины всех ее сил. Поэтому едва она переступила порог дома, как моментально расслабилась и телом, и мыслями. Скоро пожелав матери и сестре спокойной ночи, девушка было направилась к себе, но властный окрик матери заставил ее остановиться. «Только не сейчас», взмолилась она про себя. Запас ее притворства на сегодня был исчерпан полностью, а игра в кошки—мышки с матерью требовала двойных усилий.

— Я хотела тебе сказать, что невероятно горжусь тобой, моя милая, — начала Анна Степановна, привлекая к себе дочь и целуя ее нежно в лоб. — Ты меня порадовала сегодня, несмотря, конечно, на твой промах с *vertige* [74]. Ну да ладно, Бог с ним. Завтра же поедем к *mademoiselle Monique*. Только имя графа сможет помочь нам получить платье до среды.

— До среды? — Марине казалось, что маменька говорит на незнакомом языке. Она настолько устала морально от всего происходящего, что голова уже совершенно ничего не соображала.

— Ах, ты Боже мой! Что с тобой? В среду состоится праздник в Петергофе, и ты туда поедешь с Анатолом Михайловичем. День рождения императрицы.

Марина кивнула в ответ. Ей было уже абсолютно все равно, чей праздник она должна была посетить через несколько дней. В данный момент она уже мысленно писала письмо Сергею, к чему и намеревалась приступить, как только перешагнет порог своей спальни. Если только, конечно, не уснет прямо на пороге.

— Ты устала, дитя мое, — улыбнулась Анна Степановна. Она снова обняла свою дочь и ласково потрепала ее щеку. — Иди и ложись, моя милая. Уж через пару часов светать начнет.

Если бы Марина не находилась бы мыслями сейчас так далеко от этой комнаты, то ее насторожила бы эта неожиданная нежность и игривость маменьки. Но в данный момент девушка стремилась, как можно быстрее уйти к себе, поэтому она быстро опустилась в небольшом книксене и направилась к двери.

— Дитя мое, — остановил ее на пороге голос матери. Марина обернулась к той. — Я хотела тебя спросить, а что, говорят, Жюли не делала визитов перед отъездом?

— Нет, не делала, — ответила Марина, недоумевая. К чему это вдруг маменька среди ночи вспомнила о правилах этикета?

— А да, вспомнила, — улыбнулась Анна Степановна. — Она ведь занемогла прямо перед отъездом за несколько дней. Какая удача, что здоровье вернулось к сроку, и они смогли ехать! Жаль только не попрощались ни с кем, ведь такая долгая разлука. И вот досадно — гостей не примешь-то с визитами из-за болезни, *n'est-ce pas*?

— *Oui, bien sûr* [75], — пожала плечами Марина.

— *Bonne nuit, ma chérie* [76], — улыбнулась Анна Степановна, отпуская наконец-таки дочь к себе. Та пожелала матери доброй ночи и вышла.

Трак! Раздался в тишине комнаты тихий звук. Это сломалась костяная ручка веера, что Анна Степановна так сильно сжимала в руке на протяжении всего разговора с дочерью.

Анна Степановна в который раз прошла из угла в другой угол офицерской. В пятый раз, что она здесь. Она вздохнула. Как можно так долго заставлять ее ждать!

Она бросила взгляд на маленькие часики, приколотые к корсажу. Дорогая вещица, но очень толковая. Их подарил ей Воронин, как будущей *belle-mère* [77]. Он был таким щедрым по отношению ко всей их семье. Даже Оленьке, самой младшенькой, привез тогда подарки — несколько книг какого-то Скотта. Судя по тому, что та была так рада, этот Скотт тоже стоил немало.

Анна Степановна с удивлением обнаружила, что ждет Анатоля всего три минуты. Ей же показалось, что она приехала сюда уже с полчаса как минимум. Она стиснула руки. Нет, она не позволит, чтобы какое-то глупое увлечение разрушило все, что так щедро предлагала судьба семье Ольховских в лице графа. Как же она радовалась, глядя на то, как попадает под чары красоты ее дочери Анатоля. Счастливый лотерейный билет для любой девицы!

Да, разумеется, Загорский — весьма неплохая партия для Марины. Но стояло два, по мнению, Анны Степановны неразрешимых вопроса: женится ли он вообще на Марине, и примет ли этот брак старый князь. На веку женщины было немало примеров, когда родственники не делали этого, и тогда брак превращался из обещания рая на земле в сущий ад. Да куда далеко ходить — ее собственный брак был таким. А подобного она для дочери не хотела.

Другое дело — Воронин. Богат, знатен, на хорошем счету у императорской семьи. Без старших родственников (есть, правда, две тетки, но они живут под Новгородом, и, судя по всему, особого влияния на судьбу племянника не имеют). Правда, не так красив, как Загорский, и, по мнению Анны Степановны, уж чересчур черняв, но *bonté dépasse beauté* [78].

Анна Степановна снова вспомнила, как встретила давеча мать Арсеньева в кондитерской *monsieur Gruer*, куда забежала купить маленьких марципановых пирожных. Она обожала их, а один из кредитов, открытых на имя Ольховских Ворониным в лучших городских торговых заведениях сразу же после обручения с Мариной, позволял теперь вкушать их когда душе угодно. Там она просто лоб в лоб столкнулась с этой важной дамой и не могла не *lier conversation* [79], в ходе которого выяснила, что в Киреевке дама была всего неделю, а затем уехала в свое собственное имение в Псковскую губернию.

— Я оставила вашу дочь под *patronage* своего сына и *belle-fille* [80]. Мне нужно было срочно ехать в имение. Эти немцы-управляющие — все поголовно *friponnes* [81], так и норовят обворовать... — разглагольствовала Арсеньева старшая, видимо заскучав по общению в деревне. Анна Степановна отключилась на мгновение от ее речи и увлеклась выбором пирожных, изредка кивая головой и вставляя «*qu'est-ce que vous dites là!*» [82], пока имя Загорского вновь не привлекло ее внимание.

— Князь Загорский? — переспросила она у своей собеседницы. — Я думала, он выехал в ссылку.

— Да уж, хорошенькое дельце! Я всегда знала, что он кончит этим, — возмутилась Арсеньева. — Ну, нет, он был у нас в имении несколько дней. Видимо, заезжал попрощаться. Не думала, что скажу это, но *ma belle-fille* поступила верно, поселив его во флигеле. Как удачно, что в Киреевке есть такой небольшой *annexe* [83]! Вот в Дубках такого нет, и так

incommode [\[84\]](#)...

Далее Анна Степановна ее уже не слушала, а затем распрощалась, как можно быстрее. В ее голове словно собирались кусочки головоломки в одно единое целое. Марина вернулась сама не своя из деревни — раз. Там был Загорский несколько дней — два. Ее дочь об этом умолчала — три. В этом Анна Степановна убедилась тем же вечером, после концерта в доме Львовых. Лгать матери — страшнейший из грехов, равно как и непослушание... Поведение ее обычно послушной и тихой дочери не шло из головы женщины. Как же он заморочил ей голову, этот Загорский!

Нужен был еще один кусочек головоломки, чтобы прояснить картинку полностью и проверить, не ошибается ли она. Поэтому вернувшись в дом, Анна Степановна первым делом позвонила и вызвала к себе Парамона, седого дворецкого, служившего еще ее отцу. Нет, это тертый калач. Она еще помнит, как помогал он ей в ее истории. Старик всегда был сентиментален. Поэтому ему ни в коем разе нельзя доверять.

— Я только узнала, что мое письмо от прошлой среды не было доставлено с почтой адресату. Это возмутительно! — начала Анна Степановна издалека. — Кто отдает письма почтарю? С кого спрос? Ты же не сам относишь.

Парамон нахмурился.

— Виноваты, барыня. Бориска относит, лакей младшой. Прикажете наказать?

— Сама. Зови ко мне.

Потом все оказалось очень просто. Борису было приказано прежде, чем идти к почтарю или передавать полученную от него корреспонденцию, показывать ее барыне. Она щедро вознаградит его за труды и, разумеется, молчание.

Таким образом, Анна Степановна получила нынче утром письмо Загорского к Марине. Оно потрясло ее до глубины души — такие интимности, пусть даже на бумаге, позволительны только супругам. А фраза «Столько дней и ночей еще впереди до той поры, когда смогу назвать тебя своей супругой во всеуслышание...» заставило ее сердце заколотиться так, что ей пришлось принимать сердечные капли. Сие означало только одно — тайный сговор.

Анна Степановна заклеила аккуратно письмо воском, чтобы не повредить печать Загорского, конверт и самолично отдала его в руки Борису, чтобы письмо направилось далее по назначению. Сама же после долгих раздумий, как ей следует поступить, решила ехать к Воронину. Записка, посланная к нему в особняк, вернулась обратно с небольшой припиской спустя довольно долгое время — пометка «D'urgence» [\[85\]](#) и убедительность человека Ольховской заставили ее найти адресата даже на службе. И вот она тут, в офицерской Зимнего дворца, куда приехала по его приглашению («...Si vous voulez me parler sans tarder, venez au palais...» [\[86\]](#)).

Анна Степановна услышала, как позади нее открылась дверь офицерской, и резко повернулась к входящему. Воронин (а это был именно он) быстро прошел через комнату к женщине и поцеловал ее руку в приветствии.

— Добрый день, Анна Степановна. Смею надеяться — все здоровы в вашей семье? — он выглядел очень встревоженным, что не могло не обрадовать женщину. — Ничего дурного не случилось?

— Благодарю вас, слава Господу, все в здравии. Что касается второго вашего вопроса, — тут она прервалась и, приложив к губам платок, поспешила опуститься на софу. — Ах, Анатолий Михайлович, даже не знаю, как ответить вам на него...

Анатоль почувствовал, как тревожно сжалось его сердце. Он даже не мог себе представить причину, которая заставила бы Анну Степановну приехать сюда и притом так споро.

— Простите, что побеспокоила вас на службе, — Анна Степановна промокнула уголок глаза при этом. — Но я решительно не знала, что мне делать и кому довериться в этом деликатном вопросе.

— Я подозреваю, этот деликатный вопрос касается Марины Александровны.

— C'est ça ^[87], — кивнула Анна Степановна. — Вы очень проницательны, Анатоль Михайлович. Я право... О Боже, я не ведаю, как вам рассказать об этом! Ведь моя дочь... моя дочь...

Она тихо, еле слышно разрыдалась, поднеся к губам платок. Анатоль тут же подошел к столику с напитками и налил в бокал воды из графина. Затем он подошел к Анне Степановне и протянул его ей.

— Выпейте, — она отмахнулась от него свободной рукой, показывая, что ей не этого. Но Анатоль не отступил. Впервые в жизни женские слезы вызывали у него не растерянность, а раздражение. — Пейте, говорю вам. Вам нужно успокоиться, Анна Степановна. Вы можете открыть мне все, что угодно, я же нареченный вашей дочери и ваш будущий gendre ^[88]. А будущему родственнику вы можете рассказать все. Обещаю вам, я сделаю все, что от меня потребуется, чтобы помочь вам в вашей беде.

— Ах, Анатоль Михайлович, я уверена, что так и есть, — Анна Степановна взяла его руку в свою ладонь и быстро, сбивчиво заговорила. — Я была так рада, когда начали ездить к нам. «Вот, — сказала я себе, — идеальный муж для моей красавицы-дочери». Уж как я счастлива была, когда вы просили руки Марины, даже передать словами не могу. Вы такой благородный человек, такой честный... Не то, что этот galant ^[89], которого вы называете своим другом. Ami! Да какой он вам ami, коли за вашей спиной пишет к вашей невесте любовные письма?!

Анатоль почувствовал резкую боль в груди. Вот оно! Вот то объяснение поведению Марины в последнее время, что он так тщетно искал. Не то, чтобы он не подозревал эту причину в ее отдалении, но он все же не был готов к тому, чтобы кто-то подтвердил его опасения.

— Разумеется, Марина не отвечает на эти lettres d'amour ^[90], — продолжала тем временем Анна Степановна. — Как можно? Но сердце ее склоняется к тому, я вижу это. Все та же задумчивость, что была тогда, ранее, несколько лет назад, то же выражение глаз... Он погубит ее, чувствует mon sœur maternel ^[91]! Погубит всенепременно! Вы бы только видели, что он ей пишет, как сладко поет про amour ^[92]. Где уж устоять моей наивной девочке!

— Вы читали его письма к ней? — тон голоса Воронина заставил Анну Степановну слегка напрячься. Она поняла, как может выглядеть в глазах графа ее поступки, и поспешила заверить его:

— Oui, bien sûr ^[93], моя девочка сама принесла мне их и открылась во всем. Она так плакала, так переживала, что может недостойно выглядеть в ваших глазах... Ma pauvre fille ^[94].

Анатоль отошел к окну и посмотрел на площадь, не в силах долее продолжать этот разговор. Как он должен поступить в данной ситуации? То, что князь не отступился, он полагал и до этого — не таков был Загорский, чтобы вот так просто отпустить ситуацию,

стараясь до последнего повернуть фортуна к себе лицом. Но Марина... Она ведь любит не его, а князя. Смеет ли он быть меж ними? Анатолий прекрасно видел, что творится с ней в последнее время, и не верил, что ее душевное состояние так поколебала болезнь Софьи Александровны. Что-то тяготило ее, что-то тревожило, и он не хотел даже мысли допускать, что это связано с тем, что Марина обещалась ему.

Анатолия стали одолевать сомнения. Быть может, ему следует поговорить с Мариной начистоту? Что, если Марина считает свое решение дать ему слово поспешным? А, кроме того, быть может, ему следует написать Загорскому и окончательно расставить все точки в этой непростой истории?

— Je vous remercie de votre franchise ^[95], Анна Степановна, — Воронин подошел к женщине и взял ее руку в намерении проститься. — Нынче же вечером буду у вас. Надеюсь, я не покажусь вас чересчур дерзким, если попрошу вас позволить мне переговорить с вашей дочерью tête-a-tête?

— Нет! — вырвалось невольно у Анны Степановны. Воронин поднял глаза от ее руки, которую он вежливо целовал в этот момент, и недоуменно посмотрел на нее. Женщина взяла себя в руки и продолжила более спокойным тоном. — Bien sûr, вы можете переговорить со своей невестой. Но умоляю, не выдавайте ей наш разговор. Я божилась ей, что ни одной душе не открою ей эту тайну. Но последнее письмо меня вынудило к тому.

Анна Степановна помолчала, собираясь с мыслями, а затем продолжила:

— Если бы Загорский просто дурил ей голову своими сладкими речами. Но если бы только это! Но он уговаривает ее бежать с ним! Тайно от всех покинуть отчий дом.

— Бежать? — Анатолий не верил своим ушам. — Это невозможно!

— Hélas! ^[96] Это так. Разве это acte généreux ^[97]? Достойный человек придет в родительский дом, чтобы по всем правилам просить руки невесты. А тут... К тому эта история с графиней Ланской, о чем говорит весь Петербург. Как можно из постели одной женщины (pardonnez-moi pour ma franchise, cher comte ^[98], но по-другому не скажешь), писать другой да склонять ее к... Загорский просто пользуется нашим положением — мы бедны (что уж тут taire ^[99]), у нас нет знатных родственников... Кто вступится за нас?

— Вы забываете, Анна Степановна, что предложив вашей дочери руку и сердце, я тем самым взял на себя все обязательства по отношению к ней, — чуть холодно проговорил Воронин. — И если вы настаиваете на том, чтобы честь вашей семьи...

— Oh, non, non! ^[100] Я не имела в виду конкретно это, — поспешила прервать его Анна Степановна. Затем она взяла Анатолия под руку и тихо, почти шепотом заговорила, доверительно склоняясь к тому поближе. — Есть другие способы. Назначьте венчание до того срока, что Загорский должен воротиться в Петербург. Мне доподлинно известно, что князь намеревается прибыть после Рождества. Так обвенчайтесь же до Филиппова дня. К чему нам в этой ситуации столь долгая помолвка? До Филиппова дня как раз все успеем подготовить.

— Но не будет ли против этой даты Марина Александровна? — спросил Анну Степановну ее собеседник, явно сомневаясь в разумности ее предложения.

— Не будет, — резко отрезала Анна Степановна. — Ah, cher comte, vous m'étonnez ^[101]! Я бы на вашем месте не обращала внимания на сомнения моей дочери. Девушки все обычно терзаются сомнениями после помолвки. Знаю, сама была такая. Полагаться на мнение девушки в этом вопросе не стоит. Тем более, сейчас, когда она совсем одурманена.

Анна Степановна еще говорила и говорила, но Анатолий уже не слышал ее. А его памяти всплыл разговор с Натали пару месяцев назад, когда она убеждала его, что целью Загорского в отношении Марины является levage ^[102]. Так до боли сегодняшняя беседа напоминала его. Даже слова, словно были те же самые, только вместо помолвки теперь говорилось о венчании. Но, он не мог не признать этого, каждая из его собеседниц в этих схожих меж собой разговорах стремилась к собственным целям.

Сомнения овладели Анатодем. Как убедиться в том, что он не совершает ошибки? Ведь один неверный шаг способен сделать несчастными трех человек. И это будет невозможно исправить в будущем.

Один лишь знак, всего один знак, что он поступает правильно, следуя велению своего сердца. Господи, молю тебя, один лишь только знак...

— ..., n'est-ce pas? — голос Анны Степановны прервал его тревожные мысли.

— Excusez-moi, que dites-vous? ^[103] — переспросил сконфуженный Воронин.

— Вы будете нынче у нас за ужином, n'est-ce pas? — повторила, улыбаясь, Анна Степановна, подавая руку для прощального поцелуя.

— Oui, bien sûr ^[104], — подтвердил Анатолий. — Буду всенепременно.

Весь остаток дня Воронин ходил, словно в воду опущенный. Всегда внимательный даже к малейшим деталям, он стал безбожно рассеян, и только чудо, что государь не заметил этого.

Он то и дело возвращался мысленно к разговору с Анной Степановной. Вот и сейчас, разбирая прошения, он задумался об его положении. Идти ли ему на поводу собственных чувств, что полностью отвечало ее желаниям, и приблизить венчание? Или наоборот, отложить его до следующего лета, а там уж будь, что будет? Даже если это принесет ему только боль и разочарование. Зато она будет счастлива, Марина...

— Заметили ли вы, полковник, что граф нынче витает где-то в облаках? — раздался голос у него прямо над ухом, и Воронин вздрогнул от неожиданности такого вторжения в его мысли. Шангин (а это был именно он) улыбнулся флигель-адъютанту Игнатьеву из-за плеча графа. — И все это после весьма неожиданного визита некой загадочной дамы поутру, заметьте.

— Quelle bêtise! ^[105] — рассердился Анатолий. — И потом — очень тонка грань между невинной шуткой и оскорблением в ваших словах. Будьте впредь аккуратнее с выражениями.

— Excusez-moi, — поспешил извиниться Шангин. — Я не имел в виду ничего дурного.

— Ах, Анатолий Михайлович, простите молодость, — вмешался Игнатьев в их диалог. — Не всегда она думает о том, что говорит. Лучше послушайте, что я вам расскажу. Я нынче с фельдъегерской получил письмецо одно из Пятигорска. Презабавные вести, скажу я вам, пришли оттуда.

— Пользуетесь положением? — нахмурился неволью Анатолий.

— Оставьте, граф. Моя супруга нынче на водах в тех краях. Как мне еще прикажете вести с ней переписку? — Игнатьев выглядел слегка смущенным. — Так вот о вестях. Entre nous ^[106], господа. Опять князь Загорский. Не успев прибыть даже к месту службы, уже успел отличиться. Дуэль, господа. Да-да, дуэль.

— Дуэль? Помилуй Бог, с кем? Из-за чего? — закидал его вопросами молодой капитан. Воронин же молчал.

— С каким-то корнетом. А все, говорят, из-за графини, — Игнатьев говорил вполголоса,

чтобы их разговор не достиг лишних ушей, коих немало было в приемной. — Дело спустили сразу же — пострадавших нет: корнет промахнулся, судя по всему, а Загорский отстрелил ему толи пуговицу, толи погон. Видимо, у Загорского и на Кавказе нашлись покровители.

— Генерал-лейтенант [\[107\]](#) хорошо знаком с его семьей, — механически ответил Воронин.

Он не мог поверить в услышанное — Загорский, видимо, никогда не будет следовать своим ошибкам. Тем более, его поступок возмущал Анатоля теперь, после того, как он узнал о письмах князя к его невесте. Как можно писать о любви одной и одновременно попадать в scandale из-за другой! Если ему были нужны какие-либо доказательства отсутствия намерений Загорского в отношении Марины Александровны, то он их только что получил.

Решено. Анатолий сдвинет дату венчания, и оно будет запланировано даже ранее Филиппова дня. Почему бы не до Покрова? Он слышал, Софья Александровна совсем плоха потому необходимо было назначить таинство, как можно раньше, ведь срок траура так долог. Промедление равносильно тому, чтобы самому отдать Марину в руки Загорского, а он этого не желает и отныне будет всячески препятствовать сему.

Словно боясь опять дать слабинку при мысли о том, как отреагирует Марина на изменение сроков помолвки, Анатолий быстро начеркал несколько строк и приказал одному из лакеев отнести записку Анне Степановне, подавляя в себе сомнения в правильности своего поступка, которые сразу же вспыхнули пышным цветом в его душе.

Потом, со временем он сумеет убедить Марину, что он будет для нее лучшим супругом, нежели Загорский, судя по всему совершенно не способный на обязательства. Даже если она влюблена в князя (а кто из юных девиц света не влюблен в него? Считанные единицы!), он твердо убежден, что в состоянии сделать так, что их брак будет не в тягость ей. Ведь лаской и нежностью можно приручить норовистую лошадь, почему бы не использовать эти же приемы в отношении собственной невесты?

Анатолий улыбнулся своим мыслям. Нет, все-таки он не дамский угодник — сравнил девицу, подумайте только! с лошадью. Хорошо, что только в своих мыслях.

Анна Степановна развернула записку. Довольная улыбка скользнула по ее губам. Все-таки она оказалась права, открыв Воронину так тщательно скрываемую тайну Марины. Он поступил так, как она планировала, и более ничто не угрожало этому браку.

— Маменька, гляньте на работу, — отвлекла ее одна из средних дочерей, тринадцатилетняя Софи, названная в честь тетки Анны Степановны. — Какой цвет тут добавить в вышивку? Красный слишком ярко, а розовый — очень бледно.

Анна Степановна быстро сложила вчетверо бумагу и убрала ее в свою рабочую коробку, надежно скрыв ее между нитками.

— Давай глянем, душенька, — она взглянула на работу дочери, потом пробежалась глазами по своим материалам и достала той нитки цвета спелой малины. — Возьми эти.

Софи довольно улыбнулась матери и быстрым поцелуем коснулась ее щеки.

— Спасибо, маменька.

В этот же миг внимание Анны Степановны привлек небольшой шум, который, как оказалось, устроили ее другие дочери, Лиза и самая младшенькая Оленька. Первая тащила на себя книгу, которую до того читала ее сестра, мирно устроившись на подушках на подоконнике диванной, а младшая вовсе не горела желанием ее отдавать.

Визги, крики, плач... Как же это надоело Анне Степановне! Как же тяжело растить

дочерей! Иногда она прямо-таки мечтала, как наконец они подрастут и выпорхнут из родительского гнезда, оставив в нем лишь желанный покой да блаженную тишину. Видимо, опять была виновата в этой сваре Лиза. Довольно бойкая на язык да крутая нравом, она всегда задирала своих сестер, за что частенько получала розог от матери.

Более сильная, чем младшенькая, Лиза вырвала тем временем из рук той книгу.

— Да угомонись, ты, оглашенная! Сейчас гляну кое-что и верну тебе.

— Верни! Верни сейчас же! Маменька! — голосила пронзительно Оленька, призывая мать вступить за нее перед сестрой. — Маменька!!!

Анна Степановна, недовольно вздохнув, поднялась было с кресла, но ее опередила Марина, отложившая в сторону работу и быстро подошедшая к спорщицам.

— Отдай! — резко сказала она, протянув руку за книгой.

— Oui, bien sûr, — иронично ответила той Лиза. — Она мне пока нужна.

Лиза быстро открыла книгу и, прочитав несколько строк, довольно заулыбалась.

— Иногда бывает не вредно узнать, что приготовила тебе судьба, верно? Ах да, ты же у нас не веришь во все гадания. Ты же у нас ученая! Может, все-таки глянешь?

— Я знаю, что уготовано мне. Более знать не надо, — отрезала Марина.

— Но все же? — настаивала Лиза. — Мне вот, например, любовь суждена. Послушай только.

Любовь, как роза, роза красная,
Цветет в моем саду.
Любовь моя — как песенка,
С которой в путь иду.

Сильнее красоты твоей
Моя любовь одна.
Она с тобой, пока моря
Не высохнут до дна.

Лиза прочитала вслух эти строки и протянула книгу сестре, насмешливо улыбаясь:

— Рискнешь? Или все же боишься? А вдруг тебе суждено что-то страшное? А? Вдруг твой жених увлечется другой? Помолвка расстроится. Или вдруг он будет тебя поколачивать в браке, как своенравную супругу?

Марина с силой выхватила из рук сестры книгу и, глядя прямо в той глаза, раскрыла ее прямо на середине.

— Первый стих? — спросила она у Лизы и сама себе же ответила. — Пусть будет первый. Первые два четверостишия. Все по-честному.

Она опустила глаза в книгу, и Анна Степановна даже со своего места в небольшом отдалении от окна, у которого стояли сестры, увидела, как моментально побледнела Марина. Лишь ставшими изумрудными глаза темными пятнами выделялись на ее лице.

Женщина поспешила подойти к сестрам и аккуратно взяла из рук старшей дочери книгу, стараясь пальцем заложить нужную ей страницу.

— Что раскудахтались, как куры? Брысь отсюда все! — Анна Степановна слегка подтолкнула Марину, приводя ее в чувство. — Марина, не стой столбом! Вернись к работе. Кто будет приданое готовить за тебя? К сроку не уложишься.

Прогнав дочерей к работе, женщина украдкой заглянула в книгу, желая знать, что вызывало столь странную реакцию Марины.

Поцелуй — и до могилы
Мы простимся, друг мой милый.
Ропот сердца отовсюду
Посылать к тебе я буду.

В ком надежды искра тлеет,
На судьбу роптать не смеет.
Но ни зги передо мною.
Окружен я тьмой ночью.

— И это читает мое дитя? — рассердилась Анна Степановна. — Оленька, подойди сюда. Пошли в вашу спальню и сейчас же покажешь мне все книги, что ты читаешь. Все, слышишь! До одной. А это, — женщина показала книгу дочери. — Это я забираю. Мала еще про любовь читать. И что за нравы нынче — еще молоко на губах не высохло, а все туда же! Любовь, любовь!

— Маменька, но это же Бернс, — начала было Оленька, но резкий жест матери заставил ее прерваться. — Да, маменька.

Уходя, Анна Степановна обернулась в дверях и взглянула на дочерей, занятых рукоделием — Софи вышивала небольшую картину, а старшие готовили постельное белье в приданое Марине, нанося на него инициалы молодоженов.

Но сейчас лишь средние дочери были заняты вышивкой. Марина же сидела неестественно прямо, устремив взгляд в никуда. Она выглядела такой печальной, такой опустошенной, что у женщины на мгновение сжалось сердце. Как и предполагала Анна Степановна, глупая влюбленность ее дочери в Загорского приносила той только боль и тоску.

Мечты мечтами, а реальная жизнь совсем иная, и чем быстрее поймет это ее дочь, тем лучше. Не всегда мы получаем желаемое, а если и получаем, то не всегда желаемое идет нам на пользу.

Анна Степановна вдруг вспомнила о тайной переписке Марины и рассердилась. Не играй со мной, деточка, подумалось ей. Я легко переиграю тебя, чтобы ты ни придумала. Молода еще интриговать.

Ты моя дочь, а значит, должна поступать так, как я хочу, как будет лучше для всех. И я, как твоя мать, направлю тебя на этот верный путь, любыми средствами, даже обманом и интригами, ах, прости Господи меня, грешную.

Анна Степановна украдкой перекрестилась и вышла из диванной.

Тем же вечером Марина, перешагнув едва порог своей спальни, упала в угол перед

образами на колени и принялась неистово молиться, шепча еле слышно слова молитвы. Агнешка, готовившая в то время постель, покачала головой. Ей было очень жаль свою касаточку, она вся испереживалась в последнее время. Вона, какие круги под глазами! А как похудела!

Шепот Марины становился все громче, то и дело перерываемый всхлипами, и Агнешка поняла, что конец молитвам близок. Он всегда был один — девушка сейчас захлебнется в тихих рыданиях, а она сама с трудом опустится рядом с ней на пол и будет успокаивать ее.

Вот уж негодник! Оставил ее сердэнько одну-одинешеньку и ускакал на край света. А Марише тут и остается только сидеть у окошка да думу думать, как сделать так, чтобы и всех обмануть, и ей покойно при этом чтоб было. Да только не бывает так!

До уха Агнешки донеслись умоляющие слова Марины:

— ... прошу, разреши эту странную ситуацию... прошу, помоги мне... устала... устала лгать. Хотя как, но разреши... помоги... защити его... защити...

После, когда Марина уже лежала в постели, нянечка подошла к кровати и присела на краешек.

— Негоже так просить Господа. «Хоть как»... Ты понимаешь, сколько путей можно найти? Да не все они хороши будут.

— Мне все едино теперь, — устало проговорила Марина в ответ. — Поскорей бы уже все открылось. Сил нет более.

— Ах, милая, — погладила ее по плечу нянечка. — Раз уж пошла на это, то иди до самого конца. Тут на полпути не свернешь да обратно не воротишь. Это твой крест теперь, касатка моя, и нести тебе еще долго.

— Устала я, — снова проговорила Марина. — Устала... Все теперь готова принять, лишь бы скорее разрешилось все.

Агнешка промолчала в ответ, только перекрестилась. Упаси Господи ее от того, что желает. Неисповедимы ведь пути Господни! Как бы не стало только горше от того...

Сергей откинул перо и потянулся, расслабляя затекшие от долгого сидения за столом члены. Потом он поднялся со стула и прошел к открытому небольшому оконцу, пропускавшего столь мало прохладного и свежего воздуха в комнату, что мужчине захотелось выйти на улицу, в эту кавказскую темноту ночи. Он переступил с ноги на ногу и замер, когда под его весом протяжно скрипнула половица.

Загорский тут же бросил взгляд в другой конец комнаты, где чуть ли не нос к носу спали два офицера, его сослуживцы. Один лишь приоткрыл глаз и косо взглянул на князя, другой лишь перевернулся на другой бок. Счастливы, спят так безмятежно, так сладко!

Сергею же нынче не спалось, как впрочем, и в пару последних ночей. Толи его томила эта тишина, толи не давали успокоиться блуждающие в голове тревожные мысли. Он чувствовал себя еще беспокойно из-за отсутствия его верного Степана. Денщику пришлось отстать от хозяина во время этой безудержной спешки, чтобы по бумагам у Загорского не было опоздания. На своих лошадях так быстро не ускачешь. Вот и отстал Степан с вороним Загорского, да так сильно, что до сих пор не догнал своего барина.

Сергей накинул китель на плечи и вышел из этого небольшого домика, где он расквартировался, на свежий воздух.

Стояла тихая безветренная ночь. На темном небе неярко тускнел полумесяц. Были слышны лишь редкие перекрикивания часовых на дежурстве да где-то изредка брехала собака.

Сергей присел на ступеньки крыльца и закурил. Только здесь, на Кавказе, вдали от родного дома и проявляются чувства тоски по отчужденному дому и непреодолимого одиночества. Только здесь он мог не играть своей роли шалопая и заводилы, а сбросить свою маску. Здесь это было ни к чему, совсем не к чему...

Загорский был в ужасе, когда приехав в Пятигорск, узнал, что тут, в городе, находится Натали. Ему сообщил об этом генерал-лейтенант Вельяминов, командующий войсками Кавказской линии, который находился в это время в Пятигорске и к которому Загорский поспешил сразу же по приезде. Князю было необходимо переговорить с Алексеем Александровичем, которого он знал, как однополчанина отца по турецкой войне 1810 года, по весьма деликатному делу, а кроме того, получить бумаги на его распределение на Кавказе.

Сначала Загорский не поверил своим ушам. Потом разозлился безумно на Натали за этот необдуманный шаг. О чем она только думала, пускаясь в этот путь вслед за ним? Как отреагирует ее супруг на ее путешествие? Что об этом говорят в Петербурге, и известно ли там о цели путешествия Натали?

Генерал был очень недоволен слухами, которые сразу же пустились по городу по приезде графини, о чем не преминул сообщить Загорскому за их беседой после официального приема, за обедом.

— Я слышал о вашей истории, prince, не буду таиться, — говорил он. — Дозвольте быть мне откровенным с вами, как с сыном моего друга. Сея ситуация повредит вашему положению всенепременно. Вам следует уговорить графиню остаться здесь, на водах, куда (я ведь правильно предполагаю?) она приехала поправить свое здоровье. Я надеюсь, ее путь не ляжет в Тифлис после вашего отъезда?

Загорский заверил его, что графиня (sans doute! [\[108\]](#)) приехала на воды, и их встреча в Пятигорске приятная неожиданность. Разумеется, она не продолжит путь в Тифлис, ибо, как он предполагает, именно горячие источники цель ее путешествия. Тем более, у генерала не должно быть никаких сомнений на его счет после того, о чем он имел честь сообщить ему, подавая прошение и т.д., и т.п.

Загорский не стал после визита к Вельяминову искать Натали в городе, как бы ни хотелось ему свернуть ей ее длинную шею. Он справедливо рассудил, что его непременно будет ждать записка в меблированных комнатах, где он остановился на постой. И верно — едва он вернулся от генерала, как хозяйка комнат передала ему конверт.

«Venez près de moi ce soir après neuf heures [\[109\]](#). N.»

Сергею не надо было объяснять, кто был адресатом этого послания. Хозяйка передала ему также устные инструкции, как найти необходимый дом. Туда и направился вечером Загорский, планируя после посетить офицерский кружок, куда пригласил его адъютант Алексея Александровича. Ему хотелось немного развеяться — выпить, поиграть в карты, узнать situation de fait [\[110\]](#) в крае. Давненько он не бывал в обществе, да и в столь спешном его путешествии сюда ему не удалось даже вечера провести за столом с приятными собеседниками и бокалом вина.

Натали заняла весь второй этаж в небольшом доме с маленьким садиком недалеко от центра города. У калитки Сергея уже ждала одна из горничных Натали. Она провела его черным ходом (опять черный ход!) в апартаменты, снимаемые ее хозяйкой.

Натали ждала его в небольшой гостиной, одетая совсем по-домашнему в легкое платье и неаккуратно заколотыми волосами. Она улыбнулась и протянула ему руки, спешно проговорив:

— C'est ma faute, je reconnais [\[111\]](#). Но не казни меня сразу, позволь оправдаться, а также подать тебе токайского, — она сделала знак горничной, и та мигом шмыгнула за дверь.

Сергей подошел к Натали и поцеловал протянутые ему руки. Затем легко коснулся губами ее лба.

— И это все? — скривилась Натали.

— Мне кажется, мы обо всем договорились еще в Петербурге, — холодно произнес Загорский. — К чему все это?

— Ты, верно, думаешь, что я приехала за тобой? Mais non! [\[112\]](#) Хотя должна признать подобная мысль приходила мне в голову. Быть может, вдали мерцание твоей звезды все же поблекнет для тебя... — видя выражение его лица, Натали не стала продолжать, а пожала плечами и прошла к креслу у ярко горящего камина. Она опустилась в него и задумчиво уставилась в огонь. — Знаешь, мне надоело изображать из себя верную и преданную супругу. Только не для него. Даже его вид вызывает во мне теперь отвращение. Я не могу находиться с ним не только в одном доме, но и одном городе!

Сергей принял из рук горничной бокал вина и, бросив на ковер диванную подушку рядом с креслом Натали, опустился на нее у очага. Он глотнул вина и только потом проговорил:

— Ты сейчас не думаешь, что говоришь. Как всегда импульсивна. Почему уехала сюда? Почему не в одно из имений? Ты разве не знаешь, что сейчас говорят о твоём отъезде в столице?

— C'est égal! [\[113\]](#) Я давно решила, что меня не прельщает более вся эта кутерьма, еще во

время путешествия по Европе. Кроме того, мне нечего терять в столице — я уж не первая красавица Петербурга, m-m Пушкина давно забрала этот титул себе. Пусть так и будет. А что касается того, почему приехала именно сюда... Мне нужно было увидеть тебя, поговорить с тобой. Да просто побыть рядом. Ближе тебя у меня никого нет. Ведь ты когда-то сказал, что останешься моим другом. Надеюсь, ты не переменял своего решения?

Загорский перевел взгляд на Натали. В отблесках огня она смотрелась странно — неестественно бледная кожа, острые скулы, темные, почти черные глаза. На мгновение князю показалось, что он видит пред собой мертвую принцессу из старой немецкой сказки, что читал ему учитель.

Он встряхнул головой. Подумается же такое!

Загорский поймал руку Натали и, слегка поглаживая ее, проговорил:

— Как истинный твой друг тебе говорю, — подобное начало и его тон заставили Натали замереть напряженно, ожидая продолжения его речи. — Бросай ты пить уксус по утрам. Право слово, Натали, скоро твоя кожа будет уж transparente [\[114\]](#), как оконное стекло.

Женщина в шутливой злости вырвала свою руку из его ладони и запустила в гриву его волос, слегка потянув их на себя.

— Ах, мало тебе драли твои вихры в детстве, Серж! Тебе бы только s'amuser [\[115\]](#). Я тебе душу открываю, совета жду, а ты...

— Какого совета ты ждешь от меня? Ты прекрасно знаешь, что не можешь уйти от мужа — он имеет право вернуть тебя даже силой. Кто может помешать ему в этом, если на его стороне закон? — Загорский отхлебнул вина из бокала и продолжил. — Тебе бы следовало поговорить со своим супругом. Быть может, сейчас, когда он узнал о... обо всем, он согласился бы на раздельное проживание.

— К сожалению, граф против этого, — ответила ему Натали, глядя его по волосам, пропуская пряди между своих длинных тонких пальцев. Она знала, как Сергею нравится это, как это расслабляет его, заставляет забыть обо всех невзгодах. — Я предложила ему раздельное проживание перед тем, как покинуть столицу, но он отверг мое предложение. Что ж, теперь у него нет выхода после этого скандала, что, скорее всего, случился после моего отъезда — только развод.

— Развод? И ты пойдешь даже на это? — едва слышно проговорил Сергей. Он откинул голову назад и оперся на подлокотник ее кресла.

— Мне следовало сделать это еще раньше, — задумчиво сказала Натали. — Быть может, я не потеряла бы тебя тогда. Теперь же я хочу этой свободы для себя. У меня есть немного денег. Уеду за границу, во Францию или, быть может, Италию. Буду жить на берегу моря уединенно, но зато в гармонии с собой. Когда-нибудь ты наведишь меня в моем уютном гнездышке.

— Уединенно? Ты? Ах, Натали, твоя красота никогда не позволит тебе жить уединенно! Натали в ответ слегка потянула его за волосы с легким смехом:

— Лыстец! — потом она посерьезнела и добавила тихо. — Из всех гостей, что я буду ждать в своем доме, ты всегда будешь самым желанным для меня. Всегда.

— Я тебе уже говорил, что смогу быть отныне для тебя только другом, — так же тихо проговорил Сергей, глядя в ярко пылающий огонь. — Те чувства, что были.... они уже давно не те.

— Я понимаю, — отвечала ему Натали. — Но когда-нибудь... кто знает.

Сергей покачал головой, а затем рассказал ей все. Толи он разомлел от вина и

обжигающего щеки тепла камина, толи от ее ласковых рук, глядящих его волосы, но он открыл ей все свои мысли и поступки, рассказал обо всем, что произошло с ним за последнее время, что они провели в разлуке.

Натали сначала молчала, когда Загорский закончил свой рассказ, только ее руки по-прежнему ласкали его волосы. И это молчание вдруг подействовало ему на нервы.

— Ты шокирована? — резко спросил он женщину. — Что молчишь?

— Тебе нужно мое мнение? — переспросила она его в ответ. — Ну, что ж, ты прав, я немного шокирована. Хотя нет, не шокирована. Растеряна и обескуражена, вот верные слова для описания моего состояния. Я отнюдь не ожидала от тебя подобного поступка. Решиться на такое... подумать только! И что будет теперь? Когда я уезжала, ходили толки, что они с Ворониным все же обручились.

— Пусть ходят. И даже больше того — я уверен, что будет официальное обручение, от этого уж никуда не деться.

— Неплохо ты устроился — ткнул палкой в осиное гнездо и оставил ее наедине с ним, — усмехнулась Натали. Сергей резко выпрямился, и она переменила свой тон на более мягкий. — Да, я все понимаю, что у тебя не было иного пути, не смотри на меня так оскорбленно. Но все же... Бедная девочка! Теперь мне в пору только жалеть ее. А ведь ее предупреждали...!

— Оставь этот тон, — Сергей поднялся на ноги и принялся оправлять мундир. — Тебе он вовсе не к лицу. Я не люблю, когда ты становишься такой злой.

— А ты у нас, mon cher, само благодущие! — огрызнулась Натали.

Сергей вздохнул. Его встречи с Натали всегда происходили одинаково: сначала тишь да гладь, а потом чуть ли не искры летели в разные стороны от их словесных столкновений, начинавшихся с, казалось бы, невинной реплики.

— Не буду с тобой спорить, — тихо сказал он. — Тут ты права — я виноват кругом. Перед Анатодем. Пред ней.

— Ах нет же, mon ami, — вскочила на ноги Натали и обняла его сзади за плечи. — Не козни только себя. Она тоже знала, на что идет. Ее вина в том, что она от того, кому обещалась, пришла к тебе. И это-то при твоей-то репутации... Совсем задурил девочке голову, mon cher. Да и потом, как говорят крестьяне, сучка ...

Сергей резко развернулся и приложил ладонь к ее губам, своим жестом прерывая ее речь.

— Cela me paraît rude! [\[116\]](#) — бросил он ей в лицо. — Что с тобой? Ты столь изменилась за последние несколько месяцев.

Натали резко дернула головой, освобождая рот от его руки.

— Ты — причина моего изменения! Ты и никто другой! — она вдруг расплакалась, отстраняясь от него. — Разве ты не понимаешь, что я люблю тебя? Твое безразличие разрывает мне душу, а твои откровения... Нет, я не могу пока стать твоим другом, не могу. Я опустошена. Во мне ничего не осталось — ни мыслей, ни чувств. Ничего, только пустота да боль. Я сама не понимаю, чего хочу сейчас, куда мне ехать, как поступить. Ты был всем для меня. Так для чего мне жить теперь, скажи мне.

— Это пройдет, — сказал ей в ответ Сергей. — Все проходит со временем.

Натали резко повернула к нему свое заплаканное лицо. На нем явственно прочитывалась растерянность, словно она не ожидала услышать таких слов от него.

— Когда-нибудь, Загорский, и тебе скажут в ответ на твои слезы, на твою боль «Пустое,

пройдет...», — она устало опустила в кресло и вытерла ладонью слезы с лица. — Когда-нибудь ты прочувствуешь сполна, что это значит — быть отвергнутым.

— Если я причинил тебе сейчас боль..., — начал Загорский, но потом замолчал. Да и что он мог сказать ей сейчас? Он с самого начала знал, что именно этим и закончится их встреча нынче вечером — ее обвинениями да слезами. Он виноват и перед ней за то, что она страдает сейчас. Видимо, самым провидением ему суждено причинять боль тем, кто ему близок.

Загорский вдохнул и сказал:

— Я должен идти, Натали. Меня нынче ждут.

— Карты, вино и настоящее мужское общество? — с иронией проговорила в ответ та. Загорский проигнорировал эту реплику.

— Я завтра утром уезжаю в Тифлис. Когда ты намерена воротиться в Петербург? Или ты будешь ждать проездных не в столице?

Натали лишь пожала плечами в ответ.

— Il est possible [\[117\]](#). Я не уверена пока, что готова к сельской жизни. Ничего не могу сказать.

— Если ты заедешь в Петербург, то puis-je vous demander [\[118\]](#)..., — Загорский достал из мундира несколько конвертов. — Тут некоторые письма. Моему деду, Воронину.

— А что не почтой? — спросила Натали, принимая письма. — Боишься, затеряются?

— Боюсь, — честно признался Сергей. — От этих писем многое зависит, Натали. В них вся моя судьба. Это касается моего дела...

— Да-да, — прервала его женщина. Она мельком глянула на адресатов, а потом подняла глаза на Загорского. — А ей письма не будет?

— А ты передашь? — слегка иронично спросил князь. Натали подняла одну бровь в ответ.

— Не доверяешь? Зря. К чему мне терять твое расположение? Все меняется, как ты сказал, со временем, и кто знает, в какую сторону повернет твою жизнь опять. Я хочу быть рядом при этих переменах.

Загорский достал белый конверт и медленно, словно колеблясь, передал его Натали. Та быстро сложила письма стопкой и положила на столик рядом.

— Позвони, — попросил Загорский. — Мне пора идти.

Он подошел к креслу и присел рядом на корточки. Потом взял руки Натали в свои ладони.

— Не раздумывай долго. Поправь на водах здоровье и телесное, и душевное и воротись в Петербург. Мой тебе совет: попытайся *se séparer paisiblement* [\[119\]](#) с Ланским. Не к чему тебе развод пока, не к чему скандал. Попытайся уговорить его дать тебе время на раздумье. Этим сможешь выиграть несколько месяцев отдельного проживания. Будет совсем невмоготу даже в одном городе быть с ним, просись в путешествие за границу. Он любит тебя по-своему, отпустит. Но в любом случае, что бы ты ни решила, знай — я всегда поддержу тебя и всегда помогу, чем смогу.

— Спасибо, — Натали подалась ему навстречу, и ему ничего другого не оставалось, как обнять ее. Он гладил ее по спине и думал о том, как он невольно сломал спокойную и равномерно протекающую жизнь Натали, пусть даже сам и не хотел этого. Может, он и, правда, проклят и обречен разрушать судьбы близких ему людей?

Вошла горничная, и Загорский разомкнул объятия. Он поднялся на ноги, принял из рук

девушки фуражку. У самой двери он обернулся к Натали:

— Прошу тебя передай письма. У тебя в руках моя жизнь.

Он вышел, не прощаясь. Быстро спустился по лестнице черного хода и прошел за калитку на улицу. Уже за калиткой Загорский слегка помедлил, пытаясь определить в сумерках вечера, в какую сторону ему следует двинуться, и это мгновение сказалось на его дальнейшей судьбе.

Наконец определившись с направлением, Загорский резко развернулся в верную сторону и неожиданно для самого себя столкнулся с неким человеком. Мгновенно сообразив, что ему не должно быть застигнутым у калитки черного хода дома, где занимала комнаты графиня Ланская, он надвинул фуражку на глаза и поспешил ретироваться, бросив на ходу:

— Прошу прощения, сударь.

Загорский быстрым шагом удалился прочь, довольно скоро достигнув точки своего назначения — дом, в котором собирались обычно офицеры полков, расквартированных в Пятигорске. Это был типичный офицерский вечер — как выразилась там Натали? — вино, карты и мужское общество. Только здесь можно было без лишних слов и манерности провести свободное время без особой оглядки на правила приличия. Только здесь можно было расслабиться и забыть на время о тех насущных проблемах, что не оставляли Загорского в последнее время даже ночью, лишая сна.

И так получилось, но ровно до того момента, когда произошла смена партнеров по игре в фараон, и в комнате не появились новые лица. Сергей лишь мельком оглядел вошедших и снова погрузился в игру. На кону теперь стоял почти все его месячное жалованье, которое он в пылу азарта поставил на кон. Ему везло сегодня, как впрочем, в большинстве случаев, потому он не сомневался в выигрыше и на этот раз. Баловень судьбы, называли его в свете и неспроста. Вот и сейчас при раздаче Загорскому пришли довольно неплохие карты.

— Когда вы уезжаете? — спросил его капитан, сидевший от него по правую руку. Он крутил усы, и по этому признаку, выдававшему волнение того с головой, Сергей определил, что тот ему не соперник в этой партии.

— Завтра поутру. Надеюсь, застать полковника Безобразова [\[120\]](#) в Тифлисе, — ответил Сергей. — Каковы мои шансы?

— О, Сергей Дмитриевич постоянно в разъездах, — ответил ему адъютант генерала Вельяминова. — В Тифлисе он бывает постоем ненадолго, все объезжает ключевые точки на линии. Так что, видимо, вам придется подождать несколько дней, чтобы представиться ему.

Сергей вдруг, переводя взгляд, столкнулся глазами с молоденьким корнетом, который, судя по всему, недавно вошел в комнату, т.к. до этого он не замечал того здесь. Тот смотрел на него возмущенным взглядом, и Сергей невольно задался вопросом, чем он успел ему насолить. От его размышлений его отвлекло упоминание имени Натали.

— Очаровательная женщина, — продолжал тем временем капитан. — Я имел удовольствие быть представленным ей нынче у источника. Не зря ходила о ней молва, как об одной из красивейших женщин столицы, весьма не зря.

Сергей предпочел промолчать, прямо-таки кожей ощущая на себе взгляды тех, кто был посвящен в историю их отношений с графиней Ланской. Он был удивлен, что капитан не осведомлен до сих пор обо всей подноготной, потому как в таких небольших городах новоприбывшего обычно обсуждали от и до, вытаскивая на свет Божий все тайны и сплетни.

Внезапно ему стало душно в этой небольшой прокуренной комнате, захотелось выйти

на улицу, на свежий воздух, и Сергей поспешил закончить партию и встать из-за стола, ссылаясь на то, что ему предстоит поутру ранний подъем. Уходя из-за стола, он невольно опять натолкнулся на того самого корнета, который как черт из табакерки выскочил у него на пути.

Сергей поспешил обойти его, но тот опять загородил ему дорогу. Загорский посмотрел на него в упор, взглядом давая понять, что лучше бы ему убраться с его пути. Молодой (от силы лет двадцать от роду) корнет, видимо, был по юности лет горяч нравом, так как он тут же произнес в лицо Загорскому:

— Не хотели бы вы извиниться, сударь? Или у вас входит в привычку наталкиваться на людей и без извинений удаляться прочь?

Загорский коротко вздохнул. Он вовсе не имел никаких намерений вступать в диалог подобного вида с этим юнцом, которому некуда было девать свою прыть и удаль. Поэтому он лишь кивнул тому:

— Прошу простить меня за то, что толкнул вас тотчас.

— Тотчас? — не унимался корнет. Загорский про себя начал считать до десяти, пытаясь обуздать злость, рвущуюся наружу — он ненавидел, когда ему что-то ставили в вину перед многочисленными свидетелями, а уж необоснованно тем паче. — А как насчет нашей невольной встречи на Васильевской?

Короткая фраза, но она заставила всех находившихся в комнате устремить взоры на Загорского, потому как всем им было прекрасно известно, кто снимал комнаты в доме на Васильевской улице. Сергей же холодно бросил корнету:

— Вы ошибаетесь, сударь, я прибыл нынче днем и вовсе не был в том месте, о котором вы упомянули. Прошу извинить меня, — он попытался было обойти настырного юнца, но тот опять заступил ему путь из комнаты.

— Вы хотите сказать, что я лгу? — прямо-таки взвился тот. К нему подошел один из офицеров, присутствовавших в комнате, и положил руку на его плечо, призывая не горячиться, но он лишь раздраженно сбросил ее и продолжил. — Сударь, вы оскорбляете меня!

«... — Государь и так гневается на вас, поручик. Не испытывайте судьбу более. Служите без нареканий, и я уверен, по прошествии полугода вы сможете подать прошение о пересмотре срока вашего пребывания в Нижегородском полку....»

Слова командира Преображенского всплыли в голове Загорского, мгновенно остужая его злость и раздражение. Сергею необходимо было вернуться в Петербург, как можно скорее, и никакие разбирательства с малолетними корнетами в его планы входить никак не должно.

— Я не имел намерения оскорблять вас, упаси Господи. Лишь указал на тот факт, что вы ошиблись, — пытался он свести на нет накал ситуации. Он прекрасно видел, что корнет так и выводит его на то, чтобы их словесная дуэль перешла на иной уровень, со слов к делу (правда, непонятно зачем), и всеми силами стремился избежать ее. Ему оставалось лишь это — признать факт своего нахождения на Васильевской, означало вбить лишний гвоздь в гроб репутации Натали. — Все мы под Богом ходим, всем свойственно ошибаться. А теперь прошу прощения, — он обогнул корнета, удерживаемого на месте крепкого рукой товарища, и направился к двери, где его догнали брошенные ему в спину слова:

— Вы трус, сударь!

О Боже, засмеялся про себя Загорский, хотя сейчас ему было вовсе не смешно. Одно из

двух — либо корнет устал жить на этом свете, либо попросту не знает, кто перед ним. Он медленно обернулся к молодому человеку. Его встретили умоляющим хором голосов, твердящими, что корнет не имел ничего дурного в виду, что он молод и горяч, и т.п., и т.д. Корнет же пытался перекрыть этот нестройный гул:

— Не имею ни малейшего намерения приносить свои извинения! Ни малейшего!

К Загорскому быстро тем временем подошел адъютант генерала Вельяминова и тихо, но скоро начал говорить тому:

— Юнец не ведает, что творит, князь. Вы сами видите — он молод и горяч, и к тому же влюблен, — Загорский удивленно взглянул на него, и он кивнул ему в ответ. — Да-да, именно. Графиня на многих произвела впечатление, прибыв несколько дней назад в Пятигорск. Видимо, он решил, затеяв с вами ссору, восстановить задетое самолюбие, потому как видел вас... ну, или слухи до него дошли... Не трогайте юнца, не берите грех на душу. Мы принудим его принести вам извинения, и дело с концом.

— Нет! — тем временем выкрикнул корнет, вырывая свою руку из удерживающих его рук, и подошел к ним. — Я принесу свои извинения только, когда ад замерзнет!

— Опомнитесь, корнет, — осадил его адъютант. — Вы и понятия не имеете, от кого пытаетесь получить сатисфакцию. Это его сиятельство князь Сергей Кириллович Загорский собственной персоной. Теперь вы понимаете, кто перед вами?

Сергей видел, что корнет понял. В его глазах сначала промелькнула волна узнавания, затем мимолетного страха, сменившаяся каким-то странным выражением. Он знает, слышал, понял князь, и если корнет схож нравом с ним самим в его годы, то теперь он ни за что не отступит, даже перед страхом быть убитым. Что и подтвердил корнет:

— Я готов повторить свои слова и сейчас — князь трус, раз не может достойно чести дворянина ответить мне, — упрямо вздернул подбородок тот, стараясь изо всех сил сдержать дрожание губ.

— Что ж, — пожал плечами Загорский. — Такова жизнь. Мы будем стреляться, как вы того добивались весь последний час. Я вызываю вас, корнет, извините, не знаю вашего имени-отчества. На рассвете. Пистолеты. Вы поможете мне в решении этого вопроса? Будете моим секундантом? — обратился он к адъютанту, не рассчитывая при этом на положительный ответ. К его удивлению, тот согласился.

Они сошлись на рассвете за городом, едва первые лучи солнца окрасили небосвод ярко-розовым цветом. Двадцать шагов. Для Загорского, имевшего славу, лучшего стрелка Преображенского, это было небольшим расстоянием. Что касается корнета («Федор Авдеевич Люльский, к вашим услугам»), то тот шел на дуэль, уже заранее смирившись с результатом, зная о репутации своего соперника.

Противники встали друг другу спиной и по знаку одного из секундантов начали расходиться. Один, два, считал Загорский собственные шаги. Обычно в такие секунды он ничего не чувствовал, ни о чем не думал. Сейчас же в памяти вдруг всплыло лицо Марины, когда она спала у него на груди в одну из ночей в Киреевке, а он любовался ею.

Пятнадцать... шестнадцать...

Загорский мысленно коснулся ее волос, мягких и шелковистых. Они у нее удивительного оттенка — светлые, словно выгоревшие под лучами солнца. Роскошное мягкое золото...

Восемнадцать... девятнадцать...

Он представил, как Марина просыпается и открывает глаза. Потом видит его взгляд и

нежно улыбается. Эта улыбка словно солнышко всегда согревала его заледеневшее за долгие годы душевного одиночества сердце.

Двадцать... Загорский развернулся, и в тот же миг грохнул выстрел, спугнувший птиц, мирно сидевших до того на ветвях деревьев поблизости. Какой чертяка этот Люльский, с удивлением про себя отметил Загорский, почувствовав, как пуля пролетела рядом с ухом. Еще немного, и все. Впервые смерть пролетела столь близко с ним, без особого волнения заметил он. Потом с завидным хладнокровием он поднял пистолет, прицелился, стараясь делать это, как можно дольше, словно не замечая, что каждая секунда промедления делает корнета все белее и белее.

Выстрел. Корнет упал на спину, словно кукла, раскинув ноги и руки. К нему бросились секунданты и доктор.

— Не волнуйтесь, господа, это всего лишь обморок, — крикнул им Загорский, направляясь к коляске, на которой они с его секундантом прибыли на место. — Перенервничал малость, и вот результат.

— О Боже, Загорский, как вы жестоки к нему, — воскликнул адъютант генерала Вельяминова, подбегая к коляске. — Это же всего лишь мальчик!

— Который вчера сделал все, чтобы не дожить до седин, — возразил ему князь. — Кто-то должен был показать ему то, чего он так алкал. Вы хотели бы, чтобы это был кто-то иной? Я отстрелил ему погон, другой же мог отстрелить голову. Едемте, сударь. Мне еще предстоит путь в Тифлис. Хочу уехать до того, как узнают о происшествии.

Но это Загорскому не удалось. Вельяминов прислал за ним, когда он уже почти выехал за ворота платных конюшен, где князь взял лошадь для поездки. Пришлось идти каяться в своем поступке.

— Безобразие! — горячился генерал. — Сущее безобразие! Что мне теперь прикажете делать? Ведь вас необходимо посадить под замок. Потом трибунал. И о чем вы только думали, князь?!

— О своей чести и чести полка, Алексей Александрович, — отрапортовал Загорский.

— Ах, Сергей Кириллович, Сергей Кириллович, принесла вас нелегкая на мою голову — покачал головой генерал. — Теперь я понимаю, почему вы в свои годы имеете чин поручика. С таким-то нравом... И что мне теперь прикажете сделать? Что делать мне теперь со всеми вами, участниками этого балагана?

— Дозвольте говорить откровенно, — сказал Сергей и после разрешающего знака генерала продолжил вполголоса. — Замните вы эту историю. Разошлите ее участников как можно далее друг от друга по Кавказской линии, приказав строго-настроено молчать об этой истории. Перевод в отдаленный аул — сам по себе достойное наказание. А ваш адъютант... он слишком дорожит своим местом. Он сразу же забудет о происшедшем, едва вы объявите свое решение. Все живы, ранений нет, чтобы можно было судить о дуэли. Ее легко скрыть при желании. А слухи... это всего лишь слухи...

Так и получилось. Всех, кроме адъютанта, разослали по самым отдаленным аулам линии. Таким образом, Загорский и оказался в этом маленьком горном селении, где размещалась лишь небольшая горстка солдат да пара-тройка офицеров, с ним в том числе. До ближайшего уездного города больше дня пути да по такой дороге, что не каждый-то и рискнет часто ездить, рискуя свернуть себе шею.

Заняться здесь особенно было нечем — Загорский либо упражнялся в стрельбе, либо писал письма Марине, складывая их в отдельную пачку, что намеревался отдать Степану

(его по приезде князь собирался отправить в город за покупками), либо бродил по окрестностям и делал наброски. Вечерами же здесь было тоскливо как никогда. Офицеры играли в карты и пили превосходное домашнее вино, в промежутке между этими занятиями проверяя караулы, иногда, правда, забывая и об этом. Все, более занятий тут не было.

Загорский плотнее натянул на плечи мундир и снова от души затянулся сигарой. Как хорошо было сидеть вот так в тишине да смотреть на звезды в вышине! В такую минуту ему до дрожи в руках хотелось, чтобы она была рядом. Прикоснуться к ней. Ее руки, ее волос. Коснуться губами ее губ, слегка прикусив нижнюю, более пухлую.

Загорский прислонился к косяку распахнутой настежь двери. Затем закрыл глаза и представил Марину. В этот час она должна быть в постели и безмятежно спать. Но пусть она проснется, пусть услышит, как зовет ее его душа.

— Милая... — прошептали его губы. Как же ей должно быть тяжело сейчас там, вдали от него, в паутине лжи, что он так ловко соткал! Интересно, когда Натали увезет письма в Петербург? Именно от них зависело, будет ли у красивой сказки счастливый конец или нет. Получит ли происшедшее прощение тех, кого невольно, но так жестоко обманули, или все же суждено всю жизнь жить под гнетом неприятия или, что еще страшнее — проклятия? Только здесь он осознал, как жесток его поступок, сколько судеб он поломал своим желанием заполучить Марину в свои объятия любой ценой.

Снова где-то в глубине селения протяжно, надрывая голос, завывала собака. Загорский открыл глаза, злясь на животное, что оно невольно вырвало его из мыслей. Эта собака не давала покоя Загорскому уже три последних ночи, действуя на нервы, напряженные как струна. «Собака воет — к покойнику», — вспомнил он слова своего старого денщика. Чужая, подумалось ему. А если она голодна или просто замерзла?

Задумавшись, он забыл стряхнуть пепел, и сейчас он обрушился с кончика сигары ему на брюки. С еле слышным чертыханием Загорский нагнулся, чтобы стряхнуть пепел со штанины, и это движение спасло ему жизнь: со свистом пронесшись мимо его головы, в косяк двери воткнулся кинжал, который сейчас медленно покачивался из стороны в сторону. Тут же, не раздумывая ни мгновения (он еще в свой прошлый визит на Кавказ убедился, что промедление может стоить жизни), Загорский сгруппировался и одним быстрым кувырком откатился назад, в темноту сеней, под защиту стен дома. В это же время он звучно прокричал: «В ружье!», поднимая ото сна солдат в ауле и офицеров, мирно спавших в доме.

Уже не таясь особо, загрохотали то тут, то там на улочках селения ружейные выстрелы, раздались крики людей. Загорский, быстро натягивая мундир, шагнул в их комнатенку, где офицеры стояли постоем, на ходу затолкнув выбежавшую растерянную хозяйку в одну из комнат дома и запретив ей и носа высовывать оттуда.

— Что там? — спросил его, спешно одеваясь, капитан Васнецов.

— Похоже, кто-то решил сегодня поиграть в войну, — коротко ответил Загорский, вынимая из коробки пистолет. Другой он кинул капитану.

— Это невозможно, — ошеломленно возразил ему трясущийся при каждом выстреле другой офицер, молоденький подпоручик. — У нас же заключено перемирие с имамом.

— Вот оно и закончилось, — резко ответил Загорский, направляясь к выходу. Необходимо было срочно пробраться сквозь всю эту неразбериху к солдатам и дать отпор тем, кто напал на них среди ночи — были ли это солдаты имама или просто горцы из соседних неподвластных империи селений, выбравшихся за трофеями. У выхода он обернулся на подпоручика. — *Courage, courage, mon ami* [\[121\]](#). Считайте, что вы покойник,

если не сможете побороть свой страх. И не бойтесь убить — тут либо вы, либо вас. Другого варианта нет.

Словно потворщица того, что творилось на земле под ней, луна скрылась за облаками, затянувшими небо за последние несколько минут. В темноте, под пулями, ориентируясь только по памяти и ловко обходя сзади горцев, снующих по селению с оружием в руках, Загорский отключился от всего земного в себе и старался не думать, что у людей попадающих ему под лезвие сабли, есть семьи, любимые, дети. Здесь и сейчас перед ним был враг, а значит, он должен был убивать его, быстро и медленно, стараясь ничем не обнаружить своего присутствия.

Под одной из оград недалеко от места караула князь наткнулся на тело молоденького солдатики, который только этим днем спрашивал его о том, каково это попасть в бой с горцами. Теперь его глаза были устремлены в небо, жизнь утекла из него вместе с кровью, струящейся из перерезанного горла.

Загорский протянул руку и закрыл солдату веки. Потом приподнялся и, чуть согнувшись, направился к колодцу, у которого, как он видел из своего невольного укрытия, завязалась небольшая схватка. На бегу князь переложил на время саблю в левую руку и достал пистолет, намереваясь сначала положить одного из нападавших метким выстрелом, а затем уже начать орудовать холодным оружием — теперь таиться не было никакого смысла.

Еле слышный шорох из тени кустарника у ограды справа от него заставил Загорского быстро развернуться и направить оружие в ту сторону. Но палец его не нажал на курок, он едва удержал себя от этого, приглушая в себе бешеный бег крови по венам.

Там, под густыми ветвями, скрывшись в тени от схватки, прятался мальчик-горец лет десяти-двенадцати. Его широко распахнутые глаза с диким ужасом глядели на Загорского и на пистолет в его руке. Видимо, кто-то из родственников взял его с собой на эту вылазку, стремясь приобщить того к военной жизни, потому как князь ни разу не встречал его в селении. Теперь же испуганный мальчик прятался под ветвями с единственным желанием сохранить себе жизнь в этой заварухе, прижимая к себе ружье так сильно, словно только оно было тем волшебным средством, что могло сделать его невидимым для остальных.

Загорский коротко кивнул мальчику, давая понять, что все хорошо, он не причинит ему никакого вреда, затем развернулся и направился было к колодцу. Он не успел пробежать и пары шагов, как вдруг раздался грохот выстрела. Его бок в тот же миг обожгло диким огнем, и он не смог сдержать стоны боли. Не веря в произошедшее, он коснулся этого места ладонью, потом поднес ее глазам. Она была ярко-красной от крови.

Этот стервец подстрелил меня, промелькнуло у Загорского в голове. Он повернулся назад, к мальчику, который теперь стоял у стены, направив ружье на князя, и смотрел на него растерянным взглядом, словно не веря, что он смог выстрелить в человека. Сергей направился к мальчику, сам не зная зачем (не в глаза же ему посмотреть, право слово!), но ноги вдруг ослабели, подогнулись, и он упал на колени, зажимая рану ладонью, словно надеясь этим остановить кровь, струящуюся из раны. Это падение отозвалось такой невыносимой болью в боку, что он не сдержал крика сквозь стиснутые зубы.

Мальчик лишь смотрел на него, не отрывая взгляда и не шевелясь. Его взгляд теперь выражал сострадание к мукам Загорского и сожаление. Но к чему они были Сергею теперь?

В голове князя всплыли собственные слова, сказанные всего несколько минут назад: «И не бойтесь убить — тут либо вы, либо вас. Другого варианта нет». Сам же и нарушил это правило, за что и пострадал сейчас. Горькая ирония судьбы...

Загорский почувствовал, как постепенно слабеет его тело. Нет, прошептали его губы, не может быть. Этого не может быть. Он упал на здоровый бок, потом на спину, ровно как солдат, тело которого он нашел по пути сюда.

Рядом с Загорским кто-то пробежал, громко стуча по земле каблуками сапог, затем следующий. Тот попросту перешагнул через него, словно считая того не жильцом на этом свете.

Я и не жилец, внезапно осознал Загорский. Сколько раз он видел подобные раны, редко кто из раненных дожил до конца боя. Он посмотрел в небо, которое теперь постепенно расчищалось от облаков, обнажая бледную луну. Казалось ли ему или она действительно превратилась в лик человека, который смотрел на него с состраданием к его участи?

Нет, я не хочу умирать, попытался вздохнуть Загорский, но тело уже не слушалось его. Не хочу умирать, Господи!

Перед его глазами вдруг появилась отрадная картинка из его детства. Вот он мальчиком бежит по двору за сестрой, а родители сидят на летней веранде и пьют ароматный чай из самовара. Вот он качает Натали на качелях у дуба, где они тайно (как они думали) встречаются в имении Загорских. Она смеется, она счастлива, еще не зная, что он разобьет ей сердце.

Снова перед его взором появились родители. Они стояли рука об руку и улыбались ему. Простите меня, хотелось сказать Загорскому, но из его горла не вырвалось ни звука. Отец коротко кивнул ему, и князь понял, что Марина была права — родители давно простили его, и только его слепое упрямство не давало поверить ему в эту истину.

Затем родители куда-то пропали, а появилась женская фигура с младенцем на руках. Женщина подняла голову, и Сергей узнал в ней свою сестру. Она выглядела такой умиротворенной, такой счастливой, что мужчина невольно улыбнулся в ответ на ее призывную улыбку.

Загорский понял, что прощен полностью своими ушедшими от него так рано родными, что они не держат на него зла. Ему внезапно стало так легко и так благостно, что он сам удивился. Из его глаз потекли редкие дорожки слез, но он уже не чувствовал их, как не чувствовал более своего тела.

Вдруг над Сергеем склонилось лицо матери, загораживая собой яркий свет луны. Она улыбалась ему. Ее нежные руки ласково коснулись его лба, отводя непослушные вихры с глаз. Затем эти руки легко коснулись его глаз и губ, и он увидел, как лицо матери сменилось лицом Марины. Она улыбалась ему и гладила ладонью по щеке. Ее глаза смотрели так нежно, так ласкающее.

— Я люблю тебя, — донесся до него ее тихий шепот. — Я всегда любила только тебя...

Прости меня, хотел ответить ей Загорский. Я предал тебя. Я обманул. Я оставляю тебя... Прости меня за это.

Лицо Марины исчезло. Над Загорским снова было только темное ночное небо, черные перистые облака да луна, которая стала намного больше, а свет ее ярче. Князь увидел, как этот свет становится все ярче и ярче, постепенно заслоняя все вокруг, ослепляя его.

Прости мне грехи мои, Господи. Вольные и невольные...

В оставшиеся пару мгновений до того, как отдаться ослепительному свету целиком, Загорский попытался вызвать в памяти образ Марины, и ему это удалось без труда. Это было единственным, что он хотел видеть в последние мгновения его жизни — ее лицо, ее глаза, губы, волосы. Он вспомнил ее такой, как запомнил, когда они лежали вдвоем на лугу, среди

зеленых трав, клевера и ромашек. Такой счастливой, такой умиротворенной...

— Марина... — сорвался с его губ еле слышный шепот, услышанный только легким ветерком, что пронесся над ним.

Затем яркий свет сомкнулся над ним и поглотил его...

Марина проснулась резко, словно от толчка. Вот она спала и видела сон про то, что она снова в Киреевке, на лугу вместе с любимым, а вот она уже лежит, глядя в потолок спальни и напрягая слух, пытаясь выявить причину своего внезапного пробуждения. В доме стояла тишина, и даже за распахнутым в сад окном не доносилось ни звука, хотя обычно долетали редкие звуки ночного города — стук колес одиноких дрожек или перекрикивания ночных сторожей да стук их колотушек.

Эх, подумалось Марине, как сладко она спала, как редко в последнее время, и вот такая незадача! Да и сон-то какой был! Так бы и спала все время с такими-то грезами, пока супруг ее не воротится. Реальность для нее теперь был горше самой горькой редьки...

Марина немного полежала в постели, покрутилась с боку на бок, и спустя несколько мгновений поняла, что не уснет более. Она перевернулась в постели и неуклюже скатилась с нее на ноги. Ей вдруг захотелось пить, а звать Агнешку, мирно спавшую тут же, на кушетке около гардеробной и тихонько похрапывавшую во сне, она сочла своей блажью. Пусть поспит старая, итак целыми днями носится с Мариной, как с писаной торбой.

Девушка подошла к столику у распахнутого настежь окна, на котором стоял графин с водой да несколько стеклянных стаканов и налила себе прохладной воды. Уже ставя стакан обратно на поднос, она невольно стукнула его о край столика с глухим, но отчетливым в этой тиши стуком. Этот звук мгновенно разбудил Агнешку, которая уже привыкла со временем спать так чутко, словно часовой на посту.

— Пошто не спишь? — встревожено спросила она, приподнимаясь на локте. — Болит чего, касатка?

— Нет, нянюшка, не болит ничего. Жажда, вот и поднялась. Спи, родимая, — откликнулась Марина тихо. Но Агнешку уже было так просто не успокоить — она уже поднималась с постели.

— Ах ты, Боже мой, сердэнько! У окна адкрытого-то. А ночи-то, знаешь, какие нынче? Ужо не теплые совсем. Вот, шалечку-то накинь, — нянечка подошла к ней и накинула на плечи пуховую шаль. Сама же она тоже зябко куталась в платок, но, тем не менее, поста своего рядом с Мариной не оставила.

— Ужо и чего тебе не спится-то? Привиделось опять-таки чего? Дык ты пойди, перахрысцися перед образами да попроси пазбавить от мыслей да грез дурных. А стоять-то на холоде-то не..., — Агнешка осеклась, заметив, что Марина не слушает ее вовсе, а неотрывно смотрит куда-то в окно. Она перевела взгляд и заметила бабочку, которая легко взмахивая своими воздушными крылышками, залетала в комнату сквозь распахнутое окно. — Ох ты, Господи, Езус Христус! — прошептала она еле слышно одними губами.

Марина же, удивленно наблюдая за медленным полетом бабочки, протянула к ней руку ладонью вверх. Ей было очень любопытно, откуда взялась ночью эта бабочка (а что это была именно бабочка, а не мотылек ночной, она видела явственно), и куда она так целенаправленно летит, сядет ли она к ней на руку, чего Марина вдруг захотела неожиданно для самой себя.

Бабочка словно заметив ее жест, взмахнула несколько раз своими белыми с россыпью

темных пятнышек крылышками и опустилась на ладонь девушки, которая даже дыхание затаила, боясь спугнуть хрупкое создание. Так они и замерли на пару мгновений: девушка — с протянутой рукой и бабочка, сидевшая на кончиках ее пальцев.

— Спаси и сохрани, Матка Боска! — вдруг выдохнула стоявшая рядом Агнешка и принялась неистово креститься. — Спаси и сохрани, Езус Христус, выратавальнік [\[122\]](#) душ наших!

Ее резкие движения испугнули бабочку, и она, скоро задвигав крылышками, вспорхнула с руки Марины и медленно, что было очень странно, направилась в обратный путь — в темноту ночи. Заметив это, Агнешка принялась бормотать молитву себе под нос и еще пуще креститься.

— Да что ты, в самом деле? — раздраженно вскрикнула Марина, раздосадованная поступком няни.

— Ой, касаточка моя, то вовсе не матылёк [\[123\]](#) был! — взволнованно проговорила Агнешка.

— А кто, по-твоему? Птичка? — иронично усмехаясь, сказала девушка.

— То хуже. Так душа то была, — быстро закивала головой нянечка. — У нас кажюць люди, что когда матылек нежданно залетаець, то душа чья-то. Мож, развітацца [\[124\]](#) приходит, кто их ведаець-то.

У Марины от слов Агнешки аж мурашки побежали по спине, и она поспешила одернуть няньку:

— Глупостей не говори. Да спать давай ложиться, Гнеша. Скоро рассветет уже, да на службу надо будет прибираться. Дурно в наше время во все приметы верить. Да слова такие говорить, когда в доме больной.

Она перевела взгляд в темное небо, приславшее это хрупкое создание в ее комнату, и быстро перекрестилась. Разумеется, она не верила в байки своей няньки, но бабочка посреди ночи выглядела довольно загадочно. Ведь они даже свечей не зажигали, и в комнате было темно. Что же привело эту бабочку к ней? И кто ведаець, что та принесла ей на своих тонких крыльях?

Марине никогда не забыть тот июль. Именно этот месяц так перевернул всю ее дальнейшую жизнь. Иногда, оглядываясь назад, она понимала, что это само провидение так сложило судьбы всех персонажей, окружающих ее, так скрутило их в один клубок, что по-иному и быть не могло. Все сбылось так, как предрекала старая цыганка в имении Арсеньевых, словно кто-то свыше уже предначертал линию жизни каждого.

На торжестве по случаю дня рождения Александры Федоровны Марина повторно предстала пред императорской четой, но уже в качестве нареченной графа Воронина. Ей уже было не избежать этого звания в свете — их оглашение на вечере у Львовых было словно снежный ком, неся вслед за собой многие события, остановить которые или придержать ход которых девушка уже не могла. Ей стало казаться, что скоро этот ком поглотит ее с головой, и нет от этого никакого спасения.

— Les Mariages se font dans les cieux ^[125] □, — произнес тогда император, смутив и Марину, и Анатоля. — А уж браки по любви тем более. Скажу вам en grand secret ^[126], милая барышня, граф без ума от вас, поверьте мне, я вижу почти каждый Божий день, как он витает в облаках, — стоявшая рядом с ним супруга легонько толкнула его в бок.

— Nicolas, вы смущаете молодых, — мягко проговорила она и обратилась к Анатолю и его невесте. — Поздравляю вас. Уверена, что вы найдете в друг друге свое счастье.

— Как нашли свое мы с Аликс, — добавил император, поднося руку императрицы к губам. Потом он перевел взгляд на своего адъютанта. — Когда же вы намерены венчаться? Настаиваю на скором венчании, ибо хочу вернуть обратно своего прежнего Воронина с небес. По крайней мере, на службе.

Окружающие их гости рассмеялись шутке императора. Марина же лишь вежливо улыбнулась — ей показалась эта шутка оскорбительной для ее жениха, посему неприятной ей самой, что слегка удивило ее.

— Вы так говорите, государь, — постаралась сгладить углы Александра Федоровна, будто заметив возникшую напряженность в ней. — Слово брак возвращает человека с небес влюбленности на грешную землю. Негоже такие шутки шутить при обсуждении предстоящего венчания — вы можете спугнуть молодых, и они переменят свое решение.

Ее слова вызвали очередную волну негромкого вежливого смеха и улыбок среди окружающих их. Император же поспешил возразить в ответ в их шутливом обмене репликами:

— Разумеется, я не это имел в виду. Но иногда, ах, иногда так бывает. Мне ли, получающему просьбы о разводе, не знать этого? Но не будет об этом! Так, когда же венчание, граф? Мы бы хотели, чтобы оно состоялось в церкви Аничкова дворца, если у вас нет возражений по этому поводу, — Анатолий и Марина тут же склонились перед царской четой: он — в поклоне, она — в низком реверансе. Это было большая честь для них, ведь Аничков — любимейший дворец императора, и лишь избранные удостоивались такого положения.

— Кроме того, насколько мне известно, у вас, граф, нет пока никого на примете, кто мог бы стать вашим посаженным отцом. Я буду счастлив разделить с вами радость этого наиважнейшего дня в вашей жизни в этом качестве, — продолжил государь, и молодые снова склонились перед ним.

— Благодарю вас, Ваше Величество, за оказанную мне и моей нареченной честь. Мы будем только рады, — ответил Анатоль. — Что касается даты венчания, то мы планировали назначить его до Филиппова дня.

Филиппов день! Марина почувствовала, как у нее задрожали ноги и онемели пальцы на руках, а скулы свело от напряжения держать при всем этом счастливую улыбку на лице. О Боже, Боже, Боже! Как все запуталось! Венчание в Аничковом, а государь — посаженный отец Анатоля. Как скажите на милость им выпутаться теперь с Сергеем из всего этого?

— Будь я на вашем месте, граф, и имей такую очаровательную невесту, я бы тоже торопился под венец, — улыбнулся император, и все рассмеялись, а императрица шутливо стукнула супруга сложенным веером по локтю.

Лишь Марина стояла ни жива, ни мертва. Она улыбалась окружающим ее людям, кивала им, обменивалась репликами, а ее мозг в это время напряженно работал, обдумывая, как ей следует вести себя далее. И роскошный бал после торжественного обеда, и даже великолепный фейерверк, устроенный в честь дня рождения императрицы тем же вечером не смогли отвлечь ее от ее тяжелых дум.

После торжества по случаю помолвки Марина наотрез отказалась выезжать куда-либо, ссылаясь на мигрень и страшную духоту. Позднее она стала объяснять свое нежелание покидать особняк на Морской дождями, что непрерывно проливались на Петербург во второй половине июля. Уже всем ее близким было очевидно, что она ищет предлоги, чтобы избежать общения с кем-либо. Анна Степановна, как могла, объясняла это странное поведение дочери волнением и нервозностью перед предстоящей свадьбой, подготовка к которой шла полным ходом. Не каждой же приходится идти под венец в церкви Аничкова да еще с императором в качестве посаженного отца жениха!

— Это большая честь для нашей семьи, — убеждала она Воронина, приезжавшего с визитами раз в два дня. — Естественно, Марина переживает по этому поводу, как и любая другая девушка переживала бы на ее месте.

— Скажите, Анна Степановна, а что там с письмами князя? — вдруг в один прекрасный день спросил Воронин свою будущую тещу. — Он все еще пишет к ней?

— С начала июля ни одного письма, Анатоль Михайлович, — ответила застигнутая врасплох Анна Степановна. Она не успела ничего придумать путного за эти мгновения и решила открыть правду — с того дня, как женщина перехватила письмо от князя, переписка то ли прекратилась, то ли стала вестись в обход Бориски. Хотя письма для Арсеньевой ему передавались еженедельно.

Воронин кивнул собственным мыслям и задал очередной каверзный вопрос:

— А не думаете ли вы, что сии странности в поведении вашей дочери могут быть связаны именно с этим обстоятельством?

Précisément! ^[127]Иногда по ночам Анна Степановна слышала, как Марина плачет в своей комнате, и это разрывало ей душу. Она корила Загорского за то, что разбил сердце ее дочери, ибо догадывалась, что что-то произошло, но что именно понять так и не могла. Скорее всего, он уже наигрался в любовь и оставил Марину в покое. Вопрос был только в том, насколько серьезно их увлечение, и женщина установила пристальное наблюдение за бельем девушки. Слава Богу, ее опасения вскоре были развеяны, и Анна Степановна с легкой душой приступила к приготовлениям к предстоящим торжествам. Поплачет и перестанет, решила она. Не ей первой на этой земле разбили сердце.

— C'est une absurdité! ^[128]Разумеется, нет, — чуть нервно рассмеялась Анна Степановна.

К ее явному сожалению, убедить Воронина вложности его предположения она так и не смогла.

В отличие от Анны Степановны, не обеспокоенной состоянием Марины, Агнешка все с возрастающим беспокойством наблюдала за своей девочкой. Ей совсем не нравилось отсутствие аппетита той, ее вялость и сонливость, перепады настроения. Конечно, были крови в начале месяца, но все же... Она слыхала, что так иногда бывает — вроде и крови есть, да в тягости жинка.

Или вдруг от этой хандры какая болезнь нападет на ее девоньку? Агнешка помнила, как тяжело дались Марине те несколько лет в Ольховке, что она провела в попытках забыть Загорского. Теперь же будет еще горше — ведь посетивший рай, никогда не забудет его плодов, и тяжелее будет вычеркнуть из памяти их вкус и сладость.

— Прости грехи моей девочки, Господи, — ежедневно молилась она перед образами. — Помоги ей пережить те трудности, что посылаешь ей в испытание. Матка Боска, верни здоровье моей девочке, телесное и духовное. Помоги ей, помоги ей...

Агнешка каждое утро ходила сама к почтарю (Анна Степановна была права в своих подозрениях), но заветного конверта так и не было. Старая женщина не понимала, как и Марина, что произошло с князем. Ужели он обманул ее касаточку? Ужели оставил? Но нет — Агнешка вспоминала ту странную бабочку, залетевшую к ним в комнату, и неистово молилась с того дня перед образами, прося Господа защитить супруга и защитника ее девоньки, втайне от Марины. Она слыхала, что там, в том далеком краю идет война, и кто знает, как может обернуться эта поездка. Ведь пуля или сабля не разбирает кто перед ними — благородный человек или простой солдат, и жизнь отнимает одинаково.

Марина же за прошедшее время со дня их расставания с Загорским устала лгать и притворяться донельзя. Ей, презиращей ложь и обман, было тяжело как никогда ранее. Она же была просто в панике от того, что все идет далеко не так легко, как расписывал ей Загорский. Девушка стала очень раздражительной и нервной, то и дело срывалась на крик и слезы, за что сама себя потом корила. И самое ужасное во всей этой ситуации было то, что она чувствовала себя совсем одинокой.

Одна и беззащитна перед всеми теми, которым лгала в глаза, мило улыбаясь.

Бедная девушка писала к Загорскому письмо за письмом. Умоляла, просила, уговаривала объявить об их браке и забрать ее к себе. Куда угодно — в имение, на Кавказ. Ей уже было все едино. К середине июля, не получив более почти за месяц ни одного письма от князя, Марина совсем пала духом. Вскоре ее письма из умоляющих превратились в угрожающие.

«... Я не понимаю, что происходит. Я не понимаю твоего молчания. Где ты и что с тобой? Разве не обещал ты писать мне еженедельно, чтобы я получала твои письма как можно чаще? Разве не говорил ты, что это будет служить лишним доказательством того, что ты не забыл про меня?»

«.... Филиппов день. Эта дата висит, словно Дамоклов, меч над моей головой. Ты обещал, что к Покрову мы разрешим нашу situation, но я не вижу ни единого подтверждения твоим словам. Если ничего не изменится к назначенной тобой дате, я самолично открою тайну и своей семье, и старому князю. Клянусь тебе, я пойду на этот шаг, ибо у меня нет иного пути».

Совесьт девушки отягощало к тому же поведение ее жениха. Воронин ездил к ней исправно, привозил подарки, присылал цветы и конфеты, словом, вел себя, как влюбленный

мужчина. Что, кстати, Марина легко читала по его глазам: они смотрели на нее с таким слепым обожанием, когда он предполагал, что этот взгляд незамечен окружающими, что ей становилось прямо-таки дурно от переживаний.

Анатоль имел полное право на то, чтобы быть любимым, и не его вина была в том, что она не могла дать ему этой любви. Каждый раз, когда Марина отстранялась от него, стремясь избежать объятия или поцелуя, она видела боль в глазах Анатоля, которая отзывалась в ее сердце резким уколом.

Этот водевиль необходимо было прекратить, решила Марина для себя. Более так продолжаться не может. Ждать письма от Загорского не стоит — почта всегда работала из рук вон плохо. Да и потом решать тут должна для себя она, а не он.

В тот день прямо после полудня в дом на Морскую приехала mademoiselle Monique, одна из самых популярных мастериц столицы. Запись к ней на пошив гардероба велась чуть ли не за три месяца, да и стоил он отнюдь недешево, зато ее наряды смотрелись на хозяйке лучше остальных, подчеркивая то, что необходимо было подчеркнуть, и, скрывая то, что необходимо было скрыть. Граф пожелал, чтобы гардеробом его будущей супруги (а уж тем паче венчальным платьем) занималась только она, и вот mademoiselle Monique, переложив текущие заказы на своих модисток, приехала, чтобы обсудить фасоны и цвета. Кроме этого, она привезла с собой целый ворох лоскутов, чтобы продемонстрировать, какие ткани будут использованы при пошиве, а сопровождающая ее кузина (тоже модистка ее салона) занесла в диванную, где принимали знаменитую мастерицу, два чехла. В них лежала основная работа mademoiselle Monique, доверить которую она не могла никому.

В одном из чехлов было венчальное платье. Даже сейчас, без лишних украшений и кружев, оно выглядело очень красивым и элегантным. А уж когда Марину, стоявшую на скамеечке, облачили в него девушки, помогавшие при примерке (mademoiselle Monique лишь отдавала приказы, стоя в отдалении, да поправляла ткань при необходимости), то сестры и мать, находившиеся в комнате дружно выдохнули от восторга, а Агнешка, стоявшая скромно у дверей, прослезилась от умиления. Даже Марина, увидев собственное отражение в зеркале, была помимо воли вынуждена признать, что платье — это настоящий шедевр портняжьего искусства.

— Моя кровь! — затем гордо улыбнулась Анна Степановна, промокая платком глаза. — В меня пошла красой, не иначе.

— O-la-la, le sein de mademoiselle a légèrement augmenté [\[129\]](#), — нахмурилась mademoiselle Monique, делающая наметки рисунка на корсаже, чтобы в дальнейшем расшить его жемчугом, и для наглядности продемонстрировала свое замечание, показав его жестами. Агнешка, завидев эту пантомиму, вдруг побледнела и метнула взгляд на Анну Степановну, но та целиком была сосредоточена на обсуждении платья с модисткой. Марина не обратила на странное поведение няни внимания — в тот момент ей помогали снять венчальный наряд и облачиться в другой, принесенный в тот же день.

— Mademoiselle a de la chance avec mari, — щебетала меж тем непрерывно mademoiselle Monique. — Il est non seulement noble, il est bien coté de souverain, mais très riche. Hier j'ai reçu un rouleau de blondes [\[130\]](#). Rouleau, figurez-vous! Personne dans la capitale n'ont pas eu et n'aurait pas tant de blondes en robe de mariée, seul mademoiselle. Dans la capitale? Dans empire! [\[131\]](#)

Марину тем временем облачили в другое платье, атласное, тягуче-черного цвета с черничным отливом при движении юбок. Она расправила складки на юбках («O-la-la, avec

précaution, mademoiselle, tres capricieux tissue! ^[132]»), повернулась к зеркалу и, увидев собственное отражение в зеркале, остолбенела. На ней было красиво скроенное и превосходно сидевшее на ней траурное платье.

«....Черное облако смерти витает над тобой. Но не твоя это смерть, не тебя Господь забрать хочет...» — вдруг всплыли в голове слова предсказания старой цыганки.

Марина вдруг побледнела и рухнула со скамейки, как подкошенная, под крики всех присутствующих в комнате. Благо, что дворня успела подхватить и уберечь от неминуемого падения на пол.

— Ну что ты, дурочка, распереживалась? — тараторила после над ней, лежащей на софе, маменька, пока под нос ей совали нюхательные соли. — Неужто, не знаешь, что траур готовят вместе с венчальным нарядом? Так ни одна невеста в обморок не грохалась на примерке. До чего ж ты впечатлительная-то! Все книги твои!

Примерку пришлось прервать и перенести на следующий день. Марину же Анна Степановна отправила в спальню отдохнуть и набраться сил. Агнеша была только рада, что вся эта суматоха улеглась, и ее девонька может спокойно полежать в тишине комнаты, вдали от матери, непрерывно судачащей о предстоящей свадьбе, да суматошных сестер.

— Скажи-ка, касатка моя, как твое здоровьичко? — подоткнув одеяло, спросила она у Марины. — Можя, беспокоиць чего? Голова, часом, кругом не идзець? Дурнота не мучаець?

— Ах, Гнеша, оставь! — отмахнулась от нее Марина. — А то сама не знаешь? Просто коршуном за мной следишь, продыху не даешь. Уйди, одна хочу побыть.

Агнешка поджала губы, но ничего не сказала в ответ. Только вышла из комнаты, предварительно опустив плотные шторы.

Марина лежала в полусумраке спальни и напряженно размышляла. Траурное платье заставило ее вспомнить все те предсказания, что ей были даны в последнее время. Сначала цыганка на вечере в Киреевке, затем гадание по книге. Что за смерть суждено ей встретить на своей доле? Чья она? Неужели их обман приведет к такому трагичному исходу?

Марина вспомнила, как ей рассказывали историю, где девушка бежала с любимым из-под венца, но была поймана родней и женихом. Ее нареченный был вынужден вызвать ее любимого на дуэль, чтобы кровью смыть позор, нанесенный ему и семье невесты. Или это был брат этой девушки, что послал вызов?

«...опасайся белого человека, когда снег будет падать в мае. Прости ему его поступки, прими его слова. Он будет искренен. Есть два пути в твоей жизни. Выберешь прощение — жизнь сохранишь. Выберешь гнев — погибнешь...». Что имела в виду цыганка? Первое еще куда ни шло: белый человек — это человек с белокурыми волосами. Но снег в мае...?

Марина села рывком в кровати. Боже мой! Белокурый человек! Уж не Загорский ли это, часом? Нет, упаси Господь, от такого исхода! Обман обманом, а вот такого конца их запутанной истории она вовсе не хотела.

Марина поднялась с постели и позвонила.

— Одеваться буду, — коротко она бросила прибежавшей девке. — Да еще Бориса позови, письмо отнести надо.

Тем же вечером она ждала к себе с визитом Воронина, записку которому так спешно отправила с лакеем. Будь что будет, решила она, но правда должна открыться ему не в качестве моего жениха. Ей думалось, что это может смягчить удар, что он получит при известии о ее тайном венчании с Загорским, а значит, его ярость и гнев не приведут к тем последствиям, что пророчила Анатолю цыганка.

Марина ходила по гостиной кругами (дверь — софа — камин — софа — дверь), дожидаясь назначенного часа для визита. Ей было страшно, как никогда до этого. Как найти слова, чтобы убедить его, что их помолвка не должна быть? Просто не должна...

Отворилась дверь, напугав ее до полусмерти. Вошедший лакей сообщил о приходе ее жениха. Марина приказала провести его сюда, в гостиную, и судорожно стиснула руки, стараясь унять собственное сердце, бешено стучащее в груди.

Анатолий вошел и сразу же нашел ее взглядом в комнате. Он всегда так делал. Даже если комната была полна людей, он сразу же находил глазами ее взгляд, а уж потом здоровался с остальными.

Вот и сейчас его глаза наполнились тем самым теплом и нежностью, при виде которых у Марины всегда перехватывало дыхание и хотелось плакать горячими слезами.

— Марина Александровна, — он быстро подошел к ней и порывисто прижал ее руку к губам, отпуская затем ее кисть с явным сожалением. — Я слышал, вы были нынче утром нездоровы. Как ваше самочувствие сейчас?

— Благодарю вас, Анатолий Михайлович, я вполне здорова, — Марина присела на софу и знаком показала мужчине на место напротив себя. — Не желаете ли чаю?

— С превеликим удовольствием, — ответил ей Анатолий. Марина кивнула лакею, и тот вышел, оставив дверь гостиной открытой. По всем правилам им недолжно было оставаться наедине за закрытыми дверями, но как еще при этом сообщить Воронину то, что она намеревалась сказать, Марина даже представить не могла. Поэтому она предпочла пока молчать. Молчал и граф, не отрывая своего взгляда от нее.

Подали чай, что заставило Марину немного расслабиться, занявшись обслуживанием своего гостя. Она наливала ему чай («Черный крепкий с капелькой молока и немного сахара, да-да, я помню ваши вкусы!»), щебетала меж тем о толках в свете да о предстоящей премьере в домашнем театре Барятинских, куда они были приглашены завтра вечером. Воронин же молчал и только с какой-то странной улыбкой на губах наблюдал за ней. Потом он оставил в сторону чашку и проговорил:

— Марина Александровна, что вы хотели мне сказать?

Марина ошеломленно замолчала от подобной прямоты, а потом тихо пролепетала:

— Почему вы решили, что я хочу поговорить с вами?

— Ну, во-первых, вы прислали мне записку, что хотите видеть меня нынче. Ранее за вами не водилось столь яркого желания увидеть меня, значит, вы что-то хотите обсудить со мной. Во-вторых, вы ведете себя довольно странно, несхоже с вашим обычным поведением, следовательно, вы очень волнуетесь, и разговор для вас этот не из легких, — он помолчал, давая ей время собраться с мыслями, а затем произнес. — Говорите, Марина Александровна. Нет такой темы, в которой вы не могли бы не найти моего понимания. Даже неприятной мне. Что у вас стряслось такого страшного?

Марина резко встала и отошла к окну. То, что Анатолий разгадал ее намерения да так быстро, напугало ее. Видя ее напряжение, Воронин сменил свой тон с серьезного на шутливый в мгновение ока.

— Сегодня была mademoiselle Monique у вас с примерками. Это как-то связано с ней? С вашими заказами? Если превысили отведенный кредит, то я готов, как будущий примерный супруг, повесить его.

Марина помолчала минуту, затем глубоко вздохнула и быстро проговорила:

— Анатолий Михайлович, я сожалею, очень сожалею, но я вынуждена признать, что

наша помолвка с вами была ошибкой. Мы совсем разные натуры, разный склад ума, и я не уверена, что это поспособствует нашему совместному счастью. Поверьте, вы достойны другой супруги, той, которой я никогда не смогу стать для вас. Я понимаю, что подготовка к торжеству идет уже полным ходом, и заверяю вас, что наша семья возместит...

— Какие, к черту, возмещения? О чем вы толкуете? — ледяной тон Воронина заставил Марину замереть в испуге. Он совершенно не изменился в лице, ни одна черта не дрогнула. Но его тон...

— Я прошу вас расторгнуть..., — начала было говорить девушка, стараясь утихомирить собственные эмоции.

— Я не страдаю потерей слуха, — оборвал он ее и медленно поставил пару [\[133\]](#), которую до этого держал в руках, на сервировочный столик. — Ваши родители осведомлены об этом решении? — и когда Марина покачала головой, он продолжил: — Понятно. В таком случае могу я узнать причину подобного решения?

— Я не считаю себя достойной составить ваше счастье. Поверьте, это действительно так. Вы удивительный человек. Где-то на земле есть та, другая, что сделает вас более счастливым, чем я.

Марина замолчала, не зная, что еще сказать ему, какие доводы привести. В этом случае любые доводы и слова будут выглядеть нелепо и наивно.

— Нет, — покачал головой Воронин. — Это все не то, *n'est-ce pas*? Причина совершенно в другом. Давайте уж лучше начистоту. Я знаю, что Сергей Кириллович писал к вам (не смотрите на меня глазами испуганной лани, все тайное становится явным рано или поздно), догадываюсь, что вы отвечали ему. Но с недавних пор, полагаю, ваша тайная переписка прекратилась, и отнюдь не по вашей вине. Я также имею предположения, по какой причине, — он вдруг прервался, коротко вздохнул, а потом, вдруг переменив выражение лица (оно стало таким жестким, что Марина почувствовала себя неуютно даже в отдалении от него), продолжил. — Вы напоминаете мне мотылька, летящего на свечу. Его отгоняют от огня, зная, что он погубит это хрупкое создание, но мотылек всенепременно продолжает стремиться к этому обжигающему пламени. Так и вы стремитесь обжечь свои хрупкие крылья об этот огонь. А ведь вы обожжетесь, Марина Александровна, обожжетесь, ведь страсть, она словно огонь от кресала — вспыхивает моментом, но так же быстро и гаснет после этой мимолетной вспышки.

— Какое вы имеет право так говорить со мной? — вдруг разозлилась Марина. Злость всегда была первой в ее самозащите, даже во вред самой себе. Она из всех сил стиснула спинку стула, у которого стояла, прикрываясь им, как щитом, от пугающего ее Воронина. Таким жестким, таким язвительным она не видела его еще ранее ни разу.

— Вы дали мне эти права сами, Марина Александровна, — резко ответил ей Воронин. — В день, когда дали мне ваше слово.

— Прекрасно! В таком случае я забираю его назад!

После ее выкрика Анатоль вдруг поднялся в одном быстром и резком движении, и Марина отшатнулась, подумав, что он сейчас метнется к ней и... Но он лишь громко проговорил, глядя ей прямо в глаза:

— Ради кого?! Ради мужчины, вскружившего вам голову, пока он был в столице, пишущего вам нежные письма, и в то же время стрелявшегося на Кавказе из-за другой?!

Марина шатнулась — услышанное поразило ее. Она тотчас поняла, о ком говорит Воронин, и это осознание обожгло ее, словно огнем.

— Это не может быть правдой! — упрямо сказала она. — Я не верю вам.

— Об этом знает весь Петербург уже пару недель. Говорят, его застали чуть ли не в ее постели, потому и пришлось любой ценой защищать честь графини, но я не верю в эти бредни. Серж никогда не позволит поставить себя в подобное неловкое положение, — также тихо ответил ей Анатоль с явным состраданием к ее боли в глазах. — Я, как мог, ограждал вас от этих слухов до сей поры. Но теперь понимаю, надо было рассказать вам ранее. Теперь вы понимаете, ради кого вы ломаете свою жизнь.

Марина отвернулась от него к окну, чтобы скрыть слезы, что маленькими ручейками побежали по ее щекам. Ей было так больно, что каждый вздох давался ей с трудом.

«...князь — большой ходок. Пусть это не так бьет по семейному бюджету, но это во сто крат хуже — это разобьет твое сердце рано или поздно. Он желает тебя (да, именно так!), но не остынет ли он, получив желаемое? Не оставит ли он твою постель ради другой?...»

Эти слова маменьки все крутились и крутились в ее голове, всякий раз отдаваясь тупой болью в висках. Тем не менее, она нашла в себе силы ответить Воронину:

— Не судите да не судимы будете.

Он промолчал на ее реплику, видимо, не найдя слов для достойного ответа. Затем медленно проговорил:

— Вижу, яд глубоко пустил свои корни. Но, поверьте мне, я приложу все усилия, чтобы исцелить вас от этого недуга.

Марина так резко повернулась к Воронину, что локоны больно ударили по ее щекам.

— Я уже сказала вам, что не стану вашей супругой!

— А я ответил вам, что не принимаю вашего отказа! — также зло ответил Анатоль, стиснув кулаки. Он прошел к выходу и у самой двери обернулся к ней. — Вы моя невеста, и отныне я намерен требовать от вас достойного поведения. С этой поры все ваши отговорки по поводу нездоровья не будут приняты. Мы начнем выходить в свет, как и подобает обрученной паре. Довольно я потакал вашим капризам. Завтра же мы едем к Барятинским, и далее принимаем приглашения.

— Нет! Вы не сможете меня заставить! — прошипела Марина. Ее голова ходила кругом. Она почти не соображала от злости и дикой сердечной боли, что ей следует говорить и как поступать.

— А вы попробуйте! — бросил он ей в ответ. — Мне доставит истинное удовольствие прийти сюда и вытащить вас из постели. Вы пойдете на вечер даже в исподнем, коли хотите скандала, мне уже все едино. Мне этот скандал будет только на руку! Позвольте откланяться! — он склонил голову в прощальном поклоне, щелкнул каблуками и вышел вон из гостиной.

На Марину вдруг навалилась такая слабость, что она медленно опустилась на пол, прямо там, в гостиной. Она обхватила себя за плечи руками и принялась раскачиваться из стороны в сторону.

Где-то рядом прошелестели юбки. Рядом с Мариной на пол настолько быстро, насколько позволяли той больные колени, опустилась Агнешка. Она знала о намерениях своей девоньки расторгнуть помолвку и караулила под дверью — кто знает, как поведет себя рассерженный мужчина, даже если он из благородных. Агнешка слышала каждое слово из их разговора и теперь поняла, что Марина еще больше увязла в той трясине, куда сама же ступила несколько недель назад.

Няня обхватила лицо девушки ладонями и повернула к себе.

— Что с тобой, сердэнько мое? Он сделал тебе больно, окаянный?

— Ох, Гнеша, как худо мне, — прошептала Марина одними губами. — Худо мне. Я словно муха в паутине — сколько ни кручусь, чтобы вырваться, только еще больше запутываюсь.

Нянечка прижала к себе девушку и принялась легонько раскачиваться, как раньше, когда ее Мариша была совсем маленькой девочкой. Как же ей хотелось, чтобы все страдания и муки, что сейчас переживала Марина, ушли безвозвратно!

— Подождем воротанья твоего соколика, — прошептала она Марине, целуя ее в макушку. — Должен же ен воротиться оттудова! Вот тогда и будем думу думать. А сейчас утри слезоньки свои — знать, доля так легла у каждого, и не зменить ее таперича, не зменить. Табе жа надо быть поласкавее с женихом своим. Не серчай его более, не серчай.

Марина решила последовать совету своей нянечки. Тем более, что неожиданная для нее вспышка ярости Воронина, всегда вежливого и хладнокровного, напугала ее. Кто знает, каков на самом деле его нрав? Ведь, как подозревала Марина, его нынешнее поведение — результат многолетней службы при дворе. Что будет, если выпустить всех демонов, загнанных в рамки на долгое время условностями и требованиями?

Потому она на следующий же вечер уже была готова к выходу в свет вместе со своей матерью и женихом. Кроме того, Марина обожала оперу (она приобщилась к ней в свой прошлый визит в Петербург) и слышала, что в домашнем театре Барятинских есть настоящие таланты оперного ремесла. Поговаривали даже, что их пытался перекупить господин Гедеонов, вершитель судеб в театральном Петербурге, но княгиня отказалась продавать их.

В тот вечер давали «Орфея». Потом, спустя некоторое время, Марина поймет, что сама судьба подавала ей знак о том, что ей суждено пережить.

Перед тем, как занять свое место в партере перед сценой, Марина огляделась и наткнулась взглядом на старого князя Загорского. Он сидел слева от нее, в хозяйской ложе, вместе с четой Барятинских и их дочерью. Марина встретила с ним глазами и тотчас присела в реверансе. Мать за ее спиной последовала ее примеру, а Воронин, обернувшись к князю, склонил голову. Князь же оглядел их маленькую компанию ледяным взглядом и лишь спустя несколько мгновений соизволил кивнуть, после чего резко отвернул от них голову.

— *Ce qu'il est malappris!* ^[134] — прошипела зло за ее спиной Анна Степановна так, чтобы не услышал ее Воронин. — Подумать только!

Марина же никак не отреагировала на холодность старого князя. Она была благодарна ему и за этот кивок, хотя и подозревала, что они удостоились его, исключительно благодаря его теплоте, почти родственному отношению к Воронину.

Марина поняла теперь, как тяжело будет им с Сергеем убедить его простить и принять их тайное венчание. Судя по всему, он не особо приветствует ее и ее семью, и как изменить его отношение к ним, она не могла придумать. Да, Марина вполне могла понять его неприязнь к полякам, но в чем виновата она, выросшая в Петербурге, воспитанная, как любая другая русская девушка — в православной вере и любви к империи и своему государю? Она ничем не отличалась от других, только фамилией.

Грянула музыка, поднялся занавес, и Марина постаралась забыть о своих невзгодах и заботах хотя бы в театре и получить удовольствие от удивительного мира оперы. Она погрузилась в него целиком, почти полностью растворившись в нем, и потому не сразу поняла, что в зале творится нечто странное — люди вокруг начали перешептываться и один за другим устремлять взгляд в хозяйскую ложу. Спустя несколько мгновений и Марина,

отвлеченная от оперы глухим шепотом соседа сзади, оглянувшись, заметила происходящее в зале и, движимая любопытством, посмотрела в ложу. Там бледному, как смерть, старому князю, видимо, стало дурно — он откинулся назад, положив голову на спинку кресла, верх его фрака был расстегнут, а стоявший рядом лакей подавал ему бокал с водой. Князя Барятинского в ложе не было, княгиня же, такая же белая, как и князь Загорский, суетливо обмахивалась веером. Было видно, что мысленно она находится не в зале. Княжна же плакала, приложив к губам кружевной платок.

— Кажется, князю стало плохо с сердцем, — предположил Воронин, проследив взгляд Марины. — Я оставлю вас на минуту, узнаю, не нужна ли моя помощь.

— Да, конечно, — проговорила Марина уже удаляющемуся Воронину. Она наблюдала, как он прошел перед сценой к хозяйской ложе, а заметив его, княгиня Барятинская, словно очнувшись от своей странной задумчивости, вдруг поднялась и сделала знак актерам и оркестру прекратить оперу. Тут, словно по команде, многие повскакивали со своих мест, весь зал дружно заговорил, обмениваясь догадками о причине происходящего. Князю плохо с сердцем? Он получил весть об очередной выходке своего наследника? Что на этот раз выкинул этот *polisson*?

Тем временем Воронин дошел до ложи. Марина довольно неплохо видела его со своего места, несмотря на движения в зале. Княгиня перегнулась через перила и что-то сказала ему, активно жестикулируя ладонями. Даже с расстояния, разделявшего Марину и Воронина, она увидела, как он вздрогнул, повернулся сначала к старому князю, а затем обернулся назад, к ней. Князь Загорский, заметив направление его взгляда, тоже взглянул на девушку.

В глазах обоих Марина без труда прочитала боль и такую горечь, что у нее перехватило дыхание. Какое горе могло объединить этих двух людей, столь разных по возрасту и нраву?

Нет, покачала головой девушка, отрицая мысль, что тотчас, почти мгновенно возникла в ее голове. Нет, этого не может быть. Она отвернулась от ложи, прервав столь мучительный для нее зрительный контакт. Этого не может быть!

— Опера не будет продолжена, — объявил им вернувшийся тем временем Воронин. — Случилось большое несчастье, — он замялся, так как Марина так и не повернула к нему головы, по-прежнему глядя на сцену, которую постепенно покидали растерянные актеры. Анна Степановна же слушала его внимательно — она моментально поняла, что весть касается Сергея Загорского. — Три недели назад на аул, где проходил службу Сергей Кириллович Загорский, было совершено нападение. Князь... князь был убит.

Анна Степановна вскрикнула и схватила Марину за руку, но та даже не шелохнулась, не повернула головы, словом, осталась полностью безучастна к речам Анатоля. Воронин, обескураженный ее поведением, наклонился к ней поближе:

— Нам ни к чему оставаться здесь более. Едемте домой, я провожу вас.

Марина подала ему руку и поднялась.

— *Partirez!* ^[135] — проговорила она едва слышно.

Их маленькая компания издали попрощалась с четой Барятинских, которая сразу же после Воронина была атакована любопытствующими, и покинула их дом, как сделал это незаметно для окружающих чуть ранее старый князь Загорский.

В карете стояла тишина. Воронин пытался сдержать свои эмоции, рвущие на части его душу после этих страшных слов, произнесенных княгиней Барятинской, и в то же время был весьма обеспокоен состоянием Марины, равно как и Анна Степановна, державшая ее за руку. Девушка и вправду вела себя довольно странно, учитывая ту весть, что настигла ее

недавно — она смотрела в окно на проплывавшие мимо дома, разглядывала проходивших пешеходов.

— Как вы, Марина Александровна? — спросил тихо Анатоль. Ему до боли хотелось прижать ее себе, зарыться лицом в ее волосы, выплакать свою боль у нее на плече. Но он потерял друга, она же потеряла любимого... Что сейчас там творится, в ее душе?

— Très bien, merci [\[136\]](#), — ответила Марина, переводя на него на мгновение взгляд. Затем снова уставилась в окно. Воронин же вздрогнул — такая пустота и странная безмятежность были в ее глазах, что ему стало страшно.

Страшно стало и Анне Степановне, хотя она сидела рядом с дочерью и не могла видеть выражение ее глаз. Зато она уже знала — резкий переход на французский язык да эта отрешенность от мира были вовсе не к добру. Она видела разные реакции на горе, но с подобной сталкивалась впервые. Уж часом не тронулась ли Марина разумом от потери?

Поэтому наспех попрощавшись с Анатолем (Марина сделала же это со всеми формальностями, что все более пугало ее мать), Анна Степановна, подобрав юбки, быстро направилась вслед за Мариной, которая медленно шла в свою спальню по коридору.

— Дитя мое, — остановила она дочь. — Милая моя...

Она крепко обняла Марину, но та быстро отстранилась от нее.

— Pardonnez-moi, mere, je suis fatigué [\[137\]](#), — с этими словами Марина присела в реверансе перед матерью. Та не стала задерживать ее.

— Ступай, дитя мое, отдохни, — а потом окликнула ее у самой двери спальни. — Ты поплачь, милая. Поплачь. Легче станет.

Анна Степановна наблюдала, как дочь заходит в спальню и прикрывает за собой дверь, заглушая мягкий и неспешный говор Агнешки. Потом направилась к себе. Какое-то дурное чувство не оставляло ее. Ей казалось, что она должна была что-то сделать, но не смогла.

Как же так произошло, думала Анна Степановна, пока ее горничная расстегивала крючки платья. Как это могло случиться? Ей стало жаль Загорского — такого молодого и красивого, жаль Марину, жаль... что уж греха таить, жаль еще и себя, ведь совсем непонятно, как теперь дело обернется. Как Марина переживет потерю человека, которого так безрассудно любила? Вдруг в монастырь уйдет? Анна Степановна нахмурилась. Уж на это ее дочь вполне была способна, в этом она не имела никаких сомнений.

А что, если она умом повредилась? Анна Степановна ахнула от ужаса. Она видела блаженных возле церквей, и иногда они пугали ее своими выкриками да жестами. А вдруг и вправду Марина разума лишилась? Сидела ведь такая безмятежная по дороге домой, словно и не весть о гибели любимого получила, а со свидания с ним ехала...

Анна Степановна вдруг выпрямилась, напугав своим резким движением горничную, приступившую к расшнуровке корсета.

— Оставь да подай мне капот, — приказала женщина. На душе у нее стало так тревожно после всех этих мыслей, что она ощутила необъяснимое желание увидеть старшую дочь и поговорить с ней. А если необходимо будет, привести ту в чувство любой ценой. Все, что угодно, кроме выражения этой безучастности на ее лице!

Она уже вдевала руки в рукава капота, когда в тишине дома вдруг раздался непонятный шум, а затем дикий нечеловеческий вопль. Столько боли и горя было в нем, что Анна Степановна сначала замерла от ужаса, а потом понеслась прочь из спальни, на ходу натягивая на себя капот. Она узнала голос кричавшей, ноги сами несли ее к комнате той, у которой уже начинали толпиться домашние и слуги. Анна Степановна растолкала их и

вбежала в спальню через распахнутую настежь дверь, замерев на пороге от увиденной картины.

Прямо в центре комнаты на ковре лежала Марина, словно сломанная кукла. Ее волосы растрепались, юбки разметались вокруг и задрались, обнажая стройные лодыжки. Ее глаза были закрыты, лицо белое, как снег. Она была в глубоком обмороке. Рядом с ней сидела Агнешка, прижимая к груди голову девушки. Она раскачивалась взад-вперед, глядя ее по волосам, и плакала, тихо скуля, как собака. От этого плача у Анны Степановны кровь застыла в жилах.

В углу у комода стояла бледная перепуганная горничная. На полу у ее ног лежали осколки фарфорового кувшина для умывания. Она подняла голову и, встретившись взглядом с Анной Степановной, быстро запричитала:

— Я не виновата, барыня! Кувшин из рук выскользнул и разбился! А барышня как возьми, как закричи! А потом — хлоп на пол! Я не виновата!

Ее сбивчивая речь словно привела Анну Степановну в чувство. Она кивнула ей на дверь, мол, пошла вон отсюда. Затем быстро подошла к лежащей на полу дочери и опустилась на колени рядом с ней.

— Быстро несите соли! Пошлите за доктором! Да ступайте же прочь! Не видели, что ли обморока ни разу?! — обратилась она к слугам, толпящимся в дверях. И уже к мужу, переминающемуся на пороге с ноги на ногу. — Уведите детей, Александр Васильевич. Негоже им тут быть.

— Дай мне, — Анна Степановна протянула руки к дочери, но к ее удивлению Агнешка лишь взглянула на нее через голову Марины и даже не пошевелилась. Анна Степановна удивленно и зло уставилась на нее в упор. Старая, видимо, тоже рассудком тронулась — не отдать в руки матери ее собственное дитя? Но сейчас было не время и место для споров, поэтому женщина поменяла тон своего голоса на более мягкий, решив все разбирательства отложить до поры. — Дай мне ее. Пожалуйста.

Нянечка медленно передала в руки матери Марину, как можно более бережно устроив ее голову на сгибе локтя женщины, словно девушка была из хрусталя, что мог разбиться при любом неосторожном движении. Анна Степановна взглянула в безжизненное лицо дочери, лишенное малейших красок. Женщина нежно отвела ладонью прядь волос с лица с дочери и крепче прижала ее к себе. За что ей такие муки, Господи? Слушала бы мать, сейчас все было бы иначе.

— Доля, видать, такая у ней, барыня, — тихо сказала сидевшая рядом Агнешка, и Анна Степановна смутилась, осознав, что произнесла последние слова вслух. Она отвернулась и обратилась к Парамону, стоявшему у порога в ожидании ее приказов и пожеланий:

— Позови лакеев, барышню перенести в постель надо. Что там доктор?

— Послали-с, барыня. Скоро будут.

Анна Степановна вновь перевела взгляд на лицо дочери. Его неестественная бледность пугала ее до дрожи в коленях. Марина вдруг показалось ей мертвой, лишь мерно вздымающаяся грудь при слабом, еле уловимом дыхании доказывало ей, что это отнюдь не так.

— Абы горячки не было, — проговорила Агнешка. — Дзитятко мое, такое перажыць!

— Типун тебе на язык! — разозлилась Анна Степановна. — Накличешь еще, старая!

Марину аккуратно перенесли в постель и сняли платье, нижние юбки и корсет, оставив лишь в сорочке. Принесенные нюхательные соли из обморока ее не вернули, лишь веки

слегка потрепетали, но так и не поднялись. Это еще больше усилило страх Анны Степановны за жизнь дочери. Она впервые сталкивалась с таким глубоким обмороком и понимала, что это не к добру. И зачем только возник в их жизни князь Загорский? Зачем Господь свел этих двоих вместе?

Опасения женщины о здоровье дочери вскоре подтвердились. Осмотревший девушку доктор сообщил домашним, собравшимся в диванной и ожидающей его вердикта, что, судя по всему, у той началась нервная горячка.

— Жар довольно силен, — отрывисто говорил доктор, протирая платком очки. — Я останусь на ночь рядом с больной. Мне нужен человек в помощь. Приготовьте также простыни да холодную воду. И молитесь. Молитесь, ибо все сейчас в руках Господа.

Марина медленно возвращалась из страны снов на грешную землю. Ее веки показались ей такими тяжелыми, что она открыла глаза с большим усилием, преодолев желание снова сомкнуть их и продолжить свой сладкий сон. Потом она потянулась, разминая затекшие во сне члены, и внезапно замерла, застыв, глядя в потолок. Вернее, в балдахин кровати.

Марина рывком села и огляделась. Она была отнюдь не своей комнате в доме на Морской. Она была в спальне флигеля в имении Арсеньевых. Она повернулась и заметила, что постель рядом с ней сбита, а в подушке рядом остался след головы. Протянула руку и медленно потрогала подушку, словно не веря своим глазам.

О Боже, Боже, Боже! Марина в одном прыжке покинула постель, стремясь осмотреть оставшиеся комнаты во флигеле. Он должен быть где-то рядом, ведь соседняя подушка в постели еще хранила его тепло.

В салоне она резко остановилась, почуяв знакомый аромат сигарного дыма. Двери в комнату были распахнуты настежь, впуская прохладу извне, из сада, и она заметила в темноте белеющую рубашку да маленький красный огонек. Не веря своим глазам, она быстро преодолела расстояние в несколько шагов, что разделяли их, и почти с разбегу, опустившись позади него на колени, обняла его, крепко прижавшись щекой к его широкой спине, вдыхая до боли знакомый запах его тела. Он даже не вздрогнул от ее резкого появления, а лишь положил свою свободную ладонь на ее сомкнутые руки у себя на груди.

— Мне приснился ужасный сон, — прошептала Марина, еще крепче прижимаясь к нему, словно намереваясь раствориться в нем, стать с ним одним целым. — Мне приснилось, что я потеряла тебя.

Загорский молчал. Только по-прежнему курил да легонько поглаживал ее длинные пальцы.

— Все было так реально, словно наяву, — проговорила Марина. — Эта дикая боль... даже врагу не пожелала бы. Мое сердце будто разорвалось в один миг на сотни маленьких кусочков.

Она почувствовала, как под ее ладонями напряглось тело Сергея. Он одним щелчком отбросил в сторону окурок и теперь сидел, опустив голову, словно в скорби.

— Я не хочу, чтобы ты покидал меня, — продолжила Марина. Она уткнулась носом в его шею и нежно коснулась губами его кожи, вызвав в его теле легкую дрожь. — Не хочу оставаться одной, без тебя. Быть может, есть какой-нибудь иной путь?

— Иного пути нет, — глухо проговорил Сергей. В его голосе звучала такая грусть, что у Марины защемило сердце. — У каждого писан Господом свой путь на земле. И не под силу смертным изменить его.

Марина в удивлении от его слов отстранилась от Загорского и вдруг заметила, что его рубашка не полностью белая, на его спине темнело какое-то странное пятно. Затем она пригляделась к себе и увидела, что это же пятно отпечаталось и на ее сорочке, так сильно она прижималась к нему. Она разомкнула руки, чтобы расправить ткань и рассмотреть, в чем она успела запачкаться за это время, и, взглянув на свои ладони, почувствовала, как сердце больно ударилось о грудную клетку, а затем рухнуло куда-то вниз.

Ее руки были в липкой темной жидкости. В крови.

Марина подняла растерянный взгляд на Загорского, который стоял, уже повернувшись к

ней лицом, перед ступеньками. Позади него густо клубился плотный туман. Настолько плотный, что она не видела даже деревьев в саду.

Его рубашка была почти вся в крови теперь, Марина прекрасно это видела со своего места.

— Прости меня, — прошептал он. Его глаза смотрели на нее с такой грустью, с такой обреченностью, что ей стало трудно дышать. Внезапно Марина осознала, что то, что происходило с ней до этого, было явью — он ушел от нее. Ушел навсегда.

— Нет, — покачала она головой. — Нет, я не верю.

В одном резком движении она подскочила к Сергею и попыталась снова обнять его, прикоснуться губами к его губам. Он, как мог, уворачивался от ее губ, пытался разомкнуть ее объятия. Но душевная боль придала Марине дополнительные силы — она повисла на нем всем телом, не давая ему уйти из ее рук.

— Прекрати, прошу тебя, — наконец проговорил Сергей с надрывом в голосе. — Я не могу... не могу...

И Марина замерла. Она просто стояла, обняв его за шею и уткнувшись в ямочку под его горлом, прижавшись к нему всем телом.

— Ты такой теплый, такой живой..., — шептала она глухо, не сдерживая слезы, струившиеся по щекам. — Я не верю... не могу поверить... не хочу....

Сергей молчал. Лишь притянул ее к себе, обнял так крепко, что у нее перехватило дыхание, и немного заболело в ребрах. Но Марина промолчала, боясь спугнуть эту невольную ласку. Только плакала тихонько, глотая соленые ручейки слез.

— Ты должна проснуться, — проговорил еле слышно Загорский ей в ухо, легко коснувшись его губами. — Ты сейчас проснешься...

— Я хочу уйти с тобой, — покачала головой Марина. — Прошу тебя... хочу быть с тобой, — она, уже не таясь, рыдала во весь голос, зажимая между пальцев батист. — Я не смогу без тебя, не хочу. Забери меня с собой, забери...

— Не могу, — с надрывом в голосе ответил ей Сергей. — Не могу.

Он взял ее заплаканное лицо в свои ладони и заставил ее посмотреть на себя, глаза в глаза.

— Я хотел бы, поверь, но я не в силах... Одно могу обещать тебе — настанет день, и мы снова будем вместе. А пока отпусти меня, дай уйти с миром...

Сергей на мгновение коснулся лбом ее лба, затем с силой разжал ее пальцы, сжимающие его рубашку, и быстро, не раздумывая не минуты, не оборачиваясь на нее, скрылся в тумане.

Марина осталась одна. В отчаянье она закрыла глаза, а когда открыла, то обнаружила, что больше не стоит у флигеля, а лежит в постели, уткнувшись лицом в мокрую подушку. Она повернулась на спину и невольно застонала — видимо, спала на руке, и теперь та нестерпимо болела.

Тут же над Мариной склонилось лицо Агнешки.

— Дзитятко мое, воротилась-таки к нам, — она заплакала и стала целовать девушке руки. — Я уж и не спадзавалась [\[138\]](#)...

— Я долго спала? — спросила равнодушно Марина, пока Агнешка вытирала ее лицо, мокрое от слез, рушником.

— Почивала?! Не, ты ж в горячке была! — возразила ей нянечка. От переживаний она почти полностью перешла на свой язык, забыв русскую речь. — Почитай, побольше тыдзеня

[139]. Мы все тут уж так переживали, так перерживали... Жар збиваем, ен зноу, збиваем, ен зноу [140]... Учора только управились з ним.

Нянечка замолчала, вспоминая те страшные дни, когда Марина билась на этой самой постели в бреду. Она плакала во весь голос, кричала, рвалась вон из постели с такой силой, что только три девушки смогли удержать ее на месте. Звала и звала, не смолкая Загорского по имени, и столько боли было в этом зове, что кровь стыла в жилах у окружающих.

Анна Степановна смогла выдержать это только около часа. Горько плача, она покинула комнату и возвращалась только тогда, когда Марина спала, чтобы посидеть рядом с ней или просто помолиться в ее комнате у образов. И все эти восемь дней, что Марина была в горячке, она, словно пасьянс, раскладывала вероятные дальнейшие течения их жизней: ее дочери, ее самой, ее семьи. Она напряженно думала, думала и думала.

Этот московский скупердяй немного попритих, когда узнал, кто в скором будущем войдет в семью Ольховских зятем, но теперь же, когда Марина находилась между жизнью и смертью, а значит, вероятность брака была почти сведена к нулю, он снова поднял свою змеиную голову и стал распоряжаться в доме. Иногда Анне Степановне хотелось, чтобы ее тетка наконец отдала Богу душу, и вскрылось бы завещание. Тогда уж расстановка сил была ясна, как никогда, тогда бы она уже знала, как вести себя с этим Заболотневым — отстраненно вежливо, едва скрывая свое раздражение, или подобающе бедной родственнице — тепло и с явной подобострастностью.

Сейчас же ей оставалось лишь мило улыбаться тому да свести их общение почти на нет, ибо даже несколько минут наедине с этим занудой казались ей невыносимыми. Зато, как видела Анна Степановна, Заболотнев не на шутку увлекся ее дочерью Лизой, и теперь перед женщиной стояла еще одна забота — поощрять ли его неуклюжие знаки внимания или сказать Лизе отвергнуть незадачливого кавалера, что та сделает с большим облегчением.

Потому-то Анна Степановна тем же утром ворвалась в спальню Марины, как только ей сообщили, что та пришла в себя, едва не сбив с ног выходящую с переменной белья горничную. Она быстрым шагом подошла к кровати дочери и расцеловала ее в обе щеки.

— Ты даже себе не представляешь, как я рада, что ты вернулась к нам! — сказала Анна Степановна, ничуть не кривя душой. — Я даже не могу и думать, что было бы в ином случае со мной! Мари, Мари, как же ты напугала нас своей болезнью. Ну, разве ж так можно с родными?

Она отстранилась и посмотрела на бледное лицо дочери. Поморщилась невольно — волосы той были спутаны, кожа казалось неживой без малейшего намека на румянец.

— Агнешка, вымойте ее вместе с Дунькой, волосы причешите, приберите ее. А когда придет с визитом Анатолий Михайлович, на щеки румяна нанести. Не хватало того, чтобы он увидел то, что я сейчас вижу перед собой, — она рассмеялась счастливо. — Если бы ты знала, душенька, как твой жених переживал твою болезнь! Как переживал! Чуть ли не каждый час справлялся о тебе. Уважь жениха, прими его, коль почувствуешь себя лучше.

— Как можно принимать мужчину, маменька, тут, в моей спальне? — возразила ей слабо Марина. Она чувствовала себя еще не очень хорошо — все ее тело было таким тяжелым для нее сейчас, что она еле поднимала голову да руками шевелила. Голова же ее просто раскалывалась на части от боли, так долго она рыдала, придя в себя и осознав, что для нее нет более опасности покинуть этот грешный мир.

— Какой же он мужчина, милочка? — улыбнулась одними губами Анна Степановна, хитро прищулив глаза. — Он нареченный твой.

— Нет более, — устало проговорила Марина, откинувшись на подушки. — Я отказала ему за день до... до моей болезни. Он не жених мне более.

Анна Степановна напряглась, но, тем не менее, улыбка не покинула ее лицо.

— Но он по-прежнему считает тебя своей невестой, *ma chérie*. А кроме него, и твоя семья думает также.

— Я повторяю вам, я не имею намерения быть чьей-либо невестой, — Марина отвернулась от матери и уставилась куда-то в сторону, прикусив нижнюю губу, чтобы не заплакать. — Тем паче теперь... Если я и стану чьей-то невестой, так только Господа нашего.

Где-то в отдаленном углу комнаты тихо ахнула Агнешка. Анна Степановна же резко выпрямила спину и сжала с силой ладони.

— Боюсь, у тебя нет иного выбора, Марина. Ты станешь супругой графа Воронина, и это решено. По-другому и быть не может.

Их напряженный разговор перебрал стук в дверь. Вошедший Парамон сообщил, что пришел доктор и желает видеть Анну Степановну.

— Меня? — удивилась та. — Он же видел меня нынче поутру, когда Марину осматривал. Он не сказал, по какой причине желает поговорить со мной?

— Нет-с, барыня, — ответил Парамон. — Что сказать господину? Вы не можете принять его?

— Приму. Проводи его в малую гостиную, — Анна Степановна поднялась с постели, расправила юбки и повернулась опять к Марине. — Советую, милочка, выкинуть тебе любые мысли о постриге. Это даже не обсуждается. Тем паче теперь, как ты говоришь. Разве ты не видишь сама, какая судьба уготована тебе Господом? Отнюдь не та, что ты себе придумала!

Марина уже более не сдерживалась, от резких слов матери слезы сами потекли по ее щекам. Почему она так жестока с ней? Сейчас, когда так болят открытые раны Марины? Когда так стонет сердце?

— Касаточка моя, — на постель рядом с ней опустилась Агнешка после того, как Анна Степановна вышла из комнаты. — Поплачь, голубка, поплачь... сердцу может полегче станет...

— Как он мог оставить меня, няня? — спрашивала Марина сквозь слезы. — Как мог оставить?

— Это только Езус знает, дзитятко, только ен одзин, — Агнешка помолчала, а потом продолжила, запинаясь. — Я туточки к дому ягону ходила, дворню паспрашала. Скоро подвода с телом придзець. Службу тут, в Петербурхе, справяць и в имение ягоны увезуць. Там и в землю положуць.

— Узнай, в каком храме служба будет, милая. Хочу сходить. Пока гроб не увижу, не поверю, что нет его более рядом, — проговорила сквозь слезы Марина. — Не верю, Гнеша, до сих пор не верю. Мне видится, что меня кругом обманывают, что он ушел. Словно, он по-прежнему там, на Кавказе. Просто писем нет, и все. Ах, Гнеша, это ведь нам за грехи наши наказание! За ложь нашу, за обман родителей моих. Но слишком жестоко... слишком. Как жить, милая? Как же теперь... без него..., — ее сбивчивая речь напугала нянечку. Ей показалось, что у Марины опять жар начинается. Но нет — ее лоб был холодный, не было ни малейшего намека на возвращение болезни. — Гнеша, милая Гнеша, в монастырь мне надо. Грех замаливать свой да за него Господа просить. Чтобы ему там, где бы он ни был, хорошо да покойно было. Он обещал, что будем вместе (при этих словах Агнешка быстро

перекрестилась), обещал забрать с собой. Там ждать буду... в тиши монастырской.

— Ах, дзитятко, — тихо вздохнула старая нянечка. — Нет нам дороги в монастыр-то.

— О чем ты, няня? И ты туда же?

Ничего не ответила Марине Агнешка. Лишь взяла ее ладонь и положила ту на живот ее.

— Тут, касатка моя, — прошептала няня, нежно улыбаясь ей. — Туточки у тебя жыщце новая. Туточки частичка каханага [\[141\]](#)твоего.

— О чем ты толкуешь? — Марина недоверчиво взглянула на нее.

— В тягости ты, милая моя. Дзитятко у тебя будзе, — а потом объяснила, видя ее недоумение. — Крови-то были в чэрвене [\[142\]](#)да мало, а в липене [\[143\]](#)совсем не было. Грудзи у тебя потяжелели, сосцы потемнели. В тягости ты, не иначе. Хорошо, что в гарачке не скинула. Видать, крепко за жыщце дзержицца...

Ребенок. Дитя Загорского...

Марина потрогала свой плоский живот. Даже не верилось, что где-то там внутри нее зародилась новая жизнь из ее и его любви. Плод их страсти. Как она не могла подумать о том, что может быть ребенок? Ведь у супругов всегда появляются дети...

Она откинулась на подушки и улыбнулась особой, блаженной улыбкой Агнешке, которая, заметив ее настрой, улыбнулась в ответ.

— Цяпер ты павинна берагчы не только сябе, но и яго, твое дзитя [\[144\]](#), касатка моя, — она ласково провела ладонью по щеке Марины.

Да, Агнешка права. Теперь она должна думать не только о себе, но и дите, которого носит в себе. С этой поры она ответственна за чужую жизнь. Подумать только, в ней теперь будет расти маленький человечек, соединивший в себе частичку Сергея и ее частичку. Человечек, который жить за ее любимого, покинувшего ее столь рано.

У Марины слегка закружилась голова от волнения, и она закрыла глаза, стремясь обуздать все те эмоции, что захлестнули ее при осознании того, что происходит сейчас в ее жизни. Теперь никто не сможет заставить ее делать то, что она не желает. Как только она поправит здоровье, то нанесет визит старому князю и расскажет ему, что Сергей ее венчанный супруг, а ребенок, которого она носит, — наследник рода Загорских. Марине казалось, что должно непременно быть так, как она задумала, и ином она даже не думала, в отличие от Агнешки, которая выразила сомнение, что князь вот так уж легко признает правнука.

— Ах, касаточка моя, не думаю, что яго сиятельство вот так сразу повериць тебе, — покачала она головой. — Что тогда робиць будем? Коли он не поверит тебе?

— Тогда я уеду в Ольховку и буду растить ребенка там, — уверенно заявила Марина в ответ. — Когда дитя будет постарше, повезу его старому князю. Он не сможет не уловить сходства, ведь каждое дитя берет чуточку от внешности своих родителей. Убеждена, что мой ребенок непременно будет схож со своим отцом. Их сходство будет лучшим доказательством правоты моих слов.

Агнешка покачала головой. Ей все же не верилось, что будущее Марины столь безоблачно, как та представляла себе. Не по правилам они соединили свои судьбы, нелегкая доля будет из-за этого у ее Мариши. Она вдруг подняла голову и прислушалась: в коридоре за дверью спальни явственно послышались чьи-то быстрые шаги. Кто-то спешно направлялся либо к ним, либо в соседние комнаты. Последнее, правда, было менее правдоподобно — там жили младшие сестры Ольховские, которые недавно ушли с горничной на прогулку в парк.

Дверь спальни Марины с грохотом распахнулась, с силой ударившись ручкой о стенку.

На пороге стояла Анна Степановна. Ее лицо покраснелось, она тяжело дышала, словно бежала не одну сажень. Марина не успела даже удивиться странному виду матери, как та резко оторвалась от косяка, к которому прислонялась на несколько мгновений, переводя дыхание, и быстрым шагом пошла к ее постели. Мать подняла вверх руку, и Марина увидела, что она сжимает в ней хлыст. Тут же, за какое-то мгновение до удара, ее верная нянюшка в одном движении накрыла девушку своим телом.

Хлысь! На спину Агнешки со свистом опустился хлыст. Та только вздрогнула, стиснув зубы, чтобы не застонать от боли, и еще крепче прижалась к Марине. Потом хлыст опустился на ее спину еще раз, и второй, и третий. Марина билась, крича, под нянечкой, крича во весь голос и пытаясь скинуть с себя Агнешку, но та вцепилась в нее, словно клещ, принимая на себе удары, предназначенные ее девоньке.

После третьего удара Анна Степановна поняла, что ее наказание бесполезно. Она отошла, шатаясь от постели, отбросила в сторону хлыст и разрыдалась во весь голос.

— Дрянь! Какая же ты дрянь! — она повернулась к Марине и закричала, устремляя на нее указательный палец. — Ты! Как ты могла так упасть?! Ты падшая женщина, вот ты кто! Как ты могла сделать это со мной? Ублюдок! О Боже! Ублюдок!

— Не называй так моего ребенка! — крикнула матери из постели Марина, отстраняя нянечку, которая всячески препятствовала ей ответить Анне Степановне. Она жутко боялась, что та опять впадет в неистовство, но на этот раз она не успеет защитить свою девоньку. — Не называй так!

— А как еще назвать дитя, зачатое в грехе?! — прошипела красная от злости Анна Степановна. — Зачатое дитя вне брака — ублюдок, по иному и не назвать!

— Мое дитя зачато в браке! — выкрикнула Марина и если бы не была так напряжена, непременно рассмеялась бы — так забавно смотрелось со стороны, как резко захлопнулся рот Анны Степановны. — Я обвенчана с князем Загорским два месяца назад. Мы совершили таинство за несколько дней до его отъезда.

Анна Степановна отошла к окну и стала смотреть в сад, обхватив себя за плечи. Было видно, она пытается изо всех сил успокоиться и подумать разумно над сложившейся ситуацией.

— Как ты, Гнеша? — обратилась тем временем к нянечке Марина. — Очень больно? Ступай в кухню, пусть кто-нибудь осмотрит твою спину. Я вижу кровь на твоем платье. Ступай, не бойся, она более не причинит мне вреда. А если и будет так, то я приму это. Мой грех — мне и ответ нести.

Агнешка поколебалась немного, но затем вышла из спальни, притворив за собой плотно дверь, оставив мать и дочь наедине для откровенного разговора.

Анна Степановна, окинув комнату взглядом и убедившись, что они остались одни, поднесла к кровати стул.

— Расскажи мне все, — приказала она, заняв место у постели Марины. — Я должна знать, как это произошло, где и, самое главное, почему без родительского благословения.

И Марина рассказала ей обо всем: о таинстве, произошедшем в маленькой сельской деревушке в соседнем от Киреевки уезде, о небольшом торжестве по этому случаю в имении Арсеньевых, о тех нескольких днях, что она и Загорский провели вместе. По окончании ее исповеди мать немного помолчала, а потом спросила:

— Кто был друзьями на венчании?

— Я не знаю их, — призналась Марина. — Ни разу не видела их до того.

— Значит, люди не того круга. Офицеры, — решила Анна Степановна. — А что Арсеньевы?

— Арсеньевы на таинстве не были. Так решил Сергей. Мол, чем меньше людей посвящено в нашу тайну, тем лучше.

— Значит, из числа твоих знакомых только Арсеньевы знают о вашем браке, более никто? — Марина кивнула, а Анна Степановна нахмурилась. — Прекрасно, они в отъезде, а вернутся, Бог знает, когда. Церквушка-то, знаешь, где находится? Ее-то вспомнишь?

— Вспомню, коли потребуется. А зачем вам это, маменька?

— Так для того, чтобы пред старым князем объявляться в качестве невестки, надобно иметь *preuves* [\[145\]](#) оного на руках, а не быть пустословными! — отчеканила Анна Степановна. — А другого пути у нас теперь нет. Только к князю на поклон идти.

Она поднялась со стула и прошлась по комнате в задумчивости, поглаживая пальцами подбородок. Марина наблюдала за матерью со своего места в постели. Ей на мгновение показалось подозрительным, что мать вот легко приняла ее тайный брак с Загорским, что она напряженно обдумывает какие-то свои тайные планы, и ей стало боязно. Но затем Анна Степановна остановилась на месте и радостно улыбнулась дочери.

— Что такая смурая? — спросила она. Потом подошла к Марине и наклонилась, заглянула ей прямо в глаза. — Поправляй здоровье. Как получше тебе станет, поедem в твою церквушку. Далеко она?

— В верстах двух от Киреевки.

— Вот и славно, — улыбнулась опять Анна Степановна и поправила подушки дочери. — Вот и славненько.

У самого порога она обернулась и внимательно посмотрела на дочь. Потом тихо проговорила:

— Моли Бога, чтобы мы нашли *preuves* твоего тайного брака, Марина. Иначе тяжело нам придется, ой, как тяжело!

Спустя несколько дней, когда Марина смогла вставать и ходить без слабости в членах, Анна Степановна заявила, что надобно ехать как можно скорее в церковь, где проходило их с Загорским венчание. «*Le temps presse* [\[146\]](#)», — сказала она, намекая на то, что уже через несколько месяцев вполне вероятно станет затруднительно скрывать положение Марины.

Сначала они ехали молча. Марина вдыхала полной грудью свежий воздух деревни, наслаждаясь ароматом скошенного сена, что сохло на лугах, которые они проезжали. В столице воздух никогда не пах так здесь — слишком грязно, слишком людно было в городе.

Анна Степановна же в задумчивости теребила ручки своего ридикюля. Марина сразу же поняла, что ее маменька что-то хочет ей сообщить, но не решается, и подобное поведение, совсем не свойственное ей, удивило девушку. Затем Анна Степановна решилась:

— Не хотела тебе говорить, Марина. Боялась расстроить попусту. Все это, конечно, пустое, так — мои домыслы, *deux fois rien* [\[147\]](#). Просто уж слишком подозрительно для меня поведение Загорского в этом случае. К чему таить брак? Для чего? Мне сие непонятно. Пытаюсь понять и не могу. Никак не могу, — Анна Степановна пожала плечами, а затем продолжила, то и дело, запинаясь, словно ей было не себе вести этот разговор. — Когда я была молода (только вывели в свет, помнится), прогремел на всю столицу один пренеприятный случай с некой *jeune fille* [\[148\]](#). Она влюбилась в некого графа. Сильно влюбилась. Вот как ты в Загорского. Но она была из бедной семьи да сирота, а он —

отпрыск знатного старинного рода. Ему сам Бог велел другую партию. В общем, не пара они были совсем. Проходит время, и в свете появляется толк, что он намерен делать предложение одной богатой невесте. И буквально через несколько дней свет опять faire des cancons ^[149], что та самая jeune fille пришла в дом к семье этого polisson и заявила, что она является его венчанной супругой. Тот категорически все отрицал. Выяснилось, что венчал их развенчанный поп в какой-то захудалой церквушке, а значит... значит, не брак то был вовсе, а fiction ^[150]. И не в женах любимый хотел ее иметь, а в полубовницах. Любить-то, может, и любил, да вот что с той любви-то? Позор один! Он спустя время comme si de rien n'était ^[151] женился на той самой богатой невесте. Мужчине ведь в свете позволено многое, а вот женщине. Та jeune fille... Один Бог ведает, где она теперь.

Мать и дочь помолчали немного, каждая погруженная в собственные мысли. А потом Марина вдруг спросила у матери:

— Зачем вы рассказали мне это, маменька?

— Сама не знаю, — призналась Анна Степановна. — С тех пор, как ты мне рассказала с вашем тайном венчании, вспомнилась эта давняя история да из головы нейдет. Не по себе мне, милая моя, от всех тайн, не по себе...

Остальной путь они проделали в молчании. Марина обдумывала судьбу той бедной девушки из рассказа матери. Несчастливая! Быть обманутой, преданной человеком, за которого ты готова отдать все на свете. Быть отвергнутой всеми. Разве может быть худшая доля?

Увидев ту самую церквушку, где она соединила свою судьбу с князем, Марина почувствовала, как ее сердце забилося где-то в горле, стало сразу трудно дышать. Она вошла, перекрестившись, в храм и тут, в окружении святых ликов да в тусклом мерцании свечей ей вспомнилось, как они стояли вместе перед священником, как обходили аналой, сомкнув руки.

— Моя жена... Муж мой... — донеслось до нее сквозь время из того дня, и пахло сладким ароматом ладана.

Они были так счастливы... Почему Господь разъединил их так скоро, не дав испытать полностью чашу их любви? Почему забрал к себе его?

— Тебе дурно, ma chérie? — обеспокоенно спросила стоявшая рядом маменька, и Марина поняла, что невольно застонала от боли в тишине храма. Она покачала головой и отошла от Анны Степановны, чтобы одной помолиться об успокоении души ее супруга.

Когда Марина окончила свою молитву, то увидела, что Анна Степановна уже покинула храм. Ее фигуру она видела через распахнутые двери церкви. Рядом с ней стояла невысокая женщина в темном платке. Видимо, матушка, решила Марина и поспешила присоединиться к ним.

— Матушка Фатиния, моя дочь Марина, — представила их друг другу маменька Марины. Девушка удивилась — матушка оказалась довольно молодой на вид женщиной, лет тридцати, когда венчавший их отец Паисий был уже сед, как лунь. — Батюшку уже позвали, сейчас подойдет, — пояснила ей мать.

— Как здоровье батюшки? — поинтересовалась Марина.

— Благодарствую, не хворает, — удивленно ответила ей матушка. — Да вот и он.

Она махнула рукой в сторону, за спину Марины, и той пришлось обернуться. К ним приближался высокий темноволосый человек, аккуратно придерживая сутану, чтобы не намочить ее в лужах, оставшихся после ночного дождя. Девушка в растерянности

повернулась к матушке и Анне Степановне, наблюдавшими за ней — одна с нескрываемым любопытством в глазах, вторая — напряженно вглядываясь.

— А где священник этой церкви? — спросила Марина у матушки. — Где отец Паисий?

— Бог с тобой, дитя мое, — ответила ей удивленно та. — У нас один батюшка, отец Александр. Вот уже почти пять годков, как мы тут с ним приход держим.

Земля качнулась под ногами Марины. Быть того не может!

— Был другой священник. Седой. Отец Паисий, — отрывочно твердила Марина матушке, но та лишь качала головой на каждую ее реплику. Девушка почувствовала себя так, словно она сходит с ума. Что происходит? Она в отчаянье посмотрела на Анну Степановну, и та поспешила взять ее под руку. Заверив, что сейчас проводит дочь в коляску («Ей дурно, бедняжке, только горячкой отмучилась») и тотчас воротится, женщина попросила матушку подождать ее возвращения.

— Успокойся, — твердила она по дороге к коляске дочери. — Да, выглядит довольно дурно, не скрою. Но есть же еще приходские записи. Надо их глянуть. Может, этот священник куда-то отлучался... по делам... в епархию, например. Была замена какая-нибудь, да мало ли что! Жди меня. Я переговорю с ними, а затем вернусь и расскажу тебе, что и как.

Но Марина не могла ждать возвращения маменьки с хорошими вестями или дурными, просто сидя в коляске. Она все ходила и ходила от коляски до ограды церквушки и обратно, туда и обратно, и думала, думала, думала... Разве это возможно? Разве мог он обмануть ее так жестоко? Разве человек может так лгать, прямо в глаза, под сводами церкви?

Нет, это какая-то глупая ошибка, — решительно тряхнула она головой, отгоняя от себя дурные мысли. Она вспоминала, как они были счастливы, как он шептал, что любит ее... Так невозможно лгать!

Вскоре вернулась к коляске мать, хмурая, напряженная. Она кивнула Марине на коляску, мол, поехали, но та покачала головой.

— Что там? — спросила она, и нерешительный отрицательный кивок головой матери заставил ее сердце похолодеть. — Нет, — покачала она головой. — Я не верю, быть того не может! Не верю!!!

Марина подобрала юбки и метнулась обратно в церковь. Анна Степановна еле попевала за ней.

Батюшка уже уносил книгу, когда Марина перехватила его прямо в дверях церкви. Немало не заботясь о приличиях под гнетом эмоций, захлестнувших ее, она прямо-таки вырвала из его рук приходские записи и принялась судорожно листать. Краем глаза она заметила, как ее маменька делает извиняющий жест в сторону батюшки, но это ее совсем не волновало сейчас.

Четвертое июня... пятое... шестое... Ее палец скользил по строчкам. Отпевание... крещение... отпевание... Вот венчание! Но не то, не их имена стояли в записях.

Снова крещение.... Крещение... Отпевание...

Марина замерла. На первой неделе июня была запись только об одном венчании, и там стояло вовсе не ее имя. И если ее имени не было записано тут, в этой книге, то никакого венчания и не было. Получается, Загорский солгал ей. Как обманул любимый человек ту jeune fille из истории матери.

Он предал ее. Предал так жестоко, так больно...

Весь мир качнулся вокруг Марины и разлетелся вмиг на тысячи осколков.

Агнешка с шумом раздвинула плотные шторы, впуская в комнату солнечные лучи. Затем распахнула настежь окно, чтобы спертый воздух в спальне сменился на более свежий. Марина с недовольным вскриком перекатилась в постели, закрывая прищуренные от столь яркого света глаза ладонью.

— Ты разума лишилась? — бросила она зло нянечке. Но та лишь передернула плечом и кивнула вошедшей горничной с подносом на небольшой столик у окна. Марина, заметив ее движение, перевела взгляд на еду, потом опять посмотрела на Агнешку и процедила сквозь зубы:

— Я уже говорила тебе, что не буду есть. Не хочу! И тебе меня не заставить — слаба уже со мной тягаться.

— А я и не буду, — ответила ей спокойно Агнешка. — Если ты не будешь есть, то твоя мати кликнет лакеев. Они будут кормиць, не я.

Марина резко откинулась на подушки и скрестила руки на груди, всем своим видом давая понять, насколько она недовольна. Почему бы им снова не оставить ее в покое, в котором она пребывала пару дней до сей поры? Ей было так отрадно лежать здесь в тиши и сумраке спальни. Никто не переступал порог этой комнаты, по крайней мере, пока она бодрствовала, позволяя ей выплакать, отстрадать свое горе, свою боль, свое разочарование...

Марина раз за разом все эти два дня прокручивала в голове те дни, что провела с Загорским, надеясь найти хотя бы малейшее объяснение тому, почему нет записи об их венчании в приходской книге. Но не могла достойной причины этому отсутствию. По всему выходило, что Сергей обманул ее. Теперь, когда она знала, что получилось в результате ее слепого доверия к нему, она совсем по-другому смотрела на разные обстоятельства, что случались до сего инцидента: анонимку с предупреждением, что Загорский пойдет на многое, чтобы добиться ее; эта странная таинственность вокруг их венчания, его поведение после отъезда...

Почему? За что он так поступил с ней? Она так любила его... И что ей делать теперь, когда она обесчещена? В ее теле медленно растет свидетельство того, как наивна была Марина в своей слепой любви в Сергея. Свидетельство, которое скоро будет уже не скрыть от посторонних глаз.

«...Вы напоминаете мне мотылька, летящего на свечу. Его отгоняют от огня, зная, что он погубит это хрупкое создание, но мотылек всенепременно продолжает стремиться к этому обжигающему пламени. Так и вы стремитесь обжечь свои хрупкие крылья об этот огонь. А ведь вы обожжетесь, Марина Александровна, обожжетесь, ведь страсть, она словно огонь от кресала — вспыхивает моментом, но так же быстро и гаснет после этой мимолетной вспышки...»

Это было сказано человеком, который знал Загорского гораздо лучше, чем она, и в каждой фразе, словно, читался приговор ее судьбе. Ах, если бы эти слова были произнесены немного раньше!

Да что бы изменилось тогда? Разве Марина прислушалась бы к ним? Нет, она предпочитала искать маленькие свидетельства любви Загорского к ней, чем обращать внимание на предупреждения людей, более опытных, чем она — маменьки, Анатоля...

Словно читая ее мысли, в комнату ступила Анна Степановна. Она кивком показала

прислуге выйти вон и плотно закрыла двери за собой. Затем она подняла поднос со столика и направилась с ним к дочери.

— Ешь, — Анна Степановна поставила поднос на постель рядом с Мариной. — Я дала тебе время успокоить нервы, но более не могу. Ты не ела уже два дня. Решила себя голодом уморить?

— Что, если так? — вскинулась та. — Это моя жизнь, потому я поступаю так, как хочу.

— Не зарывайся! — холодно сказала Анна Степановна. — Не мало ли уже дел натворила? Опозорила своих родителей, свою семью, обесчещена. Этому, видно, научили тебя в твоём институте — мать с отцом обманывать, дерзить им безбожно да честь свою марать? Или Загорский примером выступил?

Марина лишь промолчала в ответ. Она совсем не была настроена вести какие-либо споры, а судя по всему, ее мать явно намеревалась дать ей словесный бой.

— Я сказала тебе, ешь, — Анна Степановна подвинула ей ближе поднос. — Ты не можешь навечно запереться тут в спальне и притвориться, что ничего не происходит в твоей жизни, пока живот не полезет тебе на лоб! Нам надо продумать, как сделать все аккуратно и чисто.

— Сделать что? — нахмурилась Марина, скрестив руки.

— Исправить твою ошибку, милочка! — Анна Степановна показала на ее живот. — Или ты предполагаешь, что это так, *cela n'est rien* ^[152]? Теперь у тебя только один путь — под венец да как можно скорее, пока сроки не прошли. Слава Богу, Анатолий Михайлович по-прежнему намерен сделать тебя своей супругой. Иначе что бы мы делали сейчас, скажи на милость?

Марина, не веря своим ушам, уставилась на мать. Да как можно предполагать даже такое?

— Что ты глаза свои выпучила? Не смотри на меня так возмущенно. О своей совести надо было вспоминать, когда в постель к Загорскому ложилась, — слова матери больно хлестали Марину, словно розгами.

— Я делила ложе со своим супругом. По крайней мере, после так называемого таинства. Это иное! — попыталась было возразить Марина, но мать лишь скривила губы:

— Результат, тем не менее, один, с какой стороны не смотри! Ешь, говорю, да из постели вылезай, — Анна Степановна помолчала, а затем проговорила. — Я записку послала твоему нареченному. Ожидаю его к обеду. Тебе следует привести себя в порядок к тому времени да к нам сойти. Не позорь меня, не доводи до греха!

Марина прочитала в глазах матери такую решимость настоять на своем, что поняла — у нее нет иного выхода, как бы обидно не было признавать этот факт. Вся ее сущность бунтовала против подобного принуждения, а душа стонала от обиды на всех окружающих ее: мать, Загорского да на свою несчастную долю, в конце концов. Она вдруг вспыхнула и с неожиданной для себя злостью ударила по подносу, стоявшему рядом с ней на постели, да так сильно, что перевернула его. Тарелки да стекло, стоявшее на нем, со всем содержимым обрушились на пол.

Анна Степановна тотчас резко ударила ее по щеке в ответ на этот необдуманный поступок. От боли и обиды у Марины слезы навернулись на глаза, но, тем не менее, она продолжала смотреть на мать с вызовом в глазах.

— Я не стану этого делать! — процедила она сквозь зубы. После этой реплики Марина быстро перекатилась на другой конец кровати и поднялась на ноги. — Я не буду женой

графа Воронина, как бы вы не стремились к этому всем своим существом. Он далеко не глуп, и поверьте, счету обучен превосходно. Il ne faut pas lui en conter [\[153\]](#). Кто поверит в отцовство, коли дитя появится на свет так скоро после свадьбы?

— Вот поэтому и приблизим дату венчания, — возразила ей мать. — Тетушке совсем худо, а ты пала духом настолько, что строишь планы уйти в обитель, коли протянем. Он поймет, он так любит тебя!

Слова матери, словно каленым железом, обожгли Марину. Поступить так жестоко по отношению к Анатолию она не могла, как бы ни склоняла ее Анна Степановна.

— Так грех-то какой, маменька, — возразила Марина матери. — Разве смогу я так обмануть его, коли срок уже вышел для того, чтобы срам можно было прикрыть?

Анна Степановна вдруг метнулась к ней и схватила ее за руку, чуть повыше локтя, пребольно сжав своими пальцами.

— Обманешь, — прошипела она в лицо дочери. — Ты у нас мастерица — столько времени мать с отцом за нос водила!

И как не было Марине больно от правдивости этих слов, брошенных ей в лицо, как не боялась она сейчас маменьки, у нее все же хватило сил выпрямиться и прямо в глаза матери сказать, чеканя каждое слово:

— Я не выйду замуж за графа Воронина.

— И что же, позволь спросить, ты намерена делать? — спросила мать, не выпуская ее руки из своих пальцев. — Как прикроешь свой грех, не запятнав честь фамилии? Как сделаешь это, не испортив жизнь своим родителям, своим сестрам? Ведь этим позором ты перечеркнешь им дорогу на удачное замужество. Кто возьмет их при таком родстве?

— Я все продумала, маменька, — Марина из всех сил старалась выдержать их дуэль взглядов с матерью. — Я разорву помолвку и уеду из Петербурга, а девочки останутся здесь, в столице. В Ольховке я выношу и выращу свое дитя и никогда более не вернусь сюда. Никто не узнает о моем позоре. А в уезде можно будет слух пустить, что я в столице замуж вышла, но рано овдовела. Наш уезд так далеко от Петербурга, и...

Резкий отрывистый смех матери не дал Марине продолжить свое повествование. Она в недоумении смотрела на Анну Степановну, не в силах понять, что конкретно в ее речи могло рассмешить ту.

— В Ольховке, говоришь? — отсмеявшись, зло спросила мать Марину. — Assurément! [\[154\]](#)

Она вдруг потянула дочь в сторону двери, коротко бросив ей «Allez! [\[155\]](#)». Так и тащила за собой, в ночной сорочке, босиком, с растрепанными спутанными волосами по коридору мимо перепуганной Агнешки и Дуняши, ее личной горничной, карауливших под дверьми. Мимо личных покоев семьи, мимо музыкальной, где ее любопытные сестры, заметив их через открытые двери, прервали свое музицирование. Мимо растревоженных слуг, попадавших им навстречу и испуганно жавшимся к стенам, лишь бы не задеть их, такое свирепое выражение лица было у барыни...

Анна Степановна, чуть ли не волоком протащив Марину по всей домашней половине, резко толкнула двери библиотеки, где, как знала девушка, любил проводить время отец. Она подозревала, что именно там он скрывается от своей супруги, ведь та так не любила книги и все, что было с ними связано, а посему предпочитала обходить эту комнату стороной.

Но теперь же мать переступила ее порог, затаскивая силой след за собой Марину. Александр Васильевич, мирно дремавший в кресле с давно потухшей трубкой в зубах,

испуганно подскочил от неожиданности их вторжения в его маленький мирок, а также полуденную дрему.

— Qu'est-il arrivé, ma chérie ami? [\[156\]](#) — обратился он к запыхавшейся супруге, переводя недоуменный взгляд с ее разгневанного лица на босые ступни Марины, которая сейчас переминалась в волнении с ноги на ногу. Неужели маменька решила открыть отцу ее положение? Ведь она божилась молчать, памятуя о слабом сердце папеньки. Говорила, что они решат эту ситуацию вместе, сообща. О Боже, это просто убьет его! А виновата в его смерти будет только она, Марина!

— Скажите ей! — резко бросила ему Анна Степановна. — Ne pas l'envoyer direz à Марина [\[157\]](#). Скажите ей сейчас же или это сделаю я!

Александр Васильевич вдруг побледнел и растерянно посмотрел сначала на дочь, затем на свою супругу.

— Сказать ей что? — переспросил он, отводя взгляд в сторону, словно ему было стыдно смотреть им в глаза. Анна Степановна громко фыркнула, совсем неподобающе своему возрасту и положению, а после развернула Марину к себе лицом и проговорила:

— У нас нет более имени. Твой папенька проигрался в карты давеча. Все до последней души поставил на кон и проигрался. Вот уже пару месяцев, как наша семья осталась без крыши над головой и малейшего источника доходов, ведь у нас нет ни копейки, чтобы расплатиться по закладной.

Марина ошеломленно посмотрела на отца. Тот словно уменьшился в размерах под ее взглядом, съежившись в кресле.

— Это правда, папенька? — тихо спросила она. Анна Степановна лишь покусывала губы. То, что случилось, для нее, конечно, было ударом, но сказать по правде, она знала, что это может произойти, упусти из виду ее супруга хотя бы на пару минут рядом с игровой комнатой. И хотя он божился перед отъездом в столицу, что даже не взглянет на карты, она-то знала, как слаба его душа, она-то должна была присмотреть за ним. И вправду говорят — on ne court pas deux lièvres à la fois [\[158\]](#)... Хотела уследить и за Мариной, и за супругом, и вот к чему это привело.

— Son silence dit beaucoup [\[159\]](#), — холодно бросила Анна Степановна в ответ на вопрос дочери вместо супруга. Тот же, казалось, не имеет в себе духа даже взглянуть им в глаза, не то, что ответить. Il est sans couilles [\[160\]](#)!

— А закладная? Кто ее держит? — спросила Марина и вдруг поняла, что уже знает ответ на этот вопрос прежде, чем мать скривила губы в жалкое подобие улыбки.

— Его сиятельство Анатолий Михайлович был столь любезен, что выкупил ее сразу же после игры, — ответила ей медленно мать, и Марина помертвела разом. — Он планировал вернуть ее нам после венчания, как своим beau-père и belle-mère. Теперь же...

Марина молча развернулась и вышла из библиотеки, прикрыв за собой дверь. Она направилась к себе, попутно заглянув в музыкальную комнату, где ее младшие сестры листали ноты и переговаривались со смехом, а средняя, Лиза, что-то быстро наигрывала на фортепьяно одной рукой, а другой дирижировала сама себе. Они выглядели такими безмятежными, такими счастливыми...

Что с ними станет, когда тетушка отойдет в мир иной, и у их семьи не будет более заступницы и благодетельницы? Куда им придется идти? Что делать? Папенька с больным сердцем, слабый не только телом, но и духом. Ее мать, не привыкшая к лишениям, ведь даже

малые доходы Ольховки позволяли той не особо ущемлять себя и своих детей в чем-то. Сестры... Да и она сама — в тягости, но зачавшая свое дитя в грехе, хоть и не по своей воле... Что станет с ними, если она откажет Воронину?

Стоит ли обман одного человека разбитых судеб нескольких? В праве ли она решать, кому принести страдание и боль, а кому радость да благо? Марина опустилась на колени перед образами в своей спальне, не обращая внимания на прислугу в комнате. Господи, направь меня, укажи путь, ибо я не ведаю, как мне поступить. Помоги мне, Господи, не оставь меня в эту тягостную пору.

Марина без сил опустилась на ковер, прижавшись к ворсу мокрой от слез щекой. Кто может выдержать тот удел, что приготовила для нее судьба? Есть ли предел душевной боли?

Познать вкус любви и страсти, но так жестоко быть низвергнутой из этого земного рая. Пережить потерю человека, без которого для нее нет более радости, чем уйти туда, вслед за ним. Обнаружить, что Господь, отняв у нее сердце, оставил ей взамен частичку любимого, но этот же Божий дар способен и погубить ее и ее семью. Узнать, что у нее есть только два пути, по которому ей суждено пройти в жизни.

Что же ей предпочесть? Который путь из двух? Быть обреченной на изгнание и лишения, а заодно погубить свою семью, самых близких ей людей по крови, или спастись обманом, более жестоким, более изощренным, чем был до того?

Ради себя самой, ради своей семьи, ради всего святого...

Как и было обещано Анной Степановной, Воронин прибыл в дом на Морскую к обеду, привезя с собой небольшие подарки своей невесте и ее семье: коробки конфет сестрам, марципановые пирожные для *belle-mère* и отменный табак для трубки своему будущему *beau-père*. Марине же принесли огромный букет из роз разного оттенка и размеров, который благоухал так, словно все присутствующие в гостиной вдруг разом оказались в розовом саду.

— Боже, какая красота! — восторгалась Анна Степановна. — Благодарю вас, Анатоль Михайлович, за подношения. Вы нас балуете...

— Я рад, что у меня скоро появится большая семья, коей я были лишен почти с малолетства, — ответил Анатоль, целуя той руку в знак приветствия. — Поверьте, я получаю от этого не меньшее удовольствие, чем вы. Так позвольте мне удовольствоваться и далее, — он опять окинул взглядом комнату и продолжил, более интимно приглушив голос. — А Марина Александровна...? Как она?

— Ах, Анатоль Михайлович, нашими общими молитвами ее здоровье идет на поправку. Но вот душа... Душу так быстро не исцелить, — она немного помолчала, а потом тихо продолжила. — Примите мой совет, как от вашей будущей *belle-mère*: вы должны как можно скорее обвенчаться с моей дочерью. Тетушке стало совсем плохо, как бы не было повторного удара, а он, как вы знаете, всегда роковой. А Марине сейчас очень нужна поддержка, ей нужна опора, коей вы будете для нее. Только вы сумеете заставить ее вновь вернуться к жизни.

Анатоль задумался. Ему совсем не по сердцу была такая спешка под венец. Тем паче теперь, когда подвода с телом его друга приближалась к Петербургу.

— Маменька права, — вдруг раздалось за их спинами. Анна Степановна и Анатоль резко обернулись. Позади них стояла Марина. Воронин отметил про себя, что потеря, нагрянувшая на нее столь неожиданно, и последовавшая за ней болезнь все же оставили отпечаток на девушке: ее лицо было очень бледным, и темные круги под глазами особенно

выделались на этом белом фоне.

Глаза Марины были покрасневшие, и Анатоль понял, что она недавно плакала. Сердце его сжалось от боли — если бы он только мог, как бы он хотел стереть все печали и горести с лица земли, чтобы она вновь улыбалась как раньше, а глаза ярко блестели, как прежде.

— Bonjour, Анатоль Михайлович, je suis bien aise de vous voir [\[161\]](#), — улыбнулась Марина своему нареченному, подавая ему руку. Он поднес ее к губам и отметил про себя, что та холодна, как лед. — Ma mere права, — продолжила меж тем Марина начатую речь. — Я поняла, Анатоль Михайлович, что стать вашей супругой — спасение для меня сейчас. Я бы не медлила с венчанием, тем паче, тетушка действительно плоха, не приведи Господь, приберет ее к себе. Успеть бы до этого срока. Не желаю более ждать.

Анатоль попытался прочитать в ее глазах причины столь странного для него решения, но не смог. Тем не менее, он видел совершенно ясно, что она говорит от сердца, совсем не лукавя. Значит, так тому и быть. Если она видит свое спасение от своей душевной боли в том, чтобы вычеркнуть из памяти былое и целиком отдаться новой жизни, что ж, разве он может отказать ей в этом? Тем паче, намерение Марины полностью отвечало его собственным желаниям.

— Что ж, значит, так тому и быть, — улыбнулся Анатоль. — Перенесем дату и обвенчаемся прямо после госпожинок [\[162\]](#).

Позднее этим же вечером Марина писала в письме Юленьке (первом за последние две недели): «Поздравь меня, ma cherie ami, через две недели, сразу после окончания Успенского поста я пойду к алтарю. Сам государь император оказал нам честь быть посаженным отцом на нашей свадьбе. Большого я желать для себя не смею. Да и нет теперь у меня иного пути...». Сообщив подруге о венчании, Марина предпочла умолчать о своем положении да о раскрывшемся обмане Загорского. Такие вещи в письмах не раскрывают.

— Ох, ты Господи, пошто при свечах-то? — ворчала Агнешка, подготавливая ей постель. — Днем святла мало? Вочы портиць тольки!

— Не ворчи, старая, что опять принялась? — ответила ей Марина, запечатывая воском конверт. Она быстро написала на нем имя и адрес и оставила на столе, чтобы просохли чернила. — Завтра Бориске не забудь письмо отдать.

После, когда они с Агнешкой стояли перед иконами и читали вечернюю молитву, Марина вновь не сдержала слез. Как могло получиться, что она стала такой грешницей? Никакие молитвы или покаяния не смогут снять с нее этих грехов. Да и как получить-то это покаяние — разве в силах она признаться исповеднику, что намерена совершить? Нет, не в силах. Слаба она духом — начнет он ее отговаривать, она и откажется от своих планов. Только здесь пока, только лику на иконах она могла признаться в задуманном.

— После госпожинок венчаться буду, — уже укладываясь в постель, призналась Марина нянечке. Та замерла на мгновение, а потом продолжила расправлять одеяло на Марининой постели.

— Грэх, вядома, это. Грэх, — медленно проговорила Агнешка. — Але что тут зрабіць? Як тягось-то твою прыкрыць? Никак. Но грэх-то яки... Мужа-то твайго нават у зямлю пакласці не паспелі пакуль, а ты под вянец...

— Не нуди, Гнеша, и так худо, без твоих речей, — Марина прикрыла глаза. Каждое слово няньки отпечаталось крупными буквами в ее голове. И вправду — тело Сергея еще не придали земле, а она уже под венец собралась. Даже и месяца траура не относит...

Потом вспомнилось, что Загорский и не муж ей вовсе, в виду последних событий, а

чужой человек. Чужой... Так страшно прозвучало это слово! Чужой, ставший для нее всем миром в те дни. Но, пожалуй, навсегда он останется в ее сердце не в этом качестве, не как совратитель и обманщик, нет. В ее сердце, в ее воспоминаниях Сергей будет другим, тем, каким она видела его там, в Киреевке. Таким он должен остаться в ее памяти, только таким.

— Дзитятка моя, — вырвала Марину из ее мыслей нянечка. По ее виду было видно, что она хочет что-то сказать, но не решается. Девушка сделала ей приглашающий жест продолжить. — Касатка моя, нонче вечер подвода пришла в дом Загорских. Завтра поутру отпеваць будут, — и Агнешка назвала храм, стоявший недалеко от особняка князя.

Марина резко распахнула глаза и уставилась в потолок. Если до этого смерть Сергея казалось ей какой-то нереальной, то теперь, когда его тело привезли в столицу, когда оно так рядом с ней, ей стало больно и страшно от осознания суровой реальности. Боже, как страшно даже в мыслях произносить это: «Его тело». Он, который еще два месяца назад ласкал ее и целовал, такой теплый и родной, стал теперь не ее Сергеем, а просто телом в гробу. Его больше нет.

Всю ночь Марина проплакала тихонько, зажимая в зубах краешек подушки, чтобы не закричать во весь голос от боли, терзающей ее душу, и не переполошить никого из домашних. Она бы отдала все сейчас, приняла бы любую кару, только бы он остался жить, только бы не забрал его Господь! Пусть не с ней, пусть с другой! Но только пусть живет, дышит...

Рано утром, пока домашние только-только просыпались ото сна, а слуги уже вовсю работали в кухне и по дому, Марина поднялась в девичью с одеждой и обувью в руках.

— Прибери меня, — приказала она Дуньке, мирно спавшей до ее прихода. Та наскоро накинув на штопаную сорочку платок, принялась приводить барышню в порядок. Заметив платье из темно-зеленого бархата (это было единственное, что мало-мальски напоминало траур в гардеробе Марины), Дуняша подняла брови.

— Барышне не будет жарко? Нынче солнце так и палит!

Тяжелый взгляд Марины заставил ее замолчать. Так и продолжали в полной тишине. Лишь когда застегивала с трудом крючки на лифе платья, Дуняша позволила вырваться восклицанию: «Ох, ты Господи, барышня! Грудь-то еле влезла!». Та лишь еле кивнула и ответила задумчиво:

— Скоро будем платья расставлять, — заставив при этом Дуньку удивленно расширить глаза. Вот тебе и Юрьев день! Вот тебе и причина скорой свадьбы, о которой вчера гудела вся кухня.

Наконец Дуня прибрала последние пряди под шляпку и опустила густую черную вуаль на лицо барышни. Она не стала задавать лишних вопросов — куда направлялась барышня так рано явно в траурном наряде да почему тайно, запретив даже Агнешку будить. Не ее это дело — думать над барскими капризами. Себе же дороже станет!

Марина же тем временем, покинув дом через черный ход, пересчитала деньги, что были у нее в ридикюле. Мало, очень мало! На извозчика явно не хватит. Это раздосадовало ее донельзя — до храма, где было намечено отпевание, было довольно прилично идти пешком. Да Марина редко куда выходила сама, без провожатых, и ей было боязно — не заблудится ли она, не пристанут ли к ней худые люди? Но она вспомнила о цели своего путешествия и, расправив плечи, смело шагнула на тротуар. В конце концов, бояться нечего. Дорогу можно узнать, забирать у нее нечего («Даже честь уже потеряна», подметила она, грустно усмехаясь), а наряд вдовицы должен был защитить от нахалов, коих на улице хоть и было

мало в этот ранний час, но хватало.

Марина сжала в руках ридикюль и смело выдвинулась в дорогу, делая частые остановки, чтобы передохнуть. Пройдя квартал, что составляло половину ее пути, она почувствовала, как постепенно слабеют колени — сказывалась недавняя болезнь. Да и Дуняша была права — в такой солнечный день совершать пешие прогулки в бархатном платье просто безумие. Ей было ужасно жарко, спина вся была мокрая от пота.

Но нет, она должна дойти. Должна! Марина прислонилась к стене дома и перевела дыхание.

— Дурно тебе, что ли, барышня? — окликнули ее сзади. Она медленно обернулась и увидела извозчика на подержанной «гитаре», которая стояла прямо рядом с ней. — Куда путь-то держишь, родимая? Далече? А то давай подвезу.

— Нет у меня денег, — коротко ответила Марина, прижимая к себе ридикюль, словно щит. — Совсем нет.

— Да что я нехристь, что ли? Я ж по доброте душевной, а не корысти ради, — обиделся мужичок. — Вижу, дурно тебе, да горе у тебя. Что ж не помочь доброму человеку? А коли копеечку найдешь на водочку, так вообще, буду рад вдвойне. Но коли нет, то и не надо, так отвезу. Сама-то сядешь? Али подсобить?

— Сяду, — кивнула Марина. Ей уже было все едино, пусть даже ей придется отдавать серьги из ушей в оплату проезда. Ноги уже почти не держали ее, а когда она подняла руку, чтобы ухватиться за сидение и сесть в «гитару», то заметила, что и руки ходуном ходят от усталости.

— Куда ехать-то? — спросил извозчик, поправляя картуз с заломанным козырьком, и назвал храм, куда Марина держала путь.

— Да, а как вы догадались? — удивленно спросила девушка.

— Дык не тебя первую везу туда, — кивнул мужичок. — Ох, ну и молодец был усопший, коли столько девок с ним проститься идут! Э-ээх, родимая, паа-аехали!

Марина молчала всю дорогу. Сам того не зная, извозчик задел ее за живое. Ей стало больно при осознании того, что помимо ее в жизни Сергея были и другие женщины, которые любили его. Была ли она единственной в его жизни после того, как он признался в том, что любит ее? Думать об этом ей не хотелось.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

Спустя некоторое время «гитара» остановилась около нужного Марине храма. Извозчик, видя, что девушке стало еще хуже во время их недолгого путешествия, слез с козел и помог ей спуститься.

— Куда тебя понесло-то, барышня? На ногах еле стоишь, — проворчал он. Марина ничего не ответила, только сунула ему в руку пару копеек, что у нее были с собой в ридикюле. Извозчик улыбнулся в ответ. — Ну, а говорила, совсем денег нет! Тут даже на несколько чарочек хватит. Ну, Бог с тобой, сердешная. Господь милостив, поможет тебе унять твою горесть. Прощевай, барышня.

Извозчик уехал, а Марина так и осталась на том месте, где стояла. «Гитара» не смогла остановиться напротив церковных ворот — там стоял катафалк, обитый черным шелком и несколько карет и других экипажей. Посему извозчик высадил ее, не подъезжая к воротам, немного поодаль, где она сейчас и стояла. Со своего места в отдалении от храма Марина, тем не менее, прекрасно видела сквозь распахнутые створки отблеск горящих свечей и слышала звуки службы. Она так долго добиралась сюда, что отпевание уже шло полным

ходом.

Марина нерешительно двинулась к входу во двор храма, но ноги не послушались ее. Она не могла ступить даже пару шагов. И дело было не только в слабости после болезни. Она только тут осознала, куда и зачем она приехала, и поняла, что не готова к этому. Не готова увидеть гроб в цветах, плачущих родственников, услышать слова заупокойной молитвы. Только не по нему. Только не по Сергею.

Марина прислонилась к железным прутьям кованой ограды храма и попыталась сделать глубокий вдох и успокоить бешено колотящее сердце. Ее руки тряслись, ноги подгибались, и она из всех сил ухватилась за ограду, чтобы не упасть.

Она должна это сделать. Должна.

Там, в паре десятков шагов от нее внутри храма было то, к чему она так отчаянно стремилась, забыв обо всем на свете. Там был ее Сергей, но у нее не было сил сделать эти шаги, не было совсем. Она так хотела прикоснуться к гробу, так хотела сказать ему последнее «Прощай» прежде, чем его увезут от нее навсегда. Но тело Марины отказывалось служить ей, и ей оставалось сейчас только одно — стоять здесь, вцепившись в ограду, чтобы не упасть прямо на мостовую.

Марина прикусила губу, чтобы унять плач отчаяния, рвущийся из ее груди, и, собрав последние силы, в одном рывке оттолкнулась от ограды, чтобы все-таки дойти до тела своего любимого. Она должна была попрощаться с ним.

Это было ее ошибкой. Она поняла это сразу же. Ее колени подогнулись, и она с ужасом подумала о том, что сейчас упадет под ноги случайным прохожим, и у нее не будет сил подняться, а уж тем паче добраться самой домой. «Помоги мне!» — взмолилась она мысленно, сама толком не осознавая, к кому конкретно обращается — к Господу ли или к Сергею.

Твердая мужская внезапно остановила падение Марины, подхватив ее за талию. Кто-то прижал ее к своему крепкому телу, удерживая в вертикальном положении. Она же к этому моменту совсем ослабла и просто повисла на своем случайном спасителе.

— Что же вы, Марина Александровна, творите?! — прошептал возмущенно ей Анатолий и крепче прижал к себе. — Вы ведь после болезни, еле ходите...

— Я должна была прийти, — прошептала еле слышно Марина.

Служба, видимо, окончилась, потому как из церкви стали выходить поодиночке или парами те, кто пришел прощаться с ушедшим из жизни так рано князем Загорским. Анатолий понял, что сейчас они с Мариной будут замечены, и резко вскинул руку, подавая знак своему кучеру, благодаря Господа за то, что рано утром накрапывал дождик, и посему пришлось поехать на отпевание в карете. Анатолий усадил Марину в темноту экипажа и уселся на сидение рядом с ней. Она попыталась было возразить ему, что сие против правил приличий, но он лишь фыркнул в ответ. Сама-то много о них думала, когда приехала сюда да еще без сопровождающих.

— Я не могла, понимаете... не могла не прийти..., — сбивчиво говорила ему Марина, и он, взглядевшись в ее лицо, заметил, что она находится на грани истерики. — Я должна был прийти... попрощаться... не могла... я хочу видеть...

Внезапно Марина разрыдалась во весь голос, и он быстро и решительно привлек ее к себе, без особого труда преодолевая ее слабое сопротивление. Она уткнулась лицом в мягкую ткань его мундира, схватившись за него так, что на мгновение Воронин подумал, что она сейчас оторвет ему аксельбант на плече. Но ее состояние, ее слезы заставили его забыть

об этом.

— Как мне жить без него? — спросила Марина сквозь рыдания, ни к кому конкретно не обращаясь, и у Анатоля сжалось сердце от того, сколько боли было в этом вопросе. — Как быть без него? Я любила его всем сердцем... с самого института. С самой первой встречи... Он был так красив, словно ангел... его светлые волосы так блестели. Я сразу поняла, что это он. Сразу же. Я мечтала о нем все те годы, что ждала выпуска. Я училась отлично... только бы шифр... а потом будет легче стать его круга... рядом с ним. Но шифра не дали... А потом я поняла, что вовсе не нужна ему, как представляла себе. И долгие годы пыталась его забыть. Но как можно забыть тепло солнца, хоть раз увидев его? Вот и я не смогла... А в том году, получив от него первое письмо... он так смотрел на меня... так улыбался. Он любил меня, иначе разве может быть?

Марина что-то еще продолжала говорить, но Анатолий не слушал ее более. Ее слова причиняли ему дикую боль, и он попытался отключиться от их горького смысла. Он лишь прижимал ее к себе и нежно гладил по спине. Он видел нередкие истерики собственной сестры и по опыту знал, что если ничего не делать, ничего не говорить, а просто сидеть рядом да успокаивающе поглаживать, истерика сама сойдет на нет.

Вот и сейчас, спустя некоторое время Марина затихла в его объятиях. Ее тело была мелкая дрожь, он чувствовал это своими руками. Внезапно она отстранилась и подняла голову, посмотрела прямо ему в глаза. Ее лицо распухло от слез, щеки покраснелись, но для него она все равно была прекрасна, даже в своем горе.

— Анатолий Михайлович..., — пролепетала она смущенно, словно только сейчас поняла, с кем и где находится.

— Это я, — согласился он. — Я был нынче там, но не смог долее стоять в храме, словно что-то гнало меня прочь, и вышел во двор. А потом заметил вас.

Воронин подал ей платок, и Марина приняла его. Она начала было приводить себя в порядок, но вдруг застыла на месте, что-то углядев через окно в щелку не задернутой до конца шторки. Ее глаза опять стали наполняться слезами, и Анатолий резко отдернул шторку, чтобы посмотреть, что снова расстроило ее. Из храма вышел человек и спускался по ступенькам. Он нес в руках подушку, на которой лежали все награды, заслуженный Загорским за время своей службы.

Анатолий знал, что именно сейчас последует за ним, и хотел было постучать в потолок, подавая знак ехать, но Марина перехватила его руку.

— Я прошу вас, — прошептала она. — Я хочу видеть...

И он уступил ей, опустив руку и откинувшись на спинку сидения, тем не менее, не отрывая от нее своего напряженного взгляда. Он заметил, как вдруг резко она выпрямилась и прижала к губам платок, и перевел взгляд в окно.

Из церкви выносили гроб из красного дерева, аккуратно спуская его вниз по ступенькам церкви, чтобы в дальнейшем поместить его в катафалк, и этот мрачный экипаж смерти увезет Загорского в его последний путь до домашнего кладбища в родовом имении.

Марина громко всхлипнула, не в силах более сдерживаться. Из ее глаз по щекам покатились крупные слезы. Анатолий привлек к себе, и она опять подалась ему, не отрывая тем временем свой взгляд от гроба. Ее так трясло, что он с трудом удерживал ее в своих объятиях.

Глубина ее горя поразила Анатоля. Он и не догадывался, насколько ей тяжела ее потеря. Он прижался губами к ее виску сквозь вуаль. Ему было тоже горько и грустно. Было жаль ее,

Загорского, себя...

Анатоль видел теперь, как глубоки ее чувства к Сергею. Это была не просто мимолетная влюбленность или страсть, это была самая настоящая любовь. Ему было больно еще от того, что он любил Марину, и его любовь никуда не исчезнет, он чувствовал это. Она заведомо была обречена на безответность, потому как если он еще мог соперничать с живым Загорским, то в конкуренции с памятью о нем он был заведомо в проигрыше.

Анатоль прижал ее к себе покрепче и перевел взгляд в окно. Гроб теперь грузили в катафалк, после чего начали накрывать плотной черной тканью, чтобы хоть немного защитить его от непогоды, которая могла встретиться им по пути.

Воронину вдруг вспомнилась одна ночь из его жизни в кадетском корпусе. Ему было довольно нелегко там в первое время, как и другим мальчикам, оторванным от родительского тепла. Но его горе усугублялось потерей отца, что ему пришлось пережить в первый год учебы. Иногда Анатоль не мог сдерживать слез, хотя и корил себя за это последними словами, и тихонько плакал по ночам под одеялом. В одну из ночей его слезы заметил Сергей, спавший на соседней кровати. Он подошел к нему и аккуратно тронул за плечо, заставляя его выбраться из своего убежища под одеялом.

— Что стряслось? — прошептал он одними губами, чтобы не разбудить остальных кадетов, мирно спящих в это позднее время.

— Я... я совсем один, — только и смог выдавить из себя Воронин. Сергей посмотрел на него с участием и положил руку на его плечо.

— Ты не один, — покачал он головой. — У тебя есть я... есть мы, — он мотнул головой в сторону кровати по соседству со своей, где приподнялся на локте встревоженный Арсеньев.

Он был прав. Они всегда были вместе с тех пор и всегда были друг у друга.

Воронин вдруг осознал, что на глаза навернулась предательская влага. Он не мог не плакать над потерей друга, и ему ни на йоту не было стыдно сейчас за свои слезы. Боль, которая клубком скрутилась у него в груди с тех пор, как он узнал о гибели друга, постепенно покидала его тело вместе с ними.

Так они вместе с Мариной и проводили князя Загорского в его последний путь, наблюдая, как возница траурного экипажа уезжает прочь, увозя с собой свой печальный груз, держа друг друга за руки и смешивая свои слезы.

Позднее, когда Воронин вез Марину домой, чтобы сдать на руки переполошенной Агнешке, они сидели так близко друг к другу, и он набрался смелости и взял ее ладонь в свою. Она не отняла своей руки до самого дома, и это наполнило его сердце невольной надеждой. Пусть она, возможно, никогда не полюбит его, как она любила Загорского, но он сделает все, чтобы их брак был таким удачным, полным понимания, тепла и нежности.

— Я рад, что меж нами нет более никаких тайн и недомолвок, — сказал он ей на прощание, имея в виду, что она сегодня полностью призналась ему в своей любви к другому невольно. Марина же взглянула с каким-то странным выражением в глазах, а затем грустно улыбнулась и кивнула.

— Я тоже рада, что вы знаете теперь, насколько сильно я любила князя.

Она вдруг быстро коснулась губами его щеки и скоро выскользнула из кареты, опираясь на руку лакея, оставив после себя лишь легкий флер духов.

С того дня, когда они вместе разделили всю горечь потери близкого им человека, жених и невеста стали намного ближе друг к другу, чем ранее. Они стали чаще показываться вместе в свете, давая понять, что все толки об их размолвках, а тем паче, разрыве беспочвенны; вместе выезжать на прогулки или просто гуляли в парке под присмотром Анны Степановны, медленно прогуливающейся чуть поодаль с дочерьми.

После перенесения даты венчания на более близкую по времени, разумеется, поползли слухи в свете. Конечно, строились разные предположения, но в итоге сошлись на том, что Марина (в виду ее странной бледности и слабости после горячки) неизлечимо больна, и граф хочет хотя бы немного получить толику счастья перед тем, как его супруга уйдет от него навечно. Впрочем, слухи ходили недолго — уже через несколько дней свет принялся обсуждать ухаживание кавалергарда Дантеса за княжной Барятинской. Ужели забыл про госпожу Пушкину, которую столь открыто преследовал, шептались в гостиных и салонах.

Марину же все происходящее вокруг мало трогало. Она полностью замкнулась в себе в этот период и была безучастна ко всему, даже к собственному венчанию. Она осталась равнодушна к платью, которое доставили ей за неделю до венчания (модистка очень старалась и успела уложиться даже раньше намеченного срока), осталась безразлична к гарнитуру, что подарил ей Воронин как подарок к свадьбе — серьги, ожерелье и брошь из бриллиантов и изумрудов. Анна Степановна постоянно открывала крышку футляра, чтобы полюбоваться камнями и прекрасной работой, Марина же отказалась даже взглянуть повторно на них.

— Ни к чему это сейчас, — сказала она. — Еще успею наглядеться.

А в глубине души с тупой болью в сердце вспоминала, как она лежала в постели с Загорским, и тот говорил, что непременно закажет гарнитур с изумрудами ей в подарок. «... Ничего вычурного, — шептал он ей в ухо. — Хочу только подчеркнуть цвет твоих глаз, а не затмить их блеск. Хотя разве это возможно?...»

Только однажды за оставшееся время до венчания Марина была выведена из своего столь лелеемого равнодушного состояния. В день, когда она обнаружила, что к ней с визитом пришла графиня Ланская.

В первую минуту, когда лакей только сообщил о том, что барышню желают видеть, и назвал имя визитерши, Марина решила, что ослышалась. Она переспросила и, убедившись, что это не так, а с ней действительно хочет переговорить Натали, моментально вскипела. Как эта женщина осмеливается даже появляться на пороге этого дома? Зачем пришла? Знает ли об обмане Загорского? А если знает, не позлорадствовать ли явилась?

С большим трудом подавив в себе желание отказать в визите этой неприятной ей особе, Марина все же решила и приказала привести ту сюда, в диванную, где Марина читала, сидя у ярко-горящего камина. После первой половины августа неожиданно похолодало в Петербурге, и она предпочитала в это время быть у тепла. Тем паче, после недавней болезни.

Пока Марина думала над позой, в которой она хотела бы принять визитершу (встать ли у камина, гордо и презрительно подняв голову или лучше сидя в кресле), в дверь постучали, и лакей впустил в комнату молодую даму, одетую в траур. Ее вид в черных одеждах с траурными плерезами возмутил Марину до глубины души и почему-то отдался внутри такой острой болью, что она была вынуждена ухватиться за спинку кресла, у которого стояла,

чтобы не упасть. В памяти вдруг всплыли толки, подслушанные случайно ею в одном салоне: «Графиня носит полный траур по князю Загорскому, словно по усопшему супругу. Она сразу же выехала из Пятигорска, как узнала весть о его кончине, и всю дорогу до Петербурга ехала рядом с гробом, будто безутешная вдова».

Теперь же Марина своими глазами убедилась, что слухи, которые обычно следовало делить пополам, чтобы отделить зерна от плевел, в этом случае оказались верны. О, как она ненавидела эту красивую темноволосую женщину, которой даже траур был к лицу! Ненавидела всей душой за то, что та имела смелость открыто выражать свои чувства из-за смерти Загорского, а Марине даже лишней слезинки нельзя было пролить на виду. Ненавидела за то, что та несколько недель была рядом с ним, а Марине не довелось даже крышки гроба коснуться. Ненавидела за то, что те редкие дни, что оставались до его гибели, она провела там, рядом с ним, и один только Создатель знает, что было там меж ними.

Марина вздернула гордо подбородок, еле сдерживаясь, чтобы не вцепиться в это красивое лицо, не растрепать хорошо уложенные волосы, не сорвать с лица траурную вуаль, а с платья плерезы. Хотя до этого момента считала себя миролюбивой особой, даже в институте она редко вмешивалась в ссоры сокурсниц.

— Что вам угодно? — холодно спросила она у посетительницы без приветствия, даже не предложив той присесть, что противоречило общепринятым нормам поведения в обществе. Та тут же поняла, какого отношения здесь ей ждать. Она тоже вскинула голову повыше и откинула с лица вуаль.

— Как трудно попасть к вам с визитом, — усмехнулась Натали. — Прямо как особе царской крови. Я уже долго пытаюсь встретиться с вами, но ваша маменька яростно пресекает все мои попытки на корню. А доверить мое дело слугам я не имею права.

— Я повторюсь, что вам угодно? — не желала сдаваться Марина. — И вам не приходило в голову, что если вас не пускают в дом, значит, ваш визит отнюдь не приятен хозяевам.

— Да будь моя воля, я бы и порога этого дома не переступила бы, — вдруг огрызнулась Натали. Она помолчала, отвернув лицо к горящему огню, а затем вздохнула и продолжила. — Я пришла к вам выполнить желание человека, хорошо известного нам обоим. Так вышло, что к тому же и его последнюю волю.

При этих словах глаза Натали наполнились болью, даже со своего места Марина заметила это. Ей стало не по себе — так неприятно было видеть свою соперницу так близко да еще знать, что именно ей он доверял самое сокровенное, раз она сейчас здесь.

Натали опустила руку в ридикюль и достала из него сложенный вдвое конверт. Она немного помедлила, глядя на знакомый почерк, и легонько погладила бумагу пальцем, словно бумага все еще хранила касание его руки. Такой маленький жест, но именно при виде него у Марины ревность обжигающим ядом разлилась по венам, отравляя ее кровь. Она представила, что эти пальцы касались кожи Сергея там же, где могла касаться она сама, а эти губы целовали его губы, и кто знает — делали они это до или после Марины, судя по последним сплетням, долетевших в столицу из Пятигорска.

— Возьмите, — Натали протянула ей письмо. — Он передал его вам перед тем, как... как уехать в Тифлис.

Марина резко вырвала у нее из рук конверт, чуть помедлила, глядя на собственное имя на нем, написанное рукой любимого. Что там внутри? О чем он написал ей с Кавказа? Правду об их мнимом браке? Выразил он свое сожаление, что так жестко разрушил ее

жизнь? Или внутри опять очередная ложь о своей безграничной любви к ней?

Девушка неожиданно для самой себя, а уж тем паче Натали, повинаясь странному неожиданному порыву, повернулась к камину и бросила письмо в яркий огонь. Языки пламени тут же принялись за бумагу, и Марина обхватила себя руками за плечи, с трудом удерживая себя от того, чтобы не выхватить у них добычу.

— Эта страница моей жизни перевернута, — произнесла она холодно и посмотрела опарашенной ее поступком Натали прямо в глаза. — Мне нет более дела до этого.

Натали довольно быстро взяла себя в руки, приняв безмятежно-спокойный вид, и опустила вуаль, давая понять Марине, что более не задерживает ее. Та протянула руку и позвонила, чтобы визитершу проводили до входной двери.

— Я слышала, вы ходите замуж через несколько дней. Примите мои поздравления, — проговорила Натали, чуть склонив голову, словно она задумалась над чем-то. Потом она резко подошла к Марине и заглянула ей в лицо, перепугав ту своим неожиданным приближением. Марина пыталась понять, что ей нужно от нее, но сквозь вуаль было невозможно прочитать выражение глаз ее визави.

— Я желала ему, чтобы он также страдал, как я, не скрою. Но теперь я даже рада, что Господь забрал его до того, как он узнал, что это такое, когда твое сердце разбивается о жестокость безответной любви и равнодушие. Что он ушел в своем заблуждении, это блаженство для него. Благодарю вас хотя бы за это.

В этот миг лакей отворил дверь, и Натали, резко развернувшись, не прощаясь, покинула комнату. Марину же трясло как в лихорадке. Она с трудом опустилась в кресло, потому как ноги не держали ее. Зачем эта женщина приходила? Зачем опять разбередила слегка затянувшиеся раны? Своим визитом она вновь заставила их кровоточить.

Теперь уже, спустя время, Марина жалела, что так безрассудно уничтожила последнее письмо Загорского к ней. Сейчас оно уже превращалось в черный пепел под языками яркого пламени, который постепенно растворялся в огне. А с другой стороны — лучше уж полное неведение, чем она прочла в нем подтверждение тому, что случайно вскрылось...

Опять она разрывается на части. Видно, никогда ее душе не обрести равновесия. Разум раз за разом напоминает ей о доказательствах вины Загорского по отношению к ней, а сердце, ее глупое сердце упрямо отказывается верить в дурное.

Марина откинулась на спинку кресла и стала смотреть в огонь, в котором постепенно рассеивался пепел, оставшийся от письма Сергея. Ей очень хотелось верить, что и ее слепое безрассудное чувство к князю также рассеется под воздействием неумолимого времени.

****

Начинало смеркаться, а он все еще не мог заставить себя подняться с колен и уйти отсюда. Только тут он находил теперь успокоение своей страждущей душе.

Почему? Почему так сложилось, что остался один-одинешенек на земном свете? Все ушли, все, кого он любил, за кого без раздумий отдал бы последние годы своей жизни.

Вот стоит мраморный ангел, воздевший вверх ладони, словно вопрошая у небес «За что?». Под ним, этим уже посеревшим от времени небесным созданием, лежат невестка и его прекрасная вишенка — внучка Еленочка, отрада его глаз.

Чуть поодаль, рядом с ангелом лежит просто гранитная плита с именем и датами. Под ней нет никого, ни единой косточки, но ему хотелось верить, что душа его сына все же иногда возвращается сюда, в место, где он родился и вырос, место, где лежат жена и дочь.

А теперь тут же под мраморным крестом будет лежать сын...

Матвей Сергеевич прислонился лбом к холодному камню. У него не было сил ни плакать, ни молиться. Он просто приходил и сидел здесь, у этой свежей могилы. Он уже смирился за прошедшие дни, что его внук, его гордость, будет отныне лежать здесь, на фамильном кладбище.

Это раньше он отказывался верить, что Сергей убит в этом далеком и незнакомом ему ауле. Ему до последнего хотелось верить, что он просто не пишет потому, что они по-прежнему в ссоре, и его гордыня ни за что не позволит черкнуть хотя бы пару строк своему деду. За него это всегда делал Степан — приходил к полковому писарю и просил его за пару монет написать письмо старому князю о здравии и бытии его внука.

Но потом пришла подвода с телом. И он вдруг неожиданно для самого вдруг словно лишился разума — кричал, требовал вскрыть гроб, утверждая, что там внутри вовсе не его внук, что произошла досадная ошибка. Но его увели, насильно напоили опиумной настойкой да так, что даже не смог пойти на службу в церковь, и позднее втолковали, что гроб вскрыть никак не можно. Прошло столько времени в пути, тело совершенно не сохранилось. Кроме того, горцы, покидая аул, побросали несколько тел в колодцы с водой, чтобы еще долго невозможно было бы жить в селении, и тело Сергея по нелепой случайности оказалось в числе них. Но никаких сомнений в том, что это тело его внука нет, его опознал верный денщик, прибывший на место чуть ли не на другой день после трагедии.

Сейчас Степан сильно сдал после этой смерти и сильно запил, попеременно разбивая носы лакеям, пытающимся его утихомирить после его застолий. Старый князь держал его только потому, что это был единственный человек, что долгое время был его ниточкой, связывающим с Сергеем.

— Прости меня, — в который раз прошептал князь и прикоснулся ладонью к мрамору. Сейчас уже смеркалось, да постепенно надвигался вечерний холод, и ему пора было уходить. Если же он замешкается, то холод проникнет в его члены, и поднимет голову его вечная проблема — больные ноги и спина. А это значит, что он не сможет тогда прийти сюда, к своим родным, довольно долго.

— Прости меня. Мне надо было давно усмирить свою нелепую гордыню.

Его супруга, царство ей Небесное, постоянно твердила ему, что со своим нелегким нравом да неспособностью признавать чужие слабости и ошибки он еще заплачет. Вот он и плачет теперь...

— До завтра, дорогие мои, — попрощался с родными князь и перекрестился.

Затем Матвей Сергеевич кивнул стоявшим в отдалении лакеям, и один из них быстро подошел к нему и помог подняться на ноги. Потом подал старику трость, и тот медленно побрел к карете, стоявшей чуть поодаль. Домой. Он поедет сейчас в усадьбу, там переночует и скоро опять будет здесь. Так он и будет приходить сюда до тех пор, пока наконец Господь не смилуется над ним и не пошлет ему какую-нибудь горячку, от которой и закончится его бременное существование.

В усадьбе князя встретил верный дворецкий Никодим, лысый, как коленка, с седыми пышными бакенбардами. «Не должно тебе иметь такие баки, когда у барина таких нет. Вот выдеру, будешь знать» — иногда дразнил его Матвей Сергеевич, а Никодим лишь кланялся ему в ответ, улыбаясь.

Теперь же меж ними не было и тени былой шутливости, только тягостное молчание, прерываемое только добрым ворчанием дворецкого. Вот и сейчас он шел за старым князем

по дому и все бормотал и бормотал под нос, не умолкая ни на минуту.

— Приняли бы ее, барин. Надоела она хуже горькой редьки! Вот и ходит, и ходит все, — Никодим потряс своими бакенбардами, а затем продолжил. — Давеча она все твердила, что у нее дело до вас. Сурьезное дело, барин.

— Пусть идет прочь, — отрезал Матвей Сергеевич, не прерывая своего пути. — Будешь еще нудить тут — выпорю. Прочь иди. Устал я.

— Дык утверждает..., — не унимался Никодим, и барин поднял трость, на которую опирался. Но старый слуга даже не уклонился — он знал, что барин, как собака в той поговорке, лишь лает. Кусать-то кусает да только по серьезной провинности, не более.

— Пусть прочь идет! — громче сказал старый князь. — Чтобы духу ее здесь не было! Пусть взащей из имения гонят. А еще раз границы переступит — так собак спущу, так и передай.

Матвей Сергеевич отпустил взмахом руки всех из своей спальни и устало опустился на постель. Как же ему хотелось заснуть и, открыв глаза поутру, обнаружить, что все происходящее просто дурной сон! Он бы тотчас бы поехал тогда к Сергею и повинился во всем перед ним. В своей гордыне, в своем слепом стремлении всегда настоять на своем, презрев склонности и желания окружающих, свое самодурство. Ведь что ему стоило сделать это ранее? Быть может, и Сергей не стал бы так дурить...

Как Матвей Сергеевич надеялся на то, что эта бедная птичка серьезно увлечет его внука! Ведь он прекрасно видел, что творится в душе Сергея. Но это была всего лишь искра, которую было необходимо раздуть. Вот он и пытался это сделать, пока она не погасла совсем.

Внучка его хорошего знакомого, генерала Гольшева. Красавица, умница (он справлялся у госпожи Адлерберг ^[163]), способная отвергнуть его внука. Да еще с тем огнем внутри, который так и полыхал иногда в ее глазах. Правда, наполовину нерусской крови, но он был готов простить ей этот недостаток. Тем паче, что, судя по всему, все же кровь была не ненавистной ему польской, а другой славянской народности. Да и кто сейчас чистокровный русич? Это-то после того, как Русь была под монгольским ярмом, а при Петре понаехали сюда немцы да голландцы?

Сначала, правда, Сергей поддался, уехал прочь из страны. Но затем все пошло так, как и хотел старый князь, умело подбрасывая каждый раз дрова, когда, как ему казалось, интерес внука начинал пропадать, или он смирялся с неудачей. Ведь он всегда поступал наперекор Матвею Сергеевичу, так и делал на этот раз. Старый князь уж было решил, что ему все удалось, и скоро Сергей введет в дом Загорских молодую жену, но эта ссылка спутала все планы. А потом и вовсе объявили о помолвке. Совсем не той, что он хотел.

Ах, как старый князь злился на девушку! Все спутала ему! Разве можно было предпочесть его внука? Разве разумно?

А затем смерть пришла к нему в дом, в который раз забрав с собой всех, кого он любил. Всех до единого...

До ушей старого князя вдруг донесся откуда-то пронзительный женский визг, и он нахмурился. Это что еще такое? Он же строго-настрого запретил вообще беспокоить его чем-либо! Что там за девка орет, как резаная? Ну, уж точно он отходит сегодня тростью чью-то спину. Совсем распоясались!

Матвей Сергеевич с трудом поднялся на ноги и, опираясь на трость, пошел вон из комнаты на звуки шума. Как выяснилось, кричали в прихожей комнате. Несколько человек

пытались вывести вон из дома упирающуюся женщину, а она кричала, как безумная, колотила по лакеям зонтиком и ридикюлем, кусалась и царапалась. Суется вкруг них Никодим пытался уговорить женщину утихомириться, а сбегавшиеся на крики дворовые со смешками наблюдали за этой картиной. Все были так увлечены происходящим, что даже не заметили подошедшего барина.

Все с возрастающим удивлением Матвей Сергеевич вдруг узнал в бешеной фурии Натали. Шляпка уже давно слетела с ее головы, волосы растрепались, рукав ее салопы оторвался и теперь висел на нескольких нитках. Она выглядела совсем не так, как та светская холеная красавица, которую он привык презирать за недостойное дамы поведение. Да и кто узнал бы ее сейчас в таком виде?

— Что здесь происходит? — как можно громче спросил старый князь, и все дружно замерли на тех местах, где находились. Лишь дворовые шустро скрылись прочь, опасаясь попасть барину под горячую руку.

— Вот, ваше сиятельство, — обратился к нему Никодим. — Опять пришла. Я ей говорю, барин не может принять, почивает. А она вдруг как зыркнет, сама, говорит, тогда пройду, если не пропустишь! И как стала рваться в комнаты. Насилу удержали. Вона как молодцов наших расцарапала, аки кошка какая. А еще барыня!

Натали гордо вскинула голову и посмотрела князю прямо в глаза.

— Прошу прощения за сей скандал, но мне просто необходимо увидеться с вами. Вот уже почти неделю я пытаюсь попасть к вам, но...

— Не имею ни малейшего желания ни видеть, ни слышать вас, — отрезал Матвей Сергеевич. — Падшую женщину никогда не примут в этом доме. А всякая жена, оставившая своего супруга — блудница! Подите вон!

Он кивнул лакеям, те снова схватили Натали за руки, намереваясь вывести вон. Но та ловко увернулась от них и, отбросив зонтик, бросилась к князю, по ходу движения вытаскивая из ридикюля конверт. Она схватила его за рукав и прежде, чем ее оттащили от него, сунула ему в руки письмо.

— Возьмите! — крикнула она. — Он хотел, чтобы вы прочитали его!

Матвей Сергеевич замер. Он узнал почерк внука в подписи на бумаге, и его руки затряслись от волнения. Он поднял потрясенный взгляд на Натали, делая знак дворне, чтобы оставили ее в покое.

— Откуда это у вас?

— Он лично отдал мне письмо в Пятигорске. Просил, чтобы я передала вам лично в руки. Сказал, что от этого письма зависит его будущее, его жизнь, — Натали теперь выглядела такой усталой, такой измученной. Кто ж знал, что иногда выполнить последнюю волю так тяжело?

Князь хотел было сразу же вскрыть конверт, но передумал. Он прочитает его не здесь, на виду у дворовых и Натали, а наедине с собой, в тиши собственной спальни. Матвей Сергеевич взглянул на Натали. Выходит, он и тут ошибался. Было видно сейчас, как сильно она любит его внука. Так сильно, что была готова драться со здоровыми мужиками, лишь бы выполнить его желание. Но, тем не менее, он по-прежнему считал ее недостойной парой для Сергея, и дело было не только в происхождении и богатстве. Просто у Сергея не загорались глаза на нее, тем самым огнем, что выдавал их, Загорских, с головой в своих предпочтениях.

— Благодарю вас, — коротко и чуть мягче, чем ранее обратился к ней старый князь. — Вас проводят в гостиную, где подадут чай или что пожелаете. Разумеется, ваше платье

починят. В общем, выполняют любое ваше желание. Никодим? — дворецкий кивнул и жестом показал лакеям взять у Натали зонт и верхнее платье. Князь тем временем продолжил. — Не считите за грубость, но я устал и не могу составить вам компанию. Уж простите возраст.

Старый князь медленно направился в обратный путь в спальню, кивком показывая, что ему не нужна ни компания, ни помощь, ничего другого. Письмо так и жгло ему ладонь, он аккуратно то и дело поглаживал мягкую бумагу, немного размокшую в мокром от дождя ридикюле. Он сердцем чувствовал, что в этом письме Сергей написал ему нечто важное. Очень важное. И он должен прочитать это один. Наедине с собой. Наедине с Сергеем...

***

В день венчания весь день лил дождь, что по старым приметам выходило к счастливой брачной жизни, но это не прибавляло Воронину нисколько благости сейчас. Да и голова гудела после вчерашней его последней холостяцкой ночи. Он в последнее время совсем мало пил (да и с кем-то это делать теперь?), и с непривычки его развезло вчера основательно от пары бутылок шампанского.

Сначала Анатолий пил со своими сослуживцами, которые ни за что не хотели отпускать его просто так. Поехали в ресторан к месье Талону, где просидели чуть ли не до полуночи, провожая его из статуса холостяков. Анатолий смотрел на окружающие его лица и все больше склонялся к тому, чтобы как можно скорее покинуть честную компанию — настроения гулять не было вовсе, за что его уже предварительно окрестили «семейным домоседом».

Вторую бутылку Воронин прикончил в полном одиночестве, сидя у горящего камина. Не так ему раньше представлялся его последний холостяцкий вечер, совсем не так. Должны были быть рядом Серж и Поль, которые бы шутили над ним, смеялись бы от души. Конечно же, Серж предложил бы поехать в какой-нибудь балаган, где они смотрели бы какой-нибудь водевиль и любовались бы стройными ножками артисточек, а потом пили бы вино, поднимая бокалы за будущее семейное счастье жениха да тихую гавань супружества.

Но сейчас он был один. И ему было почему-то горько от этого одиночества, как никогда. А еще его почему-то не оставляло чувство, что он отнимает Марину у Загорского.

Какой бред, подумалось ему, пьяный-пьяный бред! Серж мертв, а значит, Анатолий никак не может перейти тому дорогу. И, кроме того, кто знает, как сложились бы их судьбы, если бы все было не так. Он так и не смог понять до конца намерений друга в отношении Марины — действительно ли она была ему нужна или это была просто очередная авантюра скуки ради, просто временное увлечение.

Ночью Анатолий спал дурно. Ему все время снились какие-то обрывки сна, в одном из которых к нему пришла гадалка. «Помни», — шептала глухо она. «Помни, она твоя судьба, но от тебя зависит исход. Лишь от тебя».

Посему немудрено, что поутру Воронин встал в дурном настроении, и как он не пытался привести себя в подобающее предстоящему торжеству настроение, так и не смог. Какое странное предчувствие сдавило ему грудь. Словно что-то нехорошее должно было случиться, а сейчас просто витало над ним в воздухе, выжидая нужного момента.

Это привело его в какое-то волнение. Им полностью овладела странная нервозность, словно какой-то кисейной барышней. Что происходит, спрашивал она сам себя, но ответа так и не находил, как и не пытался.

Анатолий взглянул краем глаза на часы, стоявшие на каминной полке. У него оставалось

совсем немного времени, чтобы полностью одеться и выехать в Аничков дворец. Там его ждет императорская чета, чтобы как посаженные родители с иконой благословить его на вступление в брак (императрица пожелала разделить с мужем эти обязанности).

Вернулся в спальню Федор с парадным мундиром в руках. Он в последний раз проверил, хорошо ли почищена ткань, блестят ли пуговицы, и разложил его на постели. Потом подошел к барину и стал помогать ему заканчивать туалет.

— Мандражируете, барин? — улыбаясь, спросил он Анатоля. — Руки вона дрожат немного. Оно и понятно — день-то сегодня какой! Жаль вот только, что ваши папенька и маменька не с вами в сию пору. Но они точно смотрят на нас с небес и радуются за вас.

Анатолий рассеяно кивнул ему. Мысленно он уже давно был там, в церкви Аничкового дворца.

— А что, барин? Скоро в деревню поедem? — вдруг спросил Федор, расправив на спине барина складки батиста, чтобы мундир сел ладно.

— В деревню? — переспросил Анатолий. — Поедем, конечно.

— То и ладно. Барышне-то вашей надо в деревню. Воздух там свежий, овощи-фрукты не рыношные, со своего сада — огорода. Все доносить лучше там. А то тут в Петербурге все чахоточные какие-то родятся...

Федор еще что-то говорил и говорил, помогая барину облачиться в мундир и застегивая крючки, но Анатолий уже не слышал его. Две последние фразы словно резанули его разум. Сначала он не понял их смысл, а когда все-таки осознал его, то сначала замер на месте, будто парализованный, а затем резко размахнулся и ударил Федора по лицу со всей силой, со всей яростью, что забурилась в нем при этих словах. Тот не удержался на ногах от такого удара и повалился на спину. Анатолий тут же бросился к нему и схватил того за грудки, притянул к себе.

— Откуда знаешь?!

— Так Дуняша рассказала давеча, — быстро заговорил Федор. — Вот, говорит, из-за чего свадьбу-то торопят — в тягости-то барышня.

Анатолий снова размахнулся и ударил его по лицу, но уже не ладонью, а кулаком, разбивая тому губу. Замахнулся для следующего удара, да только вид крови, выступившей из раны, остудил его и вернул ему рассудок. Он тут же отпустил растерянного Федора и отошел на него к камину, вцепившись в мрамор с такой силой, что побелели костяшки пальцев.

От волнения и слепящей ярости у Анатолия кругом шла голова, тряслись руки. «...— Я рад, что меж нами нет более никаких тайн и недомолвок... Я тоже рада, что вы знаете теперь, насколько сильно я любила князя...». Да уж теперь-то он точно знает это!

Ему хотелось кричать во весь голос и крушить все вокруг, давая выход тому гневу, что пожирал его душу, но давняя привычка скрывать свои эмоции, загоняя их куда-то внутрь, в самый дальний и потайной уголок сознания, взяла верх. Воронин медленно обернулся к стоявшему поодаль и нерешительно переминающемуся с ноги на ногу Федору.

— Ты не забывайся, Федька, кто тут барин, а кто холоп, — холодно бросил он своему слуге. — Вижу, совсем от рук отбился при своем приближенном положении, что разум потерял, кого можно обсуждать, а о ком нужно рот на замке держать. С кем еще делился?

— Ни с кем более, вот вам крест, — Федор быстро перекрестился на образа в углу спальни. — Что ж я не знаю, что говорить-то можно?

— А со мной, значит, можно? — бросил ему резко Воронин, и тот виновато потупил голову. — Дуньке своей скажи, чтобы языком трепала меньше. Будет умнее, будет хорошо

жить. Разрешение вам дам, в доме оставлю. А если нет, не обессудь! В поле пошлю.

— Могила, барица, могила, — быстро произнес Федор. Он знал своего барина, как никто другой, и понял, что сейчас тот просто не потерпит другого ответа. Не завидовал он тому, кто попадет под руку графу, невольно извлечет спавшие эмоции в потайном уголке его души! Ой, несладко тому будет, совсем не сладко!

Воронин прибыл в Аничков дворец за полчаса до назначенного времени, в которое планировалось провести таинство. Несмотря на то, что было решено провести скромную церемонию и не свадебный прием после, а просто поздний завтрак, избранный люд Петербурга и империи все же стремился получить приглашение на него, ведь там обещалась быть сама императорская чета. Посему экипажей у дворца уже скопилось порядочное количество, словно тут давался действительно большой прием, и все подъезжали и подъезжали кареты.

Анатолий сразу прошел в личные покои императора, где тот останавливался, когда бывал в своем любимом дворце, и поприветствовал императорскую чету и их старших детей (с родителями пожелали быть Мария Николаевна и наследник), в который раз повторив, что это огромная честь для него и для его невесты разделить всю радость от предстоящего таинства с их императорскими величествами..

— Полноте, — ответил ему император. — Разве могло бы быть иначе? Ведь мы почти родные люди друг другу. Куда уж ближе — порой видимся каждый день и чуть ли не каждый час.

Подшло время получить благословение и идти в церковь, куда уже скоро должна была подъехать невеста и ее небольшая свита. Император взял в руки поданную адъютантом икону. Государыня заняла место рядом с ним. Анатолий медленно опустился перед ними на колени и склонил голову. Он попытался слушать слова благословения, но шум гнева, не умолкавший ни на минуту с тех пор, как его комердином [\[164\]](#) были произнесены те роковые для Воронина слова, заглушал их. Разве можно быть так жестоко обманутым? Так больно преданным? И кем? Той, которой он доверял безоговорочно. Ради которой смело шагнул бы и в огонь, и в воду без особых раздумий, если бы она только попросила.

Анатолий поднял голову и посмотрел на лик иконы, который словно с укором смотрел на него. Он будто напоминал, что завещал своим детям прощать все обиды, нанесенные вольно и невольно, но Воронин не знал, сумеет ли он преодолеть это, сумеет ли понять и простить ее поступок.

«...вы знаете теперь, насколько сильно я любила князя...» — крутилось в голове Анатолия раз за разом, и ему захотелось запрокинуть голову и завывать во весь голос от боли и тоски. Но он лишь улыбнулся в ответ на довольную улыбку императрицы и прикоснулся губами к лику. Мысленно он попросил при этом прощения у Создателя за то, что в минуту, когда у него на сердце должно быть легко и отрадно, он таит в себе лишь гнев и обиду.

Наконец церемония была завершена, и присутствующие медленным степенным шагом двинулись в дворцовую церковь, Воронин же поспешил к самому выходу из нее. Он намеревался встретить свою невесту прямо у дверей. Зачем? Он и сам не мог себе ответить. Но вот так ждать ее в церкви он не хотел. Рядом с ним прохаживались некоторые гости, чтобы быть в числе первых, кто увидит нареченную. Всем было любопытно взглянуть на тот шедевр, что по слухам сотворила модистка, а невеста лишь приукрасит своей прелестью. В церкви же при подобном количестве приглашенных это удалось бы далеко не всем.

Наконец к дворцу подъехали несколько экипажей, украшенных цветами и лентами. На

этом настояла Анна Степановна, которой очень хотелось блеснуть в свете хоть и пышностью свадебного приема, то хотя бы убранством свадебного поезда да великолепием наряда и красотой невесты.

А невеста действительно была удивительно хороша. Великолепно сшитый наряд подчеркивал стройность стана (чему Воронин уделил немалое внимание), искусно уложенные волосы открывали взору хрупкость длинной шеи. Правда, она была бледна, да чересчур сильно сжимала руки, но это можно было отнести на счет волнения перед таинством.

Едва Марина вышла из кареты при помощи отца, то сразу же повернулась к нему и долго не отрывала взгляд. Анатолий тоже не мог отвести от ее глаз своего. Правда, со своего места он не мог разглядеть их выражение, но по ее позе он прекрасно понимал, насколько она напряжена. Пусть немного грешно, но он наслаждался ее волнением, ее нервозностью. О, она даже себе не представляет, как ему отрадно сейчас видеть ее страдания и сомнения!

Идти ли ей навстречу? Принять ли ее руку из ладони отца, который уже повернулся к нему и смотрел на него, явно недоумевая, чего он медлит? Анатолия на мгновение посетила мысль отказаться от всего этого. Прямо сейчас и при всех отказаться от венчания и оставить ее, эту обманщицу, тут прямо у распахнутых дверей в храм. Разве осудит его кто-нибудь, узнав причины подобного скандального отказа? Нет, ведь по всем моральным принципам он вправе это сделать. Но разве может Анатолий поступить так с ней? Разве позволит подвергнуть ее всеобщему ostracismu и порицанию?

Как тяжело сделать выбор, который неизменно разрушит одну из жизней — либо ее, либо его. Чей позор будет тяжелее? Чья боль сильнее? Ее, когда он откажется от брака, когда ей придется открыть свой грех перед всеми? Или его — признать этого бастарда, вырастить как своего ребенка, дать ему свою фамилию, свой титул? Ему, а не собственному ребенку, который со временем может появиться в их браке. Как тяжело сделать этот выбор...

Анатолий с трудом отвлекся от своих мыслей и заметил, что Марина вдруг резко выпрямилась и еще пуще побледнела, словно прочитала его мысли. Он вспомнил о ее недавней болезни и вдруг испугался за нее. Неужели ей стало дурно? Неужели обморок? А потом спустя мгновение пришло осознание того, что происходило сейчас в его голове, и он усмехнулся. Он хочет стиснуть ладонями ее длинную хрупкую шею и придушить ее, и в то же время его столь сильно волнует состояние ее здоровья, что сердце заколотилось быстрее при виде ее внезапной бледности.

Анатолий легко преодолел те несколько шагов, что разделяли их с Мариной, и принял ее руку у Ольховского.

— Нас ждут уже, — он взглянул ей прямо в глаза. В эти дивные серо-зеленые глаза, которые могут быть такими невинными, когда скрывают ложь. — Готовы ли, Марина Александровна?

Она немного смутилась (или ему это показалось?) и коротко кивнула, еле слышно прошептав:

— Разве мы вправе сейчас переменить свою судьбу?

— Действительно, — согласился Анатолий с нареченной, горько усмехаясь. — Разве мы вправе...

Марине в ночь перед венчанием тоже не спалось, как и ее нареченному, как бы она не старалась провалиться в спасительные глубины сна, где только там она забывала о тяжелой реальности.

Только в этот раз в отличие от других ночей Морфей не спешил ее принимать в свои объятия. Она ворочалась в постели, сбивая простыни в комок, но глаз сомкнуть там и не смогла. Ее тяготило происходящее, совесть не давала покоя. Где-то в середине ночи Марина, осознав, что так и не сможет заснуть, поднялась с постели и принялась молиться у образов. Она просила простить ей ее грех, ее ложь, просила принести покой ее страждущей душе. Потом она забыла о своих тревогах и невзгодах и остаток ночи посвятила зауспокойным молитвам о душе Сергея.

Наконец рассвело. Пришли девушки и принялись подготавливать Марину к венчанию, намеченному через два часа после утренней службы. Они сняли с нее ночную рубашку и помогли опуститься в принесенную ванну с горячей водой, потом принялись мыть ее тело и волосы с душистым ароматным мылом. Потом она сушилась, сидя у огня, а девушки доставали из чехла подвенечное платье, фату с венком из живых цветов (Марина тут изъявила стойкое желание иметь только живые цветы в венке) и воздушное кружевное белье, которое м-м Monique прислала в качестве подарка к предстоящему торжеству.

Пришла Агнешка и, взяв гребень, принялась расчесывать длинные волосы Марины, никому не доверив эту обязанность из горничных.

— Паспееце яшчэ, — отрезала она в ответ на робкие возражения девушек, что барышню необходимо причесать. Марина не стала вмешиваться в их разногласия. Сегодня она словно была во сне — все понимала, все слышала и видела, но происходящее ничуть не трогало ее.

Агнешка, расчесав ей подсушенные волосы, принялась заплетать их в длинную тугую косу. Затем она подняла глаза и посмотрела в него на отражение Марины.

— Вось и усе, голубка моя. Прийшоў час, — после этих слов нянечка стали аккуратно и медленно расплетать Маринину косу, тихо напевая при этом:

Затрубила трубонька
Рана на зары,
Вось паплакала Марыначка
Па русай касе.
Увечары яе касу
Дзяўчаты пляли,
Дзяўчаты пляли,
Усе бантили.

В середине куплета нянечка вдруг заплакала, не прерывая при этом своей грустной песни. Марина, видя ее слезы, катящиеся по щекам, да слыша ее заунывное пение, тоже не сдержала слез. Ей и так было не по себе в это день, а традиционное вытие в проводах под венец вконец разбередили ее душу.

— Поплачь, касатка, — прошептала ей нянечка, разделив ее волосы на прямой пробор и заплетая теперь две косы, как символ супружества Марины. — Слезы перад шлюбом [\[165\]](#)к

доброму жиццю. Вось не поплакала тогда... Бачишь, як яно вышло...

Она принялась за плетение и продолжила свою печальную песню:

Прыехала свахонька
Нелитасьциўцы [\[166\]](#),
Стала яе косыньки
Драць-парывае,
Падзялила косыньку
На два баки
И сказала косынькам:
«Стагоддзе [\[167\]](#) вам вековать,
Стагоддзе вам вековать,
У дзеўках не бываць»...

— Ой, Агнешка, прекрати свой вой! — вдруг раздался резкий голос Анны Степановны. — Будто на похороны собираемся! Развела тут плач! — она быстро подошла к Марине и, глядя на ее отражение в зеркале, произнесла. — Сегодня не тот день, чтобы плакать, Марина. Даст Бог, все обойдется, и ты более не будешь слезы ронять из-за своей судьбы. Улыбнись! Ну же! И запомни: как бы кошки не скребли на душе, ты должна улыбаться. Никто отныне не должен видеть, как тебе горестно. Таков бабий век — стисни зубы и терпи, как бы больно не было.

Анна Степановна наклонилась и нежно погладила дочь по щеке, потом выпрямилась и отрывисто произнесла уже к горничным, стоявшим чуть поодаль:

— Что стоите, как на погосте? Ну же, быстрее барышню одевать! Негоже заставлять жениха в церкви ждать. А уж тем паче императорскую чету!

Марину тотчас принялись причесывать, быстро растрепав заплетенные Агнешкой косы, крутя локоны раскаленными докрасна щипцами да закалывая их вверх. Эту прическу придумала m-m Monique, чтобы весь облик невесты был выше всех похвал. После облачили в белое подвенечное платье, облегающее стройный девичий стан так плотно, что Марина даже поначалу испугалась, что не сможет в нем дышать. Но на что не пойдешь ради красоты?

Девушки аккуратно взяли в руки небольшой венок из белых оранжерейных цветов и принялись прикалывать его к волосам Марины. Агнешка подошла и, отодвинув одну из горничных, ловко вплела в венок с одной стороны, стараясь замаскировать от постороннего глаза среди небольших соцветий веточку калины.

— Ах, дзитятка, руту-то нияк не можно [\[168\]](#), — прошептала она в ухо Марине. — А вот калину-то в самый раз... на счастье тебе...

Марина в ответ легко погладила нянечку по руку, одним простым движением стараясь показать той свою любовь и нежность к ней, вырастившей ее с пеленок и до отрочества. Агнешка смахнула слезы с глаз и махнула рукой замешкавшимся горничным:

— Пошто встали?! Вэлюм [\[169\]](#) нясите!

Девушки тотчас засуеились и принялись прикалывать к волосам невесты легкую и длинную, до самых пят, фату. Анна Степановна с гордостью расправила ее складки.

— Ни у кого еще в империи не было такой фаты! Столько блондов!

Марина еле сдержала горькую улыбку, так своей репликой мать напомнила ей их родственника через тетушку, Заболотнева. Тот сейчас бы тоже выразил бы свое восхищение, озвучив его в денежном эквиваленте.

Анна Степановна поспешила выйти из комнаты, чтобы поторопить супруга да дочерей, настоятельно попросив до этого Марину поторопиться: «*Etrez en retard, ma cherie, êtrez en retard* ^[170]». Ее дочь девушки развернули к зеркалу, чтобы та посмотрела на себя. Марина окинула свое отражение в нем одним взглядом и невольно признала, что так красиво, как нынче, она еще не выглядела никогда в своей жизни. Но разве не все невесты прекрасны?

«Нет», прозвучал у нее в голове голос Загорского. «Ты — самая прекрасная из невест во всем белом свете!» Казались ей эти слова или Сергей действительно был тут, рядом с ней? Ветерок ли это коснулся ее обнаженного плеча или рука любимого легко погладила его? Как же ей хотелось, чтобы в церкви Аничкова ее ждал не Анатолий, а он, человек, которому было отдано ее сердце!

— Вось и усе, касатка моя, — тихо произнесла Агнешка. — Вось и усе...

Марину наскоро благословили родители в гостинной иконой Божьей Матери, торопясь в церковь, откуда уже прибыл лакей с сообщением, что жених уже ждет. Девушка и опомниться не успела, как ее быстро вывели из дома и усадили в карету вместе с отцом. Маменька же предпочла ехать в другом экипаже вместе с сестрами, давая возможность отцу и дочери побыть несколько мгновений наедине. Александр Васильевич не преминул воспользоваться этим. Он занял место рядом с дочерью и взял ее за руку.

— Ты так красива нынче, доченька, — прошептал он. Глаза его блеснули от невыплаканных слез, и у Марины тотчас комок подступил к горлу, видя его волнение. — Впрочем, ты у меня всегда умница и красавица, — он помолчал немного, а затем продолжил. — Ты не держи на меня зла, *ma cherie*. Кто ж знал, что все так сложится? Прости мне мою слабость, я виноват пред тобой, я...

Марина прервала его, положив ладонь на его губы.

— Не надо, папочка, — покачала она головой. — Не казни себя. Так сложилось, *mon cher*. Такова судьба.

Александр Васильевич поцеловал ее пальцы сквозь кружево перчатки, а потом одним движением привлек к себе и крепко обнял. Они никогда не были особенно близки, но сейчас он чувствовал, что нет на свете никого ближе, чем его ребенок. Слезы потекли по его лицу и закапали на белоснежную фату дочери.

Карета остановилась, и Марина неловко отстранилась от отца, явно не желая покидать его объятие. Она быстро вытерла своей ладонью его слезы и несколько раз быстро поцеловала его в обе щеки.

— Милый мой папочка!

— Благослови тебя Бог, родненькая моя!

Они вышли из кареты и остановились, ожидая, когда к ним подойдет жених, который стоял у входа в храм и напряженно наблюдал за подъезжающими экипажами. Марина подняла на него взгляд и похолодела. Его глаза горели каким-то странным огнем, который она смогла разглядеть даже сквозь расстояние, разделявшее их.

Что я делаю, мелькнуло в ее голове, пока они смотрели друг на друга. Что я делаю? Как я могу вручить ему свою руку и стать рядом с ним под венец, чтобы навеки соединить свои судьбы? Как я могу лишиться его выбора — принять ее такую, какова она есть, падшая, с

ребенком другого во чреве или соединить свою судьбу с иной девушкой, чистой и невинной, как слеза?

Марина внезапно почувствовала панику, которая захлестнула ее с головой и забилась внутри головы одной-единственной мыслью «Прочь! Прочь! Прочь!». Она уж было хотела вырвать из руки отца свою ладонь да попросить его увезти ее отсюда, как вдруг Воронин сорвался с места и быстро подошел к ним, словно прочитав ее мысли о бегстве. Он принял с легким поклоном ее кисть в свою широкую ладонь от Александра Васильевича и повернулся к ней, заглянув ей прямо в глаза. Тот странный огонь, что она заметила издалека, вовсе не был ее догадкой. Что-то тревожило душу Анатоля, да так что его карие глаза стали черными, сравнявшись по цвету с его зрачками.

— Нас ждут уже. Готовы ли, Марина Александровна?

Марина, ошеломленная его видом, лишь смогла прошептать в ответ:

— Разве мы вправе сейчас переменить свою судьбу?

— Действительно, — согласился он, горько усмехаясь. — Разве мы вправе...

Дикий панический страх вдруг захлестнул Марину, когда она услышала, каким тоном он произнес эти слова. Что происходит? Неужели случилось что-то ужасное? Но что? Узнать об ее обмане было неоткуда — знали только маменька, нянечка и доктор. Не мог же доктор...? Нет, покачала она головой, он не мог. И если это не известие о ее тягости, тогда что?

Тем временем Анатолий ввел ее в храм, где их ждал преподобный и многочисленные гости. Марина с ужасом обнаружила, что почти весь Петербург прибыл сюда, чтобы быть свидетелями их с Ворониным венчания. Но того, кого она сама желала бы видеть в эту минуту, здесь не было. Жюли, Жюли... Каково тебе там, на водах?

Марина обвела взглядом церковь и встретила глазами с императорской четой, которая наблюдала за женихом и невестой с довольными улыбками на лице. Она замерла на мгновение. Что ей делать? Присесть ли в реверансе? Но тут священник соединил ее правую руку с ладонью Анатоля, накинул на них епитрахилью и повел их из притвора в храм.

Марину вновь вдруг захлестнула волна паники и страха, лишая разума. Она не может сделать это! Бежать! Бежать отсюда прочь, пока не поздно! Пусть ее ждет позор и бесчестье. Пусть Воронин возненавидит ее за этот поступок. Все будет лучше, чем им быть вот так, навеки соединенными под сенью ее лжи и предательства. Она не сможет смотреть на то, как Анатолий будет ласкать этого ребенка, и лгать ему снова и снова, мило улыбаясь!

Марина дернула рукой в намерении вырвать ее из-под епитрахили, но в это же мгновение Анатолий быстро, но незаметно для окружающих поймал ее ладонь под плотной тканью и сжал ее так сильно, что у Марины слезы выступили на глазах. Затем он метнул на нее взгляд, словно одними глазами приказывая остаться здесь, пройти до конца то, что уготовано им судьбой.

И она подчинилась. Приняла от священника зажженную свечу и перекрестилась, прося про себя в который раз прощения у Господа за свой грех и прося о милости к ней в этом браке, вознося свою молитву вместе со всеми собравшимися в храме.

Господи, услышь меня, Господи! Прости мне мой грех, дай мне сил стать хорошей супругой рабу твоему Анатолию и матерью его детей. Господи, дай мне сил открыться ему в тяжести моего греха перед ним, даруй милосердие рабу твоему Анатолию понять и простить его...

— ... Обручается раб Божий Анатолий рабе Божьей Марине во имя Отца, и Сына, и Святого духа...

Марининого пальца вдруг коснулся холод венчального кольца.

— ...Обручается раба Божья Марина рабу Божьему Анатолию во имя Отца, и Сына, и Святого духа...

Она вздрогнула при этих словах. Ее сердце так больно сжалось, что она невольно едва слышно всхлипнула. Хорошо, что священник громко читал молитвы, и ее полувсхлипа-полустона никто не заметил. В памяти возникло другая церковь, другое венчание, другой мужчина... За что, Господи? За что мне все это?

Анатолий еще сильнее сжал ее пальцы, и она вернулась из своих горьких мыслей обратно. Повернулась к нему и посмотрела на его профиль. Он смотрел прямо перед собой, его губы были плотно сжаты. По щекам то и дело ходили желваки. Что происходит? За что он злится на нее? За то, что она вспоминает другого? Но ведь он знал, что ее сердце не принадлежит ей, когда ввел ее сюда, в храм.

Священник вновь накинул на их руки епитрахиль и повел дальше в храм, ближе к алтарю. Марина заметила белый плат на полу и слегка помедлила, пропуская вперед Анатолия, как знак того, что отныне он господин в их единстве.

— Имеешь ли ты искреннее и непринужденное желание и твердое намерение быть женою Анатолия, которого видишь перед собою? — услышала Марина. Она с трудом разлепила пересохшие губы и ответила:

— Имею, честный отче.

— Не связана ли обещанием другому жениху? — снова спросили ее. Она мгновение помедлила, вспоминая серые глаза, светившиеся таким неподдельным счастьем. «Муж мой... жена моя...»

— Нет, не связана.

Внезапно по церкви при этих словах пронесся легкий ветерок (как выяснилось позднее, это приоткрыли двери храма, впуская прохладу и свежий воздух, так как от количества гостей да от гари церковных свечей стало душно в храме). Этот ветерок быстро пробежал мимо многочисленных собравшихся на этом венчании, легко, словно лаская, коснулся Марининых обнаженных плеч и лица, поиграл с пламенем ее свечи, взметнул фату и локоны. Потом он достиг венчальной свечи Анатолия и тут же погасил ее, оставляя после себя только легкий дымок.

Марина услышала, как вокруг зашептались окружающие и ее, словно волной, накрыло этим суеверным шепотом. Она почувствовала, как пол уходит из-под ее ног, и только сильная рука Анатолия удержала ее от падения.

— Суеверие есть грех, — укоризненно сказал священник, глядя в глаза побледневшей Марине, и дал знак Анатолию зажечь свою свечу от венчальной свечи Марины. — Верить надобно токмо в волю Господню, только в нее одну!

Всю оставшуюся церемонию Марина думала о том, что произошло. Что это было? Просто ли ветер? Или это была душа Сергея, разозлившаяся на нее за то, как быстро она пошла под венец с другим, как быстро успокоилось ее сердце после его кончины?

Нет, милый, думала она, я не забыла тебя. Ты всегда будешь в моей душе, до конца моих дней. Но ты уже на не белом свете, а я здесь. И мне нужно жить дальше. Для нашего ребенка и ради него.

Затем в уме вновь всплыли слова старой цыганки, пророчествующие Анатолию смерть. Ведь и вправду все сбылось так, как предрекала она: Марина уже пережила и смерть близкого ей человека, и предательство, которое изменило ее жизнь. Кроме этого, сегодня

она стала венчанной супругой Воронина, а значит, ей суждено отныне разделить с ним его судьбу до конца дней своих и его.

Задумавшись так глубоко, Марина, словно во сне, прикоснулась губами к иконам, которыми их благословил отче, а затем прошла рука об руку из храма в залу, где их окружили многочисленные гости с поздравлениями. Сначала согласно всем правилам их поздравили императорская чета от лица родителей жениха и родители Марины.

Император и его супруга расцеловали новобрачных в обе щеки, что очень смутило Марину, не привыкшую к подобным знакам внимания от малознакомых ей людей.

— Ну, хитер! — улыбался государь. — Вон какую *beauté* ^[171]ухватил! Счастливец! Ну, Марину ты уже получил из рук господина Ольховского, а из наших рук прими Анну.

Анатоль склонил голову в благодарственном поклоне. Подошедший к нему Шангин подал ему бархатную коробочку, в которой лежал упомянутый орден, задорно при этом подмигнув. Анна второй степени. В другое время он бы сильнее только порадовался награде. Сейчас же она была только красивым подарком в его руках, долгожданным, но не приносящим той радости, что должно испытывать человеку в сей момент. Как и Марина. Он добивался ее любыми средствами, даже лукавством (не зря же он выкупил накладную тогда), и вот он получил ее. Но что принесло ему это приобретение? Радость ли? Довольство ли?

Марине же императорская чета презентовала жемчужный набор — серьги, браслет и длинную нить с бриллиантовым фермуаром — поистине роскошный подарок.

Затем молодые по обычаю подали родителям, как родным, так и названным рюмку водки на серебряном подносе, как знак благодарности за их дары. Император выпил махом свою водку, скривился, подкрутил усы и громко проговорил, улыбаясь:

— Ох, горько мне! Горько!

За ним подхватили этот клич все приглашенные, стоявшие в зале, сопровождая его смехом и негромкими хлопками. Марина передала поднос шагнувшему к ней лакею и повернулась к Анатолю, который стоял рядом и смотрел на нее. Он даже не склонился к ней, словно не намереваясь целовать ее.

Неужели он хочет, чтобы она первая коснулась его губ своими губами? Как можно? У Марины от волнения голова пошла кругом, а окружающие ее продолжали выкрикивать «Горько», каждый раз будоража ее натянутые донельзя нервы. Она умоляюще взглянула на своего супруга, и он смиловался над ней. Протянул руку и привлек ее к себе, касаясь губами ее рта. Но это касание отнюдь не было нежным или просто вежливым, как того требовали обстоятельства. Анатолий с силой прижался губами к ее губам, вдруг больно прикусив ее нижнюю губу. Такой быстрый поцелуй, но он выразил всю ту злость, что кипела сейчас в Воронине, и Марина снова вспомнила свои недавние страхи.

За этим небольшим приемом поздравлений последовал легкий поздний завтрак в соседней зале, после которого Воронин сообщил о том, что он с супругой отбывает в свое имение в Нижегородской губернии, посему они отбыли сразу же, как покинули собрание императорская чета и их дети.

— Но как же так? — недоуменно спрашивала Марина своего супруга, когда они, попрощавшись с родными Марины и приглашенными гостями, покидали залу. — Вы ведь не намеревались уезжать из Петербурга после венчания.

— Я переменил свое мнение, имею на это полное право, — отрезал ей Воронин. — А что вас смущает? Ваши вещи и так были уложены для переезда, так какая им разница, куда направиться — в мой особняк или в Завидово?

— Но мне необходимо переменить платье, — настаивала Марина. — Не могу же я ехать в подвенечном платье?

— Почему бы и нет? Разве оно чем-то отлично от других ваших нарядов? — с издевкой спросил Анатоль, подсаживая ее в карету. Он сразу же убрал руку с ее локтя, как только она заняла место в карете, словно касание ее тела причиняло ему боль. Потом сел в карету напротив нее и легко стукнул в крышу кареты, мол, поехали.

Сначала они ехали в полной тишине, предпочитая смотреть куда угодно, только бы не встречаться глазами друг с другом. Это было еще выполнимо, пока они проезжали по столице. Но когда их карета миновала дорожный пост, и пейзаж за окном стал довольно однообразен, это стало довольно затруднительно.

— А Завидово? Какое оно? — наконец решилась задать вопрос Марина, чтобы хоть как-то за разговором скоротать это тягостное напряженным молчанием путешествие. Анатоль резко повернул к ней голову, но ничего не сказал, лишь откинулся назад и закрыл глаза, всем своим видом показывая, что не намерен поддерживать разговор. Это выглядело так грубо, что у Марины сперва даже не нашлось слов, чтобы что-нибудь сказать ему в ответ. Она немного помолчала, собираясь с мыслями, потом, не отводя взгляда от своих рук, лежащих на коленях, проговорила тихо:

— Я не понимаю вашего поведения, Анатоль Михайлович. Не могли бы вы объяснить причину его? Если я вас чем-то невольно прогневала...

Она не успела договорить. Анатоль схватил ее за руку и притянул к себе, заставив взглянуть в свои горящие гневом глаза. Он ничего не говорил, просто молчал, но от этого молчания у Марины кровь стыла в венах. Их напряженный зрительный контакт длился не менее минуты (Марине же она показалась вечностью), затем Воронин резко стукнул в стенку кареты, подавая сигнал кучеру остановить. Когда тот выполнил его приказ, Анатоль легко оттолкнул Марину обратно на ее сиденье и вышел, крикнув выездному лакею, чтобы ему подали лошадь.

Это все слышала Марина прежде, чем дверца кареты хлопнулась от сильного удара. Такого сильного, что слегка задребезжало стекло в ее окошке. Девушке стало страшно, как никогда раньше. По всему было видно, что он разозлен... нет, не просто разозлен, а в ярости. Куда он везет ее? Зачем этот спешный отъезд из столицы, подальше от ее родственников, знакомых, привычной обстановки?

Неужели он все-таки все знает? Нет, покачала она головой. Разве в этом случае Анатоль повел бы ее под венец? В тягости от другого никакой мужчина не пойдет на это... Или все же пойдет?

Не в силах долее выносить напряжение Марина расплакалась. Как же все хорошо было раньше, в Ольховке! Не вернулась бы она в столицу, ничего бы и не было: ни ее истории с Загорским, ни этого вынужденного брака с человеком, который пугал ее все больше и больше. Она вспомнила его большие руки со сбитыми костяшками пальцев на правой, а потом ей привиделся комердин Анатоля, с разбитой губой и ссадинами на щеке. Марина даже и подумать не могла, что Анатоль способен на то, чтобы избивать дворовых. Он ей всегда казался таким благородным, таким добрым и справедливым.

— Ты обещал защищать и оберегать меня, — прошептала Марина сквозь слезы, обращаясь в никуда, но к конкретному визави. — Ты поклялся, что всегда будешь рядом со мной. Но ведь теперь я одна, совсем одна... и мне страшно, Господи, как мне страшно... Почему ты оставил меня, моя любовь? Почему не забрал с собой?

После того, как Анатолий поехал верхом, видимо, он решил ускорить их темп движения, потому как карета поехала заметно быстрее, то и дело, потряхиваясь на неровностях дороги. Марина, измученная своим плачем и своими страхами да укачанная этой тряской, неожиданно для самой себя заснула, и проснулась только тогда, когда карета остановилась. Девушка отодвинула в сторону шторку, чтобы посмотреть, чем вызвана подобная задержка, и с удивлением обнаружила, что за стеклом уже довольно темно, а стоят они на широком дворе, мощенном камнем, перед двухэтажным домом с колоннами. По двору сустились люди с лампами в руках, разгружая вторую карету, видимо с поклажей Марины, а стоявший посередине двора Анатолий разговаривал с пожилым мужчиной во фраке и таких белоснежных чулках, что они прямо светились в этой темноте.

Вдруг Анатолий резко махнул рукой в сторону ее кареты, и Марина от неожиданности этого движения вздрогнула и отпрянула вглубь кареты. Какая глупость прятаться, разозлилась она на себя, он же все равно не видит ее в этой тьме. Она посмотрела вновь на своего супруга и заметила, что он закончил беседу с мужчиной, который сейчас принялся подгонять дворовых, развернулся к дому и направился прочь. Он оставит ее здесь, в карете, вдруг с ужасом поняла Марина. И даже не поможет ей сойти. словно ненужную игрушку себе привез!

Марина вмиг распахнула дверцу кареты и позвала своего супруга так сильно, как только могла, стараясь перекрыть шум во дворе:

— Анатолий Михайлович!

Воронин замер, а потом развернулся к ней и принялся смотреть на нее, словно выжидая, что она будет делать в следующий момент. Марина заметила краем глаза, как застыли дворовые, разглядывая ее во все глаза, и осознала, что она невольно привлекла к себе внимание окружающих.

Черт-черт-черт! Разозлилась она. Теперь ей не хода обратно. Либо Анатолий вернется и поможет ей, либо покажет дворне, что супруга ему не особо по сердцу, уйдя в дом и предоставив ей самой выбираться из кареты. После его сегодняшнего поведения она могла ждать от него чего угодно.

Тут пан или пропал! Марина вздернула подбородок и протянула руку в его сторону. Анатолий смотрел на нее около минуты, затем опять повернулся к дому, и сердце Марины ухнуло вниз. Перенести такое унижение! На глазах у дворни! За что?

Но тут Воронин развернулся и быстро подошел к карете, взял ее руку в свою.

— Марина Александровна, — процедил он сквозь зубы.

— Анатолий Михайлович, — она лишь выше вздернула подбородок.

Воронин потянул ее за собой и развернул лицом к дворовым.

— Ваша барыня и моя супруга ее сиятельство Воронина Марина Александровна, — сказал он громко, обращаясь ко всем присутствующим во дворе. — Представиться вы ей сможете завтра.

Произнеся это, он потащил Марину за собой в дом, потом далее, в жилую часть дома, не давая ни малейшей возможности осмотреться вокруг, узнать хотя бы немного места, в котором ей предстояло жить теперь. Наконец, проведя ее через анфиладу комнат, он оставил ее в одной из них — хорошо обставленной спальне, декорированной в розовых и кремовых тонах. И все это без лишнего слова или жеста. Даже не сказал, ждать ли ей его сегодня, ведь, как она узнала по часам, стоявшим на резной этажерке, сейчас было почти три часа пополудни.

Марина без сил опустилась на пол. Движение справа от нее сперва напугало ее до полусмерти, но приглядевшись, она увидела в углу напольное зеркало в резной раме, а в нем свое отражение: измученная бледная невеста с красными от слез глазами в белоснежном платье и фате. Марине тут же захотелось стащить с себя этот наряд, все эти кружева, растрепать локоны. Она стащила с головы маленький венок, затем принялась дергать за фату, которая ничуть не поддавалась ее усилиям, словно приросла к голове. Чьи-то руки легли на пальцы Марины, и та в который раз чуть не лишилась чувств от ужаса. Она подняла глаза и увидела в отражении Агнешку, которая незаметно для нее вошла в спальню и теперь стояла позади нее.

— Тихо, тихо, дзитятка моя, — ласково произнесла нянечка. По ее усталому лицу было видно, как тяжело той далась дорога сюда, но, тем не менее, она принялась помогать Марине освобождаться от ее облачения невесты. — Вэлюм-то не дергай так, не при чем ен тут. Яшчэ своему дзитятку передашь такое диво.

— Нет, — буркнула Марина в ответ. — Сожгу ее! Ненавижу ее! Ненавижу это наряд! Ненавижу все!

Агнешка привлекла ее к себе, и девушка схватилась за нее изо всех сил, словно утопающий за бревно. Она не плакала, только часто и прерывисто дышала, стремясь успокоить свое бешено колотящееся сердце, да привести в порядок мысли. Нянечка только гладила ее по волосам и шептала еле слышно:

— Взяла ты свой крест, тебе и несци яго. Тихо, касаточка моя, тихо. Недобра зараз слезы лить. Поздно ужо. Хутка твой муж придет. Рыхтавацця трэба [\[172\]](#).

Марина молча поднялась, и нянечка, кликнув Дуньку, что тоже пришла с ней в спальню да не решалась к барышне подходить, принялась раздевать девушку. Платье сняли и убрали в чехол, чтобы завтра поутру проверить, нет ли каких пятен, и почистить в случае чего. Фату сложили в коробку, чтобы сохранить ее на будущее. Затем с Марины сняли корсет и нижние юбки, облачили в капот.

Едва они успели разобрать прическу Марины и свободно распустить ее локоны, как двери распахнулись, и на пороге возник Анатолий в бархатном шлафроке. Белоснежная рубашка под ним была полурастегнута, и Марине бросилась в глаза обнаженная кожа, что ее смутило донельзя и заставило отвести глаза в сторону.

— Пошли прочь, — коротко и тихо сказал Анатолий Дуньке и Агнешке и, когда те по возможности быстро прошмыгнули мимо него, плотно закрыл за ними двери. Так и остался стоять спиной к Марине, прислонившись лбом к дереву.

Марина не знала, как себя вести с ним, что делать. Затянувшееся молчание действовало ей на нервы, а то, что он не поворачивается к ней лицом, а лишь стоит у двери и сжимает ладонь в кулак, что она отчетливо видела со своего места. Сжимает и разжимает, опять сжимает и разжимает...

— Прекратите, прошу вас, — резко сказала Марина, доведенная до крайности этим повторяющимся жестом, который пугал ее не менее, чем тот взгляд, которым окинул ее обернувшийся Анатолий. — Прекратите, — уже не так резко попросила она, надеясь смягчить его, снять напряжение, возникшее в комнате.

Анатолий вдруг быстро подошел к ней и схватил ее за плечи, поглаживая ее кожу сквозь тонкую ткань капота большими пальцами. Он смотрел ей в глаза так внимательно, словно намеревался что-то в них отыскать. Марина уловила слабый запах алкоголя и поняла, что пока ее переодевали, он пил. И пил, видимо, немало — внезапно он резко прижал ее к себе,

обхватив ее за талию, и сам едва удержался на ногах от этого движения.

Не в силах выносить запах алкоголя, который неожиданно вызвал у нее легкую тошноту, Марина неосознанно отвернула от него лицо. Это невинное движение разозлило его. Он схватил ее подбородок пальцами и снова развернул к себе, приподняв вверх, заставляя посмотреть в свои глаза. При этом он слишком сильно сжал ее кожу, и она не могла удержаться.

— Вы делаете мне больно! — с этими словами она ударила Анатоля по удерживающей ее лицо руке. Его зрачки расширились, заслонив почти полностью радужную оболочку глаза, и она вдруг осознала, что сделала это совсем зря. Он еще теснее прижал ее к своему крепкому телу, но теперь его рука сместилась вниз, на ее грудь. Марина застыла, но ничего не сказала, лишь опустила глаза не в силах долее смотреть ему в лицо.

— Смотри на меня, — проговорил он, но Марина лишь качнула головой. — Смотри на меня!

Он опять поднял руку и схватил ее за подбородок, заставляя поднять на него глаза.

— Смотри на меня! На меня! Лживая лицемерная тварь! Посмотри мне в глаза. Или не можешь? Или в тебе вдруг проснулась совесть?

Вот оно! Кусочек головоломки встал на свое место. Он знал. Марина не ведала, откуда Воронину стало известно, но он знал о ее положении. С ее плеч словно камень упал. Больше не надо лжи, не надо уверток. Конец... Марина не смогла сдержать нервной улыбки облегчения на своем лице, так велико было напряжение, которое держало ее в своих руках последний месяц, а уж говорить про сегодняшний день и вовсе не стоит.

Это было ее ошибкой, ибо Анатолий расценил эту улыбку насмешку над самим собой. Мгновение, и щеку Марины словно обожгло огнем. Она уставилась на него потрясенно, не в силах поверить, что он ударил ее, и этот обвиняющий взгляд привел Анатоля в неистовство. Он схватил ее за плечи, больно вцепившись пальцами в нежную кожу (капот уже слетел с ее плеч и болтался где-то в ногах), и принялся трясти ее, будто тряпичную куклу.

— Как? — цедил Анатолий сквозь зубы, сопровождая каждое слово очередным встряхиванием. — Как ты могла уступить ему? Залезть в его постель как могла? В его постель! Его! Когда? Когда?

Марина ничего не соображала от страха и от постоянной тряски. Ей казалось, что с очередным последующим встряхиванием ее голова не удержится на шее и оторвется, с такой силой он мучил ее.

— Не надо, прошу вас, не надо, — еле слышно повторяла она, вцепившись в его руки, пытаясь назад в попытке вырваться из его рук, но разве она могла остановить его?

Внезапно Анатолий прекратил ее трясти и остановился. Он смотрел в ее глаза, полные ужаса и вины, смотрел на бешено бьющуюся жилку на ее шее, и едва подавил в себе свой необузданный порыв ярости.

— Как ты могла? Я так тебе верил..., — произнес он срывающимся голосом и погладил ее щеку тыльной стороной ладони. — А ты пошла к нему в постель... к нему в постель. Когда? Когда?

Глаза Воронина прищурились, и Марина поняла, что он пытается найти ответ на свой вопрос. И он нашел его.

— Это было в Киреевке? В Киреевке?! — он снова встряхнул ее, словно его сила поможет ей быстрее собраться с мыслями и дать ответ. — До и после моего предложения? До или после? Отвечай! Ну же! До или после?

— После, — пролепетала Марина. Она застонал, словно раненый зверь, и снова ударил ее, только в этот раз не стал удерживать, отшвырнул с силой на постель. Она быстро перекатилась подальше от него и забилась в многочисленные подушки, затаившись там, словно в убежище, молча глотая слезы и наблюдая за каждым шагом своего разъяренного супруга.

Анатолий же опять застонал, запустил руку в волосы и, шатаясь, отошел к окну. Вцепился в портьеры с такой силой, что ткань натянулась донельзя, и Марине показалось, что он сейчас оторвет карниз. Она прекрасно понимала его боль, его отчаянье и попыталась объяснить ему, почему она поступила так.

— У меня не было выхода... мне очень-очень жаль, но это так. Я...

— Молчите! — глухо прошипел он от окна, по-прежнему не поворачиваясь к ней, уставившись в темноту ночи за окном. — Молчите лучше, ибо я за себя не отвечаю!

Так и они провели некоторое время — он у окна, вцепившись в портьеру, она на кровати, боясь даже звука издать из-за сомкнутых губ, чтобы не разозлить его. Потом Анатолий спросил ее:

— Почему ты не открылась тогда, у церкви? Почему не рассказала?

— А ты бы женился на мне после этого? — спросила Марина с едва различимой иронией в голосе. — Женился бы?

— Не знаю, — после минутной паузы ответил ей Воронин. — Видит Бог, я не знаю...

— Вот видишь. Я не могла рисковать, — горько проговорила Марина.

Анатолий взглянул на ее отражение в напольном зеркале, что стояло рядом с окном. Марина тоже посмотрела на мужа через него. Ее волосы растрепались, от роскошных локонов не осталось и следа. Щека покраснелась от ударов. Ее заплаканные глаза со страхом следили за каждым его движением, за выражением его лица. Она с удивлением и горечью успела заметить слезы на его лице, прежде чем он резко разбил зеркало кулаком и вышел из комнаты.

Марина же откинулась на подушки и разрыдалась, зарывшись в них лицом. Ей было дико страшно от всего, что произошло в этой комнате, и при мысли о том, что ее ждет впереди. Еще страшнее было от того, что помощи ждать было не от кого — Воронин полновластный хозяин в своем поместье. Он может избить ее смертным боем, и никто из дворовых не посмеет встать на ее защиту. Он может запереть ее здесь в четырех стенах, и ни единая душа не придет ей на помощь. Выхода нет, она сама загнала себя в эту ловушку.

— Забери меня к себе, — шептала она сквозь слезы. — Я не могу здесь без тебя... не могу...

Но лишь тишина была ей ответом на ее мольбы и слезы.

Марину рано утром разбудили причитания Агнешки и прикосновение чего-то холодного к левой щеке. Она отмахнулась от руки нянечки, но тревожный сон, которым она смогла забыться только под утро, уже ушел от нее. Марина распахнула глаза и недовольно уставилась на Агнешку.

— Зачем меня там рано разбудила? И так всю ночь бодрствовала...

Нянечка ничего не сказала в ответ на эту реплику. Она уже привыкла, что с утра Марина почти всегда не в духе, а уж тем паче после вчерашней ночи. Она вновь намочила тряпочку в ледяной воде и, хорошенько отжав, приложила ее к Марининой щеке.

— Ох, милая, ян бив тебя? Когда того..., — нянечка замялась, и Марина поспешила развеять ее сомнения. Выслушав ее, Агнешка только вздохнула.

— И что зараз?

— Ой, не знаю, Гнеша, не знаю. Как Господь приведет...

Резкий отрывистый стук, и двери распахнулись, пропуская внутрь спальни Воронина. Агнешка тут же подскочила с постели и по кивку барина бочком вышла из комнаты, затворив за собой двери.

Некоторое время супруги смотрели друг на друга, внимательно разглядывая каждую деталь во внешности. Воронин был одет в мундир и уже подпоясан, что несказанно удивило Марину, ведь она знала, что тот находится в недельном отпуске. Неужели его вызвали во дворец? Но когда? Ведь они прибыли только вчера.

Анатоль прошелся из угла в угол, не проронив ни слова. У разбитого напольного зеркала (пока Марина спала, осколки уже убрали, оставив только раму) он задержался, потом медленно переступил к окну и снова устремил свой взгляд в никуда за стекло. Марина тоже молчала — она никак не могла прочитать по непроницаемому выражению лица супруга, с чем он пожаловал в ее комнату.

— Я уезжаю, как видите, — глухо проговорил Анатоль от окна, не поворачиваясь к ней лицом. — Нет, не в Петербург пока, а в свой охотничий домик в верстах семи отсюда. Но пусть дворня думает иначе, не хочу, чтобы ходили толки у вас за спиной. Уже оттуда я вернусь в столицу. Вы же останетесь здесь.

Он помолчал немного. Молчала и Марина. Да и что она могла сказать ему сейчас? Только вновь попытаться объяснить, что то, что случилось, произошло совсем не так, как он предполагает, что она была обманута.

— Прошу вас, Анатоль Михайлович, выслушайте меня, — взмолилась она в его спину, но он прервал ее.

— Нет! Я не хочу ничего слушать! Никаких объяснений. Не сейчас. Быть может, *avec le temps*. *Qui sait?* [\[173\]](#) — Воронин пожал плечами, словно не зная, что ответить ей на этот вопрос. Потом он повернулся к ней, и Марина поразилась, как холодны его глаза, словно сама душа его заледенела, когда он узнал о ее обмане. — *Bien sûr* [\[174\]](#), вы вольны делать тут, в имении, что пожелаете. Даже переменить обстановку во всех комнатах или затеять новую постройку. Вы теперь тут хозяйка, *à vous de jouer* [\[175\]](#).

— А вы? Надолго ли вы будете в отъезде? — решилась спросить Марина, кусая губы. Он грустно усмехнулся и ответил:

— Разве вам до этого есть дело? Вы ведь получили то, что хотели, *n'est-ce pas?* [\[176\]](#)

Слова, полностью правдивые, так больно хлестнули Марину, что у той невольно слезы выступили на глазах. Она отвела взгляд, не смея более смотреть ему в глаза. Анатолий понял, что разговор их окончен, склонил голову в прощальном поклоне со словами «Adieu!» ^[177] и направился к выходу, где его и нагнали тихие, едва слышные слова:

— Pardonnez-moi! Je regrette... ^[178]

Анатолий задержался в дверях на мгновение, а потом также тихо произнес в ответ:

— Dieu pardonne, je ne peux pas... ^[179], — и вышел вон из спальни.

Спустя некоторое время Марина услышала, как от дома отъехала карета и поняла, что он действительно оставил ее. Да и на что она могла рассчитывать после всего, что случилось? Единственное оправдание, которое она привести, чтобы облегчить свою участь — факт, что она тоже была обманута, он даже не захотел выслушать. «Быть может, avec le temps. Qui sait?», вспомнила Марина его слова и поморщилась, пытаясь сдержать слезы, навернувшиеся на глаза. Она уже устала от постоянного плача, к тому же он не приносил никакого облегчения, только мигрень вызывал.

Марина позвонила и приказала быстро вошедшей Дуняше (видать, под дверью как всегда стояла — была за ней такая склонность) заварить ей ромашкового чая с мятой и мелиссой. После него, как Марина уже знала по своему опыту, она проспит довольно долгое время и встанет с постели не такой разбитой, какой она чувствовала себя сейчас. А обо всем она подумает на свежую голову после сна. Сейчас все равно ничего путного в голову не придет.

Сама того не желая, Марина проспала целые сутки, что вызвало шутливые перешептывания дворовых, мол, каков их барин, до сих пор с постели барыня подняться не может. Марина же этого не знала и, когда она встретилась со своими уже нынешними слугами в большой гостиной, расценила их ухмылки и перешептывания на тот счет, что ее оставили одну так быстро после брачной ночи. Уязвленная до глубины души, она вдруг принялась вести себя с ними резко, почти грубо, вызывая недоуменные взгляды Агнешки и Дуни, не узнававших свою милую и добрую барышню в этой заносчивой барыне, что сейчас стояла в центре гостиной.

— Что же ты робишь, дзитятко? — пеняла ей потом Агнешка, едва они остались наедине в спальне. — Хиба ж можно так? Ты павинна отрымаць ^[180] их довер, а не страх и ненависць. А то нибы ^[181] барыня наша там была, не ты зусим ^[182].

Марина вдруг осознала, что ее нянечка права — она вела себя, словно Анна Степановна с домашними, а ей вовсе не хотелось быть такой, как ее мать. Поэтому она попросила позвать к себе дворецкого и ключницу, ведь они были на самом верху иерархии домашних слуг в поместье, первые после барина.

— Я прошу у вас прощения за мою резкость тогда, в гостиной, — мягко начала она, сильно удивив тех столь разительной переменой своего поведения. А когда Марина объяснила ее своим расстройством от отъезда Анатолия (ничуть при этом не лукавя — она действительно была огорчена), то и вовсе почти завоевала их сердца — ведь они знали своего барина с малолетства и любили его всем сердцем. Заручившись поддержкой этих двух людей, Марина могла более не опасаться за свое положение в доме и принялась постепенно вникать в домовый распорядок, а также в ведение хозяйства в имении.

Сам усадебный комплекс был довольно большой, как она обнаружила позднее: сам дом, два флигеля (гостевой и для домовых слуг), конюшня с каретным сараем, амбар, три

ледника, скотный и птичий дворы, большая псарня да небольшая церквушка, стоявшая чуть поодаль от основных построек, ближе к селу.

Дом был выстроен в духе Ринальди ^[183], по словам дворецкого Игната, в конце 70-х годов прошлого века на месте старого деревянного. Само расположение усадьбы очень понравилось Марине: на холме, с которого легко обзревались окрестности — село Завидово, речка у подножия холма, широкая полоса леса за ней, обширные поля за селом. Немного вдалеке от дома была построена летняя терраса, на которой семейство раньше пило чай летними теплыми вечерами. До нее надо было всего лишь пройти около трех десятков шагов по мощенной крупным камнем дорожке в парке, огибающем усадьбу с правой и задней сторон чуть ли не до ворот церкви.

Сам парк и небольшой сад позади дома выглядел немного запущенным. Как объяснил Марине позднее управляющий — отставной майор Щавелев, садовника постоянного в имении не было с тех пор, как после смерти отца графа уехал на родину предыдущий, англичанин. Дворовые же садовому делу обучены были постольку поскольку.

— Надо ведь нового найти, — заметила Марина, окидывая взглядом кустарники, которые явно требовали стрижки. Да и пруд в глубине парка за домом совсем покрылся тиной.

— Надобно-с, — подтвердил ей управляющий. — Только вот где же его найдешь? Барин-то бывает здесь нечасто. Вопросы в основном сурьезные обсуждаем, все по хозяйству в целом да по остальным имениям. А до парка здешнего как-то не доходили-с.

Значит, ее первым делом, как хозяйки Завидова, будет поиск хорошего садовника, решила Марина. Ей стало не по себе, когда она увидела, в какое запустение пришли все задумки английского садовника. Как было бы тут красиво, если бы парк и сад привели в порядок, обновили беседки и клумбы, побелили бы статуи!

Марина впервые была ответственна за такое большое хозяйство — как она успела убедиться в первые два дня в Завидово, имение было довольно крупным по размерам (около 550 душ мужского пола и 20 тысяч десятин, из них две трети были под лесом) и полностью обеспечивало собственные нужды, а также нужды столичного хозяйства. При этом оставались излишки, что шли на продажу. Кроме того, в имении были расположены водяная мельница, полотняная фабрика да небольшое лесопильное хозяйство, приносящие Воронину дополнительный доход.

Марине сначала казалось, что ей вовсе не справиться с управлением столь громадным владением, но спустя некоторое время она даже втянулась в каждодневную рутину сельской жизни. Ее день начинался рано утром, около семи (в столице ранее полудня она вставала редко, только к службе), спустя час после того, как просыпались дворовые и комнатные слуги.

Через полтора часа, приведя себя в порядок, Марина принимала у себя Игната, который докладывал ей о текущих делах и о запланированных на день. Именно в это время принимались все решения по ведению дел в усадьбе, а также по начавшимся заготовкам запасов на зиму — подошла самая пора. Ей было интересно самой бывать в кухне да в масловарне и сыроварне и наблюдать, как спорые девки под пристальным контролем кухарки, полной смешливой Варвары режут, варят, парят, коптят, маринуют. Пикули, маринованные грибки, наливки, консервы из рыбы и раков, варенье, сливочные сыры, солили ветчину, коптили мясо и птицу, чинили колбасы — чего только не готовили.

Иногда Марина отзывала в сторону кухарку и предлагала ей новую рецептуру, которую

та не сразу принимала, несмело отказываясь, настаивая на своем опыте. О, Марина просто обожала эти шуточные баталии с Варварой! Ведь именно в них рождались новые, подчас лучшие вкусы.

Затем, убедившись, что в кухне и копильнях все идет как следует, Марина уходила в барские комнаты. Там, сидя за «бобиком» [\[184\]](#), она вышивала, либо читала, благо, как она обнаружила, библиотека в Завидово была богатая. Затем она обедала и шла на прогулку по парку или спускалась к реке, что всегда вызывало беспокойство Агнешки.

— Якой склон там крутой! Яшчэ упадешь, дзятятка мая.

— Гнеша, я же с лакеем иду. Если что, он подсобит.

Но старая нянька все равно качала головой и ворчала, что мол, ей дурная голова все покою не дает.

Во время вечернего чаепития у Марины снова был доклад Игната о проделанной за день работе. Так как делать в наступившую дождливую пору стало особенно нечего, со временем этот доклад стал продолжительным, более подробным и обстоятельным. Они обсуждали прошлые дела по хозяйству, советовались о настоящем, планировали будущее. Кроме того, он сообщал ей разные сельские новости, которые ему рассказывали проходящие по тем или иным делам на хозяйский двор крестьяне.

Затем Марина ужинала, после снова немного читала или занималась рукоделием около часа, пока не становилось совсем темно за окном. Тогда приходила Дунька и провожала Марину в ее комнаты готовиться ко сну, где после вечерних молитв она и ложилась на ночной отдых.

Вот тогда-то ее и настигало то щемящее чувство утраты, которое за дневными хлопотами отступало в сторону. Теперь же, когда ничто более не занимало Марину, оно накатывало огромной волной и полностью накрывало ее. Здесь, в деревне, оставшись наедине с самой собой, она как никогда чувствовала, что осталась совсем одна, без Сергея. В ее душе словно образовалась дыра, которую ничто не могло заполнить, как ей казалось, и на что бы она не отвлекалась днем, ночью тоска и боль принимали ее в свои объятия. Ей как никогда не хватало рядом родственной души, кого-то близкого. Временами она жалела о том, что Жюли находится так далеко от нее, и она, поймав себя на этом, корила себя за самолюбие.

К душевной боли еще примешивалось и чувство вины перед Анатолем за то, как она поступила с ним. Она не винила того за то, что он бросил ее здесь одну. Это только помогло ей понять, насколько глубоко он вошел в ее жизнь. Ведь спустя некоторое время Марина заскучала по нему — в столице он навещал ее почти каждый Божий день, будучи женихом, и она привыкла к его постоянному присутствию в своей жизни.

Спустя неделю после приезда Марины в Завидово, слух о появлении в имении новоявленной графини Ворониной посетил даже самые дальние уголки губернии, и в Завидово потянулись любопытные. В числе первых посетителей Марины были предводитель дворянского собрания местного уезда господин Спицын, отставной полковник, вместе со своим семейством: женой и тремя дочерьми, которые уже подходили по возрасту к самой поре. Они же были ее соседями по восточной границе имения. Затем ее навестили представители губернского дворянского общества и ближайшие соседи — милая пожилая супружеская пара, старшие дети которых уже покинули родное гнездо. Только их младшая дочь Дарья, хотя и подошла к возрасту «кандидатки» (ей было уже двадцать четыре года от роду), по-прежнему жила со стариками, отказав нескольким сватающимся к ней губернским

кавалерам.

— Словно того единственного ждет, — тихо сказала Марине мать Дарьи, склоняясь поближе к уху. — Да только кого ждать-то здесь в тутошней глухомани?

Дарья сначала довольно холодно и отчужденно отнеслась к Марине, в отличие от своих родителей, что сразу же расположились к новой соседке.

— Приезжайте к нам почаще, милочка, — прощаясь, требовала Авдотья Михайловна. — Негоже вам тут одной сидеть, куковать. А я вам буду Дарьюшку присылать с визитами, все не так скушно будет обеим туточки этой порой унылой. В деревне-то благоденствие только летом. А в остальное время тут не особливо.

Дарья (или Долли, как на столичный манер стала называть ее Марина с ее согласия на то) действительно стала навещать в Завидово регулярно. Марина так и не разобралась, что более привлекало ее в имении — ее скромная особа или огромная библиотека, ведь к чтению Долли была большая охотница.

— Когда барин дома бывал, барышня часто здесь появлялась с маменькой или братьями, — рассказывала Марине ее Дуняша, верный источник достоверных сведений и слухов о ком-либо, будь то благородный человек или кто-то из двора. — Книжки часто брала отсюда. Ох, барыня, видать непросто так сюда шастала-то — барин приглянулся, как Бог свят. Потому-то видать и в девках до сих пор, и в гостях у нас сидела бирюк бирюком.

— Ах, Дунька, следи же за языком, — корила ее Марина, но к Долли решила приглядеться повнимательнее и скоро заметила, как краснеют щеки той, когда Марина упоминает в своих речах супруга. Ах, как жестока подчас бывает судьба! Ну чем эта скромная домашняя девушка не пришлась по душе Воронину? Была бы она ему самой лучшей супругой, что только судьба может предложить. А вон оно как вышло...

То ли на почве общего интереса к книгам, то ли от того, что выбирать Марине не пришлось в этой сельской глуши, но девушки довольно скоро сошлись и стали близко общаться. Они вместе прогуливались по парку, строя планы по его обновлению, занимались рукоделием или читали в частые визиты Долли. Та приезжала в Завидово почти каждый день, пока сентябрьские дожди еще позволяли наносить частые визиты. Но после того, как дороги развезло от непогоды, Долли стала появляться реже, и Марина сразу же почувствовала, как она одинока в этом огромном поместье вдали от Петербурга.

Отвлечшись на это неожиданно возникшее приятельство, Марина немного забылась, боль потери притупилась. Совесть же ни на минуту не оставляла ее в покое. Тем более, что ходячее свидетельство более счастливой судьбы Анатоля, избери она сама другой путь, все время был у нее перед глазами в лице Долли, такой чистой душой, такой невинной. Стремясь хоть немного снять с себя тяжелый груз мук совести и хоть как-то скрасить свое одиночество, Марина стала чаще, чем раньше, появляться в усадебной церкви. Она так долго стояла перед иконами после службы, что отец Иоанн сам подошел к ней с вопросом, что мучает барыню.

— Не таи в себе свои муки. Вижу, что мучает тебя вина. Да толки ходят, что нет лада в браке твоём. Расскажи, что мучает тебя. Глядишь, решим твою проблему.

— Толки? Кто посмел? — возмутилась Марина, и священник положил руку на ее ладонь, призывая замолчать.

— Не повышай голоса в храме Божьем, негоже это. А толки ходят потому, как люди видят, что барин наш, даруй Господь ему здравия, уехал после Преображения и не воротался более. А пишет токмо к Игнату да Щавелеву Василию Терентьевичу, а супруге своей ни

словечка не присылал. Тем паче и она к нему не пишет, — пенял ее по-доброму отец Иоанн. — И даже о тягости своей не написала. А ведь домовые уже заметили, барыня, утренние недомогания твои. А письма к барину и не было. Разве ж это дело?

— Виновата я перед ним. Велики мои грехи, отче, — Марина потупила голову не в силах смотреть в глаза священнику. — Давно я, отче, душу свою не открывала никому, даже на исповеди перед таинством венчания многое умолчала.

Марина взглянула вверх на купольную роспись храма и внезапно почувствовала, как слезы покатались по щекам, как на душе легче становится. словно все эти дни она ждала именно этой беседы и именно этого человека, чтобы поведать ему то, что творится в ее мечущейся душе, снять с себя груз грехов.

— Прими мою исповедь, отче, — прошептала она, и отец Иоанн кивнул ей ободряюще.

И Марина рассказала тому все: от самого начала, с первого письма к ней Загорского — ее первого греха лжи перед родителями. Правда, она до полусмерти боялась, что отец Иоанн сурово осудит ее за ее падение, за ее обман, за все ее грехи. Но тот, выслушав ее исповедь, лишь сказал:

— Нет более тяжелой кары, чем муки совести за совершенное, и, если искренна ты, барыня, в своем стремлении исправить свои ошибки, то прими спокойствие в свою душу, ибо Бог видит твоё раскаяние. Что касается твоего горя, то вот мой тебе совет — отпусти ты его. Чем дольше ты будешь плакать по покойному, тем дольше будешь терзаться, да тем меньше будет покоя его душе. Поминай его в молитвах своих, и того достаточно будет. Прими мир в свою израненную душу. Теперь же основная твоя задача — стать примерной супругой своему мужу да наплодить ему деток.

— Но как получить мне прощение супруга, ведь мы столь далеки друг от друга? — спросила Марина.

— Смири грех гордыни и направь ему свои мольбы о прощении, ведь до сих пор ты так и не сделала этого. Прося прощения у Господа, ты совсем забыла о том, перед кем виновата в первую очередь. К нему и обратись теперь за прощением. «Да прилепится жена к мужу...», вот и ты отринь остальное да взор свой к супругу обрати.

Прав, прав отец Иоанн, несмотря на свои годы (по виду ему не было и сорока лет от роду), так думала Марина весь остаток дня. Вон и мать уже некоторое письмо пишет, что негоже ей гордыню свою показывать, а надобно к мужу ехать в Петербург, в ноги ему упасть, умолить о прощении. Мол, совсем забудет в противном случае свою супругу Анатолий. Но пришла осенняя распутица, куда при ней ехать-то? И Марина отложила свой отъезд за Покров, когда придут легкие морозы, и дороги станут получше. Но уж Покров миновал, а она так и не собралась...

Когда Игнат пришел как обычно к вечернему чаю и сообщил, что надобно выделить деньги на небольшие подношения нескольким дворовым ко дню именин, как заведено было издавна у Ворониных, она так глубоко задумалась над своим положением, что не сразу вникла в его просьбу.

— А что за день завтра? — спросила она, давая свое согласие на это.

— Так, барыня, завтра ж Сергей Радонежский, — ответил дворецкий и с удивлением заметил, как побледнела барыня и быстро махнула рукой, отпуская его.

Она расценила разговор с отцом Иоанном накануне дня именин своего любимого, как знак свыше, что время пришло отпустить душу Сергея, не терзать ее и свою собственную. Весь последующий день Марина провела в молитвах и говении. Она поминала своего

любимого, как ей и говорил отец Иоанн, но так усердно нынче, так запальчиво, чтобы потом отпустить его, не вспоминать его более ночами, не возвращаться в прошлое, не погружаться более в сладкие ее сердцу воспоминания. Она просила Господа упокоить Сергея, простить многие грехи его.

— Смилуйся над ним, Господи, прости ему грехи его, как я простила ему все прегрешения его передо мной, — шептала она перед образами до самого рассвета.

После Марина поднялась с колен и прошла в свой кабинет к бюро, в одном из ящичков которого она хранила дорогие ее сердцу вещицы. Здесь была и пачка писем от Сергея, перевязанная тонкой атласной лентой, и засушенные цветы чубушника, что он прислал ей тогда, в Петербурге, были несколько его зарисовок с Кавказа. Одну из них она особенно любила: на фоне гор Сергей нарисовал самого себя, стоящим, широко раздвинув ноги и заложив руки за спину. Ветер развеивал его волосы и расстегнутый мундир.

Марина провела пальцами по нарисованному лицу Сергея, легко касаясь бумаги. Но она не чувствовала ее, под ее рукой ей мнилась теплая кожа, слегка колючая на подбородке от однодневной щетины. Как она любила касаться его, словно заранее знала, что век их любви недолог, что Сергей будет рядом лишь несколько дней! А он в ответ на ее ласку, поворачивал голову и нежно касался губами ее пальцев...

Марина смахнула с глаз набежавшие слезы. Потом аккуратно свернула листок с зарисовкой, сложила в большую шкатулку, что принесла с собой в кабинет, к остальным реликвиям своей любви и быстро повернула ключ в замке. Когда проснется дом, она вызовет к себе Агнешку и велит той спрятать эту шкатулку куда-нибудь в такое укромное место, чтобы Марина сама не нашла бы ее вовек. А няньку свою заставит дать клятву, что ни при каких обстоятельствах, как бы ни уговаривала Марина ее вернуть ей шкатулку, не поддавалась на уговоры. Не стоит Марине возвращаться опять в воспоминания, ведь в прошлое возврата не бывает. Потом, спустя годы Агнешка вернет ей эту шкатулку, и Марина спрячет ее уже в своей спальне, чтобы по истечении совершеннолетия своего дитя открыть ему историю своей любви, плодом которой он или она является. А может, и не откроется вовсе, Бог покажет...

В последний раз Марина провела пальцами по дереву шкатулки, словно прощаясь с ней и ее содержимым.

— Прости меня, — прошептали ее губы. — Мне нужно жить дальше...

На следующее утро в разговоре с Игнатом Марина вскользь, как бы мимоходом упомянула:

— А что, барин часто пишет к тебе?

Игнат смутился, отвел взгляд и тихо сказал:

— Да раз в полмесяца весточку получаю. Вы уж простите, барыня, но барин меня о вашем здравии спрашивал. Вот я и написал ему, что у вас это... болезни утренние...

— И верно, Игнат Федосьич, сделал, — улыбнулась Марина. — А пойдешь почту отдавать, так ко мне зайди — письмо барину заberi.

Вспыхнувшие ярким светом радости глаза старика стали подтверждением для Марины правильности ее поступка. Она сразу же, не раздумывая долго, присела за бюро и принялась за послание к супругу. Что ей написать? Какие слова способны смягчить его сердце и заставить его принять объяснения ее обмана? Марина долго сидела перед чистым листком бумаги, но так и не смогла придумать, что ей написать. Когда время подходило уже к завтраку, Марина просто принялась писать обо всем, что происходило в усадьбе во время

отсутствия Анатоля в Завидово. Написала о знакомствах с соседями и остальными губернскими дворянами, спрашивала его совета, принимать ли ей приглашения на балы и рауты, что последуют после Филиппова поста. Написала она и своим приятельстве с молодой соседкой, между строк при этом так и не смогла скрыть, как ее тяготит ее одиночество здесь.

Потом быстро запечатала облаткой конверт и положила его на бюро. После также быстро вышла из комнаты, борясь с желанием забрать письмо с собой и порвать на мелкие кусочки. И чтобы не поддаться ему, Марина и вовсе оделась и ушла гулять в парк, несмотря на ворчание Агнешки, мол, сыро нынче, можно ноги замочить да лихорадку подхватить. Когда она вернулась с прогулки к обеду, письма на бюро уже не было — Игнат забрал письмо и передал его для отправки в столицу.

Ответ пришел спустя две недели, когда Марина уже немного пала духом и начинала сожалеть о том, что писала к супругу. Вдруг он не так понял ее? Вдруг все-таки надо было набраться храбрости да написать то, что у нее на душе? Вдруг он не ответит ей, убив столь хрупкий росток надежды на возможность мира и покоя в их недолгом браке?

Когда Игнат внес на подносе ей письма, его лицо сияло словно самовар, начищенный к чаю, и Марина тотчас поняла, что ее надежды оправдались — Анатоль ответил ей. Она еле сдержала себя, чтобы не схватить этот конверт, не порвать его и достать письмо, смогла все же обуздать свое любопытство, которому все же дала волю после ухода дворецкого.

Анатоль писал ей по-французски, чересчур степенно и вежливо для письма молодожена, но Марина была рада и этому ответу. Он принял ее правила и ни словом, ни намеком не коснулся темы, по-прежнему обжигающе больной для них обоих, а писал о том, что происходит в свете и при дворе. Что государь перенес свою поездку на Кавказ на следующий год, что в свет вернулась мадам Пушкина после последней «*maladie temporelle*» [\[185\]](#), что господин Дантес сделал предложение сестре мадам Пушкиной, и это нынче самая обсуждаемая новость во всех гостиных Петербурга. Он писал ей о поместье, давая небольшие советы по тем вопросам, что она задала в своем письме. Указывал, что в отношении приглашений она вольна поступать, как вздумается, но, тем не менее, «*retenez bien, que vous étiez mariée*» [\[186\]](#).

Недлинное, всего один лист, вежливое письмо, но оно вселило в Марину такую надежду на благополучное завершение их разлуки, такую радость, что она закружилась по комнате не в силах сдержать свои эмоции. При этом она едва не сбила с ног Агнешку, заходившую в спальню.

— Ох, ты Езус Христус! — проговорила нянечка, переводя дыхание после мимолетного испуга. — Ты пошто в пляс-то пустилась? Зусим запомятовала, что в тягости? Убиться желаешь?

Марина остановилась перед зеркалом и, повернувшись к нему боком, посмотрела на свое отражение. Она и вправду иногда забывала, что в тягости, настолько мал у нее был живот для женщины в положении. Почти половина срока прошла, а она выглядит так, словно и не дитя ждет, а просто плотно поела недавно. Первое время она даже сомневалась, что Агнешка ничего не напутала, и доктор не ошибся. Разве может такое быть, что живот совсем не растет с месяцами? Но потом Марина стала потихоньку округляться и успокоилась. Да и нянечка ее радовалась — мол, маленький живот нам только на руку в ее-то положении теперешнем. Никто не усомнится, что дитя в браке зачато было.

Марина положила ладони на маленькую округлость живота. Ей непривычно было

ощущать, что внутри у нее есть что-то, и это что-то — маленький человечек. Ее разум отказывался в это поверить. Ведь как может этот человечек поместиться там, в ее животе?

Агнешка подняла голову от платья, что в том момент прибирала, и заметила, как замерла Марина на месте, и краска сошла с ее щек.

— Что? Что? — бросилась к ней нянечка тут же, обнимая ее за тонкий стан. — Дурно? Что, касатка моя?

Марина перевела на Агнешку свой взор, и столько потрясения и страха было в ее глазах, что у нянечки замерло сердце. Неужто, что с дитем? Ох ты, Господи, такого ее касатке и вовсе не пережить нынче!

— Ах, Гнеша, там внутри у меня что-то... что-то... как бабочки крыльями помахали, — прошептала она няньке.

— Тьфу ты! Напалохала мяне да палусмерци! [\[187\]](#) — в сердцах выругалась Агнешка. Потом покрепче прижала к себе Марину. — Ах, касатка моя, дык то ж дзидятко твое варушыцца [\[188\]](#), показывая, что туточки ен. Пора пришла... Ох, ведаць полсрока сапраўды отходзила ужо. В сакавіке [\[189\]](#) и примем яго на свет Божий. Пасаг пора ему падрыхтоўваць [\[190\]](#). Деуки даўн вона шепчутся, что ты тяжелая, потому и не здивятся особливо.

За этими приятными хлопотами по подготовке приданого для еще не рожденного ребенка и прошел октябрь, а за ним и ноябрь. Марина и Анатолий так и продолжали свою супружескую переписку, но ни в одном письме не касались темы, ставшей для них обоих запретной — Мариной беременности. Они писали друг другу обо всем — прочитанных книгах, о местных хлопотах, о слухах, ходящих в свете, но самое главное, что они хотели бы обсудить, так и осталось при них, сокрытым в глубине их душ.

Наступил Рождественский пост. Жизнь в усадьбе замерла, словно предвкушая приближающийся Сочельник. Настало время думать о рождественских подарках, ведь их было надо подготовить загодя. Как-то в один из морозных декабрьских дней к Марине приехали Авдотья Михайловна с Долли и предложили той поехать вместе в Нижний Новгород за покупками.

— Ну, что вам тут сидеть в имении? — уговаривала Марину пожилая женщина. — Вы так редко выезжаете, что давеча у нас интересовались, правда ли это, что вы совсем нелюдимы, оттого что дурны собой. Jugez de ma surprise [\[191\]](#). А все отчего? Оттого что не выезжаете никуда! Тягость — это вовсе не болезнь, моя дорогая!

И Марина приняла их приглашение. Кроме того, она вспомнила, что в Новгороде у Анатолия проживают две престарелые тетки по отцу и решила навестить их, передать им гостинцев из имения. Было решено двинуться в путь в более удобном зимнем транспорте Ворониных, так как карету Авдотьи Михайловны еще не поставили на полозья. Подготовили возок [\[192\]](#) к поездке, подогрели в дорогу кирпичи да почистили шкуру, которой укрыли ноги барыни. Снарядили погребец — вдруг барыни проголодаются в дороге?

В городе Марина недолго ходила по торговым лавкам вместе с Авдотьей Михайловной и ее дочерью — в последнее время она быстро уставала, хотя по-прежнему ее положение не особо тяготило ее. Агнешка говорила, что на ее сроке многие начинают ходить с трудом, нося на себе тяжесть дитя. Живот же Марины все еще был мал и посему не доставлял той особых хлопот.

Марина рассталась со своими партнершами по путешествию на Семинарской площади, условившись встретиться с ними через несколько часов, и направилась к тетушкам Анатолия,

девицам Гоголевым, что жили в зимние месяцы в городе. Ей пришлось пройти совсем недалеко, на Варварскую улицу. Там и стоял небольшой двухэтажный дом с палисадником, который был передан Ворониным в дар своим тетушкам несколько лет назад. Марина понимала, насколько благороден был его поступок, ведь этот каменный дом, ненужный более его владельцу, постоянно проживающему в Петербурге, мог быть продан за хорошую цену или сдан в аренду, принося, таким образом, ежегодно неплохую плату. Тем не менее, Анатолий предпочел подарить его своим теткам по отцу, чтобы им было где проводить осенние и зимние месяцы, столь нелюбимые помещиками.

Марину приняли с распростертыми объятиями обе старушки. Они казались такими крошечными по сравнению с гостьей (а в Марине-то и было чуть более четырех вершков росту ^[193]), такими забавными в своих огромных для их маленьких головок чепцах, напоминая той всем своим видом грибы. Они усадили Марину пить чай да принялись расспрашивать про их племянника, про венчание (для их возраста было довольно затруднительно прибыть на торжество), про императорскую чету и их детей, про столицу.

Потом, приглядевшись к гостье повнимательнее, старушки разглядели небольшую округлость Маринино живота и тут же принялись ахать в умилении, что скоро род Ворониных продолжится.

— Ах, я ведь точно знала, что скоро у нас в семье появится младенец, — воскликнула та, что постарше, которая носила с собой лорнет на костяной ручке и внимательно рассматривала в него все, что попадало в круг ее зрения. — Давеча мне снилось, что нам с рынка принесли большого такого осетра. Вот к чему сей сон-то был!

— Дорогая, как это прекрасно, — в то же время тараторила другая старушка с мопсом на коленях. — Это будет непременно мальчик. Непременно мальчик!

Все чаепитие прошло под постоянное щебетание двух ни на минуту не умолкающих тетушек. Марина даже посочувствовала их компаньонке, немолодой обедневшей дворянке, во время их разговора тихо сидевшей за столом. Как же можно так долго выдерживать постоянную болтовню старушек! Тем не менее, прощаясь, Марина чуть ли не расплакалась, когда они принялись ее сердечно обнимать да целовать в прихожей, со слезами на глазах и дрожащими от волнения руками.

— Ты заезжай к нам, милочка, — говорила одна, направляя в ее сторону лорнет. Другая отпустила с рук мопса и расцеловала вслед за сестрой Марину в обе щеки.

— Спасибо за гостинцы, дорогая. Очень приятно.

— Я напишу к вам, — пообещала Марина уже почти за порогом, оглядываясь на добросердечных сестер, явно скучающим по родственному общению. — Всенепременно напишу.

После столь общительного приема, где Марина успела наслушаться разговоров чуть ли не на месяц вперед, она была не настроена на беседу во время обратного пути в Завидово. Поэтому едва обменявшись парой фраз, с Авдотьей Михайловной и Долли, севших в возок на площади, где и было условлено, она прикрыла глаза и погрузилась в легкую дрему, предоставив матери и дочери и далее общаться лишь друг с другом. Правда, при приближении к имению ей все же пришлось вступить в их беседу — Авдотья Михайловна, заметив, что Марина открыла глаза, обратилась к ней с вопросом:

— Получили ли вы, Марина Александровна, приглашение на губернский бал по случаю Рождества, что состоится вскоре?

Марина призналась, что получила, и тут же прибавила, что не решила, следует ли ей

посетить его в виду ее положения.

— Вам? — вдруг переспросила Долли. — Вам одной? А что, Анатолий Михайлович не приедет на Рождество?

В ее голосе Марине вдруг послышалась какая-то усмешка, словно до девушки дошли слухи об их размолвке с Анатоном. Она мгновенно отреагировала так, как не ожидала от самой себя.

— Почему же? — холодно ответила она. — Разумеется, приедет. Говоря, «мне» я подразумевала, конечно же, нас обоих с супругом. Это первое наше совместное Рождество, посему я не уверена, что мы предпочтем выходить куда-либо, а проведем эти праздники только вдвоем, как и подобает супругам. Ведь отпуск моего мужа так короток, а я еще нескоро смогу присоединиться к нему в столице.

— А когда Анатолий Михайлович намеревается прибыть? — наклонилась к ней Авдотья Михайловна. — Мой супруг хотел бы обсудить с ним весьма важный вопрос о Демьянином луге. Сами понимаете, такой вопрос не стоит обсуждать на бумаге, а ваш управляющий — весьма *peu conciliant personnage* [194]. Хотелось бы обсудить все *personnellement* [195], сами понимаете.

— О, я думаю, уже совсем скоро, — слетело с языка Марины прежде, чем она успела подумать. — Ведь через неделю Сочельник.

Ложь, ложь и еще раз ложь. О Боже, похоже, у нее это уже становится дурной привычкой!

Весь оставшийся путь до Завидова Марина размышляла о том, как она будет выглядеть в глазах соседей, когда выяснится, что Анатолий не приехал. Хотя, вдруг он решит провести Рождество здесь, в своем родовом имении? Но навряд ли, тут же поникла Марина, кто в здравом уме оставит столицу в Мясоед [196], когда Петербург столь наполнен балами, маскарадами и гуляниями, как ни в какое другое время в году.

Быть может, ей стоит написать ему? Попросить приехать на праздники? Но сможет ли она усмирить свою гордыню и попросить того об этом? Ведь до сих пор ей этого не удалось — можно было подумать, прочтя их переписку, что они с Анатоном вполне благочинная пара, хотя на самом деле...

Марина не успела ничего придумать, так как возок быстро прокатился под аркой въездных ворот имения семьи Ворониных и спешно покатился к усадьбе.

— Что это? — тронула ее за руку Авдотья Михайловна. — Никак у вас случилось что, графиня. Столько света...

Марина взглянула в оконце на стремительно приближающийся дом и тоже заметила, что почти все окна в хозяйской половине были ярко освещены. Ее сердце сжалось, словно заранее предчувствуя то, что изменит ход ее спокойной сельской жизни. Равновесие, в которое установилось в ее судьбе, похоже, нынче вечером будет неотвратимо нарушено.

Возок подъехал к крыльцу, и Марина повернулась к своим спутницам, чтобы попрощаться ними, — кучер повезет их дальше, в их собственное имение, и лишь затем вернется в Завидово. Дверца с ее стороны распахнулась, но она, даже не повернув головы, сначала пожала руку Авдотье Михайловне: «А bientôt [197], милая Авдотья Михайловна, жду вас скоро у себя!». Затем она повернулась к Долли и заметила, что та смотрит куда-то позади нее в открытую дверцу возка. По ее лицу медленно разливался румянец, что можно было принять за морозный, если бы она все это время не была *en face de* [198] Марина. Она-то

ясно знала, что об этом не может быть и речи, и сразу же поняла, кто стоит за ее спиной.

Тем не менее, не обращая никакого внимания на свое сердце, бешено забившееся в груди, Марина попрощалась с Долли (той явно было совсем не до этого) и повернулась к Анатолю, стоявшему чуть поодаль от возка на крыльце. Он ступил ближе, видя, что прощание окончено, и, кивнув приветственно дамам внутри возка, подал руку жене, помогая той ступить на снег.

— О, Анатоль Михайлович, c'est vous ^[199]?! — к Маринину вящему неудовольствию тут ее голос дрогнул от волнения, и по его вспыхнувшим в этот миг глазам Марина поняла, что ему было приятно осознать ее нервозность в этот момент. Он поднес ее руку к своим губам, а она продолжила, все еще находясь в роли жены, ожидающей супруга лишь через некоторое время. — Je ne m'attendais pas à vous voir sitôt ^[200]

Анатоль удивленно поднял брови, и Марина поняла, что ей срочно необходимо исправить свою оговорку. Тем паче, лакей уже закрыл дверцу возка, и тот уже отъезжал от дома.

— Я имела в виду, что написала вам письмо с просьбой приехать к Рождеству, — с этими словами она судорожно сжала пальцы другой руки, надежно спрятанные от его взгляда в лисьей муфте. Похоже, ей будет, в чем покаяться на исповеди отцу Иоанну — грех лжи просто множился в своем размере с каждой минутой. — А вы тут... так скоро после... Mas le plus tôt sera le mieux, n'est-ce pas? ^[201] — ту она замолчала, испугавшись, что сейчас от волнения начнет опять говорить глупости, чем еще больше уронит себя в глазах Анатоля.

Он отпустил ее ладонь из своих пальцев, но тотчас взял ее под руку и повел в дом. Все это молча, ни единым намеком не выдавая, с чем он пожаловал, по какому поводу намерен нарушить спокойное течение ее жизни в имении. В прихожей Анатоль без единого слова помог ей снять салоп и шляпку, передал все это подступившему к нему лакею и снова предложил ей руку, провел в большую гостиную, где уже ярко горел в камине огонь за расписным экраном да на сервировочном столике был подан вечерний чай.

— Я подумал, что нам будет удобнее здесь, а не в столовой, — нарушил молчание Анатоль, и Марина вздрогнула от неожиданности.

— Oui, bien sûr ^[202], — проговорила Марина, опускаясь в кресло. Разумеется, ему было удобнее здесь, в гостиной, ведь за столом им обязательно прислуживали бы слуги, а это означало, лишние уши при разговоре. Значит, беседа будет интимной, предназначенной только для них двоих, поняла Марина и похолодела.

Анатоль тем временем прошел к камину, поворошил угли. Затем повернулся к супруге:

— Вы послужите? — кивнув на чай.

Хорошо, поднялась Марина и разлила им по парам горячий, свежезаваренный чай. Потом добавила в чашку мужа молока и сахара и опустилась на свое место. Анатоль быстро прошел к столику и занял место напротив своей супруги.

— Вижу, вы не забыли мои вкусы, — отметил он, помешивая серебряной ложечкой чай. — C'est agréablement ^[203], весьма...

Марина положила свою ложечку для варенья на блюдце с громким звоном, чуть ли не бросила ее. Потом подняла глаза и посмотрела прямо на Анатоля, который наблюдал за ней с нескрываемым интересом до сих пор, отрядно действовавшим ей на нервы.

— Ne gagnez du temps, je vous prie ^[204], — тихо проговорила она. — Скажите прямо, зачем вы здесь? Означает ли ваш приезд ваше желание faire la paix ^[205]?

Анатолий с минуту просто смотрел на нее, на ее побелевшее от напряжения лицо, на стиснутые на коленях руки. Потом откинулся назад, на спинку кресла, явно наслаждаясь ее нервозностью.

— Я здесь, чтобы забрать вас в столицу. Мы выезжаем завтра утром, — он немного помолчал, а потом продолжил. — Нет, мой приезд сюда вовсе не означает, что я готов подставить другую щеку, как велит нам Библия, — та, получившая удар, все еще болит, не давая мне забыться даже на минуту.

«Я ценою жизни покупаю право любить тебя любовью вечной, в которой нет греха, и право сказать в последний раз: «Люблю тебя».

Марина закрыла книгу Руссо, дочитав эти строки, и взглянула на тетушку в который раз. Вопреки мнению докторов, ей казалось, что Софья Александровна все-таки слышит ее и понимает, что происходит вокруг, несмотря на то, что глаза ее теперь постоянно закрыты, и она не может шевельнуть даже пальцем.

Пару недель назад тетушка перенесла второй удар. По мнению докторов, ему суждено было быть последним, ведь сразу после него женщину парализовало полностью — она могла лишь глотать да шевелить глазами, показывая «Да» и «Нет» на вопросы ухаживающих за ней. А спустя несколько дней после того, как Анатолий в срочном порядке привез Марину в столицу, полагая, что той следует успеть проститься с тетушкой, Софья Александровна и вовсе впала в это состояние, в котором находилась и по сей час.

— Готовьтесь, — сурово сказал доктор, и семья Ольховских поняла, что на этот раз надежды нет. Да и как можно было надеяться на другой исход, если бедная женщина не могла даже есть в таком состоянии и только слабое, еле ощутимое дыхание выдавало в ней проблески жизни?

Марина отложила книгу в сторону и подошла к постели, на которой лежала ее тетушка, поправила той одеяло, погладила лоб и щеки.

— Как же так, милая? — прошептала она. — Как же так? Почему так рано пришло твое время? Вон сколько людей, что гораздо старше тебя, а они по-прежнему в добром здравии.

Раздался стук в дверь, и на пороге появилась одна из горничных.

— Прошу прощения, Марина Александровна, но барыня велела вам сказать, что нужно ехать собираться к бале, — тихо проговорила та, сделав неловкий книксен под взглядом Марины.

— Передай барыне, что скоро.

Дверь закрылась, и Марина снова осталась наедине со своей теткой. На мгновение ей показалось, что Софья Александровна уже покинула этот мир, настолько неувим было движение ее груди. Марины быстро достала из карманчика платья маленькое зеркальце, которое уже несколько дней постоянно носила с собой, и поднесла ко рту тетушки. То запотело, выдавая слабое дыхание, и Марина облегченно вздохнула. Она убрала его обратно и после обняла тетушку, еле сдерживая слезы.

Софья Александровна всегда была столь добра к ней. Не просто оплатила ей обучение в институте, а постаралась хоть как-то заменить ей отсутствующую мать — дарила свою нежность и тепло, так что Марина вовсе не чувствовала, что она одинока здесь, в Петербурге. А теперь ее не будет более...

Марина наклонилась ближе к уху Софьи Александровны и прошептала в него:

— Надеюсь, что там вам будет гораздо лучше, чем в этом грешном мире. Я не знаю, где вы сейчас душой — там уже или все еще с нами, но хочу, чтобы вы знали — я никогда вас не забуду, никогда. — Она немного помолчала, а потом добавила. — Прощаюсь с вами снова, как и вчера, уж не обессудьте — не знаю, будете ли с нами, когда я приду завтра поутру... Мне пора идти сейчас — приглашение на праздник в Зимний, от такого не отказываются, — она было поднялась, но потом опять приникла к тетушке. — Если вы встретите его там...

князя Загорского... прошу вас, скажите ему... скажите...

Тут Марина осеклась в испуге от своих греховных мыслей. Разве допустимо тревожить усопших своими мирскими делами и бедами? Разве не просил ее отец Иоанн отпустить душу Сергея? Поэтому она ничего не сказала более. Лишь поцеловала тетушку в лоб и в обе щеки и перекрестила на прощание, уходя.

На пороге она обернулась. Ей почему-то показалось, что Софья Александровна окликнула ее. Но нет — все также лежала без малейшего движения голова, не шевелились губы и веки.

— Прощайте, тетушка, — произнесла Марина еле слышно и вышла вон.

Уже в холле ее, облачающуюся в салоп на меху лисы, нагнала маменька. Сначала она молча наблюдала, как дочь одевает верхнюю одежду, но когда дело дошло до шляпки и шали, заговорила:

— Вот и уедешь, не зайдя ко мне?

— Я думала, маменька, что вы заняты, — коротко ответила Марина. — Да и потом — времени совсем нет, и так опаздываю.

Анна Степановна взяла дочь за руку, не давая ей завязать концы шали.

— Ты винишь меня, *ma chérie*? За все, что случилось. Винишь меня?

Марина застыла на месте, услышав слова матери. Потом посмотрела той прямо в глаза и мягко, но настойчиво отняла руку из ее ладоней.

— *Non devant témoins* ^[206], маменька. Поговорим обо всем после. Я заеду к вам завтра, и мы поговорим.

Слова матери так взбудоражили Марину, что она еще долго не могла успокоиться. Винула ли она мать за этот брак? Скорее да, чем нет. Ведь если бы не настойчивость Анны Степановны, если бы не ее увещевания и страдания по поводу того, какая жизнь ожидает их семью, не поступи она в соответствии со своим положением, Марина бы не решилась на этот обман, на этот брак. Но не только ведь мать виновата в том, что она теперь замужем. Никто не тащил ее под венец за волосы, она сама пошла к алтарю. Хотя... Она вспомнила, как больно сжала ее пальцы сильная мужская рука под епитрахилью.

Ах, не о таком браке Марина мечтала, вовсе не о таком. И Анатолий, и она по-прежнему держались отстраненно вежливо друг с другом, стараясь ничем не нарушить то хрупкое перемирие, что воцарилось меж ними. Вынужденный мир, ибо, как Анатолий признался, только болезнь ее тетушки да приглашение в Зимний дворец на рождественские праздники *raire* ^[207] (что отдельно потом подчеркнул государь), заставили его привезти Марину в Петербург.

В столицу они ехали в напряженном молчании. Марина чувствовала себя довольно неловко в замкнутом тесном пространстве возка, не знала, куда девать свои руки, ноги, куда отводить глаза. Анатолия же этот момент не беспокоил вовсе — он всю дорогу не отрывал своего взгляда от книги, словно сочинение Вольтера настолько увлекло его, что он забыл обо всем окружающем. Марина даже завидовала его удивительному спокойствию.

По приезде в Петербург Марина обнаружила, что ее комнаты находятся рядом с апартаментами супруга, но дверь меж ними была заперта на ключ. Она не стала ничего говорить на этот счет, но про себя этот факт отметила — ей по-прежнему не было места в его жизни. Они с Анатолием почти не оставались наедине: если они ужинали дома, то за столом собирались родные или гости (после праздника их количество и вовсе удвоилось), если же Марина узнавала, что вечером никого к ужину не звали, то это означало, что

Анатоль остается на службе.

Грешно признаваться, но Марина даже иногда радовалась, что есть причина, по которой она может проводить целые дни в доме Морской, в кругу своей семьи, у постели умирающей. Ведь ей так было не по себе оставаться одной, лишь в окружении многочисленных слуг в этом большом доме. И хотя за окнами особняка всю бурлила столичная жизнь — сновали пешеходы, проезжали экипажи да сани, здесь, в доме Марина чувствовала себя, словно в склепе. Особенно вечерами, когда оставалась одна, в темноте и тишине дома, под злоешие завывания пурги за стеклом. Неудивительно, что она обрадовалась, когда наконец-то наступило Рождество, и светское общество словно проснулось от спячки.

Задумавшись, Марина не заметила, как экипаж подъехал к дому, который теперь она по праву замужества, могла назвать своим. Лакей распахнул дверцу и помог ей сойти по каретной лесенке. Теперь ей это было совсем нелегко делать без посторонней помощи: в меховых зимних одеждах, с тяжестью пусть небольшого, но живота.

Анатоль ждал ее в диванной. По его нахмуренному лицу она прочитала, что он недоволен ее опозданием, а ведь ей еще необходимо было время переменить платье и сменить прическу.

— Pardonnez mon retard, s'il vous plaît [\[208\]](#), — начала Марина после его холодного приветственного кивка, но он лишь отвернулся от нее к окну.

— Если вы забыли, существуют правила хорошего тона, по которому не должно заставлять ждать самого государя. Тем паче, вам, моей супруге. Сколько вам нужно времени?

— Час-полтора.., — начала Марина, чувствуя, как наворачиваются слезы от его отповеди.

— У вас полчаса, моя дорогая, — Анатоль взглянул на брегет и повторил. — Я жду вас здесь через полчаса.

Марина ничего не сказала в ответ, лишь присела в небольшом реверансе. У самой двери она помедлила, услышав тихие слова:

— Как здоровье Софьи Александровны? Y a-t-il de l'espoir? [\[209\]](#)

— Нет, — покачала головой Марина. — Доктор сказал, что завтра или на следующий день. Не позже.

Полчаса суматошных сборов и накручивания локонов, после — некоторое время висящего над Анатодем и Мариной облака молчания по пути в Зимний, и вот она целиком погружается в ослепительный водоворот праздничного вечера.

После церемонного приветствия императорской четы (Воронины все же опоздали, и государь с государыней уже спустились в залу да к тому же прошел полонез) Анатоль с Мариной разделились, как впрочем, делали это во все предыдущие вечера. Это происходило в соответствии с общепринятыми нормами поведения в свете, но шло вразрез с чувствами Марины. Она по обыкновению прогуливалась по зале, либо присаживалась в кресла. Ее сразу же окружали ее поклонники, которые приносили ей прохладительные, старались развлечь ее беседой или обсуждением последних новостей. Марина же обычно слушала их вполуха, она только наблюдала со своего места за танцующими парами, в числе которых нередко мелькал ее супруг.

Что терзало ее душу, когда она смотрела за ним в эти моменты? Что за чувство глодало ее нутро? Обида, что она не может принять участия в этом веселье из-за своего положения?

Нелепое чувство собственничества? Ревность ли?

Ее доводило чуть ли не до слез, что он может по-прежнему быть таким галантным с другими дамами и никогда более с ней самой. Почему он не хочет даже выслушать ее? Дать ей шанс оправдаться? Дать им шанс наладить свои отношения, ведь теперь они связаны настолько крепко друг с другом, что никуда от этих уз не деться?

Хотя, Марина нахмурилась, Анатолю это прекрасно удавалось — он вел свой прежний образ жизни, словно она и не стала нынче ее частью. Верная себе Дуняша как-то оговорилась, прибирая Марину на ночь, что «барин наш опять полюбил теахтр, вернее, даже не теахтр, а...». Она осеклась, конечно, вспомнив, где находится и с кем ведет свои речи, но дело было сделано — Марина прекрасно поняла, что та имела в виду. Правда ли это или нет? Спросить подтверждения было у некого, да и побивалась она узнать правду.

Внезапно кружок Марины неожиданно умолк, заметив, что в их ряды незаметно влился еще один персонаж. Марина повернулась к подошедшему и узнала своего супруга, словно он резко материализовался из ее мыслей. Он поклонился окружающим Марину кавалерам, а потом склонился к Марине.

— Марина Александровна, ваша тетушка... Надобно ехать, — прошептал он ей в ухо, и она вздрогнула.

Они успели приехать к соборованию. При свете многочисленных свечей в руках присутствовавших на церемонии ее родителей и сестер, прислуги дома комната казалась Марине совсем зловещей. Длинные тени пришедших проститься с Софьей Александровной расползлись по стенам, создавая еще больше ощущение чего-то жуткого. Марина пригляделась и вдруг с удивлением обнаружила, что глаза тетушки открыты и неподвижно смотрят в потолок комнаты. Она выглядела неживой, на белоснежной постели, с горящей свечой меж пальцев правой руки.

Внезапно Марина почувствовала, как медленно подгибаются ее ноги, как монотонный голос духовного лица становится все тише. Она протянула руку куда-то в сторону без малейшей надежды опереться на что-либо, и тут же ее рука была прижата локтем стоявшего рядом Анатоля к его боку. При этом ее свеча дернулась, и капли воска попали на мундир ее супруга, испачкав его.

— Ой, я вас совсем забрызгала, — прошептала растерянно Марина.

— Вы можете стоять? — ответил он ей так же шепотом, не обращая внимания на ее слова. — Если вам дурно, то...

Она уже не слышала его слов. Ее глаза закрылись, и он еле успел подхватить ее, прежде чем она рухнула на пол комнаты.

Марина пришла в себя уже в своей (вернее, бывшей) спальне. Она повернула голову и увидела доктора, который, напряженно нахмутив лоб, отчитывал капли, медленно падающие в стакан. Далее у самого окна она заметила силуэт мужа, чернеющий на фоне предрассветной мглы.

— Что же вы, барыня, так неаккуратно? — доктор дал знак Дуняше, маячившей за ее спиной, и та хотела было приподнять Марину, чтобы та приняла лекарство, но Марина сделала упреждающий жест и сама села на постели. — Все по балам да по ужинам. В вашем положении. Repos, repos seul! [\[210\]](#)

Марина не слушала его более. Она перевела взгляд на Анатоля, который услышав, что она пришла в себя, повернулся от окна и теперь смотрел на нее.

— Tantine...? [\[211\]](#) — еле слышно прошептала она, и Анатолий покачал головой.

— Elle n'est plus. [\[212\]](#)

Марина закрыла лицо руками и горько заплакала при этих страшных словах, выплескивая из себя все ту горечь, то напряжение, что не оставляло ее здесь, в Петербурге. Анатоль сделал знак доктору и горничной, и те удалились прочь. Потом он подошел к Марине, присел рядом с ней на постель и неловко привлек ту в свои объятия, осознав, что та нуждается в его поддержке. Так и сидел с ней почти до самого утра, пока Марина не выплакала всю свою боль и не уснула у него на руках. Лишь тогда Анатоль бережно уложил ее на кровать, пригладил разметавшиеся волосы.

Она была так красива и так печальна даже в своем глубоком сне, что у него сжалось сердце. Он понимал, что Марина мучается нынче не только от очередной потери, что снова случилась в ее жизни. Понимал, что сложившиеся меж ними отношения причиняют боль не только ему, но и ей. Но...

Взгляд Анатоля упал на ее живот. Она спала, надежно защитив его своей ладонью, словно во время ее сна что-то могло причинить вред ребенку, которого она носила.

Дитя Загорского.

Как же Анатоль страдал после своего открытия, что Марина в тягости от другого! Как проклинал их обоих, так жестоко обманувших его! Ведь судя по всему, это произошло после того, как Марина приняла его, Воронина, предложение, а значит, вдвойне велика их вина перед ним. Вдвойне горька его доля теперь...

О, если б она знала, как часто он думал над тем, что вдруг у нее случится выкидыш! Если б знала, как часто представлял себе, что из имения приходит письмо, в котором ему сообщают, что барыня упала, заболела или по другим причинам скинула это дитя, зачатое в грехе! Она бы возненавидела тогда его так, как он ненавидел себя в такие моменты, и Анатоль не стал бы осуждать ее за эту ненависть. Но как было отрадно представлять себе то, что могло бы быть, не будь этого ребенка.

Он протянул руку и медленно провел пальцами по ее волосам, разметавшимся по подушке. Как часто он представлял себе, что будет это делать в собственной спальне, после ночи долгой и страстной любви! Как он хотел получить ее в супруги, чтобы иметь на это и многое другое полное право, невзирая на ее чувства. И вот она тут, рядом с ним, полностью в его власти, но разве это принесло ему то счастье, к которому он так стремился?

Пальцы Анатоля сами собой сжались в кулак, да так сильно, что ногти поцарапали ему кожу тыльной стороны ладони. Он поднялся и быстро вышел из спальни, оставив жену одну.

*****

Софью Александровну похоронили через пару дней в канун нового 1837 года. Задержка вышла из-за того, что долго не могли подготовить место для могилы на кладбище — земля настолько замерзла, что ее пришлось греть кострами аж целые сутки, и только потом рыть яму заступами. В благодарность за такую тяжелую работу Анатоль щедро оплатил труд могильщиков.

Марина была безмерно благодарна ему в эти тяжелые для нее дни похорон. Он полностью взял на себя все хлопоты по устройству всех необходимых процедур, ведь Анна Степановна не имела никакого старания сделать все должным образом. Ее волновало только завещание, поскольку оно не было обнаружено в сейфе дома, и та не смогла ознакомиться с ним прежде господина Заболотнева.

Марину же такое поведение матери привело в ужас. Она даже опустилась до скандала с

маменькой, который быстро прервал Анатоля, не отходивший от нее ни на шаг после обморока на соборовании, и увез ее прочь из дома на Морской. Анна Степановна же при этом, ничуть не смущаясь, требовала от него позаботиться обо всем.

— Без вашей помощи, *mon cher gendre* [\[213\]](#), мне не справиться, — все говорила она, следуя за ними в прихожую. — Помогите мне, умоляю вас, Анатоль Михайлович. Этот господин Заболотнев уже перерыл весь дом в поисках завещания моей бедной тетушки.

— Помилуйте Бог, Анна Степановна, стоит ли об этом сейчас, когда тело еще не упокоилось? — холодно возражал ей Анатоль.

— Так я беспокоюсь только о моих деточках, только об их будущем радею! А у меня-то, конечно, горе... горе. Ну, так что насчет моего дела, Анатоль Михайлович?

— Я пришлю к вам своего поверенного. Ему дело передадите, — процедил Анатоль и, видя, что Марина уже еле сдерживает свои эмоции, быстро вывел ее из дома.

Уже в своем особняке Анатоль передал супругу на руки горничным, строго наказав тем проследить, чтобы барыня отдыхала весь день. Дворецкий же получил инструкции отказывать всем по причине нездоровья графини.

— Пусть на Морскую едут только, — решил он. — Там усопшая жила, там и соболезнования пусть приносят.

Он позволил Марине встать с постели лишь однажды — в день отпевания и похорон Софьи Александровны. В то утро было довольно холодно, не столько морозно, сколько ветрено, потому не многие отважились выйти из дому в такую непогоду, чтобы проводить ту в последний путь до самого конца. Лишь показались на отпевании и поспешили в уютные теплые дома. Марина подозревала, что если бы не близкое родство, то Анна Степановна и Лиза не пошли бы на кладбище, а остались бы в тепле. Но им пришлось прийти сюда, и теперь они стояли, сгрудившись в одну группку — мать и ее четыре дочери, чтобы хоть как-то защититься от пронзительного ветра, продувающего аж до самых костей. Папенька стоял чуть поодаль них, в числе других решившихся проводить Софью Александровну хоть и в малом количестве. Марина же стояла одна, по другую сторону могилы, наблюдая, как могильщики аккуратно опускают гроб в темную яму могилы.

Боже, сколько же ей пришлось пережить в этом году! Марина не скрывала своих слез, закрывая рот от ветра тонким платком, как посоветовал ей доктор, навещавший ее каждый Божий день. Сказать по правде, он был против, чтобы она шла сегодня сюда, но Анатоль поддержал свою супругу, заверив, что он проследит, чтобы она всегда по возможности была в тепле. Вот и сейчас он пошел к карете, чтобы взять дополнительный плед, настаивая, чтобы Марина накинула его на плечи, да только замешкался где-то.

«...Черное облако смерти витает над тобой. Но не твоя это смерть, не тебя Господь забрать хочет...», всплыли в памяти Марины пророчества старой цыганки. Господи Боже, обратилась она к небесам, умоляю, останови эту черную костлявую старую Смерть в сборе своего урожая. Разве не достаточно она взяла у меня уже?

На ее плечи опустилась плотная ткань, и Марина вздрогнула от неожиданности.

— Это всего лишь я, не пугайтесь, — раздался у нее над ухом голос Анатоля. Могильщики подали знак, что можно кинуть последнюю горсть земли, согласно обычаю. Все потянулись к большой куче промерзлой земли, чтобы взять в ладонь немного и бросить в могилу на гроб. Подошла и Марина, но живот помешал ей наклониться, а юбки не позволяли присесть так, чтобы не свалиться при этом на землю. Видя ее затруднение, Анатоль наклонился и, взяв в ладонь горсть земли, передал ей, и, не дожидаясь ее благодарности,

снова наклонился, но уже за своей.

После, когда они уже возвращались с кладбища домой, Марина попросила Анатоля заехать на поминальный обед лишь на час, сославшись на усталость. Тот согласился и прибавил:

— Доктор считает, что вам необходим полный покой. Я согласен с ним. А где еще можно найти в это время покой, как не в деревне?

Ну, разумеется, устало подумала Марина. Теперь нельзя выходить в свет из-за траура, а потому им обеспечены долгие совместные вечера. И самый лучший выход из этой неприятной для него ситуации — ее отъезд в деревню, тем паче ее более ничего здесь не держит.

Сегодня же, решила она. Сегодня же я поговорю с Анатодем и расскажу ему все, открою ему те причины, что толкнули ее на обман. И даже если он не захочет меня слушать, я все равно добьюсь того, чтобы он узнал. Пора наконец снять этот груз вины перед ним, объяснившись раз и навсегда.

Если бы Марина повнимательнее пригляделась к своему супругу, то заметила бы, что он сейчас нервозен как никогда до этого. Весь час, что они провели в доме на Морской на поминальном обеде, он был весьма задумчив, и по нему было видно, что мысленно он вовсе не в этой столовой и не с этими людьми. В карете весь путь до собственного особняка Анатолий то сжимал, то разжимал руки, что выдавало его состояние с головой, но и тут Марина не придавала этому никакого значения. Лишь в холле, когда они передавали верхнюю одежду лакеям, она заметила, что Анатолий ведет себя в меньшей мере странно.

По обычаю перчатки, которые одевались на похороны, следовало непременно сжечь, и Марина сняла свои и передала стоявшему тут же лакею. Тот повернулся к Анатолию, но он словно и не видел его, а попытался было уйти в свою половину в перчатках. Растерянный лакей обернулся к барыне за помощью.

— Анатолий Михайлович, — мягко позвала Марина, и когда тот повернулся к ней, сказала. — Перчатки.

Анатолий перевел взгляд на свои руки, словно сейчас заметил, что все еще в перчатках. Потом посмотрел на Марину и начал аккуратно снимать, не отрывая своего взгляда от ее лица. Она нахмурилась — супруг вел себя очень странно. Не произошло ли чего дурного? Внезапно, когда Анатолий снимал левую перчатку, на пол из нее выпало сложенное вчетверо письмо. Супруги одновременно перевели взгляды на упавшее послание, а потом вновь взглянули друг на друга. Анатолий при этом стал белым, как полотно, его глаза лихорадочно блеснули.

— Вы нездоровы, Анатолий Михайлович, случаем? — встревожилась Марина. — Сегодня был такой ветреный день...

Она не успела договорить, как Анатолий быстро вырвал упавшее письмо из руки лакея, что тот спешно поднял с пола. Словно не желая, чтобы кто-то иной касался этого послания, подумалось Марине, и она помертвела. А что если это так и есть? Что, если это любовное письмо от некоей дамы, что заменила ее в сердце ее супруга?

Острая словно игла боль кольнула Марину прямо в сердце. Ей было обидно, сразу захотелось плакать. Сидеть рядом с супругой в карете и при этом держать при себе это послание, видимо сгорая от нетерпения прочитать его! Как это низко!

— Не буду более вас задерживать, — Марина, еле сдерживая слезы, присела насколько это возможно в ее положении, в реверансе и пошла прочь в свои комнаты. Там она, еле

сдерживая себя, переоделась в домашнее платье и села за работу, пытаясь унять бешено колотящееся сердце.

Как это подло! Как это низко! Прямо при ней! Видимо, записка была получена на поминальном обеде, раз он прятал ее в перчатке. Где еще он мог получить это письмо, больше нигде!

Она стала вспоминать, кто из дам был на обеде, и не смогла толком вспомнить, ведь ей было вовсе не до гостей там. Это привело ее еще в большую ярость. Видимо, почувствовав ее состояние, ребенок заволновался, начал стучать ей в живот. Пришлось звать Дуняшу и приказать принести капель да ромашкового чая с мятой.

Ах, как же ей не хватает сейчас мудрой верной Агнешки, подумалось Марине, когда она, выпив успокаивающего чаю, решила лечь спать, благо за окном уже стояла кромешная тьма. Сейчас бы она что-нибудь да посоветовала ей. Но Агнешка была далеко, в Завидово, и Марине ничего другого не оставалось, как смириться с произошедшим и попытаться уснуть.

Пробудилась она спустя некоторое время. Дико хотелось пить, словно она бродила по пустыне целую вечность. Она еле поднялась с постели и налила себе стакан воды. Затем заметила узкую, еле заметную полосочку света, пробивающуюся через щелку в двери, соединяющей половины супругов.

Значит, Анатолий еще не ложился. Марина пригляделась к часам в свете полной луны. Ого, половина второго ночи. И что ему не спится в этот час?

Марина вспомнила про свое решение поговорить с Анатолием и подумала, что раз уж они оба бодрствуют в час, когда слуг, этих невольных слушателей, нет в хозяйских половинах, то самое время все выяснить. Она на ощупь прошла к стулу и сняла с его спинки капот, небрежно брошенный давеча Дуняшей. Затем тихонько приоткрыла дверь в коридор, чтобы не разбудить Дуняшу, спавшую на сундуке в гардеробной. Раз меж половинами заперто, то она пойдет по нему. Лишь уже выйдя из своей спальни, она подумала, что надо было бы, конечно, взять огня, а не идти вот так, в полутьме по ручейку лунного света из дальнего окна коридора. Но вернуться она так и не вернулась. Испугалась, что ее решимость сойдет на нет, и она более не покинет своей комнаты.

Марина аккуратно по стеночке пошла по коридору, не отрывая взгляда от щелей под дверью. В диванной, соединявшей их половины, было темно, поэтому она прошла дальше, к двери в спальню супруга. Аккуратно повернула ручку и как можно тише ступила в комнату.

Спальня была пуста, даже постель не смята, заметила Марина в свете, падавшем через распахнутую дверь из соседнего кабинета. Лишь мундир висел на вешале, перепугав Марину до полусмерти — ей привиделось, что там кто-то стоит. Она перевела дыхание и, тихо ступая босыми ногами по ковру, пошла на приглушенный свет в кабинет Анатолия, как она впоследствии увидела, свет от камина.

Он был там. Сидел в кресле перед ярко пылающим камином, развалившись, спиной к ней. Его рубашка была почти расстегнута, волосы взлохмачены, словно его рука не раз их ерошила. В одной руке он держал стакан, из которого пил жидкость янтарного цвета, в другой, свободно свисающей с подлокотника кресла было зажато письмо.

Марина прошла в комнату, с каждой секундой ожидая, что сейчас Анатолий обернется и заметит ее присутствие, но он не обернулся. Когда она почти подошла к камину, Анатолий вдруг переменял свою позу: он бросил пустой стакан на пол и сел, слегка наклонившись вперед, опершись лбом на свои скрещенные впереди руки. Вся его поза выражала такое отчаянье, что у Марины замерло сердце. Она быстро прошла к креслу и опустилась рядом с

ним на колени.

— Что случилось? — спросила она тихо, едва коснувшись пальцами его напряженного предплечья. Анатолий поднял голову и посмотрел на нее. Его взгляд был слегка замутнен, от него пахло алкоголем, и Марина поняла, что он пьян. Последний раз пьяным она видела его в их брачную ночь, и это воспоминание наполнило ее сердце страхом и каким-то тревожным ожиданием.

Анатолий же смотрел на нее, не отрывая взгляд, вовсе не удивляясь тому, что Марина пришла к нему сюда среди ночи. Он лишь вздохнул горестно, а потом перевел взгляд на письмо, по-прежнему зажатое в его пальцах. Марина машинально посмотрела туда же, вдруг заметив в неясном свете огня камина, что почерк ей вроде бы знаком. Но прежде чем она успела собраться с мыслями и вспомнить, Анатолий вдруг резко одним движением руки скомкал письмо.

— Что вам не спится в такой поздний час? — хрипло спросил он, и Марина снова взглянула на него, отводя глаза от бумаги в его руке.

— Я пришла к вам поговорить, — решительно сказала она, с трудом перебарывая в себе желание подняться с колен и убежать отсюда прочь, под защиту своей спальни. — Не считаете ли вы, что настало время нам разрешить все наши разногласия и недопонимания?

— А вы думаете, что сейчас как раз такое время? — усмехнулся он, явно намекая на свое состояние.

— В иной раз я могу и не собраться с духом для откровенностей, — Марина отвела глаза от его пристального взгляда и стала смотреть на огонь в камине. Она не могла смотреть на него, рассказывая свою историю, только не в глаза. — Я понимаю, что вам будет неприятна моя исповедь, но прошу вас, выслушайте меня.

Он промолчал, давая понять своим молчанием, что сегодня ночью он расположен выслушать ее. Марина вздохнула, собираясь с духом, и принялась за свой рассказ, который начала с того самого момента, когда впервые столкнулась с Загорским в саду Смольного. Она рассказала, что произошло далее, вплоть до ее отъезда в Ольховку, и только после поняла, что видимо, Анатолию уже известна эта история.

Она немного помолчала, теперь опустив глаза в пол и теребя полу капота, а затем продолжила рассказывать свою историю. Теперь те моменты, что не были известны никому, кроме нее и Сергея: о его письмах к ней, своих сомнениях и страхах, о его признании в любви и ее неверии, злости и тщеславии, которые толкнули ее принять предложение Анатолия. Краем глаза она следила за выражением лица своего супруга и заметила, как тот поморщился, услышав, как они с Загорским встречались за его спиной, одно упоминание об этом причиняло ему боль.

Марина понимала его чувства, но не могла не продолжить. Слова так и лились с ее языка, словно все то тайное, что она скрывала от всех, кроме своего духовника, теперь более не желало скрываться в укромных уголках ее души. Теперь она рассказала о венчании в небольшой уездной деревушке, кратко, без каких-либо подробностей, затем упомянула о том, что они провели несколько дней во флигеле в Киреевке. Тогда-то по ее словам и было зачато это дитя.

— Поверьте, Анатолий Михайлович, — говорила Марина. — У меня и в мыслях не было совершить то, о чем я сейчас так раскаиваюсь. Если бы все было иначе, я обратилась бы к его сиятельству с просьбой о помощи, как вдове его внука и матери его наследника. Но я, увы, вовсе не была супругой Сергею Кирилловичу. Мне бы обратить внимание еще тогда, что

в дружках солдат, и счесть это подозрительным, но я была так счастлива...

Марина заметила, что Анатолий при этих словах вдруг выпрямился в кресле и смотрит теперь на нее недоумевающим взглядом. Он несильно сжал ее ладонь, привлекая к себе внимание.

— О чем вы толкуете, Марина Александровна? — едва слышно спросил он.

— О, когда мы поехали с маменькой в ту церквушку прежде, чем нанести визит старому князю Загорскому, то обнаружили, что приход держит там другой священник — средних лет, меня же венчал седой. Да и приходской книге нет ни одной записи с нашими именами. Сами понимаете, что это означает, — Марина подтянула колени к груди и обняла их, прижавшись подбородком к сомкнутым ногам. Ей было тяжело рассказывать о том, как жестоко она обманулась, человеку, который предупреждал ее, что шутки с Загорским плохи. — Дело в том, что Сергей Кириллович нашел, видимо, развенчанного попа да разыграл сс мной венчание, а я-то поверила ему... А на деле вышло вон как. А вскрылось все после его..., в общем, в конце июля. Я не знала, что мне делать, к кому обратиться за помощью. Мне некуда было идти. Последняя моя надежда была Ольховка, но она... она стала вашей по закладной. И так я решилась стать вашей женой...

Она перевела взгляд на Анатолия в конце своей сумбурной речи и заметила, что не отрывает своего взгляда от ее лица. Заметив в его глазах неверие, Марина прошептала:

— Вы мне не верите?

— Я не верю собственным ушам! — возразил ей Анатолий. — Разве возможно это? Разве способен человек чести на подобный поступок?

Что-то странное было в тоне его голоса. Марина же, приняв это на свой счет, быстро прошептала с горечью в голосе:

— Значит, Загорский не был человеком чести, ибо все указывает на его обман.

Анатолий вдруг резко подался к ней, приблизив свое лицо к ее, словно хотел заглянуть в ее глаза. Она заметила, что он разозлен, и отпрянула, испугавшись, что он сейчас опять, как тогда в спальне в Завидово, может ударить ее.

— Не смейте так говорить, — прошипел он ей в лицо и, слегка оттолкнув ее с пути, поднялся на ноги, пошатываясь, отошел к столику, на котором стоял поднос со спиртным, и снова налил себе выпить. Он с такой силой сжал стекло бокала, что Марина испугалась, вспомнив, как долго у нее ныла щека после той памятной ночи.

Анатолий резко повернулся к ней и ткнул в ее сторону бокалом так, что из него расплескалась на ковер янтарная жидкость.

— Вы не смеее так говорить о нем! Слышите? Я не знаю, почему так сложилось, что..., — тут он замолк, видя, какой надеждой вдруг вспыхнули ее глаза.

— Вы считаете, что этого не могло быть? Что он не обманывал меня?

Анатолий помолчал, только сделал большой глоток бренди, которое огненным теплом разлилось у него в желудке. Он пытался сообразить, как ему поступить и что сказать ей сейчас. Он прекрасно понимал, как она страдала, считая, что Загорский поступил с ней подло, ведь это было явным свидетельством того, что она была вовсе безразлична тому. Очередная забава на некоторое время.

Также по Марине было заметно, что она ухватится за любую возможность оправдать Сергея в своих глазах, и только в его власти было дать ей это или окончательно низвергнуть Загорского в ее воспоминаниях. Да уж неразрешимая задача. Такая же, как стояла перед его супругой в свое время: горькая правда, способная разрушить многое, или сладкая ложь.

Анатолий почувствовал, как пот течет по его лбу, поднял руку, чтобы утереть его, и заметил, что по-прежнему сжимает в кулаке лист бумаги. Он обнаружил это письмо сегодня, когда забирал плед из кареты, тогда, у кладбища. Из пледа выпала книга Вальтера Скотта, которую он забыл в карете еще летом и безуспешно искал. Видимо, кто-то из слуг положил в экипаж плед, не заметив книгу, цветом обложки схожую с бархатом сидения, и так она пропала из поля зрения на долгие месяцы. И тут нашлась. Вместе с вложенным внутрь письмом Сергея, которое он получил из рук Натали, но так и не решился вскрыть, а положил в книгу, чтобы прочесть после. А потом он и вовсе потерял из виду этот роман вместе с вложенным письмом. И вот теперь нашел...

Анатолий перевел взгляд на Марину, которая смотрела на него, не отрывая взгляд. Ее волосы разметались по плечам, сквозь тонкую ткань рубашки он видел очертания ее тела, и это снова напомнило Анатолию о том, как он хотел ее. И вот она тут рядом и в то же время далеко от него, вовсе не с ним.

Разве я могу конкурировать с памятью о Сергее? Он вспомнил свои мысли тогда у церкви, когда они провожали гроб с телом Загорского в его последний путь. Теперь судьба давала ему в руки тот единственный шанс, который поможет ему в борьбе за сердце и душу Марины. Разве может он упускать его? Сергей мертв, ему теперь все едино. А Анатолию еще жить, и провести свою жизнь он хотел только с этой женщиной. Только с ней.

Анатолий поставил бокал на столик, шагнул к супруге, опустился на колени рядом с ней. Он ласково провел ладонью по ее щеке, глядя в эти большие глаза, полные надежды.

— Чужая душа — потемки, Марина Александровна, — прошептал он. А потом вдруг перегнулся через плечо Марины и бросил в огонь письмо, жгущее его руку, словно каленое железо. Затем он снова опустился на пол рядом с Мариной и решительно проговорил:

— Как-то, когда я только вернулся с дежурства во дворец, ко мне пришла одна посетительница под густыми вуалями...

Он говорил и говорил, открывая ей правду о визите к нему Натали и о ее рассказе, и наблюдал, как с каждым его словом все тускнеют глаза Марины, как она сжимает свои ладони в отчаянье. Он знал, как ей больно сейчас, но понимал, что не может прервать эту муку для нее, не может не открыть ей все.

Марина долго молчала, неотрывно глядя в огонь. Она не плакала, как он ожидал, и это слегка напугало его. Он положил руку на ладонь Марины и слегка сжал ее.

— Мне очень жаль, — прошептал Анатолий. Марина резко вскинула голову и посмотрела ему в глаза.

— Почему вы не открылись мне ранее? До того, как все случилось?

Он немного смутился, но все же ответил:

— Помилуйте, разве я мог прийти к вам с этим? К вам, юной порядочной барышне? Открыть всю эту грязь...

Марина кивнула, словно удовлетворяясь его объяснением, и он выдохнул, с удивлением обнаружив, что сидел до сих пор, едва дыша. Он легко погладил ее руку, но она вдруг отняла ее и, опираясь на кресло, с трудом поднялась. Он тоже встал рядом с ней.

— Я, пожалуй, пойду к себе, — тихо сказала Марина. — День был нынче тяжелый.

Анатолий кивнул ей и предложил проводить до комнаты, но она отказалась, заверив, что найдет дорогу сама, дошла же она все-таки сюда. Он смирился с ее ответом, осознав, что Марина хочет побыть сейчас наедине с собой, и чем раньше она останется одна, тем лучше. Он помнил, как хочется остаться в абсолютном одиночестве и тишине, когда твоя душа

стонет от боли. А ведь сегодня все шрамы, что немного зарубцевались со временем на сердце Марины, снова закровоточили, и он был тому виной. Но это было, по его мнению, лишь к лучшему, ведь через боль приходит очищение. А он дико желал, чтобы душа Марины наконец-то очистилась даже от малейшего следа былых чувств.

Уже на пороге Марина обернулась и спросила, глядя куда-то в сторону, только не ему в глаза:

— Что теперь, Анатоль Михайлович? Ведь вы знаете все. Это дитя...

Она не договорила, словно не в силах продолжать более. Лишь положила ладонь на округлость живота, четко обозначив его в складках капота.

— Я не знаю, — честно ответил ей Анатоль. — Пока я не готов... я не готов принять его. Простите...

Марина коротко кивнула, ничем не выдав своих эмоций, буквально раздирающих ее душу, и вышла прочь из кабинета. Анатоль же повернулся лицом к огню и с силой вцепился в каминную полку.

Она просит невозможного сейчас! Как он может забыть, что дитя, которое она носит, вовсе не его плоть и кровь? Ведь оно всегда будет ходячим напоминанием ему, что другой касался ее кожи, целовал ее губы, трогал ее, любил ее.

Серж, тут же пришло ему на ум, и он застонал не в силах сдержаться. О Боже, Серж, до чего все дошло! До чего я дошел?! Анатоль резко поднял голову и взглянул на себя в зеркало, висящее над камином. Он такой же, как обычно, и в то же время он очень изменился за последнее время, и сегодняшняя ночь тому подтверждение. Гореть мне в аду, если я уже не там, — усмехнулся Анатоль и вдруг замер, заметив краем глаза в отражении зеркала человека в гвардейском мундире, стоявшего позади него в темноте спальни. Лица он не видел, оно было скрыто от него чернотой ночи, но Анатоль знал, кто мог прийти к нему сейчас.

Разве могут призраки появляться так далеко от мест, где их брэнное тело рассталось с душой? Или столь далеко от собственной могилы, где лежат останки? Хотя, видимо, душа Загорского все еще витает рядом, и он пришел к Анатолю сейчас, чтобы показать тому всю тяжесть его падения.

— Прости меня, — прошептали губы Анатоля. — Я не могу иначе, прости меня...

Он собрался с силами и медленно повернулся, чтобы лицом к лицу встретить укоряющий взгляд друга, но не увидел более никого за своей спиной. Лишь его собственный мундир висел на вешале в глубине спальни, ярко блестя в всполохах огня орденами и начищенными пуговицами.

Анатоль опустился на колени и, обращаясь куда-то в темноту ночи, начал покаянно шептать заплетающимся от выпитого языком:

— Прости меня, я предал тебя и предаю еще не раз, если так будет суждено. Но ведь и ты предал меня однажды — зная о моем намерении сделать ее своей, опередил меня и украл ее у меня. Я не могу иначе — ведь моя душа у нее в руках, а я хочу ее душу взамен. Отдай мне ее, теперь тебе не нужна она более. Прости меня и отпусти ее... Прости меня... Прости.

Где-то в доме опять что-то упало с шумом, затем раздался визгливый пронзительный голос, звук удара и чье-то сдавленное рыдание. Марина оторвалась от своего рукоделия и покачала головой. С тех пор, как в Завидово приехала на каникулы Катиш, дом стоял просто верх дном. Юной барышне все было не так и не этак, она гоняла бедных комнатных девок почем зря по любому поводу и смело таскала их за волосы да раздавала пощечины и шлепки. Марину подобное поведение выводило из себя, и она прямо говорила Анатолю, что оно вовсе не подобает благовоспитанной барышне. Слуг надобно, разумеется, наказывать, но только за провинности, причем настоящие провинности, а не придуманные. Анатолий вызывал сестру к себе в кабинет и отчитывал, но через пару часов в доме опять раздавались ее возмущенные визги. Поскорей бы уж настала Масленичная неделя, и Катиш уехала бы в пансион в Москву! Марина уже более не могла выносить этой напряженной атмосферы в доме.

Она вспомнила, с каким нетерпением ждала приезда Анатоля из Москвы, куда он поехал за сестрой, чтобы привезти ту на каникулы в Завидово.

— Я совсем запамятовал, что должен был забрать ее после Крещения, как обычно, за всеми этими хлопотами, — качал он удрученно головой, когда они ехали из Петербурга в Завидово. Прошло уже три дня с той ночи, когда Марина раскрыла перед ним душу, и ей теперь казалось, что Анатолий выглядит немного потерянным, слегка смущенным. Но тем менее, между ними явно наметилось некоторое потепление, ведь весь путь в имение они проговорили, а ее рука покоилась на сгибе его локтя. Пусть они обсуждали всякие пустяки, но даже этот разговор уже не мог не радовать Марину.

После того, как Воронин уехал в Москву, пробыв в Завидово только полдня, Марина окунулась с головой в усадьбные хлопоты, чтобы хоть как-то отвлечь себя от мыслей о будущем их брака и о сестре Анатоля, которую она до этого ни разу не встречала. Интересно, похожа ли она на брата? Внешне или нравом? Что меж ними общего, а в чем они различны?

Внешне — очень многое схоже, признала Марина, когда спустя несколько дней к крыльцу главного дома усадьбы подъехал возок, и Анатолий, быстро спустившись из него, помогал выйти юной девочке-подростку. По возрасту она была ближе к средней сестре Марины Софи, которой недавно исполнилось тринадцать лет. Лицом она была очень схожа с братом, что немного уменьшало ее шансы войти в круг красавиц сезона, когда придет ее время ступить в свет. Не красива, но и не дурна собой. Что ж брюнетки были нынче в моде, а у той, судя по тому, что успела заметить Марина, роскошные темные волосы. Может, это и сыграет той на руку.

Пока Марина размышляла о возможной судьбе первого сезона Катиш, Анатолий и его сестра уже успели войти в дом и, передав верхние одежды слугам, ступили в малую гостиную, где их ждала Марина, нервно потирая ладони. Катиш прошла впереди брата, гордо распрямив спину, ступая словно маленькая королева. Она прошла прямо к Марине, но не сделала реверанса, как следовало согласно правилам хорошего тона, а подала той руку да так высоко подняла, словно хотела, чтобы Марина ее поцеловала. Та сначала немного растерялась, взглянула на нее, а потом стиснула зубы и пожала Катиш ладонь на английский манер, чувствуя, как закипает ее кровь. Чему Катиш учили в этом пансионе, если она даже поздороваться не может по правилам? Или... она сделала это осознанно, стремясь унижить

свою невестку?

Да, именно так и есть, отметила про себя Марина, заметив, как ее золовка скривила губы, видя, как Анатолий приветствует свою супругу поцелуем в обе щеки, а затем в лоб. Похоже, ей вовсе не по душе жена ее брата, а может, и не она сама лично, а сам факт его женитьбы на ком-либо. А может, это из-за того, что ей пришлось провести две лишние недели каникул в пансионе, а не в Завидове, как обычно?

Но вскоре Марина убедилась, что неприязненное отношение направлено именно на ее персону. Спустя несколько дней за обедом Катиш вдруг принялась расспрашивать ее об Ольховке, фамильном имении ее семьи. Марина скупно отвечала, постоянно ожидая подвоха с ее стороны. И он последовал через несколько минут разговора. Узнав о размерах имения и количестве душ, Катиш презрительно скривила губы:

— Так вы из мелкотравчатых [\[214\]](#)?

Анатолий было открыл рот, чтобы осадить сестру, но Марина уже успела ответить первой:

— Тем не менее, я окончила Смольный институт, где мне привили манеры, достойные юной дворянки. В вашем же пансионе, судя по всему, не уделяют урокам этикета должного внимания.

— Не сердитесь на меня, — проговорила Катиш притворно мягким голосом. — Я просто хотела узнать, было ли хоть что-то, что вы привнесли в нашу семью, кроме ваших манер и воспитанности.

Марина заметила краем глаза, как резко выпрямился Анатолий, и положила ладонь на его руку, лежащую на столе рядом с ней. Потом повернулась к нему и так же мягко сказала, обращаясь к супругу:

— Mon cher, я думаю, вашей сестре следует обратиться к доктору для осмотра. Вероятнее всего, ей нужно кровь пустить, ибо слишком уж часто она бьет ей в голову. Прошу извинить меня.

С этими словами Марина поднялась с места и, провожаемая взглядами — убийственным Катиш и смеющимся Анатолием, ушла в свой маленький кабинет. Она понимала, что это грешно, но в глубине души была довольна своим поступком — кто-то должен был поставить эту нахалку на место. И если ее брат спускал с рук многое из-за своей неограниченной любви к сестре, то Марина была не намерена потакать ее капризам и пропускать мимо ушей все ее колкости.

С того дня меж Мариной и Катиш установилась довольно воинственные отношения. И если Марина предпочитала не обращать внимания на юную золовку, зная, что это выводит ее из себя более, чем любые ответные колкости, то Катиш, похоже, старалась как можно больнее ударить словом невестку.

Один раз она пришла в кабинет Марины, где та и несколько комнатных девок шили и вязали детское приданое. Посидев пару минут для приличия, прогулявшись по кабинету, разглядывая пристально все, что там находилось, Катиш вдруг повернулась к невестке и проговорила, слишком уж невинным голосом:

— Вы такая храбрая, моя дорогая невестка, я восхищаюсь вами беспредельно.

Марина сразу же насторожилась, ожидая последующей реплики. Ее нянечка, почувствовав неладное, будто ошетичилась, готовая растерзать любого, кто посмеет обидеть ее касатку. Девки же просто замерли в страхе оттого, что должно было последовать за этими приторно мягкими словами. Они-то по опыту знали, что этот тон совсем не к добру у сестры

их барина.

— Вы такая спокойная, а ведь прекрасно знаете, как и я, сколько рожениц не донашивают дитя до срока, а то и вовсе погибают в родах. Знаете, мне даже дурно становится при мысли об этом — что мне тоже когда-нибудь предстоит выносить и родить дитя, — она вдруг подошла поближе к двери и, не давая Марине и рта раскрыть, быстро проговорила. — Я на вашем месте и приданое для ребенка готовила бы уже после разрешения от бремени, а то сами знаете, бывают и мертворожденные...

С этими словами Катиш стремительно вышла за дверь, опасаясь реакции своей невестки. Девки дружно ахнули и посмотрели на свою барыню, которая сидела ни жива, ни мертва, уронив работу на колени. Агнешка же тут же подскочила к двери, и лишь резкий окрик Марины остановил ее.

— Дзитятко мое, пришибить трэба гадзюку, чтобы яд ее больш не жалил.

— Вернись на место, я сказала! — резко ответила ей Марина. — На конюшню захотела?

Нянька, недовольно поджав губы, отошла к ней. Потом она склонилась к Марине и погладила ее ладони.

— Расскажи барину, касаточка моя, распавядзи [\[215\]](#)яму все о яго сестрице. Ты ж ее приняла со усим сердцем, а она...

— Нет, Гнеша, — покачала головой и так же шепотом, чтобы не слышали девки, ответила ей Марина. — Не буду я привлекать в наш конфликт супруга своего. Во-первых, девочка делает все это, потому как ревнует его ко мне, видя во мне соперницу или что хуже — ту, что отняла любовь брата у нее. Глупая, совсем не понимает, что Анатолий никогда не перестанет любить ее. А во-вторых... во-вторых, я сама пока не на хорошем счету у супруга. Неизвестно, чью сторону он примет в этом споре меж нами, а так унизиться в ее глазах я вовсе не желаю.

— Ох, ты моя горемычная! — покачала головой нянька. — Кали же счастье опять к нам зазирне [\[216\]](#)?

Но тем же вечером Марина поняла, что Гнеша все же не спустила с рук оскорбление Катиш. Когда уже хозяева собирались ложиться, в доме раздался гневный вопль из спальни сестры Анатолия. Марина вздрогнула и по довольному лицу няньки, аккуратно достающей горячие кирпичи из постели, поняла, что та имеет первостепенное отношение к этому воплю злости.

— Что ты сделала, Гнеша? — как можно строже спросила Марина. Та подняла глаза на барыню и пожала плечами.

— Ты не захотела размещать ее в мезонине, где ей и трэба было жиць, паводле [\[217\]](#)возрасту, гэто зробила я.

— И каким же образом, позволь спросить?

— А подклала у ложек [\[218\]](#)леду з речки. Зараз усе ложки у гаспадарской палове [\[219\]](#)сырые да холодные. Просушиць их можно будзе тольки праз несколько дзен, — Агнешка кивнула своим мыслям. — Хай живе в мезонине. Непаслухмянные [\[220\]](#)дзячунки павинны быть тольки там, от греха далей.

— Но ведь это глупо, — возразила ей Марина. — Глупо и нерационально, просушить же перину теперь неделю, не меньше, потребуется.

— Не ведаю, что таки рахцинальна, но то, что дуже прыемно [\[221\]](#), то так, — улыбнулась Агнешка. Марина невольно улыбнулась в ответ и погрозила той пальцем.

— Ой, за такое розги плачут в конюшне...

Как в воду глядела — спустя несколько дней к Марине, молящейся в церкви, прибежала одна из комнатных девок, перепуганная да взъерошенная. Она быстро перекрестилась на икону, потом бросилась барыне в ноги.

— Ох, беда, барыня, беда-то какая! Пока вы туточки, барышня молодая няньку вашу, Агнешку, пороть на конюшнях велела. Мол, та работу ее распустила со зла, за вас, вестимо.

— А барин где? — спросила Марина, на ходу крестясь по выходе из церкви.

— Барин-то уехал к соседям. С Василием Терентьичем уехал, как вы на службу ушли. Ах, барыня что будет-то? Агнешка-то в старости уже, как порку-то перенесет... Игнат Федосьич-то ужо увещевал барышню, увещевал. А она только улыбается...

Марина изо всех сил торопилась в усадьбу, но это было затруднительно для нее — на последних месяцах беременности, по скользкой дороге. Она кляла себя последними словами, что не взяла коляску, как на том настаивал Анатолий в виду ее положения. Любила ходить пешком, да и недалеко тут до церкви. А теперь только и оставалось, что цепляться за лакея, сопровождающего ее, да торопиться за почти бегущей комнатной девушкой.

Они вошли в конюшню, еле пробившись через столпившихся дворовых и комнатных слуг, что собрались тут, словно у них не было никакой работы на этот час. Агнешка полулежала на козлах для наказания с обнаженной спиной, на которой уже были видны следы нескольких ударов. Игнат стоял чуть в отдалении, задумчиво теребя свою бородку. За всем этим наблюдала Катиш с довольным выражением лица. Заметив эту ухмылку и следы ударов на теле няньки, Марина мгновенно потеряла самообладание.

— Что здесь происходит? — ледяным тоном громко спросила она, жестом приказывая стремянному, который обычно наказывал слуг в имении, остановиться. — У вас всех нет более никакого дела, кроме как толпиться тут, глаза?

— Барышня приказала всем явиться сюда, — ступил вперед Игнат. В его глазах читалось облегчение, равно как и по лицам остальных (особенно стремянного). — Хотела показать наказание, что ждет каждого за порчу ее личных вещей.

— Игнат Федосьич, пусть слуги возвращаются к своим делам, — распорядилась Марина. Потом подошла к стремянному и взяла из его рук розгу. Она видела по следам ударов, что тот старался бить в полсилы, и теперь взглядом выразила тому свою благодарность. Он лишь поклонился ей в ответ и вышел вслед остальных.

Затем Марина приказала дворецкому, чтобы Агнешку увели в людскую да промыли ее спину, и только после того, как все слуги покинули конюшню, ступила к Катиш, которая испуганно глядела на розгу в ее руке.

— Вы не посмеете! — взвизгнула та, но Марина не обратила на ее вопль никакого внимания. Она хлестнула розгой воздух рядом с Катиш, делая вид, что проверяет, насколько та гибка.

— Поведайте мне, моя дорогая золовка, как могла моя нянюшка испортить что-либо из ваших вещей, если она почти все утро было со мной? У нее было время лишь по возвращении из церкви, куда она проводила меня на службу, но его было очень мало на то, чтобы подняться к вам в комнату вверх. Ведь она уже в том возрасте, когда пешие прогулки довольно тяжелы для человека. Кроме того, у нее больная спина, она давно не девочка, чтобы так споро забраться в мезонин, распустить вашу работу да сойти вниз. Поэтому меня удивляет, как все, о чем мне поведали, включая наказание, могло случиться за час. Не расскажете ли мне?

Девочка побледнела еще пуще при ее словах. Она и не предполагала, что Марина прервет свое ежеутреннее посещение церкви ради того, чтобы спасти от розог свою крепостную. Катиш предполагала, что она вернется лишь через после окончания службы, но, как видно человек предполагает...

— Не подходите ко мне! — снова взвизгнула она. — Вы не имеете ни малейшего права! Вы не хозяйка тут вовсе!

— Да? — притворно удивилась Марина. — А кто же я, по-вашему? Я — супруга вашего брата, хозяина этого имения? Кто я? Скажите мне! По какому праву вы так смело ведете себя со мной?

— Вы тут никто, моя дорогая! — вдруг крикнула ей в лицо, торжествуя, Катиш, и Марина даже отшатнулась, пораженная той ненавистью и злорадством, что пылали на ее лице. — Вы никто здесь! Я своими ушами слышала, как мой брат сказал комердину, что лишь раздельное проживание с вами вернет его к спокойной жизни. Раздельное проживание, дорогая. Вам ведь известно значение этого выражения?

Маринино сердце сжалось от боли при этих словах, но сама она даже бровью не повела при этом, всем своим видом показывая, насколько ей безразличны слова Катиш. Она лишь пожала плечами и коротко сказала:

— О, теперь я вижу, чему вы выучились в пансионе — азам подслушивания чужих разговоров да подглядывания в замочную скважину. Нечего сказать — весьма уместно для юной барышни. Или это просто врожденное свойство вашей натуры?

Катиш буквально взвилась при этих словах. Она вдруг резко вскинула руки вперед и изо всех сил (а она была уже в свои тринадцать выше и сильнее Марины) толкнула невестку в плечи. От этого неожиданного нападения та не устояла на ногах и отлетела к яслям, больно ударившись о них спиной. Тут же к ней протянулись сильные мужские руки и помогли выправиться.

— Как вы? — нежно спросил Анатоль, легко поддерживая ее за талию. — Вы не ушиблись? Может, стоит послать за доктором?

Марина не смогла ничего ответить ему. От шока и от облегчения, что она не упала и не расшиблась о каменный пол конюшни, она еле сдерживала слезы. Видя ее состояние, Анатоль свирепо взглянул на свою белую, как мел, сестру.

— Я сыт по горло твоими выходками, Катерина Михайловна, — процедил он сквозь зубы. — Ты ведешь себя недостойно не только по отношению к слугам, ты посмела поднять руку на мою супругу. А знаешь ли ты, что именно она уговорила меня поселить тебя не в мезонине, где ты и должна была жить, а в просторной спальне в хозяйской половине? Что идея обновить твой гардероб принадлежит исключительно ей? Что именно моя супруга молчала обо всех колкостях и гадостях, что ты говорила ей в лицо? Да если б мне ранее поведали обо всем, что творится у меня под самым носом, ты бы таких розог получила! Но я был ослеплен в своей любви к тебе, слаб в своей снисходительности к тебе... Игнат! — из угла конюшни к нему шагнул дворецкий. — Прикажи вымочить розги в соляном растворе.

— Нет! Прошу вас! Анатоль! — воскликнули в один голос потрясенные Марина и Катиш. Теперь сестра Анатоля смотрела на невестку совсем с другим выражением лица, в нем явственно читалась мольба о помощи. Марина же, думая только о том, какую боль причинят соляные розги, вцепилась в рукава фрака мужа с удивительной для нее силой. В это мгновение она уже не думала обо всем, что произошло меж ними с Катиш, обо всем, что могло случиться. Она лишь представляла себе степень боли и унижения, что ожидают ту при

этом наказании.

— Послушайте меня, Анатоль, прошу вас, — быстро затараторила она. — Она бедный несчастный ребенок, вы правы в своем снисходительном отношении к ней. Она просто чувствовала себя покинутой, одинокой... она просто ревновала вас ко мне.

Анатоль отцепил ее пальцы и кивнул стоявшему за ее спиной лакею. Тот обхватил аккуратно барыню за талию своими крепкими руками и повел к выходу из конюшни. Марина, видя, как Анатоль снимает фрак, пришла в отчаяние. Она схватила за рукав, стоявшего у двери Игната, затем взглянула на управляющего, наблюдавшего за всем происходящим с хмурым выражением лица.

— Игнат Федосьич, Василий Терентьевич, прошу вас, образумьте моего супруга. Умоляю вас! — и, видя их непреклонные лица, снова взмолилась к Анатолю. — Анатоль, умоляю, она всего лишь ребенок! Умоляю вас, пусть будут розги, но не соляные. Прошу вас!

— Да уведите же графиню!!! — взревел Анатоль, и лакей поспешил выволочь Марину прочь из конюшни, шепча ей при этом в ухо: «Прощения просим, барыня, но так надобно».

Марину отвели в свои половины и, не взирая на ее мольбы, заперли на ключ на все время экзекуции. Она сначала билась в дверь, совсем забыв о своем состоянии, пока ребенок не начал также биться внутри нее, взбудораженный ее нервным состоянием. Это вынудило ее перестать колотить в дверь, а опуститься на кушетку у окна и постараться успокоиться, нежно поглаживая живот. Но ей это никак не удавалось. Марина смотрела на часы на каминной полке, и каждое движение минутной стрелки казалось ей таким медленным. Она чуть не воочию слышала свист розог и плач Катиш, словно это ее саму наказывали в конюшне.

Марина прекрасно знала, каково это быть наказанной розгами. Но вымоченные в соляном растворе, они причиняли наказываемому двойную, если не тройную боль, и она искренне переживала за Катиш сейчас. Она не оправдывала ее, но понимала, почему все случилось так. Смогла бы она сама вести себя по-иному с персоной, которая заставлял страдать ее близкого и родного человека? Наверяд ли.

В голове вдруг всплыли слова Катиш, сказанные той в пылу ссоры. «Лишь раздельное проживание с вами вернет его к спокойной жизни». Страшные слова для любой женщины, состоящей в браке. А она-то полагала, что у них с Анатолем налаживается семейная жизнь, ведь после той ночи откровений они стали намного ближе друг к другу, почти как раньше. А выходит, что он задумывается о разъезде с ней.

За дверью ее кабинета вдруг кто-то пробежал, шумно ступая по половицам, затем прошли сразу несколько человек. Судя по направлению и по громким всхлипываниям, это пронесли в мезонин Катиш. Тут же кто-то невидимый повернул ключ в замке Маринино кабинета, отпуская ту на волю. Она сразу вскочила на ноги и бросилась вон из комнаты в половину своего супруга. Тот был в спальне и с помощью верного Федора менял рубашку. Та, в которой он был прежде, была немного испачкана кровью. Марине при виде нее стало дурно, и, чтобы не упасть, она изо всех сил вцепилась в дверной косяк.

— Зачем? — едва слышно прошептала она, но Анатоль услышал ее. Он жестом отпустил Федора и неспешно подошел поближе к Марине, заглянул той в глаза.

— А вы как думаете? — она ничего не ответила, и он продолжил. — Оскорбление, нанесенное кому-либо из моих близких, а уж тем паче — супруге, — оскорбление мне. А оно непременно должно быть наказано.

— Даже собственную сестру? Соляными розгами? — с горечью прошептала Марина.

— Даже так, — кивнул он.

— Даже если была оскорблена нежеланная вам супруга? Та, с которой вы планируете разъехаться? — не могла удержаться Марина. Анатолий внимательно посмотрел ей в глаза, а затем отошел от нее к окну, повернулся к ней спиной, заложив руки.

— Я не буду спрашивать, какая птица вам напела это в ушко. Сегодня же эта птица поедет в деревню!

Марина отпрянула, удивленная, а затем резко ответила:

— Нет, вы ошибаетесь, в этот раз мне пела совсем другая птичка!

Анатолий повернулся к ней лицом. Сначала он смотрел на нее недоуменно, но постепенно его лицо прояснилось.

— Подозреваю, что эта птичка уже понесла заслуженное наказание, в том числе и за этот проступок.

— Ах, прошу вас, к чему сейчас это? Ответьте мне прямо, намерены ли вы действительно разъехаться со мной? — вдруг вскинула голову Марина. — Не мучьте меня, нет более сил! Я устала каяться в своем проступке перед вами, устала искать пути, как исправить мою ошибку, как загладить вину перед вами. Но надобно ли это вам? Не думаю. Вы отослали меня сюда, в деревню, а сами в это время ездите к артисткам! Конечно, при этом положении дел лучший выход — разъехаться! К чему мне, чтобы мое имя так унижали, путаясь непонятно с кем!

Она осеклась, взглянув на лицо Анатолия: оно одновременно выражало недоумение и смех.

— О чем вы толкуете, Марина Александровна, смею вас спросить? — спросил он вкрадчиво, склоняя голову немного набок, словно стремясь рассмотреть ее получше.

— Я говорю о ваших увлечениях.

— А, вот оно что. Так скажите мне, пожалуйста, мой домашний ангел, на чем основана ваша убежденность, что у меня есть... хм... увлечения? Не на пении птичек ли?

Марина на мгновение помедлила. Она не знала, какой довод привести ему в ответ на его реплику, но потом одно воспоминание вдруг всплыло в ее голове.

— А письмо? — сказала и вдруг застыла, заметив, как резко сошла краска с лица Анатолия, как он напряженно замер.

— Какое письмо? — спросил он хрипло.

— То, что вы получили в день похорон моей тетушки. То, что так отчаянно скрывали от меня.

Анатолий на несколько секунд задумался, а потом резко шагнул к ней.

— Вы заблуждаетесь в своей убежденности о том, что у меня роман, Марина Александровна. Видит Бог, я чист перед вами и телесно, и даже в помыслах моих. Да и как может быть иначе, коль свет убежден, что наше скорое венчание вызвано искренними горячими чувствами друг к другу, а не..., — он немного замялся и лишь кивнул головой в ее сторону, словно не в силах даже произнести это слово. — Заведи я сейчас интрижку, и ваше имя не будет склонять в свете только ленивый. Я же этого вовсе не хочу. Вы не верите мне? Я готов подтвердить свои слова перед образами, если вы захотите.

Марина качнула головой, давая понять, что не требует каких-либо клятв от него. Да и в праве ли она на это? Анатолий меж тем продолжал, подойдя к ней еще ближе. Теперь меж ними было расстояние в один шаг.

— Вы говорите, что я не даю вам шансов исправить вашу ошибку. Я готов его дать вам

сейчас. Никакое раздельное проживание не способно заставить меня забыть вас, я уже знаю это по собственному опыту. Вы дорога мне, как никто другой, сегодня я даже поднял руку на сестру, хотя еще несколько недель назад даже помыслить не мог об этом. Если вы откроете мне свое сердце, свою душу, если готовы стать мне женой в полном смысле этого слова, не оглядываясь назад... в прошлое, то идите сюда, ко мне, — с этими словами он протянул руки к ней. — Меж нами шаг, но сделав этот шаг, вы должны отринуть от себя то, что так тщательно лелеете в своих воспоминаниях. Я хочу вас всю, целиком. Вы должна быть только моя, моя и ничья более... ничья. Пора оставить прошлое мертвецам, нам же, живым, необходимо жить дальше.

В памяти Марины тотчас возникли собственные слова, сказанные в день Сергея Радонежского: «Прости меня. Мне нужно жить дальше...». Быть может, Господь сейчас дает ей знак, какая дорога уготована для нее в будущем — рядом с ним, с этим человеком, протягивающим ей навстречу руки, готовый принять ее в свои объятия? Она должна принять сей путь, не оглядываясь назад, в то время, что ей никогда уже не вернуть.

Марина несмело шагнула навстречу Анатолю, вложив ладони в его протянутые руки. Он тотчас притянул к себе, прижимая к своему крепкому телу, легко касаясь губами ее волос.

— Ты себе даже не представляешь, каким счастливым ты сделала меня в сей миг, — прошептал он ей в локоны. Сердце же Марины колотилось, словно молот по наковальне, отдаваясь в своем ритме в ушах. Ей было одновременно и боязно, и покойно, что наконец-то их противоречия остались позади. Все ли только?

В этот момент дитя в ее животе пошевелилось, и Анатолий почувствовал это движение. Он перевел свой взгляд на ее тело, и столько муки отразилось в его глазах, что Марине захотелось плакать. Нет, он не готов принять ее всю, целиком, как говорил давеча.

— Прости меня, — прошептал Анатолий, прислонившись лбом к ее лбу. — Я не могу. Быть может, позднее. Но не сейчас. Но я постараюсь, обещаю тебе... я постараюсь...

Он взял ее за подбородок и поднял ее лицо вверх, заставляя смотреть себе в глаза. Потом погладил большим пальцем ее губы, и Марина поняла, что сейчас последует за этим. И вправду — он склонил голову и мягко коснулся губами ее губ.

Все ее существо сначала воспротивилось этому поцелую. Казалось, каждая ее клеточка возопила о том, что это чужие губы ласкают ее, чужие руки нежно касаются тела, ведь последний и единственный, кто целовал ее был Сергей. Марина мысленно приказала себе расслабиться и не сопротивляться, с трудом заставляя свое тело скинуть напряжение, сковавшее ее. Но того огня, что возникал, когда ее целовал Загорский, не было в помине — она явственно ощущала, что происходит в комнате: как тикают часы да трескает огонь в камине. Сейчас она была словно институтка в миг своего первого поцелуя, не зная, что ей следует делать, и куда при этом деть свои руки.

Анатолий, почувствовав ее неловкость, прервал поцелуй и немного отстранился, но из своих объятий ее не выпустил. Он заглянул в ее смущенные глаза и прошептал:

— Не смущайтесь, это пройдет со временем.

Марина неловко кивнула, и он легко коснулся губами ее лба, словно ставя печать, что отныне она принадлежит ему, Анатолю. В этот миг раздался тихий стук в дверь, и он с явным сожалением выпустил ее из рук. Марина тотчас отошла от него к окну, словно и не стояла рядом.

В комнату после разрешения ступил Игнат с подносом в руке, на котором лежал белый конверт с большой императорской печатью на нем. Анатолий сразу же помрачнел, будто зная,

что ждет его при прочтении послания, и метнул на Марину взгляд полный сожаления и тоски.

— Письмо-с вашему сиятельству, — произнес Игнат, протягивая поднос в сторону Анатоля. Тот взял конверт и прошел в кабинет, где разрезал его ножом и быстро поднес к окну, чтобы удобнее было читать. Со своего места в спальне Марина ясно видела сквозь распахнутую дверь, как все больше мрачнеет его лицо. Потом он поднял голову и взглянул на нее, глазами показывая, что хочет видеть ее рядом с собой, а не кричать ей в спальню. Марина подчинилась его безмолвному приказу и вошла в кабинет.

— Я вынужден оставить вас, — отрывисто сказал Анатолий. — Случилась трагедия — камер-юнкер Пушкин был давеча смертельно ранен на дуэли. Его Императорское Величество требует моего возвращения.

Марина вспомнила того небольшого роста человека с вечно недовольным взглядом, которого всегда немного побаивалась.

— Боже мой, его жена же недавно разрешилась от бремени, кажется.

Анатолий кивнул задумчиво, потом позвонил в колокольчик, что стоял тут же в кабинете, на столе.

— Полагаю, государь очень расстроен случившимся. Он ведь своего рода благоволил к господину Пушкину, — он повернулся к Марине и погладил ту по щеке. — Я вынужден оставить вас, моя дорогая. К сожалению, не могу сказать, когда смогу вернуться обратно. Все это дело довольно неприятное. Убежден, что за этим последует тщательнейшее расследование.

— А кто тот человек? — вдруг неожиданно для самой себя спросила Марина уже на пороге, оставляя супруга наедине с комердином, чтобы тот закончил свой туалет. — Тот, с кем господин Пушкин стрелялся?

— Приемный сын барона Геккерна, — последовал ответ.

Марина удалилась в диванную, чтобы там дожидаться, когда Анатолий придет проститься с ней перед дорогой в столицу и, заняв там место на кушетке у окна, задумалась. Два человека, влюбленных в одну женщину, сошлись, чтобы с помощью крови выяснить, кто прав, кто виноват, и вот один из них умирает. Что было бы, не случись этой ужасной смерти Загорского? Если бы Анатолий узнал, как жестоко обманут ими? Вдруг тоже была бы дуэль...?

Марина вздрогнула. Упаси Господи! Она бы просто не пережила бы этого — знать, что возможно в этот миг решается вся будущая судьба, вся жизнь кого-либо из дуэлянтов, она бы не хотела.

Скрипнула слегка дверь, и в диванную ступил Анатолий. Он был уже в шинели, и она поняла, что сразу же после выхода из комнаты он пустится в путь. Марина хотела было приподняться, но он знаком показал, что не надо этого делать, а взял небольшую скамеечку и плед и подошел к ней.

— Нынче очень сквозит, — он поставил ей скамеечку под ноги и накрыл колени пледом. Марину смутила подобная забота. Может потому, что ей она пока была непривычна?

— Вы ведь зайдете к Катиш прежде, чем уехать, — полуутвердительно-полувопросительно проговорила Марина. Он отрицательно покачал головой.

— Я пока слишком зол на нее. Я напишу к ней после, из столицы, — он взял ее ладони в свои и ласково коснулся губами сначала одной руки, потом другой. — Вы ведь позаботитесь

о ней, пока она не выправится? А впрочем, к чему я — разве мой ангел может иначе? Вы ведь уже там, в конюшне, простили ее.

— А разве можно иначе? — ответила его же словами Марина. Он ничего не ответил, и она в который раз почувствовала себя неудобно. Он мог — она знала это сердцем. Если уж Анатоль был чем-то обижен или оскорблен, требовалось немало времени, чтобы он забыл свои обиды.

Анатоль в последний раз поцеловал ее щеки и легко коснулся губами ее губ, мимолетно и нежно. Потом шепнул еле слышно: «Я напишу к вам всенепременно» и вышел вон. Марина же, немного посидев в наступившей тишине, в задумчивости глядя себя по животу, позвонила и, справившись о своей золовке, приказала Игнату, чтобы приготовили корпии, бинтов и ее корзину с мазями, а после, аккуратно ступая вверх по лестнице, переваливаясь словно утка, поднялась в мезонин, в детские комнаты, где недавно разместили Катиш.

Ее золовка лежала на животе и горько плакала в подушку. Она была по-прежнему одета в полурастегнутое на спине платье, ее сорочка была в крови. Марина знала уже от слуг, что Катиш выгнала всех вон и не позволила ни раздеть себя, ни обработать раны.

Марина подошла к золовке и легко тронула ее за плечо.

— Позвольте горничным помочь вам раздеться, а после я взгляну на вашу спину, — мягко сказала она сестре Анатоля. Та лишь раздраженно повела плечом, скидывая ладонь невестки, даже не повернув к той лицо.

— Я не буду ничего делать, пока не придет мой брат и не принесет свои извинения за то, что так обошелся со мной, — буркнула Катиш.

— Вы виноваты друг перед другом в равной степени, но ваша вина первостепенна, да и по возрасту вам следует первой просить о прощении, а не вашему брату, — напомнила Марина. — Но это возможно отныне лишь в письме, ибо Анатоль отбыл недавно в столицу по приказу государя.

Катиш резко повернулась к ней.

— Этого не может быть! Вы лжете!

— Сожалею, но это так, — с сочувствием в голосе произнесла Марина. — А теперь, когда мы это выяснили, не будете ли вы столь любезны все-таки позволить нам снять с вас одежду и осмотреть ваши раны? Вы ведь не хотите сгореть от Антонова огня ^[222], ведь так?

И Катиш смирилась. Горничные помогли ей раздеться, а Марина промыла ее раны и забинтовала, нанеся предварительно на спину лечебную мазь.

— Ну, вот и все, — сказала она после всех процедур, убирая склянку с мазью в свою корзину. — Правда, несколько ночей вам придется спать на животе, но я думаю, это будет терпимо. Уверена, даже малейшего шрамика не останется после этого.

Катиш отошла от нее подальше и скрестила руки на груди, вздернув вверх подбородок, всем своим видом показывая невестке, что ее помощь ничуть не изменила отношения к ней.

— Это только ваша вина, что все так случилось: и порка, и все остальное, — прошипела Катиш. Марина же пожала плечами и передала корзину стоявшей рядом Дуняше, помогавшей ей недавно. Ее золовка же не унималась. — Вы, вы и только вы. Я ненавижу вас!

— Ваше право, — согласилась Марина, поднимаясь с постели. — Доброй вам ночи.

С того дня между ними установилось холодная вежливая отстраненность. Они общались только по необходимости, вызванной проживанием в одном доме. Даже слуги, чувствуя возникшую в усадьбе напряженность, старались как можно тише выполнять свои обязанности.

Меж тем подходила Масличная неделя. Из Петербурга пришло письмо от Анатоля, в котором он просил прислать сестру на праздники перед Великим постом. Видимо, несколько недель, проведенные вдали от Катиш и ее слезные письма сделали свое дело, и его сердце смягчилось. Марине же лично он написал всего несколько строк, мол, скучаю, но приехать не могу — человек своего рода подневольный. Остальное занимали указания по хозяйским делам. Словно, и не было меж ними того примирения, подумалось Марине, словно, они по-прежнему чужие друг другу.

Наступил Великий пост. Приближалось пора для Марины разрешиться от тягости. Ее живот, бывший до последнего времени, небольшим и аккуратным, вдруг начал увеличиваться, как на дрожжах. Нянечка только головой качала: «Ишь, как в рост-то пошел». Марина, замечая такие изменения в своем теле, стала чувствовать себя грузной и неуклюжей, ей казалось, что она навсегда останется такой большой. От этого у нее портилось настроение и появилось то, что она никогда ранее не замечала в себе — какая-то странная плаксивость. Она уже как можно скорее хотела наконец-то разрешиться, чтобы стать как раньше стройной и грациозной, чтобы обрести прежнюю легкость походки. Но Господь, видимо, рассудил иначе, и уж миновали сроки, что вывела Агнешка, а Марина все носила.

— Ну, когда же уже? Когда?! — почти кричала Марина няньке, а та только гладила ее по плечам и волосам и приговаривала:

— Знать не срок еще дитю на свет появляться, не срок. Да и на руку на это только — дольше проносишь, меньше языков болтать будут.

Марина плохо спала ночами из-за того, что дитя почему-то бодрствовало именно в это время суток и устраивало просто марши в ее животе. Она гладила свой живот, надеясь утихомирить его, но у того на этот счет были свои планы, и успокаивался ребенок только с первыми лучами солнца, когда просыпался весь дом. Поэтому для нее ночной сон стал такой недостижимой роскошью, что она считала за праздник ту ночь, когда ей удавалось поспать хотя бы несколько часов.

В ту ночь Марина заснула. Ребенок был на удивление тихим и спокойным, а предыдущие несколько ночей бессонными, что она почти сразу же, как только ее голова коснулась подушки, провалилась в объятия Морфея.

Ей снилось, что она идет по зеленому лугу, причем в той же ночной сорочке, что уснула, но не на сносках. Она тронула свой плоский живот и улыбнулась, ощутив какое-то странное облегчение при этом. Марина огляделась и заметила, что луг-то тот самый, что находился в имении Арсеньевых. Те же одинокие березки с одной стороны да лес с другой, все те же ромашки россыпью среди высокой травы. Ее сердце вдруг подскочило куда-то вверх, она поняла, кто ее ждет там, лежа в траве, чей покачивающийся в воздухе сапог она видит издалека.

Сергей. Он был там и ждал ее. И она побежала ему навстречу.

Марина была босая, и некоторые травинки больно кололи ей ступни, но не она не обращала на это внимание. Она бежала к тому месту, где сапог вдруг исчез, а его обладатель сел и стал наблюдать за ее приближением. Потом поднялся и распахнул объятия, в которые она сходу просто влетела, едва не сбив его с ног.

— Здравствуй, — прошептал он, и она счастливо улыбнулась, утыкаясь носом в ложбинку у него под горлом. Сергей гладил ее по волосам, по лицу, а она, как кошка, млела от его нежных прикосновений. Потом он поцеловал ее, и Марино сердце пустилось

вскачь, разгоняя кровь, полную огня страсти, по ее венам. Она отвечала ему с таким напором, что несколько раз их зубы стукнулись друг о друга, но они даже не обратили на это внимания. Сергей стянул сорочку с ее плеч и стал целовать ее шею, плечи, грудь. Марина закрыла глаза, отдаваясь полностью нахлынувшим чувствам, и только ерошила его мягкие волосы.

Вдруг Сергей замер на месте, спустившись дорожкой поцелуев тем временем вниз, к ее животу. Марина взглянула туда же, чтобы узнать причину, остановившей его.

Она была в тягости. У нее снова был большой живот, как и в то время, что она носила наяву.

— Дитятко, — тихо сказал Сергей, кладя ладонь на округлость ее живота, ощущая рукой каждое шевеление ребенка внутри. Его глаза при этом были полны такой нежности и такой муки одновременно, что у Марины перехватило дыхание. Она слегка потянула его за волосы, заставляя посмотреть в свои глаза.

— Я не могу без тебя, — прошептала она. — Мне без тебя все не мило. Каждый вздох — боль. Ты когда-то сказал, что я — твоя жизнь. А я тебе говорю сейчас — в тебе моя жизнь. Не стало тебя, и жизни нет более. Забери меня.

Сергей покачал головой, не отрывая своей руки от ее живота, ласково поглаживая его.

— Я не могу, я не в праве...

— Ты скучаешь по мне? Тоскуешь ли, как я тоскую по твоим рукам, по твоим губам? Плачешь ли ночами оттого, что рядом меня нет и более никогда не будет? — с надрывом спросила Марина, уже не сдерживая слез.

— Ты думаешь, мне лучше? Мне?! — вдруг вскинулся Сергей. — Не я, а другой будет ласкать тебя ночами отныне. Не я, а другой примет этого ребенка, станет ему отцом. Не я! Не говори мне более о боли, ибо ты даже не знаешь, что за муки мне суждены.

Он легонько вдруг толкнул ее от себя, и Марина проснулась. Ее лицо было мокрое от слез. Видимо, она плакала немало потому, как подушка под ее щекой была противно мокрой.

Марина перекатилась аккуратно на другой бок, придерживая рукой живот. Скрипнула кровать, и тут же в комнату влетела Агнешка, кутаясь в шаль:

— Что? Ужо?

— Нет, — покачала головой Марина. — Просто сон глядела да проснулась. Он ко мне приходил.

— Ох, ты Езус Христус, — перекрестилась нянечка. — Что ен робил? Что казав?

— Ничего, я просила его забрать меня с собой. Он отказался.

— Дурня ты! Дурня!! — крикнула нянька. — Куды забраць-то? Ты зусим ополоумела? У нябожчыка ^[223]просиць забраць на тот свет! А дзитятко твое? Что з ним-то буде тады?

— Не кричи, Гнеша, — поморщилась Марина. Потом зябко повела плечами. — Холодно тут что-то. Дров подкинь, а то камин совсем погас.

Пока Агнешка возилась с огнем, Марина откинулась на подушки и прикрыла глаза рукой. Этот сон заставил ее четко понять одну вещь. Как бы она ни старалась привыкнуть к своему супругу и в постели, и вне ее, тот все равно не сможет стать тем, чем был для нее Сергей. Никогда не сможет заставить ее сердце петь от счастья, а кровь бешено струиться по венам от одного только простого прикосновения или взгляда. Никогда...

Марина ворочалась в постели до самого рассвета. Когда лучи солнца окрасили ее комнату в нежно-розовый цвет, скрывая остальные оттенки в наступающем утре, она поднялась с постели и решила ехать к утренней службе. Ей как никогда ранее хотелось в

тиши церкви молитвами успокоить свое мечущееся в груди сердце.

Когда Марина вышла на крыльцо церкви после службы, солнце уже вовсю дарило земле свои яркие лучи, по-отечески ее пригревая. Стоял легкий морозец, но в щедро разлитом солнечном тепле его совсем не чувствовалось. Стояла прямо-таки весенняя погода, показывая, что совсем не за горами красавица-весна, что скоро снег полностью растает, уступая место первой нежной травке.

Ехать несколько десятков саженой в тесном и душном возке Марине не хотелось, видя такое великолепие природы вокруг, и она отпустила кучера, решив пройти пешком до дома, вызвав тем самым бурное неодобрение Агнешки:

— Куды гэто ты на сносях-то? Ну, зусим розума пазбавилася [\[224\]](#)!

Марине же это ворчание не могло испортить такого приподнятого настроения, что вдруг она обнаружила в себе, выйдя из церкви. Она полной грудью вдыхала воздух, наполненный ароматами близкой весны, и шагала по обочине, аккуратно обходя небольшие проталины, наполненные талой водой. Юбки ее почти сразу же намокли да испачкались, но она не обращала на это никакого внимания, наслаждаясь красотой этого волшебного утра.

Дорога пошла немного в гору по мере приближения к дому, и Марине стало немного тяжелее идти, неся свой большой живот. Но признаться в своей недалёковидности ей было неловко перед слугами, что шли позади нее, и она продолжила свой путь, стиснув зубы. В одном месте она заметила, что на дороге образовалась довольно большая лужа. Обойти ее можно было лишь с одной стороны, прямо по краю холма, по тоненькой дорожке, протоптанной крестьянами да дворовыми, ходившими в село и обратно в усадьбу. С другой стороны от нее, противоположно дороге, Марина заметила ледяную дорожку вниз по холму. Видимо, дети раскатали ее в своих забавах.

Здесь следовало проявить аккуратность, подумала Марина, но не успела ступить на обочину, как оступилась и, завалившись на бок, упала на лед. Ее не успели подхватить сразу же метнувшиеся к ней слуги, и она с небольшой, но ощутимой скоростью съехала вниз по ледяной дорожке. Марина не стала подниматься сразу же, как остановилась в конце горки, а запрокинула голову и с улыбкой наблюдала, как спускаются с холма ее лакеи, а за ними переваливаясь, следует аккуратно Агнешка, что-то причитая себе под нос.

Увиденная картина насмешила Марину, но ее едва начавшийся смех прервала резкая и острая боль внизу живота. Она испуганно взглянула на приближающихся людей, и те поняли по ее взгляду, что случилось что-то из ряда вон.

— Супакойся, касаточка моя, — прошептала ей в ухо Агнешка, помогая вместе с лакеями приподняться Марине со снега. Ее тело тут же пронзил очередной приступ такой дикой боли, что она не смогла сдержать слез.

— Что это? Что происходит? — спросила она, хватаясь за Агнешку, как за спасительное бревно при потопе.

— Час пришел, дзите на свет Божы идзе, — ответила та, нахмурясь. Ей вовсе не нравилась эта боль, вызванная, судя по всему, Марининым падением. Она быстро повернулась к лакеям и приказала им поднять барыню на руки и отнести в дом, уже видневшийся недалече. Одну из девок отправили бегом в усадьбу, чтобы Игнат послал кого-нибудь из стремянных за доктором в уезд. Игнат, верный своему слову, данному барину давеча, снарядил другого стремянного в Петербург, наказав тому, как можно быстрее привезти графа.

Далее Марина почти не помнила происходящего. Приступы боли, следовавшие один за

другим, накатывали ее волной и вырывали из реальности. Сначала она решила для себя, что ни единого стога не сорвется с ее губ и стойко переносила боль, но когда прошло несколько часов, а она все еще мучилась, тут ей было не до своей манерности. Она кричала во весь голос, а после лишь тихо подвывала во время очередной схватки.

Вернулся стремянной, посланный за доктором, и сообщил, что его в городе нет, а проехавшись по указанным ключницей доктора адресам, он эскулапа не нашел. Тогда Игнат разослал уже нескольких человек искать врача по всему уезду, а одного из конюхов направил в губернию, чтобы хотя бы оттуда привезти доктора к своей барыне, что мучилась родами уже около двенадцати часов.

К сумеркам нашли наконец уездного доктора. Его, конечно, доставили в Завидово, но немец был пьян (страдал таким грехом) и, не добившись от него ничего путного, уложили спать в лакейской. Там-то его и нашел прискакавший из Петербурга ночью Анатолий. Он был весь мокрый от напряжения и от бешеной и опасной скачки по талому снегу, зол на весь мир, поэтому едва выйдя из спальни Марины, которая к этому времени уже не раз теряла сознание и в очередной раз была без чувств по его приходу, изрядно отлупил пьяного доктора хлыстом.

Вид Марины бледной, измученной, бесчувственной поразил Анатолия в самое сердце. Весь путь до Завидова он гнал от себя воспоминания от последних родов матери, которые подарили ему сестру, но отняли мать. Но тут, в имении комната, еле освященная огнем от камина, наполненная стогами, а иногда и криками Марины, перепуганные бледные слуги — все это словно вернуло его в прошлое. Он встретил губернского доктора, как избавителя от его страхов, но вскоре понял, что радость его преждевременна.

— Плод расположен не так, как следует, — сказал доктор, вернувшись после осмотра роженицы в кабинет Анатолия, протирая пенсне платком.

— И что? Что сие означает? — спросил его взбудораженный Анатолий.

— Это означает, что все в руках Божьих, — пожал плечами тот. — Поймите, современная медицина не раз сталкивалась с подобными случаями, но, как правило, — увы — бессильна в них. Молитесь Господу, ваше сиятельство, быть может, дитя все же переменит положение.

И Анатолий молился. Молился неистово, кладя поклоны перед образами. Тут, рядом с ним в его кабинете опустились на колени не только он, но и почти вся его дворня пришла разделить с ним мольбы Господа о благополучном разрешении графини от тягости.

Через пару часов плеча Анатолия коснулась рука доктора. Он повернулся в надежде услышать хорошие вести, но сочувствующий взгляд того, наполнил его душу леденящим ужасом.

— Графине стало хуже. Боюсь, что время пришло. Призовите священника, ваше сиятельство.

Он отказывается в это верить. Нет, это просто невозможно.

Доктор же тем временем продолжал их частный разговор, после того, как слуги, причитая да перешептываясь, удалились вон из кабинета:

— Быть может, в селе есть опытная акушерка, ваше сиятельство? Если она сталкивалась с подобным случаем, то возможно...

— Нет, — хрипло сказал Анатолий, несмотря на удивление Игната, который стоял рядом и слышал каждое слово из их разговора. — В селе нет такой женщины.

Доктор пожал плечами:

— В таком случае вам действительно следует послать за священником. Я тут абсолютно бессилен.

С этими словами он вышел прочь, а Анатолий остался наедине с Игнатом. Тот вдруг тронул своего барина за рукав.

— Ее сиятельство совсем плоха, барин, — тихо сказал он. — Уже и не стонет вовсе. Негоже сейчас угождать своим давним обидам, барин. Ведь даже Господь велит нам прощать.

— Что ты говоришь, Федосыч? Ты ведь знаешь, как я ненавижу эту женщину. Я давно решил, что она никогда более не переступит порог этого дома, — процедил Анатолий сквозь зубы.

— Тут может помочь только Зорчиха, — упрямо повторил Игнат, мотнув головой. — Только она одна. Но если вам ваша старая обида намного дороже жизни вашей жены, то сидите и ждите ее здесь в одиночестве!

Анатолий со всей силой вцепился в волосы. Позвать Зорчиху в этот дом означало для него предать память матери, но не попросить ее о помощи означало потерять Марину. Разве его честь превышает жизни его любимой?

— Будь по-твоему, Игнат, кликни Зорчиху, — прошептал он едва слышно. Старый дворецкий аж подпрыгнул от радости.

— Да тут она уже! Узнала от крестьян, что барыне совсем дурно, и сама пришла. У ворот усадьбы дожидается, — Игнат тут же открыл дверь и вышел вон столь быстро, словно боялся, что Анатолий переменит свое решение. Вернулся же он через несколько минут да не один. В комнату ступила вслед за ним женщина, на ходу разматывающая платок с головы. Анатолий невольно встретился с ней глазами и обомлел — столько лет прошло, а та по-прежнему молода лицом да ни единого седого волоска в роскошной гриве смоляных волос, сейчас стянутых в узел на затылке. Она была слишком красива для крестьянки, и теперь Анатолий смог понять, почему его отец был так влюблен в эту статную женщину. Ее красота, а не умения привлекли к ней сердце барина. Зря шептались местные кумушки, что предыдущего графа она приворожила к себе — ее красота не требовала какой-либо ворожбы.

Зорчиха поклонилась барину в пояс и после, отвернувшись от него, перекрестилась на образа в углу кабинета.

— Пошто сюда привел, Игнат Федосыч? — раздался ее мелодичный голос. — Мне сюда не надо. Мне бы к барыне молодой. Тут я вовсе не нужна.

С этими словами она отодвинула в сторону Игната, стоявшего в дверях, и вышла вон, оставив позади ошеломленного Анатолия.

— Побежал я, барин, помочь надо. С вашего позволения, барин.

Но Анатоль не желал оставаться в одиночестве. Он хотел быть в курсе того, что происходит сейчас в половине его супруги, и последовал напрямик туда, правда, остался дожидаться в Маринином кабинете. Там через полуоткрытую дверь он мог слышать все, что происходило сейчас в спальне, а через щель даже иногда и видеть.

Едва войдя в спальню графини, Зорчиха приказала подать ей горячей воды руки ополоснуть да принести водки.

— Ты что, пить будзешь? — настороженно спросила ее Агнешка, не выпуская до сих пор Марининой руки. Зорчиха окинула ее внимательным взглядом, потом кивнула своим неведомым остальным мыслям.

— Руки ополосну. Надо так.

Ополоснув руки, она подошла к Марине и, задрав той рубашку, обнажая ее до пояса, ощупала аккуратно ее живот. Потом опять кивнула сама себе и обернулась к Дуняше.

— Принесите мне подогретого масла льняного или подсолнечника, что есть, в общем. Подогретого, но теплого. Варваре скажи, она знает, как надо. Воды горячей принеси да полотна. И еще мне нужна длинная спица. И мигом все, мигом!

Дуняша унеслась прочь выполнять поручения, а Зорчиха опять прощупала живот Марины, что-то при этом шепча. После она отодвинула от постели Агнешку и, склонившись к Марине, начала шептать ей что-то ухом. Потом выпрямилась и проговорила:

— Нить мне алую надо. Шерстяную.

Агнешка, видевшая в Ольховке не единожды, как шептуньи помогают больным, бросилась к корзине с рукоделием и принесла Зорчихе красную толстую нить. Та взяла Маринино тонкое запястье и обмотала его этой нитью, шепча при этом никому неслышные слова. Тем временем, принесли подогретое масло, воду, полотно и длинную спицу для вязания. Зорчиха потрогала кончик спицы, убедилась, что она достаточно подходит для ее целей, потом накалила ее докрасна в огне камина спальни. После она остудила ее и подошла со спицей к Марине.

— Что ты будзешь робить? — с подозрением спросила Агнешка, наблюдая за действиями Зорчихи. Та даже не обернулась к ней.

— Воды-то еще не отошли до сих пор, надо их спустить. Подложите под барыню несколько простыней, а то воды, думаю, будет достаточно.

Когда ее приказы были выполнены, она подошла к Марине и аккуратно ввела спицу в ее чрево. Из той прямо волной хлынула жидкость на подложенные простыни, которые тут же убрали, чтобы роженица не лежала на мокром. Меж тем Зорчиха обмакнула руки в подогретой масле и щедро смазала кисти.

— Сядь за спиной барыни, — сказала она Дуняше. Но та в испуге отшатнулась от нее, мотая головой. Зорчиха повернулась к Агнешке, но тоже отказалась.

— Слаба я стала, не здержу боюся.

— Я смогу, — шагнул из-за спины Зорчихи Анатоль. Он перевел взгляд на Марину, лежащую на постели, совсем обессиленную, потом посмотрел шептунье в глаза. — Я сделаю это.

— Только потом уйдешь, — кивнула та. — Не мужское это дело при родах быть.

Анатоль сел позади Марины, слегка приподняв ее, и по знаку Зорчихи крепко схватил за хрупкие плечи.

— Отвернись, барин, негоже тебе смотреть, — приказала Зорчиха, и он послушно отвел

взгляд в сторону, уткнувшись носом в спутанные волосы жены. Шептунья тем временем подошла к Марине и приступила к действию, аккуратно помогая младенцу внутри чрева занять необходимое для выхода положение. Марина же при этом вдруг так дернулась из рук Анатоля, что он еле удержал ее, при этом издав такой вопль, что присутствовавшие в комнате почувствовали ее боль, как собственную. Все, кроме Зорчихи — как акушерка она уже стала привычна к крикам и стонам рожениц. Она деловито завершила процедуру и знаком показала Анатолю, что тот может отпустить жену и выйти прочь из спальни.

— Дайте ей напатыря, — приказала она Агнешке и, едва Марина более-менее пришла в себя, проговорила роженице. — Ну, же, барыня, теперь твоя помощь мне нужна. Тужься, как скажу, только тогда, а не иначе. Теперь только ты нам помочь можешь, только ты. Да не отлынивай — нам в три-четыре потуги надо выйти, а то дите совсем притомилось уже. Давай, милая, немного осталось-то.

Марина из последних сил приподнялась с помощью Агнешки, придерживающей ее за плечи, и согнув ноги, принялась по команде Зорчихи тужиться. Один раз та даже прикрикнула на нее: «Нет, не так сильно! Порвешься!». Но Марине было уже все равно, ей хотелось поскорее вытолкнуть из себя ребенка и прекратить муки последних часов. Наконец Зорчиха подняла голову среди ее раздвинутых ног и улыбнулась:

— Молодец, графиня. Уже головка показалась. Еще немного, и целиком выйдет дитя.

Марина стиснула зубы и опять напрягла свое тело, из последних сил толкая из себя ребенка на руки Зорчихи. Ее губы, искусанные в кровь, нещадно болели, и она не могла сдержать стонов боли из-за сомкнутых плотно губ. Наконец она почувствовала, как из нее выскользнуло что-то большое, и услышала голос Зорчихи.

— Умница ты моя, умница... а тут у нас красавица..., — Марина в изнеможении, в какой-то эйфории, что наконец-то этот кошмар закончился, откинулась на подушки. Последнее, что она слышала, был тихий шепот Зорчихи. — Сейчас мы ее вымоем, прочистим ушки, носик... Красавица у нас какая...

Агнешка обеспокоенно склонилась над Мариной, заметив, что она резко упала на перину и закрыла глаза.

— Что с ней? Она живе?

Зорчиха, в это время смывшая с ребенка кровь и слизь, передала его Дуняше, чтобы дитя завернули в пеленки. Потом повернулась и осмотрела новоявленную мать.

— Все с ней в порядке. Ни единого разрыва, умничка твоя графиня, нянька. Ты лучше пошли за кормилицей, если подобрали уже. Если нет, то у Елисея Чернобровового недавно жена родила. Она девка здоровая, молодая. Молока у нее хватит на двух детей.

Она повернулась к Дуняше, которая держала на руках перепеленатого ребенка, и взяла у той младенца и направилась в комнату рядом, бросив на ходу горничной:

— Барыню вымойте, переоденьте да белье здесь смените.

Анатолий же в соседнем кабинете слышал все это время все происходящее в спальне, как Марина несколько раз громко, но слегка приглушенно стонала, видимо, сквозь стиснутые зубы. Затем вдруг установилась какая-то странная тишина, давящая на напряженные нервы Анатоля с двойной силой. Неужели случилось то, что предрекал доктор? Неужели Марина, как и его мать не перенесла тягот родов?

Вдруг в этой тишине раздалось звонкое мяуканье, и Анатолий нахмурился, не сразу поняв природу этого звука — что там делает кошка? Затем на него вдруг словно озарение сошло — это же не мяуканье, а тихий плач ребенка. Он вздрогнул и стал вслушиваться в другие звуки

из соседней комнаты, надеясь услышать голос Марины, но до него доносились лишь своеобразный говор Агнешки, плеск воды и неспешный певучий голос Зорчихи. Потом и это смолкло.

Неужели..? Нет, он не будет об этом думать. Это не может быть так. Но ледяная рука страха крепко сжала его сердце. Неужели и в это раз она уйдет туда, к Загорскому? Неужели снова оставит его?

Анатолий развернулся было, чтобы шагнуть в спальню жены, но тут же замер, увидев, как в кабинет, отодвигая плечом портьеру, входит Зорчиха. На ее руках он заметил сверток, из складок искусного шитья виднелась крохотная ручка. Прежде чем он успел сделать что-либо, она подошла к нему и резко протянула ему младенца. Анатолию ничего другого не оставалось, как протянуть руки и принять ребенка.

— Вот твоя дочь, барин, — сказала тихо, но отчетливо Зорчиха, делая особенное ударение на слове «твоя». Ее глаза пристально смотрели на Анатолия. — Смотри, твое сиятельство, какая она красавица!

Она отогнула краешек одеяльца, немного закрывавшее лицо ребенка, и Анатолий невольно, сам того не желая, взглянул на девочку.

Кроха была действительно мила, взяв от обоих родителей только лучшие черты. Как же она схожа с Сержем, отметил про себя Анатолий, на удивление без особого раздражения или злобы, с которыми он ранее думал об этом ребенке. Но вдруг девочка открыла глазки и, обведя взглядом окружающее ее пространство, остановила свой взгляд на Анатоле, сморщила недовольно носик, а потом посмотрела на него удивленным взглядом, словно недоумевая, кто это перед ней, и где она вообще находится. Ее глаза были так похожи на глаза ее матери, а то, как она сморщилась, напомнило Анатолию, как выражала иногда свое недовольство Марина. Его вдруг захлестнула волна какой-то странной нежности к этому хрупкому существу, моргающему сейчас словно соенок, выпавший из гнезда на свет Божий днем, что он неожиданно для самого себя вдруг коснулся пальцем маленькой пухленькой щечки младенца, легко поглаживая нежную кожу.

— Она действительно красавица, — прошептал Анатолий, и Зорчиха кивнула, соглашаясь. Затем она вздохнула устало и сказала:

— Пойду я, барин, устала. Прощевай. Береги своих красавиц.

У самого порога Зорчиха вдруг обернулась:

— Не вини меня, барин, в смерти матери. Нет моей вины тут, только ее упрямство. Не захотела она принять от меня помощи, и, видишь, как сложилось-то.

— А ты помогла бы? — глухо спросил Анатолий. — Разве не желала ты ее смерти, чтобы отец стал свободным?

— Для чего мне это? Разве может барин крестьянку женой взять? — раздраженно спросила Зорчиха, как можно тише, стараясь не потревожить младенца на руках Воронина. — Мне нельзя зла в себе носить — мой дар такого не может принять. Да и не испытывала я к ней ничего, кроме жалости и сострадания. Тяжело, когда тебя не любят. Еще тяжче, когда знаешь, что любят другого, правда ведь? Вот и твоя мать пыталась любой ценой удержать при себе мужа своего. Даже такой ценой. Шесть мертворожденных. Нельзя ей было после тебя детишек-то, нельзя. Но она думала, что вернет себе мужа дитем, удержит рядом. А разве можно удержать ребенком любовь? Нельзя, барин. Равно как и ложью.

Глаза Зорчихи, казалось, проникали прямо в душу Анатолия, заглядывая в самые укромные уголки, и ему стало не по себе под его взглядом. Она кивнула ему на прощание и

вышла вон. Анатолий же неловко вытер предплечьем пот со лба, в который его бросило при пристальном взоре шептуньи, при этом стараясь не уронить из рук ребенка. Потом он несколько раз вздохнул, успокаивая напряженные нервы, посмотрел на младенца, который по-прежнему пристально смотрел на него, не отводя своих больших глаз.

— А я попытаюсь, — прошептал Анатолий решительно и направился в спальню к постели жены.

Марину уже привели в порядок. Теперь она лежала в полудреме в подушках, сложив руки поверх одеяла. Анатолий, по-прежнему не выпуская из рук свой драгоценный сверток, опустился на колени рядом с постелью. Младенец зашевелился, и он отвел глаза, чтобы проверить его, а когда вновь перевел взор на Марину, заметил, что глаза ее открыты, и она напряженно смотрит на него.

— У нас дочь, — улыбнулся Анатолий жене и наклонился поближе к жене, чтобы та посмотрела на ребенка. — Смотри, какая красивая...

Марина протянула руку и аккуратно коснулась щеки младенца, как и он ранее, девочка перевела свой внимательный взгляд на мать. Анатолий вдруг заметил, как слезы полились из глаз жены, капая на постель, на одеяльце ребенка, на его руки. Они словно обжигали его кожу, такими горячими показались они ему. Он не знал, почему она плачет — от умиления ли при виде младенца, от облегчения, что роды позади или...

— Прошу тебя, не надо, — прошептал Анатолий. — У нас такой радостный день нынче, а ты слезу пустила.

— Дай мне ее, — попросила Марина, усаживаясь поудобнее в постели и протягивая руки к его ноше. Анатолий с явным сожалением расстался с маленьким свертком, передавая ей дочь.

— Надо сказать дворне да приказать торжество готовить, — сказал он, поднимаясь на ноги. — Не каждый же день у меня дочь рождается! Да пойти посмотреть, не пришла ли кормилица.

Марина вдруг освободила одну руку и поймала его ладонь. Потом поднесла ее к губам, смущая его до невозможного.

— Спасибо, — коротко сказала она, а он вдруг почувствовал, как слезы наворачиваются на глаза от ее благодарственного жеста, и быстро коснувшись губами ее лба, поспешил выйти вон. Задержался в дверях лишь на мгновение — услышал, как Агнешка спрашивает Марину:

— Як назовем-то яе, касатка моя? Трэба будзе глянуць, што па Святцам ныне.

— Нет, — отозвалась Марина. — Не по Святцам. Елена. Она будет Еленой.

Елена. Имя сестры Сержа Загорского. Что ж, нельзя сказать, что он не ожидал подобного, но этот маленький факт слегка кольнул в его сердце. Пусть будет Элен, раз Марина так желает. Вдруг, поддавшись какому-то странному порыву в его душе, он переменял свой путь, подошел к образам в углу и взял в руки икону Богоматери. Потом шагнул с ней к постели, где его встретила удивленным взглядом Марина.

— Побожись на образе, Марина, — жестко сказал Анатолий. — Побожись, что ни одна живая душа не узнает, что Елена не дочь мне. Побожись!

Марина взглянула на него несколько отстраненно, но подчинилась его желанию и произнесла требуемую клятву. Затем Анатолий повернулся к Агнешке.

— Ты тоже, няня. Я уверен, ты знаешь все, что творится в жизни Марины, и это тоже. Так что божись и ты, Агнешка.

Получив клятву и со старой няньки, Анатоль вернул образ на место и вышел вон из спальни, женщины же только переглянулись.

— Пошто барину гэта? — удивленно спросила Агнешка.

— Пусть будет, раз ему так нужно. Может, так его душа перестанет наконец-то томиться, — прошептала Марина. — Самое главное, он признал мою дочь. Остальное все — пустое!

Как и надеялась Марина, Анатоль принял появившегося на свет младенца, как собственного ребенка, мало того — он настолько проникся к крохе возникшими в его душе отцовскими чувствами, что Марина даже иногда ревновала свое дитя к нему.

— Дай же мне Леночку, — просила она Анатоля, расхаживающего по комнате с младенцем на руках. Кормилица только передала ребенка после очередного кормления, и тот сладко спал в ворохе кружев и искусного шитья.

— Тише, разбудишь ее, — ответил ей муж, качая головой. — Ты еще успеешь ее понянькать. Скоро оправишься, встанешь с постели, вот и будешь носить ее. Кроме того, мой отпуск заканчивается через неделю, мне надо будет уезжать. Дай же мне вволю налюбоваться на нее.

И Марина уступала, в глубине души радуясь такой привязанности к ребенку, такой нежданно возникшей любви. Она-то не ждала ее вовсе, в лучшем случае — вежливого отстраненного отношения. Но Анатоль в который раз удивил ее, приняв этого ребенка как собственного, теперь, видя подобные чувства к крохе, никто даже и усомниться не мог в обратном.

Анатоль не желал, чтобы детская была в мезонине. По его мнению, там было слишком душно и тесно для ребенка. Он настоял, что детскую комнату перенесли вниз в хозяйскую половину дома, в просторную комнату с большими окнами. Кроме того, Анатоль намеревался заказать в Петербурге новую колыбель. Он считал, что прежняя, в которой спал когда-то он сам, недостаточно удобна и красива для «его деточки». Он наблюдал пристально, как часто ест и спит ребенок, отмечая каждую деталь в его поведении или внешности. Выступившая на личике крохе как-то сыпь однажды привела его в ужас, заразив при этом своей нервозностью и страхом Марину, доведя ту до слез.

— Ну, чумные, — улыбалась Агнешка, осмотрев Елену. — То ж жировички. Бывает такое у дзитей, бывает. Зусим не страшна.

— Ты уверена? — спрашивал Анатоль, ероша волосы. — Уверена? Может, доктора позвать?

— Навошта [\[225\]](#)доктора? Не трэба гэту п'янь сюды! Упэуненая ли я? Я, барин, уже трэцье колена Ольховских тетешкаю. Уж про немаулятау [\[226\]](#)я ведаю поболее любога немцу!

— Ну, першы раз такого варята [\[227\]](#)батьку бачу на своем веку, — говорила Агнешка Марине, когда они остались после наедине. — Так к дзитю-то прикипел! Ох, а ты, моя гаротная [\[228\]](#), зусим празрыстая стала. Як жа табе с постели-то подняцца, ведь и есць-то не ешь.

— Так Великий Пост же нынче, Гнеша. Грешно же, — отвечала Марина, пригубливая питье из трав, приготовленное для нее нянечкой по рецепту Зорчихи. Оно было горьким, и Марина не смогла удержаться и скривилась.

— Господи, какая гадость!

— А сколько еще предстоит вам принимать, моя дорогая, — сказал с улыбкой на губах

Анатолий, входя в комнату. — Еще два года, не меньше. Надеюсь, свое другое зелье Зорчиха сварит вам повкуснее.

Он присел на краешек кровати и переплел свои пальцы с Мариниными, этим невинным жестом подтверждая ту близость, что отныне установилась меж ними.

— Вас не страшит подобная отсрочка с наследником? — тихо спросила его жена. Зорчиха приходила через два дня после родов, принесла травы, необходимые для приготовления восстанавливающего питья для Марины, а также сообщила обоим супругам, что им предстоит еще два года воздержаться от повторной тягости.

— Тело твоей жены, барин, еще не может выносить и родить дитя. Ему нужен отдых. Не хочешь потерять ее, выжди время. Разумеется, ты можешь посещать ее спальню. Я буду давать барыне особое лекарство, чтобы не затяготеть. Иначе пока нельзя.

Анатолий даже задумываться не стал над этим — он готов был пойти на многое, лишь бы Марина была в полном здравии. О чем и не преминул сообщить сейчас супруге.

— О, мой ангел, у нас впереди целая жизнь! Два года — это словно капля в океан, — проговорил Анатолий, целуя Маринины пальцы. — Самое главное для вас сейчас — поправиться. Только это. Когда пребывает ваша семья?

— После того, как установятся дороги не раньше, — ответила ему жена. — Думаю, не раньше Вознесения. Да и Леночка станет уже постарше, попокойнее к гостям.

Марина была наслышана от Дуняши, что Анатолий вначале противился присутствию в доме местной шептуньи, и только угроза потери жены вынудила его пустить ту на порог. Но как Дуняша не старалась узнать о причинах подобного, так и не смогла выяснить их — дворня молчала, словно воды в рот набрала. Марина восхищалась подобной верностью хозяевам, но чисто женская черта — любопытство так и снесало ее. Разумеется, спросить саму Зорчиху она не могла — в глубине души она немного побаивалась эту женщину, перед которой отступил ход времени и оставил ее вечно молодой и красивой. Поэтому после недолгих колебаний решила нынче спросить своего супруга напрямую, тем паче, судя по всему, у того было довольно приподнятое настроение.

Сначала Анатолий молчал, и Марина решила, что тот не расскажет ей, но он все-таки начал говорить:

— Я всегда считал ее разрушительницей своей семьи, ведь мой отец любил ее, а не мать до самого своего конца. Разумеется, когда я был помладше, я ничего этого не понимал — частых отлучек отца из дома, их постоянные скандалы с матерью, ее истерики. А потом, когда мне десять, я узнал правду — мать мне рассказала ее в запале, после очередной ссоры с отцом. Что мой отец еще до женитьбы на моей матери был влюблен в одну крепостную, что брак с матерью был вынужденным с его стороны. Что сначала он пытался делать вид, что у них с матерью нормальный брак, но вскоре все тайное вышло наружу. Что у отца есть в селе любовница, которую он и посещает, уже не таясь матери. Я помню, тогда дождался отца на лестнице, чтобы спросить его, правда это или нет. Ведь я и подумать не мог, что родители так далеки друг от друга, что мать так страдает.

Он приехал ночью. Я уже почти спал на ступеньках, но проснулся, едва он ступил в переднюю. Я спросил его, где он был. Он промолчал, только взгляд отвел в сторону. И я все понял. Понял, что это правда. Помню, что закричал на него, что он не имеет права уходить к этой своей сельской шлюхе (прости, моя дорогая, но такова сея история), что не имеет права обижать мать, эту святую, любящую его женщину. Он ударил меня тогда по лицу. Первый раз за всю мою жизнь. Я заплакал, отец ранее не бил меня по лицу. А потом сквозь слезы

заметил, что и он плачет. Понял, что и ему несладко в этой ситуации. Отец сказал мне тогда: «Любовь чертовски странная штука. Она не выбирает, когда и к кому ей прийти, кого осчастливить, а кого принизить, заставить страдать. Дай Бог, чтобы, когда ты подрос, мой сын, ты был в числе тех редких персонажей, кого она возносит на небеса, а не тех, кого низвергает в ад».

Марина вздрогнула при этих словах, почти пророческих для Анатоля. Ведь его любовь не вознесла на небеса, она до сей поры причиняла тому лишь боль и страдания. Как его матери, вдруг подумалось Марине. Бедная женщина — любить и знать, что она никогда не сможет быть любима тем самым, единственным для ее сердца!

— Мать до последнего пыталась удержать отца в доме, — продолжал меж тем Анатоль. — Теперь я понимаю, что все эти тягости, подорвавшие ее и без того слабое здоровье, были вынужденными, просто попытками привязать к себе отца. И он на время прекращал свои визиты в село, когда мать была в тягости, чтобы не травмировать ее психику, но вот очередная тягость либо прерывалась в середине срока, либо заканчивалась мертворожденным, и спустя несколько месяцев отец опять начинал пропадать у Зорчихи. А потом... потом мать не смогла разрешиться от бремени.

— А Зорчиха? Неужели она не смогла ей помочь? — спросила Марина.

— Я всегда думал, что не захотела. Думал, что она желала смерти матери, ибо тогда отец станет свободным от уз брака. Но только сейчас понял, как заблуждался. Зачем Зорчихе было это нужно, ведь она свободно любила и была любима? Отец никогда не смог бы ввести ее в дом, значит, ей ни к чему была смерть матери. А тогда, в день, когда на свет появилась Елена, Зорчиха сказала мне, что мать сама не пожелала принять ее помощи. Предпочла смерть, чем помощь от рук ненавистой ей соперницы.

Как это глупо, подумала Марина, но промолчала. Оставить своих детей сиротами из-за собственного упрямства. Теперь, когда Марина сама стала матерью, она понимала, что никакие страсти в мире не стоят того, чтобы сделать свое дитя несчастным.

— А что было дальше? — спросила она.

— Дальше? Мать схоронили. Зорчиха не могла помочь матери из-за нежелания той, но, слава Богу, спасти Катиш она все-таки сумела. Отец по-прежнему ходил в село в небольшой домик Зорчихи на окраине. Он уговорил-таки ее перестроить ее жилище, хотя она всегда была против его милостей. Она не крепостная, а живет только собственным даром — тут врачует, там роды примет. Крестьяне на нее молиться готовы, как бы это грешно не звучало. Так и жили они с отцом: вроде бы и вместе, но в то же время врозь. А потом отец уехал в ту поездку, отвозил борзых (ты знаешь, Завидово славится ими, у нас что-то типа завода). Приехал совсем больным. Позвали Зорчиху тут же. А она только взглянула на него и всех погнала вон из комнаты, строго-настрого запретив заходить кому-либо, кроме нее. По ее приказу дом окурили травами, а всю одежду отца, все бумаги, все, что было при нем в поездке, сожгли.

Болотная лихорадка. Откуда она взялась у отца, и почему болели только он да управляющий тогдашний? Бог весть... Отец сгорел за несколько дней. Зорчиха не смогла его спасти. Я до сих пор помню ее неестественную прямую спину, когда сидела у постели, в которой лежало тело отца. Ни слез, ни стонов. Только гладила его по лицу своими худыми пальцами.

Я был молод и горяч тогда. Я ненавидел ее всей душой. Считал ее виновницей всех бед в своей семье. Я приказал вывести ее из дома и запретил под страхом батога показываться на

отпевании и погребении. И она не пришла ни в церковь, ни на кладбище. Крестьяне говорили, что видели ее силуэт издалека, когда отца из дома несли, но я не знаю, верно ли это или нет. Вот так жестоко я поступил тогда... Верни меня в то время сегодняшнего, я бы многое сказал моему отцу, многое бы простил. Да по-другому вел бы себя несомненно. Ведь он был прав... во многом прав...

Некоторое время супруги молчали, словно обдумывая каждый в своем русле то, что сейчас было произнесено в этой комнате, а потом Анатоль тихо сказал, меняя тему разговора:

— Скоро мне уезжать. А воротиться смогу тоже только к Вознесению, не раньше. Постараюсь, конечно, раньше, но кто знает, как Бог распорядится.

— Езжайте с покойным сердцем, Анатоль, — ответила Марина. — Дороги нынче совсем худые станут из-за паводков, не приведи Господи, случится еще что в пути. Вот установятся дороги, и приезжайте к нам. Мы будем ждать вашего возвращения, вы же знаете, будем молиться за вас.

Анатоль помолчал, словно не решаясь что-то поведать ей, а потом все же сказал:

— Я думаю, вы должны знать, Марина. За несколько дней до вашего разрешения от тягости к государю поступило прошение от графа Ланского, — Марина недоуменно взглянула на него, и он продолжил, запинаясь чуть ли не на каждом слове. — Его супруга... вы же знаете, они жили раздельно в последние месяцы. В общем, она уехала из столицы и жила уединенно в имении, блюдя траурные традиции, — Марина не смогла сдержать свои эмоции при этих словах и невольно поморщилась. Анатоль же, расценив это, как знак на то, что он слишком сжимает ее руку, отпустил ее ладонь, лишь легко поглаживал теперь ее пальцы. — Так вот... на имя государя пришло прошение, чтобы тот вынес его на рассмотрение в Синод.

— Они разводятся? — удивилась Марина. К чему же развод был нужен Натали теперь, когда Сергея нет в живых?

— Нет, — покачал головой Анатоль. — Она умерла. Говорят, что она выпила уксуса да много. Какая страшная смерть! Приходской иерей отказывается хоронить ее на кладбище Ланских. Считает ее самоубийцей, а таким не место в освященной земле. Граф же настаивает на том, что это было всего лишь ошибка, ведь графиня частенько пила уксус для бледности лица. Вот и подал прошение, просит признать смерть графини, как несчастный случай.

Это сообщение разбредило всю душу Марины. При Анатоле она старалась ничем не выдать своего волнения, а когда он удалился на свою половину, не смогла сдержать своих эмоций.

— Ты слышала, Гнеша? Слышала? Она и там не оставит его!

— Грэх казаць так, Марина, грэх. Хиба ж так можно о нябожчыце? [\[229\]](#)

Марина откинулась на подушки и задумалась. Конечно, Агнешка права, негоже так отзываться о Натали. Но как же больно было осознавать, что у той нашлось достаточно смелости, чтобы пойти туда, во мрак, за своим любимым. Она не испугалась адовых мук, ведь в том, что Натали ушла по собственной воле, у Марины не было сомнений — тот, кто пьет уксус постоянно для красоты, никогда не перепутает дозу, никогда. Вот как вышло — Сергей и раньше принадлежал Натали, а теперь и вовсе будет рядом с ней там, куда ей, Марине, нельзя. Ей же суждено прожить свою жизнь рядом с другим человеком...

В Страстную пятницу Марина смогла наконец-то подняться с постели, а в сам великий

праздник уже поехала в церковь на службу. Она особенно любила эту церемонию и ни за что не пропустила бы ее. Под сводами этого небольшого храма, под звуки голоса отца Иоанна она мысленно перенеслась на год назад, в Петербург, в другую церковь, где она с родителями встречала Пасху. Первое прикосновение губ Сергея к ее коже, первое нежное касание... Ей никогда не забыть этого. Да и разве хотела она? Марина вспомнила, как долго и упорно горела тогда свечка в ее руке, несмотря на шквальный ветер и холод. Вот так и ее любовь будет гореть маленьким пламенем...

На празднике в церкви Марина заметила Зорчиху впервые за все время, что она ходила на службы к отцу Иоанну. Уже после Варвара, белая кухарка усадьбы и близкая подруга Зорчихи, поведала ей, что шептунья перестала ходить в церковь после смерти барина, только на Пасху и появляется.

— Но ведь это грешно же, — возмутилась Марина.

— Ах, барыня, негоже судить людей вот так легко! Она в Бога верит, ей легче молиться ему у себя в светелке, а не на глазах любопытных. Ведь все тогда будут на нее глядеть, кто вспомнит, зачем пришел в церковь-то? Да и дар у нее особый есть. Многие она видит то, что нам не дано. Может, ей было велено так, кто скажет теперь? Но то, что она не от лукавого, как могут подумать, так то неправда все! Божья она, Божья душа! — Варвара помолчала, а потом сказала Марине. — Она для вас слова оставила. Когда, говорит, барыне что потребуется или душа ее опять болеть будет, пусть ко мне, говорит, придет. Вот как, значитца.

Услышанное немного напугало Марину. Она словно вернулась опять в тот вечер в Киреевку, когда ей старая цыганка пророчества свои рассказывала. Нет, хватит с нее всей этой мистики. Еще не хватало узнать что-нибудь нехорошее. Например, что смерть, которую предрекла в спутницы Марине та предсказательница, еще не оставила ее, а только караулит для своего следующего удара.

Марина весь день ходила сама не своя. Подобные мысли не покидали ее головы, упорно возвращаясь назад, как бы она их не гнала. Она ходила по комнатам с дочерью на руках, наслаждаясь ароматом ее младенческого тела, радуясь ее улыбкам (с недавних пор Ленокча стала радоваться каждому из окружающих ее, что несказанно умиляло ее мать и Агнешку). Но радость и покой, что приходили к Марине ранее, едва она брала на руки дочь, сейчас не наступали в ее душе. Что-то тяготило ее. Нежданно в голову полезли мысли о том, как часто младенчики умирают в раннем возрасте от каких-то невиданных болезней, что пьяница-доктор едва не угробил ее, что уж говорить о маленькой Ленокче...

Марина прижала дитя к себе и горько разрыдалась, сама не понимая отчего. Она так громко завывала, что ее плач был услышан аж в глубине дома, и с обеда прибежали перепуганные комнатные слуги.

— Что адбылося? [\[230\]](#) — испуганная Агнешка пыталась осмотреть плачущего ребенка, который тоже присоединился к матери в громком надрывном плаче. — Что-то з дзitem?

Эта реплика заставила Марину еще пуще залиться слезами. Нянька отобрала у нее дитя и, убедившись, что с девочкой все в порядке, передала ее одной из девок, толпившимся в комнате, знаком показывая всем уйти прочь.

— Ты чаго слезы льешь? У цебя болит что? — пытала она Марину, когда все покинули кабинет барыни. Марина же покачала головой, давая понять, что ничего ее не беспокоит. Старая нянька тогда кивнула сама себе и прижала к себе плачущую женщину.

— То душа болиць. У усих парадзих [\[231\]](#) так бывае, — сказала она, поглаживая Марину

по голове. — Зараз чая с мятай ды мелисай попъешь, и душа кидацца перестанет. Ну-ну, дуже ужо слезы лицъ-то.

В дверь кабинета еле слышно постучали — судя по всему, лакей боялся помешать барыне, слыша ее плач. Агнешка сначала не обратила на это никакого внимания, затем встряхнула Марину.

— Лёкай грукае. Прыбыл, ци што, хто? Чуешь, касатка мая, спыни плакаць-то. Дзitia выдатна, руки-ноги у яе на месцы. Пан цябе любіць, даравал цябе, што яшчэ табе трэба? [\[232\]](#)

Марина вдруг смолкла и вытерла лицо от слез тем, что было у нее под рукой — передником Агнешки, благо та не возражала против подобного. Она жестом показала, что в порядке, но не хочет пока говорить с няней. Подошла к окну и прислонилась лбом к холодному стеклу, успокаивая себя и выравнивая дыхание. Лакей меж тем все не прекращал тихо постукивать в дверь, напоминая о своем присутствии, что вывело Марину из себя, и она громко рывкнула, перепугав Агнешку:

— Войди!

Лакей приоткрыл дверь и едва показался на пороге, словно он был готов в любую минуту убежать прочь.

— Прощения прошу, ваше сиятельство... тут до вас барин приехал... князь Загорский. Просить прикажете?

Марина окаменела, услышав это имя, казалось возникшее тут, в Завидово из дальнего прошлого, которое она так безуспешно пыталась забыть. Ее глупое сердце встрепенулось, словно с визитом к ней прибыл тот, кого она так отчаянно хотела видеть, не взирая ни на что. Она с трудом склонила голову, давая понять лакею, что гость будет принят, и отослала его прочь.

— Быстрее, Гнеша, мне нужно привести себя в достойный вид, — Марина прямо-таки помчалась в спальню, на ходу срывая с себя капот. Агнешка метнулась следом, звучным голосом призывая в половину барыни Дуньку. Все делалось как можно быстрее: ополоснуть барыне лицо ледяной водой, чтобы снять припухлость после продолжительного плача, затем надеть на барыню домашнее платье (благо, что не требовалось никаких многочисленных юбок под него), затянуть волосы в простой, но элегантный узел. Они едва успели проделать всю работу, как возле кабинета послышались голоса и звук шагов. При этом они перемежались с каким-то глухим стуком, и Марина только после поняла его природу, когда в кабинет, куда она еле успела зайти вперед гостя, ступил старый князь Загорский.

Разумеется, Марина прекрасно понимала, что это невозможно никоим образом, а услышав стук трости, что всегда была верной спутницей старого князя, осознала свое заблуждение, но она не могла сдержать своего разочарования, когда увидела Матвея Сергеевича. Тот не мог не заметить его, и она испугалась, что невольно оскорбила его. Ее всегда пугал старый князь. Может, это было потому, что его высокомерный вид не располагал к нему, давая понять, что к князю лучше не стоит даже подходить, пока он не даст своего соизволения на это. Или его густые седые брови, придававшие его лицу выражение недовольства всеми и всем, что его окружает.

Поэтому-то Марина поспешила объясниться после приличествующих случаю приветствий:

— Прошу простить меня, я до сих пор не могу свыкнуться с мыслью..., — но тут же осеклась, осознав, что выдает себя с головой. Старый князь лишь слегка фамильярно (что прощалось его возрасту), похлопал ее по руке.

— Не тушуйтесь, моя дорогая (позвольте старику вас так называть), не стоит. Не передо мной. Я даже рад видеть разочарование в ваших глазах при моем появлении, ибо это на руку мне. Очередное доказательство правоты моих подозрений.

Старый князь по приглашающему жесту Марины прошел к креслам у камина, у которого было так приятно посидеть в такую сыкотную погоду, о чем не преминула заметить хозяйка.

— Может быть, вы желаете чаю? — добавила она при этом.

— Да, не откажусь, — кивнул князь Загорский, с трудом опускаясь в кресло, с явным напряжением опираясь на трость в руке. — Я немного продрог по дороге. Казалось бы, дивная солнечная погода, но эта сырость... пробирает прямо до костей.

Он замолчал, переведя взгляд в огонь, ярко пылавший в камине. Молчала и Марина. Ее приучили, что старший по возрасту всегда сам предложит тему для разговора, вот она и ждала, мучаясь любопытством, что же все-таки привело князя в Завидово по еще толком не подсохшим дорогам.

Наконец после того, как принесли чай, и лакей, быстро сервировавший небольшой

столик, удалился, князь перевел свои глаза на Марину. Они были так схожи по цвету с серебристо-стальными глазами его внука, что Марину стала бить небольшая дрожь. И если дед был схож со своим внуком не только этим, то она должна была быть готовой к длинному разговору — подобное выражение появлялось у Сергея, когда тот был решительно настроен узнать что-либо.

— Вы, видимо, гадаете, зачем я явился к вам по таким мерзким дорогам, *n'est-ce pas*? Я сам всегда говариваю, что по таким дорогам ездят только дураки. Но, тем не менее, я тут. Я прибыл бы к вам ранее, но проклятый радикулит не всегда позволяет мне делать то, что хочу, — он помолчал, а потом добавил. — Я к вам с разговором, Марина Александровна, и смею вас уверить, что этот разговор останется меж нами. Посему прошу вас быть откровенной со мной, как был откровенен мой внук. Я получил письмо от него, в котором он признался мне во всем содеянном.

Марина, услышав эти слова, похолодела на мгновение, а затем вспыхнула от стыда, что о ее позоре стало известно и старому князю. Зачем Сергей писал ему об этом мнимом венчании? Хвалился своим поступком? Злорадствовал, что сумел-таки причинить *ennui* [233] своему деду?

— Да, я не одобряю его поступка, и прямо говорю вам об этом, — чуть повысив голос, произнес князь Загорский. — Вот так... аки вор... Но сделанного не воротишь вспять. Да и не за тем я прибыл к вам нынче. Почему вы не обратились ко мне сразу же, как узнали о кончине моего внука, Марина Александровна? Почему предпочли так спешно выйти за Воронина? Мне, право слово, сие непонятно. Тем паче, я вижу тоску в ваших глазах, значит, вы любили моего внука, и этот спешный брак был осуществлен не по той страстной любви, о которой судачил весь Петербург. А значит..., — старый князь замолчал, пристально глядя Марине в глаза, и та поспешила отвести свой взгляд, ведь если Сергей умудрялся читать ее мысли, словно открытую книгу, то этот умудренный опытом человек и подавно сумеет сделать это. Движение ее головы было явным доказательством для старого князя. Его глаза вспыхнули тотчас каким-то странным светом, и он продолжил. — Значит, для этого спешного брака была иная причина, *est-ce vrai*? [234]

Марина вдруг резко встала, почувствовав, что не в силах более, сидеть на месте, рядом со старым князем, под его пытливым взглядом. Она отошла к окну, словно надеясь вдали от кресла гостя найти себе убежище от того, что горькая правда вдруг сейчас всплывет в их разговоре. Клятва, данная Анатолю, заставляла ее бежать прочь от этой опасной темы.

Но князь не унимался. Он вдруг поднялся на ноги и, тяжело опираясь на трость, двинулся к Марине, намереваясь и дальше продолжать этот разговор.

— *Dites-moi, de grâce, est-ce vrai*? [235] — наступал он на нее. Марина мельком взглянула на князя и поразилась тому, какой надеждой горели его глаза. Мысль о том, что у его рода может быть продолжение, что он не зачах вместе с Сергеем, казалось, питала его изнутри.

Но Марина отвела взгляд от его лица и неловко, с трудом качнула головой, опровергая его слова. Она была связана по рукам и ногам своим обещанием молчать об отцовстве Елены, и даже сейчас, как бы ей не хотелось его нарушить, она не могла даже рта раскрыть.

Старый князь тут же поник. Он словно резко постарел на десяток лет, так подкосило его услышанное.

— *Pardonnez-moi, je vous prie* [236]. Я оскорбил вас своими нелепыми подозрениями, мне нет оправдания. Простите подобную глупость, не свойственную моим сединам, — князь

Загорский словно на ощупь двинулся к креслу и тяжело опустился в него. Марина едва сдерживала слезы, видя его разочарование. Почему она вечно была обречена лгать, лгать и еще раз лгать, причиняя боль? Как разорвать ей этот замкнутый круг?

Внезапно она поняла, что не может держать правду о Елене от этого человека. Он вполне заслужил знать, что Сергей не ушел совсем от них, что он оставил маленькую частичку себя. Да, она обещала молчать, это правда. Но разве в этом случае нужны только слова?

Матвей Сергеевич не слышал, как Марина открыла дверь и что-то проговорила стоявшему поодаль лакею. Он переживал крах своих надежд, которые он так тщательно лелеял в глубине души все то время, что он лежал без движения в своей спальне. Он обманул Марину — вовсе не радикулит мучил его тело. Воспаление легких вдруг прихватило старого князя в тот же вечер, когда он прочитал письмо внука. Если бы не болезнь, то он тут же бы помчался в Петербург в дом Ольховских. Но его скрутила горячка, а потом и вовсе стало худо так, как никогда в жизни. Он надеялся на то, что смерть приберет его и воссоединит с его близкими, но спустя несколько дней спала горячка, а чрез некоторое время пришла весть о браке Марины и Анатоля.

Матвей Сергеевич не был дураком. Он прекрасно помнил, как горят глаза Марины при виде его внука, помнил, как они смотрели друг на друга, кружась в вальсе по бальной зале, как ищут друг друга взглядами на балах и раутах. Столь спешный брак, по мнению Матвея Сергеевича, в виду всех изложенных обстоятельств в письме, был вызван лишь тем, чтобы прикрыть кое-что, что вскорости прикрыть было бы нельзя. А значит, ему было ради чего жить дальше — узнать, правда ли, что на земле будет продолжать жить кровь рода Загорских.

С того дня он всеми силами цеплялся за жизнь и все-таки сумел выкарабкаться на удивление всем докторам, ведь воспаление легких в его возрасте должно было прикончить его. А окончательно оправившись от болезни и ее последствий, поехал сюда, в Завидово. И вот он, результат...

— Pardonnez-moi, — легко коснулась плеча старого князя Загорского рука Марины. Он обернулся и увидел, что она держит на руках младенца. Марина немного отогнула кружево одеяльца, и Матвей Сергеевич увидел большие голубо-серые глазенки недовольно глядевшие на него.

— Bon Dieu! Ce n'est que trop vrai! ^[237] — губы у старика задрожали от еле сдерживаемых эмоций. — Это просто копия моих внуков в младенчестве. Il n'y a pas à dire ^[238], кровь Загорских.

Он протянул руку и коснулся щеки младенца. Тот скривился и издал громкий вопль, что заставило князя быстро отдернуть руку.

— Видимо, пальцы холодные, — виновато улыбаясь, проговорил Матвей Сергеевич, глядя, как Марина присаживается в кресло напротив и успокаивает дитя. — А это...?

— Девочка, — коротко ответила Марина, предвидя его вопрос. — Ее имя Елена.

Глаза старика повлажнели при упоминании знакомого имени. Он достал из кармана фрака платок и быстрым движением вытер невольно выступившую влагу. Потом он резко взял Марину за руку, немного напугав ее своим неожиданным движением, и крепко поцеловал ее ладонь.

— Благодарю вас, вы вернули меня к жизни, — проговорил Матвей Сергеевич. — Такой дар небес после всех моих потерь!

Они еще долго сидели у камина, наблюдая вдвоем за маленьким продолжением рода Загорских. Отмечая каждый знакомый жест, каждую знакомую мимику лица девочки. Умиляясь ее красотой и невинностью.

— Воронин знает? — коротко спросил Матвей Сергеевич, когда ребенка унесли к кормилице спустя какое-то время. Марина кивнула, а затем проговорила:

— Он принял Елену, как свою дочь, и всеми силами пытается забыть о том, что она не его. Даже заставил меня принести ему клятву на образах, что никто и никогда не узнает об обратном.

— А вы открылись мне... — старый князь помолчал, а потом вдруг полез рукой за ворот рубашки и с трудом достал небольшое распятие на черном шнурке. — Я клянусь на этом кресте, Марина Александровна, что никто и никогда не узнает от меня правды об отцовстве Елены, раз уж так рассудила судьба.

Он поднес распятие к губам, а потом снова спрятал его за полотном рубашки. Руки снова сжали серебряный набалдашник трости.

— Я прошу вас только об одном — не вычеркивайте меня из жизни моей внучки. Она единственная отрада для меня нынче. Позвольте мне быть рядом с ней иногда, стать свидетелем того, как она подрастает.

— Я не вправе давать вам таких обещаний, — покачала головой Марина. — Будь моя воля, я бы даже и речи не заводила об этом. Леночка — ваша плоть и кровь, и я никогда бы не мешала вашим свиданиям. Но мой супруг... только он имеет право дать вам ответ на вашу просьбу.

— Я поговорю с ним, — кивнул князь. Затем он перевел разговор на те дни, что Марина и Сергей провели перед его отъездом, но о самом венчании он не спросил, словно оно было под запретом для обсуждения. Марина была благодарна ему, что он всячески обходит эту неловкую тему для них обоих, и рассказала ему о том, что Сергей открылся ей в своих мыслях и переживаниях, что поведал о том страшном скандале, что случился в их семье и привел к расколу.

— Он ненавидел меня! — воскликнул Матвей Сергеевич, и Марина, почувствовав боль в его голосе, положила свою руку на его ладонь, приободряя его.

— Нет же, нет. Он был обижен, это правда, но ненавидеть..., — она покачала головой. — Будь у вас побольше времени, вы бы выяснили все ваши разногласия, и я уверена, былая близость была бы не за горами. Как он мог ненавидеть вас, когда ваши характеры так схожи? Он понимал всю природу ваших поступков, но слепая гордыня мешала ему увидеть, что многие из них были продиктованы лишь любовью к нему.

— Вы — дивный ангел, моя дорогая! — растроганно прошептал Матвей Сергеевич, и Марина вздрогнула, вспомнив почти те же самые слова, слетевшие с губ Сергея после своей исповеди. Это воспоминание отдалось легкой болью в сердце, и князь не мог не уловить перемену в ней при своих словах.

— Вы очень любили моего внука? — спросил он, и Марина кивнула.

— Всем сердцем и всей душой. Я не думаю, что смогу полюбить так снова.

Неожиданно для самих себя Матвей Сергеевич и Марина потянулись друг к другу и обнялись, словно обмениваясь своими эмоциями, своими силами. Ей стало так покойно в его столь крепких для его возраста объятиях, что она невольно расплакалась. Князь лишь гладил ее по голове, успокаивая и приговаривая:

— Ну, почему вы не написали ко мне тогда? Почему не попросили о помощи?

— Мне было стыдно, — едва слышно прошептала Марина.

— Вы мать моей внучки, что тут стыдиться? — шептал ей в ответ старый князь, и Марине стало вдруг так горько от осознания его правоты. Почему она не попыталась обратиться к нему прежде, чем пойти под венец с нелюбимым человеком? Ну, даже если бы князь Загорский отказал ей, разве честь дворянина позволила бы ему опозорить ее? Она бы ничего не потеряла бы в этом случае, и кто знает, что бы приобрела...

— Я переговорю о своем деле с Анатолом Михайловичем, когда приеду в Петербург, — сказал на прощание Матвей Сергеевич, когда пришло время покидать Завидово спустя несколько дней. Марина не могла отпустить в дорогу уставшего пожилого человека и упростила его остаться, а князь не мог так скоро расстаться с внучкой, которая почти сразу же привыкла к нему и улыбалась, когда он с ней тетешкался на удивление слугам. — Пусть у него будет время обдумать все прежде, чем он примет решение.

Но Марина поняла его без слов. Он не хотел говорить с Анатолом в Завидово, чтобы она, Марина, была рядом, ведь Воронин не сумеет сразу понять, почему она открылась старому князю, и возможно, будет скор на расправу. Марина вздрогнула, вспомнив свою первую брачную ночь и те удары, поплотнее закуталась в шаль.

— Я буду молиться о том, чтобы милосердие не оставило его душу, чтобы он склонился к вашей просьбе, — сказала она князю. Тот в последний раз поднес руку Марины к своим губам, потом поцеловал в лоб и вышел из гостиной вон, где по его настоянию («Никаких прощаний на крыльце! Не хватало горячки!») они попрощались. Старый князь так напоминал Марине своего внука — движениями, мимикой, интонациями голоса, что в ее душе опять всколыхнулась былая тоска. Даже его слова о горячке были так схожи с теми словами, что говорил тогда, прощаясь, Сергей.

— Господи, — прошептала Марина. — Пусть будет раб твой Анатолий справедлив. Пусть не разлучит плоть от плоти, прадеда от правнучки...

Ей казалось, что Анатолий не будет против свиданий этих близких по крови людей, но она и подумать не могла, что это приведет его в столь необузданную ярость.

— Как ты могла рассказать ему? — кричал он, приехав в Завидово прямо перед Вознесением, как и обещал. — Как ты могла нарушить свою клятву? Ведь ты давала ее на образе!

— Я не нарушала клятвы, я ни слова не сказала о том, что она его правнучка, — тихо сказала Марина. Она не имела ни малейшего намерения оправдываться перед ним потому, как вовсе не чувствовала свою вину. Она должна была сделать то, что сделала. Это был ее долг перед Сергеем. — Я лишь показала его сиятельству Елену. Он все понял сам.

С глухим рыком Анатолий запустил в Марину бокал вина, что в тот момент держал в своей руке. Он пролетел мимо ее головы, не задев даже волоска на ее голове, и разбился о противоположную стену гостиной, забрызгивая пятнами мебель и штофные обои. Марина даже не успела испугаться, как Анатолий подскочил к ней и крепко сжал ее плечи своими большими ладонями.

— Я позволю князю видаться с правнучкой. Но при условии, что вы, мадам, станете той женой, что клялись быть у алтаря — покорной своему супругу во всем, — он обхватил ее затылок ладонью и приблизил лицо к своему, заставляя неотрывно смотреть в свои глаза. — Я более не намерен терпеть вашу непокорность. Отныне вы будете делать то, что я вам скажу, говорить то, что я вам разрешу, принимать только тех, кто мне угоден. И никак иначе! Зорчиха уже передала вам свое зелье?

Марина коротко кивнула, понимая, что тот миг, которого она так страшилась в глубине души, настал.

— Très bien [\[239\]](#). Ждите меня нынче у себя.

Той же ночью Марина принадлежала ему полностью, как он давно мечтал. Анатолий пришел к ней, когда в доме погасили все огни, и только слуги, отвечающие за топку, остались бодрствовать в лакейской. Она ждала его, лежа в постели, натянув одеяло почти до самого подбородка, что позабавило его. Он легко стянул одеяло и отбросил его в сторону, потом туда же бросил и халат. Под халатом у Анатолия ничего не было, и осознание этого заставило Марину слегка покраснеть, словно институтку, и отвести взгляд.

— Très bien, — сказал Анатолий сам себе и, обхватив своими длинными пальцами ее подбородок, все же заставил посмотреть на себя, глаза в глаза. Марина поняла, что он желает, чтобы она смотрела на него, и не стала отводить свой взгляд, как бы ей того не хотелось.

Анатолий снял с нее сорочку, а она по-прежнему смотрела в его глаза. Он провел ладонями по ее обнаженному телу, словно не веря, что наконец-то касается ее нежной кожи, а Марина не отводила глаз от его пристального взгляда. Он стал целовать ее шею, грудь, плечи, прервав их зрительный контакт, она же по-прежнему держала свои глаза открытыми, запрещая себе смежить веки. Ведь если она закроет их, то унесется мысленно в другую спальню, к другому мужчине...

Марина изо всех сил старалась запретить себе думать о том, что ее тела касается чужой ей человек, чужой ее сердцу, пыталась вызвать в себе отклик на его ласки и поцелуи. Она знала по словам Сергея, что некоторые мужчины чувствительны к тому, как отзывается на их действия их партнерши, а ей вовсе не хотелось оскорбить своей холодностью своего супруга. Ведь этого, по ее мнению, тот не заслуживал.

Наконец ее тело расслабилось, а разум словно отключился, запрещая себе даже думать о том, что сейчас происходит в этой комнате. Но той потери в пространстве и времени, что ощущала Марина с Сергеем, не случилось, не было той истомы, той ослепительной вспышки удовольствия от любви.

Может, потому, что и не любовь была вовсе, устало подумала Марина после того, как Анатолий заснул, повернувшись к ней спиной. Она чувствовала сейчас, словно она предала Сергея, хотя по сути то, что произошло, не могло быть неверностью как таковой. Ей дико хотелось сейчас принять сейчас ванну с теплой водой и смыть с себя все, что напоминало бы ей о происшедшем. Но она не могла сделать этого, не разбудив Анатолия, а будить ей его вовсе не хотелось. Сергей, бывало, тянул ее в постель повторно, а сейчас Марина не была уверена, что выдержит еще раз.

Поэтому она тихонько поднялась с кровати и аккуратно пошла к умывальным принадлежностям на комоде. Стараясь не шуметь, налила воды, опустила в нее тряпочку и принялась протирать свое тело. Низ живота слегка тянуло, но Марина сочла это естественным в данный момент. И лишь когда заметила кровь на тряпочке, сначала испугалась, а потом облегченно рассмеялась.

Крови. Никогда она еще не радовалась им, как сейчас.

Марина взяла со спинки стула капот и надела его, как можно плотнее запахивая полы. Потом взглянула на спящего мужа. Он лежал на животе, раскинув ноги, занимая большую часть кровати. Почему он не ушел на свою половину? Почему остался? Марина почувствовала легкое раздражение. Анатолий столько места занял в ее жизни, что даже

сейчас она не может лечь в *свою* постель, потому как большая часть ее была занята им же. Даже в своей половине ей нет теперь покоя. Видимо, он не лукавил, когда говорил, что отныне вся ее жизнь будет только его...

Марина прошла в кабинет и опустилась там перед образами, надеясь, что молитва принесет покой в ее истерзанную душу. Но покой все не приходил, хоть и стояла она на коленях почти до рассвета, не замечая, как слезы текут по ее щекам.

«Надо лишь привыкнуть. Потом пойдет как по накатанной», — говорила Марине ее мать, Анна Степановна, перед днем венчания.

Надо лишь привыкнуть...

Внезапно ей захотелось взглянуть на дочь, и она поднялась с колен, прошла в детскую. Леночка спала, улыбаясь во сне. «Анелау бачыць [\[240\]](#)», — говорила о таких улыбках Агнешка, и Марина, вспомнив об этом, вдруг подумала, приходит ли к ее дочери Сергей во снах. Ей бы очень хотелось, чтобы дочь хотя бы так увидела своего настоящего отца, пусть даже не зная о том, кем он ей приходится.

Марина не могла удержаться и коснулась пухленькой щечки указательным пальцем, нежно поглаживая мягкую кожу. Леночка сморщила лобик недовольно, и сердце Марины кольнуло иголкой. Так морщился во сне Сергей, когда она гладила его по лицу. Как ей забыть его, коли перед глазами всегда будет его маленькая копия? Разве это возможно?

*****

За день до Воскресения, как и обещались, прибыла семья Марины в полном составе, на двух каретах покойной тетушки. Теперь уже и вовсе собственных — по завещанию Софьи Александровны Ольховским отошел дом со всей дворней и землей, а также денежные средства в виде содержания, которое будет выдаваться поверенным в начале каждого года. Девочки и приемный сын, господин Заболотнев, получили по определенной денежной сумме, а Марине лично тетушка отписала кроме того небольшое имение под Рязанью, переданное в дар ее деду, генералу Гольшеву, еще государыней Екатериной Алексеевной. Осознание того, что она не бедствовала бы, не выйдя замуж Воронина, приносило Марине лишь горечь, ведь она могла бы и не вступать брак, а уехать в это имение и жить там, растя своего ребенка одна. Ах, если бы знать об том ранее...

Грешные мысли, одергивала себя тут же Марина. Да и как бы я судилась с господином Заболотневым? Ведь он подал иск о признании завещания «нечестным», как и полагала справедливо Анна Степановна. Но теперь, с покровительством его сиятельства графа Воронина, флигель-адъютанта Его Императорского Величества, этот судебный процесс был нестрашен ее семье.

Именно поэтому Анна Степановна так радостно смеялась, расцеловывая своего *gendre* [\[241\]](#), встречавшего их на крыльце усадебного дома вместе с супругой.

— Ах, *mon cher ami*, как же я обожаю этот сельский воздух! — восклицала она, улыбаясь Анатолю, а Марине лишь только оставалось дивиться ее улыбкам, ведь в Ольховке маменька только и делала, что повторяла, как она ненавидит деревню. Но разве можно сравнить их старенький бревенчатый дом в Ольховке и этот громадный особняк?

К удивлению Марины, ее родные даже не внесли какого-либо изменения в ее привычную жизнь. Папенька, мельком взглянув на внуку, покинул женское общество вместе с Анатолем ради завода борзых и гончих, что был в усадьбе, где и пропадал там почти время визита, ведь охотничьи собаки всегда были его страстью. Сестры же удалились кто

куда — Ольга читать в беседку у пруда, остальные сестры незаметно попрятались, видимо, по своим комнатам. Лишь Анна Степановна сначала долго была в детской вместе с Мариной, напряженно вглядываясь в девочку у нее на руках. Потом, видя, что дочь не расположена к разговорам, прекратила попытки завязать беседу и ушла к себе, ссылаясь на мигрень.

Марина же, понянчив дочь до времени ее кормления, передала Леночку кормилице и вышла в парк, где ее уже ждал немец Одлерберг, привезенный Анатоном садовник. Весь день, даже пропустив обед, она занималась садом и парком, что намеревалась обновить с помощью иностранного специалиста. Они вместе обошли всю землю под парковым комплексом, планируя, споря или соглашаясь. Одлерберг предложил графине построить оранжерею, чтобы иметь и зимой свежие фрукты, а не привозить их из Петербурга. Еще было намечено расширить немного зимний сад — Марине показалось, что будет очень красиво устраивать там небольшие балы или рауты.

Лишь за ужином вся семья собралась за столом. Не было только Лизоньки, средней сестры Марины, что удивило хозяйку, а Анну Степановну заставило напряженно замереть.

— У сестры приступ мигрени, — извинилась за ту, краснея, Софи.

После ужина прошли в диванную, где стояло фортепьяно, и Софи, обладавшая дивным сопрано, спела несколько романсов. Марина всегда в глубине души немного завидовала голосу сестры. Станет она постарше, отбою не будет на вечерах от просьб «уважить и усладить слух». Лиза и Ольга прекрасно рисовали акварели. А вот саму Марину Господь не наделил никаким талантом, кроме ума и способности к языкам. Хотя лучше б первого было поменьше, как у Лизы, может, в этом случае Марину меньше мучили бы сомнения и размышления.

Около одиннадцати, когда за окном стали сгущаться сумерки, вся компания разошлась по своим комнатам — завтра нужно было рано вставать на праздничную службу в церкви. Анатолий безмерно удивил Марину, проследовав за ней в ее половины.

— Я не намерен сегодня делить с вами ложе, — проговорил он, заметив ее недоумение. — Вернее, намерен, но не в библейском смысле. Я хочу лишь разделить с вами сон, только и всего. Так вы быстрее привыкнете ко мне.

Разве может она противиться, усмехнулась про себя Марина, но ничего не ответила, лишь коротко кивнула, принимая его решение. Так они и провели ночь вместе в одной постели. Марина сначала долго не могла заснуть. Ей казалось, что рука Анатолия на ее талии слишком тяжела, а его тело, прижимающееся к ней, чересчур горячо. Но затем она все же провалилась в глубины сна и, вынырнув обратно, едва не произнесла запретное имя — ей показалось, что она пробудилась в Киреевке, а рука, обнимающая ее, и губы, нежно касающиеся ее губ, принадлежат совсем другому человеку, а не ее мужу.

Надо лишь привыкнуть. Словно мантру Марина повторяла про себя эти слова снова и снова, пока ее одевали к утренней службе. Надо лишь привыкнуть...

В гостиной, где собиралась постепенно вся семья, чтобы ехать в церковь, со временем обнаружилось отсутствие Лизы, заставившее маменьку смертельно побледнеть. Что-то происходит, решила Марина, заметив это.

— Где же Лизонька? Она скоро будет готова? — спрашивал Александр Васильевич у краснеющей Софи, делившей комнату с Лизой. Ольга же была размещена в мезонине по ее собственной просьбе — подальше от шума дома.

— Надо бы приказать подать коляски, — сказал Анатолий, доставая из кармана фрака

брегет. — Пешком, как мы планировали, уже не успеем.

Софи, не привыкшая к зятю, к его резкому голосу, когда он бывал раздражен, отнесла его холодность и повышение тона голоса на свой счет и вдруг разрыдалась. Марина кинулась к ней, успокаивая. Анна Степановна же коршуном вдруг метнулась прочь из комнаты в половины гостей, провожаемая недоуменными и растерянными взглядами оставшихся в гостиной. Спустя некоторое время из глубины дома раздался ее вопль, и Марина поняла, что волнение матери в последнее время, видимо, было совсем неспроста.

— Александр Васильевич! — вопила ее маменька, буквально влетая в гостиную с листком бумаги в руке. — Полюбуйтесь! Полюбуйтесь на это!

Она передала записку отцу, и тот, прочитав ее, полез за своей трубкой в карман, растеряннно глядя на дочерей, неотрывно смотрящих на него во все глаза.

— Что вы собираетесь делать? Курить? — взвизгнула Анна Степановна и выхватила из рук мужа трубку. — Надобно срочно найти Лизу, пока ... пока... Надо же что-то делать!

— Боюсь, что дело уже сделано, — растерянно ответил ей Александр Васильевич и посмотрел на собравшихся в гостиной. — На нашу семью неожиданно свалилась беда, девочки мои. Ваша сестра нынче ночью бежала из дому с каким-то Дегарнэ.

— Дегарнэ, — поправила его маменька, сама не сознавая этого, и разрыдалась. Анатолий прошел к тестю и взял из его рук листок бумаги, быстро пробежал глазами.

— Успокойтесь, тут написано, что они обвенчаются в первой же церквушке, где им позволят сделать это без родительского благословения. Еще не все потеряно, мы просто найдем этих новоявленных молодоженов и сделаем вид, что были в курсе их поспешной свадьбы. О разрешении из полка на брак я похлопочу.

— Боюсь, что никакого венчания и не будет, — горько проговорила Анна Степановна, резко прервав свои рыдания. — Это все расплата мне. За мои грехи! — она взглянула на Марину, и та поняла, что речь сейчас была о ней самой. — Дегарнэ не женится на моей дочери. Она лгала ему, что получила богатое наследство от тетушки, стремясь привлечь его внимание к своей особе. Ведь она влюбилась в него еще год назад на одном из балов. А этого француза привлекают в моей дочери не она сама, а лишь мифическое богатство. Но приданое Лизы не столь велико, и, дай Бог, чтобы он узнав об этом, не... не... Моя дочь пропала! Она погублена! Погублена!

— Зачем вы позволяли тогда ее флирт с этим офицером? — спросила Марина. — Зачем? Ведь знали, что ни к чему хорошему это не приведет.

— Она была так влюблена, так счастлива в своей увлеченности, — краснея, проговорила Анна Степановна. И Марина поняла ее. В стремлении сделать свою любимую дочь хоть немного счастливой, дать ей почувствовать любовь прежде, чем та будет заперта в клетку брака по настоянию родителей, маменька сама невольно позволила дочери подойти к краю обрыва.

Что будет теперь с Лизой? Что будет с ней, если француз откажется жениться на ней? Ее репутация безвозвратно погублена — провести ночь вне дома с посторонним мужчиной. Двери приличных домов навсегда закроются для нее, и той не останется ничего иного, как покинуть столицу и вернуться в Ольховку, жить там абсолютной затворницей.

Марина вдруг отвлеклась от своих мыслей, заметив, как пошатнулся отец и схватился правой рукой за сердце. Потом он сделал глубокий вдох и опустился на пол, словно ноги не держали его. В комнате сразу же начался переполох: крики, приказы принести сердечные капли и воды, рыдания маменьки и младших сестер.

После, когда отца перенесли в гостевую спальню и послали за доктором, Марина подошла к Анатолю, который задумчиво стоял на крыльце, похлопывая перчатками о свое бедро.

— Что теперь будет? — спросила она, едва сдерживая слезы.

— Не знаю, — ответил ей муж. К крыльцу подвели оседланного коня, за ним подъехали два стремянных, крупных широкоплечих детин.

— Вы куда-то едете? — удивилась Марина. Анатоль ничего не ответил ей, лишь легко вскочил в седло. Только затем повернулся к ней.

— Видимо, спасти сестер Ольховских из беды — мое предназначение.

С этими словами Анатоль и его маленькая свита покинули усадьбу, оставив Марину стоять на крыльце одной.

На службу в церковь никто так и не пошел. Весь дом погрузился в тягостную тишину, которая изредка нарушалась рыданиями Анны Степановны. Приехал доктор и нашел, что Александру Васильевичу ничего не угрожает, но в дальнейшем тому понадобится отдых и покой, никакого излишнего волнения. Доктор оставил опиумной настойки, приняв которую обеспокоенные родители смогли наконец забыть о случившемся и погрузиться в глубокий сон, после чего Марина вздохнула с облегчением.

Она прождала до обеда вестей от мужа, но получила не весточку от него, а собственную сестру. Счастливо улыбающаяся, та приехала в наемном экипаже вместе с щеголеватым темноволосым офицером, который то и дело подкручивал свои тонкие усики. Марине он напоминал кота, дорвавшегося-таки до сливок. Еще ее поразило, как непринужденно вела себя сестра с родителями и родными. словно и не было этого побега из дома и тайного венчания, а она уже давно замужем и приехала навестить своих родных.

После, когда все, дружно сделав вид, что все они снова счастливая и дружная семья, разошлись по своим комнатам, чтобы переодеться к обеду, за которым было решено чествовать молодых, Марина прошла в половину Анатоля. Ей хотелось узнать, где и при каких обстоятельствах он нашел эту парочку, как смог сделать, чтобы они приехали на поклон к родителям.

Анатоль был разозлен. Страшно разозлен. Она видела это по тем резким движениям, что он завязывал галстук, по тому, как он дергал головой. Марина подошла к нему и положила руку на его ладонь, затем аккуратно расправила складки шелкового галстука, не поднимая глаз.

— Как вы их нашли? Где?

— На постоялом дворе почтовой станции. Дегарнэ собирался уезжать в полк в столицу. А ваша сестра рыдала, умоляя не оставлять ее там одну.

— Что? — возмутилась Марина.

— Да, все именно так. Он увез ее из дома, провел с ней ночь на постоялом дворе, чтобы у родителей уже не возникло желания опротестовать их брак. А утром ваша сестра, не дожидаясь венчания, вдруг открыла ему правду о мифическом огромном наследстве. И все. *Finita la comedia.*

— О Боже, — прошептала потрясенная Марина. Она вовсе не ожидала подобного, наивно заблуждаясь в своих предположениях. — Но сейчас они...?

— Венчаны, не переживайте. Дегарнэ, получив определенные обещания, все же решил породниться с графом Ворониным. За большую сумму и намечающееся продвижение по службе он и не такое готов был бы пойти.

Анатолий помолчал, а потом скосил на нее глаза и резко отрывисто спросил:

— Я вот все думаю, это у вас в крови, у Ольховских? Подобная страсть к побегам? Что мне ожидать в будущем от Елены?

Марина, ни секунды не раздумывая, подняла руку и ударила его по щеке ладонью. У нее во рту стало так горько, словно она наелась редьки. Как он мог так оскорбить ее и ее дочь? Как мог? Она развернулась и быстро пошла прочь из его половины, более не в силах оставаться там.

За обедом почти все сидели так, словно это было не празднество по случаю венчания, а поминки, — тихо, с холодными или печальными лицами. Лишь Лиза счастливо смеялась да ее супруг отпускал шуточки, рассказывал анекдоты и последние горячие сплетни, стремясь хоть как-то поднять градус атмосферы в комнате. Вконец все испортила сама новобрачная. Она обвела взглядом расписной потолок парадной столовой, затем позолоту стен и проговорила:

— У вас роскошный дом, Марина. Да и имение, как я поняла, немаленькое.

Марина ничего не ответила, как и до этого игнорировала почти все реплики сестры, все еще злясь на ту за страдания родителей, за бледность отца, который еле улыбался сейчас на том конце стола, за старания ее собственного мужа и за то, что меж ними снова ссоры, причем по вине Лизы. Ее сестру это разозлило, и она поспешила произнести, ошеломя сидящих за столом своей репликой:

— Если бы я пошла на поводу у маменьки, у меня тоже был бы большой дом и имение. Но разве все это сравнится любовью? Я решила предпочесть любовь, — она с нежностью посмотрела на своего супруга, расправляющегося с содержимым тарелки.

Марина окаменела при этих словах, чувствуя, как от ее лица отхлынула кровь. Второе оскорбление за день. Что еще ее ждет нынче вечером? Очередной скандал?

Она с трудом глотнула вина из бокала, напряженно размышляя над достойным ответом, но не успела она ничего придумать, как подал голос Анатолий:

— Если бы ваша сестра, дорогая свояченица, не вышла замуж в свое время, то ваш брак не состоялся бы тоже, позвольте вам напомнить. Ведь ваша любовь была куплена именно на деньги от союза Марины Александровны, — он поболтал вином в бокале, наблюдая, как оно разливается по стеклу, не обращая внимания на то, как побледнела его родственница. Затем проговорил. — А впредь прошу вас научиться следить за своими словами в моем доме, иначе вы более никогда не переступите его порог.

Эта поддержка разлила в груди Марины какое-то странное тепло. Она внезапно поняла, что как бы они с Анатолием не ссорились меж собой, он никогда не даст обидеть ее или оскорбить. Она была не одна отныне, теперь у нее был защитник.

Марина ждала его вечером на своей половине, чтобы выразить свою благодарность, когда он придет, чтобы как обычно устроиться на сон. Но вот уже пробило полночь, и все домашние разошлись по своим комнатам, а Анатолий все не шел к ней. Когда удалились слуги, завершив все дела в доме и погасив свечи, а в доме установилась ночная тишина, Марина внезапно поняла, что ее муж вовсе не собирается приходить к ней. Снова меж ними установились те холодные вежливые отношения, что были до рождения Леночки.

Нет, у нее будет не такой брак, она решила это давным-давно. Марина взяла с комода свечу и пошла в половину своего супруга. Пусть у них того единения, что было у нее с Загорским, пусть нет тех чувств и эмоций. Но и Анатолий, и она заслуживают достойного брака, и она сделает все, чтобы так и произошло в дальнейшем. Надо лишь привыкнуть,

снова повторила она про себя, уже стоя перед дверью спальни супруга.

Анатолий читал, лежа в постели. Казалось, он даже не удивился ее приходу, словно это было в порядке вещей. Марина прошла прямо к нему и, опустившись на колени, рядом с кроватью, взглянула на обложку.

— Вам нравится Декарт? — удивилась она. Ее муж усмехнулся.

— Не совсем. Это единственное, что может меня заставить не думать о вас. Проверенное средство.

Марина вспыхнула, поняв, что именно он имеет в виду. Потом протянула руку и коснулась его щеки. Он не отстранился, и она сама удивилась, как обрадовалась этому факту.

— Простите меня за то, что ударила вас, — прошептала она.

— Нет, — покачал головой Анатолий. — Это вы простите меня за мои слова. Я был ужасно зол, вот и сорвался на вас. Постараюсь впредь не делать подобного, но обещать не могу. Ненавижу просить таких людей, как Дегарнэ, ненавижу зависеть от их решения.

— Спасибо за то, что спасли репутацию моей сестры, — поблагодарила Марина. — Не уверена, что все сложилось бы по-другому, если бы не вы.

— Боюсь, сама она вскорости пожалеет об этом браке, — ответил ей Анатолий, и жена кивнула, соглашаясь. — Но Бог с ней. Если она будет держать за зубами свой змеиный язык, я согласен помогать ей и впредь. Лишь бы ты не печалилась...

Их губы соприкоснулись, и Марина удивилась, как легко она приняла его. Прикосновения Анатолия сейчас не тяготили ее, как в прошлую ночь. Чем это было вызвано, какими чувствами — благодарностью, признательностью ли, ей не хотелось думать в эту минуту.

Краем глаза Марина вдруг заметила большой сверток, перевязанный бечевкой, стоявший в углу комнаты. Анатолий проследил за ее взглядом и пояснил, слегка краснея (или Марине это привиделось в неровном свете свечи?):

— Прибыли из столицы заказанные мной игрушки для Леночки. За всеми этими хлопотами не было даже минуты распаковать их, а после я совсем забыл про них.

— Можно я взгляну? — спросила Марина и, получив утвердительный кивок, подбежала к свертку. Как же она обожала подарки! Даже предназначенные не ей вовсе. Это удивительное чувство предвкушения, когда ты не знаешь, что находится внутри под оберткой...

Распаковав коробку, Марина рассмеялась, глядя на мужа:

— О Боже, Анатолий! Куда ей сейчас деревянная лошадка и фарфоровые куклы? Признаюсь, они удивительно красивы, но пройдет столько времени, пока она сможет играть в них! Ах, какая прелестная посуда! Я мечтала о таких игрушках, когда была маленькой.

— Вот и играй в них пока сама, — шутливо сказал Анатолий, развываясь в постели и наблюдая за ней. С распущенными длинными волосами в длинной белоснежной сорочке и в окружении всех этих игрушечных богатств, она сама была до боли похожа на маленькую девочку, и такая огромная волна любви к ней накатила на него при виде этого, что едва смог удержать эмоции, рвущие его душу.

Марина счастливо рассмеялась и, вызволив из недр свертка, серебряные погремушки, показала супругу:

— Пока нам подходит лишь это. Думаю, Леночка будет счастлива получить их.

— Вот завтра и отдай ей.

Марина покачала головой и направилась к нему, оставив игрушки на полу комнаты. Она аккуратно опустилась рядом с ним на кровать и протянула погремушки ему.

— Отдайте ей их сами. Я хочу, чтобы вы сделали это. Ведь это подарок ее отца, он и должен дарить их.

Анатолий почувствовал, как комок эмоций подступил к его горлу, затрудняя дыхание.

— Как ты думаешь, я буду хорошим отцом? — тихо спросил он у Марины. Та, даже не задумываясь, кивнула в ответ.

— Самым лучшим.

Анатолий положил свою ладонь ей на затылок и приблизил свое лицо к своему. Когда меж их губами было совсем небольшое расстояние, он остановил ее и прошептал:

— А мужем?

— Самым лучшим...

Их губы соприкоснулись, и Анатолий потянул супругу на себя, в свою постель. Отныне ее место было здесь, рядом с ним, и что бы меж ними не происходило, какие разногласия не посещали их дом, все напасти и ссоры должны были оставаться там, за пределами их маленького мирка — спальни. Особую радость Анатолию доставил тот факт, что тело Марины наконец-то откликнулось на его поцелуи и прикосновения. Значит, потом спустя время, и в этой части их жизни наступит лад.

— Я люблю тебя, — прошептал он позднее, когда они лежали рядом, полусонные. — Я буду любить тебя всегда.

Марина ничего не ответила ему. Она из всех сил сомкнула веки, старательно делая вид, что ничего не слышит и уже давно находится в стране Морфея. Ей было нечего сказать ему, а лгать она более не желала.

Спустя неделю после Вознесения Марина снова осталась в Завидово одна, остальные вернулись в столицу: родители с младшими сестрами намеревались уехать на все лето и осень в Ольховку, а молодожены хотели присмотреть себе неплохую квартиру в Петербурге. Лиза наотрез отказалась жить в доме с родителями, настаивая на том, что она вполне уже созрела для взрослой самостоятельной жизни. Марина же подозревала, что той просто не терпится поскорее упорхнуть из-под опеки маменькиного крыла и начать наконец ту бурную светскую жизнь, о которой ее сестра всегда мечтала.

— Я прошу вас присмотреть за моей сестрой в столице, — попросила Марина своего супруга, когда они лежали в постели в последний перед отъездом вечер в спальне Анатоля. — Боюсь, как бы жизнь без материнского присмотра не вскружила бы ей голову окончательно. Не сомневаюсь, первым же делом по приезде в Петербург она помчится к модисткам заказывать новые платья, совсем не думая о том, что на ведение хозяйства тоже нужны средства и довольно немалые в наше время.

— Не стоит так беспокоиться о ней, моя дорогая, — отвечал ей Анатолий, целуя каждый пальчик ее руки. — Излишняя опека только будет раздражать ее. Позвольте ей своим умом дойти до тех простых истин, что должны быть в голове у каждой здравомыслящей женщины. Жизнь обязательно научит вашу сестру этому, вот увидите.

— Но если вы заметите, что дела совсем из рук вон плохо, вы поможете ей?

— Обещаю вам, моя дорогая, — ответил Марине супруг, и она поняла, что может успокоиться — Лиза не останется совсем одна в таком большом равнодушном городе, как столица.

Несмотря на свое вынужденное одиночество после отъезда родных, Марина вовсе не чувствовала себя покинутой в сельской тиши. Вместе с немцем-садовником чертились планы паркового комплекса, размещались на бумаге клумбы, фонтан, беседки. Приступили к постройке оранжереи, расчистили пруд и запустили в него специально привезенных зеркальных карпов — Марине Игнат сказал под большим секретом, что в детстве барин весьма был увлечен рыболовством, даже соревновались, бывало, с Федором, кто больше рыбы поймает. Марина стремилась изо всех сил к тому, чтобы о Завидово говорили с полной уверенностью, что это одно из самых лучших имений в губернии, а лучше — и в целой империи.

К Марине опять зачастила Долли с матерью. Теперь, говорили они, после того, как хозяйка Завидова уже не в тягости, можно было подумать и о балах в огромной зале усадебного дома.

— Раньше, когда Ираида Степановна, матушка Анатоля Михайловича, была еще жива, упокой Господи ее душу, в Завидово часто давали балы да музыкальные вечера, — сказала Авдотья Михайловна. — Может, вы продолжите сию превосходную традицию? Ведь в Завидово столь давно не было радушной хозяйки.

— Я обсужу этот вопрос с моим мужем, — уклончиво отвечала ей польщенная Марина. Она до сих пор, даже спустя несколько недель после их примирения с Анатолем, чувствовала свои позиции не особенно крепкими. Но мысль о собственном бале, данном здесь, в Завидово, охватила ее полностью, и теперь, как только выдавалась свободная минута, Марина планировала в записках, что могло бы быть сделано, реши они с Анатолем

устроить его в усадьбе.

Но поговорить на эту тему с мужем Марина, бывало, забывала. Его визиты в Завидовс были редки и непродолжительны, что огорчало его супругу, ведь совсем не так Марина представляла свой брак. Да и маленькой Леночке было непросто привыкнуть к Анатолю, что неудивительно для маленького ребенка. Она каждый раз плакала, когда он брал ее на руки в день своего приезда, пугаясь непривычного ей лица в ее маленьком мирке. Это так сильно огорчало Анатоля, на удивление Марине, что она спешила ободрить его:

— Скоро Леночка подрастет, и сможет уже наконец-то привыкнуть к вам, как к родителю. Пока же это затруднительно для нее — ваши приезды так редки и так быстротечны. Для нее слишком мало времени, чтобы привязаться к вам и начать различать ваше лицо.

Анатолий молчал, и Марина вдруг решила продолжить в надежде на то, что возможно, сможет подтолкнуть его чаще проводить время с ними, своей семьей:

— Быть может, вы смогли бы приезжать не так редко? И оставаться подольше? Или вообще взять отпуск, ведь летом светская жизнь затихает в столице.

— А быть может, и вовсе выйти в отставку и стать местным барином? — едко проговорил Анатолий, но, видя взгляд жены, поспешил сказать. — Я никогда не выйду в отставку, пока мне позволит здоровье. Вы даже себе представить не можете, сколь высоко мое положение, и терять его я не намерен. В моем возрасте быть приближенным к царскому двору настолько, — это мечта любого офицера. Я безмерно благодарен судьбе за тот шанс, что мне выпал, и не имею ни малейшего желания потерять свой чин, постоянно отпрашиваясь в отпуска, а уж тем паче — выйти в отставку. Я полагал, что это вы придумаете ко мне в Петербург на Казанскую ^[242], но, я смотрю, вам здешняя жизнь больше по вкусу. Всегда думал, что вы любите столичную светскую жизнь, а не уездные балы.

— А что плохого в уездных балах? В деревенской жизни? — еле сдерживая себя, спросила Марина своего мужа.

— Невыносимо скучны и нелепы, — последовал ответ.

О, как же Марина презирала этот тон столичного света! Как он ей резал слух сейчас! Она вовсе не ожидала услышать эту реплику из уст Анатоля, ей казалось, что он человек другого склада, но как выяснилось сейчас, она ошибалась.

— Да и потом, — уже совсем другим тоном, более мягче и нежнее, продолжил Анатолий. — Я бы очень желал видеть вас с дочерью при себе постоянно, ведь, поверьте, мне столь сильно не хватает вас обеих там. А это возможно только при вашем переезде в Петербург.

За эту реплику Марина была готова простить ему и его презрительный тон, и пренебрежение сельской тихой жизнью. Ведь она прекрасно понимала, насколько она была должна быть благодарна своему мужу за его любовь и заботу о ребенке, который вовсе не является его по крови. Она изо всех сил старалась стать Анатолю именно той женой, которую он хотел бы видеть рядом с собой. И если он хотел видеть рядом светскую львицу, что ж, Марина станет ею без малейших раздумий, как бы она не предпочитала тихие просторы Завидова шумному и полному блеска Петербургу.

Наступил июнь, и незаметно приблизилась та дата, которая напроочь перевернула жизнь Марины — день, когда она давала свои клятвы у алтаря Загорскому, даже не предполагая, как жестко обманется в итоге. Весь день она не находила себе покоя. Какое-то чувство странной тоски, даже сожаления о былом гнало Марину прочь из дома, и она приказала седлать себе кобылу. Уже за пределами усадьбы, пустив лошадь галопом так, что словно

парус, развевались юбки на ветру, и еле поспевал следом стремянной, она гнала и гнала вперед, будто пытаюсь ускакать от своих мыслей, будоражащих разум. Внезапно скорость ее скачки напомнила Марине тот день на охоте в Киреевке, когда она ударила Сергея хлыстом, а затем умчалась прочь, к тому самому оврагу.

«...Вы вымотали меня до самых кончиков моей души. Я не знаю, каким образом, но вы надежно взяли в плен мое сердце, и я не уверен, что хочу получить его назад...»

«...— Ты — моя любимая. Ты — моя любовь, моя душа, мое сердце. Ты — мой воздух, которым я дышу. В тебе — моя жизнь, и только от тебя зависит, какой она будет...»

Как можно было так говорить? Так страстно целовать? Так жестоко предать после?

Марина так резко остановила лошадь, что едва не вылетела из седла и, уткнувшись лицом в гриву, горько разрыдалась, не в силах сдерживаться, ни в малейшей степени не заботясь о том, что находится на виду у стремянного, который теперь сдерживал своего коня чуть поодаль, смущенно отводя взгляд от плачущей барыни. Сердце ее буквально разрывалось на части от обиды за свою судьбу, от осознания того, что даже спустя время она не забыла ни минуты из того, что было у нее с Загорским, несмотря на то, что постепенно его черты начали стираться из памяти. Марина не могла четко вспомнить линию его губ, но по-прежнему помнила сладость поцелуя, нежную тяжесть его руки в ласках.

— О Господи, за что мне это? — прошептала она, с трудом переводя дыхание в попытке успокоиться и прекратить свою невольную истерику. «Когда душа болеть будет, пусть барыня придет к Зорчихе», всплыли вдруг в голове Марины слова Варвары, и она поняла, что только шептунья может помочь ей. Возможно, она в силах сделать остуду? Ибо только вмешательство высших сил способно навсегда устранить эту тяготящую ее любовь к Загорскому из души Марины.

Казалось, Зорчиха знала, что графиня Воронина посетит ее скромный домик в этот день, так как ждала ту чуть ли не на пороге. Она напряженно вгляделась в лицо Марины и, заметив следы недавних слез, покачала головой. Потом отступила в сторону и пригласила Марину жестом зайти внутрь. Та последовала за шептуньей, с некоторой опаской оглаживая жилище, в которое ступала, оставив стремянного с лошадьми за воротами.

В домике Зорчихи было чисто и уютно, и ни малейшего намека на то, что та занимается каким-либо бесовским делом. В красном углу тускло горела лампадка, освещающая несколько икон, и, заметив их, Марина поневоле успокоилась и немного расслабилась, по знаку шептуньи присела на лавку у окна.

— Выпей это, — протянула ей вдруг Зорчиха деревянную кружку. Увидев, что Марина смотрит на нее с подозрением, усмехнулась. — Чего испугалась? Уже, почитай, с весны пьешь мои настои, а тут забоялась. Тут травы для покоя душе твоей, пей смело.

Марина приняла из рук шептуньи кружку и выпила до последней капли весь ароматный теплый настой. Затем откинулась к стенке, опершись спиной о бревно, чувствуя, как какая-то блаженная истома разливается по членам. Резко вдруг нахлынула дрема, и Марина еле сдержалась, чтобы не закрыть глаза.

— Все мучаешь себя, барыня? — резко спросила шептунья, усаживаясь за противоположный от Марины конец стола. Она разминала травы в ступке, равномерно постукивая пестиком, и этот звук убаюкивал Марину. — Все нет покоя в душе?

— Нет, — тихо ответила Марина, изо всех сил борясь со сном. Зорчиха отставила в сторону ступку и, резко протянув руку, взяла ладонь графини в свою. Она закрыла глаза, и Марина невольно сделала то же самое. Перед ее мысленным взором вдруг стали мелькать

сцены из прошлой жизни: институт, ее первая встреча с Загорским, первый бал, затем ее встреча на балконе с Сергеем. Потом мелькнул эпизод их невольного утреннего «рандеву», ее отъезд в Ольховку. Затем возвращение в Петербург и знакомство с Анатолем...

Когда перед глазами вдруг встал тот самый вальс, обманом полученный от нее Загорским, Марине вдруг стало так трудно дышать, схватило где-то в груди. Она снова почувствовала все те эмоции, что вызывало в ней простое касание его руки, его взгляд.

Марина поспешила открыть глаза, прерывая мысленную картинку, но руки своей не отняла.

— Зачем ты делаешь это? — с болью в голосе спросила она Зорчиху, которая теперь смотрела на нее в упор. — Зачем заставила вернуться?

— Не я это сделала, — покачала головой та. — Ты сама возвращаешь себя в прошлое, которого уже нет и более не будет.

— Сделай мне остуду, — вдруг резко сказала Марина. — Я хочу забыть его, но не могу сделать этого сама. Сил нет. Только ты можешь помочь мне в этом.

Зорчиха лишь хрипло рассмеялась в ответ.

— То, что дал Господь, не под силу мне забрать. Не могу я судьбы изменить, нет у меня такого дара, да и никто им не обладает. Если бы я могла, думаешь, смотрела бы спокойно на смерть того, кто мое сердце держал в залоге? Могу лишь помочь тебе успокоить свою страждущую душу, привнести в нее долгожданный покой. Не стоит лить сейчас слезы, их еще будет достаточно в твоей жизни.

Услышав эти слова, Марина испугалась так, что ей показалось, она лишится сейчас сознания. Неужели ей предстоит еще раз пережить потери в своей, казалось бы, устоявшейся жизни? Неужели...?

— Леночка...? — хрипло произнесла она, поднося руку к горлу. Но Зорчиха тут же покачала головой, отрицая ее предположение.

— Твоя дочь, барыня, будет жить долго на удивление окружающим. Много чего ей предстоит, но и счастья ей Господь уготовил немало.

Марина перевела дух, замедляя свое бешено колотящееся сердце, а потом вскинула голову и посмотрела шептунье прямо в глаза.

— Коли будущее видишь, открой мне его, — потребовала она у Зорчихи, но та опять покачала головой.

— К чему тебе это, барыня? Много ли тебе помогло то, что поведали тебе год назад? Нет, не помогло вовсе. Да и не могу я тебе открыть судьбу твою. К чему? Итак, твоя душа мечется, словно погорелец на пепелище. Одно скажу тебе — будет в твоей жизни любовь, будет твое сердце петь, а тело таять от ласк. Но долго еще до этого момента, ой как долго. Не страдай отныне, не ропщи на судьбу. Смиренно прими то, что Господь тебе уготовил.

— Будет ли в моей жизни потеря? Будет ли еще смерть? Боюсь я этого более всего на свете, — прошептала Марина.

— В жизни любого человека она непременно есть и будет. От этого не уйти, не скрыться, — ответила Зорчиха. — Но можешь быть покойна — лишь покой и отрада в ближайшем твоём будущем. Езжай домой со спокойной душой, расти ребенка себе на радость. Если что желаешь спросить, то говори. Но помни, что не все могу тебе сказать. Хотя я знаю, что тебя мучает лишь вопрос — любима ли ты была, — Марина при этих словах вскинула голову с явной надеждой во взоре. — Правду тебе открою, не умолчу. Тот, по ком душа твоя до сих пор страдает, закрыл свое сердце за много лет до вашей встречи. Холодна

была его душа, словно мерзлое озеро. Ни сострадания, ни жалости, ничего. Только лед. Но и его настигло то, от чего он так бежал. От судьбы ведь не убежать. О тебе его мысли, о тебе... Одна ты в голове. Не солгал он тебе.

Уже провожая, Зорчиха вдруг развернула Марину к себе лицом и провела ладонями по ее лицу, легко касаясь кожи лишь кончиками пальцев, что-то шепча при этом себе под нос.

— Ты забудешь его лицо, — прошептала потом она. — Уйдет из памяти то, что так тщательно лелеешь в душе своей. Но только на время, барыня, более не могу...

— Спасибо, — повернулась к шептунье, прощаясь, Марина. Она приняла из рук стремянного повод, легко вскочила в седло. Вдруг Зорчиха метнулась к ней и схватила за лодыжку.

— Послушай то, что скажу сейчас, и запомни. Помоги барину унять свою гордыню и злобную память. Только его нрав — виновник всех его бед. Смягчи его сердце, ты сможешь, я знаю, и быть может, сможешь переменить судьбу. Хотя пожелаешь ли? Но все едино — не хочу я, чтобы сбылось, что видела. А теперь езжай, ты и так уже заставила ждать своих гостей.

С этими словами шептунья легко похлопала лошадь Марины по крупу, и та неспешным шагом, понукаемая хозяйкой двинулась прочь со двора. Гости, думала графиня над последними словами Зорчихи. Какие еще гости? Она никого не ждала, записок о визите не получала. Анатолий же только пару дней назад уехал в Петербург. Быть может, Зорчиха ошиблась в этот раз.

Но шептунья не ошиблась, Марину действительно кто-то ждал в доме. Подъезжая к дому, она заметила, что во дворе стоит чья-то коляска, чей кучер сейчас сидел на подножке и что-то рассказывал собравшимся вокруг него конюшенным. Но заметив барыню, дворовые тотчас разбежались кто куда, а кучер поднялся со своего места, комкая в руке картуз, отвешивая ей поклон. Марина даже не обратила внимания на подбежавшего мальчика, который ждал от нее повода, такая внезапная радость охватила ее. Ведь кучер, что ей кланялся сейчас, был человеком Арсеньевых, она сразу же узнала его — именно он возил их на прогулки в Павловск прошлым летом. Это могло означать только одно...

Марина быстро спрыгнула с лошади, не дожидаясь помощи стремянного, и направилась в дом. Уже на крыльце ее встретил Игнат с докладом о прибывших.

— Приехали-с точно, как вы выехали на прогулку, — делал ей доклад дворецкий в то время, как она шла уже по передней, на ходу сдергивая перчатки. — Я взял на себя смелость проводить их сиятельства в голубую гостиную-с. Оттуда отличный вид на реку-с. Я уже распорядился по поводу закусок и прохладительных-с.

Марина рассеянно кивала головой, уже не слушая его. По всем правилам ей следовало бы уйти к себе и переменить платье, но переполнявшие ее чувства гнали ее прямо в гостиную, где она наконец-то сможет увидеть свою близкую подругу после столь долгой разлуки. Марина даже дверь распахнула сама, опередив не успевшего подойти вперед нее лакея.

Арсеньевы были там. Юленька в маленькой аккуратненькой шляпке, украшенной цветами, сидела в кресле у распахнутого окна, а ее супруг, склонившись к ее ушку, что-то говорил ей вполголоса, заставляя радостно улыбаться. Они разом обернулись к вошедшей Марине, и та замерла в момент, заметив, как мигом холодеют глаза Арсеньева, обращенные к ней, а лицо Юленьки вдруг грустнеет. Поэтому Марина погасила в себе свой бурный порыв броситься навстречу к подруге, приблизилась к ним и степенно присела в реверансе. Затем

она приняла холодное прикосновение губ к своей руке от Арсеньева и неловкий, но ласковый троекратный поцелуй в щеки от подруги. Значит, он ненавидит ее теперь, а Юленька пока решила повременить с выводами и все же выслушать ее.

Марина вздернула подбородок, показывая своим видом, что ее ничуть не задело прохладное отношение к своей особе, и принялась расспрашивать их о путешествии, их возвращении и об их впечатлениях о поездке. Арсеньев предпочел молчать, отойдя от них подальше, к камину, где стал рассеянно перебирать в руках фарфоровые безделушки, стоявшие на каминной полке. Юленька же принялась за рассказ: сначала неловко и тихо, потом, уже забыв о своей обиде на подругу, все более эмоционально, буквально захлебываясь от восторга, словно малый ребенок.

— Извини, ma chérie, вынуждена оставить вас на время, — Марина положила ладонь на руку Жюли и с радостью ощутила ее нежное ответное пожатие. — Я только с верховой прогулки, еще даже не успела сходить к себе. Так соскучилась по тебе, спешила увидеть. Сейчас в диванной подадут чай, ах, нет, наверное, лучше в террасе. У нас такой замечательный вид на реку!

Юленька восторженно согласилась с подругой — она уже мельком видела, насколько хороша округа усадьбы, а вот Арсеньев прищурил глаза при этих словах. Его слух резануло «у нас», так легко слетевшее с губ той, что буквально год назад клялась одному его другу, а сейчас сидит хозяйкой поместья другого.

— Надолго ли к нам? — перед уходом спросила подругу Марина. — Быть может, погостите несколько дней?

— С удовольствием, дорогая, ведь нам надо столько всего обсудить, — ответила той Юленька, не успев даже рта открыть своему супругу, который не преминул выразить свое недовольство, едва Марина переступила порог.

— Остаться погостить? Ты совсем не то говорила, когда мы ехали сюда!

— Ах, милый, я даже и не предполагала, что все совсем не так, как ты доказывал все эти дни. Я не вижу довольства в ее глазах. Да, Марина выглядит очень неплохо, но в ее глазах на мгновение отразилась такая тоска, что я поняла — ей просто необходимо, чтобы я была рядом.

— Ты просто слишком великодушна. Готова простить любой обман и предательство, — возразил Жюли супруг уже мягче. — Я же не таков.

— Прежде чем судить человека, всегда надо дать ему шанс оправдаться в том, в чем ты его обвиняешь, — заметила мужу Юленька. — И потом — разве Господь не велел нам прощать?

Спустя некоторое время вернулась Марина, сменившая платье для верховой езды на более легкое с цветочным рисунком, и хозяйка с гостями прошли на террасу, где уже ждали закуски и прохладительные напитки. Юленьку восхитил вид, раскинувшийся перед их взорами, о чем она не преминула сообщить Марине.

— Понимаю тебя, — улыбнулась та. — Когда я впервые увидела это великолепие, тоже была поражена этой красотой.

— Представляю, как вы были обрадованы получить такое имение в свое полное распоряжение, — заметил прохладно Арсеньев, отпивая из бокала прохладный варенец. Марина повернула к нему голову и, глядя прямо в глаза, проговорила:

— Рада ли я была? Отнюдь. В первое время я вообще с трудом управлялась со всем этим обширным хозяйством.

— Вы знаете, что я имею в виду, — уже более резко сказал Арсеньев, ставя бокал на стол с громким стуком. Юленька взглянула на него укоризненно, но он не обратил на ее взгляд внимания. — Потеряв возможность стать княгиней, вы быстро сменили свой статус, чтобы приобрести титул графини.

— Ах, вот как! — воскликнула пораженная Марина. И тон его голоса, и слова были вне всяких приличий, что явственно судило о том, насколько он зол на нее. Она прекрасно понимала, как случившееся выглядит в глазах тех, кто был в курсе всей истории, и поспешила объясниться даже не ради него самого, а подруги, что сидела рядом. — Я вышла замуж за Анатоля Михайловича вследствие своего положения и положение своей семьи. Софья Александровна была тяжело больна, как вы знаете, а мы не имели малейших средств ни на то, чтобы жить в столице, ни на то, чтобы быть в состоянии вести судебную тяжбу. В случае, если завещание тетушки не включало бы нас, как наследников ее имущества, или было бы опротестовано, мы могли бы вконец разориться. Мне не оставалось ничего иного...

— Ах, как это благородно — положить себя на жертвенный алтарь! — буркнул Арсеньев.

— Вы ничего не понимаете! — вдруг неожиданно для себя самой вспыхнула Марина. — Ровным счетом ничего! Вы думаете, что я дурная особа, предавшая вашего покойного друга, а на деле все наоборот! — и она рассказала в который раз об обмане, который раскрылся спустя некоторое время после смерти Загорского, умолчав о своей тягости, толкнувшей ее на брак с Анатодем.

Арсеньев долго молчал, выслушав ее рассказ. Юленька же смотрела с участием, сжимая ладонь Марины в ободряющем пожатии.

— О, милая, я тебе так сочувствую... я даже подумать не могла, — прошептала она.

— Вот и не думай! — резко бросил ее супруг, поднимаясь и бросая салфетку на стол. — Это все наглая ложь! Глупое и нелепое оправдание!

— Вы думаете, я смогла бы придумать такое? — возмутилась Марина.

— Не знаю, — честно ответил Арсеньев. — Но зато я знаю Сержа. Пусть он был тот еще гуляка и бретер, но он никогда не поступил бы так бесчеловечно. Не смейте говорить так о нем, слышите? Я запрещаю вам это!

— Вы говорите ровным счетом, как Анатолий, — сказала Марина. — Тот тоже поначалу возмущался моим словам, но в итоге признал, что подобное могло иметь место. Спросите у него самого о том, какие причины толкнули Загорского на сей обман. Анатолий знает обо всем и знал почти с самого начала.

— Что? — Арсеньев побледнел, словно полотно, и женщины на мгновение испугались, что того может хватить удар. Затем он резко выпрямился и попросил у Марины соизволения взять лошадь из конюшни усадьбы.

— Я хочу проехаться, голова как в тумане, — сказал он, выходя с террасы, получив разрешение. — Прошу прощения, дамы.

— Пусть успокоится, — проговорила Юленька, глядя вслед удаляющемуся супругу. — Для него огромное потрясение услышать подобное. Наверное, равнозначное тому, когда он получил известие о смерти Сергея Кирилловича, — она повернулась к Марине и снова сжала ее руки. — Как ты пережила это? Я даже не представляю, что было бы со мной, случись подобное с моим мужем. А уж тем паче этот обман... Скажу тебе честно, мне верится с трудом в подобное. Быть может, есть какое-то другое объяснение?

— Какое? — с горечью спросила Марина. — Я тоже обдумывала все это сотни раз

долгими ночами без сна, но так и не смогла ничего придумать. Но что толку говорить об том нынче? Прошное не воротится.

— Ты уже забыла его? — тихо спросила Юленька и, когда Марина грустно покачала головой, поспешила переменить тему. — Я слыхала, Господь даровал вам с Анатодем Михайловичем дочь.

— Да, это правда, — кивнула, улыбаясь сквозь невольные слезы, Марина. — Наш ангелочек, Еленочка... Хочешь взглянуть?

Спросила и лишь потом спохватилась, осознав, что так до сих пор подруга и не сообщила ей, принесло ли лечение на водах свои результаты. Она вопросительно взглянула на Юленьку, не смея задать вопроса, но та покачала головой, угадывая его мысленно.

— Нет, милая, пока Господь не дает нам ребеночка, — грустно сказала та, отводя в сторону взгляд. — Я уже почти смирилась с тем, что мое чрево бесплодно, хотя это причиняет нестерпимую боль моей душе. Что думает по этому поводу мой муж, остается только гадать — он предпочитает обходить эту тему стороной последние полгода.

— Мне очень жаль, — обняла ее крепко Марина. — Никто не заслужил право стать матерью в большей мере, чем ты, моя дорогая Жюли.

Позднее, когда Юленька ходила по детской комнате, качая на руках маленькую дочь Марины, что-то тихо напевая ей, Марина в который раз подумала о том, насколько несправедлив этот мир. Такая любовь, какая была у четы Арсеньевых, заслуживала достойного продолжения, но почему-то его так и не было. Разве Юленька не достойна была стать матерью? Разве Господь не видит, как желанен этот дивный дар для нее?

— Мы должны кое к кому сходить завтра, — прошептала Марина подруге, принимая из ее рук убаюканного ребенка. Та отдала его с явным сожалением. — Я уверена, что знаю человека, который может тебе помочь.

Юленька отогнула край детского покрывальца и посмотрела на блаженно улыбающуюся во сне Еленочку. Марину же при этом вновь захлестнула волна страха, что сейчас та сейчас попристальнее взглянется в черты лица ее дочери и признает в них Загорского. Но Юленька лишь вздохнула и прошептала:

— Она немного похожа на тебя, и ни единой черты Анатоля. Так странно...

— Ее черты сменяются со временем несколько раз, так сказала Агнешка, — быстро сказала Марина, передавая дочь подошедшей помощнице няньки. — Так что еще пока рано судить, с кем она схожа лицом.

Позднее ребенка показали вернувшемуся с прогулки Арсеньеву. Этим Марина словно испытывала судьбу, ведь если близкие друзья Сергея не признают сходства с ее дочерью, то ей можно будет не волноваться по поводу других, кто увидит Леночку.

Павел взглянул на ребенка словно мимоходом — чужие дети никогда не интересуют мужчин, а уж тем паче младенцы, только собственные в лучшем случае. Он ничего, кроме полагающихся по случаю слов, не сказал, и Марина перевела дух. Значит, уже никто не признает в ребенке Загорского. А когда девочка подрастет, и ее сходство станет более явным, все равно это будет довольно затруднительно связать ее с человеком, ушедшим от них столь давно. Время делает свое дело, стирая из памяти лица.

К ужину неожиданно прибыл Анатолий, отпросившись в отпуск на несколько дней. Его появление весьма удивило Марину, ведь тот, судя по всему, выехал из Петербурга чуть ли не сразу, получив ее записку о приезде Арсеньевых в Завидово. Неужели он так хотел увидеться со своим другом, что оставил свою службу, когда только недавно брал трехдневный отпуск?

Друзья неловко обнялись при встрече. Их соединение так мало походило на нежность и эмоциональность встречи их жен. Каждый в душе имел на другого обиду и злость, к которым присоединялось чувство вины перед друг другом.

За ужином обсуждали путешествие Арсеньевых за границу, нравы и быт Европы. Анатоль же в свою очередь рассказывал о том, что происходит в свете Петербурга.

— Вы встречали госпожу Ливен? — переспросил он у Арсеньева в ходе неспешной беседы за столом.

— Да, в Баден-Бадене прошлым летом, — ответил ему тот, пригубивая вина. — Она затем, кажется, уехала в Париж, *n'est-ce pas, ma chérie ami*?

— Да, именно. Не могу понять, что ее туда влечет, — пожалала Юленька плечами. — Такой грязный город!

— Может быть, ее тоска, — предположила Марина. — Потерять сразу двоих детей! *C'est terrible!* [\[243\]](#)

— Ее туда влечет Лондон, — сказал Анатоль. — Что весьма печально, ибо император желает, чтобы она воротилась в Петербург. Чувствую долгую переписку с графиней, потому что это желание идет вразрез с ее чувствами. Но ей придется поступиться ими, другого выхода нет.

Марина же более не особо прислушивалась в разговор. Ей были вовсе неинтересны обсуждаемые темы и персонажи, она словно отключилась от беседы и очнулась лишь тогда, когда Арсеньев вдруг заметил сегодняшнюю дату.

— Сегодня шестое, — проговорил он и вдруг поднял на нее глаза, словно укоряя за то, что она забыла об этом. Я вовсе не забыла, хотелось сказать Марине, но она промолчала, лишь глотнула очередной глоток вина. Анатоль же в догадке прищурил глаза. По его виду она поняла, что ей предстоит нынче ночью длинный разговор наедине в тиши спальни.

— Я думаю, предпочтительно умолчать о том, что вовсе не следует обсуждать, — медленно проговорил он, глядя на Арсеньева.

— *Ne doute pas* [\[244\]](#), — ответил ему не менее холодным взглядом тот. В комнате явно почувствовалось, как накалилась обстановка. Анатоль резко отодвинул стул и поднялся.

— Я думаю, нам с Paul'ем лучше выпить коньяка в моем кабинете, дамы. Мы присоединимся к вам за десертом. Прошу простить нас.

Уже в кабинете он повернулся к Арсеньеву и резко, чуть ли не зло спросил:

— Зачем ты делаешь это?

— А ты? — переадресовал ему вопрос тот, опускаясь в кресло. — Я ушам своим не поверил, когда мне рассказала Марина о том, что ты полностью подтвердил, что Серж был способен на такое... такой обман. Зачем? Ты ведь прекрасно знаешь, равно как и я, что это невозможно.

— Знаю, — подтвердил Анатоль. — Знаю, но никогда не скажу ей этого.

Арсеньев вздрогнул — столько огня было в этих словах, столько запальчивости. Он в удивлении смотрел на своего собеседника, словно не узнавая его. Сейчас перед ним был вовсе не тот Анатоль, что клялся на крови всегда быть рядом с другом и никогда не предавать его.

Чужой холодный человек.

— Зачем ты так? Ведь мы когда-то были так близки друг к другу...

— Да, до тех пор, пока Серж не предал меня. Ведь Марина была моя с самого начала. Он не имел ни малейшего права так поступить со мной!

— У любви свои законы, неведомые нам, — ответил Арсеньев. — Так уж сложилось...

— Сложилось?! А я, значит, пожелаю тогда любви и долголетия и уйди в сторонку? Ну, уж нет! Как видишь, Бог распорядился иначе, и теперь я с ней, а не он! И я не забыл, что ты тоже был в курсе всей этой истории. Знал и ничего не сообщил мне.

— Как ты себе это представляешь? — разозлился Арсеньев. — Я меж двух огней был. И потом — если бы ты попросил меня о подобном, я бы сделал то же самое для тебя. Тут не вы выбирали с Загорским. Это был ее выбор меж вами.

— Нет, — покачал головой Анатолий, сжимая кулаки. — Она выбрала меня с самого начала и не имела права распоряжаться своим словом. Ведь оно уже не принадлежало ей. И я не уверен, что ты помог бы мне, окажись я на месте Сержа. Ты всегда был за него. Он был первый во всем у нас. Только он!

Арсеньев отшатнулся, пораженный словами Анатолия в самое сердце. О Боже, сколько в них прозвучало злости и яда! Как же все повернулось теперь. А ведь когда-то они были готовы отдать друг за друга жизнь.

Он опустил лицо в ладони, не в силах более смотреть на Анатолия. Их юношеской дружбе пришел конец, вдруг пришло болезненное осознание. Больше нет тех юношей, что проводили вместе все свободное время, что готовы были всегда подставить плечо в случае беды, делили совместно и радости, и горести. Серж был тем самым звеном, что соединяло их всех в единую цепь. Всегда основной задира и шалопай. Прав Анатолий — Серж всегда был первым в их троице, и если Арсеньев никогда не стремился на роль лидера и никогда не завидовал своему более яркому другу, то, видимо, у Анатолия было другое видение их единения.

Как мог измениться Воронин за столь недолгое время при дворе? Всего несколько лет, и тот человек, что провел рядом с ними десяток лет, словно испарился, оставив взамен этого, холодного и расчетливого.

— Я все же проведу свое расследование, как могло случиться так, что в приходской книге нет записи о венчании, — решительно сказал Арсеньев, поднимая глаза на Анатолия. — Я не верю и никогда не поверю, что Серж так жестоко и подло поступил по отношению к ней. Ведь, как бы ты не отрицал этого, он любил ее. Действительно любил. Я убежден, что они были венчаны. Иначе и быть не может.

Анатолий замер на мгновение, а потом подошел к бару и налил себе и Павлу коньяка в пузатые бокалы. Затем он вернулся к своему собеседнику и протянул ему один.

— Для чего тебе эта правда? Для того, чтобы успокоить свою совесть? В память о Серже? — отрывисто спросил он. — Что изменит это сейчас? Она моя жена. У нас растет ребенок. Серж мертв. Вот и все. Что здесь обсуждать?

— Но правда...

— Да кому она нужна эта правда? — вдруг вспыхнул Анатолий. — Кому?

— Не тебе, я это вижу, — спокойно сказал Арсеньев. — Ты сделал многое, чтобы опорочить Сергея, забыв, что *de mortuis aut bene, aut nihil* [\[245\]](#). Я даже не знаю сейчас, следует ли мне благодарить Марину Александровну или проклинать за то, что она словно клин встала меж всеми нами, и узы, связывавшие нас столько времени, порвались так легко, словно тонкие нити. Как такое возможно, ведь были кровными побратимами?

— Не знаю, — резко ответил Анатолий. — Ты мне скажи, ведь вы первые с Сержем нарушили свои обещания.

Они помолчали некоторое время. Каждый из них думал о своем, у каждого было тяжело

на душе.

— Не надо искать доказательств этого венчания, — попросил тихо Анатоль. Арсеньев покачал головой.

— Это низко и подло скрывать правду и обманывать ее, пойми же.

Анатоль ничего не ответил на эту реплику, лишь молча допил ароматную жидкость в своем бокале одним глотком и поставил его на каминную полку.

— Уже пора возвращаться к женам. Они, верно, думают, что мы уже поубивали друг друга, — постарался пошутить он, но ничего не вышло — голос дрогнул, и его реплика вышла жалкой. Потом он выправил тон голоса и уже твердо сказал. — Низко и подло обманывать друга, Paul. Так что не тебе говорить мне о морали. Я лишь хочу попросить тебя оставить сейчас все, как есть. Ради себя, ради нашей дружбы, пойди мне навстречу. Она только стала привыкать ко мне, только раскрылась. Прошу тебя, не надо знать ей ничего. Прошу тебя.

Арсеньев поднялся с кресла и теперь стоял напротив друга, глядя тому в глаза. Именно в них он прочитал ответы на все свои вопросы и ужаснулся в глубине души тому, что ему открылось.

— Ты все знаешь, — Анатоль ничем не подтвердил его утверждения, но Арсеньев продолжил. — Осторожно, ты ступаешь по тонкому льду, Анатоль. Настанет день, когда Марина Александровна узнает, что ты обманул ее, и сможет ли она простить тебе твой обман? Я ничего не скажу ей более об этом. Но не могу обещать, что если она спросит напрямую, промолчу.

— Спасибо, — Анатоль сжал его предплечье в знак благодарности. На большее он и не рассчитывал — принцип «умолчать не значит солгать» был хорошо ему знаком еще по дворцовым интригам. А уж что Марина не спросит, так это была только его забота, ее мужа.

Она не узнает. Никогда.

Марина в последний раз перепроверила все приглашения, а затем, убедившись, что все так, как она и планировала, без единой пометки, передала увесистую стопку стоявшему рядом Игнату. Тот положил их на поднос, чтобы после позаботиться о том, чтобы приглашения нашли своим адресатов.

— Все ли готово к приему? Приготовили ли залу? Проветрили ли спальни? Просушили перины? — спросила Марина у дворецкого.

— Так точно-с, барыня. Все стекла в зале вымыли-с, паркет начищен и наполирован до блеска, — склонил голову Игнат.

— Ну уж, не слишком стараться-то при том нужно было, — нахмурилась Марина. Она помнила, сколько конфузов, бывало, случалось, когда паркет уж чересчур был отполирован. Надо будет сказать лакеям проверить его, да и самой пройтись попробовать — не будут ли чересчур скользить атласные туфельки по полу.

— Спальни проветрили, барыня. Все убрано, перины выбили и хорошенько просушили, — продолжил тем временем Игнат. — Варвара интересуется, будут ли изменения в меню ужина или это уже окончательный список блюд?

— После просмотра, голова уже кругом идет, — Марина откинула в сторону перо и выпрямила затекшую от долгого сидения за бюро спину. — Ступай, Игнат Федосыч, больше нет никаких указаний. После призову.

Оставшись одна, Марина поднялась со стула, аккуратно расправив складки на батистовом платье, затем прошла к окну и посмотрела, как слаженно идет работа в парке. Там помощники, набранные Одлербергом из числа дворовых, занимались посадкой цветов, рассада которых была выписана из оранжерей Петербурга. Скоро приедет подвода с розовыми кустами. Часть из них будет рассажена в парке, а часть пойдет в кадки да в бальную залу. Марина очень надеялась, что они не засохнут в дороге в эту жаркую июльскую пору.

В Завидово давался первый после смерти матери Арсеньева бал. Он был приурочен к празднованию Марининых именин. Так решил сам Анатолий, приехав как-то после Иванова дня.

— Нам просто необходимо дать бал, мой ангел. Я хочу всем показать, какова у меня жена — красавица, умница и превосходная хозяйка.

— Ах, вы мне льстите, Анатолий! — улыбалась Марина в ответ. — В свете много женщин красивее меня.

— Нет, — качал он головой. — Другой такой нет и не будет. Никто не может сравниться с тобой, мой ангел.

И Марина послушалась желанию супруга, тем паче это полностью отвечало ее мечтам — устроить праздник в Завидово, показать обновленный за последние два месяца парк. Пусть он и немного пока поменялся, ведь растения так быстро не могут прорасти, но некоторые перемены были уже заметны.

Подготовился список приглашенных гостей, который был чуть ли не вдвое увеличен Анатолием после прочтения. Слуги намывали стекла окон и зеркал да хрусталь люстр до исключительной прозрачности. Чистилось столовое серебро к большому званому ужину, что будет дан после бала.

По велению Анатоля из Петербурга приехала на несколько дней m-m Monique со своими помощницами. Граф приказал супруге не обращать внимания на траты и заказать себе несколько платьев, в том числе и бальное к предстоящему празднику. В письме к Марине он выразил желание, чтобы модистка превзошла саму себя и создала очередной свой шедевр, как тогда год назад, к их венчанию. Он еще помнил, как долго обсуждали красоту его жены в свете после их свадьбы, и он желал, чтобы и после этого праздника люди шептались, каков бриллиант он держит в своей руке.

Чем ближе приближался день бала, тем нервнее становилась Марина. Ей то и дело казалось, что что-нибудь пойдет не так, например, у Варвары что-нибудь пригорит, или завянут розы, предназначенные для украшения бальной залы. Только приезд Арсеньевых, что прибыли в числе самых первых гостей, немного успокоили ее.

— Ну-ну, моя милая, не стоит так переживать, — успокаивала ее Юленька, обнимая при приветствии. — Зная тебя, я уверена, что ты уже сотни раз перепроверила все, что только можно. Все будет хорошо, иначе и быть не может.

— Твои слова да Богу в уши, — улыбнулась нервно Марина, троекратно расцеловываясь с Арсеньевым. — Не зайдешь ли ко мне, Жюли, после, как устроишься? Я переживаю из-за платья. Давно не выходила в свет, не знаю, что сейчас носят. Пошла по совету модистки, но боюсь, не прогадала ли.

— Ну, разумеется, зайду, ma bonne, — пообещала Юленька. — Тем паче, у меня для тебя есть новости.

И как выяснилось позднее, новости и впрямь были совсем отрадные. Марина еще в самый первый приезд Арсеньевых в Завидово отвела Юленьку к Зорчихе. Она была уверена раз уж та знает травы, как предотвратить тягость, должна и ведать другие, способствующие зачатию дитя. И угадала — Юленька получила от шептуньи небольшой узелок с травами, что ей предстояло пить в настоях. И вот, спустя меньше двух месяцев Юленька, мило краснея, прошептала Марине, что она, похоже, в тягости.

— Ах, Боже мой, это же просто превосходно! — рассмеялась Марина радостно. — Твой супруг уже знает об этом?

— Нет пока, — покачала головой Юленька. — Я боюсь признаться ему, давать ему надежду. Да и сама опасаюсь — мало ли что...

— Не бойся, моя милая. Я уверена, что будет хорошо, и у вас наконец-таки появится маленький Арсеньев. Аккуратной следует быть уже, когда почти на сносях. Я вот не слушала знающих, и, видишь, как вышло. Хорошо хоть что все закончилось благополучно.

Обе женщины помолчали, одна вспоминая сами роды, что пережила, другая — рассказ о нем.

— Ну, будет нам с тобой, — улыбнулась вдруг Марина. — Я спрашивала у Зорчихи, она сказала, у тебя все иначе будет. Легко и быстро, вдруг даже не почувствуешь ничего.

За Арсеньевыми прибыл Анатолий верхом, опередив своего комердина с багажом. Он так быстро вбежал в хозяйские половины, что слуги даже не успели предупредить хозяйку о приезде барина.

Милая его сердцу картина — жена и кроха-дочь у нее на руках, подумал Анатолий. Как же ему иногда не хватало их там, в столице, когда он приезжал из Царского Села в свой особняк недалеко от Фонтанки!

— Ну, здравствуй, мой ангел, — проговорил Анатолий, целуя Марину сначала в обе щеки, а затем в губы долгим нежным поцелуем. Потом он легко коснулся губами пухленькой

щечки Леночки, лежащей на руках у матери и медленно сосала сцеженное кормилицей молоко из рожка. Марина предпочитала каждую свободную минуту проводить со своим ребенком, даже настаивала на таком вот способе кормления, что вызывало легкое недоумение окружающих — среди людей ее круга не было принято столько времени отдавать детям.

— Я привез вам подарки, — улыбнулся Анатолий крохе, заметив, что она скосила на него глаза, тем не менее, не отрывая губ от рожка. — Mamочка твоя получит после свой дар, а ты совсем скоро, как приедет мой экипаж.

— Что вы привезли ей на это раз? — засмеялась Марина. — У нас и так детская уже завалена игрушками, которых Елене хватит чуть ли не на десяток лет вперед.

— Интересное изобретение, скажу я вам. Привезли из самой Англии. Творение некоего Кента — колыбель с колесами. Теперь Леночку можно будет не только выносить в сад, но и вывозить.

— Это не опасно? — нахмурилась Марина. Анатолий покачал головой и погладил по голове, наслаждаясь шелком волос своей супруги.

— Это приспособление уже несколько десятков лет используется за границей, — проговорил он. — После покажу. Скажи лучше, готова ли ты?

— Уверена, что готово все. Ведь уже скоро придут гости, а в девять начнем, — ответила ему Марина. — Правда, я еще не проверяла, прибыл ли оркестр из городского дома.

— Приедет вместе с моим экипажем, — улыбнулся Анатолий, видя, как она волнуется. — Я спрашивал о тебе, мой ангел. Готова ли ты? Осталось несколько часов. Быть может, тебе лучше прилечь отдохнуть перед балом? Я сам встречу гостей, а Федосьич превосходно их разместит, он ведь знает твои указания на сей счет. Я хочу, чтобы ты была свежа на бале, а не клевала носом, словно девятистолетняя старуха.

— Хорошо, я последую вашему совету, — согласилась Марина, аккуратно приподнимая ребенка вверх после кормления, отложив рожок в сторону. Анатолий протянул руку и погладил легкий светлый пушок на головке девочки, затем улыбнулся жене, встретившись с ней глазами над головой дочери, чувствуя, как его сердце охватывает волна нежности к ним обоим. Они обе настолько глубоко вошли в его жизнь, что он уже не мыслил себя без них. Анатолий понимал, что пойдет на все, что угодно, чтобы сохранить этот лад в собственной семье, чтобы удержать их любовь и расположение. На все, без малейшего преувеличения!

Постепенно в Завидово начали съезжаться приглашенные на праздничный вечер. Первыми прибыли гости из Петербурга, которые намеревались остаться здесь на несколько дней, пользуясь гостеприимством хозяев. Их размещали либо в основном доме, либо в спальнях гостевого флигеля. Анатолий только и успевал приветствовать многочисленных гостей, ведь вслед за теми, кто прибывал издалека, потянулись вереницей экипажей те, которые жили в Нижегородской губернии. Скоро придут те, кто жил и вовсе рядом и не собирался оставаться на ночлег, планируя отбыть сразу же после ужина. Он едва успел сменить свой немного запыленный дорожный фрак на парадный мундир и причесать волосы, так мало времени у него оставалось за всеми этими хлопотами к приезду этих, последних гостей.

Так как приглашенные на бал гости уже были в доме к назначенному часу, то постепенно парадная гостиная стала наполняться мундирами, парадными фраками, дамскими платьями разнообразных расцветок. Смех и легкий говор наполнили комнату, шуршали юбки, взлетали вверх всея, звенели бокалы, подчас даже заглушая музыку,

доносившуюся из распахнутых дверей в бальную залу, украшенную чудесной росписью, зеркалами и позолотой.

Анатолий обожал эти звуки светского раута, он наслаждался ими сейчас, едва различимыми в хозяйской половине, но все же слышными сквозь распахнутые настежь окна из-за летней духоты. Он быстро натянул пару таких белоснежных перчаток, что сами облака не могли бы соперничать с ними в белизне и, напомнив Федору о нескольких парах запасных (они должны быть всегда наготове), толкнул дверь в половину своей жены.

Она стояла в спальне перед зеркалом. Его богиня, властительница его души... Ее волосы были уложены в высокую прическу, открывая взору длинную статную шею, лишь по бокам были выпущены несколько локонов, закрывая ее уши, в которых поблескивал жемчуг маленьких серег. Тонкий, будто девичий, стан облегал небесно-голубой шелк платья, широкий вырез которого обнажал плечи и часть груди. Судя по тому, как Марина хмурила лоб, она была недовольна своим отражением в зеркале, что, по мнению Анатолия, было вовсе необоснованно.

— Вы так красивы, — проговорил он, невольно переходя на «Вы», не смея использовать в этот момент интимное «Ты», и она вздрогнула испуганно, не ожидая увидеть позади себя чужое отражение. — Вы так красивы...

Он подошел к ней сзади и немного привлек к себе, окидывая взором ее отражение, нежно поглаживая обнаженные плечи.

— Ma délicieuse! ^[246] — Анатолий легко коснулся губами левого плеча Марины, та же покраснела, оглядывая себя в который раз в зеркале. Ей казалось, что узкая полоска кружева по вороту платья ничуть не прикрывает грудь, что платье вообще чересчур открыто, о чем она и сообщила супругу.

— Да еще и прическа не совсем по нраву, — призналась она. — Я хотела побольше буклей вверх, а получилось вот что. Может быть, плерез добавить?

— Забудь про вырез — сейчас так носят, — ответил Анатолий, отводя ее руки от тонкого белого кружева, которое она расправляла то так, то эдак в попытке прикрыть себя. — А что касается прически...

Он отошел от нее к комоду, на который он при входе в комнату положил несколько футляров. Взял в руки один из них, обитый алым бархатом, и подошел ближе.

— Я сказал, чтобы тебе сделали такой куфур ^[247], потому что у меня кое-что есть для тебя, — он открыл футляр, и Марина заметила в гнезде из черного бархата изумительной красоты диадему из жемчуга с небольшими вкраплениями бриллиантов.

— Семейная диадема Ворониных, — проговорил Анатолий с улыбкой, польщенный ее восхищенной реакцией. — Теперь она твоя, моя милая графиня.

Он легко достал диадему из футляра и надел ее на голову жены, аккуратно, чтобы не испортить прическу. Она превосходно села на Марину, словно и была сделана для того, чтобы украшать ее сегодня.

— Надо будет сказать Дуняше, чтобы закрепила получше, — неловко улыбнулась Марина в ответ на взгляд мужа. Диадема была тяжела, Марина сразу же ощутила это. Эта тяжесть заставляла ее высоко держать голову, и теперь она могла понять, почему у высокотитулованных дам света такая превосходная осанка — по-иному и быть не может.

— У меня еще есть кое-что, — Анатолий снова подошел к ней с небольшими футлярами. — Здесь, — он приподнял длинный синий футляр. — Подарок для тебя от Императорской семьи.

Он протянул футляр Марине, и та, открыв его, восхищенно ахнула. В нем лежал веер из белых страусовых перьев. Костяная ручка веера была украшена золотым вензелем — корона с девятью украшенными маленькими бриллиантами шишечками. Символ графского титула Марины.

— О Боже, какая красота! — не смогла удержаться от реплики Марина, когда она раскрыла этот роскошный веер и несколько раз легко взмахнула им.

— Отлично подойдет к твоему бальному платью, — заметил Анатоль и протянул ей другой футляр, поменьше размерами. В нем Марина обнаружила бриллиантовую брошь в форме переплетенных меж собой букв М и В. Холодный блеск камней буквально ослеплял при свете свечей.

Марина Воронина. Словно знак, показывающий всем, кому она принадлежит.

— Тебе не нравится? — обеспокоенно спросил Анатоль, заметив маленькую морщинку, пересекающую лоб Марины.

— Нет, отчего же, брошь прекрасна. Благодарю вас, — ответила ему Марина. Ее муж взял из футляра брошь и приколот ее на корсаж Маринино платье туда, где начинался буф рукава.

— Это ты прекрасна, а не она. Это так, дополнение, — улыбнулся ей Анатоль и, взяв ее лицо в ладони, поцеловал сначала в лоб, затем нежно коснулся губами ее губ. — Поспешим же, *il n'est que temps* [\[248\]](#).

Марина кликнула Дуняшу, чтобы та подала ей перчатки и шаль, а также закрепила покрепче диадему на голове, чтобы та не упала ненароком во время бравой мазурки. Затем, когда была готова к выходу, подала руку мужу, и они направились к входу в бальную залу, где были намерены встречать многочисленных гостей и принимать поздравления с именинами Марины.

— Не беспокойся же насчет платья, — прошептал ей быстро Анатоль, заметив, как она в очередной раз взглянула на свой глубокий вырез, почти прямо перед тем, как повернуться к первой паре, приближающейся к ним из парадной гостиной. — Неужели ты думаешь, я утвердил бы эскиз платья, если бы оно не было по моде и не отвечало бы общепринятым правилам?

Марина, услышав эту реплику, даже забыла о своем беспокойстве о вырезе. Она вспомнила, как яростно отстаивала цвет ткани *m-m Monique*, и тут же поняла, что та прибыла в Завидово, уже имея на руках одобренное графом эскиз бального платья, и мнение Марины при этом отнюдь не планировалось принять во внимание. Анатоль даже драгоценности ей сегодня подобрал. Она чувствовала себя сейчас словно куклой, которую выставляют напоказ для собственного тщеславия.

Марина стиснула зубы и постаралась забыть о том, что только что узнала, приветствуя гостей, но не смогла. И хотя по ней не было заметно окружающим, насколько ей больно и обидно, Жюли все же разглядела, что что-то с ней не так.

— *Qu'arrive-t-il, ma chérie* [\[249\]](#)? — прошептала она Марине в ухо, делая вид, что целует ее в щеку.

— *Plus tard* [\[250\]](#), — ответила та подруге тихо, чтобы чужие уши не расслышали ее ответа.

О, как же теперь понимала Марина, почему некоторые персоны из света столь редко дают званые вечера! И дело было не только в умопомрачительных расходах на проведение бала. Марине казалось, что она отстояла целую вечность, улыбаясь, делая реверансы более знатым гостям и просто кивая менее именитым, пока, наконец, Анатоль не дал знак, что

можно начинать.

В полонезе у Марины парой был князь Долгоруков, у Анатоля соответственно — княгиня. За ними следовали остальные гости, разбившиеся по парам. После полонеза играли вальс, затем кадрили, и снова танцевали вальс, но уже круглый, по всей зале.

Этот вальс Марина танцевала с Арсеньевым. Она немного удивилась, когда обнаружила его имя в своей книжке, но ничем не показала своего удивления, когда он подошел к ней в начале танца. После их отъезда из Завидово они не виделись, попрощаясь перед расставанием слишком холодно. Арсеньев не мог и не хотел понять чересчур поспешное, по его мнению, замужество Марины, а та была обижена на него за холодность. Жюли в своих письмах всячески обходила тему их разлада, но Марина знала, что той неприятно, что ее супруг и подруга, некогда бывшие чуть ли не хорошими приятелями, теперь отдалились друг от друга.

— Благодарю вас, — вдруг сказал Арсеньев, и Марина, столь резко вырванная из своих мыслей, чуть не сбилась с такта, что было бы весьма опасно в круглом вальсе — нарушило бы мерный ход танца не только их, но и окружающих. Тем временем, Павел повторил. — Благодарю вас. Моя жена светится изнутри, и я знаю, что тому причиной. А также знаю, что вы приложили к этому свою руку.

— Вы знаете? — удивилась Марина. Павел кивнул ей, и она поспешила сказать. — Только умоляю вас, сделайте удивленное лицо, когда она скажет. Она думает, что это только ее тайна сейчас.

Арсеньев кивнул снова и улыбнулся, соглашаясь с ней. На это мгновение меж ними словно снова установились прежние легкие дружественные отношения, что были прежде, но этот миг закончился вместе с музыкой вальса. Танец был окончен, и опять перед Мариной стоял холодный и слегка отстраненный человек, все еще не простивший ей измены своему другу. Марине даже стало несколько грустно от осознания того, как безвозвратно изменились их отношения. Ведь это не могло не повлечь за собой некоторое охлаждение и между Арсеньевым и ее супругом, который негласно словно принял ее сторону в их прохладном мире с первым. И это огорчало Марину, она винила только себя за то, что друзья, бывшие близкими столько лет, теперь стали далеки друг от друга, это было видно невооруженным глазом.

Спустя некоторое время Марина сделала знак Жюли, стоявшей от нее немного в стороне, что она намеревается оставить бальную залу и удалиться, чтобы немного освежиться. Несмотря на распахнутые настежь французские окна залы, тепло от свечей и большое количество приглашенных способствовали тому, что в помещении стояла невероятная духота, и многие то и дело утирали пот со лба, стараясь сделать это как можно незаметнее для окружающих. Хвала небесам, дамы могли хоть как-то спастись от духоты, обмахиваясь веерами, а вот мужчинам пришлось тяжелее, особенно офицерам в их мундирах. Может, именно поэтому менее половины из них удалились в игорную, чтобы развлечься биллиардом или картами. Пара молоденьких девушек даже потеряли сознание этим вечером, и их пришлось приводить в чувство в дамской комнате при помощи нюхательной соли.

— Уф, ну и духота сегодня, — обмахиваясь веером, догнала подругу Жюли. Марина взяла ее под руку и увлекла в сторону от дамской комнаты, откуда доносились девичьи восторженные голоса, на хозяйскую половину дома.

— Видимо, будет гроза, — предположила Марина. — Надеюсь, Варвара заморозила

достаточно мороженого, а то оно просто разлетается из ваз.

— Не переживай, даже если его запасы и подойдут к концу, люди еще долго будут говорить, что у вас был поистине незабываемый вечер, — успокоила подругу Юленька и, заметив ее вопросительный взгляд, добавила. — Bien sûr ^[251], восхищаясь твоим талантом, как хозяйки. Уверена, наша мадам по домоводству гордилась бы сейчас тобой.

За разговором они неспешно дошли до половины Марины. Здесь было сумрачно, лишь одна единственная свеча горела в спальне, освещая спавшую на кушетке у окна Дуняшу, которая решила немного прикорнуть, пока барыня на бале.

— Тсс, — приложила палец к губам со смехом Марина и, взяв свечу со столика, направилась в свой кабинет. — Не будем ее будить, пусть поспит. С утра на ногах, а ночью где-то бродила с комердином Анатоля. Ох, чувствую, скоро менять мне горничную.

Она сама разлила по бокалам, стоявших на бюро, воду из хрустального графина и протянула один из них подруге. Свой же так ко рту и не поднесла — застыла в изумлении, заметив посторонний предмет в кабинете, еще вечером отсутствовавший.

У окна кабинета стояла позолоченная клетка на резных ножках. В ней, нахохлившись, сидела небольшая канарейка, внимательно наблюдавшая за передвижением по комнате незваных посетительниц.

— Мне еще один подарок нынче, — проговорила медленно Марина и, отставив в сторону свой бокал, подошла к клетке. Она провела пальчиком по прутьям клетки, при этом птичка сорвалась с места и перелетела на дальнее от Марины место на деревянной жердочке, недовольно вереща при этом.

Клетка. Позолоченная клетка. Как символично! Сначала тяжелый графский венец, а теперь эта клетка... Марина грустно улыбнулась своим мыслям.

— Что с тобой? — сзади к ней подошла, шурша шелком юбок, Юленька, обняла нежно за плечи. — Ты весь вечер сама не своя. Что-то случилось?

— Он — мой хозяин, Жюли, — проговорила Марина, не оборачиваясь, водя пальчиком по позолоченным прутьям клетки. — Я как эта птичка — посажена в красивую клетку для услаждения своего хозяина. Он делает все, чтобы его птичка приносила ему радость и вызывала восхищение и зависть у окружающих.

— Такова природа брака, ma chère, — ответила ей Жюли. — Тебе еще повезло, что он любит, уважает, ценит тебя. У многих нет и этого.

— Да, — согласилась с ней Марина. — Мне повезло.

В этот момент раздался стук в дверь. Им сообщили, что барин повсюду ищет барыню и просит ее вернуться в бальную залу, и женщины поспешили вон из хозяйской половины.

— Где вы пропадали, мой ангел? — сказал Анатолий, беря жену под руку. На людях он предпочитал официально обращаться к своей жене, придерживаясь правил этикета. — Я уж думал, что вам стало дурно.

— Не беспокойтесь, мой дорогой, — ответила, нервно улыбаясь, Марина. — Я в полном здравии. Мы выходили освежиться.

— У меня для вас сюрприз, мой ангел, — проговорил Анатолий, легко поглаживая ее пальчики, лежащие на рукаве его мундира. — Скоро вы увидите его.

— Если это тот сюрприз, что стоит в моей половине, то вынуждена разочаровать вас. Я уже видела его. Очаровательная клетка.

— О нет, это не совсем то, — Анатолий предпочел не заметить иронии в ее голосе. — Вы говорили, что вам нравится пение птиц, вот я и привез вам первую птичку для вашего

зимнего сада. Иное ждет вас в конце бала, после котильона. Мы поведем сейчас этот последний танец. Должен же я потанцевать с женой?

Тем временем закончилась кадрили. Анатоль взял Марину за руку и вывел в центр зала. Он весь вечер наслаждался теми шепотками, что всякий раз встречали Маринино появление в танце в течение всего бала. Она действительно была изумительна, люди были правы в своих оценках ее красоты, ее стати. И она принадлежала ему.

Заиграла музыка, и он сначала начал с фигур кадрили. Окружающие пары согласно правилам котильона повторял за их парой все движения. Затем Анатоль завершил фигуру кадрили и повел Марину, слегка придерживая за талию, в полонезе по зале, кружа ту через каждые пять шагов вокруг себя. Он смотрел на нее, как горят ее глаза, как разругались щеки от танца, а может быть от жары. Он касался ее руки, ее стана, и это доставляло ему несказанное удовольствие.

Еще пара шагов, поворот, и Анатоль вывел жену из залы сквозь французские окна в парк, и танец продолжился уже на свежем воздухе на площадке перед домом. Он поднял ее за талию вверх и покружил, затем поставил, несколько фигур кадрили и снова дальше неспешным полонезом в парк по широкой дорожке. Удивленные танцующие повторяли за ним все движения, остальные гости буквально хлынули вон из дома по знаку дворецкого, смеясь и гадая, что их ждет в парке.

Так, за разными па из разных танцев (даже были несколько движений, словно в игре «ручеек») Анатоль довел свою супругу до пруда. Музыка уже едва доносилась из дома до этого места, но танцующие уже двигались, повинаясь слышному только ведомой паре такту, копируя все их движения. Наконец Анатоль в танце развернул Марину лицом к пруду, и вдруг ночь взорвалась огнем — на острове дворовые подпалили фитили фейерверков. Несколько замысловатых фигур по бокам, а в центре одна единственная композиция — все те же переплетенные буквы М и В, как и на бриллиантовой броши, подаренной Анатолем.

Гости засмеялись, загомонили, восхищенно наблюдая за зрелищем.

— Adorable, divin, délicieux! ^[252] — слышалось со всех сторон. Анатоль, довольным произведенным эффектом, радостно улыбался, прижимая к себе стоявшую спиной Марину настолько близко, насколько позволяли ее юбки. Если бы он видел в этот момент лицо Марины, то верно огорчился бы — на нем не было никаких эмоций. Вообще. Словно онс заледенело, заморозив способность выражать любые эмоции.

Марине эти горящие китайским огнем буквы, казалось, в самом сердце выжигали клеймо МВ. Она только сейчас вдруг осознала, что до конца своих дней ей суждено принадлежать этому человеку, что-то радостно шепчущему в ее ухо, целующему ее волосы. Она будет ему полностью подчинена, даже в общении с окружающими (он уже сейчас следил коршуном за каждым письмом из Киреевки). Он будет за нее решать, что ей одеть, чьи приглашения принимать, что читать, о чем думать. Да, он был внимателен и заботлив, но его внимание тяготило ее, душило ее. Тяжела она, тяжесть графского венца...

— Пойдемте, уже пора ужинать, — отвлек ее от своих грустных мыслей Анатоль, взяв под руку. — Вам понравилось?

— Очень красиво, — честно ответила Марина. — Я не ожидала подобного. Благодарю вас.

Гости потянулись широким ручейком в дом, где их встречали лакеи и провожали в парадную столовую дома, где Воронины намеревались дать ужин. Двигались с шумом стулья, звенели бокалы и серебро столовых приборов. Рассаживались за столом по

французскому порядку ^[253], ставшему весьма популярным в недавнее время.

Подали первую перемену блюд — холодные закуски: сыры, ветчину, пироги, и за столом неспешно потекли разговоры, обсуждались последние события в политике, рассказывались анекдоты. Марина сидела за противоположным концом стола. За стоявшими на нем жирандолями со свечами и пышными букетами из цветов и фруктов она совсем не видела его, и ей сейчас это было лишь на руку. Она неимоверно вымоталась за этот день и физически, и морально. Последний раз на балу она была почти год назад и попросту отвыкла от подобных нагрузок. Тем паче, что живя в деревне, Марина приучила себя ложиться рано, а сейчас было уже за два часа ночи.

Она перевела взгляд на суетящегося у двери, покрикивающего на лакеев чуть слышно Игната и улыбнулась, настолько необычен был его вид для нее сейчас. Напудренный, в шелковых чулках, башмаках с пряжками и золотым широким галуном по камзолу, он выглядел очень важным. Но Марина не могла не признать, что в столовой благодаря его работе царили точность и порядок — вовремя менялись приборы и бокалы, разливались вина и другие напитки.

После третьей перемены блюд стали звучать здравицы. Первая, согласно принятому обычаю, за здоровье государя и всего августейшего царского дома. Затем граф Строганов произнес тост в адрес хозяина вечера, желая ему крепкого здоровья и счастья. Потом те же пожелания, но уже в адрес именинницы прозвучали от следующего гостя. С переменами блюд менялись и вина, общество за столом все более воодушевлялось, тосты шли одни за другим. Был произнесен ответный тост Анатодем за присутствующих гостей, потом пошли тосты на другие темы. Вскоре в столовой уж вовсе стоял гул, заглушая подчас музыку, что доносилась сквозь распахнутые двери из соседней комнаты.

Марина почти ничего не пила, слегка пригубивая вина из своего бокала, терпеливо дожидаясь последней седьмой перемены, вежливо общаясь с соседями по столу, улыбаясь в ответ на звучащие рядом шутки, из всех делая вид, что она ничуть не устала и довольна вечером.

Наконец подали воду с лимоном для ополаскивания рук, гости дружно встали из-за стола, чтобы выйти в парадную гостиную. Там их ждали кофе, варенье на маленьких тарелочках и марципан. Спустя некоторое время количество гостей постепенно стало таять на глазах — согласно общепринятым правилам они должны были уйти незаметно, не прощаясь, выражая свою благодарность ответным визитом, коих Марина ждала немало на следующей неделе после бала.

Но сейчас, когда гостиная спустя час полностью опустела (остались лишь Арсеньевы да пара офицеров в биллиардной), Марина желала лишь одного — чтобы ее голова наконец-то коснулась подушки, сомкнуть уставшие веки. Анатодем поднялся одновременно с Арсеньевым со своего кресла и коротко кивнул уставшим друзьям.

— Покойной ночи, моя дорогая, — обняла Марину подруга, а ее супруг лишь приложился вежливо к руке, прощаясь. — Все было просто великолепно, Анатодем Михайловичу весьма повезло с хозяйкой его дома.

— Я с этим не буду спорить, — улыбнулся Анатодем. После того, как Арсеньевы удалились, и Марина с Анатодем двинулись в хозяйскую половину, где Дуняша уже приготовила постель хозяйке.

— Можешь быть свободна, — отпустил ее Воронин. — Сегодня я сам послужу твоей барыне.

Марина, услышав эти слова, чуть не расплакалась — она так устала нынче, что ей хотелось только одного — спать и только спать. Анатолий же помог ей разоблачиться и переодеться в ночную сорочку, ласково касаясь ее кожи пальцами или губами, потом разобрал прическу.

— Я причешусь сама, — взяла из его рук щетку Марина. — Вы верно тоже устали.

— Я вернусь к вам через минуту, — кивнул Анатолий, а затем провел рукой по ее щеке. — Я вижу, что ты утомлена. Я всего лишь хочу провести эту ночь рядом, ничего более.

Он вернулся, когда Марина уже лежала в постели, сомкнув веки. К ее удивлению, сон никак не шел к ней, хотя она думала, что сразу же упадет в объятия Морфея. Анатолий лег рядом с ней и, обняв, ласково провел рукой по ее распушенным волосам.

— Я люблю тебя, — проговорил он, словно соблюдая какой-то свой неизменный ритуал — говорить ей перед сном о своей любви к ней. Затем спустя некоторое время Марина почувствовала, как расслабилось его тело на перине рядом с ней, как выровнялось дыхание. Анатолий заснул. Ей же совсем не спалось.

Скоро Марина поняла, что не заснет, и, аккуратно убрав со своей талии руку мужа, поднялась с постели, подошла к распахнутому окну. Вдыхая полной грудью ночной прохладный воздух, она вслушивалась в звуки дома. Он не спал, сустились слуги, занимающиеся уборкой залы и столовой, уносившие посуду из парадной гостиной, где подавали кофе.

Кофе! Вот почему она не может уснуть, решила Марина и облокотилась на подоконник, почти по пояс высунулась в окно. Где-то раздался низкий мужской смех, затем женский, довольный и хриплый. Кто-то в эту дивную ночь тоже не желал спать, видимо, найдя себе совсем другое занятие.

Неожиданно этот мужской смех вдруг всколыхнул в Марине воспоминание о тех нескольких летних ночах в Киреевке, когда ее тело словно плавилось под руками и губами Сергея, и она осознала, насколько ей не хватает этих эмоций сейчас. Внезапно потяжелела грудь, словно желая прикосновения мужской руки, заняло в животе.

Марина перевела взгляд в звездное небо и нашла глазами небольшое созвездие, напоминавшее букву М. Когда-то давно, в той другой жизни любимый человек показал ей его и сказал:

— Когда ты затоскуешь обо мне, посмотри на небо, на эти звезды. И я буду смотреть на них везде, где бы я ни был, буду думать о тебе. И мы снова будем вместе чрез них, даже на большом расстоянии. Пусть даже в мыслях. Ведь я никогда не оставлю тебя, никогда...

Марина провела пальцами по своим губам, вспоминая тот поцелуй, что последовал за ним. Впервые она при этом не чувствовала боли в сердце, только сожаление, что этого более никогда не будет в ее жизни.

— Не стой на сквозняке, — раздался из-за ее спины заспанный голос. — Иди сюда, надо спать.

И Марина подчинилась, вернулась в постель к своему супругу, который взял ее холодные ладони и прижал к своему сердцу, согревая теплом своего тела. Так она и уснула под мерный стук сердца Анатолия, убаюканная его тактом...

В ту ночь ей снова снился луг в Киреевке. Но он был совсем пуст, Марина была на нем абсолютно одна. Она пробежалась вдоль луга, потом в другую сторону, сминая высокую траву своими босыми ногами, громко выкивая только одно имя. Но человек, которого она звала, так и не появился.

Он ушел. Она осталась одна.

Кавказ, 1838 год.

Он с трудом поднял голову и посмотрел на звезды на темном ночном небе. Из глубины его ямы они казались такими далекими и неприступными. Луны не было видно с его места, но он знал, что она сейчас в небе, уж слишком светло было в яме.

Правый глаз почти ничего не видел, осмотреть бы его, но он боялся дотрагиваться до него, ненароком не испортить бы чего. Кровь на лице уже начала застывать, стягивая кожу неприятной коркой. Он даже думать не хотел о том, как будет выглядеть в итоге, когда эти заскорузлые кусочки будут отваливаться, оставляя следы ран. Вот и закончилась твоя красота, любимец дам, невесело усмехнулся он.

Он попытался вытянуть ногу вперед, чтобы занять более удобное положение, но это движение отдалось болью во всем теле, особенно в предплечьях и спине, куда эта проклятая кошка легко дотягивалась своими когтями. Он вдруг вспомнил о ранах и отодвинулся от стенки ямы, на которую опирался. Пусть сначала кровь, сочившаяся по спине, немного подсохнет. Не хватало еще занести Антонов огонь в вены.

Звезды в вышине подмигивали ему игриво, и он вспомнил, как когда-то говорил Марине, что если смотреть на них, вспоминая друг друга, можно мысленно почувствовать рядом присутствие любимого человека. Интересно, помнит ли она об этом? Помнит ли она вообще о нем?

Он снова почувствовал, как на него наваливается тоска, захватывая в плен его душу. Помнят ли о нем там, в далеком Петербурге? Прошло уже два лета, как он тут, в этом небольшом горном ауле на двадцать саклей. Два невероятно длинных года...

Сверху на него посыпалась земля, и он поднял голову, стремясь определить, кто там, на поверхности, и с какими намерениями прибыл к его узилищу. Звездное небо заслонила маленькая голова, и он расслабился. Джамаль.

— Серго, Серго! — громким шепотом позвал он, наклонившись к яме, вглядываясь в ее черноту.

Сергей откликнулся также шепотом, чтобы не привлечь к ним обоим лишнего внимания. Сейчас это было совсем не к чему. Джамаль повернулся на его голос, потом неловко размахнулся и бросил вниз небольшой сверток. Он упал прямо рядом с Сергеем, и тот, даже не двигаясь с места, протянул руку и взял его. В нем были две пресные лепешки, небольшой сосуд с водой и плотненький маленький сверточек. Ханка [\[254\]](#), определил Сергей и не ошибся.

— Надо, Серго. Дина сказала, что боли нет тогда, — прошептал Джамаль, заметив, как замер русский, развернув сверток. — Надо.

— Иди, — сказал Сергей мальчику. — Иди, а то хватятся тебя еще.

— Отец очень зол, — прошептал Джамаль вглубь ямы. — Он очень любил Зару. Грозится убить тебя.

Сергей пожал плечами и только потом сообразил, что мальчик не может видеть его движения.

— Либо она, либо я. Я умирать не хотел, — и после недолгого молчания добавил. — Иди же, Джамаль.

Мальчик и так многое сделал для него, ему вовсе не хотелось, чтобы его застали у ямы сейчас, когда его отец так зол на Сергея. Именно он, видимо, подвергаемый приступами совести настоял на том, чтобы раненого русского забрали с собой, несмотря на все увещания отца, что тот уже не жилец. Джамаль настаивал на том, что он в долгу перед русским, ведь тот спас ему жизнь. Именно этот довод, ведь Джамаль был единственным сыном и наследником, заставил Исмаила переменить свое решение, и раненого забрали с собой. Тем паче, что несли его же свои соотечественники, взятые в полон. Исмаил увел с собой и несколько женщин из аула, которые в пути хоть как-то ухаживали за раненым. Ему были необходимые женские руки в доме в помощь своим домашним. Так почему же не взять их из тех неверных, что пошли на сговор с русскими?

— Ты зря тратишь свое время, сын, — твердил Исмаил сыну на каждой стоянке. — Твой русский не доживет до следующего рассвета.

Но на его удивление русский не только дожил до утра, но и живым добрался до аула, несмотря на все неудобства дороги для столь тяжелораненого. Там его уже приняла в свои руки Мадина, младшая жена Исмаила, славившаяся своим целительным искусством на всю округу. Из-за ее красоты и дара врачевания он и взял ее в жены, несмотря на то, что ее род был беден и незнатен, да и под русскими ходил долгое время, за что и пострадал, потеряв почти всех мужчин.

Джамаль и тут сумел уговорить отца не помещать пока раненого с остальными русскими в сарае, продуваемом ветрами и с худой крышей, а положить в домике для слуг, чтобы позднее, если он поправится направить в жилье для пленников. Исмаил, довольный полученной добычей и малыми при этом потерями в людях, милостиво разрешил, особенно после того, как Джамаль обратил его внимание на положение русского:

— Видел, отец, как они бережно ходили за ним? Значит, не последний человек он у себя на родине. Да Мурат с него несколько колец снял и цепь золотую с крестом. Пусть поправится, узнаем его имя, за выкуп отдадим. Хороший выкуп будет!

Но русские пленники не назвали Исмаилу имя раненого, как он не допытывался. Они были простые солдаты, мелкая рыбешка для бека [\[255\]](#), могли и не знать имя офицера, и он оставил их в покое. Тем паче, не хотел портить их вид — он планировал продать их в соседние аулы и Абдулу-бею. Тот перепродавал пленников в турецких землях. Дело это было, конечно, опасное, ведь хан всей русской земли серьезно взялся за искоренение работорговли — за работорговцами, словно, охота велась, и казаки жестоко расправлялись с ними в случае пленения. Но деньги, получаемые от продажи людей, выходили хорошие, и риск, на который шли торговцы, был оправдан.

Исмаил решил тогда спросить самого пленника, если он сможет встать на ноги после такого ранения. Получить пулю в бок, это вам не ранение в руку или в ногу. Хотя, слава Аллаху, Дина заверила его спустя несколько недель, что русский поправится. Он отобрал у Мурата пару колец, что тот снял с руки этого пленника, и понял, что за него можно смело просить пять тысяч рублей золотом. Хотя, впрочем, можно попробовать и десять. Разве не может стоить этот пленник столько? Речь его, даже в бреду, очень отличалась от речи простых солдат, руки были холеные, не знавшие ручного труда. Значит, непростой человек этот раненый, непростой человек! Ишь, какую важную птицу принес в аул Джамаль. И что только занесло того сюда, в этот маленький горный аул, стоявший так далеко от крепости русских?

Русский был без сознания несколько недель, и Джамаль уже стал опасаться, что тот уже

не придет в себя. У раненого первые пару недель была сильная горячка, он метался по постели и бредил, кого-то звал, негромко стонал, тихо плакал. А один раз Джамаль увидел, как русский поймал руку Мадина, утирающую пот с его лба, и поднес к губам, начал нежно целовать. Он заметил, что Мадина покраснела, но руку отняла не сразу, только когда, обернувшись, заметила, что уже в сакле не одна с пленником.

— Он тебе нравится, — мрачно сказал Джамаль, когда они вышли от русского и пошли к основному дому через двор. Он всегда помогал ей в работе, вызывая усмешки у отца. Мадина вошла в их дом два года назад, запуганной девочкой-подростком (она была старше самого Джамала на четыре года), и так и не смогла привыкнуть к своему мужу, отцу Джамала. Если говорить начистоту, даже сам Джамаль боялся его, старался лишний раз не попадаться тому на глаза. А уж после той ночной вылазки за пленниками, когда он так недостойно повел себя, и подавно.

Мадина ничего не ответила, только вдруг остановилась посреди двора и посмотрела на него затравленным взглядом. В ее глазах плескался страх маленького зверька.

— Я ничего не скажу отцу. При условии, что ты будешь с ним помнить о своем положении, — сказал Джамаль в надежде ее успокоить. Он понимал, что даже с длинной щетиной на лице этот светловолосый русский выглядел гораздо красивее его старого бородатого отца с черными строгими глазами, вызывающими ужас у слуг и его жен. — Зачем ты сказала ему свое имя?

— Я не говорила, — тихо ответила Мадина. Ее глаза сверкнули странным огнем, но Джамаль не успел разобрать, что именно отразилось в них. — Да и зовет он в бреду не меня. Другую.

Она перекинула через плечи свои роскошные черные косы, поправила покрывало на голове и резко отобрала у Джамала корзину с лекарствами. Рассердилась, подумал он, глядя, как она, распрямив спину, идет прочь от него.

Наконец, когда на дворе заметно похолодало, Аллах услышал молитвы Джамала, и русский открыл глаза, смог хоть и тихо, едва слышно, но говорить. Мадина, заметив, что он пришел в себя, сразу же помчалась к Исмаилу, который в это время был в ауле. Бек сразу же пришел к раненому, чтобы узнать его имя.

— Кто ты? — спросил он у русского через переводчика старенького Эмина, что когда-то жил в крепостях у неверных, чтобы найти своего сына, ушедшего из родного аула служить врагу. — Назови свое имя, русский.

Сергей прищурил глаза, оттягивая время. Он прекрасно понимал, зачем его выхаживали все это время, практически вернув с того света, и почему этот высокий чернобородый бек в богато расшитом бешмете, с кинжалом в золотых ножнах на поясе пришел сюда, в эту крохотную саклю, где ему пришлось невольно согнуться, чтобы не упереться головой в потолок.

— Сколько за тебя дадут твои родичи? — тем временем спросил бек через Эмина. — Писать сможешь? Надо о выкупе писать.

Сергей молчал, и бек заволновался, что-то сказал переводчику. Тот поклонился чернобородому, а потом сказал:

— Назови свое имя, русский. Нечего его скрывать. Твои родичи выкуп пришлют, и мы тебя в крепость отпустим. На родину вернешься, к своим. Пиши о выкупе.

Сергей кивнул, давая понять, чтобы ему принесли перо и бумагу. Чем быстрее он разделается со всем этим, тем лучше. Он слышал, что некоторых пленников горцы отдавали

обратно после получения денег. Но также слышал, что некоторые так и не возвращались, когда за них был уплачен выкуп, навсегда оставаясь где-то здесь, в горах.

— Переведи ему, — так тихо сказал он переводчику, что тому пришлось наклониться к нему поближе. — Пусть он клянется вашим Аллахом, что отпустит меня, когда привезут деньги. И не только отпустит на свободу, но и жизнь сохранит.

Переводчик озвучил слова Сергею Исмаилу, и тот возмущенно что-то вскрикнул на своем языке. Потом успокоился, погладил бороду и кивнул, принимая условия, навязываемые ему пленником. Он произнес несколько фраз, и Сергей рассмеялся, откинув голову назад.

— Кого ты обманываешь, бек? — спросил он на родном языке бека, изо всех сил сохраняя на лице хладнокровие, когда все его тело пронзала мучительная боль. — Я знаю ваш язык, дорогой. Сталкивался уже с вашим народом. Не повезло тебе в этом. Именно твоему наречию обучили меня несколько лет назад.

Бек зарычал недовольно, потом проговорил глухо:

— Ты хочешь от меня клятвы, урус? Клянусь Аллахом, что ты уедешь из моего аула живым и невредимым, после того как я получу деньги за тебя. Ты доволен?

— Нет, — покачал головой Сергей. — Не так. Клянись, что живым доеду до русской крепости. Только так и не иначе.

— Ты злишь меня, урус! Но я сдерживаю себя исключительно из-за того, что ты сохранил жизнь моему единственному сыну, — при этих словах в голове Сергея всплыли испуганные широко распахнутые глаза мальчика. — Я соглашусь на твою клятву. Надеюсь, что ты действительно непростой человек у себя на родине, и я не зря смиряюсь сейчас.

Бек произнес слова требуемой клятвы и, недовольно взглянув на пленника, вышел из сакли. Переводчик достал из-за пазухи смятый лист бумаги, перо и переносную чернильницу на длинной цепочке.

— Пиши, русский, пиши письмо. Не забудь имя свое назвать, чтобы знали, чьих родных искать.

Сергей без лишних раздумий написал короткую записку деду, кратко сообщив, что с ним все в порядке, чтобы тот излишне не волновался за внука. Он надеялся, что письмо дойдет до князя к новому году, а значит, Сергей успеет встать на ноги и быть готовым ко всему, что может ожидать его после. Он не знал, сколько запросит за него бек, но готов был отдать последнюю рубашку, чтобы вырваться отсюда, из этого аула. Ведь пока он здесь, Марина, видно, сходит с ума от неизвестности и за его судьбу, и за их будущее. Хотя, слава Господу, он успел отдать своему деду письмо, в котором рассказал обо всем и просил позаботиться о его супруге в случае, если что-то пойдет не так.

Марина. Она приходила к нему, пока он был в забытии. Ласково обнимала, припадая на грудь. Гладила кончиками пальцев по лицу. Тихо шептала прямо в ухо: «Вернись ко мне, вернись... не уходи».

И он остался. Собрав последние силы, пошел на ее голос, несмотря на то, что приближение к ней причиняло сильную боль. И чем ближе становился ее голос, тем сильнее боль пронзала его тело, доводя до слез. Но он был рад этой боли, ведь она означала, что он возвращается к жизни. Возвращается к ней, к Марине.

Сергей нашел на груди шнурок и, потянув за него, поймал пальцами небольшой образок. Видимо, он не представил никакой ценности для горцев, что сняли с него даже распятие, но оставили ему дар Марины. Он прижался губами к лику святого и начал молиться, тихо шепча

отрывистые слова, об окончательном исцелении и скором возвращении домой.

Вскоре его навестил тот самый мальчик, что едва не прикончил его там, во время боя. Сейчас он едва смотрел ему в глаза, отводя в сторону стыдливый взгляд.

— Я должен поблагодарить тебя, — сказал ему Сергей. — Ведь ты спас мне жизнь.

— А ты сохранил мою, — прошептал мальчик. — Я не хотел убивать тебя. Сам не знаю, зачем выстрелил тогда.

— Ну, значит, мы в расчете, — проговорил Сергей, не держа ни злости, ни обиды на этого юнца, как бы ни хотел их испытывать. Он жив, и это главное для него сейчас. Скоро вернется посланный в крепость с письмом гонец бека, а после привезут выкуп, и он будет свободен. Вернется в Петербург, к Марине.

Марина. Она всегда была в его мыслях, не покидая даже во сне, где призывала его к себе, иногда радостно, но иногда со слезами на глазах. Эти слезы раздирали его душу, рвали на куски. Он боялся за нее. Как она узнает о том, что он пропал без вести? Как переживет это? Что сейчас чувствует его дед? Выдержало ли его сердце такое горькое испытание — очередную потерю родного человека? Сергей искренне надеялся, что эти два близких его сердцу человека объединятся в своем горе и смогут вдвоем пережить эти тяжелые для них дни.

— Ждите, мои родные, — шептали его губы. — Ждите. Скоро придет к вам весточка.

Сергей начал потихоньку пробовать вставать. Сначала выходило не очень, затем, со временем его ослабевшие мускулы наконец-то смогли выдержать такую нагрузку, и он смог выйти вон из сакли, чтобы вдохнуть горного воздуха. Ему казалось, что именно он и придавал ему силы, восстанавливая его после столь долгой болезни. Целительный воздух гор да волшебные руки черкешенки Мадины.

Сначала Сергей был немного разочарован, узнав, что именно ее руки, а не ладони любимой, как ему казалось, касались его лица. Значит, в его выздоровлении все же больше реальной основы, чем мистического, в которое ему так хотелось верить. А наблюдая за поведением юной черкешенки, которая всегда краснела и отводила в сторону свои чуть раскосые карие глаза, когда сталкивалась с ним взглядом, он понял, что губы, касающиеся его лба и щек, были вовсе не плодом его бреда. Раньше Сергей бы непременно воспользовался бы ее влечением, чтобы найти путь на свободу, обмануть своих стражей с ее помощью, теперь же ему казалось это не совсем правильным воспользоваться неопытностью этой девочки.

Да что с ним такое происходит? Что случилось с тем прежним Сержем Загорским? Он успокаивал себя, что просто ждет, когда наберется сил, что он совсем не готов к побегу, что лучше пойти менее опасным путем. Сергей не может сейчас так сильно рисковать, когда есть другие возможности вернуться. Ведь его ждут, и он должен воротиться целым и невредимым.

Спустя месяц, когда землю начали сковывать первые морозы, в аул приехал посланный Исмаилом гонец. Он спрыгнул на землю и, не обращая внимания на вышедшего тут же Сергея, смотревшего на него с плохо скрываемой надеждой, прошел сразу в дом бека. Через несколько минут оттуда выскочил сам Исмаил и направился к Сергею.

— Проклятый урус, ты обманул меня! — крикнул он в лицо Сергея. — Ты мне солгал! Ты не князь Загорский.

Сергей рассмеялся в ответ. Для него происходящее казалось сейчас каким-то розыгрышем, нелепой шуткой, задуманной беком. Это еще сильнее разозлило Исмаила, и тот

со всей силы хлестнул пленника плеткой, которую выхватил с пояса. Сергей не позволил ударить себя второй раз, ухватившись за конец плетки и притянув к себе бека. Теперь они стояли лицом к лицу, и Исмаил понял, насколько уже выправил свое здоровье русский, смотревший на него теперь с усмешкой и яростью в глазах цвета стали.

— И кто же я, по-твоему, бек? — проговорил Сергей, не отводя своего взгляда от лица Исмаила.

— Ильдар справлялся в крепости у урусов, недалеко от аула, где мы тебя взяли. Князь Загорский не пропал в горах. Урусы сказали, что князь мертв. Его тело еще несколько месяцев назад уехало на родину. Так кто ты, урус?

Сергей почувствовал, словно кто-то невидимый ударил его в солнечное сплетение. Как такое могло произойти? Как могли принять чужое тело за него, Загорского? Он из последних сил держался на ногах, не желая показывать, как поразила его эта весть.

— Я — князь Загорский Сергей Кириллович, — отчеканил он. — Пошли письмо, что я написал, на мою родину, и ты получишь выкуп, бек. Даю тебе слово.

— Твое слово? — бек сплюнул на землю, приводя Сергея в холодное бешенство этим поступком. — Я уже знаю, сколько стоит твоё слово.

Исмаил оттолкнул от себя Сергея и пошел прочь, расталкивая собравшихся на крики жителей аула, что-то буркнув гонцу, что стоял тут же и наблюдал за всем происходящим. Тот тоже что-то ответил беку, и он внезапно остановился. Затем повернулся к Сергею.

— Ильдар говорит, что князь слыл искусным стрелком, — он что-то тихо сказал одному из слуг, стоявших рядом, и тот бросился в дом. Вернулся он с пистолетом и, поклонившись, передал его Исмаилу. Сергей узнал в нем один из пары дуэльных пистолетов, что были у него при себе в этой поездке, и похолодел, вспомнив, что у одного из пистолетов был немного сбит прицел. Именно поэтому они и лежали в сундуке, ожидая приезда Степана, который должен был отвезти их в крепость оружейнику на починку, да попали не туда, а прямоком Исмаилу в качестве его добычи при нападении. Видимо, бек польстился на роскошную отделку и даже не проверил исправность пистолета.

— Возьми, — кинул ему в руки пистолет Исмаил. — Я поставлю вон там, на дереве, золотой. Пробей его, как это сделал бы по слухам князь. Если сможешь, я пошлю письмо. Если нет, то тебе придется назвать свое настоящее имя, а не сделаешь этого, рабом пойдешь, пока не образумишься.

Сергей быстро осмотрел пистолет и понял, что не ошибся. Прицел был сбит. Сказать об этом сейчас беку означало заведомо признать свою неправоту, ведь тот сразу же скажет, что это лишь пустые отговорки. Рискнуть ли? Испытать судьбу в последний раз, в любимчиках которой он ходил до сих пор? Ведь он был уверен в себе почти полностью, что попасть даже со слегка сбитым прицелом для него все-таки возможно.

Сергей коротко кивнул беку, и тот двинулся к сухому дереву в углу двора. В место, где ветви образовывали латинскую букву V, он аккуратно установил золотой, что достал из своего кошелька.

— Давай, урус, — повернулся он к Сергею, отойдя от дерева. — Докажи, что ты говоришь правду.

Сергей попытался хоть как-то навести дуло на желаемую цель, стараясь унять дрожь в руках, которая возникла при непривычной за последние несколько месяцев тяжести пистолета. Он должен попасть, по-иному и быть не может. Ради нее.

Выстрел, и Сергей отшатнулся назад, чувствуя, как резко заныл бок после отдачи в руке.

На дереве монеты уже не было, и он обрадовался, предчувствуя, что и в этом случае он одержал победу. Но радость Сергея была преждевременная. Бек подошел к дереву и нашел в его корнях золотой. Поднял вверх. Дырки от выстрела в нем не было. Сергей промахнулся впервые за десяток лет.

— Ну, урус, ты и теперь не назовешь свое имя? — с усмешкой проговорил бек.

— Я попал в нее, — сказал Сергей и показал на слегка погнутую сторону монеты. Бек кивнул ему, насмешливо улыбаясь.

— Князь Загорский бы попал в середину, — бек поднял руку, видя, что Сергей хочет возразить ему, и коротко приказал. — Цепи.

Сергей сопротивлялся, как мог, но его повалили на землю, натянули на ноги кандалы, защелкнули замки. Затем видя, что он по-прежнему сопротивляется, не давая себя увезти в сарай для рабов, бек приказал привязать его к дереву и принести кнут, несмотря на увещевания сына, что русский после болезни не может выдержать порки.

— Запомни, урус, — сказал бек после того, как закончил экзекуцию, отсчитав десять ударов. — Я ненавижу строптивых рабов. Ты назовешь мне свое имя, чтобы мы послали за выкупом.

— Мое имя Сергей Загорский, — прохрипел Сергей в ответ, и бек сплюнул на землю в раздражении.

— Ты подохнешь здесь, как собака, если будешь таким упрямым. Упрямые рабы долго не живут.

С того дня Сергей был переведен в сарай для рабов. Пока более-менее заживали раны от кнута на его спине, он лежал там в полном одиночестве (к тому времени солдат, захваченных вместе с ним уже продали), размышляя обо всем, что свалилось на него в последнее время. Никто не будет искать его, никто его не ждет более. Ведь Сергей Загорский мертв, убит на Кавказе, и, видимо, уже похоронен в Загорском на семейном кладбище. Отныне у нет даже собственного имени, отнятого каким-то неизвестным мертвецом, погибшим в той заварухе.

Что там с его родными? Верно, оплакивают его, не зря иногда Марина являлась к нему во сне в слезах. Родимая моя, сердце моя, моя душа... Как ты там без меня? У Сергея сжималось сердце при мысли о том, как сейчас страдает его жена. Скажи ему кто-нибудь, что она умерла, что ее нет более, и весь мир остановился бы для него в тот же миг. Господи, дай ей сил пережить это, бедная моя жена, мой дивный ангел...

А дед? За что ему опять потеря такая? Сергей вспомнил, как тяжело дед переживал утрату близких, и невольно сжал кулаки. Перенесет ли он, когда ему скажут, что Сергей погиб, как отразятся на его здоровье похороны?

Сергей должен найти выход из своего невольного положения. Бежать, бежать, бежать...

Когда ему позволила спина, он начал потихоньку пробовать вставать и двигаться по каменному сараю, разминая мышцы. Ему просто необходимо вернуть телу былую силу. Заметив это, Сергея начали выводить на работу. Боже, он, потомственный князь Загорский, был вынужден пасти стадо овец! О том, что он был недавно порот кнутом, как крепостной, Сергей даже думать не хотел.

Но он стиснул зубы и попытался найти в этой работе свои невольные преимущества. Ведь это позволяло ему осмотреться на местности и попытаться понять, в какой именно стороне могут находиться русские крепости. Такая красота окружала Сергея — горы, либо целиком голые, либо покрытые небольшими лесочками, внизу, под горой, где паслось стадо,

и недалеко стоял аул, узкой лентой извивалась речушка, шум от которой Сергей мог слышать даже здесь на высоте. Вдалеке только горы, уже повыше и покрытые шапкой из снега и льда. Ни аула, ни какого-то другого поселения не наблюдалось с этого импровизированного поста Сергея.

Спустя некоторое время Сергей, осознав, что ему так просто не сориентироваться, в какую сторону следует идти, он решился спросить у Джамалья, откуда его привезли сюда. Мальчик с тех пор, как он стал пасти овец, ходил за ним чуть ли не по пятам, сидел немного вдалеке и наблюдал за ним. В его глазах ясно читалось желание поговорить с русским, что он с радостью и сделал, едва Сергей подал знак, что хочет побеседовать с ним.

— Зачем тебе знать это, урус? — удивился Джамаль. — Отсюда тебе не убежать. Охрану отец приставил к тебе в два человека. Да и посты у него по округе, ты сразу же попадешься. А отец очень скор на расправу, ты уже это знаешь.

Сергей невольно потер спину через овчинный тулуп, что недавно пострадала от рук бека.

— Ты думаешь, я могу остаться здесь? Смириться и дальше продолжать пасти коз и овец?

— Назови свое имя, и отец тут же отправит письмо. Ему нужны деньги — хочет дом расширять.

— Я уже назвал его, другого имени у меня нет, — угрюмо ответил Сергей и переступил, чувствуя, как затекла нога под тяжестью железных оков.

— Если ты князь, почему не попал в золотой? — пытливо спросил Джамаль, хмуря лоб.

— Прицел был сбит, — Сергей сел на камень, пытаясь при этом занять такое положение, чтобы оковы не сильно давили на щиколотки. Они и так были стерты в кровь.

— Вай! Почему не сказал отцу? — возмутился Джамаль, явно недоумеая.

— И что изменилось бы? Да и слаб я был тогда. Руки были недостаточно сильны, чтобы пистолет держать.

— На, — Джамаль протянул Сергею свой кинжал. — Докажи. Кинь вон в ту ветку, — он показал на толстую изгибистую ветку одного-единственного дерева в шагах двадцати от них. Сергей внимательно посмотрел на мальчика. Кто-то все-таки должен научить его не давать вот так просто оружие неприятелю. Ведь сейчас он мог запросто перерезать Джамалю горло его же собственным кинжалом. Пусть даже после этого его застрелил бы охранник, что сидел недалеко от них, едва видный из-за небольших валунов. Хотя кто знает, быть может, он успел бы метнуть в него этот самый кинжал, обогранный кровью мальчика. Но далеко бы он ушел, еще целиком не восстановившись после ранения и недавней порки?

— Никогда не давай никому свое оружие, — Сергей быстрым и неуловимым движением бросил кинжал аккуратно в ветку, что была дана в качестве ориентира. — Никогда.

С тех пор мальчик постоянно находился рядом с русским. Сергей пришелся ему по сердцу. Он ранее почти не общался ни с кем из того, другого мира, отличного от того, что окружал его. Джамаль воспитывался в духе ненависти к захватчикам их земли, но в то же время он видел, что они намного образованнее их, и многое могут принести в их жизнь. И ему не хотелось убивать ради долга, ради чьей-то чужой войны. До их аула никогда не добирались русские, и он не понимал, почему он должен выезжать в их крепости или селения подвластные им и убивать или угонять в плен. Причем не только русских, но и черкесов, родной по крови народ.

— Ты не сможешь убежать, — убеждал Джамаль Сергея. — Еще никому не удавалось

убежать из нашего селения. Слишком уж охраняется окрестность, слишком далеко мы от русских крепостей.

Но Сергей ничего не отвечал на его слова. Только переводил взгляд куда-то за горизонт, где как показал ему Джамаль, была русская сторона. Его глаза при этом становились такими странными, словно задегивались какой-то странной пеленой, а руки легко подрагивали, будто в сильном волнении.

Марина. Только одно это слово Сергей повторял каждую ночь, воскрешая в мыслях ее облик. Он боялся забыть ее лицо, ее голос и постоянно вспоминал, вспоминал и опять вспоминал. Она была для него словно лучик света в этой черноте, что сейчас окружала его.

Настал день, когда Исмаил решить выехать на очередную вылазку. Об этом Сергею сообщил Джамаль. Беку не хватало людей, чтобы расширить дом, ведь почти всех пленников он продал в стремлении обогатиться, и лишь потом сообразил, какую глупость совершил. Поэтому он собрал почти всех мужчин аула и соседнего селения и выехал на русскую сторону.

Сейчас или никогда, решил Сергей, и в одну из ночей, аккуратно подобрав цепь, которую он так и не сумел сбить камнем, что принес с собой в сарай, разобрал крышу сарая и вылез из него. Он ушел недалеко от аула, когда неожиданно для него с неба повалил снег белыми крупными хлопьями, этот невольный предатель его побега.

Через несколько часов после рассвета Сергея поймали черкесы, оставшиеся защищать аул от незваных гостей, и вернули обратно на веревке. Его протащили по всему аулу, подставляя под камни, летящие в него со всех сторон от мальчишек, сбежавшихся посмотреть на пойманного беглеца. После заперли в сарае под двойной охраной, ожидая возвращения бека.

— Зачем ты сделал это? Зачем? — не скрывал своих тихих слез Джамаль, по ту сторону одной из стен, сквозь щель в которой он передавал русскому лепешки, ведь того посадили на еще более скудный рацион. Мадина передала пленнику мазь для ног, которые сильно воспалились от увеличившегося трения оков о кожу во время его бега. Она, как и Джамаль, с ужасом ждала возвращения своего мужа, уже заранее предполагая, какая участь ждет беглеца, то и дело прося в молитвах Аллаха о милосердии Исмаила к русскому.

Исмаил вернулся через неделю после побега. Он был в хорошем настроении, так как набег удался — он привез с собой не только богатое добро, но и десяток пленников. Часть из них он опять планировал продать, часть оставить себе для работ по стройке.

Поэтому бек пощадил беглеца, лишь приказал дать ему двадцать ударов кнутом — выдержит, значит, такова воля Аллаха, пусть живет. В этот раз Сергея пороли перед пленниками, которых согнали во двор посмотреть на то, что ожидает каждого, кто осмелится ослушаться бека.

— В следующий раз, урус, я не только выпорю тебя, но и отрежу тебе что-нибудь, палец или ухо, — проговорил Исмаил тихо, лишь Сергей слышал его через пелену, что окружала его сейчас после порки. — Чтобы твоя потеря напоминала тебе, что нет отсюда пути для моего раба. Может, ты решишься назвать свое имя? Скажи же его, и твои муки будут прекращены.

— Сергей Загорский, — прохрипел Сергей и потерял сознание, получив от бека мощный удар в скулу.

С того дня пленников стали сгонять на работы по добыванию камня для дальнейшей работы по строительству. Их было шестеро вместе с Сергеем: трое солдат, один из них был

уже в возрасте, юный корнет, совсем еще мальчик, и капитан, захваченный в плен, когда он следовал вместе с сопровождением с отпуском, в свое имение в Псковской губернии. Тяжелая работа на каменоломне, скудный рацион и установившаяся холодная зимняя погода вскоре сделали свое дело — один из солдат и молоденький корнет заболели и умерли. Сергею никогда в жизни не забыть, как плакал в бреду, кончаясь, этот безусый мальчик.

— Мама! Мама! Мамочка! — звал он тихим скулящим голосом, словно щенок призывает к себе суку. Это так давило на напряженные нервы, что капитан сорвался и принялся колотить руками и ногами в дверь, выкрикивая проклятия на головы черкесов. Сергей же попытался абстрагироваться от происходящего, мысленно унесшись в Петербург в вихрь вальса, в котором он кружил свою жену. Она улыбалась ему, ее зеленые глаза светились такой любовью, что у него захватывало дух, и заставляло его сердце колотиться о ребра с утроенной силой. Только в ней он видел свое спасение, в Марине. В ней одной...

На место умерших пленников Исмаил привез из соседнего аула двоих русских и одного татарина. Одним из русских был пожилой служивый. Разговорившись с ним, Загорский узнал, что тот провел в плену около двенадцати лет, меняя аулы и хозяев. Подобная перспектива ужаснула Сергея и надолго выбила из столь тщательно лелеемого им хладнокровия. По его расчетам выходило, что у него в запасе оставалось лишь два года, ведь срок строгого траура по всем принятым правилам был не более трех лет. Иного, по его мнению, и не могла носить Марина. Значит, он должен вернуться до окончания траурного срока. Он был обязан вернуться к ней.

В свой следующий побег Сергей пустился летом, предварительно подрубив цепи, свои и капитана, которого он взял себе в компаньоны. У них был запас воды и лепешек, собранный буквально по крупицам, путем урезания и без того их небогатого рациона. Кроме них в побег не пустился никто под воздействием слов старого служивого.

— Вас непременно поймают, — убеждал он Загорского и остальных. — За все эти годы моего плена я перевидал немало ужасов, что творят эти нехристи с беглецами. Оставьте эту затею. Так распорядился, видать Господь, и нам не изменить его волю.

Нет, думал Загорский. Я не изменю своего решения. Я переломлю Его волю, но вырвусь отсюда, туда в другую жизнь, к ней.

Их поймали спустя два дня. На этот раз Загорский сумел уйти намного дальше, и это не могло не радовать его, несмотря на то, что они с капитаном были схвачены. Исмаил лично сек их обоих, а потом, после того, как на Сергея опрокинули ведро ледяной воды, приводя его в чувство после порки, отрезал Загорскому мизинец на левой ноге.

— Я обещал тебе, урус. В следующий раз это будет правая нога, — пообещал он Сергею. — Я буду отрезать кусочек за кусочком от твоего тела, пока ты наконец не смиришься.

Их с капитаном бросили в яму, переведя лишь на воду в качестве наказания, но Джамаль и Мадина тайком носили им еду, поддерживая в них силы. После всех пленников снова перевели на каменоломню, а затем на расширение дома бека и небольшого крытого загона, где Исмаил планировал разместить подарок Абдулы-бея, большую дикую кошку, который получил от него в следующий визит того.

— Вот же чертово создание, — заметил старый служивый, когда эту кошку помещали в ее будущее жилище, с трудом удерживая сильное животное на цепи. Загорский же не придавал новой пленнице Исмаила никакого значения, еще не зная, что на следующий год ему будет суждено познакомиться поближе с Зарой, такую кличку дал кошке Исмаил.

Это случилось akurat этим летом. Абдула-бей снова прибыл с визитом к Исмаилу,

который сумел совершить вылазку совместно с беками других селений, но уже на этот раз не на скромный аул, а на крепость урусов. Он привел много пленников, среди которых попался даже полковник, что не могло не радовать Исмаила, ведь за офицеров давали много денег выкупа.

Единственное, что огорчало его, так этот упрямый русский, так и не смирившийся со своей гордыней и по-прежнему называвший себя князем. Джамаль верил ему безоговорочно, подобное сближение с неверным не могло радовать бека. Сын убеждал бека посмотреть на то, как пленник метает кинжал, но из их разговора Исмаил лишь вынес то, что не стоит терять свою бдительность рядом с этим русским. Его поведение все же не могло не восхищать бека, но именно оно же раздражало его столь сильно, что он еле сдерживал себя. Именно поэтому он не стал возражать против наказания, на котором настаивал Абдула-бей для этого русского.

Все произошло так быстро, что Исмаил потом недоумевал, как это вообще могло случиться. Они прошли с Абдула-беем до загона, где держали Зару, с восторгом наблюдая за грациозным животным. Рядом возились двое рабов, Исмаил даже толком потом не мог вспомнить, что именно они делали там. Абдула-бей вдруг заметил, что из-за драной рубахи одного из них выскользнул серебряный медальон на черном шнурке. Он быстро подошел к рабу и одним движением, прежде чем тот успел опомниться, сорвал медальон с шеи Загорского (а это был именно он). Тот тут же, не раздумывая ни секунды, бросился на Абдула-бея, сильные руки, натренированные тяжелой работой сомкнулись на его горле, и лишь трое охранников смогли вырвать бея из рук пленника. Никто не заметил, что тот все же сумел отобрать медальон из пальцев бея, зажав его в ладони.

— Убейте его! Убейте! — хрипел Абдула-бей, прижимая ладони к горлу. — Я хочу, чтобы он умер мучительной смертью, не быстрой и легкой, — его взгляд упал на загон, в котором бесновалась на цепи дикая кошка, взбудораженная криками рядом с ней. — Бросьте его к Заре! Я видел в Турции, как избавляются от подобных своенравных рабов! В загон его!

Исмаил сначала почувствовал сожаление и невольное сострадание к русскому, что сейчас смотрел на них исподлобья, зло, с лютой ненавистью в глазах. Жаль, что он так кончит, ведь бек так благоволил к нему. Назвал бы он свое имя, и не было бы никаких страданий, а так... Исмаил пожал плечами, пленников у него сейчас и без того хватает, даже на выкуп, а вот такого партнера, как Абдула-бей днем с огнем не сыщешь.

— Значит, такова воля Аллаха, урус, — отводя глаза в сторону, сказал Исмаил. — Бросьте его Заре, ей как раз время для кормления.

Сергей едва успел намотать шнурок с образком на ладонь да так сильно, что буквально впился ему в кожу, как его с силой втокнули в загон. Он быстро огляделся, чтобы сориентироваться, как ему поступить. Сдаваться он так просто не намеревался. Помогите мне, шептали его губы, он даже не знал толком, кого именно молил о помощи — Господа или своего святого, образ которого давил ему ладонь.

В загоне было тесно для каких-либо маневров, а цепь Зары была довольно длинная — она могла достать его в любой точке, где бы он не искал убежища от ее острых когтей и зубов. Загорский понял, что ему не избежать прямого столкновения с кошкой, что вся подобралась для прыжка на свою жертву. Сейчас или никогда, решил он. Я должен жить. Ради нее...

Все, что произошло потом, Загорский помнил смутно. Лишь свою слепую ярость, застывшую ему глаза, да боль, которую он чувствовал, когда кошка вцеплялась в него. У него

была лишь одна цель — добраться до горла, сжать его со всей силой, на которую он был способен. Сергей не знал, сколько прошло времени, пока он сумел сомкнуть руки на мощной шее кошки, он и свои руки-то видел с большим трудом — кровь текла на его лицо и закрывала обзор. Он только давил и давил, чувствуя, как бежит адреналин по венам, делая его словно берсерком, о которых он читал когда-то в другой жизни. Лишь когда лапы больше не давили когтями его спину, а упали по бокам от него, а сама кошка затихла, громко хрипя, Сергей понял, что из этой схватки он сумел выйти победителем. И в тот же момент силы оставили его, и он упал на теплое большое тело без чувств.

Пришел в себя Загорский уже в яме, куда, видимо, по настоянию Исмаила, его бросили, и где нашел его сейчас Джамаль. Судя по тому, что его схватка с кошкой произошла, когда солнце было в середине небосвода, а сейчас над ним ярко светили звезды, пролежал без сознания он тут, на дне ямы довольно долго.

Сергей услышал, как удалился прочь Джамаль, и облегченно перевел дыхание. Он искренне боялся, что мальчик сейчас, когда Исмаил так зол из-за потери своей любимицы, может попасться у ямы с пленником. Сергей погладил ханку пальцем, а затем поднес к носу и попытался понюхать ее, но этот вдох отдался такой резкой болью в ребрах, что он понял — несколько ребер были сломаны большими лапами кошки. Не в силах терпеть более боль во всем теле — ему казалось, что сейчас не было такого места, что не беспокоило бы его сейчас, Сергей взял в рот ханку и принялся медленно разжевывать. Он знал, какое действие она оказывает, для него не было секретом, что черкесы и жевали, и курили наркотики, но он забыл уже, каково это погружаться в эйфорию наркотических грез.

Сергей на мгновение закрыл глаза, а когда открыл, увидел, что он наконец-то достиг своего рая. Его *le paradis terrestre* ^[256]. Место, желаннее которого для него не было за все время, что он провел в плену. Там что там — за всю его жизнь.

Легкий ветерок развеивал кисейные занавеси балдахина, ласково играл со светлыми прядями волос, не причиняя, впрочем, ни малейшего беспокойства их обладательнице, которая сладко сейчас спала в ворохе подушек. Сергей приблизился к постели, едва дыша. Он уже забыл, как она прекрасна...

Он присел рядом с ней на постель, ласково провел рукой по ее волосам, по ее глазам, скулам, губам, легко касаясь кончиками пальцев ее бархатной кожи. Она вдруг распахнула свои дивные зеленые глаза, взгляд которых он так часто воскрешал в своей памяти, и улыбнулась ему, медленно раздвигая губы в нежной улыбке. Он, все еще не веря, что он здесь, рядом с ней, начал гладить ладонями ее лицо, ее тело, а она откинулась назад и млела под его руками. Потом он резко поднял ее, приблизив ее лицо к своему, глаза к глазам, губы к губам. О Боже, он уже забыл вкус ее губ! Как он сейчас пьянил ему голову!

— Мой милый, — она оторвалась от его губ и обхватила ладонями его голову, ласково теребя волосы. — Мой милый, ты здесь... ты со мной...

— Ненадолго, — прошептал он, прекрасно осознавая, что это только наркотик сумел соединить их сейчас. С его ресниц вдруг сорвались горячие слезы и упали на ее руки и на постель. Она гладила его волосы, потом стала целовать его глаза, нос, губы, шею, и он стиснул ее в своих объятиях изо всех сил, не желая расставаться с ней более.

— Я люблю тебя. В тебе моя жизнь, моя милая, моя душа..., — прошептал он, прижимая ее голову к своему плечу, вдыхая запах ее волос. А потом его голос стал стальным, мускулы рук напряглись. — Я вернусь. Я убью любого, кто встанет между нами, разорву своими руками, я пойду на все, что угодно, но я вернусь, обещаю тебе. Я вернусь!

Завидово, весна 1839 года

Марина аккуратно перерезала толстые стебли розы ножницами и складывала цветы в корзину, что держала в руках горничная. Они передвинулись дальше по оранжерее, к следующему розовому кусту, и Марине стало видно сквозь немного оттаявшее стекло окна, как катает по двору Леночку на салазках по скользкому льду молодой лакей, а Агнешка прихлопывает в ладони при каждом повороте салазок, заставляя маленькую барышню заливиисто смеяться.

Марина задержалась на этом месте, любясь своей дочерью. Ей было уже два года, совсем недавно сровнялось — всего пару недель назад. Черты ее лица постепенно поменялись и продолжали свои перемены. Теперь уже было сложно признать в ней Сергея Загорского. Все, кто видел маленькую дочь Марины, признавали ее исключительное сходство с матерью — тот же разрез глаз, тот же высокий лоб. Иногда находили в Леночке и черты Анатоля, что неизменно приводило Марину в удивление и пару раз даже вызывало чувство некой досады, словно ей не хотелось, чтобы ее дочь сравнивали с мужем.

Марина же отчетливо признавала в дочери черты любимого человека. Его нос, овал лица, некоторая схожесть в мимике. Но больше всего напоминали Сергея глаза Леночки — удивительного серебристого цвета.

Иногда Марина чувствовала такую непреодолимую любовь к этому маленькому человечку, так похожему на Загорского по ее мнению, что она не могла сдержаться и крепко прижимала к себе дочь, невзирая на ее протесты. Она была готова целовать ее пухленькие щечки, обнимать ее маленькое тельце до конца своих дней. Всю ту любовь, что она не могла подарить любимому человеку, Марина изливала теперь на его дочь.

Но если безграничные чувства Марины к ребенку были понятны, то любовь Анатоля к Леночке до сих пор была непривычна Марине. Анатолий просто обожал Леночку. До исступления.

— Я люблю в ней тебя, — как-то сказал ей муж под воздействием хмеля после какой-то редкой для него офицерской попойки. — Она твоя маленькая копия, и она меня любит. Любит меня, понимаешь?

Иногда подобная привязанность его к ребенку даже страшила Марину, ведь она впервые видела подобную сильную отеческую любовь. В свете было не принято уделять много внимания собственным детям, перекладывая заботу о них на плечи гувернеров, нянь, дядек, отселяя их подальше с глаз в мезонин дома.

Но в этом случае Анатолий, на удивление Марины, презрел каноны света, которые так свято соблюдал во всем безукоризненно, и буквально боготворил Леночку, проводя с ней каждую свободную минуту своего времени.

— Я скоро начну ревновать вас к дочери, мой дорогой, — иногда выговаривала мужу Марина шутливо, а он лишь радостно улыбался в ответ.

— Ты даже не представляешь, как отрадно мне слышать это из твоих уст, — и с этими словами ловил ее руку и целовал нежно ее пальцы.

Прошедшие годы сблизили их, как супругов, заставили Марину смириться с некоторыми чертами характера Анатоля, что так не нравились ей: его контроль над ее жизнью, особенно

когда она переезжала на время сезона в Петербург, его ревность и вспыльчивость, его неумение выслушать и принять другую точку зрения, отличную от его мнения. Он безумно переживал, когда при выезде в свет Марину обступали ее многочисленные поклонники, и, по его мнению, она была слишком любезна с кем-либо из них, но никак не показывал этого на людях, сохраняя свое реноме. Лишь после, наедине, в тиши спальни он мог выпустить пар, который копился в нем в течение всего вечера — кричал, швырял предметы, что попадались под руку, но, слава Богу, не в нее, а мимо, стараясь напугать ее, дать выход своей ярости. А ночь, что следовала за этой вспышкой ярости, была полна какой-то странной грубой ласки, отличной от той нежности, с которой он обычно ласкал тело Марины. Словно он стремился наказать ее за свои эмоции, за то, что он так мучился по ее вине.

Скоро Марина, впрочем, привыкла гасить эти вспышки гнева и ревности чуть ли не на корню. Анатолий обожал, когда она ластилась к нему, словно кошка, шепча на ухо ласковые слова, нежно касаясь губами его уха. В эти моменты он был словно воск в ее руках, забывая обо всем на свете. Марина могла бы пользоваться этим приемом и в других моментах их совместной жизни, но ей казалось это не совсем справедливым по отношению к нему — эти нежные слова, лишённые всякого смысла для нее, ведь они не были наполнены тем самым чувством, что женщина должна испытывать к мужчине, произнося подобное.

При этом никогда в ее речах не проскальзывали три коротких слова, никогда она не говорила их Анатолию, считая бесчестным для себя и по отношению к нему совершить подобное. Я тебя люблю. Самые желанные слова для ее мужа, она знала это. Но заставить себя произнести их так и не смогла. Ведь означало бы солгать ему, ввести в заблуждение.

Она не любила своего супруга. Грустно признавать это, но это так и есть. В ней не было к нему того ослепляющего, безумного чувства безграничной любви, что Марина когда-то испытывала к Загорскому. Скорее, чувство ее к супругу было основано на благодарности к нему за все, что он сделал и продолжает делать для нее и дочери, а также на некоей привязанности, которую испытывают к человеку, который постоянно присутствует рядом, с которым были прожиты многие недели.

В том, что эта привязанность существует, она убедилась еще в 1837 году, когда Анатолий уехал в сентябре в Севастополь, а затем в Кавказский край, сопровождая в поездке Его Императорское Величество с женой и наследником. Тогда Марина чуть с ума не сошла от беспокойства. Ей казалось, что она непременно потеряет его, как некогда потеряла Сергея. Кавказ для нее стал символом смерти, горькой утраты. Только успокоительные капли и спасали Марину в ту долгую поездку ее супруга. Но ночью, когда их действие заканчивалось, к Марине приходили кошмары, в которых она видела, как Анатолий попадает в засаду горцев и погибает у нее глазах. Когда же она подбегала к нему, чтобы попытаться остановить кровь, текущую из его раны, и переворачивала к себе лицом, то узнавала в человеке, лежащем у нее на коленях не супруга, а Сергея. И это понимание отражалось такой болью даже во сне, что она просыпалась с криком, будя спавших в гардеробной домашних девок. Она неистово молилась перед образами за сохранность в пути своего супруга, и лишь возвращение Анатолия смогло вернуть ей душевное равновесие.

В следующий раз смерть чуть не вошла в жизнь Марины в декабре того же года, когда поутру в Завидово прискакал гонец со страшной вестью о пожаре в Зимнем дворце. В тот вечер у Анатолия было дежурство, и он вместе с остальными кинулся на борьбу с огнем и на спасение царского имущества. В тот день все, находившиеся в момент пожара во дворце, проявили такое усердие, что сам Император увещевал их в некоторых особо опасных случаях

спасать себя самое, а не картины и мебель.

Гонец сообщил Марине, что ее супруг пострадал при пожаре, лежит сейчас в спальне городского особняка, что к нему вызвали лейб-медика. Насмерть перепуганная женщина, споро заложив сани (возок был слишком уж грузен и ехал медленно), поручив ребенка заботам Агнешки, помчалась в Петербург, молясь про себя всем святым, кого только могла вспомнить в эту минуту, чтобы помогли ей и не оставили ее вдовой. Ей почему-то казалось сейчас это самым страшным — остаться одной, совершенно одной.

Марина влетела в городской дом, словно пушечное ядро, перепугав дворню своим неожиданным появлением, быстро вбежала в спальню Анатоля, где он лежал в постели, и, убедившись, что он жив и почти невредим (лишь небольшие ожоги да простуда), кинулась к нему на грудь, безудержно рыдая. Анатолий лишь улыбался и гладил ее по волосам, успокаивая. Ему было по душе ее беспокойство о нем, эти слезы. Значит, небезразличен он ей, вовсе нет. Кто знает, во что ее чувства к нему смогут перерасти в дальнейшем?

Именно пожар в Зимнем дворце и послужил той точкой, с которой началось их сближение, как супругов. После Анатолий стал чаще бывать в Завидово, а Марина стала, без опаски оставляя дочь домашним, выезжать к нему в столицу. Конечно, из-за занятости супруга виделись они все же нечасто, но теперь в их свиданиях было гораздо больше теплоты, чем прежде, гораздо больше нежности друг к другу.

Супруги наконец-то пришли к компромиссу по поводу того, где им следует все-таки жить постоянно — в деревне или в столице. Весь сезон, от начала и до конца, Марина с дочерью проводила в столице, полностью погружаясь в светскую жизнь — балы, маскарады, салонные рауты, званные ужины, иногда даже несколько за вечер. И визиты, визиты, многочисленные визиты. Без них было бы немыслимо представить жизнь Марины в Петербурге.

Но затем после бурных Масленичных гуляний наступал Великий Пост, и Марина уезжала обратно в деревню, где ее по мере выпрошенных отпусков навещал Анатолий. Там она проводила почти все лето, возвращаясь в столицу лишь в июне-июле, когда объявлялись гвардейские маневры, и по этому поводу давались балы. После же бала в честь дня рождения императрицы Александры Федоровны Марина покидала светскую жизнь на долгое время — до самого начала сезона после окончания Филиппова поста.

По мнению Анатолия деревенская жизнь была скучна, Марине же она была по душе гораздо больше, чем тот светский водоворот, в который она попадала в столицу. Ей нравилось, что тут заметнее происходит смена природных сезонов, нравились эти бескрайние просторы, эта сельская тишина, изредка прерываемая редкими звуками.

Лишь несколько раз Марина покидала имение за время, что она проводила в Завидово, уезжая за пределы губернии. Она навещала свою подругу и своего крестника Митеньку, долгожданного наследника в семье Арсеньевых, появившегося на свет в апреле 1838 года.

— Он такой красивый, — шептала ей счастливая Юленька в тот самый первый приезд Марины к ней, сразу же после рождения ребенка. — Он вырастет высоким и широкоплечим и разобьет еще немало женских сердец.

— И тебе не жаль этих несчастных, моя милая? — с улыбкой спрашивала ее Марина. Юленька в ответ качала головой, задорно смеясь.

— Ну не его же вина, что он так хорош собой! В народе говорят, что красивый ребенок всегда плод счастливой любви, — уже проговорив эти слова, Юленька сообразила, что ляпнула совсем не то, что следовало, и виновато посмотрела на подругу.

— Прости меня, ради Бога, дорогая. Я после родов, словно в какой-то эйфории — сама не понимаю, что делаю и говорю.

Марина протянула руку и погладила ладонь Юленьки поверх одеяльца, в которое был завернут ребенок.

— Нет, не извиняйся, я поняла, что ты хотела сказать, — ответила она на реплику подруги. Они немного помолчали, глядя на младенца в руках Юленьки, а потом Жюли решилась спросить:

— Ты жалела когда-нибудь, что у тебя нет дитя Загорского? Что Элен — дочь Анатоля?

Марина резко вздрогнула и невольно отшатнулась от подруги, отвела в сторону глаза, пытаясь скрыть промелькнувшие в них боль и стыд за свой обман.

— Я никогда не жалела о рождении Леночки, — глухо сказала она правду. — Ни одного дня не наступало, чтобы я сожалела об этом.

— Ты еще вспоминаешь о нем? — запинаясь, спросила Юленька, уловив в голосе подруги муку и какую-то странную тоску.

— Иногда, — согласилась Марина. — Иногда наступают дни, когда он приходит ко мне во сне. Я не вижу его лица, оно словно размыто. Зорчиха не обманула — я забыла его. Но ту страсть, что когда-то соединяла нас, сладость его поцелуя, его нежность мне, видно, позабыть не суждено.

Марина замолчала и вспомнила, как однажды она что-то искала в своей гардеробной, не желая звать горничных, и наткнулась на шкатулку, что когда-то отдала Агнешке. Ее в тот же миг захлестнуло такое бурное желание открыть ее, взглянуть хотя бы одним глазком на его лицо на рисунках, коснуться бумаги, что когда-то держала его рука. Марина побежала в кабинет и, схватив кочергу, попыталась вскрыть запертый ларец. Это ей никак не удавалось. Она сломала пару ногтей, расцарапала резную крышку железом, била по ней изо всех сил, не замечая, как по лицу бегут горькие слезы.

На шум прибежала дворня во главе с Агнешкой, что тут же коршуном налетела на Марину и вырвала из ее рук истерзанную шкатулку, сопровождаемая удивленными и растерянными взглядами слуг.

— Навошта взяла не свае? — нянька передала ларец в руки Игната и велела ему унести его прочь, а сама опустилась на пол рядом с барыней и крепко прижала ту к себе, подставляя свое плечо для ее слез. — Не час яшчэ, голубка. Яшчэ крови рана твоя. Не час яшчэ.

— Мне иногда кажется, что я обречена любить его до конца моих дней, — продолжила Марина свой монолог Юленьке, внимательно слушавшей ее, сочувственно сжимавшей ее ладонь. — Мне никогда не забыть его. Любовь к Сергею словно проросла в меня, в мое тело и душу, пустила настолько глубоко свои корни, что ничто не способно извлечь ее оттуда. Я иногда забываюсь, проходят дни и даже месяцы. Но потом какая-нибудь мелочь, неприметная маленькая деталь снова возвращает меня в прошлое, не давая покоя моему сердцу. Слава Богу, нет более той боли, что терзала меня раньше. Я уже смирилась с его потерей, приняла его уход. Но бывают моменты, когда просыпаюсь рядом с мужем, и страстно хочу увидеть рядом на подушке не его лицо, другое. Грешные мысли, Жюли, знаю это, но как прикажешь сердцу? Никак...

Но Марина тогда умолчала о том, что бывают ночи, когда она во сне целиком и полностью отдается Сергею во сне, его рукам и губам. В этом она не могла признаться никому, даже собственному духовнику. Сергей приходил к ней и ласкал ее, целовал ее губы и ее кожу, брал ее истосковавшееся по страсти тело, возвращая Марину в дни полные

нежности и неги. Она просыпалась, вся мокрая от пота, чувствуя, как сладостная истома разливается по ее телу, как бешено колотится сердце в груди. И она ждала этих снов. Ждала, хотя корила себя за них, за предательство собственного тела, покоряющееся ее ночному любовнику, но непокорное супругу, который так и не сумел вызвать в нем отклика своей страсти, своим ласкам.

Да, это правда, Анатоль сумел стать ей верным другом, великолепным отцом ее дочери, заботливым супругом. Но любовником, способным разжечь в ней огонь страсти, он так и не стал. Хотя разве это главное в супружестве? Разве это так важно по сравнению с тем фактом, что он безумно любит дочь, а она его? Ведь когда он приезжает к ним с Леночкой после долгого отсутствия, та тотчас бежит из детской, смешно перебирая при этом своими пухленькими ножками и лепеча «Папа, папа» на французский лад. А Анатоль подхватывает ее на руки и начинает кружить да так сильно, что у Марины захватывает дух, и она просит опустить дитя на пол. Но муж не слушает ее, подхватывает и ее тоже, вовлекая в это безумное кружение по комнате. Смеется Анатоль, хохочет Леночка, и Марина тоже невольно улыбается при этом.

Или когда они лежат с Анатолем в постели утром (он настоял, чтобы они никогда не спали раздельно), уже пробудившиеся, но не открывающие глаза, потому как слышат глухое «шлеп» — «шлеп» по половицам босыми ножками, и недовольное ворчание Агнешки, что «Ленуся не апранула шкарпэтки на ножаньки [\[257\]](#)». Открывается дверь в спальню, Леночка заходит будить своих родителей. Но Анатоль уже хохочет во весь голос, услышав слово «шкарпэтки». Он его уже не раз слышал, но оно всегда вызывает в нем бурный смех.

Увидев, что никто из родителей не спит, как говорила ей няня, Леночка забирается на перины и прыгает на Анатоля. Тот начинает ее щекотать, она довольно повизгивает при этом, отбиваясь ножками от рук своего мучителя. Потом они уже вдвоем набрасываются на Марину, которая с улыбкой до этого наблюдала за их возней, и начинают щекотать ее, невзирая на ее протестующие крики.

Разве все это не стоит минутной истомы в ночной тиши? Разве неравноценны моменты бешеной страсти целой жизни, полной тихих семейных радостей?

Марина вдруг вздрогнула, услышав крики, донесшиеся до нее сквозь оконное стекло оранжереи и нарушившие ход ее мыслей. Она выглянула в окно и заметила, что к дому, размахивая шапкой, бежит один из дворовых людей, указывая при этом выбежавшему к нему навстречу лакею куда назад, на дорогу к усадьбе.

— О Боже, — прошептала Марина, чувствуя, как холодеют руки. Точно так же кричали, когда в Завидово скакал верховой с вестью о том, что барин был ранен на пожаре. Неужели, что-то случилось? Был бы просто экипаж, дворовый бы так не бежал со всех ног. Значит, в Завидово едут с вестями.

В это время во двор усадьбы, цокая подковами по камню, буквально влетела лошадь с всадником в бобровой шапке. Марина с изумлением узнала в нем Арсеньева и буквально побежала прочь из оранжереи в основной дом, чтобы узнать, что привело его в Завидово да при такой скачке.

— Что-то с Жюли? С Митенькой? — сразу же спросила она, едва вбежав в гостиную, куда проводили визитера. Тот молча покачал головой и подошел к ней, чтобы прикоснуться губами к руке. Затем он вдруг коснулся холодными губами ее щек, и Марина испуганно вздрогнула от этого вполне приличного приветствия, но столь непривычного со стороны Арсеньева в последнее время.

Анатолий, вдруг пришло ей в голову. Что-то с ним случилось в Пензе, куда он выехал с государем по делам. Но что? Перевернулись сани, как бывало не раз в пути с путешественниками? Или его свалила горячка?

— Анатолий? — спросила Марина у Арсеньева, который, как она сейчас только заметила, даже не снял шинели и так и стоял в центре комнаты, глядя на нее в упор с каким-то странным выражением в глазах. Тот снова покачал головой, а потом проговорил:

— Присядьте, Марина Александровна, прошу вас, — и когда Марина покачала головой, вдруг сам подошел и, опустив на ее плечи ладони, усадил ее в кресло, стоявшее за ее спиной. Потом помолчал с минуту, по-прежнему не отрывая взгляда от ее испуганных глаз. Ее мысли металась в голове, строя самые подчас совсем нелепые предположения, но того, что она услышала от него позднее, Марина даже представить себе не могла.

— Жюли велела ехать к вам сразу же, как мы получили письмо. Я понимаю, это прозвучит странно, нелепо... Я сам не поверил бы никогда в такое, но *les faits sont des témoins obstinés* [\[258\]](#). Сам Вельяминов подтвердил его личность. И почерк... его почерк... Я бы узнал его из тысячи

— О чем вы говорите, Павел Григорьевич? — растерянно пролепетала Марина, ничего толком не уяснив для себя в его сбивчивой речи. Арсеньев взял ее ладони в свои руки и просто и коротко сказал:

— Серж вернулся.

Сначала Марина не сообразила, о ком именно идет речь. Затем, глядя на то, как внимательно наблюдает за ней Арсеньев, вдруг осознала, кто является предметом их разговора. Это что, чья-то глупая шутка? Разве это может быть правдой? Разве сны могут становиться явью?

Арсеньев, видя неверие в ее глазах, коротко кивнул, и она поняла, что это правда, иначе он не стоял бы здесь, на коленях перед креслом, в котором она сидела, и не сжимал бы ей так сильно руки.

— Вернулся? — тупо переспросила она и вдруг почувствовала, как у нее сжимается горло, перекрывая свободный доступ воздуха в легкие. Она попыталась вздохнуть, но вместо вдоха у нее получился всхлип, и Арсеньев тут же подскочил к дверям и, распахнув их, крикнул в глубину дома: «Воды! Быстрее воды!».

Он вернулся! Он жив! Живой!

Марина поднялась с кресла и метнулась к Арсеньеву, стоявшему в дверях. Схватила его за плечи, затрясла с такой силой, какую и не подозревала у себя доньше.

— Поклянитесь! поклянитесь, что это правда! — выкрикнула она, а он оторвал от себя руки и плотно закрыл двери, чтобы слуги, прибежавшие на его зов, не стали свидетелями их разговора и странного поведения барыни.

— Я клянусь вам своей жизнью, — коротко ответил Арсеньев, и руки Марины упали, словно у куклы, нити которой ослабил кукловод. — Я получил вчера вечером письмо. От него. Его почерк, его стиль. Я тоже не поверил своим глазам, думал, какая-то жестокая шутка. Подделка. Но письмо пришло с запиской от генерала Вельяминова, — он помолчал и тихо добавил. — Это он. Он вернулся.

Марина в изнеможении упала в кресло, закрыв лицо руками. Господи, спасибо тебе Господи! Он живой! Живой!

— Он был ранен тогда, а не убит. Не ведаю как, но денщик ошибся при опознании тела, — продолжал Арсеньев, но Марина уже не слышала его. Лишь одна мысль билась, словно

птица в ее голове — он жив! Живой! — Он попал в плен, где и провел все эти годы. Лишь недавно сумел бежать. Он едет сейчас в Загорское. Через несколько дней, судя по дате письма, он будет уже там. Я прямиком от вас еду туда.

Марина вдруг выпрямилась и посмотрела на Арсеньева сквозь слезы, что бежали по ее лицу, но она не замечала их. Ее глаза светились при этом таким светом, что тот невольно поразился тому, какое впечатление произвела на нее эта новость. Казалось, она, словно цветок, что распустился под лучами выглянувшего из-за туч солнца.

— Он здоров? Как он? — спросила Марина с волнением в голосе, и Арсеньев невольно засомневался в своей предубежденности против нее. Ведь так сыграть тревогу невозможно.

— Он не пишет об этом, но генерал Вельяминов писал, что Серж в добром здравии, — ответил он.

Марина снова откинулась назад на спинку кресла и, закрыв лицо руками, рассмеялась низким довольным смехом. Она чувствовала себя такой счастливой в этот момент, что казалось, сейчас вспорхнет и полетит, словно бабочка. Но следующая реплика Арсеньева вернула ее с небес на землю:

— Серж написал мне о вас. Я думаю, что первое же, о чем он спросит меня — о вас, — они встретились глазами: его смотрели настороженно, а ее — со страхом и мукой. — Что мне ему ответить?

Что ему ответить? Марина выпрямилась в кресле. Что можно ответить человеку, который предал ее, обманул в самом святом, что только было для нее? Он отнял ее честь и чуть не погубил ее жизнь. Но чувство к нему она так и не смогла вытравить из своей души и пронесла сквозь эти годы, несмотря на то, что эта любовь была обречена на муки. Ей так многое хотелось сказать сейчас, так многое передать на словах, но разве могла она?

Лучик весеннего солнца вдруг пробился сквозь оконное стекло и побежал с подоконника на пол, а потом по полу до кресла, в котором сидела Марина, блеснул на золотом ободке кольца на безымянном пальце ее правой руки. Марина перевела взгляд на свою руку и грустно улыбнулась.

— Ditez à prince Zagorsky ses quatre vérités [\[259\]](#), — произнесла она более прохладно, чем ей самой хотелось. Ее тон не пришелся по нраву Арсеньеву, и он резко выпрямился. Та тонкая нить, что установилась меж ними в последние несколько минут, снова оборвалась. Он натянул перчатки и кивнул ей на прощание.

— Au revoir, madam [\[260\]](#)! — с этими словами он вышел вон, не желая более оставаться подле нее.

Марина слышала, как затихает вдали звук каблуков его сапог, как он кликает слугу, чтобы ему подали лошадь. Она сжимала ручки кресла так сильно, что костяшки ее пальцев побелели. Как же ей хотелось тоже сейчас скакать в Загорское! Да что там скакать — она бы пешком и босиком по талому снегу пошла бы в имение Сергея, лишь бы увидеть его. Убедиться, что это не сон, что он действительно жив, а не лежит на фамильном кладбище Загорских.

Марина представила, как бросилась бы к нему, и он закружил бы ее в своих объятиях. Она непременно коснулась бы его лица — нос, глаза, скулы, подбородок, лишь бы убедиться, что под ее пальцами теплая кожа. У нее даже закололо в кончиках пальцев, настолько велико было ее желание сделать это. Она бы крепко прижалась бы к нему всем телом, так крепко, словно стремясь раствориться в нем полностью, без остатка. Уткнулась бы носом в ямку у него под горлом, ощущая его тепло, вдыхая запах его тела...

Марина резко поднялась с кресла и пошла, шатаясь, словно пьяная, натыкаясь на мебель в свою половину. Там она опустилась перед образами и стала молиться, отсылая свои благодарности за чудо спасения Всевышнему и небесному покровителю Загорского — Сергию Радонежскому, кладя поклоны, едва не ударяясь в раже лбом об пол.

Из молитвенного транса спустя некоторое время ее вывело тихое чириканье канарейки, с шумом вдруг запрыгавшей на жердочке в своей клетке. Марина вдруг почувствовала во всем теле такую невероятную усталость, словно силы оставили ее. Она легла на ковер и прижалась мокрой от слез щекой к короткому ворсу. Со своего места она отчетливо видела, как скачет в клетке маленькая птичка, и это вдруг вызвало у нее истерический смех.

Птичка! Птичка в клетке! В клетке!

Она изо всех сил заткнула себе рот кулаком, чтобы ее не услышали в доме — двери в ее половину она забыла притворить, когда шла сюда, и теперь те были распахнуты настежь, выпуская в комнату посторонние звуки. Марина ясно слышала неспешный говор Агнешки и звонкий голос Леночки в детской, что была рядом с ее комнатами, которые вернулись с прогулки и меняли платье. До нее доносился звучный голос Игната, звяканье посуды, что пронесли в буфетную.

Дом жил своей жизнью, обычной, рутинной, наполненной будничными заботами, в то время как жизнь Марины сегодня развалилась на части.

— Как мне быть дальше, Господи? — прошептала она. — Как мне теперь дальше жить?

Он смотрел сквозь стекло маленького окошка кареты, как медленно приближается громада усадебного дома, столь знакомого ему с малолетства, и чувствовал, как к глазам подступают невольные слезы. Его дом. Загорское.

Сергею самому верилось даже сейчас, когда он уже достиг цели своего долгого путешествия, что он все-таки сумел сделать это — вырваться из того ада, в котором находился несколько последних лет. После того, как Загорский сумел избежать смерти от лап дикой кошки, прикончив ту, Исмаил возненавидел его еще сильнее.

— Клянусь Аллахом, урус, тебе никогда покинуть мой аул живым, — прошипел тот ему в лицо. — Мне не нужен выкуп за тебя отныне, лишь твоя покорность, рабская преданность. И я добьюсь ее!

— Иди к черту, — только и сумел выдавить из себя Загорский, стараясь не думать о боли, терзающей его тело.

Раны постепенно затягивались, здоровье поправлялось, на удивление беку, ведь тот уже не рассчитывал, что русский встанет на ноги. Но тот сумел сделать это, и его снова отправили на работы, поручая самые тяжелые участки в каменоломне или строительстве, а когда оно было закончено — самую грязную работу в доме. Бек всеми силами старался сломить дух пленника, либо спровоцировать его на то, чтобы тот вспылит, восстал против своего униженного положения, за малейшую провинность наказывая того плетью. Но русский на его удивление молчал и покорно выполнял все, что ему поручали, словно и был рожден слугой. Лишь иногда, когда бек случайно сталкивался с ним взглядом, то поражался тому, сколько ненависти и злобы мелькало в глазах пленника.

Не к добру это затишье, гладил бек бороду, словно зверь перед прыжком затаился этот русский, но когда он прыгнет и где, Исмаил мог только догадываться. Он расставлял пленнику ловушки, создавая тому мнимые условия для побега, чтобы тот купился на этот обман и сделал попытку вырваться из плена, но русский не замечал этих «возможностей», будто оставил даже мысли о побеге, смирившись со своим рабским существованием.

Спустя год, поздней осенью, когда дороги размыло проливными дождями, что лились на аул несколько дней подряд, Сергей снова бежал, разбив свои кандалы. Он опять разобрал крышу, молча работая под напряженными взглядами остальных пленников, которые не выразили никакого желания бежать с ним. Они уже смирились со своей участью, страшась побоев и издевательств, а возможно и смерти, которые ждали бы их, осуществи они этот нелепый, по их мнению, замысел, заранее обреченный на неудачу. Лишь старый служивый, когда Сергей уже вылезал на крышу, подошел к нему, аккуратно подобрав цепь, чтобы та не гремела, и проговорил:

— Иди с Богом, сынок. Пусть тебе улыбнется удача на этот раз, — он помолчал, а после добавил. — Если вернешься на родину, сходи в храм и помолись за меня.

— Чье имя поминать, служивый? — шепотом спросил Сергей, соглашаясь.

— Ничье. Просто — русский солдат, пленник нехристей басурманских. Глядишь, и не только мне поможешь, а кому-то еще. Может, вспомнит о нас Господь и пошлет свою благодать.

Уже спустившись с крыши, Сергей задержался у ограды дома бека, теряя драгоценные минуты. Он сейчас напряженно размышлял, стоит ли ему делать то, о чем так вопила его

душа, взывая к мести. Пробраться в дом бека через небольшое окошко (Сергей уже знал, где тот спит ночами) и задушить Исмаила собственными руками за все эти годы издевательств, за годы боли и страданий. Но потом он решил, что отец Джамалья, хоть и заслуживает смерти, как никто другой, все же умрет не от его руки, и быстро, но тихо, прижимаясь в тень, едва замечал охранника, побежал прочь из аула.

Сергей бежал в противоположную сторону от той, где были расположены русские крепости, где его в двух верстах от аула под большим валуном ждали небольшие припасы в дорогу, кинжал, шапка и овчинный тулуп. Все это в течение месяца выносил тайно из аула Джамаль, помогая русскому в его побеге. Он понимал, что не скройся тот из аула, непременно сгинет здесь, в этой чужой для него земле, а этого Джамаль не желал.

Сергей заметил в мешке аккуратно сложенные шерстяные носки и наколенники из овечьей шкуры и вспомнил молоденькую черкешенку. Мадина также положила бараньего жира и неожиданный для него сюрприз — несколько тонких кружочков ханки.

— Храни вас ваш Бог, — прошептал Сергей, завязывая мешок. Затем он вскинул его на плечо и, быстро побежал прочь, аккуратно лавируя между камнями. Через пару верст, которые он шел по узкой горной речке, едва удерживая равновесие под сильным напором воды, он достиг места своего назначения — небольшую пещеру, вход в которую был почти полностью скрыт кустом терновника. Не поставь Джамаль знак для Сергея, тот бы ни в жизнь не нашел бы ее сам.

Сергей заполз внутрь и быстро расправил за собой кусты, чтобы посторонний глаз не смог заметить, что здесь в скале есть некое углубление. Пещера была маленькой и узкой. Сергей мог сидеть в ней, лишь пригнув голову, а лежать — свернувшись калачиком, но он был доволен тем, что на ее дне, его ложе, лежали сухие травы, а стены ее и свод — надежное укрытие от непогоды. Первым делом Сергей снял с себя мокрые башмаки и растер свои заledenевшие от холодной воды ноги бараньим жиром, мысленно благодаря Мадину за предусмотрительность. Затем он надел носки и наколенники, укутался, насколько это было возможно, в тулуп и принялся вглядываться в окружающую его местность, чтобы сразу же заметить возможную опасность. Незаметно для себя он провалился в сон, а когда проснулся, уже стемнело, не было видно не зги. Сергей опасался волков, замерз, но разжигать огонь было никак нельзя — этим можно было привлечь к себе ненужное внимание.

Так и просидел он около недели в своем убежище, лишь изредка покидая его по мере необходимости. Как только прошло время, что он выжидал, Загорский покинул пещеру, обходя на пару верст аул и возможные посты, указанные Джамалем, ориентируясь на местности только по его рассказу. Он переходил узкие речки, продираясь сквозь лесные заросли, еле держась на ногах на каменистой поверхности, прячась каждый раз, когда слышал речь горцев или топот лошадиных копыт. Он плохо спал, каждый раз просыпаясь от лишнего звука поблизости. Запасы еды, несмотря на строжайшую экономию, подходили к концу, а Сергей еще так и не встретил никого из своих соотечественников. Все аулы, что попадались ему на пути, были черкесскими, ни одного русского солдата в них.

Сергей ослабел от недосыпа и голода, холод пробирал его до самых костей, вызывая ломоту в теле. Он был сильно истощен физически и морально, совсем пал духом, и однажды уже готов был лечь под камень и остаться там лежать, пока Господь не призовет его к себе. Он закрыл глаза, а когда открыл, то удивленно отшатнулся — рядом с ним сидела Марина, прижав к себе колени и, упершись в них подбородком, внимательно смотрела на него. Как же ей не холодно, в одной тонкой сорочке, подумал Сергей, ведь дул холодный

пробирающий до костей ветер, бросая в лицо ледяную крупу. Но, присмотревшись, он понял, что ее волосы даже не колышутся на ветру, и понял, что бредит. Он протянул руку и коснулся ее лица. Ее кожа была такой мягкой, такой теплой...

— Ты обещал мне, — тихо сказала она. Он кивнул, но прошептал в ответ:

— Я не могу.

— Ты обещал, — настаивала она, упрямо качнув головой. Потом переплела свои пальцы с его, легко поглаживая большим пальцем при этом его ладонь. — Ты уже совсем рядом.

Сергей тотчас проснулся при этих словах, будто вынырнув из глубин сна. Сначала он не понял, что за звук доносится до него, а потом подполз поближе к кустам, из-за которых были слышны голоса, еле слышные из-за рокота речки, и раздвинул их. А когда заметил, кто стоит у воды и поит коней, заплакал так, как не плакал уже давно.

Так и вышел к казакам, не скрывая своих слез, сильно удивив тех своим неожиданным появлением из кустов, заставив тут же схватиться за ружья.

— Не стреляйте, милые. Я свой, — хрипло сказал Сергей, перекатывая во рту слова, словно камни. За эти годы он почти отвык от русской речи — пленники редко разговаривали меж собой, каждый погруженный в свою боль и отчаянье. Он представил, как сейчас выглядит — заросший, с густой бородой, в кавказском тулупе и шапке, в какой-то рванине на плечах, и невольно улыбнулся. Казаки настороженно переглядывались, откуда-то издалека уже бежал хорунжий, а Сергей запрокинул голову вверх и взглянул на солнышко, показавшее свои лучи из-за серых туч. Ветер бил в глаза, сыпал в них мелким снегом, но он не чувствовал этого. Его словно охватила такая эйфория, такая бешеная радость, что он рассмеялся во весь голос.

Он спасен. Он смог сделать это.

Словно осознав, что более не стоит напрягать последние силы, тело Сергея отказало ему на половине пути в крепость. Если бы его вовремя не поддержали ехавшие рядом казаки, то он непременно бы упал с лошади и расшибся. Его привезли в лазарет чуть живого, горячим от жара, которым пылало его тело.

Второй раз за эти годы жизнь Сергея опять была на волоске. Но в этот раз он сильнее цеплялся за нее, уже зная, что самое страшное, что могло случиться в его судьбе уже позади. Тем не менее, его выздоровление затянулось, он смог встать на ноги лишь к Рождеству, а выехать в Пятигорск, где его уже ждал генерал Вельяминов только после Крещения.

Тот встретил его словно ожившего мертвеца. Сергей и не удивлялся этому — по сути так оно было, да он и сам чувствовал себя так, словно вернулся с того света.

— Я не отсылал пока ваших писем, что вы отправили из крепости, — признался Вельяминов, передавая Сергею бокал с бренди и толстую сигару. Только сейчас почувствовав их вкус и аромат, Сергей понял, как не хватало ему их эти годы. Какое блаженство сидеть у камина у ярко горящего огня, пить превосходный бренди, медленно перекатывая его во рту, наслаждаясь его вкусом, вдыхать в себя запах сигары!

— Я понимаю, — ответил Сергей. — Но теперь, когда вы убедились, что я и есть князь Загорский, будут ли наконец готовы мои документы? Поймите, я очень спешу. Столько лет я был вдали от дома!

Документы выправили спустя пару дней, и Сергей буквально понесся прочь из Пятигорска, понукая своего ямщика ехать, как можно быстрее.

— Куда быстрее-то, барин? — кричал ему в ответ ямщик. — Убьемся ведь!

— Не убьемся, — отвечал ему со смехом Сергей. — Я баловень судьбы!

Так и ехал он от станции к станции, стараясь не задерживаться лишней раз, бешено ругаясь со зрителями, когда те не давали лошадей. Его гнало вперед безудержное счастье, мысль о том, что он возвращается домой, к Марине. Как она восприняла его неожиданное воскрешение? Не отразится ли это на ее душевном здоровье, ведь женщины так слабы духом? Боже, у него просто руки тряслись при мысли, что он наконец-то сможет обнять ее, почувствовать ее под руками и губами реальную, а не ту, что приходила ему во сне или под воздействием ханки. Вот и гнал Сергей вперед ямщиков, стремясь поскорее прибыть в Загорское.

И вот он здесь, в Загорском.

Карета проехала мимо правого крыла усадебного дома и остановилась перед крыльцом. Сергей даже не стал дожидаться, пока кучер остановит ее, и открыл дверцу, выскочил прямо на ходу. Он быстрым взглядом окинул собравшихся на крыльце людей и, убедившись, что самого милого ему лица среди встречающих нет, быстро метнулся к своему деду, что едва стоял на трясущихся от волнения ногах. Разве раньше его дед был ниже его, подумалось Сергею, когда они крепко обнялись, пряча друг у друга на плече свои невольные слезы радости.

— Ну, будет тебе, будет, — старый князь провел ладонью по щеке внука, стирая слезы. — Ты здесь, с нами. Все позади...

Сергей поймал его морщинистую руку с многочисленными перстнями на пальцах и прижался к ней губами.

— Простите меня, *grand-père* ^[261], я так виноват перед вами.

— Прости и ты, *mon cher petit-fils* ^[262], старого дурака, — князь расцеловал внука в щеки и отступил в сторону, тяжело опираясь на трость, давая возможность Сергею поприветствовать Арсеньева, что стоял чуть поодаль от них.

— Paul, — мужчины обнялись. Каждый еле сдерживал эмоции, что нахлынули на них в этот момент.

— Ну, ты и напугал нас, Серж, — пошутил Арсеньев, раздвигая слегка дрожащие губы в улыбку. Сергей взглянул в его глаза и быстро произнес:

— Она? Где Марина?

— После, — отвел в сторону взгляд Арсеньев и отступил от него, чтобы тот смог поприветствовать дворовых, собравшихся на крыльце встречать своего барина. Женщины плакали, не скрывая слез, так они были растроганы этой встречей. Даже Никодим ронял скупые слезы, которые так и катились по его щекам и прятались в его густых бакенбардах.

— Ну, что ты растрогался, Никодимыч? — крепко обнял его Сергей и дернул за баки, как делал это в детстве. — Ну и отросли они у тебя за эти годы!

— Будет вам, Сергей Кириллович, — забавно всхлипывая, отвечал ему тот, утирая лицом платком, что достал из-за обшлага рукава своей ливреи.

— Пойдемте в дом! Все в дом! — погнал с крыльца всех старый князь. — Негоже слезы тут лить, Никодим! Нам радоваться надо, а ты реवेश тут. Ну-ка, распорядись-ка насчет праздничного обеда господам. Да и про дворовых тоже не забудь, не обдели их ради нашей нынешней радости-то.

Сергей было направился в дом, как сквозь толпу дворовых, толпившихся у крыльца, вдруг пробился какой-то человек и кинулся к нему в ноги, крепко обхватив колени.

— Прости, барин, дурака грешного! Бес меня попутал, не иначе! Засеки меня, барин, насмерть засеки, дурака такого!

Сергей с трудом смог оторвать этого человека от себя и, взглянув на него, поразился, едва узнав в нем своего денщика. Лицо того было сильно опухшим, пропитым, одежда неопрятная. Даже сейчас от Степана разило алкоголем.

— Прости меня, барин! — меж тем продолжал Степан, кладя поклоны перед Сергеем. — Виноват кругом перед тобой!

— Да уж, натворил ты дел, Степан, — медленно произнес Загорский. Ему было жаль этого почти спившегося человека. Видно, что смерть его подопечного сильно подкосила Степана. — Я не держу на тебя зла, Степан. Ступай, приведи себя в порядок. И больше ни капли в рот, не то сечь.., — тут он запнулся, вспомнив, как пороли его самого несколько месяцев назад. Он прикрыл глаза, стремясь успокоить свои эмоции, что всколыхнулись в нем при этом воспоминании, а потом спустя мгновение продолжил. — Ступай, Степан. Не сержусь я на тебя, хотя должен был. И как ты, ходивший за мной, с малолетства, мог перепутать?

— Бес попутал, барин! — отвечал ему Степан, по-прежнему стоявший пред ним на коленях. — Иначе и как сказать? Волосы, вроде, ваши были, тело такое же. А без мундиров разве признаешь, кто лежит пред тобой? Лицо синюшнее, раздутое... Да и пистоль-то ваш у руке у мертвяка был. Бес попутал, барин!

— Иди же! — сказал резко Сергей и слегка оттолкнул от себя денщика. Ему не терпелось пройти в дом и переговорить с Арсеньевым. С тех самых пор, как он услышал короткое «После» из его уст, в сердце Загорского закрался страх, разливавшийся с каждой минутой по венам, отравляя кровь. Что с ней? Почему ее нет здесь, среди встречающих его? Марине положено быть тут по статусу, разве нет? Неужели она больна? Или еще хуже — вдруг она не перенесла тягот потери и решила посвятить себя Господу? Удалилась в какую-нибудь обитель монахиней?

Сергей быстро прошел в гостиную, где Никодим уже подавал мужчинам коньяк тридцатилетней выдержки, что его дед хранил для особого случая. По справедливости момента бутылка была вскрыта именно сегодня, в этот день. День возвращения его домой.

Сергей встал у камина, грея замершие ладони у огня, не решаясь задать самый важный для него сейчас вопрос. Его дед и Арсеньев что-то говорили ему, смеясь, а он не слышал ни слова из их речей.

— Где моя жена? — медленно спросил Сергей, прерывая их смех, бьющий по нервам своей притворностью, поворачиваясь к ним, чтобы уловить малейшую мимику — что-что, а читать по лицам он прекрасно научился за время его плена.

Дед и Арсеньев быстро и тревожно переглянулись, и это не ускользнуло от Сергея. Ледяная рука вдруг сжала его сердце. Она умерла, вдруг подумал он и оперся ладонью о каминную полку, потому как ноги отказались держать его. Он, словно оглох и ослеп при этой мысли, все происходящее вокруг было будто в тумане. Поэтому он не сразу услышал, как Арсеньев что-то втолковывает ему, дергая за рукав, чтобы привлечь его внимание.

— Она жива! Жива, слышишь? Жива и здорова! — чуть ли не кричал Павел, тряся его за локоть. Сергей перевел на него глаза, полные такой муки, что у Арсеньева сперло дыхание в груди.

— Это правда? — Сергей тут же схватил его за плечи. Как совсем недавно это делала Марина, невольно отметил про себя Арсеньев и замер в нерешительности. Как сказать ему правду? Ведь оттянуть этот момент решительно не было никакой возможности. Он беспомощно перевел свой взгляд на старого князя, который сейчас смотрел напряженно в

ОГОНЬ.

— Она жива. Клянусь тебе в этом, — проговорил Арсеньев, переводя глаза на Сергея, и тот тут же отпустил его. Боже, какую же силищу там приобрел Загорский, подумалось Павлу. Он начал растирать свои предплечья, старательно отводя взгляд от пытливого взора Сергея.

— Тогда где она? В Петербурге? У себя в имении, как его там называют? Почему не приехала? Ты передал ей мое письмо? — забросал тот тут же его вопросами.

Арсеньев покачал головой и, достав из кармана фрака сложенный вчетверо листок, протянул ему. Сергей в момент вспыхнул от злости, схватил его за отвороты фрака, притянул к себе. Арсеньев при этом даже испугаться не успел — так быстро все произошло.

— Отпусти его, — тут же меж ними влезла рука старого князя, словно барьер между ними. — Гонцов, приносящих дурные вести, все же не следует казнить. Опомнись или я кликну лакеев!

— Почему? Почему? — словно не слышал его Сергей и при каждой реплике тряс Павла.

— Она замужем, — коротко сказал старый князь с явным надрывом в голосе и положил руку на плечо внука, легко и ободряюще сжал его. — Прости.

Всего два слова. Два коротких слова, но они перевернули его душу наизнанку. Потрясенный, Сергей отпустил фрак Арсеньева из своих рук, сделал пару шагов от него и отвернулся к камину, опершись руками на каминную полку. Его спина так сильно напряглась, что казалось, ткань его фрака сейчас лопнет по шву.

— Как это возможно? — глухо произнес он. — Она же моя жена.

— Тебя считали умершим, — ответил старый князь. — Соответственно, на тот момент ее последующий брак был вполне вероятен.

— Бред, это полный бред, — покачал головой Сергей. — Как? Когда?

— После госпожинок, в 1836 году, — ответил Арсеньев прежде, чем его успел остановить старый князь. Сергей замер на месте, а потом резко выпрямился и ударил со всей силы по каминной полке, сбивая при этом многочисленные безделушки, стоявшие на ней. Его кулак тут же начал кровоточить, но он не обратил на это никакого внимания. Потом еще раз ударил по мрамору каминной полки, разбивая костяшки пальцев, приводя в ужас своего деда и Арсеньева. Обернулся к ним со странным огнем в глазах.

— Кто? — спросил он тихо. Старый князь покачал головой.

— Я не думаю, что...

— Кто? — повторил Сергей. Его спокойного и безмятежного на первый взгляд вида кровь стыла в жилах. Лишь маленькая венка на виске билась в бешеном ритме. Сергей перевел взгляд на Арсеньева и прочитал ответ в его глазах.

— О Боже!

Он снова отвернулся к камину и уперся в него ладонями, ничуть не чувствуя жара от огня, что бил ему прямо в лицо. Арсеньев хотел было подойти к нему и что-то сказать, но старый князь остановил его предупреждающим жестом.

— Как это могло случиться? — глухо спросил Сергей, не повернув к ним головы. — Почему?

— Мы не знаем этого точно. Ты же знаешь, меня здесь не было, когда... когда все это произошло.

Старый князь вдруг перебил Арсеньева, резко поднимаясь с софы, на которой давал отдых своим больным ногам.

— Может, нам следует обсудить все это после? Ты, должно быть, устал, Сережа. Только

прибыл же.

От этого мягкого «Сережа» у Сергея вдруг навернулись слезы на глаза. Он понял, что более не может сохранять хладнокровие и, изо всех сил сохраняя лицо, повернулся к своим собеседникам.

— Вы правы, *grand-père*, — он подошел к деду и поклонился ему. Дед быстро перекрестил его и поцеловал в лоб.

— Ступай с Богом, отдохни с дороги.

Затем Сергей подошел к Арсеньеву. Тот смотрел на него с явной виной и состраданием в глазах.

— Мне очень жаль, — тихо прошептал он после того, как мужчины обнялись. Сергей ничего не ответил ему в ответ. Лишь на пороге комнаты, задержавшись в дверях, он коротко спросил, не поворачивая головы:

— Она знает, что я жив?

— Я тут же поехал к ней в Завидово, как получил от тебя вести, — быстро сказал Арсеньев. Старый князь отвел глаза, заметив, как вздрогнул внук при упоминании имени Воронина.

— И что она? Как отреагировала? Что сказала? — Сергей едва сдерживал свое волнение, бьющееся сейчас в его сердце.

— Она сказала, *direz à prince Zagorsky ses quatre vérités*, — после минутного молчания произнес слово в слово Арсеньев, и Сергей тут же прикрыл глаза, словно яркий солнечный свет, наполнявший комнату, резал ему глаза. Как жестоко! Как больно, Господи ...

Сергей не выходил из своей комнаты до ужина. Ни его друг, ни старый князь не находили себе места до этого времени, то и дело посылая лакея подслушать за дверью, что делает барин в тиши своей комнаты в сумраке плотно задернутых гардин. Но комнатный возвращался и сообщал, что у барина тихо, ничего не слышно, видать, поживает. Матвей Сергеевич приказал лакею безотлучно дежурить у комнаты Сергея, и если что пойдет не так, то сразу сообщить ему. Сам он, извинившись перед гостем, удалился к себе, где долго молился перед иконами. На сердце у него была тяжесть оттого, что он знал причину поспешного брака Марины, но не имел ни малейшей возможности поведать о ней Сергею.

— Помоги ему, Господи, помоги ему, — шептал старый князь, едва слышно. Если бы он мог, он с готовностью взял бы на себя те душевные муки, что сейчас испытывал его внук. — Господи, как все запуталось...

Незадолго до ужина лакей передал от Сергея записку, в которой он просил прощения за то, что не может присутствовать на трапезе, ссылаясь на свою усталость с дороги, *peut-être demain* [\[263\]](#). Старый князь и Арсеньев ужинали вдвоем, обсуждая какие угодно темы, только не те, что сейчас действительно волновали их. Они явно тяготились сложившейся атмосферой за столом и с облегчением в душе разошлись после по своим комнатам.

Перед тем, как идти к себе, старый князь зашел к внуку. Тот лежал на постели полностью одетый, в крошечной тьме, и сначала Матвей Сергеевич даже не заметил его.

— Пошто свечей на зажгли тебе? — спросил он, с трудом отпускаясь на кровать. От всех переживаний за последние дни у него снова разболелась спина. Надо будет просить Никодима, чтобы подогрели ему кирпичи перед сном.

— Я не захотел, — ответил Сергей. — Привык уже за эти годы без света.

Матвей Сергеевич протянул руку и коснулся плеча внука. Легонько сжал его.

— Если хочешь поговорить о том, что пришлось пережить, не молчи, говори. Сердце

твоего деда сильное, многое еще перенесет. Поверь, в своей жизни я сталкивался со многим.

— Нет пока, — Сергей покачал головой. — Благодарю, быть может, после как-нибудь, когда пройдет поболее времени. Лучше расскажи мне, что произошло тут, пока меня не было. Кто умер, кто женился, et ainsi de suite [\[264\]](#).

И Матвей Сергеевич рассказал ему все то, что сам знал, иногда вставляя такие саркастические и едкие замечания на тот или иной счет, что Сергей не мог невольно сдерживать улыбки, восхищаясь в душе, как дед ловко угадывал всю подноготную того или иного человека. Лишь один единственный раз молодой Загорский болезненно поморщился — когда старый князь рассказал ему о смерти Натали.

— Ужасно, просто ужасно, — покачал головой Матвей Сергеевич. — Такая молодая и красивая женщина, такая ужасная смерть. Ее похоронили все же на кладбище, граф-таки добился разрешения Синода. Но пережитое все же отразилось на нем — не прошло и года, как он скончался от удара. Теперь в имении за хозяина какой-то дальний родственник. Принял наследство. Титул же отмер... Правда, тяжба только недавно закончилась. Ты же знаешь, после смерти богатого человека на его могилу слетается всякое воронье...

Сергей кивнул, погруженный в свои мысли. Столько потерь за этот день! Да, он не любил Натали так, как она того заслуживала, но она была ему близким и родным человеком, маленькая нить из его прошлого, в котором он был так счастлив.

На следующее утро, едва рассвело, Сергей приказал оседлать ему его вороного, который все эти годы ждал своего хозяина в конюшнях имения Загорских и тотчас узнал князя, приветственно ткнувшись мордой ему в плечо. Сергей ласково погладил его лоб, провел рукой по мощной шее.

— Мой милый коняка, здравствуй, — прошептал он, сглатывая комок, заставший в горле от такой нежной встречи. — Соскучился, Быстрый? Я тоже, коняка, тоже

Даже лошади вернее иных особей женского пола, с горечью подумал Сергей и легко вскочил в седло, словно и не было прошедших лет долгого перерыва.

Спустя полтора часа он уже был в имении, принадлежавшем ранее графу Ланскому. Он не стал заезжать в усадьбу и представляться новым хозяевам, оставив это напоследок, а сразу же повернул к церкви, стоявшей на расстоянии полверсты от усадебного дома. Там, за церковной оградой, хоронили представителей семьи Ланских, прямая ветвь которой оборвалась с уходом старого графа. Именно там лежала сейчас Натали.

Сергей сразу же нашел ее могилу. Мраморный ангел на коленях, со сложенными крыльями, в горе простирающий ладони к небу. Четверостишие на итальянском языке.

Почившая здесь красота пришла
Других существ на свет настолько краше,
Что смерть, с кем естество враждует наше
Для дружбы с ним, ей жизнь оборвала.

Сергей опустился на колени прямо в талый снег, совершенно не обращая внимания на то, что колени тут же стали мокрыми. Он чувствовал, как к горлу поднимается откуда-то из глубины комок невыплаканных слез. Натали была единственным человеком, который

искренне и совершенно беззаветно любил его. Она выполнила его последнюю волю — передала его письма адресатам, подчас даже с боем, совершая невозможное. Она носила по нему траур почти год, в то время как его супруга...

«Как истинный твой друг тебе говорю. Бросай ты пить уксус по утрам. Право слово, Натали, скоро твоя кожа будет уж transparente [\[265\]](#), как оконное стекло», — шутил он тогда, даже не ведая, что его слова окажутся своего рода пророческими. Сергей запрокинул голову вверх, стараясь удержать слезы, посмотрел в ярко-голубое весеннее небо. Где-то там, в облаках, теперь душа Натали...

Краем глаза он заметил женскую фигуру, появившуюся в калитке церковной ограды. Он быстро перекрестился, поднялся с колен, отряхнувшись от пожухлой прошлогодней листвы, и повернулся к нарушительнице его уединения. Женщина испуганно отпрянула от него в первый миг то ли от неожиданности его движения, то ли от его вида. Сергей невольно усмехнулся при этом, приподняв правый уголок рта. Привыкай, брат, теперь такая реакция будет вечно сопровождать твое появление в людях.

Женщина отвела глаза, опущенные почти белесыми ресницами, в смущении краснея до самых ушей та, что ее веснушки стали почти незаметны на коже.

— Прошу прощения, ваше сиятельство, я не хотела нарушить ваше уединение. Только не здесь, — пролепетала она, неловко теребя ленты своей шляпки, обитой беличьим мехом.

— Вы его не нарушили, я уже собирался уходить, — ответил ей Сергей и наклонил голову, представляясь. — Князь Загорский Сергей Кириллович.

— Да-да, я знаю, — кивнула женщина. — Дворовый сказал мне, что на кладбище поехал всадник, а я слыхала о вашем возвращении. Я поняла, что это вы...

— А вы, я так понимаю, нынешняя хозяйка имения? — спросил Загорский, подавая той руку. Женщина приняла ее, смущаясь, и они вместе направились к выходу, где за оградой их ждали вороной конь и небольшой двухместный экипаж, на котором прибыла сюда женщина.

— Ох, прошу прощения, — опять вспыхнула она. Она слегка приостановилась, словно желая представиться по правилам, но Загорский не дал ей такой возможности, крепко удерживая ее руку своим локтем. — Краснова Ольга Пантелеевна. Мой муж, отставной майор Краснов, вступил недавно в права наследства. Он был двоюродным племянником сестры покойного графа, так получилось, что самым близким родственником по крови. Он сейчас уехал в Москву, по делам.

Загорский довел ее до коляски тем временем, и она замолкла, осознавая, что говорит немного лишнего. Он помог ей сесть в экипаж, предупреждая помощь кучера, с которым она приехала. Затем хотел было откланяться, так как хозяевам он уже представился, а оставаться долее тут желания не было, но Ольга Пантелеевна вдруг схватила его за рукав, тут же снова заливаясь краской до ушей.

— Не желаете ли заехать на чашку чаю, ваше сиятельство? — она запнулась, но тотчас продолжила, смущаясь. — Мне есть, что передать вам. Некая вещь покойной графини Ланской.

Заинтригованный Сергей согласился и направился верхом вслед за коляской в усадебный дом. Там его провели в небольшую, но уютную гостиную, где в камине ярко горел огонь, а на небольшом столике в мгновение ока, по звонку барыни, сервировали чай с закусками. Выпить чашку горячего чая в кресле у огня было поистине наслаждением, особенно перед дорогой.

Разговор за чаем совсем не клеился. Ольга Пантелеевна переехала в имение из Рязани.

где и вышел в отставку ее муж, посему общих знакомых у них не было, а Сергей давно не был в приличном обществе и отвык от пустой светской беседы. Когда они обсудили погоду и будущие урожаи, темы были исчерпаны, и воцарилось молчание. Тогда хозяйка поднялась и вышла из комнаты, извинившись. Вернулась же она с толстой тетрадью в руках.

— Вот, возьмите, — протянула она тетрадь Загорскому. — Я нашла это, когда слуги разбирали вещи покойной графини. Ее дневник. Думаю, она хотела бы, чтобы эта вещь принадлежала вам. Не знаю, почему, но я так и не смогла уничтожить ее, словно кто-то невидимый удерживал меня от этого шага. Теперь я знаю, почему. Это она хотела, чтобы вы прочитали его.

Сергей аккуратно взял из ее рук тетрадь. Видя его вопросительный взгляд, Ольга Пантелеевна вспыхнула.

— Я прочитала только посвящение на первой странице. Более совесть не позволила. Чужие тайны...

И Сергей поверил ей. Он видел ее смущение и ее наивность, как скрывались ее веснушки под разливающейся по лицу краской. Она была так чиста душой, так искренна. Давно он не встречал женщин подобных ей.

— Простите мои подозрения, — извинился он, покидая усадьбу. — Я давно разуверился в людях, посему так подозрителен ко всем.

— Я понимаю, — буквально пролепетала Ольга Пантелеевна в ответ, смущенная прикосновением губ к своей руке.

Только спустя некоторое время в уединении своей спальни Сергей смог открыть тетрадь, исписанную аккуратным почерком Натали. Ее дневник начинался с того самого дня, как она встретила молодого наследника рода Загорских. Он невольно улыбался, читая эти слегка наивные строки, полные восторга и слепой влюбленности, вспоминая те дни, когда они тайно встречались на границе владений их семей. Затем было описание ее метаний в выборе меж ним и престарелым, но богатым графом, и свадьба в итоге.

Тон записей становился все менее наивным, менее радостным. Их встреча на маскараде в Павловске, с которой началась их связь с Натали, вернула было повествованию счастливые нотки, но затем все опять стало мрачным, тоскливым, наполненным страданиями и муками неразделенной любви.

«...Я снова и снова ищу подтверждения тому, что он не забыл меня, что он снова мой, тот Серж, что клялся мне в любви когда-то. Сама себя по знакам, придуманным мною же, убеждаю, что он любит меня по-прежнему. Но каждая очередная измена — стрела в мое израненное сердце. За что, мой милый? За что ты так ранишь меня?..»

Сергею было больно читать эти строки. Как же она страдала. Как же он мучил ее то уходя в другую постель, то снова возвращаясь к ней, которая всегда преданно ждала его.

А затем описание их окончательного разрыва, и странная запись, единственная на одной их дат, следующей после их расставания: «Я ездила к А.В. Зачем? Сама не знаю... Как же я низка!».

Потом был двухнедельный перерыв в записях. Обрывочные фразы, датированные концом мая 1836 года. Затем подробное описание их встречи в Пятигорске, ее размышления о дальнейшей судьбе. И запись, размытая слезами, в тот день, когда пришла весть о его гибели:

«...Мое сердце остановилось сегодня, хотя по-прежнему продолжает гонять кровь по телу. Страшная весть. Его более нет. Как в это поверить? Как поверить в то, что в этом

страшном ящике привезли твое тело, любимый? Пустая оболочка, что осталась от тебя. Твои награды в бархатных футлярах, твои любимые вещи, собранные в какой-то мешок. Вот и все, что осталось нам. Зачем? Все, поверь мне, все отдала бы, лишь бы ты дышал. Я смирилась с твоим венчанием, отдала другой, но как отдать тебя Смерти?...»

«...Как я завидую твоему денщику — он рыдает, как младенец, не переставая. Я же не могу пролить и капли этой целительной влаги. Боль змеей свернулась у меня в сердце и не желает покидать своего пристанища...».

Тяжелые для него строки, но самое тягостное ждало его впереди. То, что заставило его душу взорваться от боли на сотни кусочков.

«...Мой милый, как она жестока! Как черна ее душа, если она может так спокойно перешагнуть через все, что было меж вами, и идти далее с завидным хладнокровием! Сжечь твое последнее письмо. Немыслимо! Я бы пошла на край света лишь получить его... Я искала в ней хотя бы один признак того, что она страдает от твоей потери, но его не было и в помине. Эта страница моей жизни перевернута, сказала она мне, глядя надменно, свысока, мне нет более дела до этого. Как же я хотела убить ее в тот момент! Как была рада, что отныне не узнаешь, каково это быть преданным так жестоко именно тем человеком, которому отдал свое сердце! Она не оценила этот дар, мой милый, не поняла, что было у нее в руках...»

«...Твое тело только выехало из Пятигорска, а в Петербурге свет ужинал в честь ее помолвки. Шилось блондовое белоснежное платье у m-m Monique, шли приготовления к венчанию, которые не остановились даже после того, как твое тело после отпевания уехало в свой последний путь в Загорское. Ты говорил мне, что она вынуждена лгать, что ты переживаешь за ее душевное состояние. Но кто обманут в итоге? Не ты ли?...»

«...Своим молчанием ты спас ее. Позволил ей осуществить то, о чем она, видно, давно мечтала — стать женой богатого, молодого, знатного... Твой брак с ней потерпел фиаско, и она не стала упускать из рук свою следующую жертву. Графиня Воронина. Сегодня под этим именем она вышла из церкви Аничкова дворца. Она улыбалась. Я же рыдала беззвучно. Мой милый, дай Бог, чтобы твоя душа не видела этого предательства...»

«...Они поистине стоят друг друга. Нынче я нашла в бумагах супруга одну короткую записку. «Вопрос решен. Князь Загорский будет выслан, так что вам нет нужды покидать столицу». Великолепная карьера, блестящий пост, дающий возможность убрать тебя подальше с глаз, подальше с Петербурга, и, кто знает — не навсегда ли? Ты считал его другом, а ее своей женой. Они оба предали тебя, мой милый. Интересно знает ли графиня, что он сделал, чтобы добиться ее? Что устранил тебя со своего пути? Сначала я хотела уведомить ее об этом, но после ночи раздумий поняла, что не в праве этого делать. Пусть живет с твоим убийцей (да-да, в моих глазах он виновен, хоть и косвенно, в твоей гибели!), пусть делит с ним ложе, пусть вынашивает его ребенка. Она достигла своей цели — Завидово полностью в ее руках, говорят, там всюду идут работы. Бог ей судья, не я...»

«...Я не могу более называться супругой человека, кто просил о твоей ссылке, кто привел тебя к гибели. Мой муж тоже виновен в твоей гибели, и я ненавижу его за это с утроенной силой. Ненавижу его!...»

Последняя запись была за день до смерти Натали. Всего несколько слов. «Я не могу и не хочу так более. Не живу, а существую. Прости меня, Господи...»

Сергей даже не заметил, сколько времени прошло с тех пор, как он отложил дневник в сторону после прочтения. Он напряженно размышлял, пытаясь найти в своей памяти

доказательства, чтобы опровергнуть или подтвердить то, что он только что прочитал. Но все указывало на то, что оправданий нет и быть не может, что написанное в тетради — горькая истина.

«...Но ведаешь ли ты, что в институте девочки с самых младых лет ставят себе цели: получить шифр и (ну, или «или» — у кого как получится) найти хорошую партию. Годами разрабатываются стратегии почище наполеоновских или суворовских. Ведь от этого зависит не только дальнейшая жизнь этих девочек, но и жизни ее родных... ....А кто у нас из холостых un parti très brillant [\[266\]](#)? Князь Загорский да граф Воронин. И именно в этой очередности, он же не так богат, как ваша семья, n'est-ce-pas? Вот и держит она его пока на расстоянии, пока с тобой не разрешилось дело. А как падешь к ее ногам, так граф-то отставку и получит...» — предупреждала его Натали.

Да разве не сама Марина как-то сказала ему во время их объяснения на охоте в Киреевке: «... — Я же женщина, князь, а потому такая же продажная, как остальные. Мы различаемся только ценой. Моя цена — честное имя и обручальное кольцо на пальце. Да еще благополучие моих близких...»?

«...Я влюблен, и я намерен пойти до самого конца. Да — да, готов расстаться со своей свободой и окольцевать себя. Поверь, мне ради нее стоит пойти и не на такие жертвы...» — сказал Анатолий о Марине, когда они сидели в ресторане в первый вечер после возвращения Сергея в Петербург из Европы. Вот Анатолий и пошел на жертвы, забывая обо всем на свете.

Лишь когда в дверь постучал лакей и объявил, что скоро будут подавать ужин, что его сиятельство просит молодого барина спуститься в столовую, Сергей вернулся на грешную землю из своих мучительных раздумий. За окном уже было темно, потому он поднялся и, пройдя к комоду, зажег поочередно все свечи в жирандоле. Вспыхнувшее пламя осветило его отражение в зеркале, висевшем над комодом, и он сперва не узнал себя — так непривычно было ему новое лицо. Он криво улыбнулся уголком рта и поклонился своему двойнику в зеркале.

К ужину Сергей появился в своем мундире, а не в штатском, в котором ходил до этого, награды отражали блеск многочисленных свечей в столовой. Мундир был ему слегка узковат в плечах — за время, проведенное в плену за тяжелой работой, его мускулы стали побольше, чем были до того, и Сергей первым же делом решил пошить новый, сразу же по приезде в Петербург, о чем и сообщил за столом своему деду и Арсеньеву.

— Ты уезжаешь в Петербург? — удивился старый князь.

— Ненадолго, — заверил его Сергей. — Улажу нерешенные дела и вернусь. Кроме того, сегодня, оказывается, пришло письмо из столицы, из императорской канцелярии. Государь желает меня видеть во дворце. Видимо, уже наслышан о моих приключениях.

В его голосе сквозила такая ирония, а смех был такой злой, что старый князь невольно нахмурился. Да, перед ним был тот прежний Сергей, что всегда пикировал его реплики и смело встречал его нападки, а не тот ранимый, питаемый смутными надеждами на будущее, что вошел вчера в этот дом. Это был прежний Сергей, что покинул его три года назад, но Матвей Сергеевич уже не знал, следует ли ему радоваться этому возвращению этого холодного и безразличного ко всему, саркастичного, бездушного человека, ведь тот, что искал поддержки вчера в его объятиях, был ему более по душе.

— Кроме того, я думаю, что наш общий с Paul'ем друг тоже горит желанием убедиться, что я жив и невредим. Такая радость в нашем маленьком кружке! Мы обязательно должны ее отпраздновать, n'est-ce pas, mon cher ami [\[267\]](#)?

— Oui, bien sûr ^[268], — ответил ему растерянно Арсеньев, недоумевая о причинах его такой бурной радости, такого приподнятого настроения. Он был рад, что Сергей так скоро пришел в себя, но подобное его поведение немного настораживало — ведь он знал, как глубоко может прятать в себе свои переживания его друг. — Ежели ты так желаешь.

Лишь за коньяком, когда мужчины сидели в диванной, а Сергей курил сигару, медленно покачиваясь в плетённом кресле-качалке, старый князь поднял тему, что волновала его все это время, с тех пор, как он узнал, что его внук жив.

— Что ты планируешь делать в отношении своей жены? — спросил он, зная, что наступает на больную мозоль, но не смея удержаться. — Вы ведь венчаны, срок в пять лет не прошёл.

Качание кресла Сергея замедлило свой ход на мгновение, но потом снова пустилось в движение.

— Я не знаю, — коротко ответил он. Но Матвей Сергеевич не желал уступать.

— Так нельзя, вы же венчаны! Надобно написать отцу Паисию...

— Пока не надо! — отрезал зло Сергей. — Дай мне время. Я должен все обдумать.

Внезапно подал голос Арсеньев. Он не хотел говорить об этом сейчас, но считал, что нет другого выхода в эту минуту.

— В приходской книге нет ваших имен.

Кресло Сергея остановилось. Он смотрел на друга внимательным, пронзающим душу взглядом.

— Продолжай, — потребовал он. Старый же князь был явно удивлен и шокирован открывшимся обстоятельством, он трясущимися руками полез за табакеркой и от души втянул в себя понюшку, стараясь успокоить свои нервы.

— Записи о вашем венчании нет, — виновато глядя на Сергея, продолжил Арсеньев. — Я справлялся, когда вернулся из-за границы, обо всех обстоятельствах вашего венчания, искал доказательства. Почему ты не сказал, что вас венчал не отец Александр? Почему не сказал, что приезжал архиерей, твой дядя?

— Сейчас, кажется, речь не об том, — отрезал Сергей. — Книга. Что с ней?

— Я не нашел там записи о венчании. Нет там ваших имен. Но она была начата за несколько недель до вашего таинства, и я предположил, что возможно, был подлог, — Арсеньев отвел свой взгляд от Сергея, не в силах смотреть ему в глаза, особенно сейчас, когда он откроет ему этот тяжкую для него правду. — Надавил на дядю, он тут же признался, что переписал книгу заново, не внося в нее ваши имена. А старую отдал, разумеется, не бесплатно, заказчику сего действия — даме под вуалями, что слезно умоляла об этом, суля ему большие деньги. Вот он и соблазнился.

— Даме под вуалями, — повторил Загорский без какой-либо интонации в голосе, словно просто констатируя факт. Потом оттолкнулся ногой от пола, и кресло снова продолжило движение, качая его вес.

— Знаете, — сказал он спустя некоторое время, пристально глядя в огонь. — Говорят, где-то в далеких жарких странах есть традиция. Когда супруг умирает, его жена должна уйти вслед за ним. Ее сжигают вместе с телом мужа на костре. Чтобы и там, в загробном мире они вечно были вместе.

Арсеньев почувствовал, как при этих жестоких словах, сказанных абсолютно равнодушным тоном, у него по спине побежали мурашки.

— К чему ты речь об том завел, Серж? — попытался улыбнуться он. Сергей отвел свой

взгляд от огня и посмотрел на друга.

— Да так, вспомнилось просто, — он широко улыбнулся и поднялся с кресла. — Ну что, мои дорогие? Может приказать принести ломберный стол? Сыграем несколько партий? Вист или фараон? Я знаю, мне должно сегодня непременно повезти. Ведь не зря же меня называют баловнем судьбы, *n'est-ce pas, Paul?*

Сергей широко улыбался другу, хлопая его плечу, но тот прекрасно видел, как холодны его глаза, и от этого холода Арсеньеву вдруг стало не по себе.

Той же ночью, ворочаясь в постели, сбивая простыни в один комок, Загорский осознал, что мысли, постоянно будоражащие его разум, не дадут покоя усталому телу, не позволят провалиться в спасительный сон, который поможет ему забыть о тягостной для него реальности. Он встал с постели, прошелся к окну и, отодвинув занавесь, стал смотреть на звездное небо. Откуда-то издалека в этой ночной тишине доносился лай собак, видно, из деревни, с той стороны. Небо было ясное, безоблачное, потому было видно каждую звездочку.

Вот оно, это созвездие. Буква «М» из неярких звезд. Сергею вдруг стало тяжело дышать, он рванул завязки сорочки у горла. Как же он ненавидел в этот момент весь этот мир! Ненавидел всех и вся! Зачем он вернулся? Чтобы узнать, что его ждал только дед? Что, кроме него, Сергей никому и не нужен? Получается, что все, к чему он так яростно стремился, ради чего снес столько унижений и горестей, было выдуманно им самим. У нее теперь своя жизнь, в которой, как выяснилось, ему нет места.

Боже, взглянуть бы на ее, коснуться еще всего лишь раз! Он запустил ладонь в волосы и застонал еле слышно. О чем он думает? Она предала его, гореть ей в аду!

Сергей вдруг замер на месте, а потом сорвался и резко подошел к фраку, в котором приехал вчера днем в Загорское. Степан его вычистил от дорожной грязи и проветрил, и сейчас тот висел на стуле. Загорский опустил руку в карман, не надеясь найти то, что так хотел получить в свои руки сейчас, то, что могло бы ему сейчас помочь. Что, если Степан принял за грязь и выкинул вон? Но нет, в потайном кармане фрака лежал небольшой сверточек, никто не посягнул на него.

Сергей достал его из кармана и, аккуратно развернув, достал одну ханку. Вот оно. То, что ему так необходимо сейчас. То, что успокоит его истерзанную душу, принесет долгожданное облегчение. Он медленно положил в рот небольшую лепешку и принялся разжевывать, чувствуя, как пропитывается слюна вкусом ханки. После лег на постель и принялся ждать.

Долго не пришлось томиться в одиночестве. Вместе с очередным лунным лучом в комнату тихо проскользнула женская фигура в белой кружевной сорочке и капоте, который она тут же скинула одним движением.

— Я ждал тебя, — прошептал он.

— Я здесь, я твоя..., — прошептала она ему в губы и ласково провела языком по его ще. Дикое неудержимое желание захлестнуло его тело, и он прижал ее к себе сильнее, ласково гладя ладонями по ягодицам. В ответ раздался ее тихий счастливый смех, и он припал к ее губам.

Это был его рай. Только с ней и здесь. *Ego le paradis terrestre* [\[269\]](#).

Анатолий прислонился лбом к холодному стеклу небольшого окошка кареты, стараясь успокоить собственные нервы. Его колотило, словно в ознобе, он не знал, что ждет его при этой встрече. Короткая записка от Загорского, скупая на какие-либо эмоции, в отличие от первого письма, посланного из Пятигорска, приглашала его на ужин к месье Талону. Но Анатолий решил переиграть предполагаемый сценарий и выяснить все с Загорским почти с глазу на глаз. Потому и ехал сейчас в фехтовальную студию monsieur Charles. Именно там, как он помнил, они любили встречаться своим небольшим кружком, оттачивая свое мастерство.

Как он сможет взглянуть Сержу в глаза? Серж... Одно лишь это имя вызывало у него в душе спутанный клубок чувств и эмоций: ненависть и злость, обида и вина, сожаление и раскаяние. Наверняка, Загорский уже знает о том, что Анатолий венчан с Мариной. Что он чувствует сейчас? Проклинает ли он Анатоля, как он сам проклинал друга три года назад? То чувство некоей справедливости, что он лелеял в себе все эти последние годы, куда-то испарилось в эти минуты перед встречей с Загорским, и теперь его душу глодали сожаление и вина. Он закрыл глаза и, откинувшись назад, на спинку сидения, вспомнил свое возвращение в Завидово несколько дней назад.

Анатолий приехал спустя два дня, как Марине принесли известие о том, что Сергей жив. Он, словно комета, пронесся по всему дому, спрашивая каждого из комнатных, кто встречался на его пути, где сейчас барыня. То, что они путались в своих ответах, либо вообще не могли дать его, доводило Воронина до бешенства и заставляло его сердце замирать от ужаса. «Неужели?», — птицей билась в его голове только одна мысль, но он упорно гнал ее от себя прочь.

Но Марина не вышла его встречать, не было обычного приветствия в передней Леночки, и Анатолий понимал, что та весть, что застала его на половине пути из Пензы, не может не отразиться на их будущем. На его будущем.

Он толкнул двери в половину жены, но Марины не было и там. Только Агнешка разбирала белье, откладывая часть в починку.

— Где моя жена? — спросил Анатолий, стараясь, чтобы голос звучал как можно ровнее.

— В зимовом садзе яна, — ответила Агнешка, отводя глаза в сторону, но он успел заметить, как они так и сверкнули на него.

Внезапно Анатолий почувствовал злость на няньку Марины. Старая ведьма! Не помогай она тогда Марине, не произошло бы многое. Как она смеет сейчас так вести себя, словно ровня ему, а не крепостная! Не будь Марина так привязана к ней, то он давно бы убрал ее из дома. Этот ее говор... Ребенок и так уже начинает применять в своей речи не только французские слова, но некоторые мужицкие словечки.

Марина действительно была в зимнем саду. Сидела, забравшись с ногами с плетеное кресло, словно маленькая девочка, подоткнув подол платья под ступни. Ее домашние туфли лежали на полу, рядом с креслом, на коленях — открытая книга, позабытая хозяйкой, которая, не отрывая взгляда, смотрела сквозь оконное стекло французского окна на речку внизу холма да на леса за ней. Как она похудела, с неудовольствием отметил про себя Анатолий, скулы теперь так резко обозначены. Под глазами темные тени, словно она перенесла недавно болезнь. Или горе, пришла тут же в голову мысль, больно уколов в самое

сердце.

Марина вдруг краем глаза заметила, что он стоит в дверях, и вздрогнула от неожиданности. Книга упала с ее колен, громко стукнувшись об пол.

— Я не ожидала вас так рано, — растерянно проговорила она и, заметив, как Анатолий поморщился, осеклась. Поднялась с кресла, найдя ногами скинутые домашние туфли, поправила платье.

— Где Леночка? — спросил он, подходя к жене и беря ее за плечи, заставляя прервать ее судорожные попытки привести себя в надлежащий вид. Марина замерла, словно испуганная газель, в его руках.

— В детской, спит, — тихо ответила она, отводя в сторону взгляд. Это движение привело Анатолия в отчаянье. Он снова был между ними. Как и тогда, в самом начале. словно и не было меж ними тех лет, что они провели бок о бок, тех радостных семейных событий, их маленького мирка...

Анатолий притянул к себе жену и крепко обнял, уткнувшись носом в узел ее волос. Как же так, Господи? Неужели ты позволишь, чтобы он сейчас потерял все, что ему так дорого в этой жизни? Потерял ее, свою жену? Хотя свою ли...

Перед его глазами вдруг возникла собственная рука, бросающая скомканное письмо Сержа в огонь. Именно из него Анатолий узнал о том, что венчание действительно состоялось, ведь в нем Сергей просил прощения за все, что случилось, взывал к его милосердию и благоразумию. Он думал, что никто и никогда не узнает правду об этом браке, что сможет всегда держать ее в неведении в отношении законности ее первого венчания. Но сейчас вернулся Серж. А значит, конец всем тайнам. Конец его браку.

— Моя! Моя! Моя жена! Моя! — билось у него в голове. Он никогда и ни за что не отдаст ее Загорскому, даже если придется пойти на еще больший обман и предательство. Он не забыл тех слов, что сказала тогда старая цыганка в саду Киреевки. «Она — судьба твоя, дорогой. Будет с тобой рядом до конца твоих дней», — именно эти слова он так часто вспоминал, когда совесть принималась донимать его душу редкими бессонными ночами. Марина была предназначена ему самой судьбой, и тот, кто попытался нарушить ее волю, был жестоко наказан.

Анатолий провел в Завидово два дня, которые выгадал своей безумной скачкой и днем, и ночью из Пензы, боясь найти по возвращении пустой дом. Все это время он чувствовал, как далеко от него Марина. Она была задумчива и тиха, как никогда ранее, погас огонек в ее глазах, смолк ее счастливый смех. И хотя внешне она старалась выглядеть, как прежде — заботливой и внимательной супругой, он видел, что мысленно она не с ним, а снова там, в своем прошлом, с другим.

Это причиняло такую сильную боль, что Анатолий еле дышал. Он видел, с каким выражением лица Марина смотрит за их возней с Леночкой на ковре в детской, как вздрагивает каждый раз, когда дочь звонко выкрикивает: «Папа, папа!». Эти годы так и не смогли стереть из памяти его жены другого мужчину, несмотря на все усилия, что приложил Анатолий к тому, чтобы их брак считали самым образцовым в Петербурге. От осознания этого ему хотелось плакать, на сердце камнем лежала такая тоска, что хотелось выть.

В последний вечер перед отъездом в столицу Анатолий сидел в детской у постели Леночки и ждал, пока они совсем провалится в глубины крепкого детского сна, поглаживая ее по мягким локонам, прогнав всех нянек прочь. Он собирал эти сладкие его сердцу мгновения, словно драгоценные камни в кошель, чтобы насладиться их блеском, когда он

будет так далеко от своих девочек — жены и дочери.

Он поправил одеяльце, укрывая плечико Леночки, погладил в последний раз ее голову. Она уже спала, засунув пальчик в рот, словно соску, провалилась в страну грез. Он никогда и никому ее не отдаст, вдруг решил Анатолий и резко поднялся со своего места у постели дочери. Она его дочь по праву рождения, а Марина его жена. И так все и останется!

Он пошел на половину жены и встал в дверях, наблюдая, как Дуняша разбирает Маринины локоны, причесывает это роскошное золото щеткой. Марина его и ничья больше! Да, сейчас в ее душе опять смятение, но это пройдет. Он заставит ее забыть обо всем своей любовью, лаской, заботой. Как это уже было прежде.

Анатолий подошел и взял из рук Дуняши щетку для волос.

— Можешь быть свободна. Я сам послужу барыне, — приказал он горничной, и та, сделав небольшой книксен, быстро вышла из комнаты, оставив супругов наедине. Он взглянул на Марину в отражение зеркала, перед которым она сидела, и заметил, что она внимательно наблюдает за ним.

— Ты так задумчива в последние дни, — аккуратно начал Анатолий, проведя по пряди волос щеткой. — Это связано с ним?

— Вы желаете поговорить об этом? — удивленно спросила Марина.

— Почему бы и нет? — пожал плечами Анатолий. — Я твой супруг, меж нами не должно быть никаких секретов. Я же вижу, что тебя прямо-таки гложет эта весть. Ты вся исстрадалась, исхудала... как прежде, — Марина молчала, поэтому смолк и он. Некоторое время он расчесывал ее волосы, а потом вдруг решился сказать ей то, что долго обдумывал все эти два дня. При этом ненавидя себя, как никогда ранее. — Знаешь, как Сержу удалось бежать? Вижу по твоему взгляду, что нет. Видимо, Арсеньев не открыл тебе этого, хотя уверен, что Серж написал и ему об этом. Ему бы никогда не удалось это *sans l'aide de personne* ^[270]. Была там одна черкешенка, — он почувствовал, как замерла под его руками Марина, но тем не менее продолжал с резким смешком, прекрасно понимая, какую боль причиняет ей сейчас. — *Les femmes* ^[271]... Он всегда легко кружил им головы.

Анатолий отложил в сторону щетку для волос, присел на корточки рядом со стулом Марины и, развернув ее к себе лицом, взял ее руки в свои ладони.

— Неужели ты не понимаешь, он всегда останется тем Сержем Загорским, которого знал свет? Циничным, равнодушным, безразличным ко всему и вся. Игрок, волокита, бретер. То, о чем ты рассказал мне тогда о том, как он поступил тогда с тобой... Я не знаю, насколько бездушным надо быть, чтобы пойти на такое, чтобы добиться расположения юной девы! — он поднес ее руки к своему лицу, прижался к ним щекой. — Я люблю тебя, моя милая! Я сделаю все, чтобы ты была счастлива, чтобы была счастлива Леночка. Вы двое — все для меня!

Марина отняла одну руку из его ладоней и нежно провела по его волосам. Она смотрела на него с каким-то странным выражением в глазах.

— Я твоя жена, Анатолий. Разве что-то может это изменить? — проговорила тихо она.

О, если бы ты знала, если б знала, мелькнуло в голове Анатолия, но вслух он произнес лишь одно:

— Раз так, я прошу тебя никогда не принимать Загорского в моем доме без моего присутствия. Я понимаю, что это противоречит правилам хорошего тона, но таково мое желание. Я не хочу, чтобы ты с ним вообще имела какие-либо контакты, но не в моих силах сделать так — в свете вы все равно повстречаетесь. Всего лишь прошу свести их к

минимуму, положенному для того, чтобы поддерживать знакомство. Tu es ma femme, et il est mon ami d'enfance [\[272\]](#)...

Позднее, когда супруги уже лежали в постели (он ни на чем не настаивал эти две ночи, боясь спугнуть ее, как тогда, в самом начале их брака), Анатоль приподнялся на локте и провел ладонью по изгибу ее тела, чувствуя тепло сквозь тонкую ткань сорочки.

— Леночке уже два года, — тихо сказал он, и Марина напряглась, каким-то шестым чувством угадывая его следующую реплику. — Я думаю, нам уже пора подумать о наследнике.

— Да, конечно, — согласилась с ним тихо жена, и он откинулся на подушки довольный собой.

Ребенок! Как он не подумал об этом ранее? Он привяжет ее к себе их общим дитем. Это будет гораздо прочнее всех тех призрачных уз, что сейчас держали их вместе. Марина никогда не оставит своего ребенка, а по законам российской империи он в праве не отдавать ей детей, рожденных в их браке, даже Леночку. Если уж дело дойдет до того, то он пустит в ход этот последний козырь. И она непременно останется с ним. Пусть даже против своей воли...

Карета внезапно остановилась перед домом, где располагалась студия monsieur Charles, и Анатоль вернулся из своих мыслей обратно на грешную землю. Еще на подходе к зале, сквозь закрытые двери он слышал смех своих друзей, и это заставило его сердце пуститься вскачь. Немного помедлив на входе, Анатоль все же распахнул створки и ступил в студию. Они оба были там — Сергей и Павел, один застегивал защитный жилет, другой что-то рассказывал о своей поездке по Европе, часто жестикулируя руками. И оба же резко повернулись к нему, прерывая дружескую беседу, в момент стирая улыбки с лиц.

О Боже, чуть было не сорвалось с языка Анатоля, едва он увидел лицо Сергея. Не заметив, что его друг внимательно наблюдает за его реакцией, тут же сдержал свои эмоции и просто шагнул к ним.

— Серж! Как я рад видеть тебя в добром здравии! — Анатоль хотел было обнять друга, но тот протянул ему руку для рукопожатия, при этом поворачиваясь к нему боком, чтобы тот не смог более приблизиться к нему.

— Здравствуй, Анатоль, — коротко ответил Загорский. Его глаза смотрели с таким холодком, что у Анатоля невольно дрожь побежала по телу. После их приветствия в зале воцарилось молчание. Анатоль не знал, что сказать сейчас, а Загорский даже не пытался поддерживать беседу. Арсеньев же выглядел так, словно он хотел оказаться сейчас где угодно только не здесь наедине с ними.

Анатоль отвернулся от них и прошел до канапе, на котором уже лежали скинутые его друзьями фрак, мундир и жилеты, и стал расстегивать мундир.

— Я так давно не был здесь, — начал он как можно более беспечно, словно не замечая того напряжения, которое с каждой минутой разливалось в воздухе. — Наверное, последний раз год назад. Все стало совсем не так здесь, когда вас с Paul'ем не было. Не было достойных соперников.

— Отрадно, что ты считаешь меня достойным соперником, — усмехнулся за его спиной уголком рта Загорский. — Рапиры или сабли?

— Сабли, — скидывая жилет, принял решение Анатоль и, поворачиваясь, едва успел поймать кинутое ему Сержем в тот же миг оружие.

Они заняли позиции в центре зала, настороженно оглядывая друг друга, словно

оценивая произошедшие за последние годы перемены в каждом из них. Анатолий заметил, что плечи Загорского раздались еще больше, руки стали сильнее. Тяжелый противник! Он и тогда был гораздо тренированнее, чем Анатолий, теперь же ему и вовсе будет легче. Анатолий в отличие от своего соперника совсем забросил тренировки, погрузившись полностью в службу и светскую жизнь.

Воронин не стал раздумывать и быстро сделал выпад, проверяя, не снизился ли уровень владения холодным оружием у Загорского за эти годы. Ведь все это время он не мог использовать свои навыки.

Но тот одним движением отбил его, не делая, впрочем, ни малейшей попытки атаковать своего противника, предоставляя ему подобную возможность.

— Прости меня, — вдруг вырвалось у Анатолия. — Я не хотел, чтобы вот так все вышло. Я прочитал твое письмо только после Рождества, когда уже все было сделано.

Сергей отбил отведением его рубящий удар, которым Анатолий намеревался закончить бой, якобы рана его в правое предплечье, и спросил:

— И где оно сейчас?

Анатолий не смог, видимо, скрыть правду во взгляде, столь неожиданным для него был этот вопрос. Глаза Загорского стали темно-серыми, заметив вину промелькнувшую на лице противника по бою, и он вдруг перешел из защиты, в которой до этого вел их поединок в нападение, то и дело перемежая удары — рубящий, колющий, снова рубящий и опять...

Анатолий едва успевал отбивать их, чувствуя, как заныла уставшая рука, державшая саблю. Да, давно он не тренировался, очень давно. Он быстро перемещался по площадке, не подпуская к себе близко противника, но вскоре совсем выдохся и стал пропускать легкие уколы, не останавливающие, впрочем, их дуэли. Получив еще несколько таких уколов, Анатолий понял, что Загорский намеренно сейчас гоняет его по зале, дразнит, выматывая его силы. Это понимание разозлило его. Он вспомнил, что в большинстве случаев неизменно уступал Сержу в их тренировочных боях.

— Talent, talent inné! [\[273\]](#) — отзывался о Загорском monsieur Charles, владелец школы фехтования, предоставлявший им залу для их тренировок, и это отнюдь не было лестью.

— Я понимаю, ты злишься, — задыхаясь, начал говорить Анатолий, едва успевая уворачиваться от ударов, так и сыплющихся на него, казалось, со всех сторон. Его рубашка была мокрая от пота, мышцы словно окаменели от невероятного напряжения. Он уже не отбивал атаки, потому как знал, что малейший удар по сабле, и он потеряет ее, не в силах более удерживать в уставшей руке. — Но пойми... это было... предопределенно. Не в нашей воле... было помешать. Здесь нет... ничьей вины. Так ... сложилось!

— Так сложилось? Так сложилось?! — Загорский вдруг снова переместился вбок, и Анатолию пришлось приложить невероятные усилия, чтобы увернуться от очередного укола в левую руку. Но он не успел, затупленный кончик сабли все же скользнул по предплечью. — Почему Донцев служит до сих пор в гарнизоне Ревеля, хотя его мать серьезно больна? Неужели все его прошения, которые он уже отправляет самому государю, не доходят в Петербург? И где второй свидетель моего венчания? Где Кулагин? Его служба никогда не вызвала нареканий у генерала, но сейчас он в Томске по высшему распоряжению. И это все чья воля? Чья? Не твоя ли, мой милый всемогущий Анатолий Михайлович?

Загорский, казалось, ничуть не устал. Он даже ни разу не сбился в дыхании во время своей речи, которую так запальчиво произносил сейчас, нанося резкие и частые уколы и несильные рубящие удары. Анатолий уже настолько устал, что не успел уворачиваться от него.

— Assez! Assez, monsieurs! [\[274\]](#) — крикнул откуда-то издалека monsieur Charles, наблюдавший за их боем из дверей.

— Серж, прекрати! — присоединился к его голосу выкрик Арсеньева с тревогой в глазах, заметивший, как растет слепая ярость в Загорском. — Остановись!

Анатолий вскинул саблю и невольно отбил очередной удар. Это движение отдалось чуть ли не во всей руке до самого плеча, пальцы невольно разжались, и оружие выпало из его рук. Он хотел тут же увернуться, но не рассчитал траекторию, запутался в ногах и упал на спину. Загорский тут же остановился, переводя дыхание. Затем двинулся к Анатолию и подал ему руку, помогая ему подняться на ноги.

— Ты можешь обвинять меня во всех моих прегрешениях, и я не буду отрицать их, ибо признаю свою вину в содеянном, — сказал ему Анатолий, принимая помощь. Он злился на себя за поражение и свое нелепое, по его мнению, падению на паркет залы, злился на Загорского, что тот по-прежнему ловок и грациозен, что тот по-прежнему лучше и впереди него во всем, даже в предпочтениях жены Анатолия. — Но она сама стремилась к этому замужеству, сама приблизила дату венчания. Voilà tout [\[275\]](#).

Загорский тут же разжал пальцы и бросил саблю на пол. В следующий миг его пальцы сжались в кулак, и он с силой ударил Анатолия в лицо. Тот не ожидал ничего подобного, посему не смог уклониться от этого удара. За ним последовал следующий удар, от которого рот Анатолия тут же наполнился горячей соленой жидкостью. После третьего удара, разбивающего Воронину нос в кровь, Загорский разжал пальцы и отпустил, почти отшвырнул от себя своего противника, направился к канапе, на котором лежали его вещи, потирая разбитые костяшки пальцев.

Анатолий, не веря в происходящее, дотронулся до своего лица и заметил на них кровь.

— Vous êtes fou! Qu'avez-vous fait avec mon visage? [\[276\]](#) Мне же завтра на службу... Это так... по-мужицки! — крикнул он сбивчиво в спину Загорскому, который уже надевал на плечи мундир.

— Êtes-vous bien [\[277\]](#)? — подошел к нему растерянный Арсеньев, подавая платок утереть с лица кровь.

— Нет, я не в порядке! — зло ответил Анатолий и вырвал из рук друга тряпицу. — Твой друг — fou à lier! [\[278\]](#) Совсем стал мужиком, пока был там!

— Я понимаю твои эмоции, но советую пока ничего не говорить, пока не произнесено лишнее, — Арсеньев с участием взглянул на Анатолия, вытирающего аккуратно лицо. — Тебе не следовало provoquer [\[279\]](#) Сержа. Только не сейчас.

Он посмотрел в спину Загорскому, выходящему из студии в этот момент, и вздохнул. Господи, дай им всем мудрость и терпение, чтобы с достоинством, присущим их рангу и положению, выйти из всей этой ситуации!

— Иди же за ним, — кивнул в сторону двери Анатолий. — Сам понимаешь, сегодня я к monsieur Talon не ходок. Все, что мне сейчас нужно — бутылка вина да лед к лицу. Иди же!

— Нам всем нужно время, — сказал Арсеньев уже на пороге. — Я уверен, что со временем все забудется, все эмоции улягутся. А пока, быть может, вам не стоит пока пересекаться с Сержем.

Арсеньев нашел Сергея уже в карете, где тот сидел, задумчиво глядя в окно на проходящих мимо прохожих и проезжающие экипажи, потирая свои длинные пальцы друг о друга. Павел уселся рядом с ним и стукнул тростью в потолок кареты, подавая сигнал, чтобы

кучер трогал к ресторации.

— Ужасно, — покачал головой после недолгого молчания Арсеньев.

— Ты о чем речь ведешь? — спросил Загорский, не поворачивая головы от окна, в котором мелькнуло личико хорошенькой горничной, спешащей по делам госпожи. Она улыбнулась призывно привлекательному мужчине в карете, и Сергей подмигнул ей. Интересно, также бы она улыбалась, если бы видела правую сторону его лица?

— Обо всей этой ситуасьон. Так все... неприятно. Зачем ты бил его?

— Не сдержался, — усмехнулся Загорский. — Даже не буду говорить, что это было мне не по душе. Видимо, Анатоль прав — эти годы на Кавказе сделали меня диким.

— Что ты намерен делать? — спросил, предпочтя проигнорировать его последнюю реплику, Арсеньев. Загорский отвернул свой взгляд от окна кареты и улыбнулся другу.

— Для начала хорошо поужинать, — карета меж тем остановилась, и Арсеньев понял, что они прибыли. — А затем — *qui vivra verra* [\[280\]](#).

В ресторации их появление было вызвано любопытными взглядами, приветственными восклицаниями. Пока они шли к своему кабинету вслед мажордомом ресторации, Загорскому пришлось остановиться чуть ли не у каждого стола, выслушать не одну речь, полную радостных пожеланий и заверений. Все хотели убедиться, что неожиданно воскресший из мертвых внук старого князя Загорского по-прежнему в здравом уме и теле, несмотря на все те сплетни, что принялись ходить по Петербургу при известии о его возвращении.

Наконец друзья остались одни в тишине кабинета, открыли бутылку вина.

— Ты снова в центре внимания, — улыбнулся Арсеньев, разливая вино по бокалам. Они отпустили прочь официанта, не желая иметь посторонние уши в комнате. — Как раньше.

— Представляю, как сегодня будут со вкусом переносить из гостиной в гостиную, из салона в салон, что князь Загорский — *monstre* [\[281\]](#)отныне.

— Прекрати, ты словно девица, ожидающая комплиментов от своего кавалера, — отмахнулся от него Арсеньев. — Да, согласен, ты не выглядишь теперь, как ранее, но ты все так же пригож лицом. Этот небольшой *défaut* [\[282\]](#)ничуть не портит тебя, а наоборот — придает тебе мужественности. Вот увидишь, теперь девицы снова будут от тебя без ума, но теперь уже вдвойне.

— *Pour la beauté* [\[283\]](#), — поднял бокал Загорский и вдруг побледнел под воздействием вихря картинок из прошлого, что пронеслись перед глазами в этот миг. Ведь одно только упоминание о красоте вызывало в его голове лишь один женский облик.

Арсеньев не мог не заметить этого, но ничего не сказал, только плотнул ароматного вина из бокала. Только когда принесли закуски — великолепный страсбургский пирог, ветчину и сыр с мягкими булками, продолжил беседу:

— Ты сегодня был во дворце. Что решили с тобой?

— Перевод в Преображенский полк, повышение в звании и еще одна именная сабля с золотыми ножнами. Теперь уже с надписью «За мужество», — ответил Загорский, приступая к закускам. Он выглядел таким спокойным при этих словах, что Арсеньев поразился.

— Ты так говоришь, словно каждый день император вручает тебе именную саблю!

— Ты же знаешь, мне не нужны награды сейчас. Я бы все сам отдал бы, лишь бы прошлых трех лет не было в моей жизни. Но это, увы, невозможно.

Друзья помолчали, а затем Павел спросил:

— Ты остаешься в Петербурге?

— Не знаю, — пожал плечами Сергей. — Пока я в бессрочном отпуске для поправления здоровья. Быть может, уеду в деревню, а может, и останусь в столице. Что толку в переездах? От себя не убежать, куда бы я не двинулся.

— Я не знаю, как тебе сказать об этом, — замялся вначале Арсеньев, но, тем не менее, продолжил. — Я обещал своей жене, что обязательно передам эту просьбу. К ней писала Марина. Она хочет увидеть тебя, поговорить с тобой. Ты можешь поехать со мной завтра в Киреевку. Она заедет к нам в имение по пути в Петербург.

Загорский ничего не ответил, лишь откинулся назад и прикрыл глаза. Увидеть ее. И не так, в свете, при большом скоплении людей, которые зная, как он преследовал ее до своего отъезда на Кавказ, будут следить за их встречей во все глаза. Наедине, только он и она. И он сможет задать свой главный вопрос, который мучает его со дня его возвращения. Какой соблазн!

— Вам необходимо встретиться, чтобы определиться, как вам поступить далее. Она по-прежнему твоя жена, и этого никому не отнять. Я думаю, и у тебя к ней есть вопросы. Например, как ей голову пришло осуществить эту аферу с приходской книгой, — напомнил Арсеньев.

— Ты прав, мне нужно увидеть ее, — решил Загорский. — Но ты ошибаешься — это дело с записями не ее рук.

— Я же тебе говорил, дьяк хорошо запомнил некоторые детали ее внешности: молодая, невысокого роста, светлые волосы. Кому еще быть, как не ей? — раздраженно возразил ему Арсеньев. — Я понимаю, твое нежелание поверить в это. Но факты, мой дорогой друг, *les faits sont tenaces* [\[284\]](#).

— Ты не прав, мой друг, — в тон ему ответил Загорский. — Да, она вполне могла бы совершить эту аферу, как ты выразился, и разыграть перед вами сей спектакль с заламыванием рук, строя из себя невинную жертву. Но подумай сам — зачем Анатолию убирать свидетелей венчания подальше от Петербурга, зачем утаивать от нее правду? Так что ты не прав, Paul, это не она.

Уже у дома Арсеньева, когда карета развозила друзей после совместного ужина в ресторации, Загорский медленно проговорил, прощаясь с Арсеньевым:

— Я поеду с тобой в Киреевку. Ты выезжаешь завтра?

— Да, поутру, — кивнул тот, и Загорский поморщился:

— Давай перенесем отъезд на послеполуденный час. Боюсь, что не смогу так рано присоединиться к тебе в твоём путешествии.

— Ты сейчас...? — Арсеньев не договорил, но оба друга знали, что он хочет спросить — едет ли сейчас Загорский к m-m Delice.

— Хочешь составить мне компанию? — приподнял правый уголок рта в ухмылке Загорский. Арсеньев улыбнулся ему в ответ и покачал головой.

— Ты же знаешь, я давно уже пас в таких забавах. Мне больше по душе тихое семейное счастье.

Да, думал Загорский, когда карета отъезжала со двора особняка Арсеньевых. Я прекрасно понимаю тебя. Я бы тоже сейчас с удовольствием предпочел бы тихие семейные радости дому m-m Delice. Но злая рука Провидения лишила меня этой возможности, украла мое счастье, и теперь мне не остается ничего иного...

Едва Загорский переступил порог комнаты, куда проводил его высокий и крепкий

дворецкий, как к нему навстречу шагнула женская фигура в ярком платье цвета бордо.

— O, c'est vraiment vous! J'étais tellement heureux de recevoir votre lettre, — сказала ему m-m Delice. Она сложила веер и провела им по правой щеке Загорского. — Keepsake de montagnardes sauvage? [\[285\]](#)

Загорский увернулся от ее веера, отвел руку немного раздраженно.

— Tout est prêt, j'espère? [\[286\]](#) — проговорил он медленно. M-m Delice медленно кивнула в ответ, а затем сказала:

— Oui, bien sûr. Seulement, il m'a coûté très cher [\[287\]](#).

— Vous savez, je paye à compte entièrement [\[288\]](#), — ответил ей Загорский, и та кивнула дворецкому, что тотчас возник за его спиной и попросил следовать за ним. Сергей поклонился хозяйке дома и пошел вслед слуге, который направился наверх, на второй этаж, где располагались многочисленные спальни. По пути он уловил звуки музыки, женский и мужской смех, звон бокалов, но не стал задерживаться. Он не хотел сейчас никакой компании, даже игра в карты или кости не привлекала его нынче. Только спокойствие и уединенность.

Дворецкий остановился у одной из дверей и открыл ее. Сергей раздвинул портьеры и прошел в спальню. Там, у окна на небольшой кушетке полулежала молодая светловолосая девушка. Она с тоской смотрела в окно на проезжающие мимо дома экипажи. При виде Сергея она поднялась со своего места и присела в неглубоком книксене.

— Bonsoir, prince [\[289\]](#), — произнесла она, но он прервал ее, подняв руку.

— По-русски, прошу тебя, — произнес он и направился к ней. Он обхватил пальцами ее подбородок и поднял его верх, заставляя ее взглянуть в глаза. — У тебя не зеленые глаза.

— Нет, — покачала головой девушка. Он отпустил ее и отошел к небольшому столику на низких ножках, на котором стояло странное, по мнению девушки, приспособление — длинной трубкой, заканчивающейся серебристым чубуком. Загорский тем временем проделал какие-то странные манипуляции с ним, потом сунул чубук в рот и стал вдыхать в себя. В сосудах меж тем что-то странно забулькало.

— Что это? — подошла поближе к нему девушка, движимая любопытством.

— Наргиле [\[290\]](#), — коротко ответил Загорский и выпустил в воздух струю дыма, вынув чубук изо рта. Он почувствовал, как с каждым вдыханием ароматного дыма, его тело становится таким легким, таким воздушным, слегка закружилась голова. Он опустился на пол рядом со столиком и откинулся спиной на кровать, что стояла позади него.

— Что ты хочешь, чтобы я сделала? — откуда-то издалека донесся до него голос девушки.

— А что ты хочешь сделать? — ответил он вопросом на вопрос.

Она присела на его вытянутые ноги и стала медленно расстегивать пуговицы на его мундире. Потом скинула его с плеч и просунула ладони под его рубашку, нежно лаская пальцами его кожу. От этого простого движения у Загорского побежали мурашки по спине, и он притянул девушку к себе поближе. Она подняла на него глаза, и он заметил, что они поменяли свой цвет — стали серо-зелеными, становясь изумруднее с каждым мгновением, что он проводил ладонями по ее спине и ягодицам.

Сергей отвел с ее лица широкую прядь волос, закрывавшую его почти полностью от обзора, и невольно втянул в себя воздух со свистом. Ее лицо. Она снова была здесь, рядом с ним. Только в этот раз все было реальнее — кожа под его руками была горячая, губы

мягкими и такими сладкими.

— Ты такой красивый, — прошептала Марина и провела аккуратно пальцами по его правой щеке. Он перехватил руку и сжал их, наверное, переоценив свои силы, так как она поморщилась от боли.

— Прости меня, я не хотел сделать тебе больно, — он поднес ее пальцы к губам и поцеловал их один за другим. — Разве ты не видишь, как я ужасен?

— Нет, — покачала она головой. — Это неправда, ты вовсе не ужасен.

Веки Загорского внезапно стали такими тяжелыми, что он не смог удержаться и закрыл их. Потом резко распахнул глаза в страхе, что Марина исчезнет сейчас, как исчезала всегда, едва он смыкал веки.

— Ты устал? — спросила она слегка разочарованно.

— Это все аш [\[291\]](#). Не надо было добавлять бренди, а делать наргиле на воде, — прошептал он, изо всех сил борясь со сном. — Я не буду спать... не буду.

— Лучше поспи, — мягко проговорила она, в мгновение ока оказываясь в другом месте. Он даже не успел удивиться, как она так быстро переместилась. Теперь она сидела рядом с ним, положив его голову себе на грудь, перебирая пряди его волос. — Отдыхай, князь...

— Ты уйдешь, — возразил он ей, качая головой. Он не хотел спать сейчас, но глаза закрывались помимо его воли. — Ты уйдешь от меня.

И тогда она прошептала ему в ухо, легко касаясь губами:

— Нет, я останусь с тобой. Я не уйду, пока ты сам не прогонишь меня...

— Как я могу прогнать тебя? — приподнял он в усмешке уголок рта, проваливаясь в глубины сна. Маленькая капелька скатилась из уголка его глаза и упала на ворс ковра. — Разве могу?

И этой муки нет сильней — конца любви, надежд, желаний...

Они прибыли в имение Арсеньевых уже под вечер, когда на землю опустились сумерки, а на темном небе появилась красавица-луна. Такая задержка произошла по вине Загорского — после вчерашнего вечера предстоящее путешествие было мукой для него: сильно болела голова, мучила жажда, мутило. По пути им приходилось останавливаться, чтобы Сергей мог выйти на свежий воздух из душной кареты, пройтись по талому снегу. Он не знал, связано ли его состояние со вчерашним вечером или с волнением, что каждый раз охватывало его, стоило ему подумать о том, что завтра будет все кончено. Завтра он увидит Марину...

— Бурная ночь? — только один раз за все время их путешествия поинтересовался Арсеньев, приподнимая бровь. И более ничего, за что Сергей был ему благодарен. Ему не хотелось сейчас вести какие-либо разговоры, даже на отвлеченные темы.

По приезду в Киреевку их встретили прямо на крыльце усадебного дома. Жюли не могла дожждаться, когда ее муж наконец-то вернется из Петербурга после недельного отсутствия, и потому выскочила прямо из дверей, как только Арсеньев вышел из кареты. Кинулась ему на шею на глазах у дворни, ничуть не смущаясь, а тот, смеясь, поцеловал ее сначала в губы, а потом в лоб, как того требовали приличия.

— У нас гости, родная, — скосил Павел глаза на Сергея, стоявшего чуть поодаль. Жюли заметила его и тотчас вспыхнула, как маков цвет, осознавая, что выставила себя сейчас совсем не дворянкой перед этим человеком. Тем паче, он стоял, насупившись, опутив подбородок в поднятый ворот шинели.

— Здравствуйте, Юлия Алексеевна, — тихо проговорил он и приложился к ее дрожащей руке. Она взглянула на него смущенно и с явным состраданием в глазах. Что ж, имела на это полное право! Его нынешнее положение не пожелать и врагу.

— Bonsoir, Сергей Кириллович, — ответила она, отводя глаза от его лица, словно ей было не по себе глядеть на него. И это ему было понятно — первое время Сергей сам не мог вообще смотреть на себя в зеркало. — Пройдемте в дом, отчего стоять на ветру?

В доме их встретила няня с маленьким мальчиком, который едва стоял на ногах, держась за ее ладонь. Кареглазый, с пышной каштановой шевелюрой, он был так похож на Жюли, что сомнений не возникало совсем, чей ребенок стоял перед ними. Неловко передвигая своими пухлыми ножками, мальчик двинулся по направлению к Арсеньеву, что лепеча и таща за собой няньку. Павел улыбнулся и подхватил на руки своего сына, прижимаясь лбом к его маленькому носу.

Загорский, стоявший в дверях, не мог не видеть этой семейной идиллии: отец с ребенком на руках, супруга и хозяйка дома, краем глаза посматривая за мужем и сыном, отдает распоряжения насчет ужина, нянька, дородная крепкая женщина, скрестив руки на груди, наблюдает за игрой барина с барчуком. Эта картина заставила его осознать, что было потеряно им за эти годы. Быть может, не стоило ему быть столь аккуратным тогда, в первые дни после венчания? Быть может, если бы у них с Мариной был общий ребенок, она относилась положенный ее статусу траур, а не вышла бы замуж так стремительно за другого? Ведь ничто не скрепляет брак так сильно, как дитя.

Сергей чувствовал себя лишним здесь, в Киреевке. Нет, разумеется, и Павел, и его супруга были столь внимательны и предупредительны к нему, как, верно, ни к какому другому гостю. Но их взгляды, их жесты и особые, условные слова, понятные только им одним, заставили Загорского, как никогда почувствовать свое одиночество. Он невольно нарушил своим присутствием их маленький семейный мирок, и оттого ему было не по себе.

— О, нет-нет, — поспешил Загорский отказаться от бренди и сигары в кабинете Арсеньева после ужина. Он прекрасно понимал, что после недельной разлуки самым заветным желанием друга было сейчас уединиться в своей спальне с женой. — Я так устал сегодня, что единственное мое желание — это пойти к себе.

— Если ты так говоришь исключительно из вежливости.., — начал было Павел, но Сергей перебил его.

— Мой друг, ты прекрасно знаешь, что я мало спал прошлой ночью. Потому я ничуть не лукавлю, когда говорю, что даже превосходнейшему бренди и отличной сигаре я предпочел бы гостевую комнату.

Сергей заметил краем глаза, как волнуется Жюли, словно ей хочется переговорить с ним, и он прекрасно знал, какова будет тема их разговора. И также знал, что вовсе не горит желанием вести этот разговор сегодня вечером. Его нервы были так взбудоражены, что еще несколько минут, и он начнет барабанить пальцами по столу, нарушая правила приличия.

Наконец, пожелав друг другу покойной ночи, Арсеньевы и Сергей разошлись по своим комнатам. Загорский честно попытался уснуть, он даже лег в постель и попытался закрыть глаза. Но снова и снова в его мозгу возникала одна и та же мысль, гнавшая его прочь из постели в темноту ночи. Спустя некоторое время, когда единственная свеча, освещавшая гостевую комнату, сгорела наполовину, Сергей перестал бороться с собой, накинул на плечи мундир и вышел из спальни, аккуратно ступая по половицам, стараясь не пробудить ото сна дом. Он вышел в сад, вдохнул полной грудью холодный весенний воздух. Затем решительно направился в сторону флигеля, который едва виднелся в лунном свете сквозь черные силуэты деревьев.

Сергей даже не думал о том, что дом может быть заперт на зиму, ведь он был неотапливаемый, холодный для проживания весь год. Его просто туда влекло со страшной силой — снова побывать в том месте, где он был так счастлив. Именно здесь он прятался мысленно, когда сил выдержать тот ужас, что он переживал, будучи в плену, уже не было. Именно сюда влекли его наркотические грезы.

Загорский поднялся на крыльцо флигеля, толкнул дверь и с удивлением обнаружил, что она отперта, словно кто-то свыше угадал его желание побывать здесь. Внутри было совсем пусто — ни мебели, ни гардин и портьер, даже ткани на стенах кое-где не было. Голые доски пола и стен, пыльные стекла окон, сквозь которые легко проникал лунный свет, освещая всю запущенность и бедность вокруг него.

Сергей почувствовал, как у него затряслось все нутро при виде того, во что превратилось это место, где они с Мариной провели те несколько дней вместе после венчания. Он достал сигару, но только потом сообразил, что прикурить ее невозможно, ведь огня под рукой не было. Это последнее его разочарование словно добило его, он опустился на грязный пол, ничуть не заботясь о своем костюме, прислонившись спиной к стене флигеля, едва сдерживаясь, чтобы не завывать во весь голос. Вся его жизнь сейчас походила на этот запущенный флигель — такая же пустая, как и эти комнаты.

Внезапно лунный свет заслонил чей-то силуэт. Сергей поднял голову и увидел

Арсеньева, который тут же опустился на пол рядом с ним и протянул небольшую серебряную фляжку. Загорский глотнул бренди и почувствовал, как долгожданное тепло разливается по телу.

— Я забыл сказать тебе, — проговорил Арсеньев. — Прошлой осенью мы решили снести флигель и на его месте построить новый, каменный, как основной дом. Вот потому-то здесь так пусто...

Загорский ничего не ответил. Он просто прислонился затылком к стене и закрыл глаза, стараясь не думать ни о чем. Особенно о том, что ждало его завтра.

Так друзья и просидели некоторое время бок о бок, глотая поочередно бренди из фляжки, пока та не опустела совсем. Просто сидели и молчали до тех пор, пока не продрогли окончательно и наконец не ушли в дом.

На следующий день, прямо с самого раннего утра, после первого завтрака, Загорский ушел вон из дома, намереваясь воротиться лишь после полудня, когда ожидали графиню Воронину. Он не хотел никого видеть, ни с кем говорить до приезда Марины, так как хотел встретить ее с чистым разумом, без чьего-либо влияния. Он составлял в уме речи, но тут же браковал их, понимая, что они совсем не подходят для того, чтобы сказать ей то, что он желал бы, выразить полностью все его мысли.

К полудню, когда в столовой подавали второй завтрак, Загорский вернулся в дом. Не успели сесть за стол, как прибежал дворовый мальчишка и рассказал, что на дороге появилась карета. Это могло означать только одно — гостя, которую с таким нетерпением ждали в этом доме, наконец прибыла в имение Арсеньевых. Сергею тут же вдруг захотелось курить, просто до дрожи в руках. Он старательно избегал встречаться взглядом с другом или его женой.

— Пожалуй, вам лучше поговорить в диванной, — произнес негромко Арсеньев. Загорский ничего не ответил, опасаясь, что голос может изменить ему сейчас, только поднялся, отложив салфетку в сторону.

— Ecoutez moi, je vous en pris [\[292\]](#), Сергей Кириллович..., — начала было Жюли неожиданно для всех, но Сергей не дал ей договорить, подняв ладонь вверх.

— Прошу вас, Юлия Алексеевна, не стоит. Только не сейчас.

Он едва успел войти в диванную, как услышал шум колес за окном, и с трудом удержался от того, чтобы не выглянуть в окно и не посмотреть на нее. Какая она стала? Прошло почти три года, как он видел ее в последний раз. Может, подурнела после родов? Или наоборот похорошела, ведь материнство придает женщине какую-то особую мягкость, какой-то особый шарм.

Сергей прошелся по комнате, потом подошел к окну и, заложив руки за спину, стал смотреть во двор, словно это было тем единственным сейчас, что его волновало. Но его слух был напряжен, как никогда ранее, он слышал каждый звук в доме. Вот где-то через несколько комнат от него раздалась женские голоса, а затем смолкли, и установилась напряженная тишина, давившая ему на нервы. Он не смог различить голос Марины на таком расстоянии и неожиданно для самого себя огорчился — неужели он забыл его, как немного подзабыл дорогие его сердцу черты?

Внезапно Сергей услышал тихие шаги и шелест юбок, приближающиеся к двери диванной, и замер в напряжении, словно тигр перед прыжком, сжав кулаки. Эти звуки стихли у самой двери, и он понял, что она стоит по ту сторону, не решаясь надавить на ручку и открыть дверь. Ему даже казалось, что он слышит ее взволнованное дыхание по ту сторону

двери. Так и простояли они некоторое время — Сергей не решался пройти несколько шагов и открыть дверь, а Марина не находила в себе достаточно мужества, чтобы повернуть дверную ручку и встретиться с тем, кто занимал ее мысли.

Наконец Сергей услышал, как медленно, с тихим скрипом поворачивается дверная ручка, щелкнул замок в двери, и напрягся в ожидании. Шорох юбок, стук закрывающейся двери. Затем снова тишина. Ему казалось, что в этой тишине он слышит стук их сердец, хотя, разумеется, ему это просто мнилось.

Марина медлила. Он тоже не оборачивался к ней, по-прежнему не отрывая взгляда от пейзажа за окном. Они оба боялись взглянуть друг другу в глаза и прочесть там подтверждение собственным опасениям, ибо это было бы самым страшным разочарованием для обоих. К тому же, Сергей опасался заметить в ее взгляде жалость к нему или еще хуже — отвращение из-за изменений в его внешности.

Наконец они решились и одновременно двинулись навстречу друг другу — она пошла к нему, а он повернулся и взглянул на нее. Тут же замерли, словно пугаясь движений, собственных и своего визави. Он заметил, как глаза Марины пробежали по его телу, потом по лицу. Она заметила шрам на его лице и едва удержалась, чтобы не ахнуть от неожиданности, но смогла скрыть свои эмоции.

Всю его правую щеку от самого глаза до уголка рта пересекал длинный глубокий шрам с рваными краями. Никто не сказал ей, что он так изменился внешне, посему она сейчас была поражена до глубины души. Марина стиснула перед собой руки, чтобы не подойти к нему и не коснуться его кожи. Боже, как ему, верно, было больно! Какая страшная рана! Он просто чудом сохранил глаз.

— Это кошка, — хрипло сказал Сергей, указывая пальцем на правую щеку. — След на всю жизнь. Чтобы я помнил.

Марина вздрогнула — так непривычно было слышать ей его глубокий голос не во сне, а наяву. Она неосознанно вдруг шагнула к нему, протянув руку, словно желая коснуться его, и он не удалился от этого прикосновения, а наоборот шагнул ей навстречу. Она ласково провела ладонью по его правой щеке, аккуратно нащупывая пальцами его шрам. Тепло его кожи словно обжигало кончики ее пальцев, она вдохнула аромат его кожи и почувствовала, как у нее закружилась голова.

— Ты живой, — прошептала Марина с таким надрывом в голосе, что у Загорского замерло сердце. Он резко повернул голову и коснулся губами ее ладони. Она не отняла своей руки, и он накрыл своей ладонью ее кисть, затем взял ее руку и легко притянул ее к себе, другой ладонью нежно стирая слезы, которые одна за другой катились по ее лицу.

— Ш-ш-ш, тихо, не плачь, — шепнул Сергей чуть слышно. От вида ее слез у него просто разрывалось сердце. — Я думал, ты будешь рада. А ты рыдаешь...

Марина, улыбаясь сквозь слезы, уткнулась лицом в его плечо, обхватывая руками его шею, прижимаясь к нему. Ее сердце так бешено стучало в груди, словно хотело выпрыгнуть из ее груди. Если бы она не ощущала под своими ладонями крепкое тело, то решила бы, что ей снова снится сон, настолько происходящее казалось ей нереальным. Она гладила руками широкие плечи, обтянутые тканью мундира, теплую кожу над воротом и мягкие волосы, наслаждаясь каждой минутой, проведенной рядом с ним.

Сергей вдруг отстранил ее, пристально посмотрел в глаза. Потом перевел взгляд на ее губы, тронул их большим пальцем и стал склоняться к ее лицу. Марина поняла, что он хочет ее поцеловать, и сначала сама подалась ему навстречу. Но затем в ее голове вдруг всплыла с

ужасающей ясностью одна мысль, одно единственное воспоминание, приводящее ее в отчаянье, причиняющее ей невыносимую боль.

Она отвернула резко голову, и губы Сергея скользнули по ее щеке, обжигая кожу своим прикосновением. Он не ожидал от нее отстранения, посему Марина легко выскользнула из его рук и отошла от него как можно дальше, сжимая судорожно руки. Вот Сергей держал в руках ее тонкий стан, а вот уже в его объятиях пустота...

— Так нельзя, — с болью в голосе произнесла Марина, отводя взгляд от его лица, на котором она легко прочитала ту муку, что сейчас причиняла ему. — Я знаю, я не всегда помнила о добродетели ранее, но сейчас...

Сергей похолодел, услышав эти слова. О чем она, черт возьми, толкует? Какая добродетель? Но потом вдруг блеснуло кольцо на ее правой руке, когда она поднесла руку с зажатым в ладони платком к губам, и он понял, что она пыталась ему сказать, а затем вспомнил о жестокой реальности. Чужая супруга. Она теперь не принадлежала самой себе. И не принадлежала ему.

Он отвел глаза в сторону, сжал кулаки, чтобы не показать свое состояние сейчас, ибо его вдруг затрясло, словно в ознобе.

— Ясно, — произнес Сергей в никуда, конкретно никому не обращаясь. — Значит, вот так.

— Вот так, — подтвердила Марина, кивая головой. — Я не хотела тебя ни упрекать, ни словом не обмолвиться о том, что было, но... Боже! Если бы ты тогда поступил согласно совести...

— Молчи! — прошипел он хрипло, еле сдерживая себя в этот момент. — Ни слова более, ибо, клянусь Богом, я ударю тебя!

То, как она вздрогнула при его словах, как отшатнулась от него, ее испуг, мелькнувший в больших глазах, причинило ему нестерпимую боль. Неужели она действительно полагает, что он способен на это? Даже если Марина будет убивать его, он не сможет ничего сделать ей в ответ, спокойно подставляя свою голову, без единого намека на защиту.

Сергей попытался обуздать собственные эмоции, чтобы не напугать ее более. Он ясно представлял, как мог напугать ее его рык и нынешний внешний вид. Словно бандит с большой дороги, усмехнулся он с горечью.

— Своими нелепыми подозрениями ты оскорбляешь меня, — как можно тише проговорил Сергей. — Но ты ведь и ранее делала это, ведь так? И я неоднократно говорил тебе, что будь ты женщиной, я давно бы прикончил тебя за подобные слова, оскорбляющие мои честь и достоинство. И как ты могла поверить, что я способен обмануть тебя? Так жестоко и грязно поступить? Ты, твердившая мне о своей любви, клявшаяся у алтаря почитать меня.

Тут на него вдруг нахлынули жестокие строчки из дневника Натали, обличающие ее неверность, ее обман, ее лицемерие. Он не хотел в них верить сейчас, когда она стояла перед ним и плакала, когда ее глаза так доверчиво смотрели на него.

— Никакого coquetterie ^[293] с Анатодем, — произнес Сергей свои собственные слова, сказанные им когда-то, упиваясь той болью и сожалением, что сейчас отражались в ее глазах. — Ты и не стала, верно? Как преданная жена, ты честно не стала флиртовать с ним. Ты просто вышла за него замуж!

Он вдруг так резко сорвался с места, что она даже не успела ничего сделать, схватил ее за плечи, больно сжимая их пальцами.

— Почему? — потребовал Сергей от нее ответа, глядя в ее глаза. Он знал, что она никогда не умела лгать, по крайней мере, ему. Он всегда легко читал по ее лицу все те эмоции и чувства, что Марина испытывала в тот или иной момент. Она всегда была словно открытая книга для него. Вот и сейчас он пытался найти ответ именно в ее глазах, ведь они никогда не лгали ему, в отличие от их обладательницы.

— Почему ты сделала это? Скажи же. Я попытаюсь понять. Твоя тетушка была смертельно больна, в таких случаях мало кто играет свадьбу, — Марина попыталась было отвести взгляд, настолько ей было мучительно больно смотреть в его глаза, в которых сейчас плескались непонимание и странная смесь надежды и боли. Но он не дал ей сделать это, обхватил ладонью ее затылок, снова развернул к себе. — Что могло тебя толкнуть на этот шаг? Что это было, что ты сама назначила венчание на более ранний срок?

В глазах Марины промелькнула вина, и ему вдруг стало трудно дышать. Анатолий не солгал ему, как он надеялся, до последней минуты веря, что Марина сама не могла так спешно согласиться на это венчание, что родители заставили ее сделать это, стараясь не упустить выгодную партию.

— Это сделала ты, — прошептал он. — Но почему? Почему? Или...? — мелькнуло в его голове нелепое предположение, но он тут же отверг его — до того странным и неправдоподобным оно ему показалось. — Скажи же мне. Назови любую причину, чтобы я не думал, что я ошибался в тебе. Любую, и я поверю тебе.

— Не могу, — почти простонала Марина, связанная клятвой на образах по рукам и ногам, едва не рыдая во весь голос. — Я не могу. Я не могу тебя обмануть, как бы ни желала облегчить твои муки. Прости меня.

Он понял по ее глазам, что она говорит сейчас ему чистую правду, и его сердце словно остановилось. Он не хотел верить тому очевидному, той ясной картине, что вырисовывалась. Даже Жюли не могла найти оправдания этому поступку Марины, как ему признался в разговоре Арсеньев, а уж та-то знала Марину, как никто другой.

Все очень просто — ради своего благополучия и благополучия своей семьи она пошла под венец с другим. С тем, кто мог обеспечить ей ту жизнь, которой она была достойна. Сергей не обвинял ее в этом. Разве мог? Она всегда была честна с ним по этому поводу. Разве не она сама сказала ему когда-то давно, что ее главная задача, как дочери, выполнить свой долг по отношению к семье? Разве вправе он осуждать ее, когда это происходит сплошь и рядом?

К чему сейчас мучить их обоих? К чему было вообще выяснять причины, которые толкнули ее на брак с Анатолием? Зачем было беречь старые затянувшиеся раны? Что случилось, то случилось. Никто не в силах поменять прошлого.

Сергей прислонился подбородком к ее лбу, нежно поглаживая ее плечи, стараясь успокоить ее слезы. Он прекрасно понимал сейчас ее состояние — похоронить его, наладить собственную жизнь, а после обнаружить, что эта идиллия, которую она так тщательно выстраивала, может разрушиться в любой момент, как рухнет картонный домик, когда из него убирают одну единственную карту.

— Ты любишь его? — тихо спросил он, зная, что утвердительный ответ разорвет ему сердце.

— Он хороший человек, — прошептала она. — Хороший отец.

Сергей вдруг вспомнил, что у Марины есть дочь. Кажется, ему говорил об этом дед. Или это был Арсеньев? Ее жизнь устроена и налажена, у нее семья в полном смысле этого слова.

Разве вправе он ломать то, сложилось?

— Что будет дальше? — вдруг шепотом спросила Марина. — Что нам теперь делать?

— Я сам решу этот вопрос, — ответил ей Сергей, вдыхая аромат, идущий от ее волос. Чубушник, кажется. Этот запах словно перенес его в те дни, когда они были рядом и были так счастливы. Теперь все, что ему осталось — только эти воспоминания, которые все равно померкнули со временем.

Он в последний раз провел рукой по ее волосам, потом по лицу, легко касаясь ее нежной кожи кончиками пальцев, словно слепой, трогая ее нос, губы, щеки. Она была так красива, даже сейчас с покрасневшими от слез глазами, что у него захватывало дух.

— Иди, моя милая, — прошептал Загорский, стирая кончиком большого пальца слезу, упавшую с ее ресниц и покотившуюся по щеке.

— Но я хотела тебе сказать..., — начала Марина, но он прервал ее, положив ладонь на ее рот. Он не хотел сейчас ничего слушать. К чему ему сейчас слова, обещания, клятвы и заверения?

— Уезжай, — повторил Загорский с мукой в голосе. — Я прошу тебя — уезжай! Уезжай сейчас же!

Марина подняла руку, желая коснуться его, но Сергей перехватил ее ладонь. Если она сейчас коснется его, то он не сможет отпустить ее от себя, наплюет на все правила приличия, на возможные скандал и пересуды.

Затем с величайшим трудом Загорский заставил себя отпустить ее руки, отвернуться от нее и отойти к окну. Марина долгое время стояла, не шевелясь, просто смотрела в его спину и молча плакала, и его решимость начала таять с каждой минутой. Разве можно вырвать из груди сердце? Разве можно жить без него? Когда Сергей уж было решился повернуться к ней, остановить, удержать рядом с собой любой ценой, раздался шелест юбок, затем стукнула дверь, и этот стук показался Сергею стуком крышки гроба об основание, в котором сейчас были похоронены его надежды, его желания.

Она ушла. Как он и хотел. Как и должна была. Но почему так болит сердце в груди?

— Последнее прощанье с ней, — прошептал он едва слышно. — Нежнейшее из всех прощаний [\[294\]](#).

В тот вечер Сергей и Арсеньев не ушли в свои половины сразу после ужина, как вчера. Единственным желанием Загорского было забыться в вине, и Павел, понимая это, приказал подать в кабинет несколько бутылок бренди и закуски. Он понимал, как сейчас тяжело его другу, но разве мог он что-то изменить? Только подставить свое плечо, не оставить его одного в этот час.

— Разве ты мог иначе? — уже захмелев, доказывал Павел другу. — Не было иного выхода, совсем. Все так... так странно, так запутанно.

Загорский ничего не отвечал ему, с усмешкой в уголке рта наблюдая за пьяным другом. Его же в этот вечер алкоголь совсем не хмелел, словно его боль, свернувшаяся где-то в глубине груди, не давала ему забыться. Он аккуратно поглаживал папку, которую ему передал Арсеньев спустя время после разговора с Мариной. Эту небольшую папку нашли при выносе мебели из флигеля. Сергею даже не надо было открывать ее, чтобы узнать, что внутри, он и так знал это. Его собственные рисунки, где единственной моделью была она.

Через некоторое время, когда Арсеньев под воздействием выпитого заснул прямо в кресле, нелепо откинув голову назад и приоткрыв рот, Загорский накинул на плечи мундир и, взяв в одну руку папку, а в другую бутылку с бренди, вышел прочь из дома. Луна заботливо

освещала ему путь, но даже без ее помощи он нашел бы дорогу сюда, к этому пустому флигелю с темными глазницами окон. Сергей бросил папку наземь и направился в дом, легко толкнув плечом приоткрытую дверь.

Так было странно сейчас стоять здесь, в этой темной и пустой комнате, которая недавно была полна счастья и любви! Он закрыл глаза и воскресил в памяти всю обстановку в комнате и ту, что разделила с ним те дни здесь. Он словно наяву услышал ее счастливый смех, ее голос, ее ладони коснулись его лица.

«.... — Я пойду наперекор всему миру, лишь бы быть рядом с тобой. Лишь бы ты любил меня...», донеслось до Сергея из того времени, которое уже никогда вернуть. Пусть будет счастлива, подумалось ему, пусть только она будет счастлива. Впервые он готов был жертвовать собой, своими желаниями ради другого человека, несмотря на то, что это разрывало его душу на куски.

Сергей вдруг наклонил бутылку, разливая бренди на пол, потом двинулся по всем комнатам, оставляя за собой алкогольную дорожку. Потом присел на корточки и, отставив в сторону пустую бутылку, ударил кресалом, выбивая искры. Бренди моментально вспыхнул ярким огнем, что быстро побежал по комнатам по оставленному Сергеем следу. Затем он стал постепенно распространяться, словно радуясь предоставленной ему свободе, перекидываясь на доски пола и стен, пожирая остатки портьер на дверях в спальню, остатки штофной материи на стенах. Загорский довольно рассмеялся, видя, как огонь начал медленно захватывать все больше и больше территории, обжигая его кожу жаром. Пусть все горит! Пусть превратиться в пепел, в прах, как умерла его любовь, его история...!

Жюли проснулась в середине ночи, словно от толчка. Она хотела было перевернуться на другой бок, но замерла, вдруг заметив, как светло в комнате. Она рывком села в постели и взглянула в окно, а заметив яркое зарево в саду, мигом скатилась с кровати и, накинув шаль и домашние туфли, поспешила выйти из дома.

Боже! Пожар! Пожар, крутилось у нее в голове, и она побежала на огонь, заметив вдалеке многочисленные силуэты людей на фоне огня. Она заметила, что горит флигель, но почему-то никто не делает ни малейшей попытки погасить огонь. Это привело ее в недоумение и вызвало злость на Павла — где он сейчас, пришел ли в себя. Ведь без хозяина почему-то даже с пожаром дворовые не могут справиться.

Не успела Юленька подумать так, как со всего маху налетела на широкую спину мужа. Тот поддержал ее и уберег от падения.

— Что ты здесь делаешь? — удивился он. Юленька откинула со лба волосы и раздраженно спросила его:

— А что делаешь тут ты? И почему все они, — она обвела рукой дворню, стоявшую в отдалении и не делающую ни малейшей попытки погасить пожар. — Почему они ничего не делают? Отчего загорелось? Не ваша ли выходка, мой супруг? — добавила она едко. Он покачал головой и отступил в сторону, открывая ее взгляду широкоплечую фигуру, что отчетливо была видна на фоне ярко пылающего огня.

— О Боже! — прошептала она, прижав руку ко рту. Арсеньев же потянул ее назад за руку, проговорив:

— Не стоит его корить, прошу тебя, не сейчас. Мы все равно хотели разрушить флигель и поставить новый. Дворовые не дадут огню перекинуться на другие постройки, я расставил их вокруг огня.

Жюли покачала головой. Ее глаза были прикованы к Загорскому, что стоял чуть ли не в

огне. Со своего места она отчетливо видела, как он достает из папки рисунок, долго смотрит на него, словно вбирая по крупницам в свою память мельчайшую деталь из нарисованного, а потом кидает бумагу в огонь на растерзание тому. Иногда он проводил по рисунку пальцами, будто гладил ласково. Но было неизменно одно — один за другим многочисленные рисунки из папки отправлялись прямо в огонь, пожирающий их.

Юленька заметила слезы на лице Загорского и вдруг зачем-то, сама не зная отчего, метнулась к нему. Арсеньев же вцепился в ее руку и удержал ее.

— Не надо, дорогая, не ходи к нему сейчас, — Павел взял ее за руки и прижал к себе. — Не стоит его сейчас трогать. Я даже не уверен, что он сейчас осознает, что не один тут.

Жюли уткнулась лицом в рубашку мужа, скрывая собственные слезы, а тот гладил ее по голове. Им обоим было до слез жаль человека, который сейчас так безжалостно уничтожал все, что связывало его с далеким прошлым, в котором он был так счастлив.

Павел видел, как тяжело сейчас его другу, и с горечью понимал, что не в силах ему помочь ничем. Как и тогда, когда Загорский узнал о смерти своих родных. Только теперь было все гораздо хуже. Потерянное будет вечно у того перед глазами, и не в воспоминаниях, а наяву. Как при этом могут затянуться эти страшные раны?

Так Арсеньевы и стояли, наблюдая за огнем и мужчиной, уничтожающим рисунки, созданными его рукой. Затем, когда папка опустела, Загорский бросил и ее в огонь, а после развернулся и направился к дому, мимо них, даже не поворачивая к ним головы, словно ничего не видя рядом с собой. И Павел поразился пустоте, которую заметил в глазах друга, и ужаснулся ей. Нет, решил он, сейчас будет все гораздо страшнее, чем тогда.

— Господи, дай рабу Твоему Сергею сил забыть, дай ему сил пережить все это, — прошептал Арсеньев, а его жена повторила вслед за ним молитву, только меняя в ней мужское имя на женское, ибо и той, что была упомянута в ее мольбе, нужна была сейчас помощь свыше.

Марина проплакала все время, что была в пути из Киреевки в Петербург. Слезы катились и катились из ее глаз, и она все никак не могла успокоиться. В памяти то и дело возникала одинокая фигура на фоне окна. Как были широко развернуты плечи, стремясь показать, что их хозяин спокоен и хладнокровен в этот момент... Но даже со своего места она видела, как бешено бьется венка у него на виске, как слегка трясутся сжатые за спиной ладони.

Марина приложила платок к губам, чтобы заглушить горестный вскрик, который чуть было не сорвался с ее губ. За что, Господи? За что такое горе — жить розно с любимым человеком, которому она должна была принадлежать и телом, и духом, но которого отныне она не имеет права даже коснуться.

Она была благодарна Сергею за то, что не произнес ни единого упрека в ее адрес, не попенял ей, что она не обратилась к его деду сразу же, как получила страшное известие. Она бы просто не вынесла этих горьких правдивых слов, сказанных прямо в лицо.

Она сама виновата во всем. Ей действительно надо было пойти к старому князю, а не спешить так отчаянно под венец с Ворониным. Ведь у нее сохранились письма Сергея, в которых он признает ее своей супругой, вспоминает о дне их венчания. Чем не доказательства ее слов? Сейчас бы Марина тогда жила бы в Загорском, растила бы ребенка Сергея, встретила бы его, как жена, по возвращении. Как бы счастливы они были бы сейчас...

«...Будет у тебя два мужа, дорогая...», сказала тогда старая цыганка и не ошиблась. Ведь Марина действительно была сейчас замужем за обоими. От этой мысли у нее кругом пошла голова. Как все запуталось в клубок! Можно ли выйти из этой ситуации, не поправ ничьей репутации, избежав скандала? «Я сам решу этот вопрос», вспомнила она слова Загорского. Она так ничего не смогла спросить у него, так и не поговорила с ним, такой растерянной и расстроенной была в тот момент. А так много хотелось ему сказать!

Марина по приезде в столичный дом сразу же прошла к себе и заперлась в своих покоях, не вызвав к себе со временем, как обычно это делала, ключницу и дворецкого. Слуги сначала не придали этому значению, но затем, когда день стал клониться к вечеру, заволновались непривычному поведению барыни. Им было не по себе от доносившихся из-за закрытой двери звуков приглушенных рыданий, ведь графиня редко была расстроена за прошедшие три года, что была хозяйкой в этом доме. Всегда приветливая, всегда улыбчивая. А тут — слезы.

Расспросили кучера и гайдуков. Может, что в деревне случилось? Здорова ли маленькая барышня? Но те лишь качали головами — все в порядке было, когда уезжали, хотя барыня уехала из Завидово уже грустная донельзя.

К ужину вернулся домой Воронин. Его встретили настороженными взглядами, и он сразу же заподозрил неладное. К нему тут же выскочил Федор, словно черт из табакерки, которого встревоженные слуги послали к барину.

— Приехала барыня нынче около трех пополудни, — доверительно прошептал он Анатолю, помогая вместо лакея в передней снять шинель. — Сразу же поднялась в свои покои и заперлась там. Ни с кем не разговаривала, никого не впускает. Обед не взяла, так и остался на подносе около двери. Девушки ходили под дверь слушать, говорят, барыня очень

расстроена.

Анатолий сразу же заподозрил, чем могло быть вызвано подобное расстройство Марины, послал Федора выяснить, не заезжала ли барыня куда по пути сюда, а сам направился к дверям в половины жены. Они были заперты на ключ, и это вдруг наполнило его душу каким-то страхом — впервые за три года их брака Марина заперлась в своей комнате. Если она ездила к Загорскому, то что меж ними произошло? Что они решили? И поведал ли ей тот об обмане Анатолия?

Позади него неслышно появился Федор и шепнул в спину барину только одно слово: «Киреевка». Анатолий вздрогнул — это место у него теперь всегда будет ассоциироваться с крушением его надежд и грез. Он поднял руку и громко застучал в дверь.

— Марина, ангел мой, отворите дверь, je vous en pris ^[295], — проговорил он. За дверью раздался неясный шорох, створки распахнулись, и он увидел жену. Она была растрепанна, лицо покраснело и слегка опухло от слез, портя ее красу. Но не это заставило сердце Анатолия болезненно сжаться, а выражение ее глаз. Она смотрела на него так, словно он был виноват перед ней в чем-то.

Он рассказал ей, мелькнуло в голове Анатолия, и он начал сбивчиво объясняться, не давая ей даже рта раскрыть:

— Я знаю, что ты виделась с ним, презрев мои просьбы. Но я готов простить тебе этот проступок. А что касается того, что он поведал тебе обо мне... Поверь, я скрывал от тебя правду лишь потому, что считал верным то, что ты будешь разочарована в нем, думал, что это поможет мне установить лад меж нами. Только поэтому я сжег его письмо, поэтому удалил свидетелей вашего венчания подальше от столицы. Только ради тебя.

Глаза Марины расширились, в них сначала отразилось недоумение, сменившееся вскоре пониманием его слов и такой лютой злобой, что ему стало не по себе.

— Ты лгал мне! Все это время! — прошипела она, впервые за годы их брака обращаясь к нему на «ты». — Ты позволил мне думать о нем дурно, оболгал его!

— Прошу тебя, выслушай меня, — взмолился Анатолий, понимая, что сам невольно только что разрушил все, что так тщательно выстраивал все эти три года. — Я сделал это только ради тебя!

— Нет, — покачала головой Марина. — Ты сделал это только ради себя.

Прежде, чем он успел что-либо сделать или сказать, она снова захлопнула створки дверей. Прямо перед его лицом. Анатолий сначала негромко постучал и позвал ее по имени, а потом не получив ответа, забарабанил в дверь кулаками.

— Открой дверь, слышишь? Открой немедленно! Ты моя жена, слышишь? Не смей запирается от меня. Прошу тебя давай поговорим. Ты обязана выслушать меня! Ты моя жена!

— Разве? — донеслось из-за двери, и в створки ударились с глухим стуком что-то тяжелое, брошенное, по всей видимости, рукой Марины. — Разве, Анатолий Михайлович?

Спустя некоторое время он понял, что Марина не откроет ему, не даст ему возможность оправдаться. Он сел на пол у двери в спальню, прислонился к ней спиной.

— Я люблю тебя, — просто сказал Анатолий, обращаясь к запертой двери. — Я всегда тебя любил и буду любить. Все, что делал, только ради того, чтобы быть с тобой. Только с тобой я понял, каково это когда твое сердце замирает от счастья. У нас растет дочь, которая любит нас обоих. Подумай об этом.

Она откроет, думал Анатолий. Она непременно откроет. Не сидеть же ей в своей половине вечно, похоронив себя в четырех стенах. Каждый вечер, приезжая со службы, он

справлялся о своей жене и неизменно получал один и тот же ответ: барыня из комнат не выходила, есть отказывалась, возвращая поднос за дверь почти нетронутым. Это начинало его уже сводить с ума, пару раз он серьезно раздумывал приказать выбить двери в ее половину, но после одумывался — ни к чему хорошему бы это вовсе не привело. Анатолий увещевал ее через дверь, умолял выйти и поговорить, но Марина молчала. Он каждый Божий день писал ей письма, в которых молил о прощении и понимании, но она не трогала конверты в щели под дверью, и они так и лежали одиноко на полу, пока он не забирал их и не сжигал. В отчаянье на третий день он послал в деревню, чтобы приехала Агнешка и привезла с собой маленькую Леночку. Ведь если Марина спокойно может игнорировать его, то остаться равнодушной к собственной дочери она не сможет.

Но Марина покинула комнату еще до того, как старая нянька привезла ребенка из Завидово. Это произошло на пятые сутки ее самовольного заточения в своей спальне. Анатолий завтракал в малой столовой, когда в дверях раздался шорох юбок, и в комнату ступила она, высоко неся голову.

— Доброе утро, — поздоровалась она с ним, будто ни в чем не бывало, и подала знак лакею за своей спиной, чтобы ее обслужили. Анатолий откинулся на спинку стула и посмотрел на ее спокойное умиротворенное лицо, раздумывая, как ему следует сейчас поступить, что сказать в этой ситуации.

Марина же тоже взглянула на него. Она не улыбалась, ее глаза были холодны, и это больно укололо его.

— Доброе утро, мой ангел, — произнес Анатолий медленно, и она вздрогнула. — Надеюсь, что твоя хандра закончилась, моя дорогая? За окном такая чудесная погода, весеннее яркое солнышко. Тебе непременно следует сегодня выехать на прогулку, — она ничего не ответила, лишь пожала плечами. Анатолий продолжил смелее, уже не боясь, что она в любой момент может опять скрыться в своей комнате. — Я послал два дня назад гонца в деревню. Скоро нам привезут дочь. Я решил, что негоже ей уже быть далеко от родителей. Пусть будет с нами здесь, в Петербурге. У меня к тебе в связи с этим большая просьба — завтра к нам придут по рекомендации несколько претенденток на должность бонны для Леночка. Посмотри их, пожалуйста, и выбери ту, что по душе придется.

— А что Гнеша? — спросила Марина.

— Твоя няня уже не так молода, чтобы ходить за ребенком, — ответил Анатолий, пожимая плечами. — И потом, Леночка начинает говорить, а мне бы вовсе не хотелось, чтобы у нее была неправильная речь. Твоя нянечка по-прежнему может состоять при тебе, разумеется.

Обыкновенное утро супругов, обыденные проблемы, но почему Анатолию казалось сейчас, словно он играет роль в каком-то дурном водевиле? Он вдруг разозлился на самого себя, на Марину, что сейчас сидела с таким лицом, будто она находится на светском рауте — холодная, равнодушная. Ему вдруг захотелось задеть ее, уколоть также больно.

— Я полагаю, что вы все выяснили с Сергеем Кирилловичем, — резко произнес он. — Скоро мы начнем выезжать, моя дорогая, а ты знаешь, как порой бывает жесток свет в своих пересудах. Разумеется, мы можем и не повстречаться с ним, *qui sait* [\[297\]](#)? Ведь уже шепчутся, что князь Загорский снова вернулся к своей прежней жизни, а это означает, что ему будет вовсе не до балов и раутов.

— Вы видели его? — вырвалось у Марины прежде, чем она сумела взять себя в руки.

— *Bien sûr que non!* [\[297\]](#) У нас с ним теперь разная жизнь, разные интересы: у него — все

прелести холостяцкой жизни — карты, кабаки, женщины, я же человек семейный, мне не до этого.

Марина с шумом отодвинула от себя пару, расплескав при этом чай из чашки.

— Зачем вы мне это говорите? Вам доставляет удовольствие причинять мне боль? — спросила она, глядя Воронину прямо в глаза. — Полагаю, это ваша маленькая месть за унижение перед закрытыми дверями в мою комнату. Что ж, вы добились своего — мне больно. А теперь позвольте удалиться, у меня совершенно пропал аппетит.

Она поднялась из-за стола и направилась к дверям, услужливо распахнутым лакеем. Анатолий вдруг бросил салфетку и тоже вскочил из-за стола, бросился к ней и успел схватить за плечи буквально в дверях, взглядом приказывая лакею закрыть двери с той стороны и оставить их одних. Когда тот подчинился, Анатолий перевел взгляд на жену, которая упрямо смотрела в пол, не желая встретиться с ним взглядом.

— Я прошу прощения, если я обидел тебя, — проговорил он нежно. — Мне не по душе причинять тебе боль, но ревность гложет мою душу и заставляет говорить это. Я знаю, что обманывал тебя, и у тебя, верно, нет более доверия к моим словам. Но в этот раз я не солгал тебе. Черного кота никогда отмыть до белизны.

Марина подняла на него глаза, и он заметил, что они повлажнели, грозя вскоре пролиться очередным потоком слез. Он провел пальцами по ее векам, смахивая эти капли, разбивающие ему сердце всякий раз, как он их видел.

— Зачем вы говорите мне это? — спросила она едва слышно, отстраняясь от его руки. — Ведь я осталась здесь...

— Чтобы сожаления о том, что могло бы быть, не испортило твою жизнь в будущем, — проговорил мягко Анатолий и погладил ее плечи сквозь тонкую ткань платья. — Я знаю, ты непременно будешь представлять, что могло бы быть, поступи ты тогда иначе. Иногда воспоминания и мечты отнимают у нас возможность стать счастливыми наяву. У нас подрастает дочь. Это дитя совершенно не виновато, что так сложились наши судьбы. Мы просто обязаны сделать ее счастливой, вырастить ее красивой и умной барышней, чтобы ничто не омрачило ее судьбы.

Марина прикрыла глаза, в глубине души признавая правоту его слов. Ее маленькая дочь должна получить ту жизнь, которую Марина так желала для нее — полную любви и заботы. Леночка была любима и счастлива сейчас, так и должно остаться в будущем.

За эти несколько дней в уединенности своей спальни Марина многое передумала. Теперь она понимала, почему Загорский так легко отпустил ее из своей жизни, позволил ей уйти к другому мужчине. Для них было совершенно невозможно остаться вместе сейчас. Не будь брака с Ворониным, они могли бы объявить о своем тайном венчании во всеуслышание, начать новую жизнь с чистого листа, той, что они были лишены жестоким Провидением.

Но Марина была обвенчана перед всем светом, перед императорской четой с Анатолием. Потому ей с Сергеем следовало забыть об их браке, забыть о том, что когда-то их руки были соединены под епитрахилью, а они поклялись быть верными друг другу. Но как? Как объяснить это своему глупому сердцу, которое никак не хочет смириться с очередной потерей?

Вскоре приехали из Завидова Агнешка с маленькой дочерью Марины, и та смогла отвлечься от собственных горьких мыслей, погрузившись целиком и полностью в материнские заботы и хлопоты, всю себя отдавая Леночке. Успокоить свое сердце ей помогло не только присутствие Леночки, которую она теперь буквально не отпускала от

себя, вызывая этим бурное неудовольствие нянечки, даже иногда брала ее к себе в постель на ночь. Агнешка передала Марине по приезду в городской дом небольшой сверточек с двумя маленькими бутылочками, плотно закрытыми пробками.

— Гэто тябе, моя касатка. Здесь, — она указала пальцем на одну из бутылочек. — То, что сэрца твое супакоиць. А гэто, что звычайно пьешь. От тягости.

Марина взяла в руки дар Зорчихи, на мгновение задумалась, а потом вернула одну из бутылочек Агнешке.

— Выброси это вон. Мне более нет нужды пить это зелье.

Ребенок. Маленький человечек, пахнувший по-особому, материнским молоком. Может, действительно, он сможет успокоить ее сердце, вернуть покой в ее душу. Ведь первые месяцы дитя будет настолько зависеть от нее, своей матери, не то, что Леночка сейчас. В свои два года она стремилась стать самостоятельнее, так и норовила вырваться из материнских объятий, не любила, когда ее долго обнимали и тискали.

Семейная жизнь в доме Ворониных постепенно входила в обычное русло. Анатолий всей душой стремился домой вечерами, где в диванной его ждали его девочки — жена и дочь. Марина либо читала, либо занималась рукоделием, а Леночка возилась у ее ног с игрушками или с небольшой грифельной доской, что привез ей как-то Анатолий. Он обожала рисовать на ней что-то свое мелкими, стирать тряпкой и снова рисовать.

— Вы всегда угадываете с подарком, — говорила ему с улыбкой Марина, а Анатолий при этом целовал ей руку и отвечал:

— Ну, на то я отец и муж, чтобы угадывать любые пожелания моих девочек.

Настала долгожданная Пасхальная суббота. Петербург словно просыпался от долгого зимнего сна, в который погружался на время Великого Поста. Во время пасхальной службы, на которую Воронины поехали в Аничков дворец, Марина молилась, как никогда ранее. Ей только в Высшей силе виделось ее спасение от душевных мук, что терзали ее. Кроме этого, она просила Создателя дать ей сил, чтобы снова впустить своего супруга в свою спальню, ибо она так и не смогла сделать этого. Анатолий провожал ее после ужина до дверей в ее половину и кидал на нее вопросительный взгляд, но она только качала головой в ответ, виновато улыбаясь. Она не могла переступить через мысль, что пуская в свою постель Анатолия, она предает Сергея, пока не могла.

В первый же выход в свет после окончания Великого Поста Марину трясло, словно она была дебютанткой. Сможет ли она сдержаться, увидев Сергея среди приглашенных? Сможет ли не выдать себя с головой в своем чувстве или даст понять окружающим, что он по-прежнему безразличен ей? Но ее страхи были напрасны — она не встретила с Загорским ни в этот вечер, ни в последующие, как ни высматривала его в толпе. Тогда Марина решила узнать, какие толки ходят по поводу него, и в один из вечеров заняла место среди многочисленных маменек, вывезших на бал дочерей и зорко наблюдающих за ними со своего поста в креслах у стен бальной залы. Она не ошиблась — как и раньше, Загорский был на языках светских кумушек. Только вот услышанное совсем не порадовало ее.

— Ах, этот *polisson prince Zagorsky* все никак не успокоится, — говорила одна, обмахиваясь большим расписным веером, не забывая, впрочем, кидать взгляды на танцующих вальс, где в танце шла ее дочь-дебютантка. — Говорят, он уже проиграл в карты одно из имений или даже два. Так и разориться недалеко.

— Ах, душенька, его сиятельство никогда не даст внуку проиграть семейное наследие, — возразила ей другая. — А при состоянии Загорских одно проигранное имение — невелика

потеря. Жаль, что он совсем не выезжает, такая завидная партия!

— Конечно, князь — *un parti très brillant* ^[298], — проговорила третья, поправляя длинный плерез ^[299], спускавшийся на плечо. — Но ходят толки, что он совсем повредился умом, а это отнюдь не положительное качество для жениха. Судите сами, он, говорят, никуда не выходит, кроме трактиров и клуба. Конечно, и ранее у него наблюдались подобные наклонности, но нынче они перешли все границы. И почему его сиятельство не приструнит внука?

— Может, это пройдет со временем? — сказала первая дама. — Ведь судя по его виду, ему пришлось совсем несладко там, на Кавказе. О Боже, вы видели его лицо?

— Да, полагаю, вы правы. Ко всему князю приходится привыкать заново. Ведь, скорее всего, он просто отвык находиться в приличном обществе. Ему нужна женская рука, его сиятельству все же следует женить внука, если он хочет увидеть наследников рода Загорских.

— Вы совершенно правы, баронесса, — снова вступила в разговор дама с плерезом в буклях. — Его сиятельство должен подумать об этом и поскорее, пока его внук не сделал то, что не удалось горцам. Говорят, давеча он устроил какие-то скачки в парке. Подумайте только — ночью при лунном свете! И как только не убился?

Дамы что-то еще обсуждали по поводу Сергея, но Марине было достаточно услышанного, чтобы понять, что Анатоль прав — Сергей снова вернулся в прежнюю жизнь. Она не хотела думать о том, что помимо трактира и клубов Загорский может еще посещать и чьи-то постели.

В один из вечеров Марине вдруг привиделся Загорский. Она шла в галопе с Анатолем. Сначала почему-то тогда им никак не удавалось взять необходимый шаг. Они путались, наступали друг другу на ноги. Сперва просто улыбались, когда выходила очередная промашка, потом уже не могли сдерживать смеха. Как давно она не смеялась! Как давно не видела Анатоля таким радостным! Спустя миг после их начала их безудержного веселья ее взгляд упал в ряды наблюдающих за танцорами людей, и она заметила среди них знакомое до боли лицо.

Улыбка в тот же миг сошла с ее лица, она сбилась с шага, едва не упала, не поддержи ее Анатоль. Они едва снова выправили шаг, при этом ее муж, заметив, что с Мариной что-то не так, стал наблюдать за ней, нахмурившись. Она еле сдерживала себя, чтобы не оглянуться и не посмотреть снова на то место у колонны, где ей привиделся Загорский с бокалом в руке. В танце миновал полный круг, и Марина смогла, не вызывая подозрений у своего супруга, взглянуть туда. Загорского на том месте не было. Ей привиделось, успокоила она себя.

На следующее утро, когда Анатоль отбыл на службу после завтрака, скоро попрощавшись с женой и дочерью, Марине доложили, что ее желает видеть князь Загорский. Она быстро взглянула на карточку, чтобы убедиться, что не ошибается, и приказала привести визитера в диванную, где как обычно расположились они с дочерью. Когда же ее глупое сердце успокоится и перестанет каждый раз пускаться вскачь, едва она услышит схожее имя?

Старый князь вошел в комнату в сопровождении лакея, с трудом опираясь на свою вечную спутницу-трость. Марина с удивлением отметила, как он постарел за те несколько месяцев с Рождества, что они не виделись. Он всегда выглядел таким бравым, а нынче смотрелся совсем стариком. Матвей Сергеевич приложился к руке Марины, а потом с явным удовольствием опустился в предложенное кресло у огня. При виде Леночки, сидящей на

ковре и что-то черкающей на доске, его лица впервые коснулась улыбка.

— Иди, милая, поздоровайся с Матвеем Сергеевичем, — напредила ей Марина, и та, отвлекшись от своего занятия, вдруг заметила старого князя, неловко поднялась с колен и подбежала к нему с доской в руках.

— День, — кивнула она ему и протянула доску. — Элен рисует.

— Элен очень красиво рисует, — согласился с ней старый князь, глядя девочку по волосам. Она бухнулась снова на пол, но уже у его ног. Матвей Сергеевич задумчиво посмотрел на правнучку, потом обратился к Марине. — Меня все это время преследует чувство, что я предаю своего внука, утаивая от него правду.

— Разве у нас есть другой выбор? — грустно сказала Марина в ответ, отводя взгляд на свою работу в пальцах. — Что может измениться, узнай он правду о Лене? Все и так хуже некуда.

Матвей Сергеевич кивнул, а потом, также не глядя на нее, проговорил:

— Я пришел к вам просить о помощи, Марина Александровна. Я понимаю, что моя просьба к вам нарушает все известные рамки приличия, но я не могу иначе, — он немного помолчал, а потом продолжил. — Мой внук не хочет жить, я это ясно вижу. Все эти его выходки, карты, выпивка, это странное курение... Он ищет любой способ покончить свое существование, ибо у него другого пути, пока вы связаны друг с другом. А решить этот вопрос, не затронув вас, никак не получится, как не крути. И поэтому он губит себя, губит!

Марина вздрогнула, уловив боль и отчаянье в голосе старого князя. Она прекратила работу и сейчас просто сидела и смотрела на вышивку не в силах поднять глаза на своего собеседника. Некоторое время они молчали. Тишину нарушали лишь треск дров в камине и тихий говор Леночки, что-то бормотавшей себе под нос, вырисовывая загогулины мелом.

— Я прошу вас, умоляю поговорите с моим внуком. Ведь полагаю, что вы так и не виделись с момента его возвращения, а вам столько надо обсудить, — вдруг нарушил молчание старый князь. Марина ничего не сказала ему о том коротком свидании в Киреевке, когда они с Сергеем так и не смогли сказать друг другу самого главного. — Прошу вас, Марина Александровна. Я умоляю вас, переговорите с Сергеем.

— Я хочу рассказать вам о том, что сам узнал недавно. Знаете ли вы, Марина Александровна, такую забаву под названием «игра с судьбой»? Полагаю, что нет. Суть ее состоит в том, что участники разыгрывают обыкновенную карточную партию, на кону которой выстрел из одного из пяти пистолетов. Четыре из них незаряжены, а вот пятый с пулей. И проигравший в партии должен выстрелить себе в висок из одного из этих пяти пистолетов. Повезет ли ему не поймать пулю в голову — вот в чем главный смысл этой страшной игры. До чего докатился наш мир, если нынешнее поколение так играет своими жизнями? — князь Загорский помолчал, а потом продолжил. — Вы, верно, удивляетесь, к чему я веду речь? Да к тому, что мой внук придумал эту страшную забаву, и сам любитель поставить на кон собственную жизнь. Да-да, не смотрите так удивленно. Слава Богу, что пока никто не пострадал, но доколе? Доколе?!

Матвей Сергеевич напугал своим вскриком сидевшую у его ног Леночку, что испуганно заплакала во весь голос. Марина оставила свое рукоделие и бросилась к дочери, прижимая ее к себе, глядя по волосам, шепча что-то успокаивающее в ушко.

— Простите меня, — прошептал Матвей Сергеевич. — Я имел намерения пугать ее. Просто в последнее время мои нервы совсем сдают. Прошу вас подумайте над моей просьбой, умоляю вас. Мне же до него не достучаться.

— Что я могу сделать? Как его уговорить оставить свои безумства? — тихо спросила Марина, поднимая на него глаза. В них плескалась такая боль, что Матвей Сергеевич пожалел ее, но разве у него оставался иной выход?

— Если он кого-то и послушает, то только вас, — так же тихо ответил он своей собеседнице. — Только вас.

Более они не касались этой темы, обсуждая все, что угодно, кроме нее. Затем спустя час старый князь откланялся, а Марина, уложив уставшую дочь на дневной сон в детской, села в своем кабинете разбирать письма, что пришли с утренней почтой. Но не о том были ее мысли сейчас, она так и не смогла сосредоточиться на бумагах и приглашениях, постоянно возвращаясь к разговору с князем Загорским.

— Пошто такая задуменная сегодня? — спросила ее Агнешка, сидевшая тут же, рядом с ней с починкой в руках. — Аб им что ли думаешь? Нездарма ж ранку дзед яго приходзил.

Марина рассудила, что таиться от няни смысла нет, к тому же та всегда помогала ей советом, поэтому открыла ей причину, по которой приходил старый князь.

— И что ты вырашила? Пойдзешь? — спросила Агнешка, когда Марина закончила свой рассказ.

— Не знаю, — пожала плечами Марина. — Скорее всего.

— Ой, ну зноу! — вспылила нянька. — Тольки жыцце наладзілося, зноу в вир [\[300\]](#)з галавою!

— Как ты не понимаешь? — взвилась в ответ Марина, вскакивая со стула и начиная свой бег по комнате от двери к бюро и обратно. — Он погибает, понимаешь? Губит себя этими своими безумствами!

— А я казала тебе — ледзяное у яго сердце, легко разбилось яго, не вынесло яшчэ одной страты. Вось як атрымалася-то! — покачала головой Агнешка. — И что ты робиць будзешь?

— Надо решить, как с браком нашим поступить. Два мужа у меня быть никак не должно, сама понимаешь, — ответила Марина.

— И для гэтага табе трэба ідти до него? — не унималась нянька, ничуть не взволнованная Мариниными резкими перемещениями по кабинету, ее тревогой. — Так нельзя вырастить?

Марина вдруг неожиданно остановилась и посмотрела на няньку.

— Я видеть его хочу! Довольна? Ты это хотела услышать?

Агнешка никак не отреагировала на ее крик. Просто пожала плечами и продолжила свою работу. Закончив ее, она перекусила нитку зубами, проверила, все ли аккуратно, а после посмотрела на Марину, которая по-прежнему стояла в центре кабинета и возмущенно глядела на няньку.

— Хочешь — ідзи. Тольки горше не зроби. Ни себе, ни яму. Даволи ужо горя на ваш стагодзе [\[301\]](#), — тихо проговорила Агнешка. Марина вздохнула, еле сдерживая слезы, и бросилась к ней на грудь, прямо в распахнутые объятия.

Все будет хорошо. Она сможет сделать так, что Сергей снова захотел жить. Даже если для этого придется пойти наперекор всему миру!

Марина отправилась на набережную Фонтанки, где находился особняк семьи Загорских, через несколько дней, когда смогла наконец решиться на этот шаг. Сначала она поехала в салон m-m Monique, где отпустила свою карету. Пробыв немного в салоне модистки, она вышла на проспект и подозвала к себе извозчика, которому приказала ехать к дому Загорских.

Казалось, дворецкий, впустивший ее в дом, ничуть не удивился визиту дамы под вуалями в полуденный час. Видимо, старый князь предупредил о ее возможном появлении. Марина достала из ридикюля карточку и протянула дворецкому. Примет ли ее Сергей? Или откажется, сославшись на то, что она прибыла слишком рано для визитов?

Дворецкий ушел куда-то внутрь дома, унося на подносе ее белоснежную карточку. Спустя некоторое время с той стороны раздался громкий рык:

— Гони к черту! Никого не хочу видеть! — эти несколько слов заставили Марину вспыхнуть от унижения. Лакей, что стоял тут же рядом в приемной, поспешил отвести глаза в сторону, чтобы не смущать ее более. Вернулся дворецкий и передал ей в руки ее карточку.

— Молодой барин нынче-с не в здравии, — смущенно сказал он Марине. — Принять не могут-с. Может, желаете видеть его сиятельство Матвея Сергеевича?

— Нет, — отказалась Марина, загибая уголок карточки, согласно принятым правилам, и опуская ее на поднос, где уже лежала целая гора карточек и приглашений. Заметив ее, Марина тотчас вспомнила сплетни, ходившие в свете, и внезапно устыдилась себя. Агнешка была права, когда вчера сказала, что Марина любит в первую очередь только себя, только свои интересы блюдет. Ее обидели, и она готова сдаться уже, сказав самой себе, что ничего не вышло, но она старалась. А что там далее будет с Сергеем, словно ее ничуть не волновало. Ее-то жизнь спокойна и тиха, как гавань во время штиля.

Марина вдруг обошла дворецкого и направилась в сторону, откуда он недавно пришел, не обращая никакого внимания на него. Он же бежал за ней следом, размахивая руками, не смея однако ее останавливать.

— Куда вы, барыня? Куда? Разве ж так можно? Барин-то совсем болен нынче. Не стоит вам туда.

Но Марина все шла и шла, минуя пару салонов, она наконец нашла полураспахнутую дверь в половину Сергея. Оттуда шел какой-то неприятный запах, и сквозь щель она могла видеть, что там стоит сумрак, несмотря на то, что уж полдень миновал. По тому, как резко заговорил шепотом дворецкий, она поняла, что достигла своей цели.

Вдруг внутри комнаты раздался какой-то грохот, и в щель протиснулся человек, едва не сбивая с ног Марину и дворецкого, стоявших подле. Он обернулся к ним, и Марина узнала Степана. Один его глаз был явно подбит — вокруг все было красное, а под нижним веком стремительно нарастала опухоль.

— Барышня, — протянул Степан шепотом, а потом поправился. — Барыня. Что вы тут делаете, ваше сиятельство?

— Мне нужно поговорить с Сергеем. Немедля, — отчеканила также шепотом Марина Степан покосился на полуоткрытую дверь, потом покачал головой.

— Нехорошая это мысль, ваше сиятельство. Ой, нехорошая! Нынче барин... барин болен да еще и не в духе. Вчерась с его сиятельством разругались в пух и прах. Ступайте домой, — увещевал он ее. Но она покачала головой, и тогда он смирился, вздохнув тяжело. — Ну, как знаете. Только вы если что, сразу лакеев зовите. Да и я туточки посижу под дверью. Вы только кликните. А вдруг чем черт не шутит, и сможете успокоить его, вразумить. Барин-то в последнее время совсем дурной стал. Особенно седмицу ^[302]назад. Может, вы его уговорите пить перестать, поесть чего да почивать лечь? Уж со вчерашнего вечера бьюсь, а все без толка какого....

Марина не стала дослушивать его. Она открыла дверь (ей было попытался помешать дворецкий, но Степан ловко отстранил его) и ступила в комнату. В ней было довольно темно

— тяжелые парчовые портьеры на окнах были опущены и не пропускали сюда ни единого лучика света. Оттого казалось будто сейчас ночь. Единственным же источником освещения в комнате был ярко пылающий камин, который давал не так уж много света.

Марина плотно затворила за собой дверь, потом зажала нос и рот концом шали — такой сладкий дурманящий запах стоял в комнате, что у нее сразу же закружилась голова. Она уж было решила, что в комнате никого нет, не заметив никого ни на софе и креслах, ни около окон, но потом вдруг раздался какой-то булькающий звук, словно закипела вода, который едва не заставил ее вскрикнуть от неожиданности, настолько были напряжены ее нервы.

Марина пригляделась и заметила вытянутую к огню камина ногу, обутую в черный сапог. Она медленно, стараясь не шуметь, обошла софу, стоявшую у камина и загораживающую ей обзор, и увидела сидящего возле нее на ковре Сергея. Он был без мундира, в рубашке, выпущенной навыпуск, широко распахнутой на груди. Волосы его были взъерошены, словно он только поднялся с постели. Он держал во рту серебряный чубук, который соединялся трубкой со стеклянным сосудом. Именно из него шел сейчас этот противный булькающий звук, будоражащий Марине нервы.

Сергей глубоко затянулся и, запрокинув голову на софу, выпустил вверх струю дыма. Затем вдруг краем глаза заметил ее и перевел на нее взгляд, вздрогнув от неожиданности ее появления.

— Давно тебя не было, — проговорил он, не делая ни малейшего движения, чтобы поприветствовать ее согласно правилам хорошего тона. Он еще больше похудел, с горечью отметила Марина, стал хуже выглядеть. Под его глазами залегли тени, кожа стала бледнее обычного, и шрам резко выделялся на ее фоне. Бедный мой, родной мой...

Она подошла к нему, влекомая каким-то странным чувством притяжения, опустилась на колени рядом. Сергей даже не пошевелился, только наблюдал за ней, не отрывая взгляда.

— Почему ты так одета? — он вдруг протянул руку и одним рывком сорвал в ее головы шляпку, чуть не задушив ее при этом лентами, откинул ту куда-то в сторону. Марина в испуге отшатнулась от него, и он схватил ее за предплечье, чтобы удержать рядом. При этом он пристально смотрел на нее, и она заметила, что его глаза стали какого другого цвета, более темные. Сначала она решила, что ей показалось в сумраке комнаты, но Сергей вдруг обхватил ее другое предплечье сильными пальцами и притянул к себе так близко, что она оказалась почти у него на коленях. Он положил свою большую ладонь ей на затылок, почти полностью обхватив ее голову, а другой ладонью он перехватил ее кисти, лишая ее возможности двигаться. Потом приблизил ее лицо к своему настолько близко, что они столкнулись лбами.

— О Господи помилуй! — прошептала Марина, рассмотрев его лицо вблизи. Его глаза не меняли цвет, они по-прежнему были стального цвета. А черными их делали зрачки, настолько огромные сейчас, что почти полностью скрывали радужную оболочку глаз. Она увидела это, и ей стало страшно.

Марина замерла в страхе, глядя в его глаза, словно гипнотизирующие ее своим странным видом. Она вдруг поняла, что он сейчас находится в опьянении, что совсем не понимает, что она пришла не из его видений, а наяву. На мгновение у нее в голове мелькнула мысль, не совершила ли она ошибки, придя сюда сейчас, когда он не совсем в ясном сознании, но затем поняла, что другого момента и быть не могло, судя по рассказам старого князя. Да и чего ей бояться — за дверьми стоят Степан и лакеи. Случись что, они по ее крику зайдут сюда.

Пока Марина размышляла, Сергей коснулся губами ее рта. Сначала грубо, потом после ее возмущенного вскрика, приглушенного его поцелуем, нежнее. Своим глубоким поцелуем он словно влил в ее вены отраву страсти — с каждой минутой та начала распространяться по всему ее телу. Марина почувствовала, как расслабляется в его руках с каждым мгновением, горячее желание раствориться в нем без остатка наполнило ее до краев. Она моментально забыла, зачем пришла сюда, да что там — забыла, кто она и где находится. Сладость его поцелуя словно подхватила ее с этой грешной земли и унесла высоко-высоко, к небесам.

Марина выпростала свои кисти из его ладони и обхватила его голову, прижимая ее к своей с силой, на которую только была способна. Он же стал свободной рукой гладить ее спину через шелк платья. Ее пальцы перебирали его волосы, ласкали кожу над воротом рубашки. Сергей наклонился, слегка отстраняя ее тело назад, отрывая свои губы от ее рта, улыбаясь ее возмущенному вскрику. Он стал нежно целовать ее в шею, в то самое заветное местечко под ее ухом, перемещая одну ладонь на ее грудь, нежно поглаживая ее. Марина плавилась в его руках словно воск. Она просунула руки под его рубаху и стала гладить его спину и плечи, наслаждаясь мягкостью его кожи. Ее тело отзывалось на каждое прикосновение рук, на каждый поцелуй с такой готовностью, будто оно пребывало в спячке до сего момента, а этот мужчина пробудил его.

Внезапно Сергей поднял голову и посмотрел ее затуманенные страстью глаза.

— Кто ты? Как сюда попала? — прошептал он. — Ты ведь не мое видение — слишком горяча кожа под руками, слишком страстно отвечаешь.

— Это я, милый, — ответила Марина. Сейчас для нее во всем мире не существовало ничего, кроме этого мужчины, который хмурился все больше, глядя на нее. Потом он неожиданно сбросил ее со своих колен и легко поднялся с ковра. Отошел немного в сторону, повернулся к ней, обнимая себя руками за предплечья, словно стараясь удержать себя.

— Что ты делаешь? — спросила со слезами в голосе Марина, приводя задрожавшие при падении юбки в порядок.

— Что делаешь ты? — Сергей пошатнулся, но сумел тотчас выправиться. — Зачем ты пришла сюда? Что будет, если твой... муж узнает о том, что ты здесь? Ты забыла, какая у меня репутация? Забыла о своей?

— Я не могла не прийти, — Марина попыталась подняться с пола, чтобы вести разговор на равных, но с ее многочисленными юбками ей это никак не удавалось сделать так грациозно, как бы ей хотелось. Она сейчас так волновалась в этот миг, словно опять стала юной институткой перед предметом своих грез. — Кто-то же должен сказать вам, что вы губите свою жизнь. Пьянство, этот... этот дурман! Так же нельзя, Сергей Кириллович!

Видя ее безуспешные попытки совладать с собственным платьем, Сергей подошел к

ней, схватил за руку и легко приподнял с пола, поставив в миг на ноги. Она не успела поблагодарить его за помощь, как он резко притянул ее к себе.

— А вы думаете, я не ведаю об этом? — вкрадчиво спросил он, усмехаясь уголком рта. — Думаете, что я делаю это от безумного горя, которое ощущаю от потери вас? — а потом продекламировал, чеканя слова:

Хочу пиров, хочу похмелья;
Бездушным в свете стану жить;
Со всеми рад делить веселье,
Ни с кем же горя не делить.
То ль было прежнею порою! [\[303\]](#)

Она вспыхнула от иронии, звучавшей в его голосе, отвела глаза от его лица. Ей было не по себе в этот момент, больно от его обидных слов, от этой странной интонации. Это снова был прежний Сергей, совсем не тот, которого она знала в первые дни после их свадьбы.

Сергей положил ладонь на ее щеку и повернул к себе ее лицо, заставляя снова взглянуть на себя.

— Но счастье жизни отнято: здесь в мире брошен я тобою, — продолжил он стих, а потом добавил. — Это правда, я безумно хочу забыться, потому что мне больно осознать, что ты не моя более. Что другой ласкает тебя, твоё тело, целует губы. Он имеет право на это, а же — нет. И мне становится горько от этого, — произнес он.

— Любое горе можно пережить, — прошептала она. — Никто не должен поступать так, ты. Никто не волен оборвать жизнь, кроме Господа.

— Я делаю это не оттого, что страдаю. Не только. Я делаю это вполне сознательно и по трезвому (какая ирония, заметь!) расчету. Зачем мне жить? Зачем? — глухо спросил Сергей. — Мне было уготовано сдохнуть там, на Кавказе. Я был обречен навсегда остаться там. Но я вырвал голыми руками, выгрыз зубами у судьбы возможность вернуться. Вернуться к тебе. И стать твоей гибелью. Разве ты не понимаешь, что я не должен жить? Что моя жизнь — твоя погибель. Двоемужество, милая, карается в нашей империи, невзирая на чины и богатства. Или ты думаешь, что твой благоверный сумеет спасти тебя от этой участи?

Марина взглянула на него недоуменно. Она понимала, что иметь двух мужей — нехорошо с точки зрения морали и общепринятых ценностей, но ей и в голову не могло прийти, что она совершает преступление, нарушает этим закон. Сергей, видя ее неподдельное удивление, проговорил вполголоса:

— О Боже, ты действительно не знала! Он не сказал тебе. И чему только вас учили в вашем Смольном? Как вести хозяйство и только? Даже развод в нашем случае — это тоже твоя гибель, но в свете. Ты сможешь пережить это? Всеобщее порицание, всеобщее презрение. Теперь ты понимаешь, что я не могу жить. Лучше бы я не возвращался, лучше бы я там умер.

— Нет! — выкрикнула Марина, качая головой. — О чем ты говоришь? Какая смерть? Откажись, умоляю тебя, от всего! От своей глупой игры. Зачем она?

— Зачем? Затем, что я трус, и мне до сих пор не хватает духа пустить себе пулю в лоб, а мое прошение о переводе на Кавказ отклонили уже дважды, — ответил, усмехаясь, Сергей. — Да и так как-то не страшно уходить, на браведе.

— Разве ты не понимаешь, что это все равно будет расценено, как самоубийство? Ведь это же похороны за оградой, это же адовы муки, — убеждала его она.

— Я уже был в раю, — ответил он, ласково касаясь пальцами ее щек. — И был в аду. Мне уже ничего не страшно. Только моя смерть устранил все эти препоны, освободит тебя от угрозы разоблачения. Я с ума схожу от одной только мысли, в чьих руках сейчас приходская книга. Ведь она не у тебя и не у него, и неизвестно, где и при каких обстоятельствах она может появиться. И что тогда? Каторга или виселица в зависимости от того, в каком настроении будут судьи? Как ты думаешь, чья смерть для меня предпочтительнее — твоя или моя?

О Боже, простонала про себя Марина. Матвей Сергеевич ошибался, даже она не в силах переубедить его, не в силах заставить отказаться от своего намерения уйти из жизни. Агнешка была права — его ледяная душа не вынесла очередной потери, разбилась на мелкие осколки, и Марина никак не могла собрать все обратно.

Одним резким движением, столь неожиданным для него, что Сергей не сумел остановить ее, Марина опустилась перед ним на колени, обхватила руками его ноги. По ее лицу текли градом слезы, она уже не скрывала своих эмоций.

— Умоляю тебя, откажись от своего намерения! Подумай о своем деде! Он не переживет этой потери, — она помедлила, а потом прошептала. — И я не перенесу этого снова! Я не смогу!

Сергей вырвался из кольца ее рук и тоже опустился на колени напротив нее.

— Ты не представляешь, как это больно, — продолжала Марина. — Словно у тебя вырывают сердце из груди. Невозможная, дикая боль. Я не хотела жить без тебя. Если бы не..., — она замолчала, чуть не проговорившись о том, что если бы не их ребенок, то она не знала бы, как ей жить тогда, но вовремя остановила себя. — Если бы не долг перед родителями, я бы ушла к Господу, ибо нет мне жизни без тебя.

Он прервал ее сбивчивую речь, прижав к себе, обхватив ее крепкими руками в объятии, желая утешить ее, утолить ее боль. Он зарылся лицом в ее волосы, вдыхая нежный аромат ее духов, который он так и не забыл спустя время.

— Я придумаю что-нибудь, — шептала она ему сквозь слезы. — К чему благоволение света, если тебя не будет более? Разве стоит моя честь твоей жизни? Вот увидишь, я все смогу исправить. Если кто-то и должен пострадать, то только я. Это была моя ошибка столь поспешно выйти замуж, даже не пробуя просить о помощи его сиятельство. Мне ее и исправлять.

— Нет, — мотнул он резко головой, не соглашаясь с ней. — Нет, я не позволю тебе. Не позволю. Ты погубишь себя, ты не понимаешь, что говоришь. Я видел вас. Там, на балу. Ты так счастлива. Тобой все восхищаются, любят. Я так гордился тобой тогда. Я не позволю тебе разрушить эту жизнь.

Она отстранилась от Сергея и взглянула ему в глаза. Упрямое, почти свирепое выражение ее лица так резко контрастировало с ее нежной внешностью, что он не сумел сдержать улыбки. Он запустил руки в ее локоны, желая снова ощутить их мягкость, которой наслаждался раньше.

— Как ты думаешь, легко ли жить с такими шрамами? — тихо прошептал он Марине.

— Какая глупость! — покачала она головой. Потом подняла руку и коснулась его правой щеки. — Шрамы только украшают мужчин.

— Но не на душе, — возразил Сергей. — Не только мое тело и лицо в шрамах, вся моя душа в рубцах. Я совсем пал духом, признаю. Да и как не упасть? Прошлое настигает меня даже во сне, настоящее пусто и безрадостно, а будущее... Как можно смотреть в будущее,

когда я не могу избавиться от мук прошлого? Ты себе даже не представляешь, какой ад я прошел. Что видел и слышал, какую боль испытал. Разве знаешь ты, что ты была не просто моей любимой? Ты была для меня якорем, который держит меня на этой грешной земле. Ты была маяком для меня, что показывал мне, ради чего я должен был бороться. Когда после второго побега меня и моего сообщника кинули в яму, мы обнаружили, что у него сломана нога. Ужасно! Я не смог ее вправить, но даже если бы смог, чем бы я зашил рану? Мы сидели в яме почти месяц под дождем и знойным солнцем. В назидание другим нас решили уморить, выдавая минимум хлеба и воды. В первую же неделю у капитана, моего партнера по неудачному побегу, начался Антов огонь в ране, пожирая его заживо. Чтобы не слышать его бреда, его стонов, я представлял тебя снова и снова, улетал мысленно в Киреевку, где мы были так счастливы. Отключался от реальности. А потом он умер. И я понял, что тоже умру в этой яме, ведь что такое пара глотков воды один раз в сутки? И я скрыл смерть капитана. Я имитировал его стоны еще неделю, чтобы получить его порцию воды и хлеба. Потом, конечно, все открылось — вонь от тела стала невыносимой, и мой обман вышел наружу. Бек решил сменить гнев на милость и вернул меня к работам. Что же, по крайней мере, я был вне этой чертовой ямы! — Марина смотрела в его глаза, не отрываясь. Она не могла прервать его потому, как понимала, насколько ему необходимо рассказать кому-либо о том, что ему пришлось пережить там, в плену. Сергей же, казалось, забыл, кому повествует свой монолог, мысленно вернувшись в те страшные дни. — Он приходит ко мне во сне, этот капитан. Просит воды. Просит о помощи. А я ничем не могу ему помочь... как не мог тогда. В своих снах я снова и снова возвращаюсь в этот чертов аул! Я снова беспомощен, снова в цепях... снова этот кнут... Я боюсь спать теперь.

Он вдруг замолчал, словно только сейчас осознал, кому и что он рассказывает. Он заставил себя с трудом улыбнуться ей, утирая дрожащими ладонями слезы с ее щек.

— Боже, прости меня, я совсем забылся. Забыл, кто передо мной сейчас. Ты всегда умудрялась вывернуть наизнанку мою душу.

— Расскажи мне, — хрипло попросила его Марина. — Расскажи мне все. Ведь для того чтобы забыть все это, нужно поведать кому-то.

— Этот рассказ вовсе не для женских ушей. Я даже своему деду не решился открыть все. Ты даже себе не представляешь, что мне пришлось пережить.

— Расскажи, — упрямо повторила Марина, и тогда он решился. Он начал с самого начала — как был ранен, как долго восстанавливал здоровье после ранения, как узнал о том, что похоронен для всех на родине. Про свою первую порку, как его отхлестали кнутом, словно последнего крепостного. Это он не сумел бы открыть даже деду, такое унижение для мужчины, но присутствие Марины, верно, что-то делало с ним такое, что он рассказывал сейчас даже самое потаенное. Он рассказал ей все, попутно демонстрируя, какие следы остались на его теле от плена. Она с ужасом увидела глубокие рубцы от кнута на спине и груди, шрамы от когтей кошки на теле и предплечьях. Небольшой круглый шрам у правого соска, где бек выжег кольцом печать на груди Сергея, а тот сам потом вырезал эту печать кинжалом, когда сидел в пещере. Сергей скинул сапоги и показал ей свои босые ступни, на каждой из которых отсутствовало по мизинцу.

— Левая — за побег, — пояснил он хрипло. — Правая — за дерзость. «Для сходства ног», как сказал Исмаил.

Марина была в ужасе от того, что пришлось вынести Сергею за время его плена. Кроме того, теперь она понимала, как ему было больно и горько, вернувшись домой после всех этих

мучений, когда только одна мысль о том, что она ждет его, питала его силы, обнаружить, что та, к которой он так стремился, уже не принадлежит ему. Она невольно предала его, сама того не желая.

Марина поцеловала каждый его шрам, легко касаясь губами и роняя слезы на следы его боли и унижений, когда он наконец закончил свою тяжелую для них обоих исповедь.

— Если бы я только могла вычеркнуть эти годы из твоей жизни, — прошептала она. — Я бы многое отдала за это.

Потом они вместе сидели у огня, соединив руки, переплетя пальцы. Он положил голову ей на колени, а она гладила его волосы, успокаивая его после трудных воспоминаний. Они оба осознавали, насколько ему было необходимо выплеснуть то, что он носил в своей душе столь долго, и как тяжело ему далось снова воскресить весь этот ужас снова. Марина искренне надеялась, что теперь призраки из прошлого оставят его в покое, дадут ему жить спокойной жизнью, забыть о том, что он пережил.

— Спасибо за то, что разделила со мной эти минуты. Я даже подумать не мог, как будет легко на душе, если я расскажу все, — прошептал он, целуя ее руку, гладившую его волосы, потом повернулся и посмотрел ей в глаза. — Ты не разочаровалась во мне? Ведь я вел себя тогда далеко не как дворянин. Иногда забывал все человеческое, что есть во мне.

— Я восхищаюсь тобой, — ответила Марина. — Ты пережил столько, столько вынес. Ты сделал невозможное.

— Я сломался, когда вернулся. Я не смог. Смерть казалась мне наилучшим выходом для всех нас, а аш — спасителем от реальности.

— Не надо, — прошептала Марина, роняя слезы на его лицо. — Не надо мучить себя более, прошу тебя.

Он ничего не ответил, только поймал ее локон, пропустил прядь волос между пальцами. Потом посмотрел внимательно на чуть дрожавшую ладонь.

— Я словно заново родился сегодня, — улыбнулся он искренне, а не усмешкой, как ранее. — Слаб, как котенок.

— Все потому что не досыпаешь и недоедаешь, — ответила Марина. — Тебе стоит сейчас поесть. Позвонить?

— Нет, — задержал он ее. — После. Мне так покойно сейчас. Останься пока со мной, хотя бы еще на пару минут.

И Марина осталась. Она сидела рядом с ним и тогда, когда он провалился в глубокий сон, убаюканный ее нежными прикосновениями. Черты его лица расслабились, губ впервые за это время коснулась легкая улыбка. Он так сейчас походил на свою дочь, что у Марины сжалось сердце. Сколько еще она может таить от него эту самую страшную свою тайну?

Она перевела взгляд на распахнутый вырез его рубашки. На его коже ясно виднелся черный шнурок, на котором висели два предмета — тот образок, что она подарила ему в день отъезда, и простое серебряное кольцо. Такое же кольцо, но поменьше размером лежало сейчас в закрытой на ключ шкатулке где-то в укромном уголке усадебного дома Завидово. Это были простые серебряные ободки, но для них они были дороже самых драгоценных колец. Это были их венчальные кольца, которыми они обменялись в маленькой церквушке недалеко от Киреевки. Сергей тогда сказал ей, что тщетно пытался найти в уездном городе золотые кольца, подходящие по размеру, и ему пришлось купить эти, серебряные.

— Ничего страшного, — улыбалась тогда счастливая Марина. — Мне неважно, какие у нас будут кольца. Совсем. Для меня они просто символ.

— Моя милая, — ответил ей Загорский, неистово целуя. — Ты заслуживаешь самых роскошных колец в мире. Обещаю, скоро я надену тебе на палец фамильное кольцо рода Загорских. Вот оно поистине достойно быть на твоём пальце.

Марина аккуратно, стараясь не разбудить Сергея, взяла это большое серебряное кольцо и продела в него безымянный палец правой руки. Оно легко легло на него поверх золотого кольца с россыпью маленьких бриллиантов. Как ей сейчас захотелось, чтобы на её руке снова было вот это простое колечко! Обыкновенное серебро, без камней и лишней гравировки, но для неё оно было самым желанным. Она никогда не носила его, только те три дня в Киреевке, ведь они с Сергеем условились, что смогут надеть их только, когда тайна их брака будет открыта.

Марина освободила палец от кольца и аккуратно положила его на то же место на груди Сергея. Ей было и приятно, и горько в то же время, что он по-прежнему носит его, пусть и на шнурке на шее. Золотой ободок на безымянном пальце, показавшийся из-под серебра, напомнил ей, что она находится здесь уже довольно долго, а ей необходимо было вернуться до прихода Воронина. Нынче они были приглашены на ужин к Вяземским, поэтому он должен был приехать ранее, чем обычно.

С большим сожалением она протянула руку и взяла с софы небольшую подушку, аккуратно переложила на неё голову Сергея со своих колен. Сон его был настолько глубок, что он даже не шелохнулся при этом. Совсем как у его дочери, отметила про себя Марина.

Ноги её затекли от долгого сидения на полу, что она с трудом поднялась, расправляя смятые юбки. Потом нашла свою шляпку, отброшенную рукой Сергея, и свою шаль, которой накрыла его. Она боялась, что он может простудиться, несмотря на то, что тот лежал у горящего камина, а ей этого вовсе не хотелось. Она помедлила над ним, размышляя, коснуться ли его в последний раз перед уходом или не стоит, но все же быстро прошла к дверям, боясь, что ещё минута, и у неё не хватит решимости уйти вообще из этой комнаты.

Перед самым выходом Марина вдруг развернулась, вернулась обратно, подхватила со столика тяжёлый стеклянный сосуд с чубуком и вышла прочь.

— Вот, разбейте это, — она передала свой трофей Степану, что все это время просидел под дверью. — Он спит сейчас, не ходите к нему. Потом подадите ему чего-нибудь легкого поесть, что желудок выдержит.

Она устало прислонилась к стене, едва держась на ногах от усталости и физической, и моральной, а Степан схватил её ладонь и стал целовать, приговаривая при этом:

— Спасительница наша! Благодарствую, барыня!

— Рано ещё, — ответила ему Марина. — Посмотрим, как далее пойдёт.

— Ну, раз он сам решит, что конец этому, значит — конец, — закивал головой Степан. — Как раньше.

— Так было ранее? — удивилась Марина. — Когда?

— Дык когда узнали про родителей и сестру его сиятельства, упокой Господи их души, — перекрестился Степан. — Все так же было. В точности. Только вот мучился так тогда две седмицы, а нынче... вон оно как...

Марина легко угадала то, что он хотел сказать — нынче все было гораздо дольше. И все из-за неё. Она ведь даже не предполагала, что ему так плохо, что была для него словно ориентиром для той будущей жизни, что он представлял себе, будучи в плену. От осознания этого факта ей становилось ещё горше.

Она оттолкнулась от стены и направилась прочь из дома, но не успела достигнуть

дверей первого салона, как столкнулась с Матвеем Сергеевичем. Тот спешил ей навстречу, тяжело ступая по паркету.

— Вы! Вы все-таки пришли, — он поцеловал ей руку. Степан ступил навстречу барину, прижимая к себе нагиле.

— Ах, ваше сиятельство, радость-то какая! Барин-то наш выздороветь надумал.

— Рано еще судить об том, — одернул его князь. Он повернулся к Марине. — Как вы, моя дорогая? Как он? Что вы решили?

— Он спит сейчас. А что решили...я поняла причину, по которой он так стремился к своим безумствам. Я постараюсь сделать так, чтобы он был счастлив отныне, обещаю вам, — она перевела взгляд за окно, и вдруг заметила, что за то время, что она провела в доме Загорских, за окном начало темнеть. — О Боже, который час?

— Начало седьмого, — ответил старый князь, вынув из кармана брегет. — Я хотел вас предупредить, но опасался, что могу помешать вам. Если у вас возникнут какие-либо недомолвки с Анатолом Михайловичем, можете смело все валить на меня, старого дурака. Скажем, что мне было плохо, и послал за вами, ведь в последнее время мы стали так близки. Но Бог даст — все обойдется.

— Это неважно сейчас, — тихо ответила Марина, натягивая запасные перчатки, что достала из ридикюля. Она всегда, как и положено настоящей дворянке, имела при себе запасную пару. Они могли пригодиться в случае, когда первые испачканы или, как сейчас, потеряны. Потом Марина снова повторила. — Это совсем не имеет значения сейчас. Прошу вас прикажите подать экипаж. Или пусть лакей поймает извозчика.

Естественно, Марина опоздала. Она уже и не питала надежды, что сможет приехать ранее своего мужа. Ее даже не волновало сейчас, что он может подумать, глядя сейчас из окна своего кабинета, как она выходит из кареты с гербом Загорских. Она была совершенно измотана за сегодняшний день, с ужасом представляя себе еще предстоящий ужин у Вяземских. Сейчас Марина с превеликим удовольствием бы легла в постель и проспала бы до утра следующего дня. Но она знала, что если она только заикнется о своем нежелании идти куда-либо, это вызовет скандал, а к ссоре она сейчас не была готова. Ведь от нее требовалось только молчать и кивать головой, соглашаясь, а Марина нынче на это была не способна.

Она прошла из передней сразу в свои половины, уже зная, что если где и ждет ее Анатоль, то только там. Он действительно стоял у дверей в ее половину, прямо-таки белый от гнева.

— Ты прибыла очень поздно. Мы неминуемо опоздаем к ужину, — начал он сразу же, как заметил ее.

— Умоляю вас, позвольте мне переменить платье. После я готова буду к разговору с вами, — устало проговорила Марина. — Всего пара минут.

Она хотела была пройти далее в свою спальню, где ее уже ждали Агнешка и Дуняша, но Анатоль догнал ее и, пребольно ухватив пальцами за локоть, с силой развернул ее к себе лицом.

— Ты приехала в карете Загорских. А я, кажется, запретил тебе ездить к нему, — процедил он сквозь зубы.

— Запрета на визиты не было, — отрезала Марина. — Ты запретил мне принимать его у нас, и я следовала твоему пожеланию. И кроме этого, в том доме живет еще и его сиятельство.

— Только не стоит лгать мне, что ты наносила визит старому князю, — зло ответил Анатолий. — От тебя за версту несет этим странным запахом. И, представь себе, я знаю его источник.

— Позволь мне тогда переодеться, если он так будоражит твое обоняние, — деланно милым и вежливым тоном проговорила Марина, вырывая свою руку из его пальцев и проходя мимо него в спальню. Анатолий остался стоять на месте, совершенно огорошенный ее поведением. Ранее она не позволяла себе так отвечать ему, ранее она бы просто извинилась, стремясь получить его прощение за свой промах. Он не мог понять, нравится ли ему эта новая Марина, словно вылепившаяся из своего кокона с возвращением Загорского в их жизнь.

Анатолий вздохнул, пытаясь привести свои мысли в порядок из того хаоса, в котором они сейчас носились в его голове. Затем прошел в спальню жены, где она с помощью прислуживающей ей Дуняши уже сняла платье и сейчас расплетала волосы, чтобы промыть их в тазике с теплой водой, который уже вносила Агнешка.

— Ты не хочешь поинтересоваться, как твоя дочь? Ведь судя по всему, ты была там почти весь день, — продолжил он разговор, прерванный его супругой. Она метнула на него сердитый взгляд из-под рук Агнешки, ополаскивающей ей волосы водой с лимоном, но ничего не сказала. Он понял, что Марина не хочет продолжать разговор при слугах, и едва дождался, пока они все покинули комнату.

Марина запахнула капот и прошла в свой кабинет, где опустилась на ковер у ярко горящего камина, принялась сушить свои длинные волосы. Анатолий уже едва сдерживал себя от подобного пренебрежения его чувствами, он быстро шагнул к креслу, стоявшему у камина, и опустился в него.

— Как я должен понимать ваше поведение? — холодно спросил он у своей жены. Она выпрямилась и посмотрела пристально ему в лицо. Выражение, что плескалось в глубине ее больших глаз, совсем не понравилось Анатолию.

— Я прошу вас, Анатолий, помочь мне получить аудиенцию у Его Императорского Величества, — медленно проговорила она.

— Допустим, я могу вам в этом поспособствовать. Но могу я поинтересоваться, для чего вам она?

— Разумеется, — согласилась Марина. — Я хочу подать прошение, — а потом добавила, убивая его своей короткой фразой. — Прощение о разводе.

Его сердце больно ударилось о грудную клетку, едва он услышал эти страшные для него слова. Вот и все. Он предполагал, что этим непременно кончится их дело, вопрос был лишь в том, согласится ли Марина поправить свою репутацию ради того, чтобы быть с Сергеем, отказаться от своей семьи, ведь никто в здравом уме ее после не примет в своем доме, даже родственники. Оказалось, что готова.

Анатоль старался ничем не выдать своего волнения, хотя знал, что если бы он стоял, то ноги сейчас не держали бы его. Он переплел пальцы, чтобы скрыть их мелкую дрожь, и уставился на жену долгим внимательным взглядом. Он раздумывал, что ей ответить сейчас, стоит ли ему выложить свою основную карту, что ее дочь по закону принадлежит ему, так как она была рождена в их браке. Сказать ли ей, что он ни за что не возьмет на себя вину при рассмотрении их дела в Синоде, и тогда она будет признана виновной, никогда не сможет более пойти под венец. Поэтому ей придется выбирать, что для нее важнее — ее любовь к Загорскому, причем в грехе или собственная дочь.

Или ее стоит отпустить? Позволить ей уйти к Загорскому? Позволить наконец насладиться тем счастьем, что должно было выпасть на их долю, не вмешайся Анатоль, не намекни императору насчет ссылки для Сергея? Он вспомнил о том дне, когда так жестоко повернул судьбу Загорского. Виноват ли он в том, что случилось? Иногда по ночам он не мог уснуть из-за мук совести, которые настигали его бессонными ночами. Он лежал и смотрел на свою жену и раздумывал, возненавидела бы она его за то, как он поступил.

Какой жестокий выбор для него — собственная честь и спокойная совесть или эта женщина, сидевшая сейчас перед ним! Для него этот выбор был очевиден. Пусть даже она будет ненавидеть его после, но зато она всегда будет рядом с ним. Всегда.

— Развод? — повторил Анатоль, словно не расслышав ее в первый раз. — О чем ты говоришь?

— Почему ты не сказал мне, что двоемужество — преступление согласно законам империи? — ответила Марина вопросом на вопрос, снова переходя на интимное «ты». — Почему скрыл это меня?

Анатоль, как мог, пытался удержать себя в руках. Что еще мог поведать ей Загорский за то время, что она была там? Открыл ли ей пути, по которым она могла избавиться от своего второго брака с минимальными потерями для своей репутации? Это были карты в числе козырных в руках Анатоля в этой партии, а теперь он лишался своих козырей одного за другим. Он не уставал благодарить Господа за то, что Марина выросла в Смольном институте, вдали от влияния своего чересчур деятельной маменьки. Вот уж кто сейчас докопался бы до сути их проблем и в мгновение ока решил бы их в свою пользу. Марина же, воспитанная на французских романах, романтическая до невозможности, была наивна и легковерна. По крайней мере, до этого дня она была именно такой с ним. И он предпочел бы, чтобы так и было в дальнейшем.

— Я не хотел беспокоить тебя по этому поводу, — выкрутился из неловкого положения Анатоль. — Что это изменило бы? Только добавило бы тебе повод для очередного беспокойства. А твой покой, твое счастье для меня — самое дорогое, — он протянул руки и взял в плен ее ладони. Марина тут же вывернулась из его рук, и он понял, что это конец, что он теряет ее. Она поднялась с пола и отошла от него подальше, к окну, стала смотреть на

проезжающие мимо их особняка экипажи, словно это единственное, что интересовало ее сейчас.

Марина не могла смотреть Анатолию в глаза. Она ехала сюда, в этот дом несколько мгновений назад без малейшего намерения затевать этот разговор, без малейшей мысли о расставании. Всю обратную дорогу из дома Загорских она обдумывала варианты, как можно достойным путем выйти из сложившейся ситуации вокруг них троих — Марины, Анатоля и Сергея. Искала, но не находила, в конце концов смирилась и решилась посетить в ближайшие дни инкогнито какого-либо законника. Она готова была сделать все, чтобы ее жизнь и свобода более не висели на волоске, и Сергею не приходилось любой ценой устранять причины этому положению.

Но когда она увидела особняк Воронина, заметила его в окне, то осознала с ужасающей ясностью, что не хочет покидать карету Загорских, не желает идти к этому человеку. Только не теперь, когда она буквально несколько минут назад была с тем, с кем хотела бы провести остаток своих дней, чью боль она чувствовала, как свою собственную. С тем, кто был способен одним легким касанием пальцев зажечь в ней огонь страсти, пробудить ее для любви, заставить себя почувствовать женщиной. С тем, кто пусть даже на несколько часов заставил ее забыть обо всем на свете. С тем, кого она любила с юношеских лет, и ничто не смогло изменить этого ...

Она осознала, что готова отдать многое лишь бы никогда более не покидать той комнаты, откуда она сейчас ехала, никогда не выпускать из своих объятий того мужчину, что оставила сейчас там, за своей спиной. И раз уж ей суждено погубить себя, свою репутацию, то разве не стоит он того? Разве не может она остаться с ним, и гори огнем свет с его осуждением и порицанием? Что ей весь мир, когда она будет рядом с Сергеем?

А Марина хотела быть только с Сергеем. Всегда. И ничто не может этого изменить.

Она повернулась к Анатолию и, вздернув вверх подбородок, глядя прямо ему в глаза, произнесла:

— Те годы, что мы провели вместе, были чудесными, и я очень благодарна тебе за них, а также безмерно благодарна за то, что принял и полюбил моего ребенка. Ты — самый лучший отец, что только мог бы быть у моей дочери, я не кривлю душой, когда говорю об этом. Но я.. Я так и не смогла открыть тебе свое сердце, ибо оно уже давно принадлежит не мне. Мы оба знаем, что даже потеря этого человека и прошедшие годы не смогли убить во мне то чувство, что я испытываю к нему. Я честно пыталась забыть его, выкинуть все мысли о нем, но это невозможно для меня. Его боль — это моя боль, его вздох — мой вздох. Мое сердце стучит только неразрывно с его сердцем. Навсегда. Я думала, что смогу жить без него, я думала, что найти утешение в ребенке, найти успокоение с нашим браке с тобой. Но я ошибалась. Он вернулся, и все мои мысли только там, рядом с ним. И я не могу этого изменить. Зачем тебе нужна жена, что никогда не сможет стать достойной тех чувств, что ты испытываешь ко мне? Поэтому я прошу тебя, отпусти меня. Позволь нам обоим стать счастливыми — и тебе, и мне. Позволь пойти своими собственными дорогами, ведь нам никогда не было суждено идти вместе, и если бы не эта трагическая случайность...

Анатолий смотрел на нее поверх переплетенных пальцев, с трудом подавляя в себе дикое желание крушить все вокруг, разбить все вдребезги. Или встряхнуть ее хорошенько, чтобы раз и навсегда выкинуть из ее головы эти мысли о том, другом. Нельзя было сказать, что он не ожидал этого разговора с тех пор, как вернулся Серж, но он предполагал, что он состоится гораздо позднее, когда Марина будет прочно привязана к своему мужу общим

ребенком.

Но Загорский предпочел устранить себя, как причину того, что Марину могли обвинить в двоемужестве, в своем благородстве утаить все происшедшее от кого-либо, даже не обратившись за разъяснениями к поверенным, избегая любой малейшей огласки. И все планы Анатоля пошли прахом. Значит, теперь ему ничего не оставалось иного, как пойти в ва-банк.

— Теперь ты послушай меня, только послушай внимательно, — произнес Анатоль, с трудом разлепив пересохшие губы. Он сделал последнюю попытку образумить ее прежде, чем пустить в ход свои козыри. — Развод — по любому поводу — это ужасный урон репутации не только тебе, но и твоей семье. На долгие годы. Вспомни, как долго обсуждали разъезд князя Несвицкого и его супруги. Разве стала она счастливее после? Не уверен. Подумай, как весь этот скандал отразится на судьбе твоей, моей, Сержа и его семьи, на судьбе Леночки и твоих родных. Разве ты считаешь, что это стоит того? Поруганные судьбы многих людей стоят твоего счастья? Подумай, какая судьба ждет всех нас из-за твоей случайно прихоти.

— Это не случайная прихоть. И не сиюминутное желание, — возразила ему Марина. — Я стремлюсь к этому всей своей душой.

— Я понимаю тебя, — кивнул Анатоль. — Я тоже на многое пошел бы, лишь бы быть рядом с тобой. Но ты не знаешь одного — развод непременно должен отразиться на одном из супругов таким образом, что в последующем тот никогда, слышишь, никогда не сможет соединить свою судьбу под сводами храма с любимым человеком. Я не желаю стать такой стороной, прямо говорю тебе об этом. Готова ли ты на это? Ведь это означает, что ты никогда не сможешь назвать себя женой Загорского. А дети, что будут рождены в этом браке, никогда не будут признаны законными. Ты готова пойти на этот позор? Еще больший, чем ждет тебя при разводе?

Марина на мгновение прикрыла глаза, а потом снова посмотрела на него и твердо сказала:

— Я готова к этому. Я готова ко всему. Из той ситуации, где мы все сейчас, не выйти без потерь в любом случае. Поэтому прошу тебя,пусти меня.

— Нет, — покачал он головой. — Я не дам тебе развод. Выкинь эти мысли из своей головы.

Она тут же, не раздумывая ни мгновения, бросилась к нему и опустилась на колени рядом с ним. Взяла его за руку и судорожно сжала в своих ладонях.

— Умоляю тебя, Анатоль, — проговорила она, глядя в его глаза с мольбой, что разрывала ему сейчас сердце. —пусти меня. Мы оба знаем, что никогда в моем сердце не будет такой любви к тебе, что я испытываю к нему. Привязанность — да, благодарность — конечно, но любовь... Разве не хочешь ты стать любимым? Я буду согласна взять на себя вину при разводе, чтобы ты смог найти свое счастье, которого ты, безусловно, заслуживаешь, в другом браке.

— Нет, — уже жестче повторил Анатоль. — Я не могу отпустить тебя. Я не отпущу тебя никогда! Слышишь? Ты моя! Ты всегда была моей!

Он вдруг резко схватил ее за плечи и поднял ее с колен, вставая с кресла. Пристально глядя в ее глаза, он опять произнес:

— Нет, я не дам развода, как бы ты ни хотела его. Ты — моя жена, ты венчана со мной перед всеми, и так все и останется! — Анатоль провел ладонью по ее щеке и тихо сказал. —

Я люблю тебя больше жизни.

— Если любишь — отпусти, — снова попросила Марина, но эти слова снова вызвали в нем волну слепящей ярости. Он встряхнул ее, растрепав ее волосы.

— Если ты хочешь, хорошо, я отпущу тебя! Можешь идти к нему и жить при нем полюбовницей. Падшей женщиной. Отвергнутой всеми. Но ты кое-что забыла, моя милая. Элен! По законам российской империи она моя дочь, и если мы подаем на развод, я имею полное право забрать ее у тебя. Да-да, не смотри так удивленно! У тебя нет никаких прав на нее, никаких! Ты больше никогда не увидишь ее, если уйдешь из этого дома. И еще одно — Серж сказал тебе, что подавал прошение на перевод в действующие части, на Кавказ? Третье было сегодня отклонено, но я могу попробовать убедить Его Императорское Величество удовлетворить его. Хочешь? — он прижал ее голову к своему плечу, не в силах более смотреть в ее потрясенные глаза. Анатолий гладил ее волосы, вдыхал слабый аромат ее духов, прижимая ее к своему телу. Только здесь ее место — в его руках! — Так что ты предпочтешь, моя милая? Свою дочь или призрачную возможность счастья с Загорским? Выбирай, моя дорогая, выбирай! Только не продешеви, милая. Я дам тебе ночь на раздумья, всего одну...

Анатолий выпустил ее из своих объятий, отошел в сторону и позвонил. Вошедшему лакею он приказал привезти сюда, в кабинет Марины, маленькую барышню, вызвав безмерное удивление и настороженность у Марины. Когда Леночка переступила порог комнаты, держась за руку своей французской бонны, нанятой недавно Ворониными, Анатолий подхватил ее на руки, жестом отпуская прислугу прочь.

— Посмотри на нее, Марина, — он повернулся к жене так, чтобы она видела улыбающееся личико дочери. — Вот что ты можешь потерять, если решишь уйти отсюда. Думай сама, дорогая.

Марина хотела подойти к ним, коснуться ребенка, но он не позволил ей, отстраняя ее от себя.

— Отдай ее мне! — тихо потребовала Марина у мужа. Тот лишь покачал головой.

— Не раньше, чем ты примешь решение, — он поцеловал Леночку в шею, вызвав этим легкий смешок и какое-то неразборчивое лопотание.

— Это низко! — прошипела Марина, сохраняя изо всех сил самообладание. Ей хотелось плакать, но она держалась, не желая показывать, как ей больно сейчас. — Это недостойно!

— И пусть! — отрезал Анатолий. — Я всегда говорил тебе, что готов пойти на многое, лишь бы быть рядом с тобой. Ты думаешь, что приняла разумное решение расстаться со мной? Убежден, ты ехала сюда и думала, что тебе стоит сделать, как уберечь Сержа от его необдуманного шага пожертвовать собой ради тебя, ведь так? Послушай, что я тебе предложу, моя милая, — он покрепче прижал к себе ребенка и крутанулся вокруг своей оси, вызывая громкий довольный смех Леночки. Со стороны казалось, что он спокоен и весел, вовсю развлекается с ребенком. Лишь Маринина бледность да судорожно сжатые руки нарушали идиллическую картинку счастливого семейства. — Я узнал почти сразу же, как только получил весть, что Загорский жив, что можно сделать, чтобы вывести нас всех из-под этого удара, еще там, в Пензе. Там же никто не знает, кто я, никто не сможет jaser [\[304\]](#). Так вот, моя дорогая, я думаю, ты не захочешь подавать прошение о разводе с Загорским antidater [\[305\]](#). Ведь в этом случае ему никогда не суждено будет вступить в повторный брак, ты же не хочешь такой судьбы для него? Единственный выход при этом — nullité du mariage [\[306\]](#). Приходских записей нет, нет разрешения твоих родителей, и разрешения на брак от

командира Преображенского полка тоже нет, я осведомлялся об этом. Его отсутствие автоматически ставит под сомнение законность этого венчания. Вот так, милая. Вам надо только подать прошение Его Величеству об этом, и все. Ты остаешься моей супругой, а я твоим единственным супругом, Загорский свободен от уз и волен строить свою жизнь, как угодно. Все довольны и счастливы, чем не отрадная картинка, n'est-ce pas, Helen ^[307]? Я бы, конечно, предпочел и дальше все держать втайне и от государя, но другого выхода нет, если твоя мама решила вдруг, что ей будет лучше вдали от нас с тобой.

Марина устало опустила в кресло, глядя на своего супруга с таким выражением лица, словно впервые видела его. Анатоль прекрасно понимал, что она чувствует сейчас, но в то же время осознавал, что поступает верно. Она должна быть с ним. А что до того, как он добивается этого... Qui veut la fin veut les moyens ^[308]

— А сейчас позволь нам с Элен откланяться, — сказал Анатоль, направляясь к дверям. — Я поеду к Вяземским один, сошлюсь на твое нездоровье. А чтобы у тебя не было соблазна...

Он не договорил, но Марина ясно слышала, как щелкнул ключ в замке двери кабинета, а потом также в замке другой двери, идущей из ее половины в дом. Он запер ее, чтобы она не сорвалась нынче вечером, пользуясь его отсутствием, прочь из этого дома. Ведь, такая мысль сразу же пришла ей в голову, когда Анатоль сказал, что он поедет на ужин — взять Леночку и уехать к Сергею, наплевав на все возможные последствия. Она бы скрылась прочь из города, убежала бы от этого человека, которого она так и не узнала полностью, как выяснилось, за все эти годы их брака.

Слез не было. Была только странная горечь во рту да резкая боль в груди, в районе сердца. Свеча в кабинете догорела и погасла, также и огонь в камине превратился со временем в угли, еле тлеющие в темноте комнаты. Марина все так же сидела в кресле, откинувшись на спинку, положив руки на подлокотники. Она ни о чем не думала, прекрасно зная, что иного выхода, чем предложил Анатоль, у нее сейчас нет. Даже если она наберется храбрости и пойдет к Сергею, откроет ему правду о дочери, попросит помощи, то чем тот сможет помочь ей? Абсолютно ничем. Элен по закону дочь Анатоля, и этим все сказано. Законным методом ее не воротить в этом случае, а незаконный... Способна ли Марина толкнуть Сергея на очередной виток страданий и боли? Сейчас, когда он уже почти смирился с тем, что она ушла из его жизни, стала женой другого? А окончить это дело дуэлью, а значит, кровью — Сергея ли или ее супруга, Марина не желала.

Законен ли этот брак? Повторный после ее венчания с Загорским? Скорее всего, да, ведь по всему выходило, что то тайное венчание было проведено все же не по правилам. Разрешение на брак от генерала полка. Было ли оно у Загорского? Она не знала.

Милый, милый, думалось Марине. Прости меня за мои ошибки. Я сама своими руками сделала так, что мы никогда уже не сможем быть вместе. Никогда тебе не узнать, что у тебя есть дочь, плод нашей короткой, но страстной любви.

Когда за окном едва забрезжил рассвет, наполняя комнату ярко-розовым светом, повернулся ключ в замке двери, и в кабинет вошел Анатоль. Он был растрепан, ворот его мундира был расстегнут. До Марины донесся запах алкоголя, и она поняла, что и для него эта ночь не прошла спокойно. Он смотрел на нее покрасневшими от недосыпа глазами, выжидательно, с тревогой.

— Ты не ложилась? — спросил он, заметив, что она по-прежнему сидит в том же кресле, где он оставил ее давеча вечером. Она ничего не ответила, и он прошел к уже

остывшему камину, пошевелил угли, надеясь найти хоть один тлеющий, от которого можно будет разжечь огонь. Анатолий избегал взгляда жены, сидящей в кресле рядом с ним, наблюдающей за каждым его движением.

— Нечего было сидеть тут в холоде, простуду можно схватить, — буркнул он, недовольный чувством вины, разливающимся в его душе. — Хоть покрывало бы накинула.

Марина по-прежнему не произнесла ни слова, и на мгновение холодная рука страха сжала его сердце. Она все же решила оставить его, вдруг подумал он.

— Ну? — спросил Анатолий грубо, поворачиваясь к ней. — Что ты решила?

— Я уступаю вам, — холодно сказала она, и у него затряслись ноги от облегчения, что тут же охватило все его существо. — Вы не оставили мне иного выбора. Я смиряюсь с вашей волей.

Но Анатолию этого было мало. Он хотел, чтобы она раз и навсегда определила для себя свой путь — рядом с ним, его супругой и матерью его детей, чтобы у нее не было ни малейшей возможности свернуть с этой дороги.

— Ты немедленно сообщишь Сержу о своем решении, — заявил он. Марина окаменела, едва удерживаясь, чтобы не ответить резко этому человеку, который, казалось, не знал предела в своей жестокости.

— Я напишу к нему сегодня, — коротко ответила она, сжимая с силой подлокотники кресла. Он наклонился на ней, упираясь руками в спинку кресла, прямо над ее плечами. Ее чуть не стошнило от запаха перегара, который резко пахнул ей в лицо, но она сдержала себя и не отвела своих глаз от его взгляда.

— Нет, — резко выдохнул Анатолий. — Ты поедешь сегодня к нему с визитом, и сама скажешь ему лично о своем решении. Ведь он непременно заслужил это, *n'est-ce pas*? Узнать это лично, а не в холодном письме. Без всяких оговорок.

Марина вдруг резко оттолкнула его от себя, уперев ладони в его грудь, и он был вынужден отступить от ее кресла. Она поднялась и пошла к себе в спальню, словно не в силах долее находиться в кабинете, наедине с ним. В дверях она обернулась к супругу, который едва стоял на ногах, опираясь боком на кресло у камина, чтобы не упасть.

— Как вы можете быть так жестоки ко мне? — спросила Марина без каких-либо эмоций в голосе. — Вы, твердящий каждый Божий день о своей любви ко мне? Откуда в вас такая жестокость? Я же вижу, как вы милосердны ко всем, кто приходит сюда просить вас о заступничестве. Почему со мной вы можете поступать так безжалостно? Что за любовь такая?

Анатолий не нашелся, что ей сказать на эту речь, да она и не ждала его ответа. Развернулась и ушла в спальню, притворив за собой дверь. Упала в постель, прямо вот так — не снимая капота и домашних туфель, и провалилась в глубокий сон, словно ее тело желало набраться сил перед тем, что ей предстояло сделать тем же днем.

Проснувшись Марина около полудня, когда с шумом упала с ее ступни туфля на пол спальни. Тотчас кликнула Дуньку, приказала привести себя в порядок да подготовить к выезду. Та пришла не одна, вместе с Агнешкой, которая тем же вечером почувствовала неладное, и все ходила кругами около спальни Марины, так и не решаясь зайти даже после того, как барин отпер супругу. Она попыталась вызнаться у своей голубки, что произошло, но Марина хранила молчание, не желая делиться ни с кем той болью, что сейчас разрывала ей сердце. Так в молчании ее облачили в платье для визитов, накрутили локоны, прикрепили шляпку шпильками к волосам.

— Ты бы поела, родненькая моя, — взмолилась Агнешка, видя, что Марина намеревается уйти из дома, даже не позавтракав.

— Нет желания, — отрезала Марина и вышла из комнат, поспешив как можно быстрее выехать с этим тягостным для нее визитом. У самой двери в передней ее вдруг перехватила француженка-бонна. Она протянула ей Леночку, которую вынесла на руках из хозяйской половины.

— Monsieur souhaité pour que vous souhaitiez Helen du bon jour, madam ^[309], — сказала она. Дочь потянула к Марине свои маленькие ручки, явно показывая свое желание пойти на руки к матери. Марина притянула Леночку к себе и крепко прижала к себе, вдыхая детский аромат, от которого у нее навернулись слезы на глаза. Она понимала, зачем Анатоль попросил бонну вынести к ней Леночку перед самым уходом. Этим он словно говорил ей: «Помни, моя дорогая, о своем выборе!»

Марина смутно помнила, как ехала к особняку Загорских. Весь путь прошел, словно в тумане. Она раскланивалась с многочисленными знакомыми, что встречались ей в дороге, и улыбалась им, но если бы ее спросили, кого именно она встретила, Марина не смогла бы дать ответ на этот вопрос. Она надеялась, что Сергея не будет сейчас дома или он не сможет принять ее, но как назло, дворецкий почти сразу же вернулся после того, как отнес ее карточку молодому хозяину, и повел ее внутрь дома, но уже в другую половину, туда, где принимали гостей.

Сергей ждал ее там, в салоне, куда ее проводили. Он был гладко выбрит, причесан, от него веяло такой свежестью, что казалось, Марина даже на таком расстоянии, разделявшем их, могла почувствовать запах его чистой кожи. Ничто сейчас не напоминало о том человеке, с которым еще меньше суток назад она столкнулась в одной из комнат этого дома. Она не могла открыть рот, боясь, что сейчас расплачется при виде его, такого красивого, в мундире, словно она вернулась в прошлое, назад на несколько лет, и потому не произнесла ни слова, предоставляя тому начать обмен приветствиями. Сергей быстро пересек комнату и подошел к ней, чтобы приложиться к руке. Затем, обменявшись приветствиями и положенными дежурными фразами о погоде и здравии, они разошлись по разным углам салона — он встал у окна, заложив руки за спину, словно боясь не совладать с собой и коснуться ее; она же, вцепившись в ридикюль, заняла место у стены напротив, делая вид, что весьма заинтересовалась картиной над каминной полкой.

Как сказать ему? Где найти те слова, что не ранят его так сильно при том известии, что она принесла ему? Поймет ли Сергей, почему она поступает именно так, почему выбирает другого? Марина в отчаянье теребила мочку уха, не замечая столь привычного для нее жеста, Сергей же смотрел на ее движения с какой-то странной нежностью в глазах. Она обратила внимание на его взгляд и вспыхнула под воздействием потока воспоминаний, который нахлынул на нее в тот же миг. Они настолько хорошо знали друг друга, что ей даже не стоило ничего говорить о своем душевном состоянии — один небольшой жест выдавал с головой ее волнение сейчас.

— Говори же, — мягко произнес Сергей, и она решилась — быстро, не давая себе времени на раздумья, проговорила:

— Я приняла решение расторгнуть брак, — сказала и замолчала, поразившись тому, что заметила в его глазах. Сначала мелькнуло неверие, он взгляделся в ее лицо, и неверие сменилось надеждой и радостью. Он вдруг резко сорвался с места, взял ее за руку и поднес ее ладонь к губам в таком жарком поцелуе, что у нее затряслись колени. Он ошибся, поняла

Марина с горечью, осознав, как можно было истолковать ее слова, после того, как она сама обещала в этом доме недавно, что он непременно будет счастлив, после того, как сама приехала к нему нынче утром.

О Боже, ее затрясло нервной дрожью, она боялась сказать ему то, что должна была поведать. Она не плакала нынче ночью, а сейчас при виде его склоненной головы над ее рукой, при виде надежды в его глазах слезы сами сорвались с ресниц. Одна из них упала ему на руку, и он напрягся, поднял на Марину взгляд, по-прежнему не выпуская ее ладони.

— Значит, это *наиб*рак ты желаешь расторгнуть, — глухо произнес Сергей, поглаживая большим пальцем ее ладонь. Этот нежный жест заставил ее затрепетать. Она не смогла произнести сейчас то, что должна была, и потому только кивнула в ответ.

— Что ж, это тоже выход из положения, — едва слышно согласился он и перевел взгляд на свой палец, ласкающий ее кожу, словно ему было невыносимо смотреть ей в глаза. — Я почему-то предполагал, что так и будет, когда его сиятельство передал мне твои слова. Весьма опасался, что жалость ко мне может толкнуть тебя на необдуманные поступки, что я не смогу защитить тебя в этой ситуации от тебя же самой. Но ты поступила благоразумно, как я полагаю, посоветовавшись со своим супругом. Что ж, расторжение так расторжение. Я думал и об этом ранее, но не смел предложить тебе пойти на этот риск. Все же существует опасность, что наша тайна может стать явной, и в этом случае твоей репутации пришел бы конец. Расторжение.... Все верно. У вас подрастает ребенок, и признай мы наш с тобой брак — он стал бы... стал бы вне закона, — произнес как можно мягче те страшные слова, что резанули ее сознание. — Разумеется, я возьму на себя вину при прощении. Иначе и быть не может. Иначе быть не должно.

— Нет, — покачала Марина головой. — Тебе не стоит этого делать. Брак можно признать *mariage nul* [\[310\]](#). В этом случае ты сможешь вступить в брак повторно. Я бы очень этого хотела...

Она осеклась, осознав, что именно сейчас сказала, совсем не вкладывая этот смысл в свою реплику, хотела поправиться, но поняла, что не может найти для этого слов сейчас. Как странно! Впервые она не знала, что сказать ему.

Сергей же понял ее по— своему. Он отпустил ее ладонь и отошел от нее снова, скрестив руки на груди.

— Ты хотела бы, чтобы я женился? — повторил он ее слова. Марина взглянула на него сквозь слезы.

— Ты прекрасно знаешь, что я хотела сказать. Я больше всего на свете хочу, чтобы ты был счастлив. Пусть даже такой ценой.

Черты его лица смягчились при этих словах, но он по-прежнему стоял на расстоянии от нее, буквально белый от напряжения, лишь щрам алел на его лице.

— На каком основании брак может быть признан *mariage nul*? — спросил Сергей.

— Нет родительского разрешения, отсутствуют приходские, записи и нет разрешения из полка, — повторила Марина слова Анатоля. Сергей коротко кивнул, признавая правоту ее слов. — Все это ставит под сомнение законность венчания, и можно без особого труда добиться аннулирования брака.

Они оба помолчали, не зная, что еще могут сказать друг другу в сложившейся ситуации. Потом она вспомнила реакцию на слова о разводе другого мужчины, и удивилась тому, что сейчас происходило здесь, в этой комнате.

— Почему ты так легко отпускаешь меня? — вдруг сорвалось с ее губ с сожалением.

Марина сама не понимала, какую боль причиняет ему сейчас своим вопросом. Он вскинул голову и посмотрел на нее долгим внимательным взглядом. Потом лишь слегка улыбнулся и проговорил:

— А разве я могу иначе? К чему мне мучить тебя более? Я никогда не думал о том, что смогу отпустить тебя от себя, и помыслить не мог об том. Но нынче, осознавая, что нет иного пути принести пусть не счастье, но покой в твою жизнь... Я принимаю твое решение, каким бы оно не было, я всегда поступлю так, как ты решишь, как тебе будет лучше, даже тогда, когда сам буду едва дышать от боли. Разве не этого ты ждала от меня? Скажи ты только слово, только одно слово, и я буду бороться за наш брак, бороться за тебя. Но каждый мой шаг, каждое мое действие может причинить вред тебе, и потому я бессилён сделать что-либо. И я отступаю. Ибо такова твоя воля, милая.

Марина застонала про себя. Почему, ну, почему они такие разные, эти мужчины? Тот, от которого она ждала понимания всей ситуации, какого-то благородства, отказал ей в этом, а другой, который всегда предпочитал поступать только согласно своим желаниям, сейчас отступал, уважая ее решение.

Ну, вот и все. Она сказала ему то, что должна была, более ей нечего было делать в этом доме. Она посмотрела на Сергея, и он, прочитав ее мысли, позвонил, чтобы ее проводили. Это напомнило ей, как они ранее могли угадывать желания друг друга еще до того, как они были высказаны вслух, и это воспоминание причинило ей невыносимую боль. Марине сейчас было тяжело до безумия расстаться с ним навсегда и видеть его отныне лишь, как приятеля супруга на светских мероприятиях — на расстоянии, обмениваясь лишь вежливыми фразами и жестами. Снова чужие друг другу люди, некогда делившие друг с другом радость взаимной любви. Всего несколько дней, там, в Киреевке, но для них эти дни были маленькой жизнью.

Ей вдруг захотелось, чтобы он знал, почему она поступает так, почему не борется за свое счастье с Сергеем, и Марина быстро проговорила, глядя в сторону:

— Я делаю это только из-за ребенка. Не будь дочери, я бы ушла от него, невзирая на то, что сулило бы будущее.

Он замер над ее рукой, которую целовал на прощание, потом поднял свой взгляд на нее. У Марины перехватило дыхание от той нежности, что излучали его глаза.

— Я знаю, милая, — сказал Сергей едва слышно, и она еле сдержала слезы, так и норовившие пролиться из ее глаз. — Я знаю.

— Ты...? — начала она, но запнулась, не зная, как спросить его, не вернется ли Загорский опять к своим порокам, но он понял ее. Уголок его рта приподнялся в усмешке.

— Со мной все будет хорошо, — заверил ее Сергей, а потом добавил, заметив, что распахнулись двери в салон, впуская лакея, явившегося на зов. — Я полагаю, вы дадите мне знать, когда потребуется мое присутствие. Уверен, Его Императорское Величество непременно пожелает сам разобраться в обстоятельствах этого дела.

Они кивнули друг другу, и Марина принялась натягивать перчатки, не попадая сразу пальцами в них — так у нее дрожали руки. Затем они снова взглянули друг на друга.

— Прости меня, — прошептала Марина еле слышно. Он покачал головой, глазами говоря ей, что он давно простил ей этот поспешный брак с Ворониным, навсегда разделявший их теперь. Она подобрала юбки и двинулась к двери, следуя за лакеем, что повел ее в переднюю. Спиной Марина чувствовала на себе взгляд Сергея — прощальный, полный тоски и щемящей души нежности. Он отпускал ее. Навсегда.

Это страшное слово вдруг словно отпечаталось в мозгу Марины со всей ясностью. Она осознала, что нынче это действительно был конец их любви, такой короткой, такой сладостной. Тогда, в Киреевке она не поняла этого, в ней была жива надежда, что можно изменить что-нибудь. Но нынче, чувствуя спиной его взгляд, ее сердце сжалось от этой невыносимой для нее потери. Она вдруг остановилась в дверях и резко развернулась. Рванулась к этому мужчине за своей спиной, путаясь в юбках, забывая о лакеях, что виднелись в коридоре и с интересом наблюдали за ними через распахнутые двери.

Сергей, завидев ее движение к нему, пошел навстречу широкими шагами и принял ее в свои объятия, в которые Марина просто влетела с силой, едва не сбив его с ног. Они стиснули друг друга в руках, прижимаясь телами настолько близко, насколько позволяли ее юбки. Они молчали, разделяя друг с другом эти последние минуты, когда они могли насладиться близостью любимого человека. Никогда им более не взглянуть в глаза с любовью, никогда не коснуться губ губами. Все это им суждено оставить в прошлом. Навсегда.

— Ты всегда был моей мечтой, — вдруг прошептала Марина в его ухо. — С того самого первого дня, как я увидела тебя. Ты так улыбался мне... Я сразу почувствовала, что ты — моя судьба. Ты всегда останешься ею. Где бы и с кем бы я ни была.

Сергей ничего не ответил ей, лишь крепче прижал к себе, ласково глядя пальцами ее шею. Потом он немного отстранил Марину от себя и взглянул в ее глаза, взяв ее лицо в свои ладони.

— Я хочу, чтобы ты знала одно. Даже если наш брак будет расторгнут, ты по-прежнему будешь моей женой перед Богом, — прошептал он, глядя в эти глаза, что так часто представлял себе. — Ты его супруга перед людьми, но перед Господом — ты моя, слышишь, моя! И когда-нибудь, за той самой чертой мы сможем соединить свои руки и навсегда будем вместе. Я верю в это, только в это. И ты тоже верь. Ибо это будет. Будет!

Он склонился и нежно коснулся губами ее рта. На всю жизнь Марине будет суждено запомнить этот поцелуй — такой сладкий от его губ, соленый от ее слез и горький от их потери и сожаления одновременно.

Потом Сергей прервал поцелуй, на мгновение прислонился лбом к ее лбу и все-таки отпустил ее, разжав объятия. Отступил назад на один шаг. «Иди, моя милая», — говорили его глаза, и от нежности, что светилась в них, у Марины перехватывало дыхание в груди. Она нашла в себе силы развернуться от него к двери, пройти мимо лакея, старательно отводящего глаза в сторону от ее заплаканного лица. Ей было едино, что сейчас будут думать слуги Загорских, ей было так больно сейчас, что она еле шла, едва разбирая путь к выходу сквозь слезы.

Позади нее с глухим стуком захлопнулись двери салона под рукой лакея. И этот стук отразился в душе Марины. Она прислонилась к стене, не в силах более держаться на ногах, и к ней тут же поспешил лакей.

— Что с вами, ваше сиятельство? Вам дурно? — он слегка поддержал ее за локоть. Марина нашла в себе силы выпрямиться и покачала головой, показывая, что с ней все в порядке. Она прошла из дома как в тумане, не видя ничего перед собой. Прежде чем забраться в карету, лесенка которой уже была откинута заботливой рукой ее гайдука, распахнувшего дверцу перед ней, Марина обернулась и взглянула на окна особняка, хотя запретила себе делать это.

Занавесь на одном из окон дрогнула, и она поняла, что Сергей стоит и наблюдает

сейчас на ее отъезд. Ее уход из его жизни.

Господи, было ли ей так же больно тогда, когда она потеряла его в первый раз? Марина не смогла ответить на этот вопрос. В последний раз она взглянула на окно, затем собралась с духом и при помощи выездного зашла в карету. Лакей захлопнул дверцу, и экипаж медленно покатился прочь от дома Загорских, оставляя позади ее сердце.

Прощай, моя любовь...

Спустя пару дней после ее разговора с Сергеем Анатолю уведомил Марину о том, что государь дал свое согласие на встречу с Загорским, чтобы узнать все детали их щекотливого дела прежде, чем принять по нему резолюцию и передать далее для рассмотрения в Синоде.

— Он желает видеть только Сергея Кирилловича? — с сомнением в голосе спросила она у Анатоля. Тот отвел глаза в сторону, буквально на мгновение, и она поняла, что и тут он приложил руку. Марина уже знала каждый его жест.

— Я считаю неразумным для тебя присутствовать при сем разговоре. Это совсем не к чему. Серж сможет и сам поведать об этом деле Его Императорскому Величеству.

Разумеется, подумала Марина, сумеет. Сергей готов принять на себя всю вину за случившееся, вполне способен пойти на этот шаг ради нее, не раздумывая особо о последствиях. К тому же, он никогда не был в фаворе у государя, и один только Бог мог знать, чем закончится для него эта беседа с императором.

— Я тоже должна поехать на эту аудиенцию, — решительно заявила она Анатолю. — И я поеду на нее.

— О Боже, ты хоть представляешь себе, что тебя там ждет? — взорвался он. — Я даже не могу представить, как это может разозлить государя. Зачем тебе ехать туда? Зачем? Ради него? Разве ты не можешь просто последовать моему решению? Я мог бы сказать Его Императорскому Величеству, что ты нездорова. Прошло бы время, и многое забылось бы. Ты представляешь, как это может отразиться на мне?! На моей службе?

Это только подстегнуло Марину принять вызов во дворец, когда на следующий же день после этого разговора приехал государев курьер и привез ей вызов во дворец. Странно, но она не испытывала ни малейшего страха или волнения ровно до тех пор, пока карета не повезла ее к подъезду дворца, а лакей не принял легкий салоп и шляпку из ее рук. Ее проводили в приемную государя, где ее встретили любопытными взглядами присутствовавшие там многочисленные просители и флигель-адъютанты.

Анатолю было там. Он тот час подошел к ней, едва заметил ее в приемной. По его виду она поняла, насколько он зол, что Марина не последовала его распоряжению.

— Вас вызовут спустя четверть часа, — холодно бросил он ей. — Будьте готовы, моя дорогая — государь нынче не в духе. Я просил вас не приезжать сюда, готов был принять на себя его гнев, но вы рассудили иначе.

Анатолю немного задержался у нее еще на пару мгновений, просто молча стоял рядом, а затем коротко кивнул и удалился. Марина прошла по приемной в желании найти свободное место в креслах у стен, ее ноги просто ходили ходуном и не держали ее. Ей уступил место какой-то генерал, кивнув ей вежливо, и она ответила ему полуулыбкой и книксеном. Боже, может, Анатолю было прав, и ей не следовало приезжать сюда, поддавшись своему порыву? Сможет ли она выдержать эту аудиенцию и не сорваться на эмоции? Она слышала, что государь своим гневом мог довести до слез даже мужчину, что уж говорить о ней, слабой женщине.

Внезапно Марина почувствовала на себе пристальный взгляд и подняла глаза от ридикюля, что вертела в своих руках сейчас. Это был Сергей. Он стоял у противоположной стены в кругу своих знакомых офицеров, что присутствовали тут по каким-то своим причинам. Казалось, он ничуть не переживает по поводу того, что предстояло им сейчас

выдержать по ту сторону этой большой двухстворчатой двери. Он коротко кивнул ей, улыбаясь одними глазами, и Марина склонила голову, приветствуя его.

Спустя более четверти часа из кабинета Его Императорского Величества вышел флигель-адъютант и громким голосом объявил имена Марины и Сергея, вызвав недоуменные и любопытные перешептывания в приемной. Марина поймала взгляд Анатоля с противоположного конца приемной, где тот разбирал какие-то бумаги в толстой папке. Его глаза, казалось, говорили: «Не говори, что я не предупреждал тебя!»

Марина подошла к дверям одновременно с Сергеем и вошла с ним в кабинет государя практически плечом к плечу.

— Что ты здесь делаешь? Я думал, он передал тебе мою просьбу не приходить сюда, — быстро шепнул ей Загорский, пока они входили, и она так удивилась услышанному, что споткнулась при входе, но сумела быстро выправиться.

Государь стоял у стола и казался глубоко погруженным в бумаги, что просматривал. Он так долго не обращал на вошедших никакого внимания, что у Марины, опустившейся в глубоком реверансе затряслись ноги от напряжения. Наконец он поднял голову и кивком показал, что и она, и Сергей, склонивший голову в низком поклоне, могут выпрямиться.

— Я не поверил своим ушам, когда мне поведали о том, что произошло. А когда было передано прошение, это неумолимое свидетельство того, что мой слух меня не подвел..., — император не стал договаривать свою фразу, а перевел взгляд своих острых глаз на Марину, потом на Загорского. — Не потрудитесь ли объяснить мне, сударь, как могло сие произойти? Умыкнуть невесту почти из-под венца, ведь я не ошибаюсь, мадам, вы были на тот момент обручены с графом Ворониным?

Марина почувствовала, как у нее снова задрожали колени от тона, которым был произнесен этот вопрос. Она знала со слов Анатоля, что государь не любит извилистых речей и длинных объяснений, а посему просто произнесла:

— Вы правы, Ваше Величество, на тот момент я считалась невестой его сиятельства, но лишь названной. Обручение тогда еще не состоялось.

— Но вы дали ему свое слово? Свое честное слово?

— Да, Ваше Величество, — пролепетала Марина, только сейчас осознав, что угодила в ловушку.

— Прошу покорно простить меня, Ваше Императорское Величество, но в том нет вины ее сиятельства, — вдруг вступил Загорский, нарушая правила аудиенции, гласившие, что не может говорить тот, к кому государь не обращался непосредственно. Тот вперил свой гневный взгляд на Сергея, но не оборвал его, позволяя тому продолжать свою речь. — Лишь я виноват в том, что ее сиятельство презрела свое воспитание и правила приличия и согласилась тайно пойти со мной под венец. Мой опыт позволил мне сбить ее с праведного пути и пойти на этот недостойный шаг.

— Ваш опыт! — фыркнул государь в усы. — Знаем мы ваш опыт, князь! Совратить юную особу! Благо, что вы все-таки назвали ее своей супругой, хоть и не перед всеми.

— Прошу простить меня, Ваше Величество, за сей недостойный поступок. Любви замутила разум, — коротко ответил Сергей, глядя в глаза императору. — Мы не могли ждать долее. Смею напомнить, что мною было получен приказ выехать в Нижегородский драгунский полк для дальнейшего прохождения службы. Времени на то, чтобы сделать все согласно общепринятым правилам не оставалось.

— И вот так! Как вор! — громко вскрикнул государь, и Марина вздрогнула при этом.

Император, заметив ее испуг, немного смягчил тон своего голоса, но продолжал свою речь. — Вы сами понимаете, что поступили недостойно, но вы, мадам..., — он покачал головой. — Пойти под венец, только недавно получив весть о гибели супруга. Я удивлен, не скрою, вашим поступком. Что толкнуло вас на этот шаг? Почему вы не открылись о своем положении? Почему не выждали срок траура прежде, чем идти под венец? Разве так полагается поступать в нашем обществе?

Марина ступевалась под его взглядом, под его грозным напором. Она пыталась найти слова, чтобы объясниться, запнулась, покраснела от страха и стыда. Вновь за нее это сделал Сергей.

— Ваше Величество, смею напомнить вам, что наше венчание было совершено в глубокой тайне, и даже родные не ведали о том, что случилось меж нами. Это была моя просьба, и ее сиятельство ее выполнила. А что касается столь поспешного брака с графом Ворониным Анатолом Михайловичем, то тут виной выступили только стесненные обстоятельства семейства ее сиятельства и нежелание ее родителей потерять выгодную партию для дочери, коей несомненно и по праву считался граф. Ее сиятельство не могла послушаться родителей в их воле и покорно пошла под венец с тем, на кого было указано, как и положено покорной дочери. Тем паче, она была свободна тогда от всякого греха — ведь ее первый супруг был признан умершим.

Государь немного помолчал, глядя на Марину, потом отвернулся от них к окну, стал наблюдать за движением в этот час по Неве. Не поворачиваясь к ним, он произнес спустя несколько мгновений:

— У вас, сударыня, есть язык? Вы сможете ответить на пару моих вопросов?

Марина вспыхнула от обиды и прикусила губу, слезы навернулись на глаза. В тот же миг ее руки быстро коснулись в мимолетном касании ладонь Загорского, подбадривая, успокаивая. И она нашла в себе силы собраться с духом и ответить императору:

— Я готова ответить на все вопросы Вашего Величества.

— Что ж, прекрасно, — государь теперь повернулся к ней лицом и смотрел прямо ей в глаза. — Я понимаю, что вы пошли под венец в первый раз вследствие чувств, а во второй — следуя велению долга. Или что-то иное толкнуло вас на столь поспешный повторный брак?

Он пристально смотрел ей в глаза, и у Марины пересохло в горло от волнения. Ей казалось, что государь знает ответ на этот вопрос, знает то, что она так тщательно скрывает. Тем не менее, она покачала головой:

— Только желание следовать воле моих родителей.

— А каково ваше желание нынче, мадам?

— Стать примерной спутницей жизни своему супругу, — ответила Марина и только потом поняла, что в очередной раз совершила промах, когда государь вкрадчиво спросил:

— Которому, мадам?

Марина сразу не нашла с ответом, настолько она была взволнована в эту минуту. Она знала его сердцем, но как можно было сейчас произнести его вслух, когда сама же просила нынче государя об обратном. Но и тут ее опять спас Загорский:

— Тому, с которым она прожила несколько последних лет, от которого имеет дитя и которого по праву может назвать своим супругом. Я же не могу иметь такой чести считаться таковым по истечении столь долгого срока отсутствия.

— Значит, вы подаете прошение о расторжении вашего брака Святейшим Синодом, *est-ce vrai* [\[311\]](#)?

— Именно так, Ваше Императорское Величество, — подтвердил Загорский, склоняя голову. Государь подошел к столу и, мельком просмотрев бумаги, достал одну, пробежался глазами по ней. Потом поднял глаза на Загорского. — Значит, нет никаких бумаг о браке. И даже разрешения на венчание от генерала полка нет, ведь его нет?

Марина услышала, как немного дрогнул голос Сергея, когда он ответил, не отрывая взгляда от глаз государя:

— Нет, Ваше Величество, разрешения на брак нет.

Государь помолчал после этой реплики, а после опустил за стол и начал барабанить пальцами по его поверхности. По всему было видно, что он разозлен и раздражен ситуацией, которую ему приходилось сейчас разбирать.

— Ну, что же, — наконец проговорил он, когда молчание в комнате стало настолько ощутимо, что давило на нервы стоявших перед столом императора. — Раз таково ваше пожелание, и в соответствии обстоятельствам вашего дела, я думаю, этот ваш тайный брак можно будет признать незаконным, вследствие чего тот будет признан не имеющим юридической силы. На этом основании ваш брак, сударыня, с его сиятельством графом Ворониным будет признан единственным и верным. Я понимаю, ваше стремление сохранить в секрете все обстоятельства этого дела, потому ваше прошение будет нынче передано обер-прокурором на тайное рассмотрение только первенствующему члену и ограниченному количеству членов Святейшего Синода, — государь позвонил, и тотчас двери кабинета распахнулись, впуская внутрь молодого флигель-адъютанта. — Проводите, — коротко бросил ему император, а после склонившимся перед ним Сергеем и Марине. — Вы свободны. Прощайте.

Они еще раз склонились перед императором, а после вышли из кабинета вслед за адъютантом, который проводив их, тут же скрылся в кабинете государя. Только здесь в приемной Марина осознала, как у нее тряслись пальцы рук, как мелко дрожали колени. Ее даже стало немного мутить от пережитого волнения и страха.

— Как вы себя чувствуете? Вам дурно? — прошептал ей тихо Сергей, слегка поддерживая за стан. — Присядемте.

Но тут, словно черт из табакерки, к ним неожиданно подступил Анатоль, быстро промелькнув среди многочисленных посетителей приемной. Он взял Марину за руку и немного потянул на себя, чтобы Загорский отпустил ее из своих рук, что тот тут же сделал.

— Как все прошло? — спросил Анатоль у них обоих, глядя при этом на Сергея. — Его Величество очень зол?

— На удивление, все обошлось, — проговорил Сергей, то и дело косясь на бледное лицо Марины. — Дело вскорости будет тайно рассмотрено в Синоде, но государь заверил, что брак будет признан недействительным.

— Тебя зовут к государю, — обратил Анатоль внимание Сергея на флигель-адъютанта, несколько раз громко произнесшего имя князя. — Надеюсь, не за этим делом.

— Сейчас узнаем, — Сергей перевел взгляд на Марину. — Отвези ее домой, прошу тебя. Ей, похоже, не по себе сейчас и нужен покой. Почему ты не смог не убедить ее не приходить сюда? Я же сказал, что сделаю все сам.

— Ее было трудно удержать, — возразил ему Анатоль. — Только запереть на замок, но не думаю, что это помогло бы. Иди, не стоит заставлять Его Императорское Величество ждать. Я провожу свою жену.

Марина попыталась улыбнуться дрожащими губами Загорскому, когда он целовал ее

руку на прощание, показывая, чтобы он не волновался за нее и со спокойной душой шел по зову флигель-адъютанта. Анатолий сразу же вывел ее из приемной и повел к экипажу, что по его распоряжению уже ждал у подъезда. Он помог ей накинуть на плечи салоп, завязал сам ленты ее шляпки, потому как руки у его жены ходили ходуном, и она не могла этого сделать самостоятельно.

— Чем ты недоволен? — спросила Марина, заметив его плотно сжатые губы. — Я сделала все, как ты хотел. Теперь я принадлежу только тебе, как ты и желал.

— Зачем ты поехала сюда? Зачем? — бросил ей Анатолий, больно сжимая пальцы, помогая войти в экипаж. — Тебе не стоило этого делать. Эта история и так может повредить мне, а твое присутствие здесь... Думаешь, твои дерзкие глаза прибавили благодушия Его Императорскому Величеству? Неужели думаешь, по ним нельзя прочесть...? Убежден, он теперь недоволен тобой, как моей супругой. Не представляю, что будет теперь! Государь был так зол, когда я передал прощения. Убежден, что за этим последует удаление от двора.

Марина же устало прикрыла глаза. Эта аудиенция, казалось, отняла все ее силы, а осознание того, что теперь обратной дороги уже нет и не будет, что ее брак с Загорским расторгнут, причиняло ей нестерпимую боль, вызывало жгучие слезы в глазах. Ей хотелось сейчас только одного — чтобы ее обняли, утешили, сказали, что, несмотря на все невзгоды, все непременно будет хорошо в ее жизни. И она неожиданно для себя самой, забыв про все обиды, что этот человек причинил ей, потянулась к нему. Она коснулась его руки, лежащей на дверце кареты, и проговорила:

— Когда ты вернешься домой нынче? Надеюсь, пораньше. Ах, Анатолий, мне так не хочется оставаться одной сейчас! Если бы ты мог поехать со мной...! Не хочу оставаться наедине со своими мыслями.

Он перевел взгляд на ее лицо и заметил растерянность и боль в ее глазах. Казалось, он сейчас сядет в карету вместе с ней. Но потом он медленно покачал головой.

— Я не могу оставить службу и уехать, я повторял тебе неоднократно, как важна для меня моя должность. А нынче вечером государь едет в оперу, и я обязан сопровождать его. Попросить его отпустить меня я не могу — слишком многое случилось, слишком многое нужно исправлять. Я не уверен теперь, что мое положение не пошатнулось. Мне нужно приложить все мои силы и усердие, чтобы выправить эту ситуацию.

Маринины плечи поникли. Она знала, что он настолько ценит свою службу, но полагала, что Анатолий сможет приехать нынче домой ранее обычного, если она попросит. Ради нее. Ради их будущего.

Анатолий заметил ее разочарование и поспешил исправить ее мнение о себе.

— Я приеду, как только смогу, милая. Езжай домой и отдохни. Нынче был сложный день у всех нас, — с этими словами он поднес руку жены к губам и нежно коснулся их. Но было уже поздно — момент слабости Марины, которым он мог бы воспользоваться, ушел, теперь она нашла в себе силы успокоиться и без его поддержки, движимая жгучей яростью, что разлилась внутри нее при его словах. Как он может говорить о своей любви и так поступать с ней? Какая же она дура, что попросила его!

Анатолий отступил назад, и лакей захлопнул дверцу кареты, отгораживая Марину от мужа. Она отвернулась от супруга, стоявшего на ступеньках и наблюдавшего за ее отъездом. Ей не хотелось даже встречаться с ним взглядом, сам его вид сейчас вызывал в ней только злобу и раздражение.

По приезде в особняк ей сообщили, что Марину дожидается ее маменька в малой

гостиной. Это еще больше усилило плохое настроение Марины. Она не ждала Анну Степановну из деревни так скоро — еще даже не минуло Вознесение, еще три недели. Обычно мать приезжала в Петербург только на время сезона, экономя те немногочисленные средства, что достались ее семье в наследство после смерти тетушки.

Зачем мать приехала так рано? Что теперь стряслось в их семье? Ужели опять Лиза? Так думала Марина, снимая в раздражении перчатки, дергая их с пальцев так сильно, что тонкая лайка порвалась от неосторожного движения.

Ее средняя сестра жила в Петербурге совсем не по средствам, надеясь на помощь маменьки и зятя, графа Воронина, которого ежемесячно умоляла увеличить выделенное ей содержание, ссылаясь на многочисленные траты по хозяйству и содержанию квартиры и выезда. Но все прекрасно понимали, что эти траты относятся отнюдь не к хозяйственным. Это были карточные долги мужа Лизы и расходы на обновление широкого гардероба ее и ее супруга, который питал просто патологическую страсть к шелковым жилетам и галстукам. Они изо всех сил стремились поддерживать тот образ, что с самого юношества нарисовала себе Лиза в своем воображении — превосходная молодая пара, в самом вихре светского общества. И ходя это общество, в основном, ограничивалось гвардейскими собраниями и балами, Лиза была довольна и этим. Иногда ей удавалось получить приглашение на ужин или бал более высокого уровня, и тогда ее счастьем не было предела.

В общем, она вела типичный образ светской женщины, интересующейся только балами, раутами и изредка новыми театральными постановками. Даже рождение сына несколько месяцев назад не изменило образа жизни сестры Марины. Только прибавилась новая статья расходов — на няню и кормилицу, которая стояла в списке чуть повыше расходов на содержание остальной прислуги и намного ниже расходов на новые наряды и шляпки. В основном о ребенке старалась заботиться Марина, которая стала крестной матерью этого младенца.

Поэтому Марина и решила сейчас, что мать приехала сюда опять просить за любимую дочь, как сделала это однажды, когда как-то Анатолий наотрез отказался оплачивать очередные счета Лизы. Неужели и теперь ее сестрица что-то натворила? Или мать приехала просить денег сама, как бывало несколько раз эти годы? Предстоящий выезд в свет еще одной сестры Софи, Ольховские могли не потянуть, и уже неоднократно Анна Степановна просила Марину поспособствовать ей в этом, тем паче она сама выводила в свет в этот сезон сестру Анатолия. Той тоже уже минуло шестнадцать, пришла пора выезжать.

— Добрый день, маменька, — поздоровалась Марина с Анной Степановной, входя в гостиную. Та сразу же поднялась с кресла при виде дочери. Она была бледна и чересчур взволнована, ее губы слегка подрагивали, отметила Марина про себя, получая традиционные поцелуи в щеки и в лоб.

— Надеюсь, и вы, и папенька, а также сестры — в добром здравии, — проговорила она, развязывая ленты шляпки и кидая ее в сторону, на канапе у окна. — Как дела в Ольховке? Как прошел посев?

— Благодарю, милая, все наши в добром здравии, а дела в Ольховке идут не лучше, чем обычно, — ответила Анна Степановна. Она предложила Марине разделить с ней чайную трапезу, что сервировали ей слуги за то время, что она ждала дочь. — Ты была во дворце? Так мне сказали.

— Да, с небольшим визитом, — уклончиво ответила Марина, наблюдая за тем, как Анна Степановна разливает чай по парам дрожащими руками. Ей искренне хотелось думать, что

ее мать не подхватила ту болезнь, что заставляла уголки рта пожилых людей опускаться, а руки ходить ходуном. — Вы виделись с Лизой? Как она? Я не была у нее уже седмицу с половиной, все была занята. Как Тошенька?

Мальчика Лизы окрестили Антоном, в кругу семьи он стал называться Тошенькой с легкой руки Марины.

— Я не видалась с ним еще, — проговорила мать Марины, вызывая в ней глубокое удивление, ведь та всегда по приезде в Петербург спешила сначала к своей любимой дочери. — Я даже не заезжала в городской дом, а сразу же прибыла сюда.

Анна Степановна вдруг достала из рукава платок и промокнула глаза, в которых Марина заметила слезы. Боже, неужели все же что-то случилось с кем-нибудь из семьи?

— Что случилось, маменька? — мягко спросила она и положила руку на ладонь Анны Степановны, лежащую на столе рядом с парой. Мягкость ее тона, ее ласковый жест заставили ту вообще залиться слезами, что привело Марину в ужас — она лишь пару раз видела слезы матери, но такого плача ей встречать еще не доводилось. Она быстро позвонила и попросила принести воды и успокоительных капель, которых тут же предложила Анне Степановне. Та выпила лекарства и немного успокоилась, по крайней мере, могла уже говорить со своей дочерью.

— Я слышала, вернулся Сергей Кириллович Загорский, — начала она, и Марина отвела взгляд в сторону, ибо даже только упоминание его имени сейчас причиняло ей боль. — Он был в плену все эти годы и вернулся. Это верно?

— Да, маменька, — глухо ответила Марина, сжимая пальцы. — Это правда.

— Значит, ваш брак с Анатолом Михайловичем... он недействителен? — спросила Анна Степановна аккуратно. — А как же Леночка? Что с ней? Что будет теперь?

— Ах, ничего, маменька, не будет! — раздраженно ответила Марина матери, что заставило ту снова заплакать, заслышав нотки горя и боли в голосе дочери. Марина тут же снова наклонилась к ней, чтобы утешить, но тут ее взгляд упал на странный сверток, лежащий на столе. Ранее она его не заметила, что удивительно, учитывая его немаленькие размеры, а тут он прямо-таки бросился ей в глаза. Анна Степановна тоже скосила глаза в сторону, заметив направление взгляда дочери, и побледнела, как смерть. Она схватила дочь за ладонь и быстро привлекла к себе, заставляя ту посмотреть в свои заплаканные глаза.

— Я должна покаяться тебе в своем грехе, милая. Молчать теперь уже не должно, — прошептала Анна Степановна с горечью в голосе, и Марина похолодела. — Я обманула тебя тогда. Знала, что ты согласишься матери беспрекословно, и вот что случилось. Когда я узнала, что ты в тягости и замужем не за тем, кого я тебе пророчила, не за тем, кто, скажем прямо, был более угоден, я решилась на этот страшный обман. Тем паче, вы сами все сохранили в тайне, сыграли мне на руку. Я не хотела, чтобы ты всю жизнь была приживалкой в доме старого князя, хотела, чтобы ты была хозяйкой собственного дома, сама себе на уме. Чтоб никогда и никогда не указывал тебе отныне, что и как тебе следует делать, чтобы ты без оглядки могла пользоваться всем, что душе будет угодно, не спрашивая чьего-либо разрешения. Разве это не лучше? Не лучше?

Марина качала головой из стороны в сторону не в силах слышать такого страшного для нее признания, тем паче в этот день, когда она и так уже многое потеряла. Она попыталась было вырвать руку из цепких пальцев матери, но не отпускала ее.

— Прости меня! Прости, я же не знала, что он вернется! — вдруг вскрикнула мать. — Я выведала у тебя, где и как произошло венчание, и поняла — это мой единственный шанс

вернуть все на круги своя. Так, как было до того, как ты оступилась. Я не могла появиться там сама, потому я послала туда одну из девок, схожую с тобой, чтобы она умолила этого попа молчать о вашем венчании от твоего лица, отдать ей страницу из приходской книги. Мол, ошиблась, с кем не бывает. Ты знаешь, что было потом. Я отдала тогда немало денег, почти все, что было у меня на расходы, лишь бы дьяк подделал приходскую книгу. Он согласился лишь потому, что та, другая, была начата недавно, работы там было совсем мало, а деньги ему посулили немалые. После дела я уговорила выслать эту девку в деревню, чтобы не болтала лишнего, а после, когда вступила в наследство, и вовсе продала ее с глаз долой. Никто и никогда не узнал бы об этом. Но Загорский вернулся! И я поняла, что не зря сохранила эту книгу, так и не смогла сжечь ее, хотя и пыталась несколько раз.

Марина вскрикнула и вырвала руку из пальцев матери. Она подскочила и отбежала от матери, не в силах более слушать ее откровений. Слезы градом катились по ее лицу, она еле дышала от того, как больно сжималось ее сердце в груди.

Анна Степановна же схватила со стола сверток и принялась развязывать шаль, в которую была завязана книга.

— Вот, — она ткнула пальцем в одну из начальных страниц записей. — Вот ваши имена, милая. Вот свидетельство вашего брака. Прости меня, умоляю, прости меня! Я думала, что так будет лучше для всех нас. Он был мертв, ему все едино, а нам предстояло жить. Жить, понимаешь! Я знаю, что ты любила его, знаю, что любишь до сих пор, — Анна Степановна двинулась к Марине, но та выставила руку ладонью вперед, показывая матери, чтобы та не приближалась к ней близко. И она подчинилась, остановилась, но речь свою продолжила. — Ты любишь его, ты можешь все вернуть. Вот доказательство вашего брака. Вы можете подать прошение о признании твоего второго брака недействительным. Ты сможешь быть с тем, с кем хочешь, и я ни слова не скажу тебе более против этого. Я так виновата перед тобой, милая. Я так хочу загладить свою вину, если бы ты знала... Как меня мучила совесть все это время!

И тут Марина сорвалась. Все эмоции, что скопились в ее душе в последнее время и не могли найти выхода, сейчас всплеснулись здесь, в этой гостиной. Марина закричала во весь голос, издав такой вопль, что дрогнуло стекло в окнах. Потом она ткнула пальцем в сторону матери и прошипела:

— Совесть! Что вы можете знать о совести? Разве может быть совесть в теле без сердца. без души? — она вдруг рассмеялась каким-то странным смехом, от которого у Анны Степановны кровь застыла в жилах, а потом крикнула ей в лицо. — Вы сломали мне жизнь, слышите? Вы сломали мне жизнь! Вы так хотели получить Воронина в свои зятя, что перешагнули через собственную дочь. Вы так хотели устроить свое счастье, что разрушили мое! Разве может так мать поступить с собственной дочерью? Разве может?

— Но разве я сейчас не открылась тебе? Разве я не стремлюсь исправить свою ошибку? — возразила ей Анна Степановна. — Иначе, зачем я здесь?

Марина вдруг подошла к ней и выхватила из ее рук приходскую книгу. Да, это была та самая книга, в которой они оставили свои имена после таинства. «Князь Загорский Сергей Кириллов сын венчался девицей Ольховской Мариной Александровой дочерью шестого июня 1836 года от Р.Х.» Вот эта короткая фраза, которую она пыталась найти в тот день, когда приехала в церковь вместе с матерью. Марина вспомнила, как убивалась, когда узнала, что записи о венчании нет, а та лишь смотрела на ее страдания и слезы и молчала. Все это время молчала...

Марина прикрыла глаза. Боже мой, как все могло сложиться, не вмешайся Анна Степановна! Она бы открылась старому князю и была бы принята им с распростертыми объятиями. Она бы родила ребенка, как наследника рода Загорских, открыто, не утаивая ни от кого имя настоящего отца дитя. Она бы встретила его несколько месяцев назад на крыльце усадебного дома Загорских, обняла бы и показала бы дочь, что появилась на свет в результате их короткого медового месяца. Как счастливы бы они были! Как счастливы!

«...Значит, нет никаких бумаг о браке, — всплыли в ее голове слова государя, сказанные нынче днем на аудиенции во дворце. — Раз таково ваше пожелание, и в соответствии обстоятельствам вашего дела, я думаю, этот ваш тайный брак можно будет признать незаконным...»

Марина обогнула мать и подошла к камину, в котором ярко пылал огонь в этот холодный ветреный апрельский день. Потом в последний раз посмотрела на строчку, которая когда-то могла стать залогом всей ее счастливой и безмятежной жизни, бросила в огонь приходскую книгу, вызвав этим легкий вскрик матери за спиной.

— Слишком поздно, сударыня, — глухо проговорила Марина. Затем повернулась к матери и посмотрела той в глаза. — Слишком поздно. Уже существует прошение о nullité du mariage [\[312\]](#). Оно было рассмотрено Его Величеством и удовлетворено. Вы слишком задержались со своим признанием, мадам.

Анна Степановна склонила голову, признавая правоту дочери, а потом решилась и медленно подошла к ней. Хотела коснуться, но впервые в жизни Марина не желала чувствовать прикосновение этой руки и посему отклонилась в сторону.

— Я не знаю, смогу ли я простить вам этот обман, — проговорила холодно она, по-прежнему глотая слезы струящиеся по ее лицу. Так странно — еще пару минут назад слезы на лице матери вызывали в ней глухую боль. Теперь же они совершенно не трогали ее душу. — Я прошу вас уйти сейчас, оставить меня одну. Я не буду препятствовать вам, мадам, видеться с вашей внучкой, но мы... Мы никогда не были с вами близки, как мать и дочь, к чему греха таить. Но я всегда хотела получить ваше расположение, вашу любовь. Я делала то, что не желала, лишь бы вызвать вашу любезность ко мне, вашу теплоту. И вот как... вот что я получила взамен. Мне жаль, мадам, но я более не желаю вас видеть. Может быть, позднее, я не могу пока дать ответ по поводу этого. Может быть, когда-нибудь я смогу понять и принять ваш поступок. Но сейчас я не могу этого сделать. Как может любящая мать разбить жизнь своей дочери ради собственного блага?

— Я сделала это ради всех нас, — прошептала потрясенная Анна Степановна. Марина посмотрела в ее глаза и поняла, что та действительно не считает себя неправой в своем поступке. Это ужаснуло ее.

— И вы смело пожертвовали мною?

Она не стала дожидаться ответа, присела в книксене и направилась к дверям, оставляя мать одну в гостиной. У самого выхода ее настиг вопрос Анны Степановны, который совершенно выбил ее из столь лелеемого ею равновесия:

— Так что же теперь насчет сезона Софи? Ты поможешь нам в этом?

Всего одна фраза, но она вызвала в Марине дикую истерику. Она медленно опустилась на ковер и принялась раскачиваться из стороны в сторону, обхватив себя за плечи руками, истерически хохоча во весь голос. Анна Степановна сначала растерялась, потом метнулась мимо дочери к дверям, распахнула их и принялась звать слуг на помощь. Затем вернулась к столику у камина, нашла там капли и накапала с десятков в воду. Она поспешила обратно к

Марине, протянула той бокал, но он был оттолкнут рукой Агнешки, что сейчас сидела рядом со своей касаткой и обнимала ее, прижимая к своему плечу ее голову.

— Идзите ужо, барыня, — сказала она Анне Степановне. — Вы ужо досыць зрабілі для яе.

Анна Степановна хотела было ей ответить, тем паче тут уже столпились многочисленные комнатные слуги, но решила не опускаться до уровня крепостной и промолчала. Вернулась обратно за своим ридикюлем и шалью (несносных совсем разбаловали в этом доме — никто из слуг даже не подал их ей), бочком вышла из комнаты.

— Она украла приходскую книгу, — прошептала сквозь слезы, едва успокоившись, Марина своей нянечке, что сейчас тихонько раскачивала ее, дула легонько в волосы. Слуги уже оставили их одних в этой комнате, и они могли без опаски говорить.

— Ну, шо тут зрабіць? А Бог усе бачіць, голубка моя, усе! — ответила ей нежно Агнешка. — Навошта книгу-то спалила?

— Да к чему она теперь? — устало ответила Марина. — Ведь основной документ для законности брака — разрешение от командира полка. А его все равно нет...

Марина даже предположить не могла, что в это же самое время в особняке на набережной Фонтанки в ярко горящем камине медленно сгорает бумага, подписанная полковником Безобразовым, командиром Нижегородского драгунского полка, в который был переведен Загорский на тот момент. Бумага, дающая разрешение поручику Загорскому сочетаться браком с девицей Ольховской.

Она сгорела за минуту, превратилась в пепел и была смешана с углями в камине кочергой,двигаемой сильной мужской рукой. Затем эта рука отставила кочергу в сторону и взялась за бокал с бренди, что стоял на столике рядом.

— Voilà tout [\[313\]](#), — тихо проговорил Сергей деду, что стоял за спинкой его кресла и наблюдал за действиями внука. — C'est la fin [\[314\]](#).

— И что ты будешь делать дальше? — спросил Матвей Сергеевич.

— Просто жить, — ответил задумчиво его внук и повторил. — Теперь уж просто жить. В действующую армию меня не отправляют. Из армии в отставку не хотят отпускать. Пока в бессрочном отпуске. По-прежнему.

— Может, поедem в Загорское? — предложил Матвей Сергеевич. — Или в Европу. Хочешь в Европу? Подадим прошение, выправим бумаги. Не смотри на меня так косо, я еще вполне здоров для путешествия.

— Я не сомневаюсь в том, *mon cher grand-père*, — поймал его морщинистую руку Сергей и прижал к своей щеке. — Но я не желаю уезжать из Петербурга. Не желаю уезжать от нее. Пока не могу.

— Ты... неужто, ты сможешь вот так? Как раньше? С Натали? — заволновался его дед. Уголок рта Сергея медленно пополз вверх.

— Видно, на роду мне написано любить несвободных женщин, — горько пошутил он. — Не беспокойтесь, *grand-père*, теперь я понимаю, что любовь к женщине не должна приводить к многочисленным толкам вокруг нее. Ни тени подозрения не коснется ее. Я не буду ее преследовать, уважая ее решение. Но обещать вам, что я никогда не взгляну в ее сторону, не коснусь ее руки, если увижу ее призыв, я не могу.

— Она — супруга другого, Сережа, — напомнил ему Матвей Сергеевич, обходя его кресло и присаживаясь напротив, опираясь ладонями о трость. — Теперь уже не твоя. Я понимаю, что скажу сейчас тебе то, что ты не хочешь слышать, но это необходимо. Марина Александровна должна для тебя сейчас стать лишь женой твоего приятеля, не более того. Ты должен помнить об том. Помнить об уважении, которое когда-то питал к Анатолию Михайловичу. Он ведь был твоим близким другом.

— С такими друзьями и врагов не надо, — проговорил Сергей, прикуривая от огня в камине сигару. Он задумался на мгновение, а потом усмехнулся. — Хотя могу то же самое сказать и о себе с его стороны. Мы словно играли в игру — кто сумеет завоевать сердце дамы. Боролись друг с другом далеко не приятными способами. Только вот победителей в этой игре нет. Одни побежденные. Я схожу с ума, *grand-père*, как только подумаю о том, что он теперь имеет на нее все права, а я даже взглянуть на нее не смею так, как хочу! — он наклонился вперед и опустил лицо в ладони. — Я не смогу, *grand-père*, не смогу! Думал, что сумею, но нет, не выходит. Она была нынче такая потерянная, такая испуганная, словно дитя. Мне так хотелось утешить ее, обнять, сказать, что все будет хорошо, все непременно должно быть хорошо. Но я не могу, не имею права! — он почти простонал последние слова, и сердце Матвея Сергеевича сжалось, видя, как мучается его внук. Как никто другой он знал, как могут одолевать демоны душу Сергея, в то время как внешне тот будет спокоен и безмятежен.

— Тебе надо пробовать жить далее, — проговорил старый князь. — Я понимаю, что ты не готов это слышать сейчас, но тебе надо пытаться построить свою новую судьбу. Я думаю, надо присмотреться в сезоне к кому-нибудь из девиц на выданье. Да-да, не смотри на меня так. Тебе уже почти тридцать четыре года. В твоем возрасте и я, и твой отец уже выполнили свои обязательства перед родом и титулом. Да и думаю, долг по отношению к своей супруге убережет тебя от многих ошибок.

— Вы говорите, прямо как государь нынче на приеме. Тот пожелал моего скорейшего брака или на худой конец, обручения, — усмехнулся Сергей.

— И мы по-своему правы, Сережа, — с грустью сказал Матвей Сергеевич. — Жаль, не это так.

*****

Марина стояла в церкви, явно недоумевая, как попала сюда и зачем. Для нее сейчас все происходящее было словно в тумане. Она едва слышала шепотки гостей рядом с ней, едва различала слова отче, что сейчас вел венчальную службу. За парой голов стоявших перед ней Марина не так явно видела пару, стоявшую перед священником, соединившую руки под епитрахилью. Но она ясно различала поверх чужих затылков тот самый — русский, с более длинными, чем следовало по моде, волосами, которые сейчас падали на ворот мундира. Рядом, чуть выше плеча мужчины виднелась сквозь просвет между гостями белоснежная фата и цветы флердоранжа в темных волосах.

«Нет», — кричала безмолвно душа Марины. «Нет, этого не может быть никак! Он мой. Он всегда был моим!» Но она осознавала, что сама отказалась от него, сама упустила его руки из своих ладоней.

Ее ладонь сжала сильная мужская рука. До боли, до хруста в пальцах. Но Марина не повернула головы к стоящему рядом с ней мужчине. Ее интересовал лишь один, тот, что стоял сейчас у аналая. С другой.

Сердце больно сжималось с каждым ударом, было трудно дышать, и угар церковных свечей был здесь не причем. Марине вдруг захотелось увидеть его лицо, понять, что он чувствует в этот момент. Вспоминает ли тот день, когда они соединили свои руки в той небольшой деревянной церквушке? Думает ли он о ней в этот миг, как Марина думала о нем, когда ее венчали с другим, чужим ее сердцу человеком?

— Обернись, мой любимый, — беззвучно прошептали ее губы. — Я здесь, среди гостей. Я позади тебя. Обернись, мой любимый.

И вдруг, словно услышав ее немой призыв, стоявший у аналая, стал медленно поворачивать голову. Ее зеленые глаза встретились с его серебряными поверх голов, и время будто остановилось для них. Марина без особого труда прочитала в них легкую грусть и нежность к ней. А еще прощание... Он прощался с ней, стоя здесь у аналая с другой женщиной. Той, которая отныне будет носить его имя и будет рожать ему детей. Той, с которой он отныне проведет всю жизнь — и дни, и ночи.

Он улыбнулся ей грустно одними глазами и отвернулся. А Маринино сердце так болезненно сжалось в груди, что ей казалось, сейчас оно не выдержит и разорвется на части.

— Господи, за что так жесток со мной...?!

Марина резко села в постели и с облегчением поняла, что это всего лишь сон. Неприятный, болезненный, но только сон.

Она огляделась и поняла, что видимо, заснула сразу же, как ее перенесли сюда, в ее постель, после той неожиданной истерики. За окном уже было темно, только звезды виднелись в темном небе. Она перевела взгляд на часы и обнаружила, что проспала около семи часов, а заснула она почти сразу, как на соседней улице в церкви пробили обедню.

Марина поднялась с кровати и с досадой обнаружила, что многочисленные юбки ее платья безнадежно измялись. И почему никто не проследил, чтобы с нее сняли платье, подумалось ей с досадой. Она зажгла свечу, стоящую на столике рядом с кроватью, и

прошла в гардеробную, чтобы разбудить Дуняшу, но на ее удивление горничной там не было. Значит, та опять ушла с комердином Анатоля, пользуясь сном барыни. Ох, ну и получит же она у Марины!

В дверь неожиданно поскреблись, заставив Марину вздрогнуть от неожиданности. Она поставила свечу и прошла к двери, тихо приоткрыла ее, стараясь не шуметь особо в ночной тишине дома. За дверью стоял Анатолий. Уставший, с покрасневшими глазами, ворота его мундира и рубахи были расстегнуты почти полностью.

Марина не стала ничего говорить, лишь слегка посторонилась, пропуская его в комнату, потому как желания вести с супругом разговор, стоя в дверях, у нее не было.

— Ты еще не ложишься? — спросил хрипло Анатолий, вертя в руках безделушку, что взял с каминной полки. — Уже поздно, а день был тяжелый.

— Как ты узнал, что я не сплю? — задала Марина вопрос и по его лицу прочитала ответ — он видимо снова сидел под дверьми. Как тогда, когда она не пустила его в свои половины. — Не стоило. Иди спать, Анатолий, уже поздно, а завтра тебе опять на службу.

— Ты даже не поинтересуешься, когда я вернулся? — спросил он с горечью в голосе. — И как прошел мой день? Раньше ты непременно интересовалась.

Марина слегка поморщилась. У нее совершенно не было сил вести сейчас этот разговор — она и так еще не отошла от своего сна, который так взволновал ее, что у нее до сих пор тряслись руки мелкой дрожью.

— Быть может, мы обсудим все завтра поутру? — предложила она. — Не зря же говорят...

— Я смотрю, ты уже пришла в себя, — оборвал ее Анатолий. — Я сидел тут, под дверьми, боялся увидеть твои слезы, твои страдания. Я спешил к тебе, чтобы утешить тебя.

— Твое утешение мне нужно было ранее. Сейчас я уже покойна.

— И смиренна, как я погляжу, — едко заметил Анатолий. — Что с тобой происходит? Слуги говорят, ты теперь в ссоре с матерью, дерзка со мной. Что с тобой?

Марина предпочла проигнорировать его реплику, не желая в этот поздний час затевать какие-либо серьезные разговоры. Ей хотелось, чтобы он ушел сейчас, чтобы она осталась одна, наедине со своими мыслями. Поэтому она вздохнула в надежде успокоить свое неровное дыхание и привести в порядок нервы. Потом повернулась к супругу и проговорила:

— И я, и ты порядком утомились за этот длительный и тяжелый день. Быть может, нам все же стоит отложить все разговоры на завтра? Именно тогда я буду готова ответить на все твои вопросы.

Он кивнул, соглашаясь, а потом показал рукой на ее платье.

— Ты позволишь мне послужить тебе? — и, видя, как она моментально напряглась, добавил. — Просто помогу, ничего более. Я вижу, как ты утомлена.

Марина с опаской, но все же повернулась к супругу спиной, позволяя тому подойти ближе и помочь ей с платьем. Он быстро и ловко справился с многочисленными петлями и стянул платье с ее плеч, обнажая кожу, замер, глядя ей в спину. Марина тоже замерла в напряжении. Сейчас, когда Сергей вернулся, она так и не смогла допустить к себе мужа, ей почему-то казалось это прелюбодеянием, изменой по отношению к тому, кого она любила всем сердцем.

Вдруг Анатолий наклонился и прижался губами к ее обнаженному плечу, выдавая все то желание, что скопилось в нем за эти месяцы, всю ту страсть, что забурлила сейчас в нем при виде ее тела. Марина вздрогнула, но нашла в себе силы повернуться и упереться ладонью в

его грудь, останавливая его в его порыве. Другой рукой она пыталась удержать на себе платье.

— Прошу вас, не сейчас, я слишком утомилась за этот день, — покачала она головой и сделала шаг назад. Лишь потом сообразила, что этот шаг приблизил ее к спальне, к постели, что виднелась сквозь распахнутые двери.

Анатоль ничего не ответил. Только ступил вперед, приближаясь к ней. Блеск его глаз подсказал ей, что видимо, неизбежно придется принять его. О Боже, только не сейчас!

— Я прошу вас, дайте мне время!

— У тебя было уже достаточно времени, — вдруг отрезал он и метнулся к ней. Она чудом сумела ускользнуть от его рук, путаясь в расстегнутом платье. — Ты моя супруга, и ты обязана подчиниться мне.

Марина покачала головой. Она чувствовала себя загнанной в ловушку, беспомощной.

— Я не могу принять вас, как вы не понимаете? Я все еще в двойственном положении. Пока нет бумаги о расторжении моего брака, я не считаю себя вашей супругой. А это прелюбодеяние в моих глазах! — почти выкрикнула она, и Анатоль вдруг замер на месте, не стал догонять ее. Ободренная этим, она утратила бдительность, и он, словно тигр, одним большим прыжком вдруг настиг ее, схватил за талию, прижимая к себе. Его губы коснулись ее шеи в поцелуе, и Марина осознала, что ей не вырваться. Она извернулась и посмотрела ему в глаза.

— Я клянусь тебе, что не смирюсь сейчас! Тебе придется связать меня, я буду кусаться, буду драться с тобой до последнего. Подниму своими криками весь дом! — потом она смягчила тон голоса, сделав его нежным и просящим. — Умоляю, отпусти меня. Как только мы получим бумаги, клянусь, я сама приду к тебе, и никогда двери моей спальни не закроются пред тобой! Так что ты выбираешь — взять меня силой сейчас или получить по доброй воле, как ранее?

Анатоль замер, глядя ей в глаза. Это мгновение для нее было целой вечностью. Но вот его руки разжались, и он отступил в сторону, отпуская ее из своих объятий.

— Ты сама сказала это. По доброй воле, — проговорил он. Потом подошел к ней снова, стараясь не обращать внимания на то, как она испуганно отшатнулась от него, притянул к себе на несколько мгновений и крепко поцеловал в губы, слегка прикусив нижнюю губу. — По доброй воле, — напомнил он ей снова и вышел прочь, оставляя одну в комнате.

Наутро супруги делали вид, что той неприглядной сцены в половине Марины не было вовсе. Анатоль стал снова тем мужчиной, что изо дня в день делил с ней утреннюю трапезу — он балагурил, рассказывал истории с прошлого дня на службе, смеялся, интересовался ее распорядком дня, целовал ей руки. Лишь дважды столь лелеемое ими обоими равновесие в их отношениях чуть было не порушилось.

— Ты напишешь своей матери о сегодняшнем вечере? — спросил Анатоль супругу, и та мгновенно ошетинилась. — Так не должно, дорогая. Мы обязаны дать нынче ужин для нее и нескольких гостей. Это элементарная дань вежливости.

— Я не хочу, — отрезала Марина, а Анатоль нахмурился.

— Дело вовсе не в твоих желаниях, а в правилах хорошего тона, дорогая. Мы дадим нынче ужин и пригласим на него твоих родных — мать, твою сестру с супругом. Это же твоя мать! Как ты можешь?

— Мать — это та, которая любит своих детей и заботится о них. А та, кто этого не делает — кукушка, — ответила Марина. — Она выкинула меня из своего гнезда давным-

давно, и я не вижу причин принимать ее согласно тому, кем она приходится мне по родству, кроме той, что она когда-то дала мне жизнь. Я не желаю ее пока видеть. Ты волен дать этот ужин и позвать кого угодно, воля твоя. Но я на нем присутствовать не буду — поверь, я найду причину.

Анатоль ничего не ответил ей. Лишь желваки заиграли по его лицу, показывая, как тяжело ему сейчас сдержаться после этой реплики.

— Воля твоя, — решил он в итоге и оставил эту тему.

Второй раз они чуть не повздорили, когда в конце трапезы в малую столовую вошел лакей и принес на подносе срочное письмо из дворца. Анатоль вскрыл его, быстро пробежался глазами по строчкам, а потом перевел взгляд на супругу.

— Надеюсь, ты довольна своим поступком, — раздраженно проговорил он, бросив письмо на стол. — Государь гневается на тебя и не позволяет отныне присутствовать на дворцовых мероприятиях. И это сейчас! Когда спустя два месяца великая княжна пойдет под венец!

— Ну, не стоит так горячиться, — заметила Марина, отпивая чай. Она была так спокойна при этом известии, что Анатоль даже подумал, в своем ли она уме. — Тебя же он не удалил из дворца, я правильно полагаю? Ты ничего не лишился.

— Тебя не волнует подобное охлаждение? Эта опала? — не поверил своим ушам Анатоль. Марина пожала плечами.

— Нет, — коротко ответила она. — Надеюсь, это касается только дворца, и я не нахожусь под домашним арестом.

— Ты вольна посещать те места, что пожелаешь, но переступить порог дворца тебе отныне заказано, — ответил Анатоль и прикрыл глаза. Боже, ну неужели она не понимает, что гнев императора трудно не заметить? Теперь пойдут толки, будут обсуждать и его, Анатоля, в том числе. А если император решит удалить и его? И как теперь быть с выездами в свет? По отдельности? Разумеется, в этом ничего не было страшного в обычной жизни. Но теперь, когда Загорский в Петербурге...

— Я попытаюсь уговорить государя сменить гнев на милость в отношении тебя, — проговорил решительно Анатоль. — Он всегда благоволил ко мне, надеюсь, послушает и в этот раз.

— О, я в этом не сомневаюсь, — ответила Марина, и он уловил в ее голосе какие-то странные нотки, что не слышал доньше, и они ему категорически не понравились.

Несколько вечеров Марина никуда не выезжала, не желая сейчас видеть кого-либо из многочисленных знакомых. Она словно собиралась с силами перед встречей в свете с Сергеем, а в том, что теперь она непременно состоится, Марина ни на минуту не сомневалась. Она пыталась представить, что почувствует, когда увидит его танцующим с другой, тем паче, юной, красивой, свободной. Теперь она могла понять все отчаянье, что охватило в те дни Натали, когда любовь Марины и Загорского расцветала пышным цветом. Не заметить этого было просто невозможно, вот та и страдала, борясь за своего мужчину любыми методами, даже присылая анонимки.

Теперь эта роль была суждена Марине. Видеть любимого человека, слышать его голос и смех и знать, что никогда ей не суждено в открытую заявить о своей любви к нему. Лишь мучиться от ревности каждый раз, когда он взглянет на какое-нибудь красивое девичье личико, и тихо умирать от подозрений — не она ли это та, которая навсегда украдет его. Pauvrette Natalie [\[315\]](#). Теперь Марина понимала ее муки как никогда ранее.

Спустя несколько дней в особняк Ворониных была доставлена бумага о расторжении брака Марины и Загорского.

— По доброй воле, — напомнил ей Анатоль и постучал пальцем по бумаге, лежавшей на столе у его руки.

И Марина, как обещала, пришла к нему на его половину тем же вечером.

Он ждал ее в кабинете, где сидел и пил бренди. Она подошла к нему поближе и, взяв из его рук бокал, не говоря ни слова, выпила остатки напитка до дна. Ее желудок обожгло горячим, закружилась немного голова, но она была рада своему состоянию, которое отвлекало ее от мыслей, что где-то там, в доме на набережной Фонтанки, ту же самую бумагу читает Сергей, что он догадывается, что именно сейчас будет происходить здесь, в этой спальне, и эти мысли рвут его душу на части.

Анатоль привел ее в спальню, снял капот и ночную рубашку. Провел руками по ее телу, мерцающему каким-то странным блеском в свете свечей, нежно касаясь губами и руками. А затем лег в постель, скинув с себя шлафрок.

— Теперь твоя очередь, — глухо проговорил он, и Марина сжалась, понимая, чего он ждет от нее. Но разве у нее был иной выбор? Она обещала подчиниться ему по доброй воле, и она сделала это.

Сначала было трудно, но затем вдруг разум сыграл с ней дурную шутку (или наоборот, облегчил ей ее участь?), обманул ее, заставив поверить, что у нее под руками тело Сергея. Она вдруг расслабилась, ее губы смело заскользили по его коже, заставляя тихо вздрагивать Анатоля от удовольствия при каждом прикосновении.

Марина вспомнила поцелуй Сергея, там, в салоне особняка Загорских. Такой глубокий, такой страстный... Ее тело словно ожило при этом воспоминании, и она полностью раскрылась этому мужчине, что сейчас принялся ласкать и целовать ее с удвоенной страстью, словно не веря ее отклику, которого он так долго ждал все эти годы.

Но потом, когда он положил ее на спину, заметил ее закрытые глаза и блаженную улыбку, осознание того, что, а вернее, кто сейчас мог быть в ее голове, резануло его острым ножом. Он вдруг схватил ее пальцами за подбородок и сжал его несильно, заставляя распахнуть глаза. И когда Марина открыла их, он тут же вошел в нее резко, с силой, словно закрепляя права на ее тело.

— Я! Это я в твоём теле! — прорычал он со злостью. Ему хотелось придушить ее, сделать ей больно, так же как она сейчас сделала ему. Но он не смог долее подогреть в себе эту злость, сейчас, когда под руками была ее нежная кожа, когда он чувствовал ее тепло, и вскоре злость сменилась нежностью.

После, когда они лежали в одной постели, но такие далекие друг от друга, Марина приподнялась на локте и легким извиняющимся жестом коснулась его плеча.

— Прости меня ...

Анатоль ничего не ответил, даже не повернул к ней головы. Он был и зол, и расстроен одновременно. Ведь ему начинало казаться, что они смогут наладить отношения между собой, смогут опять выправить их пошатнувшийся брак. Ему казалось, что он сумеет восстановить и дружбу, в которой сейчас была большая трещина. Но если ему и удастся наладить дружеские отношения с Сержем, то как ему смочь вернуть то, чего не было — любовь его жены? И это причиняло ему сейчас такую боль, что хотелось плакать. «Я смогу», — все же упрямо решил он.

С той ночи Анатоль стал весьма пристально наблюдать за своей женой, отмечая

каждый жест, каждый задумчивый взгляд, каждую мечтательную улыбку. Ему начинало казаться, что Марина всегда думает о том, другом, и это вгоняло его в бешенство. А когда они стали выезжать, его настроение катастрофически ухудшилось, опуская его в самую бездну отчаянья и злости.

В первый же вечер, когда чета Ворониных пересеклась с Сергеем, Анатоль готов был растерзать их обоих прямо тут же, в зале, на глазах у всех. Ему казалось, что все окружающие заметили какими взглядами, полными тоски и нежности, обменялись эти двое. Сначала Сергей держался от них подальше, не позволяя себе подойти к ним после холодного приветствия, которыми они обменялись при встрече, но позднее Анатоль, рассудив, что согласно поговорке лучше держаться поближе к нему, и сам подошел к нему, подзывая лакея, разносившего бокалы.

— Приятно удивлен увидеть тебя наконец в свете, — проговорил он, принимая с подноса два бокала, один из которых протянул своему визави. — Рад, что ты вернулся. Я не лукавлю, когда говорю тебе об этом.

— Полагаю, теперь уж нет, — ответил ему Сергей, глотнув шампанского. Анатоль нахмурился.

— Ты злишься на меня? Но за что? У нее снова был выбор, и она его сделала. В том нет ничьей вины, что все осталось так, как есть.

Сергей ничего не ответил, лишь взглянул в сторону бальной залы, где сквозь распахнутые двери были видны танцующие пары. Где-то там, в вихре мазурки танцевала Марина. Потом он перевел взгляд на Анатоля и усмехнулся.

— Ты прав, Анатоль. Такова судьба. Жребий брошен, Рубикон перейден.

Он хотел удалиться, но Анатоль поймал его за рукав мундира, удерживая рядом с собой.

— Сколько ты будешь злиться на меня? Мы ранее были так близки друг с другом, неужели все это кануло в прошлое? Неужели ты забыл наши клятвы и обещания всегда быть рядом в радости и беде? — спросил он Сергея, глядящего на него сквозь прищур глаз. — Неужели твоя злость может перечеркнуть эти годы дружбы?

— Ты нашел не самое удачное место и время для подобного разговора, — заметил ему Сергей. — Ежели ты желаешь обсудить все это, то давай как-нибудь проедемся в парке и обговорим все. А сейчас прошу простить меня — у меня эта кадрили ангажирована.

Сергей прошел в танцевальную залу, и Анатоль, допив остатки шампанского в бокале одним глотком, последовал за ним и затерялся среди беседующих групп, наблюдающих за танцующими парами. Он перемещался до тех пор, лавируя между многочисленными приглашенными, пока не нашел взглядом свою жену. Она шла в кадрили с каким-то кавалергардом, кажется, протеже графа Шереметьева.

Анатоль внимательно вгляделся в ее лицо — она улыбалась уголками губ, вежливо и отстраненно. Движения ее тела были столь грациозны, что у него перехватило дух от гордости, что эта женщина принадлежит ему. Но вот он с удивлением заметил, как дрогнула ее рука, как напряглось тело. Он перевел глаза и заметил, что партнером во второй паре, объединенной общими движениями с Мариной и кавалергардом, был Загорский. Они сошлись с Мариной — ладонь к ладони, глаза в глаза. Все согласно движениям танца, но Анатоль прикусил нервно губу, заметив, как они смотрят друг на друга. Словно и не было тех лет, словно она не жена другого.

Анатолю показалось, что все должны были обратить внимание на то, что происходит сейчас там, в кругу танцующих. Но вокруг него по-прежнему продолжались неспешные

беседы, слышался легкий смех, играла музыка, шелестели юбки танцующих дам.

Их общее движение длилось лишь миг, но этот миг заставил сердце Анатоля кровоточить. Доколе они будут мучить его? Он вспомнил ту ночь, когда Марина отдавалась ему со всей страстью, на которую была способна, и чуть не застонал. Они снова были с тех пор только вдвоем с их супружеской постели, он доподлинно это знал, ведь той вспышки страсти более не повторялось. Она снова была закрыта для него, как бы нежен он не был с ней, как бы ни выражал свою страсть. И это приводило его в отчаянье.

Потому как Анатолий заметил то, что появилось в тот короткий миг, когда руки Марины и Сергея прикоснулись друг к другу, в глазах его жены. То, что он так и не сумел вызвать за эти годы.

Желание. Это было ничем неприкрытое желание, будь все проклято!

Как бы ему хотелось сейчас схватить ее за волосы и ударить ее! Выбить из ее головы раз и навсегда мысли о другом мужчине! Но Анатолий знал, что даже если он всю излупит ее, она никогда не сможет забыть Сержа, и это доставляло ему почти физическую боль. Он повернулся к проходившему мимо лакею с подносом в руках и буквально выхватил бокал, одним глотком опрокинул в себя его содержимое. Ну, что ж, он наберется терпения и подождет. Не могут же они любить друг друга столько времени, не имея возможности питать свои чувства!

Анатолий наблюдал за ними пристально весь вечер — и во время бала, и за ужином. Он подмечал каждый раз, как они находили друг друга глазами среди толпы всякий раз, когда полагали, что никто не видит направления их взглядов. Пару раз они все же встретились взорами, и Анатолий видел, насколько прочна меж ними их связь, словно они чувствовали друг друга на расстоянии, словно могли общаться одним выражением глаз, не произнося ни звука.

В ту ночь Анатолий снова посетил спальню жены по возвращении в особняк Ворониных. Он ласкал ее с удвоенной страстью, словно желая стереть из памяти Марины малейшее напоминание о ночах с Загорским. Он приказал жене не закрывать глаза, чтобы видеть в них свое отражение, чтобы знать, что в постели их не трое, а только он и она, чтобы она осознавала, кто целует ее плечи и грудь.

На следующее утро Анатолий был свободным от службы и решил последовать словам Сергея и поговорить с ним начистоту, обо всем, что стояло сейчас меж ними, что мешало им снова стать теми Сержем и Анатолем, что были ровно четыре года назад. До того, как любовь к одной женщине вошла в их жизни.

Вскоре к дому подъехал Загорский на своем верном вороном, который всегда вызывал восхищение у Анатоля. Они встретились прямо у крыльца особняка, пожав друг другу руки. Ранее они бы шутливо стукнули бы в плечо один другого да перекинулись бы шутками. Теперь же они держались, как хорошие знакомые, и это не могло не огорчать обоих.

Уже сядя в седло, подведенной ему конюхом лошади, Анатолий поймал взгляд Сергея, направленный на окна второго этажа, в одном из которых, не скрываясь за занавесями, стояла Марина. Он кивнул ей сдержанно, и она ответила ему таким же сдержанным коротким кивком, но Анатолий видел, как они смотрят друг на друга, и в нем всколыхнулась злость. Он вскинул руку и послал Марине воздушный поцелуй, счастливо улыбаясь, словно, ничего сейчас не заметил в происходящем во дворе, и послал лошадь легким аллюром со двора, не оборачиваясь назад.

Сначала они ехали молча, аккуратно объезжая многочисленные экипажи и встречных

всадников, то и дело раскланиваясь со знакомыми, которые провожали их любопытствующими взглядами. Затем в парке, после минутного молчания, Анатоль все же решился нарушить начинавшую тяготить его тишину:

— Ты не плохо почивал нынче ночью? Я тебя не узнаю — столько хорошеньких девиц тебе уже успели послать улыбки, а ты даже не удостоил их взглядом, как бывало ранее.

— То было ранее, — ответил ему Загорский. — Время прошло, все поменялось.

— О Боже, только не говори, что ты перестал волочиться за хорошенькими барышнями! — шутливо взглянул на него Анатоль и запнулся, встретив его тяжелый взгляд.

— Ни к чему продолжать этот разговор, Анатоль, — проговорил Сергей. — Что ты хочешь сказать? Говори, я за этим и приехал. Ты хочешь вернуть наши былые отношения? Не уверен, что они смогут стать прежними. Мы утратили главное, что в них было, — доверие, и его, увы, не вернуть обратно. Ты считаешь, что я предал тебя тогда, три года назад. Что ж, признаю, что это справедливо. Но вспомни наш разговор перед охотой в Киреевке. Я сказал тебе тогда, что не отступлюсь от нее, что все зависит от нее. От ее выбора. Ей следовало выбирать — ты или я, и она тогда сделала свой выбор, пойдя со мной под венец.

— Она не должна была поступать так. Не имела права! — возразил ему запальчиво Анатоль, и лошадь под ним заволновалась, услышав его вскрик. — Ее слово было дано мне.

— А рука и сердце — мне, — спокойно ответил Сергей, глядя ему прямо в глаза. Они остановились сейчас чуть поодаль от дороги, в том местечке в парке, где редко кто прогуливался пешком, а значит, и свидетелей их разговора быть не могло. — Марина Александровна выбрала меня, следуя своим чувствам. Смирись же с этим наконец и прости нам этот поступок. Убежден, что если бы не было твоего содействия моему переводу на Кавказ, все было сейчас совсем иначе, и ты понял бы, о чем я веду речь.

Анатоль побледнел, услышав эти слова, которые он боялся услышать с того самого дня, как узнал, к чему привела его просьба о ссылке для князя Загорского.

— Ты знаешь? Откуда?

— Правда всегда рано или поздно становится явной, как ее не утаивай, — ответил Загорский. Он отвел глаза от потрясенного лица Анатоля и посмотрел, прищурившись, на солнышко, пригревавшее нынче совсем по-летнему. Скоро, совсем скоро петербургский свет потянется на дачи! — Но я не держу на тебя зла сейчас. Я многое передумал за то время, что прошло после моего возвращения. Не скрою, я проклинал тебя последними словами, особенно когда узнал, как ты предал меня, как очернил в ее глазах. Ну, что ж, таково было твое решение. Ты боролся за нее, как мог. Всеми доступными тебе средствами. Все с самого начала пошло наперекосяк, тут нет ни правых, ни виноватых. К чему сейчас обсуждать это в сотый раз? Я смог понять мотивы твоих поступков, и, как бы высокопарно это не звучало — смог простить их. Ты хочешь моей руки? Я протяну ее тебе, когда ты попросишь о помощи, но другом тебя уже не смогу назвать, как бы ни хотел. Слишком многое стоит меж нами, слишком многое произошло.

— Значит, ты не отступишься от нее? — взволнованно спросил Анатоль и поразился, когда Сергей вдруг расхохотался в ответ на его реплику. Он смеялся так легко, запрокинув голову, приоткрыв рот, что Анатоль сам еле удержался от улыбки, словно тот вопрос, что он задал, был смешон донельзя.

— Так вот что тебя толкнуло на эту прогулку, — отсмеявшись, сказал Сергей. — А я-то думал, иное. Ты словно маленький мальчик со своей игрушкой. Ты так ревностно отгоняешь всех прочь от нее, словно боишься, что у тебя ее отымут. Но Марина не игрушка. У нее есть

чувства и желания, и я их уважаю. Она решила оставить все, как есть, и я принял ее решение.

— Но не смирился? Ты ведь не смирился с ним? — допытывался Анатоль.

— Что ты от меня хочешь? — раздраженно спросил Сергей. — Чтобы я здесь и сейчас заверил, что забуду ее, что никогда не взгляну в ее сторону? Так вот я не буду этого делать. Пока мое сердце бьется ради нее, я не буду умирять его порывы. Ты не можешь оградить ее от мира, чтобы никто и никогда не взглянул на нее. Я не буду ее преследовать, не буду открыто выражать своих чувств. Но если она примет решение вернуться ко мне, я приму ее. Я не хочу лгать тебе и прямо говорю об этом, — он помолчал с минуту, а потом продолжил.

— Но Марина — твоя супруга, она выбрала жизнь с тобой. Наш с ней брак остался в прошлом. Это было ее решение, и я принял его. Что касается нас с тобой, то я тебе уже сказал — мы по-прежнему будем приятельствовать, но не более того. Большого я не могу тебе обещать. По крайней мере, не сейчас.

Сергей натянул поводья и пустил коня сначала аллюром, а потом перевел в галоп. Он словно слился с конем в единое целое в этой скачке, и это смотрелось так красиво, что им невольно залюбовались многие в парке, наблюдавшие за его скачкой издали. Красивый, русоволосый, широкоплечий офицер с боевым орденом на груди да с наградной саблей на поясе. Даже шрам на лице, пересекающий его щеку, ничуть не портил его.

Сергей сделал круг и вернулся обратно, остановился рядом с Анатолем, придерживая Быстрого одной рукой. Это легко удалось ему из-за того, что поводья держал он совсем не так, как было принято, переняв от горцев их особую манеру ездить верхом еще в свой первый визит на Кавказ.

— Что ты намерен делать нынче? Вернешься полк? — спросил его Анатоль. — Тебя там ждут с нетерпением, и сколько бы ты не добавил ранее седых волос генералу Микулину, он с радостью примет тебя обратно. Он был весьма рад, когда узнал, что ты выжил в том нападении. Твоих товарищей переводят в полк на те же звания, думаю, ты будешь доволен это услышать. Все как прежде.

— Все да не все, — откликнулся Сергей. — Но я вынужден поблагодарить тебя за Донцева и Кулагина, полагаю? Благодарю, что все же исправил свои оплошности.

— Мне очень стыдно, поверь, за многие мои поступки, и этот как раз из их числа, — признался Анатоль.

— *Faute avouée à demi pardonnée* [\[316\]](#), — проговорил задумчиво Сергей, вдруг переходя на французский. — Ну, не будем об этом более. Оставим прошлое в прошлом. *C'est du passé* [\[317\]](#).

— Государь тебе велел найти супругу в течение года, — напомнил Анатоль, сам себя кляня за эти слова. Но слишком уж для него было важно, чтобы требование императора было удовлетворено. Настолько важно, что он сам был готов проследить за этим.

Сергей поморщился, словно съел что-то кислое, от этой реплики и бросил недовольный взгляд на Анатоля:

— Я прекрасно понимаю твою заинтересованность в этом вопросе, но позволь мне самому решить, что и когда я должен делать.

Анатоль понял, что совершил большой промах, когда Сергей вдруг снял перчатку и протянул ему руку для пожатия.

— Мне пора возвращаться, — сказал он. — *Adieu!*

После этого разговора Воронин еще долго не мог прийти в себя. Он заперся в кабинете и напряженно обдумывал каждую реплику из их недолгой беседы, анализируя возможную

подоплеку слов. Он вспоминал, как легко Сергей говорил ему о своих чувствах к Марине, и ему становилось дурно при мысли о том, что когда-нибудь это все же случится, что когда-нибудь Марина решит уйти от него к Загорскому.

Умом он понимал, что опасаться ему в данный момент нечего — слишком высоки препятствия для их возможного соединения, ведь Марина никогда не решится оставить ребенка. Но каждый раз, когда Анатоль замечал на балу или ужине, как эти двое встречаются взглядами, ревность тут же отравляла его кровь и мутила разум. Несколько раз он замечал, как складывался веер Марины в простую и нехитрую комбинацию «Я помню». Потом очередной взмах, и снова знак — «Я тебя люблю», и Сергей улыбался ей одними глазами с другого конца залы поверх голов своих собеседниц и собеседников. Или это ему уже казалось? Анатоль начинал думать, что сходит с ума.

Он запретил Марине вносить Загорского в бальную карточку, чтобы они лишний раз не коснулись друг друга, но эти кадрили... О, эти кадрили сводили его с ума! Он никак не мог понять, происходит ли это специально или подобная расстановка пар происходила случайно, по воле Господа. Но каждое касание ладоней, каждое касание ее стана рукой Загорского приводило его в ярость, заставляло кровь бешено бежать по венам. И он ничего не мог с этим поделать — ревность всегда была ему присуща, а ревновать именно к Загорскому сам Бог велел.

И все эти эмоции — ревность, злость, зависть к Сергею, вернее, к тем чувствам, что Марина питала к нему — копились в нем изо дня в день, из вечера в вечер. Если бы Марина пригляделась бы повнимательнее к тому, что творится с Анатолем в эти дни, то она бы поостереглась провоцировать его, как она это сделала на музыкальном вечере у Львовых. Ведь она как никто другой знала, что бывает, когда Анатоль выпускает свои чувства на волю. Особенно под парами алкоголя.

Как никто другой, ведь она помнила и свою первую брачную ночь, и те вечера, когда Анатоль, обуреваемый ревностью, скандалил после каждого бала. И ей бы насторожиться, ибо давно у них не было подобных сцен, словно Анатоль упокоился на ее счет. Но она была слишком счастлива, слишком рада этим мимолетным касаниям ладоней, этим мимолетным взглядам. Слишком беспечна...

В тот вечер княжеская чета Львовых давала музыкальный вечер, приглашения были разосланы за неделю до намечавшегося события. Было объявлено, что на нем будут представлены публике произведения Шопена, который с недавних пор стал весьма популярен в Европе.

Марине предстояло ехать на этот вечер одной, так как Анатолий был обязан присутствовать на небольшом приеме, что устраивался во дворце. Конечно, позднее он планировал присоединиться к супруге, но подобная разлука даже на несколько часов в то время, как Загорский непременно будет на этом вечере, ведь нынче Арсеньевы приезжали в Петербург и не могли не посетить вечера у матери Жюли, основательно действовала ему на нервы. Что может произойти меж ними там? На что они могут пойти, поддавшись чувствам? Вдруг ненароком откроют свету, что по-прежнему равнодушны друг к другу? Перед отъездом во дворец на этот прием он заранее обговорил с Мариной линию ее поведения на вечере (рядом с Загорским не находится, приглашение от него проводить к ужину не принимать), что вызвало в ней лишь раздражение.

— Скоро ты запретишь мне дышать с ним одним воздухом, — резко заметила она супругу, натягивая узкие длинные перчатки цвета слоновой кости. — Прекрати же, Анатолий, твоя ревность становится дурным тоном. — Будь твоя воля, ты бы запер меня в высокой башне, как старая ведьма заперла Рапунцель, полагаю.

Он ничего не ответил ей, лишь прищурил глаза. Ну, почему никто не понимает, по каким причинам ведьма прятала золотоволосую красавицу от внешнего мира? Почему никто не видит, что она делала это лишь по благим причинам? Ведь та так любила Рапунцель, так хотела, чтобы она всегда была рядом. Разве это преступление?

— Я приеду, как только смогу, — напомнил Анатолий супруге, глядя на ее отражение в зеркале, перед которым та стояла, заканчивая свой туалет. Шелк ее палевого платья ярко блестел в свете свечей, ключицы белели в вырезе платья. Такая хрупкая, такая прекрасная. И она принадлежит только ему.

Марина поймала его взгляд в отражении и еле удержалась, чтобы не нахмуриться. Снова плотно сжаты губы, снова упрямо выпячен подбородок вперед. Она прекрасно знала это выражение лица супруга. Вот сейчас он подойдет к ней и коснется губами либо обнаженной в вырезе кожи, либо ее ладони, потом проведет рукой по спине. Марина прекрасно знала, что он будет думать в этот момент, и эта его любовная собственностью доводило ее просто до бешенства, которое Марина с трудом скрывала от его глаз. Иногда она даже раздумывала, действительно ли он любит ее, как женщину, как именно Марину, а не приз, который он вырвал из рук соперника в нелегкой борьбе, не красивую оболочку, которая вызывала восхищение и зависть окружающих.

Перед отъездом они, как было заведено Мариной, зашли в детскую пожелать Леночке доброй ночи. Та тянула к ним руки, заинтересованно перебирала пальчиками то драгоценности матери, то ордена отца. Яркие, с блестящими камнями они всегда вызывали в ней любопытство.

— Хочу такую тятку, — всегда говорила Леночка, восхищенно глядя пальчиками драгоценности, сокращая слово «блестяшка», что не могла еще выговорить полностью.

— Папа непременно купит тебе много тятшек, как ты станешь постарше, — отвечал ей

Анатолий, ласково целуя ее в затылок. — Много-много тяшек.

Потом Марина и Анатолий целовали по очереди дочь в обе щеки и покидали детскую, чтобы отправиться на очередной вечер в свете. Так было и сейчас, только вот уезжали они из дома в разных экипажах в разные дома.

Анатолий помог супруге сесть в карету, накинул на ее ноги плед, потому как с Невы в этот майский вечер порядочно дул ветер, отобрав эту обязанность у лакея, что сейчас стоял рядом. Потом, прежде чем закрыть дверцу, он поймал вдруг рукой Маринин затылок и привлек ее голову к себе, заставляя посмотреть в свои глаза. Марина видела по его глазам, что он хочет что-то сказать ей, но он молчал, лишь поцеловал ее в губы долгим и слегка грубоватым поцелуем, затем отпустил и закрыл дверцу.

Всю дорогу до особняка Львовых она размышляла над странной любовью своего супруга к ней, его поведение в последнее время вызывало в ней только раздражение и чувство вины. Ведь он прав в своих подозрениях, она так и не смогла смириться с мыслью, что отныне у них с Сергеем разные пути. Каждый раз, встречаясь с ним в свете, Марина по крупицам собирала доказательства, что любовь Сергея к ней не остыла, что его сердце по-прежнему принадлежит ей — легкое касание руки в кадрили при смене партнеров, глаза, которые так и кричали ей о его чувствах в ответ на ее немые признания. Она понимала, насколько грешно поступает по отношению к своему супругу, а также по отношению к Сергею, не в силах отпустить его в новую жизнь, где ее, Марины, не будет более. Понимала, но ничего не могла с этим поделать. Ведь эти знаки помогали ей отвлечься от того, что окружало ее, заставляли забыть, что другой мужчина делит с ней жизнь. И поэтому собирала она их по крупицам, по капле, почти вымаливая их у Сергея.

Вот и сейчас, поприветствовав чету Львовых, встречавшую гостей в дверях, Марина не стала искать свою подругу, что приехала нынче из деревни, а сразу же направилась на поиски русоволосой головы, коря себя за подобную слабость. Она не могла заставить себя прекратить свои поиски, обходя два салона, где приглашенные на музыкальный вечер гости сидели в креслах, пили прохладительные напитки, вели неспешные светские беседы или просто прогуливались по комнатам, раскланиваясь со знакомыми. В комнатах его не было, и она прошла через распахнутые двери в сад, а затем вернулась в небольшую залу, где среди многочисленных растений в кадках были расставлены стулья, а приглашенные артисты настраивали инструменты.

— Он покамест не прибыл, — шепнула ей на ухо, подступившая неслышно со спины Жюли, и Марина вспыхнула, заливаясь краской от стыда, что подруга, видимо, шла за ней от самой передней. Она развернулась к подруге и обняла ее, пряча лицо у той на плече. Жюли так крепко привлекла ее к себе, что от этой ласки у Марины захотелось плакать, стало трудно дышать из-за комка слез, застрявшего где-то в горле.

— Ты осталась с Анатодем Михайловичем, — тихо сказала Жюли, и Марина кивнула. — Я думала, ты решишься на развод.

— Я тоже так думала, — ответила ей Марина, отстраняясь. — Но, как видишь, не сложилось.

Жюли хотело сказать что-то еще, но видимо, подали знак к началу концерта, и залу стали наполнять приглашенные гости, шурша юбками, стуча каблуками, громко переговариваясь между собой. Жюли взяла ее под руку и повела к стульям в первых рядах, но стоявших чуть поодаль от остальных. Они присели, расправив юбки, рядышком, плечо к плечу.

— Он душит меня, — вдруг тихо сказала Марина, но Жюли ее расслышала и вздрогнула от той горечи и боли, что разобрала в голосе подруги. — En sens figuré [\[318\]](#), конечно. Он душит меня своей любовью, своей ревностью. Смотрит на меня на всех вечерах, будто на свою добычу хищник. Это мой первый свободный от него выход, право слово!

Жюли повернулась к ней и открыла рот для ответной реплики, но тут музыкант заиграл вступление к одному из ноктюрнов Шопена, и ей ничего не оставалось, как только с участием пожать руку подруги. Марина приняла пожатие, а потом раскрыла веер и, обмахиваясь им, украдкой взглянула на собравшихся в импровизированной концертной зале. Сергея не было среди них, и она, с трудом подавив разочарование, погрузилась в музыку.

Как прекрасны были мелодии! Как брали за душу! Многие из слушателей целиком сосредоточились на волшебных звуках, что выпархивали из-под рук музыканта и, немного покружив по зале среди цветов и листьев растений в кадках, среди мерцающих огоньков свечей в напольных жирандолях, улетали в звездное небо, видневшееся сквозь стекло многочисленных окон.

Марину же эти медленные, проникновенные мелодии погрузили вдруг неожиданно в прошлое. Она позволила себе расслабиться, лишенная контролирующего взора Анатоля, и забылась в воспоминаниях.

Их первая встреча с Сергеем в саду Смольного. Как же молод он тогда был! Как наивно влюблен в Натали, строя план побега из института! Какая выходка пробраться за ограду женского института. Только Загорский был способен на это безрассудство.

Потом та встреча на балконе, навсегда перечеркнувшая ее спокойную жизнь, когда она потеряла серьгу из тетушкиного гарнитура.

«... — Откуда вы взялись, прекрасная Диана [\[319\]](#)? Клянусь, я впервые вижу такую девушку, как вы...». Сколько всего было потом: ее заблуждение по поводу его чувств, тот вальс, что она буквально выпросила у Сергея, презрев свое воспитание, их встреча рано поутру, ее горькое разочарование и отъезд в Ольховку на долгих три года.

Музыка все лилась и лилась, наполняя восторгом души слушателей, а Марина медленно двигалась по драгоценным для нее минутам, словно заново переживая ту жизнь, когда она любила и была любима, когда была свободна.

Его письма к ней, полные таких нежных слов, которые она до того читала только в романах, от которых так сладко замирало ее сердце. Марине вспомнилось, как он, открыто и никого не таясь, преследовал ее в свете, надеясь вновь заслужить ее расположение, их ссора в парке в Павловске и столкновение потом, на охоте, когда она ударила его хлыстом, а потом их первый поцелуй.

«... — Ты — моя любимая. Ты — моя любовь, моя душа, мое сердце. Ты — мой воздух, которым я дышу. В тебе — моя жизнь, и только от тебя зависит, какой она будет...»

А потом ее нелепый безрассудный поступок принять предложение Анатоля, от злости, от разочарования, в надежде сделать больно и горько князю Загорскому. Необдуманый поступок, разрушивший три жизни. Нет, не три, она ошиблась. Пять жизней. Ведь существовала еще Долли, милая и тихая Долли. Марина была убеждена, что та смогла бы помочь Анатолю излечиться от его боли, когда б он узнал, что Марина не любит его и не может стать его супругой.

И еще была ее маленькая дочь, ее Элен. Никогда ей не будет суждено узнать своего настоящего отца, а Сергею обнять свое дитя, так уж распорядился Господь. Плод их короткой любви, частичка Сергея, которая навсегда останется рядом с ней, как напоминание

о том времени.

Те три волшебных дня, которые они провели в Киреевке. Их маленький *le paradis terrestre* ^[320]. Как забыть ей это время, как вычеркнуть из памяти те мгновения, ведь они были самыми счастливыми в ее жизни!

«...— Ты его супруга перед людьми, но перед Господом — ты моя, слышишь, моя!...»

Горячая капля упала на ладонь Марины, что сжимала рукоять веера, и она с удивлением поняла, что плачет. Она быстро подняла другую руку, чтобы аккуратно промокнуть слезы, пока их не заметили окружающие, и вдруг замерла на месте, поймав случайно взгляд Сергея. Он стоял на противоположной стороне от ряда, где они сидели с Жюли, сбоку от кресел, в тени веток пальм в кадке за его спиной. Рядом с ним, чуть позади, виднелся Арсеньев, что, сжимая в руках бокал, внимательно слушал музыку, но Марина даже не сразу заметила его, пораженная тем, что заметила в глазах Сергея.

Ничем не прикрытая острая боль, режущая ее на куски ее сердце. Казалось, с него спала маска спокойствия и безразличия, что была на его лице до сих пор, и она впервые осознала, что он мучается так же, как она — изо дня в день. Ее слезы, случайно выпущенные на свободу, ее эмоции, что она испытала, воротившись в прошлое, которые он легко прочитал по ее лицу, выпустили на свободу его боль и горечь.

Заметив, что Марина заметила его, Сергей еле заметно качнул головой, словно говоря «Не плачь», и она попыталась взять себя в руки, но не ради себя, а ради него, понимая, как больно ему видеть ее слезы. Марина промокнула кончиком пальца глаза и выправилась, снова спокойная и безмятежная, какой только могла казаться в этот миг. Но как она не старалась отвести свой взгляд от его глаз, так и не смогла, снова и снова возвращаясь обратно к нему.

Концерт был окончен, музыкант убрал руки с клавиш, и тут же в наступившей тишине раздались громкие восторженные аплодисменты и выкрики:

— Bravo! Magnifique! Admirable! ^[321] — слышалось со всех сторон. Слушатели повставали со своих мест, продолжая свои аплодисменты. Лишь Сергей и Марина на мгновение задержались с этим, не в силах разорвать этот зрительный контакт меж собой.

Когда наконец восторги стихли, а *maestro* уже готов был откланяться, княгиня Львова вдруг предложила немного потанцевать перед ужином. Ее предложение было встречено бурными восторженными и одобрительными возгласами, лишь немногочисленные дамы в возрасте, кутаясь в шаль и наблюдая за всеобщим восторгом молодежи сквозь стекло моноклей, укоризненно качали головами этим бурным эмоциям, что вызвало предложение.

Maestro тем временем заиграл вальс Шопена. Марина заметила, что к ней направляются, и тут же, повинаясь неожиданному для нее порыву, посмотрела на Сергея и быстро развернула веер, помахала им. «Потанцуй со мной!». К ее удивлению, Сергей покачал головой, не соглашаясь с ее безумным предложением для их положения. Но Марина не желала сдаваться, он взяла под руку Жюли, которая в этот момент, что восхищенно говорила ей о *maestro*, и, делая вид, что не замечает направляющихся к ним офицеров, повела ту поближе к Арсеньеву и Сергею. По пути она снова подала ему знак веером, не отрывая глаз от него, которому сейчас что-то тихо говорил в ухо Павел.

...— Пожалуйста, пригласите меня...— донесся из далекого прошлого тихий шепот юной безнадежно влюбленной девушки к блестящему офицеру. Сергей замер, словно услышал его, и вдруг улыбнулся, шагнул ей навстречу, не взирая на протестующий жест Арсеньева.

— Марина Александровна, — проговорил он, склоняя голову. Марина тут же выпустила руку Жюли и присела в небольшом книксене.

— Сергей Кириллович, — ее глаза светились от радости и возбуждения от предстоящего танца.

Сергей подал ей руку, она приняла ее, и они прошли к кругу танцующих, которые уже вальсировали под звуки прекрасной мелодии.

Мгновение, и вот они уже кружатся среди этих пар. Ее сердце забилося где-то в горле от простого прикосновения их тел. Она не могла оторвать своих глаз от его взгляда, нежно ласкающего ее. О Боже, как же ей было сейчас отратно в его руках! Только здесь место Марины — в его объятиях.

Темп музыки убыстрился, и Сергей закружил ее быстрее. Голова ее шла кругом то ли от скорости их кружения, то ли его взгляда. А может, от того чувства, что охватило все ее существо, стоило только Сергею коснуться ее. Как же она счастлива была сейчас! Марина перевела взгляд на Сергея и заметила, что он улыбается ей так счастливо, что ее сердце замерло от восторга этого момента.

Я люблю тебя. Ей вдруг так захотелось сказать ему об этом, но она не смела. Лишь взглянула на него со всей любовью, которую ощущала к нему в этот миг. Но Сергей понял ее и ответил ей таким же взором, прижав ее чуть сильнее, чем требовал танец.

Такими счастливыми, такими буквально светящимися от радости снова держать друг друга в объятиях и увидел их Анатоль, не успевший на концерт, но зато подоспевший к самому ужину, а также к этому импровизированному балу. Он со всей силы вцепился в косяк двери в залу, изо всех сил сдерживая себя, чтобы не закричать во весь голос, не броситься к ним и не разъединить их раз и навсегда. Его сердце бешено колотилось в груди, разгоняя слепящую ярость по всем жилам, до самых кончиков пальцев.

— *Que de gens! O, quelle délicieuse personne, que cette votre petite comtesse! Charmante! Charmante soirée!* [\[322\]](#) — проговорил за его спиной один из офицеров французской миссии, что тоже был на приеме во дворце, а после поспешил сюда, к Львовым, окидывая взглядом залу, а потом вдруг спросил Анатоля. — *Vous allez bien, comte? Vous êtes pâle comme la mort* [\[323\]](#).

— *Merci, je vais bien* [\[324\]](#), — проговорил Анатоль. Они ступили в залу, по пути перехватив лакея разносившего напитки. Воронин взял бокал и в два глотка опустошил его, вызвав недоуменный взгляд своего французского собеседника, который, впрочем, тут же взял себя в руки.

Тем временем, вальс был окончен, и пары, кружившиеся по зале, распались. Анатоль заметил, с каким сожалением расстались руки его жены и князя Загорского, и он еле сдержал себя. Они оба заметили его и под руку, как того требовали приличия, направились к Анатолю. Почти одновременно подошли Арсеньевы, чтобы поприветствовать Воронина, но Анатоль заподозрил их в том, что это было сделано специально, словно убереечь эту сладкую парочку, улыбки которой еще не сошли с лиц после этого вальса, от его гнева. Все, абсолютно все против него!

— *Ma épouse bien-aimée!* — протянул Анатоль, принимая из руки Сергея ладонь Марины. Он притянул ее к себе, стараясь как можно сильнее сжать пальцами ее талию, нарочно причиняя ей боль. Она же даже глазом не моргнула, когда они буквально впились в ее стан, обтянутый шелком. — *Vous êtes si charmante aujourd'hui, ma chérie* [\[325\]](#).

— О, el comte est jaloux comme un tigre de sa femme. Il est tant de charme, — улыбаясь, промолвил француз. — Il est rare de voir cela en France. Mais qui ne était si jaloux d'une femme beau comme un astre! [\[326\]](#)

— Я, — вдруг резко ответил Сергей, и Анатоль даже вскинул голову, заслышав в его голосе сталь. — Я бы не ревновал. Ревность принижает любовь. К тому же Марина Александровна так красива и умна, что я бы только радовался, имея такую супругу. Ведь остальные могут лишь любоваться ее красотой, либо провести ее в танце, но принадлежать полностью она будет только мне одному. А к самому себе ревновать глупо.

— Quoi? Qu'at-il dit? [\[327\]](#) — проговорил француз, оборачиваясь к окружающим, и княгиня Львова, подошедшая в этот момент к их маленькой группке, перевела ему слова князя. Она видела, как побледнел от гнева граф Воронин, как озабоченно нахмурился Арсеньев, ее зять, и хотела сделать знак дворецкому, чтобы звали за столы к ужину, но не успела.

— Вот и полюбуйся! — резко ответил Загорскому Анатоль чуть слышно, чтобы эти слова разобрал лишь он. Но их слышали и Марина, и Жюли, стоявшие близко к нему, что не могло не раздосадовать Воронина. Эти их взгляды, которыми подруги обменялись...

Но останавливаться он не желал. Ревность и злость, этот бешеный клубок эмоций, толкали его сделать больно и горько своему сопернику за сердце женщины, что он так любил. И даже если Марина поймет его замысел, что ж, пусть тоже ощутит боль от обиды и ревности, которую сейчас будет чувствовать Загорский. Она ведь должна же быть наказана за слушание его наказов нынче вечером.

— Avez-vous vu, comme divinement ma femme a dansé pas de chale? — спросил Анатоль француза, который был явно в недоумении от разворачивавшейся перед ним мизансцены. — Oh, c'est vrai art! Elle fut la première dans un cours à l'institut. Il vaut vraiment le détour! — и после того, как тот заверил его, что «Je suis honoré de voir [\[328\]](#)», обратился к Марине. — Ma chère, faites vous nous ce plaisir? Avec votre permission, ma chérie princesse, [\[329\]](#) □ — уже к княгине Львовой, которая вопросительно посмотрела на Марину.

Та же взглянула на своего супруга, поджавшего губы в раздражении, потом перевела взгляд на князя Загорского. Он был бледен, как Анатоль, только шрам алел на его лице, и Марина поняла, что эти двое сейчас в бешенстве от поведения друг друга. Они напомнили ей сейчас двух петухов, что не поделили что-то в птичьем дворе.

Отказать супругу Марина не могла, тем паче, француз уже ждал ее ответа с нетерпением. Она улыбнулась княгине Львовой и проговорила слова, сказанные недавно Анатодем:

— Avec votre permission, — она передала веер и небольшой ридикюль Жюли. — Все в порядке, — шепнула ей, потому как Юленька смотрела на нее с явной тревогой в глазах. Затем зажала концы шали в ладонях и кивнула княгине Львовой. Та подала знак лакею, стоявшему подле в ожидании распоряжений, тот поспешил передать ее повеление музыкантам.

— Pas de chale [\[330\]](#), — громко объявил maestro, и гости, ожидающие вступления к полонезу, что ознаменовал шествие к ужину, освободили небольшую площадку в центре залы. Марина в последний раз взглянула на их небольшую группку, улыбнулась и ступила в середину образовавшегося круга.

Пропуская вступительные аккорды, она вдруг поняла, почему так разозлился Сергей.

Когда-то давно, когда они делились воспоминаниями из своего прошлого там, в Киреевке, в свой медовый месяц, узнавая друг друга, Марина похвасталась своим умением в этом танце, обязательном для знания и умения исполнить для каждой девушки их времени. В доказательство она подхватила шаль, небрежно брошенную на спинку стула тут же в спальне, и продемонстрировала *pas de chale* под неслышную музыку, кружась в одной сорочке. Разумеется, до конца она его не дотанцевала — ее грациозные движения пробудили в Сергее не только восхищение ее танцем, и она была подхвачена им на руки и после небольшого кружения по комнате оказалась с ним в постели, где он так нежно целовал ее, так иступленно ласкал.

Потому-то сейчас так больно будет Сергею наблюдать за *pas de chale* сейчас. Особенно после этих резких слов: «Вот и полюбуйся!», брошенных Анатолем ему в лицо. Ну, почему он не сдержался? Зачем сделал замечание Воронину, указав на нелепость его подозрений?

Марина вдруг подняла голову и взглянула в глаза Сергею, что стоял позади зрителей, прислонившись плечом к колонне. Она заметила горечь в его глазах, и вдруг решилась на то, что сама от себя не ожидала — приложила левую руку с зажатым концом шали к сердцу, а потом протянула ее по направлению к нему, словно говоря ему «Для тебя, любимый!». Затем легко начала двигаться под музыку, вытягивая то правый носок, то левый, поднимая поочередно руки, но неизменно возвращаясь глазами к Сергею. Она хотела танцевать лишь для него, как тогда, в Киреевке.

После нескольких па Сергей разгадал ее замысел и начал медленно, чтобы не вызвать подозрений у окружающих ни своему поведению, ни уже тем паче Маринину, передвигаться по зале за спинами многочисленных зрителей. Но глаза свои он не отрывал от той хрупкой фигуры, что сейчас грациозно двигалась в центре, посвящая свой танец только ему одному. Им казалось, что помимо них двоих в зале не осталось никого. Она легко побрасывала свою шаль, ловила ее, снова переступала с носка на носок, но находила его глазами, где бы он ни был.

Они смогли обмануть остальных гостей, не посвященных в их тайну, но утаить их незримую связь, установившуюся сейчас меж ними, от Анатоля они не сумели. Он ясно видел, как Марина смотрит на Загорского и какие ответные взгляды тот посылает в ответ, и тщательно лелеял в себе ту ярость, что разливалась по венам.

Подожди, дорогая, думалось ему, я вижу твой проступок, не слепой же я, в конце концов. Я просил тебя уважать меня и мои решения, а ты так пренебрегла ими нынче... Подожди же...

Танец окончился, раздались бурные аплодисменты, и Анатолю показалось, что слишком уж бурно хлопает француз, стоявший рядом с ним во время танца. Он не мог не поморщиться недовольно, сейчас даже выкрики «*Adorable, divin, délicieux!*»^[331], что раньше так льстили его самолюбию, вызывали в нем только раздражение.

— *Permettez moi accompagner votre épouse a diner?*^[332] — вдруг обратился к нему французский офицер, когда Марина подошла к ним. Анатоль кивнул ему рассеянно, давая свое согласие, и тот под звуки полонеза повел его супругу в парадную столовую особняка Львовых. Воронину ничего другого не осталось, как предложить руку Жюли. Весь путь она молчала, изредка кивая его вежливым репликам, и Анатоль не мог не разозлиться еще пуще, видя явное неодобрение своим поступкам в ее поведении. Почему они все на ее стороне? Разве не видно, кто в этой ситуации наиболее пострадавшая сторона?

За столом Анатоль не пропускал ни одного тоста. Более того, он старательно

опорожнял свой бокал в промежутке между здравницами, что вызвало недоуменный взгляд Арсеньева, сидевшего через одну персону по правую руку от него. Анатоль заметил, как переглянулся тот укоряющим взглядом с Загорским, и чуть было не фыркнул во весь голос. Так смотрят, словно сами никогда и капли спиртного в рот не брали. И потом — это его дело, сколько и когда пить. Никто ему здесь не указ!

Он исподтишка наблюдал за своей женой, сидевшей напротив него чуть сбоку. Рядом с ней занял место тот французский офицер, сейчас соловьем певший многочисленные комплименты ее красоте, грации и изяществу. Марина казалась сейчас такой задумчивой, такой грустной, что у любого сжалось бы сердце. У любого, но не у него. Анатоль знал, какая коварная изменница и лгунья скрывается за этой маской вежливого внимания, как лжива ее сущность за красивым лицом. Подожди же, дорогая, думалось ему, и он снова и снова отпивал из бокала вина.

Марина даже не сразу поняла, насколько он пьян, когда они ждали, пока подадут их экипаж, попрощавшись с хозяевами в конце вечера. Он отлично держался на ногах, его речь была членораздельна, и она сначала решила, что ей показалось, что он много пил нынче за столом. Но вот подали карету к крыльцу, и Анатоль вцепился в ее локоть.

— Пойдем, дорогая, пора ехать домой, — он потащил ее к экипажу, а Марина немного замешкалась, и это привело к тому, что Анатоль оступился и едва не упал со ступенек. Тут же ему помогла выпрямиться сильная рука. Анатоль взглянул через плечо на удержавшего его от падения и нахмурился.

— Благодарю, я немного оступился, — бросил он Загорскому, стоявшему рядом с ними на ступеньках. Позади того стояла чета Арсеньевых, чья коляска стояла за экипажем Ворониных. Павел смотрел на Анатоля недовольно, Юленька же старательно отводила глаза в сторону, кутаясь в шаль от прохладного ветра.

Загорский всмотрелся в Анатоля, и его взгляд не пришелся по нраву Воронину. К чему смотреть на него так осуждающе ему, обманщику и предателю? Он разумно промолчал, зная, какова реакция последует на эти слова, выскажи он их в лицо Сергею, лишь дернул рукой, высвобождая свой локоть из пальцев Загорского.

— Мы поедем после в клуб с Paul'ем, — проговорил Загорский. — Не желаешь составить нам компанию?

— Благодарю, но нет, — мотнул головой Анатоль, и это движение вызвало в нем такой головокружение, что он был вынужден вцепиться в супругу, чтобы не упасть. — Я намерен нынче кое-что предпринять, и это требует... требует...

Он запнулся, запутавшись в словах, разозлился на себя, потом быстро кивнул на прощание друзьям и шагнул к карете, таща за собой жену за локоть. Анатоль толкнул Марину вперед, заставляя ее забраться вглубь кареты. Затем он обернулся к Загорскому и быстро сказал:

— Нынче не могу. Быть может, завтра. Напиши ко мне. Нынче у меня другие планы, — он вдруг зло усмехнулся и, опираясь на руку лакея, забрался в экипаж.

Он понял мои намерения. Анатоль прикрыл глаза. Ну, что ж, тем лучше, не будет более провоцировать меня. Теперь поостережется.

По дороге домой супруги молчали. Хранили молчание они и в передней, и по пути в свои половины. Марина кожей ощущала на себе тяжелый взгляд супруга и понимала, что сегодня ее ждет расплата за свой танец с Сергеем. Она должна была чувствовать себя виноватой перед ним, но как ни странно, чувства вины или сожаления за свой проступок она

не могла вызвать в себе, как ни старалась. А ведь, судя по прошлым их скандалам, ей очень необходимо сейчас выглядеть раскаявшейся.

Но ей так не хотелось сейчас притворяться, а уж тем паче, лебезить перед ним. Она планировала сейчас извиниться перед супругом за этот вальс, но сам разговор перенести на следующий день. Ведь Анатоль едва выбрался из кареты и поднялся сейчас по лестнице, настолько он был пьян. Быть может, он сразу же пройдет к себе?

Но нет, не прошел. Марина хотела удалиться в свою половину, но ее супруг двинулся следом и быстро схватил за локоть.

— Ко мне в кабинет, моя дорогая, — со свистом прошептал он, и она предпочла подчиниться.

В кабинете Анатоль сразу же налил себе бренди и жадно отхлебнул из бокала, расплескивая напиток на мундир. Он отряхнулся с чертыханьем и повернулся к Марине. Она думала, что Анатоль ждет от нее извинений, и уж было открыла рот, чтобы их принести, но не успела. Сильный удар ожег ее левую щеку. Она не смогла удержаться на ногах и налетела на этажерку, стоявшую в углу кабинета. Та пошатнулась и с грохотом, столь отчетливым в ночной тишине, упала на пол.

— *Vous m'avez promis, ma chérie* [\[333\]](#), — проговорил, чеканя слова, Анатоль. — *Faute d'école, ma bonne, faute d'école* [\[334\]](#)!

Он замахнулся снова, но Марина, пользуясь его состоянием, выскользнула из-под его руки, чем привела его в еще большую ярость. Он взревел и перевернул одной рукой столик с графинами со спиртными напитками и бокалами. Марина схватила канделябр с незажженной свечой, что стоял на бюро рядом с ней, выставила его перед собой, словно оружие.

— Не подходи ко мне! — прошипела она. — Клянусь, я убью тебя, если ты еще раз ударишь меня!

Анатоль наклонил голову вбок и стал пристально смотреть на нее, словно прикидывая, что ему делать с ней сейчас, с какого боку подойти. Потом шагнул к ней резко. Марина испугалась и замахнулась на него своим оружием, но он легко отбил одной рукой ее удар и выхватил из ее рук канделябр.

— Ты подняла на меня руку! На меня, своего супруга! — прошипел он, и Марина заметила в его глазах жажду крови. Ее крови. Она развернулась, прежде чем он успел схватить ее, и бросилась в свои половины.

Запереть двери! Срочно! Она вихрем пронеслась в свой кабинет, захлопнула створки и повернула ключ. Анатоль не последовал за ней, и через мгновение она поняла, почему он не сделал этого, когда вспомнила о второй двери в ее комнаты, ведущую из общего коридора в ее спальню. Марина бросилась туда, заслышав в коридоре стук сапог супруга, но не успела — Анатоль влетел вихрем в спальню, запер за собой двери и отбросил в сторону ключ, лишая ее пути к бегству. Тогда она развернулась обратно, в кабинет, намереваясь бежать прочь из своей половины, сама не зная, где ей сейчас искать спасения от разъяренного супруга.

Анатоль настиг ее у самой двери кабинета. Если бы она не заперла ее тогда, в самом начале, у нее был бы шанс выбежать, но Марина замешкалась с замком и была поймана. Он схватил ее за плечо и рванул на себя, разрывая платье от декольте вниз. Второй рукой он снова ударил ее по лицу, зарядив ей такую пощечину, что у нее зазвенело в ушах.

— Последние артистки не предлагают себя так открыто, мадам, как нынче сделали это

вы своим танцем! — рывкнул он, тряхнув ее, как куклу. Она подняла руку и ударила его кулаком в лицо изо всех сил, но промахнулась и попала в ухо. Анатолий взревел и оттолкнул ее, буквально бросил от себя. Она налетела на бюро спиной, со звоном упали на пол фарфоровые письменные принадлежности, разбиваясь на куски.

Анатолий тем временем снял с себя пояс, конец которого наматывал сейчас на кулак. Марина похолодела, заметив это. Неужели он действительно задумал...? Первый же удар ремня ожег ее плечо и ошеломил ее. Но второй, пришедшийся на руку и часть спины, привел ее в чувство.

— *Vile créature!* — выкрикивал он ей, стегая и стегая ее ремнем. — *M enteuse!* ^[335]

Марина же отключилась от его выкриков, едва уворачиваясь от его ремня, хлещущего ее по спине, плечам, рукам. Ее разум лихорадочно искал пути спасения, но она понимала, насколько ничтожны ее шансы вырваться отсюда. Алкоголь пробудил в Анатоле зверя, выпустив наружу все эмоции, что копились за эти дни, а ярость придала ему сил и ловкости. Он едва стоял на ногах недавно, но сейчас он был ловок и быстр.

Что ей делать? Даже если она будет кричать во весь голос, никто из дворни не придет ей на помощь. Никто, разве что Агнешка. Но что та может против барина? Только усилит его гнев. И если уж и суждено кому-то пострадать от рук Анатолия, то это будет только она, Марина. Поэтому она стиснула зубы и решила молчать, что бы ни происходило в этой комнате.

Внезапно ее взгляд упал на кочергу, стоявшую у камина среди остальных каминных принадлежностей. В один прыжок она метнулась туда и выхватила свое очередное оружие. Анатолий же не придавал этому никакого значения. Он отбросил в сторону ремень, решив, что с нее хватит и тех нескольких ударов, что успел нанести, и принялся медленно расстегивать мундир, глядя в ее глаза каким-то жутким ужасающим ее взглядом.

— Я думал, ты особенная, а ты просто *rouleuse* ^[336], — проговорил он, снимая с плеч мундир и швыряя его в ее сторону. Но не попал в нее, и мундир упал рядом, звякнув орденами. — Значит, и вести с тобой себя надо именно так.

Марина наблюдала за ним пристально, но все же едва не пропустила тот момент, когда он рванулся к ней. Она размахнулась и ударила его кочергой, попала в плечо, вызвав у Анатолия сдавленный стон. Он схватил ее одним движением и развернул спиной к себе, прижав к собственному телу, пребольно сжимая ее правое запястье, вынуждая бросить кочергу, что она вскоре и сделала, не в силах терпеть дикую боль от его пальцев.

— *Rouleuse*, — шептал он ей в ухо. — А знаешь, как обращаются с ними, моя дорогая? Знаешь?

«Плачь!», приказала Марина себе, зная, как на него действуют слезы, но не смогла выдавить из себя и слезинки. Она была сейчас одновременно и испугана, и разозлена до невозможного поведением Анатолия. Ее натура бурно протестовала против подобного обращения, принуждая ее сражаться с ним до последнего.

Тот тем временем протащил ее в спальню и, также прижимая к своему телу, принялся рвать на ней платье. Марина дернулась в его руках, когда он прикусил слегка ей ухо и снова зло прошипел: «*Rouleuse!*». Она ударила его в колено ногой со всей силы, но он даже не шелохнулся. Толкнул ее на постель, стаскивая остатки платья. Она упала на живот, потом перекатилась и ударила его ногой в грудь, когда Анатолий хотел склониться над ней. Юбки больше не мешали ее движениям, и Марина в мгновение ока сорвалась с места и бросилась к двери, но он снова настиг ее, прижал к своему телу.

— Расскажи, о чем ты думала, когда танцевала сегодня pas de chale? — прошипел Анатолий. — Ты хотела лечь под него, как тогда? Хотела?

Мысль о том, что Марина когда-то с готовностью делила постель с другим, а ему буквально по крохам приходилось выпрашивать любовь и нежность, пробудила в нем какую-то звериную ярость. Он повалил ее на столик, одной рукой смахивая с него безделушки, задрал ей нижние юбки.

— Нет! Анатолий! Прошу тебя! — вскрикнула Марина в ужасе, дергаясь в его руках, но без особого результата.

— Именно так и поступают со шлюхами, моя милая! — прошипел он ей в ухо в ответ, сильнее прижимая ее к столику. — Раз не хочешь в постели и по доброй воле, значит, будет так.

****

— Я прошу тебя, уйдем, — умолял Арсеньев, в который раз пройдясь до коляски и обратно, к Сергею, вцепившемуся в кованый забор двумя ладонями. — Зачем мы тут вообще? Зачем тебе быть тут? Уедем, прошу тебя!

Из распахнутых окон дома снова донесся глухой звук, словно упало что-то тяжелое. Он был едва слышим, но различим в ночной тиши почти погрузившегося в сон Петербурга. При этом звуке Сергей дернулся всем телом.

— Я пойду туда! Кто-то должен остановить его! — бросил он Арсеньеву. — Ты же видел, что было у него в глазах, когда он уезжал. Жажда крови. Ее крови!

— И что ты скажешь? — язвительно спросил Павел. — Прости, проходил мимо, решил заглянуть с визитом? Ты сделаешь только хуже. Что бы ни творилось за стенами домов, это дело только их хозяев. Таковы уж правила. Поедем, mon ami. Ты ничем не можешь ей помочь, только душу себе растрaviшь. Он ее супруг, он волен поступать с ней согласно своим желаниям. Ты сам позволил этому сложиться.

Сергей склонил голову, признавая правоту Арсеньева. Он не должен был поддаваться на ее знаки, как бы ему не хотелось вновь ощутить себя любимым и нужным ей, вновь почувствовать ее прикосновение.

Он разжал ладонь и заметил, что кованое украшение забора так впилося в руку, что прокололо кожу, и сейчас с его ладони капала кровь. Он прислонился к забору лбом и в отчаянье закрыл глаза. Хотелось до дрожи в руках выкурить наргиле, успокоить нервы, унести прочь из этой реальности, которая рвала его душу на части.

Арсеньев подошел сзади, положил ладонь на плечо Сергея и с силой сжал его.

— Поедем, не дай Бог, кто заметит еще нас здесь, под этими окнами. Будет только в сто крат хуже.

Сергей с явным сожалением оторвал ладони от забора, подошел к коляске и быстро забрался в нее. Арсеньев сел рядом и слегка сжал его руку ободряюще, но ничего не сказал, только подал платок, чтобы Сергей обмотал раненую ладонь.

Так они и ехали по ночному, почти безлюдному Петербургу, молча, плечо к плечу некоторое время. Потом Сергей очнулся от своих дум и приказал вознице поворачивать к дому Львовых, где остановились на время приезда в Петербург Арсеньевы.

— Ты уверен? — озабоченно спросил Павел.

— Сколько тебе кататься со мной? — усмехаясь, спросил Сергей. — Да и супруга тебя ждет. Верно, клянет меня последними словами.

— Не тебя точно, — отрезал Арсеньев, вспоминая в очередной раз выражение глаз Воронина, пробравшее его самого до нутра. Он вздрогнул то ли при воспоминании, то ли от ночной прохлады, от которой вовсе не спасал фрак.

У подъезда Львовых они простились, и Сергей поехал далее один. Он до смерти хотел курить, хотел выпить чего-нибудь крепкого, поэтому по приезде в особняк на Фонтанку сразу же прошел не в спальню, а в кабинет, где налил себе бренди. Спустя пару бокалов, которые не смогли успокоить его эмоции, он прошел в свою половину и разжег наргиле. Она думала, что Степан что-то сделает без его ведома, как бы не так, усмехнулся он, а потом вдруг уронил устало лицо в ладони.

Как это вытерпеть, как? Сегодняшний вечер так прекрасно начался, и вот как ужасно закончился! Анатолий никогда не сумеет подавить в себе злость и ревность, мучающую его каждый раз, как он видит их с Мариной рядом. Сергей помнил, что его друг рос в семье, где сама атмосфера в доме была пропитана нелюбовью, и этот страх быть отвергнутым тот никогда не сможет побороть. А значит, каждый раз он будет вымещать свои обиды на том, до кого сможет дотянуться. На ней.

Значит, Сергею надо сделать что-то, что смогло прекратить эти приступы ревности, свести их на нет. Но что? Уехать из Петербурга? Невозможно, он привязан к полку. А перевода на Кавказ он также ни за что не сумеет получить. Быть может, дуэль или другой проступок? Но нет, дразнить государя не следует, итак далеко не в фаворе.

Быть может, жениться? Сергей глубоко затянулся, а после с наслаждением выпустил струю дыма в воздух. О Боже, остается только это! Жениться...

Внезапно на его плечо опустилась рука, и он, даже не поворачивая головы к вошедшему в его спальню, произнес:

— Пошто не спите, *grand-père*? Уж скоро рассветет.

— А ты, Сережа? — Матвей Сергеевич тяжело опустился на кровать за спиной внука. — Снова, поди?

— Это табак! — бросил Загорский. — Просто табак.

— Да я не об том! — Матвей Сергеевич пристально посмотрел на стеклянный сосуд, словно там, на дне, хотел найти ответ на вопросы, мучающие его внука. — Доколе мучить себя будешь? Отпустил, так отпусти, другого пути нет.

— А если я жалею, что отпустил? Что пошел у нее на поводу? — вдруг вскинулся Сергей. — Я думал, он будет любить ее, будет заботиться о ней. Но любовь его злая, жестокая. Такая любовь и убить способна. А я бессилен, я просто бессилен что-либо сделать. Бессилен защитить ее. Что мне делать, *grand-père*?

— Борись, — тихо сказал старый князь, и Сергей вздрогнул от решительности, что прозвучала в голосе деда. Тот сжал его плечо и повторил. — Борись за нее, не уступай. Ежели так сильна твоя любовь...

— Но это значит..., — Загорский не договорил, и дед кивнул ему, соглашаясь.

— Пусть будет, как суждено. Я ни слова не скажу против. Знать, судьба такая, а супротив судьбы не попрешь, Сережа. Такова судьба...

Стук копыт по брусчатке мостовой за распахнутым окном вдруг разбудил его, вырвал из глубокого сна, в которое он провалился нынче ночью. Просто сон, без видений и грез. Обычно про такие говорят, что тело в это время отдыхает, но он чувствовал себя сейчас таким разбитым.

Анатолий приподнялся на локтях и огляделся. Это небольшое движение отдалось такой дикой болью в голове, что он чуть не застонал. Во рту у него пересохло, слегка мутило. Боже, давненько он не чувствовал себя так, словно его колотили всю ночь!

Эта мысль вызвала в голове Анатолия воспоминания о вчерашней ночи, и он нахмурился, огляделся. Он был в спальне супруги, но самой ее рядом не было, ровно, как и в комнате, понял, осмотревшись. Анатолий быстро поднялся с постели, обвязав вокруг бедер покрывало. Где она, черт возьми?

Марина была в кабинете. Забившись с ногами в кресло, укутавшись от ночной прохлады в плед, она спала. Ее кудри золотом рассыпались по пледу и спинке кресла. На левой скуле синел след от его ударов нынче ночью, когда он так жестоко вымещал на ней свой гнев. При виде этого у Анатолия задрожали руки. Она была такой хрупкой, такой слабой! Как он мог поступить так с ней?

Анатолий протянул руку и аккуратно отвел прядь волос с ее лица, пропуская сквозь пальцы шелк волос. Он вздрогнул от неожиданности, когда Марина вдруг распахнула глаза и резко выпрямилась, увидев его рядом. Он заметил, каким холодом повеяло от нее, и тут же бухнулся на колени перед ее креслом, хватая ее ладонь.

— Прости меня, милая, прости! — глухо прошептал он, прижимая ее руку к своей щеке и к губам. — Я не ведал вчера, что творю. Ревность, глупая ревность затмила мой разум. А вино сделало свое дело...

Марина молчала, просто смотрела на него, и он без труда прочитал отчужденность и осуждение в ее глазах. Но руки, тем не менее, не отнимала, просто сидела безвольной куклой.

— Я прошу тебя понять меня, — продолжил он. — Мне так тяжело сейчас... Видеть вас двоих так близко друг к другу, знать, что между вами было... что ты любишь его до сих пор. Тяжело. Я знаю, что ты никогда не давала мне надежды на то, что твои чувства изменятся, что сам выбрал то, что имею сейчас. То, что случилось вчера... Мне нет оправдания... Я не знаю... не знаю, как это произошло.

Он запутался в словах, сбился и замолчал, только прижал ее руку к своим губам, отчаянно пытаясь достучаться до нее, как делал это раньше. Марина же молча смотрела на него таким взглядом, что он не выдержал, уткнулся лицом в ее колени, скрывая в складках пледа жгучие скупые слезы раскаяния.

— Я так надеялся, что мы сможем начать все сначала, как ранее, до того, как он вернулся, — глухо говорил Анатолий. — Мы ведь были так счастливы вместе. И ты как-то сказала тогда, что могла бы полюбить меня...

Вдруг Марина резко поднялась, и он не стал ее удерживать, отпустил ее руку. У самых дверей в спальню она, не оборачиваясь, проговорила:

— Я могла бы попытаться вызвать в себе чувства к тому человеку, который стал моим мужем, к тому Анатолию, которого вижу каждый Божий день. Заботливого и любящего отца,

милосердного к чужим бедам государева адъютанта. Но того человека, в которого ты превращаешься под действием вина, я могу только ненавидеть! Это страшный, жестокий человек, и я не желаю иметь с ним ничего общего!

Страшная, страшная правда! Эти справедливые слова так жестоко ударили в самое сердце Анатоля. Он уж было хотел по обыкновению начать защищаться — возразить ей. Разве не ее вина, что он так напился вчера? Разве не ее вина, что он никак не может избавиться от ревности, разъедающей душу? Он хотел, но он промолчал, понимая, что сейчас они совсем ни к чему. Промолчал, и она, понимая, что ему нечего сказать в свое оправдание, прошла в спальню и закрыла двери, глухо стукнув створками, словно отсекая себя от его присутствия. Анатолю ничего не оставалось иного, как пойти к себе, немного помедлив у дверей в ее спальню, прислушиваясь к каждому звуку за ними.

Прежде чем приступить к утреннему туалету у себя в половине, Анатоль послал записку лейб-медику, господину Арендту, с просьбой приехать и осмотреть его жену. Он был напуган, что во время вчерашней экзекуции мог как-то навредить ей, он не смог даже вспомнить толком, что вчера произошло. Воспоминания о вчерашнем вечере были обрывочные, и он так и не сумел восстановить полную картину произошедшего.

Не успел Анатоль привести себя в порядок, как прибыл господин Арендт, которого после недолгого обмена любезностями провели в половину Марины. Анатоль запомнил предупредить Марину, что вызвал к ней медика, и сейчас только надеялся, что она все же примет того.

Следом за лейб-медиком прибыли с визитом Арсеньевы. Анатоль никак не ждал так рано — едва пробило полдень, и его позвали в гостиную из-за утренней трапезы. Он предупредил, что Марина еще не выходила из своей половины (что, по сути, было правдой), что принять гостей может только он сам. Они немного поговорили о вчерашнем вечере, старательно обходя в разговоре все, что было до ужина, а затем, как назло, их беседу прервал дворецкий, сообщив, что доктор заканчивает осмотр и скоро спустится от ее сиятельства.

Вот досада так досада! Анатоль заметил, как резко выпрямился Арсеньев, как глаза его супруги стали из холодных просто ледяными.

— Марина Александровна больна? — подняла Юленька одну бровь. — Давеча вечером она была в полном здравии.

— О, ничего серьезного, надеюсь, — как можно более беспечно проговорил Анатоль. Что-что, а лгать по долгу службы он был приучен за эти годы так, что комар носа не подточит. — Легкая простуда. Вчера был такой ветер с Невы, немудрено. Слава Богу, что не горячка!

Он видел по глазам Арсеньевой, что та ни на йоту не поверила ему, и это его разозлило.

— Могу я свидеться с Мариной Александровной? — проговорила Жюли.

— Ну, разумеется, можете, — улыбаясь, ответил Анатоль. — Только боюсь не в первые дни болезни. Сами понимаете, тут никак не до визитов. Вы напишите к ней лучше, а она вам всенепременно ответит, когда сумеет принять ваш визит.

В это время, благодарение Богу, в дверь снова стукнул дворецкий и сообщил, что господин Арендт ждет его сиятельство в кабинете. Анатоль тут же извинился и вышел вон. Жюли же повернулась к супругу:

— Я чувствую, что это не простая простуда! Ты же видел, какими страшными глазами он смотрел на нее давеча! — запальчиво проговорила она. — Ах, как все сложно стало нынче!

— А вам говорил, мадам, тогда, что делом это тайное действо не может закончиться, — напомнил ей Арсеньев. — Вот к чему это привело.

— Если б князь женился! Быть может, это помогло бы Марине забыть его, вычеркнуть из своей жизни, — Юленька уже сама была не рада, что поспособствовала тогда тайному венчанию своей подруги. — Или если б она могла разъехаться! Ведь разъезжаются же в свете. Вспомни Несвицких, Голицыных.

— И вспомни, как все окончилось, — ответил ей супруг. Он хотел сказать ей что-то еще, но тут открылась дверь, и в комнату ступил Анатоль.

— Спешу порадовать вас, Марине Александровне уже намного лучше, — улыбнулся он. — Дня через три сможет принимать. Кстати, скоро состоятся празднества по случаю именин княгини Юсуповой. Я не уверен, что смогу сопровождать Марину Александровну в имение Бориса Николаевича, должен буду задержаться в Павловске подле государя, посему прошу вас взять на себя эту обязанность.

Юленька не смогла сдержать удивления, когда услышала эту речь. Отпускать Марину одну на несколько дней в имение Юсуповых, когда недавно и шагу не давал ей ступить одной, без своего ведома? И ведь заранее не предсказать — будет ли там князь Загорский?

Она переглянулась с супругом, который, как она заметила, тоже был удивлен таким неожиданным поворотом. Что это? Желание показаться примерным супругом после того, как вчера вызвал толки своим поведением на вечере? Или стремление загладить вину перед супругой, ведь еще неизвестно, что произошло меж ними после возвращения от Львовых?

Тем не менее, она даже бровью не повела во время последующей речи Анатоля, в которой он распространялся, как доверяет им, своим близким друзьям, хотя внутри ее буквально раздирало любопытство и недоумение. Что происходит? Это Арсеньевы-то, которые поспособствовали тайному венчанию Марины и Сергея, а впоследствии их свиданию после возвращения Загорского, вызывают в нем такое безграничное доверие? Или это просто очередная проверка их отношения ко всем участникам этой непростой истории? Выявить на чьей стороне они?

— Что ты думаешь, дорогой? — спросила позднее, когда они с мужем уже покинули особняк Воронина и направлялись на прогулку в парк. — Мне кажется, происшедшее утром таким нереальным.

— Ох, чует мое сердце, непросто так нынче Анатоль заливался соловьем, — покачал головой Арсеньев. — Какой-то козырь у него припасен, но что это за карта и кого она касается?

В парке Арсеньевы столкнулись с Сергеем, который совершал свою ежеутреннюю прогулку верхом на Быстром. Он задержался около их коляски поприветствовать супружескую чету, а также осведомиться о здравии Марины — слухи распространялись по городу очень быстро, и уже почти вся светская публика в парке, что собралась на этот полуденный моцион, обсуждала причины нахождения коляски доктора Арендта у особняка Ворониных. Памятуя историю о бешеной ревности бывшего флигель-адъютанта Безобразова, что нынче проходил службу на Кавказе, и, обсуждая поведение графа Воронина на вчерашнем музыкальном вечере, предположения строились самые разные, вплоть до самых абсурдных и нелепых.

— Мы ее не видели, но Анатоль Михайлович заверил нас, что у Марины Александровны легкая простуда, ничего серьезного, — проговорила Жюли, заметив неподдельное волнение Сергея.

О Боже, как же сейчас Марина все же была супругой этого человека, чем того, другого, который вчера смотрел с такой злостью, с такой угрозой! Почему так распорядилась судьба, разъединив влюбленных? По какой причине Марина не решилась оставить Воронина, ведь сама признавалась Жюли, что по-прежнему любит Загорского, а к супругу испытывает только благодарность? Подруги так и не успели обсудить волнующие их вопросы, и это неведение очень волновало Жюли. Она-то видела, как осунулась Марина за те дни, что они провели врозь.

— Не переживай, моя дорогая, не стоит, — положил руку на ее ладонь Арсеньев, когда они, раскланявшись с Загорским, продолжили свою прогулку. — Что толку сейчас так мучить себя? Подумай о себе и о своем положении, подобное волнение губительно для тебя нынче.

Жюли только грустно улыбнулась ему в ответ. Как же много ей хотелось обсудить с подругой! В том числе и свою вторую беременность, что послал ей Господь, поделиться этой радостью со своей *chère Marie*.

Они смогли увидеться лишь спустя несколько дней после того утра, что Арсеньевы приезжали с визитом в особняк Загорских. Марина приняла ее в саду, где она полулежала в плетеном кресле, закутанная в легкую шаль от легкого ветерка, приносящего прохладу в этот пригожий майский день. Ее маленькая дочь тут же сидела на подушке и с наслаждением копалась в земле, «сажая» цветы, что сорвала тут же с кустов.

— Увидь сейчас Леночку Анатоля, его хватил бы удар, — со слабой улыбкой расцеловалась с подругой Марина. — Смотри, в какого грязного поросенка превратилась нынче моя дочь!

Леночка, как и положено маленькой барышне, поднялась с колен при помощи Агнешки и сделала маленький и неуклюжий книксен прибывшей гостье, а потом ее увели подальше в сад, чтобы женщины могли поговорить без посторонних ушей.

— Ma *chère*, ты так бледна, — промолвила Юленька, взглядевшись в лицо подруги после того, как расположилась в кресле напротив той. — Что твое здоровье нынче?

— Все хорошо, благодарю тебя, — легко улыбнулась одними уголками губ Марина. Она похудела за эти дни, с тоской подумала Жюли, на ее лице появились какие-то странные тени.

— Ты уверена? — переспросила Юленька. — Ты ведь знаешь, сколько в наше время умирает молоденьких женщин. Не чахотка ли часом?

— Типун тебе на язык, — рассмеялась Марина, но тех звонких ноток, что когда-то звучали в ее смехе, не было. Юленька вдруг вспомнила Смольный и танцевальную залу, где в вальсе кружились две девочки — блондинка и шатенка, залиvisto хохоча во весь голос, вызывая этим недовольный окрик наставницы. Где эти денечки? Где та Марина, жизнерадостная и мечтательная девочка?

— А ты выглядишь такой цветущей, моя милая, — ласково проговорила Марина, вырывая подругу из воспоминаний. — Тому есть причина?

Юленька зарделась и кивнула, быстро проговорив «Та самая», бросилась подруге в объятия. Они прижались другу к другу, как когда-то во время своего юношества, разделяя радость Жюли, с трудом, но усевшись в одно кресло, укрывшись одной шалью. словно те юные смолянки, которыми когда-то шептались по ночам в тиши общей спальни.

— Я так хочу девочку, — призналась Юленька, прошептав Марине прямо в ухо. — Таковую же, как у тебя красавицу.

Потом она отстранилась от подруги и вгляделась в ее лицо, в ее грустные глаза.

— Что происходит? Что с тобой? — встревожено спросила она. — Ты какая-то сама не своя. Я не видела тебя такой до этого. Ты словно...

— Опустошена? — грустно спросила Марина. — Да, это так. Я опустошена полностью. Я не знаю, что будет дальше, и только Леночка в моей жизни не дает мне окончательно разувериться в жизни.

— О, моя дорогая, — потрясенно промолвила Юленька и ласково убрала прядь волос с лица подруги. — Что с тобой случилось?

— Ровным счетом ничего, моя дорогая. Просто я устала, — ответила ей Марина. — Устала от всего: от этой нескончаемой сердечной боли, от укоризненного и настороженного взгляда своего супруга, и даже от своей любви устала. Я не хочу более видеть Загорского. Анатолий был прав — прошлое должно остаться в прошлом. Не понимая этого, я отравляла жизнь нам троим — себе, ему, своему супругу. Я многое передумала за эти дни. Я не буду более спорить с судьбой, я отрекаюсь от всего. Теперь моя жизнь будет посвящена только моей дочери и тем будущим детям, что появятся в дальнейшем в моем браке. Ведь мой основной долг, как напомнила мне моя мать давеча в письме — принести моему супругу наследников, а не дурную славу ревнивца и самодура.

Юленька пожала ласково ладонь подруги, потом тихо спросила:

— Неужто ты разочаровалась во всем? В жизни? В любви?

— В любви? А где она, эта любовь, милая? — усмехнулась Марина. — Неужто она в подарках и цветах моего супруга, который сейчас делает все, чтобы загладить свои промахи, но который никогда не дарует мне самого желанного — свободы? Неужто она в том, что человек, которого я люблю, так легко отпустил меня к другому? Неужто в этом? Неужто то чувство, что медленно убивает меня, может назваться любовью? Я устала, *ma chérie*, устала... Уеду в деревню после именин Юсуповой. Прочь отсюда, надоело все! Вернусь лишь на сезон ради Катиш, а затем снова в деревню, в эту тишь, в это спокойствие... Глядишь, и излечусь от этой тяготы, от любви этой. Ты плачешь, моя милая? — Марина взяла в ладони лицо Жюли, нежно вытерла слезы с ее щек. — Не надо, милая, не стоит. Все с самого начала пошло не так, как должно. Мы трое — я, Сережа и мой супруг — совершили ошибки в той, прошлой жизни. За эти грехи и понесет каждый свой крест. Так уж суждено.

— О Боже, что он с тобой сделал тогда? — прошептала потрясенно Жюли.

— Кто? Анатолий Михайлович? Нет его вины в моем настроении нынешнем, — покачала головой Марина. — Ну, если только малая толика, не более. Я сама решила так. Сама...

Анатолий тоже заметил перемены в настроении своей жены. Но он отнес их только к тому, что она никак не может найти в себе силы и простить его дурной поступок. Он присылал ей цветы и небольшие подарки чуть ли не каждый Божий день — последние книжные новинки и журналы, фруктовые и сладкие корзинки, изумительной красоты гарнитуры, стремясь искоренить дурное мнение о себе, которое повлекла за собой та ночь.

В одно утро он пришел в половину супруги с небольшой корзинкой, которую еле удерживал в руках лакей, шедший за ним следом.

— Доброе утро, моя милая. Готова ли ты ехать на службу? — Марина по обыкновению подставила ему щеку, и он коснулся ее губами, затем, не сдержавшись, провел ладонью по ее волосам, уложенным в широкий узел на затылке. Он быстро отвел глаза от ее, холодных и равнодушных, подхватил на руки Леночку, что бегала по половине матери и наблюдала за ее сборами в церковь, принялся щекотать ее пухленькое тельце. Та залиvisto хохотала и

пыталась шутливо кусануть Анатоля за ухо или нос, следуя правилам их давней игры. Наконец она «загрызла» его, и он опустил ее на пол, признавая свое поражение, Леночка тут же бросилась под защиту широких юбок матери.

— Ну, полно вам, полно, — проговорила та тихо. — На службу опоздаем, Анатоль.

— Одну минуту, дорогая, — он прошел к лакею и взял из его рук корзину. — Я знаю, ты собираешься уезжать с Леночкой в деревню скорости. Я, к сожалению, не смогу тебя сопровождать по долгу службы. И чтобы ты там не особо тосковала, я решил тебе преподнести сих милых компаньонов.

Анатоль откинул шаль, укрывавшую корзину, и на свет показались маленькие мохнатые мордочки с широкими носами. Леночка при виде этих пушистых белых комочков завизжала во весь голос, выражая свой бурный восторг, протягивая ручонки в сторону корзины. Анатоль присел, и она сразу же рванулась к нему из-за юбок матери, вернее, к корзине и принялась гладить котят по голове.

— Это тебе, моя милая, — проговорил он, глядя на жену снизу вверх. — Французская порода [\[337\]](#). Прямо из дворца.

Глаза Марины слегка потеплели при виде этих малюток и восторга Леночки, которая уже вытаскивала из корзины одного из котят. Другой, оставшись в одиночестве, истощно замыкал, и Марина присела и погладила его мягкую шерстку, успокаивая.

— Кот и кошка, чтобы им не было одиноко. Пара, — проговорил Анатоль, поймав ладонь Марины и поднося ее к губам. Но она не дала завершить поцелуй, резко поднялась.

— Пора на службу, Анатоль. Негоже опаздывать!

Им действительно стоило поторопиться — на службу в дворцовой церкви опаздывать было верхом дурного тона и пренебрежения к императорскому фавору. Анатоль, как ни бился, не сумел склонить императора к разрешению для графини бывать на дворцовых мероприятиях, как прежде. Государь лишь недавно смирил свой гнев и позволил той для начала бывать на службах в дворцовой церкви. «Хочу увидеть ее смирение да духовность, и коли увижу их, подумаю над вашей просьбой, граф», пообещал он Анатолю.

Анатоль скосил глаза на супругу, стоявшую рядом с ним во время службы. Чего-чего, а духовности в ней, по его мнению, в последнее время стало более обычного — она исправно творила молитвы перед образами в своей спальне и теперь старалась не пропускать ни одной службы. Вот и сейчас ее губы шептали вслед за архиереем слова службы, а пальцы то и дело взлетали в воздух, чтобы сотворить святой крест.

Она была такой сосредоточенной, такой одухотворенной в этот миг, что Анатоля захлестнула волна нежности к этой женщине, стоявшей рядом с ним.

«Господи», — беззвучно зашептали его губы. «Господи, помоги мне обуздать мои ревность и гнев, отринуть все дурное, что есть в душе моей. Господи, помоги моей супруге, рабе Твоей Марине, впустить в свое сердце прощение моих грехов перед ней. Прошу тебя, даруй нам годы счастья, какие прежде бывали, даруй ей избавление от любви к тому, другому. Дай ей любовь ко мне, ее венчанному супругу, ведь Ты сам соединил нас в единое целое узами посильнее обручальных колец».

Анатоль вдруг протянул руку и коснулся ладонью неестественно прямой спины своей жены, положил ладонь на шелк платья между лопаток. Она вздрогнула от неожиданности и взглянула на него сквозь легкую вуаль шляпки. Он не мог рассмотреть выражение ее глаз сквозь полупрозрачную ткань, но она так долго смотрела на него, что Анатолю стало слегка не по себе. Тем не менее, он не отвел своего взгляда, не убрал руки с ее спины. Потом уголки

губ Марины дрогнули, словно в усмешке, она отвела взор и снова целиком погрузилась в службу.

Их зрительный контакт длился всего миг, но Анатолю он показался таким долгим, что он удивился, а ее усмешка бросила его в жар. Будто, она осознавала свою власть над ним сейчас, когда Анатолий так виноват перед ней. Да впрочем, чего уж таить — у нее всегда была над ним особого рода власть!

Наконец служба была окончена. Под звуки колоколов присутствующие постепенно расходились, оставляя свечи, что держали в руках, в подсвечниках перед иконами. Церковь пустела. Марина же стояла на своем месте, погрузившись в транс молитвы, словно не замечая, как расходятся остальные. Анатолий не решился потревожить ее, просто стоял рядом, пока наконец она не очнулась от своей задумчивой мольбы к Господу и не прошла к иконе Божьей Матери. Там она постояла некоторое время, перекрестившись, поставила свечу и повернулась к супругу, который неотступно следовал за ней по церкви. Она снова посмотрела ему в глаза долгим взглядом, и, видит Бог, Анатолий многое отдал бы, чтобы уметь читать мысли в этот момент.

Спустя миг Марина быстро отвернулась от супруга и прошла к архиерею, что стоял почти у самого выхода из церкви и прощался со своими прихожанами. Она смиренно приняла его благословение и поцеловала его руку. Затем направилась к выходу — гордо выпрямленная спина, высоко поднятая голова, где ее перехватил один из адъютантов государя.

Анатолий тут же нахмурился. Он заметил, как смотрел на нее император во время службы — долгим внимательным взглядом, и сейчас ему стало тревожно. Сейчас, видимо, решится, будут ли Марину принимать на дворцовых балах или нет. Он поспешил за удалившимися фигурами его супруги и флигель-адъютанта и не зря, как выяснилось, — Анатолий подоспел именно в тот миг, когда государь уже заканчивал свою короткую речь, обращенную его супруге:

-... и мы будем рады увидеть вашего супруга и вас, мадам, на таинстве бракосочетания Ее Высочества Марии Николаевны с его светлостью герцогом [Лейхтенбергским](#).

Марина низко опустила в реверансе, благодарственно склонив голову, и Анатолий невольно восхитился грацией своей супруги.

— Надеюсь, вы порадуете нас своим присутствием в Павловске сим летом? Мы бы хотели видеть вас там, — продолжил государь, ласково улыбаясь. Анатолий похолодел, услышав ответ Марины.

— Благодарю вас за оказанную мне честь, Ваше Величество. К сожалению, Ваше Величество, я покидаю Петербург в конце месяца, — вежливо ответила Марина, не поднимаясь из реверанса. — Я вынуждена уехать в деревню с дочерью на некоторое время. Петербург летом — не столь подходящее место для ее здоровья. Но я обещаю, что я вернусь в Павловск еще до начала Петрова поста.

— Весьма странные речи, мадам, — проговорил государь, делая знак Марине подняться. — Довольно редко услышишь подобное из уст светской красавицы.

— Благодарю вас, Ваше Величество, — ответила ему Марина. — Но прежде всего, я мать и супруга, а уж после все остальное.

Император с улыбкой кивнул ее словам, и у Анатолия словно камень свалился с души.

— Что ж, тогда прощаюсь с вами до Петрова поста, мадам. Вы все-таки счастливчик, граф — иметь благоразумную женщину в женах поистине счастье для мужчины, —

проговорил он, обращаясь к Анатолю, и двинулся прочь, сопровождаемый семьей и многочисленной свитой. После того, как он удалился на некоторое расстояние, Анатолий и Марина выпрямились.

— Я удивлен твоему поведению. И после этого тебя называли благоразумной! — не преминул заметить ей Анатолий. Марина лишь пожала плечами.

— Я сказала правду, я намерена уехать из Петербурга, и ничто не может заставить меня переменить это решение. Не беспокойся, я буду сопровождать тебя на венчание Ее Высочества, успею вернуться к тому времени.

Анатолий ничего не ответил, только предложил ей руку и повел к коляске, что ждала их у подъезда дворца. Но Марина не пожелала ехать, а попросила его пройти пешком, ссылаясь на великолепную солнечную погоду, что радовала нынче горожан. Анатолий пошел ей навстречу, и они направились к своему особняку пешком, коляска же потянулась медленно за ними следом.

— Благоразумная женщина! — фыркнул Анатолий. — Будто и не было того...

Марина молча шла с ним рядом, только крутила ручку зонтика в руках. Она откинула вуалетку на шляпке назад, чтобы ее лицо ласкало солнце, в лучах которого она сейчас нежилась.

— С твоей стороны довольно опрометчивая реплика нынче, — заметила она супругу, улыбаясь, чтобы знакомые, которых они встречали в этот час на своем пути, не заметили, как она постепенно начинает раздражаться поведению Анатолия. — Не могу определиться — оскорбился ли мне на нее или нет. Ты ведь сам говорил мне, *qui évoque le passé s'en repent* [338].

— Все-все, d'accord [339], я хватил лишку, — Анатолий остановился, развернул ее к себе и поцеловал каждый пальчик ее руки, что держал сейчас в своей ладони. — Признаю свою вину. Простишь мне?

— *Qui évoque le passé s'en repent*, — повторила Марина свою фразу, а потом добавила. — На нас все смотрят.

— Пусть, — улыбнулся Анатолий. — После славы самодура и бешеного ревнивца мне сейчас совсем не помешает огласка как о безумно влюбленном в собственную супругу.

Его улыбка несколько погасла, когда они увидели, что взгляд Марины устремлен на другой берег Фонтанки. Там среди немногочисленных прохожих верхом ехал офицер. Даже с такого расстояния Анатолий узнал в нем Загорского. Тот тоже заметил их, приостановил коня на пару мгновений и, коснувшись фуражки двумя пальцами в знак приветствия, поехал далее.

— Интересно, он из дома или только домой? — усмехнулся Анатолий. — Похоже, наш герой *reprend ses anciennes habitudes* [340].

Он повернулся к жене и заметил, как та буквально побелела от злости.

— *Qui évoque...*? — едко сказала она и, почти вырвав ладонь из его руки, подобрала юбки и быстрым шагом направилась к коляске, с козел которой уже спрыгнул кучер, чтобы помочь ей сесть. Анатолий же постоял немного, подставив лицо пригревавшему уже почти по-летнему солнышку, словно раздумывая, как ему следует сейчас поступить. Потом решительно шагнул к экипажу и уселся рядом с супругой.

— Трогай, — приказал он кучеру, а затем повернулся к Марине. — Прости меня в который раз. Просто иногда так трудно бывает отпустить.

О, я это знаю не понаслышке, хотелось сказать Марине, напомнив на то, что Анатолий

удержал ее подле себя насильно, но не стала портить их благостный настрой, который и так уже слегка погас в последние минуты.

Муж почти весь путь до особняка смотрел на нее так пристально, что ей стало неуютно под его взглядом.

— Что? Что такое? — спросила Марина его, слегка взволнованно. Он лишь улыбнулся ей и провел пальцем по ее щеке.

— Когда ты мне скажешь? Когда? — прошептал он, но Марина отвела взгляд от его глаз, зябко повела плечами.

Сказать что? Каких слов он ждет от нее? Слов любви? Нежности? Прощения? Она пока не была готова произнести их. Даже не была уверена, что когда-нибудь произнесет. Слова прощения быть может еще, но любви...

— Не требуйте слишком многого, — прошептала Марина тихо, но Анатоль ее услышал, сжал руки в кулаки. — Довольствуйтесь тем, что есть...

Марина с улыбкой приняла бокал оранжада из рук молодого Бехтерева и с удовольствием отпила прохладный напиток. Последний танец — мазурка — заставил ее сердце так бешено колотиться, что она долго восстанавливала сбившееся дыхание.

— Вы очаровательны, сударыня! — с явным восхищением в голосе прошептал ее кавалер по мазурке, Бехтерев. — Вы поистине сама грация!

Марина улыбнулась ему в ответ, на мгновение встретившись с ним глазами и тут же отведя взгляд в сторону. Ей льстило восхищение этого молоденького поручика, его обожание, которое так и светилося в его глазах. Значит, она пока не потеряла в своей красоте ни доли, несмотря на неюные годы да и небольшие морщинки, что она нынче поутру так долго разглядывала в зеркало. Все же уже скоро ей минет двадцать пять, но она по-прежнему окружена поклонниками, несмотря на многочисленных юных красоток в этой бальной зале имения Юсуповых, только-только выпорхнувших в большой мир света из детских комнат.

Этот факт только прибавил Марине настроения, и она снова улыбнулась, не в силах удержать в себе того ощущения слепой радости, разрывающей ее грудь. Она сама не понимала, что с ней сейчас происходит, но те чувства, что нынче переполняли ее, ей были по нраву. Она чувствовала себя дебютанткой впервые выехавшей в свет, словно для нее было в новинку все происходящее в этой бальной зале, ярко освещенной огоньками свечей в хрустальных люстрах.

Не было наблюдающего внимательного взгляда Анатоля, и потому Марина могла позволить себе отдаться целиком танцам и неспешным беседам, полным легкого и непринужденного флирта, со своими кавалерами, окружившими ее, как только она прибыла в имение Юсуповых. Некоторых из них она видела впервые, так как на именины княгини собрались не только петербургские знакомцы — часть приглашенных прибыла из Москвы.

Не было так же и Загорского, потому Марина не испытывала той горечи и разочарования, что всякий раз ее охватывали, как только она перехватывала его взгляд, как ранее в Петербурге. Кроме того, не было тех терзаний ревности, которые тревожили ее душу при виде того, как стремятся многие девицы поймать взгляд Загорского, как он ведет в танце не ее, другую...

Марина с легким шумом сложила веер, раздосадованная на себя за те мысли, что снова возникли в ее голове. Она опять вспомнила Сергея, хотя сама себе запретила думать о нем, вспомнила свое разочарование, что охватило ее, когда узнала, что, судя по всему, на празднествах у Юсуповых его не будет. «Доколе?», спросила Марина сама себя, — «доколе будешь продолжать мучить себя, дорогая?». Ей что-то говорил Бехтерев, наклонившись к ее уху чуть ближе, чем позволяли приличия, но Марина не слышала его слов. Она рассеянно кивнула ему, улыбнувшись уголками губ, и, заслышав звуки вальса, поспешила проверить свою книжку танцев, ангажирован ли тот. Убедившись, что она свободна на время этого танца, Марина тихо извинилась перед своими собеседниками и медленно двинулась к широко распахнутым дверям в сад. Оттуда веяло такой прохладой, что ей захотелось выйти из залы и вдохнуть в себя свежего воздуха, наполненного не запахами духов, воска и ваксы, а дивных ароматов летнего вечера.

Перед тем, как покинуть залу, Марина кивнула Юленьке, стоявшей немного поодаль от

дверей в небольшом кружке дам. Арсеньева рядом с ней не было, судя по всему, тот был в игорной комнате, где можно было спокойно раскурить трубку, не вызывая ничьих косых взглядов, да понаблюдать за тем, как ведутся азартные баталии на карточных столах.

— Я немного пройдуся, — одними губами сказала Марина подруге и поймала в ответ ее странный взгляд. Видимо, та была недовольна своими компаньонками по беседе, но чувство такта не давало уйти из круга и довести беседу до конца. Марина покачала головой. Жюли всегда неукоснительно соблюдала правила этикета в отличие от своей подруги, которая все равно придумала бы причину, чтобы покинуть круг неприятных ей собеседников.

Марина вдохнула вечерней прохлады, и у нее тотчас слегка закружилась голова от дивного цветочного аромата, коим был наполнен воздух. А может, от выпитого шампанского, усмехнулась она и запахнула плотнее легкую шаль, стремясь прикрыть обнаженные плечи. Она ступила на дорожку и направилась прочь от усадебного дома, к беседке, что белела вдали, но ей тут же пришлось изменить направление своей прогулки, разглядев в ней очертания двух фигур, прильнувших друг к другу. Тогда Марина направилась по боковой дорожке, аккуратно ступая по маленьким камешкам, которые она ощущала сквозь легкую подошву туфель. До нее донеслись из распахнутых окон усадьбы звуки вальса, и она мысленно унеслась по волнам музыки в прошлое, неожиданно вспомнив, как получила как-то зимой корзину, полную цветов чубушника, ароматом которого нынче так пропитан воздух. Маленькие белые цветы... Ими же она украсила голову, когда шла под венец в небольшой деревянной церквушке...

Марина остановилась и подняла вверх голову, найдя глазами созвездие в форме буквы «М».

«... — Когда ты затоскуешь обо мне, посмотри на небо, на эти звезды. И я буду смотреть на них везде, где бы я ни был, буду думать о тебе. И мы снова будем вместе чрез них, даже на большом расстоянии. Пусть даже в мыслях. Ведь я никогда не оставлю тебя, никогда...»

Внезапно прямо рядом с ней раздался хруст камешков под каблуком сапога, и Марина, вздрогнув от неожиданности, отвела взгляд от неба, усыпанного звездами, и успела заметить, как ней вдруг шагнула мужская фигура. Мужчина взял ее ладонь и резко поднес к губам, что-то неразборчиво шепча.

— Что вы себе позволяете? — возмутилась Марина, стремясь успокоить бешено бьющееся сердце, которое пустилось вскачь от неожиданного вторжения в ее уединение.

Бехтерев поднял на нее глаза, но руки ее из своих пальцев не выпустил, продолжая удерживать ее в плену.

— Вы сводите меня с ума, — страстно прошептал он, и Марина усмехнулась, заслышав такой явный упор на этих словах. Ей было это знакомо, она не впервые сталкивалась с подобным за годы, что провела в свете. «Влюблен, потому что положено быть влюбленным», называлось это состояние. Многие молоденькие офицеры выбирали себе предмет для поклонения среди светских дам, подобно средневековым рыцарям, влюбляясь не в объект их симпатии, а в само чувство влюбленности.

— Прошу вас, позвольте мне уйти, — попросила Марина, но поручик не последовал ее словам, а снова поднес ее ладонь к губам, нежно целуя ее руку сквозь кружево перчатки.

— *Laissez moi, je vous prie* ^[341], — холодно проговорила Марина снова, переходя на французский.

Бехтерев поднял голову и пристально взглянул на нее.

— Разве ваш уход в сад не означал...?

— Mais non! [\[342\]](#) — возмутилась Марина и нахмурилась. Быть может, в Москве ее поведение по отношению к молодому Бехтереву, ее легкий и ни к чему не обязывающий бальный флирт мог быть воспринят совершенно по-другому, иначе, чем в столице? Но она так общалась не только с поручиком, но и с другими мужчинами нынче в зале, и не заметила, что была неправильно понята. — Я просто вышла подышать воздухом. Одна! Vous faites vous des imaginations! Laissez moi de ce pas! [\[343\]](#)

Бехтерев увидел по ее лицу, что она вполне серьезна сейчас, а не ведет какую-либо игру, и тотчас отпустил ее руку.

— Pardonnez moi, je vous prie, — произнес он, склонив голову. — Я был безрассуден нынче. Видно, мой разум затмила ваша несравненная красота. Il y a erreur [\[344\]](#). Прошу покорно простить меня. Чем я могу загладить свою вину?

— Ах, оставьте же меня наконец одну! — вдруг вспылила Марина. Такой был прекрасный вечер, и вот так окончился! Ей стало немного дурно, закружилась голова. Да, он молод (на пяток лет моложе ее), но разве молодость может оправдать подобное оскорбление? Да и ей не следовало уходить в сад одной. Что могли подумать, заметив, как она выходит прочь из залы, сопровождаемая юным поручиком? Где была ее голова? Неужели свобода так вскружила ей голову, а благодушное настроение затмило разум?

Она взглянула на растерянного поручика, что стоял сейчас подле нее, переминаясь с ноги на ногу и краснея от осознания своего нелепого положения нынче. Здесь оба виноваты, и негоже ей повышать голос на Бехтерева.

— Ступайте прочь, в залу. Один, чтобы не вызвать неугодных толков, — проговорила Марина. — Я приду после. И более не подходите ко мне сегодня, слышите?

— А что же завтра? — огорчился Бехтерев.

— Allez vite! [\[345\]](#) — Марина невольно улыбнулась, заметив его разочарование, и подала ему руку, которую он с готовностью прижал к губам. — Быть может, завтра я прощу ваш meprise [\[346\]](#).

Бехтерев так же быстро исчез, как и появился рядом с ней, и Марина облегченно перевела дыхание. Это происшествие напомнило ей насколько аккуратной ей следует быть сейчас, когда от того рокового вечера, который столь плачевно для нее завершился, ее отделяет всего несколько недель. Она погладила внезапно вспотевшие ладони о юбку и намеревалась было поскорее удалиться прочь из сада, как вдруг откуда-то слева от нее, из тени ровно постриженных кустарников чубушника и сирени до нее донеслось тихое «Bravo de charmeuse de cœur jeune! [\[347\]](#)»

Марина резко обернулась на этот негромкий возглас, тотчас узнав этот мужской голос, услышав который ее сердце гулко ударилось о ребра, а колени внезапно стали слабыми, едва удерживая ее на ногах.

— Ты, видимо, забыла? Jam fama nimium fecit [\[348\]](#), — проговорил Сергей, выходя из тени, из которой, судя по всему, он наблюдал недавнюю сцену. — Или как говорят у нас, сказано на копейку, а передадут на рубль. Я бы на твоём месте поостерегся таких двусмысленных ситуаций. К добру они явно не приводят.

— Разумеется, — согласилась с ним Марина едко. — Я прекрасно помню это, ведь эта истина была когда-то проверена мною на опыте. С вами, Сергей Кириллович.

Загорский вздрогнул от колкости ее тона, а потом рассмеялся в полголоса, чтобы его не

услышали прогуливающиеся на соседней аллейке.

— Мне всегда это нравилось в тебе. Ты словно еж — стоит тебя чуть тронуть, как ты тут же выпускаешь иголки, даже не задумываясь о правилах хорошего тона, — он помолчал немного, а потом проговорил более мягким тоном. — Ты сегодня так прекрасна, так очаровательно счастлива. Немудрено, что этот юнец потерял голову.

Марина передернула плечами, а потом вскинула голову решительно.

— Я должна вернуться в залу. У меня записаны несколько танцев после этой..., — она прислушалась к музыке, доносящейся из дома, и договорила. — Этой кадрили. Прошу простить меня, Сергей Кириллович.

Она направилась к особняку, но когда проходила мимо него («Как можно далее! Лишь бы не коснуться ненароком!»), была поймана им за руку и удержана от дальнейшего бегства.

— Когда в следующий раз соберетесь подышать свежим воздухом, сударыня, позаботьтесь о том, что делаете это в одиночестве, — сказал Сергей, и Маринина кровь вскипела от ярости, ясно расслышав намек в его голосе. Она с силой дернула руку, но так и не смогла вырвать локоть из его цепких пальцев.

— Вы оскорбляете меня! — прошипела она, видя по его глазам, как он забавляется этой ситуацией, в которую она попала.

— О нет, всего лишь предупреждаю. Ведь всем известна истина — *la coquetterie est le fond de l'humeur des femmes* [\[349\]](#).

— В качестве кого вы даете мне сей совет, Сергей Кириллович? — Марина в данный момент ощущала только одно желание — побольнее уколоть его, заставить стереть с губ эту насмешку. — Как друг моего супруга или как ревнивый любовник?

Что-то странное мелькнуло в его глазах, и вдруг Марина поняла, что попала в самую точку — наблюдая за ней исподтишка нынче вечером, он действительно испытывал муки ревности. Она осознала это и устыдилась собственных резких слов, зная по себе, что тоже нападала бы сейчас на него, застав его в саду в этой тиши и темноте летней ночи с другой женщиной. Да, они не связаны нынче никакими обязательствами друг перед другом, но сердцу-то этого никак не доказать.

Разлука ослабляет легкое увлечение, но усиливает большую страсть, подобно тому, как ветер гасит свечу, но раздувает пожар. Вот и ее чувство никак не желало угасать, а лишь все сильнее разгоралось — от встречи к встрече, от взгляда к взгляду, от простого легкого прикосновения.

Сергей молча разжал пальцы и выпустил ее локоть, позволяя ей уйти в дом. Марина несколько мгновений колебалась, разрываемая на части желанием остаться тут, подле него, вдыхая дивный аромат цветов, от которого голова шла кругом, и так хотелось чувствовать себя любимой и любить безрассудно самой. Но в то же время она помнила, что сама себе дала обещание вычеркнуть его из своего сердца, а по возможности — и из своей памяти, и потому только кивнула благодарно на его жест и, расправив гордо плечи, аккуратно ступая по мелким камешкам прогулочной дорожки, пошла к усадебному дому, манящему своими ярко освещенными окнами да музыкой, струящейся из распахнутых створок. Она так ни разу и не обернулась, как бы ни хотела сделать этого, но она спиной ощущала на себе его пристальный взгляд, которым он провожал ее, пока Марина не скрылась из вида.

— Il est là [\[350\]](#), — тихо сказала Марине Жюли, едва та переступила порог залы. — Прибыл незадолго до бала и, по-видимому, останется до конца празднеств. Что с тобой, *ma chère*? Ты такая бледная...

Сразу при входе в лицо Марине ударила волна горячего от свечей и многочисленных вдохов воздуха, обоняние резанули резкие ароматы духов. Подобный контраст с прохладой сада заставил ее ощутить легкую дурноту, и она поспешила присесть в кресла, стоявшие у стены. Жюли поспешила за ней, по пути прихватив с подноса, бокал прохладного оранжада.

— Вот, изволь выпить, — она протянула подруге напиток. — Подать солей?

— Нет, не нужно, — отмахнулась Марина. — Мне уже лучше. Тут так душно...

— Как и всегда, летом на балу, — пожала плечами Жюли, нахмурившись. Она раскрыла Маринин веер и подала его хозяйке, чтобы та начала обмахиваться им в попытке получить хоть какое-то подобие ветерка. — Я должна кое-что тебе сообщить, *ma bonne*. D'après ce qu'on dit [\[351\]](#) вскорости будет объявлено... Быть может, по этой причине Анатолий Михайлович так легко позволил тебе приехать сюда одной.

— Что? Что будет объявлено? — глухо спросила Марина, хотя сама уже знала ответ, который она легко прочитала в глазах подруги. «Государь желает видеть молодого князя Загорского у алтаря или по крайности, обрученным еще до конца этого года», — вспомнила Марина слова Анатолия, сказанные ей как-то по случаю. — «Никто не волен идти против желаний Его Величества».

— Кто? — коротко спросила она у Жюли, так и не дождавшись ответа. Та лишь пожала плечами.

— Это всего лишь *bruits* [\[352\]](#), — начала она, но встретившись с пытливым взглядом подруги, поняла, что ей придется досказать то, что она уже поведала той. — Я могу тебе сказать только мои предположения, судя по тому, что я заметила сама. Ты ведь знаешь, Paul иногда бывает таким упертым, и слова из него не вытянешь! Я думаю, это либо Мари Бельская, либо Варенька Соловьева, внучатая племянница старого Голицына. Скорее всего, первая, ибо вторая уж чересчур набожна да тиха для князя.

О, совсем наоборот, усмехнулась, с трудом сдерживая слезы, навернувшиеся на глаза, Марина, именно таких и выбирают себе в жены мужчины, подобные князю Загорскому, судя по бракам последнего десятилетия.

Она перевела взгляд в другой конец залы, где подле мадам Соловьевой и княгини Голицыной, скандально известной в свете, как *Princesse Nocturne*, стояла девушка. Марина не знала близко ни m-m Соловьеву, ни уж тем паче, ее дочь, лишь пару раз пересекалась с ними в Дворянском собрании. И если бы не слова, произнесенные Жюли, вряд ли бы когда обратила на *mademoiselle* Соловьеву внимание. Но теперь Марина даже выпрямилась в кресле, чтобы получше разглядеть ее.

Девушка была невысока ростом, хотя выше самой Марины, на первый взгляд. Ее каштановые волосы были уложены в локоны по обеим сторонам лица, наполовину прикрывая бледные щеки, что делало ее лицо еще более худым и длинным, чем на самом деле. Неужели ее маменька не видела, насколько не красит этот куфур дочку? А этот бледный палевый оттенок платья? Он придает девушке совсем болезненный вид, совершенно не красит ее. Но вот на щеки *mademoiselle* Соловьевой набежал румянец, а губы раздвинулись в улыбку, обнажая ровный ряд белоснежных зубов, и обыкновенное, не блиставшее особой красотой лицо девушки словно преобразилось, превращая ту, если и не в красавицу, то бесспорно, хорошенькую юную особу.

Марина перевела взгляд по предмет взора *mademoiselle* Соловьевой и ничуть не удивилась, заметив вошедшего в зал князя Загорского. Когда-то она тоже была также юна и беспечна, как эта хорошенькая улыбающаяся девушка. Когда-то она тоже искала глазами в

толпе приглашенных на бал светловолосую голову и глаза цвета стали. Ведь именно ради них, ей казалось тогда, она живет...

— У меня голова кругом идет от этой духоты, — проговорила Марина Жюли спустя мгновение после того, как Загорский подошел к маленькому кружку княгини Голицыной, а после вывел в круг танцующих кадрили mademoiselle Соловьеву. — Пожалуй, я оставляю танцы и пойду к себе в комнату. Ты извинись за меня, если меня будут спрашивать — у меня расписаны все танцы, вплоть до полонеза.

— Хочешь, я пойду с тобой? — предложила Юленька. — Paul все равно не оторвется от биллиарда до полуночи, а я нынче отнюдь не танцовка в своем положении.

Но Марина лишь покачала головой, поблагодарив подругу. Ей вовсе не хотелось вести сейчас беседы с кем-либо или вовсе обговаривать то, что у нее на душе нынче.

Покоя, думалось ей, только покоя! Не думать, не вспоминать, не страдать... Именно поэтому Марина сразу же приказала Дуняше накапать ей лауданума в стакан воды, как только та приготовила барыню ко сну. Сон, только безмятежный сон вернет спокойствие в ее душу. Уже укладываясь в постель, она обратила внимание на округлившийся живот своей горничной.

— Затяжелела? — спросила Марина. — Кто отец-то? Федор?

Дуняша зарделась и кивнула.

— Ну, значит, под венец пойдешь, как воротимся, — устало проговорила Марина. — Чего молчала-то? Ждала, пока живот на лоб полезет?

Эта фраза вдруг больно кольнула саму Марину, невольно возвращая ее в спальню дома на Морской улице, когда эти же слова произнесла Анна Степановна, принуждая ее стать женой Воронина. Так и сбылось, только кому благодно от того? Она вдруг вспомнила, как плакала, лежа на ковре перед образами в спальне, умоляя Господа поспособствовать ей выйти из неловкого положения с тайным браком, куда она была загнана обстоятельствами. «Надобно думать, о чем просишь...», всплыли в голове наставления Агнешки, «... думать, о чем просишь...», и под них Марина и провалилась в сон. Но долгожданного покоя он не принес — всю ночь ей снились какие-то обрывки собственных воспоминаний, потом привиделся какой-то темный лес да туман, окружающий ее, мешающий разглядеть что-либо далее собственного носа. И голос, преследующий ее. Голос цыганской старухи:

— ...Опасайся белого человека, когда снег будет падать в мае... белого человека... смерть витает над тобой... смерть! Смерть! Смерть!

Марина пробудилась при последнем выкрике, будто старуха ей кричала прямо в уши эти страшные слова. Она села в постели, стремясь успокоить бешено колотящееся в груди сердце. Она вспомнила страшные пророчества, что были сказаны ей несколько лет назад. По прошествии времени она и думать забыла про них, но нынче во сне они снова настигли Марину.

— Все это пустое, — твердо сказала она себе. — Пустое!

Но нынче была пятница, а значит, сон, судя по поверью, был вещим. «В руку», как говаривала Агнешка, значит, суждено ему стать явью когда-нибудь, в далеком будущем или близком.

Это не прибавило Марине благодушия. К тому же она проспала службу, а ведь хотела посетить усадебную церковь нынче поутру, и она сама на себя разозлилась — это ж надо было принять лауданум, когда собиралась на утренний молебен! Смысла злиться на Дуняшу, спешно причесывающую барыню не было, да и винить тут было некого, кроме себя.

За завтраком она сидела совсем одна в этой огромной столовой, только прислуживающие лакеи разделяли ее одиночество. Час был такой: не ранний, значит, те, кто встал к заутрене, уже успели потрапезничать и нынче разошлись по огромной усадьбе Юсуповых, но и не поздний, чтобы те, кто вчера покинул бал в числе последних, поднялись с постелей. Лакей, прислуживающий Марине за завтраком, на ее вопрос сообщил ей, что графиня Арсеньева Юлия Алексеевна еще изволят почивать. Быть может, ее сиятельство присоединится к остальным гостям, что поднялись ранее и сейчас изволят быть у Южного павильона? Кстати, там же сейчас и его сиятельство граф Арсеньев.

Марина поднялась в отведенную ей спальню, надела шляпку, подолгу закручивая ленты в бант, примеряясь, с какой стороны лица он лучше смотрится. Затем натянула легкие митенки и, даже не раздумывая ни минуты о зонтике, сбежала по ступенькам вниз, совсем не подобающим для графини образом.

Стоял прекрасный летний день. Еще не минул полдень, и солнышко не пекло, как обычно в это время, а только пригревало, даря окружающим Марину деревьям и цветам тепло своих лучей. Где-то вдали, в парке щебетали какие-то птички, радостно встречая новый день. Настроение Марины стало улучшаться при виде такой идиллии, царящей вокруг нее. Она свернула с дорожки и пошла по ровно покошенной траве к Южному павильону, следуя инструкциям, полученным от мажордома, по пути срывая травы и цветы.

Ей вдруг захотелось в деревню, к себе в Завидово, ведь усадьба Воронина, в которую она ступила полноправной хозяйкой несколько лет назад, стала для нее именно тем домом, который она так часто представляла в своих мечтах, будучи институткой. Жаль толь, что ее мечта стала явью только частично, ведь супругом она себе тогда надумала совсем другого человека, не того, чье имя она носила нынче...

Марина издали заметила играющих в лапту мужчин на просторной лужайке чуть поодаль от павильона, который она едва разглядела сквозь ветви кустарников, посаженных вокруг павильона. Некоторые из них скинули сюртуки и мундиры, оставшись в рубашках да в жилетах, и Марина засомневалась, следует ли ей продолжить свой путь, и есть ли там дамы или следовало пойти в павильон. Но делать было нечего — ее уже заметили, и кто-то махнул ей приветственно битой. Она продолжила путь по лужайке, прямо к играющим, не сворачивая на дорожку к павильону, ведь чтобы осуществить сей маневр, как оказалось, ей предстояло вернуться назад и обойти живую ограду, а пускаться обратно ей не хотелось. Далее ее путь пошел под уклоном, и ей пришлось приложить усилия, чтобы не пуститься бегом с этого склона. Мокрая, еще не успевшая просохнуть под лучами солнца трава затрудняла любые попытки ступать грациозно, как и подобает особе женского пола, а подошвы туфелек то и дело скользили по ней, словно по льду.

Внезапно Марина остановилась, выронив из рук свой скромный букет, словно натолкнулась на невидимую стену, едва удержась на ногах, схватившись в последний момент за ветвь раскидистого кустарника сирени, потому как вдруг заметила знакомый разворот плеч и русоволосую голову. Загорский как раз в этот момент отбил мяч противника, при этом легкий батист рубашки натянулся на его плечах, подчеркивая их силу. При виде этой картины у Марины вдруг перехватило дыхание, и она замерла на месте.

— Великолепный образчик мужской красоты, *n'est-ce pas?* — раздалось где-то справа от Марины, и она обнаружила, что неподалеку от нее в тени кустарника расставлены плетеные кресла, в которых расположилась княгиня Голицына. Она откинула назад голову, чтобы повнимательнее взглянуть на краснеющую от смущения Марину, а затем снова перевела

взгляд на игроков в лапту. Загорский как раз успел вернуться «в город», по пути «освободив» осаленных игроков своей команды. — Такой выгрызет победу зубами! Присаживайтесь, графиня, места здесь достаточно. Или вы предпочтете уйти в павильон к остальным дамам? Там сейчас разливают холодный чай да подают сладкое.

— А вы? — спросила Марина, присаживаясь в одно из свободных кресел подле нее.

— А я уже пресытилась сладким, — задорно улыбнулась княгиня, подмигивая ей. — Досыта наелась за свои годы.

Марина смутилась и отвела взгляд на игроков, заслоня ладонью глаза от солнца, бьющего в лицо. Она невольно залюбовалась Сергеем, что сейчас смеялся, откинув голову в ответ на реплику Арсеньева. Затем хлопнул того по плечу и отошел на предназначенную ему позицию, открыв присутствие Марины для Павла, ведь до этого он заслонял дам от взора Арсеньева. Тот тут же ее заметил, махнул рукой в знак приветствия. Марина подняла свою ладонь в ответ, улыбаясь — игрокам было довольно жарко вести партию под солнцем, но Павел так и не снял с плеч сюртук, строго следуя правилам приличий, как всегда. Загорский повернул голову в ее сторону, видя жест друга, но ничем не выдал, что заметил ее присутствие, отвернулся к подающему, подавая знак, что готов к игре.

Это не могло не покоробить Марину, а когда княгиня со смешком показала на девичью фигурку, стоявшую неподалеку, чуть ли не у самого края импровизированной площадки, ее благостный настрой, едва появившись, тут же развеялся, как дым.

— En voilà un! [\[353\]](#) Так и крадет девичьи сердца до сих пор, — заметила княгиня, по-прежнему не отводя взгляда от игроков. — А ведь il n'est plus de sa première jeunesse [\[354\]](#). Но хорош, чертяка! Удивительно хорош! Совсем, как он, Michelle..., — княгиня Голицына помедлила мгновение, а затем вдруг решительно и резковато проговорила. — Я ведь, графиня, несчастлива в браке была. С самого начала поняла, что не такого супруга хотела видеть подле, не такого... Ушла решительно, не оглядываясь назад. Думала, не вернусь никогда, а уж когда встретила его, так и вовсе поняла, что иду навстречу своей судьбе, сама ее творю. Наивная! То, что соединил Господь, под силу и разъединить только ему одному. Вот и не смогла я сбросить это ярмо, когда захотела стать супругой его, любимого. Не дал мне развода мой супруг. Хотя и розно живем, а все же желал называть меня женою своей. А потом эта ужасная трагедия, эта война... и я осталась одна. Ни друзей, ни родных, ни детей. На поклон к нему пришлось идти, к нелюбимому. На горло себе наступить. Но не принял он — времени-то сколько прошло... И вот я сейчас на рубеже своей жизни. И с чем я подошла к нему? Одна-одинешенька, бездетная, со скандальной славой за плечами. Я богата, слава Богу, а если б не было этого? Как Несвицкая — в неизвестность и бедность? — княгиня зябко повела плечами, словно на нее пахнуло холодом в этот солнечный день. — За этот ли грех карает меня Господь бездетностью? За то, что против воли его пошла? Что у меня есть нынче, кроме воспоминаний?

Княгиня замолчала, молчала и Марина, не смея нарушить эту тишину. Лишь щебетание птах, стук мяча о биту и возгласы мужчин были слышны сейчас. Внезапно княгиня выпрямилась и зааплодировала очередному успеху в игре князя Загорского. Тот галантно поклонился Голицыной, встретился глазами с Мариной и послал воздушный поцелуй в сторону дам. Интересно, кому он предназначался, подумала Марина — княгине, сидевшей подле, ей самой, что с ним встретилась взорами, или девушке, что стояла чуть впереди их кресел, сейчас потупила взгляд и застенчиво обрывала листочки на кустарнике рядом?

— Polisson! [\[355\]](#) — рассмеялась княгиня, поправляя зонтик, чтобы переместившееся по

небосводу солнце не било ей в глаза. Потом погрозила шутливо Сергею пальцем, а тот снова склонился в глубоком поклоне в ответ.

— Вы сказали, что у вас нынче ничего нет, кроме воспоминаний, — задумчиво проговорила Марина. — Но если бы вам выпал шанс переменить свою долю? Если бы вы смогли вернуться в былое, переменяли бы вы тогда свое решение? Поменяли бы судьбу?

Княгиня перевела взор на Марину и посмотрела ей прямо в глаза долгим взглядом.

— Нет, — проговорила она после минутного молчания. — Ведь в этом случае я бы не смогла быть с ним. Пусть моя любовь длилась недолго, но она была. Была! За такие моменты, что были, не жаль и остаток жизни провести вот так, в одиночестве.

В это время раздался легкий шум, и к ногам Марины упал мячик, посланный чьей-то рукой от игроков. Она непроизвольно наклонилась, чтобы его поднять, но тотчас ее пальцы встретились с чужими, мужскими, также сомкнувшимися на мяче. Она подняла взор и смутилась — на нее смотрели серые глаза Загорского. Его лицо было так близко к ее, что едва-едва их носы не соприкасались друг с другом.

Марина вдохнула резко, надеясь успокоить свое сердце, забившееся сильнее, но тут же ее обоняние различило разгоряченного мужского тела, запах его кожи, от которого у нее вдруг заныло внизу живота. Она поняла, что испытывает дикое желание запустить руку в его растрепанные волосы, притянуть к себе и впиться губами в этот рот, растянувшийся сейчас в кривой усмешке. Глаза Сергея потемнели, и она поняла, что он испытывает то же чувство, что сейчас бурлило в ее венах, и это заставило ее голову пойти кругом. Потом она заметила, как он скосил глаза куда-то вниз, и, проследив направление его взгляда, поняла, что чересчур уж наклонилась — декольте при этом словно предлагало взгляду заглянуть на открывающиеся при этом прелести. Марина резко выпрямилась, буквально кожей ощущая, как ее шея и грудь идет красными пятнами от волнения, как это обычно бывало, и ее просто затрясло, осознав, что окружающим будет нынче очевидно ее смятение.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

— Ah, prince! — в этот момент воскликнула княгиня, отвлекая на себя внимание Загорского и подошедшей к ним mademoiselle Соловьевой, давая Марине время выровнять дыхание. — Vite, vite! [\[356\]](#) Пропустите ход!

Загорский легко поднял мячик, развернулся к игрокам противоположной команды, бегущим «в город», и быстро, едва прицелившись, с силой кинул мячик в одного из них. Заметив, что он с такого приличного расстояния попал тому в спину (это оказался поручик Бехтерев, что сейчас кидал на князя свирепые взгляды), княгиня зааплодировала.

— Bravo! Bravo, Загорский! — воскликнула она. — Вы нынче герой longue paume [\[357\]](#). Ваша изумительная ловкость и меткость принесли очередную победу команде.

— Le refus des louanges est un désir d'être loué deux fois [\[358\]](#), — улыбнулся Сергей, наклоняясь к княгине и целуя той руку. — Потому я не буду спорить с вами. Только скажу одно — восхищение моими действиями таких очаровательных дам придает мне силы покорять любые вершины. Все мои свершения нынче — лишь pour les beaux yeux [\[359\]](#), что наблюдают за игрой.

Княгиня рассмеялась от души, запрокинув голову назад.

— La galanterie de l'esprit est de dire des choses flatteuses d'une manière agréable [\[360\]](#). Ступайте прочь, polisson, а то совсем задурите нам, бедным, голову своей лестью и своими чарующими глазами.

Загорский в последний раз склонился перед дамами и легкой трусцой вернулся обратно на площадку к остальным игрокам.

— Да уж отрадно поймать сердце такого в свои силки да трудно, — проговорила княгиня, глядя ему вслед. — А удержать еще сложнее, вестимо.

Марина же старалась не смотреть в ту сторону, делая вид, что обнаружила в своей перчатке какой-то огрех и сейчас его внимательно разглядывает. Она даже не заметила за этим действием, как к ним присоединились несколько дам, занявших свободные места в креслах. В числе них пришла и madam Соловьева, что сейчас принялась выказывать свое беспокойство по поводу сегодняшнего вечера:

— Подумать только — *mascarade*! Борис Николаевич такой затейник! Ведь тут присутствуют и невинные девушки, а нынче *mascarade*!

— Да что случится с их невинностью-то? — запальчиво воскликнула княгиня Голицына. — Чай, голова-то есть на плечах! А если нет, то нет тут ничьей вины, кроме их собственной. Да и сама-то, знала, куда дочь везешь, кузина. Нечего сейчас стенать попусту, — княгиня улыбнулась, видя, как очередной игрок отбил мяч, запустив его далеко в кустарники. — Ах, *mascarade*! Сколько всего происходит во время этого действа! Ведь скрыв свое лицо и имя, человек способен на любое безрассудство, таково свойство его натуры. Благодатное действо для сбора воспоминаний, кои потом будут тешить сердце, весьма благодатное! — она встретила глазами с Мариной и незаметно для окружающих подмигнула той. — Это я вам верно говорю!

Марина ступила в залу и на пороге огляделась, немного отогнув краешек домино, затруднявшего ей обзор. И почему так несправедливо распорядилась судьба — мужчины могут похвастаться любым оригинальным маскарадным костюмом, а вот женщинам суждено выделиться из толпы только цветом и украшениями домино да маской на лице? И вот сейчас по зале прохаживались в ожидании полонеза, открывавшего бал: многочисленные домино самых разных цветов — от самых ярких (замужние дамы) до нежно-пастельных, выдавших девиц с головой, арапы в замысловатых тюрбанах, рыцари в доспехах (интересно, как обладатели этих костюмов будут вести даму в танце?) и другие персонажи из самых разных сказаний и стран. Впрочем, немало было мужчин, которые были одеты во фраки и мундиры, которые отличались друг от друга только оригинальными масками, этой дани сегодняшнему маскараду.

Марину легко тронул за локоть стоявший тут же, в дверях залы, лакей и показал на корзину, что держал в руках. Она была полна самых разных цветов. Гости Юсуповых были предупреждены о том, что перед началом бала должны будут выбрать себе цветок и сохранить его в течение всего вечера. Подразумевалась игра по выбору кавалеров на ужин *par les caprices du destin* ^[361], посему некоторые чересчур уж осторожные маменьки, пришедшие сюда с дочерьми, запретили тем принимать участие в этой забаве — не приведи Господь, очарует за ужином ее несмышленное дитя какой *polisson* без копейки в кармане.

Марина наклонилась к корзине, но ее тут же остановил за локоть арап в белом тюрбане, украшенном алым пером.

— О, *divine* ^[362], позволь выбрать для тебя прекраснейший из цветов, который только подчеркнет твою красоту, сокрытую этой маской, — галантно предложил кавалер, но лакей остановил его:

— Прошу прощения, сударь, но цветок должна выбрать только дама. Мужчинам не дозволяется при выборе быть.

— Ah, *les mystères, les mystères!* ^[363] — арап быстро поклонился Марине и затерялся среди остальных масок, а лакей протянул ей корзину с цветами, над которой Марина на мгновение помедлила, делая выбор среди этого цветастого и ароматного великолепия. Тут были и розы, и камелии, и синий василек, и невинная ромашка, и даже экзотический цветок из теплиц — орхидея. Маринина рука сначала коснулась маленького букетика из цветов чубушника, но потом она поменяла свое мнение. Она уже не отождествляла себя с этими белыми цветами, похожими на саму невинность, ей внезапно захотелось чего-то яркого и вызывающего, чего-то более женственного и страстного.

— Позвольте пособить вам, — второй лакей шагнул к ней и помог закрепить на руке шнурок, к которому был прикреплен цветок, ярко-алый, словно кровь, в тон платья и домино Марины.

Марина аккуратно расправила лепестки цветка и, одним движением раскрыв кружевной веер, ступила в залу, непринужденно им обмахиваясь. Она немного опоздала к началу бала, полонез уже оттанцевали, теперь пары двигались под звуки кадрили. Марина быстро огляделась, одним взглядом выхватывая из толпы знакомых. Она сразу же нашла Арсеньевых, узнала их обоих, несмотря на маски — Жюли в ярко-синем шелковом домино с бутоньеркой из васильков на запястье, Павел же во фраке и черной бархатной маске, без

каких-либо излишеств и лишних украшений. Потом она снова обвела взглядом зал, но далеко не сразу заметила русоволосую голову Загорского. Она думала, что тотчас опознает его по отметине на его лице, но его белая маска, прикрывавшая не только верхнюю часть лица, но и всю правую щеку до уголка рта, искусно скрыла его шрам. Он был одет в черный фрак, на плечи накинут шелковый плащ. Просто и элегантно. Интригующе...

Марина только после обратила внимание, что он ведет в танце домино цвета чайной розы, и складка недовольства пересекла ее лоб. По темно-русые волосы, видневшимся из-под домино, она опознала mademoiselle Бельскую. Что ж, грех в такой вечер стоять в углу залы рядом с маменьками, бдящими своих дочерей, или проводить время в игорной! Самый момент кружить головы юным и наивным девицам!

Видимо, последнюю фразу Марина произнесла вслух, потому как рядом раздался женский смех. Она повернула голову и заметила, что подле нее стоит маска в пурпурном домино.

— Жалеете, что уже не принадлежите к сонму юных девиц? — раздвинулись накрашенные губы в усмешке. Мушка в правом уголке рта при этом резко поднялась вверх. Княгиня Голицына перевела взгляд с танцующих на Марину. — О, моя дорогая, вы сейчас более свободны, чем они, даже сами не зная об том! Уж кому и надо испытывать зависть, так это мне. Моя молодость, моя красота... где они нынче? И не говорите мне, что я также прекрасна как раньше, и что годы только красят! Они убивают! Время убивает, моя дорогая! Вот смотрю я на вас... вы такая молодая, такая полная жизни и в то же время тоски. Равно как и я в свое время, — она взяла Марину под руку, и они медленно пошли по зале. — Я смотрела нынче на вас — и утром, и на прогулке, а видела себя молодую. Нет, в нас нет внешнего сходства, но сколько в вас огня... огня, что когда-то горел в моей душе. Да, иногда мы нарушаем правила *bon ton* ^[364], но разве столько восхищенных мужских взглядов не стоят того? — княгиня остановилась и посмотрела Марине прямо в глаза, а потом вдруг произнесла. — Разве тот единственный взгляд не стоит того?

Марина слегка смутилась от прямоты Голицыной. Она впервые сталкивалась с подобной откровенностью за многие годы в свете, и потому не знала нынче, что ответить этой женщине, глядящей на нее с проницательным выражением глаз сквозь прорези маски.

Да, княгиня была абсолютно права. Марина нынче непозволительно смело вела себя на прогулке, которую затеяли после последнего завтрака, когда почти все гости в имении Юсуповых пробудились от долгого сна. Предполагалось, что мужчины поедут верхом, а дамы — в колясках. Прокатившись до луга, на восточной границе имения, гостям будет предложено откусать на открытом воздухе, а после вернуться в усадьбу, чтобы успеть подготовиться к маскараду нынче вечером.

Но при выезде из усадьбы вдруг выяснилось, что некоторые молодые люди выразили желание самим править колясками, места в которых были заняты привлекательными им дамами, и возникла небольшая заминка с выездом, пока определялись, кто и в какой коляске возьмет вожжи. Марина и предположить не могла, что Сергей вдруг тоже примет участие в этой затее, поэтому, когда она заметила, что он занимает место в экипаже, где расположились княгиня Голицына и ее родственница, мадам Соловьева с дочерью, ее кровь закипела от ярости и (в чем она никогда не призналась бы сама себе!) жгучей ревности. Ну, что ему не ехать верхом? Куда его потянуло?

Марина сама от себя не ожидала, но она в мгновение ока, даже не дожидаясь, пока ей предложат руку лакеи, стоявшие подле и наблюдавшие за сборами господ, прыгнула из

коляски на землю и подошла к коляске хозяев.

— Нынче такая хорошая погода, — проговорила она им. — Я бы хотела проехать верхом, а не в коляске *avec votre permission* [\[365\]](#).

Желание гостя — закон, особенно для князя Юсупова. Марине была предоставлена статная лошадь из конюшен усадьбы, и, что удивительно, нашлась амазонка подходящего размера, но немного длинная для роста Марины.

— Ну, моя хорошая? — потрепала Марина холку лошади. — Прокатимся с ветерком?

Она с помощью берейтора взлетела в седло и тут же взяла приличный галоп, чтобы быстро нагнать коляски и всадников, что отбыли со двора усадьбы, пока она меняла платье. Она настигла их спустя некоторое время, с размаху пронеслась по краешку дороги мимо этого кортежа открытых экипажей под удивленные и испуганные возгласы женщин и восхищенные, но слегка встревоженные мужчин, выехала в авангард.

— О Боже, она убьется! — воскликнула Жюли, наблюдая этот маневр подруги.

— Не думаю, — возразил ей супруг, едва повернув к ней голову от дороги. — Она всегда скакала так, совсем не по-женски безрассудно. Ты просто не видела ее на гоне.

В это время дорога вышла из небольшого лесочка на широкий луг. Марина вдруг резко свернула на него, пуская свою кобылу из аллюра, в который было перешла, догнав кортеж, в такой быстрый галоп, что юбки ее амазонки и длинный шлейф газового шарфа на ее шляпке стали развеиваться на ветру, будто парус. За ней словно по невидимой команде на луг стала сворачивать часть всадников прогулочного поезда, с гиканьем и выкриками понукая своих лошадей на бег. Все это действие сопровождалось женскими возгласами вслед и смехом.

— Словно бес в них вселился, — проворчала *madam* Соловьева, с недовольством глядя на веселье вокруг.

— Ах, *ne faites grise mine* [\[366\]](#), милая моя, — заметила ей княгиня Голицына. — Позвольте остальным наслаждаться прогулкой.

— Но все же это так безрассудно! — возразила *madam* Соловьева. Тем временем, коляски остановились на лугу — было решено не ехать далее, а расположиться тут, тем паче луг был такой же большой, как и тот, где намеревались *riche-piquer* [\[367\]](#), и тут также была тень от деревьев небольшого леска с западной стороны луга. Подтянулись телеги со скарбом для обеда, и слуги принялись разгружать столы, стулья и провизию, натягивать тенты от солнца, а господа и дамы покидали экипажи.

— *La belle cage ne nourrit pas l'oiseau* [\[368\]](#), — задумчиво проговорила княгиня Голицына, глядя на залиvisto хохочущую Марину, которая сейчас возвращалась с другого конца луга среди других всадников. Загорский, помогавший дамам сойти на землю из коляски, вздрогнул при этих словах, и она, заметив это, устремила на него любопытный взгляд.

— О Боже, какая опасная игра! — вдруг воскликнула *mademoiselle* Соловьева, глядя вглубь луга на всадников поверх головы Сергея, который как раз помогал ей спуститься в этот момент. Он обернулся и увидел, как летит по воздуху подгоняемый легким ветерком газовый шарф со шляпки Марины, как несколько всадников несутся за ним по лугу, сломя голову. — А вдруг яма..? Так же можно и шею себе сломать!

Спустя некоторое время шарф был пойман одним из офицеров, в котором Загорский с досадой признал Бехтерева. Поручик с громким возгласом поднял свой трофей над головой и что-то быстро проговорил Марине, подъехавшей к нему тотчас. Та покачала головой и быстро отъехала от него прочь. Никто даже не заметил, что поручик, отъехав подальше от

других гостей, украдкой (но не от внимательных глаз Загорского) спрятал шарф поближе к сердцу, затолкав его за полу мундира, вызвав в Марине, что также наблюдала поступок Бехтерева дикуую злость и раздражение.

Fi! que c'est vilain! ^[369]Требовать от нее так грубо пару вальсов нынче на балу в обмен на шарф. Будто какой-то купец! Марина со злостью дернула за поводья, резко останавливая кобылу, и, быстро прыгнув на землю, подобрав длинные юбки амазонки, со всем достоинством направилась к Арсеньевым, расположившимся в креслах под большим полотняным тентом. Она взяла из корзины с фруктами, что проносил мимо лакей, ярко-красное яблоко и с удовольствием вонзила в него зубы, намеренно поворачиваясь спиной к вошедшим в тень тента князю Загорскому и матери и дочери Соловьевым.

— Ваш шарф...? — тихо спросил Арсеньев, наклоняясь к ней. Судя по всему, он тоже заметил, как быстро скрылся предмет туалета Марины под полой мундира Бехтерева. Марина перехватила внимательный взгляд Загорского, что помогал сейчас дамам занять места в креслах, и намеренно медленно пожала плечами, показывая всем своим видом, что ей все равно в этой ситуации. Арсеньевым же она произнесла тихо, чтобы никто кроме них не расслышал:

— Triple sot! ^[370]Шарф от шляпки княгини Юсуповой. Пусть и вдыхает запах ее духов, rien à attendre de moi ^[371]. Это совсем не стоит вашего внимания, Павел Григорьевич, а должно беспокоить лишь Бориса Николаевича ^[372] и только его.

Вот и сейчас Марина заметила в зале маску в черном фраке, что носила на рукаве повязанный шарф. Тот самый шарф. Что ж, зато Марине известно от кого из масок ей следует держаться нынче вечером подальше. Да, молодость юна и безрассудна, но ей вовсе не хотелось, чтобы от этих безрассудств пострадала ее репутация.

Княгиня Голицына что-то проговорила, указывая на левую руку Марины, где был повязан цветок — обозначение ее маски на нынешний вечер, и Марине пришлось вернуться из своих мыслей на грешную землю.

— Que dites-vous? ^[373] — переспросила она Голицыну, показывая знаком, что не расслышала из-за музыки. Та склонилась поближе к уху Марины и заговорщицким шепотом проговорила, подмигивая:

— Allusion discrète? Très intrigant. ^[374]

Марина перевела взгляд на свое запястье и уставилась на него недоуменно сначала, а потом, когда осознала смысл, что княгиня вкладывала в свою реплику и тон, почувствовала, как ее бросило в жар.

— О, mais non, просто этот цветок был единственным, что подходил мне к платью и домино, — рассмеялась Марина, но ее смех прозвучал слишком натянуто и оттого слегка фальшиво. Княгиня снова подмигнула ей и наконец-то оставила одну, заприметив на горизонте знакомую маску. Марина повернулась к лакею, разносившему напитки, и поманила его, схватила с подноса бокал и отпила изрядное количество шампанского.

«Будь смелее! Я страстно желаю тебя!», — гласила алая камелия у нее на запястье. Марина ничуть не солгала княгине — она выбрала ее без какого-либо подтекста, что померещился Голицыной. Или ее подсознание само сделало свой выбор, желая позлить в который раз князя Загорского? Ведь пора уже признаться самой себе, что почти все ее поступки нынче у Юсуповых продиктованы одним лишь желанием досадить ему, вызвать холодный прищур стальных глаз, что неизменно выдавал ей злость и волнение князя.

— Cotillon de fleurs [\[375\]](#), — меж тем объявил распорядитель бала и подал знак лакею, что подошел к нему с коробкой в руках. Марина увидела, что в коробке ровными рядами лежат карточки с названиями цветов, что нынче прикреплены на запястье у каждой дамы. Теперь очередь кавалеров получить свой цветок, а значит, и пару на котильон, и последующий за ним ужин.

Началась игра. Мужские маски подходили поочередно к распорядителю, и тот вынимал из коробки, не глядя, карточку с названием цветка. Тут же на середину залы выступала женская маска, демонстрируя запястье с цветочной бутоньеркой, кавалер брал ее под руку и уводил в сторону, где уже стояли пары для котильона.

Князь Загорский шел двадцать первым по счету, что вызвало пересмешки в толпе приглашенных, памятуя о неимоверном везении Сергея в азартные игры. Когда он ступил к распорядителю, Марина заволновалась, отчего-то сжав вдруг ладони в кулаки. Они не видели друг друга нынче вечером — оба были слишком злы друг на друга, чтобы даже встретиться ненароком взглядом среди бала, потому она знала, что никак не может быть, что сейчас выпадет ему выбранный Мариной цветок. Во-первых, шансы просто малы, если он понадеялся на судьбу, а во-вторых, если же все же решил изменить ее в свою сторону, то догадаться о нынешнем выборе Марины, столь противоположном обычному...

— Camélia écarlate [\[376\]](#), — вдруг ворвалось в мысли Марины. Она вздрогнула от неожиданности, едва осознавая смысл произнесенных только что слов. Может, она ослышалась?

— Camélia écarlate, — повторил распорядитель громче, и толпа заволновалась, словно предчувствуя тут какую-то интригу, перешептываясь, переглядываясь меж собой.

Нет, она не ошиблась. Голова Марины пошла кругом, а ноги стали внезапно ватными. Нахлынула дурнота. Марина изо всех сил ущипнула себя за кожу ладони, чтобы сохранить ясное сознание. Не хватало еще в обморок упасть прямо здесь, у всех на виду. Вот будет разговор!

Она расправила плечи и стала пробираться через приглашенных, чтобы выйти на середину зала. Ее охватила внезапно злость, услышав, как распорядитель, словно птичка в клетке, снова повторил: «Camélia écarlate!», будто он не был услышан с первых двух раз, привлекая к этой ситуации ненужное внимание. Она быстро ступила из круга гостей и подошла к распорядителю и Сергею, что ждали ее в центре залы.

Он знал. Знал ее цветок. Марина легко поняла это по выражению его глаз, видневшимся в прорезях его необычной маски, по этой странной улыбке, когда правый уголок его рта поднимается вверх. Она резко протянула Загорскому руку, демонстрируя запястье, а он как можно медленнее взял ее ладонь и положил на свой локоть, чтобы увести ее к ожидающим начала котильона парам.

— Я знаю тебя, маска, — насмешливо произнес Сергей, пока распорядитель соединял остальные пары на танец и ужин. Марина посмотрела ему в глаза и протянула ему руку ладонью вверх, как того требовали правила маскарада. Он взял ее ладонь в одну руку и указательным пальцем другой руки медленно стал чертить первую букву ее имени на ее ладони, не отрывая своего взгляда от ее широко распахнутых глаз. Это простое прикосновение его пальца, медленное и чувственное, заставило голову Марины пойти кругом, а сердце быстрее гнать кровь по жилам. То, что не удавалось супругу длительными ласками, легко удалось сейчас Сергею одним прикосновением — в ней вдруг проснулось желание, такое горячее и необузданное, что Марина сама испугалась своих чувств.

— Вы угадали, князь, — быстро проговорила она и вырвала свою ладонь из его рук. Сергей лишь усмехнулся и позволил ей отстраниться от него.

Вскоре музыканты начали играть мелодию котильона, и пары двинулись в танце по зале. Сначала Марина и Сергей шли молча, но потом любопытство взяло верх в Марине, и она прошептала ему:

— Как ты узнал мой цветок? Ведь я никогда не отличалась пристрастием к камелиям.

Сергей внимательно посмотрел на нее, потом медленно растянул губы в улыбке:

— Все очень просто. Я подкупил лакея и распорядителя. Лакей получил два рубля золотом, когда шепнул мне твой цветок. А распорядитель уже заранее знал, что именно он должен сказать при выборе.

— И что он за это получил? — поинтересовалась Марина.

— Я обещал ему отрезать уши, если он назовет мне иной цветок.

Марина при этих словах споткнулась и на мгновение сбилась с ритма танца. Она быстро взглянула на Загорского, но по его лицу было трудно угадать — говорит он правду нынче или подтрунивает на ней.

— Ты суший дикарь, — прошептала она ему, а он только широко улыбнулся ей в ответ. Эта улыбка заразила Марину каким-то весельем, и она еле сдержала смешок, так и рвущийся с ее губ. О Боже, это ж надо такое придумать!

— А что же полуцвет? — вдруг вырвался у Марины невольный намек на цветок *mademoiselle* Соловьевой, и она покраснела, осознав, что выдает себя с головой. Загорский тотчас приподнял правый уголок рта в усмешке.

Но за ужином благодушное настроение Марины быстро пошло на убыль. Каким-то образом по правую руку от Сергея за столом оказалась *mademoiselle* Соловьева, а почти напротив Марины ее мать, глядящая на нее чуть не в упор все время ужина. Да еще завела к концу трапезы разговор о Маринином супруге, мол, как жаль, что его нет нынче у Юсуповых, нарушая правила маскарада — ведь таким образом, она явно выдавала маску Марины.

— Вскорости состоятся парад и маневры на Бородинском поле в честь большой годовщины того великого для нашей Отчизны сражения, — проговорила Марина, едва сдерживая желание бросить в нее чем-нибудь, чтобы убрать это недовольное выражение с лица Соловьевой. — Он чересчур занят подле императора.

— Но вы ведь будете сопровождать вашего супруга в Москву на сии празднества, верно? — пыталась Марина собеседница, особенно выделив в своей речи слово «супруг». Той очень хотелось проигнорировать назойливую даму, и если бы к их разговору не прислушивались соседи по столу, она бы так и сделала. Но неожиданно в тех сыграло любопытство по поводу сего предмета разговора, и они, дождавшись ее подтверждения, что она, скорее всего, поедет в Москву вместе с супругом в конце лета, засыпали ее вопросами о предстоящем торжестве. Особенно это интересовало московских дворян, что сидели подле *madam* Соловьевой.

Марина отвечала скупой, она была плохо осведомлена, какие именно мероприятия состоятся в Москве и в Бородино, не особо вникала в подробности, когда недавно Анатолий рассказывал ей о них. Смогла поведать лишь о больших маневрах, о возможных награждениях ветеранов и о закладке храма в Москве в честь той битвы и спасения Отчизны от неприятеля. Но соседи по столу удовлетворились и тем, принявшись со вкусом обсуждать возможные балы, что будут даны по случаю приезда императорской семьи в Москву.

Сергей же снова замкнулся, когда речь за столом пошла об Анатоле. Он более не шутил

с Мариной, не подтрунивал над ней, а вел степенный, слегка холодный разговор, а под конец трапезы и вовсе прервал его, отвлекшись на тихую речь mademoiselle Соловьевой. Марина не слышала, что именно та повествует, но ее неприятно удивила длительность их беседы, то, с каким выражением глаз та смотрит на Сергея. А один раз та даже коснулась его руки, потянувшись одновременно с ним к десертной вилке, будто перепутала его прибор со своим. А ведь слывет богобоязненной скромницей, подумалось Марине с едва сдерживаемым раздражением.

Его еще более усугубил Бехтерев, пожелавший вальсировать с Мариной и атаковавший ее, едва она переступила порог бальной залы, в которую гости вернулись, отужинав. Она, разумеется, отказала ему и пошла от него прочь по зале, лавируя среди гостей, намереваясь отыскать в этой толчее Арсеньевых. Но их не нашла, даже обойдя по периметру всю залу, не было их и среди танцующих. Она еще раз огляделась вокруг и вдруг с удивлением осознала, что в числе вальсирующих не видит и знакомой маски в домино цвета слоновой кости. Марина глянула на madam Соловьеву и увидела, что та целиком погружена в беседу с графиней Строгановой, словно не замечая, что ее дочери нет ныне в зале. Не было и необычной маски Загорского.

Куда эти двое могли подеваться, подумала Марина. За приоткрытыми окнами залы ясно слышался шум дождя, иногда даже заглушавший тихие звуки музыки. Этот неожиданно хлынувший с небес ливень нарушил многие планы гостей сегодняшнего маскарада.

Марина прошла в небольшой салон, где под бдительным присмотром старшего поколения молодежь вела игру во флирт-карты, а часть гостей в возрасте пила кофе и вела неспешные беседы о политике и светских происшествиях. Ни mademoiselle Соловьевой, ни князя Загорского среди них не было.

В игорной, куда Марина заглянула после, Загорского среди игроков там тоже не оказалось. Зато там она нашла Арсеньева, что играл в фараон. Он заметил Марину и глазами показал ей, что Жюли уже удалилась наверх. Марина кивнула ему в ответ и повернулась, чтобы идти обратно в залу, но передумала. Ей вовсе не хотелось сейчас танцевать, а уж опять столкнуться с этим навязчивым поручиком Бехтеревым... Впервые за несколько дней, проведенных в имении Юсуповых, она пожалела, что подле нет супруга, который мог бы пресечь это преследование. Пусть даже ее после ждало бы обвинение, что она сама виновата в нем.

— Quart d'heure avant minuit ^[377], — прозвучал голос распорядителя, оповещающего маски о том, что скоро минет полночь, и все маски должны будут открыть свои лица.

Марина помедлила немного, но после все же решительно шагнула в сторону гостевой половины дома, где располагались предоставленная ей комната. Ей хотелось сейчас остаться одной, скинуть с себя это платье, эту золоченную маску... и до боли хотелось плакать. А ей-то думалось, что, быть может, он еще раз пригласит ее на танец, ведь неспроста же Сергей выбрал именно ее цветок в cotillon de fleurs.

Марина вдруг осознала, что размышляет, как юная институтка, а не как женщина ее лет, и разозлилась на себя. Потому и накричала на Дуняшу, столкнувшись с ней у самых дверей своей спальни:

— Одна хочу остаться. Ступай в людскую, — и тут же пожалела о своих словах. Бедная девушка ведь не виновата, что ее барыни дурное настроение. Она смягчила немного тон и добавила. — После позову раздеться, после. Ступай, отдохни. Тебе нужно.

Дуняша сделала быстрый книксен и пошла в людскую, а Марина вошла к себе, плотно

затворив за собой дверь. Она немного постояла, собираясь с мыслями, глядя на медленный огонь в камине, растопленном горничной — Марина не терпела прохладу, потому даже летними, но холодными ночами, как нынешняя, в ее комнате было натоплено. Свечей зажигать не стала — догорающий камин давал мало света, но и его было достаточно, чтобы разглядеть очертания мебели и передвигаться по комнате без опасения ушибиться, а принялась стаскивать с рук длинные кружевные перчатки.

С правой она справилась легко, а вот левую не смогла стянуть. Расправив ее, Марина заметила, что ей мешает бутоньерка, завязанная на запястье на шнурок. Лакей привязал камелию столь крепким узлом, что Марина, безуспешно пытавшая развязать его несколько минут, вконец вышла из себя, порвала шнурок, потянув из всех сил его с запястья, и, наконец избавившись от бутоньерки, с громким вскриком, швырнула цветок через всю комнату. И тут же застыла, разглядев в неверном свете камина, ответное быстрое движение в самом отдаленном и темном углу комнаты. Она взглядела в сумрак и заметила, что из угла к ней направилась высокая широкоплечая фигура с удивительно бледным лицом, ярко белеющим в темноте.

Марина должна бы испугаться, заметив эту странную фигуру, поджидающую ее в темноте. Должна была бы, но она сразу же узнала не зрением, а каким-то внутренним чутьем, кто этот странный посетитель, что прятался в глубине комнаты, выжидая ее приход сюда. Ей вдруг показалось совершенно естественным его присутствие здесь, хотя это и противоречило всем ее убеждениям, всем правилам поведения, впитанным ею с малолетства.

Она шагнула навстречу мужчине и, развязав завязки, сняла с его лица белую маску, скрывающую знакомые ей черты.

— Minuit. Démasquer ^[378], — прошептала Марина и отбросила ее куда-то в сторону. Он тут же схватил ее лицо в свои большие ладони и привлек к себе, страстно коснулся губами ее рта. И она ответила ему на поцелуй, чувствуя, как сладко замирает сердце. Марина запустила пальцы в его волосы, прижала его голову еще сильнее к себе, чтобы их поцелуй стал еще глубже. Она внезапно ощутила желание раствориться в этом мужчине без остатка, снова почувствовать те ощущения, то наслаждение, что когда-то они делили вместе.

Сергей отстранился от нее и заглянул ей в глаза, задавая одним взглядом единственный немой вопрос. Она подняла руку и провела пальцами по его лицу, словно не веря, что он здесь, рядом с ней. Потом запустила обе руки за ворот его фрака, легко стянула его вниз, к локтям. Он опустил руки и позволил фраку скользнуть дальше и упасть на ковер. Затем снова обнял ее и притянул к себе.

— Знаешь ли ты легенду происхождения цветка, что нынче выбрала себе? — прошептал он, поднимая вверх бутоньерку, что поймал. — Появление камелий связано с досадой Амура, привыкшего к безотказному действию своего оружия — стрел любви. Недоступными для чувств оказались ледяные женщины — обительницы Сатурна. Обиженный бог любви пожаловался матери Венере, и та спустила бесчувственные существа на Землю, обратив в наказание в камелии, лишённые запаха и нежности. Так что камелия — цветок бессердечных женщин, увлекающих не любя. Я думал, ты слышала эту легенду и потому выбрала его. Это был последний удар по моим убеждениям из твоих орудий, и они пали.

— Нет, — улыбнулась Марина. — Я выбрала его только потому, что он подходил к платью, только и всего. А уж потом поняла, что означает цветок в такой окраске согласно *langue de fleurs* ^[379]. Бессердечная женщина... Да, я верно бессердечная, ибо мое сердце уже

давно не принадлежит мне. Когда-то я отдала его привлекательному офицеру, что проник через забор в сад Смольного, а тот обратно мне его так и не вернул.

Загорский ничего не ответил, только снова припал к ее губам, неистово целуя ее, словно выплескивая сейчас всю ту страсть, что накопилась в нем с момента их последнего свидания. Он вскоре оторвался от ее губ, чтобы тихо прошептать:

— У тебя есть еще время, чтобы остановить меня, прекратить все это. Еще несколько мгновений... Ибо потом я не остановлюсь, не смогу...

— Я не могу ждать несколько мгновений, — прошептала ему Марина. — Я и так слишком долго ждала.

Это была самая длительная и в то же время самая короткая ночь в жизни Марины. Каждый поцелуй, каждую ласку она запомнит еще надолго. Она плавилась словно воск под руками и губами Сергея, с каждой минутой забываясь все более и более. Для нее в ту ночь существовали только эти руки и губы, только этот мужчина, которому она отдала свое сердце, а теперь полностью отдавала и тело с такой страстью, которую доньше не подозревала в себе. Ей казалось, что она была в каком-то сне до этого момента, и тут наконец была пробуждена одним легким касанием рук и губ.

Тихо стучали в стекло окна капли ночного дождя, иногда потрескивало какое-нибудь из поленьев, что медленно догорали в камине, даря любовникам, расположившимся подле, на ковре. Тут же на полу валялась одежда, небрежно брошенная в пылу страсти на пол, и пара масок — большая мужская и позолоченная женская.

Сергей ласкал ее нежную кожу, и она выгибалась навстречу его рукам, словно не желая даже на миг расставаться с этими мягкими прикосновениями. Она даже не помнила, как и когда он успел снять с нее платье, настолько она забылась под напором страсти, что сейчас горячим огнем струилась по ее венам. Он раздевал ее медленно, словно наслаждаясь видом, что открывался его взору с каждым предметом туалета Марины.

— Я и забыл, до чего ты прекрасна, — прошептал он, когда она была полностью обнажена. Странно, но Марина впервые не стыдилась собственной наготы. Обычно она стремилась укрыться под покрывалом или сорочкой от взгляда, тут же она с наслаждением наблюдала, как темнеют от желания стальные глаза Сергея, с каким-то внутренним торжеством радуясь этой страсти, что вызывала в нем красота ее тела.

Он дотронулся до ее груди, слегка сжал ее, и она поморщилась от неожиданной боли.

— Прости, я, видимо, чересчур..., — начал он, но Марина покачала головой и привлекла его к себе, стягивая с его широких плеч рубаху. Запах его кожи заставлял ее голову идти кругом, и она стала покрывать ее медленными поцелуями, скользя губами по его шее и груди. Впервые она была так смела с мужчиной, и эта смелость, а кроме того, реакция Сергея на эти действия только подстегивали ее желание. Она упивалась своим временным превосходством в этом любовном поединке, с удовольствием ловя каждый его полувыдох-полустон.

Потом Сергей положил ее на ковер, отобрав у нее доминирующие позиции, и Марина потерялась в пространстве и времени. Она помнила только жар от камина и напряжение, жгучее желание слиться с Сергеем в одно целое. Еще ближе, еще теснее. Она так прижималась к нему, так цеплялась за его плечи и спину, что у нее потом немного ныли пальцы.

Еще немного, и по телу Марины разлилась блаженная истома, а сердце, казалось, отбивало теперь свой бешеный ритм вовсе не в груди, а другом, самом укромном месте ее тела. Испытанное наслаждение вдруг настолько тронуло Марину, что она заплакала тихонько, отворачивая лицо, чтобы он не заметил. Но Сергей, будто чувствуя ее состояние, взял ее за плечо и развернул к себе.

— Что случилось? Я сделал тебе больно? — обеспокоенно спросил он, и Марина быстро покачала головой, заметив его волнение.

— Просто... просто это было так... чудесно. Я давно... с тех самых пор, — она

смутилась, но ее смущение прошло, когда она увидела, какой радостью вдруг вспыхнули его глаза. Он привлек ее к себе и крепко обнял, зарывшись лицом в ее волосы, пахнущие легким ароматом чубушника.

Опьянение страсти прошло, и Марина вдруг почувствовала легкий озноб от ночной прохлады, огляделась в поиске того, чем бы прикрыться. Сергей, угадав ее желание, потянулся к кровати и стащил покрывало, в которое и завернул ее, поднял на руки и перенес в кровать. Затем вернулся к камину, чтобы подбросить дров.

Марина же быстрее завернулась в одеяло, чувствуя, как начали мерзнуть обнаженные плечи, а затем приподняла его, пуская к себе Сергея, присоединившегося к ней в кровати.

— Ой, какая холодная перина! — вздрогнула она, когда слегка подвинулась, давая ему место рядом в постели. Он же повернулся к ней и, обхватив руками, перенес ее на себя. Она распласталась на нем, с наслаждением вбирая тепло от его горячего тела, прижалась щекой к его груди.

Марина слышала стук его сердца, такой ровный и убаюкивающий, и осознавала, что так отрадно и спокойно ей не было довольно давно. Она словно нашла то самое свое место, и оно было здесь — в его объятиях.

— Останься со мной, — вдруг сказал Сергей, когда она уже медленно проваливалась в дрему, согретшись в его руках. Это заставило Марину вернуться на грешную землю и вспомнить, что она — супруга другого человека, и ночь, проведенная с Сергеем — прелюбодеяние, измена, предательство, как ни назови. Ей вовсе не хотелось сейчас обсуждать что-либо, она желала только одного — закрыть глаза и уснуть в объятиях любимого, где ей было так хорошо, забыть о том, что когда-нибудь эту комнату наполнят первые солнечные лучи, и утро развеет этот романтический флер ночи.

Марина подняла голову и встретила глазами с взглядом Сергея — долгим, внимательным, пронзительным.

— Если ты запомнил, это ты в моей спальне, а не наоборот. Так что...

— Останься со мной, — снова повторил он. — Навсегда. До конца наших дней.

Маринино сердце замерло и от радости, и одновременно от страха, что захлестнул ее душу при этих словах. Сергей тем временем сел в постели, по-прежнему сжимая ее плечи в своих руках. Он пристально смотрел ей в глаза и продолжал:

— Я хочу быть с тобой, понимаешь? Хочу провести с тобой остаток своих дней, хочу состариться вместе. Ни к одной женщине я не испытывал подобных чувств до дня, когда ты так дерзко ответила мне тогда, на балконе. Ни одну не представлял ранее своей супругой. Но ты ворвалась в мой уютный мирок, словно свежий ветер, перевернула его с ног на голову. Останься со мной, ты нужна мне... как никто. Я хочу быть подле тебя, хочу разделить с тобой и горести, и счастье. И я не хочу делить тебя ни с кем. Ты должна быть моя и только моя. Ранее я не понимал, что встречаясь вот так украдкой, я унижаю не только ее, но и себя, принижаю свои чувства. Да ранее и чувств таких не было, — он провел рукой по ее волосам и тихо продолжил. — Я схожу с ума при мысли, что он касается тебя, что он тебя целует... Эти мысли причиняют мне почти физическую боль. Ты любишь меня, меж нами ничего не изменилось. Почему мы не можем быть вместе? Ты сказала тогда, что остаешься с ним из-за дочери. Но разве я не смогу стать отцом для нее? Разве не смогу полюбить ее так же, как любит он?

Марина так рванулась из его рук при этих словах, что он еле удержал ее. Сергей заметил, как тень острой боли промелькнула в ее глазах, и встревожено спросил:

— Что с тобой? Почему ты так дрогнула?

Ах, если бы ты знал, горько подумала Марина. Если бы ты только знал правду, что я скрыла от тебя! Что было бы тогда? Простил бы ты мне этот обман? Смог бы понять причины, по которым я утаиваю от тебя тот факт, что у тебя есть дочь?

— Анатолий никогда не отдаст мне ее, — вслух произнесла Марина. — Он сам сказал мне это. По закону он имеет право отобрать ее у меня, если я уйду от него, а я... я просто не перенесу этого... жить розно с ней.

Сергей прижал ее к себе, и она вцепилась в него изо всех сил, пряча свои слезы у него на плече. Словно она тонула, а он был спасательным средством для нее.

— Почему ты не сказала мне? — проговорил он. — Неужели ты думаешь, что невозможно обойти этот закон?

— Я спрашивала у поверенного. Нельзя. Он отец, тем паче, он — флигель-адъютант Его Величества, разве есть у меня шансы против него в тяжбе? Ни малейших, — с горечью произнесла Марина. — Он просто переиграет и меня, и даже тебя.

— О, моя милая, — прошептал он, улыбаясь в ее волосы. — Выход есть всегда. Давай уедем. Ты, я и твоя дочь. Мы можем забрать ее и уехать.

Марина отстранилась от него и взглянула ему в глаза.

— Бежать? — прошептала она потрясенно.

— Бежать, — согласился он. — Мы уедем втроем. Все дороги открыты перед нами. Уедем за границу, в Рим или Флоренцию, Париж или Лондон, по твоему выбору. Начнем новую жизнь. Ту, которая когда могла бы быть у нас, не будь моего пленения. Ту, что нам была суждена.

— Он будет преследовать нас, — проговорила Марина, качая головой. Она вспомнила слова, произнесенные как-то Анатодем, и повторила их сейчас. — Если мы решим уехать тайно, нас будут преследовать. Сначала жандармы. По нашему следу пустят жандармов. И если они схватят нас, то ты отправишься прямиком в крепость, а после возможно — опять Кавказ. А я буду возвращена своему супругу, из рук в руки, словно вещь. Если нам все же удастся пересечь границу, то и там нас не оставит Анатолий в покое. Он наймет людей, и нас будут искать везде и всюду. А если найдет, то вернет сюда, в Россию, где опять же — крепость и ссылка, Кавказ. А я не перенесу, если с тобой что-нибудь случится.

— Со мной ничего не случится, — заверил ее Сергей. — Анатолий забыл поведать тебе, что хоть Европа и меньше нашей отчизны, но все же затруднительно отыскать в ней троих беглецов. Особенно если они не хотят, чтобы их нашли.

— И ты готов рискнуть всем? Своей репутацией? Своим именем? Мы никогда не сможем вернуться сюда. Как же его сиятельство Матвей Сергеевич?

— Я предлагаю это с его позволения, — ответил ей Сергей, и она не смогла сдержать своего удивления, услышав это. — Да, это так. Мы как-то имели с ним длительную беседу, и он согласился, что уехать из страны — единственный шанс для нас с тобой. А теперь подумай, Марина, только подумай хорошо. Согласна ли ты уехать со мной? Жить со мной одной семьей. Растить со мной общих детей (если, конечно, Бог даст) и твою дочь. Вместе встретить старость, рука об руку пройдя через жизнь. Ты согласна? Отринь все мысли о том, что поведал тебе Анатолий, и загляни в свое сердце. Если ты сейчас скажешь, что не поедешь со мной, что тебе лучше и покойнее подле Анатолия, я отступлю и в этот раз уж навсегда. Но если ты чувствуешь, что твое сердце полно любви ко мне, как мое — любви к тебе, то я увезу тебя, обещаю! И я не обещаю, что нас ждет беззаботная жизнь в дальнейшем, без трудностей

и горестей, но твердо обещаю одно — я приложу все мыслимые и немыслимые усилия сделать тебя такой счастливой, как ты того заслуживаешь, я сделаю все, чтобы ты никогда, ни единого мига не пожалела о своем выборе!

Уехать с ним? Подвергнуть себя и его всеобщему ostrакизму и порицанию? Бросить все в этой стране и начать заново жизнь в другой? Только он, она и их дочь...

— Хорошо, — тихо прошептала она и, видя, что он не расслышал ее, повторила. — Хорошо, — на нее накатила тотчас огромная волна радости при виде такого безмерного счастья в его глазах, что она запрокинула голову и вскрикнула. — Да! Да, я поеду с тобой!

Он тут же крепко прижал ее и поцеловал с такой страстью, что у нее голова пошла кругом, и сладко заныло в животе. Сергей опрокинул ее на постель и стал ласкать так неистово, что она снова забыла обо всем на свете, кроме этих рук и губ, кроме этой кожи у нее под ладонями.

Более они не говорили той ночью. Марина уснула в кольце его рук, положив голову ему на грудь, слушая мерный стук его сердца. Ей было так отраднo сейчас, что она боялась закрыть глаза, ведь вполне вероятно то, что это всего лишь сон, сладкий и такой приятный, но сон. Но ее все же сморило — нынче был такой длинный, наполненный событиями день, что ее телу просто требовался отдых, и в борьбе в нем Марина проиграла.

Ее разбудила Дуняша, нечаянно выронившая из рук туфлю Марины, когда прибирала предметы маскарадного костюма хозяйки, разбросанные по всей спальне. Марина с трудом сбросила с себя остатки сна и открыла глаза. В окно уже светило ярко солнце, предвещая превосходный летний день. Разумеется, Сергея уже подле не было, и Марина лежала в постели одна. Лишь тонкий запах мужского тела от подушки рядом говорил о том, что то, что случилось нынче ночью, было явью, а не сном.

— Вы изволите еще почивать? — спросила Дуняша, расправляя платье на руке, чтобы отнести его вон из дома и проветрить перед тем, как убрать в дорожный сундук. Марина взглянула на горничную, но та была безмятежно спокойной, словно для нее вовсе не удивительно застать барыню утром в постели без сорочки, а ее одежду в беспорядке на полу. Да и каким образом Марине удалось самостоятельно снять платье, Дуняшу, похоже, не волновало.

Марина вспомнила, что ее горничная болтлива на язык, и ее сердце тревожно забилося. Ведь это именно от той, Анатолий узнал о ее тягости от Сергея несколько лет назад. Но потом она успокоилась, вспомнив, что отныне ей не пристало волноваться о том, что весть о нынешней ночи может достигнуть Анатолия, ведь она более не будет с ним рядом.

Анатолий... Ее сердце сжалось от жалости к нему. Она видела от него и дурное, и хорошее, но не питала к нему ненависти или презрения (хотя на утро после той ночи она ненавидела его всей душой!). В ее сердце жило какое-то странное чувство к нему — смесь жалости, привязанности и теплоты, когда она видела, как он старается заслужить ее любовь. Но разве любовь можно заслужить? Она либо есть, либо ее нет, и не под силу человеку заставить сердце полюбить кого-то по приказу. Да, ему будет тягостно в первые месяцы, что Марина оставит его, но со временем, как ей думалось, он должен понять и принять ее поступок. Ей отчаянно хотелось вырваться из той золоченной клетки, какой представлялся ей ее брак, лишенный любви и понимания.

— Который час сейчас? — спросила Марина у Дуняши. — И что остальные гости?

— Уж скоро полдень, барыня, — отвечала ей та. — В голубой столовой завтрак засервировали. Почти все уж изволили пробудиться. Часть гостей уехала на гон, часть

почивает еще. Ее сиятельство Юлия Алексеевна уже вышли из комнаты и изволили о вас спрашивать. Они в саду нынче.

Она что-то еще говорила, но Марина не слушала ее более. Она перевернулась на живот и радостно обняла подушку, еще хранившую запах Сергея, прижимая ее к себе как можно сильнее. Ее пальцы нащупали что-то мягкое и гладкое, и она вытащила это на свет, с удивлением увидев в руке зажатые лепестки роз. По ее губам скользнула улыбка, и она откинулась на подушки, прижав лепестки к груди, ощущая во всем теле такую странную удивительную легкость. Она впервые осознала значение выражения «душа поет», ибо ее душа сейчас исполняла длинные арии.

— Подай мне амазонку, что чистила вчера. Поеду на гон, — распорядилась она, покидая постель. Еще ночью они договорились с Сергеем встретиться нынче днем, чтобы обсудить все детали их отъезда.

— Слушай меня внимательно. Завтра поутру я уеду, сославшись на неотложные дела, но имения не покину, буду ждать тебя в сторожке лесника, что находится в лесу около северной границы имения, в верстах пяти от усадьбы. Так никто не заподозрит тебя, что ты встречалась со мной, ведь остальные гости будут здесь на виду друг у друга.

Из воспоминаний Марину неожиданно вырвала резкая боль в груди, когда Дуняша затянула ей чересчур платье на спине. Значит, скоро будут крови, решила она. Обычно такая боль в груди у нее предшествовала ежемесячным недомоганиям. Хотя... Марина подняла голову и посмотрела на свое отражение в зеркале. Она стала такой белой, что Дуняша схватилась за соли, которые лежали у нее в кармане передника.

— Не надо, — отмахнулась от нее Марина и поразилась — настолько хриплым был ее голос сейчас, словно карканье вороны. Она прижала руки к своему животу и посмотрела на горничную. — Вспомни, когда были крови. Ну же!

— Ах, барыня, — заговорщицки вдруг улыбнулась та. — Так последний раз вам корпия пригодилась лишь на Берещенье [\[380\]](#), а нынче уж Кириллин день [\[381\]](#). Разве дохтур ничего вам не сказал? Я-то думала, он за тем приезжал тогда.

Она была в тягости! Эта мысль обожгла Марину точно огнем. О Господи, она носила дитя своего супруга около двух месяцев, и сама не подозревала об том, занятая размышлениями о своей судьбе и постоянными сомнениями. Она вспомнила долгие и внимательные взгляды на нее Анатоля, словно он чего-то ждал от нее.

«...Когда ты мне скажешь? Когда?...», всплыли в голове его слова, и она осознала, что тот ждал от нее вовсе не слов прощения. Он ждал, когда Марина расскажет ему о ребенке, которого носила от него, ведь, судя по всему, господин Арендт поведал ему о результатах своего осмотра в то утро, когда она, избитая и униженная, приходила в себя. Марина вспомнила, каким предупредительным стал Анатолий в последнее время, как запрещал ей поднимать на руки Леночку («Она стала чересчур тяжела, дорогая, для твоих рук»), как уговаривал ее пробовать фрукты, что доставлялись из оранжерей их имений. Потому-то и отпустил Марину сюда без особых возражений, так легко разрешил ехать одной на эти празднества. Куда она денется теперь от него, тяжелая его ребенком?

Марина не помнила, как доехала до сторожки лесника, небольшого домика, едва видневшегося среди широких лап ельника. Сергей уже ждал ее. Он выбежал ей навстречу и буквально стянул с седла, не давая даже и слова сказать, крепко поцеловал ее.

— О Господи, я так боялся, что ты не приедешь! — воскликнул он. — Когда уходил поутру, все казалось таким простым, таким реальным, но чем далее шло время, тем все более

мне начинало мниться, что это мне привиделось.

Он подхватил ее на руки и, покружив по двору, внес в сторожку. «Совсем, как в старые добрые времена», — прошептал он, перенося ее через порог, и в ее сердце вонзилось острой иглой воспоминание о том времени, что они провели во флигеле Киреевки перед той разлукой. Теперь им предстояло снова разлучиться, только Сергей пока еще не знал об том. Он разливал вино по бокалам, рассказывая со смешком, что Степан уехал на станцию, чтобы заранее отобрать лошадей для завтрашнего отъезда, и Сергею пришлось самому стелить постель и сервировать стол вместо его слуги.

Марина осмотрела эту небольшую комнатку, где всей обстановкой была только большая кровать, стол со стульями, на котором стояла ваза с фруктами и вино. По всему было видно, что эта комната предназначалась вовсе не для лесничего, что сейчас где-то бродил поблизости от сторожки, готовый подать знак, если появиться кто-то чужой. Ему-то принадлежала большая соседняя горница, в которую можно было попасть из сеней. В этой же комнате стояла более изящная деревянная мебель да и кровать была с пухлой периной, явно не для отшельника-лесничего.

— И часто ты бывал тут, в этом *maison de rendez-vous* [\[382\]](#)? — едко спросила Марина, представив себе отнюдь не приятную картину, которая могла быть здесь, в этой самой комнате, с этим мужчиной, но с другой женщиной. Сергей поднял голову, взглянул ей в глаза долгим взглядом и медленно проговорил:

— Несколько раз и давным-давно, почитай, уж несколько лет назад.

— Или несколько дней?

— *Arrêtez!* [\[383\]](#) Я не девственником пришел к тебе, не буду отрицать. У меня были женщины и до тебя, и, увы, вынужден признать, и после. Но ведь и ты была не только в моих объятиях, — он прикрыл глаза на мгновение, а потом протянул к ней руки и мягко сказал. — Неужто нам нечего более обсудить, кроме этой темы? Иди ко мне, милая, я так скучал по тебе эти долгие часы, что провел розно.

Марина не хотела думать сейчас ни о том, сколько женщин бывало здесь с Загорским, ни о том, сколько женщин будет в его жизни после нее. Поэтому она вошла в его объятия, где так отчаянно хотела быть сейчас и навсегда. Хотела забыть обо всем, что ждет ее за дверьми этого домика, хотела снова почувствовать себя в раю, который только он мог ей показать. Хотела сохранить эти мгновения для того будущего, что ждало ее без него, такого любимого и родного.

Но когда она лежала после в его объятиях, когда Сергей так интересно рассказывал ей о тех городах, где он побывал и куда намеревался увезти ее, ее вновь охватили сомнения в правильности ее решения, что пришло ей на ум нынче утром. Довольно ли ей сил, чтобы уйти от князя сейчас, когда ее сердце так поет от счастья, а голова идет кругом? Разве не заслужила она стать счастливой рядом с этим человеком, что когда-то взял в плен ее сердце, прожить с ним всю свою жизнь в той любви, что только он мог дать ей?

— О чем ты думаешь? — прошептал Сергей, целуя ее в висок. — Ты такая тихая нынче. Что-то случилось?

— Нет, ничего, — тихо ответила Марина. — Просто мне страшно. Мне очень страшно нынче. Оставить все, поставить крест на репутации и честном имени...

— Другого выхода нет, увы. Я передумал все варианты, и этот единственный верный, — Сергей помолчал немного, а потом признался. — Я нынче писал к Анатолию.

Марина резко села в постели и с ужасом уставилась на него.

— Что ты сделал?! О Боже, зачем? Ведь теперь уехать и вовсе невозможно!

— Я не могу вот так, крадучись! — ответил ей в тон Сергей, тоже садясь в постели. — Я был обязан написать к нему и объясниться. Разве он не заслуживает этого? Не опасайся его препон — письмо придет лишь третьего дня с утренней почтой, а до этого момента мы будем уже в дороге.

— Это невозможно, — покачала головой Марина. Вот и свершилось, подумала она. Ничего не надо решать — все уже решено за нее. — У нас нет бумаг на дорогу, и ты не дал нам времени их сделать.

Сергей поднялся с постели и достал из дорожного саквояжа, что стоял тут же в комнате на стуле бумаги. Потом протянул их Марине.

— Вот дорожные и паспорта. Разумеется, они не наши имена, нас так быстро схватят. Поедем сначала в Петербург и заберем твою дочь тайно. А после пустимся до Одессы. Там можно сесть на английский или французский парусник и отплыть в Неаполь, — он рассмеялся, увидев ее потрясенное лицо, когда она просмотрела бумаги. — Да, я приехал сюда подготовленным полностью. Ведь эти празднества — мой единственный шанс заполучить то, что я так страстно желаю — тебя.

Сергей схватил ее за руку и подтянул к себе, принялся целовать, и она обняла его, охваченная страстью, что тут же забурлила в ее венах, выпустив бумаги из рук. Как можно отказаться от этого, думала она в то время, как он целовал ее в шею, легко прикусывая губами нежную кожу, заставляя ее тело выгибаться навстречу его ласкам. Разве можно от этого отказаться?

— Что, если я вдруг окажусь тяжела? — неожиданно вырвалось у Марины после, когда Сергей курил в открытое оконце (здесь даже окошко было на петлях, в этой «сторожке лесника»!), опершись плечом о стену. — Вдруг после выяснится, что я жду дитя от своего супруга? Ведь всякое может случиться.

Он лишь пожал плечами в ответ, не отрывая своего взгляда от листвы за оконцем.

— Дети всегда в радость. К тому же, я уже буду воспитывать дитя Анатоля, ты забыла? Так в чем разница — один или два, — он вдруг задумался, и сердце Марины ухнуло куда-то вниз. Ей показалось, что он догадался о причине, по которой она задала ему этот вопрос. — Но будет, конечно, гораздо тягостнее, если ты окажешься тяжела ребенком мужского пола. Ни один мужчина никогда не позволит другому воспитывать своего наследника. В этом случае, нам придется что-то решать — либо отдать дитя Анатолю, (нет, не смотри на меня так возмущенно!), либо жить довольно долго, возможно, всю жизнь под чужими именами, чтобы у нас это дитя не отобрали.

Марина устало прикрыла глаза. Всю жизнь в бегах! Отказаться от своего родового имени! Готова ли она принять от Сергея такую жертву? Готова ли допустить, чтобы он пошел на нее?

— Кстати, ты так и не поведала мне ничего о своей дочери, — внезапно проговорил Сергей от окна, и Марина порадовалась, что он стоит к ней спиной сейчас. Он застал ее своим вопросом врасплох, и она не смогла сдержать эмоций, что тут же всколыхнулись в ее душе. — Как ее имя? Какая она? Расскажи мне о ней.

Марина поколебалась немного, но потом все же заставила себя разлепить пересохшие от волнения губы и произнести:

— Она — маленькая озорница. Любит проказничать, хлебом не корми. Бедная Агнешка, ей уже совсем не справится с ней. Даже француженка не всегда способна обуздать порывы

моей дочери к озорству! — Марина улыбнулась, вызвав в памяти лицо ее маленькой дочки. — А как она театральничает! Ты бы видел, какое лицо она строит, когда ее поймают на проказах! Сама невинность! И как такую наказать за проказы? Юная кокетка.

— Она схожа с тобой чертами?

— В ней часто находят мои черты, — уклончиво сказала Марина. Не могла же она сейчас сказать ему, что в основном, ее дочь схожа с ним самим — тот же цвет глаз, овал лица, мимика?

— Тогда я легко смогу полюбить ее, — улыбнулся Сергей, по-прежнему не поворачивая к ней головы, а она упала лицом в подушки и прикусила уголок наволочки, чтобы не закричать во весь голос от боли. О Боже, как же тягостно сейчас ей, как тягостно!

— Что с тобой? — на ее обнаженное плечо вдруг легла мужская ладонь. — Что с тобой, милая? Скажи же мне, — он развернул ее к себе лицом, пристально взгляделся в ее черты. — Ты переменила свое решение? Ты желаешь остаться... с ним? Не молчи, не держи в себе. Скажи мне, и я пойму. Я не буду тебя винить — на то, что мы задумали, нужна решимость, невиданная отвага для женщины.

Она поймала его руку и поднесла к губам, а затем прижалась к ней щекой.

— Я люблю тебя, — просто ответила она. — Я полюбила тебя с отрочества и, уверена, что даже на смертном одре я буду шептать твое имя. Когда я рядом с тобой, я живу. Ведь иначе, я просто трапезничаю, сплю, играю с ребенком, танцую на балах, но не живу. В тебе — моя жизнь, только в тебе.

Сергей проводил Марину почти до самого села, откуда до усадьбы оставалось чуть более двух верст. Далее ему было нельзя ехать, все в имении были уверены, что он отбыл еще поутру. Он подъехал к Марине и, обняв ее за талию, крепко поцеловал в губы, едва не стянув с лошади к себе на колени.

— Я буду ждать тебя завтра на рассвете на почтовой станции, как и оговорено, — проговорил он ей в губы. Марина лишь кивнула в ответ. Она до сих пор не могла решить, как ей следует поступить в виду последних обстоятельств. Да даже если бы она решила не ехать завтра, скажи она об том сейчас, и он своими речами, своими сладкими поцелуями заставит переменить свое убеждение.

Марина вдруг вцепилась в него так сильно, что лошади под ними заволновались, чувствуя ее состояние. Она царапала ногтями ткань его мундира, не в силах отпустить его из своих рук.

— Не хочу расставаться с тобой, — прошептала она едва слышно, а он улыбнулся и поцеловал ее нежно в лоб.

— Это всего лишь на одну ночь, мое сердце. Скоро мы будем совсем неразлучны, и ты будешь даже выгонять меня из дома куда-нибудь, чтобы побыть хотя бы несколько минут наедине с собой. Совсем скоро...

Марина едва успела переменить платье, как наступила пора спускаться к ужину, предпоследнему в длительной череде празднеств в имении Юсуповых. Завтра будет дан последний бал с китайскими фейерверками, если позволит погода, и живыми картинами на фоне этого великолепия. А уж второго дня усадьба опустеет — многочисленные гости разъедутся кто в собственное имение, кто в Петербург или на дачи в Царское село, чтобы встретиться только осенью, либо в начале сезона — после Рождества.

За ужином Марина была рассеянна, скупое поддерживала беседу со своими соседями по столу, что вызывало в Жюли, наблюдающей за ней все это время, настороженность.

— Что с тобой? Ты нездорова? — встревожено спросила та Марину, когда они направлялись в салон после ужина.

— Устала просто, — пожала плечами ее подруга. — Такие насыщенные дни были.

За окном снова пустился дождь, и потому гости разбрелись после ужина кто куда по дому. Часть гостей удалилась в игорную, где тут же за карточными столами начались азартные игры. Многие мужчины ушли в курительные комнаты, туда же ушел и Арсеньев, чтобы за трубкой и бокалом отличного хозяйского бренди обсудить последние вести из мира политики или охоту, что была нынче утром. Дамы направились в розовый салон. Там уже расставили столики для игры в лото и подготовили прохладительные напитки.

Марина почти сразу же приняла приглашение присоединиться к игре в лото, чтобы не принимать участие в разговорах, а также избежать расспросов Юленьки. Ей не хотелось сейчас ни о чем думать, словно все может решиться за нее. Она была рассеянна за игрой, вполуха слушая разговоры за игровым столом остальных игроков, но один из них, вернее, обрывок его привлек ее внимание.

— ...да-да, представьте себе, вывезла дочь в тот сезон. Бедная девочка, за ней следили во все глаза, и мало кто решился записаться в ее бальную книжку, — вещала одна из дам другой, в большом чепце, отороченном алансонским кружевом. Они принадлежали к московским гостям Юсуповых, посему Марине не были хорошо знакомы. — Грехи отцов падут на головы детей их до третьего и четвертого колена, *c'est la pure vérité* [384]. В данном случае, грехи матери помешали дочери составить партию кому-либо. Кто возьмет в невестки дочь *de étourdie* [385]? Бедная-бедная девочка, кто же знал, что ей суждено остаться в девах из-за того, что ее мать была так бездумна? О, *ma chere comtesse* [386], у вас же есть «лебедь»! Сюда его, сюда! — говорившая взяла бочонок и поставила его на карточку Марины, заставив ту вздрогнуть от неожиданности. Она улыбнулась Марине, потрепала ее по руке («*Attentif, ma chere comtesse, attentif* [387]. Вы сильно рискуете вконец проиграться») и снова повернулась к своей собеседнице.

Марина сидела ни жива ни мертва. Ей казалось, что слова этой женщины словно указали ей на нынешнее ее положение. Она знала, как должна поступить, ведь от этого решения зависели судьбы не только ее, Сергея и ее супруга, но и ее детей.

Она ушла к себе довольно рано, еще не пробило и десяти часов. Долго сидела в темноте, не зажигая свечей, размышляя о своем положении. Ей до дрожи в членах хотелось уехать завтра поутру с Сергеем. Увидеть с ним Европу, стать ему супругой, пусть и невенчанной, прожить с ним всю свою жизнь. Если она поступит этим образом, то исправит свою ошибку, совершенную несколько лет назад, и соединит истинного отца и дочь, даст им возможность узнать и полюбить друг друга.

Но уехав завтра, Марина лишит того же самого Анатоля. А если к тому же родится и наследник, то это и вовсе превратит жизни всех троих в ад: Воронин приложит все усилия, чтобы вернуть и ее, и сына, и им с Сергеем придется скрываться всю свою жизнь, жить под чужими именами...

С другой стороны, останься она с Анатодем, ее дети будут знать только лучшее и спокойное обеспеченное будущее, блестящую судьбу детей знатной фамилии. Леночка знает его как отца, любит его. Вправе ли Марина решать за нее ее судьбу? Ведь если она увезет ее, у той никогда не будет того будущего, о котором мечтает любая девушка их круга. Кого из мужчин она должна лишить радости знать собственного ребенка — Сергея или своего

супруга?

Через час в ее дверь тихо постучала обеспокоенная Жюли, и Марина, вдруг разрыдавшись, призналась ей во всем: в своем грехе, в планах о побеге, умолчав лишь о том, о чем вынуждена молчать уже несколько лет — об истинном отцовстве своей дочери. Юленька ничего не советовала ей (да разве и можно тут давать какие-либо советы?), только слушала подругу и утирала ее слезы, от души сочувствуя той в ее нелегкой ситуации.

Спустя несколько часов Марина приняла решение, и горничная Юленьки побежала в конюшню растолкать казачка, спавшего тут же, на охалке сена. Тот сел, протер глаза, выслушал приказание, что ему передали, и, поплескав в лицо ледяной воды, чтобы скинуть остатки сна, взял из рук девушки записку и побежал через лес по мокрой от росы траве к почтовой станции. На место он прибежал спустя час. Там он, увернувшись от оплеухи пьяного ямщика в рваной рубаше, что играл всю ночь в карты, продулся всухую и был страшно зол на весь мир в этот ранний рассветный час, натолкнулся на смотрителя, который и отвел его к слуге князя, которого он искал. Тот в свою очередь провел его за почтовую станцию, где прямо в траве на обочине дороги сидел мужчина со страшным шрамом на правой щеке, покусывая травинку.

— Барин, тут до вас малец, — произнес слуга, и князь повернулся к ним. Мальчик сбивчиво сказал, что ему просили передать до князя письмо, и протянул ему записку, что держал в руке.

— Дай ему четвертак, Степан, — приказал князь, и слуга с ворчанием выполнил указание барина.

— Пойдем, мальчик, выдам тебе деньгу, раз барин нынче решил, что у него полным-полна мощна, а нам с ним деньги лишние и вовсе ни к чему. Два рубля туда, четвертак сюда... Так и без портков остаться можно.

Загорский остался один. Он держал в руке письмо, но не решался его вскрыть, просто сидел и покусывал травинку, пока не сгрыз ее до самого конца. Лишь тогда он поднялся, отряхнув сорную траву со штанин, и развернул записку. Он мог даже не читать ее, ибо и так знал, что в ней написано.

«Мой любимый, мой милый, моя радость...

Прости меня, мой родной. Я не могу сделать этого, как бы страстно не хотела этого моя душа. Уже давно я не принадлежу самой себе и потому не могу распоряжаться своей судьбой так смело, не заботясь о будущем моих детей, как будущих, так и настоящих. Я не имею права отобрать то, что принадлежит им по праву рождения, не могу решать их судьбу, как свою.

Я связана со своим супругом узами посильнее, чем мы представляли себе, и я не вольна разорвать их. Только нынче утром я узнала об том. И поверь, не будь нынешнего утра, я бы сейчас стояла подле тебя и с радостью встречала бы рассвет моей новой жизни. Жизни с тобой.

Моя нянечка говаривала мне, что никого я не люблю так сильно, как самую себя. И я понимаю, что она права. Ведь я, отпуская тебя ранее, не давала тебе возможности уйти из моей жизни, словно ручную птичку отпускала с руки и тут же дергала за привязь обратно. Но ныне я обрезаю эту привязь, мой сокол. Ты волен лететь, ты свободен отныне.

Прости мне сумбурность письма. Мои мысли мечутся в голове, равно как и желания в моей душе. Будь счастлив, мой родной. Будь счастлив для меня. Будь счастлив за нас. Тех, что могли быть... Быть может, ты прав, и когда-нибудь в другой жизни наши судьбы будут

наконец соединены, чтобы никогда более не расстаться. И я буду ждать этого момента, ибо только он даст мне силы жить далее без тебя. Он и те несколько часов, что провели вдвоем, за которые я вечно буду благодарна Провидению...»

Загорский смял бумагу в комок одним движением руки. Он не был удивлен этим письмом, подсознательно он знал, что она не приедет еще с прошлого дня. Но он все же надеялся, и его сердце сейчас болело, словно его кололи острыми иглами, потому что надежда, которая теплилась в нем в последние недели, ныне была развеяна в прах.

Сергей прошел на станцию, где Степан уже ждал его в запряженной коляске, и занял место пассажира, откинувшись на спинку сидения.

— Едем, — коротко бросил он своему денщику. Тот полуобернулся к нему с козел.

— А барыня?

— Барыни не будет. Трогай, — приказал Сергей. — Едем в Петербург. Ты письма, что я дал тебе, отдал утром почтовым?

— Ох, барин, замотался я, — признался Степан. — Только с ночным недавно отправил.

Сергей кивнул довольно, услышав это. Значит, почтовую карету они нагонят скоро, если поторопятся выехать сейчас же. Но уже спустя некоторое время он привстал с сиденья и положил ладонь на плечо Степана, останавливая его. Коляска развернулась в противоположную сторону и покатила с той же немыслимой скоростью к имению Юсуповых, к усадьбе которого и подъехала через четверть часа. Время было раннее, и на дворе был только дворник, что приводил в порядок подъезд, да садовники, спешащие передать лакеям корзины с цветами, которым надлежало заменить в многочисленных вазах особняка своих уже увядших собратьев.

Загорский спрыгнул с коляски и направился в дом, где его встретил спешно застегивающий ливрею мажордом, который завтракал в кухне, когда ему сообщили о приезде коляски на двор.

— Ваше сиятельство, вы воротились...

— Я бы хотел увидеть графиню Воронину, — коротко бросил Загорский тому. — Вы не могли бы разбудить ее горничную и передать через нее мою просьбу?

— Но, ваше сиятельство, это никак невозможно..., — начал мажордом, но его речь прервала Юленька, неожиданно для всех находящаяся в передней комнате, вышедшая из дверей.

— Я ждала вас, — обратилась она к Загорскому. А после бросила мажордому. — Вы можете идти.

Жюли взяла Загорского под руку и, сопровождаемая взглядом Арсеньева, что наблюдал за ними через распахнутые двери салона, вывела во двор, где они могли не опасаться лишних ушей в их приватной беседе.

— Она уехала нынче ночью. Тсс, дослушайте меня, — Юленька сильнее сжала его локоть. — Она уехала, ибо знала, что вы приедете за ней нынче утром. И потому, что знала — останься она тут, она уехала бы с вами, невзирая ни на какие доводы рассудка. Как пошла за вами тогда под венец несколько лет назад.

Юленька говорила Сергею что-то еще о причинах, подтолкнувших Марину принять это решение, но ему было уже безразличны они, потому он пропустил их мимо ушей. Дело сделано, к чему сейчас обсуждать это?

Наконец их разговор был окончен, и он поспешил откланяться, чтобы более никто не заметил его присутствия в имении Юсуповых. Отъехав от него на приличное расстояние,

Сергей приказал Степану остановить коляску на лесной дороге, затем спрыгнул с сидения и углубился в лес, сам не зная, зачем и куда он идет. Он шел по нему словно пьяный — то и дело спотыкался о корни и ветви деревьев, хватаясь за стволы, чтобы удержаться на ногах.

Впервые в жизни он проиграл. Поставил на кон все, что у него было: его сердце, его душу, его будущее и его любовь. Самое заветное, что у него было, что он хранил, надежно спрятав от чужого глаза, и никому и никогда не позволяя прикоснуться к ним. Он знал, что в противном случае придет боль, такая острая, что каждый вздох будет в тягость потому и не допускал никого в свою душу. Он знал, но все же рискнул. И проиграл... Вчистую.

Наконец он остановился у одной из берез, прижался лицом к шершавой коре, что оцарапала ему лицо. Эта боль привела Загорского в чувство, он резко выпрямился, рванул мундир, расстегивая, и достал поникший алый цветок на шнурке. Он смотрел на него некоторое время, хотел было бросить на землю, но не смог. Он вспомнил, как Марина протянула ему руку с этим цветком на запястье, тогда на балу, как позднее ночью проводил этими мягкими лепестками по ее шелковой коже...

Да, Сергей никогда не отличался ранее сентиментальностью, считая ее привилегией слабых духом. Но он сохранит этот цветок. Это создание Венеры теперь будет для него символом. Сухим напоминанием о том, что могло бы быть, но уже никогда не случится. По крайней мере, в этой, земной жизни...

Сергей снова вернул цветок за полу мундира, поближе к сердцу. Затем развернулся и зашагал обратно к коляске.

Vivas, ut possis, quando ne quis ut velis [\[388\]](#). Отныне будет так.

Марина заставляла кучера всю дорогу до Петербурга гнать, что было мочи, но почтовую карету ей так и не удалось обогнать. На второй день ей стало дурно в дороге. Она едва успела стукнуть в стенку кареты, чтобы та остановилась, и открыть дверцу, как ее вывернуло. Она не знала, с чем это было связано — то ли ее тягость наконец решила показать себя, то ли от напряжения, в котором жила последние два дня.

— Тихо, барыня, тихо, — приговаривала Дуняша, обтирая лицо хозяйки платком, смоченным прохладной водой. — Таперича так будет еще долго, пока дитятка на свет не появится. Сейчас постоянный двор найдем приличный, и отдохнете, барыня.

— Нет, — отрезала Марина. — Никакого постоянного двора. Едем! Нам надо срочно в Петербург!

Она боялась. Боялась того, что случится, если в руки ее супруга попадет это письмо, написанное князем Загорским из имения Юсуповых. Но была в страхе отнюдь не за себя. В первую очередь ее пугало, что Анатоля снова захлестнет волна необузданной злобы и ненависти, и он пошлет вызов Загорскому, который тот не сможет не принять. А это означало, дуэль, кровь одного из них, смерть...

А если он все же сможет обуздать свои эмоции и, рассудив, что дуэль может обернуться дурно для него самого (ведь даже останься он цел и невредим, его карьере при дворе придет неминуемый конец), Анатолий способен обратить свой гнев на свою супругу. Нет, не побоев страшилась Марина, боль физическую она перенесет. Она боялась того, что верный своей мстительной и злопамятной натуре Анатолий может выслать ее в какое-либо самое отдаленное из своих имений, например, в Долгое, что в Псковщине. Но выслать одну, без средств, без права видеться с ребенком. Марина могла пережить скудность быта и даже нужду, но разлуку с дочерью она бы не перенесла. Да и в том случае ее жертва, что она принесла, отказавшись от Сергея, была бы совершенно напрасной.

Бывали минуты, когда Марине казалось, что она совершила ошибку, поддавшись доводам рассудка, не пойдя на поводу у сердца. Да, когда-то сердце завело ее в такую ситуацию, из которой был путь только брак с Анатодем, но может быть, нынче все было бы иначе? Она вспоминала те мгновения, что провела в объятиях Сергея, вспомнила запах его кожи, шелковистость прядей его волос, которые она так любила пропускать меж пальцев. Она помнила его поцелуи, долгие и страстные, заставляющие ее терять голову и забывать обо всем вокруг. Как можно жить спокойно дальше, когда однажды побывал в раю?

Иногда Марина вспоминала о ребенке, что рос в ее чреве и который надежно, самыми прочными узами из всех существующих привязал ее к Анатолю. Ах, если б не было этого дитя, насколько иначе могла сложиться ее судьба? И тут же одергивала себя — грешные мысли, грешные...

Она приехала в Петербург лишь к обеду четвертого дня, несмотря на то, что заставляла кучера гнать карету и днем, и ночью, рискуя свернуть себе шею в этой ужасной гонке. Разумеется, почтовую карету догнать ей не удалось, и она переступала порог особняка на Фонтанке с тягостным ощущением страха перед неизвестностью, что ждала ее за дверями этого дома.

Марина прошла сразу же в детскую, даже не смыв с себя дорожную пыль и не переменив платье, так ей хотелось увидеть Леночку, обнять ее, вдохнуть ее детский запах. Та

играла на полу в кубики и колечки, что бросила тотчас, увидев мать в дверях:

— Petite maman! Petite maman! [\[389\]](#)

Марина опустилась на колени и крепко прижала к себе маленькое тельце дочери, что буквально захлебываясь словами, французскими и русскими, пыталась рассказать ей о том, что произошло за время отсутствия матери: маленькие котята убежали в сад, и дворня их долго разыскивала, но Dieu merci отыскали; Helen выучила несколько новых слов на французском и научилась делать глубокий реверанс (до этого момента ей это никак не удавалось); пара обещался приобрести для нее cheval [\[390\]](#).

— Cheval à bascule [\[391\]](#)? — с улыбкой уточнила Марина у дочери, но та только покачала головой и снова расцеловала мать в обе щеки и в лоб, погладила той волосы.

— Cheval, cheval, — повторила Леночка, и бонна поспешила уточнить, сделав небольшой книксен:

— Messier a déclaré le poney, madam [\[392\]](#).

Пони! Леночке только три года. Довольно рано, по мнению Марины, той садиться в седло. Она хотела так и заявить бонне, но, взглянув на нее, делающую очередной книксен, поняла, что может сейчас сказать это и Анатолю.

Марина выпустила дочь из объятий, поднялась на ноги и повернулась к супругу, что стоял сейчас в дверях детской и внимательно смотрел на нее. Бонна поспешила взять ладошку Леночки в свою руку и вывести ее в другую комнату, чтобы супруги могли без помех поприветствовать друг друга после разлуки.

— Vous voilà [\[393\]](#), — проговорил Анатоль и положил ладони ей на плечи, пристально взглянул в глаза. Она смело встретила этот взгляд и не отвела своих глаз, стараясь изо всех сил выглядеть спокойной, когда внутри ее раздирали на части сомнения и страхи. — Ты воротилась раньше срока. Смею ли я надеяться, что ты соскучилась по нас с Леночкой?

— Je suis enceinte [\[394\]](#), — вдруг вырвалось у Марины помимо ее воли. Она внимательно всмотрелась в лицо Анатоля при этих словах. На его лице мелькнула радость и немного фальшивое удивление, и она поняла, что была права — он знал о ее тягости. Она слишком хорошо его изучила за прошедшие годы, чтобы он смог ее легко обмануть.

Анатоль притянул ее к себе и начал целовать в лоб, щеки, нос, тихо приговаривая «Bien-aimé! Ma bien-aimé! [\[395\]](#)». Марина стояла, не шевелясь в его руках, борясь с неожиданным желанием отстраниться от него, оттолкнуть его руки. Как можно принимать его ласки, когда она несколько дней назад была в объятиях другого мужчины, когда она была неверна ему? В ней возник порыв открыться ему в своей неверности, рассказать ему правду, но она подавила его, хотя и с большим трудом — кому станет легче, если правда откроется? Только опять все осложниться донельзя.

— Ты не представляешь, как я счастлив, моя милая, — прошептал Анатоль ей в ухо, обнимая ее крепко. — Это такая радость. О Господи, ребенок! Частичка тебя и меня, — он вдруг отстранился от нее, обеспокоенно взглянул в глаза. — Ты такая бледная, моя дорогая. Как твоё здоровье?

— Я немного устала. Дорогой было дурно, — призналась Марина. — Позволь мне уйти к себе и отдохнуть.

— Ну, разумеется, милая, разумеется.

Отпуская ее, Анатоль приподнял ее лицо за подбородок и коснулся губами ее рта в легком поцелуе. Марина еле выдержала его сейчас, когда ее нервы были напряжены, словно

натянутая струна. Она позволила поцелую немного затянуться, а потом быстро отстранилась от супруга с виноватым видом. «Прости», — прошептала она, потом быстро развернулась и ушла к себе в половину, где ее ждал сюрприз — Агнешка, ее милая, добрая Агнешка.

Увидев свою любимую няньку, Марина вдруг не сдержалась — кинулась в ее объятия и разрыдалась, не в силах более сдерживать эмоции. Она прижалась крепко-крепко к Агнешке, как в детстве, когда ей было плохо, и ласковые руки нянечки разгоняли ее боль, сводили на нет детские обиды и страхи. Вот и сейчас Агнешка сумела успокоить Марину, глядя ту по волосам и что-то шепча ей в ухо своим мягким певучим говором. Потом заставила ту снять платье, смыла мокрой тряпицей, дорожную пыль с ее лица и тела, и, напоив горячим ромашковым чаем, уложила в постель.

— Не уходи, — поймала няньку за руку Марина. — Останься, мы так давно не виделись. Я думала, свидимся только на день Петровой Матки ^[396], когда ворочусь в Завидово.

— Я таксама, — сказала Агнешка, пристраиваясь рядом с ней в постели, и, обнимая ту, положила голову Марины себе на грудь. — Але приехал чалавек от барина, загадал збираться у Пяцербурх. Мяуляу ^[397], барыне я потрэбна. И вось я туточки, моя касатка, подле тебя.

Марина прижалась к ней всем телом, чувствуя, как постепенно расслабляется тело, словно пружина напряженное в последние дни. И она рассказала Агнешке все, что произошло с момента, как они виделись в Завидово: как хотела уйти от супруга, и как тот ее удержал, про развод и про приходскую книгу, про то, как она по-прежнему живет душой только ради Сергея, а также про задуманный побег и ее отказ от него.

— У котки больш любви да кацяняты, чым у тваей маці, даруй мяне Госпадзе. Гэта ж трэба! Ад сцэрва, даруй ^[398]мяне, милая мая. А ты, мая дзитятка... Ох и настрадалась ж ты, мая милая. И за што табе гэта? За якія грахі?

— Грехов-то у всех найдется довольно, вот и у меня также, — задумчиво сказала Марина в ответ. — И самый большой нынче у меня грех — прелюбодейство. Как мне теперь в глаза ему смотреть? Ведь я буду всякий раз думать о том, что было. Не смогу, Гнеша, не смогу!

— А ты змоги! — резко вдруг сказала Агнешка. — Каб усе бабы мужикам о своей непаслушнасці распаўядали, то столькі сямей бы парушылася. А я табе скажу, не думай больш об том! Ды і суплеменне ^[399]хай не мучіць тебя больш, ні да чаго гэта. Не варта ^[400]ен твоих слез, вось табе мой сказ. Забудзь о своей вине перад им. Расплата яму по справах ^[401]яго!

Она проговорила это таким странным тоном, что Марина удивленно взглянула на нее, и няня поспешила спросить ее:

— Распаўядала ты князю свайму про дачку? Открыла таямніцу ^[402]свою? — когда Марина покачала головой, нянечка перекрестилась на образа. — Ох, даруй Госпадзе грахі нашы цяжкіе! Вось гэта грэх так грэх. Родную кровь бо разлучаем. Был выпадак ^[403]распаўядаць, а промолчала. Не даруе ен тебе гэтаго, не даруе, — тут она вдруг очнулась от своих раздумий и заметила, что из глаз Марины снова покатились слезы. — Ой, ну, дурница я, дурница! Пра што гаворку ведаю? Ты лепш поспи, мая милая, стамілася, ведаеш, з дороги-то. Поспи, касатка. Нездарма кажуць, раница вечара мудренее.

— Ты ведь нарочно русскую речь совсем забыла, да, Гнеша? — уже когда Агнешка закрывала дверь спальни, спросила Марина. — Зачем его злишь? Ему ведь не по нраву.

— Зато мне да спадобы ^[404], — тихо ответила ей нянечка. — Старога коня не перекаваць. Поспи, моя милая, поспи.

Марина проснулась, когда за окном уже спускались ночные сумерки. Она резко села в постели, почувствовав неожиданный приступ дурноты, и огляделась по сторонам. Она заметила Анатоля, сидящего в кресле недалеко от ее постели и знаком показала, что ей дурно. Он подскочил со своего места, быстро взял с комода фарфоровый таз для умывания и поднес Марине, придерживая ей аккуратно волосы, пока не прошел приступ.

— О Господи! — Марина резко откинулась на подушки, ощущая свою беспомощность и стыд, что супруг стал свидетелем ее слабости. Он же присел на постель рядом и вытер мокрой тряпицей ей лицо.

— Подать воды? — лишь спросил Анатолий, словно для него происходящее здесь было в порядке вещей. Но Марина лишь покачала головой. На нее снова накатила дурнота от дурманящего сладкого запаха, и она попыталась найти его источник.

— Попроси убрать, — она ткнула пальцем в большую корзину больших ярко-алых роз, что стояла недалеко от постели и отвернулась в надежде избежать очередного приступа. Анатолий тут же позвонил, и цветы вынесли вон.

— Я хотел сделать тебе приятное, — произнес он. — Прости.

— Это не твоя вина. Просто в этом... ммм... положении запахи ощущаются, как никогда, сама узнала это, когда Леночку носила, — Марина еле сдержала себя, чтобы не отшатнуться, когда он вдруг нагнулся к ней и привлек к себе. Он коснулся губами ее виска, а потом прошептал в ухо:

— Я чувствую себя ныне так странно. Никогда до этого я не был так переполнен эмоциями, как сейчас. Я даже не могу выразить их словами, — он немного помолчал, а потом продолжил. — Ребенок — это так прекрасно. Теперь все будет у нас по-иному, теперь все будет так хорошо, ведь так? У нас с тобой будет совсем другая жизнь. И все будет так хорошо... Что ты молчишь? Ты спишь, моя милая? Тогда спи, мой ангел, покой тебе ныне необходим, чтобы ты выносила наше дитя здоровым и крепким.

Анатолий сидел всю ночь, глядя жену по спине и волосам, и заснул лишь под утро, так и не выпустив ее из объятий. Он так и не заметил, что почти все это время Марина не спала, а тихо плакала не в силах сдержать горячие слезы, испытывая невероятные муки от угрызений совести и сердечной боли.

На следующее утро Марина уже принимала визиты, столь необходимые для нее в виду приближающихся событий. Первым ее навестил доктор, господин Арендт, который после осмотра заверил свою пациентку, что ее здоровье в полном порядке, несмотря на частые приступы дурноты и головокружения.

— Меня мучает бессонница, господин Арендт, — призналась Марина. — Могу ли я принимать лауданум?

— Можете, сударыня, но только не часто и в весьма малой дозировке. Я покажу ее вашей горничной. А что касается, вашего рассказа о том, что вам было суждено пережить в вашу первую тягость, то тут пока судить еще рано, столкнемся ли мы с этой опасностью в этот раз.

После визита доктора Марина приняла у себя модистку, mademoiselle Monique, что шила для нее платье для церемонии венчания старшей царской дочери. Государь выказал свое благоволение к Марине и позволил той быть на венчании и последующем приеме во дворце в придворном платье, которое и шилось в спешном порядке. Сейчас, за пару дней до

намеченного торжества, оно уже было полностью готово, оставалось только добавить некоторую отделку и убрать некоторые огрехи, если платье не сядет на свою обладательницу.

Но оно село замечательно, несмотря на то, что Марина немного поправилась за последние дни из-за своего положения. Она не преминула похвалить прозорливость модистки, что оставила припуски в швах, но та лишь улыбнулась в ответ и рассказала, что его сиятельство заранее предупредил о положении графини, когда обсуждал заказ. Эти слова неприятно кольнули Марину, которая в очередной раз убедилась в своих подозрениях по поводу осведомленности Анатоля о ее беременности.

Спустя два дня чета Ворониных присутствовала на церемонии венчания великой княжны, что была запланирована на день рождения императрицы, но не смогла состояться в виду того, что в этом году он выпал на субботний день. Марина с умилением наблюдала, как заплаканная невеста, что вошла в храм с грустью в глазах, к концу обряда забыла о своей печали от расставания с любящими родителями, и улыбка засияла на ее лице. Ее лицо светилось таким счастьем, что Марина невольно ощутила легкую зависть к ней, которая к концу вечера сменилась такой сердечной болью, что невозможно было сдержать слез — по странному совпадению именно в этот вечер в дом на Фонтанке были доставлены корзина бледно-розовых азалий и сверток, перевязанный тонкой бечевкой.

Марина наткнулась на них тут же по возвращении.

— Что это? — спросила она Агнешку, что помогала Дуняше снять с барыни платье с длинным шлейфом, но внезапная догадка пронзила ее разум, и она, отстранив своих прислужниц, подошла к столику, на котором лежал сверток, быстро разорвала упаковочную бумагу. Ее предположения подтвердились — из разорванного свертка на пол посыпались письма, белым веером рассыпавшиеся по ковру.

— Оставьте нас с Агнешкой! — глухо попросила Марина, и девушки быстро вышли из ее спальни.

— Что гэто, милая моя? — обеспокоенно спросила нянечка, собирая с ковра письма. — От кого гэта? Няужо...?

— Знаешь, что знаменуют азалии в *langue de fleurs* ^[405]? «Я люблю тебя, но мы не можем быть вместе. Береги себя для меня; заботься о себе для меня!». Это почти мои слова, что я написала к нему тогда, — Марина взяла из рук Агнешки часть писем, что та подняла с пола. — Это мои письма к нему, все мои письма. Это значит только одно, Гнеша, только одно.

Агнешка забрала из ее рук письма и кинула их на столик. После помогла Марине, что едва шевелилась в ее руках и напоминала куклу, снять платье и драгоценности, и уложила ту в постель.

— Не шкадуй ^[406], милая, не шкадуй таперича, — успокаивала она Марину. — Да чаго мучиць себя таперича? Позна зачыняць вароты, коли быдла ужо уцек з двора ^[407]. Падумай об дзятяті, што носиш...

— Ребенок! — вдруг вскинулась Марина. — Не хочу я этого ребенка! Мне дурно, мне плохо... Не хочу я его!

— Ой, дурница! — легко хлопнула ее по лбу Агнешка. — Не смей так казаць! Не гнеу Господа!

Но Марина действительно не могла оставить этих грешных мыслей. Она то и дело думала об этом, когда ей всякий раз становилось дурно, едва ее нос улавливал запах еды или любые другие запахи. По причине своего плохого самочувствия она не смогла посетить

балы, что давали в последующие дни после свадьбы великой княжны, а также на спуске на воду большого корабля «Россия». Это вызвало небольшое неудовольствие Анатоля.

— Государь спрашивал о тебе, моя дорогая, и был раздосадован, что ты отсутствовала на сих мероприятиях. Он выразил надежду увидеть тебя на балу у великого князя, который, я думаю, ты обязана посетить. Ты столько пропускаешь нынче! Тягость — отнюдь не болезнь, и я не думаю, что именно она мешает тебе выезжать ныне, — он смело встретил возмущенный взгляд серо-зеленых глаз жены и продолжил. — Да-да, если ты думала, что я не заметил, что третьего дня ты получила некий подарок от нашего общего знакомого, то ты ошиблась! Ты просто боишься, *ma camélia écarlate* ^[408], боишься увидеть его. Удивлена, моя дорогая? Ты думала, что я никогда и ничего не узнаю? Только не в этом мире, где полно сплетников! — он схватил ее за плечи и притянул к себе поближе, чтобы заглянуть в глубину ее глаз, не пропустить ни малейшей эмоции, что могла там мелькнуть. Марина же застыла в его руках ни жива, ни мертва — значит, Дуняша все же открыла его сиятельству, что она в ту ночь была не одна. — Я не хочу думать о том, что могло бы быть, если бы ты пошла на поводу своих чувств, если бы все же решила рискнуть. Но ты поступила верно, закрыв для него двери своей спальни, хотя и потеряла его расположение. Неужто ты действительно думала, что Загорский способен на долгие чувства? Отнюдь, моя дорогая. Получив отказ, он редко добивается своего, предпочтя обратить взор в другую сторону. В море полно и другой рыбы. Не станцевал он еще башмаков с того маскарада ^[409], как уже в свете открыто одаривает своим расположением другую, ту, что по слухам назовет своей супругой. А я не позволю, что в свете обсуждали и мое имя в том числе, ведь ты, верно, не знаешь, что сейчас у всех на устах? «Почему графиня Воронина закрылась от всех в эти дни? Что с ней сделал ее *jaloux éroux* ^[410] после того маскарада, где она танцевала с *prince* Загорским?», — Анатолий легко поднял ее с постели и поставил на пол. — Собирайся же, моя дорогая. Ты обязана нынче выйти в свет, даже стоя одной ногой в могиле. Я не позволю, чтобы наше имя трепали на всех углах! Чтобы сам государь подозревал меня, не пойми в чем, после той жуткой истории с Безобразовым! Ты всегда думала только о себе и своей выгоде, так подумай же нынче и о моей.

И Марина поехала на этот бал у великого князя Михаила Павловича, несмотря на то, что душе ей хотелось в кои-то веки послать своего супруга к черту и уехать в деревню вместе с дочерью. Ее нервы были на пределе, и потому она заставила Агнешку накапать ей лауданума перед тем, как покинуть дом.

— Зусим розум потеряла! — нянечка обеспокоенно провела рукой по ее лбу, проверяя не в горячке ли та. — И куды тебя несет?

— Исправлять свои ошибки, — был холодный ответ.

Впервые Марина не ощущала никакой радости или приподнятого настроения от бала, такого великолепного, что его еще долго будут обсуждать после. К балу были свезены все цветы из Павловских и Ораниенбаумских оранжерей, на двухстах возах и пяти барках, которые вел особый пароход. Зато все во дворце цвело и благоухало, и такого обилия редких и многоценных растений редко случалось видеть.

В бальной зале, где и были расставлены эти купы цветов, исторгался прекрасный фонтан, который вместе с тысячью огнями отражался в бесчисленных зеркалах. Вдоль всех главных зал тянулся, лицом в сад, обширный, собственно на этот случай приделанный балкон, убранный цветами, коврами и фантастической иллюминацией — с чудесным видом на Царицын луг и Неву. Главная ужиная зала была убрана тоже с необыкновенным вкусом:

царский стол под навесом больших деревьев и зеркал составлял обширный полукруг, которого вся внутренняя, обращенная к публике, сторона была убрана в несколько рядов цветами. Везде и во всех концах дома раздавалась музыка, которая гремела и в саду, открытом на этот день для публики и всего народа.

Но Марину ничуть не трогала эта красота. У нее слегка кружилась голова от действия лауданума, и она еле оттанцевала первые танцы, ощущая себя словно в каком-то тумане. Затем в этой толчее она все же разглядела князя Загорского. Он стоял на импровизированном балконе, рядом с ним были его дед и мать и дочь Соловьевы. Старшая женщина что-то говорила Сергею, положив сложенный веер на рукав его мундира, словно боялась, что он уйдет от нее, не дослушав. В такт своим словам она то и дело кивала головой, отчего эспри в ее прическе покачивалось вверх-вниз. Марине вдруг показалось это довольно смешным, она вдруг поняла, что сейчас расхохочется во весь голос, что было не позволительно в свете. Потому она быстро прошла в сад и постаралась найти укромный уголок, чтобы вдоволь отсмеяться. Ей удалось найти тихое местечко, где она была совсем одна, но вместо того, чтобы хохотать во весь голос, Марина вдруг расплакалась, прижимая ко рту кулак, чтобы ее не было слышно прогуливающейся в саду публике.

Он видел ее и только отстраненно кивнул. Будто она сама не понимает, что все кончено, к чему еще добивать ее своей вежливой отстраненностью? Уж лучше пусть будет холодность в глазах, чем вежливость. Тогда она будет знать, что он так же страдает, как она, и быть может, ей станет легче... О Боже, как задушить в себе желание снова приложить невероятные усилия, чтобы увидеть любовь и нежность в его глазах, как было ранее? Как найти в себе силы отпустить его? Слаба она духом сделать это, слаба...

Позади Марины раздалось какое-то шуршание, и она быстро обернулась, надеясь в глубине души увидеть широкоплечую фигуру. Но это была хрупкая женская фигурка в светлом платье. Когда она подошла ближе в свет, падающий от иллюминации, Марина узнала в ней mademoiselle Соловьеву и похолодела — неужто она ныне станет свидетелем rendez-vous secret [\[411\]](#)? Она резко повернулась, чтобы уйти, но была тут же замечена mademoiselle Соловьевой, что испуганно вскрикнула:

— Qui est là?

— Paix, mademoiselle, c'est moi, comtesse Voronina [\[412\]](#), — поспешила ответить Марина, заметив, как побледнела девушка. И тут же резко спросила. — Что вы здесь делаете? Одна? В темноте? Разве вы не знаете правил?

— Ах, я просто хотела побыть наедине со своими мыслями! — покраснела mademoiselle Соловьева, и уголки губ ее задрожали. Марина протянула ей платок, но та знаком показала, что он ей не нужен. — Merci, mais non. Не осуждайте меня, ваше сиятельство, я просто... просто... Все так неожиданно ныне, так удивительно, что я не нахожу себе места! Еще несколько месяцев назад я думала, что посвящу свою жизнь только одному жениху, к которому стремилась еще с отрочества — Господу нашему. Мы и с маменькой договорились, что ежели и во втором сезоне не будет предложения, то она отпустит меня в Свято-Покровский монастырь, что в нашей Рязанской губернии. Но этой весной появился он...

Марина почувствовала, как у нее задрожали колени. Это что за откровения такие? Они в роду у Голицыных? Сначала ей исповедовалась сама княгиня Голицына, ныне ее дальняя родственница.

— Мое дорогое дитя, — начала Марина, но mademoiselle Соловьева вдруг шагнула к ней и взяла ее за руку, прижала к своей груди и быстро затараторила:

— Д-да, я понимаю, что так не принято, но послушайте меня, ведь мне более некому рассказать, некому открыться! М-таман даже слушать не желает моих сомнений, считает, что поймав такую удачу за хвост, и сомневаться не стоит. Н-но я... я не знаю. Вы замужем уже довольно долго. Ваш супруг обожает вас, это известно всем. Ваш брак, он такой... такой... Скажите же мне, стоит ли мне бояться супружества? Стоит ли отринуть свои мысли о задуманном с отрочества и последовать велению сердца?

— Il y a de bons mariages, mais il n'y en a point de délicieux [\[413\]](#), — проговорила Марина. Ей хотелось уйти отсюда, от этого странного разговора. Что это — наивная юность или холодный расчет, с целью уколоть побольнее соперницу?

— Да-да, я знаю, но все же, — девушка вдруг словно вспомнила что-то сокровенное, и ее глаза затянулись поволокой. Заметив это, Марина едва подавила в себе порыв ударить ее по лицу со всей силы, чтобы стереть это блаженное выражение. — Он такой грозный, такой холодный. Иногда он пугает меня до полусмерти. А иногда, когда он улыбается, мое сердце вдруг скачет в груди как бешеное... И перспектива никогда не стать женой такого мужчины, как он, меня более не пугает так сильно. Ведь он тоже был в кружке *polissons*, как и ваш супруг. Простите мне мою откровенность, но верно ли, что из таких получаются самые лучшие мужья, как убеждает меня *таман*? Не сегодня-завтра он сделает мне предложение, как думает маменька, а я... я не знаю...

«Ступайте же в монастырь!» — хотелось крикнуть Марине ей в лицо, такое наивное и простодушное, что ее уже мутило от этой детской непосредственности, искусно разыгрываемой или реальной. Тут Марине действительно стало дурно, и она едва успела отвернуться от *mademoiselle* Соловьевой в сторону и упасть на колени в траву.

О Господи, думалось Марине, почему ты посылаешь мне эту слабость всякий раз в те моменты, когда не следует? Подумать только — такое унижение и перед кем? Перед этой девицей, которую Марина хотела ненавидеть всем сердцем.

— Voilà, — раздался через несколько мгновений тихий голос *mademoiselle* Соловьевой, и она вложила в пальцы Марины мокрый платок, что видимо, намочила в фонтане, к которому сбегала за это время. — Как вы, ваше сиятельство? Быть может, кликнуть кого?

Неподдельные забота и обеспокоенность, звучали в ее голосе, довели Марину до слез, и она снова расплакалась, прижимая ко рту платок, поданный рукой девушки.

— Ах, подите же прочь, *mademoiselle*! Оставьте меня одну! — тихо проговорила Марина, и в ответ тут же раздались легкие шаги и удаляющееся шуршание юбок. Спустя некоторое время *mademoiselle* Соловьева все же вернулась, но вернулась не одна.

— Elle se sent mal, fort mal [\[414\]](#), — раздался снова ее голос издалека.

Сильные руки подняли Марину с травы и прижали к крепкому телу, Марина же изо всех сил вцепилась пальцами в плечо, уткнулась лицом в мундир.

— Прости меня, милая, — тихо прошептал Анатолий. — Я не должен был привозить тебя сюда. Прости меня!

— Увези меня, — прошептала Марина в ответ слабым голосом. — Увези меня в деревню. Я так хочу в Завидово...

Он понес ее прочь мимо обеспокоенных гостей, что заметив обеспокоенность *mademoiselle* Соловьевой, с которой та что-то говорила графу Воронину, поспешили за ними в сад. Мимо маленькой группки из *madam* Соловьевой, что прошептала громко «*Pauvre!*» [\[415\]](#)», мимо старого и молодого Загорских. Матвей Сергеевич не удержался и спросил:

— Что с ней? Elle ést malade? [\[416\]](#)

Анатолий чуть помедлил подле них, заглянул в глаза Сергею и произнес, прекрасно зная, что нарушает все мыслимые правила приличия, но не в силах удержаться от этого:

— О, не беспокойтесь, ваше сиятельство! C'est maladie temporelle [\[417\]](#). К Масленице все пройдет, — и с наслаждением успел поймать легкую тень боли, что промелькнула в глазах молодого Загорского. Что ж тем лучше. Чем скорее они забудут о том, что могло бы быть тогда, тем менее острыми станут отношения меж всеми ними. Быть может, Анатолий сможет тогда вернуть прежнюю дружбу, которой ему так не хватало ныне?

Он еще раз извинился и пошел дальше, унося на руках жену, свое сокровище, в карету, чтобы далее увезти ее в дом на Фонтанке. После он возьмет у государя отпуск на несколько недель, чтобы провести их вместе с женой и Леночкой в Завидово перед тем, как уехать с императорской семьей в Москву на празднование годовщины Бородино.

Теперь все вернется на круги своя, думалось Анатолию, пока он ехал домой, прижимая к себе Марину, вдыхая запах ее волос. Загорский в который раз получил звание ротмистра, и скоро подготовят бумагу от присвоения «Владимира» за выслугу лет. После он объявит о своей помолвке, не зря же Анатолий периодически напоминал государю о его велении найти тому невесту до конца года. И тогда, когда все будут на тех местах, что были предопределены судьбой с самого начала: Анатолий со своей супругой — Мариной, Загорский — со своей женой (кто бы она ни была), все *revenir à sa place* [\[418\]](#).

И именно тогда наступят те блаженные дни, о которых Анатолий так мечтал... Непременно наступят. Ведь сбылась же одна его мечта — наследник рода! Сбудутся и остальные.

Анатолий поднес ладонь жены к губам и медленно поцеловал каждый пальчик на ее руке.

— Je t'aime, ma tresor [\[419\]](#), — прошептал он. — Я так сильно люблю тебя!

Воронины покинули Петербург почти сразу же, как Марина восстановила силы для путешествия. Сначала они навестили Арсеньевых в их имении, куда те удалились после празднеств у Юсуповых. Юленька была уже на пятом месяце беременности, и они не выезжали, посвятив все свое свободное время хозяйственным хлопотам, своему сыну да отдыху в эту прекрасную летнюю пору.

— Ты просто цветешь, моя милая, — от чистого сердца сказала Марина подруге, обнимая при встрече. — Твое положение красит тебя.

— А ты выглядишь точно смерть, — так же честно ответила Жюли, пристально вглядываясь в нее. — Что с тобой? Ты нездорова?

— Моя болезнь называется тягость.

— Тягость не болезнь, — возразила ей Юленька. Марина посмотрела на другой конец стола, где ее супруг что-то обсуждал, смеясь, с Арсеньевым и ответила:

— Да, ты права. Она не болезнь, она наказание, — и заметив, что огорчила подругу, поспешила добавить. — Это только мое наказание, милая, только мое. Прости, что расстроила тебя, не имела подобного желания.

Марина перевела взгляд на ясное небо и вдруг поднялась.

— Прокатиться хочу. Не распорядитесь ли, Павел Григорьевич?

Тот ничего не ответил, только перевел взгляд на Анатоля, словно только его слово было способно повлиять на решение выезжать ли Марине или нет. Это вдруг разозлило ее (у нее вообще в последнее время благодущие могло резко смениться острой злостью и наоборот; Агнешка говорила, что причина столь переменчивого настроения — ее тягость), и она снова повторила свою просьбу, сделав вид, что не заметила этого вопрошающего взгляда.

— Разумно ли сие, мой ангел? — медленно спросил Анатолий у жены, которая сейчас стояла, вздернув высоко подбородок. — В твоём-то положении?

— Я ездила верхом, когда носила Леночку, — пожалала плечами Марина.

— Это другое, — возразил ей Анатолий, и Марина тут же прищурила глаза. Сообразив, что сейчас сказал совсем не то, что имел в виду (вернее, иметь-то имел: тогда же ему не было дела до ребенка, что рос в ее чреве, потому он и не запрещал ей никаких безумств), он поспешил открыть рот для того, чтобы исправить положение, но не успел.

— А в чем разница, мой любезный супруг? — почти прошипела Марина. — В чем разница?

Давай же, казалось, говорили ее глаза, признайся. Признайся, что есть разница между двумя этими беременностями. Ведь ранее она носила чужого ему ребенка, теперь же в ее чреве рос его наследник. Дай ей причину, чтобы разругаться с тобой, ибо только это в данный момент ей хотелось сильнее всего — выпустить пар.

— Я не делаю разницы между детьми, дорогая, а также между тягостями, — сдался Анатолий. — Ежели так горишь желанием выехать, езжай. Неволить тебя не стану.

— Я распоряджусь, — поднялся Арсеньев. — Поеду с вами, Марина Александровна, надс размяться. Анатолий?

— Je dis passe ^[420], — ответил тот. Он не проводил их даже взглядом, когда Марина и Арсеньев удалялись с террасы, словно отгородился от всего в этот момент. Жюли стало жаль его сейчас. Он совсем не заслужил подобного отношения со стороны Марины, и она была

так зла на нее.

— Все образуется, — тихо проговорила Юленька, сама себе дивясь, с чего это вдруг она решилась на подобные откровенности. — Это все от положения. Сама это пережила недавно.

— Нет, Юлия Алексеевна, это не от того, — покачал головой Анатоль. Он сложил пальцы в замок перед собой, упершись локтями в подлокотники кресла, в котором сидел. — К сожалению, наш брак уже давно стал похож на поле боя, и ран, что мы нанесли друг другу, не счесть. А сколько их еще будет впереди... Нет-нет, не уходите, прошу вас, — проговорил он, заметив, что смущенная его словами, Арсеньева встает из-за стола. — Прошу вас, мне так нужно выговориться хотя бы кому-нибудь, иначе я сойду с ума. Я глубоко несчастен и в тоже время безумно, до одури счастлив. Вы спросите, как сие представить возможным? А вот возможно-таки. Я счастлив, что она рядом, что я каждую ночь держу в своих объятиях, что она носит мое дитя. И в то же время я испытываю горечь, ибо знаю, что ее душа и ее сердце не принадлежат мне, что она еще долго будет жить своим прошлым, которого ей никогда уже не вернуть. Иногда я задаю себе вопрос, разумно ли я поступил, удержав ее подле себя? Но тут же забываю о своих сомнениях, потому что мне не жить без нее. Я безмерно страдаю, когда провожу длительное время розно. Сам себе удивляюсь, но я даже решился выйти в отставку! Вот получу звание полковника и непременно оставлю службу. Уеду в Завидово, как она хочет, оставлю свет. Брошу все ради нее.

— Вы так ее любите? — прошептала потрясенная Жюли. Анатоль грустно улыбнулся ей.

— Я люблю ее безмерно, но все же не достаточно для того, чтобы дать ей то, что желала столь сильно. А уж теперь и вовсе говорить об том не стоит. Как вы думаете, Юлия Алексеевна, откроется ли когда-нибудь ее сердце для меня? Право, иногда мне кажется, что я никогда этого не добьюсь. Прав был этот французский герцог — *plus on aime une maîtresse, et plus on est près de la haïr* [\[421\]](#). Иногда я чуть ли не ненавижу ее за то, что она никогда не ответит на мои чувства, за то, что питает склонность к нему. Ненавижу всей своей душой! — он вдруг устало провел по лицу ладонями, а потом повернулся к Юленьке, которой в этот миг стало жутко от его слов, от его тяжелой исповеди. — Сколько может жить любовь, не питаясь взглядами и прикосновениями? Я искренне надеюсь, что недолго, ибо *l'espérance, toute trompeuse qu'elle est, sert au moins à nous mener à la fin de la vie par un chemin agréable* [\[422\]](#). Когда-нибудь она поймет, что гоняться за призраками прошлого — бессмысленно, а я буду рядом в этот момент. И все свершится, все обязательно свершится.

Марина же в этот момент даже не думала ни о своем супруге, ни о той участи, что отныне ей предрешена. Она скакала быстрым галопом, чувствуя, как ветер бьет в лицо и треплет ее локоны. Ее голова была совершенно пуста — ни малейшей мысли, только ощущение восторга от скачки.

Она оглянулась назад, на Арсеньева и вдруг пришпорила коня, затерялась от него в небольшом пролеске, куда свернула с основной дороги. Она слышала, как он выкрикивает ее имя, но даже не обернулась. Марине очень хотелось побыть одной, наедине с природой, с этим безмерным небом над головой, которое, впрочем, медленно сейчас затягивалось сейчас темными тучами. Налетел очередной порыв ветра, и Марина осознала, что погода поменялась. Надвигалась гроза, надо было поворачивать коня обратно в конюшни Киреевки, но Марина лишь стегнула его и направила дальше, на луг, что виднелся вдали. Через некоторое время она пересекла его галопом и осадил коня только у оврага, памятного ей по

тем событиям, что иногда бередили ее сердце.

Она словно наяву увидела двух всадников, перескочивших этот глубокий овраг один за другим. Сначала яростно спорящих друг с другом, а после соединившихся в неистовом поцелуе.

«... — Я люблю вас, Сергей Кириллович. Но у меня, как и у вас, есть долг, и я никогда не смогу пойти наперекор ему....», долетело до нее из того, далекого момента. Да уж поистине пророческие слова произнесла она тогда, усмехнулась Марина. Долг и честь — вот узы, что связывают человека поболее чувств сердечных.

Марине на ум вдруг пришло то пепелище, что осталось от флигеля в имении Арсеньевых. Она неожиданно обнаружила его нынче утром, поддавшись порыву взглянуть на то место, где, как когда-то ей казалось, лежит начало ее счастливой жизни вдвоем с любимым человеком. Теперь же вместо аккуратного и небольшого домика перед Мариной была пустота, лишь черная от гари земля напоминала о том, что здесь когда-то было.

— Что тут произошло? Ведь когда я приезжала сюда в последний раз, еще до Пасхи, дом стоял, — спросила Марина Жюли и та, отводя глаза в сторону, коротко ответила, что в апреле был пожар, и флигель сгорел. Недавно пожарище разобрали, чтобы поставить тут другой, каменный.

Вот так и ее душа, вдруг подумалось Марине. Сплошное пожарище. Так яростно и красиво пылало, но прогорело полностью, оставив после лишь золу да гарь.

Она вдруг повернула коня прочь от оврага, после развернулась и разогнала хорошенько его в галоп. Она ни о чем не думала в этот момент, кроме этого прыжка через пропасть, желая, чтобы конь не достиг того края этой глубокой бездны и рухнул бы вниз, увлекая за собой свою наездницу в ту черноту, где не будет более боли.

Внезапно рядом с Мариной возник всадник, который легко поравнялся с ее конем и перехватил поводья из ее рук, как бы она не сопротивлялась. После сильная мужская рука остановила коней, всадник повернулся к Марине, схватил ее обеими руками за плечи.

— Вы сошли с ума! — встряхнул ее Арсеньев. — Я знал, что вы безрассудны, но не до такой же степени! Чего вы хотели? Убиться? — воскликнул он, вдруг прочитав ответ в ее глазах. — Порывы вашей души, мадам, когда-нибудь приведут вас совсем не к добру, но когда вы осознаете это, будет слишком поздно.

Над их головами вдруг прогрехотали первые раскаты грома. Вокруг стемнело в мгновение ока, словно ночь спустилась на землю. Ветер яростно трепал их волосы и одежду.

— Зачем вы остановили меня? Вы ведь никогда не питали ко мне ни малейшей симпатии. К чему все это? — простонала Марина. — Почему вы не отпустили меня?

— Потому что это слабость, а слабостям не должно поддаваться, — отрезал Арсеньев. — Вы подумали о Жюли, о вашем супруге, о Серже, в конце концов? Вы думаете, ему станет легче от того, что вы разобьетесь здесь? Никакие сердечные муки от разлуки не сравнятся с болью от смерти любимого человека. Уж вы-то должны это понять, пережив это однажды. Неужели вы хотите, чтобы он страдал так же, как и вы когда-то? Неужели вы хотите, чтобы он пережил еще одну потерю близкого ему человека? Оставьте даже мысли об этом грехе, слышите!

На землю стали капать первые крупные капли дождя, но Арсеньев по-прежнему не отпускал ее плеч, вынуждая ее дать ему обещание. Внезапно он притянул ее к себе так близко к своему лицу, что Марина вдруг испугалась, что тот хочет ее поцеловать. Она настолько была ошарашена этой мыслью, что даже сначала не поняла, что Павел делает. А

тот тем временем понюхал воздух у ее губ, а потом взглянул ей в глаза, на ее расширенные зрачки.

— Вы принимали нынче лауданум? — и не получив ответа, он опять встряхнул ее. — Настойку. Вы принимали ее? Сколько капель? О Господи, Марина Александровна! Это же опий!

Она вдруг разрыдалась, и он прижал ее к себе, стараясь успокоить. Тем временем, хлынул ливень, моментально намочивший их до нитки. Мелькнула молния, и кони под ними заволновались, Арсеньев еле удержал одной рукой их поводья.

— Нам надо возвращаться, Марина Александровна, — он отстранил ее от себя и заглянул ей в лицо. Холодные капли дождя отрезвили ее от воздействия настойки, по крайней мере, она не выглядела сейчас такой взбудораженной, как была несколько мгновений назад. Марина сейчас напомнила ему загнанного зверька — мокрая, с широко распахнутыми испуганными глазами. — Все образуется, вот увидите, образуется. Я никому не открою о том, что тут могло произойти. Молчите и вы. Ни к чему знать об том кому-либо. А сейчас... едемте к дому.

Арсеньев перенес ее на своего коня, усадил перед собой и тронул того по направлению усадьбе, привязав поводья другого коня к луке седла, еле справляясь с ними всякий раз, когда грохотал гром или сверкала молния.

Их уже разыскивали дворовые, которые встретили их, едва они приблизились к парку. Арсеньев взял из рук одного из них макинтош и завернул в него Марину, но из рук ту не выпустил, довез до самого крыльца усадебного дома, где и передал Анатолю. Бледный и взъерошенный, тот сразу же унес свою жену в отведенные им покои, а Арсеньев поспешил к Жюли, что ожидала его в гостиной и тут же бросилась ему на шею.

— Que s'est-il passé? ^[423]Мы так переживали! Я еле удержала Анатоля Михайловича ехать искать вас в ненастье.

Павел успокоил жену, заверив, что с ним все в порядке, а после сказал ей:

— Ma chérie, сделай для меня одну вещь, — и после того, как та кивнула, продолжил. — Ты тотчас пойдешь к Марине Александровне и всеми правдами и неправдами забереешь у нее лауданум. Нет, послушай меня! Ты должна забрать его. И еще — поговори с ее нянькой (это ведь нянька ее?), чтобы та зорко следила за своей барыней. Слаба она нынче здоровьем, понимаешь? Глаз да глаз за ней нужен. Я вот ее в глубоком обмороке нашел на поле. Насилу отыскал, — Павел ненавидел лгать кому-либо, но сейчас открыть чужую слабость он не имел права даже жене. — Сделаешь это для меня? Хорошая моя!

Он крепко обнял супругу и прижал к себе, а в голове его тем временем пронеслась лишь одна мысль: «Нет мук более горестных, чем мы сами создаем себе, Господи!».

Арсеньев остался верен своему слову. Никто так и не узнал о том, что могло произойти тогда у оврага. Марина, спустившись вниз к завтраку, подтвердила его версию об обмороке. Она же и отдала капли Жюли на глазах у ее супруга, чтобы более меж ними не было никаких неясностей. Эта тайна так и осталась скрытой от всех, за что Марина была безмерно благодарна Арсеньеву. Ей хотелось забыть, как страшный сон то, что она могла натворить, и более никогда не возвращаться даже в мыслях к тому моменту.

В Завидово она словно воспрянула духом. Здесь был ее дом, ее очаг, и хотя эта земля не принадлежала ей по праву рождения, она давала Марине силы, чтобы забыть о своих невзгодах и бедах. А они не заставили себя ждать: не успели Воронины приехать, как спустя несколько дней получили письмо от Лизы, сестры Марины. Она писала, что ее сын тяжело

заболел, и доктора не надеются на его выздоровление. «Антон сгорает от страшного жара, и ничто не способно ему помочь», — писала Лиза.

Несмотря на уговоры супруга, что ей необходимо поберечься о себе и отдохнуть, Марина поехала в Петербург, а оттуда в Царское Село, где супруги Дегарнэ снимали дачу. Она не успела застать своего маленького племянника живым — тот не пережил круп и тихо отошел в ночь перед ее приездом. Лиза отказалась выходить из своей комнаты, запершись там от всех, и как не уговаривала ее Марина выйти, так и не отперла дверь, хотя подносы с едой забирала регулярно и однажды послала записку своей модистке напомнить о платье на гвардейский бал, что должен будет состояться через пару недель.

Сам Дегарнэ был на маневрах, что проводились в преддверии торжеств по случаю великой годовщины, а родители Марины были далеко, у себя в Ольховке, потому весь груз тягот погребения лег на ее плечи. Она распоряжалась по поводу места на кладбище и церкви, где должны были отпеть мальчика, а также следила за приготовлениями к обеду, что должен был быть дан по традиции после погребения.

В церковь Лиза отказалась идти наотрез, ссылаясь на то, что желает запомнить сына живыми здоровым, а не хладным телом, посему на отпевании в церкви были только домашние слуги Дегарнэ, нянечка усопшего, что рыдала во весь голос, не скрывая слез, и Марина. Именно там, у этого маленького гробика, когда она в последний раз прикоснулась губами к холодному лбу мальчика, к ней пришло осознание, насколько невинны дети в этой злой и жестокой борьбе взрослых меж собой. Осознание, что дитя, которое она носит и которого так не желает, не виновато совсем в том, что его отец не любим его матерью. Тысячи людей живут в нелюбви, взять хотя бы Марининых родителей, но это не помешало родиться и вырасти их детям.

Она неожиданно почувствовала приступ вины перед этим еще нерожденным человечком. Потому прямо тут в церкви поклялась, что сделает все, чтобы ее дети были счастливы и любимы ею, несмотря на различия в их отцовстве, что никогда она не позволит себе обвинить своего ребенка в том, что ее судьба сложилась так, а не иначе.

Это понимание вдруг примирило Марину со своим положением. Она вернулась в Завидово такая спокойная и умиротворенная, что Анатолий еще долго размышлял о том, что произошло с ней за то время, что она провела в Петербурге (сам же он наотрез отказался ехать к Дегарнэ даже по такому грустному событию), с трудом подавляя в себе приступы ревности. Хотя все же признавал, что они абсолютно беспочвенны — он доподлинно знал, что Сергей находится в Загорском, куда отбыл вместе с дедом и приглашенными ими гостями после торжеств по случаю венчания великой княжны.

День проходил за днем довольно неспешно для Анатолия, привыкшего к быстрому темпу жизни в столице, но вскоре и он ощутил всю прелесть деревенской жизни. Каждое утро он выезжал осмотреть колосающиеся поля и луга, на которых уже полным ходом шла жатва, а после возвращался аккуратно к завтраку, когда за столом собиралась его семья — Воронины решили в деревне пренебречь правилами и усаживали маленькую Леночку за стол с собой. Супругам нравилось наблюдать, как пытается подражать родителям в их умении управляться со столовыми приборами.

После они расходились каждый по своим делам, либо ехали на небольшой *pique-pique* к речке, где Анатолий с удовольствием играл с Леночкой в горелки или в лапту, подключая к игре и крестьянских детишек, что неизменно следовали за барской коляской, ожидая, что им перепадет что-то вкусное из корзинки для *pique-pique*. Марина же в это время читала, либо

занималась рукоделием, сидя в плетеном кресле в тени деревьев.

Затем неизменно наступал час дневного сна в усадьбе, когда и Леночка, и сами супруги ложились отдыхать. Жизнь в усадьбе на эти часы замирала, словно вся дворня погружалась в спячку в это послеполуденное время. Не лаяли собаки, во дворе не было ни единой души. Даже кузня замирала в эти минуты.

После полуденного сна Анатоль снова выезжал. Часто он брал с собой Леночку, сажая ту перед собой в седло, и увозил ее на речку, где они плавали вдвоем. Вернее, плавал Анатоль, а девочка только плескалась на мелководье. Скоро их тайные вылазки были раскрыты, и Марина долго была недовольна ими, упирая на то, что довольно опасно оставлять ребенка одного, когда сам ныряешь на глубине. Анатоль признал ее правоту, и впредь они выезжали вместе — он верхом, а Марина в коляске. Она всегда оставалась на берегу в то время, как Анатоль с дочерью резвились в воде.

Но их жизнь все же была далека от идиллической. Изредка, но случались меж супругами ссоры, и тогда чуть ли не искры летели во все стороны. Бились вазы, брошенные рукой Анатоля в порывах необузданной ярости, раздавались его крики и ругательства. В основном, они возникали из-за нежелания Марины возвращаться в столицу осенью. Она хотела доносить ребенка в тиши и покое деревни, но это шло вразрез с планами Анатоля.

— Ты обещала мне, дорогая, что выведешь в свет Катиш нынче! — кричал он. — Я не позволю тебе помешать дебюту моей сестры!

— Каким образом я помешаю, позволю спросить? Моя татап будет в Петербурге этой осенью, выводит в свет Софи. Так почему бы ей не стать патронессой и для Катиш?

— Потому, что я желаю, чтобы моя жена патронировала мою сестру и точка! — гремел в ответ Анатоль. — И потом — в столице лучшие медики. Вспомни о своем предыдущем разрешении!

Он никак не мог забыть, как тяжело ей далась Леночка, как он чуть не потерял свою жену в родах. Иногда он думал об этом, лежа рядом с ней бессонными душными ночами, и признавался себе, что если роды предстоят такие же трудные, то ему было бы легче, если бы этот ребенок умер еще до того, как попросится на свет. Для него не существовало иного выбора между супругой и еще не рожденным ребенком, чем пренебречь наследником, но оставить в живых жену.

Супруги ссорились и по поводу дел имения. Марине, привыкшей принимать хозяйственные решения самостоятельно в последнее время, было тяжело передать бразды правления своему супругу, столь внезапно заинтересовавшемуся делами. В один из вечеров скрытое меж ними напряжение по этому поводу прорвалось прямо на глазах у Василия Терентьевича, управляющего их имениями. Он остался в тот день на ужин, и обсуждение посевных на следующий год продолжилось и за столом.

— Надо бы дать подышать полям у реки, что на южной границе Завидово. Да и в Большом Спасе надо освободить на пару лет поле близ Ярово, деревеньки — вещал управляющий, а Анатоль только кивал рассеянно в ответ. После мужчины завели разговор о намерении государя ввести в посевные культуры заграничный картофель, и Марина заинтересовалась этой темой. Она читала доклад, что приносил Анатоль в начале года, и у нее сложилось определенное мнение по этому решению императора.

— Я думаю, это неплохая мысль, — призналась она. — Если этот картофель и вполтину так урожаен, как ему пророчат, быть может, рискнуть его посеять на нескольких десятинах. А то в прошлом году пшеница уродилась плохо. Пришлось весной раздать

несколько мер из амбара Завидова.

— Вы раздавали пшеницу из хозяйского амбара, мадам? — переспросил Анатоль.

— А вы предпочли бы, чтобы крестьяне голодали, ваше сиятельство? — в тон ему ответила Марина. — Я же говорю, пшеница уродилась плохо, и мы были вынуждены пойти на эти меры.

— А почему я впервые слышу об этом?

— Потому как я не сочла необходимым ставить вас в известность о такой малости, — краснея, ответила Марина. Ей было неудобно сейчас держать ответ перед супругом прямо на глазах у управляющего, чья алеющая лысина выдавала и его смущение этой ситуацией. — Разве это стоило вашего внимания? Так что вы думаете насчет картофеля?

— Я думаю, — медленно чеканя слова, произнес Анатоль. — Что вы взяли на себя слишком много, мадам. Я — хозяин здесь, и я сам решу, нужно ли нам высаживать непонятную заграничную культуру или нет!

От подобной отповеди на глазах посторонних у Марины затряслись руки. Она тихо извинилась и вышла из-за стола, но Анатоль не дал ей уйти к себе, догнав прямо перед дверьми в ее половину. Он больно обхватил ее запястье и развернул к себе.

— В каком свете выставляете меня, мадам, перед моим управляющим? — прошипел он ей в лицо.

— Лучше подумайте, в каком свете перед ним выставляете себя! — отрезала Марина, вырывая свою руку из его пальцев. — Отпустите меня, я устала нынче, и хочу лечь спать пораньше. Одна, ваше сиятельство! А вы можете возвращаться к гостю. И еще лучше — подумайте на досуге, сколько времени может пройти прежде, чем мы получим ваш ответ по самому обыденному вопросу дел имения. О Боже, вы на одно мое бальное платье тратите больше, чем стоила вся эта пшеница!

Анатоль отпустил ее, признавая ее правоту, но сделанного уже было не вернуть. Марина ушла к себе в дурном настроении, а ему оставалось только винить себя в этом. Когда же он сумеет побороть свою неумную вспыльчивость, что то и дело нарушает покой их семьи?

Он зарекся показывать свой нрав, но тут же на следующее утро изменил своему решению, когда Марина давала ему за завтраком односложные ответы на его вопросы, как ни силился он завязать разговор. Судя по всему, она все еще дулась на него, и это разозлило Анатоля. Да, он виноват перед ней, но сколько можно припоминать ему промахи? Разве он не повинился перед ней? Третьего дня минул Илья-пророк, и Анатолю скоро возвращаться в Петербург, а она так затягивает их ссору...

Анатоль, желая досадить супруге, приказал принести себе утреннюю почту, которую и принялся просматривать прямо за столом, зная, как ненавидит Марина, когда за трапезой занимаются иными делами. Он заметил, что она нахмурилась, но ни слова не сказала ему, ни единого замечания, хотя ее глаза так и метали молнии, и улыбнулся, разворачивая письмо. Когда он прочитал первую половину письма, присланного ему из имения Загорских, то улыбнулся еще шире, а потом вдруг перевел взгляд на жену, которая в этот момент намазывала маслом булку для дочери и что-то говорила той вполголоса, улыбаясь.

Как ей сказать? Прямо и откровенно? Или зайти издалека? А может, просто передать ей письмо Сержа? Анатоль снова взглянул на жену и увидел, что она в упор смотрит на письмо в его руке. Без сомнения, она узнала почерк, оттого и побледнела, с неудовольствием отметил про себя Анатоль.

— Вести из Загорского? — проговорила она, и он кивнул, поймав себя на мысли, что не

желает сейчас произносить то, чего он так долго ждал все эти месяцы. Ведь это причинит ей боль, он знал это наверняка. Но разве у него был иной выбор? Он хотел начать издавека, рассказать про то, что Серж решил открыть конный завод у себя в имении и прочих новостях, не таких острых, как та, что была в первых строках письма, но почему-то вдруг холодно и отрывисто произнес:

— Князь Загорский пишет о своей помолвке с девицей, что гостила нынче у них в имении, — он сделал вид, что ему нужно глянуть имя невесты в письме, хотя он знал его наизусть. Но разве мог он признаться даже сам себе, что ему больно видеть сейчас выражение глаз Марины? — Девица Варвара Васильевна Соловьева, дальняя родственница Голицыных. Венчаться думают на Красную горку.

Анатоль отложил письмо, словно оно жгло ему руки, и, не поднимая глаз на жену, схватился за газету, что доставили из уезда вместе с почтой. Он слышал, как что-то лепетала по-французски Леночка, как звякнула пара, после отодвинулись стулья, и маленькие ножки пробежали мимо него, потом вернулись. Он нагнулся от газеты к девочке, и та поцеловала его в щеку, а потом выбежала из столовой, направляясь в парк в сопровождении бонны и Параскевы, своей новой молоденькой нянечки.

Анатоль перевел взгляд на Марину, что сидела сейчас с неестественно прямой спиной и то складывала, то раскладывала задумчиво салфетку одной рукой, устремив свой взор в какую-то точку на противоположной стене столовой. В самом ее лице, в ее плотно сжатых губах, в этих пустых глазах — смотрящих, но не видящих, читалась такая горечь, что Анатоля взяла бешеная злость. Он встал с грохотом со стула, заставив этим жену взглянуть на себя, и бросил газету на стол.

— Ты хоть бы притворилась, что тебе все равно! — зло крикнул он ей и вышел вон. Его переполняла злоба и ревность, что требовали выхода, и он, чтобы и далее не наговорить лишнего супруге, приказал подать ему ружье и ушел в парк стрелять по блюдам, что подкидывал вверх лакей.

Фюить — полетело в высоту блюдо, и Анатоль с большим наслаждением нажал на курок, посылая пулю, что разобьет это блюдо на сотни маленьких кусочков. Вместе с этими кусочками из него словно уходила его злоба на Марину. Чего еще он ожидал от нее, когда прошло так мало времени? Менее полугода прошло, как Загорский вернулся с того света, а любила она с самого отрочества... разве можно все забыть вот так, по щелчку?

Анатоль в очередной раз взял из рук лакея заряженное им ружье, и вдруг его взгляд разглядел сквозь стволы лип невысокую фигурку в светлом легком платье, что целенаправленно шла прямо к пруду. О Боже, неужто она решила свести счеты с жизнью из-за полученного поутру известия?

Анатоль тут же бросил ружье наземь и бросился к пруду, перепугав своим неожиданным броском окружавших его лакеев. Он чуть ли не в десяток шагов преодолел расстояние, что разделяло его и жену, схватил ее за руки, останавливая ее у самого пруда. Она была явно перепугана его неожиданным появлением. Ее глаза сейчас были словно блюда, что он стрелял сейчас, и если бы не тот страх, что он испытывал в душе, он верно рассмеялся бы ее виду.

— Зачем? — прохрипел Анатоль, со страху лишившись голоса. Марина поморщилась — так сильно он сжимал ей запястья, а после удивленно ответила:

— Хотелось быстрее достать. Леночка просила.

Анатоль взглянул за спину жены и только сейчас заметил Леночку с битой в руке, что

испуганно смотрела на него, бонну и Агнешку рядом с девочкой.

— У нее мячик утонул, — пояснила Марина. — Я хотела достать.

Анатолий вдруг ощутил такое огромное облегчение при ее словах, что ему захотелось смеяться. Она не хотела утопиться! А просто достать мячик! От иронии ситуации он расхохотался во весь голос и прижал Марину к себе, целуя ее в обе щеки. Потом он отстранился и спросил:

— А почему мои девочки не кликнули лакеев?

— Потому что это мы можем сделать сами, — ответила Марина недовольно. Анатолий покачал головой.

— Разве так можно? А на что вам прекрасный рыцарь, что всегда придет на помощь и спасет своих дам из беды? — он отодвинул Марину подальше от воды, и сам ступил в воду. — Где он упал?

Анатолий стал шарить руками по дну, стараясь нащупать круглый тяжелый мячик, но ему никак это не удавалось. Он то и дело натывался на водоросли или палки, что валялись на дне, злясь на дворовых, что плохо почистили пруд. Наконец он нащупал мячик и рванул руку вверх, зажав его пальцами.

— Merde! [\[424\]](#) — вырвалось у него при этом так громко, что долетело до ушей дочери, стоявшей неподалеку, которая с явным удовольствием повторила услышанное слово. Марина укоризненно воскликнула:

— Анатолий, mon Dieu, что за слова?!

— Я чуть не оторвал себе палец, а тебя интересует только мой vocabulaire [\[425\]](#)! — отрезал Анатолий и бросил свой трофей, выловленный из пруда, дочери. Та тут же убежала сопровождаемая своей маленькой свитой, а Марина шагнула к мужу.

— Дай взглянуть, что там, — потребовала она. Он оглядел свою руку и пострадавший палец с небольшой ссадиной.

— Все равно merde, что бы ты ни говорила. Я потерял кольцо, — Анатолий показал ей безымянный палец правой руки. — Зацепился за какую-то палку, когда вытаскивал мячик, оно и слетело. Diable! [\[426\]](#)

Ни он, ни она не хотели думать о том, что означает эта потеря по народным приметам, старательно обходя эту тему при дальнейших разговорах. Тут же кликнули дворовых, что полезли в воду шарить по дну и искать потерянное барином кольцо. Но, несмотря на все усилия, потеря так и не отыскалась, как усердно не старались слуги. «Словно в воду кануло», — говорили они, не улавливая иронии.

— Как это? Куда ему деться оттуда? Ищите усерднее! — злился Анатолий, и только когда совсем стемнело, разрешил остановить поиски пропажи.

Но кольцо не отыскалось и спустя несколько дней усердных поисков, когда Анатолию пришло время возвращаться на службу. Он пришел перед отъездом к этому проклятому пруду, чтобы взглянуть в мутную воду, будто смог бы тогда разглядеть свое обручальное кольцо на дне. Он стоял у самой воды и напряженно вглядывался в пруд. На ум пришло воспоминание, как его свеча погасла во время их венчания с Мариной несколько лет назад, и внезапно на него повеяло холодом в это жаркое августовское утро.

Прощаясь с супругой на крыльце усадебного дома, Анатолий вдруг прижал ее к себе, крепко обнял, пряча лицо в ее волосах. Они долго обсуждали предстоящие торжества в Москве, и было решено, что в виду Марининого нездоровья (ее по-прежнему одолевала дурнота, головокружения и слабость) она на этих празднествах присутствовать не будет. Но

она все же обещала мужу приехать в столицу, чтобы вывести юную сестру Анатоля в свет.

— Я прошу тебя, найди кольцо, — просил Анатоль, сжимая ее в своих объятиях. — Осушите пруд, сделайте что угодно, но найдите его.

— Хорошо, — кивнула Марина. — Когда ты планируешь приехать за мной сюда?

— Думаю, не раньше Михайлова дня. Сама понимаешь, празднества скорее всего растянутся. Я заберу Катиш из пансиона и привезу сюда. А потом мы все вместе поедem в Петербург, — он немного помолчал, а потом проговорил. — Быть может, стоит взять Катиш на московские празднества?

— А кто будет ее patronner [\[427\]](#)? — встревожилась Марина. — Не думаю, что это хорошая идея. Мы ведь не знаем, готова ли она.

— Не спорь со мной, — отрезал Анатоль и отстранился от нее. — Я думаю, ее достаточно подготовили в пансионе. А патронессой сможет выступить княгиня Юсупова. Я попрошу ее. Все решено, Катиш будет моей спутницей на время этих празднеств. Ну, до свидания, моя родная, — Анатоль поцеловал сначала одну ее ладонь, затем вторую, после прижал обе к сердцу. — Храни себя и Леночку в здравии.

Марина кивнула в ответ, занятая своими мыслями. Ей весьма не по нраву пришлось решение Анатоля вывезти Катиш на московские балы, почему-то стало не по себе, как только Анатоль заявил об том.

Они тогда еще не знали, насколько поворотным в судьбе семьи Ворониных окажется это принятое наспех, плохо обдуманное решение.

После отъезда Анатоля Марина на следующий же день собралась к Зорчихе. Её настойчиво гнали в небольшой домик на краю села страхи перед грядущим ей разрешением, а также желание заглянуть в будущее её и её близких. Она не смела посетить местную шептунью, пока её супруг был в имении, потому и собралась к ней после того, тот уехал.

Марина застала ту во дворе дома, где шептунья перевязывала небольшие снопы трав, что-то тихо приговаривая, и уносила их в сени для дальнейшей сушки. Зорчиха только взглянула на барыню исподлобья, но занятия своего не прервала, показывая всем своим видом, что занята очень важным делом и не может прервать его даже ради барыни. Лишь головой мотнула в сторону скамьи у стены дома, где Марина и расположилась, чтобы дожидаться, когда та закончит свое занятие.

— Не могла прерваться, барыня, — проговорила Зорчиха, когда унесла последний снопик и повесила его в сенях. — Ты уж прости мне, но дело это серьезное. В дом пойдем али тут поговорим?

Когда Марина мотнула головой, что хочет остаться здесь, в лучах ласкового августовского солнышка, Зорчиха сходила в дом, откуда вернулась с кружкой какого-то отвара, что протянула Марине.

— Пей, и про слабость ныне забудешь, — он проследила, как та допила до дна предложенное питье, пахнущее травами и медом, а потом присела рядом с ней на скамью, взяв в руки небольшую миску с прозрачной водой. — Хорошо, что дождалась, когда уедет барин. Не стоит будить в нем зверя, которого он не может укротить в своей душе. Ведаю, зачем пришла. Судьбу свою хочешь знать. Про дитя свое хочешь спросить, про здоровье свое.

Зорчиха взяла руку Марины в свою и принялась задумчиво гладить её ладонь, словно стирая что-то с неё. Потом она произнесла:

— Плохоносишь, барыня. Слабость, дурнота, головокружения одолели тебя. Смотри, какая худая стала. Все соки из тебя дитя высасывает. Трав я тебе дам, будешь снова мои настои пить. Здоровье и выправится, да и тягость полегче будет.

— Что с разрешением будет моим? — спросила Марина. — Страшусь я его, как вспомню те муки, что пережила. Муж хочет в Петербурге зиму провести, там и ребенок на свет появится. А мне беспокойно, Зорчиха, ведь только ты тогда спасла меня и дочь мою, ведь доктора отказались.

— Дохтура! — фыркнула Зорчиха. — Много они знают! Вот капли тебе велели пить, да только растревожили душу твою они, чуть к греху не привели.

— Ты и это видишь? — смутилась Марина и хотела выдернуть из руки Зорчихи свою ладонь, но та не дала ей сделать это. Шептунья опустила её в миску с водой, и Марина еле сдержала вскрик, настолько обжигающе ледяной та была. Затем Зорчиха выпустила руку барыни и стала что-то шептать над миской, а после напряженно смотрела в неё.

— Мужского пола дитя носишь в себе, барыня, — глухо сказала она. А потом вдруг резко ударила по воде, словно разбивая картину, что открылась ей. Марина тут же встревожилась.

— Что? Что ты видела? — спросила она шептунью и, когда та ничего не ответила, только головой покачала, схватила её за руку. — Не молчи же, я знать должна!

— Зачем тебе знать? Колесо судьбы уже крутится, и тебе его не остановить. Радуйся

тому, что имеешь, и не желай слишком многого. Ведь для того, чтобы что-то дать, Господь должен и забрать.

— О чем ты? — холодея, воскликнула Марина. — Что станется?

— Ну, что ты заволновалась? Напугала я тебя? Прости, — Зорчиха погладила ее успокаивающе по плечам. — Не надо бояться. У тебя все будет хорошо, ты мне веришь? Ты будешь очень-очень счастлива. А теперь забудь обо всем и домой езжай. Дурная я, что тебе наговорила лишнего.

С тяжелым сердцем уезжала Марина от шептуньи, сама не рада она уже была, что поехала к ней о судьбе своей узнать. Что ждет ее впереди? Зорчиха вела себя так странно... Неужто сбудутся предсказания старой цыганки? Потеря кольца обручального ее супругом, словно дамоклов меч висела над ней, постоянно напоминая о том, о чем Марина предпочла бы забыть.

Да еще ее сам черт дернул спросить уже в воротах о том, о чем болело ее сердце уже несколько дней. Она повернулась к Зорчихе, наблюдающей ее уход, и тихо спросила ее:

— Сбудется ли то, о чем думаю? Что сердце мое тревожит?

— Сбудется, барыня, — так же тихо ответила та. — Видела и кольца, и алтарь. Так суждено, милая. Уж не обессудь.

И зачем она только спрашивала об том? Марина смотрела на проплывающие по бокам коляски деревья, но не видела их, так задумалась о своем. К чему ей знать это? Чтобы надежду убить, что по-прежнему живет в ней, что он останется верен только ей? Но разве не она сама отпустила его, разве не сама велела жить далее, будто и не было никогда в их жизни тех нескольких дней. Разумом Марина понимала, что этой свадьбе, что так тревожит ее, суждено состояться, но ее глупое сердце упорно не желало признавать этот факт.

Она посмотрела на ясное небо, на облака, проплывающие в этой удивительной лазури. Я хочу, чтобы ты думал обо мне, милый! Хочу, чтобы не забывал. Это так эгоистично с моей стороны, но мне, чтобы жить далее розно с тобой, нужно знать, что ты помнишь...

А Сергей действительно помнил и думал о ней, несмотря на то, что сам себе пообещал выкинуть из головы мысли о былом. Но как можно заставить свой разум, который неподвластен абсолютно человеку? Он хотел не вспоминать, но то и дело какие-то мелкие, ничего не значащие для других детали заставляли его память вернуть его в прошлое.

Цветущие кусты чубушника в саду, женский звонкий смех на прогулке, звуки ноктюрнов Шопена, доносящиеся из музыкального салона, некоторые слова. Даже однажды тихий женский шепот «Сергей Кириллович...» Совсем иной голос, но его сердце каждый раз вздрагивало, ему казалось, что это она где-то тут, подле него, невидимая взгляду. Сколько ночей Сергей провел без сна, у распахнутого окна, вдыхая легкие ароматы лета и слушая деревенскую тишину, одному Богу известно!

Загорский злился на себя за подобную меланхолию, его настроение скакало каждый день из крайности в крайность: утром он мог быть весел и остроумен, а вечером уже саркастичен и холоден. Иногда он даже жалел, что пошел на поводу у деда и пригласил погостить в имение всех этих людей, что сейчас наполняли усадебный дом и парк, не давая ему ни на минуту побыть одному, за исключением разве что ночью. Особенно он недоумевал, зачем он позвал Соловьевых. Бельские были всегда дружны с его семьей, и потому ничего удивительного, что и нынче они гостили в Загорском вместе со своей дочерью. А вот Соловьевы...

Тихая скромная Варенька Соловьева. Она так отличалась от остальных девиц. Всегда

где-то в отдалении от основных шалостей и игр молодежи, поодаль от их шумных забав. Она любила сидеть где-нибудь в уголке и наблюдать за ними, скромно отводя глаза в сторону, когда Загорский обращал к ней свой взгляд. Она так мило краснела, когда он заговаривал с ней иногда. Всегда слушала и редко говорила. Истинное благочестие и невинность. Такой контраст она являла собой по отношению к другим девушкам, что гостили этим летом в Загорском, особенно с озорной и смешливой Мари Бельской. Даже внешностью Варвара Васильевна не выделялась среди остальных, он бы никогда не обратил бы на нее внимание в бальной зале, не позови его к себе княгиня Голицына тогда, на балу в Дворянском собрании.

Сергей сам не знал почему, но Варенька чем-то притягивала его взгляд. Быть может, его влекли к ней именно ее скромность и непосредственность, быть может, эта тихая девочка сможет принести покой его настрадавшейся за последние годы душе, сможет залечить эти кровоточащие раны в сердце.

А однажды он и вовсе заметил в ее глазах призыв. Тот самый призыв, что молодой князь Загорский заметил когда-то в серо-зеленых глазах барышни Ольховской. Он увидел его и был поражен глубиной чувств Вареньки, этой тихой девочки, к своей персоне.

В тот день Загорскому было особенно тоскливо и муторно. Его раздражал чужой смех, чужое веселье, эти игры в горелки, что затеяла Мари Бельская. Он извинился и удалился в конюшни, где приказал оседлать себе Быстрого, чтобы унести на нем прочь от усадьбы в поля, где уже ровными рядками стояли стога скошенного накануне сена. Там он и провел весь день, валяясь в сене, в одной рубашке, подставив лицо горячим лучам июльского солнышка. Он лежал и думал о том, что он должен наконец решиться и начать другую жизнь, столь отличную от той, что он себе представлял. Должен-то должен, но, Боже мой, как этого не хотелось...

А потом небо вдруг затянуло тучами, поднялся сильный ветер. Быстрый заволновался, предчувствуя приближение стихии. Пришло время прервать свою прогулку и возвращаться в усадьбу. Загорский не стал надевать фрак, просто закинул его за луку седла перед собой и погнал Быстрого к дому. Какое-то неясное чувство неотвратимости чего-то тяготило душу Сергея. Словно что-то должно было случиться, но что именно он понять не мог. А быть может, это просто гроза, что сейчас посылала молнии и проливалась на землю стеной дождя, возбудила в нем это неясное чувство тревоги.

Она ждала его в темной гостиной, где сидела одна и без свечей. Метнулась ему наперерез из дверей из сумрака дома, когда он проходил в свою половину.

— О слава Пресвятой Богородице, я так боялась за вас! Так молилась! — прошептали ее белые от волнения губы. — Такое ненастье послал нынче Господь на землю, а вы где-то там...

Тут Варенька заметила, как мокрая рубаха обтягивает его широкие плечи и мощную грудь, смущенно отвела в сторону глаза. Вдруг прижала ладони к лицу, стремясь скрыть от него тот стыд, что охватил ее от собственного поступка. Повинуясь какому-то странному порыву, Сергей подошел к ней и отнял ее руки от лица, а потом коснулся губами ее ладони. Ее стыдливость, ее рдеющие щеки и кончики ушей (право, он впервые видел подобное!) слегка позабавили и тронули его.

— Варвара Васильевна, будьте моей женой, — вдруг произнес он в тишине дома, что сейчас установилась меж громовыми раскатами. Она подняла на него свои карие очи, так похожие на глаза лани, что он видел давеча на охоте. В них плескалось такое безмерное счастье, что он невольно устыдился того, что не испытывает в этот момент ничего, кроме

небольшой толики сожаления, что эти глаза не того цвета, что он желал бы видеть перед собой. Варенька же кивнула ему в знак согласия и быстро убежала прочь, в комнаты, вырвав свои ладони из его рук.

Тем же вечером Сергей попросил руки Вареньки у madam Соловьевой, что не смогла скрыть своей радости при этом событии. Затем было объявлено остальным гостям, что вызвало недоуменные шепотки. Все прочили ему Мари Бельскую в супруги, она более соответствовала статусу его суженной и по внешним данным, и по положению в обществе. Кто такая эта mademoiselle Соловьева? Разве она пара князю Загорскому? Конечно, это не *mésalliance*, но все же...

Новость, что преподнес внук, не вызвала особого энтузиазма и Матвея Сергеевича. После, когда они остались наедине в кабинете, он не преминул высказать свое мнение по этому поводу:

— Что это за новости ты преподносишь, Сергей? Я даже не предполагал, что назовешь своей нареченной Варвару Васильевну. Княжна Бельская, вот кого я пророчил тебе в супруги, признаюсь честно. Она более подходит к тебе по нраву, нежели Варвара Васильевна. Эта же чересчур тиха, словно мышка. Нет в ней того огня, что нужен твоей натуре, чтобы удержаться в узах семейного благополучия.

— Благодарю вас покорно, *grand-père*, — ответил ему Сергей, раскуривая сигару. — Огня мне в свое время хватило, до сих пор ожоги не сойдут.

Матвей Сергеевич прищурил глаза и в упор посмотрел на внука. А потом дотронулся до его ноги концом трости, чтобы тот взглянул ему в глаза, и сказал:

— Я думал, ты увезешь ее. Даже несмотря на ее отказ. Я бы так и сделал.

— Я думал, что сделаю это. Был такой порыв, грешен. Но она убежала от меня прежде, разгадав мой нрав. Может, она и права, преступив через страсти, оставшись верна долгу и чести.

— Так-то оно так, — согласился его дед. — Но можно было попытаться догнать ее! Я так надеялся, что вы все-таки будете вместе: ты, она и дочь. Но чего уж тут переливать из пустого в порожнее...

Сергей же удивился тону голоса деда, когда тот произнес предпоследнюю фразу, но быстро выкинул эту странность из головы.

Вспомнилась она ему лишь через несколько дней в Петербурге, куда Сергей поехал заказать кольцо для своей невесты — фамильное обручальное кольцо Загорских оказалось той мало, как она ни старалась надеть его на палец. Было решено, что сделают новое кольцо, еще краше, чем это старинное. Расширять же его опасались — такая работа была проделана, когда мать Сергея выходила замуж за его отца, и мастер ювелирных дел выразил опасение, что подобное проделать уже нельзя, есть риск и вовсе сломать кольцо.

К стыду своему, но Загорский никогда и никому не признается, что даже был рад этому обстоятельству — он не желал видеть это кольцо на чьей-либо руке, кроме той, на которой когда-то представлял его. Только одной женщине он хотел надеть это кольцо на палец, и этой женщиной Варвара Васильевна не была.

Кроме посещения ювелирной мастерской, у Сергея был запланирован визит к поверенному их семьи, чтобы поставить подпись на некоторых бумагах, а также попросить того найти в уезде, где располагалось Загорское, хорошего подрядчика для поставки в имение камня для строительства конюшен завода.

— Будьте любезны, ваше сиятельство, передайте его сиятельству Матвею Сергеевичу

вот эту копию завещания, как он просил меня в давешнем письме, — попросил Сергея поверенный, когда тот уже собирался уходить.

— Да-да, его сиятельство говорил мне, что снова менял завещание. Это копия нового, со всеми поправками? — тот без всякого интереса взял в руки пакет. — Ежели не такая большая тайна, кого из наших дальних родственников его сиятельство называл в предыдущем завещании своим восприемником? Кому бы досталось наследство Загорских, не вернись я с Кавказского края? Кто должен клясть мое чудесное избавление от пленения? Могу я взглянуть на прежнее завещание или вы уже успели его уничтожить?

— О, это против правил, ваше сиятельство, прошу простить меня, но я вынужден вам отказать, — сначала отказал поверенный, но после, видя насмешливый взгляд Сергея, все же достал бумаги. — Удивительное дело, скажу я вам, но почти все недвижимое и движимое имущество, а также фамильные драгоценности передавались вовсе не родственнику. Я сам был весьма удивлен этим обстоятельством.

— Не родственник? — переспросил заинтригованный Сергей. Грешным делом, в его голове мелькнула мысль, что может, у деда есть кто-то... кто-то *particulière* [\[428\]](#). А быть может, даже у деда есть и дети на стороне...? Но тогда должно быть и разрешение государя на передачу прав на Загорское, что передавалось только наследникам по крови. Он быстро просмотрел поданные ему бумаги и похолодел, увидев имя восприемника Матвея Сергеевича.

— Что с вами? — встревожился тут же поверенный, видя его реакцию на прежнее, уже утратившее силу завещание. — Вам дурно, ваше сиятельство? Прикажете подать чего?

Сергей покачал головой, бросил тому бумаги через стол и, наспех попрощавшись, вышел вон. Он знал, где найдет ее нынче, когда весь Петербург двинулся следом императорской семьей и их свитой в Москву на празднества. Дед, отправившийся на торжества, написал к нему, что графиня Воронина не сопровождает супруга в этой поездке.

Он скакал, как безумный, в Завидово, криками разгоняя попадавших на дороге путников, искусно объезжая экипажи. Ярость, слепящая ярость гнала его вперед, а мысли бились в голове, наталкиваясь одна на другую. Но спустившиеся на землю сумерки заставили Сергея прервать свой путь и остановиться на ночь за несколько десятков верст от конечной точки своего путешествия. Да и Быстрый притомился от такой бешеной скачки и весь дрожал от усталости. Сергей почти всю ночь провел в трактире, где заказал себе ужин и штоф водки. Было беспокойно — кто-то ругался по поводу карточной игры, пьяные ямщики пели то заунывные, то звонкие веселые песни, но Загорский даже не слышал того, что происходит вокруг него. Он сразу же выложил на стол пистолет, показывая всем своим видом, что его лучше не отвлекать от его ужина и размышлений, и за всю ночь к его столу подошел лишь хозяин трактира, аккуратно, бочком, осведомиться, не угодно ли его милости еще чего-нибудь.

Разве такое возможно, думал Загорский, проглатывая водку чарку за чаркой. Разве возможно, что это свершилось? Он силился вспомнить, что вообще ему известно, но, в конце концов, не стал мучить себя — он не знал ровным счетом ничего, что могло бы ему помочь увидеть все ясно. Он знал только одно — если его подозрения, пышным цветом расцветшие в его душе едва он увидел бумаги, подтвердятся, то он даже не знает, что сделает с ней. Лживая тварь! Он сжал кулак с такой силой, что ногти впились в ладонь. Все, все они лживые притворщики! Она и его дед, как искусно они сплели свою паутину лжи, каким дураком его выставили! Это страшно и больно, когда тебя предают, но когда тебя предают

твои близкие, любимые тобой люди — страшнее и большее вдвойне...

Под утро, поняв, что засыпает прямо за столом, Загорский заплатил за отдельную комнату и, поднявшись туда, снял только фрак и сапоги, упал на постель и тут же уснул. Пробудился он только, когда солнышко ласково коснулось его лица, едва пробившись сквозь грязное оконное стекло. Сергей с чертыханьем вскочил и быстро оделся. Брегет показал ему, что уже скоро минет полдень, и Загорский сжал хлыст в ладони. Проклятый трактирщик! Он же просил разбудить его, через час после рассвета!

Марину в Завидово он не застал. Его прямо в дверях подъезда встретил дворецкий и сообщил, что ее сиятельство уехала на утреннюю службу, а после посетит богадельню, что недавно построили по ее желанию в имении. Ваше сиятельство желает подождать?

Да, он желал подождать, ответил ему Загорский, и Игнат тотчас провел его вглубь дома, в прохладу комнат, остановившись в голубой гостиной.

— Не желает ли ваше сиятельство прохладительного? — осведомился Игнат, когда Загорский расположился в кресле, раскинувшись в нем, будто он был у себя дома. Да не только поведение князя насторожило дворецкого — с взлохмаченными от длительной скачки волосами, покрасневшими белками глаз и нечищеными сапогами, он выглядел довольно странно на взгляд Игната. От раздумий его отвлек ответ князя, что он бы с удовольствием перекусил бы с дороги, так как с самого утра у него во рту не было ни крошки.

— Что это? — Загорский вдруг показал хлыстом на сверток на резной подставке для картин. — Новое приобретение Анатоля Михайловича?

Игнат перевел взгляд на картину, что доставили нынче утром из Петербурга из мастерской господина Соколова [\[429\]](#), и честно поведал гостю, что это портрет ее сиятельства графини Ворониной с дочерью. Графиня сама еще не видела его, так как тот был доставлен после ее отъезда в церковь. Игнат сначала с недоумением, а после с ужасом наблюдал, как князь поднимается со своего места, подходит к завернутому полотну и начинает рвать упаковочную бумагу, открывая взгляду портрет.

— Что вы делаете, ваше сиятельство? — вскричал Игнат. Он бросился было к Загорскому, чтобы остановить его, но остановился на месте, когда тот вдруг замахнулся на него хлыстом. Тогда он тут же развернулся и бросился к звонку, дергая и дергая за шнурок, кляня лакеев, что не слышали звонка. После он вспомнил, что почти все люди, даже комнатные слуги, были заняты на осушении паркового водоема, и бросился вон из комнаты, чтобы найти хоть кого-нибудь себе в подмогу и остановить этот вандализм, который, по его мнению, всенепременно сейчас свершится в гостиной — такое лицо было у князя Загорского!

Сергей тем временем освободил полотно от бумаги, что скрывало его от взгляда, и замер на месте. Портретист ни капли не умалил красоты Марины. Она сидела вполоборота к зрителю в легком белоснежном платье в лазуревым поясом и высоким кружевным воротом. Ее волосы были подняты вверх и заколоты в несколько буклей, которые были украшены маленькими цветами чубушника, открывая глазу линию ее длинной шеи. Ее изумрудного оттенка глаза словно таили в себе некую тайну, что забавляла обладательницу этих дивных очей, ведь ее губы, казалось, сейчас раздвинутся в легкую улыбку.

Сергей протянул руку и коснулся Марининого лица на потрете, затем провел по линии ее плеча, по руке, что тянулась вниз и сжимала в ладони маленькую ладошку. Он перевел взгляд на девочку, что была изображена подле матери, и ощутил, как вдруг сердце

остановилось в его груди, пропустив пару тактов. Светлые, почти льняные локоны обрамляли маленькое круглое личико и пухленькие щечки, широко распахнутые серые глаза удивленно смотрели на зрителя, словно тот только что прервал уединение дочери и матери.

Копия, правда, с небольшими различиями, той юной прелестницы, что сидела у ног матери, подле маленького брата, на портрете, который висел в галерее имения Загорских. Его сестры Элен.

Загорский отшатнулся от полотна и прижал руку к сердцу, которое в этот момент так судорожно сжалось, что ему стало не хватать воздуха. В это мгновение его слух снова начал разбирать звуки дома, что ранее не проникали в его сознание, пока он осматривал портрет. Он вдруг выпрямился и, распахнув двери гостиной, направился вглубь усадьбы дома. Странно, но по пути Сергей никого из комнатных слуг не встретил и без труда достиг той комнаты, куда его словно вела какая-то невидимая рука.

Через распахнутые двери одного из покоев он услышал тихий напев, который выводил тонкий детский голосок:

Alouette, gentille alouette,
Alouette, je te plumerai.

Тут же ошибку в песенке поправил женский голос, с типичным французским прононсом:

— Je te plumerai, ma petite comtesse, — и детский голосок послушно пропел уже правильный вариант:

Alouette, gentille alouette,
Alouette, je te plumerai.

Сергей, переводя вдруг сбившееся дыхание, заглянул в комнату и увидел сидящую на ковре девочку, склонившуюся к фарфоровой кукле, с которой она сейчас пыталась снять платье, и это пока ей не удавалось. Недалеко от нее у окна сидела молодая женщина («Бонна», определил Сергей) и читала книгу на французском языке. Она тотчас заметила Сергея и вскочила со своего места, размахивая руками и тараторя от волнения:

— Qui êtes-vous? Qu'est-ce que faites vous ici? Où est domestique? — она попыталась остановить Сергея, но тот легко обошел ее и присел на корточки перед девочкой, что наблюдала за ними сейчас без всякого страха, с любопытством. Тогда бонна метнулась к дверям и закричала во весь голос. — Ohé! Ohé là-bas! Viens ici! Ici! ^[430] — Потом она сообразила, что ее могут не понять, и принялась кричать уже на ломанном русском, не отрывая тем не менее взгляда от странного визитера. — Сюда! Сюда!

Сергей же не обращал внимание на вопли бонны. Он смотрел, не отрывая взгляда от дочери, что сейчас вдруг протянула ему маленькую ладошку:

— Helen Voronina, enchanté de faire votre... votre..., — девочка смущенно замолчала,

видимо, не в состоянии выговорить столь длинное французское слово, и Сергей помог ей:

— ...connaissance [\[431\]](#).

Леночка кивнула, улыбаясь ему, а он коснулся губами ладошки этой маленькой барышни, с трудом отпустив ее после из своих рук. Она заинтригованно смотрела на Сергея, не отводя своего пристального взгляда от его лица.

— Я играю, — сказала она по-русски и показала ему куклу, а потом поморщилась, когда бонна взяла чересчур высокую ноту в своем призыве к слугам. — Кричит?

— Он просто испугалась меня, — пояснил Сергей. — А ты не боишься меня?

— Non, — качнула головой Леночка, и ее кудряшки так и подпрыгнули при этом движении. Сергей еле сдержал себя, чтобы не провести по ним ладонью, ощутить их мягкость. — Я ничего не боюсь. А скоро у меня будет пони. Это cheval petite [\[432\]](#).

— Это хорошо, — согласился с ней Сергей. Она вдруг перестала улыбаться, глядя на него, стала встревожено смотреть в его глаза, сморщив смешно лобик.

— Ты плачешь? У тебя что-то болит?

— У меня болит сердце, — честно ответил ей Сергей, и она нахмурилась еще больше.

— Я не хочу, чтобы кто-то болел. Но тамап болеет, — она так смешно вздохнула, изображая, как она огорчена этим обстоятельством, что Сергей не мог сдержать улыбку. На его плечо вдруг легла легкая морщинистая рука, и мягкий голос произнес:

— Вам трэба уходзиць з гэтай паловы дома. Хутка тут будуць лакеи. Хадзем, ваша яснавяльможнасць, хадзем со мной, — и после, уже к бонне. — Ды змоўкни ты, абвяшчэння! Уходзиць ен! [\[433\]](#)

Сергей в последний раз заглянул дочери, не сдержался и все же провел ладонью по ее кудряшкам, мягким и таким приятным на ощупь.

— Au revoir, ma bonne! [\[434\]](#) — тихо прошептал он, но Леночка его услышала и кивнула ему, снова протягивая руку для прощального поцелуя:

— Au revoir, monsieur!

Всего несколько минут, но эти мгновения перевернули его жизнь. Сергей молча шел за Агнешкой, обратно в гостиную. Она что-то говорила ему, ни на минуту не умолкая, но он понимал ее через слово, ведь с волнения та совсем забыла русскую речь. Но имя Марины он без особого труда разобрал в этом потоке слов и тут же остановился.

— Я не хочу видеть ее. Не сейчас, — он потер веки, а потом устремил взгляд на Агнешку, настолько тяжелый и холодный, что та поежилась. — Где я могу найти бумагу и чернила? Записку оставляю.

Агнешка распахнула одну из дверей и провела его в кабинет. Судя по тому, что в кресле лежала небрежно брошенная шаль, а также по искусно расписанному фарфоровому письменному прибору на бюро, Сергей определил, что находится в половине Марины. Из полуоткрытых боковых дверей до него донесся слабый сладкий аромат духов, и он пошел на этот запах, словно замороженный им, взял со спинки стула тонкую сорочку, погладил пальцем легкую ткань. Он закрыл глаза, даже сильно зажмурил их, а по щекам его заходили желваки, и Агнешка, стоявшая в дверях, поспешила сказать:

— Не трымай на яе зла, барин. Не трымай! [\[435\]](#)

Сергей тут же очнулся от своих мыслей, услышав ее голос. Бросил сорочку на стул и вернулся обратно в кабинет, к бюро, где было схватился за бумагу и перо, но, заметив книгу, лежащую подле письменного прибора, потянул ее к себе. Он нашел необходимую страницу и

быстрыми резкими движениями подчеркнул несколько строк, макнув перо в чернила. Затем оставил все на столе и вышел вон.

Агнешка бросилась было за ним, но ее возраст не позволял ей уже передвигаться также быстро, и она отстала. А когда до нее из распахнутых окон донесся звук лошадиных копыт по камню подъездной аллеи, поняла, что торопиться уже некуда.

Весь дом прямо бурлил в ожидании возвращения графини, которой тут же послали сообщение о странном визите князя. Бонна, уверенная, что маленькую графиню пытались похитить, не отпускала руки девочки ни на минуту, чем вызвала у той злость и довела до слез. Агнешка с Параскевой на пару налетели на ту, пытаясь отобрать у нее дитя, но та не отдавала, заслонив девочку собой. Игнат громко призывал к порядку спорщиц, грозя, что всенепременно отправит всех на конюшни, и в первую очередь лакеев, что все же должны были быть поближе к дому. А вдруг, грабители бы приехали, вопил он, вызывая смех в задних рядах отчитываемой дворни, собравшейся в передней, что распаляло его еще больше.

Всю эту кутерьму и застала Марина, вернувшись в усадьбу. Ее нервы и без того были напряжены этим неожиданным, столь волнующим ее визитом. Ее бедное сердце вдруг украдкой шепнуло, вдруг он приехал за ней. Даже сюда, в Завидово. Но разум жестоко обрывал: «Чушь! Подобного не может быть!»

Она быстро заставила дворню умолкнуть почтительно и разойтись по своим делам, коих в это время года было немало. К тому же в вычерпываемом водоеме совсем немного оставалось воды до дна, а значит, и до долгожданной находки, и она сразу же напонила собравшимся, что день нынче короток, не начало лета все же. Затем она прошла в сопровождении Игната в голубую гостиную, где ее ждал собственный портрет.

— Князь видел? — замирая сердцем, спросила Марина у Игната, но тот не успел ничего сказать, так как в гостиную постучались няньки и бонна с ребенком. Марина обняла подбежавшую к ней дочь, крепко прижала к себе.

— C'est inadmissible, madam. Domestique doit toujours être dans la maison, — кипятилась бонна. — Cet homme peut nous tuer! [\[436\]](#)

— Paix, mademoiselle Le Bonn! Vous êtes vivant et en bonne santé que je vois. Votre cris faites peur à enfant [\[437\]](#), — одернула ее Марина.

— Он был тут. И видел Ленусю, — проговорила Агнешка, и Марина подала остальным знак удалиться. После того, как они остались одни, она склонилась к дочери и спросила ее:

— Моя дорогая, ты видела этого мужчину? Он приходил к тебе?

— Он напугал mademoiselle, — кивнула девочка. — Пошто она перепугалась, monsieur же хороший. Он плакал. У monsieur сердце болит.

Марина отшатнулась, услышав эти откровения дочери, встревожено взглянула на Агнешку:

— Где он? Он уехал? Что он сказал? Он зол на меня? Оставил записку?

— Ничего не сказал, моя милая. Вот только..., — и няня протянула ей книгу, раскрытую на той самой странице, что искал Сергей. Это были сочинения Байрона, стих «Прости». И несколько строк, выборочно подчеркнутых сильной мужской рукой, ударили Марину в самое сердце.

...Пусть свет улыбкой одобряет
Теперь удар жестокий твой:

Тебя хвалой он обижает,
Чужою купленной бедой.
Пускай я, очернен виною,
Себя дал право обвинять,
Но для чего ж убит рукою,
Меня привыкшей обнимать?...

...И в час, как нашу дочь ласкаешь, Любуясь лепетом речей, Как об отце ей намекаешь?
Ее отец в разлуке с ней...

...Прости ж, прости! Тебя лишенный, Всего, в чем думал счастье зреть, Истлевший
сердцем, сокрушенный, Могу ль я больше умереть? [\[438\]](#)

Анатолий приехал в Завидово, как и обещал — спустя пару дней после Михайлова дня. Вместе с ним прибыла в имение и его сестра, которую Марина не видела почти год с последних летних каникул, что та провела прошлым году в Завидово. Их неприязнь к друг другу так и не утихла несмотря на прошедшие годы, потому Марина не ждала ничего отрадного из предстоящих дней, что предполагалось провести им бок о бок в городском доме. А особняк на Фонтанке — это ведь не Завидово с его обширными границами, поневоле придется видаться чаще, чем им обоим того хотелось бы.

Марина отвлеклась от своих мыслей, заметив, как Катиш выходит из кареты, опираясь на руку брата. Она еще более вытянулась за прошедший год и стала почти вровень брату, с неудовольствием отметила Марина. Слишком высокая по общепризнанным требованиям света к женской красоте, слишком плечистая. Но волосы Катиш были хороши — густые, волнистые, солнце так и сверкало в прядях. И Марина про себя уже отметила, как должно будет подать внешность Катиш на ее дебюте в Петербурге, чтобы скрыть недостатки и заметно подать ее достоинства.

Увидев, что подол ее невестки едва прикрывает щиколотки, Марина поморщилась невольно. О Боже, неужели Катиш в таком же коротком платье выезжала в Москве? И сразу же немного разозлилась на Анатолия — да, мужчины невнимательны к женскому туалету, но он пристально следит за гардеробом супруги! Почему ему и не обратить внимание на гардероб собственной сестры?

Тем временем, приехавшие подошли к ней, стоявшей на крыльце. Анатолий тут же оставил сестру и крепко обнял жену, при этом аккуратно положив ладонь на ее едва выступающий живот.

— Здравствуй, мой ангел! — прошептал он ей в ухо, а затем расцеловал согласно правилам: сначала в щеки, а затем в лоб. Он отступил в сторону, чтобы Катиш попала в поле зрения Марины. — Катерина Михайловна, моя дорогая. Как она выросла, правда? Уже совсем дама!

— Вы стали совсем взрослой, Катиш, — улыбнулась Марина и шагнула к невестке, чтобы расцеловать ее. Та приняла ее приветствие, а затем произнесла сердечно, что весьма удивило Марину:

— Поздравляю, ma bги [\[439\]](#). Анатолий открыл мне, что вы ждете очередное дитя. Надеюсь, ваше здоровье позволит вам сопровождать меня этой осенью. Со своей стороны, надеюсь, что вам не придется столь долго меня patronner [\[440\]](#).

Марина удивленно взглянула на улыбающееся лицо невестки, а Анатолий рассмеялся:

— Будет, будет вам. Уж не успели выехать, а уже о женихах думаешь!

Но Марине показалось реплика Катиш весьма странной, поэтому она не преминула расспросить мужа об его визите в Москву, а также выезде его сестры в свет, пока он менял дорожную одежду на домашний туалет и освежался после дороги.

— Она выглядит такой умиротворенной, — заметила между делом Марина. — Быть может, ей кто повстречался в Москве?

Анатолий на мгновение задумался, а потом тряхнул головой.

— Нет, не думаю. Она, вроде бы, никого не выделяла на балах, иначе княгиня Юсупова бы мне непременно поведала об этом. А знаешь, я бы хотел, чтобы она выделила одного

молодого человека. Там был молодой граф Строганов. Чем не пара нашей Катиш?

— Не строй, пока планов. Время все покажет, — ответила ему жена. — Но все-таки, Анатоль, я уверена, что Катиш какая-то странная. Она была так любезна со мной нынче на крыльце. И эта реплика... Меня терзает смутное ощущение, что тут что-то не так. А что меняет девушку сильнее, чем влюбленность?

— Не смей! — вдруг резко выкрикнул Анатоль, отбрасывая в сторону бумаги, что пришли в Завидово за время его отсутствия, и которые он просматривал в это время. Марина вздрогнула от неожиданности такого перехода от мягкого, почти ласкающего тона к грубому и резкому. — Ты всегда недолюбливала мою сестру. Вспомни сама, какие домашние войны увидело Завидово за последние годы. Но порочить мою сестру вот так! Не позволю!

Марина увидела, как разозлился Анатоль ее неосторожной реплике, и поспешила извиниться перед ним. Но настроение супругов было безнадежно испорчено, а радость от встречи сошла на нет. За последовавшим затем ужином ими было произнесено так мало реплик, что без умолку тараторившая Катиш заметила охлаждение меж ними. Но ее совсем не интересовали размолвки супругов. Все, что ее тревожило, и будоражило ее кровь — это предстоящий выход в петербургский свет да пошив нового гардероба, чем и собирались заняться они с Мариной по приезде в Петербург. Посему заручившись обещанием, что это будет сделано чуть ли не на следующий день после их возвращения в дом на Фонтанке, она спешно удалилась из-за стола, сославшись на усталость.

За ней последовала Марина, которая спешила остаться одна нынче, чтобы обдумать, как преподнести супругу весть о том, что в их имение приезжал князь Загорский, а кроме того и самое главное — он теперь знает, что ребенок, что растет в семье Ворониных — его дочь. Она так и не смогла написать Анатолю об этом, зная, как эта весть испортит ему настроение в эти праздничные дни торжеств в Москве. А может потому, что боялась его немедленного возвращения и неминуемой кары за то, что тайное стало явным. Ведь вне всяких сомнений, Анатоль обвинит именно ее в этом.

Зато Загорскому она писала часто. Сначала писала оправдания своему поступку, потом принялась умолять простить ее. Зачем ей столь необходимо было его прощение, она сама не могла понять, но каждый раз получая собственное письмо невскрытым обратно, Марина ощущала безмерную тяжесть в душе. Поняв, что писать к Сергею бессмысленно, она отправила очередное письмо Матвеем Сергеевичу, но ответа так до сих пор не получила.

Мысли Марины нарушил Анатоль, что пришел к ней в комнаты после ужина. По его поджатым губам она определила, что он зол, и эта злость сейчас выплеснется очередной ссорой. Он прошел к окну и, заложив руки за спину, принялся всматриваться в сгущающиеся за окном сумерки.

— Ну, мадам? — резко обратился Анатоль к жене. — Соблаговолите мне объяснить этот странный визит нашего общего знакомого в Завидово? — А затем он вдруг обернулся, стремительно подошел к ней и схватил за плечи, больно впившись пальцами. — Зачем он приезжал? К тебе? Он ведь знал, что я в Москве подле государя. Что ему было нужно? Что?! Говори же!

Марина вывернулась из его рук, поморщившись, но все же поспешила ответить:

— Я не знаю, зачем он приезжал. Если тебе не сообщили, то я в это время была в богадельне вместе с отцом Иоанном и воротилась только, когда князь Загорский отбыл. Спроси у отца Иоанна, спроси челядь! Это подтвердит любой! — она помолчала, а после добавила тихо, понимая, что молчать более нет никакого смысла. — Он знает про Леночку.

Он видел ее.

— Это ты сказала ему о ней? Ты?! — Анатолий судорожно сжал руки в кулаки, и Марина испуганно взглянула на него. Неужели он ударит ее, беременную его ребенком?

— Я клянусь тебе, что я не говорила ему ничего о дочери, как бы мне не хотелось того! — выкрикнула она ему в лицо, потеряв от злости и страха голову. — Неси образа, я готова принести очередную клятву тебе!

— Тогда откуда? Откуда он узнал? А! Старый князь, за которого ты так ручалась! — Анатолий повернулся к камину и одним движением сгреб с каминной полки фарфоровые безделушки, сбрасывая их на пол. Марина вздрогнула, когда они звонко разлетелись на большие и мелкие куски, и отступила от мужа, как можно дальше. Тот же стоял к ней спиной, уперев руки в каминную полку. Она даже с расстояния видела, как вздулись вены у него на шее от той ярости, что сейчас буквально разрывала его.

Прошло несколько минут молчания, и Анатолий сумел успокоиться. Он повернулся к жене, и она в очередной раз поразилась контрасту в этом человеке — еще недавно готовый рвать и метать, нынче он был спокоен и тих.

— Я принял решение, — сказал он. — Леночка останется в Завидово и не поедет с нами в Петербург третьего дня. Не будем будить спящего зверя.

Оставить дочь? Разлучиться с ней? Марина покачала головой, и он тут же добавил:

— Только до Рождества. Клянусь, как только я узнаю намерения Загорского, я прикажу привезти ее в столицу, и мы снова будем все вместе. А пока же я хочу, чтобы она осталась здесь. Для ее же покоя!

И Марина смирилась с его решением, заранее зная, что спорь она, все равно бы потерпела неудачу. Да еще вывела бы из себя только успокоившегося супруга. Она решила действовать иным образом: лаской и нежными словами она непременно добьется от Анатолия гораздо большего, чем ссорами и спорами. Ее дочь будет с ней еще до Рождества, решила твердо Марина.

Как только Анатолий удалился к себе, она позвала своих девушек, чтобы подготовиться ко сну. Но покоя не было в ее душе, и после того, как последние свечи были потушены Таней, ее новой горничной сменившей Дуняшу, опустилась на колени перед образами. Она смотрела на лик Богородицы, еле освещенный тусклой лампадкой, и просила ее даровать рабе Божьей Марине силы примириться со своим положением и забыть о прошлом, а рабу Божьему Сергею впустить милосердие и всепрощение в свою душу и постараться понять и простить ее проступок по отношению к нему. Молилась она и за своего супруга, что так и не сумел обуздать свой бешеный нрав, и за свою дочь, лишенную возможности узнать своего настоящего единокровного отца. Молилась и за свою семью: за непутевую сестру Лизу, недавно потерявшую ребенка, за мать и отца, за остальных сестер. Молилась за собственное будущее, которое нынче почему-то страшило ее.

Марина, охваченная молитвенным жаром, выпала из времени и пространства и пришла в себя только, когда за окном глухо ухнула пролетающая в парке ночная птица. Этот звук заставил ее очнуться и ощутить, как затекла ее спина от напряжения, как ноют колени. Она с трудом поднялась и размяла затекшие члены, но после в постель не пошла, а зажгла свечу и, подхватив ту, направилась прочь из комнаты. Сперва она зашла в детскую проверить сон Леночки, аккуратно переступив через Параскеву, спящую на матрасе на полу около кровати маленькой графини.

Дочь Марины спала на спине, слегка приоткрыв рот и закинув руки вверх на подушку

около головы. Ее щеки покраснелись от духоты в комнате, и Марина испуганно проверила, нет ли у той жара. Но девочка была в полном здравии, лишь слегка зашевелилась от прикосновения руки матери к лбу, причмокнула губами. Марина поправила одеяльце и не удержалась — коснулась губами пухленькой щеки.

— Я люблю тебя, моя милая, — тихо прошептала она дочери.

Марина сама не знала зачем, но после детской ее ноги понесли ее в сторону комнат ее супруга. То ли ей хотелось, чтобы ее просто обняли и прижали к себе, успокоили растревоженное сердце, то ли ей просто не хотелось провести эту ночь в полном одиночестве. Неожиданно Марина заметила полоску света, идущую из-под двери спальни супруга, различила тихие голоса. Она знала, что сие действие недостойно ее происхождения, но помимо собственной воли вдруг подошла поближе к двери и прислушалась к разговору в спальне, дивясь, кто мог там находиться в сей ночной час.

— Comment donc? Comment pouvez-vous faire cela avec moi? — вопрошал со слезами женский голос. — Laissez-moi ici, dans le village... Pourquoi? Je pensais que....

— Vous avez eu tort, — отвечал холодный голос Анатоля. — Vous serez logés dans le village avec ma fille désormais. Cette décision est prise. Je ne veux en parler plus de cela!

— Mais... — робко начал женский голос, но Анатоль тут же оборвал его грубо:

— Je l'ai dit — non! [\[441\]](#)

Марина хотела удалиться и даже повернулась, чтобы уйти к себе. Она сразу же поняла, что имела в виду тогда Агнешка, утешая ее: «Не варта [\[442\]](#) ен твоих слез, вось табе мой сказ. Забудзь о своей вине перад им. Расплата яму по справах [\[443\]](#) яго!». О Боже, в ее же доме! С бонной! Она вдруг осознала, что ее рука взметнулась вперед и с силой надавила на ручку двери, распахивая ту в спальню супруга.

Да, все так и есть. Француженка в капоте и чепце, отороченном кружевом, из-под которого ей на грудь падают пряди густых каштановых волос («Надо же», отметила Марина. Она и не замечала подобной красоты у бонны при ее вечном узле на затылке) и Анатоль — в рубаше навывпуск и штанах от мундира, босиком. Полумрак в комнате, только пара свечей горит на этажерке в канделябре. Они стоят напротив друг друга, не касаясь, но более интимной сцены Марина даже не смогла бы придумать.

— Bonne nuit, — с явной издевкой произнесла она, с удовлетворением наблюдая, как краснеет бонна, и бледнеет Анатоль. А потом также внезапно, как ворвалась в их уединение, захлопнула с силой дверь спальни, что задрожало пламя свечи в ее руке, бросилась к себе. Едва она заперлась в своей половине, как ее чуть ли не настиг супруг, стукнувший со злости в дверь кулаком.

— Отопри! — приказал он из-за двери, но Марина лишь огрызнулась:

— Пошел к черту! — она едва подавила в себе порыв рассмеяться во весь голос. Какая ирония! Все это время она страдала и каялась от своей измены с Загорским, а у нее под носом эти двое спокойно вели свою amour partagé [\[444\]](#). Она одернула себя, поняв, насколько сейчас близка к истерике. — О Господи, и это ты! Ты, о котором говорят в свете: «Il n'a aucup tort tout le monde [\[445\]](#)»! Как это низко! В собственном доме! С прислугой! Как давно? Как давно это длится? С первых дней ее службы?

Анатоль ничего не ответил из-за двери, и она едва не застонала во весь голос. Как она была слепа! Где были ее глаза, ведь не заметить этого ей, хозяйке дома, еще более постыдно?

— Прости меня, — донеслось спустя какое-то время из-за двери. — Ты была так

холодна со мной. Я просто хотел... Мне было нужно... Я уволю ее, хочешь? Выгоню прочь? Отопри дверь, давай поговорим. Я виноват, но ведь и ты тоже виновна в этом! Будь ты хорошей женой, этого бы не было! Слышишь, ты тоже виновата! Ты ведь никогда не любила меня! Никогда!

Он снова начал стучать в ее дверь, негромко, чтобы не перебудить дом, но настойчиво, принуждая ее отворить ему. Но Марина не шевелилась. Она сидела в кресле и смотрела в никуда. Мыслей в ее голове не было, равно как и каких-либо чувств в ее душе. Ей казалось, что она уже миновала тот предел боли, что был отведен на ее веку, и более не будет никаких страданий в ее жизни, раз она так безучастна сейчас.

Внезапно в ее животе шевельнулся ребенок, словно пробудился ото сна от этих стуков в дверь, и она поспешила положить руку, чтобы успокоить его, стала медленно гладить живот сквозь тонкую ткань сорочки. Как жестоко кто-то посмеялся над ней нынче! Она шла к своему супругу этой ночью, впервые шла сама, чтобы полностью отдаться и покориться ему, а он вовсе и не ждал этого, устав ждать ее ответа. Зато, грустно улыбнулась Марина, в этом есть и положительная сторона — теперь она более не ощущала то чувство необъемной вины перед своим мужем, что сопровождало ее на протяжении их брака. То чувство, что мучило ее, тревожило, гнало ее сон долгими ночами.

Теперь они квиты. Теперь, когда они взаимно принесли друг другу боль и разочарование, они могут начать свою жизнь с чистого листа, переписать всю историю их совместной жизни заново. Ведь они оба виноваты теперь друг перед другом. Виновны оба. И оба наказаны судьбой.

Марина вышла следующим утром к завтраку такая спокойная, словно не было давешней ночи в ее жизни. Она без лишних слов встретила своего супруга, который нынче ловил каждый ее взгляд и жест за столом, а только улыбалась загадочно, будто наконец ей открылась тайна, столь долго ускользавшая от нее. Она шутила и смеялась с Катиш, строила с той планы на ближайший выезд в свет, выглядела счастливой и умиротворенной, чем совсем обескуражила Анатоля. Еще больше удивился он, когда запротестовала, едва он выразил свое намерение рассчитать mademoiselle Le Bonn.

— Не стоит этого делать нынче, — возразила она. — Оставим подле Леночки ее, ведь дочери будет нелегко в этой разлуке с нами. Так долго мы еще не расставались в последнее время. Рассчитать бонну мы всегда успеем. Вдруг ее услуги все же понадобятся в дальнейшем, — маленькая и грязная шпилька, но Марина не смогла удержаться от нее и не уколоть мужа.

Более они никогда не затрагивали тему той ночи, когда Марина застала бонну в спальне мужа. Лишь однажды, в день отъезда в Петербург, Анатоль поймал жену за руку, когда окружающие были заняты сборами.

— Прости меня, прости, — он быстро целовал ее пальцы, а она смотрела на него по-прежнему равнодушно. — Более такого не повторится, даю тебе мое слово.

— Не стоит клясться в этом. Я не принимаю ваше слово, — ответила ему Марина. — Разве вы еще не поняли? Peu m'importe ^[446]. Я хочу, чтобы вы уважали меня, любили и заботились о наших детях, и только. Я не требую от вас верности и не желаю ее, ведь вы заслуживаете любви. Той любви, что я не смогу вам дать. Только об одном прошу — не в доме, не в нашем доме.

Но Анатоль не принял ее слов. Он успел заметить отголосок ревности и боли в ее глазах, когда она захлопывала двери спальни, посему в нем по-прежнему теплилась надежда,

что когда-нибудь ее сердце откроется ему. Даже, несмотря на то, что Марина говорила ему нынче.

Агнешку оставляли в Завидово, за что Марина будет корить себя впоследствии и еще долго не сможет простить себе этой глупой обиды на свою старую няньку.

— Ты не сказала мне! — кричала она на Агнешку. — Ты все знала, равно как и остальные слуги, и утаила это от меня! Полгода! Меня обманывали полгода!

И как нянечка не оправдывалась, что негоже Марине было знать еще и это, что она не хотела приносить в ее жизнь очередную порцию боли и разочарования, Марина не стала ее слушать, прогнала ее прочь. А после, когда уже уезжала из Завидово, даже не попрощалась, как делала это обычно, лелея в себе свою обиду и мысль о том, что ее предал самый близкий человек, что только был в ее жизни.

На следующий день после приезда семьи Ворониных в особняк на Фонтанке Марина и Катиш направились, как и было обещано девушке, к модистке, чтобы заказать той гардероб для дебютантки, а после проехали с визитами по многочисленным знакомым членам Ворониных. Марина желала представить невестку не на балу, где золовка будет в не совсем выгодной для себя позиции по сравнению с остальными девушками на выданье, а в более интимной обстановке визита, за чашкой чая. Согласно планам и надеждам супруга расположить к Катиш молодого графа Строганова, она привезла ту с визитом и в дом на Невском проспекте. К сожалению, молодого Строганова дома не оказалось, их приняла сама графиня в малой гостиной, где к вящему удивлению Марины она увидела и князя Загорского, и мать и дочь Соловьевых, что прибыли с визитом ранее них.

Они встретились глазами тут же, как только Марина с невесткой переступила порог комнаты, и едва смогли отвести их друг от друга. О Боже, поразила ее, расцеловываясь с Натальей Викторовной, графиней Строгановой, какой ненавистью вдруг сверкнули его глаза! Она, как могла, старалась отвести свой взгляд в сторону от Сергея и его невесты, что сидела сейчас в кресле и просто щебетала о том, как они мило провели лето в Загорском. Марина не узнавала нынче эту тихую юную девушку, что когда-то встречала в свете. Теперь, когда щеки Вареньки покраснелись, а глаза сияли тем самым огнем безмятежного счастья, она казалась совсем иной — более открытой, более прелестной. А вот князь Загорский, стоявший за креслом невесты, казался отсутствующим, замкнутым от всех, и Марины ждалось сердце от зависти к Вареньке и в жалости к нему. Что нынче он чувствовал, преданный самыми близкими людьми в его жизни?

Варенька взмахнула руками, что-то рассказывая Катиш и графине Строгановой, и Марина обратила внимание на то, что на руке той нет фамильного кольца рода Загорских, которое она хорошо знала по описанию Сергея. На безымянном пальце той было совсем другое кольцо — с россыпью алмазов и рубинов. Красивое кольцо, но другое. Марина внезапно почувствовала некое облечение, что кольцо, которое она когда-то представляла на своем пальце, не принадлежало нынче по каким-то причинам и ее невольной сопернице. Ей было бы вдвойне больно видеть его сейчас на пальце другой женщины. А так ее разум словно нашел подтверждение своим тайным надеждам — этого брака не будет, ведь как можно ему дать свое имя другой, когда он любит только ее, Марину.

Хотя любит ли, думала она позже, спустя некоторое время, после нескольких раутов и балов, где они с Загорским пересекались невольно. Он был так холоден с ней, презирая любые правила хорошего тона, игнорируя ее, отводя взгляд всякий раз, как им случалось встречаться глазами среди бала. Зато со своей невестой он был мил и любезен и даже

танцевал не только с ней, но и с другими барышнями, что вызывало удивление окружающих, ведь он был далеко не любитель подобных развлечений.

Это причиняло Марине боль. Пусть бы лучше все было как прежде, до того дня, как Сергей узнал об ее обмане. Когда он не выделял из сонма молоденьких барышень одну единственную, которой улыбался во время вальса, и которая так восторженно встречала его взгляд. Когда он не ненавидел Марину и не обходил ее на вечерах чуть ли не за версту. Когда он не поджимал раздраженно губы, если сталкивался с ней глазами случайно.

То было вечерами, но ночами... Ночами Сергей приходил иногда к Марине, откидывая ее на постель, целуя ее губы так страстно, что Марина буквально таяла в его руках. Каждая клеточка ее тела так остро чувствовала легкое касание его пальцев, что она едва сдерживала стоны, которые так и норовили слететь с ее губ. Она запускала ладони в его волосы, гладила их, пропускала меж пальцев, а потом легко и нежно прикасалась губами к его шее, вызывая в нем ответный вздох, что заставлял ее голову пускаться кругом. Постепенно их ласки становились все быстрее и резче, сменяя медленные и нежные, словно только они могли помочь ночным любовникам достичь того пика, что всегда ожидал их в конце их страсти. Тогда Марина неизменно утыкалась носом в местечко под ключицей своего любимого, ощущая, как сильно и быстро бьется его сердце, а ее сердце стучит в унисон. Потому что они и должны стучать вместе и в унисон. Всегда...

Эти сны доводили Марину до отчаяния. Каждое утро, пробудившись, она соскальзывала с постели и становилась перед образами, кладя поклоны один за другим. Грешница, она грешница, ведь ей так отраднее было этими долгими ночами, так не хотелось просыпаться. Так не хотелось спускаться за стол к завтраку, где другой мужчина поцелует ее, ласково погладит выпуклость живота, подвинет стул и поможет сесть. Другой мужчина будет шутить за столом и пересказывать ей последние новости, поглаживая ее руку. Другой мужчина будет целовать и обнимать ее вечером, желая ей сладких снов, сам не ведая, насколько пророческими окажутся его слова.

Сначала Марина думала, что эти грезы мучают ее, потому что ее тело давно не знало мужской ласки. Ведь Анатолий очень долго опасался, что это может повредить ее здоровью и потому, если и навещал ее спальню, то только для того, чтобы уснуть рядом, прижимаясь к ней всем телом, кладя свою большую ладонь на ее живот, где рос его ребенок. Но однажды ночью она решила, что клин лучше выбить клином (а может, ее измученное сердце отчаянно взывало к мести, маленькой и известной только Марине, но все же), и сама попыталась вызвать желание в своем супруге, которое нынче тлело небольшим угольком. Ей удалось раздуть из этого уголька большой костер, но того жара, что охватывал ее во сне, той страсти, что заставляла ее просыпаться мокрой от пота и дрожащей, так и не возникло. Только показало ей разницу, так остро и открыто ту обнажив, что Марина еще долго плакала тихонько, отвернувшись от Анатолия, стараясь не вздрагивать под его рукой.

Теплое бабье лето сменилось холодными осенними днями с пронизывающим до костей ветром и долгим морозящим дождем, что стучался тихо в стекло окон особняка на Фонтанке. От этой серости за окном настроения вовсе не прибавлялось. К тому же, Марина была лишена возможности поговорить с кем-либо по душам о том, что мучило ее сердце и душу. Арсеньевы пропускали этот сезон из-за приближающихся родов Жюли (поговаривали, что она разродится к Филиппову дню), а свою верную няньку, хранительницу тайн и дум Марины, та оставила в деревне. Может оттого-то Марину вдруг потянуло к матери, что вернулась вместе с сестрой Софи в Петербург в начале октября и приехала к Марине с

визитом.

Марине так хотелось, чтобы ее выслушали, чтобы дали мудрый совет, как забыть и начать жизнь с чистого листа, а сама встреча с той, что дала ей когда-то жизнь, разбредила душевные раны. Ей вдруг захотелось во время традиционного обмена поцелуями прижаться к Анне Степановне, чтобы та успокоила ее, как только мать может утешить свое дитя — одним касанием, одним словом. Марина забыла все свои обиды на мать — долгая разлука свела на нет их, а ее измученное сердце так хотела хотя бы немного тепла и понимания, и Марина открылась матери во многом, что бредило ее душу, пока девушки тихонько болтали в сторонке.

Марина рассказала матери о том, что Сергей узнал правду незнамо откуда, как приезжал после этого в Завидово и виделся с дочерью, что у слуг периодически визнают, как поживает маленькая барышня и когда она приедет в Петербург. Повела о том, как страдает, впервые столкнувшись с его ненавистью и презрительным равнодушием, как он приходит к ней в снах каждую ночь (умолчав, разумеется, о характере его ночных визитов). Сама того не ведая, Марина так ждала понимания и тепла от Анны Степановны, что даже немного растерялась, получив в ответ суховатую отповедь:

— Не пристало тебе, моя милая, глупости в себе лелеять. Лучше бы о дите, что носишь тревожилась, да за Катиш поостороже следила. Девушки на выданье — словно глупые куры, когда вокруг них петухи выются. Сразу разум теряют! Разве не помнишь сама об том? Я тебе говорила, что ничего путного из твоей любви не выйдет, вот так и случилось. Только морока одна! Что касается твоей дочери, то ты сама выбрала для нее отца несколько лет назад, и теперь именно твой супруг является им. А Загорский.... Загорский может делать, что его душе угодно! Он теперь девочке никто! Даже подойти к ней не сможет. Немудрено, что он теперь ненавидит тебя. Когда уходит любовь, ей на смену всегда приходит ненависть, уж я-то знаю! Смирись с этим и забудь! Ведь какая жизнь у тебя, подумай сама — ты графиня, супруга любимца императора, ты богата и знатна. Твой супруг пылинки с тебя сдувает, каждый твой взгляд ловит! — будь перед Анной Степановной стол или другая поверхность, то она бы непременно стукнула бы кулаком, словно доказывая истину своих слов. Но сидела далеко от чайного столика, да и руки ее были заняты парой, потому она только кивнула, подтверждая их. А потом продолжила. — А что касемо твоих снов, то и тут никакой тайны нет — ты сама сказала, что чувствуешь вину перед ним, думаешь об том часто, вот и приходит он к тебе. А как забудешь про свои муки совести, так и спать покойно будешь. Так что не думай о прощении, и успокоишь душу свою со временем, раны затянутся. Отмолить все можно, имея желание.

— И даже прощение подобной обиды? — вдруг спросила Марина, и ее мать сразу же уставилась на нее во все глаза. Она тотчас поняла, что невольно подала своей дочери идею, и стремилась сейчас увести ее в сторону от этой опасной темы.

— Il ne faut plus y penser! ^[447] Я запрещаю тебе, слышишь! А не послушаешь меня, так к супругу твоему пойду. Ни к чему тебе прощение Загорского. Люди сотнями лет живут в грехах друг перед другом, и ничего — все живы-здоровы!

Но Марина вдруг ясно увидела для себя — поговори она с Сергеем, объясни ему, в каком положении она находилась тогда, и он поймет и простит ее, непременно простит. Ведь разве был у нее другой выход, кроме как выдать их ребенка за дитя Анатоля и умолчать об этом, сохранить втайне от всех, даже от самого Сергея?

Она знала через вторых лиц, что Сергей и его невеста будут выезжать только до начала

поста, который уже на носу. Потом Варенька вместе с матерью намеревалась уехать из столицы — mademoiselle Соловьева, насколько было известно Марине, была очень набожной девушкой и предпочитала проводить посты, духовно очищаясь в монастыре. Сергей мог бы тоже покинуть Петербург в этом случае до самого начала сезона, и тогда Марина точно не смогла бы изыскать возможность поговорить с ним о том, что так терзало ее душу. А выносить более эти муки совести у нее не хватало сил.

Сначала Марине вовсе не удавалось сделать так, чтобы подойти к Загорскому как можно незаметнее для него самого и окружающих. При встречах с ней он холодно раскланивался и удалялся на другой конец залы, словно быть с ней рядом для него невыносимо. Зато с Анатолем он снова стал прежним приятелем, как она заметила в последнее время. Они часто ужинали в клубе вдвоем, выезжали верхом на утреннюю прогулку в парке и вот сейчас непринужденно беседовали и шутили друг с другом. Это было очередной острой стрелой в сердце Марины — Сергей ясно показывал, что основной виновник она и только она, и даже грехи Анатоля перед ним по сравнению с ее грехами — миленький пустячок.

Наконец, за пару дней по Филиппова поста Марине удалось встретить Сергея наедине, чтобы наконец-то объясниться. Это произошло в той самой бальной зале, где когда-то юная семнадцатилетняя барышня Ольховская, натанцевавшись вволю, вышла подышать воздухом на небольшой балкон и потеряла там серьгу, а кроме нее — свое сердце и душу.

Она не хотела изначально приезжать именно на этот бал, но и Анатолю, и Катиш неожиданно сплотились против нее и уговорили заехать сюда после театра. И вот сейчас она не могла отвести взгляд от той заветной дверцы скрытой легкой газовой гардиной, все так же распахнутой в темноту ночи, чтобы запустить в душную залу свежий воздух с Невы. Ее глаза то и дело возвращались к этой двери, а память неожиданно вернула ее на несколько лет назад, когда она была так молода, так беспечна и так полна надежд.

Марина нашла глазами Катиш, что сейчас шла в кадрили с каким-то кавалергардом в ослепительно белом мундире. Свет многочисленных свечей отражался в его светлых, почти льняных волосах. Марине еще не доводилось видеть такого цвета волос у мужчин, равно как и этого офицера, нахмурилась она. Кто представил его Катиш и когда, если она всегда была рядом с невесткой? Быть может, Анатолю на которого она оставила сестру на несколько минут, пока ходила в дамскую комнату? Или Анна Степановна, что патронировала и Софи, и Катиш в те вечера, когда Марина по причине нездоровья не могла выехать вечером?

Марина прищурила глаза, заметив, как открыто улыбается Катиш своему партнеру. Разве так можно вести себя с кавалером? Надо будет переговорить с невесткой по возвращении домой, решила Марина, но тут же забыла об этом, едва заметила, как опускается на место гардина, пропуская на балкон светловолосую мужскую фигуру в зеленом мундире. А приблизившись к балкону, Марина заметила сквозь легкую ткань красный огонек сигары, что только подтвердило ее догадки. Она быстро осмотрела залу и, убедившись, что все заняты своими делами, и никто не обращает на нее внимания, быстро скользнула за занавесь на балкон.

Холодный октябрьский воздух неприятно ударил по ее обнаженным плечам, и она плотнее запахнула шаль. Потом смело шагнула к князю Загорскому, стоявшему к ней спиной и лицом в сад подле дома. Она не знала, слышит ли он шорох ее юбок сквозь редкие шумы ночного города и музыку, доносящуюся из залы, различает ли ее тихую поступь по мрамору балкона, но Сергей не обернулся к ней даже, когда она приблизилась к нему на расстояние

вытянутой руки. Только плечи и спина напряглись, она видела это довольно ясно.

Они оба молчали некоторое время. Марина не знала, как начать ей разговор, пыталась найти слова, что убедят его простить ее, как вдруг он повернулся к ней и положил свои ладони ей на плечи, заглянул в глаза на мгновение, а потом неожиданно притянул к себе и поцеловал страстно и грубо, сминая ее робкое сопротивление своим напором. Мысли Марины тут же унеслись куда-то прочь из головы, ноги подкосились, и не держи он ее, она бы рухнула на плиты балкона. Ей следовало оттолкнуть его, вырваться из кольца его рук, но она была слаба перед теми чувствами, что Сергей вызвал в ней этими прикосновениями губ и языка. Она полностью отдалась потоку, что захлестнул ее и понес прочь, заставляя забыть обо всем, что их окружало, только прижалась к нему еще теснее и запустила пальцы в его волосы.

Тут же Сергей отстранился от нее, словно только этого и ждал от Марины. Отпустил ее, отошел в сторону и, прислонившись к перилам балкона спиной, стал наблюдать за тем, как она постепенно приходит в себя, возвращается на грешную землю.

— Полагаю, вы за этим сюда прокрались, мадам, — насмешливо сказал Сергей, заметив, как она осознала, что он так жестоко отверг ее сейчас, как медленно наполняются злостью ее глаза.

— О Боже! — выдохнула Марина. — Мне говорили, что ты жесток и циничен, но только сейчас я поняла, как они были правы! Как ты можешь так поступать со мной? Я пришла сюда вовсе не за тем, что подсказала тебя твоя вторая натура *polisson*, я пришла поговорить с тобой, объясниться...

— Объясниться? — с издевкой переспросил Сергей. — Вы полагаете, мадам, что между нами осталось что-то недосказанное?

— Полагаю, да, — кивнула Марина и упрямо вздернула подбородок вверх. Она дрожала то ли от холода, что нынче пробирал ее до костей сквозь легкую ткань бального платья, то ли от нервов. — Полагаю, ты должен знать, что я невиновна в том положении, что сложилось. Вернее, не только я. Ты был объявлен умершим, а наш брак казался тогда только *tromperie* ^[448]. Я оказалась просто в ужасном положении, пойми. Это был единственный выход тогда. А не открылась я тебе, потому что...

Сергей прервал ее, подняв руку. Он подошел поближе к ней, почти вплотную, натянул сползшую было шаль на ее плечи, чтобы хоть как-то защитить их от холода. Жест полный нежности, но голос, который прозвучал над ухом Марины, когда она, запрокинув голову, взглянула с эти ледяные серебряные глаза, был схож по теплоте с той ночной прохладой, что окружала их сейчас.

— Я знаю это. Его сиятельство поведал мне и о своей клятве, и о твоей. Я также понимаю и то положение, в котором ты была. Но скажи же мне, как мне забыть то, что я узнал? Как теперь запретить себе думать о ее больших глазенках и о ее мягких волосиках? Она так похожа на Элен в младенчестве, что оторопь берет! — Он замолк, словно ему было сейчас тяжело говорить о ребенке, а потом продолжил после некоторой паузы — еще холоднее, еще резче. — Ты думаешь, я не могу простить тебе твоего обмана? Как-то я сказал тебе, что больнее всего, когда тебя предают самые близкие люди, те, от которых даже не ждешь удара. Ты мне мнилась такой нежной, такой хрупкой, словно цветок. Удивительно чистая, невинная. Я посему казался сам себе чудовищем рядом с собой. Вот, думал я, тот образчик искренности и чистой любви, что я так долго искал в этом мире. Я хотел жить только для тебя, я думал, ты — иная. А ты такая же, как остальные — лицемерная, лживая,

ищущая свою выгоду во всем...

— Как ты можешь меня обвинять в этом? — отшатнулась от него Марина. Слезы градом катились по ее лицу, но ни она, ни Сергей словно не замечали их. — Я же все объяснила тебе. В чем я солгала тебе? В чем предала?

— Тогда, в сторожке, когда у тебя был шанс все исправить, вернуть мне то, что я потерял по воле злого рока! — прошипел он ей в лицо, не в силах сдерживать свою ярость. — Ты, клявшаяся мне в безграничной любви и предавшая меня, свои слова! Разве любящая женщина способна на это? Делая выбор, кого из нас ты должна лишить счастья отцовства — меня, которого ты по твоим заверениям любишь больше, чем свою жизнь, или его, с которым ты живешь по воле долга, предпочесть его! Навсегда отказать мне в возможности увидеть, как растет моя дочь, как вырастет. Делить с ней ее маленькие радости и разочарования. Повести ее к алтарю. Этого я не смогу простить тебе... Что ты меня всего этого лишила, когда у тебя был шанс все исправить. Разумом могу понять, но простить!

Сергей развернулся с этими словами и направился к дверям в залу, у которых он вдруг остановился, но к ней лицом не повернулся.

— Ты знаешь, я даже рад, что так сложилось. Судьба подкинула мне спасительный плот, за который я с радостью ухвачусь. Твой выбор дает мне право не испытывать к тебе добрых чувств, а это значит, что та любовь, что живет где-то в дальнем уголке моего сердца, рано или поздно исчезнет без следа, освободив от этих оков. И она поможет мне в этом, — он смотрел куда-то вглубь залы, и Марина ощутила очередной укол в самое сердце, подойдя ближе к нему и заметив с какой теплотой он смотрит. — Она именно такая, что способна успокоить мою страждущую душу — преданная, верная, любящая.

— Ну, тогда почему бы тебе не завести собаку? — не смогла удержаться Марина. — Они тоже очень преданные, верные и любящие существа.

Он перевел взгляд на нее, а потом медленно поднял правый уголок рта в усмешке.

— Собаки не могут дать женского тепла и ласки, а она может.

Марина не смогла сдержаться при этих словах, до того они были жестоки сейчас по отношению к ней, до того были грубы.

— О Господи, как ты можешь говорить так! Это же неприлично! — а потом добавила с горечью в голосе. — Как ты жесток!

Сергей по-прежнему усмехался, глядя в ее глаза. Такой безразличный, такой отстраненный, такой грубый и циничный. Тот, прежний Сергей, которого она едва встречала, ведь с ней он всегда становился другим.

— Я никогда не был *un homme comme il faut* ^[449], вспомни сама, моя дорогая. А что касается жестокости, то тут вынужден тебе заметить, что и ты у нас вовсе не образчик милосердия. Не стоит стоять тут на ветру в вашем-то положении, мадам. Или вы надеетесь получить мое прощение на смертном одре, сгорая от чахотки?

С этими словами Сергей откинул занавесь и ступил залу. Вскоре Марина увидела сквозь легкую ткань, как он затерялся в толпе приглашенных на бал. Она же стояла словно оглушенная, не замечая жгучего холода, что обжигал ее плечи и руки. Ей нужно было возвращаться: закончилась кадриль, и Катиш будет искать ее сейчас. Но она стояла не в силах двинуться с места, будто приросла к нему.

Эти жестокие слова! Зачем он намеренно причинял ей боль ими, наслаждаясь ее терзаниями, ее раскаянием? Разве он не может понять, что у нее не было иного пути тогда, в имени Юсуповых, когда они позволили себе забыться на пару дней?

Марина судорожно запахнула шаль на плечах. Она все потеряла. Все...

— О Господи, — взмолилась она, обращая свою мольбу в темноту. — Будь милостив ко мне. Пусть эта потеря будет последней моей в жизни, ибо большей боли моему сердцу не снести!

Но Бог остался глух к ее просьбе, отвернув от нее свой лик, закрыв чистое до этого момента небо, темными ночными облаками.

Утром следующего дня едва Марина поднялась с постели, как вдруг почувствовала себя дурно, перед глазами ее все поплыло, и она упала в обморок прямо у кровати, благо что на мягкий ковер, что уберегло ее от ушибов. Перепуганный Анатоль даже не поехал на службу в ту утро, а срочным порядком послал за господином Арендтом, чтобы тот осмотрел Марину тщательным образом. Он не позволил своей жене подняться с постели и заставил ту дожидаться визита доктора лежа. Даже завтракать ей пришлось тут же в постели, что Марина не любила.

— Не стоит нагнетать страху, Анатоль, это просто обморок, — пыталась она уговорить своего мужа пустить ее вниз в малую столовую, где обычно накрывали завтрак, но тот был неумолим.

— Когда господин Арендт сообщит мне, что твоему здравью нет угрозы, тогда и поговорим, моя милая.

Доктор же встал на сторону Анатоля после осмотра графини Ворониной.

— Вам стоит побольше отдыхать, ваше сиятельство, — говорил он, складывая обратно в саквояж свои инструменты. — Налицо все признаки утомления. Я всегда придерживался мнения, что дамам в вашем деликатном положении негоже вести бурную светскую жизнь. Успеете еще по балам поездить. Думаю, уже на Григорьев день следует ждать разрешения, — он устало протер лоб платком, который достал из кармана сюртука, а потом аккуратно сложил его и убрал. — Кроме того, я весьма рад сообщить вам, что, судя по всему, ребенок расположен согласно его природному положению, а это значит, что опасность, с которой вы столкнулись при первой тягости, благополучно миновала вас во вторую.

— Значит..., — Анатоль с надеждой и радостью взглянул на доктора. — Значит, нам можно не опасаться за здоровье моей жены в разрешении от тягости?

— Ну, по крайней мере, я особых опасений выказать вам не могу, — ответил ему доктор и улыбнулся, видя, как граф, не скрывая своих чувств, прижался губами к губам супруги, а потом с силой сжал ее пальцы. Затем он подскочил к господину Арендту и крепко пожал ему руку.

— Благодарю вас, от всей души благодарю. Вы сделали меня нынче одним из счастливейших людей на свете!

— Помните, мадам, — уже прощаясь, проговорил доктор. — Покой, покой и только покой.

И за Марину взялись довольно серьезно, невзирая на ее возражения. Анатоль решил, что им следует ограничить выезды в свет, оставив только небольшие рауты да оперу иногда в списке разрешенных для Марины. Это вызвало бурную истерику Катиш, такую сильную, что даже в своей половине Марина слышала ее крики из кабинета брата.

— Как ты можешь так поступить?! Это же мой первый выезд в свет! Вы оба губите мою жизнь! Губите!

— Опомнись, Катиш, или я заставлю тебя умолкнуть! — гремел в ответ голос Анатоля. — Ты забываешься!

После, когда Анатоль пришел на половину Марины, чтобы поужинать вместе, она спросила его, чем закончился их разговор с Катиш, и сильно ли та недовольна тем, что ее ограничили в выездах.

— Не думай об этом! — отмахнулся Анатолий от ее расспросов. — Катиш забыла, что четвертого дня начинается Филиппов пост, и Петербург опустеет, затихнет до Рождества. Совсем задурил ей голову флер светской жизни. Ничего, посидит немного дома. А говенье и молитвы умирят ее нрав, и она задумается о том, как подобает вести себя со старшими.

— Но для нее это все видится сейчас гораздо хуже, чем ты думаешь, — возразила Марина. — Она ведь понимает, что и после Рождества я не смогу ее патронировать, — она немного подумала, а потом предложила. — Быть может, моя мать могла бы взять на себя эту обязанность, как ты думаешь?

— Я вообще думаю о том, чтобы увезти вас обеих в Завидово, — задумчиво сказал Анатолий, взяв ладонь жены в свои руки, поглаживая ее нежно. — Рождество в деревне — это так, должно быть... мило. Поставим ель рождественскую, как принято при дворе, позовем на обед всех соседей. Что думаешь?

Что она об этом думает? Да для нее это просто подарок — уехать в деревню на чистый морозный воздух, провести Рождество со своей дочерью и остаться с ней до самой весны. Что может быть лучше?

Но тут Марина вспомнила о том, что этот сезон — первый для Катиш, и насколько это важно для невестки. Потому покачала головой, ласково улыбаясь мужу:

— Я от всего сердца благодарю тебя за это предложение, но все же нам с Катиш следует остаться тут. Ты ведь сам говорил, что мне необходимо быть тут, в столице, где лучшие медики страны. И не возражай мне, дорогой! Но если ты хочешь доставить мне такую же радость, как своим предложением, то прикажи привезти сюда Леночку. Я так соскучилась по ней. Да и сердце мое беспокойно что-то. Пусть лучше будет подле меня.

— Я подумаю над твоей просьбой, мой ангел, — пообещал Анатолий. — Обязательно подумаю.

Марина ничуть не кривила душой, когда говорила о том, что ее снедает какое-то странное беспокойство, некое предчувствие чего-то необратимого. Она то и дело при этом вспоминала маленький гробик, что нынче летом отпевали в Царском Селе, ее племянника и крестника Антошу, умершего от крупа, и сердце ее сжималось в тревоге. Пусть лучше Леночка будет здесь, подле нее, только тогда Марина сумеет побороть свои страхи.

На Параскеву^[450] согласно традиции Марина отправилась в церковь. Существовал обычай, что за день до этого, в так называемые Обеты, можно было дать зарок и сделать его в полном молчании, а следующим утром пойти к Параскеве в церковь помолиться и испросить себе милости Божией и помощи святой мученицы. Именно ее просили по обычаю о семейном счастье и всяком благополучии. Потому Марина и решила пойти вымолить для себя то, что она так желала для себя — покоя и счастья.

— Я так хочу быть счастливой, — беззвучно шептали ее губы перед иконой, — так хочу не страдать более! Прошу тебя помоги мне! Помоги мне стать счастливой супругой и матерью, ибо только в браке и детях вижу свое предназначение нынче. Помоги!

После службы и молитв в храме Катиш, что поехала с Мариной в церковь, умолила ее заехать в парк и немного пройтись.

— Я так засиделась в четырех стенах, — говорила она. — Прошу вас, давайте прогуляемся.

И Марина уступила ей, взяв с нее слово, что та по первому же требованию невестки сядет в карету и уедет домой. Было довольно морозно в тот день, и Марина то и дело поправляла мех на капюшоне своего салопы, глубже прятала руки в муфту. Катиш же

наоборот была на удивление взбудоражена их прогулкой, она то забегала недалеко вперед, то отставала от Марины, заглядевшись на что-то или поправляя шнурки на ботинках. В очередной раз обнаружив, что Катиш снова осталась позади Марины, она раздраженно обернулась, намереваясь воротиться домой, раз та не может идти подле нее и растягивает их маленькую группу из самой Марины, Катиш и двух горничных, что оставались с Катиш, едва та замедляла шаг. Но сейчас Марина заметила, что девушки не поправляют Катиш ни шляпку, ни обувь, а просто та стоит и мило беседует с каким-то кавалергардом. Горничные при этом стояли чуть в сторонке, видно, Катиш приказала им отойти, дабы не слушать разговоров господ.

Марина быстрым шагом приблизилась к этой неожиданной парочке и с удивлением узнала в нем того самого кавалера Катиш на прошлом балу, танцу с которым она была так рада. Кавалергард был уже немолод — ровесник Анатолю или на пару лет моложе. Он был удивительно красив для мужчины — светлые, почти белые пряди виднелись из-под фуражки (подобного цвета волосы Марины становились, лишь выгорев на солнце), правильный профиль, слегка худощавое лицо. А вот глаза напугали Марину — они были неестественно бледно-голубого цвета и, казалось, прожигали человека насквозь.

Катиш покраснела, когда ее невестка подошла к ним, смущенно опустила глаза на свою муфту, будто видела ту в первый раз. А вот ее собеседник ничуть не смутился, только поклонился Марине вежливо:

— Боюсь, что не имел чести быть представленным вам, ваше сиятельство. Не считите за дерзость, если я сделаю это сейчас. Барон фон Шель, Николай Николаевич, — он протянул руку, чтобы взять ладонь Марины, но та лишь кивнула ему ответ, не подав руки, на что имела право, будучи выше по титулу. Почему она это сделала, она не смогла бы объяснить, как бы ни старалась. Просто этот человек вызывал в ней какой-то страх, что-то в его внешности и поведении, направленным на то, чтобы очаровать собеседника (и что ему легко удавалось, надо было признаться!) отвращало Марину от него.

— Enchanté, — проговорила она, кивнув в знак приветствия. Она была так разозлена поведением Катиш, у которой на лбу было написано, как сильно той нравится этот кавалергард, что еле смогла сдержать сухой отповеди, так и рвавшейся с ее губ. Марина ясно видела, что этому мужчине флирт — основа его основа его поведения в свете, а вот такая девушка, как его золовка, — юная и неискушенная — вполне могла принять этот флирт за что-то многообещающее и открыть свое сердце.

— Вынуждена просить простить нас с Катериной Михайловной, но мы должны покинуть вас сейчас, — проговорила Марина барону. — Я совсем продрогла, нынче так морозно. Надобно возвращаться. Au revoir, monsieur baron!

Барон любезно поклонился ей, прощаясь, и повернулся к Катиш. Та же, долго не раздумывая, протянула руку для поцелуя, слегка зарозовевшую на морозе.

— A bientôt! ^[451] — тихо сказала она, желая, чтобы ее услышал только кавалергард, поднесший ее пальцы к губам, но у Марины был тонкий слух, и эти слова не остались скрытыми от нее. О Боже, эта девочка действительно влюблена в него! Не зря ее темно-карие, почти черные глаза так горят сейчас, не зря она то и дело оглядывается украдкой назад по пути к карете, ожидающей их.

— Я так понимаю, что барон фон Шель ухаживает за вами, Катиш, — аккуратно начала Марина по дороге к дому. — Вы были представлены друг другу здесь, в Петербурге? Кто présenter ^[452] вам этого офицера? Я ранее не была знакома с ним, потому не думаю, что у нас

общий круг знакомых.

Катиш опустила взгляд на муфту, в которой принялась ворошить мех своими длинными и тонкими пальцами.

— Мы были представлены в Москве адъютантом генерал-губернатора, — еле слышно ответила она. — Анатолий не стал возражать против нашего общения с бароном в Москве, потому я взяла на себя дерзость продолжить наше знакомство здесь.

— Это не подобает для девушки на выданье, Катиш, — стараясь, чтобы ее голос звучал как можно мягче, произнесла Марина. — Существуют негласные правила, и их надобно соблюдать. Иначе быть беде. Непременно. Москва — не Петербург, тут совсем иные правила общения. Вам следовало прежде посоветоваться с братом, прежде чем поощрять этого человека.

Марина нахмурилась. Выказывая свое расположение к Катиш, барон не считал нужным представиться ее патронессе еще тогда, на балу. Это не могло не встревожить ее — сестра графа Воронина с весьма приличным приданым была лакомым кусочком для любого кавалера, стремящегося поправить свое положение за счет жены. Марина твердо решила нынче же вечером переговорить с Анатолием, чтобы тот навел справки по поводу этого офицера.

Но спустя несколько часов Марина совсем забыла об этом, когда к ней в кабинет, где она читала, полулежа на оттоманке, прибежала взволнованная Таня.

— Барыня, ох, барыня! Там Митька Конопатый из Завидова приехал! С вестями из деревни. Вас просит принять его.

— Разумеется, приму его. Зови, — Марина тут же выпрямилась и спустила ноги на пол. Ее сердце вдруг заколотилось сильнее обычного от какого-то странного волнения. Какие вести привез ей стремянной Завидова? Что ее Леночка? Здорова ли? Это был первый вопрос, который она задала человеку, ступившему в комнату и теперь теребившему в руках волчью шапку. Он несмело отвел в сторону глаза, когда услышал его, и Марина встревожилась не на шутку.

— Что с барышней? Говори!

— Здорова, наша барышня, вот вам крест, здорова! — начал быстро тараторить стремянной. — Бегаёт вовсю по усадьбе, радует нас. Правда, давеча немного покашливала, а нынче здорова, барыня.

— Покашливала? — изумилась Марина. — Почему мне ничего не написали?

— Так писали мы в столицу, барину писали! — удивился стремянной в свою очередь. — Но причины-то для тревоги и не было — даже жара не было у барышни-то. Все дивились — вроде, и промочилась вся, а ничего и не было опосля. Будто и не было того!

— Чего? — холодея, переспросила Марина. — Чего не было?

Стремянной немного смутился, запнулся, но после все же начал говорить:

— В ночь на Казанскую морозец ударил, пруд и подмерз. А Параскевка-то не уследила, барышня на лед и выбежала да провалилась. Слава Пречистой, что пруд осушили давеча. По грудь она и провалилась, неглубоко же стало! А за ней Агнешка, ваша, стало быть, нянюшка, бросилась. Вытащила ее, успокоила, в дом увела. Отпоили ее, обогрели, рожки поставили, вот и обошла стороной ее лихорадка. Здорова она нынче, барыня, вот вам крест! — он быстро перекрестился на образа. При виде этого Марина немного успокоилась — ее дочь жива и здорова.

— А что стоишь будто на поминках? — накинулась на стремянного Марина, и тот

потупил голову. — Параскеву пороть да в ткацкую отдать, а в няньки пусть Агнешка кого подберет. Только ей доверю это! Сейчас Игнату Федосьичу напишу. А ты на кухню ступай, после принесут тебе письмо. Да что ты мешкаешь? Еще что сказать хочешь?

— Не может Агнешка няньку выбрать, барыня, — глухо сказал стремянной, и та вдруг поняла, что худая весть, которая прибыла к ней из Завидова, была вовсе не о ее дочери. — Худо ей, барыня, нынче. Занемогла она после того, как в пруд зашла, в воду ледяную. Зорчиха сказала, грудная у нее. Уже третий день бредит, вас зовет. Игнат Федосьич меня и снарядил в город, вам поведать о беде такой.

Грудная! Марина еле сидела прямо, так придавила будто камнем ее эта весть. В возрасте ее нянюшки грудную редко кто переносил. О Господи...!

— Смотрел ли ее доктор? — спросила она у стремянного, а потом сообразила, какую глупость произнесла. Разве приглашают доктора к крепостной?!

Внезапно она прошла к звонку и резко позвонила, вызывая к себе прислугу.

— Закладывайте мне карету да споро! В Завидово еду! — приказала она и даже прикрикнула, когда дворецкий заколебался, помня о строгих инструкциях своего барина — Марине было разрешено выезжать только в церковь да на небольшие прогулки в парк. После Таня довольно скоро передела барыню в дорожное платье да подготовила небольшой багаж.

Когда Марина уже сидела в карете, а Таня укладывала ей в ноги горячие кирпичи и укрывала тщательно ее колени медвежьей полостью, во двор особняка въехала карета Анатоля, возвращавшегося со службы. Он тут же подошел к супруге и непринужденно оперся на дверцу ее кареты ладонью.

— Собираетесь в путешествие, мадам? — вкрадчиво спросил он. Марина взглянула на него с отчаянной мольбой в глазах.

— Моей няне худо, Анатолий. Она... Понимаешь, она пошла в пруд, когда..., — она смолкла, не зная, известна ли эта история ее супругу. Тот лишь коротко кивнул, показывая, что он в курсе всего, что происходит в деревне, и Марина, не будь так перепугана сейчас, была бы в ярости, что от нее утаили это происшествие.

— Вы, верно, запомнили о своем положении? — по щекам Анатоля так ходили желваки. — К чему ехать в ночь? Ради кого? Ради крепостной?!

— Умоляю, Анатолий, она мне очень дорога. Быть может, я застану только последние минуты, — Марина осеклась, настолько больно стало ей при этих словах. — Я привязана к ней безмерно. Она мне... она мне, как мать!

— Ne divaguer, ma chere! Mere! ^[453]О чем вы?! Я запрещаю вам ехать. И кончено об этом!

Он произнес эти слова таким тоном, что Марина поняла — спорить с ним бессмысленно. Начни она настаивать, он прикажет челяди распрячь коней и убрать карету в сарай, и они подчинятся, ведь это его слуги прежде всего. Он тут хозяин. Ему принадлежит здесь, в этом доме и на этом дворе, все до последнего гвоздя. Даже она, Марина. И тут она горько заплакала от бессилия и горя, что терзали ее нынче. Неужели ей даже не суждено сказать последнее прости человеку, что всегда был близок ей, что всегда был на ее стороне, независимо от того, права ли она была или нет?

Но тут Анатолий наклонился к ней вглубь кареты и стер аккуратно кончиками пальцев слезы, струящиеся по ее щекам. Потом поправил полость на ее коленях, чтобы не было щелей, откуда мог бы дуть холодный ветер.

— Езжай, раз тебе так важно, — тихо сказал он. — Только береги себя и наше дитя,

обещаешь?

Марина схватила эту большую мужскую ладонь в кожаной перчатке и прижалась к ней губами в порыве благодарности. А потом задержала его на мгновение перед тем, как он затворил дверцу кареты.

— Едем со мной! Я боюсь ехать туда одна, — прошептала она. — J'ai peur, Anatole, j'ai peur [454]...

Но ее муж лишь покачал головой, отказываясь ехать с ней в Завидово.

— Я не могу, ты же знаешь. У меня много дел здесь, в Петербурге. Да и как оставить Катиш одну? Я буду ждать тебя здесь и, когда ты вернешься, помогу тебе справиться со всеми твоими страхами.

С этими словами Анатолий плотно закрыл карету, пропустив в нее горничную Марины. Затем отошел к кучеру и проговорил им: «Берегите барыню. Случится что — семь шкур спущу!», а после подал знак трогаться. Карета медленно двинулась, чтобы выехать со двора, а Марина откинулась назад, на спинку сидения, прижимая к губам платок, чтобы приглушить тот стон, что рвался с ее губ. Она не солгала мужу — ей действительно было страшно, ведь смерть так близко она видела только три года назад, когда умерла ее тетушка. Но теперь смерть была иной, она забирала человека, что был в самом сердце Марины, словно у нее из груди вырывали частичку души.

Она думала об этом на протяжении всего пути в Завидово, но тут же одергивала себя — негоже думать о худшем, когда есть еще призрачная надежда на исцеление. И она принималась молиться тихим шепотом, держась за распятие у себя на груди, умоляя Господа услышать ее мольбы.

В Завидово Марина приехала, когда горизонт окрасился серым ноябрьским рассветом. Ее встретили на крыльце Игнат и почти вся домашняя челядь, словно ждали ее, словно знали, что она приедет. Марину тут же по ее просьбе провели в небольшую душную комнатку за лакейской, где на топчане лежала ее нянечка, вся алая от жара, терзающего ее хрупкое тело. Агнешку не стали размещать в людской, опасаясь первое время, что ее болезнь заразна. Но Зорчиха, осмотревшая больную, заверила, что это не так, это просто грудная, что опасности для других вовсе не представляет.

Шептунья и сейчас была здесь, что-то мешая в небольшом глиняном кувшинчике. Она даже не удивилась, когда на пороге этой комнатенке вдруг возникла Марина в расстегнутом салопе, развязывая дрожащими пальцами ленты шляпки. Зорчиха только кивнула барыне и продолжила свое дело, а та быстро подошла к постели больной и взяла ту за руку, тихо позвала по имени.

— Спит она, барыня, — тихо сказала шептунья. — Не буди ее, сил ей надо набраться.

— Значит, — Марина перевела на нее глаза, полные надежды. — Значит, она поправится? Ты видишь это? Видишь?

— Прости, барыня, — покачала головой Зорчиха. — Не питай надежды. Не выправиться ей. Стара она, слаб ее дух, и слабо тело. Пришел ее срок.

Марина ничего не ответила. Только поднесла ладонь Агнешки к лицу и прижала к своей щеке, тихо роняя слезы на постель, на свое платье, на ленты шляпки.

— Разве может быть это, родная? Разве оставишь меня, как оставили другие? — шептали ее губы.

Внезапно она выпрямилась, гневно посмотрела на Зорчиху. Потом встала и, распахнув дверь, кликнула лакея, повернулась к шептунье.

— Не бывать тому! Доктора позову! Он ее своими лекарствами спасет. Что твоя природа в сравнении с наукой? Немец вылечит ее! Обязательно вылечит!

Марина приказала привезти в имение доктора, не сообщив, впрочем, тому, какого именно пациента тому надлежит осмотреть, а сама направилась в детскую, чтобы своими глазами убедиться, что ребенок здоров полностью. Это было действительно так — Леночка была свежа и румяна, с немного заспанными глазенками, ведь мать разбудила ее, не удержавшись и крепко прижав к себе, скрывая свои слезы в ее льняных локонах. Та, даже не совсем проснувшись, почувствовала руки матери, ткнулась к ней в шею, как котенок, с тихим шепотом:

— Мама! Мамочка! — а затем начала что-то рассказывать ей, путая французские и русские слова, торопясь поведать матери о чем-то важном для нее. Марина сначала пыталась разобрать ее речь, но затем бросила эти попытки, решив, что переговорит с дочерью на свежую голову. Она с сожалением передала Леночку девушке, что временно заменяла няню, чтобы ту привели в порядок к завтраку.

За столом дочь по-прежнему была суетлива и шумна, позволяя себе иногда забыть о хороших манерах при матери, смеялась задорно. Погрустнела лишь один раз, когда с сожалением вспомнила о том, что Агнешка больна и не сможет поиграть с ней в кукольный дом, что ей недавно сделали дворовые.

— Неша шила красивых куколок, — сообщила Леночка едва сдерживающей слезы матери. — А вот занавеси и постельку не покончила. Потом, когда не будет болеть, да?

— Быть может, кто другой пусть окончит работу? — аккуратно спросила Марина. Разве можно было сказать ребенку, что нянечка больше не поднимется с постели, и в ее домик ничего более не пошлет. Но Леночка упрямо качнула головой:

— Не хочу другого! Хочу Нешу!

После трапезы Марине сообщили, что приехал доктор, и она тут же поспешила к нему, чтобы он поскорее начал свой осмотр. Сначала немец был очень недоволен, что его вызвали из дома столь рано ради какой-то крепостной, но затем, поймав на себе выразительный взгляд Марины, замолчал и принялся за свою работу.

— Ну? — спросила его Марина, едва он вышел к ней в гостиную, что была ближе всего к передней дома, а значит, и к лакейской. — Какие вести, доктор? Что вы скажете?

Тот с удовольствием подсел к небольшому столику по ее знаку, где для него сервировали легкий завтрак и поставили чарочку водки, что любил принять с утра на грудь. Потом протер свое пенсне и, водрузив его на нос, уставился на хозяйку сквозь стекла.

— Боюсь, что не смогу сказать вам ничего хорошего, ваше сиятельство. В легких полно жидкости, а жар просто пожирает несчастную изнутри. Не будь она в летах, я мог бы дать хотя бы один шанс, но в этом случае..., — он пожал плечами, и Марина поняла, что надежды нет никакой — Господь забирал у нее Агнешку.

Марина почти все утро провела перед образами, быть может, она сможет тогда умолить Богоматерь не оставлять ее без той материнской поддержки и любви, что давала ей Агнешка. Затем она пошла в комнатку к больной, где сидя у постели, утирала той лоб и плечи, чтобы хоть как-то облегчить ее муки. Агнешка в сознание не приходила — то проваливалась в глубины сна, то начинала метаться в постели, что-то выкрикивая на литвинском языке. Тогда Зорчиха прижимала ее к постели, и ту начинал бить тяжелый хриплый кашель, буквально разрывающей ей грудь. При этом нянечка так стонала от боли, что Марина не в силах слышать эти стоны и этот ужасающий ее кашель, закрывала уши

ладонями в отчаянье, тихо плача от собственного бессилия ей помочь.

Спустя некоторое время Зорчиха попросила Марину уйти.

— Ты измотана, барыня, и телом, и духом. Ступай к себе и отдохни. Она уйдет не сейчас, будь покойна на этот счет. А сейчас она не видит и не слышит тебя, только себя мучаешь, барыня. Ступай, я кликну, когда нужно будет.

И Марина ушла, в тот же миг почувствовав, как утомилась от этого напряжения и бессонной ночи в дороге. Но ушла не к себе, а ту же наиболее близкую к лакейской комнате гостиную, чтобы не опоздать, когда будет необходимо спешить к одру Агнешки. Она устроилась на софе, приказав принести себе какую-нибудь шаль из спальни. Ее обложили для удобства подушками диванными (пару под спину, другую под голову на спинке софы), покрыли ноги покрывалом, а на плечи накинули ажурную шаль, при виде которой Марина разрыдалась тихонько, едва за слугами закрылась дверь. Эта шаль была связана Агнешкой еще несколько лет назад, в Ольховском, специально для Марины, но в последнее время она потерялась из вида и не была потому ношена хозяйкой. А вот нынче нашлась...

Марина закуталась в мягкую шаль и положила голову на подушку на спинке софы. Ей казалось, что это ласковые руки ее нянечки обняли ее с нежностью. Оттого ей стало так покойно вдруг, что она тут же провалилась в глубокий сон без сновидений.

Проснувшись же она, когда ее потревожила музыка часов на каминной полке. Она, не открывая глаз, прослушала короткую мелодию, а затем мерный звон, отбивавший время. Шесть часов. Она проспала только три часа, и быть оттого, чувствовала себя такой разбитой. Надо все же заставить себя поднять веки, как бы тяжело это не было сейчас, сходить проведать Агнешку, затем зайти к дочери, решила Марина и приоткрыла глаза. Ей тут ударило в них какая-то яркая вспышка, сквозь прищур она разглядела, что был отблеск горящих свечей в одной из звездочек на эполете сидевшего на софе подле нее мужчины. Марина немного поморгала, чтобы развеять пелену перед глазами, мешающую видеть более ясно, а потом широко распахнула глаза — прямо перед ее лицом рядом с ее рукой, на ладони которой она лежала щекой, на подушке лежала мужская ладонь, на одном из пальцев которой блестел перстень-печатка с ониксом. Она перевела потрясенный взгляд на обладателя этой руки, а после одним резким движением двинулась ему навстречу, буквально вцепилась в его плечи, крепко прижалась к его груди, слегка оцарапав щеку об один из орденов в петлице. На нее вдруг нахлынуло такое облегчение, словно этот человек способен решить все ее трудности, устранил любые ее беды.

— Я узнал давеча вечером в клубе, куда Анатолий приехал ужинать, — прошептал в ухо Марине Сергей, ласково глядя по ее волосам своей широкой ладонью. Тихо стукнула дверь гостиной, пропуская уходящего Игната Федосьича, но сидящие на софе не обратили на него никакого внимания. — Я всю ночь боролся с собой, твердя себе, что это меня не касается более. Но я знал, как она дорога для тебя, как ты ее любишь. И как тебе нынче больно, — он поцеловал ее в висок, а она все же расплакалась, скрывая свои слезы у него на груди. — Я твердил себе, что мне не должно быть до того ровным счетом никакого дела. Разум твердил — забудь, забудь! А сердце кричало криком от тревоги за тебя. И я не смог удержать себя. Вдруг оседлал Быстрого и приехал сюда... К тебе.

— Она умирает... уходит от меня, — прошептала Марина, но Сергей покачал головой, взял ее лицо в свои ладони и приподнял, чтобы заглянуть в ее заплаканные глаза.

— Не думай так. Даже если Господь сделает так, чтобы ее душа покинула бренное тело, она всегда будет подле тебя. Ты это сразу почувствуешь. Надо просто верить, что души

наших близких рядом с нами, просто верить. Верь в это, моя милая, верь, и тебе станет легче отпустить ее в другой мир, без боли, без страданий, без сожалений, — Сергей ласково гладил пальцами ее щеки и лоб, словно стирая боль из ее души, и пусть только на это время, что она сейчас рядом с ним, но ей стало легче и покойнее. Будто он дал ей часть своей душевной силы и выдержки, чтобы пережить то, что творилось нынче в стенах этого дома.

Так они и сидели — рядышком, держась за руки, переплетя пальцы, пока не стукнули в дверь и не сообщили, что Зорчиха зовет барыню к Агнешке. Марина знала, что это означает. Она еле поднялась с софы с помощью Сергея и сначала направилась одна из комнаты, но в дверях вдруг обернулась и протянула ему дрожащую руку.

— J'ai peur, — прошептала она бледными губами, и он сделал то, что она так ждала от своего супруга — шагнул к ней и крепко сжал ее ладонь, подбадривая.

— Тогда сделаем это вместе, — прошептал Сергей, и Марина кивнула, потянув его за собой прочь из комнаты. Ей было все равно, что подумают сейчас слуги, а также узнает ли Анатолий об этой поддержке. Ей было важно, чтобы он был рядом в эту минуту, ведь только в его руках она черпала силы, чтобы пережить этот ужас потери.

— Еще нет, — прошептала Зорчиха Марине, едва та переступила порог, и с любопытством взглянула на шагнувшего вслед за ней офицера, которого она видела так часто в своих видениях. — Но она пришла в себя, и боюсь, более этого не случится... Прощайтесь же ныне, потому и звала.

Марина опустилась на колени перед постелью своей нянюшки, что сразу же с осязательным усилием повернула голову в ее сторону, улыбнулась дрожащими от напряжения губами. Марина схватила ее морщинистую руку и прижала к своей щеке.

— Родная моя, — прошептала она еле слышно, но Агнешка ее услышала, потому как особым светом безграничной любви озарились ее глаза.

— Марыся моя... Ты нибы мне дачка была, что я так хотела от Янусика моего. Такая светлая, такая вирлавокая. Любила тебя больш усих моих дзеток нянченных, — тихим едва различимым шепотом проговорила нянечка с большим усилием. Было видно, что каждое слово дается ей с большим трудом. — Сыходжу, моя милая, сыходжу... Прыйшоу мой час, адыходзила я свае ужо. Абы не покину тебя, замолвлю словцо перад Господом нашим и Маткой Боской. Усе будзе у тебя добра! Слухаешь? Таму что я так хочу. Я хочу, каб ты была шчасливая, и буду нястомна прасиць аб том. Але ты не плач, не плач... Я любила твоих слез тады, не хочу их и цяпер!

— Хорошо, хорошо, — кивала Марина, а потом тихо спросила. — А что с Леночкой...?

— Не трэба, водзи ее сюды цяпер. Хай помниць мяне иншай — не такой страшной, як сеньня. Жар бо мяне зусим вымотал... Помни, милая, помни — загляне сонца и у твае ваконца.

Агнешка устремила свой взор на Сергея, что стоял за спиной Марины, потом сделала знак, что хочет что-то ему сказать. Марина пропустила его к постели Агнешке и отстранилась, как бы ей не хотелось послушать того, о чем Загорскому сейчас так настойчиво шептала старушка в ухо. Затем он снова уступил место Марине, что не сдержалась и кинулась на слабую грудь своей нянечки, обхватила ее двумя руками, словно так она смогла удержать ее душу в этом теле. Рыдания сотрясали Марину, она хваталась руками за свою нянюку, целовала ее морщинистые руки, умоляла не оставлять ее одну.

— Уведзи ее! Не могу больш! — прохрипела Агнешка, тихо роняя слезы на подушки, и Сергей обхватил Марину за плечи и оттащил от умирающей, а затем поднял на руки и вынес

вон из комнаты. Суется Игнат Федосьич, поджидающий их за дверью, повел Сергея в половину Марины, где ту уложили в постель и заставили выпить питье, приготовленное Зорчихой.

— Мак! — оттолкнула Марина чашку. — Не хочу спать! Не хочу!

Но Сергей заставил ее выпить питье до дна, а после прижал ее голову к своей груди и тихо укачивал в своих руках до тех пор, пока ее веки не опустились, и она не соскользнула в глубины сна. Он держал ее в своих объятиях еще долго, ловя каждый ее вздох, каждый стон невыплаканной боли с сомкнутых губ. Он отдал бы сейчас все, чтобы снять хотя бы часть той тяжести и горести, что ей придется пережить завтра поутру, ведь он доподлинно знал, что рассвет старой няньке Марины уже не суждено увидеть.

— Беражы яе. Одна она застанеца на усим белом свете. У яе маці свае клопаты, а сяброўка яе таксама свае семью мае, не до Марысі ей. Не пакінь яе, абячай мяне. Не могу сысці пакойна інакш, — просила его Агнешка хрипящим шепотом.

И он обещал ей. Несмотря на то, что их судьбы с Мариной давно разъединились, а их пути пошли в разные стороны и более никогда уже не пересекутся. Да и разве мог он отказать умирающей женщине, ведь она даже не знала, что он более не властен над собой, более не может быть подле Марины, раз обещался другой?

Сергей вспомнил вдруг, как Агнешка благословляла их с Мариной на крыльце в Киреевке, вспомнил, как улыбалась Марина, как они целовались прямо там, на виду у всей дворни имения Арсеньевых, под дождем из риса и пшена. Он перевел взгляд на Марину, спящую в его руках, отвел прядь волос с ее лица. Она выглядела сейчас совсем девочкой, когда сон смирил ее горе и боль, несмотря на большой живот, на который положила сейчас ладонь, словно защищая нерожденное дитя отчего-то. Сергей тоже положил ладонь ей на живот, чувствуя, как под его пальцами что-то зашевелилось, пришло в движение. Ему вдруг привиделось, что прошедших лет плена не было в его жизни, что он благополучно вернулся с Кавказа, и что они сейчас ждут их первенца, который и шевелится под его рукой.

Еле слышно скрипнула дверь, и в комнату ступила Зорчиха, вот так просто — без стука и позволения, но Сергей уже знал, что это была вовсе не простая крепостная, а потому ничего не сказал. Шептунья скользнула к постели, на которой он сидел, прислонившись к спинке кровати, держа Марину в объятиях.

— Спит, барыня, спит, — прошептала довольно Зорчиха, а потом перевела пристальный взгляд на Сергея, словно прицениваясь, осмотрела его. Затем настойчиво потянула его за рукав. — Уходить тебе надо. Чую, хозяин едет в Завидово, негоже ему видеть тебя здесь. За слуг не думай — они молчать будут, по сердцу им барыня, жалеют они ее. Уходи!

Сергей с явным сожалением переложил свою драгоценную ношу на подушки, накрыл другим концом покрывала. Марина вдруг во сне поймала его руку и прижалась к ней лицом, ткнувшись словно слепой котенок, и у него защемило сердце. Он склонился над ней, легко провел пальцами по ее лбу, скулам, носу, губам, запечатлевая ее образ в своем сердце. Такая нежная, такая безмятежная, такая прекрасная...

Это был последний раз, когда он смог вот так крепко прижимать ее к себе и целовать ее щеки и волосы, ее губы. Больше такого никогда не повторится в их жизни, ведь она супруга другого, да и он скоро пойдет под венец с другой женщиной.

— Иди же! — настойчиво проговорила Зорчиха и потянула его за рукав, а потом вдруг отпустила, словно обожглась об его руку. Это насторожило Сергея, и он в свою очередь схватил шептунью за шаль у нее на плечах.

— Марина говорила, ты будущее можешь видеть. Ты и сейчас видела?

Но Зорчиха лишь отвела глаза от его пронзительного взгляда и прошептала:

— Я вижу картинками, оборванными кусками. Не всегда удастся узнать, что они сказать хотят мне. Иди же, барин, иди! Не доводи хозяина до греха! — она снова подтолкнула его к двери, но потом вдруг задержала. — Не ходи к дочери! И времени нет, да с хранцузской она. А та все барину расскажет. Не ходи! Уезжай сейчас же. Но помни, — она вдруг с силой сжала его кисть, заставляя взглянуть на себя. — Помни обо мне. Не забудь, когда время придет. Не забудь!

Сергей не стал уточнять, что Зорчиха хотела поведать ему этими странными словами, последний раз взглянул в сторону кровати, на которой спала Марина, и вышел вон. Зорчиха еще немного слушала, как затихают его шаги в глубине дома, а затем вернулась к постели, где склонилась над барыней, аккуратно отведя в сторону свечу, чтобы не капнуть на ту ненароком воском. Она все вглядывалась и вглядывалась в лежащую женщину, а потом покачала головой и провела пальцами по ее лбу.

— Бедная ты, бедная, барыня. И что ж Господь столько слез на твой век отвел? Но ничего — за твоими большими слезками покой я вижу, барыня. Покой...

Зорчиха отошла к постели к образам, еле слышно проговаривая слова, прочитала молитвы перед их ликом, крестясь неистово, прося у Всевышнего изменить свою волю, изменить судьбы, что открылись ей нынче, а после, так и не получив ответа, вышла из спальни, тихонько притворив дверь. Иногда ей становилось горше горького, что не вольна она менять участь человеческую. Зачем ей этот дар, когда она не может предупреждать смерти и болезни, а только является свидетелем их, знает заранее, кого понесут на кладбище следующим?

Уже отмеряли нить жизнь каждого, и скоро, совсем скоро некоторые нити будут безжалостно обрезаны...

Она шла по узкому, еле освещенному коридору, в котором еле опознала коридор для слуг их особняка на Фонтанке. Шла от черного входа, миновав несколько дверей в людские помещения и в кухню, затем спустилась по небольшой лестнице в пять ступенек в барскую половину, затворив по привычке за собой дверь. Она не любила сквозняков в холодное время года и всегда настаивала, чтобы все двери в доме были хорошо закрыты, не желая допустить сквозняка, охлаждающего ноги. Затем направилась свою половину, подсознательно ощущая, что именно там должен завершиться ее путь.

По босым ногам все же сквозило холодным ветерком, и она немного продрогла, обхватила себя руками за плечи, осознав, что идет в одной легкой сорочке, даже не накинув шаль. И почему я без домашних туфель и чулок, вдруг подумалось Марине, но ее рука уже надавила на ручку двери, и та услужливо распахнулась, пропуская Марину в собственную спальню. На удивление, она была хорошо освещена и полна людей. Челядь, стоявшая прямо у двери, что затрудняло Марине проход в комнату — лакеи стояли, потупив головы, а горничные утирали слезы краем передника.

Марине не было видно кровати, ее загораживали спины двух девушек, по косе одной из которых Марина узнала Таню, и широкая мужская спина седовласого мужчины, который, слегка сгорбившись, стоял у кровати. В кресле у камина она увидела полулежащего Анатоля. Он был без мундира в распахнутой рубашке, его волосы были растрепаны, а глаза красны, словно он только что плакал. Он выглядел словно марионетка, у которой ослабили нити, — безвольным и слабым, левая его рука свисала с подлокотника кресла, а ноги были вытянуты вперед.

— Все, что мог, ваше сиятельство... все, что мог, — проговорил седовласый человек, и Марина по голосу опознала в нем господина Арендта. Что он здесь делает? Что делают тут все эти люди в ее комнате и у ее постели?

— Марыся, — вдруг раздалось откуда-то справа от нее, и Марина, повернув голову, увидела Агнешку. Она тоже была в белой сорочке и боса и, что удивило Марину — казалась слегка прозрачной.

— Ты жива, Гнеша! Слава Господу! — воскликнула Марина, но тут Агнешка покачала головой и грустно улыбнулась ей. И тут Марина поняла, почему столько людей набилось сейчас в ее спальню, почему они плачут, и почему Анатолий выглядит таким раздавленным. Она обогнула всех столпившихся у кровати, едва не столкнувшись с доктором, что сейчас отходил к Анатолю, и заглянула в постель. Там на белоснежных подушках лежала она сама — в белой кружевной сорочке, с разметавшимися прядями светлых волос. Неестественно бледная, с заострившимися чертами лица, как это обычно бывает у мертвецов. Таня сейчас складывала ей, той, что лежала в постели, руки на груди, роняя слезы на простыни и на сорочку барыни.

Я умерла, пришло вдруг осознание. Я умерла! А потом Марину захлестнул дикий ужас, разрывающий ее на части, и она закричала во весь голос. Она кричала и кричала, а на нее никто не обращал внимания. Только Агнешка тихо уговаривала ее:

— Тише, милая, тише! Успокойся, *ma chere*! Тише!

Марина открыла глаза, все еще продолжая свой визг. В комнате было темно, даже свечи не горели, но уже за окном начинало сереть хмурое утро. Она была в Завидово, в своей

спальне, и ее сейчас качал в своих руках супруг, прижимая ее голову к своему плечу.

— Тише, это был всего лишь сон, мой ангел. Всего лишь сон, — Анатолий гладил и гладил ее по волосам и плечам, и, в конце концов, Марина смогла успокоиться и выровнять дыхание.

— Мне привиделось, что я умерла, — она ухватилась за его мундир так сильно, что натянула его у мужа на спине. — Умерла, понимаешь?

— Это всего лишь сон, вызванный нервами, — по-прежнему, как ребенку втолковывал ей супруг. — Твое нервное состояние да смерть твоей няньки вызвали его, всего и делов. Забудь о нем!

Марина вдруг уловила только одно слово из его увещаний, и оно обожгло ее словно огнем.

— Агнешка...? Она..? — и когда Анатолий кивнул ей в ответ, упала опять в его объятия, заливаясь слезами. — Как? Когда?

— Несколько часов назад. Когда я приехал, она уже была мертва. Ее обмыли и положили в гроб. Он сейчас в лакейской, там отец Иоанн. Надеюсь, твоя нянька была нашей веры?

Но Марина уже не слушала его. Она слезла с трудом с постели, придерживая свой небольшой, но уже ощутимо тяжелый живот, позвонила, чтобы ей сменили платье, в котором она спала, на другое, траурное. Анатолий заклинал ее лечь обратно в постель отдохнуть, говорил, что все устроит сам — и погребение, и отпевание, и все остальное, но Марина была неумолима — Агнешка почти всю ее жизнь была рядом с ней (за исключением отроческих лет), даря ей любовь, ласку и заботу. Посему Марина не могла поступить иначе. Единственное, в чем она уступила супругу — не одевать черного платья, а только темно-серое с черным кружевом, ведь траур дворянки по крепостной, пусть даже и няне, не укладывался в его голове.

Марина просидела у гроба с нянечкой почти весь день, так и не допустив, чтобы Леночка увидела даже краем глаза Агнешку, памятуя о просьбе своей няньки. Она смотрела на ее лицо, стараясь отложить в памяти знакомые черты лица, все глядя и глядя сомкнутые на груди руки няньки.

— Я боюсь, Гнеша, как я боюсь, — шептала она, роняя слезы. Такой испуганной, такой одинокой, Марина чувствовала себя впервые, ведь некому ей было открыть свои страхи и горести, никто теперь не погладит по голове и не скажет: «Супакойся, усе утворицца! [\[455\]](#)». Потом она вспоминала, как уезжала в последний раз из Завидова — не попрощавшись и не простив свою милую верную нянюшку и корила себя за это. Ах, если бы она тогда забрала ее с собой в город! Все могло бы быть тогда совсем иначе!

На погребении Марина еле стояла на ногах. Ее держала горизонтально только рука супруга. Когда же стали сыпать на гроб тяжелые комья земли, она даже прикусила губу до крови, чтобы не закричать во весь голос, настолько страшным для нее был этот глухой стук. Уже уходя, Марина окинула взглядом деревенское кладбище с покосившимися деревянными крестами, темными от дождя и снега, и невольно поморщилась.

— Я поставлю ей камень, хочешь? — вдруг предложил Анатолий, видя лицо жены. — Ты только скажи, что написать на нем, и отдам распоряжения.

— Благодарю тебя, — Марина ненадолго и робко прильнула к мужу, коснулась его губ легким благодарственным поцелуем, но прежде чем он поймал ее, выскользнула из его рук. — Поедем в дом, я продрогла.

На следующий день супруги покинули имение, увозя с собой свою маленькую дочь. Та обрадовалась переезду в город, но настояла на том, чтобы ее новую игрушку — кукольный домик — взяли с собой в возок к бонне и горничной Марины.

— А где Неша? — удивился ребенок, заметив, что старая нянечка не поехала с ними. — Не едет с нами?

— Нет, мой ангелочек, — тихо сказала Марина, прижимая к себе дочь. — Неша ушла от нас. На небеса.

— К ангелам? — уточнила девочка. — Зачем? Пусть вернется обратно! Я не хочу, чтобы она уходила.

— О, милая, я тоже не хочу этого, — едва сдерживая слезы, произнесла Марина. — Но так распорядился Господь. Теперь она будет наблюдать за нами с небес.

— А кто тогда мне пошлет в домик? — огорчилась девочка. — Кто будет играть со мной?

— А я не сгжусь? Я и пошью тебе, что нужно, и поиграю с тобой всякий раз, как ты захочешь, — заверила ее мать, но по дочери было ясно видно, что та сильно расстроилась. Марина, заметив это, погрустнела — Леночке предстояло расстаться не только с любимой нянькой, но и с бонной, к которой так привыкла за последнее время. Едва они тронулась, как Анатолий уже начал увещавать супругу расчитать французенку потому, что не желал видеть ее в доме, ведь та была ходячим свидетельством его предательства. Он упирал на то, что самой же Марине должно быть неприятно, что эта девушка находится с ней под одной крышей, *n'est-ce pas?*

Карета тем временем выехала за пределы деревни, и Марина заметила Зорчиху, стоявшую вдали прямо у края дороги. Шептунья вдруг вскинула руку, призывая кучера остановиться, и карета начала замедлять ход. Тут Анатолий выглянул в окно, чтобы взглянуть на причину и сразу же стукнул кулаком в стенку, мол, поезжай дальше, не тормози.

— Она, видно, хочет сказать что-то, — Марина с тревогой смотрела, с какой скоростью вдруг погнала карета по дороге. — Иначе не стояла бы тут.

Но Анатолий ничего не ответил ей, а неудобно изогнувшись, чтобы не потревожить супругу напротив, смотрел в окно. Марина же поняла, что и Зорчиха не была намерена отходить в сторону, словно любой ценой хотела донести до пассажиров кареты свои слова.

— Анатолий, прикажи замедлиться. Ей некуда отступить, мы же снесем ее! Там за ее спиной канава! — воскликнула Марина, но ее муж только злорадно сверкнул глазами.

— Там ей и место! — неприятно хохотнул он. Марина же в ужасе прикрыла Леночке обзор происходящего за окном и вцепилась в ремень кареты. Отойди в канаву, умоляла мысленно она Зорчиху, отойди! Он ненавидит тебя и, не задумываясь, покалечит. Отойди!

Но Зорчиха упрямо стояла на краю, высоко вскинув голову. Карета буквально пронеслась мимо нее да так близко, что волосы шептуньи разлетелись от ветерка, вызванной этой скачкой. Ее юбку и тулуп заляпала грязь из-под колес, но она, не обращая на это внимания, вдруг побежала следом, что-то крича во весь голос.

— Что она кричит? Что кричит? — вдруг встревожилась Марина и неожиданно опустила окно кареты, впусив внутрь холодный ноябрьский ветер, напугав Леночку, что принялась плакать при виде разозленного отца и озабоченной бледной матери. Анатолий протянул руку и резко поднял окно обратно.

— Ты с ума сошла?! Ребенка хочешь застудить! Бред она кричала. Полный бред! Я всегда говорил, что она безумна, могла ведь под колеса попасть! — но видя встревоженное

лицо супруги, жалился над ней и все же сказал. — Черное лицо! Не пускай в дом черное лицо, вот что она крикнула. Бред!

Он сжал ладони жены, призывая ту успокоиться, а потом заверил Леночку, что ничего страшного не случилось, просто мама и папа поспорили, больше не будут. Та вскоре затихла, а Анатоль продолжил свою речь, что вел до этого странного происшествия.

Катиш, говорил он. Разумеется, на сносях Марина не может выезжать в свет, а потому для Катиш будет разумнее сократить и свои выходы. Никуда от нее не денется петербургский свет, можно ведь выехать и на следующий год. Семнадцать лет — это не такой уж страшный возраст, чтобы думать об этом сезоне, как о последней возможности найти свою судьбу. Ничего, смирится. Конечно, можно было попросить Анну Степановну патронировать его сестру, но Анатоль очень опасался, что повторится история Лизы, а он не хотел, чтобы хотя бы малейшее пятно пало на имя Ворониных. Пусть Анна Степановна получше следит за одной дебютанткой — собственной дочерью Софи.

Леночку Анатоль запрещает категорически выводить в парк для прогулок. Не дай Бог, какого дурного человека встретит (Марина поняла прекрасно, с кем именно не желал Анатоль встреч Леночки, но промолчала). Моцион можно сделать и в саду особняка. Пусть сад небольшой, но вполне для этих целей подойдет. А вот знакомство Леночки с Матвеем Сергеевичем следует немедленно прекратить! Он ей совершенно посторонний человек, негоже их дочери пока принимать визиты, мала еще. Кроме того, Анатоль очень зол на старика, что тот открыл чужую тайну, и пока не желает видеть его в собственном доме под предлогом запрета визитов в пост.

И наконец — сама Марина. Срок уже почти подходит к концу, осталось-то всего три месяца до разрешения. Значит, Марине следует уделять своему здоровью пристальное внимание, они ведь хотят, чтобы на свет появился здоровый и крепкий наследник, и да сами роды чтоб прошли без осложнений. Потому его супруге стоит забыть о своих прогулках и визитах, тем паче, Жюли в деревне, а остальных знакомых можно принять и у себя коротким визитом. Что касается церкви, то Анатоль открыл в доме молельную, и Марина можно спокойно творить молитвы в ней, а вот на Рождественскую службу они поедут в Аничков дворец. Их на службе, а также на последующем празднике желает видеть императорская чета.

Марина же только кивала в ответ на все его реплики и предложения и произносила «Ainsi soit-il ^[456]», прижимая к себе задремавшую в пути дочь. Ныне он снова видел ту, прежнюю жену, что была с ним рядом последние годы, до возвращения князя Загорского — послушная, тихая, вежливая, и Анатоль только радовался, что все идет так, как он хотел, что теперь все снова будет как прежде. Да, кто-то может решить, что он всячески ограждает Марину от всего внешнего мира, и от князя Загорского в том числе, но береженого Бог бережет. Пусть лучше будет все, как есть.

— Самое мое горячее желание, — говорил Анатоль, целуя Марине пальцы. — Чтобы в нашей семье снова установился мир и покой. Чтобы мы как прежде жили ладно и счастливо. Мы ведь были ранее так счастливы, n'est-ce pas? Прошу тебя пойди мне навстречу, стань прежней моей супругой — нежной, послушной, ласковой. Я более ничего прошу, я буду доволен и этим.

И Марина уступила его требованиям полностью. Бонна была уволена, несмотря на слезы Леночки, что не желала расставаться с француженкой, дом на Фонтанке почти закрылся для светских визитов, а сама Марина перестала выезжать даже в церковь и парк,

совершая частые прогулки с дочерью в пределах домашнего сада. На нее впервые за последние месяцы сошли покой и умиротворение. Почти все свое свободное время Марина проводила с дочерью, радуясь этой невольной свободе побыть с собственным ребенком, ведь ранее у нее на это оставалось так мало часов. Они вместе играли в домик и куклы, вместе постигали основы рукоделия — Леночка пожелала научиться самой шить куколок, и ей в этом не смогли отказать.

Кроме этого, Марина постепенно готовила приданое для малыша, что должен был появиться уже в начале следующего года. Она перебирала рубашечки и пеленки, что остались после дочери, откладывая в сторону то, что требовало починки или просто другой отделки, а также шила новое, вышивая на полотне легкие узоры нежно-голубого или синего цвета. Ведь она прекрасно помнила, что Зорчиха предрекла ей рождение сына, а шептунья никогда не ошибалась.

Да и сама Марина каким-то шестым чувством ощущала, что носит под сердцем мальчика. Вечерами, перед тем, как провалиться в глубокий сон, она поглаживала свой живот, ощущая пальцами легкие движения внутри и умиротворенно улыбалась. Ей с некоторых пор так сильно хотелось прижать к себе это маленькое тельце, коснуться губами легкого пушка волос на голове младенца, прижать к себе. Леночка уже была большая и часто отбрыкивалась от материнской нежности, уже всюю отстаивая свою независимость, а вот младенец будет еще долго искать ласку матери, будет полностью зависим от нее.

Временами, правда, на Марину накатывал какой-то странный липкий ужас перед будущим, перед предстоящими ей в скорости родами. Что, если что-то пойдет не так? Что если ее сон о собственной смерти был все же вещим? Что, если ей не суждено увидеть этого младенца, вырастить его самой, наблюдать за его отрочеством и юношеством? Иногда ей виделось в смерти избавление от тех мук, что выпало на ее долю в последнее время, и по малодушию она признавалась себе, что, быть может, это было бы благом для нее нынче, когда она столь многое потеряла. Но потом Марина смотрела на свою дочь, играющую или рисующую у ее ног на ковре, и одергивала себя. Леночка и этот нерожденный пока малыш — вот о ком ей надлежит думать, а о не себе. Вот кому отныне принадлежит ее жизнь. И она успокаивалась, улыбаясь дочери, нежно поглаживая живот, в котором ворочался беспокойный малыш.

Но говорить о том, что в доме Ворониных с этих пор все стало мирно и тихо, было нельзя. Катиш вовсе не желала мириться со своим ограничением свободы, ведь Марина более не выезжала даже в парк, а значит, и Катиш была обречена остаться в четырех стенах особняка на Фонтанке.

— Что мне здесь делать? — кричала она Марине в лицо, когда та отказала ей в выезде на прогулку, ссылаясь на распоряжение Анатоля. — Заняться чтением? Рукоделием? Или просто смотреть в окно?

— Pourquoi pas? ^[457]Достойные занятия для молодой девушки, — отвечала ей та тихо, не желая спорить с невесткой. А потом все же ввернула, разозленная криком невестки. — А не тайком видаться с кавалерами в парке. Вы ведь потому так сердиты? Что не имеете более возможности встречаться с кем-либо?

Катиш прищурила глаза в ярости, сжала кулаки, и Марина невольно поразились тому, насколько она похожа на своего брата. Так же обострились черты лица, что нос стал похож на клюв, словно Катиш превратилась на ее глазах в хищную птицу, так же яростно сверкали темные глаза.

— Это распоряжение вашего брата, Катиш, не мое. Ступайте к нему, ежели у вас есть возражения.

— О! Я ненавижу его, ненавижу! Скоро он не посмеет мне указывать! — выкрикнула Катиш и убежала в слезах из салона, заставив Марину задуматься над словами и поведением невестки. Судя по всему, она довольно серьезно была увлечена, и Марина даже представить себе боялась, как отреагирует на ее симпатию Анатолий, уже сосватавший в своих планах сестру за графа Строганова. Она вспомнила, как хотела поговорить с ним о том странном бароне, что видела подле Катиш и на балу, и в парке, но так и не осуществила задуманного из-за своего отъезда в Завидово. Необходимо срочно разузнать об этом бароне и, если потребуется, принять меры по поводу этой увлеченности, пока она не переросла в нечто большее. Таких страданий, что выпали на долю Марины, она не хотела никому, даже ненавидевшей ее невестке.

Но она не успела переговорить со своим супругом. На следующий же день во время дневного отдыха, когда Марина и ее дочь легли отдыхать после обеда на половине Марины, в спальню вбежала Таня. Она тронула хозяйку за плечо, заставляя ту пробудиться.

— Барыня, барыня, вас просят спуститься вниз, в гостиную малую, — тихо, но явно встревожено прошептала она. — Там такое творится!

Марина аккуратно переложив со своей руки на подушку голову спящей Леночки и, наспех поправив платье и натянув домашние туфли, поспешила спуститься из хозяйской половины вниз. Уже на лестнице она ясно расслышала крики Анатолия. Судя по всему, тот был не просто в ярости, а в бешенстве.

— Я сгною тебя в келье монастырской! Змея! Какая ты змея! Ты, отпрыск нашей славной фамилии! — доносился из глубины комнат его грозный голос. — Как ты посмела! Как он посмел!!!

— Что случилось? — спросила Марина у дворецкого, который явно не знал, что ему делать — войти ли в комнаты или переждать бурю здесь, в безопасности от хозяйского гнева. Он быстро повернулся к ней и проговорил:

— К барину какой-то офицер приходил. Скоро они поговорили в гостиной, и барин стал лакеев кликать, чтобы этого офицера из дома погнали да за ворота выкинули. «В грязь, — кричал барин. — Прямо в грязь, чтобы знал свое место!».

— И вы, надеюсь, просто вывели его? — холодея, спросила Марина. Оскорбить подобным образом офицера означало дуэль, несмотря на запрет оных. Только кровь могла смыть такой позор.

— Нет, ваше сиятельство, мы всего лишь до двери его проводили в переднюю. А потом барин велел позвать Катиш, и вот теперь что творится! Ступайте туда, барыня. Уж больно барин зол! Хлыст себе велел подать!

Марина же сомневалась, что способна утихомирить своего разбушевавшегося мужа. Она знала, что сейчас самое главное было увести из гостиной Катиш, а оставшись один и побив безделушек или вазы, Анатолий выпустит свой гнев и успокоится сам. Она аккуратно ступила в гостиную, протиснувшись сквозь щель приоткрытой двери, и огляделась. Анатолий, ярко-красный от распирающих его эмоций (Марина даже испугалась, что его может хватить удар), стоял посреди развороченной гостиной. Вокруг него валялись перевернутые кресла и столик, виднелись в ворсе ковра остатки вазы и сломанные цветы, что стояли в ней. Катиш сжалась в комок у стены, забившись в угол между небольшой этажеркой и канапе.

— Прощу тебя! — рыдала она. — Прощу! Только не хлыст!

— Анатолий, — тихо сказала Марина, не в силах смотреть на эту страшную картину. Он тут же повернулся к ней, и она ужаснулась его виду: покрасневшие белки глаз, раздувающиеся ноздри. — Что тут происходит? Вы переполошили весь дом, мой дорогой. Смотрите, вы напугали Катиш до безумия.

Марина смело шагнула к Катиш и обняла ее за плечи. Та тут же приникла к ней, ища у нее в руках свое спасение от гнева брата.

— А вы не желаете поинтересоваться, мадам, какой проступок совершила ваша дражайшая золовка? — вкрадчиво спросил Анатолий. — Не желаете поинтересоваться, почему ко мне, потомуку знатной графской фамилии, потомственному — заметьте! — дворянину, приходит какой-то жалкий офицеришка и нагло осмеливается просить руки моей сестры, заявляя, что они питают искренние и нежные чувства друг к другу? Что это, Катиш? Не потрудишься объяснить, когда и как могли возникнуть эти нежнейшие чувства?

Тут вдруг Катиш выпрямилась, вырвавшись из рук невестки, и смело встала перед братом.

— Я тебе хотела рассказать ранее. Я встретила его в Москве, на балу у генерал-губернатора. Он служит в кавалергардском полку Его Императорского Величества, майор. И он не какой-то офицер — он барон, у него имение в сто двадцать душ в Псковской губернии, — запальчиво проговорила она, а потом добавила тихо. — И я люблю его, Анатолий. Разве он не может составить мое счастье? Разве ты не хочешь сделать меня счастливой?

Секунда, и ее голова откинулась назад под силой пощечины, что тут же залепил ей брат.

— Как можешь ты твердить мне о какой-то любви? Ты — едва вышедшая из детской и где, судя по всему, твое место должно быть до сих пор! Пошла к себе! Отныне ты даже из своей комнаты выходить не будешь. Возьмешь родословную книгу и будешь переписывать ее до тех пор, пока я не решу, что ты достаточно уяснила, каких кровей ты потомок! А после в деревню поедешь, голову проветрить на свежем воздухе! Пошла, говорю, вон!

Катиш не стала дожидаться, когда брат еще раз крикнет на нее, и убежала прочь из комнаты в слезах, а Анатолий огляделся вокруг, заметил беспорядок и шагнул в салон из этой разгромленной комнаты, откуда позвонил, чтобы навести порядок. Потом сел в одно из кресел и сжал виски пальцами.

— Голова просто раскалывается, — пожаловался он шагнувшей в салон след за ним Марине. Она подошла к нему, встала позади кресла и принялась разминать ему виски, как делала не раз в последнее время, когда его одолевала мигрень. — Я и помыслить не мог, что она способна на это. А этот кавалергард! Экий олух! Явиться сюда с таким предложением! Он в момент вылетит из полка за подобную дерзость, уж я-то устрою!

— Прошу тебя, Анатолий, оставь его в покое, — попросила его Марина. — Уверена, тот сам уже не рад, что пошел на это.

— Ах, мой ангел, ты так великодушна! — супруг поймал одну из ее ладоней и коснулся ее пальцев губами. — Вот мне бы хотя бы долю твоего милосердия! Хорошо, ежели ты так желаешь, я не стану преследовать его. Барон! Какой он барон? Присвоил себе незаконно титул и пользуется им. Он — «офицерское дитя» [\[458\]](#)! Как можно и помыслить ему о браке с моей сестрой?! Имение в Псковской губернии! Да оно перезаложено уж не десяток раз! Он гол, как сокол, вот и вцепился в Катиш, а та, дура, не понимает этого. Видимо, испугался, когда я, заметив его под окнами нашими, стал справки наводить о нем, вот и явился сюда. *Mesure préventive!* [\[459\]](#)

— Не злись на Катиш, она еще так молода и наивна, — попросила Марина. Анатолий

вроде бы начал успокаиваться, глядя ее руки, и она попыталась смягчить наказание для Катиш. — Вспомни, она ведь только из пансиона. Разве ей приходилось видеть ранее столь близко красивых мужчин? А этот барон, то есть майор, столь красив, признайся, что может легко вскружить голову наивной и юной девушке. Да и флирт ей по неопытности так легко принять за любовь к ней.

Она вдруг замерла, почувствовав, как напрягся под ее руками Анатоль, и сразу же заподозрила неладное. Он схватил ее за кисть руки и вытащил с силой из-за своей спины.

— Откуда ты знаешь, что он красив? — прищутив глаза, вкрадчиво спросил он. — Ты знаешь его? Не ты ли позволила этому зайти так далеко? Не ты ли закрыла глаза на этот флирт?

— Помилуй Бог, Анатоль! — запротестовала Марина, невольно краснея. — Я видела его всего пару раз: первый — на последнем балу, еще до поста, а второй — в парке в день, когда узнала... когда уехала в Завидово. Тогда-то он и представился мне сам. А до того дня и знать его не знала. Думала, что ты позволил Катиш принимать знаки внимания от него или...

— Ты должна была мне все рассказать тотчас, как узнала об этом! — прогремел Анатоль. — А не ехать, сломя голову, в деревню к смертному одру крепостной! Ты пренебрегла своим долгом ради прихоти!

Марина вырвала руку из его пальцев. Она тут же вспыхнула от необоснованной обиды, а еще от того, что даже теперь, прожив с ней бок о бок столько лет, Анатоль так и не смог понять ее, не смог не принижать ее чувства, ее потери, ее желания.

— О прости меня, ради Бога, что я была просто убита вестью о том, что умирает близкий мне человек, и не смогла дать тебе отчета обо всем! — едко проговорила она и, сделав быстрый книксен, направилась вон из салона. Слуги, приводившие соседнюю гостиную в порядок, разумеется, слышали этот скандал, но она не обратила на них ровным счетом никакого внимания, равно как и на их сочувствующие взгляды. Как же она устала от этого! Как же устала! Эти скандалы, размолвки, крики. Они жили, как на вулкане — несколько дней или седмиц спокойно, но затем опять извержение, разрушающее все, что было выстроено упорным трудом за прожитые спокойные дни.

С того дня дом погрузился в вежливое молчание, потому как его обитатели общались встречаясь исключительно за общими трапезами. В этот раз Анатоль решил проявить твердость и пойти на мировую со своими женщинами, только когда они сами придут к нему с повинной, но ни жена, ни сестра не делали этого, каждая лелея свою собственную обиду.

Катиш плакала почти каждый Божий день, а спустя некоторое время, накануне Сочельника, пришла как-то вечером в половину Марины, изрядно удивив последнюю. Та поспешила отложить в сторону книгу, что читала в эту минуту, и приготовилась выслушать невестку.

— Умоляю вас, — начала та. — У меня более некого просить об том, и я знаю, что вы можете повлиять на решение моего брата. Я люблю Николая Николаевича, я полюбила его с первого взгляда. Неприятие этого брака моим братом сводит меня с ума. Умоляю вас, — прежде чем Марина сумела остановить ту, Катиш бросилась перед ней на колени. — Переговорите с Анатолом. Я готова отказаться от своего приданого, ежели он так пожелает, пусть только позволит...

— Ma chere, о чем вы? — Марина положила ладони ей на плечи и ласково сжала их. Милая юная влюбленная наивная девочка! Ей казалось, что только прихоть Анатоля разделяет ее с человеком, которого она по неопытности выбрала в свои суженые. — В этом

вопросе я не имею влияния на своего супруга. Ни малейшего. И, Катиш... Этот человек, он совсем не тот, каким кажется вам.

Тут же Катиш вырвалась из ее рук, отступила в сторону. Потом сверкнула глазами в сторону Марины.

— Вы не понимаете! — заявила она. Марина увидела, насколько она погрязла в своих заблуждениях, и страх сковал ее сердце. Она ясно видела, что Катиш даже не понимает, к каким последствиям может привести этот брак, по своей неопытности не догадываясь, что в мире существуют ложь и притворство. Но даже если и кавалергард был влюблен в Катиш, то и в этом случае счастливого конца у этой истории не предвиделось.

— Это вы не понимаете, Катиш. Выслушайте сейчас меня, не как ненавистную вам [brü](#)^[460], а как совершенно стороннего человека, что видит, как вы пытаетесь погубить вашу судьбу, ваше будущее! — Марина встала с кресла и подошла к золовке, взяла ее ладони в свои руки, заглянула той в глаза. — Фон Шель — не пара вам, Катиш. И не потому, что он менее знатен, а его состояние не может сравниться даже с вашим приданым по размерам. Упомянутое вами имение было несколько раз перезаложено, его дела совершенно расстроены. Сам же он вовсе не имеет титула, личное дворянство было пожаловано его отцу, а не ему, потому он не имеет права зваться бароном. Именно поэтому брак между вами невозможен, ведь вы принадлежите к потомственной дворянской семье.

— Нет, я не хочу верить вам! Это неправда! Вы лжете! — Катиш попыталась вырвать свои ладони из рук Марины, но та непустила ее. — Вы даже не понимаете, каково это, когда ты никогда не сможешь быть с любимым человеком!

— О нет, — с горечью возразила ей Марина, и Катиш вдруг замерла на месте, глядя невестке в глаза. — Это-то я знаю, как никто иной!

Золовка неловко убрала руки из Марининых ладоней, и в этот раз та не стала ее удерживать. Катиш медленно развернулась и пошла к дверям, у которых задержалась на мгновение, тихо произнесла, вполоборота к невестке:

— Я всегда подозревала, что мой брат безразличен вам, потому и ненавидела вас всей душой. Его супругой должна была стать дочь наших соседей, вот кто любил его безгранично, — она немного помолчала и добавила. — Я не смирюсь, Марина Александровна. Вы ведь знаете сами — Воронины всегда добиваются того, чего хотят. И пусть я пожалею потом о своем поступке, но я получу то, что хочу. А хочу я быть с тем, кого вы считаете проходимцем и обманщиком. Он не такой. Мое сердце не чувствует обмана. Он любит меня, а я люблю его. И мы обязательно будем вместе. Я клянусь вам!

— Подождите, Катиш, послушайте..., — начала Марина, но та уже не слушала ее, быстро покинула кабинет невестки, унося с собой твердое решение добиться своего чего бы то ни стало, даже ценой отречения от собственной семьи и собственного имени.

Марина же осталась одна и всю ночь провела в раздумьях над словами золовки. Стоит ли ей рассказать Анатолию о том, что Катиш настроена так решительно стать супругой фон Шея? Или утаить, скрыть от него их странный разговор нынче вечером? Но она в ссоре с супругом и пойти к нему для нее означало уступить первой, смириться с тем, что он способен пренебрегать ее чувствами и желаниями. Но с другой стороны, разве это не ее долг — усмирить свою гордыню, переступить через самое себя и преклониться перед супругом, которому приносила клятвы повиноваться беспрекословно?

Ее тяжкий выбор был сделан за нее. Когда за окном слегка стемнело, и в доме уже зажгли свечи, но до принятия первой пищи еще было время, к Марине поднялся лакей и

сообщил, что барин просит спуститься ее в большую гостиную. Обрадованная, что Анатоль все же решил пойти ей навстречу, она быстро подчинилась, накинув на плечи узорчатую турецкую шаль, ибо на первом этаже особняка в эту зимнюю пору гулял легкий сквозняк, и Марина боялась простуды. По пути она столкнулась с нянькой, ведущую Леночку вниз по ступенькам, и узнала, что ту барин также позвал в большую гостиную, перед закрытыми дверьми которой они столкнулись и с Катиш. Таким образом, собралась вся семья, гадая, что за сюрприз был приготовлен им за этими затворенными дверьми.

— Мои дорогие и любимые девочки, — раздалось за их спинами, и к ним подошел Анатоль. Потом он расцеловал каждую из своих любимых женщин, а маленькую Леночку взял при этом на руки у няньки. — Я приготовил для вас нечто удивительное. Надеюсь, это порадует вас в этот благодатный вечер.

По его знаку лакеи распахнули двери, и вся семья шагнула в комнату, а увидев то, что таилось до этого вечера от их глаз, зачарованно ахнули, а Леночка радостно заверещала и стала дергать ногами, показывая, чтобы ее отпустили на пол, желая подбежать и потрогать это чудо своими ладошками.

— Weihnachtsbaum ^[461], — произнес Анатоль, довольно улыбаясь. Он был рад тому эффекту, что произвела эта высокая ель в центре комнаты, украшенная цветами, картонными фигурками, конфетами, бумажными фонариками и гирляндами. — Я решил перенять традицию Их Императорских Величеств на Рождество и поставить для нас свое собственное дерево Рождества.

— О Боже, Анатоль! Это чудесно! — выдохнула Марина, счастливо улыбаясь ему, и он спустил на пол дочь, которая тут же побежала к елке в сопровождении няньки и лакеев. А потом привлек к себе жену и крепко поцеловал ее в губы. Та сначала опешила от подобного напора, а потом сдалась и расслабилась в его руках.

— У меня для тебя есть подарок, милая, — улыбнулся Анатоль жене, а потом повернулся к Катиш, что еле сдерживалась ныне, чтобы не побежать к елке, как ее племянница, изо всех сил сохраняя достоинство юной женщины, которой не подобало сейчас прыгать от восторга и хлопать в ладоши, трогать это красивое дерево. — Катиш, прости меня. Я глубоко сожалею, что накричал на тебя, что ныне мы не ладим. Прошу, давай в этот вечер забудем все наши разногласия и обиды.

Катиш тут же бросилась ему на шею, и он крепко обнял ее, потом отстранил и поцеловал в лоб.

— Беги, милая. Уверен, тебе тоже хочется рассмотреть дерево.

— Да и я не откажусь, — рассмеялась Марина и взяла под руку супруга. Наконец-то у них наступает время семейного покоя и лада! Только вот... — Я должна тебе кое-что сказать. Насчет Катиш.

— Не сегодня, — тут же резко отрезал Анатоль, и Марина не стала с ним спорить.

За столом они оживленно беседовали, шутили и смеялись над Леночкой, что перемазалась по уши рождественской кутьей, забыв на время праздника свои разногласия и споры. Так же все вместе в приподнятом настроении уехали в церковь Аничкова дворца, богато украшенную цветами и еловыми ветками, где присутствовали на всенощном бдении в честь праздника.

Марина стояла под расписным куполом, с восторгом наблюдая великолепное убранство церкви, вторя словам архиерея. Все вокруг с трудом сдерживали улыбки, встречая миг прихода божественного младенца в этот мир ради спасения человечества. Она случайно

встретилась взглядами с государем, что улыбнулся ей одними глазами в то время, как ни один мускул не дрогнул на его лице, а вот императрица, стоявшая подле него, не скрывала своей благоволящей улыбки, и Марина благодарственно склонилась в ответ. Их тоже ждало Божье благословение в следующем году — старшая дочь Николая I, великая княгиня Мария Николаевна, носила первенца.

А потом Марина перевела взор на супруга, стоявшего рядом с ней, радостно поймала его взгляд на себе. Все будет хорошо, вдруг подумалось ей, и ее душу вдруг захлестнуло ощущение безграничного счастья и восторга, когда запел хор «Яко с нами Бог», и она присоединила свой голос к многочисленным прихожанам, собравшимся ныне в храме. Она искренне хотела верить, что все плохое, все горести и слезы остались позади, а впереди ее и ее семью, ее родных ждет только радость и покой.

Так должно быть. Так непременно будет!

После всенощной семья Ворониных вернулась в особняк на Фонтанке. Анатолий хотел задержаться, чтобы переговорить с многочисленными знакомыми, что заметил во время службы среди прихожан, но Марина упростила его уехать, сославшись на усталость. Она действительно устала — в последнее время ей было уже тяжело носить, а ведь до разрешения еще было долго, аж до самой Масленицы.

— Не большой ли у меня ребенок будет? — беспокоилась Марина. — Ведь, когда я носила Леночку, живот был намного меньше.

— Успокойтесь, ваше сиятельство, — неизменно отвечал ей доктор. — У вас все хорошо. А что касается размеров, то все дети разные, потому и тягости непременно разные.

Так-то оно верно, но Марине все равно хотелось побыстрее разродиться, ведь в первую ее тягость ее не мучили то бессонница, то какая-то странная слабость, и не отекали ноги от столь долгого стояния в церкви, как ныне, на рождественскую службу.

Именно поэтому, принеся поздравления и пожелания всех благ императорской чете, супруги поспешили домой, при этом Марина чувствовала себя такой вымотанной, что чуть не заснула в карете, несмотря на щебетание Катиш, впечатленной службой и собственным присутствием при особах царской крови столь близко. Именно поэтому она сидела, а не стояла подле супруга во время поздравления их многочисленной челяди, а за столом то и дело скрывала зевоту.

— Ступай к себе, мой ангел, — улыбнулся Анатолий, отпуская ее к себе. — Наберись сил перед праздником во дворце. А мы с Катиш продолжим трапезу в компании друг друга.

Марина, не медля ни минуты, последовала его совету, пожелав своим сотрапезникам доброй ночи, ушла к себе. За окном вовсю шли гуляния, словно днем на Масленицу, откуда-то доносился гомон веселящейся челяди (видно, дверь в коридор для прислуги была приоткрыта), но Марина почти сразу же провалилась в сон.

Она вдруг снова очутилась на зеленом лугу, но в этот раз местность была ей незнакома. Была дивная летняя пора, где-то вдалеке щебетали птицы, наслаждаясь теплыми лучами яркого солнышка. Марина приподняла немного юбку и пошла по траве, сминая полевые цветы, выглядывающие из этого моря зелени. Легкий ветер шевелил пряди ее волос, выбившихся из прически, играл длинными лентами шляпки, что сейчас не были завязаны и просто свисали на грудь.

Какое-то странное чувство неудержимой радости переполняло грудь Марины, она запрокинула голову, придерживая шляпку на затылке, и посмотрела в ясное голубое небо, наслаждаясь этим дивным днем. Внезапно до ее слуха донесся топот копыт по сухой дороге, что еще ранее Марина заметила на краю луга, и она перевела свой взор на всадника, быстро приближающегося к ней. Она тут же узнала его. Не по фигуре или светлым прядям волос, что были едва видны нынче из-под фуражки. Она узнала его по его странной манере ездить верхом — чересчур прямо, удерживая коня только одной рукой на кавказский манер. Всадник на мгновение склонился вниз и сорвал луговые цветы одним махом, затем еще и еще, пока в его руке не оказался целых ворох этого разноцветного великолепия.

Спустя миг он уже был подле Марины, что ждала его приближения, затаив дыхание от волнения и восторга, остановил коня за пару шагов от нее, а потом спрыгнул, быстро приблизился к ней и схватил ее в свои объятия. Ее губы тут же раскрылись навстречу его

губам, она буквально таяла от той сладости, что дарил ей этот поцелуй, а ноги подгибались, словно не в силах держать ее более. Она забыла про шляпку, и та сейчас упала куда-то в траву, а он, заметив это, тут же запустил свободную ладонь в ее волосы, пробираясь сквозь шпильки, выпуская на свободу роскошное золото ее волос. Она попыталась было протестовать, но он вмиг унял все ее протесты очередным поцелуем, еще глубже, еще слаще предыдущего, и Марина смирилась, уступила ему. Ей сейчас до боли хотелось, чтобы он опустил ее в траву и, расстегнув платье и спустив сорочку с плеч, коснулся ее обнаженной кожи, которая сейчас горела в ожидании его ласк.

Но мужчина вдруг отстранился от Марины и коснулся лбом ее лба, заглядывая в ее замутненные страстью глаза, словно преграду помещая меж ними ворох цветов, немного резковатый аромат которых тут же закружил Марине голову. А быть может, ее голова шла кругом вовсе не от этого запаха, а совсем по другой причине? По той причине, что заставляла ее ладони, которыми она накрыла его руки, сейчас легко трястись, а сердце бешено колотится в груди.

Они молчали и смотрели друг другу в глаза, которые только и были видны им из-за цветов меж ними. Марина видела, как играет в противоположных очах улыбка, как радостно они сверкают, выражая ей только одним этим взглядом то, что она хотела услышать от него. А потом эти стальные глаза вдруг потемнели, посерьезнели вмиг.

— Я приехал за тобой, — тихо прошептал он. — И увезу тебя, что бы ты ни решила! Моя жизнь без тебя — ничто, только ты способна наполнить ее радостью и эмоциями. Я хочу жить и хочу жить с тобой. Только с тобой, мое сердце... моя душа... моя жизнь...

Краски вокруг начали тускнеть, а его глаза, в которые Марина смотрела, не отводя взгляда, растворяться, будто дымка или утренний летний туман. Нет, хотелось закричать ей, не уходи! Но из ее горла не вырвалось ни звука, лишь какой-то странный звук, будто кто-то чем-то прошуршал над ее ухом. Нет! Нет, не уходи! Беззвучно плакала Марина и, уронив цветы, протянула руки, словно пытаясь ухватить последнее мгновение сна, задержаться в нем еще ненадолго.

Миг, и Марина распахнула глаза и тут же прикрыла их, так как яркий солнечный свет, впущенный в комнату рукой Тани, сейчас раздвигающей плотные занавеси спальни хозяйки. Потом она подошла к Марине, держа в руках капот, чтобы помочь ей совершить утренний туалет.

— Прошу прощения, барыня, но вы просили разбудить вас около полудня, — тихо проговорила Таня, видя недовольное лицо барыни. А затем, когда та милостиво кивнула, помогла ей облачиться в капот, и понесла столик с фарфоровым тазиком и умывальными принадлежностями. — Дурной сон, ваше сиятельство? Быть может, стоит его «на волю выпустить» [\[462\]](#)?

— Нет, — покачала Марина головой, а потом заметила, что плачет, когда дотронулась до своих щек, умываясь.

— Вот и ладненько, — улыбнулась горничная, поливая Марине воду на ладони. — Сон в святочную ночь — вещий. Хорошо, что не дурной.

Нет, подумала Марина, не вещий это сон. Просто очередное напоминание о том, что могло бы быть, но так и не случилось. Ей сейчас вдруг захотелось прижаться к Агнешке, чтобы та растолковала, что опять сулит ей видение. Не очередной ли виток тоски?

Но Марина не стала долее размышлять над тем сном, что ныне ночью привиделся ей. Она спустилась в одну из комнат первого этажа, где под руководством хозяйки девушки

наполняли корзины рождественскими пряниками, солониной, небольшими мешочками муки и соли. Немного погодя Марина приказала добавить в некоторые из них леденцов, а в остальные положить по куску простой беленной материи. Эти корзины готовились для ее посещений богаделен в эти святочные дни. Строго следуя наставлениям полученным еще в отрочестве и памятуя о словах Агнешки о милосердии к страждущему, Марина всегда в эти праздничные дни посещала тех, кому в эти благодатные дни повезло менее, чем ей и ее дочери, что жили в благосостоянии.

После, убедившись, что все корзины готовы для следующего дня, Марина скоро перекусила в столовой и ушла к себе переменить платье, чтобы ехать на рождественский праздник в Аничков дворец, что императорская чета из года в год устраивала для своего наиболее приближенного круга. Флигель-адъютант граф Воронин входил в их число, и потому его семья имела право присутствовать тут, в этой зале, подле высокой елки, украшенной на немецкий манер. Леночка сначала оробела, заметив эту большое дерево, огромную залу и столько незнакомых ей людей. Она то и дело жалась к матери, хватая ту за юбки, что разозлило Анатоля:

— Правильно, мы рассчитали бонну. Ребенок совершенно невоспитан!

— О, Анатоль, ей всего три года от роду! Не забывайте об этом, прошу вас, — тихо прошептала Марина, сжимая немного потную ладошку дочери.

Но когда Воронины приблизились к императорской семье, чтобы поприветствовать их, Леночка вдруг забыла о своих страхах и сделала реверанс так мило и грациозно для такого маленького дитя, следуя примеру матери, что Их Величества не смогли сдержать улыбки, а вслед за ними заулыбались и остальные гости этого праздника.

— *Quelle délicuse enfant!* [\[463\]](#) — воскликнула Ее Величество и подала руку маленькой Леночке, помогая ей выпрямиться. — Маленькое чудо!

— *Merci, madam,* — тихо проговорила девочка в ответ и улыбнулась. Она еще не понимала по малому возрасту, что перед ней сама императорская чета, хотя и мама, и папа неоднократно повторили ей это, упирая на то, что выше их только Господь Бог. И государь с супругой казались ей другими, будто сошедшими прямо из сказок, которые мама читала Леночке перед сном, ведь на них было столько драгоценностей, так ярко блестевших ныне, и все им кланялись, даже мама и папа, а ведь только им и ее тетушке Катиш кланялись в их доме.

А еще Леночке очень запомнилась большая елка, на ветвях которой висели ангелы с пушистыми крыльями из ваты. Они так запали в душу девочке, что она попросила мама тоже сделать таких для их дерева, и мама обещалась. А потом было представление для собравшихся гостей на библейскую тему Рождества Христова. Их показывали специально приглашенные артисты, и хотя Леночка не все понимала из их речей (представление было на французском языке), само действо и кукольный новорожденный Христос очень впечатлили ее. Она так долго и бурно хлопала в ладошки, выражая свой восторг, что сидевший рядом мальчик в темно-синем бархатном костюме на нее шикнул с высоты своих восьми лет.

Затем детей снова позвали к мужчине и женщине в ярких драгоценностях, которые поздравляли их с Рождеством и вручали небольшие подарки. Леночку женщина позвала к себе поближе и погладила, улыбаясь по ее льняным локонам.

— О, *ma bonne*, ручаюсь, вы разобьете еще немало мужских сердец своей обворожительной улыбкой, — проговорила она. А ее супруг шутливо поцеловал ладошку Леночки, показывая своим видом, что он первый покорен очарованием девочки, и все вокруг

засмеялись вслед за ним и его женой. Потом мужчина протянул Леночке маленькую коробочку и сказал:

— Я слышал, что ваши родители, Эллен, ввели нынче новую традицию — ставить на Рождество Weihnachtsbaum [\[464\]](#). Так вот, я дарю вам еще одну от нашей императорской семьи.

Леночка приняла коробочку из его рук и присела в реверансе, тихо прошептав: «Merci, sir», как подсказала ей мама, также как и Леночка, и папа, склонившаяся перед императорской четой. Этот грозный на вид мужчина немного пугал девочку, потому она поспешила отойти к родителям, стоявшим немного поодаль за ее спиной.

Подарком оказалась небольшая, но красивая жемчужина. По пути домой Анатоль объяснил, что в царской семье было принято на именины, Пасху и Рождество дарить дочерям по жемчужине, таким образом, к совершеннолетию девушки собиралось целое ожерелье.

— А на совершеннолетие закажем бриллиантовый фермуар к нему, — улыбнулся Анатоль дочери и жене.

По пути Леночка, получившая от сегодняшнего дня больше впечатлений, чем за последние несколько месяцев, заснула в карете, прислонившись к плечу матери. Ее не стали будить при прибытии, а только подняли на руки (причем, Анатоль не доверил эту повинность лакею, вызвав довольную улыбку жены) и отнесли в детскую, где уложили в постель прямо в платье, чтобы случайно не потревожить.

Марина же не стала ложиться отдыхать, как сделала Катиш, а прошла к себе и принялась перебирать свои драгоценности. Она уговорила Анатоля вывезти сестру на Рождественский бал в Дворянское собрание, билеты на который она приобрела и для своей матери и сестры.

— Подумай сам, там будет только избранная публика. Не каждый способен купить билет на бал за 5 рублей золотом, — уверяла она Анатоля, и он пошел ей навстречу, желая сделать ей приятное. И вот теперь она сидела перед большой шкатулкой со своими драгоценностями и задумчиво перебирала их. Ее пальцы наткнулась на жемчужный гарнитур, когда-то принадлежавший ее тетушке, а теперь по завещанию отошедший к Марине. Когда-то эти самые серьги помогли ей найти свою большую любовь. И путь она принесла ей немало слез и страданий, но зато она же подарила Марине и те дни, когда от счастья голова шла кругом.

Да, решено. Именно эти серьги Марине предложит невестке. Быть может, они помогут и Катиш встретить того единственного, что поспособствует ее избавлению от этих ненужных мыслей о столь неподходящем ей по статусу кавалергарду.

— Покойной тебе ночи, мой ангел, — попрощался с супругой Анатоль перед отъездом на бал. — Не дожидайся нас, ложись. Тебе нужно отдохнуть, моя милая. Я думаю, увидимся за поздним завтраком.

— Анатоль, ты, верно, запомнил. Я завтра уезжаю после полудня по благотворительным делам, — аккуратно напомнила ему Марина, и он нахмурился.

— Обязательно ли это? В твоём-то положении, — он немного подумал, а потом кивнул решительно. — Катиш поедет с тобой. Мы вернемся нынче рано, и она завтра поедет с тобой по богадельням.

— О, не думаю..., — начала было Марина, заметив тень недовольства мелькнувшую по лицу Катиш, но смирилась, увидев, что Анатоль поджал губы раздраженно. — Хорошо, я

выезжаю после полудня. Я с радостью разделяю эти обязанности с Катериной Михайловной, ежели та будет согласна быть моей компаньонкой на завтрашний день.

— Она будет согласна, — подтвердил Анатоль и, коснувшись губами лба супруги, взял под руку сестру и вышел вот из комнаты.

И Катиш ничего не оставалось иного, как выехать вместе с Мариной следующим утром. Сначала она была недовольна этой нежеланной для нее прогулкой, хмурилась и кривила губы, то и дело зевала, показывая всем своим видом, что она предпочла бы быть где угодно только не здесь. Марина не обращала на ее недовольство ровным счетом никакого внимания, полностью сосредоточившись на своей миссии.

Сперва они заехали в детскую больницу, что у Аларчина моста, в состав попечительского совета которой входила Марина, и оставили там часть корзинок с рождественскими подарками для больных детишек из малоимущих семей, а также несколько десятков рублей на нужды больницы. Хотя Анатоль и считал последнее ненужным, утверждая, что эти деньги пойдут в карманы директору заведения, Марина все же хотела думать, что благородство души не позволит свершиться подобной неприятности.

Она прошлась по палатам тех детишек, что болели незаразными недугами или уже шли на поправку, вручая часть корзин со сладостями лично. Ей нравилось видеть радость на этих лицах — вроде бы детских, но с неподдельной суровостью. В их глазах светилась такая взрослая мудрость, что Марине становилось не по себе при мысли, что могло вызвать подобное выражение. Они походили на малолетних старичков, и это не могло не огорчать. И почему люди думают о благотворительности только на Святки или Пасху и не готовы жертвовать в другие дни, в течение всего года? Марина знала это не понаслышке, она с трудом уговаривала Анатоля делать взносы, что уж говорить о других представителях знати?

После детской больницы Марина поехала в родильный дом при Повивальном институте, что на набережной Фонтанки. В очередной раз она раздала свои корзинки, выслушивая слова благодарности и поздравлениями со святыми праздниками. Тут лежали совсем разновозрастные роженицы — от пятнадцати лет и до сорока, что несказанно удивило Марину. Ее визит в родильный дом был короток — прошло уже несколько часов, как она на ногах, потому Марина пожелала роженицам благополучного разрешения и покинула Повивальный институт. Кроме того, она совсем вымоталась. Все эти визиты в богадельни проходили через ее сердце, вид этих несчастных взрослых, а тем паче, детских лиц расстроил Марину. В ее голове разливалась такая дикая боль, что даже солнечный свет, отражающийся в белоснежном покрове, был сейчас неприятен ее взгляду.

По пути к своему особняку Марина встретила графиню Строганову, что видимо, тоже посещала в этот день богадельни, потому как за ней так же, как и за Мариной, ехали сани с горничной и лакеем. Сани Марины и графини поравнялись, и женщины тепло приветствовали друг друга. Графиня вдруг решила проехаться немного с Мариной и перешла к ней, уселась напротив нее и Катиш. Сани тронулись, а Строганова, слегка склонясь к Марине, принялась обсуждать последние вести из светского мира.

— Ах, дорогая, какая жалость, что вы не были давеча на балу в собрании! Поистине в этом году было сущее великолепие! Эти цветы, эти украшения. А гости! Сам государь прибыл на пару часов вместе с великими княжнами. Кстати, ваш супруг танцевал пару танцев с великой княжной Ольгой Николаевной. Вот уж как красиво они шли в мазурке! Любо дорого смотреть! Ваш супруг очарователен, графиня. И отбыл с бала так рано. Не желал оставлять свою *chère comtesse* одну? — Строганова рассмеялась, а затем продолжила.

— Да уж, вы многое пропустили, моя дорогая. Эти новоявленные в сезоне пары! *Entre nous* [465], вы слышали про княжну Мещерскую? Таки добилаась своего! Помолвлена нынче с Дегтяревым. Два раза он делал ей предложение, и оба раза получал отказ от родителей. Ну, верно, кому нужен голый, как сокол, зять? Но она..., — тут графиня склонилась еще ближе к Марине, что та даже испугалась, как бы та не упала ей на колени. — *On dit que* [466], она вынудила родителей, раз эта помолвка была давеча оглашена, а венчание так торопятся устроить до Великого поста.

Марина скосила глаза на сидящую рядом Катиш и, заметив, что та прислушивается к их разговору, быстро произнесла:

— *Ma chere comtesse, ne devant demoiselle, je vous prie!* [467] А что Львовы или Арсеньевы? Кто-нибудь прибыл в столицу на сезон?

— Я княгиню и князя не видела, но зато вчера на балу был Павел Григорьевич. Он приехал вместе с Загорскими и Соловьевыми. Вот уж интересная пара, *prince* и эта девочка! Демон и ангел! Говорят, что она удивительно набожна. Мы отстояли всенощную у Загорских [468], так она всю службу восторженно проплакала. *C'est gentil! Pauvre jeune fille!* [469] Она так влюблена в него, *prince* разобьет ей сердце, помяните мое слово. Я не припоминаю, чтобы он любил кого-либо сильнее, чем свои безрассудства и волокитство, даже графиню Ланскую, упокой Господи ее душу, хотя о них ходили толки такого рода. Даже давеча на балу он ухаживал не только за своей невестой. Конечно, мадам Полетика изумительно красива, кто устоит перед ее чарами? И почему мужчины не имеют свойство постоянства натуры? О, *ma chere comtesse*, хотя ваш супруг поистине исключение из этого правила! Он так галантен, так заботлив и, подумать только, до сих пор влюблен в вас! Это видно невооруженным глазом, уж поверьте мне.

Графиня все что-то щебетала и щебетала, стремясь донести до Марины все сплетни, что произошли за то время, пока длился Филиппов пост. Та не прерывала ее, стараясь безмятежно вежливо улыбаться — прервать этот монолог не позволяли правила хорошего тона, несмотря на то, что ее мигрень уже всю ломала виски. Потому их разъезд Марина встретила с большим облегчением.

— Вы будете ставить свечу нынче вечером? [470] — спросила графиня Строганова, уже сойдя с саней Марины, прощаясь со своими спутницами. — Мой сын и его товарищи будут ряжеными нынче. Заглянут тогда и к вам, на Фонтанку. Ah, *jeunesse!* [471] Нынче самое благостное для них время! Когда еще можно так смело пожать украдкой ладонь или коснуться стана?

Марина обещалась поставить, ведь это была хорошей возможностью для Катиш познакомиться с юным Строгановым поближе, и быть может, поспособствовало планам Анатоля насчет возможного брака представителей их фамилий. Анатолий же встретил это предложение без особого энтузиазма.

— Ты не представляешь себе, кто может проникнуть в дом под личиной, мой ангел!

— Но разве это ваша головная боль, мой милый, а не лакеев? — пожала плечами Марина. — Пусть просят открыть лица именно на входе, в передней. Только им, а не гостям. *Voilà.*

Так и сделали. На окно выставили ярко горящую свечу, а слугам строго-настрого наказали высматривать *persona non grata* (в эту пору была только одна таковая — майор фон Шель). Кроме ряженных, в особняк то и дело заезжали с визитами и рождественскими

поздравлениями. Скоро большая гостиная и примыкающий к ней салон наполнились шумом, шутками и смехом, причем вся молодежь устроилась в салоне, подальше от строгих глаз. Там затеяли игру во флирт-карты, украдкой переглядываясь и подмигивая друг другу. Лакеи сустились между гостями, едва успевали приносить напитки и легкие закуски, менять бокалы, а в передней было настоящее столпотворение — то и дело она наполнялась людьми, приезжающими или уезжающими.

Марина, спустившись вниз, сначала прошла в салон, взглянуть, как там Катиш. Она заметила, что та, улыбаясь, отдает очередную карту ведущему, а тот передает ее далее по назначению. Молодой граф Строганов, сдвинув маску на затылок, что-то рассказывал ей, склонясь к ней поближе. Заметив Марину, он резко выпрямился, а она погрозила ему пальцем шутливо, мол, Святки Святками, но про приличия не забывать.

В гостиной было много господ и дам, но она же перво-наперво заметила Вареньку Соловьеву и сразу поняла, кто к ним прибыл с визитом. Так и есть, но сначала к ее руке подошел Арсеньев, причем она едва узнала его — Павел Григорьевич за время, проведенное в деревне, отрастил себе бакенбарды в английском стиле [\[472\]](#).

— Bonsoir, Павел Григорьевич! С Рождеством Христовым вас! Насилу вас узнала, — Арсеньев взял ее ладони и сердечно пожал их. — Что Жюли? Какие вести? Не томите!

— С Рождеством Христовым, Марина Александровна, — улыбаясь, ответил ей тот. — Благодарствую, в семье все хорошо. На Анну Зимнюю [\[473\]](#) появилась у нас Анна Павловна Арсеньева. Юлия Алексеевна в полном здравии и шлет вам свои приветы и наилучшие пожелания.

— Ах, как это прекрасно! — обрадовано воскликнула Марина. — Я так рада за нее! Нынче же напишу к ней.

А затем Арсеньев отступил в сторону и пропустил к ней Сергея, стоявшего подле него, приложиться к руке хозяйке. Марина изо всех сил старалась сделать вид, что ей совершенно безразличен его визит нынче, хотя рука, что он поднес к своим губам, слегка потрагивала.

— С Рождеством Христовым, Марина Александровна, — произнес он, при этом его глаза засветились только для нее одной теплом и нежностью. И, несмотря на то, что из дальнего угла гостиной за ними наблюдал, не таясь, Анатолий, беседовавший с князем Вяземским, Марина не могла не улыбнуться Сергею.

— С праздником вас, Сергей Кириллович.

— Позвольте преподнести вам и вашей дочери небольшой подарок, — Сергей поманил лакея, и тот подступил к ним, держа на руках поднос. — Мы с Павлом Григорьевичем были нынче днем в Гостином дворе и не могли не приобрести это.

Сергей взял с подноса небольшую книжицу и подал Марине. Это была вышедшая в прошлом году сказка Гофмана «Щелкун орехов».

— Я знаю, вы любите Гофмана, — улыбнулся он. — Уверен, вашей дочери тоже понравится эта рождественская история.

Кроме этого, Марине была передана искусно выполненная шкатулка из красного дерева с позолоченными вставками на крышке. Заметив, что к ним направляется Анатолий, Марина быстро поставила ее на этажерку, что была рядом.

— Мой ангел, не думал, что вы нынче сойдете вниз к гостям, — муж приобнял Марину за талию, широко улыбаясь друзьям. — Поутру все по богадельням, по богоугодным домам. Не может усидеть в доме в такие дни. Добросердечная моя женушка! Поберегла бы себя да дитя наше.

Это было против правил хорошего тона — вот так в открытую заявить о положении Марины, хотя оно было прекрасно заметно постороннему глазу. Но Анатоль не смог отказать себе в этом, видя, как его жена улыбается Загорскому. Ревность, спавшая в нем до сих пор глубоким сном, вновь подняла голову. Женился бы тот поскорее что ли!

— Слышал, ты вышел в полк? — обратился Анатоль к Сергею. Тот коротко кивнул в ответ.

— Да уж, пришлось. Об отставке государь и слышать не желает.

— И не стоит даже думать о ней. Успеешь еще отдохнуть-то! Будет, будет! Теперь верстовыми шагами вверх пойдешь, — подмигнул ему Анатоль. — Оглянуться не успеешь, как майором станешь. Пора-пора, мой друг! Полно тебе в низких званиях все ходить, чай не юнец уже.

Сергей ничего не ответил ему, только сверкнул глазами, извинился и отошел в сторону, где его невеста сидела в кружке дам, встал позади ее кресла.

— Зачем ты так, Анатоль? — спросил недовольно Арсеньев. — Право слово, ты сам на себя не похож нынче. Только ведь утомонились оба!

Анатоль ничего не ответил, лишь тронул его за рукав и показал на курительную комнату, мол, пойдём, побеседуем в стороне.

— Извини нас, мой ангел, — проговорил он Марине и увел Арсеньева. Марина же оставшись одна, с грустью взглянула в сторону Загорского. Ей было видно, что, несмотря на их сближение в последние месяцы, Анатоль теперь всегда будет стараться показать свое превосходство над ним. И не только касаясь успехов по службе или в чинах, но даже в том, что в итоге она сама стала принадлежать ему.

Словно игрушка меж двух отроков, улыбнулась она грустно и повернулась к этажерке, куда поставила подарок, открыла крышку шкатулки. Тут же заиграла тихая мелодичная музыка, а двое влюбленных, что стояли обнявшись в центре шкатулки, пришли в движение. Сначала они медленно кружились в менуэте, то сходясь, то расходясь, а потом все же медленно поплыли друг от друга в разные углы шкатулки. Музыка стихла, и влюбленные замерли на своих местах в отдалении, причем их взоры при этом были устремлены друг на друга. Марина было прикусила губу, таким грустным показался ей финал этого действия, но вдруг снова в шкатулке зазвучала музыка, и парочка двинулась в обратный путь и, пройдя обратно через все точки, вернулась в объятия друг друга, снова прижавшись головами, сомкнув руки.

Ах, если б все было так просто! Марина подняла голову и взглянула на Загорского, что сейчас смотрел задумчиво в огонь. Если б можно было, как этим влюбленным, расставшись, разойдясь друг от друга по жизни, снова вернуться в объятия друг друга! Это было ее самым заветным желанием...

Она вдруг повернулась и вышла вон из гостиной. Ее слегка знобило, и она не солгала своему мужу и Арсеньеву, возвращавшимся в гостиную, что идет за шалью.

— Послала бы лакея, мой ангел. К чему вам подниматься самой? Тем паче, княжна Бельская обещалась романс, — недовольно заметил Анатоль. Но Марина покачала головой.

— Хочу проведать Катиш. Ее нет в салоне, значит, зачем-то поднялась к себе. Я скоро буду, обещаю, что не пропущу удовольствие слышать княжну.

Марина с трудом поднялась по ступенькам, у нее вдруг на последних голова пошла кругом, и ей пришлось ухватиться за перила, чтобы не упасть. Испугавшись на миг, она огляделась, чтобы кликнуть лакеев на помощь, но никого подле себя не увидела — челядь

была либо при господах в комнатах, либо в передней. До горничной не докличешься — она сейчас в половине Марины, а кроме того, из комнат первого раздался звук фортепьяно.

Потому волей неволей Марине пришлось аккуратно продолжать свой путь. Ступив в коридор, ведущий в хозяйские половины, она вдруг почувствовала сильный сквозняк, что заметно прохолодил ей ноги в домашних туфлях. Она огляделась и заметила, что дверца в коридор для слуг приоткрыта и слегка ходит под действием ветра.

— Растяпы! — шикнула Марина в тишину. Надо же не закрыть дверь. Сколько раз им говорено про сквозняки! Не приведи Господь застудят ребенка! Она двинулась к коридору для слуг, все сильнее ощущая холод, тянущий из приоткрытой двери. Значит, и дверь черного входа, которым заканчивался коридор, была открыта. Верно, истопник заносил дрова для каминов и не прикрыл ее плотно. А нынче такая метель поднялась, вот и распахнулась она.

Задумавшись, Марина ступила в темный, еле освещенный коридор и, тяжело опираясь на перила, поднялась по ступенькам, чтобы крикнуть слугам в людской на чердаке или внизу в «черной» половине дома, чтобы прикрыли дверь с улицы. Но на самой верхней ступеньке она замерла, заметив в неверном свете одной-единственной лампы на нижнем пролете лестницы кого-то большого и темного в углу коридора почти напротив нее. Она вдруг вспомнила рассказы нянечки, что в дни Святков на землю спускается всякая нечисть — колдуны, черти, темные души, и суеверный страх захлестнул ее. Марина подняла руку, чтобы сотворить святой крест, но тут эта большая темная масса зашевелилась, и ее взору предстали двое — девушка в светлом платье, что сейчас вышла из объятий мужчины в темном плаще, и мужчина весь темный, склонивший к ней лицо.

— Катиш? — прошептала Марина, и эти двое вздрогнули от неожиданности. Мужчина поднял лицо, и Марина с ужасом увидела, что у него нет лица, только белели в темноте глаза да блеснули зубы.

«...Черное лицо! Не пускай в дом черное лицо!...», всплыли в памяти слова шептуньи. Марина истошно завопила во весь голос, мужчина тут же бросился к ней, протягивая руку, чтобы заставить ее замолчать, видимо. Она отступила от него назад, спасаясь бегством от этого страшного для нее человека, пытаясь увернуться от его рук. Ее нога ступила в пустоту позади, ведь она стояла на ступеньке лестничного пролета. Всего пять ступенек, но они были довольно круты и высоки, ведь лестница была сделана вовсе не для удобства.

— О Господи, нет! — мелькнуло в голове Марины, когда она стала заваливаться назад с этой лестницы. Она попыталась ухватиться за перила, но не смогла удержаться, скользнув по ним пальцами, ломая ногти. С громким воплем ярости и ужаса, от которого у парочки, наблюдавшей, как она рухнула в темноту, скрывшись с их глаз, застыла кровь в жилах. Упала не на спину, а на бок, чувствуя, как острая боль пронзила ее тело и левый висок, ведь удар об деревянный пол был довольно силен.

Над лицом Марины спустя миг склонилась сначала Катиш, а затем и мужчина.

— О, Боже мой, Марина Александровна! — прошептала ее золовка, а потом прошипела своему vis-à-vis. — Что ты медлишь? На ее крики сейчас сбежится весь дом!

— Ей надо помочь, — настаивал ее собеседник. Он хотел было поднять Марину на руки, но Катиш повисла на нем всем телом.

— Нет, нет! Уходи! Уходи, как пришел, через черный ход! Нельзя, чтобы тебя застали тут, иначе конец всему! Уходи!

Марина вдруг вцепилась пальцами в это черное страшное лицо, снова склонившееся над ней, и ухватила за что-то мягкое. Черный бархат. Это был черный бархат. Потеряв свою

маску, мужчина отшатнулся от лежащей на полу женщины, а потом, грохоча каблуками сапог по ступенькам лестницы, сбежал вниз и, оттолкнув входящего истопника с дровами на руках, покинул дом.

Сережа, — прошептали Маринины губы. Новая волна боли захлестнула ее тело, и она дико закричала, заставив Катиш убежать из коридора к себе. Потом она скажет, что поднималась к себе за шалью, и слышала только крики, но ничего и никого не видела.

Помоги мне, милый, помоги мне, было последней мыслью Марины, а потом она провалилась в черноту, где не было более боли, безжалостно терзающей ее тело и голову ныне.

Она не знала, что ее первый крик прозвучал в тот момент, когда княжна Бельская на миг перевела дыхание, чтобы начать очередной куплет романса, а фортепьяно понизило ноты. Вопль Марины довольно ясно прозвучал в этой благодатной тиши салонного вечера, заставив всех на мгновение замереть и отозвавшись диким всевозрастающим беспокойством в сердцах двоих мужчин.

Второй крик Марины, еще более отчетливо прозвучавший в наступившей тишине среди замерших в напряжении гостей, заставил этих двоих сорваться со своих мест и броситься к дверям, вон из гостиной. Только вот первый быстро пробежал их и продолжил свой путь далее, выкрикивая имя Марины, призывая к себе многочисленную челядь. А второго поймал за рукав мундира Арсеньев, с силой удержал на месте подле себя.

— Пусти! — процедил ему сквозь зубы тихо Сергей, буквально белый от волнения, что сейчас гнало его прочь из этой комнаты. — Пусти! Она там!

— Да, там! — также тихо, чтобы услышал только Загорский, чеканя каждое слово, ответил Арсеньев. — И рядом с ней ее муж. Муж, Серж! А значит, тебе там места нет. Прости.

Сергей опустил голову, признавая свое поражение, и Арсеньев отпустил его. Затем взглянул поверх его плеча на собравшихся в гостиной, что сейчас суетились на своих местах, взбудоражено переговариваясь друг с другом. Только одна из них сидела, неестественно выпрямив спину, спокойно и безмятежно, будто ничего и не произошло.

— А у тебя есть нареченная, *mon ami*, — произнес Арсеньев. — И я бы посоветовал уделить ей свое внимание, ибо она, похоже, раскрыла твой маленький секрет.

Сергей обернулся на Вареньку, что смело встретила его прямой взгляд, пытаясь прочесть в его глубине ответы на те вопросы, что возникли у нее сейчас, заметив несколько мгновений назад, как он вдруг быстро направился к дверям, слышав крик графини Ворониной. Остальные видели только то, что он подошел к другу, но она-то вдруг ясно увидела.... Она знала теперь. Или нет? Или ей это только показалось? Привиделось... Конечно, ей привиделось. Иного и быть не может,

Но, Господи, почему так горько во рту, и так сильно хочется плакать?

Доктор еще раз приложил слуховую трубку к животу Марины, но в этот раз с другого бока, во что-то внимательно вслушивался, а потом медленно распрямился, качнув головой, словно в подтверждение свои мыслям. Отошел прочь от постели к стулу, на котором оставил свой саквояж, сопровождаемый внимательным взглядом своей пациентки. Та, вцепившись в простыни от волнения, следила за каждым его движением.

— Что вы скажете, доктор, нынче? — взволнованно проговорила Марина, пытаясь приподняться в постели. Но это ей не удалось — тут же голова пошла кругом, нахлынула дурнота, и она снова упала на подушки.

— Все то же, ваше сиятельство, все то же, — господин Арендт подошел к ней снова, наклонился над ней и, приподняв ей веки, заглянул в глубину глаз. — Голова все еще кружится?

— Немного, — призналась Марина. — Да Бог с моим здоровьем. Как мое дитя?

Со времени ее злополучного падения прошло уже несколько дней, а она все никак не могла избавиться от липкого страха, что непременно случится что-то худое. Каждую ночь, что она лежала без сна в своей постели, она неустанно молилась, умоляя Господа сохранить здоровье ее ребенку, совершенно позабыв о себе.

— Ваше дитя крепко держится в вашем чреве, графиня, — проговорил медленно доктор. — Если вы не скинули его после вашего падения, то и нынче причин для волнения нет. Теперь нам следует ждать только разрешения. И прошу вас, дождитесь его здесь, в постели. Последствия травмы вашей головы могут сказать в дальнейшем, а нам с вами это совсем ни к чему. Ну-с, прощайте, ваше сиятельство. Завтра к вечеру я вас снова навещу, чтобы проверить ваши швы и ваше здоровье в целом.

Марина улыбнулась на прощание господину Арендту дрожащими губами. Почему ей казалось, что он что-то утаивает от нее? Все они — девушки, дежурившие в спальне, Анатоль, доктор Арендт, мать, приехавшая следующим утром и навещавшая ее каждый день, — что-то от нее скрывали, она чувствовала это подсознательно. Да, ее падение, слава Богу, не привело к тому, что она скинула дитя, а только расшиблась: разбила голову и ушибла локоть руки, на которую упала. Доктору, вызванному к ней тут же после того, как ее перенесли в комнату, пришлось наложить ей несколько швов на рану головы, но Марина даже не переживала за этот шрам, что останется после, у самого виска.

— Просто чудо, что вы не убились, — заверил господин Арендт Марину и Анатоля. — Такой удар по голове и именно в височную область. Вы родились под счастливой звездой, графиня.

Это так, она не разбилась, но почему тогда доктор ходит к ней каждый день и все слушает и слушает ее, осматривает ее так тщательно. Эти мысли не давали Марине уснуть по ночам, будоражили ее, вызывая слезы. Вот и сейчас она заплакала не в силах сдержаться, и Таня быстро спустилась вниз заварить чая с мятой, чтобы барыня успокоилась и смогла наконец-то заснуть покойным сном, без кошмаров и истерик.

Тем временем, доктор вел беседу с Анатолем, что слушал его внимательно, ловя каждое слово, которое отзывалось в нем звоном погребального колокола.

— Сердцебиение дитя слабеет день от дня, — вещал господин Арендт грустно. — Боюсь, что ребенок все же получил повреждения при падении графини с лестницы. Я

надеялся, что обойдется, но — увы!

— Вы думаете... думаете, дитя может родиться... совсем слабым? Не выжить при родах? — спросил его Анатоль, вцепившись в подлокотники кресла в котором сидел.

— Смерть дитя в родах было бы не самым худшим вариантом развития событий, ваше сиятельство. Ежели дитя погибнет в чреве матери, до кого, как покинет его, то графиня будет обречена. Человеческое тело разрушается, когда его покидает душа, таково его свойство. Ежели дитя умрет еще до рождения, его тело будет разрушаться, медленно убивая графиню.

Анатоль побледнел, как полотно, чувствуя, как у него внутри нарастает волна паники и боли, такой сильной, что хотелось упасть на колени и завывать во весь голос.

— Тогда достаньте его! — прохрипел он. — Достаньте это дитя из нее! Раз нет шансов на то, что он будет жив, то сделайте все, чтобы жила моя жена!

— Шанс на благополучный исход есть всегда, — возразил ему доктор. — Молитесь, граф, молитесь. Закажите сорокоуст о здравии, просите Бога об исцелении вашей супруги и дитя. Ибо только в его руках их жизни нынче, только в его. А достать... Боюсь, что это невозможно. Мы проводим такие операции, когда жизнь матери уже едва теплится в ней, а дитя — здорово и полно сил, рвется из ее тела. Но тут... Поймите, после такой операции жизнь матери ребенка не сохранить. Только дитя остается в живых. Не мать.

Оставшись один, Анатоль дал волю своим слезам. Он тихо плакал от бессилия спасти свою жену, от страха, что он может ее потерять вот так, в одночасье. Он снова и снова прокручивал тот момент, когда они столкнулись в дверях гостиной в тот злополучный вечер, когда она виновато улыбнулась ему, настаивая подняться наверх самой. Почему он не настоял на своем? Почему отпустил ее? Почему?

В его душе переплелись боль, отчаянье и бешеная злоба на того, кто привел его жену к этому краю, на котором она нынче была. Анатоль нашел свою жену тогда, после падения, только благодаря истопнику, что поднялся наверх по черной лестнице для слуг и обнаружил барыню без сознания. Потом тот был допрошен, и выяснилось, что буквально за несколько мгновений какой-то мужчина в черном фраке и таком же черном плаще покинул дом через ход для слуг. При этом он, едва не сбил истопника с ног, потому тот обратил на него внимание.

— Это был господин, барин, вот вам крест, — крестился неистово дворовый. — Из благородных, не иначе.

Но кто был этим неизвестным, посетившим их дом в Святки и так напугавший Марину. Анатоль так и не смог дознаться. Истопник не смог его описать толком, а дворник видел этого человека лишь мельком. Марина же, придя в себя, не смогла ничего сказать — она ничего не помнила до этого страшного падения, словно ее разум стер воспоминания о том ужасе, что ей удалось испытать. Доктор заверил Анатоля, что такое бывает после травмы головы, что со временем это должно пройти.

Анатоль сначала думал, что, быть может, Катиш способна пролить свет на это таинственное происшествие, но та сначала не могла даже слова выдавить из себя, заливаясь слезами, да так, что ей пришлось дать лауданума и уложить в постель. Потом, успокоившись, сестра рассказала Анатолю, что поднялась в свою комнату, чтобы взять книгу, что обещалась показать молодежи в салоне, а потом, когда уже выходила из комнаты, услышала крик Марины.

— Что она? Что ребенок? О Господи, Анатоль, как же так! — всхлипывала она. Анатоль

был поражен, как близко приняла его сестра к сердцу эту трагедию, несмотря на их неприязненные отношения с невесткой. Она почти весь день проводила в молельной, прося Господа и Богоматерь сохранить жизнь и здоровье Марины и ребенка.

Анатоль же эти дни проводил в своем кабинете, ночами топя свое отчаянье и горе в бренди, что заливал в себя бутылками, а потом выходил на мороз в сад, выливал на голову ледяной воды, чтобы прийти в себя, и пил горький кофе. После того, как он более-менее трезвел, он шел в спальню своей жены, где садился у постели, брал ее за руку и просто смотрел, как Марина спит. Но едва он замечал, что она открывает глаза, как быстро прощался с ней и выходил прочь — он не мог смотреть ей в глаза и лгать, что с ребенком, которого она носит все в порядке, и для его жизни нет никакой опасности.

Анатоль отгородился от всех: он не принимал визиты и не отвечал на многочисленные записки, что нескончаемым потоком шли в особняк на Фонтанке, предоставляя отвечать на вопросы о здравии Марины своему секретарю и дворецкому. Даже фельдшера, присланного из дворца, он отказался принять, также перепоручив эту обязанность. Он изо всех сил старался забыть о том, что лишь тонкая грань отделяет его от того, чтобы потерять то, что было ему столь дорого в жизни — его жену.

Забыть обо всем, вычеркнуть из памяти эти тяжкие для него минуты и часы. Как он нашел ее там, лежащую на полу в луже темной крови, как нес ее, бледную, словно смерть, в ее спальню, как ждал, сжимая ее руку, прихода доктора. И как шептали ее губы: «Сережа, милый! Милый!», когда она металась в беспамятстве в постели, когда кричала от ужаса, будучи мысленно еще там, на той темной лестнице. Несколько слов, но они доводили его до иступления, до зубного скрежета. Но Анатоль понимал, не откликнись он сейчас на ее шепот, она не успокоится, потревожит свои недавно наложенные швы. И он откликался на него: «Я здесь, Марина, я рядом!», сжимая ее ладони, глядя ее спутанные волосы, чтобы она затихла, забылась безмятежным сном.

Ненавидя за это и себя — за слабость, и Сергея — за то прошлое, что по-прежнему соединяло этих любящих, и Марину — за то что, та так и не смогла забыть, отринуть от себя былое.

Спустя неделю напряженного ожидания, полную молитв, слез и тревог у Марины начались роды за полтора месяца до предполагаемого срока. Она проснулась от легких спазмов, что едва ощущала, даже сначала не поняла, что это те самые предшественники разрешения от бремени, помня лишь ту дикую боль, что разрывала ее тело в прошлый раз. Марина лежала в темноте, не тревожа Таню, что спала на матрасе подле ее кровати, прислушиваясь к своим ощущениям, нежно поглаживая живот. Спустя время, когда эти легкие спазмы внизу живота стали постепенно нарастать по частоте возникновения и остроте болей, она вдруг поняла, что с ней происходит, и застонала от отчаянья и страха, не в силах сдержать этот стон. О Боже, как рано! Как же рано ребенок просится наружу!

Этот стон разбудил Таню, которая едва разузнав, что происходит с барыней, тут же принялась будить домашних и слуг. Послали за доктором и акушеркой, занялись приготовлениями к родам. Марина же не могла сдержать своих слез, цепляясь с каждым спазмом за простыни. Ей было страшно ныне, как никогда ранее. Даже в первые свои роды она не так боялась почему-то, как терзалась страхами ныне.

— Анатоль! — кричала она Тане. — Где мой супруг? Пусть придет! Пусть придет!

Но Таня лишь отводила глаза в сторону, промокая ее лоб мокрой тряпицей, заверяя барыню, что барин пока не может прийти, позднее будет. В это время Анатоля, едва

державшегося на ногах от выпитого, спешно приводили в чувство во дворе. Затем, видя, что рискуют застудить барина, но не добиться желаемого увели в дом отпаивать его капустным рассолом.

Боли все нарастали, и Марина уже едва сдерживала крики за плотно сомкнутыми губами. Она никак не могла справиться со своими страхами и эмоциями, переполнявшими ее, чувствуя, как постепенно теряет контроль над ними, впадает в истерику.

— Тише, тише, — пытался успокоить ее доктор Арендт, прибывший спустя время в особняк на Фонтанке. Он накапал в стакан с водой немного лаудановых капель, чтобы Марина смогла успокоиться и не мешать естественному процессу разрешения от бремени.

— Я умру, доктор! Я умру! — тихо заплакала вдруг Марина, откинувшись на подушки расслабленно в промежутке между приступами болей, терзающей ее тело. — Я видела сон. Я умру...

— Не говорите глупостей, — резко оборвал ее доктор. — Сейчас ни к чему думать об этом. Думайте лишь о том, что ваше дитя торопится на свет Божий.

— Но так рано... так рано! Я знаю, что-то не так ныне!

— Графиня, ваши первые роды тоже были преждевременными, смею вам напомнить, — напомнил господин Арендт. — У некоторых женщин это просто свойство организма. Так что успокойтесь и не думайте о дурном.

Нет, хотелось возразить Марине, те роды были вовсе не преждевременными, а пришли даже с опозданием. Значит, что-то все-таки не так, значит, ныне что-то дурное. Она попыталась вспомнить, когда ощущала шевеление дитя в чреве в последний раз, уже после падения, но нахлынувшая на нее боль помешала ей сделать это, сбила с толку, заставила забыть обо всем.

Скоро из тела Марины на простыни вдруг хлынули воды и кровь, перепачкав простыни, саму роженицу и рубашку и жилет доктора. При этом девушки, помогавшие ныне доктору, вскрикнули от неожиданности, и Марина приподнялась, почувствовав неладное. Увидев, что она сама и вся постель — ярко-красная от крови, что вылилась из нее, она вся сжалась от ужаса. Нервы ее не выдержали более, она провалилась в спасительную для нее ныне темноту.

Остальное для Марины прошло будто во сне. Окружающая ее обстановка расплывалась перед глазами, а голоса в комнате доносились приглушенно, словно из другой комнаты. Единственный звук, который она различила довольно ясно, который прорезал ее сознание, был голос господина Арендта:

— Ребенок! Возьмите ребенка!

Марина хотела приподняться, чтобы взглянуть на свое дитя, но сил сделать это у нее совсем не было, и она только повернула голову на звук голоса господина Арендта. Она успела увидеть, как доктор быстро переложил ребенка в подставленную пеленку, передал на руки одной из девушек, заметила маленькую темную головку, перепачканную в крови. Почему он не плачет? Почему ребенок не плачет? Марина попыталась схватить Таню, подносящую к ее губам холодный лед, чтобы те не пересыхали так быстро, за руку, но промахнулась, ведь та двоилась перед ее глазами. Потом Таня и вовсе стала удаляться из Маринино взира, уменьшаясь и уменьшаясь, в итоге потерявшись во мраке, который радостно принял Марину в свои объятия.

— Мне страшно, мне так страшно, — прошептала Марина, ни к кому конкретно не обращаясь, перед тем, как темнота сомкнулась над ней. — Мне страшно... Милый, милый...

Где ты?

Она умирала, Марина точно ныне знала это. Единственное, что ей хотелось сейчас, чтобы ее ладонь сейчас держали не пальцы Тани, а его рука, чтобы он проводил ее туда, в темноту. С ним ей будет не так страшно. Его голос — вот, что Марина хотела слышать последним в своей жизни.

Она уже не видела, как над ней по-прежнему суетились уставший доктор, пытавшийся остановить кровотечение, что весьма беспокоило его ныне, и девушки, выполняющие все его указания, полностью покинув этот мир, провалившись во мрак.

Она не знала, что тот, кого она так звала к себе перед тем, как уйти, сейчас вцепился в жилет Анатоля так сильно, что побелели костяшки пальцев. Анатолий в свою очередь держал его за мундир, не давая ему двинуться с места. Арсеньев, бледный от напряжения и злости на обоих, пытался разъединить их, расцепить их мертвую хватку.

— Прощу вас! Прощу вас! — взывал он к разуму своих друзей, что так и сверлили друг друга убийственными взглядами, полными ярости и решимости идти до конца. — Как вы можете? Ныне? Серж! Анатолий!

Арсеньев знал, что этим и закончится их визит, когда они с Сергеем, ужиная в ресторации Talon'a, получили короткую записку из дома Ворониных о состоянии Марины, ответную на очередное послание Загорского. Загорский тут же сорвался с места, белый от тревоги за ту, что уже сутки промучилась в родах, и никакие доводы его друга не могли удержать ныне от визита в особняк на Фонтанке.

Их не пустили дальше передней, сославшись на то, что барин никого не велел принимать, и они уж было повернулись вон из дома. Но тут лакей впустил в переднюю барыню в вишневом салопе, обитом мехом рыжей лисы, и Арсеньев с Сергеем узнали в ней Анну Степановну. Та скинула верхнюю одежду на руки лакея и, только повернувшись лицом к ним, разглядела, что не одна в передней.

— И вы приехали проститься с ней? — голосом полным слез спросила она, глядя в глаза Загорскому, и Арсеньев понял, что сейчас ему никак не увезти Сергея прочь из этого дома. Только не после этих слов. Таких страшных для уха Загорского, убивающих наповал сильнее любой пули.

И он сам отстранил лакеев, преградивших было им с Сергеем путь в гостиную вслед за матерью Марины, что едва сдерживала рыдания сейчас и еле шла, путаясь в юбках, сквозь анфиладу комнат в салон, где ее ждал зять. Она кинулась ему на грудь, разрыдавшись, только сейчас осознав, что она действительно может потерять дочь, увидев выражение глаз Анатоля. Всегда собранный, всегда аккуратный в своем внешнем виде, сейчас он был растерян и бледен, без мундира или сюртука, только в рубашке и жилете.

— Неужто, Анатолий Михайлович? Неужто...? — проговорила она глухо в платок, что прижимала ко рту.

— Боюсь, что да, Анна Степановна, — ответил ей зять хриплым голосом. Он предпочел сделать вид пока, что не заметил незваных гостей на пороге салона. — Прошлой ночью начались схватки, а к вечеру она разродилась. Мальчик. Он умер, едва сделав первый вздох. Доктор сказал, что, судя по следам на голове ребенка, он получил ушибы во время падения Марины, и не выжил бы, даже если бы она доносила. Сейчас он пытается спасти Марину, остановить кровотечение... Он сказал, чтобы мы были готовы. Чтобы призвали батюшку, — он замолчал и сильнее сжал плечи Анны Степановны, что разрыдалась во весь голос. — Ступайте к ней. Идите же. Она сейчас в обмороке, но вдруг все же придет в себя.

Анна Степановна ушла, сопровождаемая лакеем, а Анатолий не спешил поворачиваться к мужчинам, что стояли в комнате. Затем он сложил трясущиеся руки на груди и отошел к ярко горящему камину, уставился в огонь.

— Зачем вы пришли сюда? Я никого не хочу видеть! — по-прежнему не поворачивая своего взгляда к ним, произнес он. — Я не хочу, чтобы тут собрались многочисленные утешители, потому и отказываю ныне всем. Ты можешь остаться, Paul, но он... Серж должен уйти!

— Это не по-христиански, Анатолий, — мягко сказал Арсеньев, подходя к нему, кладя руку на его напряженное плечо. — Будь же милосерден.

— Милосерден? — Анатолий резко повернулся и взглянул на друга. — Милосерден? Почему никто не милосерден ко мне? Даже Господь оставил меня! Сейчас, когда он собирается отнять ее у меня, она по-прежнему закрыта для меня! Его! — он вперил указательный палец в Загорского, закричал во весь голос, заставив Арсеньева вздрогнуть от неожиданности. На него дохнуло запахом бренди, и тот понял, что Анатолий уже выпил сегодня и выпил немало. — Она зовет его! И тогда, когда упала, и сейчас, в бреду! Он и только он!

Глаза Сергея блеснули каким-то странным огнем в свете свечей, он подошел ближе к Анатолию и вдруг мягко попросил:

— Позволь мне увидеть ее. Ты любишь ее и потому знаешь, что я сейчас чувствую. Знаешь, как разрывается сердце от этой боли, что ныне она..., что более ее не будет. Не взглянет на тебя своими дивными глазами, не улыбнется радостно, не прошепчет ласково твое имя. Более не коснется руки или волос, не прошепестит ее платью где-то вдали в комнатах. Я многое терял в этой жизни. И многих потерял, так и не сказав последних слов, будучи лишенным такой возможности по собственному малодушию, ты прекрасно знаешь это. И сие до сих пор мучает меня, заставляет подчас так горько сожалеть о былом, — Сергей положил свою руку на плечо Анатолию, заняв место Арсеньева, отступившего поодаль, давая им возможность уладить этот вопрос глаза в глаза. — В эту минуту нам нечего с тобой делить. Отныне только Господь будет владеть ею безраздельно, но — ни ты и ни я. Никогда более. Я прошу тебя, во имя всего святого, дай мне возможность увидеть ее в последний раз. Всего один миг, и я уйду, клянусь тебе в этом. Не откажи мне, прошу тебя.

Казалось, Анатолий сейчас согласится. Было видно, что черты его лица немного смягчились, а в глазах промелькнула какая-то странная тоска. Но спустя миг его челюсти напряженно сжались, а сам он напустил на себя холодный равнодушный вид.

— Увидишь в церкви на отпевании, — зло бросил он. А затем добавил. — Если я позволю допустить тебя к гробу.

Загорский тут же схватил его за грудки, притянув к себе с каким-то свистящим звуком, что вырывался из-за его стиснутых зубов.

— Как же ты мелок в своей злобе и ревности! Как ничтожен! — прошипел он Анатолию в лицо, и тот тоже схватился за мундир Сергея, не позволяя тому тянуть его на себя.

— Я мог бы убить тебя за такие слова! — ответил он Загорскому. Они сейчас с такой злобой глядели друг другу в глаза, что Арсеньев быстро метнулся к ним, желая не дать им в запале совершить необдуманных поступков.

— Прошу тебя, Серж! Разве ты не видишь, что он пьян, что он не в себе от горя! — Павел попытался разжать пальцы сначала Анатолия, а после принялся за руку Загорского, потерпев неудачу. — Нашли время выяснять отношения! Стыдитесь! — Сергей помедлил, но

все же отпустил жилет Анатоля, потом резко ударил того по рукам, вынуждая отпустить собственный мундир. Отошел в сторону, достал сигару и, присев к камину, прикурил ту от огня, не спрашивая разрешения хозяина, что укололо в очередной раз самолюбие того.

Анатолий отвел в сторону руки Арсеньева, поправил свой жилет, слегка помятый в ходе их размолвки с Сергеем, затем направился к дверям из салона. На пороге он помедлил, глядя на то, как курит, сидя в кресле у камина, Сергей, такой хладнокровный, такой обманчиво спокойный. Но по жилке, бьющейся у того на виске в бешеном темпе, Анатолий ясно видел, что тот вовсе не так безмятежен, каким кажется, и, следуя слепо на поводу какого-то гадкого чувства, сидящего внутри его души и подталкивающего его к этому, нанес еще один удар:

— Она всегда была моей, и моей отойдет. И пусть она зовет тебя, но я буду последним, кто примет ее вздох, кто закроет ей глаза. Я иду нынче к ней, вы же можете быть тут, сколько будет угодно. Я дам знать, когда... когда...

Он не смог договорить, вдруг пошатнулся, схватился за косяк и слегка повис на нем, словно ему тяжело стоять нынче. А потом вдруг резко оттолкнулся и вышел вон из салона, оставив друзей одних. Арсеньев опустился в кресло напротив Сергея, который сейчас устало уронил голову на скрещенные перед собой руки.

— В нем говорит алкоголь и шок, — аккуратно проговорил он. — Ты же видишь, что он пьян. Вспомни, он всегда был безрассудно вспыльчив. Сколько нам стоило усилий уладить многочисленные ссоры в корпусе, когда мы учились! Из скольких передраг его вытаскивали! Ты же знаешь его нрав — сначала делает, а потом раскаивается в содеянном.

— Оставь! Я не хочу сейчас слушать об том! — резко отозвался Сергей. — Ты всегда защищал его, всегда находил ему оправдания. Но сейчас он не тот мальчик, что потерял родителей и был совершенно неискушен в интригах корпуса. Но будет! Я не хочу говорить сейчас о нем! — он замолчал, прикусив губу, и уставился в камин, словно пытаясь в огне найти ответы на все вопросы, словно надеясь найти в нем утешение своей боли. Арсеньев коротко кивнул, а после отошел к окну и, заложив руки за спину, уставился на темный сад.

Сергей же погрузился в себя, вызывая в памяти любимое лицо, но не такое, какое должно быть сейчас наблюдал Анатолий в спальне наверху — безжизненное, бледное, без единой кровинки. Он же воскрешал в памяти совсем иное — улыбающееся, с рдеющими щеками, со счастливыми глазами этого редкого глубокого оттенка летней травы. Он попытался представить, как подходит к кровати, в которой должна сейчас лежать Марина, как опускается подле нее на корточки, как берет ее за руку. Медленно подносит ее руку к губам и тихим шепотом произносит ее имя, и она поворачивает к нему лицо, улыбается при виде его.

— Я здесь, милая, — обратился мысленно Сергей к ней. — Я рядом, я всегда буду рядом с тобой.

А потом вдруг его захлестнула волна отчаянья, внутри душа стала просто криком кричать: «За что? Почему?» Он опустил лицо в ладони, запуская с силой пальцы в волосы, дергая себя за пряди, едва сдерживая стон, который так и рвался изнутри.

Почему, Господи? Почему? Если это из-за его любви к ней, преступающей христианские каноны, то он готов дать клятву, что никогда более не взглянет на нее не так, как следует смотреть на чужую супругу. Он никогда не покажет более своих чувств, заставит свое сердце навсегда забыть о том, что оно когда-то жило только ради нее. Только сохрани ей жизнь, Господи, и он отринет любовь из своего сердца!

— ... когда время придет, — донесся до Сергея сквозь его грустные мысли голос

Арсеньева, что-то толкующего ему. Это прозвучало настолько знакомо, словно эти слова должны иметь для Загорского какой-то особый смысл, но пока он никак не мог уловить какой именно. А затем вдруг понял, вспомнил, откуда и от кого пришли к нему эти слова.

— Именно! — прошептал Сергей и одним резким движением поднялся с кресла, подбежал к дверям салона, но вдруг вернулся обратно, к Арсеньеву, схватил его за плечи. — Будь здесь, прошу тебя! Будь здесь через полтора суток, через двое! Иначе не сойдется... И молись. Молись вместе со мной, чтобы она дожила, слышишь!

И оставив заинтригованного Павла одного в салоне, бросился вон в переднюю, громко стуча каблуками сапог по полу, где быстро натянул шинель, забыв про головной убор, и выбежал вон из дома.

Арсеньев остался верен своему слову и покидал дом Ворониных лишь для того, чтобы переночевать и привести себя в порядок. Он не нашел в себе смелости написать жене, что ее подруга умирает, не желая, чтобы та тут же примчалась в Петербург проститься с ней. Павел опасался за здоровье Жюли, ведь та сама только отходила после недавних родов.

К его большому сожалению, Марине лучше не становилось. Усталый доктор Арендт пытался спасти ей жизнь и остановить кровотечение, с которым из Маринино тела постепенно утекала жизнь, и на несколько часов ему это удавалось. Но потом вдруг оно открывалось снова, и лед не мог способствовать тому, чтобы оно прекратилось.

— Я бессилен, — вечером первого дня после отъезда Загорского признался доктор. — Вы вольны показать вашу супругу, граф, другому эскулапу, но, доверьтесь моему опыту, призовите священника. Нам остается только подготовить графиню. Надежды более нет. О Боже, какая жестокость этого мира, когда уходят из жизни молодые и красивые!

— Она... она не будет мучиться? — нерешительно спросил Анатоль у доктора, и тот покачал головой в ответ.

— Нет, не будет. Она постепенно совсем ослабеет, а после заснет и не проснется более.

Анатоль распорядился позвать иерея из ближайшей церкви, чтобы тот соборовал его жену перед тем страшным часом, в ожидании которого весь дом замер в жуткой тишине. До того в дом на Фонтанке прибыли супруги Дегарнэ, которые привезли с собой среднюю сестру Марины, Софи. Анна Степановна же не покидала дом Ворониных и нынче была тут сидя у постели Марины, смачивая ей губы льдом, когда они пересыхали.

Под утро второго дня Марина пришла в себя, и к ней по знаку доктора потянулись вереницей родственники. Сначала мать Марины, рыдающая и кающаяся в вольных и невольных обидах, что нанесла ей, затем сестры, которых та благословила слабой рукой, потом Катиш, под конец упавшая на пол в истерике, такой сильной, что ее еле увели из спальни умирающей.

После привели Леночку, вид которой вызвал у Марины слабую истерику. Она прижимала из остатка сил к себе дочь, ничего не понимающую, но расстроенную до слез тем, что все были такие грустные, а пожилая женщина в темно-сером платье (*grand-mère*, как велел называть ее папа) назвала ее «*Pauvre enfant orphelin!*» ^[474].

Только сейчас Марина поняла, что оставляет Леночку совсем одну, с неродным для нее человеком, хоть и названным отцом. Кто знает, не отвернется ли от нее его любовь, когда он приведет в дом другую женщину, когда у него появятся свои, родные дети? Ей очень хотелось думать, что Анатоль будет так же сильно любить ее дочь и далее.

Она вдыхала детский запах и вспоминала другого ребенка, которого она так ждала, но который ушел из этого мира прежде нее. Марине не открыли правды, но каким-то шестым

чувством она знала, что этот ребенок недолго прожил, покинув ее чрево. Иначе ей бы уже давно показали его, а не отводили глаза в сторону, едва она спрашивала о нем. Бедное дитя, потерпи еще немного, и твоя мать сможет обнять тебя, прижать тебя к сердцу!

Потом к ней пришел Анатолий, чтобы провести с ней остаток времени, что был отведен ей ныне. Она не позволила ему говорить о своей утрате, о том, как он не видит смысла жить более без нее. Ей нужно было от него совсем иное — его прощение за то, что не смогла подарить ему долгожданного наследника, что не смогла дать той любви, что он заслуживал. Ведь каждый человек в этом мире имеет право любить и быть любимым, а Марина всегда боялась, что пойдя на поводу у своего страха перед всеобщим презрением и собственным позорным падением, лишила Анатолия возможности испытать то самое взаимное чувство, которое когда-то заставило Марину забыть обо всем на свете.

И именно это чувство толкнуло ее на следующий шаг. Марина слабым шепотом попросила Анатолия принести ей хотя бы ветку чубушника, когда все слова были уже сказаны меж ними. А едва тот, спустя пару часов, выполнил ее просьбу, прижала цветы к своей груди узкой ладонью, белой, с явно выпирающими венами, и тихонько заплакала, вдыхая дивный сладкий аромат, дурманивший ей голову. Марина закрыла глаза и представила себя в цветущем саду, среди деревьев и кустов чубушника. Она стояла в легком кисейном платье, юбки которого развеивал легкий ветерок, а ласковое солнышко отражалось ярким блеском в светлых волосах мужчины, что смотрел с нежностью в ее глаза сейчас. Как же Марина любила запускать пальцы в эти мягкие пряди!

— Когда-то ты сказал, что в той, другой жизни мы будем вместе, — прошептала Марина беззвучно, едва шевельнув губами. — Я ухожу. Я буду ждать тебя там. Буду ждать твоего прихода... И тогда мы будем вместе. Всегда.

Его серые глаза в ответ наполнились лаской, а губы раздвинулись в легкой улыбке. Она ясно видела, что он молчит, но почему-то слышала откуда-то со стороны его голос, громкий, резкий. А потом вдруг до нее донесся голос Анатолия, и снова заговорил Сергей, перебивая его, уже ближе, совсем различимо.

— Я клянусь тебе, что убью тебя, задушу голыми руками, если ты не пропустишь ее!

Пропустить ее? Куда ее надо пропустить? Да и кто ее может удержать ныне, когда она так легка, так воздушна? Марине казалось, что у нее появились за спиной легкие крылья, с помощью которых она могла сейчас оторваться от земли и полететь вверх, в ясную лазурь небес, прямо к яркому солнышку.

Ей вдруг в нос ударил неприятный резкий запах, перебивший аромат цветов, что окружали Марину в этом дивном саду, полном яркого света, и она сморщила нос, затем чихнула, а потом вдруг увидела над собой красивое лицо Зорчихи, обрамленное цветастым платком. Зачем, хотелось простонать Марине, зачем вы вырвали меня оттуда? Там было так благостно, так покойно!

— Ну, все, барыня, поспала и буде! — проговорила ворчливо та, а потом снова поднесла к носу Марины склянку, от горлышка которой шел этот противный запах, окончательно вернувший Марину из ее дивного сада на грешную землю, в ее спальню в фамильном особняке Ворониных на Фонтанке. — Воротаться надо. Не время еще тебе уходить, не время! Дохтура! Хотя бы повитуху деревенскую позвали! Каждая скажет, как при твоей беде помочь. А дохтура эти! Одним льдом да их лекарствами тут не справиться ни в жизнь! — фыркнула Зорчиха, как когда-то в августе, когда Марина пришла к ней за советом. — Сейчас заварю топтун-траву, крови-то твои и остановим вмиг. А после травы разные настоим для

здоровьишка твоего. Будешь настой пить, силы к тебе вернутся, румянец на щечках заиграет. Будешь у нас снова здоровая, таки кровь с молоком! А детки у тебя еще будут. Будут детки-то, слышишь? Ясно я видела их, деток твоих. Так что воротайся к нам, барынька, воротайся!

Восстановление здоровья у Марины заняло чуть более двух седмиц, которые ей пришлось провести в постели по настоянию Зорчихи, что неустанно хлопотала над ней первые дни. Марина потеряла много крови до того момента, пока не приехала шептунья, и едва могла не то что руку поднимать, голову в сторону поворачивала с трудом. Несколько раз в день она послушно пила горькие настои Зорчихи, а из пищи принимала только теплое молоко с медом и куриный бульон.

— Восстанавливай силы, барынька, восстанавливай, — шептала ей Зорчиха, придерживая голову, пока ее подопечная послушно глотала питье, приготовленное руками шептуньи тут же в спальне на небольшой горелке. — Зря, что ли я все тело себе отбила на этом бешеном животном, отродье сатаны? Зря, что ли он за плечо меня цапнул своими зубами, чтоб они поывалились! Экое ведь отродье, этот вороной! Недаром я их терпеть не могу. То ли дело кошки! Смотрю, у тебя какие красавицы — любо дорого глядеть! Бери их к себе поближе, пусть девки твои не сгоняют их с постели. Лечить они приходят, мне в помощь.

Кошки, в которых выросли те маленькие пушистые комочки, когда-то принесенные Анатодем из дворца, действительно стремились улечься на постели Марины, поближе к ней. Это вызывало негодование доктора, который утверждал, что животным негоже находится так близко к больной, и это провоцировало бурные споры между ним и настаивающей на своем Зорчихе. Эта странная женщина в простом ситцевом платье, но зато с осанкой благородной дамы, что смогла вытащить графиню Воронину с того света, вызывала в докторе смешанные чувства: от полного неприятия ее присутствия в спальне больной до восхищения ее способностями. Быть может, медицине все же стоит что-либо почерпнуть из народных метод лечения болезней, *qui sait* [\[475\]](#)? Одно он видел определенно — маточное кровотечение у его пациентки намного уменьшилось до своей нормы, а по результатам пальпации размеры самой матки значительно сократились. Скоро, совсем скоро графиня сможет подняться с этой постели, едва не ставшей ее смертным ложем.

Зорчиха пробыла у Марины несколько дней и, убедившись, что та идет на поправку, засобиравлась обратно в деревню.

— Хозяйство-то мое брошено. Соседи, конечно, присмотрели за ним, но хозяйская рука — совсем иное, — говорила она в очередной раз, заваривая свои травы. — Я тебе, барынька, оставлю травки мои, а девку твою научу их настаивать. Будешь пить их еще долго, до Великого поста, не ранее. А на Анисью [\[476\]](#)начни уже в сад выходить. Морозец да свежий воздух дело свое сделают, румянец вернут на щеки твои.

Марина видела, как тяжело Зорчихе находиться здесь, в городском доме, где каждый ее шаг дворовые, не знавшие ее так хорошо, как слуги из имения, встречали, крестясь и делая защитные знаки от ведовства, а сам хозяин предпочитал всячески избегать ее и требовал ее удаления в людскую или «черную» кухню, когда приходил навещать жену.

— Мне не по нраву, что она ночует здесь, в твоей комнате, — говорил он Марине. — У нее дурной глаз. Не дай Бог, приведет к чему! Мало ли нам бед! Удали ее от себя, тебе же лучше ныне. А далее господин Арендт продолжит твое лечение.

— Как лечил ранее? — усмехалась Марина. — Не забывай — она мне жизнь спасла, с того света вернула. Отблагодарить ты ее должен, а не отсылать презрительно прочь, едва

показываясь на пороге. Ты даже словами благодарности ее не удостоил, стыдись! К чему тогда посылал к ней?

— Спасти тебя, — отвечал Анатолий, отводя глаза. — Только за этим. Но ныне она сделала свое дело, пусть уезжает обратно в деревню.

На прощание Марина все же нашла в себе приподняться в постели и сердечно обнять шептунью.

— Спасибо, что спасла мне жизнь. Жаль, что он послал за тобой так поздно, что не уберегла дитя наше, — она отстранилась от Зорчихи, заглянула ей в глаза. — Но ты ведь знала тогда, что так случится. Почему не сказала?

— Я тебе уже говорила, барыня, не в моих силах изменить волю Божию, — ответила ей та. — Господь так решил, и негоже теперь нам роптать над его волей. У тебя будут еще дети, я знаю это точно. И это был последний раз, когда ты теряла дитя. Остальные будут здоровы и пригожи, и принесут тебе еще много радостей материнства. А по этому мальчику плачь, барынька, но недолго — они не любят, когда много слез, плохо им оттого. И спасителю своему скажи, чтоб не давал обетов бессмысленных. Против воли Господа они идут, клятвы эти. Неуютны Богу клятвы не от сердца, неуютны!

Марина не совсем поняла смысл этих слов, но не стала особо раздумывать над ними — Зорчиха всегда говорила загадками, и только с течением судьбы под силу было понять их смысл. Она еще раз обняла шептунью, и та вышла вон из спальни, прочь из этого дома, где так и витали в воздухе смерть и горе, Зорчиха чувствовала это кожей. Она села в сани, что приказала подать ей Марина, а кучер накрыл ее ноги попоной. Словно барыня поеду, усмехнулась Зорчиха, но ее улыбка погасла на губах, когда она заметила, как за ее отъездом наблюдает из окна второго этажа Анатолий.

— Эх, Мишенька, детки-то твои только худое взяли от тебя, — прошептала она. — Твое упрямство бестолковое да вспыльчивость нрава. Беды вижу я в твоём доме, большие беды! И не спасти мне их, не отмолить. Не выходит никак! Попробуй ты спасти их, дай им знак, что через кровь, слезы и ложь не достичь счастья, не выйдет это!

Но она знала, что судьбы не переменить, не под силу это человеческой воле, а потому закрыла глаза, откинулась на спинку сиденья. Домой, она поедет домой. Уйдет в лес к роднику смыть с себя все зло, что впитала в этом доме, стараясь уменьшить тот урон, что уготован на долю каждого из его обитателей.

Марина же последовала совету Зорчихи постепенно вставать с постели и прогуливаться — сначала по комнате, а затем дальше — по своей половине. Ей нужно было набираться сил, ведь лежать долго без движения было отнюдь не в ее характере. После она начала спускаться в сад, сопровождаемая супругом, что аккуратно вел ее под руку и усаживал в принесенное лакеями кресло. Марина с улыбкой наблюдала за тем, как возится в снегу Леночка, радостная, что наконец-то ее милая мама выходит из спальни.

Но вид дочери постоянно напоминал Марине о потере второго дитя, о том, что ее живот снова стал плоским, а грудь, наглухо перетянутая, чтобы не доставляла беспокойства, еще пока полна материнского молока. Как же так сложилось? Ее бедный мальчик! Единственное, что утешало ее, что ее сын был крещен, прежде чем его душа покинула его маленькое тельце, а значит, его душу приняли в небесных чертогах, и можно было смело заказывать молебны за ее упокой.

У Марины отняли все, что могло бы напомнить ей о младенчике — унесли на чердак колыбель, убрали с глаз маленькие одежки и пеленки, но как можно было отнять ее мысли,

ее воспоминания? Она хотела, чтобы Анатолий разделил с ней ее горе, ее слезы, но тот, испугавшись, что это подавленное состояние только ухудшит процесс ее становления на ноги, разозлился после бесплодных попыток успокоить ее плач:

— К чему постоянно вспоминать о том, что мы потеряли? Да, я тоже скорблю вместе с тобой, но подумай сама — сколько родов оканчивается смертью младенчика, сколько родителей могут потерять свое дитя еще до отрочества? Многое число! Если бы все, кто когда-либо потерял ребенка, так скорбели, как ты, забывая обо всем на свете, вплоть до своего другого дитяти! — потом он смягчился, взял ее ладони в свои руки, прижался к ним губам. — У нас еще будут дети, милая. Отпусти этого ребенка, думай только о том, как поправить свое здоровье.

— Ты так говоришь, словно тебе безразлична эта потеря, — с укором произнесла его жена.

— Это далеко не так. Я тоже потерял своего ребенка, причем, единственного. У тебя еще есть Леночка, а вот моя кровь и плоть теперь лежит в Завидово, думаешь, я не помню об этом? Но думая об этом постоянно, каждую минуту, каждый день можно лишиться рассудка от боли! Вот поэтому я прошу тебя, забудь и отпусти эту потерю. Сейчас самое главное для нас, чтобы ты поправилась. А дети... Бог даст, еще нарожаем много-много маленьких Ворониных.

И Марина старалась последовать совету супруга, стала загружать себя многочисленными делами по дому и другими хлопотами. В особняк на Фонтанке приходило бесчисленное количество записок — многие осведомлялись, каково ныне здоровье графини, и Марине приходилось полдня проводить за бюро, отвечая на эти короткие письма, а также отклоняя по причине их нестрогого траура по ребенку приглашения на приемы и балы, что скопились за время ее болезни. Смерть ребенка предполагала год обыкновенного траура (черное платье — шесть месяцев, далее — оттенки полутраура), но выезжать на торжества и в театр родственникам усопшего было все же запрещено.

А после пришло письмо от встревоженной Жюли, что только спустя время узнала от своего мужа от той трагедии, что разыгралась в доме Ворониных.

«Ma chere Marie, я глубоко сочувствую твоему горю, твоей потере. Ах, если б я могла быть с тобой рядом нынче, чтобы обнять тебя, разделить с тобой твою горе и слезы! Мне очень жаль, что мы потеряли это маленькое дитя. Думай, ma chere, только о том, что одним ангелочком в небесах стало более, и теперь он будет сидеть в облаках и наблюдать за тобой сверху, радуясь твоему смеху и огорчаясь твоим слезам...

... Я неустанно благодарю Господа за то, что Сергей Кириллович привез эту странную женщину, что смогла спасти твою жизнь. Поистине было совершено чудо, и за это чудо я возношу молитвы каждый Божий день. Я с ужасом представляю о том, что могла потерять тебя, моя милая подруга. Обещай же мне, что отныне ты приложишь все усилия выправить свое здоровье...»

Марина едва дочитала письмо подруги, которое привело ее в замешательство. Значит, вовсе не Анатолий посылал за Зорчихой в Завидово, а ее привез к постели Марины Сергей? Получается, что муж солгал ей, когда она спрашивала о Зорчихе. Она позвонила и кликнула к себе Таню, что проветривала платья барыни во дворе.

— Как попала в дом шептунья? — спросила Марина свою горничную. — Только правду говори, лжи не хочу более!

И Таня рассказала ей, как после того, как барыню соборовали, а родные уже успели

попрощаться, в особняк прибыл князь Загорский, что привез на крупе своего взмыленного коня женщину. Его провели в салон, где многочисленные собравшиеся ожидали страшного известия из спальни Марины, но пропустить в хозяйскую половину и его, и эту странную женщину, что он привез, отказались по приказу барина.

Тогда князь схватил ее за руку и потащил вверх по лестнице в покои барыни, отталкивая лакеев, что пытались остановить его, задержать его. Граф Арсеньев принялся помогать тому продолжить свой путь без помех, сдерживать слуг в дверях, позволяя князю достигнуть половины барыни без особого труда. Родственники барыни наблюдали эту картину с завидным интересом и удивлением, надо признать, судя по рассказам слуг, ведь сама Таня видела только то, что происходило в половине графини. А именно там, у дверей спальни Марины князя и шептунью остановили хозяин, что позвал к себе в подмогу несколько лакеев, которые закрыли собой дверной проем.

«Я не позволю вам пройти далее, князь», — предупредил хозяин незваного гостя. — «Вспомните о правилах приличия. Поворачивайте назад, если хотите и далее сохранить добрые отношения меж нами». Но князь возразил ему, что им следует забыть о своих приязнях и неприязнях перед ликом смерти.

«Пропусти знахарку к ней, прошу тебя», — проговорил он в ответ. — «Она сумеет сохранить ей жизнь». Но граф стоял на своем — князю и женщине надо покинуть половину барыни, даже уговоры подоспевшего господина Арсеньева не могли сломить его волю.

— И тогда князь начал биться с ними, барыня. Вот вам крест, не вру! — Таня восторженно пересказывала то, что видела в тот день. — Он смог раскидать троих лакеев, прежде чем его повалили на пол, скрутили руки. И это князя-то! Ой, барыня, он тогда так зыркнул на хозяина и прокричал ему...

— ... «Я убью тебя, клянусь тебе!», — прошептала потрясенная Марина. Эти слова вдруг столь ясно всплыли в ее памяти, словно она услышала их недавно совсем, а не несколько недель назад. Таня взглянула на нее удивленно.

— Откуда вам известно, барыня? — и когда Марина сделала нетерпеливый жест, мол, продолжай, не медли, последовала ее требованию. — Барин аж застыл при этих словах, глядя на князя. А потом уже и граф Арсеньев потребовал, чтобы князя отпустили. Уж как он припустился на барина! Тот сразу же подал знак, и князя освободили. Знахарка же быстро юркнула между лакеями, пока все были заняты, в вашу спальню. Никто даже и оглянуться не успел. Что дальше было, я не ведаю. Она позвала к себе в помощь, я и пошла. Знаю только, что князь приезжал в дом еще пару раз. Его барин принимал у себя в кабинете. Тихо там было. Вестимо, на мировую пошли.

Марина весь день обдумывала то, что услышала. Ее сердце так и норовило выпрыгнуть из груди, едва она начинала вспоминать слова горничной, на что Сергей был готов пойти, чтобы спасти ей жизнь. На несколько часов от нее отступили все терзания и сердечная боль, забылась потеря, что случилась в ее жизни. Маленькая радость несмело захватила ее сущность, ведь она так молила еще несколько месяцев назад о небольшом знаке, что она по-прежнему любима. Такая малость, но так оживила ее нынче, вернула румянец на щеки и блеск глазам. Ее большое горе пусть на день, но забылось, уступая место этому волнению, что охватило ее, будто институтку.

А потом в голове всплыли слова Зорчихи про клятвы, что должен был принести ее спаситель. Какие еще обеты имела в виду шептунья, кроме тех заветных, что Сергей намеревался принести своей невесте. И что она сказала про них? Неуютны они Господу,

неугодны...

Марина не стала долго раздумывать, а села к бюро и быстро написала короткую записку, что завтра утром будет совершать прогулку в парке и будет рада, что князь Загорский составит ей компанию. Она сама толком не могла объяснить, зачем ей надо увидеться с ним, знала лишь одно — слова Зорчихи были лишь предлогом, не ради них она так стремилась к встрече с Сергеем вне стен особняка на Фонтанке. Он был для нее словно солнце для цветка — не видя его долго, она чахла. Марина помнила, как на время притупилась боль, когда прошлой осенью она потеряла Агнешку, и надеялась, что пусть даже короткая встреча с Сергеем поможет ей справиться и с очередной потерей.

Но ночью Марину снова настигли кошмары, что стали приходить к ней вот уже почти две седмицы. Из ночи в ночь она снова и снова поднималась по небольшой лестнице в коридоре для слуг и снова сталкивалась с неким человеком. У него была черная дыра вместо лица — не было ни носа, ни глаз, ни рта. Просто темное пятно. Это вызывало в Марине панический ужас, она хотела бежать прочь от этого человека, что начинал тянуть к ней руки, стремясь поймать ее, удержать подле себя. И она снова и снова делала этот страшный шаг назад в пустоту и с диким криком падала вниз, не в силах удержать равновесие.

Зачем? Зачем ты посылаешь мне эти сны, Господи? Марина тихо плакала, стоя на коленях перед образами. Зачем снова возвращаешь в тот злополучный день? Почему не позволяешь забыть? Быть может, ты даешь мне знак, что мне нужно ехать на могилу своего сына, на погребении которого я так и не смогла присутствовать? Или ты даешь понять, что я должна вспомнить, зачем оказалась на той лестнице?

От этих бесконечных вопросов у Марины разыгралась мигрень, и даже записка от князя Загорского, что сообщала о том, что для князя будет честью составить Марине компанию на прогулке в парке после полудня, не смогла вернуть ей благостного настроения. А собственное отражение в зеркале — в черном креповом платье, в шляпке с траурной вуалью — заставляло ее душу замирать от какого-то странного предчувствия. О Господи, прошу тебя, да минет меня твой гнев! Разве мало я перенесла, — помимо воли взмолилась она.

Марина была рассеянна, выезжая со двора особняка, но все же краем глаза заметила, как быстро юркнул в закрывающиеся за ее санями ворота мальчик в рваном тулупе и картузе с ломанным козырьком. Она тронула за плечо кучера, призывая его остановиться, а дворника, убравшего снег перед домом, послала вызнать, куда и к кому побежал посланец. Спустя некоторое время тот вернулся, ведя за ухо мальчишку.

— Вот, барыня, малец ентот. Не успел я заметить, до кого он приходил — уж больно шустрый, — он тряхнул мальчика, тут же взывшего от боли. — Говори, барине, окаянный, до кого в ентот дом ходил. Говори! Не то ухо оторву!

— Подожди, Ульян, не надо так жестко. Отпусти мальчика, ему же больно, — попросила Марина, и дворник подчинился — схватился не за ухо пойманного, а за шиворот тулупа. Он-то таких отлично знал: чуть раззеваешься — сразу же в спину снежком получишь, а потом никого не догонишь, только осмеян будешь! Марина же тем временем обратилась к мальчику, уже пустившего слезы, что оставляли тонкие дорожки на этом худом, запачканном лице. — Не бойся, мальчик, никто тебе не причинит вреда. Я просто хочу знать, к кому ты ходил в этот дом и что отнес. Записку, ведь отнес, правда? Скажи мне, и я отблагодарю тебя.

Она кивнула Тане, сидевшей рядом в санях, и та полезла за кошельком, что носила под своим салопом, ближе к телу, чтобы не украли ненароком. Девушка до сих пор, спустя почти

год, что провела подле барыни в городе, очень боялась лихих людей, которыми ее в детстве пугала матушка.

— Вот, мальчик, возьми пятак, — Марина протянула ребенку пятак с серебром. — Скажи мне, ты ведь от своего барина ходишь? Кто он? Как его имя?

— Не барин он мне вовсе, — вдруг проговорил мальчик, аккуратно взяв из рук Марины пятак и тут же молниеносно спрятав его в недрах своей одежды. — Живет он в мезонине квартирному дома моей хозяйки. Я ему дрова ношу да сапоги его чищу. А за то, что сюда письма таскаю, алтын дает каждую неделю [\[477\]](#). Имя у него не нашенское, немецкое, хотя сам он русский, вестимо — фон Шель, имечко егойное.

— А давно ли ты ходишь сюда? — спросила Марина и тут же недовольно поморщилась, заметив, как сильно потрянул его дворник, желая выслужиться перед барыней. — Давно письма передаешь?

— Так с Покрова, барыня. С самого Покрова, — ответил мальчик.

— И что, ответ-то получаешь? Или с пустыми руками уходишь? — встревожено спросила Марина, а ее маленький собеседник вместо ответа достал из-за пазухи белый конверт. Она даже на расстоянии узнала почерк своей золовки и ужаснулась — Боже мой, с самого Покрова, под носом у Марины и Анатоля Катиш вела совершенно непристойную переписку с этим фон Шелем! Да, к Марине тоже писали в свое время, но отвечать на эти записки считалось верхом неприличия и грозило самыми страшными последствиями для неразумной девицы, потому она и не писала ответных писем. Тут же было все иначе.

Она сначала хотела приказать мальчику передавать отныне эти письма ее горничной, Тане, но тут же осекла себя — как низко упасть она не желала, опуститься до чтения чужой переписки. Марина прекратит ее другими методами, уж найти способ не составит труда. Потому она сделала знак мальчику, чтобы он спрятал письмо обратно, а дворнику велела отпустить мальчика.

— Никому и слова не говори, что я разговаривала с тобой, слышишь? Утаишь от барина этого, что попался, еще пятак получишь, — Марина откинулась на подушки сидения, пряча замерзшие на легком январском морозе руки в муфту. — Таня, Ульяну дай тоже пятак.

— Благодарствую, барыня, — снял шапку и поклонился дворник. — За здоровье ваше, барыня, выпью, чтоб не хворали больш.

— Спасибо, Ульян, и ты не хвораи. Ну же! Трогай!

По знаку барыни сани тронулись вдоль набережной к Летнему парку, где у нее была назначена встреча. Таня то и дело вертела головой, с любопытством рассматривая все, что ей встречалось на пути: дома, экипажи и сани, дрожки с извозчиками в кожухах, офицеры верхом, многочисленные прохожие, спешащие куда-то в этот пригожий зимний день — бабы в накинутых на голову цветастых платках, дворянки, неспешно прогуливающиеся под руку с важными господами в смешных длинных шляпах, что совсем не прикрывали их красные от морозца уши, бонны и няньки, прогуливающие своих подопечных.

Многие из господ и офицеров кланялись Марине, приподнимая шляпы или прикладывая пальцы к околышу фуражки, а дамы улыбались, кивая. Танина хозяйка лишь слегка сдвигала губы в улыбку и немного склоняла голову в знак того, что заметила их приветствие, а чаще просто проезжала мимо, задумавшись. Она выглядела нынче такой грустной, что у девушки защемило сердце. Столько выпало на долю ее барыни, ох, не приведи Господь кому такое испытать! Да и так бледна, несмотря на легкий морозец. Видать, не отошла еще после болезни. Куда только едет!

Но после, когда сани въехали в сад и покатались медленно среди мостков для прогуливающихся, Таня заметила, как барыня слегка оживилась, напряженно всматриваясь куда-то вперед за кучера. Таня слегка повернула голову, чтобы взглянуть, что так взволновало ее хозяйку, и вдруг улыбнулась сама, заметив, как к их саням приближается верхом широкоплечий офицер. Он был уже совсем близко, и девушка без труда узнала в нем князя, что бывал у них в доме и что устроил такую заваруху прямо у дверей спальни ее барыни.

Князь подъехал к саням, и Таня поспешила отвернуться, чтобы ее, не дай Бог, не заприметили в таком пристальном взгляде на офицера. Она перевела взгляд на свою барыню, что сейчас смотрела на подъехавшего мужчину снизу вверх, и при этом ее глаза светились таким светом, так засияло бледное лицо, что Таня даже изумилась этой перемене в хозяйке.

— Bonjour, prince, — сказала барыня, скрывая свою легкую улыбку в пышном мехе чернобурки ворота ее салопы. Ее собеседник выглядел немного нахмуренным, словно что-то беспокоило его. Он легко спрыгнул с коня и передал вожжи в руку кучера Марины.

— Bonjour. Comment vous portez-vous? Vous abusez de vous santé comme je vois!

— Ne me grondez pas, — проговорила мягко Марина, глядя в глаза стоявшему подле саней Загорскому. — J'ai tellement envie de vous voir. Venez? [\[478\]](#)

Таня заметила с любопытством, как теплеют глаза князя, как медленно уходят небольшие морщины, пересекавшие его лоб доныне. Он не улыбался, но по нему было ясно видно, что напряжение, которое сковывало его до этой минуты, отпустило его.

— Quand puis-je vous refuser? [\[479\]](#) — проговорил он с усмешкой, и Марина радостно улыбнулась ему в ответ.

— Я пройду пешком, — сообщила она горничной, и Таня тут же соскочила с саней, чтобы помочь хозяйке убрать с колен меховую полость и сойти на дорожку, но князь покачал головой и отстранил девушку, а после сам откинул полость и помог барыне ступить на снег, крепко держа ее за локоть.

Некоторое время они шли молча, не произнося ни слова, даже не встречаясь взглядами. Просто наслаждались столь близким присутствием друг к другу, касанием сквозь ткань перчатки ее пальцами сгиба его локтя. Сергей заметил, что у нее на руках тонкая лайка, и вдруг положил широкую ладонь своей руки на ее пальчики, к которым начал подбираться холод. Марина вздрогнула при этом и перевела на него взгляд. Он ясно видел, как блестят ее глаза сквозь тонкую траурную вуалетку шляпки, и вдруг обеспокоился, нет ли у нее жара.

— Нет, я полностью здорова, — ответила она, будто прочитав его мысли. Теперь, когда Таня шла чуть позади и не могла слышать их разговора, Марина перешла на русский язык. — Я полностью здорова, хоть и чувствую иногда слабость в теле. И я пришла сюда, чтобы поблагодарить тебя за это. Ведь это ты привез Зорчиху. Vous sauvez mes jours, je vous remercie [\[480\]](#).

— Тебе не нужно делать этого. Не благодари меня. При всем моем желании мои заслуги при этом не так велики, как ты мне приписываешь. И спас твою жизнь вовсе не я, а эта знахарка, — он потянул ее за собой, видя, что их остановка стала привлекать к себе внимание, и они продолжили путь по прогулочной дорожке. — Да и потом — я сделал это отнюдь не для тебя, а для себя в первую очередь. Je suis égoïste insensible [\[481\]](#), таково свойство моей натуры. Жизнь, зная, что ты более не существуешь где-то рядом, не дышишь

со мной одним воздухом и не ходишь под одним небом — скучна и бессмысленна для меня.

Сергей произнес эти слова безразличным тоном, но Марина угадала в них его страдание при мысли о том, что она могла уйти от него, покинуть этот мир. Любой другой подумал, что он сейчас просто насмехается над ней, но она знала, какая боль скрывается за этим равнодушием.

— И все равно, я благодарю тебя, — проговорила она, слегка сжимая пальцами его локоть. — Таня мне рассказала, что произошло в тот день.

— *Ella ne sait pas tenir sa langue* ^[482], это плохое качество для слуг, — чуть раздраженно ответил ей Сергей. — Полно! Я не хочу более вспоминать о тех днях. Нынче такой превосходный день, не порть мне, умоляю, благостный настрой. Лучше поведай мне о себе. Значит, твое тело выправляется постепенно. А как дух? Что ты сама? Оправилась ли от своей потери?

— Не могу ответить тебе на этот вопрос, — покачала головой она. — Иногда я забываю о ней, домашние дела, моя дочь занимают меня днем. Но ночами... ночами, когда сон не идет ко мне, моя тоска становится все более ощутима. Я начинаю думать, будто мой грех в том, что я не ушла с ним. Это мне было должно умереть, а не ему, этой невинной душе. Почему это произошло? Почему Господь отнял у меня всех тех, кого я так любила? — она вдруг замолчала, переводя дыхание, и Сергей сжал ее пальцы в немой поддержке. — Иногда меня мучают кошмары, — призналась Марина. — Я снова и снова возвращаюсь туда, в коридор для слуг. В эту темноту. К этому страшному человеку.

— Ты так и не вспомнила, что делала в «черном» коридоре? Зачем пошла туда? — спросил Сергей озабоченно, но Марина лишь покачала головой. Они еще некоторое время шли в полном молчании, а потом до их ушей вдруг донесся колокольный перезвон ближайшей церкви. Марина недолго вслушивалась в него, затем остановилась и, повернувшись к Сергею, произнесла запальчиво:

— Бывает время, когда мне начинает казаться, что с некоторых пор я проклята! Я была так счастлива с тобой, а потом ты пропал. На долгих три года! Я думала, что потеряла тебя, и сама, своими руками разрушила наше с тобой возможное счастье, нашу любовь. Я лишила собственного ребенка знать кровного отца, а тебя — свою дочь. А потом эти смерти! Моя Гнеша, мой ребенок... И это жуткое ощущение с недавнего времени, будто что-то случится вскоре... что-то непременно случится!

Ее голос сорвался, и Сергей рванулся к ней, желая обнять ее, защитить от всех невзгод и напастей. Но он быстро подавил свой порыв, лишь только сильнее сжал ее руку, призывая ее успокоиться. На большее он — увы! — права давно не имел.

— *Allons, du calme!* ^[483] Тобой сейчас движет твоя боль и горечь утраты, ничего более. Расшатанные нервы! Ты должна уехать из Петербурга, отдохнуть. Но не в Завидово. Езжайте за границу. Мариенбад, Париж, Рим — ты непременно должна их увидеть.

— Увы! Анатолий не отпустит меня одну, а ехать со мной для него невозможно! — возразила ему Марина. Они тем временем развернулись и направились в обратный путь к саням, ожидающим Марину в начале аллеи. — Иногда мне мнится, что он женат не на мне, а на своей службе. Вот и ныне он пропадает во дворце целыми днями...

— Мужчины не могут сесть или лечь в постель у себя в спальне и выплакать свое горе, — тихо проговорил Сергей. — Обычно они стараются заглушить его *un petit verre d'alcool* ^[484], а если не выходит и это, то уходят в дела с головой. Я переговорю с ним в скором времени о необходимости этой поездки. Третьего дня Арсеньев собирается обратно в

деревню, и мы ужинаем в клубе все вместе перед его отъездом, — он заметил, что Марина удивленно взглянула на него, и улыбнулся. — Поражена? Да-да, мы словно старые супруги — можем громко поскандальить, но неизменно миримся спустя время. Будто не можем друг без друга. Мне не по нраву твой нынешний душевный настрой, и я буду всеми силами протезировать перед Анатолем идею заграничной поездки. А если он не согласится с моими доводами, то могу даже *faire du chantage* ^[485] — скажу, что сам увезу тебя, — правый уголок рта Сергея пополз вверх в усмешке, так знакомой Марине, но его глаза остались серьезны. А после и вовсе погрузились, когда он поймал ее взгляд, услышал ее взволнованный шепот:

— *Serait-il vrai?* ^[486]

— Могло бы быть когда-то, — уклончиво ответил он. — Теперь уж связана обещаниями и клятвами не только ты. Полно об том. Что толку ныне? Только тоска одна, а мало ли тебе и мне нынче ее?

Далее они снова молчали, каждый погруженный в свои собственные горькие мысли, а после, когда Сергей уж почти довел Марину до саней, чтобы ей пуститься в обратный путь, она вдруг спросила его:

— Тебе известен некий майор фон Шель?

— Фон Шель? — пожал плечами Загорский. — Может и знаю. Опиши его, каков он, — а после, получив словесное описание кавалергарда, кивнул. — Я знаю его, но не особо близко. Каждый *polisson* знает свой круг, и я имел когда-то знакомство с ним. Рисковый малый, любитель юбок и хороших лошадей. Промотал в карты свое небольшое состояние, и ныне перезаложена даже наградная сабля. Но что тебе до него?

— Он ухаживает за Катюшей, и, похоже, *elle veut pas l'épouser* ^[487], — призналась Марина. Сергей покачал головой, усмехнувшись.

— *Il est impossible* ^[488].

— Боюсь, что для семьи Ворониных нет такого слова, — грустно улыбнулась она в ответ. — Оттого-то меня и беспокоит это увлечение.

Сергей ничего не сказал ей, только подал руку и помог сесть в сани. Затем аккуратно покрыл ее ноги меховой полостью, подоткнул ее, чтобы даже малейший ветерок не проник под мех. Таня очень удивилась, когда князь потом повернулся к ней и также помог усесться в сани напротив барыни.

— *Vous pouvez toujours compter sur moi. A fond* ^[489], — тихо произнес Сергей, когда обе пассажирки были готовы к отъезду. Марина кивнула ему и ответила так же тихо, положив свою ладонь поверх его, что лежала сейчас на боковине саней:

— *Merci, mon prince! J'essaierai d'y penser.*

— *Ne me remerciez pas, je le veux* ^[490], — он помолчал немного, а потом вдруг обхватил ладонями ее лицо и приблизил к себе. На мгновение она подумала, что он сейчас поцелует ее в губы, и невольно приоткрыла их, словно приглашая к поцелую. Ей было сейчас все равно, что они находятся посреди парка и на виду прогуливающейся публики, что напротив нее сидит Таня, широко раскрыв глаза, что об этом будут еще долго сплетничать в салонах Петербурга.

Но Сергей лишь коснулся быстрым поцелуем ее лба и тут же отпустил ее, глядя прямо в ее дивные зеленые глаза, что сейчас подернулись легкой дымкой разочарования.

— *Prenez soin de notre fille,* — проговорил он, а после добавил. — *Et vous etes heureux.*

— Vous êtes de même [\[491\]](#), — ответила ему Марина. Сергей кивнул коротко, взял из рук кучера поводья своего коня и стукнул того по плечу, мол, езжай, не задерживайся. Он не стал смотреть вслед отъезжающим саням, а легко взлетел в седло и направил Быстрого легкой рысью вглубь парка.

Марина тоже не стала оборачиваться, чтобы взглянуть на Сергея, когда сани увозили ее прочь из сада. На прошлое не наглядись, да и к чему это? Она глубже опустила лицо в меховой ворот салопы, чтобы спрятать его от ветра, что бил сейчас в лицо. Она чувствовала безмерную усталость, словно у нее сразу же в один миг закончились силы. Она мечтала вернуться назад в дом, подняться к себе и лечь в постель. Видно, она действительно переоценила свои возможности нынче.

И Марине захотелось плакать. Она неким шестым чувством понимала, что это была последняя их встреча, когда Сергей мог свободно распоряжаться собой и своими чувствами. Но вот минет Пасха, а затем он поведет под своды храма к аналогу другую женщину — тихую и скромную Вареньку Соловьеву. Господь так жестоко переплел их судьбы с чужими им людьми, заставил до конца своих дней жить лишь воспоминаниями о былом.

И Леночка... Их маленькая Helen. Она становится с каждым днем все более похожа на Сергея: так же запускает ладонь и ерошит волосы, когда задумчива или что-то желаемое никак не выходит, так же хмурит лоб. И эта небольшая страсть к рисованию. Леночка то и дело рисует то мелками, то грифелем, и пусть пока это не совсем похоже на то, что она берет за основы своего рисунка, но даже новая бонна, строгая мадам Фуше, признала, что, по-видимому, в девочке есть страсть и талант. А значит, маленькой графине нужен учитель рисования вскоре, заявила она.

Вот и сейчас Леночка встретила мать в ее половине, с восторгом призывая ту взглянуть на ее очередное творение. Марина не могла не уделить внимание ребенку, какой бы усталой не чувствовала себя ныне.

— О, как красиво! — восхитилась она, прижимая к себе дочь. Знакомые серые глаза сейчас сверкали таким неподдельным восторгом, что у нее перехватило дыхание. — Кто это? Лошадки?

— Merci, petit maman! — улыбнулась в ответ Леночка. — Но это киски!

Марина поспешила согласиться, что кошки действительно удались, только вот не надо рисовать им таких длинных ног в будущем, и, в последний раз коснувшись губами пухленькой щечки дочери, стала подниматься на ноги. Внезапно ее голова пошла кругом, в глазах потемнело на миг, и ей пришлось тут же ухватиться за спинку стула, что стоял рядом. Но слабые руки не смогли удержать ее, она стала заваливаться на пол, чувствуя, как сознание постепенно покидает ее.

— Emmenez Helen! [\[492\]](#) — успела Марина крикнуть бонне и рухнула на пол. Мягкий ворс ковра смягчил ее падение, но заплакала она сейчас не от боли, а ясно расслышав, как закричала испуганно Леночка.

Странно, она словно была в полуобмороке — она более-менее ясно слышала происходящее вокруг, различала голоса и звуки, а картинка перед глазами была словно в какой-то дымке. Быстро увели прочь плачущую Леночку, что сквозь слезы звала мать и умоляла бонну оставить ее подле той. Убежала в спальню за солями, причитая, Таня — резкий голос Катиш сделал ей выговор, что она плохая горничная, раз не имеет при себе напатыря, и место ей на скотном дворе.

А затем Марина вдруг увидела, как над ней склонилась золовка, обеспокоенно

вглядываясь в ее лицо.

— О, Боже мой, Марина Александровна! — проговорила тихо она, и Марина нахмурилась — внезапно расписной потолок ее кабинета стал будто растворяться, а на его место пришла темнота, которая сейчас обрамляла лицо Катиш, склонившейся над Мариной. Это длилось лишь миг, но и этого короткого времени для Марины было достаточно. Ее разум выпустил на волю воспоминание, что спрятал до этого момента в каком-то дальнем уголке Маринино сознания.

— Это были вы..., — сначала тихо прошептала Марина, заставив Катиш испуганно отшатнуться. А потом она закричала, прежде чем провалиться в темноту обморока — громко и с надрывом. — Это вы! Вы!

Яркий солнечный свет ударил Марине по глазам, и она поспешила повернуть голову в противоположную сторону от него, прикладывая при этом ладонь к глазам.

— О, слава Пречистой, вы пришли в себя! — к ней тут же наклонилась Таня, встревожено глядя на барыню. — Ну что ж вы так, барыня! Не успели от одной болезни оправиться, как другая свалила с ног. И зачем тогда выезжали-то?

— Я была больна? — проговорила Марина, а потом знаком показала, что испытывает жажду. Таня тут же подскочила со стула у постели барыни и налила той воды из графина на комоде. После вернулась к кровати, подала бокал хозяйке.

— Да уж пятый день пошел, как вы в постели, — принялась рассказывать Таня. — Сначала жар был. Три дня. Сильный, еле сбили его. Вы не помните?

— Нет, — удивленно покачала головой Марина. — Не помню.

Она попыталась вызвать в памяти хотя бы некоторые моменты из этих дней, о которых речь ведет Таня, но смогла только вспомнить ужасную головную боль, ломившую виски и затылок, вызывавшую резь в глазах. И тело... Она вспомнила, как болело все тело, будто ее кто-то избил накануне.

— А ведь в сознании были тогда. Первый день-то. И с доктором беседовали, и с барином. Доктор ругался шибко, что вы на прогулку в тот день отправились. Правда, еще до жара разговоры вели. А потом как вас горячка-то прихватила! Три дня бредили, все куда-то порывались идти, ругались. Доктор говорит, что нынче в Петербурге почти каждый болеет, напасть какая-то свалилась на нас. Сказал, увезти Елену Анатольевну из столицы обратно в деревню. От греха подальше!

— Моя дочь в Завидово? — переспросила Марина, и Таня кивнула, подтверждая.

— На второй день вашей болезни и увезли. Как по дому эта зараза начала идти, так Анатолий Михайлович и приказал барышню увезти в деревню. Хотел еще Катерину Михайловну отправить, но та сказала, что за вами ходить будет. Вот он и оставил. Ходить! Как же! Вона сидит только у себя в половине да в салоне музицирует. И не видит барин, на кого он вас тут оставил!

— Барин не дома? Где он?

— В Царском, барыня. Каждый день туда ездит. Рано утром уезжает, а вечером, когда стемнеет, сюда торопится про вас справиться. Очень переживает барин, отоцал весь, — добавила Таня тихо. — Все приходит сюда, вас за руку берет и гладит ее так нежно, так медленно. Любит он вас, барыня.

— Заговариваешься! — холодно бросила Марина горничной, и та сразу же замолчала, отвела глаза в сторону.

Когда за окном стемнело, и в доме зажгли свечи, Марина все же поднялась с кровати и сейчас сидела, откинувшись на подушки, в кресле за «бобиком» [\[493\]](#), задумчиво что-то чертила на бумаге. Она хотела написать Жюли, от которой уже успела получить второе письмо, но так и не ответила из-за своей продолжительной болезни, но ее мысли никак не желали складываться в слова на бумаге. Она то и дело вспоминала, как над ней тогда склонилась Катиш, как оттаскивала за рукав фон Шеля, что хотел помочь упавшей с лестницы Марине. Неужели ее золовка способна была на такое — оставить Марину там, без помощи, на долгое время, что ее безуспешно искали в хозяйской половине? Ведь только

благодаря тому, что наверх поднялся любопытный истопник, Марина не истекла кровью и не умерла. Что было бы, не найди он барыню? Открылась бы тогда Катиш брату?

Ее уединение было нарушено приходом в спальню Анатоля, что сразу же по возвращении поднялся к ней. Еще несколько лет назад он и помыслить не мог, что будет так быстро приезжать в Петербург из Царского Села, но это удивительное открытие — железная дорога — поистине была благом для него теперь, когда он всей душой стремился со службы сюда, в этот дом, в эту комнату.

— Мой ангел, как отрадно видеть тебя в здравии! — Анатолий быстро прошел к жене и горячо поцеловал ее в губы. — Милая, как ты напугала меня! Я с ума сходил от ужаса — только-только ты избежала одной смерти, как очередная напасть постучалась в наш дом.

— Все было так ужасно? — спросила Марина. Он опустился на колени рядом с ее креслом, стал гладить ее руку, лежащую на подлокотнике кресла.

— Ужасно? Пожалуй, да. У нас умерло трое дворовых от этой странной болезни. А по всему Петербургу гораздо больше смертей. Двор удалился от греха подальше в Царское Село, а я не мог оставить тебя тут одну, — Анатолий потер пальцами воспаленные глаза, и Марина ясно разглядела, как он устал. — Я отправил Элен в Завидово, прочь от этой болезни. Не дай Бог нам потерять и ее. Хотел, чтобы поехала Катиш, но она заупрямилась, отказалась.

— Кстати, — решила Марина. — Насчет Катиш...

Но Анатолий вдруг поднял вверх ладонь, призывая жену замолчать. Потом покачал головой.

— Ты снова возвращаешься к этому разговору? Про то, что Катиш была там, на лестнице?

— Ты знаешь уже об том? — удивилась Марина. Анатолий кивнул ей в ответ, взяв ее ладонь в свою, переплетая свои пальцы с ее, длинными и тонкими.

— Ты поведала мне об том еще в первый день своей болезни. Милая, это все пустое. Разве ты не помнишь, что ответил тебе доктор? Ты увидела, как Катиш склонилась над тобой, когда ты упала после прогулки, и твой разум сыграл с тобой злую шутку. Эти два события смешались в твоей голове, вот тебе и привиделось.

— Мне не привиделось! — Марина вырвала из его пальцев свою ладонь. — Я ясно видела ее. Я вспомнила! Там был еще фон Шель. Он хотел кликнуть помощь, но Катиш не дала ему этого сделать.

— Бред! Это бред! — Анатолий подскочил на ноги, отошел от нее к окну, заложив руки за спину. — Я разговаривал с Катиш. Твои домыслы довели ее до истерики. Я повторяю тебе еще раз: господин Арендт считает, что это злая шутка твоего разума, ничего более. Такое бывает. Я знаю, ты хочешь найти причину, по которой случилась эта страшная потеря, но ты совсем не о том думаешь!

— О чем ты, Анатолий?! — вскрикнула Марина с таким надрывом, что у нее тут же заболело в горле. — Я тебе говорю, что это было! Было! Это не шутка моего разума! Я в здравом уме, и также здраво говорю тебе — это правда!

Анатолий раздраженно запустил ладонь в волосы, а потом повернулся к ней, зло сверкнул глазами:

— Оставь, говорю тебе, эти мысли! Я проверял — фон Шель уехал из города еще до Рождества, сразу же после того, как получил отказ в руке Катиш. Его нет на квартире и нет в полку — в отпуске по каким-то семейным обстоятельствам до Светлой седмицы ^[494]. Как он мог быть в нашем доме, коли и в городе-то его не было? — он вдруг снова подошел к

Марине, склонился над ней, упершись ладонями в подлокотники ее кресла. — Милая, я знаю, что ты до сих пор не можешь забыть о том, что мы с тобой потеряли. И знаю, как тяжело принять это. Но прошу тебя — выкинь эти мысли из головы. Господин Арендт весьма озабочен твоим душевным состоянием. Он считает, что ты едва справляешься со своей болью, и постоянно лелея ее, ты рискуешь завести себя в страшнейшую меланхолию.

— Ты не веришь мне, — с горечью в голосе проговорила Марина, и Анатоль в раздражении хлопнул ладонями по подлокотникам.

— А ты не слышишь меня! Говорю же, что Катиш тут совершенно ни при чем. Хватит! Доктор все предельно ясно объяснил — образы в твоем сознании наложились друг на друга, а ваша взаимная неприязнь с Катиш усилила твоё восприятие.

На мгновение, видя глаза жены, в которых плескались боль и отчаянье, Анатоль было усомнился в собственной правоте. Что, если она говорит действительное, а не вымышленное? Что, если доктор неправ, и это вовсе не образы? Он прекрасно знал упрямство Катиш, что доставляло ей столько трудностей во время обучения в московском пансионе, знал, что она вполне способна пойти на многое лишь бы добиться своего. Это, видимо, их наследственная черта, он вполне признает этот факт.

Но возможно ли это, что Катиш даже косвенно виновна в том, что случилось с его женой и ребенком? Совместно с фон Шелем довела дело до такого трагического исхода? Возможно ли, что она обманывает брата и продолжает своё знакомство с кавалергардом, что ей категорически запрещено Анатолем? Принимает его тайно в доме, под покровом Святков? Неужели она не понимает, к чему приведет подобное бесстыдное безрассудство? Нет, Анатоль отказывался в это верить. Он вспомнил, как Катиш безудержно рыдала у него на плече, повторяя сквозь слезы:

— Как это возможно? Как возможно обвинить меня в этом? Ведь я не чужой человек, а это дитя было родным для меня, как и для нее, я же была бы тетушкой этому ребенку. *C'est cruellement! Cruellement!* [\[495\]](#)

Разве можно так притворяться? И потом — если его обманывала сестра, его плоть и кровь, то кому тогда можно доверять в этом мире? Ведь даже его жена пытается найти утешение в чужих руках и чужих словах, а не просит об этом его, Анатоля — тут же, едва оправившись от болезни, едет к Загорскому! Анатоль быстро подавил в себе вспыхнувшую при этой мысли ярость и с удивлением понял, что ему это удалось.

— Я прошу тебя, не думай об этом более, — мягко попросил он Марину и прикоснулся губами ее лба. — И перестань вспоминать обо всем, что случилось. Давай начнем с чистого листа, *dès le début* [\[496\]](#).

Марина смело встретила его тяжелый взгляд, которым он всегда показывал ей в разговоре, что дальнейшее обсуждение не имеет смысла, и вопрос, что был говорен, уже решен. Она не желала смириться с таким исходом. Неужели он не понимает, что дело не только в том, что фон Шель был тогда в их доме? Дело ведь в том, что Катиш сама идет к пропасти, в которую может увлечь и остальную семью, ведь скандал в обществе неминуемо затронет всех близких к ней людей. Марина не опасалась за себя, но она знала, как важно мнение света и, что особенно, мнение императора для Анатоля. Да и что повлечет за собой этот скандал?

О Господи! Марина резко выпрямилась в кресле, едва не ударив головой по-прежнему стоявшего над ней Анатоля. Дуэль! «... опасайся белого человека...», вот были слова цыганки, сказанные тогда Анатолю в саду Киреевки. Разве фон Шель не блондин? Марина

вспомнила льняные, почти белые волосы над воротом белоснежного мундира кавалергарда, когда он танцевал с Катиш на балу давеча, перед Филиповым постом. Белый человек!

— Qu'y a-t-il? [\[497\]](#) — встревожился Анатоль, видя неподдельное беспокойство жены и страх, что отразился в ее глазах в эту минуту. — Что? Что такое? Тебе дурно?

Марина прикрыла глаза, зная, как легко отражаются эмоции на ее лице, и попыталась выровнять сбившееся от волнения дыхание. У нее есть два пути ныне. Первый — открыть Анатолю правду, поведать о том, что с самой осени Катиш состоит в переписке с фон Шелем, и что, судя по тому, как скрылся фон Шель из вида Анатоля, дело меж ними могло зайти слишком далеко. Но зная вспыльчивый нрав Анатоля и то, как относился к репутации своей семьи, нетрудно было догадаться, чем закончится дело — ссора с фон Шелем, возможно, дуэль... и далее... далее...

Но ведь можно и утаить все, что она узнала, скрыть от супруга правду. Признать, что, возможно, была неправа, обвинив Катиш. В этом случае она может попытаться самой прекратить эту связь. Только вот как? Марина пока не знала, но твердо решила попытаться уладить все самой, не привлекая в это дело супруга.

— Быть может, ты прав, — с трудом заставила себя проговорить эти слова Марина, раздвигая губы в неровную улыбку. — Быть может, ты и прав, и все это лишь игра моего воображения. Бред и ничто иное.

Ложь так легко сорвалась с ее губ, но в тот же миг вместо лица Анатоля, Марина вдруг увидела склоненное над ней в темноте лицо Катиш, слышала ее резкий шепот фон Шелю: «Что ты медлишь? На ее крики сейчас сбежится весь дом!» С самых ранних отроческих лет девочкам в Смольном вкладывали непреложные истины, что злость и мстительность, затаенная в глубине души обида идут вразрез с христианскими догмами, и Марина свято соблюдала их, стараясь быть примерной христианкой. Но ныне она не смогла побороть в себе эти чувства, и с ее языка легко сорвалось обвинение в адрес Катиш:

— Твоя сестра ведет переписку с фон Шелем. С самого Покрова. Разве это не доказательство моей правоты? Разве это не доказательство того, что я не заблуждаюсь?

Глаза Анатоля при ее словах сверкнули такой яростью, что Марина невольно вжалась в спинку кресла, опасаясь, что он может сейчас причинить ей боль. Но он только снова хлопнул ладонями по подлокотникам ее кресла.

— Ложь! Чудовищная ложь! — закричал он во весь голос. — Твоя неприязнь к Катиш переходит все мыслимые границы, моя супруга. Недостойно обвинять девицу в таком проступке.

— Недостойно его совершать! — выкрикнула Марина ему в лицо и, оттолкнув его со своего пути, прошла к образам. Встала перед ними и проговорила, крестясь. — Тут, перед лицом Создателя нашего и Его Божественной Матери я клянусь тебе, что в день, когда болезнь настигла меня, я застала во дворе мальчика с письмом. Письмом Катиш к фон Шелю. Он пишет к ней, и она ему отвечает!

— И где оно? Это письмо, что ты видела, — Анатоль сел в кресло, что она освободила, положив ногу на ногу. Весь его вид выражал сейчас злость и неверие к словам жены. — Где оно?

— Я не взяла его, посчитала, что это низко и подло с моей стороны будет забрать это письмо, — призналась Марина. Анатоль тут же громко расхохотался, обескуражив своим издевательским смехом жену.

— Низко и подло! Низко и подло! Мадам, вы не перестаете меня удивлять! — он

поднялся с кресла, подошел к Марине и взял ее за руку, с силой сжал пальцы. — А разве не низко выдвигать такие обвинения, причем, ничем неподтвержденные, против юной и невинной девицы? А, моя дорогая? Но я пойду вам навстречу, я обязательно проверю ваши слова. Мальчик, говорите?

— Мальчик, в рваном тулупе и черном картузе с ломанным козырьком, веснушчатое лицо. Его видела Таня и наш дворник, Ульян. Спроси их, если не веришь мне, — убеждала его Марина.

— Разумеется, — кивнул Анатоль. — Твоя горничная, что ради тебя и солгать готова, и дворовый, что вскоре Богу душу отдаст от этой заразы, что косит ныне многих в Петербурге. Хороши свидетели!

— Ульян умирает? — потрясенно спросила его жена и перекрестилась на образа. — Помоги ему Господи! — потом она повернулась к Анатолю и сама сжала его ладонь, уже раскаиваясь в своем порыве злости на Катиш. — Я прошу тебя, Анатоль, когда все откроется, будь милосерден к ним обоим. Я знаю, что ты довольно импульсивен, не натвори ошибок, которые дорого обойдутся тебе в дальнейшем!

— О, моя дорогая, — язвительным тоном проговорил Анатоль. — Я ничего не буду вам обещать. Ведь если вы говорите правду, то Катиш презрела мою волю, забыла о чести и достоинстве семьи. А этот немец или кто он там? Вы думаете, я так просто спущу ему презрение моих слов, а это, мой ангел, прямое оскорбление мне. Ложитесь отдыхать! Нечего на ногах быть после той болезни, что перенесли! Мне нужна здоровая жена, — с этими словами он поднес ее пальцы к губам, а после вывернулся из ее рук, когда она хотела задержать его, чтобы продолжить их беседу, отошел к двери, но после снова повернулся к жене. — Но если ваши слова, мадам, окажутся *salomnie* [\[498\]](#), вы ни слова более не скажете против моей сестры. Я буду с тех пор глух к любым вашим доводам, *d'une façon claire* [\[499\]](#)? Ваша неприязнь к моей сестре уже переходит все границы! И это ныне, когда Катиш каждый Божий день ездила в церковь, когда ваша жизнь была в опасности, и неистово молилась за ваше здоровье и исцеление! Довольно, мадам! Довольно, говорю вам!

Он распахнул дверь и с кем-то столкнулся на пороге Мариной половины. До нее донесся тихий девичий говор и негромкий ответ Анатоля: «Скажи барышне, после зайду! Через час. Только со службы прибыл». Потом он снова повернулся к Марине. Она видела, что черты его лица смягчились, линия губ дрогнула, словно он хотел улыбнуться ей, но не мог.

— *Ma ange, il est temps de dormir* [\[500\]](#). Ложись и отдыхай. Ты такая бледная нынче. Скажу, чтобы Таня тебе заварила Melissa с мятой. *Bonne nuit, ma ange!* — с этими словами дверь за Анатодем закрылась, оставляя Марину одну в комнате. Наедине со своими мыслями и горькими, тревожными предчувствиями беды. Она осталась совсем одна...

Последующие несколько дней Марина провела в тревоге от того, как закончится это неприятное дело. Она тем же вечером пожалела о своей импульсивности. Зачем она рассказала Анатолю о переписке? Неизвестно теперь, какова будет его реакция на поведение его сестры.

Марина пересекалась с Катиш в молельной и за совместными трапезами, к которым стала спускаться на третий день после того, как пришла в себя после болезни. Та держалась довольно уверенно в себе, высоко поднимала голову, когда встречала на себе взгляд невестки. Заметно было, что их отношения стали намного прохладнее, чем были ранее, до падения Марины. Марина не могла простить Катиш ее нелепой увлеченности, последствия

которой уже начинали выявляться, а Катиш, судя по всему, затаила на Марину обиду за те обвинения, что невестка высказала против нее.

Даже челядь словно почувствовала ту атмосферу, что установилась в особняке — полная тревожного молчания, какого-то отчаянья и выжидания, она действовала на людей подавляюще. Будто что-то дурное повисло над их головами. Конечно, многое можно было отнести на счет траура, что был установлен в доме после смерти долгожданного наследника в конце прошлого года, но и не только в этом была причина столь странной напряженной атмосферы. Дом более не наполнялся визитерами, редко звенел дверной звонок в передней, Катиш оставила свое музицирование в салоне, а если и играла, то печальные и медленные мелодии Шопена или Моцарта. Хозяйка дома редко покидала свою половину, даже не выходила в сад более, отгородившись от всех в своей апатии ко всему происходящему.

Лишь однажды Марина была выведена из своего странного равнодушного состояния. За пару дней до Масленичной недели, едва она села за стол, сервированный для завтрака, к ней обратился Анатолий с вопросом:

— Надеюсь, ты не будешь против, дорогая? Я получил вчера записку от молодого графа Строганова. Он спрашивает моего соизволения на то, чтобы Катиш присоединилась к их семье на гуляния на Крестовском ^[501]. Я согласился.

— Но ведь наша семья в трауре, — изумилась Марина. — Да, для Катиш строгий траур — только три месяца, но они ведь не миновали еще. Как она может выезжать на гуляния?

— Он оканчивается через две седмицы, и я позволил себе сократить ей его, — ответил холодно Анатолий. Он полностью сосредоточился на том, чтобы намазать масло на булку, и не поднимал глаз на потрясенную его словами Марину. — Я хочу, чтобы она сблизилась со Строгановыми. Разве это не вполне удачный момент для того? После Великий пост, и более такой возможности не представится. Да и потом Катиш сама желает поехать на гуляния, она и так засиделась в четырех стенах. Вот тебе и первый сезон! Все, кончено об этом! Я так решил, и решения своего не переменю, — он немного помолчал, а потом все же продолжил, сделав знак прислуживающим им за трапезой лакеям удалиться вон из столовой. — И кстати, я проверил твои обвинения Катиш. Мальчик, о котором ты говорила, незнаком совершенно никому из двора. Никому! За эти десять дней, что миновали с нашего разговора, он ни разу не появился на нашем дворе. Так что, я думаю, мы закончим с этим вопросом отныне?

— Но тебе может подтвердить Таня, Ульян! — не желала сдаваться Марина, сжав с силой салфетку в руке, что лежала подле ее тарелки. — Спроси их! Я клянусь тебе...

— Довольно! — вспыхнул Анатолий, поднимая на нее глаза. — Ульян умер и ничего не скажет более, а Таня! Таня настолько преданна тебе, что даже про твою прогулку в парк твердила мне, что ты была там одна. Хорош свидетель твоих слов! Я даже кучера опросил, и тот сказал мне, что видел мальчика, но вот был ли он в доме или нет, сказать не может. А также не может ответить, мальчик был уже с письмом, когда ты его остановила, или ты сама передала записку этому посланцу.

— Что? — вскрикнула Марина. — Я передала...? Да разве...

Тут стукнула дверь малой столовой, что закрыли за Катиш, спустившейся к завтраку, и супруги перевели взгляд на нее. Девушка приветливо улыбнулась им и прошла к своему стулу, сопровождаемая тяжелым взглядом Марины. Анатолий же принялся за свой завтрак.

— Доброе утро, — проговорила Катиш, наливая себе в чашку чай. Марина отметила, что у девушки слегка дрожат руки. — О чем ведете столь громкий разговор? Надеюсь, это не из-

за моей просьбы выехать на Масленичной неделе? О, Марина Александровна, прошу вас, позвольте мне сделать это!

— О нет, Катерина Михайловна, ныне речь ведем не о том, — улыбнулась ей Марина. — Мы обсуждаем сейчас с Анатолем Михайловичем ваш эпистолярный роман с неким майором кавалергардского полка Его Императорского Величества.

Сказала и с явным удовольствием отметила, как дрогнула невольно рука Катиш, что сейчас подносила чашку к губам. Но та быстро справилась с собой и, глотнув горячего чая, ослепительно улыбнулась в ответ, делая знак уже открывшему рот Анатолю, что готова говорить сама, без его помощи.

— О чем вы речь ведете, Марина Александровна? Роман с кавалергардом? У меня? Это оскорбительно!

— Меня удивляет только одно — как вы догадались о том, что вашего посланца будут караулить во дворе нашего дома? Это мальчик вам сказал, что его застали у ворот? — допытывалась Марина, но Катиш даже бровью не повела в ответ, а ловко отбила этот удар:

— Мальчик? Я не понимаю, о чем вы. Какой мальчик?

— Мальчик, что носит ваши послания.

— Все свои послания я передаю нашим лакеям, которые для того и приставлены к дому, — проговорила Катиш. — Мне нет нужды скрывать свои знакомства. А вот вам, кажется, есть резоны делать это. Давеча я слыхала на прогулке в Летнем о вашей последней поездке в парк. Премилая вышла прогулка, не правда ли? Да, я признаюсь, слыхала конец вашего разговора об этом посланце, каюсь. Но ведь разве князь Загорский покинул Петербург не две седмицы назад? Вот вам и ответ, мой дорогой брат, почему вы ни разу не встретили этого мальчика при нашем дворе. Разве вы не пишите к князю, *ma chere bru*?

Марина вспыхнула от этого обвинения. Как ловко Катиш перевернула острие этой ситуации в ее сторону! Довольно неожиданно для юной и невинной девушки, только прошлой осенью покинувшей стены пансиона.

Но прежде чем Марина сумела собраться с мыслями, чтобы поставить нахалку на место, раздался громкий удар ладони по столешнице, да такой сильный, что посуда на столе буквально подпрыгнула. Женщины вздрогнули от этого звука и перевели взгляд на торец стола, где белый от ярости Анатолий срывал с себя льняную салфетку.

— Не смей! — прошипел он, поднимаясь из-за стола. — Не смей оскорблять мою супругу! Выказывая ей такое неуважение, в нашем доме, за нашим столом! Давно порота не была? Так я напомним, что это такое! И не взгляну на то, что уже девица! Не смей и слова сказать в ее сторону. Оскорбляя ее, ты наносишь обиду мне, а я этого не стерплю!

Катиш буквально сжалась при этих словах от испуга при виде разгневанного брата, но и Марина не успела порадоваться этой защите со стороны Анатолия от обвинений Катиш. Тот вперил свой взгляд теперь в ее сторону и выкрикнул ей, глядя на нее с высоты своего роста:

— А вы, мадам! Если еще раз вы позволите себе сказать хоть одно подобное обвинение в сторону Катиш, я... я клянусь вам, вы пожалеете об этом! Я устал от вашей вражды, от вашей неприязни. Я хочу отдыхать в этом доме, а не выслушивать обвинения и подозрения. Эти истерики и слезы... Сыт по горло уже! Я хочу обыкновенного семейного счастья, а получаю только это! Все, хватит!

Он бросил салфетку, что держал в руке на стол, сбив при этом свой бокал с винной настойкой, что пил по рекомендации доктора каждое утро. Алая жидкость хлынула на белоснежную скатерть и разлилась по ней небольшим ярким пятном. Анатолий не обратил на

это никакого внимания, процедил сквозь зубы:

— Боюсь, что у меня пропал аппетит, и вам придется продолжать завтрак без меня. Je vous demande pardon moi, mesdames! [502]

С этими словами он покинул столовую, с шумом распахнув двери, слегка перепугав при этом лакеев, что ждали распоряжений хозяев в следующей комнате. Когда те все же опомнились от столь внезапного появления хозяина, то затворили за ним створки и оставили Марину и Катиш наедине.

— Je ne sais que dire [503], — проговорила Марина, глядя золовке, сидящей за противоположной стороной стола прямо в глаза. — Как вы посмели такое сказать?

— Pas vu pas pris [504], — возразила Катиш, смело встретив взгляд невестки. — А вы? Вы же знаете, насколько серьезны обвинения, что вы выдвинули против меня.

— Но они имеют под собой вполне реальную почву, — возразила Марина. — Я видела это письмо, и я узнала ваш почерк, Катиш. Можете оправдываться перед кем угодно, только не передо мной. И тогда! Я видела и вас, и майора, слышала ваши голоса. Не смейте мне сейчас говорить, что это было всего лишь мое воображение. В эту сказку может поверить ваш брат, но не я!

Катиш отвела глаза в сторону, холодное равнодушное выражение лица вмиг куда-то испарилось.

— Мне весьма жаль, что так случилось, поверьте, — тихо сказала она. — Я никогда не думала... Эта потеря... Мне очень-очень жаль, Марина Александровна, — она отпила чая, а после продолжила, снова вернувшись в хладнокровное состояние спустя некоторое время. — Но в вашем несчастном падении я не вижу нашей вины с майором. Так распорядился Господь, такова была его воля.

— Господь! — воскликнула Марина. — Хорошо, я ничего более не скажу вам про это. Душенька, вы принимали в доме человека, видеться с которым вам запретил брат. Тайно, под покровом темноты, на лестнице для слуг. Вы ведете с ним переписку. Чего вы добиваетесь?

— А разве я не ясно дала понять, чего добиваюсь? — едко переспросила Катиш. — Я хочу стать супругой любимого человека и вся недолга.

— И думать забудьте! Неужто вы до сих пор не осознали, что вашим надеждам и чаяниям никогда не суждено сбыться! Анатолий никогда не позволит вам!

— Нет! — прошипела Катиш, прищурив глаза. — Я верно знаю, что делаю. И вот увидите, вскоре Анатолию придется смириться с моим выбором!

Марина в ужасе прикрыла глаза рукой. Она ясно видела эту слепую убежденность в собственной правоте, что была присуща ее супругу, а теперь вот прослеживалась и в поведении Катиш. Как можно быть такой безрассудной? Как можно быть такой слепой?

— Я считаю все же, что вам следует забыть о вашем чувстве и вспомнить о вашем долге, — холодно проговорила Марина, поднимаясь из-за стола. — Долге перед семьей и родом. Разве этому вас не научили в пансионе? Что честь семьи превыше всего? Превыше ваших собственных чувств и желаний. От сердца говорю вам — оставьте вы это дело! Примите ухаживания Строганова, это самая лучшая партия для вас. Разве вы не видите, к каким последствиям привела ваша увлеченность? И пусть вы не считаете себя виноватой в смерти моего ребенка, но косвенно.... Косвенно! А счастье нельзя построить на чужом горе! На крови! Опомнитесь!

— Забыть об этом? — взвилась Катиш, вскакивая из-за стола. — Выйти замуж, не любя?

Как это сделали вы? И что же? После вот так бегать тайком на свидания в парк и отводить каждый раз глаза в сторону, едва встретившись взглядами?! Да-да, не смотрите так на меня. Я легко смогла разузнать про вас, Марина Александровна. Маленькая дурочка ваша сестра хоть и не поняла толком, что именно рассказывает мне, но выложила как на духу все тайны вашей семьи. Я всегда знала, всегда чувствовала, что вы вовсе не пара моему брату, что не достойны чести стать его супругой. Наша милая Дашенька, соседка наша, более подходила ему. Но тут вмешались вы! Отчего? Из-за долга перед семьей? Но разве это не тяжкий грех лгать изо дня в день своему супругу? Желать видеть на его месте другого человека? Разве прелюбодеяние — не тяжкий грех?

Марина вздрогнула, когда Катиш произнесла эти слова. Нет, это невозможно! Никто не может знать, что тогда произошло в имении Юсуповых! Те счастливые для Марины два дня...

Катиш заметила, как побледнела Марина, ухватившись за спинку стула, и продолжила, желая вывести невестку из себя, наказать за то, что та едва не испортила Катиш весь тщательно спланированный план. Сделать той очень больно, вот что стало основным желанием для девушки сейчас.

— Прелюбодеяние! Немудрено, что вас так карает Господь. Он отнял у вас самое сокровенное, что только может быть у женщины вашего ребенка. А сейчас отнимает отца!

Марина подняла на золовку потрясенный взгляд.

— Que dites-vous? [\[505\]](#)Что с моим отцом?

— Анатолий не хотел говорить вам, боялся за ваше здоровье, — проговорила Катиш уже мягче, видя, как наполняются глаза невестки слезами, какая сильная боль плещется в них ныне. — Несколько дней назад ваша маменька и сестра отбыли в имение в Минской губернии, откуда пришло письмо о болезни вашего отца. Он сейчас серьезно болен и прикован к постели. Это все, что я знаю.

Марина вдруг тихо застонала, хватаясь рукой за ворот платья. Ее сердце вдруг сжалось с такой болью, что у нее перехватило дыхание. О Господи, папа! Папа, билось у нее в мозгу непрерывно. Как же так? Как же так?

Спустя мгновение Марина сумела выправиться, отпустила стул, даже не взглянув на свою золовку, прошла к дверям и вышла вон из столовой. Неестественно прямая спина, подозрительно сухие глаза. Катиш на мгновение даже стало жаль невестку — столько горя за последние месяцы на ту свалилось, словно проклял кто. Бедная, бедная...

Но затем она вспомнила, что ныне совершенно свободна в действиях для того, что задумала. И пусть Николай утверждает, что между ними существуют преграды, что ни в жизнь не преодолеть, что им никогда не суждено быть вместе, соединить руки перед аналогом. Мужчина! Разве так должен вести себя герой романа? Он должен искать любые пути, чтобы преодолеть все препятствия к их браку, n'est-ce pas? А эта его нерешительность уже действовала Катиш на нервы! Будь она на его месте, она бы умыкнула возлюбленную из дома и тайно обвенчалась с ней, а не опасалась бы преследования от ее брата! Брат. Брат должен будет смириться с произошедшим, он ведь хочет, чтобы его сестра была счастлива и сохранила свое реноме.

Катиш взяла яблоко из вазы с фруктами, что стояла на столе, и с наслаждением вонзила зубы в ярко-красный плод. О Боже, какие страстные поцелуи! Как у нее всегда ноют сладко губы после их свиданий с Николаем каждое воскресенье, что она ходит в церковь на службу! Конечно, ей приходится так изворачиваться, чтобы никто и ничего не заподозрил ранее

намеченного времени, но как она может отказаться от этих прикосновений губ и рук? О, c'est incomparable! [\[506\]](#)

Как хорошо, что Анатолий разрешил ей выезжать на Масленичной неделе со Строгановыми! И как ей повезло, что невестка совсем слаба духом, чтобы возражать против этого! Катиш довольно улыбнулась, надкусывая очередной бок яблока. Она усыпит бдительность брата, позволяя тому думать, что принимает ухаживания молодого графа Строганова, а сама тем временем, легко провернет задуманное. Если только Николай смирится с тем, что у них нет другого выбора, и если они хотят быть вместе, то все средства хороши, нахмурилась она. Мужчины! Вечно носятся со своей честью и долгом. Сколько трудностей удалось бы избежать, забудь они об этом хотя бы на миг!

Анатолий легко прыгнул из кареты, не дожидаясь, пока лакей выдвинет ступеньки каретной лесенки. Ему не терпелось поскорее пройти в дом, что сейчас стоял совершенно темный в этих сгущающихся февральских сумерках. Он взглянул на окна половины жены, но и там почти не было света. Только тусклый отблеск в окне спальни. Это заставило его сердце быстрее забиться — здорова ли она? Вдруг болезнь вернулась? Но ведь ему непременно сообщили бы этом, *n'est-ce pas*? Значит, она здорова.

Анатолий вошел в переднюю и коротко кивнул дворецкому, бросившемуся к нему навстречу с докладом о том, что произошло в доме, пока барин уезжал в имение, пока он скидывал шинель и головной убор на руки подоспевшего лакея.

Да, именно там, в Завидово, Анатолий провел несколько дней, отбыв в деревню сразу же после того злополучного завтрака, сославшись на службе на легкое недомогание. В деревне, наслаждаясь тишиной зимних дней и присутствием его маленькой дочери, что несказанно обрадовалась неожиданному приезду своего папа, Анатолий постарался отринуть все, что так беспокоило его последние несколько месяцев. Разве это не счастье, когда тебе никуда не надо мчаться по делам или улаживать конфликты в приемной, а просто сидеть у горящего камина с чашкой горячего шоколада в руке, когда за окном падает на землю снег, а у ног возится маленькая дочь?

Эти несколько дней позволили ему усмирить свою злость на домашних, что никак не могли прийти к согласию, свое разочарование в семейном очаге, который он так стремился создать, но так и не смог. Иногда Анатолий наблюдал за Леночкой, что так и ходила за ним по пятам, и представлял себе, каким был бы тот ребенок, что они потеряли с Мариной, если бы вырос из младенца. С кем был бы схож лицом? Чьи черты перенял бы? Анатолий не смог тогда уловить явного внешнего сходства с кем-либо из родителей в том белом ангельском личике, что было у того мальчика. Он вспоминал, как держал это хрупкое тельце, из которого уходила постепенно жизнь, пока спешно призванный ночью иерей проводил в домашней молельне церемонию крещения, вспомнил, как едва удержался от слез, когда большие глаза младенчика подернулись пеленой, и он испустил последний легкий вдох. Благодарствие всем святым, что Марина была больна и не видела этого крещения, этого последнего часа жизни их сына! Она бы точно не перенесла бы этого!

Марина... Его маленькая хрупкая жена. Потеря, что свалилась на них, совсем сломила ее душевное здоровье. Доктор Арендт весьма обеспокоился им после того, как Марина обвинила свою золовку в том, что та виновата в падении. А эта затянувшаяся меланхолия после потери ребенка? Эти слезы по ночам, это смурное настроение каждый день, эта тоска, что захватила ее существо?

Еще и болезнь Александра Васильевича ко всему прочему... Сильный приступ подагры, что неожиданно свалил *beau-père* [\[507\]](#) с ног, лишил совсем его способности двигать руками и ногами. Даже пищу он принимал с ложки, из рук прислуги, не в силах управляться со своим телом. Анатолий запретил Анне Степановне попрощаться с Мариной, не то, что поведать той о болезни отца, опасаясь очередного срыва. *Belle-mère* [\[508\]](#) пришлось смириться с решением Анатолия и уехать из Петербурга без последнего визита к старшей дочери. Но тот взял с нее обещание, что та сразу же даст знать о любом изменении в состоянии здоровья отца

Марины. А ждать их придется довольно долго — путь предстоял Анне Степановне весьма не близкий. И что принесет в дом Ворониных это письмо — радость или очередное горе?

Анатоль отбросил в сторону эти мрачные мысли, следуя в половину супруги. Ему сейчас как никогда требовалось быть спокойным и собранным. Ради нее. Ради ее спокойствия.

У самых дверей спальни на половине жены на него вдруг неожиданно налетела Таня, горничная жены, поднесла его руку к губам.

— Слава Господу, вы вернулись, Анатоль Михайлович! — проговорила она громким шепотом. — Спаситель вы наш! Помогите ей, помогите моей барыне! Уже три дня ничего не ест, только воду пьет. Исхудала вся. Только и делает, что сидит в кресле и в окно смотрит, или молится перед образами.

— Что? — встревожился Анатоль, хватая горничную за плечи. — Что такое? Почему мне не написали? Как давно?

— Так, как вы уехали в деревню, — принялась рассказывать Таня по-прежнему шепотом, словно там, за приоткрытыми дверьми в спальню был тяжелобольной человек. — Сразу после завтрака к себе поднялась, в кресло села и так просидела до самого вечера. Не плачет, ничего не говорит. Только сидит и все. А как колокола за окнами зазвонят к службе, так на колени перед образами бухается и молится, поклоны кладет. Ой, барин, ведь в могилу себя сведет! Исхудала-то как, вся бледная! Поначалу писала что-то да после сжигала, ничего не отправляла. А потом снова писала и снова — в огонь письмо! А нынче вон как!

Но Анатоль уже не стал долее слушать ее, толкнул двери в спальню. Все так и есть, как говорила Таня. Марина в капоте и ночной сорочке сидела в кресле, что было развернуто к окну, и смотрела куда-то в небо. Лицо абсолютно спокойно, без единой эмоции, будто ничего не тревожило ее, ничто не беспокоило. Руки лежали на подлокотниках совершенно расслабленно. О Господи, как похудела Марина, отметил невольно про себя Анатоль. Где та дивная полная жизни красавица, что когда-то привлекла его взгляд в опере? Где та девушка, в которую он влюбился с первого взгляда? Ныне перед ним была лишь ее бледная тень.

Анатоль почувствовал, что в комнате прохладно и присел, чтобы разжечь огонь в камине. Кроме этого, эта невольная передышка дала ему шанс собраться с мыслями, придумать, как начать разговор и как ему следует действовать с этой странной незнакомкой, в которую превратилась его жена в последние дни.

— Таня, к господину Арендту пошлите, — тихо проговорил он горничной, что тут же энергично закивала в ответ. — Пусть приедет, как только сможет.

Он взял кочергу, чтобы поворошить угли и снова разжечь огонь, но тут его взгляд зацепил обрывки писем, что не догорели до конца в камине. Ему были отчетливо видны окончания некоторых слов и предложений. Но только одно бросилось ему в глаза, отпечаталось в голове: «... лый, не могу более без тебя...». Но теперь эта фраза, судя по всему обращенная совсем к другому человеку, не к нему, не вызвала в Анатоле той слепящей ярости, что ранее, а только какую-то легкую тоску и острое сожаление. Даже свою боль Марина предпочла ныне разделить с Сергеем, не с ним, словно не видела в нем того, кто способен был помочь ей, снизить остроту ее боли.

Он подошел к жене, погладил ее по волосам, прижал ее голову к своему телу.

— Милая, что ты делаешь с собой? Зачем мучаешь так себя?

Марина подняла голову, посмотрела на него снизу вверх. Ее глаза горели каким-то странным лихорадочным блеском, а от их выражения Анатолю стало не по себе.

— О, Анатоль, — тихо прошептала Марина, и его сердце ухнуло в груди куда-то вниз от

той боли, что прозвучала в нем. Он упал на колени рядом с ее креслом и прижал безвольную руку к своим губам, словно пытаясь своим прикосновением вдохнуть в нее радость жизни, которая ушла от жены вместе с потерянным ребенком. Она же только смотрела на его с высоты своего взгляда, не делая ни малейших попыток ни отнять руку, ни отстраниться от него, как делала это некогда.

— Тяжела расплата за грехи мои, — услышал Анатоль ее тихий шепот и вздрогнул. — Не могу снести ее. Грех мой тяжел перед лицом Господа, и тот карает меня за него.

— О чем ты говоришь? Какой грех? Какая расплата? Тебя ведь соборовали, разве не помнишь? — попытался убедить ее он. — Значит, грехи твои сняты с твоей души. Нет греха на тебе.

— Ты не понимаешь, я исповедовалась в своем грехе, да только не раскаялась в нем! — вдруг вспылила Марина, оттолкнула его от себя. Встала с кресла и принялась ходить по комнате кругами, сжимая виски пальцами, словно ее голову терзала боль. Рукава ее капота и подол при этом развивались за ее спиной будто парус. Анатоль с недоумением смотрел, как безропотная и безразличная до этого момента Марина наполняется гневом, а едва контролируемая ею истерика рвется наружу.

— Я никогда не раскаюсь в нем! Никогда! Потому как не считаю свои поступки грешными, противными Богу! Никогда не признаю их таковыми! Вот и карает меня Господь за это. Агнешка, мое дитя, мой отец... Это все мне в наказание!

Анатоль поднялся с пола одним легким движением и перехватил жену за плечи, останавливая ее бег по комнате. Она взглянула на него, и он поразился тому, что плескалось в глубине ее зеленых глаз. О Господи, как он мог ее оставить одну в эти дни! Он должен был увезти ее с собой в деревню, к дочери. Прав был Загорский тогда, в ресторации, когда убеждал Анатоля увезти Марину на отдых за границу, говоря, что только один шаг отделяет ту от глубокого нервного срыва. Но он не поверил этому тогда, и теперь плоды его беспечности настигли его спустя несколько недель после того разговора.

— Милая, милая, — тихо проговорил Анатоль, пытаясь погладить ее по волосам, словно успокаивая нервную лошадь, что никак не хотела стоять в стойле спокойно, не брыкаясь. — Тише, тише... Успокойся, милая, успокойся!

— Ты не понимаешь! — вдруг выкрикнула Марина ему в лицо, причиняя ему острую боль своими словами. — Я виновата! Я не хотела этого ребенка вначале. Я не хотела его, слышишь? Я думала о том, как было бы хорошо, если бы его не было вовсе! Я так думала, понимаешь? И Господь отнял его у меня! Он отнял его у меня...

Анатоль крепко прижал к себе жену, несмотря на ее сопротивление, скрывая ее слезы, что вдруг прорвались, у себя на груди. Ее жестокие слова больно ранили его сердце, но он знал, что это не совсем правда. Быть может, так и было в начале. Но прошло время, и Марина с таким же нетерпением, как и он сам, ждала появления их дитя на свет Божий. Он прекрасно помнил, с каким удовольствием она готовила приданое для этого малыша, как клала его руку себе на живот, чтобы Анатоль ощутил слабые толчки, и смеялась счастливо, когда он улыбался удивленно и радостно. Он вспомнил, как Марина горько оплакивала их сына, когда ей сообщили, что дитя не выжило.

— Послушай меня, — проговорил он, гладя ее по волосам. — Нет твоей вины в том, что случилось, нет вины, поверь мне.

— Откуда тебе знать? — хотела вскинуться Марина, но муж не дал ей даже пошевелиться, крепко прижимая к своему телу. — Откуда тебе знать это? Я не хотела его,

вот и сбылось мое желание!

Эта ее слепая убежденность в собственной вине за потерю ребенка, ее настрой нынешний заставили Анатоля сказать ей то, в чем он никогда не признался бы по собственной воле. Он понимал, что она сможет возненавидеть его за эти слова, но как по-иному изменить ее мнение о собственной вине в том, что случилось, он не знал.

— Я знаю это достоверно, — глухо ответил он. — Я тоже не хотел когда-то ребенка. Желал, чтобы его не было. Я представлял себе разные пути, как это могло произойти: твое падение, болезнь или что-то другое, — Марина вскинула голову при этих словах, но в этот раз Анатолий не стал ее задерживать, смело встретил ее взгляд. — Да, это правда. Я не хотел Элен. Я мечтал о том, чтобы ты скинула, не доносила до срока. Но этого не произошло, как видишь. И, слава Богу, что он не допустил этого. Потому как ныне не представляю своей жизни без нее, потому как полюбил ее, как собственное дитя. Так что не вини себя, мой ангел, в том, что случилось. Быть может, это за мой грех расплата была.

Марина вырвалась из его объятий, и Анатолий отпустил ее, понимая, что сейчас лучше не удерживать ее подле себя. Она сначала отошла к окну и долго смотрела на пустынную темную улицу, обхватив себя за плечи. Анатолий едва слышал ее, когда наконец заговорила, настолько тих был ее голос:

— Ты думаешь, что нет моей вины в горе, постигшем нас?

— Нет, мой ангел. Никто не виноват в том, что произошло. Такова воля Господня, — ответил ей Анатолий.

— А мой отец? А Агнешка? — настаивала Марина.

— Про потерю твоей няни думай лучше, что Господь оставил тебе Элен, ведь это ее жизнь была спасена Агнешкой. А что касается твоего отца, — Анатолий взглянул на лик Господа, что укоризненно смотрел на него с образов, освещенных тусклой лампадкой. Разве ложь во спасение — не благо? — Это был всего лишь небольшой приступ подагры, моя милая. Как обычно. Просто переохладился, вестимо, на охоте, ты ведь знаешь, Александр Васильевич так любит ее. Подержит ноги в тепле, диета лечебная, тем паче, скоро Пост, и поправит он свое здоровье. Вот увидишь, мой ангел, все образуется.

Он медленно приблизился к ней, положил ей руку на плечо. Хотел прижать к себе, но Марина опередила его — вдруг развернулась и прильнула к его груди, словно ища утешение в его руках, в его объятиях. Анатолий сначала опешил от неожиданности, а потом прижал ее к своему телу, так крепко, что немного заболели руки, пряча свое лицо в ее волосах.

— Я осталась одна, — прошептала Марина в его плечо. — Совершенно одна. Ранее рядом всегда была Агнешка, которой я могла открыть все. Теперь же ее нет, она ушла... и я одна... Мне так одиноко... так одиноко.

— Ты не одна, — тихо ответил ей муж. — Я всегда буду рядом.

Но Марина, казалось, не слышала его. Она продолжала глухо шептать в его плечо, словно даже не сознавая, где находится и с кем.

— Она сказала, что все мои потери — это наказание. Расплата за мой грех.

— Господь милостив, мой ангел. Он не может карать так жестоко. Не думай об этом.

— Просто мой грех тяжек, — Она подняла голову и взглянула в его глаза. Анатолий понял, что она не видит его перед собой сейчас. Ей просто надо было выговориться, и она говорила о том, что ее гнетет, даже не сознавая в порыве исповеди, кто ее собеседник. — Я нарушила несколько заповедей и до сих пор не раскаялась в том. Я совершила ...

Заслышав про заповедь, Анатолий вдруг почувствовал, словно его кто-то ударил прямо в

солнечное плетение. Удар был настолько силен, что заставил его дыхание сбиться, а сердце тревожно сжаться в ожидании того, что сейчас она произнесет.

Сейчас она скажет это. Она скажет, и у него не будет обратной дороги. Анатоль смотрел на эту хрупкую шею, где неистово билась тонкая голубая венка, выдавая ее волнение. Он поднял руки и положил их на ее шею. Сейчас она произнесет эти страшные для него слова, и он сожмет свои ладони, перекрывая ей дыхание, уничтожая жизнь в этом прекрасном теле. Ярость совсем затмила его разум, бешеным ритмом стучала в висках, он не понимал уже, где находится, и громкий стук в дверь, ворвавшись в его сознание, едва не перепугал его до смерти.

— Ваше сиятельство, прибыли-с доктор, — раздался из-за двери голос горничной Марины, возвращая находившихся в комнате на грешную землю, прерывая исповедь Марины. Супруги отпрянули слегка друг от друга, ошеломленные этим невольным вторжением, а также тем, что едва оба не натворили.

— Проси! — громко крикнул Анатоль и прижал к себе жену, касаясь ее лба губами. О Господи! Сердце его колотилось, будто он пробежал не одну версту. Он был в ужасе от того, какие чувства вдруг захлестнули его всего мгновение назад, от того, что могло случиться, произнеси Марина те слова, что собиралась сказать.

Пока Марину осматривал доктор Арендт, Анатоль стоял у окна спальни и пытался собраться с мыслями, привести в порядок собственные чувства. Его руки мелко дрожали, и он подумал о том, что, видимо, и ему потребуются успокоительные капли, что сейчас капал в бокал воды доктор. Неужели она имела в виду седьмую библейскую заповедь [\[509\]](#)? Неужели именно эту? Но заповедей было несколько по ее словам. Какие именно, она имела в виду? Что хотела сказать?

— Вам нужен полный покой, ваше сиятельство, — проговорил за его спиной голос доктора, что вторгся так бесцеремонно в мысли Анатоля. — Свежий воздух, лечебная диета. Скоро Великий пост, так что я думаю, ни к чему говорить, что следует включать в пищу, а что нет. Вам нужны положительные эмоции, графиня, только положительные эмоции. И желательно сменить обстановку. Уезжайте из города, вот вам мой совет. Хорошо бы, конечно, на воды, но так быстро документы не выправить. Так что хотя бы езжайте пока в какое-нибудь тихое и уединенное место, подальше от городской суеты.

— Тихое и уединенное место, — повторила Марина, и у Анатоля вдруг сжалось сердце — до того печален и безжизнен он был. Он шагнул к кровати и склонился к жене, взял ее руку в свою ладонь.

— Благодарю вас, Николай Федорович, — проговорил он доктору, и тот склонил голову в поклоне, принимая его благодарность, а после попрощался с супругами и вышел из спальни, оставляя их одних. Анатоль протянул руку и ласково коснулся волос Марины, разметавшихся по подушке. Она не любила чепцов и не носила их, как делали это многие дамы их круга, и он обожал видеть это роскошное золото на белоснежных подушках.

— Я хочу попросить тебя, — вдруг сказала Марина, переводя затуманенный успокоительным взгляд с огня в камине на своего мужа. Глаза в глаза. — Я хочу попросить...

Пальцы Анатоля невольно сжались, сомкнувшись на одной из прядей. Зачем ты мучаешь меня, хотелось спросить ему, но он ничего не проговорил, лишь расправил пальцы и провел ими по щеке жены.

— Отпусти меня, — тихо прошептала она, и его сердце замерло на месте, а потом едва

запустилось, медленнее, чем обычно разгоняя кровь по его жилам. Он вспомнил тот день, когда она просила о том же самом, правда, не здесь, не в спальне, а в соседнем кабинете.

Отпусти меня, просила тогда Марина, хочу уйти к нему, хочу быть с ним. А Анатоль удержал ее подле себя, подло удержал. Шантажом и угрозами. Он надеялся, что они сумеют построить свой собственный семейный рай. Но время шло, а рая так и не получилось. Они потеряли их дитя, его долгожданного наследника, что мог бы продолжить род Ворониных. А еще, судя по всему, Загорский преступил через десятую заповедь и все же возжелал его жену. А она уступила ему, забыв про свои клятвы, ведь те обещания, что она когда-то давала Сержу в простой сельской церквушке были для нее важнее, значимее. Так стоит ли удерживать ее рядом с собой отныне? Пусть это разобьет ему сердце, но зато принесет ей счастье, и она больше не будет плакать ночами. Никогда.

Анатоль прикоснулся губами к виску жены, готовый уже сказать ей, что он готов дать ей развод, чтобы она, пока не слишком поздно, соединила свою судьбу с тем, кого сама себе желает в мужа. Но тут Марина продолжила свою фразу, что начала несколько мгновений назад:

— Отпусти меня на время Великого поста в Крестовоздвиженский монастырь, что в Нижнем. Покоя хочу, а только там смогу найти его душе моей. Отпусти, прошу тебя.

И тут Анатоль вдруг схватил ее, крепко прижал к себе, перебирая руками пряди ее волос, пряча в этом золоте свои невольные слезы облегчения, что разлилось сейчас по его телу, едва он услышал ее просьбу. Она не хотела уйти от него, не хотела! Она останется с ним!

Он взял ее лицо в ладони и стал покрывать быстрыми поцелуями, смешивая свои слезы с ее, что Марина не смогла удержать, видя, как он радуется ее временному исцелению. Она тоже обняла его и прижалась к нему, так и заснула в его руках, когда действие успокоительного сморило ее. Анатоль же всю ночь пролежал подле нее без сна, будто охраняя ее покой. Он перебирал пряди ее волос и думал, напряженно думал о том, что узнал и решил за сегодняшний вечер.

Она решила остаться подле него. До конца их дней. И пусть когда-то она уступила Сергею (а он только убедился в этом, услышав про место, в котором она хочет искать искупление своих грехов [\[510\]](#)), снова пришла к нему в объятия. Анатоль сумеет забыть и простить ей этот проступок. И ему, Загорскому, тоже сумеет простить. Ведь теперь отныне у каждого из них своя дорога, свой собственный путь. Он должен забыть об этом и забудет! Ведь он сам когда-то сказал Марине: «Давай начнем с чистого листа, dès le début [\[511\]](#)», и именно так он и намерен поступить в дальнейшем.

Через несколько дней Анатоль проводил супругу в ее путешествие в Нижегородскую губернию, доехал вместе с ее каретой до самой заставы, только там попрощался с ней.

— Мой ангел, надеюсь, ты найдешь покой, что так жадно алчет твоя душа, — проговорил он, целуя ее в лоб сквозь вуаль шляпки. Анатоль в который раз поразился тому, как плохо выглядит Марина после своей болезни, какие следы она оставила во внешности его жены. Бледная, с выступающими скулами из-за потери веса во время горячки, с темными кругами под глазами. Она выглядела так, словно болела не несколько недель, а несколько лет. Но даже сейчас ее внешность привлекала взгляды, вон как засмотрелся офицер гвардии, куда-то спешащий по делам из Петербурга, отметил про себя Анатоль.

Его бедный ангел в траурном обличье. Анатоль снова прижал к себе жену в последнем объятии, а потом подал ей руку и помог подняться в карету.

— Я приеду за тобой после Светлой седмицы, — пообещал он ей, и она кивнула ему в ответ. Потом лакей захлопнул дверцу кареты, отгородив ее от него, и Анатолий отступил в сторону, позволяя им тронуться с места в нелегкий путь по уже начавшему свое таяние рыхлому грязному снегу. Сам же он недолго смотрел вслед отъехавшей карете, а взлетел в седло и направил лошадь обратно в город, уже занятый совсем другими мыслями: о службе, о своем продвижении, о намечавшихся в этом году торжествах по случаю приезда невесты наследника престола. Он уже начинал жалеть, что так опрометчиво давеча дал Марине обещание попроситься в отпуск и уехать этой осенью на воды за границу. Кто ж уезжает в такое время? Ведь путешествие за границу растянется на месяцы, а намечается свадьба Его Императорского Высочества. Надобно повременить с отъездом, надобно!

Марина тоже не думала о предстоящем путешествии, куда ей посоветовал отправиться доктор для поправки здоровья. Для начала она хотела провести дни Великого поста в монастыре, где решила провести епитимийного искупление собственных грехов, что самостоятельно наложила на себя. Ее высокое положение и неплохой взнос на нужды общины позволял ей надеяться на то, что ее примут в эти стены на это время, позволят замолить свои грехи.

Она настолько погрузилась в свои мысли о предстоящем ей искуплении, что сумела полностью абстрагироваться от своей попутчицы — Катиш, что дулась и ныла, жалуясь на неудобства, все время их путешествия до Завидова, куда они завернули по пути в Нижний Новгород.

Марина весьма опасалась оставлять ее в Петербурге одну, без надзора. Анатолий же его полностью осуществить не сможет — слишком занят по делам службы, слишком часто отсутствует, а проживать девице без надлежащего присмотра было никак нельзя. А Анна Степановна, которой Марина могла доверить Катиш, уехала в Ольховку.

Потому Марина настояла на том, чтобы отправить Катиш вместе с ней в Нижний Новгород к достойным тетушкам, что вполне могут последить за своей племянницей, подальше от соблазнов большого города. Да при этом и вопрос о нарушении траура сходил на нет, ведь Петербург Марина и Катиш покидали аккуратно на Мясопустную седмицу [\[512\]](#).

Сестра Анатолия была очень недовольна этим обстоятельством, столь неожиданно нарушившим ее планы на Масленичные гуляния. Ни ее мольбы, ни ее многочасовые истерики не смогли в этот раз сломить волю брата, что всегда был слаб к ее слезам, и той пришлось ныне трястись в карете по этому бездорожью, затаив обиду на невестку, в которой Катиш видела причину всех своих несчастий.

— Я всегда знала, что вы ненавидите меня, — шипела она Марине в лицо. — Вы всегда причиняете мне только беды и, как я погляжу, делаете это только себе на забаву.

— Ne dites-vous des sottises, [\[513\]](#) — изредка отвечала на ее обвинения Марина и отворачивала лицо к окну, либо погружалась в книгу, что взяла с собой в дорогу. Тогда Катиш тоже отворачивалась к окну, чтобы наблюдать за стеклом унылый пейзаж, предварительно заявив невестке:

— Я вас ненавижу!

— Ваше право, — пожимала в ответ Марина плечами, и это ее хладнокровие буквально доводило Катиш до дрожи. Ведь могла же она раньше пробить это равнодушие жены брата. Почему же ныне та так спокойна?

А Марина действительно ощущала удивительное спокойствие. Вернее, даже не спокойствие, а какую-то странную опустошенность в душе. словно внутри ее все было

выжжено огнем, дотла, разрушив все, превратив в пепел и прах. И только там, в тиши монастыря она видела свое спасение от этой странной опустошенности, этого странного безразличия ко всему. Именно это и гнало Марину прочь из Завидова, где она пробыла несколько дней вместе со своей дочерью.

Ее маленькая Леночка. Только ее нежные ручки приносили Марине успокоение, но ей следовало научиться находить его и вне объятий дочери, научиться снова жить, дышать, чувствовать, осязать. Потому на четвертый день их пребывания в Завидово было приказано заложить карету, и путешествие в Нижний Новгород для обеих путешественниц продолжилось.

Перед тем, как покинуть имение, Марина приказала кучеру заехать на кладбище. Сначала она зашла в хозяйскую часть, где были расположены барские могилы и надгробия. Ей хотелось впервые встретить и попрощаться со своим маленьким мальчиком, которого ей так и не было суждено узнать. Маленькое мраморное надгробие, о которое опираются ангелочки, словно охраняют вечный сон младенца, что погребен под ним. «Воронин Михаил Анатольевич», прочитала Марина на памятнике и медленно опустилась на колени в снег, прислонившись щекой к ледяному мрамору.

— Прости меня, мой маленький, — прошептали ее губы. — Я все же любила тебя. Я любила тебя, мой сыночек.

Затем, когда ее юбка насквозь промокла от снега, Марина поднялась с колен и, в последний раз прикоснувшись губами камня, пошла на другой конец кладбища, что словно был из совсем другого мира — деревянные кресты, без каких-либо украшений и цветов. Там она сразу же нашла взглядом большой камень, к которому и направилась, аккуратно огибая многочисленные могилы. Анатолий не обманул ее — он отдал последнюю дань Марининой нянюшке, заказав для нее могильный камень и погребальный венок, остатки которого виднелись сквозь снег.

«Любимой нянюшке Агнии от скорбящей питомицы Марины», было выбито на камне, и Марина не смогла сдержать слез. Безмерная благодарность к супругу вдруг переполнила ее грудь.

— Здравствуй, моя родная. На родительскую ^[514] не успела к тебе, так ныне пришла, — прошептала она, опускаясь на колени в снег. — Вот видишь, какой тебе дар Анатолий Михайлович сделал, а ты так к нему.., — она вдруг замолчала, слышав где-то вдалеке карканье ворон, что слетели с крыши дома отца Иоанна подле церкви, а потом зашептала горячо, обхватив себя за плечи руками. — Родная моя, как не хватает мне тебя! За что Господь отнял тебя у меня? В какую провинность? Не могу, не хочу думать о том, что тебя нет более. В Петербурге думаю, что ты в деревне, а в Завидово — что ты в столице, в городском доме. Тяжко мне, Гнешечка, ой как тяжело! Столько слез пролила, столько горя! Вот грехи свои еду замаливать... перед родителями, что тогда послушалась их, перед супругом своим грешна. Где ты, Гнеша, слышишь ли ты меня? Я так хочу, чтобы ты была рядом!

Марина не знала, сколько просидела на могиле няньки, задумавшись. Ее вернуло на грешную землю из мыслей громкое хлопанье крыльев и очередное карканье, не поладивших между собой ворон подле церкви. Она вдруг осознала, как замерзли промокшие ноги, как заледенели руки без перчаток. С трудом поднялась с земли и, уже уходя, попросила:

— Береги там моего сыночка. Сердце болит за него. Прощай, Гнешечка. Помяну тебя вскоре в молитвах своих. Спи спокойно, моя милая. Не тревожься за меня, не тревожься.

Прибыв в Нижний Новгород, Марина сначала направилась в дом к тетушкам Анатоля на Варварскую улицу, чтобы передать им родственницу, как говорят «de main en main [\[515\]](#)». Казалось, в этом небольшом доме с палисадником ничего не изменилось: все так же сустились старушки, те же мопсы прыгали вокруг прибывших, все так же грустно смотрела из своего уголка в гостиной компаньонка престарелых девиц. Тетушки очень расстроились, едва узнали, что Марина заехала всего на пару часов и вскоре покинет их дом. Они уговорили ее сесть за стол и отведать с ними чаю с блинами («Ведь Сырная же!»), а быть может, и даже рюмочку сливовой наливки, что отменно изготавляла их ключница.

— Ах, душенька, какое несчастье! — качала головой одна, наблюдая пристально за Катиш в лорнет. — Мы так с сестрицей огорчились, когда получили от вас вести. Но, слава Пречистой, твое здоровье ныне отменное. А детки-то... они еще будут детки-то!

— Да-да, — кивала вторая, глядя по голове мопса, что сидел у нее на коленях и потихоньку, украдкой ел блин с ее тарелки. — Вот кухня наша, взять к примеру, мать Анатолички и Катеньки. Ведь скольких потеряла-то. А вон какие детки выросли!

Но потом она вспомнила, что та отдала Богу душу, давая жизнь Катиш, и замолчала, обеспокоенно взглянув на Марину. Та поспешила улыбнуться в ответ и заверить ее, что она сама тоже думает, что Господь не оставит ее в ее бедах, что она едет в монастырь как раз просить искупления за свои вольные и невольные грехи, что Господь будет непременно милостив к ней и дарует ей еще детей.

— Непременно, милочка, непременно, — кивала старушка с лорнетом, а вторая только улыбнулась извинительно.

На прощание, когда тетушки вышли проводить Марину в переднюю и обнимали ее по очереди, расцеловывая и то и дело крестя, одна из них, доверительно склонившись к ней, прошептала:

— В Катеньке, вестимо, дурная кровь играет, раз сюда привезла?

Марина вздрогнула, услышав это, но не успела ничего сказать, как вторая старушка так же тихо прошептала ей, спуская с рук мопса:

— Кузина была такая же. Что в голову взбредет, то и творит. Безрассудная совсем была. Вот и увез ее папенька к нам в именьецо-то. Туточки и встретила отца Анатолички и Катеньки. Вы за ней присматривайте там, в Петербурхе-то. Ей-ей, разыграет кровь кузины, бед не оберемся!

— Ой, не бледней! Не бледней! — вдруг шикнула первая старушка, наблюдая через свой лорнет, как встревожилась Марина. — Мы ей тут спуска не дадим, как Бог свят! Езжай с Богом!

Спустя некоторое время Марина забыла об этом прощальном разговоре с тетушками. Снимая с себя в монастырской келье мирское платье, чтобы облачиться в скромное облачение, повязывая себе на голову простой плат, она отрешилась от всего, что случилось с ней за этими толстыми белеными стенами. Постаралась забыть обо всем, что было, есть и еще только предстоит ей пережить в будущем, полностью сосредоточившись на духовной стороне жизни отныне.

Она молилась вместе со всеми послушниками и инокинями по нескольку часов в день, а остальное время посвящала работе, на которую сама напросилась у настоятельницы. Та вначале была немного обескуражена просьбой мирянки, но вскоре придумала труд и ей — вышивать плащаницу. Вроде и дело, и по рукам для этой знатной мирянки. После работы вновь следовали молитвы, и далее монастырь погружался в сон, чтобы с утра снова

приступить к молитвам и работе.

К Марине в помощь в мастерской была приставлена старица Феодосия, хотя сама Марина подозревала, что та была ей скорее не в помощь по рукоделию, а исключительно для ее многочисленных вопросов и сомнений, что накопилось у Марины за это время. Ведь издавна старицы прикреплялись к более юным инокиням, чтобы выслушать их исповедь и дать дельный совет.

— Как горьки слезы при смерти дитяти! Как тяжело матери, когда лишается она грудного младенца! Возрасти его, Господи, в чертоге Твоем!.. Блаженно детство, оно наследует рай, — говорила Марине Феодосия. — Так говаривал преподобный Ефрем, и то сущая правда есть. Дитя твое прямо в рай Господь забрал, разве же не благо для души его?

— Но отчего в моей жизни столько трудностей? Отчего столько слез и горя? — спрашивала ее Марина, когда они накладывали очередные стежки на полотно. — Отчего нет счастья в жизни моей?

— Смирения в тебе нет, — качала головой Феодосия. — Господь не зря вершит дела свои, и негоже нам раздумывать над замыслом Его. Ты не думай о том, что было, как о наказании для тебя. А думай, как о том, что неспроста они дарованы тебе свыше. Все трудности и горести идут во испытание нам. Токмо для того. Воля Его на то, только Его воля!

И Марина спустя несколько недель, лежа однажды ночью в отведенной ей холодной келье без сна, вдруг осознала, что старица права. Не было в ее душе смирения, не было принятия безропотного того, что свершилось уже в ее судьбе. Она отчаянно цеплялась за остатки прошлого, не желая отпускать его от себя. Даже когда у нее случился срыв, то письма, что она писала одно за другим, направлены были только ему одному, Сергею. Человеку из ее прошлого, что она так не хотела отпускать. Не желала смириться с тем, что он отныне не принадлежит ей, как супруге, не будет более рядом. Хотеть опустить хотела, но разве делала это?

Как найти ей в душе смирение, когда она не желает даже слышать о том, что скоро, совсем скоро наступит Пасха, а за ней и Светлая седмица грядет? Как ей забыть об этом? Как забыть его, того, кому навсегда будет принадлежать ее сердце, даже когда она сама не желает этого?

Марина задавала эти вопросы Феодосии, но та только качала головой в ответ.

— Не разумеешь ты пока, не разумеешь, — что несказанно злило Марину, и ей приходилось приносить в своих вечерних молитвах покаяние и за этот грех.

Дни в монастыре, столь похожие друг на друга, как братья-близнецы, следовали один за другим, и вскоре Марина потеряла им счет. Она только отмечала седмицы Великого поста по тому, что читалось на утренних службах: вот прочитали «Стояние Марии Египетской», значит, миновала пятая седмица Великого поста, вот свершили Постную Триодь, значит, наступила Лазарева суббота, а следом будет Вербное Воскресенье, когда в собор потянутся прихожане с веточками вербы в руках.

Марина в тот день нашла у себя на веточке, что получила перед службой у инокинь, помимо пушистых комочков, приятных на ощупь, небольшую припухлость, приглядевшись к которой, обнаружила зачаток листка — едва заметный из оболочки, что его окружала, крохотный зеленый росток. И это вдруг показалось ей каким-то предзнаменованием, как бы ни грешно было об этом думать, будто знаком, что в ее жизни снова будет то счастье, от которого у нее когда-то кружилась голова.

А выйдя из церкви и вдохнув в себя этот ни с чем несравнимый весенний воздух, Марина осознала, что пришло время жить далее, не оглядываясь на то горе, что случилось в ее жизни. Вон ведь веточку сломали, а на ней жизнь всю заявляет о себе. И Марина не стала класть к образам у себя в келье веточку, а поставила ее в стакан воды, чтобы та не завяла, наблюдала всю Страстную седмицу с какой-то тайной радостью, как постепенно из почки пробивается нежно-зеленый малюсенький листочек.

В ту же ночь Марине вдруг привиделась Агнешка. Почему-то она сидела у какой-то немного покосившейся избы в полотняной рубаше и вышитой юбке, а изба эта стояла посреди зеленого луга, по которому и пришла Марина. Нянюшка выглядела намного моложе, чем Марина запомнила ее, ее глубокие морщинки слегка разгладились, но в ее глазах по-прежнему плясали смешинки.

— Марыся моя, — улыбнулась няня, и Марина вдруг расплакалась от удивительного спокойствия, что ощутила внутри. А Агнешка вдруг отвернулась от нее и повернулась, держа на руках маленького голенького младенчика. — Сына твой, Марыся. Ты просила, я и гляджу за им. Не думай больш аб нем, твоя Агнеша паклапоицица [\[516\]](#) аб им.

Марина вдруг склонилась над младенчиком, желая посмотреть на него, хотя бы так, во сне. Темные волосенки, большие карие глаза, пухленькие щечки. Она едва сдержалась, чтобы не забрать у нянечки дитя, но знала откуда-то, что та не позволит ей этого сделать.

Внезапно ее щеки дотронулась морщинистая рука, ласково погладила по нежной коже.

— Я так скучаю по тебе, — прошептала Марина, пытаясь поймать своей рукой эти ласковые пальцы, но нянька не дала ей ухватить себя за ладонь. Только снова улыбнулась ей.

— Ты павинна верыць. Верыць и не плакаць больш. Дрэнна [\[517\]](#) мне, кали ты плачашь. Вельми дрэнна.

— Я не буду больше плакать, — пообещала Марина нянечке. Почему-то она знала, что это правда, и пробудилась от этого странного сна еще до рассвета, с ощущением того, что то спокойствие, что она ныне чувствовала в своей душе, будет ее спутником и далее. Только однажды оно изменило ей, когда она во время Пасхальной утрени вдруг почувствовала на себе пристальный взгляд и повернула голову, чтобы увидеть, кто осмелился так дерзко смотреть на послушниц, в рядах которых Марина стояла.

Это был Сергей. Он стоял далеко не в первых рядах прихожан, что присутствовали на службе, но она смогла разглядеть его среди остальных голов, и у нее бешено забилося сердце, и вспотели ладони. Забыть! Разве можно забыть и отринуть прошлое, когда только им и живешь? Она отвела свой взгляд от его горящих стальным огнем глаз и чуть замешкалась в своем волнении перекреститься вслед за остальными. А после всю службу заставляла себя не поворачивать более головы в его сторону, хотя кожей ощущала на себе его взгляд.

Нет, беззвучно шептала Марина, не буду смотреть. Отрекаюсь от своего прошлого во имя будущего, Господи. Я отрекаюсь от любви, что живет в моем сердце, отрекаюсь от всего... отрекаюсь, как заведенная, повторяла она, впервые за всю свою жизнь задумавшись на пасхальной утрени, крестясь вслед остальным прихожанам.

А потом, когда утренья закончилась, и прихожане, получив в очередной раз поздравление со Светлым праздником, постепенно начали расходиться, а послушницы и инокини потянулись из собора на монастырский двор на утреннюю трапезу, Марина вдруг сорвалась с места и, еле пробираясь сквозь толпу, направилась к выходу. Она не видела более Сергея среди окружающих ее людей, как ни пыталась отыскать его взглядом. И после,

подле собора она тоже не нашла его, хотя заглянула почти в каждое мужское лицо, что было над воротом офицерского мундира. Она металась по двору словно безумная, внимательно разглядывая, всматриваясь, а потом опомнилась спустя некоторое время, остановилась.

Был ли Сергей в соборе на Пасхальной службе? Или это просто привиделось ей, а ее сознание вдруг вызвало желанный образ? Марина не знала. В ее голове вдруг всплыла другая пасхальная служба несколько лет назад, когда она еще была восторженной юной девушкой, что когда-то была так влюблена в блестящего молодого офицера. Вспомнилось ее желание-вопрос, что она тогда загадала на пасхальную свечу. «Обойду — Загорский любит. Не обойду...»

— Христос Воскресе, Марина Александровна, — и этот поцелуй-христосование. Его горячие губы, коснувшиеся ее щеки, запах его кожи. Как это вытравить из своей памяти? Как вытравить из своей души?

Всю Светлую Седмицу Марина работала, как прокаженная, словно пыталась работой увести себя прочь от тех мыслей, что настигали ее бессонными ночами, и даже молитвы не приносили ей долгожданного покоя. Зачем он приходил сюда? Зачем снова разбередил ее душу, ее едва затянувшиеся раны?

В воскресенье Красной горки Марина проснулась к заутрене, но поняла, что не может никуда идти и делать ныне не сможет ничего, сказалась больной ныне, отказавшись выходить. Она просто спустилась на пол и легла, прижавшись щекой к холодному полу кельи. Ни о чем не думать, не вспоминать... Ни о чем не думать, не вспоминать... Как заклинание повторяла она себе снова и снова. Ни о чем не думать, не вспоминать...

Прозвонили к утрени, потом к обедне, но только к вечерне Марина поднялась с пола, отряхнула платье и направилась в храм, чтобы вместе с инокинями и послушницами отстоять ее. Вот и все, думалось ей, когда она повторяла за остальными слова службы и крестилась, вот и кончено. У нее тряслись руки, и пламя ее свечи то и дело дрожало, но упорно не гасло, продолжая гореть ярким огнем. Марина смотрела в этот огонек и вспомнила то, что было меж ними с Сергеем, вспоминала, чтобы забыть, оставить позади. А еще она представляла себе совсем другую свечу, не из желтого воска, что держала в руке, а из белого, украшенную лентами. Венчальную свечу, что сегодня горела в руках Сергея.

И она оставила свою свечку в конце службы в храме у иконы Сергия Радонежского, моля его о здравии и счастии раба Божьего Сергея, ибо мечтала о том, чтобы он сумел начать свою новую жизнь, как она ныне начинала свою. Ныне, в это воскресенье. В день его венчания с другой женщиной.

После вечерни Марина ушла к себе и сменила платье на мирское, оставляя в этой келье вместе с облачением свои страхи и тревоги, свои душевные метания. Впервые она поняла и приняла слова Феодосии о смирении. Раз ты не можешь переменить волю Господа, раз не можешь понять замысла Господня, то смиришься с ним.

Не надо забывать о том, что было. Надо просто смириться и жить дальше.

У самых монастырских ворот Марина простилась с настоятельницей и старицей Феодосией, что вышли ее проводить, прикоснулась губами к их рукам, принимая их благословение.

— Все только в Его воле, — сказала ей Феодосия на прощанье, перекрестив, и Марина смиренно улыбнулась ей.

— Вестимо, в ней одной.

За воротами ее уже ждала карета, запряженная шестеркой, чтобы побыстрее домчать

барыню обратно, а у экипажа прохаживался высокий статный офицер, золотой аксельбант которого то и дело поблескивал в неверном свете каретного фонаря. Заметив Марину, он остановился и повернулся к ней, вглядываясь в ее лицо в сгущающихся сумерках, что-то пытаясь отыскать в нем, видимо. Она приблизилась к нему и посмотрела ему прямо в глаза, а потом взяла его руку и прикоснулась к ней губами в почтенном поцелуе.

— Мой супруг, Анатоль Михайлович.

Но Анатоль прервал ее жест в тот же миг, вывернул ладонь и прижал ее к щеке жене, ласково гладя пальцами нежную кожу.

— Мой ангел... моя жена.... Моя... Моя!

Сергей медленно выпустил изо рта ароматный дым, слегка запрокинув голову назад, а потом снова поднес к губам чубук. Только здесь, в его вотчине, небольшом кабинете, декорированном в модном ныне восточном стиле, он мог чувствовать себя совершенно свободно. Только здесь можно было смело распахнуть шлафрок и развязать тесемки рубахи, закинуть ноги в сапогах на низкий столик, курить наргиле, успокаивая напряженные, как струна нервы.

Он снова ездил в парк этим утром. Ездил, чтобы в который раз взглянуть издалека на небольшую группку прогуливающихся, что неизменно появлялась в Летнем около полудня. Невысокая стройная женщина в траурном платье, черной шляпке и с черным кружевным зонтиком в руках, рядом с ней, то забегая вперед, то отбегая назад к бонне и горничной, что следовали чуть в отдалении, кружилась маленькая девочка. В последнее время девочка стала совсем неугомонной — появились первые бабочки, предвестницы летней поры, и она вела на них довольно азартную охоту, привлекая в качестве пособницы горничную своей матери. Иногда, когда маленькая проказница уж чересчур шалила, мать грозила ей пальцем, сводя на нет свою угрозу задорным смехом. А потом и девочка присоединялась к смеху матери, заливисто хохоча, забавно запрокидывая голову назад.

Этот смех сводил Сергея с ума, выворачивал наизнанку его душу. Такой счастливый смех, такие радостные лица, такие очаровательные мать и ребенок.

Его некогда жена и его дочь. И в то же время не его. Совсем не его...

Сергей никогда не подъезжал к ним, никогда не приближался настолько, чтобы быть замеченным. Он был наслышан о болезни Марины, о том, что та покинула спешно Петербург, не дожидаясь начала Поста, что уехала в нижегородский женский монастырь. Сам Анатолий рассказал ему, когда они сидели как-то в кабинете Сергея и пили превосходный трехлетний бренди, бочонок которого Сергей привез из погреба Загорского. Бедная Марина, сколько же довелось ей пережить за последний год! Если бы Сергей мог, он бы стер все эти горести и трудности из ее жизни, но, к сожалению, это не было не под силу ни одному человеку!

Она была такая умиротворенная тогда, в соборе монастыря на Пасхальной службе, таким спокойствием светилось ее лицо. Он сам не знал, зачем вдруг неожиданно сорвался с места и поехал в этот губернский город, зашел среди остальных прихожан на службу в храм. Насладиться досыта ли ее обликом вдали от светских знакомых, а значит, любопытных глаз и ненужных пересудов? Или он приехал, чтобы презреть все узы и клятвы и увести ее прочь, даже силой, ведь той причины, по которой она когда-то отказала ему, более не было?

Сергей и сам никогда бы не смог обозначить, зачем он приехал тогда в тот храм. Но одно он знал доподлинно — ей стало не по себе, когда она увидела среди остальных прихожан. Сергей видел, как она резко побледнела, как забегали ее глаза, словно она не знает, как ей поступить ныне, как изменилась в лице — не было более того спокойствия, той радости от Светлого праздника. И всему виной было только его присутствие. И Сергей осознал тогда, что для того, чтобы жизнь его любимой стала такой, каковую он ей сам желал — без слез, без страданий, полную тихого счастья и благоденствия, он должен уйти сейчас, не оглядываясь, как бы ни кричала от боли его душа. И он ушел со службы, неспешно лавируя между многочисленными прихожанами, где-то в глубине души надеясь, что в один

миг рукава его мундира вдруг коснутся ее пальцы, что его остановит один-единственный оклик.

Сережа... Сереженька... Тихо, нежно, словно выдох откуда-то изнутри, от самого сердца.

Сергей вдруг вспомнил, как всего один раз его называли так после, и как он отшатнулся резко, не в силах слышать эту ласку из других уст. «Не называйте меня так, мне это не по нраву!», приказал он тогда, кривя душой, но в то же время говоря истинную правду. Ведь эти слова он хотел слышать только от одной женщины.

Окна в кабинете были распахнуты из-за жары, что неожиданно пришла в Петербург в конце апреля, потому Сергей легко разобрал, как в соседней комнате женский голос начал неспешно читать вечернюю молитву перед образами. Он словно воочию увидел, как сейчас за стеной стоит на коленях женская фигура в белом капоте, наброшенном поверх сорочки из тонкого льна, как она кладет поклоны. Каштановые локоны заплетены в толстую косу — неизменная прическа на ночной сон. Карие глаза чуть прикрыты, словно в экстазе.

Его маленькая жена...

Он вспомнил, как она не могла скрыть своих счастливых глаз, когда их руки соединил под епитрахилью священник. Как то и дело поглядывала на него сквозь кружево фаты, как светилась, когда им на пальцы были надеты обручальные кольца. Как улыбалась скромно, в то же время едва сдерживая свои чувства, что переполняли ее душу в тот момент, когда их осыпали пшеном на выходе из храма.

Он тысячи и тысячи раз виноват перед ней. Виноват за то, что когда поднимал кружево в церкви, чтобы прикоснуться губами в вежливом, отстраненном поцелуе ее губ, на миг представил себе, что сейчас увидит совсем другое лицо. Виноват, что в тот же вечер, идя в спальню своей новоявленной супруги, хотел видеть за легкими занавесями кровати вовсе не ее, а другую женщину. Что когда ласкал ее, чувствовал под руками совсем другое тело, как ни пытался выкинуть эти мысли из головы. Виноват, что до сих пор не может забыть...

Голос вдруг смолк, затем что-то проговорил, обращаясь к кому-то в комнате, видимо, горничной. Спустя несколько мгновений в дверь, разделявшую половины супругов, тихо постучались. Сергей даже головы не повернул на этот стук, тихо бросив короткое: «Войдите!». Он доподлинно знал, что за этой дверью сейчас стоит горничная, посланная с какой-либо просьбой к нему. Ведь ныне была среда — день маленького поста в христианстве, а это означало, что его жена никак не могла посетить его скромную обитель нынче вечером. И он не ошибся.

— Прошу прощения, ваше сиятельство, — показалась на пороге горничная. — Ес сиятельство просит немного прикрыть окна в вашем кабинете. Ей мешает этот запах... Прошу прощения еще раз...

Сергея так и подмывало ответить девушке, что ежели его супруге мешает дым от его наргиле, то она может прикрыть окна у себя в комнате. Да и потом — как это возможно? При чем тут окна? Но он промолчал, лишь ткнул в сторону распахнутых створок девушке чубуком, мол, можешь прикрыть, и та быстро юркнула к окнам. Но не стала закрывать их, а только поправила занавесь, извинилась в который раз и оставила его одного.

Сергей снова затаился, заставив воду в наргиле громко забурлить. Он прекрасно знал, зачем была послана девушка сюда, в эту комнату. Очередная проверка, как далеко способен зайти супруг в выполнении просьб своей жены. Очередная попытка убедиться в собственной значимости. Какая она все-таки еще наивная, эта его маленькая жена!

С самого первого дня их брака Варенька искала в каждом его действии знаки внимания к себе, и он легко и без особого принуждения шел ей навстречу, понимая, насколько это важно для нее сейчас. Он заказывал ей цветы, зная, как ей будет приятно получить от него букет, иногда по пути в особняк из ставки полка заезжал в кондитерскую и покупал для нее сладости, памятуя о том, как она обожает засахаренные фрукты. Он был особо внимателен к ней, когда они выезжали: нарушал правила бального этикета, танцуя с ней более трех танцев, всегда был подле нее, зная, как тяжело ей, тихой и наивной девушке, отныне носить имя княгини Загорской.

— Княгинька, — так стал называть слегка пренебрежительно Матвей Сергеевич молодую жену Сергея. Она не нравилась ему с самого начала, со дня их знакомства. Слишком уж тиха, слишком молода и наивна! Разве такую женщину он желал видеть подле внука? Правда, он надеялся, что первые дни брака переменят ее натуру, иногда такое случается с женщинами — в них будто просыпается что-то скрытое доньше от посторонних глаз. Но в случае его невестки это правило оказалось ложным.

Правда, надо отдать ей должное — скромница на людях, слугами она отныне руководила железной рукой, поставила хозяйство в доме на нужный лад и даже выявила обман буфетчика, что крал безбожно. Да, все буфетчики воруют, но все делают это по совести, а этот же...!

На этом положительные черты невестки для Матвея Сергеевича кончались. Княгинька навела в доме собственные порядки, заставила домашнюю челядь строго блюсти посты, даже маленькие по средам и пятницам. Матвей Сергеевич тогда сразу сказал ей, пусть делает, что хочет с челядью, раз отныне хозяйка в доме, но сам он и внук его привыкли строго говеть только в Великий пост. Да, не слишком хорошо для добропорядочного христианина, но ведь они никогда и не заявляли о себе, как о ревностных последователях учения церкви. И в церковь так часто не ездили, как она. Впервые Матвей Сергеевич столкнулся с такой благочестивой особой в свете — говеть каждую неделю, строго соблюдать все каноны и заповеди... Даже в храме, ему казалось, она проводит больше времени, чем в доме. В общем, не такую хотел видеть в своем доме невестку Матвей Сергеевич, вовсе не такую!

— Почему именно она? — однажды спросил он у своего внука, когда они сидели после ужина в курительной. Сквозь распахнутые двери в соседний салон он видел, как возится на ковре с маленькими щенками, что принесла этой весной новая борзая, молодая княгиня. Будто девочка, каковой она, по сути, и являлась, по мнению Матвея Сергеевича. — Почему она, Сергей? Потому что любит тебя без памяти? Потому что тиха и послушна? Ты же устанешь вскорости от нее, мой милый, знаю я твою натуру. Невольно, сам того не желая, заскукаешь. Вот княжна Бельская еще смогла бы зажечь твою кровь, а этот милый ребенок... Нет, не ту супругу ты себе выбрал, не ту.

Старый князь был прав — Сергей вскоре откровенно затосковал. Какое-то странное щемящее грудь чувство не давало ему покоя. Варенька была вполне мила, а после того, как по его настоянию она переменила прическу и ткани на платья, то стала и вовсе очаровательна. Она так стремилась сделать ему приятное, так старалась стать для него той самой идеальной женой, что иногда вызывала в Сергее чувство вины. Особенно острым оно было, когда Варенька спускалась с его постели, думая, что он спит, и опускалась на колени, моля Господа даровать его мятущейся душе покой и избавить его от напасти, что тяготила его сердце.

Милое, милое дитя! Когда отравя любви уже разлилась по венам, и прочно засела в самой глубине сердца, вытравить их оттуда была способна только смерть и ничто иное!

Сергей снова с наслаждением затянулся ароматным дымом, пропуская его в самую глубь легких, так глубоко, что слегка закружилась голова. Сейчас он докурит наргиле, позовет Степана, и тот поможет ему облачиться в мундир. А затем Сергей выйдет из дома и поедет либо в клуб, либо в дом *madam Delice* (разумеется, не за тем, чтобы *faire une femme* [518]), где он будет всю ночь до самого рассвета играть в карты или бильярд на деньги. А быть может, снова будет биться на пари, как в прошлый раз, когда на спор сбивал выстрелом пламя свеч в канделябре, что держала одна из девушек *madam*. Это все, что влекло его прочь из дома в ночную пору — только игра и пари, вино и собутыльники, никаких женщин, что вызывало неизменно досаду у девушек *madam*.

Жизнь стала скучна и однообразна. Как ранее, до того как сделала такой крутой поворот и все для чего? Чтобы вернуться на круги своя...

А потом в предрассветный час он выйдет на пустынные улицы Петербурга и поедет в обратный путь в особняк Загорских самым длинным путем по набережной Фонтанки, ведь именно он поведет Сергея мимо того заветного дома, за стенами которого бережно хранится его сердце. Они, верно, еще спят, его девочки, до рассвета ведь еще есть время, но ему иногда представлялось, что в окне спальни Марины вдруг дрогнет легкая занавесь, что она стоит там, скрываясь за воздушной тканью, провожает его взглядом.

Но нет. Занавесь не шевелится, никто не стоит там, у окна спальни, никто не видит одинокого всадника перед домом, разве что дворник, который неизменно желает его высокоблагородию отличного здоровья и получает за это на водку.

А после Сергей возвращается в свой особняк, где его ждет в спальне Степан помочь переменить ему платье да вылить на голову кувшин ледяной воды, чтобы привести барина в божеский вид. Затем он надевает домашний фрак и спускается, минуя анфиладу комнат, к завтраку в столовую, где его ждет супруга, уже вернувшаяся с утренней службы. Словно его давнишняя мечта ставшая явью. Только вот глаза, что встречали его взгляд, когда лакеи распахивали створки дверей, были иные, карие, а не серо-зеленые. И улыбка другая, совсем другая.

Сергей склонялся к жене, целовал вначале ее ладонь, затем короткий поцелуй в лоб, и он занимал свое место за завтраком. Она что-то увлеченно рассказывала ему (обычно это были богоугодные дела, которыми она, став княгиней Загорской, занялась с удвоенным рвением), он же кивал в ответ, рассеянно, даже не вникая в суть обсуждаемой темы. Сергей уже давно перестал слушать про ее дела, ведь они были неизменны — церковь, благотворительность да какие-то провинности слуг. Интересы Вареньки ограничивались только этим.

Оперу и театр она считала богомерзкими заведениями, ведь там, по ее мнению, гуляла бесовщина. Она ездила вместе с мужем, но практически не вникала в суть происходящего на сцене, переживая за то, как выглядят артистки на сцене, не слишком уж они откровенно одеты. Книг, кроме сугубо христианских — Библии и жития святых, она не читала. Как-то попыталась по настоянию Сергея прочесть что-либо по собственному выбору в большой библиотеке Загорских, но с первых же страниц оставила это занятие.

Сергей недоумевал, откуда в роду Голицыных могло появиться такое чудо, полное самоотверженной любви к Господу, ведь *madam* Соловьева не была такой набожной, а значит, это благочестие пошло отнюдь не из семейных канонов.

Зато Варенька при всем этом была верным образчиком истинной супруги — она была мила, тиха, послушна, всегда и во всем старалась угодить своему мужу, даже если это шло вразрез с ее принципами и убеждениями.

Взять, к примеру, интимную сторону их союза. В первую брачную ночь Варенька чуть ли не со слезами и ужасом встретила его, собираясь встретить эту часть отношений супругов стойко и мужественно. Легла и не сопротивлялась, как бы ни кричала об этом ее возмущенная действиями супруга душа. А после и вовсе забыла про свои опасения и страхи, увлеченная теми необыкновенными ощущениями, что рождались в ней под руками и губами мужа. За что и просила каждый раз, когда муж приходил к ней в спальню, прощения перед образами. Ведь разве не грешно было испытывать то, что чувствовала она? Разве Господь наделил людей способностью к соединению не ради зачатия детей, продолжения рода, а ради удовольствия?

И как бы ни уговаривал ее Сергей, какие бы доводы ни приводил, его жена осталась при своем слепом убеждении, что удовольствие, которое она испытывает в постели, есть грех, и как всякий грех его необходимо было отмотить. Она бы и вовсе свела на нет их свидания в спальне, но прекрасно знала, что этого делать не стоит — маменька просветила ее на этот счет, когда Варенька пришла к ней за советом. Не будешь рядом ты, будет другая. И ежели хочешь удержать супруга подле, терпи, стиснув зубы, пока Господь не дарует дитя от этих соитий.

Наивная, она и не ведала, что все ее увертки, все ее маленькие думки были видны Сергею, словно на ладони. Вскоре ему надоело уговаривать, убеждать, наставлять. Роль учителя была вовсе не для него, у него никогда не было терпения для того. Он понял, что разница почти в шестнадцать лет годна только для того мужчины, что хочет воспитать жену под себя.

Сергею же хотелось видеть подле себя равную, с собственными мыслями и мнением. Ту, которая встретит его гневный взгляд без страха, ответит дерзко на его реплику, а не будет отводить глаза в сторону. Готовую отстаивать свою правоту, а не всегда соглашаться с его мнением, когда оно идет вразрез с истиной. Смелую, гордую, сильную и в тоже время слабую перед ним. Вот в чем была разница между той семнадцатилетней барышней Ольховской и его восемнадцатилетней женой — первая не боялась противоречить ему, а вторая только вторила его словам, не смея спорить.

А еще Сергей помнил, как Варенька громко ошеломленно вскрикнула, увидев впервые шрамы на его теле, как отвела глаза в сторону, не смея смотреть на следы его ран. Тогда он неожиданно снова спустя столько времени, после его возвращения с Кавказского края, почувствовал себя увечным, ощутил себя каким-то уродом. Да, он вполне признавал, что следы его ран могут вызвать отвращение у другого человека, впервые видевшего их. Но при этом он не мог позднее не вспоминать, как нежно прикасалась Марина губами к каждому шраму на его теле, орошая слезами сожаления и сострадания к той боли, что довелось ему испытать за время плена. Как она не отвела взгляда от его изувеченных ступней. Как разделила с ним тогда всю горечь и боль воспоминаний о том времени, что Сергей прожил в плену.

Может, оттого что подобный диссонанс бережил ему душу, Сергей и выезжал после завтрака в Летний. Где он наблюдал украдкой за Мариной и ее дочерью, прогуливающимися в парке, представляя, как эта часть чужой жизни могла бы быть его. Что эта стройная женщина, неспешно прогуливающаяся по аллеям и подставляющая лицо лучам не по-

весеннему теплого солнца, могла бы быть его женой, а эта девочка, играющая в догонялки с горничной — его законно признанной дочерью.

После того, как они покидали парк, Сергей пускал коня легким аллюром по аллеям парка, делая вид, что только прибыл недавно на эту прогулку, будто и не провел здесь последний час. Затем он уезжал обратно в особняк Загорских, где либо проваливался в беспробудный сон до самых сумерек, либо предавался целиком и полностью захватившей недавно все его существо страсти — рисованию.

Все началось с неожиданной просьбы старого князя. Матвей Сергеевич еще до Пасхи обратился к внуку с вопросом, изрядно удивившей того. Он впервые попросил его рисовать, признавая способности Сергея к изображению окружающего мира.

— Я прошу тебя, сделай небольшой набросок Элен. Я отдам его в мастерскую господина Соколова, и мне сотворят небольшой медальон с ее изображением. Так не будет никаких вопросов, никаких пересудов, — Матвей Сергеевич полез в карман сюртука и достал из него небольшую табакерку. Но вместо табака в ней лежала всего одна вещица — короткий льняной локон. Старый князь погладил эти волосы, что когда-то Марина по его просьбе срезала с головы правнучки, при этом его глаза слегка повлажнели. — Быть может, оттого и страдаю, что это единственный твой ребенок, но разлука с ней дается мне очень тяжело.

— Если желаешь, я поговорю с Анатолом, чтобы он снял свой запрет на свидания с тобой, — предложил Сергей, заметив боль в глазах деда. Но тот лишь покачал головой в ответ.

— Не буди лихо, — ответил ему Матвей Сергеевич. — Мы никто этому ребенку, посему будет так, как решил Анатолий Михайлович. Он вправе поступать, как желает.

И Сергей принялся за работу. Вначале, правда, рука совсем не желала его слушать, штрихи и линии выходили коряво, а образ куда-то ускользал от Сергея, но потом дело все же пошло, и из-под руки стало возникать изображение маленькой девочки, сидящей на ковре и играющей с куклой. Он рисовал Элен по памяти, такой, какой запомнил ее в тот день, когда узнал, что у него есть дочь.

Тонкие упругие локоны вдоль пухленьких щек, перехваченные белой атласной лентой, повязанной вокруг головы, большие светло-серые глаза, смотрящие на зрителя слегка удивленно и с едва скрываемым любопытством.

«... — Ты плачешь? У тебя что-то болит?

— У меня болит сердце.

— Я не хочу, чтобы кто-то болел. Но *maman* болеет.

— *Au revoir, ma bonne!* [\[519\]](#)

— *Au revoir, monsieur!...*»

Столь короткий диалог, в то время, когда хочется сказать так много, когда сердце стучит глухо в груди в бешеном ритме, а ладони вспотели от волнения и трясутся мелкой дрожью. Короткий диалог между отцом, который никогда не сможет прижать к себе свою дочь, и его девочкой, что никогда не узнает своего кровного родителя.

Сергей не смог отдать этот рисунок Матвею Сергеевичу, слишком уж дорог он стал вдруг ему самому. И он оставил его себе, а старому князю нарисовал другой — увеличенную копию маленькой девичьей головки, чтобы художнику было легче срисовать его на медальон.

А потом его словнохватило и понесло какой-то волной неожиданного вдохновения —

он рисовал и рисовал эту маленькую девочку. В самых разных образах — вот она на качелях, а вот на пони или сидит на лугу среди луговых цветов.

Спустя некоторое время он наконец решился нарисовать и Марину, совсем не контролируя руку, что выводила линии грифелем на бумаге. А потом поразился полученному в итоге результату, едва переводя дыхание. На листе был образ из того времени, что они провели вместе в Киреевке. Те несколько дней вместе перед разлукой на долгие годы — именно из этого периода вдруг на бумагу пришла та, что он так хотел видеть ныне.

Марина сидела спиной к нему, повернув голову к зрителю. Ее слегка припухшие губы были чуть приоткрыты, а глаза словно таили в себе какой призыв, что она посылала сейчас, смотря на него через плечо. Такое выражение у нее появлялось после долгого и глубокого поцелуя, когда эта дивная зелень манила к себе, суля неизведанное доселе наслаждение. Пряди ее волос были небрежно заброшены за другое плечо, с которого ворот сорочки был спущен вниз, обнажая плавный изгиб спины. У Сергея даже перехватило дыхание, настолько живой получилась картинка, словно Марина сейчас раздвинет губы в манящей улыбке и слегка приспустит ворот сорочки еще ниже, как всегда дразнила его, когда он рисовал ее в такие моменты.

С того момента он нарисовал десятки образов этой женщины, которую так хотел видеть подле себя воочию, а не на бумаге, но именно этот был самым его любимым. Именно этот, манящий и влекущий к себе. Вот и сейчас этот набросок стоял напротив него на столике, прислоненный к бутылке с бренди. Сергей потянулся вперед и взял со столика бокал с янтарным напитком, затем отсалютовал им Марине, что смотрела на него с рисунка.

— *A votre santé! Et votre bonheur familial!* [\[520\]](#) — произнес он и глотнул бренди. Потом одним толчком отправил бокал обратно на стол и сунул в рот чубук наргиле, глубоко затянувшись. Голова тут же пошла кругом, а мебель, что стояла в кабинете заплясала в его глазах.

Он действительно хотел, чтобы она была счастлива, ведь она заслужила его, по мнению Сергея, после этого ужасного года, полного горестей, боли и слез. А еще он хотел нынче быть пьян, и он непременно будет пьян!

Он вдруг вспомнил, как вернувшись однажды после очередного ужина с сослуживцами в ресторации *monsieur Talon*, вместо того, чтобы упасть в постель и забыться сном, ни с того ни с сего потянулся за грифелем и бумагой. Утром, когда Сергей продрал глаза и сумел разглядеть, что нарисовал накануне, ему стало еще горше, чем это обычно бывало при его утренних похмельях. Если бы это изображение писалось маслом да холсте, то ему было бы самое место над камином в парадной зале! Семейный портрет: мужчина, стоящий подле своей супруги, сидящей в кресле с маленькой дочкой на коленях... Изображение семьи, что когда-то могла бы быть у него, не сложись так звезды. Семьи, которой никогда не будет.

Сергей тряхнул головой, стряхивая с себя вдруг неожиданно нахлынувшее с очередным вдохом табачного дыма из наргиле опьянения. Как странно, что-то нынче его совсем быстро взял алкоголь! Обычно он всегда остается на ногах и почти в здравом уме, только язык немного заплетается, да глаза приобретают особое выражение. А вот ныне что-то совсем захмелел... Быть может, оттого, что был этим вечером дома, а никуда не поехал, несмотря на уговоры приятелей? Завтра ему предстоял развод караула, и требовалось быть в форме с самого утра, потому ни каком выезде нынче вечером и речи быть не могло.

Так странно пить одному, усмехнулся вдруг Сергей. Ранее в этом кабинете бывало

сидели втроем обыкновенно: кабинет был личной вотчиной Загорского, и он допускал в него только своих друзей. Но Анатолий ныне совсем был погружен в службу, а Павел — в семью. Загорский только недавно был у последнего, насмехаясь над неожиданно проснувшейся хозяйственностью того, несвойственной совсем ему ранее.

— У тебя, похоже, *stade du nidification* [\[521\]](#), — усмехаясь, говорил он Арсеньеву, когда они неспешно прогуливались по саду Киреевки.

— Что ты имеешь в виду? — нахмурился слегка тот.

— Строишь гнездо для своих птенцов, *est-ce vrai* [\[522\]](#)? — Загорский ткнул хлыстом в сторону бывшего флигеля, где вовсю шли работы по закладке фундамента каменного дома на месте того пожарища, что некогда он устроил тут. Он попытался выкинуть воспоминание об этом из головы и снова повернулся к Арсеньеву. — Это неплохо, *mon ami*, отнюдь неплохо. Даже наоборот. И, *mon ami*, *avez la bonté* [\[523\]](#), сбрей ты, ради Христа, эти баки! Ну, на мажордома моего похож, сил нет!

— Я моложе и красивее, — отмахнулся от него Арсеньев, и тому пришлось признать его правоту:

— Твоя правда!

Сергей улыбнулся, вспоминая эту последнюю встречу. К сожалению, теперь, когда тот в отставке и целиком погружен в дела собственного имения, а Сергею предстоит вскоре покинуть Петербург на время летних общевойсковых маневров, увидеться им предстоит еще нескоро.

Маневры... Сергей откинул голову на спинку кресла, совсем сползая вниз. Варвару Васильевну он тогда отправит в Загорское вместе со старым князем, нечего ей ехать вместе с ним на квартиру, которую совсем недавно снял для Сергея поверенный. Негоже ей присутствовать пока там, хотя там и будут офицерские жены. И он никогда не признается, что просто хочет побыть один, и дело тут вовсе не в возрасте и наивности его молодой супруги. Даже под пытками.

Внезапно в мысли Сергея ворвался негромкий стук в дверь, ведущую в коридор. Он даже бровью не повел при этом, и Степану (а это был именно он) пришлось позвать его, стараясь не потревожить при этом княгиню, чьи комнаты были рядом.

— Барин, барин! Ваше сиятельство! Тут до вас человек!

Сергей качнулся в кресле, доставая из кармана шлафрока брегет. В комнате уже сгустились сумерки, и потому он не сразу сумел разглядеть циферблат, напряженно и долго вглядываясь в него. Десятый час! Кому он мог понадобиться в такое время?

— Сергей Кириллович, записка до вас, говорю! — донеслось тем временем из-за двери, но Сергей только убрал брегет обратно в карман, не имея ни малейшего намерения подниматься с места. Но имя отправителя, что негромким шепотом проговорил Степан из-за дверей, вдруг заставили его сделать это. Сергей подскочил с места одним рывком и, путаясь в полах шлафрока, подошел стремительно к двери, распахнул створки.

— От ее сиятельства графини Ворониной Марины Александровны, — повторил Степан подавая барину сложенный листок, озадаченный той тревогой, что ясно читалась сейчас у того на лице. Сергей аккуратно, будто бумага может рассыпаться в прах в его руках, взял записку и буквально прорычал Степану:

— Огня! Немедля!

Тот быстро протиснулся мимо барина, захлопнувшего за ним створки дверей, в глубину комнаты и принялся зажигать канделябры от своей свечи, что держал ныне в руках. Затем

поставил ее в пустую ячейку в одном из них и метнулся к окнам, чтобы впустить в кабинет свежий воздух взамен этого — спертого и наполненного легким табачным дымом.

Сергей же быстро пробежался по записке, тут же узнав руку, что писала ее к нему. Затем перечитал ее снова и коротко бросил слуге:

— Одеваться! Быстро! Сей же миг!

Степан кинулся в спальню за свежей рубахой и мундиром, а затем принес в кабинет тазик и кувшин с ледяной водой, чтобы привести барина в чувство и избавить его от остатков хмеля, что слетел с Загорского, едва он прочитал записку.

«Mon prince, j'ai une prière à vous adresser. Jadis vous avez dit que je peux compter sur vous. Je vous demande un peu remédier au mal de moi dès en ce moment. Je vous prie, vous êtes seul à pouvoir faire cela [\[524\]](#)»

Всего несколько фраз, но между этими строками Сергей явно прочитал отчаянье, которое владело их автором. И его вдруг захлестнул на мгновение страх, что случилось нечто серьезное, а он будет бессилён помочь ей. Что могло произойти? Что заставило Марину обратиться к нему? Он прикрикнул на Степана, что, по его мнению, уж чересчур завозился с пуговицами его мундира, и когда тот отступил в сторону, пропуская барина к дверям, буквально вылетел из комнаты, оставив позади себя беспорядок в кабинете. Да и Степан не стал обращать никакого внимания на наргиле на столе и разлитую бутылку бренди, что Сергей перевернул случайно, когда вскакивал с кресла, на валяющуюся распахнутую папку на ковре подле письменного стола, а выбежал вслед за Сергеем из комнаты, предварительно погасив все свечи в комнате — не дай Бог пожар!

Загорский уже выехал со двора особняка, послав коня тут же чуть ли не галоп, гонимый каким-то странным чувством, что ледяной рукой сжимало сейчас его сердце, как в его кабинет приоткрылась створка двери, ведущей в комнаты его жены. Легкая воздушная фигурка в развевающемся капоте скользнула в комнату и огляделась. Варенька была здесь до сего момента только мельком, походя — в этой святой святых супруга, кабинете. Она убедилась, что в комнате никого нет, а затем ушла в свои половины и вернулась со свечой, которой освещала себе окружающую ее картину.

Сначала она огляделась по сторонам, с любопытством осмотрела ковер на стене, на котором висело разнообразное оружие. Эти кинжалы и сабли не пришлись ей по нраву. Варенька до сих пор переживала, что ее супруг отнимал жизни у других людей. И пусть они были другой веры, но они ведь были все же люди! Она молилась каждую ночь, прося Господа простить грехи ее супругу, вернуть ему спокойствие и умиротворение в его страждущую душу, но Бог пока был глух к ее молитвам, и она все усерднее и усерднее принималась за молитвы и говенья, надеясь когда-нибудь получить его милость.

Варенька устыдилась вдруг собственного порыва тайком пробраться в этот кабинет, пока ее супруг куда-то спешно отбыл. Она надеялась, что эта закрытая для нее до сих пор комната, поможет понять его сущность, его душу, но этого не случилось. Типичный мужской кабинет. И как же тут не прибрано! Варенька едва не упала, споткнувшись о подушку от софы, и тут ее взгляд вдруг заметил белоснежные пятна на темном ковре комнаты.

Движимая любопытством, она подошла ближе и, опустившись на колени, взяла рисунок с ковра. Он, судя по всему, выпал из папки, что лежала подле ножки низкого столика. Варенька взглядела в изображение и с удивлением узнала Дворцовую площадь и развод караула на нем. Она взяла следующий листок из папки и увидела снова повседневную картину из жизни офицера. Затем было несколько рисунков солдат, портрет старого князя,

много набросков девочки, которая вдруг показалась знакомой Вареньке. Она улыбнулась — эта сторона супруга была ей вовсе известна. Оказывается, внутри этого такого хладного мужчины живет творческая натура!

А потом она вдруг вытащила из стопки портрет женщины и почувствовала, как больно сжалось сердце, улыбка в момент сошла с ее губ.

Это была она. Графиня Воронина. И на последующем рисунке. И еще на одном, и еще. Варенька даже не могла примерно сказать, какое число набросков было посвящено этой хрупкой красивой женщине. Причем, манера их написания, эти образы не оставляли ни малейшего сомнения, каков характер отношений связывал эту женщину и художника, руке которого принадлежали эти рисунки. А этот, что упал со стола, видно, так как лежал несколько в отдалении. Графиня на нем выглядела совершенно непристойно... непристойно маняще. Непристойно счастлива. Непристойно любима...

Варенька отбросила от себя папку с рисунками, словно она жгла ей руки. При этом все рисунки из нее выпали, рассыпавшись веером по ковру. Варенька подавила всхлип, что рвал сейчас ее горло, и вдруг заметила один из рисунков, что разительно отличался от остальных. Она подняла его трясущимися руками, чувствуя, как у нее замирает все внутри. На рисунке были изображена семейная чета и их дочь. И Варенька ясно увидела, что это их ребенок, этих изображенных на рисунке мужчины и женщины, ведь сходство было таким явным.

А потом она вдруг поняла, отчего эта девочка на наброске кажется ей такой знакомой. Варенька вспомнила Летний сад и девочку, что давеча случайно налетела на нее, догоняя бабочку.

— Pardonnez-moi, s'il vous plaît, madam [\[525\]](#), — проговорила та и быстро юркнула к матери, спряталась за ее юбки, краснея за свой конфуз.

— Добрый день, Варвара Васильевна, — улыбнулась та Вареньке. — Простите, прошу вас, мою дочь за эту несуразицу.

Женщины мило улыбнулись друг другу, раскланялись, и каждая продолжила свою прогулку тогда. И не будь этого небольшого происшествия, Варенька никогда бы не узнала, не поняла. Открытие, что ныне вдруг предстало так явно перед ее глазами... открытие, переворачивающее ее жизнь с ног на голову...

Эта девочка, дочь графини Ворониной... О Боже! Эта девочка — дочь Сергея!

Марина снова подошла к окну, чтобы отодвинуть занавесь и в который раз взглянуть парадный подъезд к дому.

Никого, кроме дворника, что сейчас зажигал дверные фонари, аккуратно поправляя фитиль толстой свечи. Впрочем, она и не надеялась кого-либо увидеть там, ведь стук подков или звук каретных колес она бы непременно услышала сквозь распахнутые настежь окна. Откуда-то сверху, со второго этажа донесся глухой звук, будто что-то тяжелое уронили на пол, а затем послышался визг, такой громкий, что Марина ясно различила его сквозь стены.

Катиш, вздохнула тяжело Марина и отошла от окна. Истерика той, что началась пару часов назад никак не шла на убыль, и она подумала, не вызвать ли доктора, чтобы тот помог ее золовке укротить свои эмоции, плещущие ныне через край. А потом она вспомнила причину этой истерики и нервно сжала руки. О Господи, почему ты снова привнес горечь в жизнь Марины?! И это теперь, когда она наконец смогла стать счастливой, ну или, если говорить правду, смогла усмирить свои страсти и внести покой и лад в свою жизнь.

И Марина не кривила душой, когда думала об этом. После того, как Анатоль забрал ее сразу же после воскресенья Светлой седмицы, жизнь супругов вошла в ту колею, какой и следовала до внезапного возвращения князя Загорского: тиха, спокойна, полная гармонии, что бывает у людей, понимающих друг друга с полуслова, успевших притереться друг к другу за прожитые годы.

Они в тот же вечер заехали к тетушкам Гоголевым, что несказанно обрадовались их визиту. Те не навещали Марину в монастыре, как бы ни хотели, ведь та категорически отрезала свои связи с внешним миром, стремясь найти то, что так отчаянно искала все это время.

Тут же накрыли ужин, принесли из погребов наливки и вина. Каждая из тетушек села подле племянника, ведь они не видели его несколько лет, с тех пор, как в 1835 году тот вернулся из своего заграничного путешествия. Тогда Анатоль спешно заехал поприветствовать пожилых родственников и отбыл на службу в Петербург, ведь именно тогда началась его карьера флигель-адъютанта. Только Катиш, казалось, не разделяла всеобщего веселья, что охватило собравшихся за столом — они шутили, смеялись во весь голос, когда тетушки рассказывали о детских шалостях своего неугомонного племянника, смело обсуждали последние губернские новости.

Настроение Катиш не поднялось и тогда, когда Воронины заехали в Завидово, где решили провести пару недель, что сумел выкроить Анатоль из своего напряженного служебного времени. Марина решила, что недовольство золовки вызвано отсрочкой переезда в столицу, где увеселений было гораздо больше, чем здесь, в деревне.

Зато Марина чувствовала себя тут, в Завидово, обновленной, полной сил и какого-то странного оживления, что не давало ей усидеть долго на месте. Они вместе с Анатолем выезжали в поля, где наблюдали первые всходы урожая этого года. Кроме этого, их весьма заинтересовало, как вошла та новая культура для полей имения — несколько десятин пахотных земель по настоянию Марины и снисхождению Анатоля к ее просьбе все же засеяли картофелем. Теперь маленькие, едва различимые в темной земле всходы вызвали в Марине такой восторг, что та не смогла удержаться и захлопала в ладоши.

— О, мой ангел, надеюсь, мы также будем радоваться и по осени, когда придет пора

собирать урожай, — заметил ей скептически Анатолий, оглядев маленькие ростки. — Не уверен, что он сумеет оправдать наши надежды. Даже пшеница в прошлом году уродилась дурно, куда тут этой заграничной новинке?

Какими же Марине показались счастливыми эти дни, проведенные в Завидово! Больше не было ссор или непониманий меж ней и Анатолем, никаких слез и споров. Только благоденствие и лад наполняли их дом. Даже хмурое настроение Катиш не могло испортить атмосферу тишины и семейного покоя, что установилось в Завидово.

Анатолий старался проводить с Мариной почти каждую свободную минуту, да и Леночка не отставала от них. Так и провели они эти недели втроем, неразлучно почти, расставаясь только на ночной сон (разумеется, супруги и ночи проводили совместно): либо в салоне, где каждый был занят своим делом, либо на прогулке в парке или в ближайшем лесу, куда Марина уговорила выехать за ранними весенними цветами. Леночка еще тогда углядела зайца на лесной опушке и долго отказывалась уезжать, пока ей не пообещал Анатолий, что ей «обязательно принесут зайчика второго или третьего дня».

Совместно с супругом Марина нанесла визиты многочисленным соседям по округе. Многих Анатолий помнил смутно, либо не помнил вовсе, и пришлось снова возобновлять знакомства. В имении их ближайших соседей, где супругов радостно встретили Авдотья Михайловна с мужем, вдруг открылись чудесные новости.

— Наша Дарьюшка-то под венец пойдет после Петрова поста, — вещала хозяйка, столь быстро кивая в подтверждение своим словам головой, что кружева на ее чепце слегка колыхались. Марина скосила глаза в сторону Долли, что ушла от гостей к клавикордам в углу гостиной и что-то тихо наигрывала. Та, бледная, но яркими нервическими пятнами на скулах и шее, как могла, старалась не смотреть в сторону Анатолия, что, закинув ногу на ногу (хозяева были ниже его по статусу, и он мог позволить себе такую вольность), сидел в кресле подле жены и иногда проводил рукой по ее кисти на подлокотнике кресла. Казалось, он даже не замечает волнения Долли, полностью сосредоточившись на ухаживании за супругой в этой чайной трапезе, что была предложена гостям.

— За господина Ключева Петра Михайловича, что из Сосенок, — продолжала Авдотья Михайловна, предлагая Анатолию розетку со смородиновым вареньем. Тот положил немного лакомства на тарелочку жены, а потом на свою.

— Петра Михайловича? — переспросил Анатолий. — Это Михаила Львовича-то сын? И Нижних Сосенок?

— Совершенно верно, — кивнула, улыбаясь, хозяйка. — В отставку вышел прошлой осенью и в родное имение воротился. На Рождественском балу в Нижнем мы знакомство возобновили, а уж на Пасху предложение нашей Дарьюшке сделал. Вот, после Петрова и сыграем свадьбу-то.

— Что ж, примите наши поздравления, — поспешил сказать Анатолий, улыбаясь Авдотье Михайловне. Затем он вдруг встал с места и прошел к клавикордам, где взял в руки ладонь Долли и вежливо коснулся ее губами. — Позвольте пожелать вам счастья, Дарья Матвеевна. Надеюсь, ваш брак с господином Ключевым будет таким же благостным, как наш с Мариной Александровной.

Дарья вырвала свою ладонь из его рук и спешно поднялась из-за клавикордов, отошла к матери. Анатолий же, усмехнувшись, вернулся на свое место подле жены. Более темы о предстоящем замужестве Долли во время визита не поднимали.

— Зачем ты это сделал? — задумчиво обратилась Марина к своему супругу, когда они

возвращались в Завидово. — Ты ведь знаешь, что она влюблена в тебя.

— Знаю, оттого и напомнил ей, что я уже благополучно женат вот уже несколько лет, — отмахнулся от нее Анатоль, обозревая окрестные поля с еле заметными всходами. Казалось, они интересовали его в этот момент более темы разговора.

— Но это все равно жестоко по отношению к ней, дорогой, — мягко урезонила его Марина. — Долли — прекрасная девушка и могла бы составить твоё счастье.

— Да, но оно возможно только с тобой, мой ангел, — парировал ей Анатоль, целуя ее руки. — Только с тобой и никак иначе.

Спустя несколько дней Воронины всем семейством вернулись в Петербург, где их жизнь снова вернулась в прежнее русло: Анатоль пропадал по делам службы, Марина целиком погрузилась в домашние заботы. Правда, здесь, в городе их было гораздо меньше, чем в Завидово, и вскоре она заскучала. Выезжать и посещать театр ей было нельзя по причине траура по умершему в конце прошлого года ребенку, совершать визиты ей не особо хотелось — в городе у нее так и не появилось близких знакомых за это время, а Жюли по-прежнему жила в деревне.

Марина стала вывозить каждое утро Леночку в парк, чтобы хотя бы на эти часы почувствовать себя в деревне. Она не хотела возвращаться в город, но Анатоль сумел настоять на своем, обещая, что непременно увезет их обратно в деревню в конце мая или вообще выправит бумаги и увезет за границу. Потому только эта зелень, едва раскрывшаяся на ветвях парковых деревьев, поднимала ей настроение. Она предлагала Катиш присоединиться к ней на прогулках, но та выехала только несколько раз, а после отказалась, утверждая, что неугомонная Элен не способствует тихому променаду, к которому Катиш привыкла.

Подозрительная, влекомая своим странным внутренним беспокойством, Марина приказала домашним слугам незаметно следить за Катиш, и те исправно делали ей доклады, что барышня редко выезжает без сопровождения, исключительно в церковь вместе со своей горничной. Да и то теперь она совершила подобные поездки только пару раз по возвращении в столицу и более не покидала дома, предпочитая проводить время в саду или в гостиной.

Марина хотела, чтобы Катиш посещала театр в сопровождении графини Строгановой и ее сына, но Катиш вдруг заявила, что намерена соблюдать срок траура до конца и желает его носить столь долго, как это будет делать Марина.

— К чему вам это? — щурила глаза Марина. Поведение золовки настораживало ее, беспокоило. Она прекрасно помнила и о переписке, что так бурно велась с Покрова, и о стремлении Катиш во что бы ни стало заполучить фон Шеля в супруги.

— Разве это не благочестиво? Ведь покойный младенец был мне родней, — грустно вздыхала Катиш, и Анатоль спешил погладить ее по руке в знак ободрения. Марина же видела эту фальшивую игру насквозь и не могла не задаваться вопросом, что происходит ныне за спиной у ее супруга. Она попыталась было разузнать, в городе ли барон и не отлучался ли куда. Фон Шель был в городе и исправно нес службу и выезжал в свет, и подобное охлаждение между золовкой и кавалергардом только порадовало Марину. Видно, у них произошла какая-то размолвка, невольно радовалась она, а значит, грозная туча, что недавно висела над их домом, миновала.

Нельзя было сказать, что Марина, наладив свой тихий семейный лад, никогда более не вспоминала князя Загорского, не воскресала в памяти благостные для нее моменты. Но это произошло всего в паре случаев, остальные порывы сердца вернуться в прошлое разум гасил

на корню.

Первый раз это произошло еще в Завидово, когда Игнат передал хозяйке шкатулку, что нашел в вещах покойной Агнешки, и ключ, который сняли с ее шеи перед тем, как положить покойницу в гроб.

— Сама так велела, — коротко сказал дворецкий, отдавая Марине тайное сокровище нянечки, что та бережно укрывала от посторонних глаз.

На следующий день только Марина сумела открыть эту заветную шкатулку с памятными для нее вещами, когда Анатолий выехал проверить поля и должен был вернуться только к обеду.

Ее маленькие сокровища. Пачка писем, уже пожелтевшая немного за давностью лет, перевязанная тонкой лентой, засушенные маленькие цветы, некогда бывшие белыми, серебряное венчальное колечко и пара зарисовок — картины Кавказа и портрет.

Сергей на склоне гор Кавказа. Еще нет маленьких морщинок около глаз, нет горьких складок у рта и нет этого страшного шрама. Еще полон надежд на счастливое и безмятежное будущее с той, кого несколько месяцев назад повел к алтарю. Открыто смотрит вдаль, не зная, как жестоко обойдется с ним судьба.

А эти письма... Марина зачем-то прочла все до единого, хоть каждое из них и отдавалось тупой болью в сердце. «Моя любовь, моя душа, мое сердце...», — словно долетало до нее из той жизни, когда молодой офицер кружил на цветущем лугу заливисто смеющуюся девушку в легком батистовом платье. Они думали, что у них впереди вся жизнь, а им было отмеряно судьбой только эти несколько дней.

Сперва Марина хотела сжечь все это — письма, сухие цветы, рисунки, но потом поняла, что не имеет права уничтожать следы былой любви. Она сказала когда-то Агнешке, что придет день, и если она решит открыть своей дочери правду, то эти сокровища из этой большой шкатулки с незатейливой резьбой несомненно ей пригодятся в этот момент. И она убрала эту шкатулку глубоко в гардеробную, за многочисленные шляпные коробки, чтобы у нее не возникло соблазна снова открыть ее крышку и погрузиться в прошлое.

Второй раз Маринино сердце забилося чаще, а во рту стало так горько, что захотелось плакать, когда она, выходя из Гостиного двора, заметила открытую коляску, в которой сидела пара: офицер, глубоко погруженный в свои мысли, и статная женщина в легком платье и шляпке с пышными страусиными перьями, выкрашенными в нежно-голубой цвет. Варенька мило и несмело улыбалась встречным знакомым, Сергей же, казалось, не замечает никого вокруг, напустив на себя холодно-презрительный вид, что был его неизменным спутником в последнее время.

Да, он никак не мог заметить Марину, но она вдруг отшатнулась назад, под своды Гостиного двора, лишь бы не быть узнанной этой парочкой в проезжающей мимо коляске. Она наступила при этом на подол своей горничной, что шла чуть позади нее, и если бы ее не поддержала рука лакея, что нес покупки, Марина непременно упала бы тут, на глазах у посетителей торговых рядов. Может быть, то, что едва не оконфузилась при многочисленных знакомых, заставляло ее сердце сейчас так колотиться в груди, а ладони дрожать мелкой дрожью. Но почему вдруг так резко захотелось плакать?

Я ведь забыла, шептали губы Марины, пока она возвращалась домой из Гостиного двора, я забыла, и более мне нет никакого дела до князя Загорского и его супруги. Но почему тогда она отказалась нанести вместе с Анатолием визит молодоженам по возвращении из Завидова? И почему ее так страшит срок окончания траура, когда ей волей-неволей придется

возвращаться в светское общество?

Но Марина предпочла не думать об этом, полностью сосредоточившись на своем маленьком мирке, ограниченном ее семейным кругом. Когда время минет, то и будет думать о тех сложностях, что ей предстоят.

Нынче же она будет наслаждаться громким смехом дочери и мужа, когда они играют в лошадки или в лапту в саду особняка, теми вечерами, что они проводили вместе с Анатолом и Катиш в салоне за игрой в вист. Катиш научила ее мухлевать (и откуда только у девицы из пансиона такие способности?), и они на пару обыгрывали Анатоля, заставляя выполнять свои желания, ведь именно они стояли на кону. Когда же их жульничество открылось, Анатолю сумел наказать их достойно: поймал своих женщин и зашкотал до тех пор, пока они не взмолились о пощаде. Молила только Марина — Катиш сумела вовремя убежать из салона, а потому наказание получила в двойном размере только жена Анатоля.

Тихие семейные дни, где они теперь, вздохнула Марина, снова взглянув на циферблат часов, что стояли на каминной полке. Совсем недавно пробило десять, скоро на город опустится ночь. Вот так и в ее жизни, вдруг подумалось ей, после ясного волшебного дня вдруг опустилась непроглядная темнота, и кажется, что утро не вернется более.

Все началось неожиданно, в это прекрасное солнечное майское утро, когда вся семья по обычаю собралась за столом на завтрак, кроме Элен — та ела вместе с бонной в детской. Таков был негласный порядок — в деревне девочка могла сидеть за столом наравне с взрослыми, но в городе Анатолю этого допустить никак не мог.

Трапеза уже подходила к концу, как вдруг в столовую вошел дворецкий и сообщил, что барина желает видеть офицер, и он не знает, что делать, ведь этот офицер... он...

Анатолю сначала не понял, почему так мнется дворецкий, а когда понял, побледнел, как полотно, и устремил взгляд на сестру, что принялась усердно пить чай маленькими глотками, не отводя взгляда от чашки. Марина насторожилась, заметив накалившуюся обстановку за столом, и поспешила спросить у растерянного дворецкого:

— А господин офицер не сказал, по какому вопросу он желает поговорить с барином?

— Сказал, по сугубо личному. Что барину лучше принять его, — ответил дворецкий, почти трясясь от волнения. Он видел, как яростно Анатолю сжимает и разжимает столовый нож в ладони, как дергается веко его правого глаза.

— Вон! Вон и еще раз вон! — отрывисто бросил он, и дворецкий поспешил убратся вон из столовой, где ясно чувствовалась надвигающаяся ссора.

— Ты не можешь выгнать его, Анатолю! — вдруг вскинулась Катиш, отставив чашку в сторону. — Ты должен выслушать его.

— Неужели? — поднял одну бровь Анатолю и вдруг потянулся за булкой, хотя уже закончил завтрак, принялся намазывать на нее джем. — Я должен?

— Он прибыл сюда по личному вопросу, и я настаиваю на том, чтобы ты его выслушал, — не унималась Катиш. Марина же сидела молча, наблюдая за тем, как медленно разрастается ярость в супруге. Неужели Катиш не понимает, что брат доведен до точки, и ей следует оставить его на время в покое, не давить на него? Признаться по правде, Марина видела Анатоля в такой ярости всего один раз — когда он был так предательски спокоен и тих — в их первую брачную ночь. И сейчас ей стало страшно от того, что может произойти сейчас здесь, страшно так, что затряслись руки, но она нашла в себе силы остаться. Ведь уйди она сейчас, в столовую не зайдет никто из слуг, что бы тут ни происходило.

— Быть может, вам следует обсудить этот вопрос позднее? — мягко, стараясь не выдать

голосом свою дрожь, предложила Марина, но Анатоль оборвал ее, откусывая большой кусок булки.

— Нет уж, мы выясним это здесь и сейчас, — проговорил он с набитым ртом, и Марина поняла, что дело совсем плохо, раз уж он пренебрег манерами и собственным воспитанием. — Раз и навсегда мы решим. Никогда! Никогда! Не смей даже говорить об этом со мной более! — проревел он, когда прожевал кусок булки. — Ты никогда не станешь его женой! Никогда!

— Я уже стала ею, — вдруг запальчиво выкрикнула Катиш, и Марина помертвела от ужаса.

О Боже! Боже! Боже! Сделай так, чтобы ничего этого не было! Чтобы Катиш не произносила этих слов, а Анатоль не слышал их.

Но Господь был глух к ее мольбам. И эти слова были все же произнесены, судя по тому, как яростно прищурил глаза Анатоль, как побледнела Катиш, заметив в них неприкрытый ничем бешеный гнев.

— Поистине это становится дурным тоном в нашей семье, — медленно проговорил Анатоль таким тоном, что у женщин кровь застыла в жилах. — Будто зараза распространяется в воздухе. Не иначе. Это болезнь такая? Сначала вы, мадам, затем ваша сестра. Теперь вот Катерина Михайловна утверждает, что венчалась с этим... этим... даже слово допустимое при моих глубокоуважаемых дамах не могу подобрать! Где и когда, моя милая, ты пошла под венец?

Слова были сказаны предательски вкрадчивым и спокойным тоном, но они хлестали, будто кнут сидевших за столом. Катиш несмело подняла глаза на брата, едва сдерживая рыдание, что так и норовило сорваться с губ.

— Я пока не венчана с ним.

— Тогда что означают ваши слова, сударыня? — Марина вздрогнула от той жуткой улыбки, в которую раздвинулись губы Анатоля, а Катиш вдруг разрыдалась, закрывая лицо руками, испугавшись реакции брата, впервые осознав, что натворила. Они ничего не произнесла в ответ, и Анатоль, безуспешно пытаясь дождаться его отвел взгляд от сестры. А потом вдруг резко, перепугав до смерти Марину, со всего размаху всадил нож, что держал в руке в столешницу. Разумеется, он не смог вонзить его глубоко — нож был столовый, с закругленным концом лезвия, но по тому, как порвалась скатерть и по выбоине в дереве, видневшейся в прореху, Марина поняла, что удар была довольно силен.

Затем он отбросил приборы в сторону и, быстро, с шумом отодвинув стул, вышел из-за стола и шагнул к Катиш. Он подошел к ней и положил свои ладони на ее голову, видимо, легко сжал ее, так как Катиш отняла руки от лица, и Марина увидела в ее глазах ужас, ничем не прикрытый страх перед братом.

— Что означают ваши слова, сударыня? — снова вкрадчиво повторил Анатоль, усиливая зажим. Катиш стало больно, она прямо выгнулась на стуле вслед рукам брата, сжимающим ее голову, но не произнесла ни слова. Анатоль сдавил во второй раз и снова задал свой вопрос, и Марина вскочила из-за стола, подбежала к ним.

— Умоляю тебя, дорогой, — она попыталась отнять его ладони от головы Катиш, но безрезультатно. — Умоляю!

— Отойди! — глухо сказал Анатоль жене, не отрывая взгляда от какой-то точки на противоположной стене столовой, куда по-прежнему был направлен его обманчиво хладнокровный взгляд. — Уйди лучше прочь, ибо я не ручаюсь!

— Нет, отпусти ее! — дерзко покачала головой Марина и схватилась снова за его локоть, пытаясь отнять его руку от головы сестры. Тем временем, Анатолий в очередной раз сдавил, и Катюша завизжала во весь голос, а потом заверещала тонко, наполняя душу Марины таким ужасом при своих словах, коего она испытывала уже давно:

— Я ездила к нему на квартиру! На квартиру! Я была с ним!

Анатолий тут же отпустил ее и резко сорвался с места, при этом едва не сбив Марину с ног, стоявшую у него на пути к дверям столовой и по-прежнему удерживающую его локоть. Она еле выправилась, ухватившись за стул, и сейчас стояла, устремив взгляд в окно сквозь легкие занавеси. Будто окаменела, стояла. Хотя это и было правдой — слова Катюши заставили ее помертветь, ведь они несли в себе потерю того, что таким трудом было построено Мариной за последние месяцы — ее благоденствия, ее спокойствия, ее маленького уютного мирка.

Катюша же громко рыдала, упав головой на свои скрещенные руки на столе. С надрывом, протяжно, что так резало слух Марине сейчас.

— Что нынче будет? — вдруг повернула она свое покрасневшее от слез лицо к Марине. — Что будет?

— Будет смерть, — глухо отрезала та. Она не желала жалеть эту глупую девушку, принесшую в дом такую страшную беду. Хотела сделать ей больно, заставить понять, к каким последствиям привело ее неудержимое стремление к запретному. — Смерть. Умрет ваш брат или фон Шель. Кто-то из них, потому что такое не прощают, Катюша. Вы этого хотели? Этого?

Катюша вдруг в едином порыве спустилась со стула к ногам невестки, обхватила колени той сквозь юбки руками. Это было так неожиданно для золовки, что Марина даже не успела отстраниться.

— Умоляю вас, пойдите к брату! Умолите его не вызывать Николая! Умоляю вас! Я ведь просто хотела, чтобы Анатолий смирился с моим выбором, как смирились Мещерские!

Марина отшатнулась от нее, услышав это. Значит, Катюша все слышала тогда, когда Марина слушала последние светские сплетни из уст графини Строгановой. Слышала и придумала этот шаг, эту западню для своего брата, которая могла позволить ей пойти под венец с тем, кого сама выбрала. В которую сама же и угодила ныне.

— Вы сошли с ума, Катюша, — ответила ей Марина, пытаясь оторвать от себя руки золовки, но та вцепилась в ее юбки. — Негоже приписывать разным натурам и нравам одинаковые поступки и решения. Ваш брат никогда не уступит. Тем паче, теперь, когда вы попытались принудить его. Он скорее умрет, чем пойдет на это.

— Нет! Нет! — Катюша схватила руку Марины и поднесла ее к губам. — Умоляю вас! Умоляю!

Где-то в доме раздались крики, что-то глухо упало, и Марину вдруг повлекло туда, будто только она могла уберечь своего супруга ныне. Она хотела двинуться с места, но не смогла потому, как Катюша вцепилась в ее юбки смертельной хваткой. Не сумев оторвать ее ладони от ткани, не сумев вразумить ее тихими увещеваниями (хотя Марина и не очень старалась, всей душой стремясь прочь из этой столовой), Марина размахнулась и залепила рыдающей золовке оплеуху. Такую сильную, что заболела ладонь. С тайным наслаждением в душе, в котором она не признается никому, только себе.

Катюша заверещала и отпустила невестку, прижав руки к щеке, ярко-красной от удара, а Марина, свободная в своих движениях, чуть ли не побежала прочь из комнаты, путаясь в

юбках. В дверях она столкнулась с дворецким, что видно, спешил к ней.

— Барыня, ой, барыня! — запричитал он тихо. — Барин все крушит в своем кабинете. Не смог найти пистолы, вот и мечется, как безумный, простите, барыня. А давеча вон по улице бегал, искал кого-то... Ваше сиятельство, это что же то творится в нашем доме? И за что нам такие напасти-то?

Они быстро поднялись по лестнице к половине Анатоля, у дверей которых уже столпилось немало слуг, наблюдавших за тем, как барин крушит свой кабинет. Изнутри комнаты до Марины донесся какой-то глухой удар и после тихий шелест — это Анатолий перевернул полку с книгами.

— А ну, разойтись! — громко и твердо приказала Марина, оставив подле только дворецкого и несколько лакеев. А затем смело вошла в кабинет, где Анатолий стоял спиной к ней, устремив взгляд в окно, сжимая и разжимая кулаки в безуспешной попытке успокоиться.

— Мой дорогой..., — несмело начала Марина, но муж только качнул головой.

— Уйди! — прохрипел он, не поворачиваясь, но она не послушалась его, а пересекла комнату и положила ладонь на его легко подрагивающее от напряжения плечо. Он не скинул ее руку, даже не пошевелился. — Я должен убить его. Собака, убежал раньше, чем я вышел из столовой... Не смог найти его. Но он никуда от меня не денется! Я задушу его, как пса собственными руками, ибо он не заслуживает дуэли честных правил! Поступил как собака и как пес — сдохнет!

— Что ты задумал, Анатолий? Ты пугаешь меня, — прошептала Марина. Затем она прижалась аккуратно лбом к его спине, сомкнула руки у него на груди, обхватив в объятии. — Он же офицер! Это немыслимо!

— Ты права, дуэль и только, — глухо ответил муж, положив свою большую ладонь на руки жены на своей груди. — Я же человек чести, в отличие от него. О Господи, как он мог! Как она могла! Где были наши с тобой глаза?

— Я прошу тебя, одумайся, — умоляла тихо Марина. — Мы можем все скрыть, сохранить в тайне. Неужто ничего не придумаем? Анатолий, ты же в стольких интригах побывал, неужели не придумаешь ничего?

— Я уже придумал. Я решил, и ничего не изменить.

Марина поняла, что Анатолий твердо намерен стреляться с кавалергардом. Мысли ее заметались в голове, но столь желанное бескровное решение этой трудности, что создала Катиш, никак не приходило в ее голову.

Тем временем, Анатолий отстранился от жены, кликнул комердина, чтобы переменить платье. Заметив, что он облачается в мундир, хотя ныне был свободный от службы день, Марина встревожилась.

— Куда ты? Куда ты едешь? — она метнулась к нему, ухватила за ткань мундира, пытаясь удержать его, но Анатолий легко оторвал ее руки от себя, а потом отбросил слегка в сторону со своего пути. Но она снова бросилась ему наперерез, что вызвало в нем только раздражение.

— Неужели ты не понимаешь! Неужели не понимаешь! — вдруг разрыдалась она, пытаясь схватить его за рукава, за грудки, только бы удержать подле себя. Ведь только если он останется нынче рядом, она будет покойна на счет поспешных и столь горячих его порывов.

— Это ты не понимаешь, — вдруг с горечью произнес Анатолий и толкнул с силой так,

что она упала на ковер. — От судьбы не убежать... не убежать!

Он ушел, и Марина осталась одна. Она слышала, как он выехал со двора и погнал куда-то своего коня прочь от дома по брусчатке мостовой, и в тот же миг будто ее тело покинули силы. Она так и лежала там, среди всего беспорядка, устроенного супругом, ни о чем не думая.

Потом вдруг поднялась, позвонила дворецкому, полная решимости отвернуть от своего дома эту нежданную страшную беду. Она послала человека следить за своим супругом, и ежели тот вдруг решит нынче направиться в сторону казарм Кавалергардского полка или на Мойку, где фон Шель снимал квартиру, немедля сообщить барыне. Тот вернулся, сообщив, что Анатоль уехал в клуб, и Марина перевела дыхание, радуясь этой нежданной передышке, ведь то, что фон Шель может появиться в клубе, было исключено полностью.

Марина также приказала отправить людей на квартиру фон Шеля и в казармы, пусть немедля прибудет сюда, на Фонтанку, ибо барыня желает с ним поговорить. Хотя нет, лучше встретиться где-нибудь на нейтральной территории, например, в Летнем парке. Не приведи Господь, узнает Анатоль, что фон Шель приезжал снова в его дом! Она хотела выяснить, насколько ощутим тот урон, что был нанесен репутации Катиш, и ведает ли об этом кто-либо еще, кроме самого фон Шеля. Ведь только от этого зависело, как можно поправить то, что сотворено. От Катиш она не смогла добиться ни слова — та тут же начинала заливаться слезами.

Затем она написала к Арсеньеву в Киреевку, умоляя приехать в Петербург. Марина не стала писать подробности дела, просто упомянула о том, что все весьма серьезно, и может случиться непоправимое. Сначала она хотела написать и к Сергею, но затем испугалась, что в своем гневе Анатоль не поймет этого ее поступка. Более писать она никому не могла — горесть, что вошла в их дом, была чересчур интимная, чтобы посвящать в нее кого-либо.

Но к Загорскому она все же написала. Вечером, доведенная до полного отчаянья долгим отсутствием мужа и мучительной неизвестностью, находясь почти на грани истерики.

Весь день Марина напряженно ждала возвращения мужа или возвращения слуг, посланных с поручениями по городу. Человек, посланный на розыски фон Шеля, того не нашел. Сказал, что никто не ведает, куда вдруг так неожиданно пропал кавалергард, и Марина нервно рассмеялась. Трусость фон Шеля была здесь ей только на пользу — не смогла найти она, не сможет найти и Анатоль.

Около пяти часов вечера вернулся и дворовый, что следил за барином. На его щеке красовался след от хлыста, и Марина поняла, что слежка была раскрыта. Да, подтвердил человек, барин заметил его, когда выезжал из клуба. Шибко ругался и на него, и на барыню, а затем сел на коня и уехал. Куда, лакей не знал потому, как Анатоль вдруг развернулся и ударил его, когда заметил, что слуга следует за ним. Пригрозил, что выпорот до смерти, если тот продолжит свое занятие.

Марина разослала слуг по всем ресторациям, по клубам, где только мог появиться ее супруг, но ответ был всегда одинаков — не приезжал, не был. Уж пробило время ужина, но в доме его так и не сервировали: Марине сейчас и крошка в горло бы не полезла, а Катиш снова закатила истерику, узнав, что Анатоль не возвращался с самого утра, и никто не ведает о его местоположении.

Вдруг за окном раздался стук копыт по брусчатке, и Марина метнулась к окну, отодвинула занавесь, чтобы взглянуть на прибывшего. Это был он, тот человек, который смог помочь ей сейчас. Только он и никто иной.

Сергей переступил порог салона, и она едва смогла удержать слезы, что так и норовили вдруг пролиться, как она только увидела его широкоплечую фигуру в дверном проеме.

— Благодарю, — метнулась она навстречу и легко пожала его руку. — Благодарю, что откликнулся на мою просьбу.

Марина вдруг заметила, насколько темно в комнате из-за сгустившихся сумерек, и подала знак лакею за спиной Загорского зажечь света в салоне. Сама же прошла к софе, по-прежнему не выпуская его руки из своей ладони, увлекла присесть, заглянула с надеждой в его серые глаза, наполненные нынче беспокойством за нее.

— Я умоляю тебя помочь мне, — начала она, когда лакей покинул комнату, и поведала ему все от начала и до конца, зная, что этому человеку, сидящему подле нее на софе и с тревогой вглядывающемуся в ее заплаканное лицо, она может открыть все начистоту.

— Она в тягости? — коротко спросил Сергей, когда Марина замолкла. Она покачала головой, ничуть не смущаясь подобного вопроса из его уст.

— Я не знаю. Девки говорят, что нет, судя... судя по белью. Но когда я носила Эл..., когда был в тягости в первый раз, я не сразу обнаружила это и не по этому признаку. Что нам делать? Как поступить? — Марина снова вдруг залилась слезами, не в силах удержаться. Она хотела, чтобы он утешил ее, обнял, но оба знали, что подобное невозможно ныне. Он только мог гладить ее ладонь, терзаясь той болью, что слышал в ее словах. — Я не переживу очередной потери. Только не сейчас! Я не смогу!

— Я сделаю все, чтобы этого не случилось! — твердо сказал Сергей, и она несмело улыбнулась ему сквозь слезы, а затем вдруг подняла ладонь и коснулась его щеки. Он не в силах противиться своему желанию, что тут же вспыхнуло в нем, повернул голову и нежно коснулся губами ее руки. Они смотрели друг другу в глаза, пораженные тем, что видят в них.

Ничего не изменилось. Ничего. Они были связаны узами с другими людьми, но их сердца по-прежнему стремились друг к другу, как и прежде. И этого не изменить. Никак не выходит.

Где-то на втором этаже дома что-то глухо стукнуло, и этот звук вернул их обоих на грешную землю, вырвав из того дурмана, что закружил вдруг головы, заставил бешено забиться сердца. Маринина рука упала ей на колени, и Сергей не стал удерживать ее. Разве он мог? Тем паче, сейчас, когда вновь ее глаза наполнились тревогой и горем...

— Есть ли шанс? — спросила она глухо, с едва скрываемой надеждой. — Есть ли шанс уберечь его от этого шага?

— Есть, — кивнул Сергей. Он знал, что сейчас сделает все, чтобы она не страдала более так, как мучилась сейчас, как мучилась до того. Он хотел, чтобы ее глаза горели только тем огнем ничем не прикрытого счастья как тогда, в Летнем парке, на прогулке с их дочерью. — Я должен ехать. Нужно найти Анатоля прежде, чем он отыщет фон Шея.

Марина не стала его удерживать, только взглянула снизу вверх на него, когда он, поднявшись со своего места подле нее, ждал, когда она с ним попрощается. О, эти дивные зеленые глаза! Ради таких мужчины готовы свернуть горы, усмехнулся невольно он.

— Не провожай меня, — вдруг сказал Сергей. Потом протянул руку и легко, одним мимолетным касанием стер слезинку с ее щеки, которая тут же обожгла ему палец. Она не была настолько горячей, нет. Она просто была Ее слезой, и потому ему стало больно от нее.

Анатоля он нашел в том самом трактире, где они еще несколько лет назад так любили проводить вечера. Куда там рестораны monsieur Talon до этого места? Только здесь щедро разливалась водка, чистейшая, как слеза, легко уводящая с собой в хмельные грезы. Только

здесь громко билась посуда и звенели стекла бокалов и оконные от быстрых песен цыган да топота каблуков. Только здесь было можно выпустить пар, задев кого-то из приказчиков или купцов, что тоже любили захаживать в этот трактир, а после подраться на кулаках, по-мужичьи, выпуская дурь из шальной головы.

Вот и сейчас Анатоль пошел именно туда, желая захмелеть и нарваться на какого-нибудь торгаша, чтобы с удовольствием выпустить на него всю злобу, что разрывала душу. В клубе его хмель никак не брал, а постоянно подходившие к его столику знакомые только раздражали. И тогда он вспомнил об это трактире, где когда-то бился в кровь со здоровым бугаем-купцом с пудовыми кулаками, и не подоспей на выручку тогда друзья Анатоля, неизвестно чем закончилась бы эта потасовка.

Он ничуть не удивился, когда место напротив него вдруг оказалось занятым Сергеем, что сейчас расстегивал ворот мундира и разливал им по стопкам водку из стеклянного графина.

— Она тебе сказала, — утвердительно произнес Анатоль, перекрикивая цыганку, что в своей веселой быстрой песне взяла верхние ноты. — Она всегда стремилась к тебе за помощью.

— А еще она писала к Павлу, ведь мы твои друзья, — парировал Сергей. — Тут нет ничего предосудительного. Давай поговорим о том, что случилось и как нам теперь быть.

— Не хочу. Лучше расскажи мне, как твоя жизнь. Как твоя очаровательная женушка? — осклабился Анатоль, чокаясь с ним стопкой, а после опрокидывая в себя ее содержимое. Сергей молча выпил водку вслед за ним, а потом вдруг сжал его руку с такой силой, что у него побелели костяшки.

— Моя жена не предмет разговора за штофом водки. Равно как и твоя! — он дождался короткого кивка согласия со своими словами от Анатоля, а потом отпустил его руку, повернулся к закончившей свою песню цыганке и присоединился к многочисленным хлопкам в трактирном зале. Затем, когда она начала новый романс, повернулся к своему приятелю и снова разлил водку по стопкам.

— Ну, давай продолжим? — они выпили, и Сергей продолжил. — Что ты намерен делать?

— Я намерен убить. Assassiner. Erschießen. Uccidere [\[526\]](#), — Анатоль каждый раз стучал по столу в такт своим словам. — Я хочу крови, ибо только она способна погасить ту злость в моей душе, что пожирает меня изнутри нынче! Разве можно спустить такое оскорбление своей фамилии, своему роду?

Они замолчали, каждый погруженный в свои мысли. Цыганка тем временем продолжала романс, мелодично повествуя слушателям о своей несчастной любви, о той боли, что раздирает ей грудь, о том, что ее красота была отдана другому, чужому, но сердцем она по-прежнему стремится обратно в былые дни счастья. Эти слова рвали каждому за этим столом душу, отдаваясь тупой болью и странной тоской.

— Ты не можешь так рисковать своей жизнью, — вдруг сказал Сергей, не поворачивая к Анатолю головы. — Подумай о своей жене, о ребенке, о сестре, наконец.

— Я хочу убить его, — упрямо мотнул головой Анатоль, едва при том не завалившись на стол, так он был уже пьян. — Только его смерть может решить это дело. Только она. Так что, когда я найду его, то ему не миновать моего вызова.

— Фон Шель неплохо стреляет, — проговорил задумчиво Сергей. — Твои результаты против его... Я бы на тебя не поставил, извини. Но ты ведь хочешь его смерти, а вот важно

ли для тебя, от чьей руки она произойдет?

— Я тебя не понимаю, — ответил Анатоль, нахмуясь. — Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что стреляю гораздо лучше тебя, а при вызове фон Шель непременно выберет пистолеты. Потому я кину ему вызов, и именно от моей руки падет фон Шель. Как тебе такой вариант развития событий?

Анатоль вдруг в момент слегка протрезвел от тона, которым были сказаны эти слова — хладнокровным, рассудительным. Он прищурил глаза и внимательно посмотрел на Загорского, что казался сейчас полностью поглощенным пением певицы. Он вдруг осознал, что тот говорит факты — фон Шель кадровый офицер, у которого каждый год маневры и стрельбы, а он, Анатоль, полностью погружен в дела канцелярии. Тренировки были полностью заброшены им в последнее время, оружие он держал в руках еще до Рождества, в тот бой с Сергеем в фехтовальной студии. Получается, что шансов выйти к барьеру с фон Шелем у него много, а вот уйти оттуда живым — самая малость, почти ничего.

— Зачем тебе это? — тихо проговорил Анатоль, даже не рассчитывая, что Сергей его услышит, но тот повернулся к нему, грустно улыбнулся. — Что, если ты получишь смертельный удар?

— Значит, такова судьба. Поверь, я многое передумал, пока ехал сюда. У тебя есть жена и дочь (не перебивай меня сейчас!), твоя семейная жизнь наладилась в эти месяцы, — он помолчал немного, а потом добавил, так медленно проговаривая слова, словно каждое давалось ему с большим трудом. — Девочка любит тебя и почитает как отца, и я хочу, чтобы ты вырастил ее такой счастливой, каковой она заслуживает быть. А моя жизнь... Моя жизнь — просто существование и только! Я знаю, что не должен был вернуться, что мне было уготовано остаться там, в горах. Так что ж, почему бы не взять на себя этот удар? Я найду фон Шеля и вызову его, а далее, как судьба распорядится... Что скажешь, mon ami?

В ту ночь Марина спала плохо. Когда она поднималась к себе (а было уже около полуночи), Анатолий еще не вернулся, и на сердце у нее было совсем беспокойно. Отыскал ли Сергей ее супруга? Переговорил ли с ним? Убедил ли в том, что дуэль вовсе не спасет нынешнее положение? Она думала и думала, ворочаясь в постели, глядя на полную луну, что светила в ее окно, искала пути разрешения этой ситуации.

Где-то около трех пополудни в половине Анатолия раздались голоса, и Марина тут же вскочила с постели, прошла в его комнаты. Там, в спальне, положив почти бесчувственного хозяина на кровать, Федор стаскивал с его ног сапоги, что-то бормоча себе под нос. Марина метнулась к Анатолию и положила ему на руку на лоб, испуганная его состоянием — болен ли он, ранен ли. Но тут она почувствовала резкий запах перегара, и муж зашевелился под ее ладонью, открывая мутные глаза, пытаясь сфокусироваться на склоненном на нем лице.

— Милая моя, — улыбнулся он и прижал ее ладонь к губам. — Мой ангел, я так тебя люблю!

— Где ты был, Анатолий? Что произошло? — пыталась его жена, а он только улыбнулся ей в ответ безмятежно и снова откинулся на подушки, пиная попутно под зад ступней своего комердина в шутку, смешную сейчас только ему одному.

— Я ужинал в трактире, мой ангел, и слегка перебрал. Не казните меня за это, не надо, дорогая, — его глаза стали снова закрываться, он широко зевнул, и Марина поняла, что он засыпает. Она слегка встряхнула его за ворот рубахи, чтобы он посмотрел на нее.

— Что вы решили? Что решили? Был ли вызов?

— Вызов? — удивленно переспросил ее Анатолий, а потом вспомнил, о чем она ведет речь, и опять улыбнулся ей, глядя ее по щеке. — Успокойтесь, моя дорогая, я стреляться не намерен.

Марина облегченно вздохнула и отпустила его рубаху, позволяя мужу вернуться на подушки, что тот и сделал, прошептав при этом едва слышно: «По крайней мере, нынче убежден в том!». Она не стала более вслушиваться в его пьяную, бессвязную речь и, слегка улыбнувшись Федору, что стягивал с барина второй сапог, вышла из спальни супруга.

За завтраком Марина была одна — Анатолий еще не проснулся, а Катиш сказалась больной и отказалась наотрез покидать свою комнату, заперев дверь изнутри и не допуская к себе даже собственную горничную. Марина послушала немного под дверью, как та ходит по комнате, что-то бормочет неразборчиво, плачет то во весь голос, то тихо. Но требовать, чтобы Катиш открыла дверь, она не стала, предоставив эту прерогативу своему супругу. Ей казалось, что ныне золовке лучше побыть наедине с собственными мыслями, и даже на благо той, что Анатолий так загулял прошлой ночью.

Какое-то странное спокойствие вдруг снизошло на Марину в это время. Она вспомнила слова Анатолия, что он не будет стреляться в фон Шелем и мысленно благодарила Господа, что тот вразумил ее супруга. Но ее благодушие исчезло без следа к вечеру, когда в их дом прибыли Арсеньев и Сергей. Анатолий заперся с ними в кабинете, откуда по истечении некоторого времени стали доноситься возбужденные громкие голоса.

— Démence! C'est de la démence! [\[527\]](#) — горячился Арсеньев. — Нет, я решительно отказываюсь ....

Далее он понизил голос, и до Марины, напряженно прислушивающейся к голосам в

кабинете в своей комнате, не донеслось более ни звука. Она нервно сжимала руки, борясь с огромным желанием подослать к дверям горничную, чтобы разузнать, что происходит там, внутри кабинета, что замышляют господа.

— ... обстоятельства дела..., — донеслось до нее снова. Этот громкий голос уже принадлежал Сергею. — Без этого никак! Ты обязан...

Вскоре приоткрылась дверь кабинета. Посланный лакей, минуя комнаты барыни, шепнул ей, что зовут барышню. Даже не зовут, а требуют, ибо барин пригрозил, что силком приведет ее в случае отказа. Но на Катиш угроза не подействовала — она передала, что испытывает страшнейший приступ мигрени, сожалеет весьма, но из комнаты не выйдет. Это вывело Анатоля из себя. Марина видела через распахнутые створки дверей, как он пронесся мимо ее половины к спальне Катиш и забарабанил в дверь кулаком, так и сыпля угрозами в адрес сестры. Она поспешила подойти к мужу и положить ему руку на плечо.

— Дорогой, успокойтесь, дорогой мой! В доме люди, — а потом тихо добавила. — Я сама переговорю с ней. Женщина скорее откроется женщине, чем разъяренному мужчине.

Анатолий признал ее правоту, слегка пожав ее руку, улыбнулся ей немного нервно. А потом шагнул в кабинет, и Марина последовала за ним, твердо убежденная узнать наконец, что происходит там, за закрытыми дверями. Арсеньев тут же поспешил к ней поприветствовать ее, забросал ее вопросами о ее здравии и о ее дочери, выглядел при этом таким беспечным, словно дело, по которому он прибыл сюда из Киреевки, был сущим пустяком и вовсе не тревожил его. А вот взгляд Сергея, как она не пыталась поймать его, был неуловим для нее — он то и дело отводил его в сторону, едва Марина поднимала глаза на него. Значит, дело все же серьезное. Значит, от нее что-то скрывают. Сердце Марины вновь сжалось в каком-то странном предчувствии.

— Вы ведь зайдете ко мне? — попросила она Анатоля, прежде чем удалиться в свои комнаты. — Мне нужно кое-что обсудить с вами.

— Непременно, мой ангел, — заверил ее муж, легко касаясь губами ее лба. Марина стремилась всеми силами не смотреть в этот миг супружеской ласки на Сергея, зная, что ему невыносимо тяжело присутствовать при этом сейчас.

Она прождала мужа еще пару часов, пока мужчины заканчивали свой произвольный совет, готовила речь и обдумывала, как лучше преподнести Анатолю те пути бескровного разрешения этой ситуации, что пришли к ней прошлой ночью.

Но переговорить им так и не удалось — едва Анатолий переступил порог спальни жены, в комнаты Марины прибежала переполошенная нянька их дочери с дурной вестью — Леночки, набегавшейся нынче на солнцепоке в саду вдруг поднялся жар. Обеспокоенные родители поспешили в детскую, где девочка никак не могла уснуть из-за того, что кровь в ее теле была столь горяча.

Марина едва сдержала слезы, заметив, как безвольно Леночка сидит в своей кровати, прислонившись спиной к стене, как слушает вполуха сказку, что читала бонна. Она нервно сжала руки, пребольно ущипнув себя за кожу тыльной стороны ладони, чтобы не разрыдаться во весь голос, так ей вдруг стало страшно. За что, Господи? За что мне такие напасти?

Но она взяла себя в руки, присела рядом с дочерью и крепко обняла ее. А после сама обтирала ее холодной водой, сбивая жар, аккуратно гладя ее нежную кожу мокрой тряпицей. Приехавший по вызову доктор никаких признаков опасных болезней не нашел и заверил охваченных тревогой родителей, что если завтра жар спадет, то это явное последствие

долгого пребывания на жарком солнце, только и всего. Он одобрил обтирания водой, чтобы сбить жар, пожиравший тело малышки изнутри, прописал обильное питье («Лучше всего клюквенный морс, мадам. У вас ведь осталась засушенная клюква? Или слабый кислый лимонад!») и покинул дом Ворониных.

Марина и Анатолий всю ночь просидели у кроватки своей маленькой дочери. Она обтирала ее тряпицей, а он носил ее на руках, легко покачивая, когда Леночка начинала капризничать из-за своего плохого самочувствия. Марина смотрела на его силуэт у окна, на фоне розовеющего света рассвета, и ощущала внутри себя какое-то огромное чувство теплоты и признательности к этому мужчине, держащему спящего ребенка на руках. Быть может, со временем в их жизни все наладится, ведь он уже близок ей, как никогда ранее...

Она медленно приблизилась к нему и обняла за плечи. Анатолий даже не повернул голову в ее сторону, только коснулся губами ее пальчиков на своем плече, не отрывая взгляда от личика спящей дочери.

— Она так красива, — прошептал он, словно не веря своим глазам. — Я убежден, будет немало кавалеров обивать порог в надежде получить ее расположение. Я уже ревную ее к ним.

— O-la-la, et puis après? [\[528\]](#) — пошутила Марина, но он даже не улыбнулся. Так и смотрел на Леночку, словно не мог наглядеться на нее, словно видел в последний раз. Марина похолодела от собственных мыслей и сильнее сжала плечи супруга.

— Все решено? — прошептала она тревожно. — Надеюсь, ты оставил свою мысль о том, чтобы пустить кровь кавалергарду? Умоляю тебя, откажись от своего намерения... Ведь мы так счастливы ныне! Не разрушай же наше счастье!

Анатолий ничего не ответил ей, только легко погладил кончиком пальца нежную кожу на щечке Леночки. Потом развернулся и прошел к кроватке дочери, в которую аккуратно положил ребенка, накрыл легким одеяльцем. Легко поцеловал ее в лобик, а потом направился к дверям и поманил за собой жену. Та последовала за ним в соседнюю игровую, тоже коснувшись губами пухленькой щечки дочери.

— Жар спал, — радостно заметил Анатолий в игровой, потирая пальцами воспаленные от бессонной ночи глаза. — Слава Богу, сбылись слова доктора. Я еду в Царское на два дня. Если что пойдет не так, пошли ко мне немедленно! — он заметил, каким взглядом она смотрит на него, и разозлился, легко обнаружив подозрение в ее глазах. — Я еду в Царское! На службу! Не смотри на меня так! Я не буду преследовать фон Шеля по всему Петербургу нынче, обещаю тебе.

— Прости меня, — Марина виновато потупила голову, почувствовав, как слезы навернулись на глаза. — Просто эти дни... Они сделали меня такой подозрительной... И мне просто спокойнее, когда ты рядом, в доме. У меня на виду. Когда я знаю, что с тобой ничего дурного не произойдет.

Анатолий вдруг сорвался с места, приблизился к ней и крепко обнял, прижавшись подбородком к ее светловолосой макушке. Эти слова неожиданно тронули его до глубины души, даже руки задрожали мелкой дрожью от волнения.

— О, мой ангел! Как бы я хотел, чтобы любовь к тебе победила всех демонов, терзающих ныне мою несчастную душу! — глухо прошептал он. — Быть может, если бы она была ответна, это удалось бы, а так... Нет, я не обвиняю тебя, не смею... Только Господь волен решать, кому даровать ее. Но, видит Бог, я бы сумел победить этот ад, что у меня внутри!

— Умоляю тебя, не преследуй фон Шеля, — проговорила тихо Марина, чувствуя, что ныне тот самый момент, когда она сумеет донести свои мысли до супруга. — Мы ведь можем уладить это дело миром.

— Отчего ж тогда твой фон Шель скрывается словно загнанный заяц, коли желает уладить это дело миром? — усмехнулся Анатоль. — Отчего не напишет ко мне? Я бы на его месте за эти два дня уже все пальцы исписал бы или вывез бы тайно возлюбленную и обвенчался бы с ней тайно. Ведь никто не хранит ее нынче, заметь! Все в доме заполошены. Но нет, затаился где-то и сидит в норе! Почему он не венчался с ней тогда, когда она пришла к нему? Да потому что не имеет он такого намерения, видать! И не она ему была нужна, а ее состояние. А значит, только мое согласие хочет. Знаю я такую птицу... Вон скольких перевидал за свою службу. Потому и хочу наказать его. Чтобы не трогал чужое, не ломал то, что не следует.

— Прошу тебя..., — начала Марина, но Анатоль вдруг склонил голову и крепко поцеловал ее, прерывая ее речь. А потом устало улыбнулся и попросил:

— Не сейчас. После обсудим все, после. Я подумаю над твоими словами, обещаю. Ныне же мне ехать надо. Помни же — напиши ко мне, если что случится, обещаешь? Вот и ладненько.

Анатоль уехал из дома, и женщины остались совершенно одни. Марина сделала очередную попытку достучаться до своей золовки, умоляла ее открыть и переговорить, ведь только зная все подробности можно было уладить дело. Но Катиш будто оглохла — она не открывала дверь и не забирала подносы с едой, стоявшие у порога ее спальни, только что-то бормотала в тишине своей комнаты и тихо плакала.

Это начинало уже беспокоить Марину. Грешным делом, она подумала, уж не тронулась ли Катиш умом от подобных тревог и волнений. Посланная подглядеть за золовкой в скважину замка, Таня вернулась и поведала барыне, что молодая барышня что-то пишет и пишет за бюро, а потом рвет письма в клочки и плакать начинает. Правда, однажды вроде бы, как показалось Тане, одно из писем в окно открытое барышня выкинула, но Таня не могла сказать точно — привиделось ли ей это или нет.

Марина решила было проверить слова горничной и поискать в саду под окнами спальни золовки — кто знает, а вдруг? Но тут в ее комнаты опять пришла нянька из детской — у маленькой барышни вновь поднялся жар. И снова повторилась прошлая ночь — прохладная вода в фарфоровом тазике, капризный плач ребенка, визит доктора, страхи и слезы Марины. Теперь же она была одна, без поддержки супруга, и только нынче осознала, как слаба она перед тревогами и заботами в одиночестве, без крепкого мужского плеча. Пусть меж ними было многое — и дурное, и ссоры, и даже рукоприкладство. Но ведь и были другие моменты, когда безграничное спокойствие наполняло душу, когда благодать разливалась в сердце... Ее тихий семейный мирок, выстраданный ею до конца. Неужели все это будет отнято в один миг?

Под утро, когда жар у Леночки спал, и она забылась спокойным сном, Марина долго молилась у образов в своей спальне, умоляя Господа помочь ей в это нелегкое для нее время полное тревог и напастей.

— Счастья хочу, Господи! — шептали настойчиво ее губы. — Неужто недостойна я счастья? Столько боли и слез... столько горя! Счастья, Создатель! Прошу тебя, счастливой быть хочу...

Последствия нескольких бессонных ночей и столь короткого отдыха после них не могли

не сказаться — Марина забылась тяжелым сном, как только ее голова коснулась подушки, и смогла открыть глаза с трудом только к вечеру, когда за распахнутым в сад окном глухо грохотали раскаты приближающейся к Петербургу грозы.

— Барыня! — кинулась к ней тут же заплаканная Таня, и Марина резко села в постели, чувствуя, как сердце бешено заколотилось в груди от тревоги.

— Что? Что-то с барышней? Снова жар? — заволновалась она и спустила ноги с постели, готовая бежать в детскую. Но Таня остановила ее, качая головой.

— Нет, слава Господу, с ней все в порядке. В игровой она. А вот Катерина Михайловна...! Мы вас будили, будили и никак добудиться не могли. Ну, будто в летархии вы были! Хотели уже к барину посылать.

Марина подала знак, что одеваться хочет да лицо умыть, и Таня забегала по спальне, не прерывая своего тревожного рассказа.

— Принесли барышне молодой обед в четыре пополудни, а дверь-то настежь. Комната пуста. Нету барышни. Куда делась, никто не ведает. Стали допытывать дворника, он сказал, как благовест зазвонили, ушла наша барышня из дома-то.

— Как ушла? — так и села Марина на постель, чувствуя, как ослабели ноги при этой вести. — Куда? С кем ушла?

— Одна, барыня. Поймала извозчика почти у ворот дома и уехала. Куда ее понесло-то, барыня? — вдруг заплакала Таня, вытирая слезы концом своего передника. — Одну? Без стремянных или лакеев? Без защиты? А вдруг люди худые? Их-то в городе пруд пруди!

— Ой, типун тебе на язык! — прикрикнула Марина. Она метнулась к бюро, достала лист бумаги и открыла чернильницу, но вдруг остановилась, замерла на месте, напряженно обдумывая случившееся. Ежели Катиш сговорила об этого побеге с фон Шелем, вполне может быть, что они решили бежать и венчаться без благословения Анатоля. Это было бы наилучшим выходом в этом деле, ведь не будет же Анатолий стрелять собственного родственника. Или будет?

Марина потерла виски пальцами, будто это движение могло заставить верную мысль тут же прийти в голову. Если она напишет сейчас к супругу, то у беглецов останется совсем мало времени — часы только пробили семь, а это означало, что Катиш не было в доме уже более четырех-пяти часов. Значит, Анатолий без труда сможет найти их до тайнства. Быть может, дать им этот шанс? Дать им возможность стать супругами, раз уж они ими стали еще до объявления их таковыми под сводами храма? Глядишь, и дело уладится тут же.

И она решилась умолчать о том, что Катиш убежала из дома, беря на собственную душу этот грех. Написала к Анатолию только о том, что ночью у Леночки был снова жар, но ныне она в полном здравии, что не хотела его волновать. Что в доме все покойно и тихо, умоляя мысленно о прощении за эту ложь.

К ужину весь дом будто затаился, словно выжидая что-то. Стало тихо и за окнами. На Петербург спустились густые сумерки из-за темных грозовых туч, что затянули небосвод. Воцарилась такая духота, что казалось, воздух можно было резать ножом. Такая атмосфера несказанно давила на нервы, заставляла голову идти кругом, и Марина не находила себе места в доме, то и дело переходя из комнаты в комнату. Она уже была и в детской, проверяя здоровье дочери (слава Пречистой, жара не было!), и в салоне коснулась клавиш фортепьяно, и пробовала почитать в своей половине. Даже в сад выходила, стремясь найти хотя бы немного покоя своей измученной этой томительной неизвестностью душе. Но его не было...

Завтра к полудню вернется в дом Анатолий, и Марина с ужасом представляла, каков

будет его гнев, на чьи головы он может пасть. Быть может, еще до завтрашнего дня Катиш все же даст о себе весточку, чтобы домашние не переживали так за ее здоровье и ее жизнь.

Но Марина узнала о состоянии Катиш еще ранее завтрашнего дня. Часы пробили восемь ударов, как в передней вдруг засуетились с шумом, заставив Марину сорваться с места в салоне и побежать к дверям. Она успела заметить, как в холл вошли лакеи, поддерживающие с обеих сторон Катиш, буквально висевшую на их руках. Шляпка ее сбилась вбок, локоны растрепались. Ее глаза были закрыты, она явно была не в себе.

— В спальню ее! И принести туда воды и уксуса, — приказала Марина, едва коснувшись горячего, как печь, лба золовки. Ох, что за напасть такая! Теперь Катиш больна... Но почему она одна? И где фон Шель? И если она была не у него, то где? Куда ездила ее золовка?

Марина сама ухаживала за своей золовкой весь вечер. Она помогала протирать ее лицо и тело водой с уксусом, чтобы сбить жар, держала таз перед постелью, пока Катиш было дурно.

— Я не идиот! Не идиот! — бредила девушка, мечась в постели в бреду. — Сломала жизнь! Я сломала ее! Нет, нет! Я же люблю тебя, — хватала она Марину за руки, всматриваясь в ее лицо, явно видя перед собой вовсе не невестку. — Я хочу быть с тобой, слышишь? Почему? Почему?! — кричала она в никуда, и от ее криков у Марины кровь стыла в жилах. А потом вдруг Катиш приподнялась в постели и, глядя куда-то в противоположную стену, расхохоталась диким страшным смехом, от которого Марина похолодела. — Он убьет тебя! Убьет!

К полуночи жар немного спал, и Катиш вдруг успокоилась, затихла в подушках, вся мокрая от пота. Марина приказала переменить простыни и сорочку больной, а сама решила уйти к себе, еле передвигая от усталости ноги. Ей казалось, что такой усталой как ныне, она еще никогда ранее не была.

Прежде чем идти к себе, Марина заглянула к дочери, чтобы проверить ее. Лобик Леночки был холодным и мокрым. Она сбросила с себя одеяльце, и Марина не стала снова укрывать ее, ведь в комнате было невыносимо душно в предверии дождя, что проливался где-то сейчас. Она ясно видела, как где-то вдалеке поблескивает зарницы отдаленных молний.

Марина не стала звать Таню, не хотела беспокоить ее в такой поздний час. Да и видеть она никого не желала ныне, признаться по правде. Хотелось лечь сразу в постель, упасть на покрывало, даже не сняв домашнего платья, и забыться беспробудным сном. Но ей это не удалось, потому как в комнате ее ждали.

Анатоль. Она стоял у распахнутого окна, заложив руки за спину, и смотрел куда-то напряженно вдаль, на зарницы, что мигали то и дело в темном небе. Видимо, он прибыл вечером из Царского Села, подумала Марина. Только вот почему ей не сообщили?

Она медленно подошла к нему, и он, не поворачиваясь к ней, вдруг поймал ее за кисти рук, привлек к своей спине, заставляя обхватить его в объятии. Марина вдруг сама прижалась щекой к его спине, обтянутой батистом рубахи, признаваясь себе с удивлением, что безмерно рада его видеть сейчас, что ныне она не будет одна в этом доме, полном болезней и горестей.

— Как Катиш? — спросил Анатолий тихо, перебирая тонкие пальчики своей жены у себя на груди.

— Вполне сносно. Жар почти сбили, — Марина помолчала, а потом все же добавила. — Я думаю, это у нее нервное. Столько перенесла в последние дни!

— Немудрено! — с горечью произнес Анатоль, а потом вдруг резко развернулся и прижал пальцы Марины к своим губам. — Я так люблю тебя. Я люблю тебя и Элен так сильно! Вы и только вы в моем сердце, и этого ничто не изменит!

Он взял ее лицо в ладони и коснулся ее губ легким нежным поцелуем, на который она ответила, изголодавшись по ласке и нежности. Потому не стала сопротивляться, когда он увлек ее к постели. Анатоль медленно расстегнул все крючки на ее платье, а потом легко стянул его вниз на пол, помог ей снять корсет, оставив жену только в сорочке.

Затем Марина помогла ему снять высокие сапоги, ведь это было невозможно сделать без посторонней помощи. Она едва управилась с ними, недоумевая, как это делает Федор, и ее озадаченное лицо вызвало улыбку на лице Анатоля. Он протянул руку и потянул ее к себе, откидываясь на постель. Затем аккуратно устроил рядом, накрыв своей сильной рукой ее талию.

Так они и лежали почти всю ночь — лицо к лицу, глаза в глаза. Словно не могли насмотреться друг на друга. Нынче им почему-то не хотелось страсти, только нежности, только легкой ласки, убаюкивающей, успокаивающей.

— Ты был прав, — проговорила Марина, глядя мужа по лицу кончиками пальцев. — Я думаю, фон Шель не желает делать предложения Катиш, убей Бог не могу понять отчего.

— Я всегда прав, — лениво ответил ей Анатоль, изо всех борясь со сном, желая всю ночь смотреть вот на свою маленькую жену в его объятиях. Марина не стала с ним спорить, прекрасно зная, к чему это приведет. Только улыбнулась в ответ, а потом вдруг предложила:

— Я долго думала над тем, как нам следует поступить. Ныне я знаю. Нам просто надс покинуть Петербург, чтобы никто и никогда не узнал о том, что произошло. Увезем Катиш на время прочь. Я согласна прожить с ней где-нибудь в отдаленном имении, если вдруг... если она тяжела.

Анатоль напрягся под ее руками, и она замолчала на миг, но потом, так и не получив возражений, продолжила:

— Вдали от ушей и глаз она разродится. Мы скроем этого ребенка от всех. Объявим его нашим воспитанником, ежели ты так решишь, ежели не позволишь признать его сестре. Да-да, я знаю, какой это позор признать ребенка! Но вспомни про господина Грибоедова. Он ведь тоже...

— Давай подумаем об этом после, — прервал ее Анатоль. Не грубо и резко, как ранее делал это, а тихо и спокойно. — Но план мне твой нравится. Очень. Моя маленькая умненькая женушка.

Они немного помолчали, каждый погруженный в свои собственные мысли, а потом вдруг Анатоль в который раз коснулся губами ее пальцев и сказал:

— А давай лучше уедем не в отдаленный уезд империи, а в Европу? Я же обещал тебе показать Рим и Флоренск [\[529\]](#), Париж и Карлсбад, — Марина подняла на него сияющие таким счастьем глаза, что у него перехватило дыхание, и он привлек ее к себе, спрятал ее лицо у себя на груди. — Море. Мы поедем в Неаполь, и я покажу тебе море. Оно такое огромное и шумное, такое волнующе прекрасное... Мы будем вдвоем — ты и я. Только вдвоем. И море... А потом спустя год или два вернемся в Завидово и заживем тихой скучной деревенской жизнью. Будем растить детей наших и собак выращивать на псарне...

— Фу, как это неромантично! — фыркнула Марина ему в грудь, и он улыбнулся сквозь слезы, что навернулись на глаза при той идиллической картинке, что предстала у него перед глазами. — Давай уж лучше детей отдельно, а собак отдельно обговорим... Два года? Я не

могу на столько разлучиться с Леночкой! — вдруг напряглась она в его руках.

— Я тоже не могу, — ответил он. — И потому мы возьмем ее с собой. Пусть это безумие! Пусть о нас говорят: «Quels fou, cette famille de Voronin! ^[530]», мы увезем ее с собой в Европу! Найдем ей лучших учителей рисования. Я слышал итальянская школа живописи самая лучшая, так что заберем из Европы именно итальянца.

— Ей еще рано обучаться живописи, она едва держит грифель в руке, — возразила ему Марина.

— Не спорь с мужем! Она у нас *fillette de talent* ^[531], потому будем с детства способствовать ее таланту, — он снова прижал ее к себе и стал гладить по волосам, нежно, убаюкивающе, чувствуя, как постепенно расслабляется ее тело, и она погружается в сон. — Мы найдем самого лучшего учителя рисования и увезем его с собой в Россию. Поселимся в Завидово. Навсегда. Я выйду в отставку и стану скучным помещиком, интересующимся только охотой, собаками, сельскими заботами. А еще своей женой, да, милая? Ты спишь уже, мой ангел? Спи, моя радость, спи...

Так и лежал Анатолий до самого утра, слушая тихое шуршание ливня, которым пролились на землю тяжелые тучи, ходившие с вечера. Гладил ее по волосам, по плечам, ласково прикасался губами к виску, с наслаждением вдыхал слабый аромат ее духов.

Этот дивный цветочный аромат... Он на что угодно готов поспорить, что Серж до сих пор вспоминает его, когда начинают в садах цвести эти маленькие беленькие цветочки. Ведь забыть такую прелесть невозможно. И даже смерть неспособна стереть память о ней...

Когда за окном принялись за работу дворовые, что метлами убирали лужи во дворе перед домом, а дом пробудился и стал готовиться к наступившему дню, Анатолий аккуратно переложил жену со своей груди на подушки кровати, стараясь не пробудить ее от тех грез, что вызвали у нее на губах такую дивную улыбку. Но Марина приоткрыла глаза при этом, заметила, что он уходит.

— Куда ты? — спросила она сквозь сон, и он поспешил поймать ее руку, прикоснуться к ней губами успокаивающе.

— Надо ехать, — честно сказал он. — Ведь до того, как задуманное ночью стало явью, надо кое-что уладить.

— А! — улыбнулась Марина, закрывая глаза. — Бумаги выправить...

— Можно сказать и так, — согласился он, протянув руку и коснувшись ее волос, таких мягких, таких воздушных. Она выглядела ныне утром такой безмятежно счастливой, так улыбалась во сне, что у него заныло сердце. Он присел у ее постели на корточки, взял ее руку в свою ладонь и долго гладил, не в силах уйти из этой комнаты, от этой женщины, которой жило его сердце.

— Я люблю тебя, мой ангел, — прошептал он ей прямо в губы, когда коснулся их легким поцелуем, и быстро, не оглядываясь покинул спальню жены, а после того, как привел себя в порядок и навестил дочь и сестру, и особняк.

Марина же поднялась только к полудню, когда за окном ударили колокола на ближайшей церкви к дому Ворониных. Она позвонила Тане, чтобы та помогла ей с утренним туалетом, а после спустилась к завтраку в малую столовую. Почти все окна в доме были распахнуты настежь, чтобы впустить ту свежесть, что пролилась на землю с ночным дождем. Вместе с ней дом наполнялся щебетанием птичек, что сидели на ветвях в саду и радостным пением благословляли этот солнечный день, а также наполняли душу Марины какой-то безмерной благодатью.

Почта, что разобрала Марина после завтрака, тоже принесла хорошие вести. Письмо из Ольховки, добравшись в Петербург через сотни верст, рассказало словами Анны Степановны, что папенька Марины пошел на поправку, уже вполне самостоятелен — и пищу принимает, и ходит с трудом, но сам уже, без помощи слуги. Правда, писать пока он не в состоянии, плохо сгибаются пальцы, но шлет дочери свое родительское благословение и теплое объятие.

Переезд в Ольховку пошел на пользу и Софи. Она встретила на губернском балу одного шляхтича из Варшавской губернии и прониклась к нему теплыми чувствами, равно как и он к ней, судя по частоте его визитов в Ольховку. Знатная фамилия Польши, скромное, но все же состояние и свой замок («notamment château, jugez de ma surprise! [\[532\]](#)»), потому Анна Степановна с радостью готова дать свое благословение этому браку.

А вот младшая Оленька не так радуется матери. Несколько лет до дебютного возраста, а она твердо заявляет матери, что хочет стать доктором («Dieu m'en garde! [\[533\]](#)»), а не матерью и женой. Разве сие возможно, чтобы женщина занялась мужским делом? Совсем забила голову этими книгами. А ведь Анна Степановна всегда знала, что от этих книг одни неприятности, и вот каков результат!

Далее в письме шли одни возмущения поведением младшей из сестер Ольховских, напоминания о дебюте следующей сестры Ксении, что должно быть через два года, плохо скрытые намеки на денежную помощь родственникам любящим зятем. Марина с улыбкой отложила письмо в сторону, перечитав его дважды, настолько порадовала ее весточка из далекого родного прошлого. Она словно воочию увидела Ольховку с ее яблоневым садом позади старого деревянного усадебного дома, папеньку с трубкой у камина в единственной гостиной, маменьку и сестру с рукоделием рядом, а Оленьку за книгой где-нибудь в укромном уголке. Как же она соскучилась по своим родным! Быть может, по дороге в Европу Анатолий разрешит завернуть в этот скромный уголок ее прошлого, чтобы повидаться?

Где-то вдруг с шумом захлопнулось окно, за ним следующее. Марина вздрогнула от неожиданности этого резкого звука так неожиданно вырвавшего ее из приятных мыслей. Она перевела взгляд за окно кабинета и заметила, как неожиданно переменилась погода. Ветви деревьев в саду чуть ли не окнами бились под порывами ветра, что гнул их со страшной силой. Гроза что ли снова надвигается?

Марина слышала, как бегают лакеи, закрывая распахнутые утром окна, чтобы уберечь дорогое стекло, ведь где-то внутри дома уже послышался звук удара оконной створки о стену, а затем звон разбившегося стекла. На счастье, это на счастье, убеждала себя Марина, пытаюсь собраться с мыслями, чтобы взяться за почту, которую не разбирала уже несколько дней.

Почерк следующего письма оказался ей незнаком, такой аккуратный, с тщательно выписанными буквами, и оттого сердце Марины вдруг сжалось в каком-то предчувствии. Она быстро взглянула на адресата и похолодела. Княгиня Загорская Варвара Васильевна. Что нужно ей от Марины? Неужто вдруг решила отношения наладить, как меж женами приятелей? Нет, Марине вовсе не нужно этого. Она никогда не станет приятельницей той, что каждую ночь делит постель с тем, кто еще недавно принадлежал Марине. Никогда не будет меж ними приязни!

Но Марина не успела вскрыть письмо. Пока она раздумывала, пока решалась на этот шаг, в дверь кабинета стукнули, и лакей, появившийся на пороге, сообщил, что молодая барышня к себе просят барыню придти. И Марина с легким сердцем отложила это

тревожащее ее письмо, направилась к золовке в спальню, радуясь, что та пришла в себя, а значит, нервная горячка отступила, не стала долго мучить ее, как когда-то едва не убила саму Марину.

Катиш была так бледна, что по цвету равнялась с подушками, на которых покоилась ее голова. Она встретила Марину встревожено, протянула к ней руки, восклицая:

— Ах, успокойте меня! Где мой брат? Где Анатоль? Он не в доме, я знаю это!

— Моя дорогая, не волнуйтесь, — поспешила взять ее за ладони Марина, присаживаясь на край ее постели. — Анатоль отбыл по делам. Мы нынче ночью решились на путешествие в Европу, вот он и уехал выправить бумаги.

— Слава Богу! — быстро перекрестилась Катиш, а после вдруг отчаянно заплакала, хватаясь за руки невестки, как за опору в ее горе и боли, что сейчас терзали ее сердце. — Ах, Марина Александровна! Я так виновата! Перед вами, перед братом! Мне нет прощения...

— Ну, что вы, все образуется, — ласково проговорила Марина, глядя эту бледную плачущую девочку по волосам. — Мы все решим. Вам нет нужды беспокоиться о своем будущем, мы не оставим вас в вашем положении.

— В моем положении? — переспросила Катиш. — Нет, я не в тягости, Марина Александровна, я знаю это доподлинно. Я ведь думала, что от поцелуев возможно... возможно... Но вчера мне открыли глаза на истинное положение вещей, — она отстранилась от невестки, взглянула той в глаза. — Я знаю, вы будете ненавидеть меня, но я не могла иначе. Я так любила его! Так любила! Он казался мне таким... таким... beau comme un dieu [\[534\]](#), умен, успешен, так красиво говорит, так поет... Разве я могла устоять? Он был моим кумиром! Моим божеством! Я была готова на все, лишь быть с ним всегда, стать его супругой. Но вчера... вчера... Les dieux s'en vont [\[535\]](#), и давеча рухнул мой!

Это было сказано с таким неприкрытым горем в голосе, что сердце Марины дрогнуло в сочувствии к этой боли разочарования в том, кого недавно Катиш боготворила.

— Я так хотела быть с ним. А Анатоль... он запретил даже думать об этом. Ну что с того, что Николая небогат и незнатен, что с того, что нет титула? А я? Разве я виновата, что я дочь графа? К чему мне это, когда я не могу быть счастлива с тем, кого люблю? А потом вы увезли меня в Нижний. А он перестал писать. Ни одного письма за эти месяцы! И я поняла, что потеряю его, если не сделаю что-нибудь. Я пошла к нему на квартиру, едва мы прибыли в Петербург, ведь он не ответил на мои письма. Я думала, что у него нет возможности писать ко мне более. А он сказал, что нам надо прекратить наше знакомство, раз мы не можем быть вместе, раз нам не суждено любить друг друга открыто. Прекратить! Я долго думала, как обойти это нелепое решение, как подтолкнуть его на то, чтобы он увез меня. И написала, что расскажу брату, что была у Николая на квартире, ежели он оставит меня.

Катиш снова разрыдалась да так сильно, что Марине пришлось дать ей успокоительного, чтобы хотя бы немного привести ее в чувство и снизить тот накал эмоций, что бурлил в девушке сейчас. Она хотела оставить золовку, чтобы та отдохнула, но она не дала ей этого сделать, ухватившись за подол платья невестки.

— Нет, не уходите! Я хочу открыть вам все! — и когда Марина снова присела на край ее постели, продолжила со вздохом. — Вот так низко я пала! Чтобы удержать его рядом, чтобы он остался со мной. И он пришел сюда. Просил моей руки. Нелепо! Я ведь писала, что все нужно сделать тайно! А потом эта ссора... и эта мысль Анатоля, что он должен непременно смыть кровью этот позор. Но какой позор?! Его ведь нет. Я девственна и не жду ребенка, хотя недавно сама думала об этом. А Николая вдруг пропал... и я боялась... Боялась за него...

за брата... А потом вспомнила, где он может быть. В его старой квартире, где он иногда бывает, по словам его комердина. И я разузнала адрес и поехала туда, к нему. А он... Он был так груб, так язвителен. Сказал, что я сломала его жизнь своей нелепой любовью! Что он был идиотом, что связался со мной! И много другого... Разве можно так говорить человеку, которого любишь? Разве можно?

— Ах, милая моя девочка, не думайте более об том! Этот человек, он недостоин ваших слез, — Марина была так рада, что последствий этой истории нет и быть не может, что готова была расцеловать золовку в обе щеки. — Но все поправимо. Мы можем поехать в Европу все вместе, раз нет необходимости вам...эээ... оставаться в России. Вы поправите свое душевное здоровье, и вот увидите, счастье снова вернется в вашу жизнь. Никто не знает об этой истории, а значит, ваша репутация не пострадала. А ваше чувство... оно уйдет. Вы должны забыть об этом человеке. Вот и все... Все непременно будет хорошо!

— Нет, вы не понимаете! — возразила Катиш. — Я сделала страшную глупость! Я просто была так зла на Николая за его слова! О Господи!

— Я понимаю, — мягко возразила Марина, укрывая ее одеялом, делая знак, чтобы та поспала немного и набралась сил. — Но нам нужно забыть о ней. И жить дальше. Et voilà tout! [\[536\]](#)

— Значит, мой брат уехал по делам? Это точно? — не унималась Катиш, останавливая ее прямо у дверей своим вопросом.

— C'est justement cela [\[537\]](#), — подтвердила Марина, покидая комнату золовки. — Лучше отдохните, Катиш. Набирайтесь сил. Вам они еще потребуются.

К почте, а точнее, к тому злосчастному письму Марина возвращаться не желала пока. До обеда еще было время, судя по циферблату часов, что были приколоты к ее корсажу, а на улице все еще царствовала непогода, потому она решила пройти в свою половину и заняться рукоделием, закончить ту вышивку, что начала еще несколько месяцев назад, когда ходила второй и такой несчастливой тягостью.

Это был лик всех святых на гобелене, ведь отдельного лика святителя Анатолия не было, и он изображался обычно на общей иконе Всех Святых. Подарок ее супругу, который планировался еще к его именинам, только вот не успела она совсем закончить его к сроку. Что ж, самое время за него взяться!

Спустя некоторое время, когда Марина уже сидела за вышивкой и подбирала тон нитей для лика одного из святых, в ее комнату прибежала Леночка, желая посидеть подле матери. Но смирно усидеть у ее юбок она не смогла долго и попросилась к окну, поглядеть на прохожих и проезжающие мимо экипажи, что виднелись на набережной слегка в отдалении от дома за оградой особняка. Лошадки всегда вызывали к ней восторг, и каждый экипаж или всадника Элен встречала бурными хлопками в ладоши, радостно смеясь. Скоро Марина привыкла к этому выражению восторга дочери, и потому уже не вздрагивала каждый раз, когда та начинала громко хлопать в тишине комнаты. Вот и ныне она не обратила бы ровным счетом никакого внимания на залиvistый смех Элен и ее хлопки, если бы не слова, что прозвучали за ними.

Такие страшные для Марины слова, резанувшие ее слух, заставившие ее окаменеть на месте, а руки похолодеть от ужаса, что сковал ее душу.

— Снег! Снег! — вскрикнула вдруг Леночка, показывая куда-то за окно нянечке, что придерживала ее у окна. — Снег!

Марина подорвалась с места и подбежала к окну, перепугав няньку. Ветер, рвавший

ветви деревьев, что стояли в цвету, подхватил играючи сотни маленьких белых лепестков и понес их с собой, рассыпая их нынче с высоты на землю и на прохожих, словно хлопья белого снега.

«.... Одно скажу тебе — опасайся белого человека, когда снег будет падать в мае. Прости ему его поступки, прими его слова. Он будет искренен. Есть два пути в твоей жизни. Выберешь прощение — жизнь сохранишь. Выберешь гнев — погибнешь...»

— Это невозможно, — прохрипела Марина, хватаясь за вырез платья, что вдруг сдавил ее грудь, мешая дышать. — Невозможно!

Она подхватила юбки и побежала прочь из своей половины, натываясь на мебель на своем пути, будто ослепла вмиг. Она бежала по коридору и кричала во весь голос, призывая к себе дворецкого, чувствуя, как от ужаса, плещущегося в душе, идет кругом голова, и подгибаются колени.

С дворецким Марина столкнулась прямо на последних ступеньках лестницы, едва не сбив его, поднимающегося на хозяйский этаж, ярко-красного от спешки и волнения. Она схватила его за плечи, такая маленькая и хрупкая, ныне с силой вжимая пальцы в его ливрею, что он слегка поморщился.

— Барин! — выкрикнула она ему в лицо. — Куда поехал барин? Что сказал?

— Не ведаю, барыня, уж простить прошу меня покорно. Не докладывались они!

И Марина отпустила его, вдруг осознав, как выглядит со стороны ее неожиданный порыв. Прислонилась устало к стене.

— Иди и отправь людей. Пусть к Загорским идут, к Львовым или в дом Арсеньевых. Е ресторации. В офицерскую в Зимнем. Пусть везде про барина спрашивают. Мол, домой его кличут, барыне худо.

Получив это распоряжение, старый дворецкий, словно мячик перекатываясь, поспешил по ступенькам вниз отдать приказы дворовым. Уже когда его нога ступила на пол холла, в тишине дома вдруг громом прозвенел звонок в передней. Звякнул и замолк, чтобы потом опять зазвенеть долго и протяжно, будто с каким-то надрывом.

Марина вздрогнула, услышав его пронзительный звук, но от стены так и не смогла оторваться, потому как только она была ей опорой сейчас, когда ноги вовсе не держали ее. Она наблюдала, как быстро просеменил в переднюю дворецкий, услышала, как он вскрикнул громко там, в этой небольшой комнатке. А потом вдруг в передней все зашумело, будто туда рой пчел залетел.

А после двери из нее распахнулись, и в холл вошли несколько лакеев, что несли что-то на плаще, одна пола которого ехала с тихим шуршанием по паркету холла, оставляя за собой темно-бурый след на полу. За широкими спинами в ливреях не было видно, что именно у них руках, но по напряженным плечам можно было догадаться, что это нечто тяжелое. Они быстро прошли в комнаты на первом этаже дома, миновав холл.

Марина в ужасе прижалась в стену, словно желая слиться с ней воедино, чтобы не видеть того, что сейчас видела на полу холла. Кровь... О Господи, кровь!

За лакеями внутри дома быстро прошел Арсеньев, выкрикивая: «Быстрее! Быстрее!» тняя за собой какого-то маленького человечка в сером сюртуке и с большим черным саквояжем в руке. Он не заметил на Марину, ведь та стояла на самом верху лестницы, на ее последних ступеньках, почти слившись со стеной холла. Да и признаться, было видно, что ему вовсе не до того, чтобы оглядываться по сторонам.

Затем в холл ступил Сергей. Медленно, тяжело ступая по паркету. Будто каждый шаг

давался ему с трудом. Он не должен был заметить ее на лестнице, ведь его взгляд был прикован к фуражке, что он нервно вертел в руках. Но будто движимый каким-то шестым чувством Сергей вдруг перевел взгляд наверх, прямо на помертвевшую Марину. В его глазах Марина без особого труда прочитала ответ на свой немой вопрос и прикрыла веки, словно не в силах более выдерживать этот тяжелый сочувствующий взгляд.

В мгновение ока Сергей буквально взлетел по ступеням, чтобы поддержать ее, вмиг пошатнувшуюся под сильным напором боли, не дать ей упасть с лестницы. Она распахнула глаза и взглянула в его стальные. Он сам вдруг потерял способность дышать на миг, заметив какое неприкрытое горе плескалось в этой изумрудной глубине.

— П...? [\[538\]](#) — совсем тихо прошептала она, так тихо, что он едва расслышал ее.

— Он ранен, — ответил ей Сергей. — В бедро.

Марина вдруг шатнулась к нему, прижалась всем телом. Он на миг опешил от этого резкого движения и едва удержал равновесие, а потом легко обнял ее, успокаивая. Он чувствовал, как трясет мелкой дрожью ее тело и не сразу сумел понять, что Марина смеется каким-то нервным смехом. Она вдруг отстранилась от него, показывая знаком, что все в порядке, что она уже пришла в себя, и ее можно отпустить.

— Она ошиблась! — прошептала Марина, подавив очередной смешок. — Ошиблась, понимаешь? Старая цыганка ошиблась...

Марина кивнула своим мыслям в очередной раз и быстро направилась вниз по лестнице, уже собранная, почти хладнокровная и готовая начать распоряжаться слугами. Перво-наперво необходимо послать к доктору Арендту, тот маленький человечек у нее доверия не вызвал. Затем распорядится насчет горячей воды и чистой корпии. И еще ткань, нужна чистая ткань для перевязки.

Она словно щитом отгородилась этими сугубо практическими мыслями, чтобы не думать о том, что происходит сейчас где-то в глубине первого этажа. До нее донесся сквозь анфиладу комнат громкий стон мужа, полный боли, и она вздрогнула, пошатнулась. И снова ее поддержала крепкая рука Сергея, что неотступно следовал за ней по пятам все это время, готовый прийти на помощь, когда ей это потребуется.

Она взглянула на него через плечо, едва удерживая слезы, готовые пролиться на ее бледные щеки.

— Я не могу! Не могу! — прошептала Марина, сама не зная о чем ведет речь. То ли о том, чтобы отдавать приказы слугам, то ли о том, чтобы выдержать происходящее. Сергей ничего не сказал в ответ, просто слегка сжал ее плечо. А потом тихонько подтолкнул ее в сторону дверей вглубь первого этажа.

— Иди. Я сам отдам все необходимые распоряжения. Иди же. Ты нужна там сейчас.

И Марина двинулась медленно, едва переставляя ноги, вмиг ставшие такими тяжелыми, что каждый шаг был в тягость, в сторону небольшого салона, где на софе уложили раненого Анатоля. Она остановилась в соседней комнате, не в силах переступить порог, стиснула руки, наблюдая, как суетится склонившийся над ее мужем доктор, как ему помогает по мере возможностей Федор, комердин Анатоля. Самого супруга она видела плохо: его лицо было повернуто к спинке софы, тело напрягалось с каждой манипуляцией доктора. Арсеньев же сейчас стоял немного поодаль от софы, напряженно нахмутив лоб, обхватив себя за плечи. Он был бледен, и Марина вдруг поняла по выражению его лица, что ее радость по поводу ранения мужа была несколько преждевременна.

Арсеньев поднял голову, заметил через распахнутые двери Марину в соседней комнате и поспешил выйти к ней, плотно затворив за собой створки, не желая, чтобы она видела происходящее в салоне.

— Как он? — глухо спросила Марина, едва узнавая свой собственный голос. — Сергей сказал, что он ранен в ногу. Это... это серьезно?

Арсеньев ничего не ответил сначала, отошел к окну и, отодвинув занавесь в сторону, напряженно глядел на улицу. Затем все же повернулся к ней.

— Я не доктор, Марина Александровна, я не могу ответить вам на этот вопрос, — уклончиво сказал он. — Анатолий потерял много крови, пока мы довезли его сюда. Бог даст, все обойдется. Где Катерина Михайловна? — вдруг резко спросил он, и Марина нахмурилась, а потом широко распахнула глаза, осознав, почему был задан этот короткий вопрос.

— Катиш..., — прошептала Марина и повернулась, бледнея к Павлу. — О Боже! Фон Шель! Как...? Кто...? Что...?

Она путалась в словах, не могла составить предложения, но тот ее понял.

— Да, вы совершенно правы, Марина Александровна. Анатолий стрелялся именно с фон

Шелем, несмотря на все наши уговоры не идти на поводу у моментной ярости, — он знаком показал, чтобы она присела, видя, как ее буквально трясет сейчас от пережитого, и Марина подчинилась — прошла к одному из кресел, аккуратно присела на краешек. — Давеча вечером Анатолий получил письмо...

В этот момент он замолк, заметив предупреждающий знак Сергея, что входил в комнату сейчас и слышал конец их разговора. Марина же, погруженная в свои мысли не заметила ни этого жеста, ни обмена взглядами, что последовал за ним. Разговор не возобновился снова тотчас — в комнату вслед за Сергеем прошли домашние слуги, что несли тазы с горячей и холодной водой, стопку простыней, корзину с корпией. Они сразу же прошли в салон, где лежал раненый, чтобы оставить свою поклажу там в помощь доктору.

— Почему он молчит? — вдруг обеспокоенно спросила Марина, заламывая руки. — Он не стонет более.

— По-видимому, он без чувств, — откликнулся Сергей, который стоял в отдалении от нее, сдерживаясь изо всех сил, чтобы не приблизиться к ней, не прижать к себе и успокоить в своих объятиях — такой растерянной, такой бледной она была. — Это вполне естественно, учитывая его состояние.

Она вдруг вскинулась, подскочила к нему, схватила за руку.

— Откуда? Как он нашел его? Как? Он ведь не мог отыскать его, я знаю это доподлинно! Ну же, говори! — Сергей отвел глаза в сторону, и она вдруг стукнула его в плечо со всей силы. — Ты знаешь! Знаешь и молчишь! Отвечай же мне! Расскажи мне все!

— Он и не отыскал бы никогда, ежели б не анонимка! — ответил Сергей. — Бешеное упрямство Ворониных сыграло свою роль!

— О чем ты говоришь? — растерянно пролепетала Марина. — Он же был покоен, когда уезжал нынче утром, он даже не думал...

— Нынче утром! Вызов был вчера! — Сергей замолчал, вспоминая, как к нему неожиданно приехал давеча вечером около семи часов Анатолий. Весь белый, трясущийся от еле скрываемого гнева. Он кинул ему в руки записку вместо всяких слов и объяснений и прошел к барному шкафчику, откуда достал бутылку бренди и плеснул себе в бокал алкоголь.

— Я убью его! — прорычал Анатолий, отхлебнув порядочно бренди, даже слегка заплескав себе ворот мундира. — Я убью этого сукиного сына! Этого пса! Мне даже дурно подумать, что могло случиться, что я получил вот это!

Сергей быстро пробежал глазами по записке и нахмурился, осознавая, что нынче уж Анатолия не остановить, и дуэли быть непременно. Написанное в анонимке требовало немедленного объяснения с обидчиком сестры Анатолия, а также сатисфакции за произошедшее.

— Ты уверен, что написанное тут истинно? Быть может..., — попытался было образумить приятеля Сергей, но тут же был остановлен вскриком Анатолия.

— Ни слова более! Или я вызову тебя за эти слова! — Сергей не стал продолжать, понимая, как больно и горько нынче ему. — У нас есть отличный шанс проверить истинность записки. Едем сейчас же туда, на эту квартиру! Если фон Шель там, то и остальное — правда! А если так, то он мертвец! Ибо я убью его!

Разумеется, Сергею ничего не оставалось, как быстро переменить домашний шлафрок на мундир и последовать за приятелем. Уже когда они ехали на квартиру, указанную в записке, Анатолий вдруг с силой сжал ладонь Сергея.

— Ты всегда был мне истинным другом, потому-то я и хочу попросить тебя об одном

одождении. Кто знает, быть может, это последнее, о чем мне доведется тебя просить. Третьего дня ты как-то сказал, что готов убить фон Шеля вместо меня. Нет, я не прошу тебя стать вместо меня к барьеру, не думай обо мне так. Я прошу тебя встать к нему после меня. Я хочу, чтобы этот сукин сын был мертв, после того, что он сделал с моей сестрой, потому прошу вызови его после, ежели он... ежели он убьет меня.

Анатолий замолчал. Он по-прежнему не смотрел на Сергея, а устремил взгляд в сторону, на прохожих, но Сергей знал, что он внимательно, затаив дыхание, ждет ответа, потому ничего не ответил, лишь положил руку на ладонь Анатолия, лежащую на его кулаке и сжал, давая свое молчаливое согласие.

На квартире фон Шеля была какая-то гулянка. Растерянный слуга, уже привыкший к незнакомым гостям, впустил приятелей в передней и покорно принял головные уборы из их рук. Из распахнутых дверей в соседнюю комнату слышались голоса, смех, звон стекла и звук гитарных струн. Хрипло рассмеялась женщина, и Анатолий невольно поморщился — и в этом-то вертепе нынче была его сестра, подумал с горечью.

Он раздвинул портьеры и шагнул в комнату, сразу же найдя взглядом фон Шеля среди остальных участников этой попойки, что сидел на софе у противоположной стены и задумчиво перебирал гитарные струны. Заметив Анатолия, он отложил гитару в сторону и медленно поднялся, сбрасывая руку девицы в алом бархатном платье, что хотела помешать ему сделать это.

— Граф, князь, — он коротко кивнул вошедшим. Анатолий тут же вдруг ударил его по лицу, словно дворового, разбивая перстнем губу фон Шеля, из которой тут же на белый мундир закапала кровь маленькими каплями. Он отступил на шаг назад от бледного Воронина, прижимая руку к губе, не осознав сразу из-за алкоголя, дурманящего голову, что только что произошло. В комнате вмиг воцарилась тишина, и несколько пар глаз устремились на них: кто-то удивленно, кто-то с явным опасением.

— Анатолий Михайлович..., — начал фон Шель, но Анатолий прервал его:

— Что за вольности, сударь! Я не давал вам разрешения обращаться ко мне по имени. Я никогда не даю его таким проходимцам и мерзавцам, как вы. И ежели вы не ответите мне, как подобает, то я еще прибавлю к этому списку и трусов.

— Позвольте! — начал фон Шель, принимая из рук подошедшего к нему товарища платок, которым тут же промокнул кровь. — Я не имею намерения драться с вами. Вы обязаны выслушать меня, ведь дело можно решить миром, коли вы хотите, чтобы ваша...

— Ни слова! — прошипел ему Анатолий. — Ни слова более! Тем более об этом вопросе!

Он хотел снова ударить кавалергарда, но тот уже был настороже и легко перехватил его руку, с силой сжал пальцы Анатолия.

— Воля ваша, раз вам так угодно лечь в землю! — проговорил насмешливо фон Шель, не отводя глаз от лица своего противника. — Быть может, тогда и дело решится скорее и всем на благо, коли вы поймете, что я не имею дурных мыслей, — Анатолий дернул руку на себя в надежде высвободить пальцы из хватки кавалергарда, но тот не позволил ему этого. — Быть может, это остудит вашу голову и заставит вас думать разумно.

— Подлец! — прошипел ему в лицо Анатолий, а потом грязно оскорбил его последними словами, совсем не дворянскими, заставив кавалергарда сравнивать цвет лица с мундиром.

— Ну что ж, воля ваша, сударь. Вы явно желаете стать под дуло! Итак, дуэль. Завтра пополудни. За Волковской заставой. Пистолеты. Де Шарни, будьте любезны, mon ami,

окажите мне честь стать моим секундантом. Итак, де Шарни встретится с вашим секундантом и обговорит остальные детали.

— Мой секундант здесь, — Анатолий отступил в сторону, предоставляя Сергею шагнуть ближе, чтобы обсудить намечающуюся на завтрашний день дуэль. По традиции обоим противникам было предложено примириться, на что фон Шель только коротко отрезал:

— Не я зачинал это дело, не мне приносить извинения!

Анатолий же делать этого не собирался. Прежде чем покинуть квартиру и притихших гостей, Сергей, верный своему слову, вызвал к барьеру фон Шеля. Он не желал откладывать это дело в долгий ящик и решил сразу же получить ответ.

— Помилуй Бог, чем я вам не угодил, князь? — улыбнулся холодно кавалергард, и Сергей невольно уважал его за эту выдержку, что сейчас показывал фон Шель.

— Вы просто не по нраву мне, — ответил Сергей. — Все в вас вызывает во мне презрение, а ваши поступки тем паче.

— Я принимаю ваш вызов, князь. Полагаю, что условия дуэли будут те же, только вот секундант...

— Я пришлю к вашему секунданту. Честь имею, — Сергей щелкнул каблуками и коротко кивнул фон Шелю, прощаясь.

Завтра, если Анатолий не переменит решения, этот человек уже будет мертв, не зря первый выстрел за Сергеем. А ежели Анатолий и вовсе будет убит рукой этого кавалергарда, Загорский с большим удовольствием пустит ему кровь за эту смерть. Но все же он хотел надеяться, что то, что он заметил в глазах фон Шеля — правда, и тот вовсе не горит желанием убить Воронина, и быть может, есть еще шанс уладить это дело только выстрелами и малой кровью, но не чьей-то жизнью.

Но не обошлось... Противники сошлись на небольшой лужайке за Волковской заставой. Светило солнце, стояла такая отрадная погода, что даже мысль о чем-то дурном в этот пригожий день казалась абсурдной. И Сергей, и Арсеньев до последнего надеялись на малокровный исход этой дуэли. Дистанция, заявленная фон Шелем (а он имел право выбрать ее при нанесенном оскорблении действием) — двадцать пять шагов, позволяла это.

В последний раз секунданты проверили пистолеты, а дуэлянты скинули мундиры, сняли запонки с рукавов рубашек. Потом получили пистолеты из рук секундантов и заняли свои позиции напротив друг друга. Прозвучала команда де Шарни на первый выстрел, и фон Шель нажал на курок, даже не прицеливаясь. Несколько голосов слились в один возглас, когда Анатолий вдруг рухнул, как подкошенный на траву, прижимая ладонь к бедру.

— Merde! Merde! Это невозможно! — бросился к нему фон Шель со своей позиции одновременно с Сергеем и Арсеньевым, что быстро подбежали к Анатолию.

— Нет! Нет! — оттолкнул их руки Анатолий, а потом крикнул фон Шелю. — На позицию! У меня еще две минуты!

— Опомнись! — тряхнул его за локоть Сергей. — Ты истекаешь кровью. Позволь доктору перевязать тебя.

— Нет! Никаких перевязок! У меня две минуты. На позицию, фон Шель!

Всем пришлось снова занять свои места. Анатолий с трудом приподнялся и прицелился. Злость, бешеная злость на собственное бессилие растекалась по его венам. Ежели до этой минуты он думал о своих близких, о дочери, о своей жене, то сейчас им двигало только слепое желание убить. Любой ценой.

Выстрел, и фон Шель сначала пошатнулся, а потом упал, как подкошенный. К нему тут

же бросился де Шарни, а потом поднял голову и взглянул на суетящихся вокруг Анатоля, ожидающего его знака с явным напряжением.

— Fini ^[539], — как только прозвучали эти слова, Воронин тут же откинулся на руки друзей, только сейчас ощущая безмерную слабость, что охватывало его тело, и пульсирующую боль, раздирающую его плоть.

Две минуты. Эти минуты принесли ему сатисфакцию, которой он так жаждал, но и отняли его жизнь, что утекала вместе с ярко-красной кровью из него сейчас, в соседнем салоне.

— О Господи! — Марина вдруг прижала ладони к лицу и разрыдалась в голос, не скрывая своих эмоций. — Зачем? Ну, зачем он пошел к фон Шелю? Зачем? Он ведь обещал мне! Обещал! Катиш! Бедная-бедная Катиш! Бедный Анатоль! О Господи!

Арсеньев тут же распорядился, чтобы принесли воды графине, а гостям что-нибудь покрепче, а после подошел к Марине и положил ей руку на плечо, успокаивая.

— Ну же, ну же! Не думайте о дурном. Не стоит, — он сам еле сдерживал слезы, прочитав в глазах Сергея еще тогда, на месте дуэли, некую обреченность. Кому не знать характер ранений, как не ему, боевому офицеру? Но тем не менее, Павлу очень хотелось верить, что это не так, Анатоль не может умереть, просто не может!

Он растерянно взял из руки Сергея бокал с бренди, что тот протянул ему, быстро опрокинул в себя в надежде, что алкоголь поправит расшатанные ныне нервы, но едва не поперхнулся от неожиданности, когда двери в очередной раз распахнулись, впуская внутрь доктора Арендта. Тот мельком кивнул мужчинам и Марине, что едва взглянула на него со своего места, уже почти усмирив свои слезы, и тотчас прошел в салон к раненому.

После его ухода собравшиеся в комнате погрузились в напряженное тягучее молчание. Только стук веток яблоневых деревьев сада подле дома об оконное стекло нарушал эту страшную тишину, еще больше усугубляя трагичность обстановки, да изредка звякал лед в бокалах с янтарной жидкостью.

Вскоре дверной звонок начал звонить, не умолкая. Весть о том, что граф Воронин ранен на дуэли, убив своего противника наповал, словно туман, медленно распространялась по столице. Все хотели побывать в особняке на Фонтанке: кто-то просто из любопытства, кто-то, движимый действительным беспокойством и опасением за здоровье Анатоля. Марина совсем безучастно принимала карточки, передавая их тут же Арсеньеву или Сергею, что и принимали или отклоняли визиты за нее, сообщали о состоянии раненого, впрочем о котором сами мало, что пока могли сказать. Комната теперь то и дело наполнялась многочисленными посетителями, которые сменяли друг друга со временем.

В числе визитеров прибыл и доктор Мандт, придворный медик самого императора, сменивший недавно на этом посту доктора Арендта, а это могло означать только одно — государь уже в курсе событий, что имели место за Волковской заставой, и это не могло не вносить дополнительную тревогу в это ожидание беды, что сгустилось тучей над этими людьми в комнате. Нет, Сергей не беспокоился за себя, но в этой истории был замешан и Арсеньев, почти не имеющий никакой вины в этой дуэли, ведь он должен был быть секундантом последующей за ней, второй дуэли.

С ним приехал и капитан Шангин, флигель-адъютант Его Императорского Величества. Аккуратно ступая по паркету, чтобы каблуки сапог не так громко стучали в той напряженной тишине, нарушить которую редко кто из собравшихся в комнате решался, он прошелся в руке Марине, а потом направился к Сергею и Павлу, что стояли немного е

стороне от других.

— Какие вести? Еще нет никаких? — Шангин вздохнул, запустив ладонь в волосы. — Ужасное происшествие, ужасное. Мы узнали только под вечер. Господа, государь очень гневается. Очень. Еще не стихла молва после дуэли поручика Лермонтова с де Барантом, а тут эта... Ох, худо будет всем участникам, худо. Что же было причиной этого поединка? Об этом гадают весь Петербург, и наша служба в том числе. Анатолий Михайлович не выезжал столько времени из-за траура, где и когда они успели заиметь ссору с кавалергардом? Карточный долг? Личное оскорбление? Что же? — он не получил ответа на свои вопросы от собеседников, да и не ждал их, прекрасно зная, что такие вещи мало кому открывают. Потом он немного помолчал и снова заговорил, обращаясь к Сергею. — Подписан приказ на ваш арест. Крепость до дня разбирательства. Сожалею. А вы, граф, пока под домашним арестом. Пока мало что известно о вашем участии в этом деле. Не исключено, что если будет доказана и ваша вина, пойдете под суд. Жаль, что вы в отставке — военные суды снисходительнее в этом вопросе.

— Павел Григорьевич не участник дуэли между Анатолием Михайловичем и фон Шелем. Прошу вас походить за него, — Сергей быстро прервал возражения Арсеньева, а после продолжил. — Как вы полагаете, будет ли мне позволено остаться здесь до... до того, как ...

— Думаю, да. Переговорите об этом с офицером, что едет сюда, чтобы осуществить ваш арест.

Так все и вышло. Сергей, предупрежденный о визите офицера своего полка, вышел в передние комнаты, чтобы никто из присутствующих, а особенно Марина, которой и так хватило горести на нынешний день, не увидел, как он отдает свою шпагу прибывшему. Загорский отправил своему генералу записку, прося позволения остаться у одра раненого друга, пока не решится ситуация, и тот пошел ему навстречу. Вместе со шпагой Сергея офицер получил и обещание явиться в крепость и отбыл тут же из особняка Ворониных. Получив эту возможность сказать последнее «Прости» своему другу, Сергей смог перевести дыхание.

Под вечер к собравшимся в комнате вышел доктор. Господин Арендт, слегка сгорбившись будто под тяжестью той вести, что он принес этим людям, ждавшим новостей о состоянии раненого, прошел сразу же к Марине, которая резко выпрямилась в кресле, заметив его движение, взял ее за руку.

— Крепитесь, графиня, крепитесь, — начал тихо доктор, и сердце Марины с размаху вдруг ухнуло куда-то в живот, закружилась резко голова. — Задета бедренная артерия. Ваш супруг потерял много крови, но не это вызывает во мне опасения. Мы остановили кровотечение, мой коллега превосходно справился с этим, но появилась опасность отмирания тканей... вероятнее всего, это некроз, а затем гангрена...

— Гангрена? — переспросила Марина, не понимая, что означают эти слова для нее. Зато мужчины поняли это: Арсеньев прикрыл глаза не в силах справляться более со своими эмоциями, а Сергей вздрогнул от той боли, что защемила сердце. Нельзя было сказать, что он не знал. Но услышать это от господина Арендта было окончательным приговором.

— Он умирает, графиня, — тихо сказал доктор Арендт, и все тут же, как по команде, отвели глаза от лица Марины, от которого вмиг отхлынули все краски. — Я не могу сказать достоверно, сколько времени он будет в сознании. Он сильный и здоровый мужчина, и быть может, будет жив еще около недели, может, меньше. Но исход все равно один. Я скажу вам,

когда настанет пик, когда придет пора прощаться.

После этих страшных слов посетители потянулись медленно к выходу, покидая этот дом, чтобы вернуться завтра, и на следующий за ним день, и после, чтобы успеть попрощаться с человеком, которого они хорошо знали, уважали или попросту заискивали перед ним и его положением. Только Арсеньев и Загорский остались в доме — покинув эти стены сейчас, они рисковали не вернуться более, чтобы проститься с другом, ведь каждый из них был под отсрочкой ареста. Они-то и уговорили Марину подняться наверх и немного отдохнуть.

— Вам понадобятся еще силы, — убеждал ее Арсеньев. — Быть может, сон принесет еще и временный покой вашей душе.

Нет, хотелось ответить ему Марине. Покой мне принесет только одно утешение — прижаться к крепкой мужской груди, выплакать все слезы у него на груди, ведь только его руки могли принести ей этот временный покой, временное облегчение, помогли перенести эту страшную боль терзающую сердце. Но это было невозможно — меж ними была отныне такая пропасть, которую и, имея крылья, тяжело было бы перелететь. И она без возражений ушла в свою половину, предварительно распорядившись о покоях для гостей и доктора, что оставались в доме.

Марина думала, что сон не придет к ней, после всех этих слез, боли, нервного потрясения, что она испытала ныне, но ее тело решило за нее, и она беспробудно проспала до трех пополудни следующего дня. Она даже перепугалась, что все свершилось, пока она спала, послала узнать, и только заверения Тани, что барин еще жив, смогло успокоить ее.

Траур. Черное шелковое платье со слегка укороченными рукавами, что она носила по своему маленькому сыну. Отныне ей суждено надевать чернильно-черные одежды еще долго, ежели... ежели это случится. Марина не хотела думать об этом, тщательно лелея в душе тот покой, что пришел к ней после отдыха. Ведь впереди у нее еще было немало горестей.

Эти несколько дней, что последовали позднее, слились у Марины в один бесконечный, настолько они были похожи друг на друга. Приезжали и уезжали многочисленные посетители, прибывали фельдъегеря из дворца за последними вестями о состоянии здоровья раненого, ходили по комнате от окна к двери Сергей и Арсеньев, сменяя друг друга у постели Анатоля в соседнем салоне.

Марину же туда пускали только, когда он спал. Анатолий не хотел видеть ее, когда приходил в сознание, и это причиняло ей такую острую боль, что становилось тяжело дышать. Она не верила правдивым и искренним словам Арсеньева, который твердил ей, что это отнюдь не из-за каких-то личных чувств к ней. Просто Анатолий слишком горд и самолюбив, не хочет, чтобы она видела его состояние, его кровь и боль, его слабости. И это было истиной.

А еще Анатолий очень не хотел, чтобы она видела его слезы, которые он проливал, лежа на софе в этом салоне, осознавая, что сам и своими руками разрушил то, что начали они выстраивать вдвоем совсем недавно. Что разрушил жизнь своей сестры и фон Шеля. Он видел, что тот не желает этого поединка, как потом не желал стрелять в него. Быть может, написанное было всего лишь эмоциями, глупыми и безрассудными, просто выплеснутая на бумагу обида. А он пошел на поводу у своих демонов и одним махом разрушил несколько жизней...

Марина приходила к нему, когда он спал. Тихонько опускалась на колени подле софы и

смотрела на него. В ее душе в единый клубок сплетались многочисленные эмоции: боль от предстоящей потери, гнев и обида на него за то, что он натворил. Иногда ей даже хотелось ударить его, закричать на него, и она еле сдерживала себя при этом, выпуская весь свой гнев наверху, в своей половине, протыкая ножом для бумаг диванные подушки. Этот совет дал ей Сергей, когда увидел, насколько она напряжена, насколько в ней бурлят эмоции.

— Моя милая, ты сойдешь так с ума, держа все в себе.

— Я хочу кого-нибудь прибить, — прошипела она, едва сдерживая слезы. — Хочу ударить сильно-сильно, чтобы потом долго болели руки.

— Так иди и разбей что-нибудь. В куски, на осколки, — он вдруг протянул руку и коснулся ее волос, убирая выбившуюся из прически прядь за ухо. А потом тут же убрал руку, словно обжегся об нее. — Я потом куплю то, что ты разрушишь. Так что иди и бей смело. Выпусти свой гнев, свою боль. Иначе я... мы потеряем тебя, как едва не потеряли Катерину Михайловну.

Это была истинная правда. На третий день сообщили Катиш, что уже почти полностью оправилась от болезни, и рвалась спуститься вниз к завтраку, чтобы переговорить с Анатолем прежде, чем он уйдет на службу (ей продолжали лгать, что в доме все идет обычным чередом). Марине ничего не оставалось, как открыть правду золовке, умолчав при этом, что ранение Анатоля смертельно, а его противник мертв.

Но Катиш вдруг сама поняла. Будто сердцем почувствовала, не иначе. Она вдруг выгнулась, словно ощутила дикую боль внутри тела, а потом заверещала, завизжала тихим визгом, упала на пол, выгибая спину.

— Николя! Николя! Николя! — повторяла она как заведенная, стуча ногами и руками по ковру, выгибая спину колесом, будто у нее падучая. Марина, перепуганная увиденным, закричала во весь голос, призывая к себе на помощь, жалея, что отказалась от помощи Сергея или не позвала с собой Жюли, что прибыла к ней в подмогу, бросив все домашние дела, этим утром.

Катиш влили большую дозу лаудановых капель и уложили в постель. Спустя несколько часов припадок повторился, и снова лауданум и покой, приставили к Катиш сиделку из домашней прислуги. Повторив эти манипуляции несколько раз, доктор Арендт обеспокоился душевным здоровьем барышни.

— Я не могу увеличить дозу капель. Она итак уже выше нормы для ее положения. Боюсь, как бы эти припадки не сохранились в будущем, как бы Катерина Михайловна не потеряла ясность рассудка.

Марина встретила этот вердикт совершенно безучастно, к своему стыду в дальнейшем. Ей казалось, что ее душа уже перешла тот наивысший предел, и уже совершенно безучастно принимала очередные удары судьбы. Но ей это только казалось...

К вечеру пятого дня, когда на землю тихо спустились сумерки, и в доме уже зажгли свечи, чтобы развеять эту мглу, доктор Арендт сообщил близким и друзьям, что время для прощания пришло, что лихорадка скоро достигнет своего пика, и тогда вполне вероятно, что раненый впадет в летаргию. Один за другим в комнату, где лежал Анатолий потянулись посетители, что выходили от него, не скрывая своих эмоций.

Принесли маленькую Элен, что подняли с постели, когда наступил ее черед. Она еще толком не проснулась, терла кулачками глаза. Потянулась к Анатолю, и ее положили ему на грудь. Она уткнулась ему лобиком в подбородок, попыталась было устроиться спать на нем, как когда-то ранее спала, придя утром в спальню родителей, но ей это не дали — раненому

было тяжело это, оторвали от отца, вызвав громкий рев у девочки.

— Благословляю тебя, моя доченька, — Анатолий провел слабеющей рукой по ее волосам, наслаждаясь в последний раз ее детским запахом. — Будь счастлива, родная моя, радуй свою маму. А я буду смотреть за тобой с небес и радоваться тебе.

Он коснулся губами ее лобика и сделал знак, чтобы ее унесли, едва сдерживая рыдание, которое так и срывалось с губ, в отличие от суровой прежде немки-бонны, что плакала, не скрывая своих слез, унося из этой комнаты дитя, которое никогда более не увидит своего отца. А тихое «*Bonne nuit, petite papa!*»^[540], что сорвалось с губ Леночки, когда бонна уже перешагнула порог салона, вызвало у немки истерику, что продолжалась почти час.

Марина же скользнула к постели мужа почти бесшумно, опустилась на колени перед софой, прижалась щекой к его бурно вздымающейся груди.

— Мой дорогой, — прошептала она, и он раздвинул губы в улыбку, положил ладонь на ее голову, ласково поглаживая маленькое ушко жены.

— Мой ангел, — тихо проговорил он. — Мой дивный ангел...

Им ничего не хотелось говорить, только вот прикоснуться друг другу и молчать, наслаждаясь этими последними моментами, что им были отведены судьбой. Она слушала стук его сердца и до дрожи в руках желала, чтобы оно билось и билось далее. Она готова была пообещать что угодно, лишь бы он остался жив, лишь бы Господь не забирал его у нее. Когда-то Марина мечтала, чтобы они не были вместе, но даже представить себе не могла, что разлучиться им придется вот так страшно.

— Мой ангел, прости меня, — прошептал Анатолий, уже не скрывая слез, что горячими дорожками побежали по его щекам. — Я подался своим слабостям, и вот как все вышло. Катиш... Прощу тебя, скажи сестре, что она ни в чем не виновата, чтоб не смела винить себя. И фон Шель... Пусть не винит его, он не хотел стрелять в меня. Но вот судьба в последний миг заставила его руку дрогнуть и направила пулю в мое тело. Пусть не винит. И пусть простит меня, если сможет. О Господи, какой же я дурак! Мы ведь могли обвенчать их и удалить их прочь от ушей и глаз света, это было единственное, о чем она просила. Дать им имения в Псковщине, подальше от Петербурга. Позволить им стать счастливыми, не взирая на мнения и суждения света. Я ведь мог бы! Но нет! Разве ж это дело для меня пустить в свою семью «офицерское дитя»? Презреть обычаи света! А я разрушил ее судьбу, ее жизнь. Ведь они оба любили друг друга, я ошибался. Он сказал мне об том перед дуэлью. Что самое главное счастье, что было в его жизни — это Катиш. Ты передашь ей, мой ангел? Я хочу, чтобы она знала, ведь они, судя по всему, поссорились перед тем.

— Я передам, — глухо ответила Марина, глотая собственные слезы, что струились по ее лицу, капали на одеяло, на рубаху Анатолия, на ее ладони у него на груди. — Я передам.

— Прости меня, милая, прости! Мы могли бы быть так счастливы, так безмерно счастливы...

Некоторое время они молчали, потом Анатолий шевельнулся, давая ей понять, что хочет, чтобы она взглянула на него. И она подняла на него свои дивные глаза, от которых у него всегда захватывало дух. Перехватило дыхание и сейчас. Анатолий поднял ладонь и провел пальцами по мокрому от слез лицу.

— Ты так красива... так красива, мой ангел! Когда-то я сказал тебе слова моего отца, помнишь? Он сказал мне: «Любовь чертовски странная штука. Она не выбирает, когда и к кому ей прийти, кого осчастливить, а кого принизить, заставить страдать. Дай Бог, чтобы, когда ты подрос, мой сын, ты был в числе тех редких персонажей, кого она возносит на

небеса, а не тех, кого низвергает в ад», — он снова провел кончиками пальцев по ее скулам и произнес. — Творя свой собственный рай, я превратил твою жизнь в ад! Твою и жизнь Сергея. Теперь он навеки связан с этой глупенькой маленькой своей женой, а ты останешься одна из-за моей дурости. Прости меня. Прости за этот ад, что я сотворил для тебя! За этот ад на земле!

— Неправда! Неправда! — бурно возразила ему Марина, хватая его ладонь, поднося ее к губам. — Не скрою, бывали дни, когда я ненавидела тебя, когда мечтала разлучиться с тобой. Эти ссоры, скандалы, рукоприкладства, — Анатолий на этих словах поморщился от боли, не физической, с той она давно свыкся за эти дни. От сердечной, что разрывала его душу на части. — Но были дни, и их было гораздо больше, когда я была безмерно счастлива с тобой. И я говорю тебе как на духу нынче, что я ни о чем не жалею, ведь эти дни вполне способны перевесить те горести, что были в нашей жизни.

— Благодарю тебя, — тихо прошептал Анатолий.

Она склонилась над ним в последний раз, пристально глядя в его темные глаза, полные любви и тоски. Прикоснулась губами сначала его горячего лба, потом его пересохших губ, задержалась на них долгим нежным поцелуем.

— Не носи по мне траур более года, — прошептал он ей в губы. — Я хочу, чтобы твоя жизнь была полна красок, слышишь? Хочу, чтобы ты была счастлива!

Затем Марина прикоснулась лбом его лба, словно не в силах оторваться от него, и только, когда он слегка толкнул ее, давая понять, что не выдержит более этой муки расставания, оторвалась от него, как слепая, прошла к двери и покинула салон, не скрывая ни от кого своего горя, кинувшись в объятия Жюли, что ждала ее у дверей.

Но это было не последнее их свидание. Спустя пару часов, когда Марина уже выплакала все слезы и была напоена успокоительными каплями, к ней в комнату, где она ждала вестей с первого этажа, пришел дворецкий и сообщил, что прибыл стремянной из Завидово. Он привез с собой некую вещицу, что потерял барин прошлым летом и протянул ей на ладони тонкий золотой ободок. Марина взяла его дрожащими пальцами, не веря своим глазам, а потом вдруг сорвалась с места, бросилась вниз в салон, где лежал ее муж. По дороге она потеряла туфли, прическа ее пришла в беспорядок, но она не обратила ровным счетом никакого внимания на это. Пронеслась мимо растерянных визитеров, что по-прежнему были в комнате, смежной с салоном, мимо Арсеньевых, что взглянули на нее встревожено, отодвинула в сторону доктора, что стоял, склонившись над раненым.

Марина упала на колени перед софой, даже не ощущая боли в ногах от удара об пол, схватила руку Анатолия.

— Милый, мой дорогой! — позвала она, и он открыл глаза, вернувшись к ней из забытья, в которое провалился некоторое время назад. Он заметил, как она берет его правую ладонь и аккуратно и медленно надевает на его безымянный палец обручальное кольцо, как когда-то в церкви Аничкова дворца.

— Они отыскиали его! — Анатолий поднял на нее глаза, сверкающие ныне каким-то лихорадочным блеском. — Отыскиали! Теперь все будет хорошо, *est-ce vrai*? Я поправлюсь, и мы поедем с тобой в Европу. Париж, Вена, Карлсбад, Рим... Я покажу тебе такие места... Мы поедем на море... Вместе... Мы будем так счастливы...

— Да, конечно, — кивала ему Марина, прикасаясь губами к его широкой сильной ладони. — Мы обязательно поедем в Европу. Вместе. И мы будем обязательно счастливы...

Анатолий умер через пару часов, около полуночи, когда из распахнутых окон, у которых

стояла Марина и смотрела на ночной Петербург, донесся тихий звон, оповещающий горожан о наступлении ночи. Эту весть ей принесли Арсеньевы, отводя глаза в сторону, не в силах сказать вслух эти страшные слова.

Но Марина поняла. Она знала, что ее муж был обречен, что ничто не могло спасти его, но не смогла вдруг сдержать крика, что рвался из самой глубины ее души. Она так закричала, что ее крик эхом разнесся по ближайшим улицам, заставляя дворника, сидевшего на крыльце своей сторожки, неистово перекреститься.

Так закричала, что Катиш, мирно спавшая тихим сном в постели, вдруг подскочила, перепугав сиделку, что дремала в кресле у ее постели, а потом упала обратно на подушки и заплакала, уткнувшись лицом в перины.

Так закричала, что услышала челядь, ужинавшая в «черной кухне», смолкла тут же, осознав, какие перемены вошли в их дом, дружно перекрестились, поминая барина, желая его душе покоя на небесах.

Так закричала, что Сергей, стоявший у дверей салона, где плачущий Федор, складывал руки барина на грудь, уже не поднимающуюся в тяжелом дыхании, уткнулся лицом в бархатные портьеры, закусив плотную ткань зубами. Этот крик отозвался такой острой болью в его душе, что стало трудно дышать, твердый комок прочно перекрыл дыхательные пути в горле. Его горе усилилось нынче во сто крат тем горем, что он слышал в этом вопле, и он едва стоял на ногах от тяжести, что навалилась на плечи.

А потом он все же сумел оторваться от косяка, прошел вглубь комнаты, где на софе лежал его друг. Вернее, тело его друга, ведь ему не хотелось думать, что это конец, что Анатоля более нет. Уж лучше думать, что он где-то тут рядом, невидимый стоит подле и наблюдает за ним.

Сергей склонился над Анатодем, в последний раз вглядываясь в его черты. В последний раз, ибо знал, что более у него не будет шансов попрощаться с ним, ведь Загорскому было суждено отныне провести дни в заключении, ожидая суда и решения своей участи.

— Прости меня, — вспомнились слова Анатоля, будто донеслись из того мига, когда друзья прощались. — Я был слеп и глух, я не должен был поступать так, как поступал. Я разрушил твою жизнь.

— Нет, — покачал тогда головой Сергей. — Мы сами ответственны за свои жизни, сами их разрушаем. Твоей вины в том, что случилось в моей жизни, нет.

— Это я упросил о ссылке для тебя, — прошептал Анатоли. — Я виноват в том, что ты попал на Кавказ. Я думал, что тебя отправят в деревню и только. Прости меня.

— Я знаю это давно. И давно простил тебе все, что ты совершил, mon ami.

— Благодарю, — сжал ладонь Сергея удивленный услышанным Анатоли, зная, что тот действительно простил ему все прегрешения перед ним. И так ему было отрадно снова слышать это тихое «Mon ami» из уст Сергея.

— Обещай мне! — он уже едва находил силы, чтобы говорить, но все же сделал эту попытку. — Обещай мне, что позаботишься о них. Станешь отцом для Элен. Тем, что должен был быть. Нет, возражай мне! Обещай же! И обещай, что не оставишь Ее. Я знаю, что ты будешь всегда рядом с ней, но все же... Обещай!

Сергей коснулся губами уже холодного лба Анатоля, едва сдерживая слезы, что навернулись на глаза в это миг.

— Прощай, mon ami. Спи покойно, я позабочусь обо всем, — прошептал он. А потом развернулся и быстро вышел из салона, миновал длинную анфиладу комнат и вышел во двор,

где распорядился подать ему коня. Взяв в руки поводья, он в последний раз оглянулся на окна второго этажа, где сейчас должно быть приводили в чувство Марину. Господи, дай ей сил пережить эту горесть, ибо я не волен ныне быть рядом с ней, взмолился он и легко взлетел в седло, с трудом сглатывая ту горечь, что вдруг образовалась во рту. Он не знал, когда ему отныне доведется увидеть ее. Он оставлял ее помимо своей воли одну под ударами судьбы, и это причиняло ему такую боль ныне, что она даже не мог думать об том спокойно. Оставалось только надеяться, что ему удастся вывести из-под удара Арсеньева, а уж тот непременно позаботится от Марине сейчас, когда ей так необходима поддержка.

Сергей не стал оборачиваться снова на особняк, что стоял сейчас погруженный в темноту, словно в горе, что вошло в него ныне, а направил коня прочь за ворота. Сейчас он поедет к себе в особняк, где переменит платье на свежее, попрощается с дедом и женой, а далее отправится в крепость, чтобы дожидаться там наказания за эту нелепую трагическую авантюру.

L'orage approche [\[541\]](#), он чувствовал это, ведь это еще был не конец. И он достойно встретит ее лицом к лицу. Ведь la fortune et l'humeur gouvernent le monde [\[542\]](#), и ему ныне не оставалось ничего иного, как надеяться на то, что судьба улыбнется ему вновь, как улыбалась ранее. Только на это. Другого ныне было не дано...

Сергей в очередной раз прошелся по камере — от крепкой деревянной двери с форточкой для подачи пищи и небольшим оконцем-глазком для наблюдения за заключенным до противоположной стены с маленьким высоким окошком, сквозь которое он мог видеть только крепостная стена да кусочек голубого неба. Солнце пока не вошло в зенит, потому в камере еще было сумрачно и не так душно как тогда, когда оно начинало светить прямо в камеру, превращая ее в раскаленную печь. Тогда становилось так жарко, что приходилось скидывать рубаху и сапоги и ходить с голым торсом и босыми ногами.

Десять шагов. Десять шагов от двери до окна и столько же обратно. Можно еще пройти от деревянной кровати до другой стены. Там уже меньше — всего пять. За эти долгие дни и ночи, что Сергей провел в этом каменном мешке, он изучил возможные пути прогулок по камере досконально.

Он дошел до стены и уперся руками о каменную кладку, устремил взгляд вверх, в небо, что виднелось в маленькое оконце. Скоро зазвонят к обеду, а после пройдет еще немного времени, и дверь этой камеры распахнется, пропуская сюда его жену, что приходила через день в его узилище. Эти короткие свидания каждый раз заканчивались одинаково — ее слезами и его раздражением. А еще жесточайшим чувством вины перед этой девочкой, которой он не должен был делать предложение, потому как оно сломало ей жизнь, сделало ее несчастной.

Сергей вспомнил, как уходил два месяца назад из городского особняка Загорских. Известие о том, что ему надлежит явиться в Петропавловскую крепость, где он должен содержаться до дня, когда по делу свершившейся дуэли будет собрана следственная комиссия, его родные встретили по-разному: дед сурово сдвинул брови, промолчал, только покачал головой, а вот с Варварой Васильевной случилась истерика. Она бросилась ему в ноги, умоляла ехать к государю и просить его о снисхождении и милосердии, ведь Сергей был не дуэлянт, а лишь секундантом, свидетелем. Но тот ответил категорическим отказом и продолжил сборы, после нескольких безуспешных попыток успокоить ее оставив это дело. Княгиню увели служанки в свои комнаты, предоставив мужчинам поговорить наедине.

— Сережа, ты ведь понимаешь, что наказание будет суровым. К чему был тебе этот вызов фон Шеля? К чему второй поединок? — качал головой Матвей Сергеевич.

— Что, если бы он убил Анатоля тогда, но остался жив? — коротко ответил Сергей, прикуривая сигару.

— Вот тогда бы и вызывал. Зачем ты это сделал ранее? Или была причина? — прищурил глаза старый князь. — Тебя Анатоль просил убить фон Шеля? О, безумец! Безумец! Зачем ты пошел на это? Ради чего? Ради дружбы отроческих лет? Какая дружба толкает на эшафот?! Какая?! Я всегда знал, что этим дело кончится!

— Он не мог предположить! — взревел Сергей, повышая голос на деда. Да, истинная правда. Анатоль знал последствия, к которым могла привести смерть фон Шеля от руки Сергея на повторном поединке. Слава бретера и азартного игрока в жмурки со смертью сослужила бы в этом деле Сергею дурную службу, а мотивы, которые двигали им при этом, вели сразу на виселицу. Если бы Сергей убил фон Шеля, эту смерть однозначно любой суд признал бы преднамеренным убийством при этих обстоятельствах.

И Анатоль знал это. Знал и все же попросил Сергея убить кавалергарда. Если бы фон

Шель тогда не попал случайно в Анатоля, а тот не убил его, то к барьеру бы встал Сергей, и он не уверен, что Анатолий удовлетворился бы просто ранением кавалергарда. Под суд пошли бы все, но только он один получил бы высшую меру при этом.

Нет, встряхнул головой Сергей, это не может быть правдой. Вероятнее всего, Анатолий просто был ослеплен своей яростью и не подумал о тех последствиях, что проявились бы при этом. Или подумал? Не от того ли так настойчиво просил простить его на смертном одре? Но и тут Сергей ответил ему правду: не только вина Анатоля, что голова его друга уже почти в петле. Сергей сам знал, на что идет, вызывая фон Шеля. Глупая игра с судьбой...

Нет, он не будет сомневаться в Анатоле. Просто не желает, несмотря на то, что дед так хмурит лоб и утверждает обратное. Этого не может быть. Точка!

— Грешно обвинять того, кто уже никогда не сможет оправдаться, — сказал он деду, и на этом тема разговора была сменена.

Спустя некоторое время, когда все было готово к отъезду Сергея из дома, в гостиную вновь спустилась Варенька, растрепанная, с зареванным лицом. Были женщины, которым слезы были к лицу, и плакали они красиво. Вареньку же плач делал совершенно некрасивой, обнажая все недостатки ее внешности — глаза сразу становились маленькими и опухшими, нос заострялся, лицо шло пятнами.

Она тут же метнулась к мужу и, не стесняясь ничуть присутствия старого князя, которого обычно побаивалась, обвинила супруга:

— Это все ваша греховная страсть! Это ведь из-за нее, не правда ли? Из-за этой женщины, которую я некогда считала образчиком добродетели, семейному счастью которой так завидовала, в чем каялась каждый раз на исповеди. И что оказалось? Все это пшик! Ширма! А она вовсе не добродетельная жена. Когда она сошлась с вами, мой супруг, — до или после своего венчания с графом? Тогда же заимела от вас дочь? Бедный граф! Немудрено он был вынужден защищать ее честь ныне!

— Молчите! — прошипел ей в лицо Сергей, хватая ее за локоть. — Молчите, ибо я уже на грани бешенства от ваших слов! Не смей даже упоминать ее в таком тоне! Вы многого не ведаете, моя дорогая! А потому не судите, и не судимы будете!

— О, вы вспомнили Писание? — едко проговорила Варенька, сверкнув глазами. — А как насчет десятой заповеди? Быть может, и ее вспомните, коли забыли? Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякого скота его, ничего, что у ближнего твоего. Разве не так гласит она? Разве не так? Не желай жены ближнего своего!

Последние слова она выкрикнула ему в лицо, и Сергей поморщился от этой истерики, от этого домашнего скандала, которого только ему ныне и не хватало для полноты несчастья. Старый князь, тоже недовольный поведением невестки, поспешил вмешаться в их ссору, быстро прикрывая двери, чтобы домашние слуги не слышали их слов:

— Прошу тебя, Серж, отпусти супругу, ты же видишь, она не в себе. Весьма расстроена твоим арестом, сложившимся положением вещей. А вы, моя дорогая! Я удивлен вашим поведением, Варвара Васильевна, опуститься до подобной склоки, до крика. Аки торговка. C'est honteux! [\[543\]](#)

Сергей отпустил ее локоть, и Варенька упала на ковер, заливаясь слезами, будто не в силах более стоять на ногах. А потом вдруг снова метнулась к нему, обхватила руками его колени, прижалась мокрым от слез лицом к его ногам.

— Не ходи, прошу тебя, не ходи никуда! Я чувствую, что не вымолю тебе нынче, не

вымолить! Не ходи!

— Варвара Васильевна! Варенька! Умоляю вас! Поймите, il est impossible de le faire ^[544],
— Сергей пытался успокоить ее, но она еще неистовее плакала и прижималась к нему, отрицательно качая головой на его увещания.

В итоге пришлось кликнуть лакея, и тот унес упирающуюся барыню наверх. Сергей проводил ее долгим взглядом, а потом попросил деда:

— Вызовите ей доктора, уж слишком бурно. И прошу вас, увезите ее в деревню. Не стоит ей тут оставаться, пока дело решается.

— Ну, с Богом, Сережа, — обнял его напоследок старый князь. — С завтрава поеду хлопотать по твоему делу. Бог даст, все обойдется!

— И о ней, о Марине Александровне, позаботьтесь, grand-père. Нынче ей совсем худо будет, — Сергей немного помолчал, а после добавил. — А о моем деле ей ни слова, ни единого. Ни к чему это.

Он оттолкнулся от стены ладонями, повернулся и пустился в очередной путь, на этот раз к двери. Два месяца в этой камере, и еще неизвестно, сколько времени будет впереди. А может, и не будет, ведь следственная комиссия уже вынесла свое решение.

За секундантизм на дуэли, унесшей жизни двух офицеров, не имевшей серьезных обстоятельств, кроме как пустой пьяной ссоры, как выходило по свидетельству очевидцев, за недонесение об оной властям князь Загорский был приговорен несколько дней назад к высшей мере наказания согласно Уставу Петра I — казни путем повешения за шею. Остальные участники этой трагической авантюры приговаривались: кавалергард де Шарни — к понижению в звании и заключению в крепости сроком на два месяца, принимая в виду его раскаянье и содействие расследованию, а Арсеньев — к высылке из столицы с невозможностью проживания в крупных городах империи сроком на два года.

На комиссии Сергей лишь улыбнулся, приподняв правый уголок рта, услышав собственный приговор. Единственное, о чем он сожалел тогда и жалеет теперь, что смерть будет такая некрасивая — не в бою от руки неприятеля, не у барьера, защищая свою или чью-то честь. А потом, уже в камере, оставшись наедине со своими мыслями, вдруг к нему пришло осознание того, что он более никогда уже не покинет этих стен, разве что в последний путь на эшафот. Никогда более не проедет верхом на Быстром по лугам Загорского, не вдохнет запах свежескошенного сена. Никогда более не тронет Ее кожи, Ее волос, не услышит Ее мелодичного голоса, шелеста Ее юбок...

Марина. Невозможность быть рядом с ней в этот трудный для нее час причиняла ему невыносимую боль, вгоняла его в тоску. Он знал со слов Арсеньева, что церковные власти отказали Анатолю в отпевании, как отказали в отпущении грехов перед кончиной, ссылаясь на церковный устав, что приравнивал убитых на дуэли к самоубийцам. Очередной удар для Марины.

Сергей тогда разбил кулак в кровь о каменную стену камеры, думая о том, как ей тяжело ныне, а он ничем не способен ей помочь. О том, что не был с ней, когда она писала и писала письма государю, умоляя его поспособствовать в решении вопроса об отпевании ее супруга. Марина, в конце концов, добила своего — император распорядился, чтобы обряд погребения его бывшего адъютанта был проведен по правилам, даже самолично прибыл в церковь на отпевание, показывая своим поступком, что простил сумасбродную выходку Анатоля.

Сергей знал, что дело непременно закончилось бы этим благополучным исходом.

Просто государь показал всему свету, насколько недоволен он дуэлями среди дворянства. Потому Сергей уже заранее знал, что ему, как всем известному бретеру и дуэлянту, вынесут самый строгий, показательный приговор. Он не надеялся на иное, в отличие от его деда и супруги, от Павла, для которых решение следственной комиссии привело в шок и отчаянье.

Его маленькая жена до сих пор плакала каждый раз, как навещала его. Она наотрез отказалась покидать Петербург, пока дело супруга не решится, посещая его мрачное узилище почти каждый Божий день. Вообще-то посещения узников были строжайше запрещены, но его дед хорошо знал коменданта крепости, и потому в этом препон не возникло.

— Это вам во испытание вашей воли, супруг мой, — проговорила задумчиво Варенька, в первый раз навестив его тут, в этой камере, оглядев каменные стены, маленькое оконце, грубую и скудную обстановку: кровать с жестким матрасом и колючим шерстяным одеялом. Разумеется, спустя неделю Степан, которого раз в два дня пускали в камеру, чтобы сменить барину белье и принадлежности, немного облагородил его постель: принес две перьевые подушки и легкое покрывало.

— Быть может, это вам даровано свыше в знак того, что жизнь ведете несправедливую, полную грехов, — она достала из ридикюля небольшую икону и протянула ему. — Вот, лик Сергия Радонежского, вашего покровителя. Обратитесь к нему, и я уверена, что он явит вам свою милость, не оставит вас в трудностях ваших. Молитесь, как я молюсь неистово еженощно, и тогда все разрешится благополучно.

Сергей тогда улыбнулся и ласково погладил пальцем ее щеку, заставив ее смущенно потупить взгляд. На миг воцарилась идиллия меж ними, ведь Варенька пообещала ему никогда более не вспоминать того, что говорила в день его отъезда в крепость, обещала забыть о том, что узнала так неосторожно. Но эта идиллия тут же была нарушена — его маленькая жена вдруг схватила его за руку и порывисто проговорила:

— Что вы намерены делать со мной, Сергей Кириллович?

— Я не понимаю вашего вопроса, — ответил он, прекрасно видя, о чем она ведет речь. Раздражение вдруг захлестнуло его волной, перепутываясь со злостью — как низко она думает о нем!

— Намерены ли вы оставить меня? Теперь, когда Марина Александровна отныне свободна для последующего брака. Желаете ли вы развод?

Сергей подскочил, как ошпаренный, с кровати, на которой они сидели, отошел быстрым шагом к оконцу и уставился в него, заложив руки за спину.

— Vous direz des absurdités! ^[545] — сказал он раздраженно. — Помилуй Бог, Варвара Васильевна! Анатоля Михайловича еще не успели положить в землю, только обоз выехал из Петербурга в Завидово, а вы такие речи ведете! Вы моя супруга перед Богом и людьми, и ничто не изменит этого. Ничто!

Варенька поднялась с постели и медленно приблизилась к нему, коснулась ладонью напряженных мышц его спины.

— Простите меня, — тихо проговорила она. — Просто я так боюсь...

— Нет причин для того! — оборвал ее Сергей. А потом повернулся к ней, взял ее ладони в свои руки, коснулся каждую губами в коротком, слегка отстраненном поцелуе. — Вы моя супруга, Варенька. Я никогда не оставлю вас. Я клялся почитать вас и заботиться о вас до самой своей смерти и намерен выполнить свои клятвы.

Почитать и заботиться! Но не любить! Варенька не могла не отметить этого, услышав слова супруга. Все эти поцелуи и нежные прикосновения приносили ей не только радость и

отраду. Они также повергали ее в тоску, ведь она понимала, что они скорее вызваны долгом, велением рассудка, а не сердцем. Она слышала от челяди, что шепталась иногда о хозяевах, что в роду Загорских мужчины были непременно однолюбы: отец Сергея любил только одну женщину, свою супругу, а дед, Матвей Сергеевич, рано потеряв горячо любимую жену, так снова под венец и не пошел, что вызывало удивление окружающих. Она слушала эти шепотки, и ей становилось худо при мысли, что так никогда ей и не удастся получить столь желаемое — сердце своего супруга, его любовь.

Сергей уже почти вернулся на начальную точку своего обхода камеры — к оконцу, когда за дверью загрохотало, и глазок распахнулся, показывая арестованному часть лица солдата-надзирателя. Тот обвел взглядом камеру, убедился, что Сергей на месте, а потом захлопнул его и загремел ключами.

Будто, он куда-то мог улететь через это маленькое окошечко в стене, усмехнулся Сергей, а потом нахмурился, гадая, кто мог к нему пожаловать. Это точно не жена, к обедне только прозвонили. Арсеньев же был в Киреевке — отбыл тотчас, получив на руки предписание. А дед не планировал нынче визита к нему, безрезультатно осаждая приемную государя, дабы умолить его о снисхождении к Сергею, смягчить его наказание. Только вот смотря как — в Уставе было также прописано и лишение прав и привилегий, а, по мнению Сергея, уж лучше смерть, чем лишение дворянства.

Толстая деревянная дверь распахнулась, и солдат отступил в сторону, пропуская вперед даму, что опустила в его подставленную ладонь несколько монет.

— Благодарствую, барыня, — снял фуражку тот и поклонился, а потом повернулся к Сергею. — Ваш выскоблагородие, тут дама к вам. Пять минут, не более. Более не могу никак.

Женщина кивнула солдату и прошла в камеру. Тяжелая дверь за ней захлопнулась, с лязгом затворились запоры.

Сергей замер на месте, даже дышать, казалось, забыл, наблюдая, как хрупкая невысокая фигура в траурном облачении медленно движется к нему. Рука, обтянутая черным кружевом, откинула вуаль с лица, и на Сергея устремился взгляд серо-зеленых глаз Марины, блестящих странным блеском ныне. Не пролившиеся слезы, заметил он, когда она приблизилась к нему из мрака камеры, ступила в луч солнечного света, что падал ныне из оконца поверх его головы.

— Кто тебе сказал? — спросил он глухо, переводя дыхание. Она замерла на миг, а потом вскинула высоко подбородок. Что-то надумала, сразу же определил Сергей, успевший узнать все ее повадки. Или сейчас ринется в наступление на него. Он не ошибся. Марина резко проговорила:

— Жюли. И не вини, что она открылась мне. Полагаю, сам ты хотел, чтобы я узнала... узнала о свершившемся из Петербургского вестника после? Как мило и как заботливо с твоей стороны!

— Я хотел тебя оградить...

Но Марина не дала ему договорить. Метнулась быстро к нему, встала рядом, чтобы видеть выражение его глаз, ведь до этого ей мешало солнце, что светило ей прямо в лицо. Теперь, когда она стояла подле него, он ясно видел, как она разозлена — ее ноздри так и раздувались в такт ее тяжелому дыханию.

Сергей невольно залюбовался ею, потерявшись на мгновение в пространстве и времени, едва его обоняние уловило слабый запах ее духов, едва заглянул в эти глаза, что затянули его

словно в омут. Марина похудела со дня их последней встречи, но легкий загар, который она приобрела за это время в деревне, устранял видимость болезненной худобы. Если бы не выражение глаз — горестное, едва укрывавшее в своей глубине боль, что она перенесла и до сих пор испытывает, он бы ни за что не подумал, что жизнь этой красивой хрупкой женщины в последнее время была полна душевных страданий.

— Не надо меня ограждать отныне! Ни от чего, слышишь? Отныне я сама решаю, что мне следует знать и как следует поступать! — горячилась она, так и сверкая глазами.

Сергей поднял шутливо руки вверх, будто признавая свое поражение, а потом спросил:

— Как ты, милая? Как твоё здоровье? Как Элен?

— Я уже почти оправилась, — нехотя сменила Марина тему разговора, пойдя у него на поводу. — А Элен в отличном здравии. Дети — блаженные существа, они не ведают всей глубины горя. Иногда я завидую ей в том, ведь эта боль так остра... Я иногда ловлю себя на мысли, что все это мне просто приснилось, что он на маневрах, занят и не может писать. А потом я иду к церкви и захожу на кладбище, понимаю, что вовсе не сплю. Его более нет...

Она запнулась, и он невольно сжал ее плечо легко в знак ободрения, а потом тут же отдернул руку, поймав себя на желании опустить ее на тонкую талию, обтянутую шелком, крепко обнять. Так крепко, чтобы их тела почти слились в одно единое. Сергей немного качнулся назад от нее, улыбаясь извинительно, слегка смущенно:

— Прости, нам лучше быть поодаль друг от друга. Понимаешь, я рубаху меняю не так часто, как хотелось бы...

Он смутился окончательно, заметив, как сверкнули ее глаза в догадке, и отвернулся к окну, не в силах более смотреть ей в глаза, ощущать ее запах, чувствовать ее тело рядом с собой. Как перебороть эту странную тоску по ее нежным рукам? Особенно теперь, когда они скорбят по Анатолю. Быть может, если он не будет видеть ее...

Но это не помогло. Он сердцем, что сейчас бешено гоняло кровь по венам, чувствовал ее присутствие рядом с собой. Так близко и в то же время так далеко...

— Почему ты смолчал на комиссии? — проговорила Марина тихо. — Почему не открыл истинной причины дуэли Анатоля и фон Шеля? Ведь о ней никто не ведаёт, кроме тебя и Павла Григорьевича. Но вы молчите...

— О чем ты говоришь? — с горечью спросил ее Сергей, упираясь ладонями в каменную стену, лишь бы удержать себя в руках и не коснуться ее. — Предать огласке эту историю? Что будет тогда с будущим Катерины Михайловны?

Марина вспомнила ту бледную тень зловки, что ныне бродила по парку безучастно ко всему происходящему и разрывала иногда ночную тишину своими криками, полными тоски и боли. Ей было жаль эту девушку, потерявшую возлюбленного и брата, но нынче на чаше весов была жизнь Сергея. А нынче важнее для Марины ничего не было.

— Она решила не выезжать в свет несколько лет, нося строгий траур по Анатолю и по фон Шелю. А за три года многое сотрется из памяти светских сплетников. Прошу тебя откройся заседателям или хотя бы императору напиши о причине дуэли. Он обязательно тогда пойдет навстречу, вот увидишь.

— Что ты предлагаешь мне? — плечи Сергея напряглись, выдавая гнев, охвативший его ныне. — Презреть память Анатоля? Презреть собственные принципы? Собственную честь? Опорочить деву? И ты любила бы меня после этого? После этого бесчестья?

— Я бы любила тебя любим! — запальчиво воскликнула Марина, срываясь на крик. — Калекой или здоровым, богатым или сирым и убогим, с честью и без оной! Честь! К чему

честь, когда ты будешь мертв?!

Она вдруг подалась к нему, уткнулась лбом в его напряженную спину, но руками не тронула, опасаясь, что нарушит те обещания, что сама себе дала перед приходом сюда — не нарушить ничем памяти о супруге.

Сергей вздрогнул от этого касания. На мгновение он был готов поддаться, пообещать ей, что он сделает все, что она желает, но быстро взял себя в руки.

— Нет.

— Они повесят тебя, если ты не сделаешь этого, — прошептала Марина. — А уж этого мне точно не перенести. Моя жизнь будет кончена, когда оборвется твоя. Я буду существовать ради дочери, но не более... Умоляю тебя. Умоляю!

Но то самое благородство натуры, что толкнуло пятнадцать лет назад дворян на Сенатскую площадь в надежде на благополучный и бескровный исход задуманного, ныне взяло вверх и в душе Сергея.

— Я не могу этого сделать. Не проси. Ибо буду сам себя презирать позднее за подобное малодушие. На кону честь девушки, разве ты не понимаешь этого?

Марина поняла. Поняла и отступила, приняла его решение.

— Уезжай в деревню. Я не хочу, чтобы ты была здесь, когда это произойдет, — глухо проговорил Сергей, по-прежнему не оборачиваясь к ней. — Береги Элен и себя, хорошо? Я слышал, Анатолий полностью обеспечил ваше будущее. Но ежели что, то Матвей Сергеевич всегда готов тебе помочь. В любом деле. И не плачь более, слышишь? Я не хочу, чтобы ты плакала. Пойми же, что бы ни предприняли мы нынче, исход будет один. Мне еще в первое слушание командир полка сообщил *entre nous soit dit* [\[546\]](#), что государь не намерен смягчать приговоры, намереваясь сделать этот процесс показательным для всего дворянского сословия, так он устал от дуэлей. Мы уже неоднократно писали к государю. И мой дед, и генерал Мунк [\[547\]](#), и другие сослуживцы. Все тщетно. А пользоваться той лазейкой, что ты предлагаешь, я считаю низким и подлым для своего нрава.

Марина вдруг обошла его и коснулась рукой его лица, заставляя его сердце дрогнуть в ответ на эту скупую ласку. Она провела пальцами по его лбу, затем повела их вниз, прямо по линии шрама, до самых губ, где Сергей перехватил их и прижался к ним в горячем долгом поцелуе. Эти тонкие нежные пальчики... Вот так бы век стоять, прижавшись к ним губами, ощущая, как они мелко дрожат в его ладони!

Потом она вдруг вырвала пальцы из его руки, покраснев от досады на себя, что не сдержала слово, от горечи, что вдруг наполнила ее душу, от собственного бессилия достучаться до него. Отвернулась от него, дрожащими руками натягивая обратно на ладонь кружевную перчатку, что сняла, желая ощутить под кончиками пальцев его теплую кожу, слегка шершавую на скулах и подбородке от намечавшейся щетины.

Сергей смотрел на ее подрагивающие плечи, на ее спину и стан, обтянутый черным шелком. У него горели ладони от желания коснуться ее в последний раз, но он не смел. Ведь права на это у него уже давно не было. И тогда он просто провел ладонью по воздуху, не касаясь ее, повторяя изгиб ее тела. Плечо, потом вниз по линии спины — от лопатки до тонкой талии.

Когда его ладонь уже достигла конца своего пути — изгиба талии, Марина опустила вуаль на лицо и повернулась к нему, заметила, как он убрал руку, но ничего не сказала, только грустно улыбнулась одними уголками губ. А после перекрестила его, не спеша, благословляя на прощание.

— Благослови тебя Господь, Сережа, — от ее тихого шепота и последующего поцелуя в лоб через тонкую ткань вуали у Сергея защемило в сердце, стало трудно дышать.

— Благослови и тебя Бог, родная моя, — так же тихо ответил он, по-прежнему не решаясь ее коснуться, связанный условностями и клятвами.

Марина задержалась на миг, словно впитывая в память каждую черточку его лица, а потом, заслышав лязг отпираемых затворов на двери, медленно пошла к выходу, чувствуя на себе его взгляд. А потом она вдруг обернулась, уже почти переступив порог камеры, оглянулась на него.

— Я люблю тебя. Я буду любить тебя до последнего вдоха, — произнес Сергей, и она замерла, пропустив укол острой боли в самое сердце.

— Я люблю тебя, — коротко ответила она, и он коротко кивнул на прощание.

Таким Марина и запомнит его — стоявшим в луче солнечного света, заложив руки за спину. Белая рубаша на выпуск, распахнутый ворот сквозь который видна сильная шея и немного груди. Светлые растрепанные волосы, в которые ей так хотелось запустить пальцы, вокруг головы будто нимб, образуемый солнечными лучами. На губах усмешка, приподнявшая правый уголок рта.

Она шла по узкому коридору вслед за солдатом, ничего не замечая вокруг. Боль от потери Анатоля еще была жива в ее сердце, завладевая ею по ночам, когда в доме устанавливалась тишина, или днем, когда она вдруг приходила в его кабинет и перебирала его личные вещи.

Она не могла находиться в городском дома пока, и ей пришлось попросить Жюли предоставить ей особняк Арсеньевых, пока она находится в Петербурге. Ведь в том доме, где прошли их счастливые семейные дни, Марине начинало казаться, что вдруг откроется дверь, и войдет Анатолий с извинениями, что он отсутствовал столь долго исключительно по делам службы.

Но этого не будет. Никогда. Ведь Марина сама просидела тогда у открытого гроба в церкви, глядя и глядя его руки, поправляя обручальное кольцо на его пальце. Она словно оступела тогда, не замечая никого вокруг, только это белое лицо с заострившимися чертами, будто он злился нынче на кого-то или что-то. И Марина сама ехала в карете впереди катафалка, что увозил Анатолий в его последнее путешествие в фамильное имение. Она как никогда чувствовала в тот момент свое одиночество, ведь Жюли, обеспокоенная судом над Павлом не смогла бы сопровождать ее, а просить ее Марина не смела, понимая состояние подруги. Правда, позднее на следующей заставе ее нагнала сестра с мужем-французом, но они так и были словно врозь, хотя ехали вместе и также вместе присутствовали на погребении.

Одна... Совсем одна в этом мире.

А теперь и Сергея жестокое Провидение хочет отнять у нее! Где же обещанное когда-то Зорчихой благое после всех испытаний и горестей, что ей далось испытать на своем веку? Где это счастье? Не надо ей этого обещанного счастья, если не будет его, единственного... Того, кем только и жило ее сердце... Того, в ком была вся ее жизнь, до самого последнего дня...

Марина, погрузившись так глубоко в свои горькие думы, столкнулась случайно с кем-то, когда уже выходила во двор, направляясь к своей коляске.

— Pardonnez-moi, s'il vous plaît^[548], — проговорила она, мельком кидая взгляд на ту, кого задела нечаянно плечом. При столкновении капюшон кружевной мантильи цвета

слоновой кости слетел с темно-каштановых буклей девушки, та удивленно взглянула в этот миг на свою невольную обидчицу. Карие глаза Вареньки, княгини Загорской, встретились с серо-зелеными глазами Марины, почти неразличимыми сквозь темную ткань вуали траурной шляпки.

— Ça ne fait rien! [\[549\]](#) — ответила ей Варенька, еще не узнавая эту даму в трауре, что выходила из бастиона. Она сделает это только потом, когда ее уже почти проведут до двери камеры Сергея. Вспомнит, где могла видеть эти большие глаза, где слышала этот тихий голос. Да и догадаться было несложно, заметив, как задумчив нынче Сергей, с каким выражением глаз смотрит вверх на нежно-голубой кусочек неба, что был виден ему в маленькое оконце камеры.

И от этого выражения глаз Варенька вдруг ощутила дикое желание налететь на него и ударить, Сильно, прямо всей ладонью по лицу. Чтобы стереть его из этих серых глаз, будто подернутых какой-то дымкой, чтобы стереть эту странную кривую улыбку, словно ему и больно, и отрадно в единый миг.

А еще хотелось упасть прямо на этот каменный пол, с пожухлой соломой кое-где и зарыдать во весь голос от того, что так терзало ее душу сейчас, от той боли и тоски, от которых не спасали даже молитвы и церковная благодать.

А потом пришла ненависть. Огромная ненависть к этой хрупкой маленькой женщине со светлыми волосами и зелеными глазами. К этой ведьме, что приворожила ее супруга, ведь разве бывают у обычных людей такие глаза? И разве не стояла она одной ногой в могиле, и всякий раз при этом не спасал ее кто-то из того, иного мира? Разве не за ее колдовские дела карает ее нынче так жестоко Господь?

«Отче наш, Иже еси на небесах! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого», — беззвучно повторяла Варенька, едва шевеля помертвевшими губами, смотря в спину не повернувшемуся пока к ней Сергею.

Но ненависть никак не уходила, и она заплакала, позволяя слезам катиться и катиться по щекам, ощущая собственное бессилие, видя свои слабости, с которыми она не могла бороться.

— Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!

Марина и думать забыла об этой случайной встрече при выходе из бастиона. Она-то сразу узнала жену Сергея, и это узнавание словно огнем опалило ее лицо, заставило залиться краской стыда — мало ли греха, быть почти пойманной на свидании с чужим мужем да еще кем — самой супругой?

Ведь Сергей был ныне для нее чужой. Вернее, должен быть таковым. Разум понимал это, но глупое, ее глупое и упрямое сердце признавать это не желало. Именно оно и гнало ее прочь из Завидова, как только пришло срочное письмо от Жюли с вестью о приговоре для князя Загорского.

Марина обычно не читала писем в это время, по-прежнему сохраняя за секретарем Анатоля обязанность разбирать приходящую почту на ее имя и отвечать на многочисленные соболезнования. Другие письма он просто просматривал и пересказывал содержание барыне, оставляя на ее выбор — отвечать ли сразу или отложить на потом.

Приходилось ему и немного лукавить, утаивая от хозяйки некоторую почту, таящую в себе заведомо глупое или оскорбительное для ушей барыни содержание. Например, как всегда это бывает после кончины богатой и титулованной персоны, сразу же нашлись многочисленные охотники до наследства, объявляя себя родственниками дальними, а как-то даже матерью детей графа Воронина. Все это, несмотря на явную абсурдность, проверялось семейными поверенными и, разумеется, не подтверждалось. К чему тогда беспокоить барыню по таким сущим пустякам ныне, когда ее сердце и так неспокойно? Или явные оскорбительные письма...

Но письмо от Юлии Алексеевны секретарь принес Марине тут же, как только вскрыл его, понимая, что подобные вести не могут быть скрыты от графини.

Марина вспомнила, как прочла эти страшные строки, как вдруг замерло сердце у нее внутри. Вмиг отказали ноги отчего-то, и она почти рухнула в кресло в гостиной, где вскрыла письмо подруги. Она не чувствовала их совсем, и лакеям пришлось ее отнести в спальню, позвали Зорчиху. Пока Марина ждала ее прихода, приказала принести себе письменные принадлежности и быстро, не откладывая, написала письмо в Петербург, которое тут же и отправила со стреманным.

— Что же ты, барынька? — приговаривала Зорчиха, ссылая по горсти в чайник травы, что принесла с собой. По запаху Марина смогла угадать только валериану, других она так и не развела. — Совсем себя не бережешь. Все глазоньки выплакала за эти седмицы, всю душу истрепала себе. К чему столько слез льешь? Худо там покойному барину, коли так рыдаешь, худо. Отпусти его. Совсем отпусти. Скоро срок минет, и душа его уйдет от нас. А так, видя, как ты убиваешься, разве легко ему будет покинуть мир этот? И к чему ныне так вдруг расстрадалась? Не бережешь себя, совсем не бережешь.

— На ноги меня поставь, Зорчиха, прошу тебя, — схватила ее за руку Марина. — В Петербург мне надо. Срочно. Немедля!

— Немедля, — передразнила ее ведунья. — Никуда от тебя не денется судьба твоя. Так что и торопится-то негоже. И больше не терзай душу свою. Да на могилку больше не ходи пока. Не тревожь его, не тревожь...

Марина вдруг удержала Зорчиху за рукав, протянула ей свою ладонь.

— Взгляни на руку мою. Есть ли там еще потеря, скажи мне! — но ведунья только

покачала головой, отказываясь открыть будущее барыне.

— Я тебе уже все сказала. Больше добавить нечего, — сказала она, вызвав в Марине только злость и досаду.

На следующее утро Мариного здоровье выправилось, и она смогла подняться с постели, радуясь своему исцелению. А когда спустя два дня пришел долгожданный ответ на ее письмо, спешно засобиравшись в столицу. Уже когда садилась в карету, заметила среди суевающейся по двору челяди Зорчиху и знаком поманила к себе.

— Что сказать хочешь? Что еще уготовано мне судьбой? Скажи же, сбудется то, что узнала?

Но шептунья только покачала головой и протянула узелок с травами, что тут же подхватила Таня, стоявшая подле барыни. Потом Зорчиха снова взглянула на Марину и проговорила:

— Пусть девка твоя настои варит из этих трав. Душу тебе надобно успокоить. Ведь только от нее зависит наше здравие телесное. А судьбу свою сама отныне творить будешь с Божьей помощью. Он не оставит тебя. Езжай с Богом, барынька!

Только на Божью помощь Марина ныне и надеялась. Ведь Сергей отказался даже обдумать возможный вариант собственного спасения от эшафота. Честь девицы, фыркнула невольно Марина, устремив задумчивый взгляд на пейзаж, что миновала коляска. К чему думать о ней ныне, когда сама девица забыла о ней некоторое время назад? Разве это достойно того, чтобы лишиться жизни?

Нет, Зорчиха права. Настало время для Марины самой творить свою судьбу, и она начнет с самого главного, что для нее было дорого ныне — с жизни Сергея. Пусть он будет не с ней, пусть проведет остаток жизни с другой! Она стиснет зубы и стерпит это, ей вовсе не привыкать. Главное, чтобы ее любимый жил, дышал этим воздухом, наслаждался этим небом... Господи, помоги мне, и я отрину эту грешную любовь из своего сердца, взмолилась Марина, подъезжая к месту своего назначения, сама не ведая, что невольно повторяет обеты, принесенные когда-то Сергеем.

Подбежал лакей и помог ей сойти на мостовую, аккуратно расправляя подол ее пышной юбки. Затем распахнул перед ней двери подъезда, у которых ее уже ждал капитан Шангин.

— Где же вы задержались, сударыня? — бросился он к ней, приветственно прикасаясь губами к ее дрожащим пальчикам. — Уж скоро собирается на прогулку, а завтра приема нет. Я же писал к вам.

— Да, я знаю, — кивнула Марина, подбирая юбки и спеша вслед за флигель-адъютантом в приемную государя по мраморной лестнице. — Я не могу выразить, как я благодарна вам, что вы устроили для меня эту аудиенцию.

— Само Провидение помогло вам. Только третьего дня мы воротились в столицу с маневров, а уж на следующей седмице отбываем на воды, где отдыхает нынче Ее Императорское Величество. Промедли вы еще немного...

Он не договорил потому, как перед ними распахнулись двери приемной, и они ступили в эту просторную комнату, где сейчас было не столь многолюдно, как обычно бывало в приемные дни. День клонился к концу, и государь уже принял тех, кого желал видеть. Старый князь Загорский в их число не входил, как рассказал Шангин Марине, пока она поправляла шляпку и поднимала вуаль с лица.

— Опять отказал. А на генерала Мунка и вовсе накричал, — капитан покачал головой. — Не уверен, Марина Александровна, что вам удастся переменить мнение Егс

Императорского Величества касательно этого неприятного дела. Поверенные князя добились пересмотра дела, но комиссия, не получив других распоряжений, снова вынесет это решение. Жаль, что государь запретил рассматривать это дело военному суду. Он был бы снисходительнее, — он заметил, что дежурный флигель-адъютант подает им знак от двери кабинета, и тронул Марину за локоть. — Пора, мадам. Государь ждет. Я сообщил ему, что вы желаете аудиенции, но так и не смог поведать ему истинную цель вашего визита. Не было достойного момента. Это придется сделать вам самой.

Маринины ноги вдруг задрожали, и она крепко сжала ручки ридикюля. Она должна это сделать. Другого пути нет. И она гордо вскинула голову и ступила через порог. Двери за ней закрылись, отделяя ее от посторонних ушей, кроме тех, в чьи она хотела попытаться донести истинную подоплеку этого неприятного дела о дуэли.

Государь медленно поднялся из-за стола, когда Марина низко присела перед ним в реверансе, и самолично поднял ее на ноги, тронув за предплечья обтянутые черным шелком.

— Графиня, мы скорбим вместе с вами, — тихо произнес он. — Нам весьма не хватает графа, весьма. Как ваше здравие? Как ваша дочь? Как ваша золовка?

— Благодарю вас, Ваше Величество, все в семье здоровы, — ответила Марина. — А с временем выправится и душевное здравие, ведь ничто не целительно для душ, как время.

— Это верно, — согласился с ней государь и показал на стул перед своим столом, приказывая ей присесть, что Марина незамедлительно сделала, благодарная за это — ведь ноги могли отказать ей от того страха перед государевым гневом, что невольно она вызовет своей просьбой. Пока она собиралась с духом, император вернулся на свое место за столом и внимательно стал смотреть на нее, подмечая следы недавних слез на ее лице.

— Ваше дело о преемственности титула уже рассмотрено, и все бумаги касательно его подписаны, — произнес государь. — Отныне ваша дочь имеет право передать графский титул своему прямому наследнику. Разумеется, с условием, что ее супруг примет фамилию Ворониных двойным наименованием.

Марина тотчас поспешила поблагодарить его, хотя сама уже знала о неожиданном решении Анатоля. Она свои ушам не поверила при чтении завещания — высочайшей милостью титул ее супруга не отмирал за неимением наследников, а передавался дочери Марины с правом передачи по прямой линии, что было редкостью в их дни. Отныне Элен навсегда будет носить фамилию Воронина, даже если следующий супруг Марины (если таковой будет) пожелает удочерить ее.

Кроме этого, Марине и Элен доставалось почти все движимое и недвижимое имущество семьи Ворониных. Катиш же Анатолий отписал несколько имений в Рязанской и Псковской губерниях, а также две полотняные фабрики, что стояли на землях одного из имений, часть фамильных драгоценностей семьи и крупную сумму золотом и в облигациях. Все это Катиш получала по достижении двадцати одного года. До ее совершеннолетия опекуном и распорядителем ее имущества признавалась Марина.

Своим тетюшкам Анатолий официально передал дом в Нижнем Новгороде и некоторую крупную сумму. Также документально подтверждалось то содержание, что обязалась платить Марина до самой кончины старушек.

Кроме этого, денежные суммы вручались и преданным слугам Анатоля, а его личный комердин Федор по завещанию получил вольную грамоту. Марина полагала, что он сразу же оставит имение после чтения завещания барина, но он пришел к ней в кабинет на следующий день и предложил ей выкупить Дуняшу, что родила ему прошлой осенью сына.

Он был готов заплатить любую сумму, что укажет барыня, но Марина отказалась от денег и распорядилась отпустить свою бывшую горничную и ее ребенка на волю даром да еще сама оплатила скромное венчание, что было устроено пару седмиц назад, сразу же после Петрова поста. После этого молодые уехали в Нижний Новгород, где Федор планировал открыть собственную цирюльню и лавку мужских принадлежностей. Тех денег, что ему щедро оставил Анатолий за преданную службу, хватало с лихвой.

Марина тогда невольно позавидовала тому счастью, которым горели их глаза, желая снова когда-нибудь ощутить то же непередаваемое чувство восторга. Ныне ей для этого было необходимо только одно, и это мог дать только этот человек, что сидел напротив и пристально смотрел на нее.

— Я прибыла сюда не только для того, чтобы поблагодарить Ваше Императорское Величество за те милости, что были оказаны моей семье, — начала Марина решительно, стиснув руки в волнении. — Я просила Ваше Императорское Величество об аудиенции еще потому, что желала бы умолить вас о милости.

— О милости? К кому, сударыня?

— О милости к осужденным по делу о дуэли между моим погибшим супругом и офицером кавалергардского полка Вашего Императорского Величества фон Шелем, — произнесла быстро Марина. Император поднял брови вверх, будто удивляясь ее словам.

— Вы полагаете, что наказание было суровым для них? — этими словами он еще предоставлял ей шанс отступить, не настаивать на своем деле, за решением которого прибыла сюда, в его кабинет. Но Марина не воспользовалась им, храбро ринувшись вперед. Перед ее глазами стоял Сергей, такой, каким она оставила его в камере пару часов назад, и она ясно знала, что обратной дороги у нее нет. Она должна вымолить его жизнь нынче, чего бы ей это ни стоило.

— Для одного из них — да, Ваше Императорское Величество, — подняла Марина подбородок вверх, собираясь с духом, замечая, как темнеют глаза императора. — А именно для князя Загорского, государь. Приговор был вынесен на основании неполных сведений о происшедшем.

— Вы так полагаете? — прогремел император, повышая голос, но Марина заставила себя не отводить взгляда от его лица, смело встречая его гнев. — А я полагаю, что человек, который так слепо и так безрассудно играет собственной и чужими жизнями, должен наконец получить то, чего так желает его натура!

— О, Ваше Императорское Величество, это слишком жестоко!

— Жестоко? А не жестоко ли вызвать фон Шееля на повторную для того дуэль сразу же после первой? Не жестоко ли это, зная, что тому не уйти от выстрела всем известного стрелка? Это явное намерение на убийство, сударыня, *aurais-je fait erreur?* [\[550\]](#)

Марина похолодела, услышав эти слова. Она и понятия не имела, что Сергей вызвал фон Шееля стреляться после поединка с Анатолем. Теперь картина происшедшего выглядела совсем по-другому, и у нее слегка закружилась голова от волнения. Убей тогда Сергей кавалергарда, и в этом случае ничто не способно было спасти его от суда за убийство. Даже она понимала это, неужто сам Сергей не осознавал этого? Или это была месть за друга, что мог пасть от руки фон Шееля, имея он намерение убить? Что за нелепые игры с судьбой?

Но она и виду не подавала, как обескуражена и зла из-за того, что открылось ей ныне, а смело, сама от себя не ожидая подобного, посмела возразить императору:

— *Cela va sans dire* [\[551\]](#), я не знаю всех тонкостей права. Но разве в нашей империи

судят за намерения, а не за деяния? Разве иметь намерение, но не совершить преступления подлежит суду?

Государь резко хлопнул ладонью по сукну стола, и Марина вздрогнула от неожиданности, перепугавшись собственной дерзости.

— Вы забываетесь, мадам, — холодно заметил он, и Марина поспешила потупить взгляд, выражая всем своим видом покорность. После минутного молчания император продолжил ледяным тоном, от которого у нее стыла кровь в жилах от страха. — Да, вы правы, намерение не подлежит суду. Но как быть с недонесением о дуэли? И как быть с этой нелепой ссорой, приведшей к ней? Пора на примере показать, к каким последствиям может привести поединок, пора карать за эту страсть полагаться на жребий судьбы. Так почему бы не сделать это на примере человека, что привык стреляться из-за пустяка? А по Уставу, принятому еще во времена нашего уважаемого предка, секундант подлежит такой же каре, что и сам дуэлянт. *Dura lex, sed lex* [\[552\]](#), мадам.

— *Cogitations poenam nemo patitur* [\[553\]](#), — проговорила Марина, и государь удивленно поднял брови, поражаясь ее знаниям. — И разве может кто-то нести наказание за свидетельство? Кроме того, полагаю, Ваше Императорское Величество, я должна поведать вам об истинных причинах, что толкнули участников той дуэли на это действие. Прошу вас, выслушайте меня, быть может, тогда...

Она замолчала, увидев знак императора, призывающий ее прервать речь. Он встал из-за стола и прошел к небольшому бюро, открыв ящичек которого достал большую пачку писем, перевязанных тонкой бечевкой. Затем он вернулся к столу и положил эту стопку прямо перед Мариной.

— Вот, полагаю, что этому должно находиться только в ваших руках или руках вашей золовки. Ничьих более. Эти письма были обнаружены в квартире фон Шеля при обыске недавно. Полагаю, именно это являлось истинной причиной разногласий вашего супруга и кавалергарда?

Марина протянула руку и взяла эту пачку, сразу поняв, что за письма она держит. Переписка Катиш и фон Шеля. Ее письма к нему, так неосторожно попавшие в руки жандармов. Письма, способные навсегда перечеркнуть будущее ее золовки в свете.

— Благодарю вас, Ваше Императорское Величество, — тихо проговорила она, а потом снова добавила. — Так значит, ныне, когда все обстоятельства дела известны Вашему Императорскому Величеству...

— Вы безрассудно настойчивы и упрямы, — проговорил император, отходя к окну и уставившись на набережную, многолюдную, несмотря на жаркую погоду. — Это отнюдь недостойные качества женщины. Но ведь все мы забываем о рассудке, когда дело касается сердца. *L'esprit ne saurait jouer longtemps le personnage du cœur, est-ce vrai, madam?* [\[554\]](#)

Некоторое время в кабинете царил молчание. Оба были погружены в свои мысли, и Марина отдала бы многое, чтобы узнать, какое именно решение пришло в голову императора, когда он вдруг резко развернулся от окна и прошел к ней, предложил ей руку и помог ей подняться с места.

— Комиссия нынче же получит распоряжение пересмотреть вынесенный приговор. Смертная казнь будет отменена, — проговорил он, и Марина едва не упала, настолько велико было ее облегчение при этих словах. Она хотела прижать ладонь императора к губам, благодаря его за эту милость, но он не позволил ей сделать это, просто кивнул задумчиво.

— Я более не задерживаю вас, графиня, — с этими словами он проследил взглядом за

тем, как Марина склонилась перед ним в низком реверансе, а после, когда она уже проследовала к двери, остановил ее одной короткой репликой.

— Vieilles amours et vieux tisons s'allument en toutes saisons [\[555\]](#), — произнес он таким тоном, что Марина замерла, положив ладонь на ручку двери. Что-то в голосе императора подсказало ей, что он знает обо всем, что происходило в ее жизни, обо всем, что она так тщательно скрывала от всех в свете — даже о Элен.

— Je l'avoue [\[556\]](#), — ответила она, не поворачивая головы, избегая взгляда пронзительных глаз государя. А потом тихо добавила, зная, что именно он желает услышать от нее ныне. — Но это только мой грех. Мой и ничей иной.

— Faites ainsi! [\[557\]](#) — твердо сказал государь, и она коротко кивнула, а после с трудом отворила дверь и вышла из кабинета. Она позволила лакею прикрыть за ней створки и едва не упала, почувствовав себя так, будто из нее выжали все силы, оставив только телесную оболочку. К ней тут же шагнул Шангин, взял под руку.

— Что с вами? Вам дурно?

Но Марина покачала головой в ответ и тихо попросила его, чтобы он распорядился об ее экипаже. Она ни минуты более не желала оставаться здесь, в этом дворце, в этом городе. Ей хотелось вернуться в деревню, где небо такое ясное, а солнце такое яркое. И тишина, наполняющая душу покоем и благостью. Ныне, когда она знала, что смертный приговор Сергею будет отменен, Марина желала только этого.

Интересно, случилось ли это без ее визита? Ведь вскрылась истинная подоплека разногласий Анатоля и кавалергарда, а значит, дуэль теперь носила совсем другой характер, и отношение комиссии должно было быть иным. Был ли ее визит ненужным или именно он подтолкнул государя изменить решение? Марина не хотела думать об этом. Она скоро поблагодарила Шангина за помощь при организации этой аудиенции и покинула стены дворца, поспешив в городской дом Арсеньевых, где приказала паковать ее немногочисленный багаж и заложить карету. Дворецкий немного побурчал себе под нос, что негоже-де ехать, на ночь глядя куда-то, но распоряжения Марины выполнил. Та, пока шли приготовления к отъезду, ушла в свою комнату освежиться и переменить платье — лето было довольно жарким и солнечным, и в черном шелке скоро становилось некомфортно и душно.

Когда наконец Марина спустилась по знаку дворецкого вниз, во двор, где ее ждала запряженная шестеркой карета с гербом Ворониных, к ней наперерез, от самых ворот, где стояла коляска, метнулась фигура в мантилье цвета слоновой кости.

— Одну минуту, сударыня! — Варенька быстро, почти бегом достигла ту, что хотела перехватить нынче для разговора. Она уже побывала в городском доме Ворониных, но там графиня не останавливалась. Потому пришлось приложить усилия, чтобы отыскать ее в городе. И вот она тут, едва успела до отъезда той, которой так много хотела сказать.

Таня встала перед хозяйкой, чтобы оградить ее от этой девушки, глаза которой горели явно недобрым огнем, но Марина отстранила горничную, качая головой. Это ее крест, ей и встретить его лицом к лицу.

— Вы! Вы! — задыхаясь от гнева, прохрипела Варенька. Ее волосы были растрепаны, а на щека играл лихорадочный румянец. На ту юную и добрую девушку, какой запомнилась она Марине, она не походила вовсе нынче. — Иезавель! Лилит! Как вы можете так поступать? Грешница! За грехи ваши кара вам от Господа! За грехи ваши потери!

Марина поморщилась невольно. Только этого ей не хватало ныне, как окончания

тягостного дня, что был сегодня.

— Paix, princesse, je vous prie! Et parler français, domestiques [\[558\]](#)...

Но Варенька не стала ее слушать, а только снова яростно сверкнула глазами.

— Не хотите, чтобы все ведали о грехе вашем? Чужой супруг, мадам! Чужой супруг! Да еще и дитя от него прижить при собственном муже...

Тут Марина не выдержала и, схватив Вареньку за локоть, потащила подальше от слуг, что продолжали делать свое дело — кто багаж закреплял, а кто лошадей проверял, но жадно ловили каждое слово, произнесенное в разговоре.

— Не смей! — прошипела Марина девушке прямо в ухо, нимало не заботясь о том, что ее пальцы впились в руку той сквозь легкую ткань платья и причиняют боль. — Не смей говорить о моем ребенке в подобном тоне! Да и кто вам дал право оскорблять меня?

Она остановилась в отдалении от посторонних ушей и резко развернула к себе лицом Вареньку, уже бледную и растерянную.

— Это сугубо ваше мнение сложилось из-за того, что многое до сих пор скрыто от вас. Я считаю, настало вам время узнать правду. Да, вы правы, моя дочь — это дитя Сергея Кирилловича. Но она была зачата в браке, и в браке законном. Я была замужем за князем Загорским несколько лет назад.

Варенька ахнула потрясенно, отшатнулась от Марины, но та не дала ей уйти от разговора, удерживая крепко подле себя.

— Наш брак был заключен тайно, равно как и наша любовь была тайной для всех. Мы венчались аккуратно перед его отъездом на Кавказ, где он попал в плен, а здесь был объявлен умершим. И я пошла под венец с графом Ворониным, уверенная, что Сергей Кириллович погиб. И, вы правы, моя дочь родилась именно тогда. Анатолий Михайлович знал об истинном отцовстве, тут нет моего греха перед ним.

— А я? Я замужем или нет, коли вы были венчаны с Сергеем Кирилловичем? — спросила Варенька, запинаясь.

— Мы добились признания нашего брака с князем Загорским недействительным, чтобы он мог искать свое счастье без особых препон. Так что ваш брак вполне законен. Вы — супруга Сергея Кирилловича, и только вы останетесь ею, коли я хорошо знаю его. Он не оставит вас.

— Но вы ведь знаете... знаете, — Варенька приложила платок к губам и разрыдалась. Сейчас, когда эмоции немного отпустили ее, она не могла сдержать слез, что так и лились из глаз.

— Знаю. И знаю еще то, что казни не будет, — мягко сказала Марина и поспешила добавить, видя, как недоверчиво качает головой девушка. — Государь самолично заверил меня в том.

Варенька подняла на нее глаза, в которых плескалось потрясение. Для нее было немыслимой смелостью пойти к императору и просить о милости. Значит, эта маленькая женщина, что стоит подле нее, намного смелее, чем она сама. Значит, в ней силы духа достаточно, чтобы пойти на многое лишь бы спасти человека, которого...

— Вы любите его? — вдруг решилась задать вопрос Варенька. Марина ничего не ответила, только опустила вуаль на лицо, грустно улыбаясь.

— К чему вам знать это? Вы не мой исповедник, и я не обязана отвечать на подобные вопросы. Я и так открыла вам достаточно. Просто я желаю, чтобы вы постарались понять ту связь, что навеки будет между мной и вашим супругом. Это наша дочь. Это наше прошлое.

Но не более того.

— Вы обещаете мне? — Варенька схватила ладони Марины и прижала их к груди. — Прощу вас, обещайте мне это. Я так люблю его. Я так хочу, чтобы он был рядом, чтобы не оставил меня. Не удерживайте его подле себя. Я уверена, что не имей он с вами встреч, все могло бы измениться... все!

Глаза Марины заблестели странным блеском, что был ясно виден даже сквозь полупрозрачную ткань вуали. Она выдернула руки из ладоней Варенька, сжала их нервно меж собой, переплетая пальцы, чтобы ее собеседница не увидела, как они вдруг задрожали мелкой дрожью.

— Я обещаю вам.

С этими словами она развернулась и пошла прочь от своей собеседницы, не в силах более продолжать этот разговор, направляясь к карете, что уже ждала ее, готовая к путешествию.

— Attendez, attendez! [\[559\]](#) — ее нагнала Варенька, удержала на миг. — Если бы он не был женат, то что тогда? Что тогда? Вы бы стали его женой? Ведь у вас ребенок...

— En voilà assez! Plus de mot! [\[560\]](#)

С этими словами Марина быстро заняла место в карете, усаживаясь с помощью лакея. Она поступала грубо с Варенькой, но Марине не доставало более сил держаться и не заплакать прямо перед ней. Как только она задернула шторы каретного окна, то не стала скрывать их, и они тонкими дорожками побежали по лицу. Как же она устала от всего! Как хочется покоя! Как хочется, чтобы кто-то обнял, утешил, вытер слезы с лица и заверил, что все непременно будет хорошо, разве может быть иначе?

И Марина стукнула в стену кареты, приказывая переменить направление. Она поедет не в Завидово, где полностью предоставлена сама себе и своему тягостному одиночеству. Она направится в Киреевку, где сможет найти поддержку своей подруги. Пусть и молчаливое сочувствие, но все же лучше, чем быть одной... Да и вести стоит привезти самой, что более ничто не угрожает жизни Загорского.

В Киреевку Марина прибыла ночью и долго извинялась перед хозяевами за столь внезапный и неудобный визит. Те лишь отмахивались от нее, заверяя, что рады видеть ее всегда и в любое время готовы предоставить ей кров и стол.

— О Боже, ты решилась идти к императору? — ахнула Жюли, сидевшая в спальне, предоставленной Марине и наблюдавшая, как Таня помогает подруге приготовиться ко сну. — Не уверена, что у меня хватило бы смелости на это шаг.

— Все оказалось не так страшно, — ответила ей Марина. — Хотя меня трусило еще как!

— Да уж! Хорошо, что все обошлось, — улыбнулась Жюли. — И государь не очень гневался на тебя, и Загорский будет жив.

Но Арсеньев за завтраком встретил эту весть не так радостно, как его супруга. Он хмурился, и его вид снова вселил в сердце Марины тревогу.

— Вы полагаете, что князю предстоит еще немало вынести в наказание? — спросила она, замирая сердце.

— Не знаю, Марина Александровна, — честно ответил ей Павел. — Все зависит от того, какое наказание государь сочтет достойным этой тягчайшей, по его мнению, провинности — дуэли. Быть может, крепость. Помнится, полковник Данзас был милостью государевой помилован от казни за секундантство на дуэли господина Пушкина с кавалергардом Дантесом. Заменена была она на заключение в крепости.

— Пусть лучше так, чем смерть на виселице, — заметила Марина, и Павел покачал головой, то ли соглашаясь с ней, то ли опровергая ее слова.

После завтрака Арсеньев ушел на охоту, прихватив с собой несколько борзых («Между прочим, из ваших псарен, Марина Александровна! Отменные собаки!»), а женщины ушли в сад, чтобы поговорить без посторонних ушей. Они устроились на больших деревянных качелях, как раньше когда-то качались в саду Смольного, делясь секретами.

— Его супруга приходила ко мне, — тихо сказала вдруг Марина, и Жюли обеспокоенно взглянула на нее. — Ты бы видела ее. Вместо той тихой мышки передо мной была разъяренная тигрица, готовая выцарапать мне глаза.

— O mon Dieu! — ахнула Жюли. — Неужто?

— Представь себе. Не суди ее строго, моя дорогая. Кто бы на ее месте сдержался? Мы столкнулись с ней прямо у бастиона, где заключен Сережа. Пикантная ситуация!

Марина вдруг потянулась к подруге, прижалась к ней, и Жюли обняла ее, легко поглаживая ладонью волосы подруги.

— Он был таким там, в камере.... Таким странным, — прошептала Марина. — Я смотрела на него и не узнавала — так он изменился за эти годы. Это грустное выражение глаз...

— Немудрено, моя милая. Столько пережить, — задумчиво ответила ей Жюли, наблюдая за своими детьми, что прогуливались немного вдалеке от них под неусыпным контролем няnek. — Не каждый способен выдержать достойно удары судьбы, что принимал Сергей Кириллович на себя. Да и сейчас — каково ему будет знать, что ты снова недостижима для него, несмотря на то, что свободна от брачных уз?

— Я обещала его маленькой жене, что не посягну на его чувства более, и намерена сдержать свое слово. Пусть он по завещанию стоит в совместном опекунстве над Элен. Я не буду более принимать его у себя. Он может видеть дочь, но не меня. Кончено! Все должно быть кончено!

Марина взглянула в сторону, где когда-то высилась среди крон плодовых деревьев сада Киреевки крыша деревянного флигеля. Теперь же там было пусто, но судя по звукам строительных работ, что доносились оттуда, скоро там вознесется вверх другой дом, уже более прочный к огню, каменный, на высоком и основательном фундаменте.

Вот так же и ее жизнь — сторев дотла, оставив от бывшего счастья только след от пепелища, снова будет выстроена со временем. По камешку, по кирпичику. День за днем. И Марине хотелось верить, что эта новая жизнь будет лучше той, прежней, что будет полна любви и радости, а горести и отчаянье будут забыты. Soit! [\[561\]](#) Но как же все-таки странно и горько — жить отныне без него...?

Марина провела в Киреевке несколько дней и засобиравшись домой лишь на пятые сутки. Ей вовсе не хотелось уезжать из имения Арсеньевых, где ее всегда ожидало понимание и утешение, где на нее снисходил покой от теплых дружеских объятий, но в Завидово оставалась ее маленькая дочь, да скоро надо было уже беспокоиться о жатве на полях. Потому-то в последний раз обняв свою подругу и своего крестника, попрощавшись тепло с Арсеньевым и взяв с супругов обещание навестить ее, Марина выехала в Нижегородскую губернию.

Дорога была сухая, дожди обычно начинались только после Ильи, и потому Марина рассчитывала споро доехать до Завидова, как бы ей не хотелось того. Она боялась остаться одна в этом большом доме. Разумеется, она и ранее оставалась там, но впервые к ней не придет на несколько дней Анатолий, не развеет ее легкий флер одиночества. И Марина снова заплакала не в силах удержать в себе свое горе, ведь тех дней, что когда-то были в Завидово — их пикники, их совместные прогулки с дочерью в парке, их семейные вечера подле камина холодными зимними вечерами, уж никогда не повторяться. Она осталась одна... И никто не поддержит ее, не на кого опереться в трудную минуту. Нет, разумеется, и Арсеньевы всегда готовы прийти ей на помощь, но это не то, совсем не то...

Так она и ехала — то плакала, то успокоившись, просто сидела и смотрела в окно на проплывающие мимо поля, с интересом разглядывая редких встреченных ею в пути персонажей. Книгу, что брала с собой в дорогу, она прочла еще в Киреевке, а другую попросить в библиотеке Арсеньевых совсем вылетело из головы. Оттого-то она так хандрила в дороге.

Марина сама не знала зачем, быть может, от дорожной скуки, а может, чтобы отвлечься на что-то иное, но отчего-то вдруг открыла дорожный несессер, что стоял на противоположном сидении, и достала пачку писем, что ей передал на аудиенции государь. Она не знала сама, но что-то мучило ее, что-то тяготило. Быть может, оттого, что сейчас в ее руках были свидетельства причины гибели ее мужа — такой страшной, такой безрассудной. Она искренне пыталась понять, что толкнуло Анатолия на эту дуэль, когда они все обговорили, когда их жизнь могла стать такой спокойной, такой благодатной. Временами она злилась на него за это, кричала криком, обращаясь к нему, уже невидимому для глаза, обвиняя и оскорбляя его за это глупое потакание собственным эмоциям, за этот безрассудный шаг к концу. После, правда, Марина молилась усерднее за упокой его души, чувствуя в себе вину за то, что тревожит ее, не дает спокойно покинуть этот мир, но ничего поделать с собой не могла.

Марина провела пальцем по краю стопки, мысленно считая письма, удивляясь их количеству. Как они могли быть так слепы, что прямо под их носом с Анатолем смогла вестись такая переписка? Как могли допустить это? Отвлечшись на собственные переживания и горести, они совсем упустили из виду, что может произойти и такое.

Марина перевернула пачку и хотела убрать ее обратно в несессер, но вдруг ее внимание привлекло самое нижнее письмо в пачке, явившееся ныне ее взору. Оно не было сложено, как остальные, и написанное было доступно для прочтения. Видимо, кто-то из жандармерии впопыхах сложил его не так, как следовало, а наоборот. Марина бросила взгляд на эти ровные строчки и похолодела, чувствуя, как замирает сердце от острой боли. Вот оно. Тот,

недостающий кусочек головоломки, что не давал ей покоя. Вот то, что тревожило ее и заставляло возвращаться невольно к этим письмам.

Она узнала не почерк, нет. Она узнала одно-единственное слово сперва, а уж потом каким-то внутренним чутьем догадалась, чья рука выводила эти строки. «D'aujourd'hui [\[562\]](#)». В написании слова были допущены две ошибки. Точно так же это слово было написано и в том письме, что Марина нашла среди вещей Анатоля, разбирая его вещи, согласно негласному правилу избавиться от одежды покойного. На том настояла Зорчиха, сама Марина не решилась бы сделать это да причем так скоро — спустя месяц после похорон. Именно тогда она и нашла эту короткую записку, что привела Анатоля в квартиру фон Шеля, заставила вызвать его на дуэль. Она смогла прочесть только верхние строки, повествующие о том, что сестра Анатоля вновь была в доме фон Шеля, тайно и без сопровождающего, что офицер поступил с ней неподобающим образом — разговаривал грубо, прогнал прочь. Марина тогда не стала дочитывать эту анонимку, а бросила ее в огонь, чтобы даже следа ее не осталось, а потом долго мыла руки, стремясь уничтожить любые следы, что могли остаться на ее пальцах от этой грязи.

Она знала только одного человека, что делал подобные ошибки в этом французском слове, и от осознания того, что автором той анонимки может быть этот человек, причиняло ей острую боль.

— Прости меня, — прошептала Марина и тут же решила, что непременно по возвращении сходит на могилу супруга и повторит снова эти слова. Теперь, когда она ясно поняла, что за причина толкнула его броситься к фон Шелю в тот же миг в желании убить его, стереть с лица земли, она чувствовала горечь вины.

Как Анатолий мог не поверить этой записке, в которой говорилось об оскорблениях и обидах, нанесенных его сестре, ежели эта анонимка была написана ее собственной рукой? Неужели Катиш не догадывалась, что почерк ее знаком брату, ведь она сама писала ему из пансиона? Какая глупость! Какая неосмотрительная глупость!

— Она привела тебя к гибели. Тебя и его....

Теперь Марина поняла, зачем Анатолий упомянул Катиш в том последнем разговоре. «... Прошу тебя, скажи сестре, что она ни в чем не виновата, чтоб не смела винить себя....». Он знал, что анонимка пришла от Катиш, знал и просил ее снять груз вины с плеч сестры, что та будет ощущать ныне.

Теперь Марина понимала, почему горе и отчаянье ее золовки так велико, почему та едва не тронулась рассудком. Да что говорить, разве выправилось ее здоровье, если она до сих пор так кричит ночами? За ней постоянно ходит ее горничная, настолько в доме были перепуганы ее состоянием, не было бы греха.

Но почему-то в Марине не осталось и следа той жалости и того сочувствия, что она испытывала к сестре Анатоля до этого момента. Своей безрассудной горячностью она погубила две души, и Марина едва сдерживалась, чтобы не накричать на золовку, едва вернется... О, с каким бы удовольствием она бы отхлестала ее по щекам! Марина сжала крепко пальцы, изо всех сил борясь с той неукротимой злобой, что захлестнула ее ныне. Катиш привела на край многих людей своей вспыльчивостью, стремлением наказать, настоять на своем. Анатолий и фон Шель — мертвы, Сергей едва не расстался с жизнью, Арсеньев и другой секундант наказаны и лишены свободы — первый передвижения, а второй и вовсе полностью, заключенный в крепости. Стоила ли минутная вспышка ярости этого? Стоила ли собственных слез и горя? Стоила ли таких потерь?

Марине очень хотелось задать эти вопросы Катиш, взглянуть той в глаза и заявить, что она знает, почему состоялась эта дуэль, и кто подсказал Анатолию, где отыскать фон Шеля. Но по мере приближения к имению гнев Марины, охвативший ее душу, едва она узнала авторство той злополучной анонимки, сходил на нет постепенно, а визит неожиданной гостьи и вовсе заставила ее ринуться на защиту золовки, чего она сама от себя никак не ожидала.

— Экипаж чей-то, барыня, — прокричал, подъезжая к дому, кучер, и Марина выглянула в окно, раздвинув шторы. Да, все верно, перед подъездом действительно стояла карета, судя по ее виду, наемная. Лакей помогал сойти из нее даме в черном, что быстро скрылась в доме.

— Ну-ка, подгони лошадей, — крикнула Марина кучеру. Ей стало любопытно, что за дама могла нанести визит им. Быть может, прибыл кто-то из знакомых, чтобы принести соболезнования? Но почему лично, а не в письме, как это делали остальные?

Игнат, встречая хозяйку на крыльце дома, не смог ответить, кто эта дама.

— Я как вас увидел, сразу же поспешил выйти. Она сейчас в малой гостиной, — Значит, прибывшая не из знатных, иначе Игнат провел бы в большую или в голубой салон. — Карточки не подала. Спросила сперва вас, барыня, а затем барышню. Ждет ныне, пока та приберутся и выйдут. Я пока прохладительные распорядился принести.

Марина поблагодарила дворецкого и, предоставив ему распоряжаться ее багажом и экипажем, прошла в малую гостиную, где гостья тут же поднялась с кресла, заведя ее. Прибывшая была немолода, но возраст было трудно определить, потому как половина лица была скрыта короткой вуалеткой шляпки, что гостья даже не потрудилась откинуть. Платье ее было явно не ново, а у накидки на плечах с одного конца было оторвано немного кружево, что шло по краю.

— Bonjour, madam, — поздоровалась Марина, и дама холодно кивнула в ответ, удивив ее. Марина хотела попросить ее представиться, но в этот момент дверь в другом конце комнаты открылась, впуская Катиш. Дама тут же повернулась к девушке и, кивнув своим мыслям, вдруг резко пересекла гостиную, приближаясь к ней.

— Вы! — глухо сказала она, при этом в ее голосе был ясно различим легкий акцент — «Вы» слышалось, как «Вфы», и Марина нахмурилась, ощущая, как в ее груди разрастается беспокойство. — Вы! Я приехала, чтобы посмотреть вам в глаза! Чтобы увидеть эту змею, что погубила моего сына! Вы убили его!

Вот теперь Марина сразу же поняла, кто именно посетил дом Ворониных, и замерла на месте, сжимая руки, раздираемая на части двумя противоположными чувствами. Ей хотелось, чтобы эта женщина высказала всю боль и злость, что переполняли ее, в лицо Катиш, чтобы ее золовка поняла, насколько велика ее вина в том, что случилось. Она даже ощущала некое злорадство ныне над тем, что доведется испытать в эту минуту Катиш. Но с другой стороны, ей было все же жаль девушку, и потому она быстро пересекла комнату и встала подле нее, едва увидела, как насаждает на ту мать фон Шеля.

— Вы убили моего мальчика! Он был всем, что у меня было... Такой красивый, такой умный. Мое сокровище. А вы! Думаете, я ни о чем бы не узнала? О, у моего мальчика нет от меня тайн! — говорила баронесса. — Он все написал мне сразу же. Что вы не хороши собой, но за вами большие деньги и связи, что он намерен влюбить вас и жениться на вас любыми средствами. А потом он отказался от всего этого, считая, что неблагородно поступает с вами. Неблагородно! Нет, тут было иное! Я сердцем чувствовала, что это дурно кончится! Вы отняли его сердце, а потом и жизнь! Вы довольны, милочка? Довольны? Вы натравили на

него своего брата и убили его!

— Позвольте, — вмешалась Марина, заметив, как побледнела Катиш, как крупные слезы побежали по ее щекам. Она стояла, потупив голову, не смея смотреть в глаза баронессе, и та, ощущая собственное превосходство, распалялась все более. — Соболаговолите не повышать голос в этом доме. Я не отрицаю вины Катерины Михайловны в причинах этой дуэли, тут уж не отнять. Но ваш сын тоже далеко не агнец. Он опытнее невинной девушки, что едва покинула стены пансиона, и прекрасно понимал, к каким последствиям могут привести его маневры в отношении нее, что у девицы есть брат, готовый вступить за честь семьи, что в итоге и вышло. Так что умерьте ваш пыл, сударыня. Я ведь тоже могу заявить вам в лицо, что ваш сын убийца. Но разве эта маленькая месть вернет мне супруга? А вам? Разве эти слова вернут вам сына?

Баронесса не смогла сдержаться и разрыдалась, некрасиво и во весь голос, нагнулась к ридикюлю в поисках платка. Потом взглянула на Марину через вуалетку.

— Вы не понимаете, он был всем для меня! Для чего мне жить ныне? Для чего? Она забудет его через время, выйдет замуж, наплодит детей. А у меня не будет никого более! Никого! Разве это справедливо? Она будет счастлива, а он будет гнить в могиле!

Катиш глухо вскрикнула при этих словах и выбежала из комнаты. Марина не стала ее удерживать, прекрасно понимая ее состояние ныне. Жестокие слова, ранящие острее любого кинжала!

— Подать вам воды? — спросила она баронессу, жестом показывая, что той лучше присесть. Но та отвергла оба ее предложения, яростно покачав головой. — Послушайте, не стоит более тревожить девочку. Вам тяжело в это поверить, но она любила его и ныне страдает. Я знаю, что ее боль несоизмерима с вашей, но поверьте, она не меньше, ведь Катерина Михайловна потеряла не только любимого, но и родного брата. К чему сейчас выяснять, чья вина ощутимее? Вы потеряли сына, а наша семья потеряла мужа, брата и отца. И этого ничто уже не изменит... даже месть.

Некоторое время женщины молча смотрели друг на друга, а потом баронесса вдруг сделала низкий книксен и вышла из комнаты прочь, стремясь как можно скорее покинуть этот дом. Марина не стала ее останавливать, понимая, что та не желает ни минуты более провести здесь, в этих стенах. Она подошла к окну и проследила, как ее экипаж покидает подъезд усадебного дома и уезжает прочь по аллее, спустя минуту затерявшись из виду. После она прошла в свою половину и достала из несессера, что еще не успела разобрать суедающаяся Таня, толстую пачку писем, а после двинулась в комнату своей золовки.

Катиш лежала в постели, лицом в подушки. По ее подрагивающим плечам Марина поняла, что она плачет, и на миг легкая тень сочувствия к ее горю шевельнулась в ее душе. Но затем она снова ощутила тяжесть писем в руке. Переписка, ставшая началом конца. Конца ее тихой жизни. И чувство сострадания испарилось в тот же миг.

Будто почувствовав, что не одна в комнате, Катиш подняла заплаканное лицо на невестку. Они некоторое время смотрели друг другу в глаза, а потом девушка прошептала:

— Благодарю вас за то, что вы помогли мне тогда... в гостинной...

— Не благодарите, — отрезала Марина. — Я сделала это не для вас. Тем паче ныне, когда... Не благодарите, ибо я сделала это, потому что обещала заботиться о вас, и намерена выполнить свой долг.

Она быстро прошла к постели золовки и положила на подушку рядом с ней пачку писем, что так жгла ей руку сейчас, и отступила. Катиш посмотрела на них, а потом на

Марину и слегка покраснела.

— D'aujourd'hui [\[563\]](#). Вы так и не выучились писать его без ошибок, n'est-ce pas? Потому-то Анатолий так легко различал ваши письма, — медленно проговорила Марина, не в силах сдержать в себе желание дать понять золовке, что она знает. Знает, что толкнуло Анатолия на эту дуэль. Но она ничего не сказала более, не желая причинять более боли Катиш. Просто развернулась и вышла из спальни. Ушла вообще из усадебного дома, направляясь к церкви и далее к кладбищу. Но заходить не стала, памятуя о словах Зорчихи о том, что она слишком часто беспокоит душу Анатолия, просто прислонилась лбом к кованым воротам и закрыла глаза.

Смирение. Она помнила о нем, как когда-то обещала старице Феодосии. Но как же тяжело, Господи, принять твою волю!

С того дня Катиш вдруг изменила свое поведение. Она стала чаще выходить из комнаты, ходила к каждой службе в церковь и ездила с Мариной в богадельню с таким радением, которого Марина ранее не замечала за золовкой. Вскоре она и вовсе погрузилась с головой в богоугодные дела, и Марина поручила ей заниматься этим полностью, сама же сосредоточилась на имениях и уборочных работах. Она лично выезжала в поля с управляющим, осматривала, проверяла, сверяла вместе с ним цифры. А после возвращалась в дом и ведала домашними делами, пока от усталости едва не падала с ног.

В конце жатвы Марина, как обычно выехала на поля. Она знала, какой ныне большой праздник у крестьян, ведь весь хлеб был уже убран, аккуратными скирдами стоял на полях, ожидая дня, когда будет погружен в телеги и вывезен на ток. Марина всегда выезжала в поля, чтобы разделить со своими работниками радость этого дня, проводила с ними в поле половину дня, пока не закачивали жатву и уезжала в село, где в центре ставили столы и отмечали окончание трудовой страды. Анатолий кривился, когда узнавал об этом, называя это пережитком, сугубо мужицким обрядом, но не запрещал ей, и она с радостью ехала в поля, считая своим долгом разделить этот день с крестьянами.

Поля уже были полностью сжаты к этому дню. Оставалась последняя неубранная полоса пшеницы, которую по обычаю срезать должна была либо самая красивая девушка села, либо самая опытная и почтенная женщина. Раньше это делала самая старшая из села — мать старосты Ермилы. Но в прошлом году, прямо под Рождество, Господь забрал ее к себе, и ныне перед крестьянами стоял нелегкий выбор.

Марина с любопытством наблюдала, как Ермило берет серп, чтобы передать его той, что будет убирать последнюю полосу хлеба. А потом вдруг с изумлением увидела, как он направляется к ней, протягивает ей орудие жатвы.

— Уважь своих детей, барыня, — улыбнулся в густую бороду Ермило. — Челом бьем до того.

— Ты сдурел, что ли, Ермило? — наклонился к нему управляющий, прошипел в лицо. — Это что за фокусы?

— Оставьте, Василий Терентьевич, — улыбнулась Марина. — Я попробую, Ермило, но сразу говорю тебе, что это не тот выбор, что нужен. Боюсь, мы тут будем до вечера тогда.

Щавелев помог ей спуститься с коляски, и она, взяв в руки серп (а он оказался тяжелее, чем она предполагала) и подхватив юбки, направилась к короткой и узкой полосе пшеницы на углу поля. За ней потянулись управляющий, всем своим видом выражающий недоумение этой авантюре хозяйки, староста и остальные крестьяне, довольные тем, что барыня приняла серп. Теперь Марина понимала, почему на спожинки [\[564\]](#) оставили такой маленький кусочек

хлеба нетронутым. Видимо, было задумано с самого начала попросить барыню срезать колосья. Только вот крестьяне даже не подумали, что она попросту может и не знать, как именно это делать.

Марина взглянула на Ермилу, и тот сразу же подал знак одной из женщин в первом ряду. Та подошла к барыне и показала ей, как нужно срезать колосья, набитыми спелыми зернами. Сначала у Марины не выходило никак. Она знала, как для крестьян важен именно этот нетронутый кусочек поля, ведь по поверью от этого зависел урожай в следующем году, и старалась, как могла. Через несколько минут стало получаться срезать более аккуратно, и она обрадовалась невольно. Правда, довольно жарко припекало августовское солнце, да и черный шелк платья вовсе не подходил для работы в поле. Марина теперь понимала, почему женщины на жатве подбирали юбки и подтыкали их вверх, обнажая ноги. Она бы сама сейчас с удовольствием сделала бы тоже самое. Представив себе эту картину, она не смогла сдержать смеха, что так и рвался из-за губ, а потом и вовсе рассмеялась в голос, представив лица своих столичных знакомых, коли они застали бы ее сейчас.

Марина еле срезала последние колосья, что передавала той юной крестьянке, показавшей ей, как управляться с серпом, так ее распирали смех. Впервые за последнее время у нее на душе стало спокойно и отрадно, и она не сдерживала своих эмоций.

Она вместе с остальными радовалась ныне этому последнему сжатому снопу, хлопая в ладони и смеясь. А после подержала оставшуюся прядь пшеницы, пока все та же крестьянка плела косу, сама обвязала эту пшеничную косу лентой. Потом ей передали ломоть хлеба и маленький мешочек соли, и она опустилась на колени, чтобы подложить под косу эти дары, прижала косу плотно к земле руками, чувствуя сквозь легкую ткань перчаток покалывание колоса.

Закончив обряд, Марина протянула руку в сторону управляющего, намекая, чтобы он помог ей подняться. Мужская ладонь обхватила ее за локоть и легко подняла ее на ноги.

— Благодарю вас, Василий..., — она перевела глаза и увидела подле себя Сергея. Он стоял так близко к ней, что у нее вдруг вспотели ладони, и она поспешила вытереть их об юбку платья. Озадаченные крестьяне толпились позади него, переглядывались, переспрашивали друг друга, и она поспешила отпустить их в деревню.

— Ступайте в деревню, Ермилу, — приказала Марина. Совсем уже другим тоном, не таким доброжелательным, как разговаривала с ними еще пару минут назад, и крестьяне вмиг ступевались, исчезла та атмосфера всеобщей радости, что буквально недавно царила на поле. Они постепенно стали расходиться, кланяясь Марине, офицеру, что так неожиданно появился тут словно ниоткуда, и управляющему, явно недовольному всей этой суматохой.

Когда крестьяне удалились, а Василий Терентьевич по знаку Марины отошел поодаль, делая вид, что очень заинтересован скирдами пшеницы, что стояли в поле, она отвернулась от Сергея и медленно пошла по направлению к коляске, которая стояла на дороге.

— Тебя выпустили из крепости, — тихо проговорила она, стараясь унять сердце, что буквально выпрыгивало сейчас из груди.

— С большим трудом, — усмехнулся Сергей. — И я приехал поблагодарить тебя за твои хлопоты.

— О, совершенно не стоило, — деланно спокойным тоном проговорила Марина, пожимая плечами. — Ты ведь знаешь — à charge de revanche [\[565\]](#). А я была перед тобой в долгу.

— Только не говори, что поехала к государю из долга, — раздраженно заметил Сергей,

но Марина опять только пожала плечами в ответ. Они прошли почти до самой дороги, как вдруг она оступилась, угодив ногой в небольшую выемку, пошатнулась и едва не упала. Сергей успел подхватить ее за руку и удержал на месте. Это простое касание вдруг заставило кровь в ее жилах побежать быстрее, ее бросило в жар, захотелось вдруг прижаться к нему всем телом, прикоснуться губами его кожи, слегка соленой от пота.

— Тебе не стоило приезжать! — зло бросила Марина и вырвала руку из его пальцев так резко, что едва опять не упала, отшатнувшись от него. Предательство собственного тела настолько разозлило ее, что она с трудом переводила дыхание. О Господи, ее мужа только схоронили почти три месяца назад, а она едва сдерживает порыв, чтобы не броситься на шею к другому мужчине! — Надо было написать письмо, прислал бы почтой! Я просила тебя не приезжать ко мне более! К чему все это?

Он ничего не ответил. Только прошел к дороге, встал к ней спиной, крутя в руках фуражку. По его напряженной спине Марина поняла, что задела его, но пойдя она на поводу у своего желания подойти сейчас к нему, положить руку на его плечо, все только усложнилось бы. Ей не стоило делать этого. Отныне он чужой для нее. Чужой супруг. Смог же он отпустить ее строить свою жизнь с Анатолем, должна тогда отпустить его и она. У них нет ныне иного будущего, как врозь — ни совесть, ни честь не позволят им соединиться. А кроме того, есть еще тяжелое «Faites ainsi! [\[566\]](#)», брошенное ей тогда на прощание в кабинете государя, что не стерлось из памяти.

Марина вдруг развернулась к полю и громко, совсем неподобающе для женщины, закричала:

— Василий Терентьевич! Allez! Allez! [\[567\]](#)

Сергей вздрогнул от этого неожиданного крика, в котором уже начали звучать истеричные нотки. Отчего так получалось — она весела и счастлива, но стоит появиться ему, как ее благостный настрой вмиг исчезает? Она выглядела такой радостной там, в поле, вреди этих крестьян. Он своим глазам не поверил, когда увидел, что она срезает колосья. Но ей это нравилось, судя по лицу, а значит, так и должно быть.

— Allez! Allez! [\[568\]](#) — снова закричала Марина, подгоняя своими криками спешащего к коляске управляющего. Он смотрел на Сергея так, будто он убивал его хозяйку, оттого она так истерично кричала ныне.

— Прекрати! — вдруг сказал Сергей тихо, но в то же время твердо. И она его услышала, замолчала. — Если ты хочешь, я уеду. Я и так не должен здесь быть. Но прежде, прошу тебя...

Он протянул ей руку ладонью вверх, словно прося ее руки. Он знал, что в нем внутри все пылало от острого желания коснуться хотя бы ее тонких пальчиков, прижаться к ним губами, пусть даже в вежливом отстраненном поцелуе.

Он мог бы сказать ей те слова, что вмиг заставили ее переменить решение, но Сергей не желал, чтобы она знала, памятуя их расставание тогда, памятуя расставание со своей женой неделю назад. Варенька снова плакала, кричала, что он виноват в том, что случилось, что ежели бы он выбрал крепость, то все было бы иначе. Но он таков, каков есть. Сидеть в четырех стенах не для него, ему нужен простор, свобода. С него и так хватило тех двух месяцев. Разве у него был выбор в этом случае?

— Вы совсем не жалеете меня, — рыдала Варенька. — Совсем. Мои слезы вызывают у вас только раздражение. Отчего вы так со мной? Отчего?

А Сергей только коротко отвечал, чтобы она успокоилась, что ничего худого не

страхлось, что время пролетит совершенно незаметно, но успокоить его маленькую жену ему составило немало труда. А потом, когда она полулежала на софе подле него, положив голову ему на грудь, Варенька вдруг задумчиво произнесла:

— Даже если бы она была вашей женой ныне, вы все равно не выбрали бы крепость?

— Нет, не выбрал бы, — Сергей гладил ее по волосам, словно маленькую девочку, что нужно было успокоить после недавних бурных слез. — Я бы все равно поехал бы.

Она вдруг подняла голову и посмотрела ему в глаза.

— Ходят слухи, что в семье Загорских сплошь однолюбы. Это правда?

— Ну, раз говорят, значит, им это известно, — улыбнулся Сергей. — Я же не могу ответить вам за всех.

Но она смотрела на него так серьезно, так внимательно, что ему никак не отшутиться в этом случае. Потому и ответил уклончиво, слегка кривя душой:

— Все в руках Господа, Варвара Васильевна. Только в них одних.

Более Варенька не стала допытываться на этот счет, не говорила на эту тему, старательно делая вид, что ничего и не знает, как ранее. Только вот плакала по ночам, Сергей слышал это ясно в своей половине, и этот плач разрывал ему сердце. Только что он мог сделать? Разве можно самому себе приказать забыть и не любить более? Он обещал тогда Вареньке, что не будет более искать встреч с графиней Ворониной, но сам же нарушил свое слово, завернув сюда, в эту губернию, на это поле, куда отправил его дворецкий из усадебного дома. Он слаб. Всегда был слабым, когда дело касалось ее, Марины.

Марина тем временем вдруг шагнула к нему и вложила свою маленькую ладошку в его руку. Сергей вздрогнул от этого легкого касания, что так неожиданно вырвало его из мыслей, а потом накрыл другой ладонью ее пальцы, слегка подрагивающие от волнения на его ладони, погладил их большим пальцем. Она приблизилась к нему еще на шаг, внимательно заглянула в его глаза.

— Я напишу к тебе, — тихо сказал Сергей, но Марина покачала головой, отказываясь, и он повторил. — Я напишу.

— Нет, не надо, — прошептала она. — Я не буду читать твоих писем, тут же сожгу. Так что пожалей бумагу.

— Я напишу.

К коляске тем временем приблизился Василий Терентьевич быстрым шагом, едва не бегом, встревоженный криками Марины. Она тут же выдернула ладонь из рук Сергея и, коротко кивнув ему на прощание, пошла к коляске, села в нее с помощью управляющего. Тот вежливо приподнял шляпу и тоже отвернулся, забрался в коляску, дернул вожжи. Коляска медленно тронулась и покатилась прочь от Сергея. Он смотрел ей вслед, на голову в черной шляпке, обтянутой шелком, на ленты, что развивались на легком ветерке, и ему мучительно хотелось, чтобы она обернулась.

— Обернись, — шепнул Сергей ветру, надеясь, что он донесет до нее его слова. — Обернись, ну же!

Ему почему-то казалось, что если она не обернется, то его поездка закончится совсем не так, как он предполагал, выбирая из двух предложенных зол именно ее, как бы он желал, чтобы было. Сердце сжалось от какого-то меленького страха, что предательски заполз в душу, наполняя разум всякими нехорошими предположениями. Что, если он ошибся? Что, если надо было выбирать иной путь?

Но тут вдруг Сергей заметил, как в коляске одна из фигур, вся в черном, слегка

приподнялась на месте и оглянулась назад, прижимая руку, обтянутую черным шелком, к губам. Он мог ясно видеть это даже с такого расстояния.

Она плачет, понял он, и у самого в горле вдруг застыл комок, который было не сглотнуть так легко. Странно, Сергея почти не трогали слезы его жены, которые она пролила всю дорогу до Загорского, где он ее оставил ныне вместе с дедом, а вот этот невинный жест Марины вдруг заставил его сердце сжаться.

Сергей поднял руку и легко махнул ей, прощаясь, и она несмело махнула ему в ответ, а потом повернулась обратно на сидении.

Она обернулась. Значит, все будет хорошо. Все должно быть хорошо.

Милая, милая Марина... Он только на минуту представил, как она бы встретила ту весть, что он так скрывал от нее ныне. Как его жена — истерикой и криками? Или как Матвей Сергеевич — молча и смиренно принимая решение Сергея? Одно Сергей знал определенно — это могло окончательно выбить Марину из того спокойствия, что она смогла восстановить с таким трудом после смерти Анатоля. Ведь она как раз сейчас, спустя время, начинала восставать из пепла, словно Феникс, он ясно увидел это ныне, на этом поле, когда она срезала пшеницу, радуясь окончанию жатвы вместе с крестьянами.

Сергей заехал на могилу Анатоля ныне утром, когда был в усадьбе. По всему было видно, что Марина часто приходит сюда — на мраморном надгробии лежали цветы, срезанные, судя по всему, тем же утром. Он положил ладонь на мрамор, думая о том, что отныне Анатоль будет жить только в его воспоминаниях, и не таким, каким он видел его в последнее время, а тем, что запомнил по кадетскому времени. Или по годам их юношества, когда они втроем куролесили по столице. Шайка шалопаев, назвали их тогда. Их шальная троица...

Как же жестоко развела судьба некогда закадычных друзей! Какие трудные испытания выпали на долю их дружбы, и как не выдержала она их, сломавшись, разбившись в итоге! Как горько и больно...

Сергей одним резким движением надавил пальцами на веки, прогоняя невольные слезы, что навернулись вдруг на глаза при этом воспоминании. Потом обвел взглядом окружающий его пейзаж — поля с многочисленными скирдами, лес, виднеющийся вдали, эту пыльную дорогу, по которой удалялась коляска, уже почти превратившаяся в неразличимое темное пятно. Взглянул на солнце, ласково пригревшее его кожу нежными лучами, зажмурил глаза и вдохнул полной грудью запах сухой травы, прогретого воздуха и, как хотелось ему думать, ее цветочных духов.

Затем свистом подозвал коня, что сейчас жевал траву на обочине дороги, и легко вскочил в седло, натянул фуражку, чтобы солнце не так сильно пекло голову. Прежде чем тронуть коня в противоположную той, куда уехала коляска, сторону, он хлопнул по груди, проверяя бумаги, что лежали за полкой мундира, а потом задорно улыбнулся.

Она обернулась. Значит, все будет хорошо. Все должно быть хорошо.

— Я все же напишу! — громко крикнул он ввысь, в эту ясную лазурь летнего неба, перепугав птиц, что слетелись на поле в поисках упавшего зерна при жатве. — Я напишу!

А потом развернул коня и галопом помчал прочь от этого поля и этого неба, туда, где намеревался встретить свою долю, каковой бы она ни была...

Марина обернулась. Значит, все будет хорошо....

К началу осени занятость Марины постепенно сходила на нет, и она даже немного заскучала, покончив и со страдой, и с заготовками запасов на зиму. Только и оставалось, что перепроверять цифры в книгах учетных да взяться за обычные домашние дела. Кроме того, занялись дожди, почти непроницаемой водной стеной обрушивающиеся в небес на землю, и стало не до выездов на прогулки или в контору к Василию Терентьевичу. Тот вскоре и вовсе уехал проверять, как прошла страда в других имениях Ворониных, а это означало, что вернется он только к Покрову, не раньше. Пока объедет все имения, пока соберет данные да решит дела с местными управляющими или старостами.

Да и с визитом к соседям не съездить в такую непогоду, и приходилось сидеть в стенах дома почти безвылазно.

Марина не любила осень. Нет, когда на дворе бабья пора еще никуда ни шло, но вот остальные дни, когда небо нависало над головой свинцовой тяжестью, а вокруг все было мокрым и скользким. И еще этот нескончаемый дождь...

Леночка в последнее время, лишившись возможности бегать по парку, а значит, былой летней свободы, тоже упала духом, стала чаще капризничать. И Марина, когда не могла ее успокоить, волей-неволей вспоминала Анатоля. Иногда с досадой — мол, совсем разбаловал дитя, иногда с грустью — уж он-то быстро успокоил бы Элен, взвалив ее к себе на плечи и пробежавшись по большой бальной зале, то и дело подбрасывая ее вверх, будто на ухабах.

Она же дать таких забав ребенку не могла. Леночка уже была большая и чересчур тяжелая для Марининых рук, оттого-то и на руках она носила ее не так часто, как просила плачущая дочь. После Элен и вовсе пускалась в такой плач, что Марина едва сдерживала в себе раздражение этими капризными криками, усугубленное еще дурной погодой и оттого осенней хандрой.

Вот и ныне утром она не смогла сдержаться и почти убежала из-за стола, едва Элен принялась за свой очередной капризный крик. Недавно у дочери вдруг появилась красноватая сыпь на ручках и спинке. Перепуганная Марина немедленно послала за доктором, едва увидела эту картину, но прибывший немец заверил ее, что это не оспа и не другая опасная болезнь. Просто девочка переела сладкого, и ее следует на время ограничить в разнообразии питания, убрать из рациона все сладкое и сахарное. Так и поступили, но как было объяснить маленькому ребенку, что ее любимые оладушки, которые для почти каждое утро пекла кухарка Варвара, отныне надо было есть без варенья?

Это вызвало такой бурный протест, что Марина не смогла сдержаться. Она ясно поняла, что ныне либо отшлепает Элен, чтобы прекратить этот крик, достававший домочадцев последнюю неделю, либо должна уйти прочь из столовой и усмирить свой гнев в одиночестве. Так она и поступила. Вышла с шумом из столовой, громко хлопнув дверью, выражая таким образом свой собственный гнев, и ушла в кабинет просмотреть книги да планы посевов на следующее лето. Зато этот стук двери об косяк заставил дочь наконец-то замолчать, будто она поняла, насколько тяжело окружающим выносить ее капризы.

Марина взглянула на план, что ныне лежал перед ней на столе, отмечая грифелем площадь для засеивания ее картофелем. Пробные несколько десятин дали приличный урожай по сравнению с засеянными клубнями, и она планировала расширить посадки этой культурой. Теперь оставалось только приучить крестьян принимать картофель в пищу, ибо,

как принесли ей вести из деревни, они совершенно не знали, что делать с этими странными плодами. Попробовали есть сырыми, с кожурой, подумать только! Как только дождь успокоится, Марина соберет всех жителей села и личным примером покажет, что не дьявольское создание, а овощ, покажет, как следует принимать его в пищу.

«Я плохая мать!», вдруг снова пришли в голову Марины мысли, мучившие ее все утро. «Плохая, раз не могу выносить в такие моменты свое дитя, раз хочу ударить его!» Она совсем забросила свою дочь, с головой погрузившись в дела, совершенно позабыв, что та тоже лишилась многого — своего названного отца, товарища по играм и проказам, когда он был свободен от службы. Анатолий всегда находил время для Элен, а сама Марина ныне и минутки не может найти. Видит дочь только за трапезами, а играла с ней в последний раз еще до жатвы пшеницы. Быть может, ей стоит пойти к Элен и предложить поиграть вместе в кукольный домик, что той сделали прошлым летом? Или в те дивные фарфоровые куклы, что подарил Анатолий? Устроить чаепитие для них или быть может, даже раут?

Но Марина не успела даже с места подняться, как аккуратный стук в дверь кабинета заставил ее замереть на месте.

— Entrez, — пригласила она стучавшего войти, и в кабинет ступила Катиш, отказавшись от молчаливого приглашения Марины присесть, замерла в центре комнаты, оглядывая многочисленные полки с книгами и гроссбухами, рулоны планов, что виднелись сквозь стекло дверцев шкапов, тяжелую массивную мебель, из-за которой ее невестка казалась такой маленькой и хрупкой.

— Я давно тут не была, — прошептала она. — Тяжело входить сюда, зная, что его более нет здесь.

— Мне было тоже тяжело занять эту комнату, — призналась Марина. — Но именно тут хранятся все книги и планы, и стол тут поболее... Так что..., — она замолчала, почувствовав, что невольно оправдывается, что работает в кабинете Анатолия. Катиш же только грустно улыбнулась в ответ, уловив эти нотки в голосе невестки, и поспешила ответить:

— Нет-нет, не подумайте! Я не виню вас за это. Убеждена, он был бы доволен тем, что вы сумели взять бразды правления в свои руки. Вы так споро творите дела, не каждая способна на это. Кроме того, эта необходимая мера ныне, когда в семье нет мужчины.

Она замолчала, словно снова ощутила ту боль потери, что только недавно слегка приотпустила ее из своих когтей, отвела глаза в сторону, а потом бочком, мимо Марины прошла к окну и уставилась на пелену дождя, прислушиваясь к его тихому шептанию. Молчала и Марина, борясь со слезами, что вдруг поднялись откуда-то из глубины ее тела и застряли плотным комком в горле, вмиг почувствовав себя беззащитной и слабой, как тогда, в первые недели после смерти Анатолия.

— Вы, верно, гадаете, зачем я к вам пришла? — спросила от окна Катиш едва слышно, но к Марине лица не повернула, так и осталась смотреть на унылый осенний день за стеклом. — Я пришла к вам с просьбой, очень важной для меня просьбой, и, умоляю вас, подумайте над хорошо, прежде чем дать мне ответ.

Марина ничего не ответила на эту реплику, и ее золовка смело продолжила:

— Церковь причисляет убиенных на дуэли к самоубийцам и отказывает им в отпевании и погребении в освященной земле. За Анатолия заступился сам государь, а кто оказал такую милость Николаю Николаевичу? Я все время думаю об этом, каждый час, каждую минуту, особенно в ночную пору, когда сон нейдет ко мне. Где он погребен? На кладбище ли? Или за

оградой, и его душа навеки обречена скитаться по этой земле бестелесной тенью? Принял ли Господь ее к себе или отказал в покое? Я даже не ведаю, где его могила, никогда не преклонить колен у его надгробия. Это мучит меня, мучит! — она застонала негромко, прижала руки к губам, и Марина не могла не подойти к ней, не положить руки на ее плечи в немой поддержке. — Я принесла много горя тем, кого так горячо любила и люблю, причинила боль. Это гложет меня, терзает. Вы были правы, это я отправила ту злополучную записку. Минутный порыв ярости и обиды. Я хотела всего лишь наказать Николая, но не так. Не так! К каким последствиям это привело! Мне всегда говорил мой духовник в Москве, что когда-нибудь я горько пожалею и раскаюсь в своем грехе горячности и гневности, и вот этот день настал!

— Успокойтесь, дорогая, — мягко проговорила Марина, слегка надавливая на плечи Катиш ладонями. — Ваши терзания мне понятны. Но если вы будете всякий Божий день вспоминать об этом, как вы забудете эту боль, как избавитесь от мук горя? Да и Зорчиха говаривала, что слезы причиняют душам, ушедших от нас только терзания. К чему тогда мучить и свою душу, и их?

— Ваша Зорчиха — ведьма! И слова ее от дьявола! — запальчиво проговорила Катиш, и Марина поморщилась, снова видя перед собой не ту смиренную и тихую девушку, какой она была в последнее время, а ту — дерзкую и запальчивую, что подвела их семью к этой ужасной трагедии. Но вот Катиш снова обуздала свои эмоции, вернув на лицо ту же безмятежность, что царила на нем ранее. — Я никогда не смогу забыть. Никогда! Разве можно позабыть о том, что случилось? — она вдруг повернулась к Марине, схватила ее за ладони, сжала их с силой. — Прошу вас, прошу, отпустите меня в обитель. Нет мне более места здесь, кроме как в монастырской келье. Вымолить хочу души их у Господа. Чтоб даровал им прощение, чтоб пустил в свои чертоги небесные!

— Ах, милая Катиш, о чем вы? Вы просто еще не пережили ту потерю, слишком мало времени прошло. Какая обитель, дорогая? Вам едва минуло восемнадцать. Впереди вся жизнь. Уверена, Анатолий не желал бы подобной участи для вас.

— Какая жизнь? — простила в ответ Катиш. — Жить с этим грузом на плечах? Не могу! Его мать давеча была права — как мне жить, когда от него скоро останутся лишь кости?! Не могу!

— Ах, вот оно что, — протянула Марина, но золовка прервала ее:

— Нет! Ежели вы думаете, что это решение пришло ко мне после ее визита, то вы ошибаетесь. Я давно думаю над тем, еще с самого погребения брата. И быть может, Анатолий был бы против моих обетов, но теперь вам решать. Только вам! Отпустите меня! Нет мне тут покоя, нет!

Марина отняла руки из ладоней Катиш, отошла от нее и снова заняла место за столом, задумавшись над словами девушки, что не отрывала от нее внимательных глаз. Наконец, после затянувшегося молчания, Марина произнесла:

— Я дам свое позволение, Катерина Михайловна. Нет-нет, не спешите благодарить, — проговорила она, останавливая Катиш в ее порыве кинуться на колени пред невесткой и целовать руки. — У меня есть условие, и быть может, оно не придется вам по нраву. Вы молодая девушка, и я убеждена, что вам не место в обители с вашими страстями в душе. Время лечит любые раны, исцелит и ваши когда-нибудь, сотрет из памяти это горе, эту боль. И кто знает, что уготовано вам далее на жизненном пути? Быть может, ваше решение — всего лишь *contemptu mundi et fuga seculi* [\[569\]](#), бегство от этого мира. Но это ваш выбор, и я не

буду настаивать на своем, уважая его. Одно лишь условие — вы не примете послушание до вашего совершеннолетия. Вы поедете в монастырь трудницей [\[570\]](#), начнете путь в монашество с самых начал. И коли и по истечении этого срока, ваше желание принять постриг не ослабнет, я не буду препятствовать вам в этом.

Спустя несколько дней Марина отвезла Катиш в Нижний Новгород в Крестовоздвиженский монастырь, где когда-то сама искала покоя своей истрадавшейся душе, оставила ее в тех стенах трудницей на три года, что должны были пройти до ее совершеннолетия. Та без сожаления рассталась с мирским платьем, облачившись в плат и простое платье, как и остальные трудницы и белицы, что жили в монастыре. На прощание они крепко обнялись, сами не ожидая друг от друга тех эмоций, что оно вызвало в их душах. Для Марины это расставание было словно последнее прощание с прошлыми днями, что когда-то были в ее жизни, обрывалась одна из последних нитей, что связывали ее с супругом.

— Храни вас Господь, Катерина, — прошептала Марина, обнимая золовку. Она каким-то шестым чувством знала, что та не переменит своего решения, что не покинет этих стен более, и по истечении установленного срока все же примет послушничество.

— Храни и вас с Элен Господь, Марина Александровна, — карие глаза, так похожие на глаза Анатоля, что оторопь брала, сейчас смотрели на Марину с пониманием и некой симпатией. — Я буду молить о вас Господа неустанно, молитесь и вы обо мне.

С тяжелым сердцем покидала монастырь Марина, размышляя о том, что она что-то упустила из вида, что-то, что помогло ей убедить Катиш не оставлять мирской жизни, не уходить от мира за эти стены.

— Не думай о том, — сказала ей тогда на прощание мудрая матушка, настоятельница монастыря. — Ежели Господь явит свою волю, кто таков человек идти супротив нее и сомневаться в истинности происходящего? Раз ей суждено идти этим путем, она им пойдет.

Марина понимала это, но все же легкая грусть сожаления о выборе золовки не покидала ее. Зато тетушки, которых Марина навестила перед отъездом в Завидово, приняли решение Катиш без какого-либо удивления.

— Знать, такова судьба, — тихо сказала одна, утирая слезы, навернувшиеся на глаза, а вторая промолчала, только гладила более часто свою собачку, слегка дергая ту за шерсть на загривке. Они расспросили Марину о погребении своего племянника, на котором они не смогли присутствовать по состоянию здоровья, жалостливо качая головами и то и дело вздыхая о его судьбе. Марина с горечью заметила, как старушки сдали в последнее время, как отразилась на них эта смерть и эта трагедия, что свершилась в их судьбе, и дала себе слово почаще навещать их, привезти дочь сюда, в этот небольшой дом с палисадником, сразу после Рождества.

С первым снегом в Завидово вернулся управляющий, привезший с собой многочисленные расходные книги со сведениями об остальных имениях и хозяйствах семьи Ворониных в других губерниях. Для него весть об уходе Катерины Михайловны из мирской жизни стала новостью и носила отличный характер, что для Марины.

— Что монастырь получит? Земли? Урожайами? — сразу же переспросил он хозяйку. Та недовольно взглянула на него.

— Мы еще не обговаривали с матушкой этот вопрос. Пока Катерина Михайловна трудницей ходит, будем в монастырь часть оброка с поместий, что по завещанию ей отошли, слать. А после эти земли монастырю отпишем и денежный взнос сделаем в той сумме, что в

завещании оговорена. Это собственность Катерины Михайловны, а значит, ей и распоряжаться ими.

Василий Терентьевич покачал головой. По его лицу было видно, что ему жаль тех земель, в которые он столько лет вкладывал душу и свой труд, но такова была судьба многих владений дворян — они делились, переходя по наследству, либо как плата по долгам в другие руки.

Марина тем временем углубилась в книги, что привез управляющий, задавая ему то и дело вопросы. Щавелев удивлялся, как быстро схватывает эта маленькая женщина основы хозяйствования, как быстро вникает в самую суть. Вот и сейчас, водя пальчиком по графам с цифрами доходов и расходов одной из фабрик, она недовольно хмурилась, недовольная суммами долгов по выплатам за товар.

— Безобразие! Отчего ж такие суммы? Что не платят нам? Почти три четверти долга не оплачено?

— Требую-с, Марина Александровна, требую. Не платят. Нет, говорят, денег.

— А у нас их много что ли в долг товар отпускать так? Ну, ладно половина бы была. Три четверти!

— Грозил им уже. И судом, и тяжбой, не платят-с, — отвел глаза стыдливо в сторону управляющий. Ему самому было неприятно видеть такие цифры, но он человек подневольный все же, барин решал такие вопросы, а он лишь исполнял волю хозяина. Пусть иногда даже вразрез собственным мыслям.

— Только пугали? Не пугать надо! В суд подавайте, — отрезала Марина, и Щавелев поспешил заметить, что Анатолий Михайлович считал судебные тяжбы пустым и бестолковым делом, мол, больше денег на разбирательства уйдет, а товар не продадим.

— А сейчас мы его продаем? — язвительно спросила Марина. — Мы его дарим сейчас! В суд подавайте. На одного тяжбу повесим, другой трижды подумает прежде, чем с долгами тянуть.

Управляющий согласился с этим решением, в глубине души сожалея, что не настаивал на нем перед графом покойным. Быть может, и долги бы так не разрослись.

После, уже в самом конце разговора он поведал Марине о разногласиях, что возникли по южной границе Завидова, вернее, касательно мельницы и речи, на которой та стояла. Весной, выиграв тяжбу за наследство с побочным сыном предыдущего хозяина соседнего с Завидово имения, в наследство вступил племянник покойного и сразу принялся за дела поместья.

— Привез с собой нового управляющего. Курляндца, кажется. Тот вцепился во все дела, с которых можно денег взять, аки пес. Вот и до нас очередь дошла.

— До нас? Мы-то как связаны? — удивилась Марина.

— Мельница наша на Хладке стоит, а исток она берет в имении соседнем. Вот нынешний барин и решил, что может заставить нас платить за пользование речкой. Начало ведь она берет на его землях.

— Час от часу нелегче. Как это сложилось? Я думала, у нас договоренность с Милорадово. Мы мелем их муку бесплатно, а нам за это пользование рекой без всяких трудностей. Что с ней случилось, с договоренностью этой?

— Анатолий Михайлович на словах ее заключал, письменно не оформлял, — был ей ответ, и она прикрыла глаза рукой. Какая беспечность! Почему ее супруг был такой расторопный в канцелярии государя, но настолько недалек в управлении

собственным имуществом? Разве не ведал, что сосед стар и немощен, а новая метла всегда по-новому метет?

— Отложим пока разбирательства, Марина Александровна? Глядишь, к весне, когда мельница начнет работу...

— Нет, не будем откладывать, — отрезала она. — И не будем более дел никогда откладывать. Быть может, мой покойный супруг не имел времени на разбирательства, но у меня его достаточно. Да-да, я сама приеду в контору, назначьте день. И узнайте мне, пожалуйста, до того дня вот что...

Марина надеялась сыграть на своем присутствии, на своем шарме и обаянии на этих переговорах, ведь мужчины привыкли вести дела только с себе подобными, и женщина могла пусть ненамного, но смягчить атмосферу обсуждения, качнуть весы судьбы в ее сторону. Но в первые же минуты своего нахождения в конторе ее управляющего, где тот назначил встречу по делу о мельнице, она сама растерялась. Всему виной стало не волнение перед этой важной для нее встречей, не тот насмешливый взгляд, которым встретил ее курляндец, сидевший за столом и повернувшийся к ней, едва она ступила в комнату. Виной этот стал высокий широкоплечий мужчина, стоявший у окна спиной к ней. Лучи столь редкого в это время года солнца играли в его волосах цвета спелой пшеницы, и в этот же миг Марине показалось, что это Сергей стоит в конторе, настолько схожи были фигуры и цвет волос. Ее сердце глухо стукнулось о ребра. Глупое, глупое сердце, которое желало, чтобы ее глаза не обманулись, чтобы Сергей был тут, а не с женой в имении.

Но вот мужчина обернулся, заслышав шелест ее платья, и Марина убедилась, что все же ошиблась. Это был совсем другой человек. Иного цвета глаза, более темные, иной изгиб носа и губ. Более резкие, более грубые. Зато улыбка, что коснулась губ незнакомца, придала этому лицу обманчивую мягкость и удивительное очарование. Такая улыбка призывала улыбнуться в ответ, но она не коснулась глаз мужчины, Марина ясно видела это, когда он приложился к ее руке, слегка холодной с ноябрьского морозца, и это притворство не смогло обмануть ее.

— Андрей Петрович Раев-Волынский, полковник артиллерии Его Императорского Величества в отставке, потомственный дворянин, — отрекомендовался незнакомец, опередив управляющего Марины, что по правилам должен был представить его. — *Votre dévoué* [\[571\]](#).

Марина только вежливо улыбнулась ему в ответ, пока Василий Терентьевич представлял ее собравшимся в комнате. Поглядим, насколько правдивы ваши слова, полковник, поглядим.

Сначала она не вступала в общее обсуждение разногласий, возникших по поводу речки и мельницы на ней стоящей, внимательно слушая доводы противоположной стороны, основанные в основном на том, что хозяйка Завидова стучится перед напором, проявит истинно женскую уступчивость. Но когда курляндец замолчал (а именно он говорил, сам хозяин Милорадово отмалчивался), Марина заговорила, подав знак своему управляющему разложить на столе карту губернии.

— Господа, посмотрите сюда. Верно ли, что Хладка берет истоки на вашей земле, почти у границы Завидово? — ее собеседники кивнули, и она продолжила. — А свое продолжение она имеет на землях моего имения, и при этом ее длина протекания по ним в два раза с четвертью более чем длина протекания по землям Милорадово, верно? Вы настаиваете, чтобы мы платили вас ежегодную ренту за право пользования речкой. Хорошо, мы готовы платить вам, но будем делать это при одном условии. При раскладе, что вы

поведали нам, вы пользуетесь бесплатно при мелении муки своими водами, но за пользование нашими водами необходимо платить ренту. Причем в том размере, что превышает длину ваших вод, ведь длина наших превышает ровно в два с четвертью раза, как я уже говорила. Значит, и рента, уплаченная за пользование нашими водами, должна быть ровно в два с четвертью раза выше.

— Reinster unsinn! [\[572\]](#) — вспылил, выслушав ее, курляндец. Раев-Волынский же только откинулся на спинку стула, сложив руки на груди. Марина не могла разглядеть, что за выражение сейчас было в его глазах — то ли его забавляла эта ситуация, то ли ему смешна была она сама со своими выводами и предложениями.

— Отчего же? — возразила Марина и повторила слова курляндца, сказанные им в самом начале разговора. — Только дела. Мы ведь не хотим упустить свою выгоду.

— А если мы поставим запруду на Хладке? — проговорил Раев-Волынский, трогая за рукав сюртука своего управляющего, перехватывая у него ныне инициативу в этом разговоре. — Тогда у вас воды не будет для мельницы.

— Но и у вас ведь ее не будет. Она встанет. Ближайшая мельница в верстах сорока отсюда. Дело ваше, куда возить зерно, — пожала плечами Марина. — К сожалению, ваш прежний управляющий перемолол не так много зерна этой осенью, как сообщил мне наш мельник. Значит, через несколько месяцев запасы муки в амбарах вашего имения подойдут к концу. А там как раз страда. Лошади нужны будут в первую очередь именно там. Протянете с меленьем, зерно погибнет к концу страды.

— Ну, эту трудность мы как-нибудь решим, сударыня, — усмехнулся Раев-Волынский. Марина тоже насмешливо улыбнулась ему в ответ.

— А потерю поля плодородного как будете решать? — она показала пальчиком на карту. — Рядом с истоком одно из ваших посевных полей. Одно из самых больших. Хладка питает его. Поставить запруду так, чтобы не затопить поле невозможно. Вы можете убедиться в этом сами, сударь.

Раев-Волынский некоторое время смотрел на нее, а потом кивнул.

— Хорошо, каковы ваши условия, сударыня?

— Прежние, господин Раев-Волынский. Всего лишь соблюдение прежних договоренностей, — уже более тепло улыбнулась Марина, предоставляя ему любоваться ею, что он и делал сейчас почти в открытую. Она ясно видела это, и от восхищения, что вдруг она разглядела в его глазах, вдруг заставило ее голову пойти кругом.

— Тогда договорились, — Раев-Волынский протянул ей руку для рукопожатия, и она протянула в ответ свою, скрепляя их договоренность. Она снова улыбнулась своему собеседнику, а потом сделала знак управляющему, и тот положил на стол перед хозяином Милорадова бумагу.

— Что это? Договор? — поднял брови тот. — Вы не верите моему слову?

— Я верю, — мягко проговорила Марина. — Но лишние доказательства в делах не помеха.

Он кивнул ей, соглашаясь, а потом поднес ее ладонь к губам, выпустив после с явным сожалением в глазах. Марина не стала задерживаться в конторе, более ей было здесь нечего делать. Потому она оставила мужчин, попрощавшись, и вышла к саням, что ждали ее у самого подъезда. Но прежде чем ей подал руку, чтобы помочь сесть, выездной лакей, что сопровождал ее в этой поездке, это сделал Раев-Волынский, что вышел из конторы вслед за ней.

— Позвольте мне заверить вас, как я восхищен вами, сударыня, и попросить у вас прощение за эту неприятную ситуацию. Блеск золота совсем затуманил мне разум, но блеск ваших глаз вернул меня из этого забытья, — Раев-Волынский снова прикоснулся губами к ее руке через кожу перчаток, когда помог ей занять место в санях. — Могу ли я нанести вам визит, сударыня?

— Не думаю, что настало время принимать мне визиты, сударь. Со дня ухода моего супруга еще не миновало полугода, — отказала ему Марина, искренне наслаждаясь ничем неприкрытым восхищением в его глазах, и он с сожалением отступил, позволяя саням тронуться с места.

Марина удалялась прочь от конторы, спиной чувствуя на себе взгляд мужчины, и вдруг поймала себя на том, что довольно улыбается, кутая лицо в мех ворота салопы. Впервые за последние месяцы она вдруг почувствовала себя снова хорошенькой женщиной, способной вызвать восхищение, и это наполняло ее каким-то восторгом, кружащим голову. О Боже, как грешно, ужаснулась она, одергивая себя. Прошло менее полугода, как схоронили Анатоля, а она...! Недаром тщеславие считается одним из грехов, недаром!

По приезду в усадебный дом Марину ждали повседневные дела: домашние хлопоты, игра и прогулка с Элен в парке, засыпанном снегом (слава Богу, осенняя хандра отпустила ее дочь, и истерики сошли на нет постепенно), разбор почты, что пришла на этой неделе, и написание ответных писем. Только одному адресату Марина никогда не писала ответа. Тому, письма от которого приходили в Завидово с завидной регулярностью. Тому, кому принадлежал этот резкий почерк, при виде которого до сих пор ее бросало в дрожь даже теперь, спустя четыре месяца со дня их последней встречи.

Марина не жгла его писем, как обещала тогда. Не смогла. Правда, первое письмо все же бросила в огонь, поборов себя, но в итоге достала его спустя миг, выгребла на ковер кочергой вместе с частью поленьев, прожигая ковер, обжигая себе пальцы о край письма, уже занявшегося. После того дня не сожгла ни одного. Но и читать себе их не позволяла. Знала, что даже простые слова, написанные его рукой, способны ее сердце снова воспрять духом, а Марина себе этого ныне позволить не могла.

Чужой супруг. Эти два слова словно каленым железом жгли ей разум, в памяти всплывали глаза, полные слез, и тихий умоляющий голос. «...Я так люблю его. Я так хочу, чтобы он был рядом, чтобы не оставил меня. Не удерживайте его подле себя. Я уверена, что не имей он с вами встреч, все могло бы измениться... все!...»

Чужой супруг. И это означало, что Марине должно забыть эти серые глаза, эти мягкие светлые волосы, эти сильные, но нежные руки, которые иногда являлись ей во сне, будоража кровь, заставляя просыпаться в какой-то сладкой истоме, тревожащей тело. Как ей забыть, когда он приходит к ней редкими ночами? Как забыть ей, когда ее сердце замирает при виде того, как блеснут в свете церковных свечей в пшеничные пряди волос Раева-Волынского? Ведь с того дня, как они были представлены друг другу в конторе Завидова, отставной полковник, почти каждую утреннюю службу бывал в церкви Завидова.

Нет, это вовсе не было странным — каменный храм села имени Ворониных был единственным крупным на округу в полсотни верст, потому здесь собирались на службу многочисленные прихожане со всей округи. Станным для Марины был блеск его глаз, которым горели его глаза, когда он смотрел на нее во время службы. Это хищное выражение иногда пугало ее, но оно редко проскальзывало в его серо-голубых глазах, обычно они были полны ничем неприкрытого восхищения.

— Ой, Марина Александровна, вы совсем вскружили голову нашему новому соседке, — шутливо заметила как-то Авдотья Михайловна, когда Марина подвозила ее после службы. Теперь, когда Долли вышла замуж летом и переехала в имение своего супруга на другом краю губернии, она редко выезжала, даже в церковь. — Готова об заклад биться — как только откроете двери своего дома для визитов после праздника [\[573\]](#), то наш полковник будет тут как тут.

— Я не ставлю себе цели очаровать кого-либо, Авдотья Михайловна, — ответила ей Марина. — Смею напомнить — я ношу траур.

— Ну-ну, не обижайтесь, — похлопала ее по руке соседка. — Такова уж старость, ум укорачивает. Что в голову приходит, тут же на язык идет. Простите уж, коли обидела. Не имела я дурного намерения. Но ведь вам не век во вдовицах ходить-то. Когда-нибудь придется снять траур и принять другую фамилию. Ничего зазорного в том нет. Такова жизнь-то у нас, вот так-то. Андрей Петрович-то у нас вдовец, детишек своих нет, разве плохой поклонник-то? — она помолчала немного, а потом задумчиво проговорила вдруг. — Эх, как вспомню тот рождественский бал в губернском собрании! Каков красавец был Анатоль Михайлович, упокой Господь его душу! Как вы тогда танцевали вальс! Любо-дорого смотреть. Эх, Анатоль Михайлович, Анатоль Михайлович! — качала головой соседка.

Может оттого-то на Марину навалилась вдруг под Рождество такая тоска, что хотелось упасть в постель и плакать, непрерывно плакать. А может, от того, что вид Weihnachtsbaum [\[574\]](#) в большой гостиной, украшенной и нарядной зеленой красавицы, вдруг напомнил ей прошлогоднее Рождество, когда она была так счастлива и покойна в кругу своей семьи? Она смеялась и шутила с Леночкой, когда они, сидя у ярко-горящего камина, вырезали бумажные гирлянды под руководством бонны, но сердце ее глодала такая тоска, что хотелось выть, ведь вечером она ложилась в пустую холодную постель, чтобы провести и эту очередную ночь одной. Равно как и следующую ночь, и следующую за ней...

А быть может, ее тоска усугубилась неожиданным отсутствием Раева-Волынского на утренних службах в церкви? Марина и заметить не успела, как привыкла к его присутствию в своей повседневной жизни, потому-то и заметила это сразу же. Вот уже две недели его не было в храме Завидово. Всезнающая обо всем, что творилось в уезде, Авдотья Михайловна поведала Марине, что ее сосед уехал в Петербург. Видимо, заскучал в запорошенной снегом деревне. Да и что тут делать-то? Никаких развлечений, никаких собраний. Ранее в Завидовс были балы, а ныне это большое имение в трауре, вот и разъехались почти все соседи Марины. Кто в Нижний Новгород, кто в Москву, кто в Петербург. Никто не желал оставаться в деревне в эту пору. Вот и Лиза, к которой написала в отчаянье Марина, приглашая к себе на праздники, отказалась приехать, ссылаясь на нездоровье. Какое нездоровье? Разве Марина не знала свою сестру слишком хорошо, чтобы не прочитать сквозь строки, что та слишком ждет открытия сезона, чтобы провести эти дни в деревне?

Марина вдруг поймала себя на мысли, что до дрожи в кончиках пальцев желает пойти к себе, достать из-под кровати ту большую бумажную коробку и вскрыть те непрочитанные письма, пробежаться глазами по строчкам. Но стоит ли ради того, чтобы разогнать эту временную предпраздничную тоску перед этим семейным праздником снова терзать свое сердце? Но руки сами уже отгибали края покрывала постели, вытягивали из темноты большую коробку.

Внезапно Марина замерла, услышав, как у подъезда раздалось ржание лошадей да чьи-то выкрики. Кто-то приехал.

Марина быстро захихнула коробку обратно под кровать и только успела подняться с колен, как в дверь ее половины постучали, и Игнат из-за двери сообщил ей, что к ней прибыл князь Загорский Матвей Сергеевич. Едва сдерживая свое волнение, что охватило ее при этом имени, Марина поспешила пройти в большую гостиную, где в кресле расположился старый князь, а вокруг него суетилась Леночка, устраивая под его ногами небольшую скамеечку.

— *Merci bien, ma chère* [\[575\]](#), — улыбнулся ей старик, тронутый до глубины до души подобной заботой, и погладил ее по локонам. Леночка тихо прошептала застенчиво: «*Je vous prie* [\[576\]](#)» и по знаку бонны ушла в детскую, позволяя взрослым поговорить наедине.

— Прошу простить меня за столь неожиданный визит к вам. Да еще под праздники, — начал после того, как им принесли и сервировали чайный столик, старый князь. — Просто на земле нет более места, где бы я хотел находиться в этот момент более всего. *Et rester chez soi... tout seul...cet commérage...* [\[577\]](#)

Марина взглянула на него пристально и заметила то, на что не обратила внимания в первое время их встречи — горькие складки вокруг рта, глубокие морщины на лбу. Казалось, старый князь еще более постарел с тех пор, как она видела его в последний раз.

— *Qu'est-ce qu'il y a?* [\[578\]](#) — вырвалось у нее невольно. Он услышал искреннюю заботу в ее голосе и тронул ее за руку, что она положила на подлокотник его кресла, задавая вопрос, легко погладил ее, наслаждаясь мягкостью кожи. А потом Марина нахмурилась, только сейчас осознав его последние слова, сказанные по-французски.

— Сплетни? Какие сплетни?

Матвей Сергеевич вдруг отвел глаза, и она почувствовала, что что-то произошло, пока она жила тут, в Завидово, уединенно, не принимая визитов и писем от знакомых, только от Жюли. Но и та в последнее время стала на удивление немногословна, а письма ее коротки и скупы. За своей предпраздничной меланхолией Марина не обратила на это внимание, но тут внезапно на нее сошло какое-то прозрение. Она вспомнила тот грустный взгляд Сергея, и внезапно холодная рука сжала ее сердце. В своей злости на собственные слабости она даже не подумала о том, что именно могло привести его в Завидово.

— Ваше сиятельство, Матвей Сергеевич, прошу вас, — Марина положила другую ладонь поверх его большой морщинистой руки, что гладила ее руку, и сжала ее в тревоге. — Скажите мне все. Что произошло, пока я была в деревне?

Тот взглянул ей в глаза и грустно улыбнулся.

— Смотрю, я невольно открыл вам то, что от вас держится втайне. Я полагал, что Сергей пишет к вам. Или графиня Арсеньева написала к вам, как только эта весть появилась в свете. Уж она-то должна знать доподлинно об том. Вся петербургская знать со вкусом обсуждает в гостиных этот скандал. — Он немного помолчал, а потом продолжил, тихо вздохнув. — Она отпросилась у меня после отъезда Сергея в монастырь. Шел пост, и эта просьба не вызвала удивления. Я позволил ей. А потом, под Куприянов день [\[579\]](#) приехала ее мать. Вся в слезах. Я уж было перепугался, что стряслась беда с Варварой Васильевной. Нс такого... такого я даже предположить не смел! Она уехала в монастырь и там, под покровом монастырских стен, написала к матери, полагаю, к Сергею и к государю. Развод, Марина Александровна! Она подала прошение о разводе с позволением удалиться в обитель инокиней!

Марина при этих словах сдавленно ахнула, чувствуя, как пошла кругом голова от вихора

эмоций, что захлестнули ее при этих словах. Возможно ли это? Как это?

— А вот так, — проговорил Матвей Сергеевич глухо. Он вдруг потянулся рукой за полу сюртука и сжал грудь в районе сердца, и Марина испуганно вскочила на ноги, перепугавшись его бледности. Но старый князь знаком показал, что он в порядке, что сейчас выправится. И верно — спустя несколько минут боль отпустила его, вернулся на щеки неровный бледный румянец. Он выпрямился и продолжил свой рассказ напряженно слушавшей его Марине, ловившей каждое слово, ходившей по комнате в волнении.

— Я полагал, вы все знаете, иначе не рассказал бы об этом. К чему и вам разделять это? Мало вам своих горестей? Но сказанного не вернуть... В столице разразился скандал. Вести о разводе тут же стала известна каким-то образом. Поползли слухи о причинах этого разрыва, абсурдные, злые. Говорят, что он тронулся рассудком из-за того, что пережил за последние годы. Что нещадно бил свою жену смертным боем, едва не убив как-то раз. Или что будучи в плену Сергей получил страшное увечье, что Варвара Васильевна отказалась жить с ним из-за того. Что, почувствовав эту невольную свободу от него, она тут же поспешила убежать из этого брака в монастырь, где надеется найти защиту от него, *Monstre, Redoutable Prince* [\[580\]](#), так прозвали его ныне в свете. *Mauvaises langues!* [\[581\]](#) Иногда они ранят большее пули!

Марина даже не пыталась скрыть от старого князя слезы, что градом катились по ее лицу сейчас. О Господи, бедный Сережа! Какую же боль он, видимо, чувствовал ныне, став притчей в языцах! Ныне, когда так открыто обсуждали то время, что он предпочел бы навсегда забыть! И именно это прозвище, которого он так опасался из-за своего шрама на лице!

— Как он переживает это? Что он ныне? — спросила Марина старого князя и, получив его короткий ответ «Ах, если бы я ведал! Разве ж это напишешь в письме!», удивленно взглянула на того. Тот в свою очередь покраснел вдруг, заметив ее недоумение.

— О Боже, вы и этого не знали! — и когда она покачала головой и сделала знак, чтобы он не медлил, а говорил далее, продолжил. — Приговор был изменен тогда. Сергею предложили выбор: еще полгода в крепости, либо перевод на Кавказ. Сережа, эта горячая голова! Разве мог он еще просидеть в этом каменном мешке? Он выбрал войну. Еще до Ильина дня он уехал в полк. Он сейчас на Кавказе, Марина Александровна. На Кавказе!

Сергей прикурил от свечи сигару, подождал, пока она займется, а после, накинув на плечи шинель и коротко кивнув Степану, сидевшему подле огня и чистившему мундир, вышел из дома в эту зимнюю тишину, под черное небо, усыпанное звездами, такими яркими, какими он видел их только тут, на Кавказе. Он прошелся по двору и, тихонько приотворив калитку, вышел на узкую пустынную в этот час улочку. Надо было проверить караулы — не спят ли, пристально ли всматриваются в вечернюю мглу, когда света полумесяца в вышине неба недостаточно, чтобы заметить передвижение неприятеля еще издали на серебряном в этих лучах снегу. Но Сергей не спешил с этим, а вдохнул полной грудью воздух, такой свежий, такой слегка резковатый.

Ему понадобилось немало времени, чтобы выходить вот так вечером в непроглядную тьму, окружающую ныне все, что находилось в зоне его видимости. Да что там говорить — ему понадобилось немало душевных сил, чтобы унять эту предательскую дрожь в душе, когда он снова увидел эти горы, услышал речь черкесов. Тонкой змейкой заполз в первые же дни страх, напоминающий о том, что ему довелось пережить тут, на этой земле, такой прекрасной, но в то же время такой пугающе опасной. Когда не знаешь, кто тебе враг здесь, а кто друг.

С того времени, что прошло с момента возвращения Сергея с Кавказа после плена, русские войска потеряли многое.

Шамиль постоянно тревожил русские войска набегами больших и малых партий, которые с такой быстротой переносились с места на место, избегая открытого боя с русскими войсками, что последние совершенно измучились, гоняясь за ними, а имам, пользуясь этим, нападал на оставшиеся без защиты покорные России общества, подчинял их своей власти и переселял в горы. И даже сражение на речке Валерик не смогло склонить чашу весов в сторону русских войск. Разбитый Шамиль бежал от них, чтобы снова набрать войска для войны, но теперь уже чтобы причинять беспокойство в Дагестане, уклоняясь от прямого боя и распуская слухи о том, будто русские заберут конных горцев и отошлют на службу в Варшаву. 14 сентября генералу Клюки фон Клюгенау удалось вызвать Шамиля на бой под Гимрами: он был разбит на голову и бежал, Авария и Койсубу были спасены от разграбления и опустошения.

Несмотря на это поражение, власть Шамиль не была поколеблена в Чечне; ему подчинились все племена между Сунжей и Аварским Койсу, поклявшись не вступать ни в какие сношения с русскими. В ноябре 1840 года русским изменил Хаджи-Мурат и перешел на сторону Шамиля, взволновав против русских всю Аварию.

Именно поэтому к концу 1840 г. Шамиль был так силен, что командующий кавказским корпусом генерал Головин счел нужным вступить с ним в сношения, вызывая его на примирение с русскими. Это еще больше подняло значение имама среди горцев. В течение всей зимы 1840 — 1841 годов шайки черкес и чеченцев прорывались за Сулак и проникали даже до Тарков, угоняя скот и грабя под самой Термит-Хан-Шурой, сообщение которой с линией стало возможно только при сильном конвое. Шамиль разорял аулы, пытавшиеся противиться его власти, уводил с собой в горы жен и детей и заставлял чеченцев выдавать своих дочерей замуж за лезгин, и наоборот, чтобы родством связать эти племена между собой.

На Сунженской линии, где сейчас проходил службу Загорский, было неспокойнее всего. Войска Шамиля почти каждую неделю беспокоили русских, стремясь принести противнику максимально возможный вред, запугивая местное население, которое по-прежнему находясь неподвластными Шамилю, оказывали содействие императорским войскам.

За те более чем полгода, что Сергей провел здесь, в крепости Внезапная, к которой он был приписан по прибытию на Кавказ, он уже столько раз бывал в бою, что и пересчитать уже не мог. Сколько раз он уже глядел в лицо смерти, когда пуля проносилась буквально в нескольких вершках от головы! Сколько раз над его ухом раздавался свист лезвия сабли горца! Нельзя было сказать, что к смерти можно было привыкнуть, но Загорский к этому времени уже не испытывал никаких эмоций, когда по знаку глядящего поднимались снова и снова к бою.

Сначала Сергей долго не мог раздавить ту змейку страха, что свернулась в его душе, и едва не растерялся в первом нападении на укрепления спустя неделю после его прибытия. Но тут же рефлексy побывавшего и не в таких сечах воина взяли вверх над растерянностью, что овладела им, и он уже спустя несколько минут поднимал солдат, чтобы дать достойный отпор горцам, налетевших на его отряд возвращающийся с разведки в крепость под прикрытием сумерек. Зато это первое крещение боем, что настигло Сергея так внезапно для него, поспособствовало его победе над своим липким страхом, в котором он никогда бы и никому не признался, и сны, что мучили его несколько ночей подряд о том времени, что он провел в плену, наконец-то отпустили его.

Сергей поднялся на вал и знаком показал солдату, что тут же выпрямился во фрунт, что тот может расслабиться и продолжить наблюдение за округой.

— Тихо?

— Тихо, ваше высокоблагородие, — отрапортовал солдат и погладил седые пышные усы. — Затихли, черти. Уж более седмицы тишина. Не к добру то ж.

Вот и Сергей придерживался того же мнения. Установившаяся передышка после напряженных последних двух недель действовала на нервы, заставляла постоянно думать о том, где выстрелит в следующий раз — нападут ли на разъезд или на крепость, а может, налетят на аул, что виднелся в отдалении. Вот и думай тут...

Сергей плотнее запахнул шинель, невольно радуясь, что нет метели, которая мела несколько дней подряд. Было холодно, но не ветрено, потому этот легкий морозец лишь ласково покусывал щеки. Весна задержалась в этом году, предоставив полное право властвовать в марте холодной зиме.

Завтра надо будет посылать разъезд, чтобы встретить очередной обоз, привозящий в крепость припасы и почту, а уже послезавтра он узнает, есть ли для него то самое письмо, что он ждет безрезультатно уже несколько месяцев или нет.

Она не писала ему, как обещала. Ни единой строчки. Впрочем, разве она не сказала ему тогда, что не ответит ни одно его письмо? Несмотря на ее слова, Сергей продолжал надеяться на то, что когда-нибудь ему вручат письмо, написанное не рукой его деда или Арсеньева, а именно ее ровным и аккуратным почерком. Но время шло, а письма все не было. Быть может, она испугалась скандала, который разразился сразу же после его отъезда на Кавказ?

Слухи доходят сюда спустя время, но и тут Сергея настигла та волна сплетен, что поднялась в столице после того фортея, что выкинула его маленькая жена. Подумать только! Он даже не знал о том, что произошло, пока перед Покровом не прибыл в крепость

под усиленной охраной человек, которому было поручено разобраться в этом непростом деле — разводе в одной из самых именитых семей Российской империи. Сергей прекрасно помнил этот день. Он только вернулся с разъезда, как ему сообщили, что его ожидают в кабинете у коменданта крепости. Он помнил, как полковник отвел глаза в сторону, представив прибывшего Сергею, еще недоумевающему, что именно понадобилось этому чиновнику тут, на самой бурлящей ныне волнениями кавказской земле, а после вышел, предоставив тому наедине переговорить с Загорским.

Как же выбила из колеи Сергея эта весть, что жена за его спиной, пользуясь тем, что он находится за столько верст от нее, подала на расторжение их брака! Ему не были важны причины, по которым она так поступила. Сам факт этого нелепого развода, по его мнению, заставил его кровь бешено забурлить от гнева. Как сие возможно?! Как?!

А затем на место гневу тут же пришло невероятное облегчение, что он может быть свободен от этих уз, которыми связал себя по рукам и ногам, а вслед ему и горечь. Горечь при мысли о том, что так и не сумел показать этой юной девочке, еще не видевшей настоящей жизни, всю ее прелесть за монастырскими стенами. Горечь, что так и не смог почувствовать к ней ничего, кроме странной нежности и какой-то теплоты. Это все, что он смог вызвать к себе к Вареньке, что так ждала от него иных чувств. Он вспомнил, как она сбежала по ступенькам усадебного дома в Загорском, когда Сергей уезжал. Она вцепилась в его плечи и запрокинула голову слегка вверх, ожидая, что он поцелует ее на прощание. А он и поцеловал. Погруженный уже в мысли о предстоящей дороге, о том, что ему предстоит пережить снова в том диком краю, Сергей коснулся губами ее лба. Мимоходом, легко, но совсем не так, как она ожидала. И Варенька отступила от него, опустила руки. Только взглянула на него, будто обреченно, но ничего не сказала, позволила ему уехать, только тихо роняла слезы из своих карих глаз, что всегда напоминали Сергею глаза лани.

Теперь-то он понимал, что должен был поступить совершенно по-иному, что обращался с ней не так, как должно, не впускал ее в свою душу, уязвленный ее неприятием его шрамов, как телесных, так и душевных.

Сергея спрашивали об их совместной жизни с княгиней, намекая на то, что ответы он дает поверенному государя, что именно от них зависит решения императора позволить ли Синоду расторгнуть этот брак, а княгине удалиться в обитель. Спрашивали о том, знал ли он о набожности супруги, говорила ли она когда-нибудь о своем нежелании жить в миру. Бывали ли меж ними ссоры, разногласия. Что, по его мнению, могло толкнуть княгиню на это неожиданное решение. И самое главное — даст ли князь свое согласие на развод или будет препятствовать расторжению брака.

Сергей попросил дать ему время до завтрашнего утра, чтобы поразмыслить над той непростой ситуацией, в которой он оказался. Ему казалось, под вечер уже все офицеры в крепости знали, зачем именно приехал этот человек в Внезапную, хотя разумеется, подобного и быть и не могло. Загорский не спал всю ночь, размышляя над тем, как ему следует поступить. Дать ли возможность Вареньке уйти в монастырь? Ведь это давало ему полную свободу, а значит, что когда минут все необходимые сроки он может наконец соединить свою судьбу с той, с кем когда-то был венчан по собственному желанию, а не по воле долга. Но развод...

А потом, на следующее утро, в крепость приехал обоз и привез письма, которые не могли не подтолкнуть его на принятие того самого решения, что он принял.

«Я прошу простить вас мой столь неожиданный для вас поступок, — писала ему

Варенька своим круглым старательным почерком с тщательно выписанными буквами. — Нам никогда не было суждено стать супругами, ныне я знаю это. Моя судьба — стать Христовой невестой, ваше же... Я не ведаю вашу судьбу, только свой удел, и твердо знаю, что он не связан с вашим. Прошу вас, умоляю, пойдите мне навстречу, отпустите меня! Не чините мне препон в моем пути. Я выбрала его сама, я давно знала его. Отпустите меня! Не буду до конца своих дней помнить о вас и неустанно молить Господа нашего, чтобы он даровал вам тот душевный покой и то счастье, которого вы заслуживаете...»

«... Развод. Само это слово заставляет меня содрогаться от ужаса, а при мысли о том неминуемом скандале, что тотчас словно болотная лихорадка расползся по столице, у меня болит сердце. Развод в нашей славной семье! Княгинька понимает всю тяжесть последствий, что влечет за собой ее решение? Отчего она вдруг решилась на подобный шаг? Отчего? Я ищу ответ на этот вопрос и не нахожу его. Но решение за вами, *mon cher petit-fils* ^[582], оно только ваше. Я мог бы воспользоваться своим правом, но я не желаю принимать за вас такое решение, способное навсегда изменить вашу жизнь, вашу судьбу. Пусть Господь направит вас в этом, а моя доля будет смиренно принять его и помочь устранить все последствия этого скандала, что разразился в свете...»

И Загорский принял решение. Человек от государя уехал в тот же день вместе с обозом, что отправился в обратный путь. Сергей просто помнил глаза Вареньки тогда, в день, когда он сделал ей предложение — восторженные, влюбленные, полные немого восхищения, и ему становилось так горько, как никогда ранее. Разве не мог он пойти ей навстречу в ее просьбе, последней просьбе к нему?

А потом пришли первые отголоски сплетен. *Monstre, Redoutable Prince* ^[583]... Да уж таких прозвищ у него не было никогда ранее. Он часто уходил на крепостной вал, чтобы посидеть там в одиночестве, чтобы никто не смотрел на него так, как стали смотреть, едва пришли вести из мира в их крепость.

Сочувствие. Сострадание. Сергей без труда читал их в глазах своих сослуживцев поначалу, как бы они не прятали их, и ему становилось тошно от этого. Участились ссоры с офицерами, появились первые взыскания и аресты, из-за чего коменданту пришлось отозвать свое прошение о представлении князя Загорского к награде и сокращении срока его службы в гарнизоне крепости. А как было стерпеть, когда в офицерском кружке этот насмешник Стрелков до сих пор не может уяснить одного — лучше не трогать Загорского, себе же дороже? И пусть он пока терпит, памятуя о том, что до конца срока его службы остается уже чуть более года, но как, скажите на милость, промолчать, когда так и хочется затолкнуть прямо в глотку эти тонко скрытые намеки? Да, помощником коменданта назначили новоприбывшего Загорского в обход Стрелкова, что уже год проходил службу в крепости, но разве это было решение Сергея? Отнюдь. Да и зависть к тому, насколько быстро Загорский влился в офицерский круг, как споро завоевал уважение и авторитет среди солдат, как полагал Сергей, не давала штаб-ротмистру Стрелкову спокойно тянуть служебную лямку рядом с князем, не задев его никоим образом.

Внезапно откуда-то вдруг повеяло прохладой, в лицо ударил легкий ветерок. Сергей закрыл глаза, наслаждаясь этими нежными прикосновениями воздуха. Как бы ему хотелось получить хотя бы толику того, что вызывало в нем бешеную ярость, когда он видел тогда в глазах сослуживцев, от нее, от Марины! Как он надеялся, что она напишет ему хотя бы тогда, ведь она прекрасно знала, как тяжело ему выслушивать эти толки.

Но Марина упорно молчала, хотя он написал ей уже десятки писем. Молчала, и он

вначале не осуждал ее за это. Кто захочет быть невольно втянутым в тот скандал, что ныне так и плещется вокруг имени князя Загорского? И он даже мысли не допустил осудить ее за молчание, ведь он не хотел ни единого пятна видеть на ее репутации. Довольно и того, что ей уже довелось пережить. К чему еще и толки вокруг ее имени? Он стиснет зубы и переживет это в одиночестве, как переживал ранее эти душевные терзания, эту сердечную боль.

Но после, совсем недавно Сергей получил письмо от Арсеньева, и оно жгло ему ныне сердце, лежа за полой мундира на груди. Оттого-то ему так и не сиделось внутри, оттого-то его будто что-то гнало прочь из теплого дома на это крепостной вал. Он повернулся и взглянул сквозь слезы в глазах, что вызывал этот легкий ветерок, на месяц, что висел над головой. Быть может, он был излишне самонадеян и тогда, и теперь, но Сергею даже мысль о том, что в жизни Марины может появиться другой мужчина не приходила в голову. Но, тем не менее, это факт. Он появился, вернее, очень желает этого — войти в жизнь Марины, и она... она позволяет ему это делать.

Загорский ясно читал между строк последних писем и старого князя, и Арсеньева, что что-то не так в жизни Марины. И тогда он задал прямой вопрос Павлу, и тот так же прямо на него ответил в этом письме, понимая, что юлить бесполезно, что Сергей рано или поздно узнает о том, что в Завидово появился частый визитер.

Андрей Петрович Раев-Волынский, отставной полковник артиллерии Егс Императорского Величества, потомственный дворянин. Владелец дома в Москве на Неглинной улице, а теперь и небольшого имения на самом краю Нижегородского уезда. Вдовец, что самое важное из всей информации, что удалось раздобыть Сергею.

— Что ж вы там так часто бываете, господин Раев-Волынский? Медом там что ли вам мазано? — с раздражением прошептал Загорский. А ведь отставной полковник часто бывал в Завидово, судя по тому, что написали ему в последнем письме. А его дед хитер — упомянул о нем лишь мельком, мол, был на службе рождественской да на обеде после нее. Так нет, не только, раз уже и Арсеньев знает об этих визитах.

— Ваше высокоблагородие, — вдруг вырвал Сергея из мыслей голос солдата, что недавно он встретил на валу. — Смотрите, дивно как-то...

Сергей перевел взгляд в сторону аула, куда показывал рукой солдат, и увидел двух всадников, что направлялись к крепости от селения. В неясном свете месяца он заметил, что на них надеты офицерские фуражки, значит, свои. Но кто и откуда? И зачем выезжали?

Всадники подъехали поближе, и солдат сплюнул табак сквозь зубы, что жевал того.

— Эй, это ж его благородие штаб-ротмистр Стрелков. Везут что-то. Мешок что ли?

Один из всадников действительно что-то вез на крупе лошади перед собой. Вначале Сергей принял этот сверток за ковер, судя по его размерам, но после разглядел одну странность и напрягся, ощущая, как холодеет в душе. Неужели...? Может ли то быть...?

Давеча вернувшись со свадьбы в ауле, Стрелков был молчалив на удивление, только ус покусывал задумчиво. Сопровождавшие его офицеры рассказали со смехом, что того пленила красота дивной черкешенки, что была в числе помогавших на пиру женщин. И вот теперь Стрелков возвращается в крепость под покровом ночной темноты, когда все выше стоящие офицеры должны спать, а караульные без особого сопротивления пропустят в крепость этот странный груз да еще и умолчат о нем, побаиваясь гнева ротмистра.

Тем временем, Стрелков и его товарищ по этой аванюре въехали в крепость и остановились у дома, где у штаб-ротмистра была отдельная комната. Он легко снял с лошади

свой драгоценный груз и перекинул его через плечо. Повернулся, чтобы пойти к себе, и лоб в лоб столкнулся с князем Загорским, что стоял ныне напротив него, преграждая ему ход.

— Вы сейчас же увезете ваш груз обратно! — приказал ледяным тоном Сергей штаб-ротмистру. Но тот лишь выпятил челюсть, чувствуя, как в нем закипает гнев. Его столь сильно раздражал этот князь, так неожиданно свалившийся на их головы прошлой осенью, что не было мочи. А уж когда новоприбывшего ротмистра поставили на должность помощника коменданта крепости, то уж сам Бог велел Стрелкову возненавидеть его!

— Что вам угодно, князь? Я привез новый ковер из аула. Выменял его. Это уставом не возбраняется.

Сергей ничего не ответил, только рванул на себя за мундир штаб-ротмистра, потакая своему давнему желанию.

— Какой странный у вас ковер! И, вестимо, надо запира́ть двери за ним, ибо глядишь, убежит прочь, ведь он с ногами.

И, действительно, с одной стороны ковра, что висела за спиной Стрелкова, в свертке виднелись маленькие грязные пальчики.

— Вы соображаете, что вы делаете? Вы хотите вызвать недовольство населения своим безрассудным поступком? Ныне, когда наши позиции и так шатки в этом краю?

— Ах, оставьте, вы не знаете дела! — вывернулся из его рук Стрелков, по-прежнему придерживая свою драгоценную ношу. — Да, там черкешенка. Но ее никто не будет искать! Ее брат сам отдал мне!

Он поставил ношу на землю вертикально и слегка отогнул ковер, открывая взгляду Сергея, белое лицо с испуганными глазами. Потом легко вынул кляп изо рта черкешенки, что уставилась на Загорского, будто умоляя о помощи.

— Скажи же ему! Он понимает твой язык! Скажи! — проговорил Стрелков по-русски и встряхнул девушку. Та быстро заговорила, тараторя от страха, путаясь в словах:

— Помогите мне, бек Загорский! Это я, Мадина! Вспомните Джамалю, Исмаил-бека и бедную Мадину! Помогите мне!

Загорский взгляделся пристальнее, насколько позволял скудный свет месяца в лицо, белеющее в свертке, и тут же схватил Стрелкова за руки.

— Я забираю ее!

— Ну, уж нет! — взвился штаб-ротмистр и потянул сверток на себя.

— Я заплачу вам. Столько, сколько скажете, — предложил Загорский, зная, что Стрелков крупно проигрался несколько дней назад. — Отдам столько, сколько скажете.

— Нет! — отрезал, хищно улыбнувшись, Стрелков. Он хотел потащить спеленатую ковром девушку в дом, но Загорский не дал ему этого сделать.

— Отдайте мне ее!

Вдруг Стрелков замер, повернулся к нему и улыбнулся насмешливо.

— Хорошо. Я согласен. Вы сказали, что готовы отдать все, что угодно. Я хочу за девушку вашего вороного.

Загорский замер. Отдать Быстрого? Верного его товарища, который столько лет был подле него, который стал ему настолько близок, насколько может быть близок воину его верный конь.

Но с другой стороны — Мадина (а в том, что это была именно она, у Сергея не было никаких сомнений) и ее судьба, за которую он не дал бы ныне, останься она в руках Стрелкова, ни гроша. А она спасла ему жизнь. Причем, столько раз, сколько он и

пересчитать-то не сможет, выхаживая его после ранения, подкармливая его, когда он сидел в яме, устроив на пару с Джамалем его побег из плена. А charge de revanche [\[584\]](#).

— Конь ваш, Стрелков, — хрипло проговорил Загорский, и штаб-ротмистр швырнул ему с досадой девушку. Он бы может и пошел бы сейчас на попятную, но рядом стоял невольный свидетель этой авантюры и договоренности с князем — подпоручик, переминающийся сейчас с ноги на ногу, явно недовольный тем, что они со Стрелковым были пойманы с поличным. Поэтому пришлось отдать свой трофей и уйти к себе, злясь на себя и на князя, что так не вовремя решил прогуляться по крепости.

Загорский же аккуратно размотал ковер и освободил девушку, что тут же бросилась перед ним на колени, принялась целовать его сапоги, шепча слова благодарности. Он еле поднял ее, заметив, что уже привлекает к себе внимание часовых с вала, и поспешил увести ее к себе в комнату. Степан удивленно поднял брови, когда увидел, что за барином входит женщина маленькими шажками, опускается на ковер у ног того, по-прежнему прижимаясь к сапогам Загорского, словно собака.

— Оставь это! Сядь на стул или куда-нибудь! — резко приказал ей Сергей, и она поспешила подчиниться, перепуганная, белая от напряжения и страха. Степан почесал в затылке, задумчиво разглядывая черкешенку.

— Эта с нами теперь жить будет? — проговорил он, косясь на барина.

— Ты мысли эти брось! — прикрикнул на него Загорский. Он был раздосадован потерей коня, оттого и срывался нынче на всех. Но как можно было иначе? — Эта девушка мне когда-то жизнь спасла, из плена помогла бежать. Так что я в долгу перед ней, и намерен ей его отдать ныне. Подумаю, что дальше с ней делать.

Черкешенка успокоилась только через несколько часов, когда за оконцем забрезжил рассвет. Она-то и рассказала Сергею, что Стрелков был прав, и она была продана собственным братом этому урусу. Продана за отрез ткани да пару десятков рублей. Теперь уже обратной дороги для нее в аул нет, только в Акташ [\[585\]](#) с головой на самое дно.

— Да как же ты оказалась тут? — задал Сергей вопрос, что мучил его с той самой минуты, как он увидел Мадину. — Ведь твой аул совсем в другой стороне, в сотнях верст отсюда!

Мадина оставила свое занятие на миг — ее косы растрепались за то время, что ее везли в крепость, и ныне она снова плела их, сидя на небольшой оттоманке, поджав босые ноги под себя, спрятав их в подоле потрепанного платья, взглянула из-под густых ресниц на Загорского с какой-то тоской во взоре.

— За любовь мою меня Аллах карает! Запретная моя любовь, запретная, — только это сперва сказала, а потом резко замолчала, будто проговорила. И только спустя некоторое время продолжила, иногда запинаясь в рассказе, словно ей больно говорить о своей нелегкой судьбе.

Исмаил-бей не заподозрил тогда ни Джамалю, ни ее в побеге уруса из аула. Он долго искал его в горах, а после раздосадованный побегом Загорского приказал запороть до смерти одного из пленников и самолично порол того, пока тот не испустил дух. Вскоре его злость улеглась, и он забыл о непокорном урусе. Снова ходил в набеги, приводил пленников и приносил в аул хорошую добычу.

А потом приехали в аул ильче [\[586\]](#) от имама Шамиля, призывающие Исмаила бороться за свободный от господства урусов край, вступить в ополчение. Но бек отказал им, сказав, что его край вдали от урусов, что ему нет нужды проливать кровь в боях, которые не касаются

его. Ничего не ответили ильче, уехали прочь из аула.

Прошло время, и Мадина со служанкой пошли отнести обед пастухам в горы, что пасли овец, да собрать трав, чтобы пополнить корзину Мадины с лекарственными настойками и мешочками с сухими травами для отваров. В тот день с пастухами ушел и Джамаль, и Мадина искренне радовалась этой встрече с пасынком вдали от глаз Исмаила. Невольные союзники, они крепко сдружились после побега Загорского, и были рады пообщаться друг с другом вдали от чужих ушей.

Вот и сейчас Мадина передала ему свертки с обедом, присев на камень рядом, пока ее девушка собирала травы неподалеку. Джамаль пожаловался, что он устал, без отдыха сидит тут на камнях в наказание за то, что уснул давеча, когда ходил с отцом на перегон овец на другое пастбище, прокараулил несколько баранов, что ушли из стада и пропали, сорвавшись в горную речушку.

— Иди поспи у тех валунов, — предложила Мадина, накидывая на плечи его бурку и натягивая на голову шапку Джамалья, пряча косы, чтобы Азамат, зорко наблюдающий за ними сверху, а сейчас отвернувшийся в сторону, не заметил, что Джамаль не выполняет приказ бека. Она переглянулась лукавым взглядом со своей служанкой, едва сдерживая смех. Да, тогда им показалась эта проказа забавной. Они были юны — едва ли самому старшему из них сравнялось шестнадцать лет, и оттого-то так безрассудны. Они тогда еще даже не подозревали, чем обернется их затея.

Мадина даже не услышала, как к ней подкрались, речушка, у которой она сидела и кидала камешки, заглушила все звуки. Но кое-что она все же расслышала. Она хотела повернуться на легкий вскрик своей служанки (потом она узнает, что той перерезали горло), но ей в рот быстро вставили кляп, а на голову накинули мешок и куда-то потащили. Она пыталась отбиваться, охваченная безумным страхом за Джамалья, что спал недалеко от нее в камнях, но ее ударили по голове, и она потеряла сознание.

Потом Мадину куда-то долго везли, и лишь ночью сняли мешок в головы, с удивлением увидев длинные косы, что вырвались на свободы из-под упавшей шапки. Тогда она узнала, что ее украли люди Шамиля. По ошибке, ведь планировалось увезти Джамалья, как единственного наследника Исмаила в качестве аманата [\[587\]](#), чтобы заставить того собрать людей и влиться в ополчение Шамиля, но увезли ее. Из-за их детской шалости. Из-за желания Джамалья поспать и ее желания помочь ему.

Мадину вернули в аул на следующий же день, но и она, и ее похитители понимали, что ее судьба уже была решена. Она не удивилась, когда дойдя пешком до селения (ее бросили на самой границе владений Исмаила), ее встретило ледяное презрительное молчание. Исмаил сообщил своей младшей жене, что отказывается от нее перед лицом Аллаха и собравшихся свидетелей. Отныне она была ему не жена, он возвращал ее родным. Ее слезы и ее уговоры не смогли разжалобить его. Она была плохой женой ему, ведь за те четыре года, что была его женой так и не сумела подарить ему ребенка, посему Исмаил без особого сожаления расстался с ней.

Мадину увезли вначале к сестре отца, которая жила недалеко от их аула и оставили там. Опозоренную, едва стоящую на ногах от горя, что свалилось на нее. От своих провожатых Мадина с облегчением узнала, что Джамаль остался тогда жив. Единственный, ведь остальным попросту перерезали горло — и охранникам, и ее служанке, что собирала травы неподалеку. Но он и не смог бы ничем ей помочь, ведь в тот же день Исмаил увез его к родственникам в другой аул, чтобы спрятать от цепких рук имама.

Мадина недолго пробыла у тетки. Та не желала держать в доме опозоренную девушку, а кроме того, на ту начал косо поглядывать ее супруг, еще тот греховодник, и отправила ее к родному брату, что жил в селении Андреево под защиту урусов от разорительных набегов своих соплеменников. А уж тот в свою очередь продал ее спустя несколько месяцев этому офицеру, что заметил ее на свадебном пиру, который недавно прошел в селении и на котором Мадина прислуживала.

— Как же так? — недоумевал Сергей. — Он же твой родной брат!

— По отцу только, — пожалала плечами Мадина. — Прошлый год был неурожайный, да и война истощила закрома многих селений. Ты знаешь, бек, что и сюда пришел голод, что захватил наш край этой зимой. Я — лишние руки, но и лишний рот.

Дикий, жестокий край! Загорский всегда знал это, но он и подумать не мог, что вот так легко брат сможет избавиться от собственной сестры, что даже не достигла восемнадцатилетия. Чего ожидать еще от края, где отнять жизнь ничего не стоит? Где с детства мальчика приучают к военному делу? Дикий, жестокий край!

Весть о том, что в комнате Загорского появилась еще одна жилища, разлетелась по крепости всего за один день. Этому немало поспособствовал и сам Стрелков, что встретил на утреннем разводе Сергея, похабно ослабившись и заявив тому:

— Надеюсь, вы по-прежнему довольны нашей сделкой, как и я, князь? Полагаю, скачка ныне ночью не разочаровала вас, как не разочарует меня отличнейший галоп на вашем вороном.

Сергей едва сдержался, чтобы не ударить штаб-ротмистра прямо в это ухмыляющееся лицо, не разбить в кровь эти изгибающиеся в усмешке губы. Но он сдержал себя, чувствуя на себе пристальный взгляд коменданта крепости, как сдержал себя, когда тот позвал его к себе в кабинет и принялся отчитывать, как мальчишку, за присутствие в крепости посторонних.

— Я все понимаю прекрасно, но, позвольте, разве у меня был иной путь? — и Сергей поведал полковнику историю своего плена (впрочем, тот уже был осведомлен о том) и о том, какую роль сыграла в его побеге эта хрупкая черкешенка, что спала сейчас в его комнате.

— Но ей негоже тут находиться, сами понимаете, Сергей Кириллович, — настаивал комендант, и Сергей согласился с ним, заверив, что непременно напишет в Тифлис своим знакомым с просьбой поспособствовать судьбе черкешенки.

Штаб-ротмистр, будто дразня Загорского, весь день возился с Быстрым — то начищая ему шкуру, то красуясь во дворе крепости. Вид другого всадника на верном своем вороном причинял Сергею почти физическую боль, но разве он мог что-то тут поделать? Разве что насмешливо улыбнуться, когда Быстрый, недовольный тем, что в седле чужой, пару раз едва не сбросил Стрелкова наземь. Недолго тебе носить его, мой верный конь, шептал Сергей беззвучно. Я непременно найду способ, как вернуть тебя, мой друг.

Сам того не ведая, Загорский тогда произнес пророческие слова. Спустя несколько дней в крепость прискакал верховой с сообщением, что на обоз,двигающийся к крепости, совершенно нападение черкесов, просят подмоги. Тут же из крепости выехал отряд на выручку атакуемым во главе с князем Загорским.

Отряд нападающих был невелик, но все же превосходил численностью сопровождающих обоз, и потому подмога подоспела как раз вовремя. Загорский окинул взглядом всю панораму схватки. На четверть часа, не более, подумал он и ринулся с саблей прямо в гущу боя, с размаху, совсем не боясь ни лезвия черкесской сабли, ни шальной пули. Краем глаза он успел увидеть, как взвился на дыбы Быстрый, на котором ныне выехал к этой

заварушке штаб-ротмистр, спасая того от пули, которая свалила вороного с ног.

Загорский прикусил губу, чтобы не дать громкому крику вырваться из-за сомкнутых губ, и тут же подскочил к стрелявшему, рубанул тому по руке с оружием. Он повернулся после на миг к тому месту, где упал Быстрый. Нет, все верно. Верный конь мертв, сраженный пулей, которая предназначалась всаднику. Но смерть все же настигла и того — едва тот успел подняться на ноги, выпутавшись из стремян, как его от самого плеча до середины груди рубанула острая сабля черкеса, что с гиканьем помчался к Загорскому, от руки которого и принял спустя несколько мгновений смерть.

Сергей после развернулся, чтобы вклиниться в самую гущу боя, что завязался между солдатами и пешими черкесами, но не успел он даже направить коня в эту сторону, как в мгновение ока его левое плечо опалило огнем, и он, не удержавшись, все же вылетел из седла, как ни цеплялся за поводья ослабевшей в мгновение ока рукой. Сильный удар об землю едва не вышиб из него дух, заставив вскрикнуть от боли, но он успел увидеть, как его конь, тоже вдруг не удержавшись на ногах, стал заваливаться на бок, упал, яростно хрипя, обнажая длинные зубы. Это последним, что Сергей видел, прежде чем провалиться в глубокую и безболезненную темноту, что заботливо приняла его в свои объятия.

Марина в последний раз проверила спальни для гостей, что собирались прибыть через несколько дней на празднование ее именин. Ничего такого грандиозного, как любил устраивать в этот день Анатоль. Просто приедут Арсеньевы и ее сестра Лиза с супругом, которого недавно повысили в звании. Будут также соседи — Авдотья Михайловна с мужем и сыном, прибывшим в отпуск из Рязани, где проходил службу, дочерью Долли и зятем, что в это время гостили у них в имении, а еще предводитель уездного дворянства господин Спицын с семейством (ну, куда же без него?).

Марина писала еще Матвею Сергеевичу приглашение, но тот сослался на нездоровье и прислал свои извинения. Но она предполагала получить такой ответ: старому князю категорически не нравилось ее знакомство с Андреем Петровичем, который также был приглашен на именины. Разумеется, Матвей Сергеевич ничего не сказал Марине прямо, но она ясно видела его вдруг вспыхнувшую неприязнь к Раеву-Волынскому, видела, как презрительно и холодно он с тем обращается. Именно такого князя Загорского Марина всегда побаивалась, но все же нашла в себе смелость не отказать соседу в гостеприимстве, когда тот приехал поздравить ее с Рождеством, пригласила его разделить с ними праздничный обед после службы, на который были приглашены ближайшие соседи, что остались в свои имениях в эти дни.

И не было ни единого дня, когда она пожалела о том, что продолжила свое знакомство с Андреем Петровичем. Впервые она чувствовала себя с мужчиной так легко и непринужденно. С Анатолем ей частенько приходилось следить за каждым своим словом и жестом, чтобы ненароком не вызвать его неудовольствие или ревность. Присутствие Сергея волновало ее настолько, что она почти всегда забывалась, терялась в пространстве и времени. С Раевым-Волынским было совсем другое общение — приятельское, легкое. Ей с ним было комфортно, а его обожание, что она ясно видела в его глазах, льстило ей и заставляло почувствовать себя красивой женщиной. Да, впрочем, что уж там — заставляло почувствовать именно женщиной, ведь Андрей Петрович умел угождать всем — от Авдотьи Михайловны, что вскоре просто-напросто очаровалась им, до ее Марининой дочери, Элен, что неизменно вовлекала нового знакомого в свои игры, и тот с готовностью шел ей навстречу. Правда, последнее, вызывало в Марине легкую досаду. Ей вовсе не хотелось, чтобы ее дочь привязывалась к мужчине, заменяя в своем мирке дорогого друга, что ушел от них так рано — Анатоля. Потому она редко позволяла Раеву-Волынскому и дочери встречаться, и едва звенели колокольца на санях, что подвозили гостя к подъезду усадебного дома, отсылала Элен в детскую.

А Раев-Волынский стал бывать в Завидово очень часто. Сначала он привлек на свою сторону пожилую Авдотью Михайловну, настаивая на том, что негоже оставлять так часто в одиночестве их соседку-вдову наедине со своим горем. Предложил той почаще приезжать к ней с визитами. А чтобы не составлять дополнительных трудов, Андрей Петрович готов сам приезжать за Авдотьей Михайловной и отвозить ее в Завидово и обратно. Так и повелось отныне — раз в три дня Марина принимала гостей в Завидово с визитами, довольная тем, что они разделяют ее скучное бытие зимой, когда день был так короток, а занять его было почти нечем.

Андрей Петрович нечасто, но уезжал в Москву, где проверял дом, что сдавал,

намереваясь поселиться в деревне окончательно, или в Нижний Новгород, откуда привозил Марине книги и журналы, а иногда перехватывал и почту, что направлялась в Завидово. Началось все с того, что он заметил как-то в церкви, что хозяйка Завидово ставит свечи после службы не только за упокой и здравие близких, но и часто задерживается у иконы Сергия Радонежского, где неизменно просит того о чем-то. Или о ком-то...

А потом, несколько раз заехав на станцию и захватив почту в Завидово, Раев-Волынский понял, что к Марине кто-то пишет и делает это часто. Он не был глуп и легко умел сопоставлять факты, анализировать. Вот и тогда он быстро все свел воедино: свечи перед иконой святого Сергия, письма, написанные мужской рукой, сплетни, ходившие ранее в свете, о неумной ревности покойного супруга Марины и к кому — к Сергею Загорскому. Визит Матвея Сергеевича в Завидово на Рождество только укрепил его в подозрениях. Но на этом он не успокоился. Он доподлинно знал, что Марина не отвечает на эти письма, но вот каковы ее истинные чувства к этому человеку?

Раев-Волынский нацелился заполучить хозяйку Завидово, не только ее благосостояние, как намеревался вначале, но и теперь, когда он знал ее лично, — ее сердце, ее душу. Впервые его столь сильно привлекала не просто женская красота, а нрав, что скрывался за ней. Это удивляло, будоражило, бросало ему вызов, который он не преминул принять. Она должна быть его. И он пойдет на многое, чтобы добиться ее.

А потом, когда после рождественского обеда гости пили кофе в гостиной подле елки, Раев-Волынский вдруг нечаянно заметил, насколько схожи профили старого князя и девочки, что сидела у его ног на ковре и открывала подарки. Вот оно! Вот почему ребенка не отослали прочь, вот почему к девочке так благосклонен старый Загорский!

O-la-la, adultère, est il possible? [\[588\]](#) В таком случае, все меняется кардинально! Значит, меж князем и хозяйкой Завидово не просто случайный флирт, не просто случайная связь. И еще это означало, что у Раева-Волынского всего лишь чуть более года осталось, чтобы направить ветер судьбы в свою сторону. А в том, что это было возможно, у Андрея Петровича не было сомнений — он умел очаровывать женщин, умел влюблять их в себя. Дело было только в выбранной тактике и времени, только и всего. А тут должна быть тщательно выверенная стратегия, ведь Марина слишком умна, а его противник обладал множеством преимуществ, за исключением одного — он был слишком далеко от Марины, а вот Раев-Волынский — подле нее.

И тогда, после долгих раздумий Раев-Волынский разработал план. Он станет близким другом для Марины. Настолько близким, что она привыкнет к тому, что он постоянно подле нее, всегда готов поддержать и развеселить, если это будет нужно. Без лишних намеков на страсть, что он питает к ней, чтобы не спугнуть ее ранее намеченного времени. Но с маленькими знаками внимания, легкими прикосновениями и намеками. И она сама, в конце концов, потянется к нему. Иного и быть не может. Всем вдовам по истечении времени хочется почувствовать себя желанными и красивыми, Марина не должна быть исключением. И когда настанет это пора, он непременно будет рядом, чтобы наконец получить то, чего так страстно желал.

И Марина постепенно привыкала к присутствию Раева-Волынского в ее жизни. Ей нравилось, что она может всегда обратиться к нему за советом, когда она не знала, как поступить в хозяйственных делах. Нравилось обсуждать с ним прочитанные книги, что он привозил ей. Нравилось, когда он глядел на нее украдкой со странной нежностью в глазах, нравилось, когда он ласково касался ее ладони, будто случайно, когда она переворачивала

ноты, играя на фортепьяно гостям. А их неспешные прогулки по рыхлому снегу после службы, когда он провожал ее в усадебный дом? Да, ей действительно было спокойно с ним и легко!

Казалось, ее жизнь наконец-то наладилась. Ушла та боль, что терзала ее после кончины Анатоля, оставив после себя только легкую грусть и сожаление по тому, что могло бы быть, но так и не случилось. Марина стала сама себе хозяйкой — своему положению, своим чувствам. Теперь ей не надо было принимать решения с оглядкой на кого-либо, кроме себя. Теперь она была вольна поступать так, как ей хочется, словно ту птицу, которой она когда-то себя чувствовала в браке с Анатодем, наконец-то выпустили из золоченой клетки на свободу, сладкий аромат которого так кружил голову Марине ныне.

Оттого-то появились и сомнения. Они вошли незаметно и поселились в душе Марины, постепенно разрастаясь, принимая просто громадные размеры. Она поймала себя на том, что редко вспоминает Сергея ныне, лишь в церкви, когда приходит время вознести молитвы за здравие и упокой. Да по ночам, когда ее тело-предатель напоминает ей, как давно не касалась ее ласкающая рука мужчины, как давно ее губ не касались другие уста.

Неужто она забыла его, одурманенная новизной и прелестью ее нынешней жизни? Ведь ей было так отрадно, так спокойно сейчас. Марина вспомнила, как было собралась написать к нему тогда, под Рождество, когда узнала о разводе, о его переводе на Кавказ. Хотела и было села за бюро, обмакнула перо в чернильницу, но и не смогла написать ни единой строчки, ни единого слова. Она просто вдруг поняла, что не знает о чем писать ему. Просто-напросто не находит слов. Она тогда просидела за бюро до самых сумерек, когда пришло время зажигать свечи, перед пустым листом бумаги, просто устремив взгляд в никуда, ощущая странную пустоту внутри себя.

А после, когда за окном уже откружили зимние метели, а с крыши закапало вовсю, когда на полях появились большие проталины, и в воздухе запахло весной, в музыкальном салоне Завидово состоялся разговор, увеличивший количество душевных метаний Марины. К ней тогда по обыкновению прибыли Авдотья Михайловна и Андрей Петрович. В этот раз с ними прибыла и Долли, что хотела остаться в имении матери от Пасхи, что была не за горами, и до самого Покрова, ведь дом в имении ее супруга перестраивался ныне и был совершенно непригоден для жилья. С ее вполне обыденного вопроса и начался этот разговор. Она углядела на одном из столиков книгу в простом зеленом переплете и заинтересовалась ею.

— Что за книга, Марина Александровна? Новая? Писатель мне не совсем знаком. Немец? — спросила она, вертя в руках книгу, Марину, которая сейчас сидела у окна и вышивала небольшую картину.

— Эту книгу привез мне давеча Андрей Петрович, — кивнула Марина на что-то тихо поигрывавшего на фортепьяно Раева-Волынского. Тот легко кивнул в ответ. — Это новый писатель, из Дании. Андерсен. Ежели вы не читали его еще, то я с большим удовольствием одолжу вам эту книгу.

— Die Märchen^[589], — с трудом прочла Долли и отложила книгу. — К сожалению, я плохо читаю на этом языке. Это сказки?

— Сказки для взрослых, — ответил вместо Марины Раев-Волынский. — Андерсен превосходно пишет о любви.

— О любви? — насторожилась тут же почти дремавшая в кресле у огня Авдотья Михайловна. — Что ж за сказки-то такие?

— Печальные, весьма, — улыбнулась Марина грустно, будто погрузившись в свои мысли. Она вспомнила, как плакала над этой книгой, что так разбередила ей душу. — Но о такой прекрасной любви... пусть и с трагичным финалом.

— Ах, расскажите же мне! — воскликнула Долли, и Раев-Волынский пересказал ей несколько историй, написанных рукой датчанина, растрогав ту чуть ли не до слез.

— Ah, c'est très bien... et c'est triste! [\[590\]](#) — прошептала она, утирая глаза платком, когда Андрей Петрович закончил пересказ сказки о Русалочке.

— Печально? Это глупо! — рассмеялся тот. — Вы просто не видите очевидного за ширмой сказки о прекрасной любви.

— И что же вы хотите этим сказать, Андрей Петрович? — спросила Марина, не отрываясь от своей работы. — Что любить без взаимности — глупо? Или глупо отдать жизнь за любимого человека? Подарить ему счастье ценой собственной жизни?

— Глупо, Марина Александровна, полагать, что любовь, пришедшая в юношеских годах, способна длиться всю жизнь, что эта наивная влюбленность и есть то самое великое чувство, о которых слагают поэмы и романсы. Voici un exemple tout trouvé [\[591\]](#). Die Nixe... Любила ли она вообще? Разве возможно увидеть только раз и влюбиться на всю жизнь? — Марина тут же при этих словах вспомнила сад Смольного и офицера, что перепрыгнул через ограду, перепугав ее, юную институтку, до полусмерти. Он ворвался столь неожиданно в ее уединение тогда, равно как и в ее жизнь. — Нет, говорю вам я, нельзя! Можно влюбиться в образ, что мы создаем в своем разуме, но это только образ и ничего более. Зато мы лелеем и ласкаем свою влюбленность к тому, что выдумали сами, с превеликим удовольствием. Так что это — любовь или увлеченность? И если любовь — то ее предмет: не сама ли любовь, часом?

— Вы не правы, Андрей Петрович. Иначе как же тогда творятся браки в нашей империи? Ведь есть же и те, что были заключены по любви, — возразила ему Марина.

— По любви? А сколько длится истинное счастье любви в этих браках? Когда приходится жить не с тем человеком, которого себе придумал, а с тем, каковым он является на самом деле, то разве не приходит на смену той увлеченности острое разочарование? Женщины вступают в брак при этом будто с завязанными глазами, повязка с коих падает со временем. Нет-нет, я категорически отрицаю вступление в брак таких молоденьких влюбленных дурочек! Уж лучше по сговору родителей. Те-то более умудрены опытом и подберут такую пару, какая и составит истинное счастье в дальнейшем, когда придет опыт и свойственная ему мудрость.

— Да-да, — кивнула, соглашаясь с ним, Авдотья Михайловна, и Марина прикусила губу раздосадовано. Но сдаваться в этом споре она отнюдь не собиралась и, собравшись с духом, снова ринулась в него.

— Хорошо. Допустим, любовь с первого взгляда и в юном возрасте не любовь, а всего лишь влюбленность, допустим, позднее приходит разочарование. Но неужели вы отрицаете, что все же есть такая слепая безрассудная любовь, когда и жизнь не жалко отдать за любимого? Когда устраняют преграды, лишь бы быть вместе?

— Ну, отчего же, — пожал плечами Андрей. — Пожалуйста, и про преграды: он и она встретили друг друга на каком-нибудь балу и пришли друг другу по нраву. Но между ними множество препон — против их союза семьи, против него общество или другие обстоятельства, не важно. И вот они сражаются с ними — уговаривают родных или венчаются тайно. Но! Вот проходит время, и они уже в браке, и с ужасом понимают, что они любили больше не друг друга, а само чувство борьбы за любовь, за химеру счастья, что

маячила вдаль. Но уж поздно, они скованны узами брака. Такова уж людская натура. Особенно мужская. Нам, мужчинам, по нраву завоевать трофей, но вот что с ним делать далее? Оттого-то и происходят эти интрижки и тому подобное. Il est plus difficile d'être fidèle à sa maîtresse quand on est heureux que quand on en est maltraité [592]. Но и женщины тоже хороши бывают. Как сказал некий француз (и я, пожалуй, с ним соглашусь): Les femmes croient souvent aimer encore celles n'aiment pas. L'occupation d'une intrigue, l'émotion d'esprit que donne la galanterie, la pente naturelle au plaisir d'être aimées, et la peine de refuser, leur persuadent qu'elles ont de la passion lorsqu'elles n'ont que de... [593]

Раев-Волынский замолчал и пожал плечами, снова принялся наигрывать легкую мелодию, а Марина вдруг задумалась, перевела взгляд в окно. Разве возможно это? Разве возможно ошибаться в своих чувствах, принимая за любовь то, чем она и вовсе не является? Но ведь она пронесла в себе чувство к Сергею столько лет, разве это не любовь?

— А как же пары, что преданно любят друг друга столь длительным сроком? — спросила со своего места Долли, будто прочитав мысли Марины, и она невольно прислушалась, чтобы услышать ответ ее собеседника.

— L'accoutumance, — раздался голос Раева-Волынского прямо у Марины над ухом, заставляя ее вздрогнуть от неожиданности. Оказалось, пока она погрузилась в свои мысли, он подошел и принялся разглядывать через ее плечо вышивку у нее под руками. — Всего лишь привычка, только-то. Люди становятся спокойнее друг к другу, равнодушнее. Уже не так бьются сердца, совсем не так.

— Неужто нет ее? Любви нет, по-вашему? — повернулась к нему Марина, тихо шепча свой вопрос. Но он услышал ее, склонился к самому уху и также прошептал едва слышно:

— Она есть. Истинная любовь есть. Но ее так легко спутать с чем-то иным...

Марина вспомнила, как проводив тогда гостей, ушла к себе в половину, как достала из-под кровати коробку с письмами Сергея и прочла их. Все. Все до единого. До последней строчки.

Прочла, надеясь на то, что ее сердце дрогнет, как ранее, что душа тихо запоеет внутри от осознания того, что она любима по-прежнему. Но ничего не случилось. Это были просто письма в ее руках, и хоть они были полны тем самым чувством, что она искала, ответа, которого она ждала в себе, она так и не получила. Неужели ее молитвы, ее просьбы забрать из ее сердца эту любовь, что причиняла ей столько мук, были наконец услышаны? Неужто она забыла...?

А потом прошла Пасха, великий праздник, полный весеннего света и звонкого перезвона колоколов, вселяющий в сердца прихожан радость и отраду, надежду на лучшие времена, и наступила пора пахоты, а после и сева. Вновь каждый день Марины стал полон хлопот, как ранее, вновь у нее не стало времени на размышления о своей судьбе и своем будущем. Да и она более не хотела думать об том — ей было так отрадно и покойно ныне.

Когда уже полностью сошел лед с Хладки, запустили мельничное колесо, что со скрипом опустилось в воду и, медленно набирая обороты, пустилось за работу. Марина с улыбкой повернулась к Раеву-Волынскому, что пожелал быть с ней при этом событии — открытии мельничной работы в этом сезоне, воскрешая в памяти их спор по поводу этой мельницы и этой речушки. Он тоже перевел взгляд на нее и улыбнулся широко, а после, когда они уже в коляске возвращались в Завидово, поднес ее ладонь к своим губам, коснулся их так страстно, что у Марины голова пошла кругом.

— Я не могу даже выразить, насколько я благодарен Провидению и этой речке, и этой

мельнице! О, Марина Александровна, как же я рад, что тогда моему управляющему пришла в голову эта идея! Пожалуй, стоит выписать ему премию в этом квартале...

Она ничего не ответила ему. Только аккуратно выпростала ладонь из его рук, отвернувшись неловко, отводя глаза. Простое прикосновение, но его страсть и его сила, мужской запах сидевшего подле нее вдруг пробудили в ней доселе дремлющее желание. Будто Марина спала вместе с природой вплоть до весны, но пришло солнце, растопило этот лед, и в ней снова проснулось женское начало.

Как же так? Возможно ли это? Марина думала об этом весь день после своего спешного прощания на крыльце усадебного дома Завидово. Ей было странно, что подобное чувство вдруг проснулось совсем к другому мужчине. И пусть он был схож фигурой и волосами с Загорским, но он был другим, чужим... Как же так? Неужели она и вправду разлюбила Сергея?

Ах, как же он был нужен ей тут, в Завидово! Что за странная горячность, вечное толкающая его в какие-то авантюры? Чего Сергей добился, отбыв на Кавказ? Она прекрасно понимала, что даже теперь, когда уже было вынесено решение о расторжении брака четы Загорских, ей не следовало даже намека давать на свое увлечение, но это странное желание, что так взбудоражило ее ныне! Разве это возможно, когда ты уверена, что любишь другого человека? О, она бы тотчас поехала бы в Загорское, перепуганная в эту минуту тем, как бешено бьется ее сердце. О Господи, о чем она думает?!

Раев-Волынский сразу же понял, что едва не потерял, так неосторожно позволив своим чувствам взять верх. Марина с того дня сократила с ним общение до минимума, отклоняя его визиты и отменив ту привилегию, которой он с таким трудом добился — обучить ее управлению новой двуколкой, что она приобрела, едва сошел снег, будто подтверждение своей нынешней независимости и свободы. Ему пришлось приложить немало усилий, чтобы вернуть то расположение, что было утеряно им, снова подняться с той низшей точки, куда он попал из-за этого происшествия. Но, разумеется, ныне Андрей попал туда совсем на других условиях — вскоре Марина откровенно заскучала без его общества, и сама написала к нему, приглашая на обед, что давала в день Вознесения Господня для ближайших соседей.

— Ежели вам так неприятно мое общество, Марина Александровна, я готов удалиться от вас, — доказывал ей Раев-Волынский, когда хозяйка с гостями прогуливались в парке после трапезы, разбившись попарно. — Я сделаю это, даже если мое собственное сердце разобьется на сотни осколков, но ведь таково будет ваше желание. А моя жизнь отныне посвящена только этому — служить вашим желаниям. И только! Да, признаюсь вам, я покорен вашей красотой, вашим умом. Я люблю вас безумно! Но я вижу, что вы не желаете моей любви, и потому я предлагаю вам только свою руку, руку дружбы. Примете ли вы ее, Марина Александровна? Или отвергнете меня от своего дома? Я клянусь, что приму любое ваше решение, и клянусь вам, что никогда более не заговорю с вами о любви, ежели вы сами не дадите мне позволения на то.

Марина ничего не сказала, только легко сжала его локоть, на сгибе которого лежала ее ладонь, и он понял, что она простила его. О, эти женщины! Как они легковерны!

А вскоре Андрей уговорил ее переменить строгий траур на тона полутраура, умоляя ее не скрываться более под этим черным шелком. Он знал, что ее покойный супруг не хотел, чтобы она носила траур более года, она сама рассказывала ему об этом, и напомнил Марине эти слова, как только минула седмица от того срока. Да признаться, и Марина сама уже была готова сделать это — черный шелк вовсе не та ткань, что захочется носить летом, которое

судя по маю, должно быть жарким.

А с цветными красками, пусть и не такими яркими, как бы ей хотелось (лиловый, жемчужно-серый и белый), в ее жизнь вошла какая-то радость, какая-то странная благодать, что заставляла ее так гнать свою двуколку меж полей с маленькими, но уже явными всходами пшеницы и ржи, гречихи и овса, что ленты на ее шляпке развевались, словно флаг. И именно это чувство вдруг толкнуло ее на легкий флирт с Раевым-Волыньским, что незаметно стал все чаще и чаще проскальзывать в их отношениях. Она была еще молода и красива. И ей так нравилось поддразнивать его, вызывать в его глазах тот огонь, что вспыхивал в последнее время все чаще и чаще. Так отчего же нет?

Марина не могла объяснить, зачем она дразнит своего соседа. Быть может, оттого что аромат сирени, пышно цветущей за окном, так кружил голову? А может быть и оттого, что Сергей вдруг неожиданно перестал присылать те заветные письма, что она так бережно хранила? Будто почувствовал, что она перестала их ждать. Хотя перестала ли или сама убедила себя в том, что не ждет их более? Ведь отчего так сжимается сердце, когда очередной раз ей кладут почту на стол в кабинете или когда стремянной, ездивший на станцию, показывается на аллее, ведущей к усадебному дому?

— Писал ли он к вам? — был тем самым вопросом Марины, что так и рвался с языка, едва Арсеньевы вышли из своей комнаты, отдохнув с дороги. Она могла откровенно говорить с Жюли ныне, ведь остальные гости, что должны были прибыть ко дню ее именин, еще не прибыли, а Павел Григорьевич, верный своей страсти к охоте, удалился на псарни, и женщины рука об руку направились к террасе на обрыве. — Он перестал писать мне еще с Пасхи, и я не ведаю по какой причине. Здоров ли он, как его служба?

— Сергей Кириллович писал Paul'ю, но ты же знаешь моего супруга — ни слова из него не вытянуть. Я знаю, видимо, то же, что ты — что служит в крепости где-то на Кавказской линии, что ему осталось служить более года, пока не минет срок наказания. Вот и все, моя милая. Но могу сказать определенно одно — последнее письмо от него мы получили в начале лета. Прости, дорогая, но это так. Ежели желаешь, я могу выведать, отчего он перестал писать к тебе...

Но Марина только покачала головой. Нет, она не желала вымаливать к себе внимания. Либо он сам возобновит, либо никак. По-иному она не хотела.

Она вспомнила свои сомнения, что захватили ее весной и не отпускали до сей поры, и вдруг подумала, а что если и Сергей стал забывать ее. Не оттого ли писем нет?

— Мне давеча заявили прелюбопытную вещь. Что люди могут жить много лет бок о бок и заблуждаться, принимая привычку за любовь. Вы женаты столько лет с Павлом Григорьевичем. Отчего ты уверена, что до сих пор любишь его? — решила спросить Марина подругу. Та залиvisto рассмеялась в ответ.

— Что за вопрос, милая? Я просто знаю это, — и когда Марина сделала знак рукой, что недовольна этим ответом, что он недостаточен, продолжила. — Да, верно, сердце более не стучит так часто, как раньше, и не дрожат колени, едва я вижу его. Но вот заболит он, как нынешней зимой, горячкой, я с ума сойду от беспокойства и сделаю все, чтобы поставить его на ноги. Вот в такие моменты и понимаешь, что жить без этого человека невозможно для тебя. Когда есть риск потерять его. Навсегда. Тогда и обнажаются души, открывая все, что скрывалось глубоко внутри. И не прав твой собеседник в том разговоре. Да, сердца бьются не так, но любовь никуда не уходит из них. Она просто меняется.

Марина еще многое хотела спросить у подруги, но прибежал лакей и сообщил ей, что

прибывают приглашенные гости, и женщины поспешили обратно к дому. Она подумала тогда, что переговорит с ней после обеда, когда всем захотелось выйти из душного нагретого ярким июльским солнцем дома на свежий воздух и спуститься к реке на прогулку, но и это ей не удалось. Молодежь вдруг стала уговаривать взять с собой биты для лапты, настаивая, что погода стоит нынче чудная, и солнце уже не так бьет в глаза. К ним неожиданно присоединились и Арсеньев с Раевым-Волынским, а так как мужчин было мало для того, чтобы играть (предводитель уездного дворянства и муж Авдотьи Михайловны уже успели задремать, расположившись в креслах подле дома в парке), то было решено, что и женщины войдут в команды, за исключением незамужних дочерей господина Спицына.

Сначала женщины смущались, особенно Долли, но потом и Марина, и Жюли вошли в азарт, бегая по импровизированной площадке для игры, подобрав юбки, или отбивая мяч с силой, на которую были только способны. Они частенько играли в нее, когда еще учились в Смольном, и теперь с наслаждением окунулись с головой в лапту.

Марина в очередной раз легко кинула мяч, который отбила Жюли, но отбила его так слабо, что не успела она пробежать и пары шагов, как тот был подобран с травы братом Долли, что был в команде Марины, и пущен в сторону Жюли, «осалив» ее. Долли даже запрыгала от радости, что они получили еще одно очко.

Марина не успела отойти с позиции, как к ней подошел Раев-Волынский, сменяющий ее на месте подающего. Она повернулась к нему, улыбаясь так широко, что у него вдруг замерло сердце. Он сам не осознавал, где находится и что должен делать, просто вдруг пошел на поводу у своего желания — поднял руку и заправил Марине за ухо выскользнувший из прически локон. А она вдруг не отпрянула от него, как делала это обычно, едва он приближался к ней на такое близкое расстояние, а просто вдруг сменила характер улыбки — теперь она улыбалась слегка лукаво, с каким-то озорством в глазах. И он улыбнулся в ответ, осознавая, что вот он, тот момент, когда можно будет уже вести себя настойчивее, когда она уже почти готова принять его.

— Барыня, барыня! — ворвалось вдруг в их невольное уединение на виду у всех, и Марина вдруг вспомнила, где она находится и что происходит вокруг, Андрей сразу заметил это по ее глазам. Она смутилась, метнула быстрый взгляд за спину Раева-Волынского, где застыла удивленная Жюли. Но подруга смотрела в сторону лакея, что звал Марину, и она с облегчением перевела дух. Быть может, никто и не заметил этой невольной вспышки, что ныне промелькнула меж ней и Раевым-Волынским?

Она быстро постаралась взять в себя в руки и перевела сбившееся дыхание. Потом повернулась к лакею, что стоял немного выше их импровизированной площадки на самом склоне и замерла.

— К вам гость, ваше сиятельство, — проговорил лакей, но Марина уже видела это сама.

Чуть позади лакея, на этом пригорке, с которого все играющие были видны ему, как на ладони, стоял Загорский и, слегка наклонив голову, внимательно рассматривал вмиг замерших игроков и тех, кто просто наблюдал за игрой. Марина даже не сразу заметила, что его левая рука висит на перевязи — черной широкой полосе ткани, что удивительно, ведь это так бросалось в глаза. Зато она даже с такого расстояния увидела, какой опасный огонь вспыхнул на миг в его серых глазах и погас, а потом как медленно пополз вверх правый уголок рта в такой до боли знакомой усмешке.

Это действительно был Сергей. Он вернулся.

Сначала Марина растерялась. Она никак не ожидала его увидеть здесь, на этом поле, оттого вдруг и не сразу собралась с разбежавшимися мыслями, не подошла к Сергею. Это сделал первым Арсеньев, что быстро подбежал к другу, отбросив битую, хлопнул того по плечу.

— Здравствуй, mon ami! Не ждал тебя так рано!

Сергей здоровой рукой приобнял Арсеньева, но после отстранился и все также выжидательно посмотрел на Марину. Она медленно приблизилась к нему, протянула руку для приветственного поцелуя, но он разочаровал ее, просто легко пожал протянутую ладонь.

— Марина Александровна, надеюсь, вы простите меня, я прибыл к вашим именинам без приглашения, — проговорил он ровным тоном.

— Ну, что вы, Сергей Кириллович, вы всегда желанный гость в Завидово. Какие могут быть формальности? — она перевела встревоженный взгляд на его руку на перевязи и нахмурила брови. — Вы ранены?

Идиотский вопрос, но он вырвался у нее помимо воли. Он слегка приподнял брови, показывая, что заметил ее оплошность, но все же коротко ответил, что был ранен в левое плечо, что ей не следует беспокоиться об этом, все несерьезно. Марина покраснела и повернулась к оставшимся на поле гостям.

— Господа, прошу любить и жаловать, его сиятельство князь Загорский Сергей Кириллович! — и после того, как присутствующие представились друг другу и поприветствовали согласно правилам, пригласила всех вернуться в дом. До ужина в честь именин оставалось всего несколько часов, которых по ее расчетам гостям должно было хватить для того, чтобы отдохнуть от игры, освежиться и переменить платье.

Марина прежде чем уйти в свои половины убедилась, что князю Загорскому подготовили комнату и все необходимые удобства. Но с ним самим она так и не смогла даже глазами пересечься, настолько она вдруг разволновалась этой ситуацией. Ей было отчего-то неловко, что он застал ее вот так — в платье с пятнами от травы, растрепанной да еще принимающей такой интимный жест от Раева-Волынского. Кроме того, она опасалась, что окружающим будет заметно, как она нынче взволнована, как краснеет кожи щек и декольте, выдавая ее с головой.

Так странно, думала Марина, пока Таня шнуровала корсет ее платья цвета лаванды, и Сергей, и она сама, по сути, нынче свободны от любых обязательств, а она не может отчего-то на него даже глаз поднять, словно институтка. Не ведает, как следует с ним себя вести. Это время, что они провели порознь, не могло не отразиться на их отношениях, как ей показалось. И еще ей почему-то подумалось, что он стал каким-то другим, не таким, как она его помнила. Холодный, суровый, сдержанный.

Все это пустое, убеждала Марина себя, поправляя свои локоны, туго завитые и заколотые вверх на самом затылке, обнажая длинную слегка загорелую шею. Потом она посмотрела внимательно на свое отражение в зеркале, покусала губы, чтобы к ним прилила кровь и они стали более яркими и пухлыми. И буквально в ту же минуту разозлилась на себя, поймав себя на мысли, что хочет выглядеть красивой для него, именно для него, будто она снова вернулась в свое юношество, когда так тщательно готовилась к выезду, надеясь поймать на себе его взгляд? Какое ребячество! Будто ей снова семнадцать лет!

За ужином гости расселись так, что Марина, сидевшая во главе стола, оказалась далеко от князя Загорского — по правую руку от нее занял место предводитель уездного дворянства, нарушая этикет, ведь место должно было принадлежать Сергею, как самому титулованному гостю. По левую руку от хозяйки села Жюли, и хотя бы это немного подняло настроение Марины. Раев-Волынский тоже сидел в отдалении от Марины, потому она весь вечер была почти предоставлена сама себе, вполуха слушая анекдоты и истории, балансирующие на грани приличия, от своего соседа по столу, господина Спицына. Хорошо хоть, ужин был достаточно скромным — всего четыре перемены блюд, а то Марину уже начинал он утомлять своими чуть ли не пошлыми шутками и громким смехом, при котором иногда из его рта вырывались брызги слюны.

А еще ей доставляло некоторое беспокойство холодная вежливость Сергея. Он непринужденно вел беседу со своими соседями по столу, тихо смеялся, слегка запрокидывая голову назад, но в сторону Марины даже ни разу не взглянул лишний раз, и сразу же отвел в сторону глаза, едва Марина поймала его взгляд на себе. Она не смогла прочитать выражение его глаз, и эта неизвестность томила ее, доводила до злости. Почему Сергей ведет себя будто ничего и не произошло, будто и не видел той интимности, что проскользнула на его глазах меж ней и Раев-Волынским? Неужто ему абсолютно безразлично, что в ее жизни появился поклонник, к которому она явно благосклонна? Ах, поскорей бы закончился этот ужин и остаток вечера! Марина была убеждена, что именно тогда настанет тот самый момент, когда наконец все карты будут вскрыты.

Наконец гости покончили с последней переменной блюд и, с шумом покидая малую столовую, направились в музыкальный салон, куда должны были подать кофе и десерты.

— Говорил ли я вам, насколько вы обворожительны сегодня, Марина Александровна? — проговорил Раев-Волынский, помогая Марине присесть в кресло и подавая ей розетку с мороженым. — Вы нынче так красивы, что у меня захватывает дух.

— Ох, какая жалость! — проговорила она, шутливо вплеснув руками. — А я надеялась, что вы окажете нам милость услышать несколько романсов в вашем исполнении. У вас такой волшебный голос, Андрей Петрович.

Если бы на него не смотрели сейчас во все глаза гости Марины, он бы непременно скривился, не в силах сдержать свою злость и раздражение. Она отсылала его от себя, это было ясно как день. А он-то надеялся занять кресло подле нее и занять ее беседой или быть может, игрой во флирт-карты, откровенно выражая свои чувства, показывая тем самым, что их знакомство весьма близкое. Особенно этому хмурому офицеру, черная перевязь которого моментально придавала ему в глазах присутствующих дам *air romantique* [\[594\]](#).

Странно, Андрей наблюдал все это время за ужином за ними, но ни Марина, ни Загорский не искали друг друга взглядом или каким-то иным образом выдали бы, что заинтересованы друг в друге. Нет, каждый общался лишь с соседями по столу, да и ныне, когда шли в салон, Марина приняла руку господина Спицына, а князь не особо-то и рвался предложить ее хозяйке имения. Быть может, он ошибся в своих предположениях? Возможно ли это?

Оттого он кивнул Марине, непринужденно улыбаясь, направился к фортепьяно без особых возражений. Прекрасная возможность понаблюдать за этими двумя со стороны, ведь от его места было прекрасно видно всех гостей, расположившихся полукругом к этой импровизированной сцене. Загорский стоял в отдалении от Марины, подле Арсеньева, прислонившись здоровым плечом к узкой колонне в углу салона незаметно от окружающих.

Он внимательно прислушивался к речи своего собеседника и только раз кинул взгляд на Раева-Волынского, когда тот после недолгих раздумий все же выбрал романс.

Прошли, прошли вы, дни очарованья!
Подобных вам уж сердцу не нажить!
Ваш след в одной тоске воспоминанья!
Ах! лучше б вас совсем мне позабыть!

Марина слышала не раз этот романс, но почему-то именно сейчас он такой острой тоской отозвался у нее в душе. Она скосила глаза в сторону Сергея, чтобы посмотреть, слушает ли он сейчас Раева-Волынского, и была разочарована тем, что Загорский был глубоко погружен в беседу с Арсеньевым, судя по тому, как друзья склонили головы друг к другу и по их жестикуляции в разговоре. А после того, как Раев-Волынский закончил романс и после долгих аплодисментов приступил к другому, который пел уже совместно с одной из барышень Спицыных, они и вовсе откланялись, вышли прохладные сумерки вечернего сада и воротились спустя некоторое время, когда кресла в салоне были сдвинуты в сторону, и по салону кружились пары в медленном вальсе.

Марина же не танцевала, сидела в кресле подле Юленьки и мадам Спицыной, и наблюдала за танцующими, легко обмахиваясь веером. В салоне стало душно, голова от переживаний и от спертых воздуха шла кругом. Ей хотелось только одного — удалиться наконец к себе, упасть в прохладную постель и обдумать все, что произошло нынче. Но ей было нельзя уйти — она была хозяйкой, а значит, была вынуждена ждать, пока салон покинет последний гость. А завтрашний день предстоял еще тягостнее для нее — сначала небольшой *riche-pique*, а после небольшой раут в честь именин и ужин после.

— Прошу вас, Марина Александровна, окажите нам честь, — вдруг остановился перед ней сын Авдотьи Михайловны, штабс-капитан Ряжского полка. — Я наслышан от маменьки и сестры, что вы великолепны в мазурке. Окажите мне честь нынче, в преддверии такого дня...

Сначала Марина хотела отказаться — она была слишком утомлена после сегодняшней игры, но вдруг в голову пришла шальная мысль, что быть может, этот танец сможет наконец показать ей истинные чувства, что сейчас в душе у Сергея, столь надежно скрытые от нее.

— Ах, быть может, лучше следующего дня вечером? — проговорила она, слегка кокетничая. — Тут и места-то мало...

Но ее стали просить остальные гости, присоединив свой голос к просьбе штабс-капитана, и она уступила им, передав веер подоспевшему лакею.

— Кто ведает, что случится следующим днем? — усмехнулся штабс-капитан, принимая руку Марины. — Быть может, не будет более такой возможности.

— Типун вам на язык, Василий Иванович! — тут же бросила сыну Авдотья Михайловна обмахиваясь веером.

Барышня Спицына, сидевшая за фортепьяно, заиграла мазурку, и штабс-капитан повел Марину в танце. Ах, как же давно она не танцевала, подумала Марина, скользя по паркету салона вокруг опустившегося на колено кавалера по танцу. Уж почти два года минуло — сначала она была в тягости, не до танцев было, а после траур по усопшему супругу. Музыка и

быстрый темп танца кружил ей голову, заставлял кровь быстрее бежать по венам.

Она старалась ныне не смотреть по сторонам, на гостей, что следили за каждым движением танца, знала, что стоит ей поймать взгляд Сергея — тут же собьется с шага. Оттого и позволила себе взглянуть на него лишь в конце, раскрасневшаяся, улыбающаяся, немного смущенная тем удовольствием, что получила от мазурки. Загорский смотрел на нее с таким огнем в глазах, что у нее вдруг пересохло в горле, и задрожали колени. Но в этот миг ее внимание отвлек на себя штабс-капитан, который, как и следовало, прикоснулся губами к ее руке.

— Déesse! Déesse! ^[595]Питаю себя надеждами, что и следующего дня на рауте вы подарите мне мазурку.

— Il se peut ^[596], — улыбнулась Марина. Она улучила момент и снова взглянула на Загорского, и тот поймав ее взгляд, легко поклонился ей. Но той страсти, того желания, что она уловила тогда, уже не было в его глазах, снова вежливая отстраненность. Зато этот мимолетный обжигающий взгляд уже успел опалить ее огнем желания — она явно чувствовала, как в ее теле поднимается волна, медленно, постепенно, захватывая ее все более и более, заставляя ее сердце нестись чуть ли не галопом в груди.

Раев-Волынский, заметив этот обмен взглядами, поспешил извиниться перед барышней Спицыной, которую занимал беседой в этот момент, и подойти к Марине. Он осыпал ее комплиментами ее грации и ее несравненной красоте, а после завел беседу о предстоящем *riche-pique*, о рауте следующим вечером, вымаливая у нее вальс и неспешный котильон. Но он ясно видел, как она вдруг стала холодна с ним, и это вызвало в нем приступ злости. Все этот князь! Черт его принес именно сейчас, когда Марина уже была готова для ответного отклика! Быть может, поведать ей эту пикантную сплетню, что Раев-Волынский слышал пару месяцев назад во время своего визита в столицу, за карточной игрой. Но нет, пока ему только во вред себе же самому показывать, на что он готов пойти ради достижения цели. Покамест он прибережет эту весть для другого случая. Ведь вон как она холодна не только с ним, но и с Загорским, что подошел к их маленькому кружку пожелать собравшимся *bonne nuit*. Вежливо подала руку, глядя на подошедшего лишь мельком, будто поскорее желала завершить это прощание. Только слегка покраснела после того, как Загорский ушел к себе, поджала раздраженно губы на миг. О, да, Раев-Волынский все подмечал!

Только вот не заметил он, как поднося руку Марины к губам, Сергей погладил большим пальцем тыльную сторону ее ладони. Легкое и мимолетное касание, но оно разбредило ей душу. Оттого-то она и покраснела, оттого-то и разозлилась на себя и свое тело, что каждый раз предавало ее, коснись только ее Загорский. Марина еле дождалась, пока попрощаются остальные гости и разойдутся по комнатам, пряча ладонь в складки юбки. Она так горела, что Марине казалось, будто след от этого касания уже проявился на коже, и любой может увидеть его.

Но нет, ладонь как ладонь, осмотрела она свою руку, когда Таня помогала ей с платьем. Ни единого внешнего следа, только в ее душе, только там.

Марине не спалось. То ли от духоты, что предвещала дождь нынче ночью, то ли от того, что ее глупое сердце колотилось в груди так, словно она пробежала от усадебного дома до самой границы имения. Неужто она была права в своих подозрениях? Сергей был так отстраненно вежлив с ней ныне, так холоден. Неужто он действительно позабыл ее? В любой огонь надо подбрасывать поленья, чтобы горел непрерывно ярко, а уж в огонь любви тем паче...

Внезапно на подоконник ее распахнутого в сад окна опустился большой букет цветов, что явно были сорваны с кустов паркового комплекса. Дивные светло-розовые розы наполнили сладким ароматом тяжелый воздух. Марина тут же метнулась к окну, едва не запутавшись в подоле капота. Она еще со своего места в отдалении заметила мужскую широкоплечую фигуру и светлые волосы. Ее сердце стучало чуть ли не в ушах от волнения. Что ему сказать? Как он поведет себя нынче, когда весь вечер был так хладен к ней?

Она протянула руки, чтобы взять цветы, и тут же ее пальцами завладели мужские ладони, слегка вытянув ее к себе, за окно, чтобы коснуться их губами в страстном поцелуе. Но глаза, что ныне смотрели на Марину, были другие. Чужие глаза.

— Что вы делаете, Андрей Петрович? — едва сдерживая раздражение, прошептала Марина. Все окна гостевых комнат, что выходили в сад, были распахнуты, и каждый звук мог быть услышан посторонними ушами. Тем паче, что комната, отведенная князю Загорскому, тоже была на этой стороне.

— Я просто желал быть первым, кто поздравит вас с именинами, — извинительно улыбнулся Раев-Волынский. — Уж полночь минула, так что с днем ангела вас, милая Марина Александровна!

— Благодарю вас, — Марина выпростала свои руки из его ладоней. — Но зачем же это? Ах, идите почивать, Андрей Петрович, завтра выезжать поутру, сразу после завтрака.

— Могу ли я рассчитывать, что мы поедем *riche-pique* в двуколке, и я смогу насладиться плодами моего обучения? — не отставал от нее Раев-Волынский. Где-то скрипнула створка окна, и Марина поспешила согласиться. *Bien sûr* ^[597], она будет рада разделить с ним двуколку, она бы согласилась нынче на все, что угодно, лишь бы он отошел от окна, не ставя под угрозу ее репутацию.

Взбужденная этим вторжением в ее уединение, Марина еще долго ворочалась в постели, прислушиваясь к ночным звукам. Сон не шел к ней. Быть может, ей мешал тихий шепот дождя за распахнутым окном, а может, стук собственного сердца, что отдавался в ушах громким перекатом. На ум вдруг пришла та ночь в имении Юсуповых, когда забыв про все преграды меж ними, Марина так смело шагнула навстречу Загорскому. Ее тело при этом воспоминании стало таким тяжелым, грудь налилась, а губы словно наяву ощущали те поцелуи. Кожа горела огнем, и даже простое прикосновение сорочки или простыни причиняло раздражение.

Просто давно я не была с мужчиной, решила Марина, когда не в силах более мучиться, поднялась с постели и встала у окна, вдыхая свежесть, что принес с собой дождь. Уж более года точно, так что совсем неудивительно, что ей не спится вовсе. Но раньше желание не одолевало так сильно. Всему виной, присутствие в доме Сергея. Она так и видела, как сейчас он спит, разметавшись на подушках. Марина поймала себя на мысли о том, как было бы отрадно коснуться его мягких волос, провести пальцами по лицу, пользуясь тем, что он погружен в сон. Как же она любила раньше смотреть на него спящего! Лицо Сергея смягчалось тогда, все морщинки уходили будто по мановению палочки. Как же он красив!

До Марининого уха вдруг донесся какой-то посторонний звук, и она вернулась на грешную землю из своих грез, таких приятных и дурманных голову. Настолько завораживающих, что она даже не помнила и не поняла, как оказалась здесь, у двери в спальню Загорского. Ее ладонь уже нажала на дверную ручку, и та подалась, открывая перед ней возможность шагнуть за этот порог, именно в то место, куда так стремилась ее душа. Шаги (а именно их различила Марина в тишине, установившейся в дом)

приближались, и она поспешила тихо скользнуть в узкую щель, что появилась перед ней, затворила за собой тихо дверь и быстро повернула ключ в замке, сама не зная зачем. Затем краснея, повернулась, со страхом ожидая увидеть на себе недоуменный или, еще хуже, холодный насмешливый взгляд.

Но Марина его не встретила. Насколько она могла видеть в свете единственной горевшей свечи, стоявшей на столике у изголовья кровати, Сергей полусидел на постели, прислонившись к спинке. Он никак не отреагировал на ее появление в комнате, и Марина решительно шагнула вглубь комнаты. Теперь, когда занавеси кровати не скрывали более от нее Сергея, она ясно увидела, что глаза его закрыты, и он спит, судя по тому, как мерно вздымается его грудь. Он был полураздет — в распахнутом шлафроке, накинутом поверх рубахи. Перевязи более не было. Книга, вверх переплетом лежащая на его груди, свидетельствовала о том, что сон сморил его за чтением. По обложке она узнала сочинения Андерсена, которые весь вечер нахваливала ему Долли за столом, как слышала Марина краем уха.

Марина шагнула еще ближе, борясь с острым желанием, вспыхнувшим в ней, дотронуться до этой слегка загорелой кожи, что виднелась в вороте рубахи, ощутить его гладкую кожу под руками. Желание было настолько сильным, что даже закололо в кончиках пальцев, и она потерла их друг о друга.

Она шагнула еще ближе и вдруг остановилась, наткнувшись будто о невидимую стену об его пристальный взгляд. Марина даже и не заметила, что он проснулся, приученный просыпаться от любого постороннего шороха за время своей службы, и вот они замерли на месте оба, не в силах отвести глаз друг от друга.

Внезапно Сергей перевел взгляд на дверь, и Марина, последовав его примеру, заметила, как шевельнулась ручка. Потом, убедившись, что дверь заперта, тихонько постучали.

— Сергей Кириллович, я вам вина подогретого принес, как вы просили, — раздался громкий шепот Степана.

Сергей перевел взгляд на Марину и сбросил в сторону книгу, что лежала на нем.

— Прочь ступай! — приказал он, не отрывая взгляда от глаз Марины, в которых в тот же миг заметил растерянность и испуг быть застигнутой в его спальне, словно приказывая ей одними глазами оставаться на месте. — Не хочу более.

Еще миг они смотрели друг на друга, будто пытаясь прочитать мысли в противоположной голове, отгадать желания, вспыхнувшие в душах друг друга. А потом вдруг потянулись навстречу — рука к руке, губы к губам, словно кто-то невидимый дал команду.

Она не смогла бы сказать после, кто первый скинул одежду. Помнит только, как сама рвала рубашку с его плеч, будто боясь остановиться хотя бы на миг, как сама помогала ему снять с себя сорочку.

Его потемневшие от страсти глаза при виде ее обнаженного тела заставили ее голову пойти кругом от сознания собственной прелести, что способна заставить этого мужчину сперва так нежно, а после настойчиво и слегка грубо ласкать ее тело, заставить его забыть обо всем, кроме ее тела и ее желаний. Их желаний...

Сергей был слегка небрит, и эта короткая щетина причиняла легкую боль нежной коже Марины вокруг рта. Но видит Бог, она бы не прервала бы его ни на минуту, особенно после, когда он, проведя губами по ее шее, спустился вниз, к ее груди, заставляя ее тело выгибаться навстречу его губам, рукам и — да, даже этой легкой небритости на его щеках, что заставила ее окончательно потерять голову. Ее наслаждение этими ласками было так велико, что она

едва сдерживалась, чтобы не издать ни единого звука, опасаясь, что будет услышана кем-то иным, кроме него.

А потом она и вовсе забылась, осознавая только эти губы и руки, эту бархатную кожу под пальцами, эти крепкие плечи, за которые она цеплялась будто утопающий. Помня только эти серые глаза, ставшие темными под напором того желания, что захлестнуло и его огромной волной, только его довольную улыбку, его тихий шепот, когда он что-то шептал ей в ухо на каждый ее отклик своему напору.

А после Марина еще долго лежала подле него, глядя медленно ладонью по его груди, целуя каждый шрам, аккуратно проводя рукой по повязке на плече.

— О Боже, я должно быть сделала тебе больно, — вдруг проговорила она, вспомнив, как он едва сдержал вскрик, стиснув зубы, когда она уже в финале вцепилась в его плечи.

— Пустое, — улыбнулся он, целуя ее в макушку, вдыхая аромат ее волос, что иногда мнился ему бессонными ночами. — Главное, что я не сделал больно тебе.

— Разумеется, нет, — спрятала свое краснеющее лицо у него на груди Марина. Она покривила душой — слегка саднило, но эта легкая боль была ей даже приятна.

Сергей быстро уснул, уставший после той изнурительной поездки, что предпринял, лишь бы успеть к ней на именины. А Марина долго лежала рядом, не в силах отвести глаза от его лица. Рядом с ним все сомнения отступали прочь, и было так спокойно, что покидать эту комнату и вовсе не хотелось, но разве это было возможно? Вот потому, едва только заалела за окном зарница рассвета, она прошлась по спальне, подбирая разбросанные предметы своего ночного туалета, а после, одевшись, проскользнула в свою комнату.

То, что было таким ясным и понятным ночью, поутру вдруг стало казаться таким призрачным, таким надуманным. И зачем она только пошла к нему, корила Марина себя, когда умывалась в своей спальне. Только усложнило все донельзя. Тело снова взяло вверх над разумом, подумала она и замерла. Раньше, когда она оправдывала свои поступки, то ставила в этой фразе совсем другое слово. За всю ночь, что они провели вместе, она не рвалась обсудить их отношения, не желая за ненужными в тот момент разговорами прервать даже на миг то наслаждение, которым была полна их ночь. Промолчала, когда он прошептал ей в ухо «Я люблю тебя» в самом финале, просто улыбнулась в ответ, чувствуя, как тело до самых кончиков пальцев охватывается сладкой негой.

Таня, краснея, будто маков цвет, подала Марине светло-серое платье в тонкую белую полоску, и она отвлеклась на горничную, нахмурившись. Тонкий лен — на прогулку? Оно же будет безнадежно испорчено да еще юбка помнется при езде в двуколке еще до того, как они прибудут на место.

Она приказала подать себе другое платье, но Таня, извинительно качая головой, показала, отводя глаза, на свою шею, и Марина поняла вдруг, почему было предложено именно платье. У него был глубокий круглый вырез и в тоже время высокий белоснежный кружевной воротник-стойка, а именно он и мог ныне, не вызывая особых подозрений скрыть следы на тонкой коже Марины. Да, легкая небритость Сергея принесла ей немало приятных минут этой ночью, но вот что делать с раздражением, небольшие пятна которого так отчетливо были видны нынче.

Именно этот кружевной воротник-стойка и бросился в глаза Раеву-Волынскому, едва он спустился в малую гостиную, где Марина ждала остальных гостей к завтраку. Значит, его интуиция не подвела! Надо было идти на поводу у нее, а не у логики! Он еле сдержал в себе вспыхнувшую злость, что охватила его при виде ее сияющих глаз. Только зубы крепче

стиснул, когда Загорский, приветствуя дам, чуть дольше положенного задержал руку Марины в своей ладони, а после, проходя мимо нее в столовой, быстро и мимолетно провел пальцем по спинке стула, едва касаясь ее спины, заставляя ее мило покраснеть.

Ах, вот как! Ну, значит, ему все же суждено вскрыть козыри ныне утром! Ну, держитесь, ваше сиятельство! Ни одна женщина так просто не прощает измены, а значит, Раев-Волынскому снова будет дан запас времени. А кроме того, как приятно утешать и помогать восстановить разбитое сердце! Ведь, как когда-то прочитал он в одной книжице, *quand on a le cœur encore agité par les restes d'une passion, on est plus près d'en prendre une nouvelle que quand on est entièrement guéri* [\[598\]](#)

— А что, Сергей Кириллович, вы нынче не на Быстром? — осведомился Раев-Волынский мимоходом, будто его и вовсе не интересовала эта тема, и он упомянул ее вскользь. — Я был весьма наслышан о вашем коне и о тех великолепных созданиях, что разводят в Загорском.

— У вас есть возможность познакомиться с одним из этих созданий, — уклончиво ответил Загорский, хмуря лоб. — Я нынче аккурат на одном из них.

— Значит, не на Быстром, — уточнил Андрей. — Значит, история, что давеча ходила по гостиным Петербурга, верна? О, уверен, что ее *contenu romanesque* [\[599\]](#) весьма понравится дамам!

— Что? Что за история? — как и предполагал Раев-Волынский, сидевшая недалеко от него за столом Авдотья Михайловна заинтересуется темой их разговора.

— Пустое. Поверьте, это не стоит вашего внимания, — попытался прекратить эту беседу Сергей, видя, как взглянула на него Марина и прислушалась. Но Раев-Волынский не унимался.

— Отчего же? Не стоит скрывать о таком благородстве, — он повернулся к дамам, что притихли вдруг за столом, ожидая его повествования, и, довольно улыбнувшись, продолжил. — Наш князь совершил поистине благороднейший поступок. Не каждый далеко способен на такое! Подумайте, князь обменял жизнь местной девочки на своего коня, который столь близок ему, как только может быть близко это животное своему хозяину. Совершенно чужой ему девочки, заметьте! Или я ошибаюсь, князь? Мне просто давно рассказывали эту дивную историю, я мог забыть детали, вы уж простите и поправьте меня, прошу вас.

Сергей ясно видел по глазам Раева-Волынского, что тот прекрасно знает детали и лукавит нынче. Теперь у него не оставалось выбора — либо самому рассказать вкратце, что и как произошло тогда, либо предоставить возможность этому хлыщу, который немало может наворотить при этом.

— Это была не девочка, а девушка, — хрипло проговорил он, глядя Марине в глаза. — Я отдал коня за черкешенку, что украдкой принесли в крепость. Выменял ее на Быстрого, и поверьте, это не совсем та история, что можно рассказывать в салонах.

Он только потом сообразил, что именно сказал, когда Раев-Волынский, довольно улыбнувшись на один-единственный миг, вдруг тут же сделал озабоченное лицо:

— А! Теперь я понимаю... она ведь жила в крепости в ваших покоях и, говорят, преданно ухаживала, когда вас... эта рана, — он сделал вид будто смущен и поспешил переменить тему разговора, но дело уже было сделано. *La jalousie se nourrit dans les doutes, et elle devient fureur, ou elle finit, sitôt qu'on passe du doute à la certitude* [\[600\]](#). Он помог ей зародить сомнения, а теперь они будут хорошим подспорьем ныне, после этой истории.

На этот мнимый промах и возможный *adultère* князя Загорского все присутствующие за столом дружно решили не обратить никакого внимания, согласно общепринятым правилам, только девицы Спицыны покраснели и стали спешно пить чай, смущенные до безобразия.

Все, кроме Марины. Сергей ясно видел, как мелькнула в ее глазах мимолетная острая боль и... неужто, разочарование? А потом она перевела свой взгляд в окно, старательно отводя глаза всякий раз, когда он снова пытался поймать его. Ему удалось переговорить с ней только пару минут, когда она вышла в сад пройтись одной и привести в порядок свои мысли и чувства, что нынче так и рвали ее на части после услышанного за столом. Остальные гости удалились к себе, чтобы привести себя в порядок перед прогулкой — было решено из-за дождя просто выехать верхом и в колясках, а не *rique-rique*.

Марина медленно шла по аллее и вспоминала один-единственный момент, который всплыл в памяти, когда она услышала про эту черкешенку.

«... — Была там одна черкешенка... *Les femmes* ^[601]... Он всегда легко кружил им головы...». Слова, сказанные когда-то Анатодем. Его кривая улыбка, отраженная в зеркале. Тот резкий смешок.

«...*Les femmes*... Он всегда легко кружил им головы...».

Она заметила издалека, как, размашисто ступая по гравию, придерживая раненую руку, к ней спешит Сергей, и напряглась, готовая к неприятному разговору, что судя по всему, ей предстоит выдержать ныне.

— Я должен объяснить тебе, — вдруг начал он, едва настигнув ее, и она почувствовала бешеную злость. Он сам подтвердил, что выменял черкешенку на Быстрого, с которым, как когда-то говорил ей, он никогда бы не расстался по собственной воле, промолчал, когда Раев-Волынский упомянул о том, что та женщина жила с ним, лечила его, заботилась о нем. Ласкал ли он так же, как ласкал Марину прошлой ночью? Целовал ли так же страстно и глубоко, что голова шла кругом от этого поцелуя? «...Нам, мужчинам, по нраву завоевать трофей, но вот что с ним делать далее? Оттого-то и происходят эти интрижки и тому подобное. *Il est plus difficile d'être fidèle à sa maîtresse quand on est heureux que quand on en est maltraité* ^[602]....». И что тогда будет потом...?

— Вы ничего не должны мне объяснять, — отрезала она, злясь ныне на весь мир вокруг за собственную ревность, за свою боль, за его предательство. — Ровным счетом ничего. Я вам не супруга и не нареченная, чтобы держать передо мной ответ.

— Подожди же горячиться! Позволь объяснить тебе!

Но Марина покачала головой в ответ, стараясь обойти его, когда он преградил ей путь, пытаясь остановить, заставить выслушать.

— Нет, я не хочу ничего знать. Ничего. Позвольте мне пройти, нас уже кличут лакеи.

Но Сергею в этот миг было абсолютно все равно, что их ждут остальные гости, что в доме есть кто-то еще. Он видел, как она ускользает из его рук, будто вода утекает меж пальцев, а он бессилён был остановить ее. Он схватил ее за локоть здоровой рукой, притянул к себе, заставляя взглянуть прямо в глаза.

— Что происходит? Ты сама не своя, я вижу это, чувствую. И эта сплетня — всего лишь предлог, *n'est-ce pas*? Не будь вчерашней ночи, я бы решил, что меж нами отныне все кончено. Что этот хлыщ, что вьется вокруг тебя, тебе гораздо приятнее и милее, чем я. Но ночью..., — он вдруг вспомнил, как шептал ей слова любви, а она лишь улыбалась молча в ответ. Когда-то он сам пользовался этой уловкой, в те дни, когда его сердце принадлежало только ему. — Ты любишь меня? Скажи же! И ежели нет, то я уеду и никогда более не

побеспокою тебя. Ты любишь?

Маринины глаза вдруг забежали, а сама она вдруг сникла, будто он сам того не ведая, попал в самую точку. Он ясно вдруг увидел, как ладони, все ее сомнения — в себе, в нем самом, в их будущем, и почувствовал острую боль от того. По его мнению, было совершенно нелепым пронесся через время и такие превратности судьбы, их чувство друг к другу начать сомневаться именно теперь. А быть может, ей просто не хочется пока терять свою свободу, которую только ныне, сняв траур, она стала пить огромными глотками? И которая, судя по всему, вскружила ей голову...

Сергей вдруг отпустил ее локоть и направился в сторону лакея, что переминался в отдалении с ноги на ногу, уже отчаявшись дозваться их. Он даже не повернул голову, когда тот, склонившись, сообщил, что его лошадь оседлана, по его желанию, а после снова повторил барыне, что к выезду уже готово все, и гости ждут перед подъездом.

Марина не слышала ни слова из того, что ей говорил нынче лакей. Она взглянула сначала в спину удаляющемуся Загорскому, а потом отвернулась и посмотрела задумчиво на пруд, что виднелся вдали меж деревьев. Почему, ну почему молчит ее глупое сердце? Почему она так равнодушна ныне, когда Сергей уходит от нее? Быть может, ее сердце остыло, и ее сомнения были отнюдь небеспочвенны?

Лакей снова повторился, что барыню ждут уже, и она пошла обратно в дом, осознавая, что и так уже заставила их ждать достаточно. Все уже расселись по коляскам, либо легко гарцевали по двору, ожидая, пока она займет место в двуколке, верная своему слову данному накануне. Раев-Волынский подал ей руку и помог усесться, затем передал вожжи, давая ей понять, что ныне готов передать бразды правления ей в руки. И она стегнула лошадь, погнала ее прочь со двора, недовольная собой. И недовольная тем, что Загорский никак не отреагировал, что Марина едет вместе с Раевым-Волынским, даже бровью не повел. Егс лицо будто снова заледенело, как давеча, скрывая его эмоции и чувства. Разве он не должен испытывать хотя бы маленькую толику ревности к Андрею Петровичу, если любит ее? Да и любит ли? Почему так легко оставил ее в парке? Не стал уговаривать, чтобы она сдалась, признавая его правоту, уступая его настойчивости?

Я буду думать об этом позднее, уговаривала себя Марина, сосредоточившись на дороге, игнорируя попытки своего попутчика завязать беседу. Позднее, когда все эмоции улягутся, а тело позволит рассудку принять то, что действительно желает ее сердце. Не ныне, когда она так взбудоражена присутствием Сергея в имении. Она настолько глубоко погрузилась в свои мысли, что Раеву-Волынскому пришлось взять вожжи в свои руки, чтобы самому остановить двуколку.

— Что? Что случилось? — она повернулась к своему спутнику. Тот внимательно вглядывался в ее лицо, а после показал на штабс-капитана, что гарцевал подле них на каурой.

— Василий Иванович и князь Загорский желают провести пари. Дело в том, что нашему бравому капитану показалось, что его сиятельство недостойно отзывался о его лошади, что тот недавно приобрел, и о его выезде. Вы же знаете, кавалерия недолгобливает пехоту, а пехота не особо жалуется кавалерию.

— И что они хотят, эти господа? — Марина поправила перчатку на руке, избегая прямого взгляда Загорского, что тоже подъехал к ним.

— Скачки! — браво заявил штабс-капитан. — Проверим здесь и нынче и лошадь, и мою выездку.

— Ах, полноте вам! — раздраженно бросил ему князь. — Успокойтесь! Вы неверно поняли мои слова. Взгляните на дорогу, она неровна и совершенно незнакома. Не стоит испытывать судьбу.

— Ага, вы избегаете моего вызова!

Марина вздрогнула при этих словах. Глупый штабс-капитан, нет на свете такой вещи, что заставила бы Загорского отступить при этих словах!

— Ах, остановите их, Марина Александровна, — взмолилась к ней Долли из поравнявшейся с двуколкой коляски. — Это сущее безумие!

Но Марина лишь покачала головой в ответ. Неужто Долли полагает, что она имеет на ее брата большее влияние, чем та? Она, конечно, попыталась призвать их успокоиться и примириться, напоминая, что князь ранен и может управлять только одной рукой, но штабс-капитан начинал горячиться, а Сергей лишь криво усмехался, и она испугалась, что дело может пойти еще дальше. Потому махнула рукой на их безумства, откинулась назад на спинку сидения.

Мужчины поставили экипажи несколько в стороне от дороги, а сами направились осмотреть дорогу и разметить дистанцию для скачек. После вернулись обратно, договорились о сигнале — в начале пути подает его Раев-Волынский, по окончании — Арсеньев. Пожилые господа только ворчали для вида, но было видно, что и их захватил азарт, забурливший в крови у остальных мужчин в ожидании этой скачки. Господин Спицын даже поспорил на фаворита с отцом штабс-капитана. Только дамы сидели в экипажах под тенью зонтиков и лениво переговаривались меж собой.

Была дан сигнал, и всадники сорвались с места. Марина невольно следила за ними со своего места, слегка покусывая кончик перчатки на большом пальце. Сначала вперед вырвался штабс-капитан на своей каура на полкорпуса и некоторое время не выпускал предполагаемую победу из своих рук. Потом Загорский, что правил по горскому обычаю, обхватив поводья одной ладонью здоровой руки, склонившись к шее лошади и почти слившись с нею, все же сумел поравняться с ним, а вскоре и вовсе обогнал его. Теперь он был впереди на несколько сажень, и судя по всему, он и станет победителем в этом пари.

Никто не понял, как это произошло. Почти у самого финиша каурая штабс-капитана вдруг резко вильнула в сторону и по инерции задела лошадь Загорского. Потом она все же споткнулась и упала, роняя всадника на землю и в очередной раз толкая свою соседку по скачкам. Сергей не сумел выправить в этот раз, и она тоже упала на дорогу, а сам Загорский кубарем покатился в дорожную пыль.

Раздались многочисленные взволнованные восклицания, женские крики. Краем глаза Марина заметила, что Долли в соседней коляске упала без чувств. Арсеньев со своей стороны, сломя голову, бежал к всадникам, ни один из которых так и поднялся с дороги.

Марина даже не заметила, как вскочила на ноги в двуколке, перепугав лошадь своим резким движением. А потом вдруг обнаружила, что этот громкий протяжный крик, полный боли и страха, что так отдавался у нее ушах, это ее собственный и ничей иной, что это она все кричит и кричит, не в силах успокоить свою душу, унять тот страх, что метался в душе.

О Господи! Господи, нет! Не допусти! Только не допусти!

О Господи! Господи, нет! Не допусти! Только не допусти, снова и снова повторялось в голове Марины. Она ни о чем не могла думать в этот момент, кроме того, почему не шевелятся всадники, что упали и ныне лежали в дорожной пыли. Подобное падение могло привести к весьма трагичным последствиям, она знала это из уст очевидцев подобного. Многие при этом ломали себе шеи или навечно оставались прикованными к постели.

Марина прижала руку ко рту, чтобы подавить тот дикий крик, что снова рвался из ее груди и который она едва заставила смолкнуть. Ей казалось, что ее сердце не бьется сейчас вовсе, а все окружающее для нее происходило будто в тумане, так медленно. Она подобрала юбки, чтобы спрыгнуть с коляски, и добежать до Сергея, дотронуться до него, почувствовать его дыхание, ритм его сердца. Он должен был быть жив! Она не может потерять его!

Но тут мужская рука преградила ей путь из двуколки. Раев-Волынский легко оттолкнул ее назад и забрался в экипаж.

— Куда?! Куда?! — прошипел он ей в лицо. Марина попыталась его оттолкнуть, но он намертво загородил ей выход. С другой стороны двуколка плотно прижималась к густым зарослям кустарника, что росли на обочине дороги, и хода туда для Марины не было.

— Пропустите меня! Я должна быть там! — она снова толкнула Раева-Волынского в плечи, но тот стоял стойко на ее пути.

— Вы с ума сошли! Уж и так натворили достаточно! — он схватил вожжи, тронул двуколку с места, взяв так резво, что Марина покачнулась и упала на сиденье рядом с ним. Она даже сначала не поняла, что он увозит ее прочь, настолько разум был ошеломлен инцидентом на импровизированных скачках. Да еще снова взглянула на упавших, заметила, как подбежавший Арсеньев приподнимает светловолосую голову. И кровь... кровь в этих светлых прядях...

Вид этой крови вдруг вызвал в ней волну слабости, чего с ней не было давно. Марина, как могла, боролась за ускользящее сознание, но свет постепенно мерк в ее глазах. Ну, почему именно сейчас? Она встряхнула головой, чтобы хоть как-то привести себя в чувство. Никак, просто никак она не может упасть в обморок ныне, когда Раев-Волынский так бешено стегает лошадей вожжами, и двуколка оттого так быстро несется прочь. Деревья по обочинам дороги мелькали, будто картинки в калейдоскопе, заставляя голову идти кругом, но Марина их даже не замечала. Перед ее глазами снова и снова повторялась эта картина: Арсеньев приподнимает голову Сергея, и кровь на этой светловолосой голове...

— Остановите, — прохрипела Марина, трогая Раева-Волынского за рукав. — Куда вы меня везете? Остановите немедленно!

Но тот даже головы не повернул в ее сторону. Его то и дело подергивающееся веко выдало Марине, как он зол, и она заставила себя вдохнуть поглубже воздуха, чтобы прояснить сознание, а еще забыть эту страшную картинку, что стояла у нее перед глазами. Самое главное для нее сейчас — это развернуть двуколку обратно, вернуться туда, к нему, а для этого ей нужна ясная голова.

— Остановите немедленно! — уже твердо и отчетливо приказала Марина, и Раев-Волынский удивленно покосился на нее, явно не ожидая, что она так скоро придет в себя.

— Вы желаете, чтобы мы остановились? — едко прокричал он. — А как же доктор для наших пострадавших? Ведь мы едем именно за ним!

Марина взглянула на поле, что сейчас они проезжали, на небольшой лесок, что шел сразу за ним, и похолодела.

— Куда вы меня везете? Ведь город в другом направлении! Мы едем не за доктором. Остановите немедленно! — она вдруг схватила хлыст, что лежал на полу двуколки, и сжала его в ладони. — Я предупреждаю вас, Андрей Петрович, коли не остановите — я ударю вас!

— Ах, вот как! — рассмеялся он злобно. — Бейте! Бейте и, клянусь, вы пожалеете об этом!

Марина растерялась слегка перед его яростью, что она ясно прочитала в его глазах, и он, пользуясь этим, вдруг потянулся к ней и выхватил хлыст из ее руки. Теперь, оставшись совсем беззащитной перед ним, она вдруг разозлилась как никогда ранее, накинулась на него с кулаками, рискуя перевернуть двуколку. Тому не оставалось ничего иного, как быстро придержать лошадей, а после и вовсе остановить экипаж, лишь бы избежать этой неприятности — уж чего-чего, а рисковать собственной шеей Раев-Волынский не желал.

Он остановил двуколку и тотчас, бросив поводья, схватил ее за кисти рук, придержал ее порывы. Она никак не успокаивалась, пыталась вырывать руки.

— Что вы делаете? Зачем увезли меня? — выкрикнула она ему в лицо. — Немедленно разверните двуколку и отвезите меня обратно!

— Зачем? Чтобы вы еще ниже уронили себя в глазах гостей? — язвительно ответил ей Раев-Волынский. — Какие эмоции, мадам! Я даже удивлен вашей реакцией на происшествие. Разве достойно дамы так явно выражать свои чувства?

— А разве достойно мужчины так поступать, как вы ныне? — Марина в очередной раз дернула руки, но он не отпустил ее, удержал в плену. — Вы говорите о моей репутации, а сами увозите меня прочь, наедине!

— Мы делали это десятки раз ранее — вот так выезжали вдвоем, и все наши соседи прекрасно осведомлены об этом. И потом — я сообщил, отъезжая господину Спицыну, что мы уехали за доктором. Только он и видел наш отъезд, остальные были слишком заняты для того. Неужели вы не понимаете, я делаю это только ради вас. Вас одной! Не сделай я этого, вы ныне сидели бы уже там, подле него, в дорожной пыли. На глазах у всех, ничуть не заботясь...

Марина снова увидела руки Арсеньева, поднимающие голову Сергея, и кровь, струящуюся по светлым волосам. Сердце сжалось от предчувствия неотвратимой беды, такой страшной, что у нее перехватило дыхание. Она снова взмолилась, взывая к милосердию человека, что сидел подле нее в двуколке.

— Зачем вы увезли меня? Не стоило... Прошу вас, отвезите меня обратно, к остальным... к нему. Умоляю вас. Ради всего святого, во имя вашей любви ко мне...

— Вот как раз ради нее я и не сделаю этого! — отрезал Раев-Волынский, и Марина прочитала по его глазам, что умолять его бесполезно. Этот человек пойдет на все лишь бы добиться желаемого приза, а ныне этим самым призом была она.

— Зачем вам все это? — прошептала она. — Я ведь никогда не смогу полюбить вас. Что бы ни случилось. *Jamais de la vie!*

— Ну, это покажет только время! И, в конце концов, в супружестве взаимная любовь отнюдь не главное!

Он произнес эти слова с такой горячностью, что Марина невольно откинулась назад, на спинку сидения, пораженная тем, что прочитала в глубине его темно-серых глаз. Раев-Волынский решил, что ей снова стало дурно. Он ослабил свою хватку, склонился над ней,

слегка пристав с сидения. Марина не преминула воспользоваться этим удобным моментом, осознавая, что именно сейчас судьба дает ей возможность избавиться от него. Она подождала, пока он еще больше привстанет, наблюдая за ним сквозь прищур глаз, а после вдруг с силой, которой от себя сама не ожидала, толкнула его руками и ногами в грудь, выталкивая из двуколки. Раев-Волынский не ожидал от нее такого напора, он пошатнулся, попытался схватиться за что-нибудь, найти опору, но не сумел удержаться на ногах и упал прямо на дорогу.

Марина тут же вскочила на ноги и схватила вожжи двуколки. Простите, лошадки, прошептали ее губы, прежде чем она изо всех сил хлестнула по крупу одну из них, заставляя пуститься в бешеный галоп. Ей просто необходимо было уехать прочь отсюда, от этого человека, которого она так неосторожно приблизила к себе. Он что-то кричал ей вслед, но она уже не слышала его, подгоняя лошадей.

Развернуться сразу же на дороге означало сбавить ход, и следовало это делать как можно дальше от Раева-Волынского, что легко мог снова перехватить у Марины вожжи из рук. В смятении, в котором пребывала ее душа ныне, она проехала даже чуть ли не две версты прежде, чем повернула двуколку обратно.

Раев-Волынский немного удалился от того места, где она вытолкнула его из двуколки. Он шел, распрямив спину, заложив руки за спину, так спокойно и непринужденно, будто совершал моцион, а не находился на пыльной дороге в десятке верст от ближайшего имения. Заслышав стук колес, он развернулся к двуколке, но попыток остановить Марину не делал, просто проследил взглядом, как она проезжает мимо.

— У него всегда будут другие женщины! Взять хотя бы эту черкешенку! — выкрикнул он ей при этом. — Всегда! On ne se refait pas! [\[603\]](#)

Он что-то еще кричал ей, но Марина уже не слушала его. Пусть, думала она, подгоняя лошадей, пусть будут другие. Только бы Сергей ныне был жив! Если уж суждено, что когда-нибудь он разлюбит ее, значит, такова судьба. Но разве не сказала ей когда-то Зорчиха, что отныне она сама будет творить свою долю? Она приложит все усилия, чтобы этого не случилось. Никогда! Ни единой женщины она не допустит в его жизни, кроме нее самой!

Но единственное, чего она никогда бы не смогла переменить, и о чем так неустанно молила Господа, пока гнала лошадей, это лишь о том, чтобы он был жив. Пусть будет живой! Только живой. Любой — покалеченный или целый, ей ныне все едино, только бы он остался жив. Когда-то она сама сказала ему: «Я бы любила тебя любым! Калекой или здоровым, богатым или сирым и убогим, с честью и без оной!», и сама же изменила своим словам, пустив в душу сомнения в своей любви, в его любви... Как много ошибок! Как много!

Марина никого не застала на том месте, где были импровизированные скачки, что столь печально закончились для всадников. Только примятая трава на обочине, где стояли экипажи, взбитая дорога, труп лошади Загорского, чьи глаза ныне не моргая, смотрели в небо, да чей-то платок, лежащий в пыли, перепачканный кровью, напоминал о том, что тут произошло. Марина придержала лошадей, оглядела это страшное для нее место.

Кровь... Алая кровь, струящаяся по светлым прядям...

Марина едва подавила в себе очередной приступ истерики, что поднялся откуда-то из глубины души. Хрип падающих лошадей, всадники, летящие кубарем в пыль. И тот крик, леденящий душу... Оттого ли ей так страшно ныне, что она поняла слова Жюли, сказанные накануне днем? «...Вот в такие моменты и понимаешь, что жить без этого человека невозможно для тебя. Когда есть риск потерять его. Навсегда. Тогда и обнажаются души,

открывая все, что скрывалось глубоко внутри...»

Нет, она не будет сейчас плакать! Не поддастся своему порыву бросить вожжи и разрыдаться в голос от бессилия и страха, что ныне рвали ее душу на куски. Нет времени ныне, чтобы стонать о судьбе и заламывать руки. Только не в этой неизвестности, что гнала ее в Завидово, словно за ней скакали все черти ада.

На подъездной аллее имения Марине встретилась коляска, что мешала ей проехать к усадебному дому. Она ехала столь медленно, что у Марины даже руки затряслись от волнения и злости. Она кричала кучеру, ругалась на него, но тот судя по всему, не слышал ее за скрипом рессор, и она, стегнув лошадей, резко взяла вправо на обочину. Пронеслась мимо с такой скоростью, что едва не перевернула двуколку с обочины, обдала пылью сидевших в коляске пассажиров.

У крыльца усадебного дома спрыгнула наземь, не дожидаясь, пока к ней подбежит лакей, уже спешащий по ступенькам, вбежала в дом, распахивая двери комнат. Господи, куда все подевались? Где гости? Неужто она ошиблась, и они поехали сразу в уездный город, к доктору? Но нет, до Завидово ближе. Разумнее было бы ехать сюда.

— Марина Александровна, — окликнул ее Арсеньев, которого она все-таки нашла в этой многочисленной анфиладе комнат. Он и Жюли выбрали самую прохладную гостиную на первом этаже, укрываясь от июльской жары, что к этому часу стала невыносимой. Марина окинула их взглядом и сразу поняла, что те прибыли совсем недавно в Завидово, так как по-прежнему были в том же самом платье, в котором выезжали на прогулку. У Арсеньева даже виделась кровь на рукаве его светло-серого сюртука, и при виде этих небольших пятен Марина побелела, как полотно.

— Я вижу, вы не нашли доктора, — язвительно произнес Арсеньев, не обращая внимания на предупреждающий жест Жюли. Марина подняла на него растерянные глаза, она была вся в пыли, даже лицо. Светлыми были только дорожки слез, что она пролила по дороге в Завидово. На миг Арсеньеву стало жаль ее, но вот она виновато потупила глаза, отвела в сторону взгляд, краснея стыдливо, и он оставил свое сочувствие к ней. — Но, слава Богу, он понадобится точно не в Завидово. Ваши соседи отбыли тут же с места в свое имение, увозя раненого сына. У штабс-капитана, судя по всему, сломана нога.

— А Сергей? — тут же спросила Марина. Штабс-капитан ее вовсе не интересовал в этот момент. Да и остальные гости, впрочем тоже, к ее стыду. — Что Сергей Кириллович?

— Он не ранен. Вернее, не так серьезно, — Марина не смогла сдержаться и тихо заплакала, прижав ладонь ко рту. Ее охватило такое невероятное облегчение при этих словах, что у нее даже руки задрожали. Арсеньев же продолжил. — Он расшиб голову при падении. Пара швов точно. Просто чудом не открылась рана на плече. Вот в чем отличие кавалерии от пехоты — умение точно сгруппироваться при падении с лошади.

Марина развернулась к двери. Более ей тут было нечего делать. Ей хотелось ныне только одного — войти к нему в комнату, прижаться к его груди щекой, услышать стук его сердца. Как много ей надо ему сказать! Как она виновата перед ним! Милый, милый мой Сережа! Как я могла промолчать в тот момент? Как могла отпустить тебя тогда, зная, какую боль ты уносишь в сердце?

Но ее порыв тут же остановил Арсеньев, разгадав ее желания, отчетливо произнеся:

— Его нет. Он уехал тотчас, как воротился в имение. Даже кровь не дал смыть с себя. Степан собирает его багаж.

Марина, потрясенная, повернулась к ним. Жюли не встретила ее взгляд, отвела глаза, и

она поняла, что это правда, что Сергей действительно уехал.

— Но — отчего? Помилуй Бог...

— Отчего? Отчего?! Какого черта? — вдруг вспыхнул Арсеньев. — Какого черта вы поехали с этим вашим приятелем? Вы ведь ясно видели, что произошло! За доктором? Да только последний дурак не знает, что город в другой стороне! Вы так явно выставляли свое расположение, что только слепой мог не заметить его!

— Он увез меня силой! — вскричала в ответ Марина, не в силах более сдерживать эмоции. — Силой, слышите? Я вовсе не желала уезжать!

— Отчего тогда не кричали? Не подали знака? — не унимался Арсеньев, хотя жена вовсю уже дергала его за рукав, умоляя глазами прекратить этот скандал. В доме еще были гости — семейство предводителя дворянства, и эти громкие крики могли быть услышаны и превратно истолкованы. Кроме того, Жюли ясно слышала, что к комнате приближаются голоса, значит, вскоре их уединение будет нарушено.

— Я не обязана давать вам отчет в своих действиях, — тихо сказала Марина, упрямо вздернув подбородок вверх.

— Согласен. Теперь вам вообще никому не придется давать подобного отчета, — холодно проговорил Арсеньев и, вырвав практически из рук жены рукав своего сюртука, поклонился дамам. — Прошу простить меня. Последую примеру остальных гостей и пройду к себе.

Марина на мгновение прикрыла глаза, собираясь с силами. Теперь она тоже ясно слышала голоса в соседней комнате — Арсеньев по пути в гостевую половину здоровался с новоприбывшими гостями.

— Жюли, умоляю тебя, переговори с ними, — она закрыла лицо руками. — Я не могу... не могу...

Но прежде чем ее подруга двинулась с места, в гостиную буквально впорхнула, шурша пышными юбками, Лиза, сестра Марины. За ней вошел ее супруг, озабоченно хмурясь.

— Ах, дорогая моя! — подошла, раскачивая юбку к Марине, Лиза. — Здравствуй, дорогая моя. Не могу тебя расцеловать, вижу, что ты с прогулки. И хочу побранить тебя, Марина Александровна. Ты едва не убила нас там, на аллее. Да еще пылью обдала с ног до головы. Взгляни на моего бедного Жоржика... А ведь мундир мы совсем недавно пошили! Теперь он испорчен, и Жоржик очень огорчен.

Дегарнэ в это время прикладывавшийся к ручке свояченицы (при этом он касался губами только воздуха, ибо уж чересчур была неопрятна Марина по его мнению) поднял брови вверх, соглашаясь с женой. Потом выпрямился и притворно смахнул платком с плеча своего мундира невидимую глазу пыль.

— Разве можно быть такой беспечной? — не унималась Лиза, присаживаясь на софу и аккуратно расправляя юбки своего платья, чтобы ненароком не измять. — Ты ведь могла убиться! И нас при этом убить! Я непременно напишу маменьке.

— Напиши, — устало согласилась Марина, не желая спорить с сестрой. Она всегда с ней соглашаясь, уступая даже в мелочах лишь бы не вызвать ссоры ненароком, что могла перерасти в бурную и продолжительную истерику Лизы. — Непременно напиши.

— И напишу! Ты слишком вольно ведешь себя в своем вдовстве. Слишком!

Марина пропустила ее упреки мимо ушей и хотела уже извиниться и уйти к себе, чтобы привести себя в порядок и подумать над всем, что произошло за нынешний день и как ей следует поступить в дальнейшем, как вдруг Лиза упомянула князя Загорского.

— Не смею даже предположить, что он делал на почтовой станции. Мы уже отъезжали, когда он прибыл туда. Долгонько он будет там ждать лошадей, до вечера, вестимо. Мы последних забрали. Надеюсь, что он не гостил в Завидово? С твоей стороны было бы довольно самонадеянно принимать его у себя, тем паче ныне, когда он стал буквально притчей во языцех в светском обществе.

— Во языцех, — машинально поправила ее Марина, а потом вдруг резко направилась к двери, сделав быстрый книксен на прощание.

— Ты принимаешь его! Ах, Господи! Я напишу к маменьке! Тебя необходимо приструнить! — крикнула раздраженно ей вслед Лиза. Марина тут же остановилась и повернулась к сестре так резко, что ее юбки слегка закрутились вокруг ног.

— Приструнить? — вкрадчиво переспросила она. — Приструнить?! Кого и надо приструнить, так тебя, Лизавета Александровна. Твои счета, дорогая сестра, уж превысили все мыслимые границы. Кредиторы настолько осмелели, что шлют их прямо сюда. С этого часа, с этого дня я понижаю твое содержание, довольно с меня оплачивать твой огромный гардероб, твои конюшни и твоего супруга. С этого дня я буду приучать тебя жить по средствам, дорогая. Добро пожаловать во взрослый мир, где надо думать и о дне насущном, а не только о платьях и полковых балах! Да, и можешь не трудиться писать маменьке об этом и о многом другом, что, как я надеюсь, случится в моей жизни вскорости. Ибо я уже давно вышла из детской и способна сама принимать решения, как мне жить и с кем водить знакомства, — отчеканив каждое слово из своей речи, Марина снова направилась к выходу, а после повернулась к сестре. — Да, ты не забыла поздравить меня с днем ангела? Ведь ты, кажется, по этому поводу сюда прибыла?

Лиза не возражала ей, ошеломленная ее речью, только ртом воздух ловила, да Марина и не стала ждать возражений от нее, ушла, почти убежала к себе, на ходу призывая Игната. Она прошла в кабинет и написала быстро послание, которое поручила отвезти на станцию и передать князю, что должен ждать там лошадей. От Игната же она получила в руки короткую записку, оставленную Загорским, в которой он писал, что обстоятельства вынуждают его отбыть из Завидова, что он благодарен ей за гостеприимство. Да уж, знала она эти обстоятельства! Вернее, сама создала их. А внизу была короткая приписка: «Прошу уведомить меня незамедлительно, коли будут последствия».

Марина успела переменить платье, выслушать поздравления с днем ангела от дочери и принять поделку из ее рук — рисунок и вылепленного из глины нечто с большими ушами, прогуляться с Леночкой в парке, пока ждала заветного ответа от Сергея. Она постоянно обдумывала возможные слова, что скажет ему, когда они встретятся, слова, что заставят его простить ее глупые, необдуманные поступки.

— Что на меня нашло? — недоумевала Марина, когда они с Жюли шли по парку, а Леночка бежала впереди, увлеченно размахивая сачком — в последнее время она весьма увлеклась бабочками, и бонна помогала ей составить свою коллекцию, поддерживая в своей воспитаннице интерес к естествознанию.

— Я не понимаю, что могло заставить меня сомневаться в своих чувствах. Что? Как я могла решить, что жизнь без него для меня лучше? — И Марина пересказала задумчиво слушавшей ее Жюли ее последний разговор с Загорским. — И знаешь, он так посмотрел на меня тогда... Таким проникновенным взглядом. А после отпустил и ушел, не обернувшись ни единого раза. Я видела по его спине, что ему больно, что ему тяжело. Но не окликнула его, не позвала назад.

— Quand on aime, on doute souvent de ce qu'on croit le plus ^[604], — тихо проговорила Жюли, сжимая ладонь подруги, и та задумчиво кивнула ей в ответ. — Все образуется, вот увидишь. Он ныне зол из-за того, что ты уехала с этим Раевым-Волинским, но мужчины отходчивы. Нужно лишь время.

Жюли вспомнила, как подбежала к упавшим на помощь мужу, подала тому платок, которым Арсеньев стер кровь со лба Сергея. Тот, едва придя в себя, схватил за руку друга и прошептал отчетливо:

— Пусть она не смотрит! Мало ей тревог! Не подпускай ее сюда!

Павел тогда отвел глаза в сторону, словно ему было неловко сообщать то, что он видел.

— Ее здесь нет. Она уехала, — и, видя взгляд Сергея, невольно добавил. — С Раевым-Волинским, — а Жюли, видя такой поворот событий, поспешила сказать, желая выгородить подругу.

— Они уехали за доктором.

Едва услышав эти слова, глаза Загорского на миг вспыхнули каким-то странным огнем, а после потухли. Он снова замкнулся в себе, стал тем же хладнокровным офицером, что так пугал ее ранее. Она только потом сообразила, что чтобы проехать за доктором, двуколке следовало объехать упавших всадников, и места для подобного маневра на дороге для того не было совсем.

В это время Марина заметила спешащего к ним лакея, что нес в руке записку — она ясно видела, как белеет бумага в его руке, и сама зашагала ему навстречу быстрым шагом, путаясь в юбках.

— Ну? — взволнованно спросила она. — Передали его сиятельству письмо?

— Передали-с, барыня, — лакей взглянул смущенно на подошедшую к ним Жюли, отвел в сторону глаза от пытливого взгляда Марины и стал внимательно смотреть на парковые деревья.

— Давай же ответ скорее.

— Ответа нет, барыня, — произнес лакей и подал Марине письмо. Это было ее письмо. Невскрытое, а значит, и непрочитанное. Осознание этого с такой силой вдруг кольнуло сердце, что стало больно дышать. До этого ей все казалось каким-то сном, какой-то нелепой игрой в жизнь — кто обязательно должен уходить, а кто-то уступать и догонять. Но ранее всегда уходила она...

— Князя точно видели? — вступила в разговор Жюли. — Быть может, он уехал, оттого и нет ответа?

— Нет, ваше сиятельство, князь на станции, лошадей ждет, — ответил ей лакей. — Сказал, что не будет для барыни ответа. Письмо тут же вернул Федоту в руки.

Марина взмахом руки отпустила лакея, с трудом сдерживая слезы, что так и норовили покатиться из глаз. Жюли с тревогой вглядывалась в ее лицо, глядя по плечу в утешение, не решаясь произнести ни слова сейчас.

— Ты знаешь, почему я его отпустила так легко нынче утром? Почему позволила уйти после нашего разговора? — глухо спросила Марина, сжимая пальцами нечто, что держала сейчас в кармане платья, втайне от всех. — Потому что *знала*, что он вернется. Paradoxe! ^[605] Я сомневалась в его любви ко мне, вдруг разуверилась в ней, и в то же время *знала* в глубине души. Знала, что он не оставит меня. Я привыкла думать, что он всегда будет рядом, и что бы я ни сделала, он простит мне, как простил мне многое. Мой брак с Анатолем, нашу разлуку, мой обман. Как он простил мне мою ложь о ребенке, самую страшную, мою самую

ужасную ложь! — Жюли при этих словах вдруг побледнела, осознав смысл ее слов, метнула быстрый взгляд на Леночку, что сейчас доставала с помощью няньки пойманную сачком бабочку из сетки. Марина, казалось, не замечала ничего вокруг, погруженная в свои мысли. — Он всегда был подле. Всегда ждал моего решения, позволяя мне решать наши судьбы, предоставляя *мне* делать выбор. И тогда, когда предлагал венчаться тайно, и тогда, когда планировал наш побег. А ныне... Il part pour de bon [\[606\]](#)...

Она снова замолчала, сжимая некий предмет в кармане платья, а после вдруг обернулась и посмотрела на Жюли с такой решимостью во взгляде, что у той вдруг захватило дыхание от того подозрения, что мелькнуло в голове.

— Прошу позаботиться покамест о гостях, — с этими словами Марина резко отвернулась и пошла почти бегом по дорожке к дому. Только юбки колыхались в такт ее спешным шагам. Жюли не долго думая бросилась за ней следом, догнав ее только в передней дома.

— Куда ты едешь? — спросила она подругу. Та улыбнулась в ответ, ничуть не смущаясь Арсеньева, что, заметив женщин, спешащих из парка в дом и явное беспокойство на лице жены, вышел в переднюю.

— Туда, где мое сердце.

— Ах, упаси Господь! — всплеснула руками Жюли. — Неужто на станцию? Одумайся! Уж скоро вечер! Дай ему время подумать. Пусть он все решит сам!

— Нет, время ныне против меня! — Марина не желала слышать ее. Прошла в конюшню, где стали быстро запрягать по ее приказу двуколку. Жюли не отставала от нее, тяня за собой супруга, в котором пыталась найти поддержку своим словам.

— Куда ты, Мари? Посмотри, какой ветер поднимается. Быть дождю, не иначе, — уговаривала она ее. — Ты же к тому неприбранная, без шляпки. Куда?

— Нет времени посылать, — отрезала Марина, с помощью лакея поднимаясь на сиденье двуколки.

— Ах, Paul, останови ее! — Жюли в отчаянье наблюдала, как Марина хлестнула лошадь вожжами, и двуколка поехала со двора. Она повернулась к дому и увидела, что за отъездом хозяйки имения из окна одной из комнат первого этажа наблюдает, ничуть не скрывая своего интереса, госпожа Спицына. Неужто ее подруга совсем забыла о приличиях? Появиться на станции в таком виде!

— Пусть едет, — прищурился Арсеньев, подгоняя стремянного, что седлал коня, чтобы он быстрее ехал за барыней. — Быть может, это и к лучшему.

Марина же тем временем только подгоняла и подгоняла лошадей, ничуть не заботясь ни о том, как выглядит ныне, ни о том, что оставила гостей. Ее гнало вперед только одно желание. Ей до дрожи в руках хотелось, чтобы он был рядом с ней. Просто подле нее, с нее достаточно пока и того.

Перед ее глазами проносились моменты из прошлого, когда они были так близки друг другу, так неистово любили, позабыв обо всем. «...Я пойду наперекор всему миру, лишь бы быть рядом с тобой. Лишь бы ты любил меня...». Это были ее слова, и только теперь она следовала им, идя на поводу у своего сердца, которое неудержимо вело ее ныне на станцию. Ей все равно, что госпожа Спицына разнесет по всему уезду весть, как Марина бросилась на станцию неприбранная за своим незванным и таким неожиданным гостем, что вторгся в ее жизнь внезапно и так же внезапно исчез.

Ветер резкими порывами трепал ее волосы из прически, срывал с щек редкие слезы, что Марина не смогла сдержать. Вдруг Сергей не простит ее? Как объяснить ему, что она не по

своей воле уехала с Раевым-Волынским? Ее глупое желание досадить Загорскому, проверить чувства заставило ее сесть нынче утром в двуколку с ним и привело к тому, что ее сердце так мечется ныне, что ее будущее столь шатко.

Марина внезапно остановила двуколку в нерешительности, резко натянув вожжи. Все казалось таким простым на расстоянии, но сейчас, когда до станции оставалось всего пара верст, она вдруг засомневалась в разумности своего поступка. Быть может, Жюли права, и ей следует дать Сергею время, а после написать из Завидово? Но быть может, он так же вернет письмо, не распечатав, как сделал это с ее запиской, так отчаянно умоляющей его простить ее, дать ей шанс объясниться? Своей короткой припиской в оставленной в усадьбе записке Сергей оставил ей лазейку, которой она всегда сможет воспользоваться, *n'est-ce pas*? Но достойно ли ей лгать, в попытках уберечь свое самолюбие, свою гордыню, помешавшую ей тогда окликнуть его, удержать?

Марина свернула на обочину, прыгнула в двуколки и прошлась до лошадей, что были явно взволнованы приближающейся непогодой, погладила их по мордам, успокаивая их и стараясь успокоиться самой. После снова принялась думать о своем положении. Как же все запутанно! Она задумчиво тронула мочку правого уха, затеребила сережку, как делала это, когда была так обеспокоена чем-то.

Внезапно раздался раскат грома да такой громкий, будто гром прогрохотал чуть ли у нее над головой. Она вздрогнула, почувствовав, что сережка скользнула у нее меж пальцев и упала в траву. Ее любимые камеи, что она носила во время траура! Она так привязалась к ним за прошедшие полтора года, что потеря этой серьги ныне совсем выбила ее из колеи. Она опустила на колени в траву после нескольких минут бесплодных поисков, уже не сдерживая слезы, что потекли по лицу. Господи, что ж за день нынче такой! Все из рук вон плохо!

За редкими раскатами грома, что пока только грозил издали, Марина совсем не расслышала, как к двуколке подъехал всадник, который спешился и сейчас обходил экипаж, желая взглянуть, куда подевалась его хозяйка. Он заметил стремянного, что приблизился к двуколке одновременно с ним, и показал знаком тому оставаться на расстоянии. После медленно приблизился к Марине, по-прежнему стоявшей на коленях в траве, опустившей голову вниз. Она увидела перед собой пару начищенных до блеска сапог и подняла резко голову.

— Смею ли я предположить, что вы что-то потеряли? — отстраненно вежливо проговорил Сергей. Его лицо было совершенно непроницаемым, будто он подошел к ней исключительно из правил хорошего тона, ничуть не удивленный ее присутствием здесь, на обочине дороги.

— Я потеряла серьгу, — растерянno ответила Марина, обескураженная его внезапным появлением. Уголки его губ слегка дрогнули. Они оба вдруг вспомнили их первую встречу, когда она оказалась у его ног по воле судьбы. Совсем как ныне.

Сергей присел на корточки и, взглядевшись в траву, достал и протянул ей камею.

— Ваша? — она кивнула, и он протянул ей находку на раскрытой ладони. Но едва Марина протянула руку, чтобы взять сережку, тут же закрыл ее, захватывая в плен ее пальцы, резко поднялся, вынуждая Марину тоже встать на ноги. — Что ты здесь делаешь? Про пропажу я уже слышал.

— Ты не слышал про другую пропажу. Я потеряла еще кое-что ныне, — прямо ответила Марина, глядя в его глаза. От его близости к ней ей так вдруг захотелось прижаться к нему,

уткнуться лбом ему в плечо, снова почувствовать тяжесть его рук, сладость поцелуя. Но она опасалась, что он останется хладен к ее порыву. Всегда ранее уходила она, теперь же ушел он, и это не могло не пугать ее. Марина опустила руку в карман платья, сжала пальцами предмет, чтобы он дал ей сейчас решимости сказать то, что она хотела произнести.

— Я потеряла самое ценное, что у меня только было в жизни. Единственное, что должна была беречь, как зеницу ока, и вот ныне потеряла по собственной глупости, по самообману, — она смотрела в его глаза, пытаясь отыскать хотя бы намек на теплоту, но они по-прежнему были непроницаемы для ее взгляда, и она не смогла угадать, что за мысли ходят сейчас у него в голове. — Я сказала тебе, что моя жизнь была покойна и тиха, пока снова не появился ты. Но это обманный покой. Мое сердце не бьется, когда тебя нет рядом, а значит, я не живу. В тебе моя жизнь... И я хочу провести каждый день, живя. Хочу видеть каждое утро, открыв глаза, твое лицо, твои глаза и улыбку. Хочу засыпать в кольце твоих рук, положив голову на твою грудь. Хочу просто ощущать твое присутствие подле себя. Хочу любой момент иметь возможность дотронуться до тебя, прикоснуться губами к губам. Хочу просто уткнуться тебе в шею, в мое любимое местечко между ключицей и шеей, просто стоять вот так и вдыхать запах твоего тела. Такой родной и знакомый... До боли знакомый. Когда-то ты предлагал мне — состариться рядом, провести вместе остаток наших дней. И я поняла ныне, что ничего не хочу сильнее, чем это — быть вместе до самого конца, рука об руку пройти через жизнь.

Сергей ничего не ответил, просто по-прежнему пристально смотрел в ее глаза, и Марина почувствовала, как медленно, крупца за крупцей уходит ее самообладание. Но тем не менее она все же сжала пальцами, достала из кармана платья то, что так тщательно скрывала в его глубине, и протянула ему, показывая тем самым, что она полностью уступает ему, что ныне решать не ей, каково будет их будущее.

Тонкий ободок серебра. Ее кольцо, которым когда-то она была венчана, как его супруга в той небольшой деревушке подле Киреевки.

Сергей как-то странно взглянул на это кольцо, а потом вдруг притянул ее к себе, прижав теснее к своему крепкому телу.

— Я тоже кое-что потерял ныне, — тихо сказал он, не делая ни малейшей попытки забрать кольцо из ее пальцев. — Я потерял себя. Я всегда стремился стать таким, каким ты меня хотела видеть. Романтичным и страстно влюбленным в начале, уважающим твой выбор и твои решения после. Я помнил о том, как подавлял тебя Анатолий, и не желал проявлять подобную настойчивость. Быть может, это моя ошибка. Я вовсе не так благороден, как тебе кажется, не так мягок и уступчив. Все, что мне хотелось более всего ныне утром, это вскочить на любую лошадь и догнать вас с этим хлыщом, привязанность к которому ты вечно выставляла передо мной. Я бы догнал вас и тогда бы он горько пожалел, что вообще даже смел смотреть на тебя. Но я уехал, хотя вся моя натура так и кричала безмолвно от обиды и горечи, требовала некоего отмщения. Впервые поддался голосу не разума, а той слепой ярости и ревности, что бурлили во мне. Вот до чего довела меня любовь к тебе!

Сергей вдруг замолчал, отпустил ее руку из плена своей ладони, и Маринино сердце ухнуло куда-то вниз, а к горлу подступил комок. Он все-таки уедет от нее! И она совершенно не знала, что делать ныне, как остановить его. В отчаянье она опустила руку с зажатым пальцами кольцом, но Сергей вдруг перехватил ее ладонь, не дал убрать в карман то, что она минуту назад предлагала ему.

— Я всегда знал, что ты — моя кара, посланная свыше. За всех тех, кто так хотел

получить от меня хотя бы толику любви, кто так и не сумел пробудить мое сердце. За эти годы ты настолько вывернула мне душу, что я даже не знаю, как еще живу и дышу. Но я знаю одно — уж лучше такая жизнь, чем та, что была без тебя, — он сказал последнюю фразу таким тоном, что Марина не выдержала и снова заплакала, не скрывая своих слез, что медленно катились из ее глаз. Теперь она ясно видела, что та ледяная сталь, что была до того в его глазах, вдруг уступила место нежности. — Я сидел сейчас на станции ипил горькую. Иногда алкоголь как ничто иное помогает прочистить мозги, расставить все по своим местам, знаешь ли. И я понял — какого черта я опять уступаю тебе, наперекор собственным желаниям? Какого черта уезжаю, оставляя для этого хлыща свободу действий? И я решил вернуться. Вернуться, чтобы раз за разом ловить отклик в твоём теле (а уж в чем-чем, в страсти наши тела совсем забывают о разногласиях в наших головах!) и постараться сделать все, чтобы у тебя не было иного выхода, как снова стать моей женой. Перед возможностью скандала ты уступишь мне, отбросив в сторону свои сомнения, а уж к моменту венчания я бы снова смог убедить тебя в твоих чувствах ко мне. Любовь не может умереть, убеждал я себя, просто она пока спит, как та царевна в сказке, и ее надо пробудить. Даже если для этого потребуется не один поцелуй, а сотни и тысячи.

— Меня не надо убеждать в них. Я всегда знала, что люблю тебя. А это падение... оно просто открыло ту дверь в моей душе, за которой я так надежно скрывала мою любовь все эти годы. Я так стремилась скрыть от всех свою любовь к тебе, что сама себя едва не убедила в ее отсутствии, — прошептала Марина. — И знаешь, я ведь тоже решила, когда ехала на станцию, что наша страсть — шанс удержать тебя. И я согласна даже на малейшую крупицу твоей благосклонности, лишь бы быть подле тебя.

Они оба улыбнулись друг другу — нежно и тепло, радуясь тому, что наконец сказали то, что должно было быть сказано еще давно.

— У дураков, как известно, мысли схожи, — усмехнулся Сергей и взял из ее пальцев тонкий серебряный ободок кольца. — Но согласно одной поговорке, *aux innocents les mains pleines* [\[607\]](#).

Он взял Маринину правую руку и аккуратно одел ей на безымянный палец это простенькое колечко, драгоценнее которого для нее сейчас не было на всем свете. Она даже дыхание задержала на мгновение, когда серебро скользнуло по ее коже. Затем Сергей потянулся за ворот мундира и рванул шнурок, на котором по-прежнему висели образок, что когда-то Марина подарила ему перед отъездом на Кавказ, и серебряное кольцо, что она когда-то одела ему на палец. Теперь была его очередь протянуть ей этот ободок, символ их соединения, и она приняла его без всяких раздумий и сомнений, взяла его большую ладонь и одела кольцо на один из пальцев.

— Я люблю тебя. Безмерно, всей душой, — прошептал Сергей, обхватывая ладонью ее затылок и притягивая ее к себе, ее губы к своим губам.

— Я люблю тебя, — шепнула она ему в губы, прежде чем они соединились в поцелуе, обнимая его за плечи, чувствую волну ослепительного счастья, что поднималась откуда-то изнутри ее тела. Только тут было ее место — в его руках. Только тут. Она от всей души наслаждалась ныне теплом его губ, мягкостью его волос у нее под пальцами, сладостью его поцелуя. Только в его руках ее душа пела от счастья, только в его руках!

На щеку Сергея упала холодная капля дождя, и он вздрогнул от неожиданности, прервал поцелуй, взглянув на хмурое небо, затянутое ныне темными тучами.

— Надо ехать, иначе вымокнем до нитки, — улыбнулась Марина, когда очередная капля

попала ей прямо в лоб, вызвав у нее приступ неудержимого счастливого смеха. Сергей кивнул и подал ей руку, за которую она с радостью ухватилась, и они вдвоем вернулись к двуколке.

— Ты со мной? — испугалась Марина, что он сейчас снова оставит ее одну, когда Сергей помог ей занять место в экипаже и хотел отойти.

— С тобой, — улыбнулся Сергей и коснулся губами ее пальчиков, что схватили его за руку. — Только вверх подниму и лошадь привяжу к двуколке.

После они ехали вдвоем обратно в Завидово, отправив стремянного вперед. Не спеша совсем медленно, словно не хотели ни с кем делить то облако счастья, что невидимо окутало их сейчас. Марина с готовностью передала ему вожжи от двуколки и устроилась уютно рядышком, положив голову ему на плечо. Отныне в их жизни править суждено ему, она лишь будет обговаривать направление.

Сергей то и дело касался губами ее макушки, вдыхая аромат ее волос, искренне наслаждаясь ее близостью ныне. Марина же иногда поворачивала голову к нему и проводила пальцем по его скуле, словно желая убедиться, что это ей не снится, что он рядом, улыбаясь, когда он поворачивал голову к ней и ловил губами этот шустрый пальчик. Они почти не говорили, слушая лишь тихий шепот дождя по верху двуколки да песню собственных сердец.

Двуколка въехала на подъездную аллею, когда летний дождь закончился так же внезапно, как и начал проливаться на землю непроницаемой стеной. Теперь темные хмурые тучи постепенно рассасывались, позволяя заходящему солнцу в последний раз перед вечерними сумерками озарить своими сияющими лучами землю.

— О, за нами наблюдают, — усмехнулся Сергей, направляя экипаж прямо к подъезду усадебного дома. И верно, за ними пристально следили несколько пар глаз. Лиза и мадам Спицына стояли подле друг друга у окна в одной из гостиных первого этажа, словно часовые на посту, даже не скрывая своего интереса к происходящему, жадно ловя каждый звук, что мог долететь до них через распахнутые створки. На крыльце же помимо лакеев стоял Арсеньев, который повернулся в дом и что-то проговорил. Через открытые двери тут же выбежала Жюли и буквально впилась взглядом в лицо Марины, а потом вдруг улыбнулась и прижалась к плечу Арсеньева, взяв того под руку.

— О Боже, я в таком виде! Представляю, что за слухи пойдут ныне не только по уезду, но и по столице, — Марина в отчаянье попыталась пригладить волосы, но Сергей, уже спрыгнувший из двуколки, поймал ее за руку.

— Не стоит. Лучше дадим им еще один повод для них.

И прежде чем она смогла сообразить, что он задумал, Сергей вдруг подхватил ее на руки и закружил ее по двору. Она только и успела ахнуть: «Твое плечо!», но он лишь качнул головой, мол, пустяки. Марина краем глаза заметила, как на крыльцо выбежала и Леночка, что сейчас подпрыгивала радостно, удивленно глядя на то, как ее мать кружат по двору, захлопала вдруг в ладоши. И тогда, глядя в его счастливые глаза, на радость дочери, Марина вдруг откинула голову назад и рассмеялась тихо, не в силах сдерживаться более.

— Vous êtes fou ^[608], — проговорила она, когда он поставил ее на землю, но по-прежнему держал в кольце своих рук.

— Fou d'amour. De toi! ^[609] — ответил ей Сергей, а после обнял ее и повернулся к стоявшим на крыльце. — Арсеньев, поздравь нас! Я сделал Марине Александровне предложение, и она приняла его.

— Удивительно, но я так и понял, — улыбнулся ему в ответ Павел Григорьевич,

обнимая жену за плечи, что вдруг ни с того, ни с сего расплакалась, украдкой вытирая слезы платком.

Сергей вдруг встретился глазами с серыми глазенками, что внимательно наблюдали за ним из-за юбок бонны, куда девочка юркнула, заметив, что ее интерес раскрыт. Немка поспешила увести ребенка с крыльца, испугавшись получить выговор, что не удержала подопечную вдали от взрослых. Но этот офицер со шрамом вдруг быстро остановил ее, опустился на колени перед девочкой.

— Bonjour, mademoiselle!

— Bonjour, monsieur, — тихо ответила девочка. Она с детским любопытством наблюдала за ним, то сплетая, то переплетая пальчики в волнении.

— Я очень люблю твою маму, — признался ей Сергей. На его плечо вдруг легла маленькая ладонь с тонкими пальчиками, сжала его легко в знак поддержки. — И я бы очень хотел подружиться с тобой. Потому что очень хочу жить с вами обеими.

— Тут? — спросила девочка, и Сергей покачал головой.

— У меня есть свой дом, и я хотел бы увезти вас с мамой туда.

— А он большой? Там есть парк? И пруд. Есть ли там пруд? — засыпала Леночка его вопросами.

— Он большой. Немного больше, чем ваш дом. Там есть и парк, и огромный сад, и два пруда. А еще там есть большие конюшни, — добавил он, памятуя, как она была некогда увлечена лошадьми.

— И у меня будет своя лошадка? — загорелись тут же глаза девочки.

— Будет. Только для начала совсем маленькая, — улыбнулся Сергей. Леночка захлопала в ладоши восторженно, но после, поймав строгий взгляд бонны, осеклась и выпрямила спину, стала в мгновение ока серьезной маленькой барышней.

— Merci bien, monsieur. Je suis d'accord [\[610\]](#).

Она сделала книксен и пошла направила прочь от взрослых, сопровождаемая бонной, но спустя миг вдруг резко развернулась, вернулась обратно, что-то шепнула на ухо Сергею и убежала прочь, задорно улыбнувшись на прощание. Тот грустно улыбнулся, поднимаясь с колен, настолько она была в этот момент схожа с его сестрой в детстве.

— Пора ступить на растерзание толпы, — Сергей шутливо показал в сторону дома, куда уже успели войти Арсеньевы. — Пойдем и объявим во всеуслышание, что отныне ты моя.

— А ты мой! — не осталась в долгу Марина, упрямо поджав губы, вспоминая утренний разговор о черкешенке.

— Хорошо, — согласился с ней Сергей и предложил ей руку, которую она с готовностью приняла. — Жаль, что здесь нет твоего хлыща. Я бы с удовольствием объявил бы это, глядя ему в глаза.

— Какой ты мстительный! — усмехнулась Марина, стараясь скрыть глубоко в душе свои желания касательно той девицы с горного края.

В передней Сергей вдруг развернул ее к себе и крепко поцеловал в губы, приводя ее мысли в полное смятение, заставляя лакея, что открывал перед ними двери, отвести глаза в сторону смущенно.

— Вот так у тебя вид более подходящий для безумно счастливой невесты, — он погладил пальцами ее скулы, потом провел по пухлым губам.

— Мне не надо придавать никакого вида, — ответила Марина. — На свете нет более счастливого человека, чем я.

— Не могу не возразить на это, — тихо прошептал Сергей, ведя ее через анфиладу комнат к гостиной, где ожидали их прихода гости имения. Их голоса становились все более и более слышны по мере приближения, и Марина угадала, что в комнате явно беспокойно. Она слегка задержалась перед дверьми, и лакей замер, положив ладонь на ручку, готовый распахнуть ее по малейшему знаку.

Какой же скандал разразится в свете! Едва разведясь с женой, князь Загорский ведет под венец другую женщину! Женщину, что когда-то так упорно добивался несколько лет назад! Весьма пикантная сплетня! Толки, что ныне витают в комнате за этими дверьми, — просто ничто по сравнению с тем, что будет в дальнейшем. Еще нескоро они смогут с Сергеем показаться в свете без лишних шепотков.

Марина взглянула на него и встретила ласковый взгляд его серых глаз. Как же это мелко по сравнению с тем, что отныне она всегда будет рядом с ним. И ночью, и днем. Всегда. Она уткнулась носом в его плечо, и он тут же склонился и поцеловал ее макушку.

— Я люблю тебя.

Они не сказали это вслух, но ясно прочитали в сердцах друг друга. Теперь, когда он был рядом, она готова вынести любые невзгоды, встретиться лицом к лицу с любой неприятностью. Что ей скандал в свете, когда можно жить не выезжая в Загорском? Что ей весь мир, когда она любима и любит? Когда таким светом нежности горят его глаза...

Это будет их *le paradis terrestre* [\[611\]](#). Только их двоих... Отныне и навсегда.

1843 год, лето

Тихое жужжание прямо над ухом вырвало Марину из той сладкой дремы, в которую она провалилась неожиданно для себя самой, разморенная этими жаркими лучами июльского солнца. Она отмахнулась лениво от мухи, что летала чуть ли не у самого лица, а потом села, прикрывая рукой глаза от яркого солнечного света, огляделась вокруг. Рядом с ней на покрывале лежал Сергей на боку, положив голову на вытянутую руку. Другая его рука лежала на юбках жены, будто он и во сне удерживал ее подле. Жара сморила и его, и теперь он спал, слегка нахмутив лоб, словно сон, что принесла эта полуденная дрема был неприятен ему. Марина легко провела кончиком пальца по его скуле, стараясь не потревожить его сон. Она никогда не могла сдержать себя и не коснуться его всякий раз, когда он был рядом. Будто желая убедиться, что это вовсе не сон, что Сергей подле нее, и так будет всегда.

Они обвенчались после Покрова, той же осенью 1841 года. Свадьба была бы ранее, несмотря на то, что так мало времени прошло со дня официального расторжения брака Сергея, но отец Иоанн, с которым Марина решила посоветоваться по поводу венчания, засомневался, не нужно ли для того специального разрешения на брак.

— По всему выходит, барыня, что замужем ты уже была два раза, а значит, это венчание третьим будет, — задумчиво говорил он, глядя свою негустую бороду. — Не сие суть, что за этого же мужа второй раз идешь. Уж потребнее получить разрешение, все едино будет.

Потому сразу же после дня ангела Марины влюбленные снова расстались — Сергей уезжал в столицу, чтобы подать прошение государю. Марина места себе не находила перед его отъездом, даже на минуту не отходила от него, сжимая руки в волнении.

— Это разрешение... Что, если государь не даст своего позволения? — она нервно обхватила себя за плечи, стараясь унять дрожь в ладонях. — Что, если не позволит Синод?

— Синод сделает так, как решит государь, — тихо ответил Сергей, привлекая ее к себе, нежно целуя в волосы. — А я приложу все усилия, чтобы Его Императорское Величество дал свое позволение на наш брак с тобой.

— Все же позволь мне ехать в Петербург, — настаивала Марина. — Вот увидишь, государь отнесется благосклоннее ко мне, нежели к тебе, который далеко не в почете у него.

— Нет, — резко отрезал Сергей. — Негоже мужчине прятаться за женские юбки! И я не буду. И даже думать не смей о том, чтобы поехать вслед за мной в столицу! Я благодарен тебе за тот визит к государю, что спас меня от эшафота, но позволь мне далее самому творить свою судьбу. Нашу судьбу.

И Марина осталась в Завидово, в глубине души признавая правоту его слов, смиряясь перед его требованием. Такова уж была женская доля — смирение. Прошло несколько седмиц прежде, чем Сергей вернулся из Петербурга, но и этого времени хватило с лихвой, чтобы заставить Марину изрядно поволноваться.

Что, если разрешение все же не будет получено? Что тогда? Их брак будет невозможен, а значит, им предстоит разлука? Нет, Марина не примет такой доли, она отныне не желала тех дней, что были ранее — без него. Они пробыли вместе менее недели в Завидово, наслаждаясь своим счастьем, своей любовью, но и эти короткие дни показали Марины,

насколько пуста ее жизнь, если он не рядом.

И она готова на все лишь бы быть с ним. На все! Быть может, они тогда уедут из России, как когда-то предлагал ей Сергей. Она уже узнавала у отца Иоанна — церковь за границей не была в подчинении патриарху русской церкви, ее решения были обособлены от запретов высочайшего Синода. Значит, коли они получают отказ от российской церкви, им придется обвенчаться вне границ империи. Да, этот брак не был бы признан в российской империи, а значит, им навсегда предстояло бы жить за границей, оставив здесь, в России, почти все, но разве это не стоит того, чтобы остаток дней провести рядом? Разве это не стоит того?

Марина еле дышала, пока ждала, когда же наконец Загорский минует подъездную аллею и остановится у крыльца усадебного дома. Она пыталась прочитать, с какими вестями он прибыл по его лицу, но ей не удалось. Только потом, когда он спрыгнул с коня и, подхватив ее на руки, закружил по двору, она ощутила, как легко стало на душе. Значит, все удалось! Значит, они могут обвенчаться!

— Да, верно, — подтвердил Сергей после, целуя ее. — Только обвенчаться нам можно не ранее Покрова.

Покров! До него было еще три месяца с лишним! Столько дней в разлуке, ведь им нельзя было находиться долго в одном имении, не вызывая лишних сплетен. Все, что оставалось тогда Марине и Сергею — только письма, в которых они излагали друг другу, как тяготит их обоих столь долгая разлука, как тоскуют они вдали друг от друга, и как благословенен для их сердец тот день, что вскоре соединит их.

"Ты даже представить себе не можешь, насколько велико мое желание, чтобы этот день настал поскорее!", — писала ему Марина. — "Как же жестоко было дать мне тебя в руки на несколько дней и разлучить на седмицы! И только надеждой дня венчания, в который мы наконец-то соединим наши руки и судьбы перед людьми и Господом, я живу ныне..."

Эти строки отдавали в душе Сергея какой-то странной тоской и чувством вины перед ней. Она настолько рада была тогда получить благие вести о разрешении на их брак, что он не смог огорчить ее и сказать, что сразу же после Покрова он должен будет уехать. Отбыть обратно на Кавказ, ведь именно в тот день подходит к концу срок его отпуска. Не смог рассказать лично, видя, как ее расстроили сплетни из столицы, что привезла Марине сестра, а потом не нашел слов, чтобы написать об этом.

А сплетен было немало... Как и визитеров, что потянулись в Завидово после объявления о помолвке князя Загорского и вдовы графа Воронина. Хотели убедиться в правдивости сплетен о причине этого поспешного брака, но с неудовольствием не находили ее. Аккуратно, завуалировано указывали Марине, как милостиво со стороны князя взять в супруги вдову в возрасте да еще с ребенком. Марина любезно улыбалась в ответ, едва сдерживая эмоции, что рвали ей душу при этом. Да, это верно, она уже не так молода и невинна, какой хотела пойти под венец с Сергеем. Да, она далеко не в том возрасте, что способна зачать и выносить с легкостью дитя, долгожданного наследника рода Загорских, что сможет продолжить фамилию и принять титул. Но она не позволит этому яду сомнений влиться снова в ее кровь, отравить разум. И хотя эти слова причиняли боль, такую острую, что иногда она едва сдерживала слезы, она ни на мгновение не пожалела о том, что вскоре, когда на деревьях пожелтеет листва, а солома, оставшаяся на полях, начнет темнеть от влаги, она пойдет под венец.

Марина вспомнила, как вплетала в тот день в волосы дрожащими руками небольшую ветвь калины с ярко-красными мелкими ягодами, как сделала бы это ее верная Гнеша, коли

была бы жива, как покрывала голову прозрачной фатой. И она не обратила внимания на поджатые в недовольстве губы Анны Степановны, когда та заметила калину в венке дочери. Это было сделано не для нее, не для этой женщины, что стояла сейчас перед ней, благословляя иконой перед отъездом в церковь. Марина вплела в волосы калину для той, что будет ныне смотреть на нее с небес и радоваться вместе со своей Марысей тому счастью, что та испытывала в этот день. А что Агнешка была рядом с ней, Марина явственно чувствовала это.

Да, Марина была не юной девицей, но то волнение, что охватило ее тот миг, когда она подъезжала к храму, на ступеньках которого ее ждал ее суженный, ничем не отличалось от того трепета, что охватывало всех невест. Марина до сих пор помнит, каким мягким светом вспыхнули глаза Сергея, когда Матвей Сергеевич подвел ее к своему внуку, ждущему ее у входа в каменный храм имения Загорских, и передал тому дрожащие от волнения пальцы женщины. "Ты так красива", — сказал он ей тогда одними губами, и она счастлива улыбнулась в ответ, чувствуя, как сладко замирает сердце в груди.

Рука в руке Марина и Сергей вошли тогда в храм, чтобы принять из рук иерея венчальные кольца, что соединяли их навеки в единое целое. Хотя нет, думала тогда Марина, не соединяли, а просто служили доказательством их единения в глазах других. Ведь с Сергеем они уже давно были одним целым. Разве не поэтому он вдруг взял ее за руку и ласково погладил большим пальцем ее ладонь, когда она не смогла сдержать эмоций и тихо заплакала, когда над их головами уже держали золоченные венцы, а в тишине храма раздался громкий голос иерея? Будто чувствуя ее, будто разделяя с ней тот восторг, ту благость, что разлилась в ее сердце при словах священника, наполняя его до краев.

— Господи, Боже наш, славою и честью венчай их! — провозгласил священник, и гости в церкви вторили ему:

— Господи, Боже наш! Славою и честью венчай их!

А после, когда их руки снова соединили епитрахилью, как Сергей посмотрел на нее... Марина не смогла сейчас сдержать улыбку, вспоминая, как блестели его глаза, каким явным счастьем горели...

— Жена моя, — прошептал он ей тогда, улыбаясь, и она вдруг широко улыбнулась ему в ответ.

— Муж мой...

А потом он добавил тихо-тихо, только для нее:

— Навсегда...

— Навсегда, — повторила она, чувствуя, насколько ее сердце полно любовью к этому человеку, что стоял ныне подле нее и сжимал ласково ее ладонь под плотной искусно расшитой тканью епитрахили.

Марина откинула со лба спящего мужа русую прядь волос. Как же ей хотелось разбудить его поцелуями сейчас, прижаться к его груди! Но не следовало — только закончили с покосом в их имениях, он плохо спал из-за того, что объезжал луга, проверяя, успели ли убрать сено прежде, чем начнутся грозы, что предвещали приметы этого лета. Пусть поспит, пусть отдохнет...

Марина вспомнила, как смотрела на него вот так же в спальне Загорского. Была их последняя ночь перед возвращением Сергея в ссылку из тех трех ночей, что было им отведено, и она упрямо гнала от себя мысли, насколько схожа нынешняя ночь с той, когда она проводила его не на несколько месяцев, как они планировали, а на несколько лет.

Просто лежала подле и ловила каждый его вдох, каждый взмах ресниц, будто сохраняя в памяти.

Она не показала тогда Сергею ни взглядом, ни жестом, как ей больно и страшно стоять подле него на крыльце, когда уже бьет копытом нетерпеливый конь, а Степан прикрепляет последнюю поклажу в экипаже. Не сказала ни слова упрека, что он не упросил государя сократить срок своего нахождения в действующих войсках. Просто обняла его тогда крепко, прижалась всем телом, сдерживая слезы, что так и норовили сорваться с глаз. Это потом в уединении спальни она позволит им сорваться и будет рыдать в голос, зажимая зубами покрывало, чтобы приглушить плач. Но сейчас она не покажет ему, как огорчена и испугана, ни к чему тревожить супруга перед такой длинной дорогой.

— Береги себя, мой милый, — прошептала тогда Марина ему прямо в ухо, а он уткнулся лицом в узел ее волос, пахнувших цветами, аромат который он так хорошо знал и помнил. — Я буду ждать тебя...

— Я вернусь на Пасху, mon amour, — пообещал Сергей в последний раз целуя ее крепко в губы, не обращая внимания на дворовых, что толпились во дворе и на кислую улыбку тещи, недовольную столь явным пренебрежением манерами. — На Пасху!

И она осталась ждать до весны, старательно отгоняя от себя дурные мысли, посвятив себя полностью заботам об имениях уже двух семейств, с трудом управляясь с таким обширным хозяйством.

С началом зимы Матвей Сергеевич сильно захворал — ревматизм сковал почти полностью его члены и приковал надолго к постели. Марина даже опасалась, что они потеряют старого князя, но долгими молитвами да Божьей милостью все обошлось.

Зато зимние болезни миновали Леночку, что почти все свободное время, взяв в дружки нескольких детей от комнатных слуг, обследовала большой дом усадьбы, либо пропадала в парке и в садах имения Загорских. Но самым любимым местом ее времяпровождения был конный завод, где она под неусыпным контролем со стороны старшего конюха любовалась лошадьми и гладила пони с длинной лохматой гривой, что приехал под Рождество в качестве подарка от Сергея своей маленькой дочери. После праздника Леночка только и посвящала свободные от занятий часы этой маленькой лошадке, заплетая ее гриву в длинные косы под улыбками конюхов и берейторов. А еще Леночка с явным нетерпением ожидала возвращения князя Загорского (иногда Марине даже казалось, что сильнее, чем она сама ждет мужа), ведь тот обещал в письме научить ее ездить верхом на этой маленькой белой лошадке с черными пятнами на правом боку.

Марина снова легла подле Сергея на покрывало, не отводя взгляда от его лица. Складки на лбу уже расправились, черты лица смягчились. Видно, теперь к нему пришел более отрадный сон. Как же он красив! Даже с уже глубокими морщинками в уголках глаз и складками у крыльев носа, даже с этим большим шрамом на щеке, ставшим со временем более светлым, чем был.

Как же она любит его!

Она вдруг вспомнила, как замерло сердце, когда вдруг в доме зашумели слуги в передней, как закричали дворовые за окнами на Страстной неделе, прямо в Чистый Четверг. Сердцем Марина уже знала, что это означает прежде, чем в столовую ступил светящийся от радости Никодим с известием, что едет молодой барин. Марина быстро взглянула на Матвея Сергеевича, прося глазами его позволения покинуть столовую, и едва тот кивнул, поднялась с места. Сначала она шла по комнатам степенно, маленькими шажками, а после вдруг

сорвалась с места, побежала прочь из дома. Она легко сбежала по ступенькам крыльца, едва успев подхватить концы шали, что Таня, угадавшая первый порыв барыни накинула ей, пробегающей мимо, на плечи. Марина издалека заметила всадника, гнавшего галопом коня к усадебному дому, и это словно придало ей дополнительных сил. Она так и бежала к нему по этому рыхлому снегу, едва удерживая равновесие, скользя подошвами домашних туфель. За несколько шагов до нее Сергей быстро спрыгнул с лошади и побежал ей навстречу, подхватывая со снега, куда она упала, вдруг ослабев от волнения.

— Куда ты выбежала, дуреха моя? Без салопа, в домашнем, — шепнул он ей в губы, но она видела по его глазам, как он рад этому порыву, как рад их встрече после долгой разлуки в полгода. Да, быть может, для кого-то полгода — не срок, думала Марина, покрывая быстрыми поцелуями его глаза, щеки, нос, шею, видневшуюся в вороте мундира, — но для нее это целая вечность!

Она вспомнила, как они вдруг замерли вдвоем, словно по команде, глядя друг другу в глаза, стоя на коленях в этом рыхлом весеннем снегу, гладя ладонями по лицу, будто не веря своим глазам.

— Здравствуй, mon amour, — улыбнулся Сергей, и Марина едва не заплакала от той нежности, что видела ныне в его серых глазах.

— Здравствуй, мой родной...

Вдруг прямо перед Мариной на покрывале заворочался Илюша, что до того, тихо посапывая, спал между родителями на животе, приоткрыв слегка пухлые губы, и ей пришлось вернуться из своих воспоминаний обратно.

Ее всегда удивляло, как он может лежать в такой неудобной позе, но именно так ребенок спал крепче всего — на животе, слегка приподняв попку вверх. Она протянула ладонь и легко погладила маленькую спинку, успокаивая младенчика, разбуженного назойливой мухой, что села прямо на его голенькую ножку.

— Тихо, тихо, Илюшенька, — прошептала она ласково, и малыш успокоился, распознав голос матери, снова провалился в сон, смеживая веки.

Спустя некоторое время, убедившись, что ребенок заснул, Марина поднялась с покрывала, аккуратно освободив край платья из-под руки мужа, чтобы взглянуть на одну из нянек, приставленных к детям, что ныне медленно прогуливалась по лугу, держа на руках маленькую Настеньку. Она то и дело склонялась к редким полевым цветам, чтобы пухленькая ручка малышки могла сорвать головку цветка. Заметив, что барыня смотрит на нее, нянька неуклюже присела, чем вызвала у Марины улыбку. Настя при этом так забавно взмахнула ручками и качнула головой в своем большом чепце.

Марина обула туфли и тихо, стараясь не потревожить своих спящих на покрывале мужчин, отошла прочь, к маленькой дочери, погладила ее по щечке, приняла на свою ладонь головку ромашки, что Настя кинула матери, радостно загулив при этом.

Ее маленькое счастье, вымоленное на прошлую Пасху у Спасителя! Ее младенчики, ее близнецы, что она родила этой зимой, прямо на Зосиму-Пчельника.

Анастасия и Илья. Долгожданный сын и не менее желанная дочь...

Как она плакала, опасаясь, что не сможет более зачать и подарить Сергею наследника! Как молилась Господу каждый день, прося даровать ей сына, которого так ждал Матвей Сергеевич! Да, у них была их отрада Леночка, но Helen — не сможет никогда стать наследницей рода Загорских, как бы того ни хотел Сергей. Она ясно видела по глазам своему мужа, как ему тяжело принимать тот факт, что Helen никогда не будет носить фамилию

Загорских, никогда не сможет принять титула княжны.

— Прости меня, — как-то сказала Марина Сергею, когда Леночка в который раз тем вечером назвала его вежливо *monsieur*. Она видела ту боль, что всякий раз мелькала при этом обращении у Сергея в глазах. — Прости меня! Я так виновата перед тобой за Helen! Я должна была пойти к Матвею Сергеевичу тогда.

— Ну, что ты, что ты! — Сергей поспешил обнять вдруг заплакавшую жену. — Она же рядом, подле меня. Я ее воспитываю, обнимаю, целую, читаю ей сказки и играю с ней. Мы с ней стали большими друзьями за эти месяцы, а это дорогого стоит. Придет время, и быть может, она когда-нибудь сможет назвать меня отцом. И это для меня будет главным. Пусть весь мир считает ее Ворониной, я-то знаю, что она моя дочь. И когда-нибудь об этом узнает и она... Не плачь, милая, не надо!

Быть может, Сергей и прав. Они с дочерью очень сблизились за прошлый год, а уж обучение верховой езде и страсть к лошадям совсем породнили их. Марина вследствие своей тягости, протекающей совсем нелегко, не смогла уделять много внимания Леночке в то время, но укоряя себя за подобное, не могла не признавать, что это только пошло на пользу отцу и дочери, так несправедливо разлученных когда-то.

Кстати, где же Леночка, нахмурилась Марина, оглядывая луг. Она видела няnek и лакеев, сервирующих стол к трапезе в отдалении под натянутым тентом, видела Никодима, что сутился вокруг них (и верно, Сергей прав — с этими новомодными английскими баками Арсеньев до жути был схож ныне с Никодимом, едва не рассмеялась Марина), видела Матвея Сергеевича, дремлющего сидя в плетеном кресле, но ни бонны, ни своей дочери не заметила. Видно, пошли в лесок, что виднелся на краю луга, решила Марина.

Они любили гулять на этом лугу имения Загорских и часто выезжали сюда на прогулку. В одну из прогулок этой весной Сергей и Леночка проезжали в лесу, где неугомонная девочка нашла и сломала пустое гнездо овсянки, которое нашла в густых зарослях кустарника. Отец объяснил ей тогда, что она сломала не просто сложенные веточки, а домик птиц, что прилетят сюда скоро. Где же тогда им растить своих деток? Сам того не желая своим рассказом, Сергей очень расстроил Леночку, до горьких и безудержных слез, что едва смог остановить, пообещав ей, что они сами сделают гнездо для *petite oiseau*. Марина тогда очень удивилась этому совместному труду — Сергей лично обрезал одну из маленьких корзин, чтобы сотворить из нее некое подобие гнезда, исцарапав себе пальцы в кровь, а Леночка украсила это "гнездо" разными лоскутками. Спустя некоторое время это творение закрепили на том же месте, но до сих пор там так и не появились жильцы, что несказанно огорчало Леночку, а заодно и Сергея.

Раз не видно на лугу ни бонны, ни ее маленькой подопечной, значит, они точно направились в лес проверять гнездо в очередной раз, решила Марина. Она не пошла в лес вслед за ними, а свернула к небольшой группе березок, что стояла на краю луга, попутно проверив спящего Илью. Теперь отец и сын спали, прижавшись друг к другу, Сергей вместо платья жены удерживал ныне своей широкой ладонью маленькое тельце в белой рубашонке.

Марина снова оглядела луг, прижавшись спиной в одной из тонких березок. Откуда-то донеслось тихое ржание, и она взглянула в ту сторону, откуда легкий ветерок принес звук. Так и есть, это вороная ее мужа никак не хочет стоять на месте, привязанной к коляске. Этой роскошной красавице арабских кровей больше по душе резвая скачка, чем покой.

Марина помнила, как сразу же влюбился в эту лошадь Сергей, едва они увидели ее, как загорелись его глаза каким-то странным блеском. Она ревновала своего мужа вовсе не к

этой красивой вороной кобыле, как бы глупо это не звучало, а к тем воспоминаниям, что явно та вызывала в его памяти, и эта ревность улеглась только несколько месяцев назад, только недавно Марине удалось смирить свои страсти, так и кипевшие в душе.

Сначала ей не понравилось имя, что дал лошади Сергей, когда приобрел кобылу для своих конюшен.

— Сылу? Что это означает? — насторожилась почему-то Марина, глядя, как Сергей нежно гладит шею лошади.

— Это означает "красавица", — коротко ответил он.

А потом Марина заметила, как Сергей смотрит на эту лошадь, когда та бежит галопом по присыпанному песком выводному кругу, удерживаемая властной рукой конюха. Мускулы так и играют под темной блестящей шкурой, роскошная грива лошади развевается на ветру будто длинные черные волосы...

С такой странной грустью в глазах и... да, Марина готова в этом поклясться! с нежностью Сергей смотрит на этот бег, на эту Сылу.

Она долго молчала, не решаясь откровенно спросить Сергея, страшась того ответа, что может получить. В голове снова и снова всплывала усмешка Анатоля, отраженная в зеркале в свете свечей. "... — Была там одна черкешенка..."

Разве эта темная лошадка не может напоминать ту, другую? Особенно, когда эта шелковистая грива так и развевается на ветру от резвого бега? Марина уже начинала ненавидеть эту кобылу, а заодно и весь конный завод, раздражаться по пустякам на домашних и челядь, не в силах сдерживать свои эмоции. Сергей думал, что это просто послеродовая меланхолия, как описал ему состояние Марины местный доктор, но сама-то она ясно знала причину своей раздражительности. Ревность, слепящая ревность к той, другой, что когда-то была в жизни Сергея...

Как-то, проверив детей, мирно спящих в своих кроватках в детской половине, Марина снова нашла Сергея на конюшне подле стойла этой вороной кобылы и не смогла сдержаться.

— Ты вспоминаешь ее? — резко спросила она. Он вздрогнул от неожиданности ее появления в тихой конюшне, но чистить лошадь продолжил, все так же мерно водя по шкуре щеткой. Марина так и не дождалась ответа, и снова задала вопрос. — Ту черкешенку, что жила с тобой? Ты ее вспоминаешь? В честь нее и названа кобыла, ведь так?

Сергей бросил щетку с размаху в ведро, а потом повернулся к ней. Он улыбался, и это вмиг вывело Марину из себя. Она вдруг подскочила к нему и с размаху ударила его в грудь кулаком. Несильно, конечно, просто чтобы выплеснуть свою злость на него. И на себя за эту ревность, что пожирала ее изнутри.

— Так, ясно! — Сергей поймал ее за этот кулак и притянул к себе. — Я все понял. Я зря не рассказал тебе еще тогда, пару лет назад про Мадину, — Марина дернулась при этом имени, но крепкая рука мужа удержала ее от побега из конюшни с свою спальню, чтобы скрыть от него свои эмоции. — Нет-нет, не так быстро!

И он рассказал ей тогда все про эту черкесскую девушку. Начал, напомнив ей про плен, в котором провел несколько лет, о чем Марина знала, заострив при этом внимание жены на роли Мадины в его побеге. А потом продолжил про свою недавнюю ссылку в крепость близ речки Акташ и поселения Андреево. Рассказал ей все, ничего не скрыв — и как выменял черкешенку на своего любимого коня, и про то, как оставил девушку в своей комнате.

— Если ты думаешь, что мы жили вместе в этой комнате, как могут жить вместе мужчина и женщина, то ошибаешься. Всего одну ночь мы провели, когда я был еще

целехонек и силен, но провели ее за разговором, клянусь тебе. Да и что могло быть иначе — девушка едва-едва пришла в себя после того похищения. А на следующий день был тот бой, в котором я был ранен, — Сергей немного помолчал, а после сказал. — Я до сих пор уверен, что не зря Господь свел наши судьбы опять. Только вот мне — на счастье, а вот Мадине...

И Сергей рассказал Марине то, что сам узнал только со слов Степана: как его привезли без памяти в крепость, как лекарь крепостной едва сумел остановить кровотечение. Но после, спустя несколько дней поднялась лихорадка, рана воспалилась, и эскулап заявил, что руку надо отнять по плечо, чтобы Антонов огонь не пошел дальше в тело, что означало неминуемый конец для раненого. И тогда черкешенка прогнала лекаря из комнаты Загорского, заявив, что сама будет выхаживать раненого. Лекарь не уступал, кричал, что она убьет князя, что нельзя доверять дикарям, и тогда Степан, памятуя о той роли, что уже довелось сыграть черкешенке в судьбе хозяина, встал на ее сторону. Им удалось убедить коменданта, что руку сохранить все же возможно, и тогда Мадина принялась за лечение. Она ходила куда-то в горы, собирала травы и варила настои, делала перевязки, обмазывая рану какими-то сильно пахнущими мазями, что делала сама тут же, в комнате.

Через несколько дней Загорскому вернулось сознание, а еще через пару дней лихорадка ушла, спала опухоль и покраснение вокруг раны. Мадине все же удалось в очередной раз поставить его на ноги то ли своими наговорами и мазями, то ли своими молитвами, что она творила ежедневно с завидной периодичностью.

Здоровье Сергея постепенно шло на поправку, вскоре он с трудом, но смог подняться на ноги и выходить во двор крепости на прогулку. А потом пришел приказ об его отпуске для поправки здоровья, который он мог провести где угодно по своему усмотрению. Сердце рвалось в Завидово, куда он перестал писать из-за ранения, не желая пугать Марину, требовало немедленно ехать туда, к ней. И он бы уехал, даже с такой еще незатянувшейся толком раной, но разве мог он бросить Мадину в крепости? Не мог. Но и с собой взять тоже не было возможности. Сергей все писал и писал письма своим приятелям, которых узнал во время своей прошлой службы в этом крае, но грузинские князья — оба как на подбор — отвечали ему отписками, явно не желая принимать у себя в доме женщину, что была изгнана из родного села. Получив в очередной раз такое письмо, Сергей явно растерялся, не зная, как ему следует поступить с этой девушкой, что сейчас подняла на него свои обжигающе черные глаза и пристально смотрела в лицо. Она не могла выходить за ворота крепости одна ныне — ее караулили мальчишки и бросали в нее камни с молчаливого одобрения жителей селения. При этом она никогда не жаловалась и просила заступиться за нее, осознавая и принимая свою вину. Сергей подозревал, какова будет ее судьба, если он оставит ее без защиты, потому этот вопрос даже не возникал у него в голове.

В тот вечер, когда он окончательно утвердился в своем решении забрать ее с собой и поселить в своем имении, Мадина подала ему как обычно настой для укрепления сил, и он принял его и выпил до дна, не питая никаких подозрений насчет того запаха, что был более резким в тот раз. Он заснул быстро в тот вечер, будто в яму провалился одним мигмом, а после, когда с трудом открыл глаза, уже ярко светило солнце во дворе. Встревоженный Степан поведал ему, что князь спал трое суток беспробудно, и в крепости подозревали, что черкешенка отравила Загорского, ведь все знали о той любви, что горела в ее сердце к светловолосому офицеру. Знали так же, что тот планировал уехать вскоре и подозревали, что уедет к той, к которой так часто отправлял письма из крепости. Как тут не заподозрить неладное? Тем более, что черкешенка ушла в ту же ночь, как опоила князя, плотно

завернувшись в покрывало, закрывая лицо.

Сергей тут же бросился на ее поиски, яростно отгоняя от себя дурные мысли, вспоминая, как склонилась над ним Мадина в тот вечер, как гладила по лицу и тихо шептала, словно прощаясь:

— Дауд... дауд...

Он бросился в селение, но там ему поклялись, что не видели девушки уже несколько дней, как она травы собирала за стенами крепости, и Сергей видел, что они не лгут ему. Мадина исчезла без малейшего следа, будто ее и не было, и как ни искал ее Загорский не нашел ничего, даже лоскутка ее покрывала. Зато его нашли спустя несколько дней мальчишки из селения, что как обычно бросали камни в бурное течение Акташа. Небольшой лоскут — вот и все, что осталось от покрывала, которым закрывала волосы и лицо Мадина...

— Ты думаешь...? — Марина не решилась задать этот вопрос. Сергей кивнул в ответ.

— Уверен. Она знала, что ее не примут ни в одной семье ее края. Вот и выбрала свой путь. Такой страшный путь...

Они немного помолчали, а потом Сергей тихо сказал:

— Помнишь, я когда-то сказал тебе, будто проклят — я всем, кто меня любит, причиняю только боль и горе? Вот так и выходит. Мои родители, сестра, Натали, Мадина... Даже тебе довелось немало слез пролить...

— Нет, не думай так, — покачала головой Марина. — Нет твоей вины в том, что у каждого своя доля. На роду у всех прописаны горе, потери, слезы... И знаешь что? Если бы мне предоставили выбор — пройти через все слезы и боль, что я прошла, но стать такой счастливой, как я счастлива ныне, подле тебя и детей, или прожить спокойную жизнь без горестей, но без тебя, я бы предпочла первое. Безоговорочно!

Сергей заглянул в ее глаза, так ярко блестевшие в эту вечернюю пору от невыплаканных сочувствия к судьбе неизвестной ей черкешенки, а может, и к нему самому, притянул ее к себе и крепко-крепко обнял.

— Но есть человек, насчет которого утешаю свою совесть менее всего. Но она все же грызет меня грызем, — прошептал он, глядя ее волосы. — Это Варвара Васильевна. Она выбрала тот самый путь, что желала для себя с самого начала. Надеюсь, она не ропщет над своей судьбой из-за того. Хотя иногда нет-нет да кольнет уязвленное мужское самолюбие — все-таки Господа она любила более меня, как выходит...

Нет, думала Марина, пряча свое лицо у него на плече, ты ошибаешься. Она любила тебя более Бога, невестой которой предпочла стать в итоге. Более, чем Его, потому и освободила тебя от брачных уз, желая, чтобы наконец-то обрел счастье и семейный покой.

Но Марина никогда не скажет ему об этом, нет. Хватит ему и тех укоров совести, что он испытывает временами из-за своей роли в судьбах других людей. Она видела, как долго стоит в церкви после службы перед иконами, будто прося за тех людей, перед которыми считает себя виноватым.

Марина повернулась и прижалась щекой к шершавой коре березки, подле которой стояла, пытаясь усмирить собственную совесть, что снова вдруг кольнула ее. Ей было жаль ту девочку, что так надеялась на собственное счастье, что так хотела любить и быть любимой. Ей было стыдно перед той, что она ныне так счастлива, так любима, что так поет сердце внутри. Правильно говорится в старой французской поговорке, *le malheur des uns fait le bonheur des autres*, иначе и быть не может... так уж суждено в жизни — кому горе, а кому радость... Или как говорила Зорчиха — Господь должен что-то отнять прежде, чем что-то

даровать.

После шептуньи из Завидово Марине вдруг на ум пришла Агнешка, ее мудрая заботливая нянюшка. всплыли в памяти слова ее — "Коли на Берегиню у березы заветное попросить — сбудется непременно!". Но что Марине просить сегодня (а ведь ныне аккурат срединный день июля) у этого деревца? Разве есть что-то, чего ей не хватает ныне для счастья? Если только попросить здоровья для своих детей и супруга, для близких и родных... И еще одно, быть может.

Среди нескошенной травы на лугу показалась светловолосая взлохмаченная голова, что так же как и Марина недавно, оглядела луг, потом Сергей повернулся в ее сторону, и она поспешила к нему, взмахнув рукой в качестве приветствия. Спустя некоторое время она аккуратно опустилась на покрывало подле него, целуя его легко в губы.

— Хороший был сон? — спросила она шепотом, чтобы не разбудить Илью, по-прежнему сладко посапывающему.

— Неплохой, — улыбнулся Сергей, отводя с ее лица локон, выпавший из узла на затылке. — Где Леночка? Ее не видно на лугу.

— В лес, видимо, ушла с бонной. Ты же знаешь, как важно для нее убедиться, что ее гнездо занято овсянками.

— По-моемому, для нее важна каждая Божья тварь, — усмехнулся Сергей, ласково проводя ладонью по щеке жены. — Даже самая мелкая. Давеча заставила меня идти предельно аккуратно на прогулке, лишь бы не раздавить сапогом муравьев, что ползали по дорожке.

Супруги немного помолчали, наслаждаясь присутствием друг друга и благостью этого дивного летного дня, а потом Сергей вдруг проговорил, поднимая правый уголок рта в добродушной усмешке:

— Все же я был прав, ты колдунья, mon amour! И этим только и могу объяснить то, что я десяток лет назад только бы усмехнулся, коли скажи мне, что самое заветное мое желание будет вот так лежать на покрывале на лугу, целовать эти маленькие босые пяточки младенчика да в глаза эти зеленые смотреть неотрывно. Не отпирайся, ты меня приворожила. Я видел, твои наговоры ныне у берез.

— О, ты раскрыл мою заветную тайну! — рассмеялась тихо Марина, ероша его волосы, слегка дергая на себя эти светлые кудри. — Ныне Берегини день. Моя нянечка верила, что в этот день березы, как ее воплощение, могут исполнить заветные желания людей, коли пошепчешь его им.

— И что ты пожелала?

— А что мне желать? Мне молить надо Господа только о том, чтобы все осталось так как есть ныне, да благодарить его за то, счастье, что в нашей семье. А попросила я у берез здоровья родным своим.

Сергей кивнул задумчиво, соглашаясь с ее словами. Быть может, березы и смогут даровать здоровье остальным членам его большого семейства, но вот вернуть молодость Матвею Сергеевичу они уже не могут. Старый князь в последний год сильно сдал, его глаза поддавались старческой слепоте.

— Я уж пожил свое, — улыбаясь, говорил старый князь внуку, когда он сидел в парке и грел свои руки и ноги, измученные ревматизмом под горячими лучами летнего солнца. — Самое главное, я дожил до правнуков своих, наследника твоего в руках держал. Что мне ныне еще ждать? Да и устал я... устал... столько живу, это ж даже представить страшно...

— А еще я загадала..., — продолжила Марина, вырывая мужа из его грустных мыслей, но договорить не успела. Ее прервал громкий визг Леночки, донесший откуда-то издалека до родителей. А потом та так же громко, на одной ноте, закричала: "Рара! Рара!"

Сергей, мгновенно напрягшись, перекатился и одним быстрым движением поднялся на ноги, а после побежал по лугу в сторону леса мимо испуганных слуг и недоуменно оглядывающегося Матвея Сергеевича, то и дело попадая ногой на неровности, с трудом сохраняя равновесие. Его сердце громко колотилось в груди, с каждым криком дочери, проваливаясь все ниже и ниже в теле, куда-то в живот.

Что, стучало у него в голове, что могло случиться? Она упала? Ушиблась в кровь? Или еще хуже — вдруг ее укусила гадюка или другой гад, который из-за жары последних дней повыползали из своих убежищ и нор?

За ним следовала поодаль Марина, которая задержалась всего на минуту, что передать проснувшегося от этого крика и недовольного таким внезапным пробуждением сына одной из нянек, что тут же подскочила к барыне. Она, подобрав юбки, бежала по лугу в сопровождении лакеев, которые то и дело косились на нее, готовые помочь ей подняться, коли она все же упадет, запутавшись в длинном подоле.

Они сразу же увидели, как из леска на луг выбежала Леночка, что тут же припустилась, не сбавляя скорости к отцу, спешащему в ее сторону. Марина видела, как покраснелись щеки дочери от бега, как свалилась с головы и так и прыгает за ее спиной шляпка, удерживаемая только лентами на шее. Но так же она заметила по лицу дочери, что та не испуганна и не залита слезами, а значит, эти громкие вопли не имели под собой дурной основы, а потому остановилась, приказала лакеям возвращаться к тенту и пошла сама далее пешком, стараясь выровнять дыхание, сбившееся от волнения и бега.

Зато Сергей не разглядел, что с дочерью все в порядке, с размаху налетел на нее, бросился на колени в траву, хватая ту за плечи.

— Что? — только и смог выдать он, пытаясь подавить сейчас дикий страх за ребенка, что плескался в его душе. — Что, Леночка?

— Там яички! — воскликнула девочка, радостно смеясь. — Птички ныне живут в нашем гнездышке! Они там живут!

У Сергея вмиг закружилась голова от того облегчения, что захватило его. Это просто овсянки, что наконец-то поселились в гнезде, сделанном им и дочерью. Это не укус гада, не ушиб. Все в порядке. Она жива и здорова, его маленькая девочка!

Леночка вдруг обхватила ладошками его щеки и быстро поцеловала его.

— *Merci bien*, рара! — а после обняла его за шею, прижавшись на миг к нему. Но Сергей не дал ей так быстро отстраниться — обнял в ответ, чувствуя, как на глаза наворачиваются слеза от этого короткого "рара". *Ne monsieur*. Рара!

Рядом с ними опустилась Марина и обняла отца и дочь, целуя сначала Леночку в кудряшки, а потом Сергея в волосы того же цвета, что у девочки.

— Я люблю вас, мои милые, — тихо прошептала она.

Это длилось всего миг, их соединение, их короткое объятие родителей и дочери. После Леночка все же выпросталась из их рук (она не особо любила эти нежности, считая себя уже взрослой барышней), отстранилась от родителей.

— Сделаете ли вы мне такое же гнездо для других *petite oiseau*, рара? Я так рада, что оно пригodiлось!

— Маленький фройлян должна просить прощения у *Mutter* и *Vater* за этот крик! —

раздался голос подоспевшей бонны, едва угнавшейся за своей неугомонной питомицей. — Вы перепугать всех до смерти, фройлян!

— Pardonnez-moi, maman, pardonnez-moi, papa, — присела в книксене дочь, а после испросив разрешения рассказать о гнезде и petite oiseau Матвею Сергеевичу, убежала далее к тенту, поставленному на лугу. За ней, также сделав книксен, удалилась немка.

Сергей помог Марине подняться с травы, а после прижал к себе, обнимая за талию.

— Ты слышала? — едва сдерживая эмоции, спросил он у жены. — Она так легко вдруг назвала меня рара...

Марина — просто кивнула в ответ. Сергей обвел взглядом луг поверх ее светловолосой головы — челядь, вернувшуюся к прерванным делам, деда, склонившегося к Леночке, которая прыгала вокруг его кресла, как заводная игрушка, нянек, несущих на руках его младших детей к корзине с рожками, чтобы в тени тента покормить их молоком. А потом остановил взгляд на глазах жены, сияющих каким-то волшебным светом, глядящим на него с пониманием и любовью.

— Ты знаешь, мне до сих пор кажется все это каким-то сном, — сказала вдруг она. — Прекрасным сном со счастливым содержанием... Мне кажется, что вот-вот я проснусь, и ничего это не будет... Настолько я счастлива ныне... Вот и последнее мое желание сбылось...

— Хочешь, я тебя ущипну, чтобы доказать, что это явь? — склонил голову немного вбок Сергей, глядя на нее с игривой усмешкой на губах.

— Ну уж нет, — улыбнулась в ответ Марина, морща носик. — Ты лучше меня поцелуй...

И он тут же склонил голову и коснулся ее губ, ласково и легко, ведь его никогда не приходилось просить об этом дважды.

В этот момент где-то вдалеке в леске тихо запела свою звонкую песенку маленькая овсянка, сидящая в гнезде из остатков корзины, украшенном разноцветными лоскутками...

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

Примечания

моя дорогая (фр.)

безумной страстью (фр.)

наивная влюбленность (фр.)

повеса (фр.)

выскачка (фр.)

т.е. на собственных лошадях. Т.к. лошадей на станциях не меняли, давая отдых своим, то путь по времени увеличивался.

не так быстро (фр.)

богиня охоты у римлян

имеется в виду в старые девы (по нравам тех лет)

мы сейчас не совсем корректно называем эти цветы жасмином

повеса (фр.)

мой дорогой друг (фр.)

моя дорогая (фр.)

моя дорогая (фр.)

моя дорогая (фр.)

не так ли? Правда? (фр.)

Мой дорогой друг, граф Ланской с супругой нынче утром прибыли в Петербург (фр.)

мой супруг (фр.)

Он верен (фр.)

бедную больную (фр.)

не правда ли? (фр.)

незаконнорожденного (фр.)

моя милая, моя милая (фр).

мой милый друг (фр).

хорошо, согласна (фр).

блестящая партия (фр).

мой милый князь (фр).

инструкции, наставления (фр.)

на войне как на войне (фр.)

жениться по любви (фр.)

дама сердца (фр.)

мягкость, доброта (фр.)

победа над женщиной, соблазнение (фр.)

бастард, незаконнорожденный (фр.)

интриги (фр.)

шпион, лазутчик (фр.)

Вы напрасно ищете (фр.)

предложение, сватовство (фр.)

не все то золото, что блестит (фр.)

ангел (фр.)

Падший ангел? (фр.)

Түше (фр.)

слухи (фр.)

разве не так? (фр.)

мигрень (фр.)

нестерпимая боль (фр.)

протеже (фр.)

Больше мне нечего вам сказать (фр.)

Я была бы очень рада, если бы вы меня избавили от этого человека (фр.)

женщины (фр.)

Войдите (фр.)

разве не так? (фр.)

маленькое недоразумение (фр.)

это так романтично, мой милый! Так романтично! (фр.)

не так ли? (фр.)

До свидания, моя горячо любимая семья (фр.)

матерью и отцом (фр.)

деда (фр.)

семья (фр.)

Орден Virtúti Militári ([русск.](#) *Орден воинской доблести*) — самый почётный польский военный [орден](#), присуждается за выдающиеся боевые заслуги. В Российской Империи вручался за подавление Польского восстания 1830-31гг., награждения производились только в течение нескольких лет.

презрение и осуждение (фр.)

земной рай (фр.)

кокетство, флирт (фр.)

что за манеры!, что за поведение! (фр.)

Простите мою дочь, милый граф (фр.)

не правда ли? (фр.)

под большим секретом (фр.)

какой позор! Какой скандал! (фр.)

выходка (фр.)

Это ужасно (фр.)

скандал (фр.)

разумеется (фр.)

помолвке (фр.)

головокружение (фр.)

да, конечно (фр.)

спокойной ночи, моя дорогая (фр.)

теше (фр.)

с лица воду не пить (фр.)

завести разговор (фр.)

невестка (фр.)

мошенники, плуты (фр.)

что вы говорите! (фр.)

флигель, пристройка (фр.)

неудобно (фр.)

срочно (фр.)

Если вам угодно безотлагательно переговорить со мной, приезжайте во дворец (фр.)

Вот именно (фр.)

зять (фр.)

волокита; ухажёр (фр.)

любовные письма (фр.)

мое материнское сердце (фр.)

любовь (фр.)

да, конечно (фр.)

моя бедная девочка (фр.)

Благодарю вас за откровенность (фр.)

Увы! (фр.)

достойный поступок (фр.)

простите мне мою откровенность, милый граф (фр.)

таить (фр.)

Ах, нет, нет! (фр.)

Ах, милый граф, вы меня удивляете (фр.)

соблазнение (фр.)

Извините меня, что вы сказали? (фр.)

да, конечно (фр.)

Какая глупость! (фр.)

между нами (фр.)

имеется в виду генерал-лейтенант А.А. Вельяминов, в те годы — командующий Кавказской линией.

никаких сомнений! (фр.)

Приезжайте ко мне нынче вечером около девяти (фр.)

фактическое положение дел (фр.)

Я виновата, признаюсь (фр.)

А вот и нет! (фр.)

Мне все равно! (фр.)

прозрачная (фр.)

шутки шутить (фр.)

Это мне кажется уж слишком! (фр.)

Возможно (фр.)

могу я попросить тебя? (фр.)

мирно разойтись (фр.)

Серге́й Дми́триевич Безобра́зов(1809—1879) — в декабре 1835 г. назначен командиром [Нижегородского драгунского полка](#). В 1836г. Безобразов исполнял обязанности начальника Лезгинской линии.

Мужайтесь, мужайтесь, мой друг (фр.)

спаситель (бел.)

бабочка (бел.)

попрощаться (бел.)

□ Браки совершаются на небесах (фр.)

под большим секретом (фр.)

Вот именно! (фр.)

Это абсурд! (фр.)

О-ля-ля, мадемуазель немного поправилась в груди (фр.)

имеются в виду блонды — очень дорогое кружево тонкой работы. Использовалось в основном на подвенечном наряде.

Мадемуазель очень повезло с мужем. Не только знатен и на хорошем счету у государя, но и очень богат. Вчера мне доставили целый рулон блондов. Целый рулон, подумайте только! Ни у кого в столице еще в венчальном наряде не было и не будет столько блондов, только у mademoiselle. Да что там в столице? Во всей империи!

аккуратно, mademoiselle, очень капризный материал! (фр).

ранее так назывались парные чашка и блюдце в сервизе.

Как он груб! (фр.)

Поедемте! (фр.)

Хорошо, благодарю вас (фр.)

Простите, матушка, я устала (фр.)

не надеялась (бел.)

недели (бел.)

жар сбиваем, он опять, сбиваем, он опять.

любимого (бел.)

июне (бел.)

июле (бел.)

Теперь ты должна беречь не только себя, но и его, твое дитя (бел.)

доказательства (фр.)

Время не ждет (фр.)

пустяк (фр.)

девушка (фр.)

сплетничать (фр.)

фигция (фр.)

как ни в чем не бывало (фр.)

это пустяки? (фр.)

Его не проведешь (фр.)

Конечно! (фр.)

Ну же! Вперед! (фр.)

Что случилось, мой друг? (фр.)

Скажите Марине напрямик, всю правду (фр.)

за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь (фр.)

Его молчание говорит о многом (фр.)

Трус, слабак! (фр.)

Добрый день, Анатолий Михайлович, рада вас видеть (фр.)

так назывался в просторечии Успенский пост.

Адлерберг Юлия Федоровна — с 1802 по 1839гг. начальница Смольного института

коверканное название камердинера

венчанием (бел.)

немиловитая (бел.)

век (бел.)

рута в венке белорусской невесты — символ девственности

фату (бел.)

Опаздываем, моя дорогая, опаздываем (фр.)

красоту (фр.)

готовиться надо (бел.)

со временем. Почем знать? (фр.)

разумеется (фр.)

вам и карты в руки (фр.)

не так ли? (фр.)

Прощайте (фр.)

Простите меня! Мне очень жаль...

Бог простит, я же не могу...

должна получить (бел.)

словно (бел.)

совсем (бел)

Антóнио Рина́льди (около 1709 — 10 апреля 1794, Рим) — итальянский архитектор, работавший в России

переносной дамский столик. За ним обычно писали письма, либо трапезничали.

временная болезнь (фр.). Имеется в виду беременность.

помните, что вы замужняя дама (фр.)

Напугала меня до полусмерти! (бел.)

шевелится (бел.)

марте (бел.)

Приданное пора ему готовить (бел.)

Представьте себе мое удивление! (фр.)

закрытые сани

в старину рост человека часто определялся в вершках свыше обязательных для нормального человека двух аршин (то есть 1 м 42 см). Таким образом, рост Марины около 160см.

несговорчивая особа (фр.)

лично (фр.)

период с Рождества до Великого поста

До скорого свидания (фр.)

напротив, лицом к лицу (фр.)

это вы?! (фр.)

я не ожидала увидеть вас так скоро (фр.)

Но чем раньше, тем лучше, не так ли? (фр.)

Да, конечно (фр.)

Приятно (фр.)

Не тяните время, умоляю вас (фр.)

установить мир, поладить с кем-либо (фр.)

Не при свидетелях (фр.)

с парой (фр.)

Пожалуйста, простите мое опоздание (фр.)

Есть ли надежда? (фр.)

Покой, только покой! (фр.)

Тетушка...? (фр.)

Ее больше нет (фр.)

мой дорогой зять (фр.)

так называли ранее мелкопоместных дворян

поведай (бел.)

заглянет (бел.)

согласно (бел.)

кровать (бел.)

хозяйская половина (бел.)

Непослушные (бел.)

очень приятно (бел.)

гангрены

покойника (бел.)

лишилась (бел.)

Зачем (бел.)

младенцев (бел.)

сумасшедшего (бел.)

горемычная (бел.)

Разве можно так о покойнице? (бел.)

Что случилось? (бел.)

рожениц (бел.)

Лакей стучится. Прибыл, что ли, кто? Слышь, касатка моя, прекрати плакать-то. Дите здорово, руки-ноги у нее на месте. Барин тебя любит, простил тебя, что еще тебе надобно? (бел.)

досада, неприятность (фр.)

правда? (фр.)

Скажите же, ради Бога, это правда? (фр.)

Простите меня, умоляю вас (фр.)

Мой Бог! Это сушая правда! (фр.)

Тут ничего не скажешь (фр.)

Прекрасно (фр).

Ангелов видит (бел.)

зятя (фр.)

имеется ввиду осенний праздник иконы Казанской Богоматери — 22 октября ст. стиля
(4 ноября)

Это ужасно! (фр.)

Не сомневаюсь (фр.)

о мертвых либо хорошо, либо ничего (лат.)

Моя прелестная! (фр.)

прическа, от коверканного coiffure.

время не ждет (фр.)

Что стряслось? Что случилось? (фр.)

Позднее (фр.)

Конечно (фр.)

Восхитительно, божественно, чудесно! (фр.)

т.е. мужчина между дамами

застывший темно-коричневый сок маковых коробочек (он же опий-сырец), сформированный в лепешки 1-1,5 см в поперечнике. Является наркотическим средством.

«бек» — вождь у кавказских народов.

земной рай (фр.)

Ленуся не надела носки на ноженьки (бел.)

факты — упрямая вещь (фр.)

Скажите князю Загорскому правду (фр.)

До свидания, мадам! (фр.)

дедушка (фр.)

мой дорогой внук (фр.)

может быть, завтра (фр.)

и тому подобное (фр.)

прозрачная (фр.)

блестящая партия (фр).

не так ли, мой дорогой друг? (фр)

да, конечно (фр.)

рай на земле (фр.)

без посторонней помощи (фр.)

Женщины...(фр.)

Ты — моя жена, а он мой друг детства... (фр.)

Талант, прирожденный талант! (фр.)

Довольно! Довольно, господа! (фр.)

Этим все сказано (фр.)

Ты сошел с ума! Что ты сделал с моим лицом?

Ты в порядке? (фр.)

безумный сумасшедший! (фр.)

провоцировать (фр.)

время покажет (фр.)

чудовище (фр.)

недостаток, дефект (фр.)

За красоту! (фр.)

факты — упрямая вещь (фр.)

О, это действительно вы! Я была так рада получить записку от вас. Подарок от диких горцев? (фр.)

Все готово, надеюсь? (фр.)

Да, разумеется. Только это дорого мне стоило (фр.)

Вы же знаете, я полностью оплачу все (фр.)

Добрый вечер, князь (фр.)

Разновидность кальяна

Гашиш

Послушайте меня, прошу вас (фр.)

кокетство, флирт (фр.)

И этой муки нет сильней: Конца любви, надежд, желаний... Последнее прощанье с ней,
Нежнейшее из всех прощаний.

Байрон Дж.. «Эмме».

прошу вас (фр.)

кто знает? (фр.)

Конечно нет! (фр.)

блестящая партия (фр).

в данном случае имеется в виду страусиное перо

омут (бел.)

век (бел.)

неделю.

Байрон Дж.

распустить язык (фр.)

задним числом (фр.)

недействительность брака, признание брака недействительным (фр.)

не так ли, Элен? (фр.)

Цель оправдывает средства (фр.)

Месье хотел бы, чтобы вы пожелали Элен хорошего дня, мадам (фр.)

недействительным (фр.)

это правда? (фр.)

недействительность брака, признание брака недействительным (фр.)

Вот и все (фр.)

Теперь уж конец (фр.)

Бедняжка Натали (фр.)

Повинную голову меч не сечет (фр.)

Все это дело прошлое (фр.)

В переносном смысле (фр.)

богиня охоты у римлян

земной рай (фр.)

Браво! Восхитительно! Изумительно! (фр.)

Сколько людей! О, какая очаровательная особа, эта ваша маленькая графиня! Обворожительно! Замечательный вечер!(фр.)

Вы в порядке, граф? Вы бледны как смерть (фр.)

Благодарю вас, я в порядке (фр.)

Моя горячо любимая супруга! Вы так прекрасны нынче, моя дорогая (фр.)

О, граф бешено ревнует свою супругу. Это так мило. Подобное столь редко встретишь во Франции. Но кто бы не ревновал такую прекрасную, как солнце, женщину! (фр.)

Что? Что он сказал? (фр.)

Почту за честь увидеть его (фр.)

□ Вы не видели, как божественно моя супруга танцует танец с шалью? О, это настоящее искусство! Она была первой на курсе в институте. Это поистине стоит увидеть! Моя дорогая, вы доставите нам это удовольствие? С вашего позволения, моя дорогая княгиня (фр.)

Танец с шалью (фр.)

Восхитительно, божественно, чудесно! (фр.)

Вы позволите сопровождать вашу супругу к ужину? (фр.)

Ты мне обещала, моя дорогая (фр.)

Непозволительная ошибка, моя милая, непозволительная ошибка (фр.)

Подлая тварь! Лгунья!

потаскуха (фр.)

Старинное название персидской кошки в России.

кто старое помянет, тому глаз вон (фр.)

согласен (фр.)

принялся за старые привычки (фр.)

Отпустите меня, прошу вас (фр.)

Разумеется, нет! (фр.)

Вы вообразили бог весть что! Отпустите меня немедленно! (фр.)

Я заблуждался (фр,)

Ступайте скорее! (фр.)

ошибка, недоразумение (фр.)

Браво покорительнице юных сердец! (фр.)

Уже молва лишнее прибавила (лат.)

Кокетство — это основа характера всех женщин (фр.)

Он здесь (фр.)

Судя по разговорам (фр.)

слухи (фр.)

Вот же каков! (фр.)

он уже не молод (фр.)

Здесь: баловник, шалун (фр.)

Скорее, скорее (фр.)

игра в мяч (фр.)

Уклонение от похвалы — это просьба повторить ее (фр.)

ради прекрасных глаз (фр.)

Изысканность ума сказывается в умении тонко льстить (фр.)

волею судеб (фр.)

О, божественная (фр.)

Ах, тайны, тайны! (фр.)

хорошего тона (фр.)

с вашего позволения (фр.)

не делайте такое кислое лицо (фр.)

обедать на лоне природы (фр.)

Птичке ветка дороже золотой клетки (фр.)

Фи! Какая гадость! (фр.)

Кретин! Круглый дурак! (фр.)

с меня же и взятки гладки (фр.)

имеется в виду князя Юсупова

Что вы сказали? (фр.)

Тонкий намек? Весьма интригующе (фр.)

Цветочный котильон (фр.)

Алая камелия (фр.)

Четверть часа до полуночи (фр.)

Полночь. Сбросить маски (фр.)

язык цветов (фр.)

11 апреля

22 июня

домик для свиданий (фр.)

Прекрати! Перестань!(фр.)

это совершенная истина (фр.)

вертихвостка (фр.)

О моя дорогая графиня (фр.)

Внимательнее, моя дорогая графиня, внимательнее (фр.)

живи как можешь, раз нельзя как хочется (лат.) Сенека

Мамочка! Мамочка! (фр.)

лошадь (фр.)

Лошадь-качалка (фр.)

Месье говорил о пони, мадам (фр.)

Вот и ты (фр.)

Я беременна (фр.)

Любимая! Моя любимая! (фр.)

в западных губерниях Российской империи — 15 июля

Мол (бел.)

прости (бел.)

совесть (бел.)

400

стоит (бел.)

дела (бел.)

тайна (бел.)

случай (бел.)

Зато мне по нраву (бел.)

язык цветов (фр.)

Не жале́й (бел.)

Поздно закрывать ворота, если скот уже разбежался со двора (бел.)

моя алая камелия (фр.)

Намек на строку из «Гамлета», У. Шекспира.

Башимаков она ещё не сносила, В которых шла за гробом мужа, Как бедная вдова, в слезах...

ревнивый супруг (фр.)

тайное свидание (фр.)

— Кто там?

— Успокойтесь, мадемуазель, это всего лишь я, графиня Воронина (фр.)

Бывают удачные браки, но не бывает упоительных (фр.)

Ей стало дурно, очень дурно (фр.)

Бедняжка! (фр.)

Она больна? (фр.)

Это временная болезнь (фр.)

вернуться на круги своя (фр.)

Я люблю тебя, мое сокровище (фр.)

Я пас (фр.)

чем сильнее мы любим женщину, тем больше склонны ее ненавидеть (фр.) Франсуа Ла Рошфуко.

как ни обманчива надежда, все же до конца наших дней она ведет нас легкой стезей
(фр.)

Что стряслось?

Дерьмо! (фр.)

запас слов, лексикон (фр.)

Черт возьми! (фр.)

патронировать, покровительствовать (фр.)

особенная женщина, любовница (фр.)

Пётр Фёдорович Соколов (1791, Москва — 3 (15) августа 1848) — русский живописец-акварелист. Был весьма популярным среди светской публики портретистом.

Кто вы? Что вы здесь делаете? Где прислуга? Эй! Эй, кто-нибудь! Идите сюда! Сюда!
(фр.)

Элен Воронина, весьма польщена с вами .... познакомиться (фр.)

маленькая лошадь (фр.)

Вам нужно уходить с этой половины дома. Скоро здесь будут лакеи. Пойдемте, ваше сиятельство, пойдемте со мной. Да замолчи ты, оглашенная! Уходит он! (бел.)

До свидания, моя милая (фр.)

Не держи на нее зла, барин. Не держи! (бел.)

Нельзя же так, мадам! Слуги всегда должны быть в доме. Этот человек мог убить нас!
(фр.)

Успокойтесь, м-ль Ле Бонн! Вы же живы и здоровы, как я погляжу. Своими криками вы только перепугали ребенка (фр.)

Байрон «Прости»

моя невестка (фр.)

патронировать, покровительствовать (фр.)

— Как же так? Как вы можете так поступить со мной? Оставить меня здесь, в деревне... По какой причине? Я думала...

— Вы ошибались. Вы остаетесь отныне в деревне с моей дочерью. Это решено окончательно. Я не желаю более говорить об этом.

— Но...

— Я же сказал — нет! (фр.)

стоит (бел.)

дела (бел.)

взаимная любовь (фр.)

Он безупречен во всем (фр.)

Мне все равно (фр.)

И думать не смей! (фр.)

обман, надувательство, иллюзия (фр.)

порядочный человек (фр.)

10 ноября

До скорого свидания! (фр.)

представить (фр.)

Не заговаривайтесь, моя дорогая! Мать! (фр.)

Мне страшно, Анатоль, мне страшно...(фр.)

Успокойся, все образуется! (бел.)

Так тому и быть (фр.)

Почему бы и нет? (фр.)

Так ранее называли детей личных, т.е. заслуженных дворян. Такие люди не имели права пользоваться титулом отца. Брак между потомственной дворянкой и таким дворянином не приветствовался в свете.

Превентивная мера! (фр.)

невестка (фр.)

Рождественское дерево (нем.)

имеется в виду старое поверье, что сразу же после дурного сна следует выглянуть в окошко и сказать «Уходи прочь, отпускаю тебя тому, от кого прислан».

Какое прелестное дитя! (фр.)

Рождественское дерево (нем.)

Между нами (фр.)

Говорят (фр.)

Моя дорогая графиня, не при девице, прошу вас! (фр.)

Всенощные на большие церковные праздники служились и в богатых домах, не только в церквях

Как мило! Бедная девочка! (фр.)

Свеча в окне во время Святков означало, что в этом доме готовы принимать ряженных.

Ах, молодость! (фр.)

при котором волосы в бакенбардах были длиннее и чуть отставали от щек

22 декабря

Бедная сиротка! (фр.)

кто знает? (фр.)

12 января

тут неделя выступает как старорусское название воскресенья

- Добрый день, князь.
- Добрый день. Как ваше здоровье ныне? Вы совсем не бережете себя, как я погляжу!
- Не ругайте меня. Я так хотела вас видеть. Пройдемся? (фр.)

Когда я мог отказать тебе? (фр.)

Ты спас мне жизнь, я благодарю тебя за это (фр.)

Я черствый эгоист (фр.)

У нее длинный язык (фр.)

Ну же, успокойся! (фр.)

рюмка алкоголя (фр.)

взяться за шантаж, шантажировать (фр.)

Правда? (фр.)

она хочет за него замуж (фр.)

Это невозможно (фр.)

Вы можете всегда на меня рассчитывать. Всецело (полностью) (фр.)

- Благодарю, мой князь. Я буду помнить об этом.
- Не надо меня благодарить, я так хочу (фр.)

— Береги нашу дочь. И будь счастлива.

— Ты тоже (фр.)

Уведите Элен! (фр.)

переносной столик

Неделя после Пасхи

Это жестоко! Жестоко! (фр.)

с самого начала (фр.)

В чем дело? (фр.)

клевета, наговор (фр.)

ясно, понятно (фр.)

Мой ангел, время ложиться спать. (фр.)

Имеется в виду Крестовский остров, где происходили традиционно народные гуляния в Петербурге.

Прошу простить меня, дамы! (фр.)

Я не знаю, что сказать (фр.)

Не пойман — не вор (фр.)

Что вы говорите? (фр.)

О, это ни с чем не может сравниться!

тестъ (фр.)

теща (фр.)

Не прелюбы сотвори (не прелюбодействуй).

Крестовоздвиженский монастырь в Нижнем Новгороде Монастырь считался местом прохождения [епитимийного](#)искупления для женщин, совершивших преступления против нравственности.

с самого начала (фр.)

Сырная седмица или Масленица следовала за Мясопустной.

Не говорите глупостей (фр.)

имеется в виду родительская суббота, когда совершается память всех усопших

из рук в руки (фр.)

позаботиться (бел.)

Плохо (бел.)

снять женщину (фр.)

До свидания, моя милая (фр.)

За твоё здоровье! И за твоё семейное счастье! (фр.)

стадия гнездования (фр.)

верно (фр.)

будь так добр (фр.)

Мой князь, обращаюсь к вам с просьбой. Когда-то давно вы сказали, что я могу рассчитывать на вашу помощь. И я прошу вас ныне помочь мне в моей беде. Умоляю вас, помогите, ибо только вы способны сделать это (фр.)

Простите меня, пожалуйста, мадам (фр.)

Убить (фр., нем., ит.)

Безумие! Это безумие! (фр.)

О-ля-ля, что же будет дальше? (фр.)

так иногда в те времена называли Флоренцию

Каковы безумцы, эта семья Ворониных! (фр.)

талантливая девочка (фр.)

именно замок, вообрази себе мое удивление! (фр.)

Избави Бог! (фр.)

красив, как бог (фр.)

Кумиры рушатся (фр.)

Вот и все! (фр.)

Так и есть (фр.)

Он...? (фр.)

Кончено (фр.)

Спокойной ночи, папочка! (фр.)

Быть буре (фр.)

миром правят судьба и прихоть (фр.) — Ла Рошфуко

Стыд и срам! (фр.)

этого невозможно сделать (фр.)

Вы городите чепуху! (фр.)

между нами говоря (фр.)

командир Преображенского полка с 1839 по 1843гг.

Прошу простить меня (фр.)

Не стоит! Пустяки! (фр.)

разве я ошибаюсь? (фр.)

Само собой разумеется (фр.)

Закон суров, но это закон (лат.)

Никто не несет наказания за мысли (лат.)

Уму не под силу долго разыгрывать роль сердца, правда, мадам? (фр.)

Старая любовь не ржавеет (фр.)

Грешна (фр.)

Тут: Пусть так и будет! (фр.)

Успокойтесь, княгиня, прошу вас! И говорите по-французски, слуги...

Подождите, подождите! (фр.)

Довольно! Ни слова более! (фр.)

Быть посему! Пусть будет так! (фр.)

Сегодняшний день (фр.)

Сегодняшний день (фр.)

КОНЕЦ ЖАТВЫ

долг платежом красен (фр.)

Тут: Пусть так и будет! (фр.)

Едемте! Едемте! (фр.)

Едемте! Едемте! (фр.)

Бегство от мира и его соблазнов (лат.)

первая ступень восхождения в монашество, далее — послушничество

К вашим услугам (фр.)

Суший вздор! Сущая нелепица! (нем.)

имеется в виду Рождество

Рождественское дерево (нем.)

Спасибо, моя милая (фр.)

Здесь: пожалуйста, не за что (фр.)

А остаться дома... совершенно одному... эти пересуды... (фр.)

Что случилось? В чем дело? (фр.)

13 сентября

Чудовище, Ужасный Князь (фр.)

Злые языки! (фр.)

мой дорогой внук (фр.)

Чудовище, Ужасный Князь (фр.)

Долг платежом красен (фр.)

речка рядом с крепостью Внезапная

посланники, послы (тюрск.)

заложник (тюркс.)

О-ля-ля, прелюбодеяние, возможно ли? (фр.)

Сказки (нем.)

Ах, это так прекрасно... и так печально! (фр.)

За примером недалеко ходить (фр.)

Труднее хранить верность той женщине, которая дарит счастье, нежели той, которая причиняет мучения (фр.)

Нередко женщины, нисколько не любя, все же воображают, будто они любят: увлечение интригой, естественное желание быть любимой, подъем душевных сил, вызванный приключением, и боязнь обидеть отказом — все это приводит их к мысли, что они страстно влюблены, хотя в действительности всего лишь ... (фр.)

романтическую внешность (фр.)

Богиня! Богиня! (фр.)

Быть может (фр.)

Конечно (фр.)

Пока угасающая страсть все еще волнует наше сердце, оно более склонно к новой любви, чем впоследствии, когда наступает полное исцеление (фр.) — Ла Рошфуко.

романическое содержание, канва (фр.)

Ревность питается сомнениями; она умирает или переходит в неистовство, как только сомнения превращаются в уверенность (фр.)

Женщины...(фр.)

Труднее хранить верность той женщине, которая дарит счастье, нежели той, которая причиняет мучения (фр.)

Себя не переделать! (фр.)

Когда человек любит, он часто сомневается в том, во что больше всего верит (фр.)

Парадокс (фр.)

Он действительно уезжает (фр.)

дуракам всегда счастье (фр.)

Вы сошли с ума (фр.)

Я сошел с ума от любви. К тебе! (фр.)

Большое спасибо, месье. Я согласна (фр.)

рай на земле (фр.)